

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

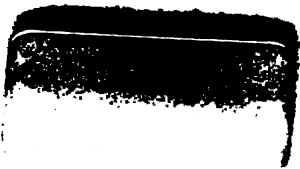
About Google Book Search

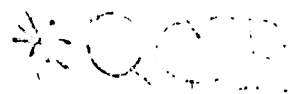
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07921007 0

7. 1-11 20. 17
2-17
7-9

8. 4-5
90-3
98-103
122-4

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1906 г.

ТОМА XI-го КНИЖКА 3-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и Н. А. Ринкера въ Санктпетербургѣ; Н. Я. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглобина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; М. В. Илюкина въ Москвѣ; Е. П. Рапопова въ Одессѣ; Н. Киммала въ Ригѣ; у Фессъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Алезанъ и Кооп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цена этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Содержаніе III-й книжки.

	СТРАН.
В. Ш. — Памяти А. Н. Веселовскаго.	I—V
I. А. Н. Веселовскій. — Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (Веронскомъ). I. Эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ въ составѣ саги о Тидрекѣ. II. Вильтины—велеты. III. Русская генеалогія саги о Тидрекѣ. IV. Ортнить и Илья русскій. Ортнить и Вольга. V. Илья греческій или изъ Герпеке? VI. Родословная вильтиновъ. Веландъ и Вади. VII. Отголоски финско-айтскаго эпоса. VIII. Вяттеге, Гейме и пѣсенный циклъ Эрманариха. Экскурсы. Приложение.	1—190
II. А. И. Никольскій. — Изъ литературной дѣятельности Арсенія Мацѣвича. Арсеній Мацѣвичъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. С.-Петербургъ. 1905 г. I—VII + 264 + 1—XXVIII.	191—204
III. Г. З. Кунцевичъ. — «Ябеда», комедія В. В. Капниста.	205—258
Изданія «Ябеды»: 1798 г. (14—18), 1849 г. (18—24), «Дешевой библіотеки», 1—4 изд. (24—32). Экземпляръ Щеникова (38). Рукописные экземпляры «Ябеды», II, и II (33—58). Измѣненія текста II, въ изданіи 1798 г. (54—57). Добавленія къ тексту II, въ изданіи 1798 г. (57—60). Описка II, (60). Опечатка изданія 1798 г. (60—61). Знаки преединанія въ изданіи 1798 г. (61—62). Заключение. (62). Приложенія. (62—68).	
IV. И. С. Свѣнцицкій. — Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. <i>Памяти Александра Николаевича Пыпина.</i>	259—367
Введеніе: Предварительная замѣтка по поводу слова «карпаторусскій». Мнѣнія карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота нѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача (259—267). Глава I: Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи (267—303). Глава II: Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппенъ, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными. Чисто-научный характеръ этихъ сношеній въ первую половину XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси (303—337). Глава III: Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угрорусскихъ писателей. Отношеніе галицкорусскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство Карпатской Руси съ русской литературой. Заключение—связь разсмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ (337—367).	

[Продолженіе см. на 3-ей страницѣ обложки].

Coal potess' io ben chiuder in versi
I miei pensier, come nel cor li chiudo.

— *Petrarca*

10-го октября скончался Александръ Николаевичъ Веселовскій. Не стало великаго русскаго ученаго и одного изъ крупнѣйшихъ представителей европейской теоретической мысли.

Значеніе совершившагося, однако, едва ли отчетливо сознается бѣльшей частью русскаго общества, несмотря на появлявшіяся еще при жизни Александра Николаевича замѣтки и статьи о немъ, въ которыхъ изображалась его дѣятельность и уяснялись ея результаты. Тѣмъ глубже проникаетъ скорбь въ сердце каждаго, кто зналъ ближе этого удивительнаго челоука, тѣмъ тяжелѣе ощущается горе всякимъ, кому знакомы ближе золотыя страницы его трудовъ, на чьихъ глазахъ совершалась эта титаническая творческая работа.

«Школа» Веселовскаго осталась бы въ долгу передъ русскимъ обществомъ, если бы она не попыталась объяснить ему сызнова, точнѣе и полнѣе, чѣмъ это было сдѣлано раньше, значеніе понесенной имъ утраты, вы-

яснить, насколько онъ дѣйствительно былъ и долженъ быть ему близокъ.

Только не теперь, не передъ едва закрывшейся могилой говорить объ этомъ. Когда закроется рана, любовь и истина продвигаютъ страницы, достойныя учителя. Всякая же «общая» оцѣнка пока едва ли имѣетъ значеніе: для кого она важна при данныхъ условіяхъ?

Теперь хотѣлось бы иного.

Не вѣрится, чтобы смерть могла настичь того, кто былъ весь жизнь, весь движеніе.

Такимъ онъ продолжаетъ все еще стоять въ воображеніи знавшихъ его.

Такимъ хотѣлось бы задержать его въ памяти, закрѣпляя отдѣльныя подробности его духовнаго облика.

Онъ былъ ученымъ, прежде всего, но ученымъ-гуманистомъ, въ лучшемъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, ибо мы зачастую разумѣемъ подъ ученымъ специалиста. Жажда истины, постоянное пребываніе въ атмосферѣ идеальныхъ отношеній, глубокая вдумчивость, неизсякаемая энергія исканія, тонкій скепсисъ человѣка, страстно любящаго истину, накладывали совершенно особый отпечатокъ на его отношеніе къ себѣ, своему дѣлу и всему окружающему, вплоть до мелочей жизни. Наука была для него той же жизнью. Гуманистъ не устранился жизни, любя ее и болѣя ею, но его запросы шли дальше, въ сторону болѣе постоянныхъ отношеній.

Въ научной работѣ эти особенности психической

организации Александра Николаевича сказывались в стремлении к широкой постановке вопросов и в неумолимом, суровом критическом анализе материала, не допускавшем никаких готовых схем, никаких принятий на веру положений других авторитетных исследователей. Работа была для него серьезным, а бы сказал, священным актом. Превосходное знание массы языков, огромная почитанность в предметах различных научных дисциплин способность глубоко вживаться в изучаемую эпоху, поразительное умение сопоставлять явления дали ему возможность блестяще осуществить те требования, которые он предъявлял к научной работе. Этим путем получились богатейшие выводы Поэтики, исследований по итальянскому Возрождению, русской народной поэзии, новой литературы и т. п.

Но работа была для Александра Николаевича не только призванием, высоким делом; она была страстью, мукой и наслаждением, которым он отдавался как художник, как артист. Вспоминается невольно, как он любил работать под звуки музыки, в обстановке красиваго пейзажа или освещенія. Работа — творческий акт. Это чувствовалось в построении его университетских лекцій, отдельные эпизоды которых падали подчас блестящія импровизации, это переживал каждый в его аудитории, это чувствуется в темпе и расположении мысли многих из его работ, особенно специального содержания. Их тон в началѣ

иногда ровень и спокоенъ; но это продолжается недолго; авторъ съ трудомъ сдерживаетъ себя, чтобы наконецъ дать волю мысли, которая, почувствовавъ себя свободной, съ неудержимой быстротой стремится впередъ, сильная и смѣлая, минуя промежуточные послышки, излишнія подробности, давая красивыя и выпуклыя положенія, прибѣгая къ совершенно неожиданнымъ подчасъ сопоставленіямъ, намѣчая попутно новые вопросы или, попутно же, прихотливо ихъ разрабатывая, чтобы, наконецъ, успокоиться въ конечномъ выводѣ, открывающемъ заманчивыя просвѣты и перспективы впередъ, въ даль новыхъ вопросовъ. Это потокъ, внезапно прерывающій свое теченіе, чтобы броситься внизъ со скалы, разлетѣться миллионами сверкающихъ брызгъ и вновь успокоиться въ широкомъ ложѣ, по которому онъ направитъ свой бѣгъ, отражая окружающій пейзажъ.

Но иногда самыя свойства обрабатываемаго материала обезнечивали или требовали болѣе выдержки, болѣшаго спокойствія. Въ такихъ случаяхъ особенно ярко сказывались тонкая эстетическая организація Веселовскаго — стилиста и его талантъ психолога. Энергія мысли сочеталась тогда съ красотой формы, въ которую она облекалась. Я напому Villa Alberti, работы о Боккаччо, Петраркѣ и Жуковскомъ. Яркія историческія картины чередуются съ живыми характеристиками и страницами глубокаго психологическаго анализа его героевъ, блестящими характерными

особенностями нервнаго, сильнаго и красочнаго стиля Веселовскаго, по которымъ всегда можно отличить руку мастера. Онъ видѣлъ эту жизнь и этихъ людей передъ собою; они живутъ и передъ читателемъ.

Тотъ подъемъ, который переживалъ художникъ научной работы и который чувствуется постоянно въ его мысли, въ его словѣ, сообщаетъ какое-то особое обаяніе, особую, бодрящую прелесть его трудамъ, заражая читателя готовностью отдаться работѣ и исканію научной истины. Въ непосредственномъ общеніи съ Александромъ Николаевичемъ это обаяніе чувствовалось еще сильнѣе, поддерживаемое рѣдкой доступностью, привѣтливостью и готовностью помочь всякому серьезному начинанію.

Образъ этого удивительнаго человѣка еще у всѣхъ передъ глазами.

Тѣми немногими, бѣдными словами, которыми я очертилъ его, я хотѣлъ лишь нѣсколько задержать на немъ вниманіе тѣхъ, кому онъ близокъ, и дать лишній разъ поводъ всмотрѣться въ дорогія черты. Любовь и скорбь объясняютъ это желаніе.

Его нѣтъ среди насъ, но свѣтлый обликъ страстнаго и неутомимаго искателя истины останется съ нами.

Non omnis mortuus est.

В. III.

Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (Веронскомъ) ¹⁾.

I.

Эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ въ составѣ саги о Тидрекѣ.

Сага о Тидрекѣ, составленная въ половинѣ XIII вѣка, сохранилась въ неполной пергаменной рукописи второй половины того-же вѣка = М, въ двухъ спискахъ XVII вѣка исландскаго происхожденія = А, В, и въ шведскомъ переводѣ XV столѣтія = Sv. Работы Унгера, Сторма, Трейтлера, Клокгофа, Edzardi, Boer'a, Mogk'a, Бертельсена ²⁾ и др. направлены были къ разъ-

1) Предлагаемое изслѣдованіе составляетъ переработку моего прежняго, появившагося въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1896 г., авг., подъ заглавіемъ: «Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Дитрихѣ Бернскомъ». Въ приложеніи напечатаны соответствующіе эпизоды саги въ переводѣ моихъ слушателей 1885—1886 гг. См. мою замѣтку: «Кіевъ—градъ Днѣпра», Ж. Мин. Нар. Просв., 1887 июнь, стр. 299, прим. 1.

2) Unger въ предисловіе къ своему изданію саги: *Saga Didriks konungr af Bern* udg. af Unger, Christiania 1853; Gustav Storm, *Sagnkredsene om Karl den Store og Didrik af Bern hos de nordiske Folk*, Christiania 1874; Döring, *Z. f. d., Phil.* III; Hugo Treutler, *Zur Thidreksaga*, Germania XX (1875); G. Storm, *Nye Studier over Thidreks saga* въ *Aarbøger for nordisk Oldkyndighet og Historie* 1877, стр. 297 слѣд.; Oscar Klockhoff, *Studier öfver Þidreks saga af Bern* (оттискъ изъ *Upsala Universitets Årsskrift* 1880, *Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper* VI); Edzardi, *Germania* XXVI, стр. 242 слѣд.; Boer, *Ueber die Þidreks saga* въ *Ark. för nordisk filologi* VII B., 205 слѣд. (1891); онъ же: *Þidreks saga u. Niflungasaga* въ *Za. f. deutsche Philologie* XXV (1893 г.), стр. 493 слѣд.; онъ же

ясненію генеалогическихъ отношеній дошедшихъ до насъ текстовъ саги. Главный интересъ сосредоточивается на вопросѣ о составѣ пергаменнаго текста. Въ немъ различаютъ двухъ смѣнившихъ другъ друга редакторовъ: первый довелъ свое дѣло до половины 196-й главы = М¹, второй = М² вставилъ, начиная съ 152 главы, нѣсколько листовъ въ рукопись своего предшественника, а съ 196-й продолжалъ его, порой съ противорѣчіями (въ разсказѣ о смерти Озантрикса), повторяя, въ нѣсколько иной версіи, уже разсказанное (эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ), обнаруживая знакомство съ литературой нѣмецкихъ поэмъ и пошедшихъ отъ нихъ сѣверныхъ рættir, не заботясь о художественномъ планѣ. Какъ объяснить эту двойственность М¹ и М², составляющихъ нынѣ одно внѣшнее цѣлое = М? Мыслимы и предложены были двѣ гипотезы: М¹ представляетъ копию съ оригинала, оставшуюся отрывкомъ; М² взялся за тотъ-же оригиналъ, распространилъ его. Но можно перенести эту двойственность и къ началу генеалогіи: первичная сага о Тидрекѣ могла сохраниться въ двухъ видахъ, краткомъ и распространенномъ, S¹ и S²; отъ перваго пошелъ М¹, отъ втораго М². Отъ того или другаго предположительнаго построенія зависитъ и оцѣнка и мѣсто А, В и Sv въ генеалогіи текстовъ: при первой гипотезѣ исландская переработка, отъ которой пошли указанные тексты, пользовалась М¹ и М², при второй Sv и оригиналъ А и В восходятъ къ S². Я не касаюсь здѣсь вопроса о вторичныхъ интерполяціяхъ въ текстъ саги, обличающихъ романтическіе вкусы интер-

---

въ Ark. f. nord. filologi XVII (1901), стр. 339 слѣд.; онъ-же: Untersuchungen über d. Ursprung u. die Entwicklung der Nibelungensage IX слѣд. въ Zs. f. deutsche Philol. XXXVIII, стр. 39 слѣд. (1906 г.); Finnur Iónsson, Den oldnordiske og oldislanske litteraturs historie II, стр. 847 слѣд. (1901 г.); Mogk, Grundriss der germ. Philologie², II B., стр. 859 слѣд.; Bertelsen, om Didrik af Berns sagas oprindelige skikkelse, omarbejdelse og håndskrifter, København 1902; отчеты объ этой книгѣ: Воер'а въ Zs. f. deutsche Philol. XXXVI, стр. 126 слѣд. и Mogk'а въ Ark. f. nord. filol. XVII (1904), стр. 81 слѣд.—Шведскій переводъ саги издавъ Gunnar Olaf Hultén—Cavallius, Stockholm 1850—4 г.; новое изданіе старосѣвернаго текста принадлежитъ Бергелсену (Didriks saga af Bern udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, København 1905.

полятора. Несущественнымъ для меня является и вопросъ, исландскому-ли редактору принадлежит прологъ къ сагѢ (Mogk, Boer), или онъ древнѣе (Bertelsen, Jonsson). По словамъ этого пролога задачей собирателя было рассказать одну изъ великихъ сагъ, существующихъ на нѣмецкомъ языкѣ, о Тидрекѣ и его витязяхъ, «о Сигурдѣ, убійцѣ Фэфни, Нифлунгахъ, Вильтинахъ, Русскихъ, Гуннахъ и многихъ другихъ конунгахъ и витязяхъ». Сѣверные люди (датчане, шведы, норвежцы) собрали многія изъ этихъ преданій, инныя переложили въ пѣсни, которыми потѣшаются еще старыхъ людей: «о Сигурдѣ, убійцѣ Фэфни, о Вельсунгахъ и Нифлунгахъ и ковачѣ Велентѣ и его братѣ Эгилѣ и королѣ Нидунгѣ»; при множествѣ пересказовъ нечего удивляться, что они порой разногласятъ въ цитатахъ и событіяхъ, но содержаніе ихъ почти одно и то же. А эта сага составлена по рассказамъ нѣмецкихъ людей, и частью по ихъ пѣснямъ, которыя давно были сложены, тотчасъ послѣ событій, какъ говорится въ этой сагѣ. И если взять по человѣку отъ всѣхъ городовъ Саксоніи, всѣ стануть сказывать ее на тотъ-же ладъ; тому причиной ихъ древнія пѣсни. Послѣдняя замѣтка повторена, и съ тѣмъ-же объясненіемъ, въ 394-й главѣ саги: нѣмецкіе люди, на которыхъ ссылается составитель саги, были родомъ изъ Соэста, Бремена и Мюнстера, и сами видѣли въ Соэстѣ тѣ мѣстности и сооруженія, къ которымъ привязалось преданіе о гибели Нифлунговъ. Всѣ эти сказанія собираются въ нашей сагѣ вокругъ центральной фигуры Тидрека; «было въ то время (Тидрека) много и другихъ конунговъ, продолжаетъ прологъ, но эта сага говоритъ болѣе всего о немъ и его витязяхъ».

Согласно съ этимъ рассказъ начинается съ его предковъ и кончается легендой о его таинственномъ исчезновеніи; въ этихъ рамкахъ развертывается передъ нами въ своеобразной, порой механической компиляціи, матеріалъ нѣмецкаго эпоса. Послѣдній могъ быть знакомъ автору и не въ тѣхъ версіяхъ, которыя дошли до насъ, но не этимъ однимъ объясняются порой отличія его пересказа, а и приемами составителя, которому приходилось

сплочать, приспособлять, украшать. Такъ заглухшее въ Германіи сказаніе объ Иронѣ охотникѣ обнаруживаетъ въ передачѣ саги, въ именахъ и положеніяхъ, вліяніе иноземныхъ литературныхъ источниковъ; такъ рассказъ о прадѣдѣ Тидрека, Самсонѣ, именно эпизодъ объ увозѣ имъ Гильдисвиды (гл. 1, слѣд.), могъ принадлежать древней нѣмецкой пѣсенной традиціи (хотя засвидѣтельствованной лишь поздними датскими и шведскими балладами), или захожему (романскому?) преданію, что не гарантируетъ его исконную принадлежность къ циклу Тидрека.

За главами, посвященными его роду и юности (гл. 1—21) слѣдуетъ непосредственно рассказъ о борьбѣ вильтиновъ и русскихъ; но связь этого отдѣла съ Тидрекомъ устанавливается лишь позднѣе на почвѣ войнъ русскихъ, овладѣвшихъ царствомъ вильтиновъ, съ Аттилой, который и проситъ Тидрека придти къ нему на помощь—по дружбѣ (гл. 135; сл. гл. 290 слѣд.). Связь, несомнѣнно принадлежащая компилятору и едва-ли знакомая нѣмецкимъ людямъ, о которыхъ упоминаетъ прологъ.

Иные изъ этихъ рассказовъ могли быть верхне-нѣмецкаго происхожденія, но и они примѣнялись къ ниже-нѣмецкой мѣстности, что опредѣлило и географическое міросозерпаніе саги. Ея Аттила царитъ не въ Венгріи, не въ Панноніи (Etzelburg), а, согласно съ древнимъ саксонскимъ приуроченіемъ, въ Вестфаліи, а именно въ Соэстѣ: Susat, Šušit арабскаго географа IX вѣка, Жижать, Жать торговаго договора между Ригой и Готландскимъ берегомъ¹⁾; преданіе саги (гл. 394) о змѣиной башнѣ въ Соэстѣ сохранилось тамъ до XVI вѣка. Въ царствѣ Аттилы находится и Брандинабургъ = Бранденбургъ (гл. 291 М²⁾). Согласно съ этимъ представленіемъ о Гуналандѣ, опредѣляется и положеніе области Нифлунговъ къ югу, на Рейнѣ; къ востоку отъ царства Гунновъ—Польша, за ней Русь; къ сѣверо-западу

1) Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 124—5.

2) Счетъ главъ идетъ по изданію Унгера; кое-гдѣ я присоединяю указаніе на принадлежность той или другой къ первой (М¹) или второй половинѣ текста (М²).

отъ Руси страна вильтиновъ. Вильтиналандъ и Гуналандъ, Русь и Польша—вотъ арена, на которой главнымъ образомъ развертывается дѣйствіе саги въ эпизодѣ, посвященномъ вильтинамъ и русскимъ. Здѣсь составитель саги могъ руководствоваться ниже-нѣмецкими рассказами — пѣснями, мѣстными историческими или эпическими сказаніями, или и заужими, но усвоенными по аналогіи и смѣшенію. Исслѣдователю трудно обратиться въ этой амальгамѣ, рѣшить, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, составлялась-ли она на почвѣ нижненѣмецкаго преданія или уже въ районѣ саги, различить въ послѣдней моменты нижненѣмецкаго или сѣвернаго приуроченія, опредѣлить размѣръ личныхъ комбинацій составителей, особенно М². Въ слѣдующемъ я не даю рѣшенія этихъ вопросовъ, а лишь указываю на направленіе, въ которомъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ его искать — въ чертѣ эпизода о вильтинахъ и русскихъ.

Конунгъ Вильтинъ, славный удачей на войнѣ и храбростью, завладѣлъ всѣми странами, что назывались Вильтиналандъ, а теперь зовутся: Svírið, Готландія, земли, подвластныя шведскому конунгу, Шоненъ, Зеландъ, Ютландъ, Винландъ (вар. А, В: Виндландъ). Таковъ обычай повѣствованія въ этой сагѣ, что по имени перваго властителя называются страна и народъ. Такъ по Вильтину — Viltinaland и Viltinamenn, пока другой народъ не завладѣлъ страной, а вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣнилось и ея названіе (гл. 21).

Такого «обычая» сага, однако, въ другихъ случаяхъ не соблюдаетъ. Очевидно, не народъ и не страна получили названія отъ Вильтина, а онъ могъ явиться ихъ эпонимомъ. Составителю саги принадлежитъ, вѣроятно, приуроченіе владѣній Вильтина къ Швеціи и Давіи; исключеніе составляетъ Vindland, А, В — вар. къ Vinland, что, быть можетъ, относитъ насъ къ области между Виндавой и Западной Двиной. Гольтгаузенъ¹⁾ включаетъ во владѣнія Вильтина и Финляндію на основаніи гл. 25 М²: собираясь въ

1) Holthausen въ Paul u. Braune's Beiträge IX, 489—490.

походъ въ страну вильтиновъ, русскій король Гертнитъ ѣдетъ изъ Новгорода къ сѣверу; въ дублетѣ М¹ гл. 24 (у Унгера) указанія на сѣверъ нѣтъ; съ другой стороны въ гл. 23 М² разсказывается о побѣдѣ короля Вильтина моремъ на востокъ (austveg); такъ и въ М¹; на пути онъ спознался съ морской дѣвою, и плодомъ этого союза былъ Vadi, отецъ Велунда. М¹ помѣщаетъ этотъ эпизодъ въ Ruszialand.

Если Ruszialand (съ Новгородомъ) и Viltinaland раздѣлены моремъ, то вѣроятнѣе мнѣніе Storm'a¹⁾, что по воззрѣнію составителя саги Вильтиналандъ обнимала, кромѣ Швеціи и Даніи, еще и вендскія земли между Эльбой и Одеромъ. Я полагаю, что ее слѣдуетъ представить себѣ далѣе къ востоку, по южному балтійскому побережью и внутрь по теченію Западной Двины.

Гл. 22 М¹: король Гертнитъ (и его братъ Hirdir; въ Sv вмѣсто Hertnit'a—Herding, Herdink) царитъ надъ Русьяландомъ, большей частью Греціи и Венгріи и почти надъ всѣмъ востокомъ и завоевалъ почти всѣ страны на востокъ до моря и многіе у восточнаго моря. Вильтинъ ѣдетъ на него войною, побѣдилъ русскихъ, опустошилъ Smaland (М²: опустошалъ Польшу—Pulinaland и всѣ царства—rióðlaend—до моря; А, В: Sialand и всѣ земли до моря)²⁾, а на Руси овладѣваетъ Смоленскомъ, Киевомъ и Полоцкомъ (Smalisku, Kiu ok Palltaeskiu; М²: Smalinzkiu oc Pulltiskiui)³⁾ и вѣзжаетъ въ столицу Гертнита—Holmgard—Новгородъ (Sv: Nogard). Въ битвѣ подъ Новгородомъ палъ братъ Hertnit'a, Hirdir; Гертнитъ становится данникомъ Вильтина.

У Вильтина два сына: Нордіанъ и знакомый намъ Вади

1) Storm, Nye Studier I. с. стр. 329—330.

2) Sialand по гл. 21 М² уже принадлежитъ Вильтину; поводомъ къ ошибкѣ могло служить rióðlaend, понятое какъ rióð, rióði = сѣверо-западная оконечность Ютландіи, нынѣ Thy (сл. Egilsson и Vigfusson п. сл. rióð, rióði, rióða). Но и Ютландія (гл. 21) находилась во владѣніи Вильтина.

3) Palteskia и Smalenzkia у аббата Николая (XII в.); Palteskia — Полтескъ въ сагахъ объ Orvarodd'ъ, Eimund'ъ и въ Kristnisaga'ъ; Pallteakja ok Koennagardar въ Garðariki (въ скольгольтской книгѣ). Въ хроникѣ Генриха Латыша: Smalenceke, Smalenseke, Smalenceka, Plosceke.

(гл. 23). По смерти Вильтина воцаряется Нордіанъ, Гертнитъ идетъ на него войною и не только освобождается отъ зависимости, но и подчиняетъ своей власти врага. Нордіану предоставленъ (гл. 25) Sialand (M¹) или Svíriód (M²), а страна Вильтиновъ переходитъ къ Гертниту, а позже къ его сыну Озантриксу; другому сыну, Вальдемару, Гертнитъ отдалъ (гл. 26) Ruscialand oc Pulaernaland (M¹; M²: Rucziland oc Pulinaland), и онъ царитъ почти надъ всей восточной половиной свѣта (M¹; M²: надъ всей восточной половиной его царства); третьяго сына, Илью (Ilias), онъ поставилъ ярломъ въ Греціи (M¹; M² прибавляетъ: онъ былъ большой главарь, hoefdingi, и могучій витязь; Sv: Ilias gjorde han til greffere oc gaf hanum grekana land; Ilias aff Grekon). Въ гл. 25 говорится объ Ильѣ, что онъ прижитъ былъ отъ наложницы (M¹; M² прибавляетъ: онъ былъ красивъ и вѣжливъ, kurteisligr). Озантриксъ женится на Одѣ, дочери короля гунновъ Мелиаса, которую увозитъ (гл. 29 и т. д.); когда по смерти Мелиаса Аттила завладѣваетъ его царствомъ, которое должно было перейти къ Озантриксу, какъ его зятю, и потомъ похищаетъ дочь Озантрикса, Эрку (гл. 39—56), это даетъ поводъ къ войнамъ между нимъ и королемъ Вильтиновъ. О нихъ разсказывается въ гл. 134 слѣд.; въ 144 гл. Озантриксъ убитъ; M², вступающій въ текстъ съ 196-й главы, на которой обрывается M¹, не соглашается съ своимъ предшественникомъ: въ главѣ 278 Озантриксъ еще въ живыхъ, ведетъ войну съ Аттилой и убитъ. Ему наследуетъ его сынъ Гертнитъ (гл. 291—92); Вальдемаръ владѣетъ Гольмгардомъ (гл. 293), но въ его владѣніяхъ оказываются и Полоцкъ, и Смоленскъ (гл. 310, 312). Войны съ Аттилой продолжаются, Владимиръ убитъ подъ Смоленскомъ (312), Полоцкъ взятъ и разрушенъ до основанія (313). Братъ Вальдемара становится вассаломъ Аттилы.

Какія историческія отношенія лежатъ въ основѣ этихъ сказаній о войнахъ Вильтиновъ съ Русью, русскихъ съ гуннами? Первые разсказы еще внѣ того эпического круга, который охватилъ всю сагу: круга сказаній о Тидрекѣ; во вторыхъ уча-

ствуеть и Тидрекъ, онъ и повлекъ за собой гунновъ, какъ враговъ Руси. Эти эпическія отношенія необходимо отвлечь, чтобы поставить вопросъ объ историческомъ субстратѣ сказанія.

Мюлленгофъ¹⁾ предположилъ, что сага о Вильтинѣ, какъ эпонимъ славянскихъ Вильцевъ, сложилась среди Саксовъ, вѣроятно, въ IX или X вѣкѣ. Storm²⁾ подробно развиваетъ этотъ взглядъ: Сказанія о Вильтинѣ и Вильтинахъ отражаютъ войны Саксовъ съ Вендами (Вильцами и Поляками) и Датчанами, начиная съ X вѣка. Разумѣется, вендскія племена между Эльбой и Одеромъ не составляли одного царства, тѣмъ менѣе соединены были съ Даніей, какъ представляетъ это сага, но датчане въ союзѣ съ вендами часто воевали съ саксонскими королями и императорами; саксы приучились смотрѣть на своихъ сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей-язычниковъ, какъ на прирожденныхъ враговъ, и въ ихъ гѣсняхъ они явились подъ однимъ общимъ именемъ. Стоитъ подставить на мѣсто Аттилы Оттоновъ II и III и Генриха II, и историческая подкладка саги будетъ ясна. Аттила вторгается въ страну вильтиновъ, Озантриксъ посылаетъ сказать о томъ въ Зеландъ своему вассалу Аспиліану, который разбитъ Гуннами (гл. 45); оттуда Аттила идетъ на югъ, въ Ютландію, и побѣждаетъ Озантрикса въ гѣсу, на границѣ Даніи и Гуна-ланда (гл. 46). Не напоминаетъ-ли все это походъ Оттона II въ Ютландію противъ Гаральда Блотанда, союзника вендовъ, и бой подъ Давевирке (въ 975 году)? Долгое время спустя король Вильтиновъ вторгается въ Гуналандъ, опустошаетъ страну, беретъ Брандинаборгъ, но Аттила и Тидрекъ отвоевываютъ городъ и подъ его стѣнами наносятъ поражение Вильтинамъ, причѣмъ убить Озантриксъ, Аттила потерялъ 500 витязей, Тидрекъ 50 (гл. 291 слѣд.). Stormъ сравниваетъ событіе 983 года: полупокоренные, полукрещенные Вильцы поднялись противъ Саксовъ, бросились на пограничные бургы и церкви, взяли Бран-

1) Müllenhoff, Zeugn. u. Excurs., XXIII, стр. 341—2.

2) Storm, Nye Studier, стр. 311 слѣд.

денбургъ, жителей котораго перебили или увели въ плѣнъ, но маркграфъ Дитрихъ съ другими маркграфами нанесли поражение врагамъ; Вильцы потеряли 3000 человекъ, Саксы всего трехъ. По смерти Озантрикса, Вальдемаръ, король Руси и Польши, вторгается въ землю гунновъ (гл. 293 слѣд.), Аттила переноситъ войну въ Польшу (въ сагѣ гл. 294 M²: i Ruziland; i riki Vilcinalannz oc Ruzilanz; i Vilcinalande=A, B: Pulinalandi), но разбитъ; Тидрекъ заключенъ непріятелями въ крѣпость, Аттила освобождаетъ его, и война кончается взятіемъ Полоцка, смертью подъ Смоленскомъ Вальдемара, братъ котораго покоряется побѣдителю. Весь этотъ рассказъ отражаетъ, по мнѣнію Сторма, войны Генриха II, только въ сильно преувеличенномъ видѣ. Вальдемаръ—это современникъ Генриха II, Владимиръ Великій, но смѣшанный съ Болеславомъ польскимъ, который въ 1016—1018 былъ сюзереномъ Святополка, посаженнаго имъ на престолъ; оттого Вальдемаръ и является королемъ Руси и Польши. Этотъ Болеславъ-Вальдемаръ велъ продолжительныя войны съ саксонскими королями (нѣмецкими императорами); правда, исторія не знаетъ громкихъ побѣдъ Генриха II; даже послѣдній его походъ въ Польшу въ 1017 году, приготовившій изъявленіе покорности со стороны поляковъ (1018 г.), былъ неудаченъ и крѣпость Нѣмцы не могла быть взята; но все это забылось со временемъ, помнился лишь результатъ походовъ, и житіе Мейнверка, поправляя исторію, могло утверждать, что въ 1017 году Генрихъ покорилъ Польшу, Чехію и Моравію. Такъ какъ Болеславъ былъ въ то время польскимъ и русскимъ королемъ, то, рассказывалось впоследствии, что саксонскій король (Аттила) покорилъ и Русь и Польшу, а русскій палъ въ битвѣ подъ Смоленскомъ; Смоленскъ и Полоцкъ естественно подсказывались сагѣ, какъ города, лежавшіе на ганзейскомъ пути. Эти то историко-поэтическія сказанія о походѣ саксовъ на восточныхъ славянъ смѣшались съ южной сагой объ Аттилѣ и Тидрекѣ, приурочившейся къ Саксоніи и здѣсь нашедшей дальнѣйшее развитіе; ничто не мѣшаетъ предположить, что сказанія эти здѣсь же

нашли и свое поэтическое выражение, скорѣе въ 1150 — 1250 годахъ, чѣмъ ранѣе.

Комментируя русскій эпизодъ саги о Тидрекѣ, Стормъ ставится на точку зрѣнія ея ниже-нѣмецкихъ эпическихъ источниковъ; нѣкоторыя изъ его сопоставленій (напримѣръ, взятіе Бранденбурга въ 983 году и уравниеніе Тидрека съ маркграфомъ Дитрихомъ) указываютъ на несомнѣнныя историческія воспоминанія; но его гипотеза Владимира-Болеслава не разъясняетъ, почему именно Владимиръ русскій выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, почему Польша — Pulinaland является въ сагѣ на второмъ мѣстѣ сравнительно съ Русью, когда мы ожидали бы обратнаго — по связи съ Болеславомъ. Имя Владимира ждетъ объясненія изъ русскаго, южнаго или сѣвернаго, преданія.

Иначе смотреть на занимающій насъ эпизодъ саги Гольтгаузенъ¹⁾. По его мнѣнію, ея составитель представилъ себѣ грандіозное царство Вильтина въ чертахъ историческихъ отношеній конца XII и начала XIII столѣтій. Кнуть V, король датскій, принудилъ померанскаго герцога Болеслава къ изъявленію покорности, подчинилъ Оботритовъ, побѣдилъ въ 1191 году Эстовъ и Ливовъ и завоевалъ въ 1200 г. Дитмаршъ. Его преемникъ Вальдемаръ (съ 1202 г.) занялъ Лауенбургъ и замки графа Адольфа по правому берегу Эльбы, не разъ побѣждалъ Эстовъ и до 20-хъ годовъ XIII вѣка властвовалъ надъ Мекленбургомъ, Помераніею, Шлезвигомъ, Рюгеномъ и славянскими и финскими племенами на югъ и востокъ отъ Балтійскаго моря до Фянскаго залива.

Какъ видно, Гольтгаузенъ смотритъ на географическія и историческія отношенія саги глазами ея сѣвернаго составителя, котораго могли интересовать сѣверныя, спеціально датскія отношенія. Я попытаюсь стать еще разъ на точку зрѣнія его источниковъ, предполагаемыхъ ниже-нѣмецкихъ пѣсенъ и сказаній.

---

1) I. c., стр. 492—3.

II.

Вильтины—велеты.

Я принялъ въ текстъ: Вильтинъ, Вильтиналандъ, согласно съ ркп. А и В (въ М¹ М²: Vilcinus, Vilcinaland; въ Sv: Wilkinus, Velcinus и др.), считая эту форму болѣе древней: Wiltinus такой же эпонимъ вельтовъ-велетовъ¹⁾, какъ Wisinnus у Саксона Грамматика (кн. VI), котораго Старкадъ убилъ на Руси, эпонимъ Веси: вьсинъ²⁾. Уже Птолемей упоминаетъ народъ Вельтовъ, Ουέλται (I. III, с. 5) на востокъ отъ Вислы за вендами, населявшими ближайшую часть побережья вендскаго залива. Шафарикъ³⁾ опредѣлилъ ихъ древнія осѣдлости на прусскомъ поморьѣ между устьемъ Вислы и Нѣмана, или Виндавы; Мюлленгофъ, видѣвшій въ нихъ жмудь, по обѣ стороны Довезе и верхней Виндавы⁴⁾; О. А. Браунъ считаетъ венетовъ, *венетовъ древнимъ обозначеніемъ всего славяно-балтійскаго племени, усматривая отраженіе ихъ имени и въ вятичахъ⁵⁾— и въ птолемеевскихъ Ουέλται, — опискѣ вм. Ουένται; послѣднихъ онъ помѣщаетъ между Виндавой и Западной Двиной, въ области, гдѣ жило леттское племя, принявшее отъ рѣки (Winda = Виндава) имя вендовъ, Wentini, какъ и теперь еще зовутся прибрежные обитатели ни-

1) См. Vilkinus—король алановъ на Эльбѣ въ *Aulacum vetus saxonicum* у *Rasmann'a*, *Deutsche Heldensage* II, 156.

2) См. мои Мелкія замѣтки къ былиннамъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XXXII, отд. 2, стр. 196 слѣд. См. Axel Olrik, *Nogle Personennavne i Starkadigtningen* въ *Festskrift til Vilhelm Thomsen* (K-hvn 1894), стр. 118—20.

3) Шафарикъ, *Слав. древности*, пер. О. Бодянскаго, т. II, кн. 3, стр. 87 слѣд.

4) *Müllenhoff*, *Deutsche Alterthumskunde* II, 24.

5) Противъ этого сблженія, предложеннаго уже Гильфердингомъ, высказался *Brückner* въ *Arch. f. slav. Philol.* XXII, 246.

зовьевъ Виндавы¹⁾; нынѣшнее названіе области Winda, очевидно, уже Windland'a, входившаго въ составъ царства Вильтина.

Спустя нѣсколько столѣтій (съ 798 по 1157 г.), мы встрѣчаемъ народъ велетабовъ или вильтовъ, вильцевъ, западнѣе на томъ же балтійскомъ побережьи между рѣками Варной и Одеромъ и Гавелемъ (отъ средняго теченія Эльбы и Одера до Рюгена²⁾). Я не послѣдую за Шафарикомъ и Гильфердингомъ, искавшими (славянскихъ) вельтовъ въ Нидерландахъ, Фризіи и Британніи; загадочна и страна Velida, упоминаемая Лукой Давидомъ, которую Шафарикъ полагаетъ у устьевъ Одера³⁾; важнѣе указаніе на пережитки «птолемеевскихъ» вельтовъ въ Самландѣ: въ прусскихъ грамотахъ XIII в. попадаетъ мужское имя Welot⁴⁾.

Птолемеевскихъ вельтовъ Шафарикъ, Гильфердингъ и Нидерле⁵⁾ считаютъ славянами, Мюлленгофъ айстами (Aestii Тацита, Aesti Иордана), т. е. принадлежащими къ летто-литовскому или балтійскому племени⁶⁾; согласно съ этимъ и ихъ племенное названіе было бы балтійскаго происхожденія, хотя Much полагаетъ, что оно могло быть дано имъ и германцами: *wélrai, *welpos = ferī, indomiti (готск. wilpeis)⁷⁾. При славянской гн-

1) О. Браунъ, Разысканія въ области готско-славянскихъ отношеній, стр. 252—3, 332 слѣд., 376; Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes (SPb. 1892), стр. 177 слѣд., 193 слѣд.; 334 слѣд.

2) Шафарикъ, l. c., стр. 31 слѣд.; Гильфердингъ, Исторія балтійскихъ славянъ, I, стр. 2, 142; Müllenhoff, Zeugnisse u. Excursus XXIII, 341.

3) L. c., стр. 88.

4) L. c., стр. 97—8. У Pierson'a, Altpreussischer Namenscod.: Welote (Zs. f. preuss. Geschichte und Landeskunde 1873, стр. 734); Bezzenberger объясняетъ Welote изъ vela—gut (слав. вель—magus) и суф. ot(o). См. Die Bildung der altpreuss. Personennamen въ Altpreuss. Monatschrift XIII (1876), стр. 408 и 483.

5) Niederle, Slovanské Starožitnosti, стр. 417—19.

6) Куникъ и Томсенъ отрицаютъ послѣднее (сл. Niederle, l. c., стр. 417, прим. 7); Kossinna (въ рецензій на книгу Much'a, Die Heimath der Indogermanen, въ Zts. f. d. Ethnologie т. 34, 1902 г.) считаетъ айстовъ финнами. Сходное мнѣніе покойнаго казанскаго профессора Андерсона выражено было имъ въ засѣданіи ученаго Эстонскаго Общества 1 сент. 1904 г. См. Sitzungsberichte общества за 1905 годъ.

7) Much, German. Völkernamen, Zs. f. d. Alterth. XXXIX, 48—9.

потезѣ птолемеевскіе вельты только передвинулись къ западу на мѣсто позднѣйшихъ *Wilti, Weletabi, Woltabi, Vultabi* и др., съ перегласовкой: *Wilzi, Walzi, Welezabi*; при айстской, которую я считаю болѣе вѣроятной, произошло перенесеніе этническаго названія съ одного племени на другое, какъ финское племенное названіе Куровъ перенесено было на Леттовъ¹⁾. Эйнгардъ, впервые упоминающій позднѣйшихъ велетабовъ-вильцевъ въ числѣ славянскихъ и айстскихъ народовъ на южномъ берегу Балтійскаго моря²⁾, называетъ ихъ славянами, имена ихъ князей—славянскіе (Драговить, Любий, Милогость, Цѣлодрагъ).

Шафарикъ допустилъ рядомъ съ формой *Wilze* еще и *Walze* и на этомъ основаніи дѣлаетъ поправку къ тексту Саксона Грамматика. Старкадъ сражаетъ въ Польшѣ (*Poloniae partes aggressus*) на поединкѣ бойца, *quem nostri Wasce* (читай *Walce*), *Teutones vero diverso litterarum schemate Wilcze nominant*. Такъ въ кв. VI; въ VIII, въ предсмертной пѣснѣ Старкада вмѣсто *Wasce* читается *Waza*. Ольрикъ видитъ въ *Wasce*—*Waza*—вятича, въ *Polonia*—отзвукъ полянъ; допускается такой переходъ: *Ventište — *Vjatici* — **Vatisi, Vatzi, Vasi*; послѣднія формы указывали бы на русское произношеніе безъ назализаціи³⁾. Такимъ

1) Bielenstein, l. c., стр. 332, 350; сл. 488 прим. 188; Bezenberger, Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über die ethnologische Geographie des Lettenlandes, SPb. 1895 г., изъ Bulletin de l'Acad. imp. des Sciences de St.-Petersbourg, N. sér. IV, стр. 503.

2) Einhardi, Vita Karoli, Pertz, Mon. Germ. II, 449: Ad litus australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes, inter quas vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi; Annales ad a. 789: natio quaedam sclavenorum... quae propria lingua Welatabi, francisca autem Wiltzi vocantur (то же, подъ тѣмъ же годомъ, и въ vita Karoli). Шафарикъ и Гильфердингъ сближали форму *Weletabi* съ слав. Венетове. Можетъ быть, въ суффиксѣ позволено допустить старо-верхне-нѣмецкое *eiba*—*ragus*, какъ въ *Origo gentis langobardorum* A и B: *Anthaiß, Wanthaib* (по догадкѣ проф. Брауна, вм. *Banthaib*): *antagum, venetorum ragus*; мѣстное названіе могло быть перенесено на народность. Отгѣтнмъ старо-верхне-нѣмецкую глоссу: *wilz* (вар. *wulz*)—*equus mediocris, equus weletabus*. Сл. Ehrismann въ *Zs. f. d. Philol.* XXXII, 527 (въ отчетѣ о *Polander, Die abd. Thiernamen*).

3) Axel Olrik, *Nogle Personnavne*, l. c., стр. 120—2. Въ *Kilderne til Sakses Oldhistorie* II, стр. 78, явившейся позже, Ольрикъ ограничивается сопоста-

путемъ мы пришли бы, если не къ отождествленію, то къ сопоставленію, предположенному проф. Брауномъ: *Wilcze* (вильцы, вельты) — *Vasce, Vasi* (ватичи = венты).

Можно предположить, что слѣды до-славянскихъ вельтовъ сохранились кое-гдѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ мы искали ихъ древнюю осѣдность: приблизительно между Виндавой и Западной Двиной, въ *Windland's* Вильтина и вильтиновъ, что отчасти отвѣтила бы понятію Двинскаго Геллеспонта у Саксона Грамматика: его геллеспонтцы отличены отъ сосѣднихъ *slavi*; его Гаддингъ беретъ хитростью (Ольги въ Искростенѣ) городъ Гандвана (*Handvapus*), царя геллеспонтцевъ на Двинѣ (I, VII); Фротонъ овладѣваетъ на Руси городомъ *Rotala* (*Röthel* въ Эстляндіи) и Полоцкомъ, *Palteskia*, гдѣ царить какой-то *Vesvasius* (*Vesvasius*, эпонимъ вепсовъ?) и снова идетъ на Гандвана (II, XI—XII).

Именно въ долинѣ З. Двины скучены нѣкоторыя названія урочищъ съ привязанными къ нимъ преданіями, имѣющими значеніе для нашего вопроса; ихъ спорадическое распространеніе по Россіи, отъ Малороссіи до Сибири, можетъ быть объяснено, въ послѣднемъ направленіи, колонизаціей. Вельтамъ отвѣчаютъ здѣсь парныя формы: *волтъ и *велтъ, въ значеніи: исполнить, *gigas*; влатъ, встрѣчающійся въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ («подобни соуще величиємъ ко влатомъ»: γ(γασι)¹) — церковно-славянская перегласовка, сохранившася въ древне- и ново-великорусскомъ въ формѣ: волоть = гигантъ, исполнить: «чюдове (штоудъ—γ(γασ), рекше волотове», «гиганте то суть волотове е сажень в верхъ». Я допустилъ для Стиха о Голубиной книгѣ, согласно съ его составомъ, воздѣйствіе имени Птолемея на Во-

---

влениемъ *Wasce-Waza* Саксона Грамматика съ *Vasi* въ *Göngurolfsaga* (Fas. III, 259), хотя этотъ *Vasi* или *Vaxi* родомъ изъ Шотландіи, и мѣсто его дѣйствія — Данія. *Wisinus* Саксона (о немъ выше, стр. 11) сблизается съ богатыремъ *Blakmannaland'a*, *Visinn*, въ *Egils ok Asmundarsaga* (Fas. III, 377).

1) Miklosich, *Etym. Wb.* а. v. *Volthi*. Разумѣется, текстъ Александриіи первой редакціи, сл. Истринъ, Александриіи русскихъ хронографовъ (Москва, 1895), стр. 75. Сл. Срезневскій, Матеріалы словаря древнерусск. языка а. в. влатъ, волоть.

лонтомона, Волонтомана, Малотомина, какъ зовется иногда со-
вопросникъ Давида, но вариантъ Волотъ (Покотовичъ), вѣроятно,
привязывается къ волоту — шуду. Въ малорусск. волоту отвѣчаетъ
велеть, велетень, велить, велытень. То и другое отразилось въ
цѣломъ рядѣ мѣстныхъ названій: Волотово, Велетовъ, Волотя,
Велетя и т. п. ¹⁾; отмѣтимъ: *Волотова могила* ниже Лебедина на
устѣ Мечи (кн. Большого Чертежа), *Волотово Городище* между
рѣками Денгой и Восмой въ Лопскомъ краѣ на сѣверѣ; *Воло-*
тово Городище въ Сибири за Тазомъ (кн. Большого Чертежа);
Волотово поле подъ Новгородомъ на берегу Волхова, гдѣ стоялъ
прежде Спасскій монастырь и находилось кладбище новгород-
скихъ богатырей и могила Гостомысла. — Въ Бѣлоруссіи, въ
окрестностяхъ Полоцка и Витебска, волотовками, волотками на-
зывали могилы; въ бѣлорусскомъ преданіи волоты—испопны.
Е. Р. Романовъ, которому я обязанъ слѣдующими сообщеніями,
не слыжалъ въ указанныхъ мѣстностяхъ преданій о волотахъ и
волотовкахъ; названіе могильныхъ насыпей волотовками замѣ-
нено здѣсь другимъ: сопки, курганы, чаще всего копцы, но на-
званіе урочищъ волотовками свидѣтельствуетъ о существованіи
нынѣ исчезнувшихъ могилъ. Вотъ нѣсколько указаній изъ до-
кументовъ, помѣщенныхъ въ «Историко-юридическихъ матеріа-
лахъ Витебскаго центрального архива»: «Недалеко отъ места
(Витебска) первое поле, идучи отъ Острое могилы, назвискомъ
Матслыгъское, з *волотовкою*» (1592 г.); «полянку, лежащую
на поляхъ задунайскихъ (Дунай—ручей въ Витебскѣ) подлѣ *во-*
лотовокъ» (1593 г.); «съ того мху у *волотовки*, у могильника и
по крестъ каменный» (1596 г.); «огородъ воле того пляцу ле-
жачый подле *волотовокъ*» (1634 г.); «грунтъ у *волотовкахъ* кон-
чится у мохъ татарскій» (1623 г.); «отъ тое сосну у *волотовку*

1) Шафарикъ, I. с., стр. 93 слѣд. О волотахъ сл. Буслаевъ, Очерки I, 176,
455—6; Аванасьевъ, Поэт. возрѣнія II, 650—1, 784; Потебня, Этимологическія
замѣтки, Живая Старина, вып. III (1891), стр. 120 слѣд. Потебню не удовлетво-
рило давно уже предложенное сближеніе волотовъ съ Велетами, и онъ указалъ
для волота этимологию: волотръ=инд. Вритра.

межи купелищъ, отъ тое *волотовъки* у другую *волотовъку* (1615 г.); «с Корси w brzoze rubieżna, między wołotowek» (1697) и др. Е. Р. Романовъ указываетъ по тѣмъ-же актамъ на имѣніе *Wielatowka* «въ повете Полоцкомъ»; «съ Тулова до *Велидичъ*» (близь Витебска, 1627 г.), урочище *Волотовка* въ предмѣстьѣ Витебска—и деревню *Волотовки* въ Городенскомъ уѣздѣ Витебской губерніи, при которой находится группа кургановъ. Въ Полоцкомъ уѣздѣ сюда относится цѣлый рядъ мѣстныхъ названій: деревни *Волотова* (Юрьевичской волости), *Волотовка* (Вознесенской волости), имѣніе *Волотовки* (Евфросиньевской волости); деревня *Волотовки* Струнской волости, тамъ же деревня *Волотовное*, *Волотневъ* и рѣка *Волотовка*, притокъ Оболя, по которой шелъ путь «изъ варягъ въ греки»; въ Туровьянской волости, ниже Полоцка, на Двинѣ, по дорогѣ къ Смоленску: деревни *Велетовка*, пашни *Велетовскія* 1-ья, пашни *Велетовскія* 2-ья; общество *Велетовское*.

Важны воспоминанія Е. Р. Романова о легендахъ, соединенныхъ съ именемъ волотовъ. «На моей родинѣ, въ Гомелѣ, я слышалъ въ дѣтствѣ смутное преданіе о томъ, что въ *Волотовѣ* (погость въ 2-хъ верстахъ отъ Гомеля) жили въ старину богатыри, что съ переходомъ Гомеля къ Румянцеву (въ 1772 г.) богатыри исчезли, но отъ времени до времени являлись избраннымъ счастливымъ и позже. Последнее явленіе было мѣщанкѣ Василисѣ Ефремовой въ 1867—9-хъ годахъ, тамъ-же, у Волотова, въ саду; по ея разсказу, который я самъ слышалъ, будучи 12—13 лѣтъ, богатырь былъ очень высокаго роста, одѣтъ въ дорогія одежды (шелка да бархаты) и поразилъ Василису необыкновенной красотою лица. Онъ былъ безъ оружія, съ Василисой не говорилъ, но и вреда ей не сдѣлалъ; она видѣла въ этомъ для себя предвѣщаніе необыкновеннаго счастья. — Тамъ же, въ 1887 году, я слышалъ преданіе объ урочищѣ Гетьманкѣ, находящемся при с. Романовичахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Волотова. Въ этомъ мѣстѣ «за Шведомъ» (1708 г.) была убита Гетьманка: она ѣхала на лошади по мужски и въ полномъ воо-

руженіи по лѣсу; мужикъ, бывшій въ лѣсу, увидѣлъ ее издалека и отъ страха взлѣзъ на дерево; Гетьманка не замѣтила его и остановилась на отдыхъ; слѣзая съ коня, сняла оружіе, раздѣлась и легла спать; мужикъ, увидя, что это женщина, далъ ей заснуть и потомъ убилъ, сонную; она также была большого роста и вся въ золотѣ. Возможно сближеніе съ извѣстной татаркой Заблудова Гродненской губерніи ¹⁾).

Въ Лепельскомъ уѣздѣ также находится множество кургановъ, слывающихъ у бѣлоруссовъ подъ названіемъ волоточекъ и отличающихся своею огромностью отъ литовскихъ кургановъ. Жители полагаютъ, что это насыпи, служившія для наблюденія надъ непріятелемъ. Вильчинскій разрылъ нѣсколько десятковъ такихъ насыпей близъ города Ушачъ, извѣстнаго уже въ древности своею торговлею съ Литвой и Кіевомъ; по предположенію изслѣдователя, бѣлорусскія волоточки могли служить кладбищемъ древнихъ жителей, которые сперва жгли своихъ покойниковъ, а потомъ тутъ же и хоронили ²⁾).

Я не безъ умысла остановился именно на бѣлорусскихъ преданіяхъ о волотахъ въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя еще представятся намъ. Но преданія эти распространены и далѣе: около Вологды и Кубенскаго озера волоты — народъ, почитавшій волотовъ, то есть великановъ, а теперь не существующій ³⁾; въ Сибири говорятъ, что цѣлый народъ волоты ушелъ въ землю. Сходные рассказы о велитахъ, велитняхъ (= древнерусск. *вельтъ, *вельтънь) ⁴⁾ въ Малороссіи и Галиціи: они, будто бы, существовали до потопа, и про нихъ ходитъ широко-распространенная сказка о юношѣ-великанѣ, встрѣтившемъ въ полѣ ратая съ плугомъ и волами и принесшемъ отцу эту кро-

1) Изъ писемъ Е. Р. Романова отъ 29 марта и 30 Апрѣля 1896 г.

2) Вильчинскій, Археологическіе поиски въ Литвѣ, Археолог. Зап. III.

3) По свѣдѣніямъ Е. Р. Романова, полученнымъ отъ мѣстныхъ этнографовъ, это сообщеніе не подтверждается существующимъ преданіемъ.

4) Желиховскій, Малорусск. Слов. а. в. вельтъ, велитень, откуда велитеньскій, велитскій.

хотную невидаль, образчикъ будущаго, мелкаго человѣческаго отродья¹⁾. «Десь у церкви, у Києви, чи у Львові, стоить тамъ нога з ідного велетня, и така, кажуть, прездорова, что ажъ до бані (купола) сягае»²⁾. Такая нога стоить будто бы и въ костелѣ въ Кохъ'вани (Галиціи); велить былъ такъ огромень, «що подава зъ Йілова, черезъ гору соқыру сюды, таку рѹку мавъ»³⁾. Такъ и въ Великороссіи народъ видить въ костяхъ допотопныхъ животныхъ — волотовы кости⁴⁾. Сл. еще волотову кость въ слѣдующемъ заклинаніи: «Встану я, . . . пойду мимо волотовы кости могилы. Какъ волотовы кости не трохнуть, не гнуться, такъ бы у меня, р. б., бирсь не гнулся»⁵⁾.

Такія легенды объ исчезнувшихъ народностяхъ ходять повсюду, гдѣ о нихъ сохранилась память, объ Антахъ, Жытахъ, Элинахъ, Гуннахъ, татарахъ. Легенды эти привязаны къ древнимъ постройкамъ, могиламъ, костямъ необычной величины, ору-

1) Трусевичъ, Труды... экспедици и т. д., т. 1, стр. 216; сл. Трусевичъ, Космогоническія представленія жителей Полѣсья, Кіевлянинъ 1861, № 44, стр. 170; то же рассказываетъ о бѣлорусскихъ «осилкахъ» (сообщеніе Н. Никифоровскаго, за которое приношу благодарность Е. Р. Романову). Къ сюжету сл. I. Grimm, D. Myth. I, 446 слѣд., III, 157; Котляревскій, Соч. IV: Archäologische Späne 3: Das erste Zusammentreffen der Menschen mit den Riesen, стр. 459 слѣд.: эстонскій (Kalevipoeg, XVI, стр. 790 слѣд.), финскій, кашубскій (великаны=stolusy), польскій, русскій и малорусскій. Послѣдній сходенъ съ приведеннымъ въ текстѣ и съ болгарскимъ о житахъ. Сл. Сборникъ за народни умотворения III, отд. I, стр. 203. О житахъ сл. мов. Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLXIX, отд. 2, стр. 39—40 и Разысканія XXIII, стр. 163—5; Ильевъ въ Сборникъ за народни умотворения, IX: «тълкуванія на природни явления» и т. д., стр. 127. Şaineapu (Romania, 1889, стр. 494 слѣд., сл. 501) видить въ румынскихъ jidovi — отголоски татарскихъ нашествій на придунайскія области и память о какомъ-то туранскомъ, еврействовавшемъ народѣ.

2) Драгомановъ, Малорусскія преданія, стр. 383.

3) Яворскій, Изъ галицко-русс. нар. сказаній и суевѣрій, Жив. Старина, гл. 7 (1897), стр. 110.

4) Даль, Словарь сл. а. в. Въ 4-хъ верстахъ отъ с. Большаго Яковлевскаго (Костромской губ.), на лугу, близь рѣки Шачи, есть курганъ, называемый *Волотовой могилой*. Недавно здѣсь найдены были пять зубовъ мамонта. Костромской край 1906 г. 23 Іюня.

5) Л. Майковъ, Великорусск. заклинанія, стр. 479.

діямъ изъ камня и т. п. Старые остяцкіе богатыри бѣжали, спасаясь отъ христіанства въ лѣса, тундры, на Уралъ, и тамъ обратились въ каменные глыбы (Жив. Стар. ч. II, в. IV, 1904 г.). Эти люди когда-то были и исчезли; или они скрылись и еще живутъ въ холмахъ и кромлехахъ, какъ англійскіе *faigies*, мионченскихъ наслѣдникахъ мелкорослыхъ аборигеновъ, какъ тирольскіе Анты, рѣдко показывающіеся изъ своей берлоги, гдѣ они водятъ дѣтей: изъ ихъ пещеры слышится порой дѣтскій плачь, свѣтло-желтые камешки въ песокѣ у входа—это слезы антскихъ людей. Либо они представляются какими-то демонами, ихъ голосъ, что громъ, они собираютъ тучи, свергаютъ съ горъ каменные глыбы и когда держатъ совѣтъ, сидя въ полукругѣ у своего логовища въ пурпурныхъ креслахъ, отъ нихъ тянется сѣрый, непроглядный туманъ, застилающій окрестность.

На сѣверѣ и востокѣ Россіи (въ Пермскомъ и Вотскомъ краѣ, въ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерніяхъ, въ Лапландіи) и въ Сибири существуютъ аналогичныя преданія о Чуди, вымершемъ народѣ, также ушедшемъ подъ землю. Чудью звали у насъ въ старину вепсовъ и эстовъ; въ лопарскихъ преданіяхъ имя охватило и кореловъ и русскихъ, и шведовъ; лопарскимъ или чудскимъ курганамъ Лапландіи и Корелии отвѣчаютъ въ Вологодской губерніи чудскія могилы¹⁾. Чередуются ли эти преданія съ преданіями о волотахъ, совпадаютъ-ли съ ними, на это я отвѣтить не умѣю.

Итакъ: волоты, велетни — великаны исчезнувшіе, ушедшіе подъ землю (?).

---

1) Сл. мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности, стр. 80 слѣд.; Историческій Вѣстникъ 1890 г. Окт. (Городища Вятской губерніи); Эйхвальдъ въ Зап. Имп. Археол. Общ. т. IX, 283; *ibid.*, стр. 558. О чуди въ лопарскихъ преданіяхъ и о лопарскихъ могилахъ сл. Poestion, *Lappländische Märchen* (разсѣи и стр. 133); Quigstad og Sundby, *Lappiske eventyr ok folkesagn* (1887), разсѣи и стр. 7, прим. 4; Островскій, Лопари и ихъ преданія, Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXV (1889), стр. 316 слѣд.; Соболевскій, Живая Старина III, 118; Куликовскій, Словарь областного олонецкаго нарѣчія а. в. Чудь и Паны. Сл. Жив. Стар. XIV, стр. 102 слѣд.: Преданія о финскомъ населеніи въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи.

О Велетабахъ-Вильцахъ рассказывали, какъ о чудищахъ, свирѣпыхъ, рожденныхъ въ странѣ мрака; Поткеръ Labeo говоритъ о нихъ въ своей парафразѣ Марціана Капеллы: «Велетабы (Uueletabi), живущіе въ Германіи, которыхъ мы зовемъ Вильцами (Uuilzi), не стыдятся говорить, что они ѣдятъ своихъ родителей (igo parentes) съ большимъ правомъ, чѣмъ черви». Недаромъ Dietrichs Flucht (v. 2457 слѣд.) обвиняетъ (Эрмика Эрманариха) въ томъ, что онъ съ коварнымъ умысломъ послалъ своего сына Фридриха въ землю Вильцевъ (въ сагѣ о Тидрекѣ), гл. 278: Vilcinarborg). Куда они дѣлись? Вотъ чѣмъ интересовались въ XIII вѣкѣ: когда Марнеръ принимался пѣть, одному хотѣлось бы послушать о томъ, другому о другомъ;

Der dritte wil der Riuzen sturm

.....

Dem sechsten tete baz

War komen si der Wilzen diet¹⁾.

Вопросъ, могущій возбудить недоумѣніе: была-ли о томъ особая сага—или вильцы исчезли, ушли въ землю, какъ бывые люди, великаны другихъ легендъ?

Перейдемъ еще разъ къ Вильтину саги. Она ничего не говоритъ о его громадномъ ростѣ, но его сынъ Вади, нѣм. Wate великанъ, великаны по силѣ и природѣ (ödli) и его внуки по Нордіану; Etgeir, Aventrod, Vidolf (гл. 27; объ Аспилианѣ см. гл. 194), хотя они и перешли къ нему изъ другого нѣмецкаго сказанія; о его правнукѣ, сынѣ Веланда, Видгѣ (нѣм. Witege) говорится, что онъ былъ выше всѣхъ людей, не принадлежащихъ къ породѣ исполиновъ (гл. 175)²⁾. Не представляется-ли и Виль-

1) Шафарикъ, I. с., стр. 104, прим. 79; W. Grimm, D. Heldensage, стр. 162, 188.

2) По представленію «пролога» первыя поколѣнія по Ноевомъ потопѣ были великаны, гігант, а затѣмъ число рослыхъ и сильныхъ людей стало постепенно уменьшаться; но въ текстѣ саги встрѣчается о томъ или другомъ лицѣ выраженіе: онъ былъ и ростомъ, что великанъ (гл. 1: о Самсонѣ; 14: о Тидрекѣ: высокаго росту, хотя не великанъ).

тинъ, *Wiltinus*, не только эпонимомъ велетовъ, но и исполномъ, велетнемъ, волотомъ русскихъ преданій?

Если Вильтинъ и вильтины прошли въ сагу изъ нижненѣмецкихъ сказовъ и пѣсень, на которыя ссылаются ея составители, то слѣдующее предположеніе не будетъ лишено правдоподобія¹⁾.

Уже въ 1159 году мы встрѣчаемъ нѣмцевъ на устьѣ З. Двины; въ 1181—7 годахъ миссіонеръ Мейнгардъ является въ Ливонію съ нѣмецкими купцами (*cum comitatu mercatorum*), прося у полоцкаго князя дозволенія поселиться. Въ 1202 году нѣмцы уже устраиваются на Двинскомъ устьѣ; когда въ 1210 г. жители Риги посылаютъ къ Владимиру Полоцкому для заключенія мира, онъ, отпуская ихъ, даетъ имъ въ спутники мудраго и богатаго обывателя Смоленска, Лудольфа, который все устроитъ по правдѣ. Выразилось это торговымъ договоромъ между Ригой и Полоцкомъ; что въ Смоленскѣ нѣмцы торговали уже при Мстиславѣ Романовичѣ (1197—1212), видно изъ договора его сына, ссылавшагося на порядки, существовавшіе при его отцѣ; договоръ съ Ригой и Готландомъ, заключенный вел. кн. смоленскимъ Мстиславомъ Давыдовичемъ отъ своего имени и отъ имени князей полоцкаго и витебскаго, уже упоминаетъ рядъ городовъ, съ которыми установились сношенія: Висби, Любекъ, Соестъ (Жатъ), Мюнстеръ, Бременъ, Рига и др. Нѣмцы просто водворились въ Полоцкой и Витебской областяхъ; во второй половинѣ вѣка у нихъ было въ Смоленскѣ нѣсколько дворовъ, своя сло-

---

1) Для слѣдующаго сл. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія I, стр. 98, 99, 104, 179—81; Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 108 слѣд.; Довнаръ-Запольскій, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія (Кіевъ, 1891); Данилевичъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли (Кіевъ, 1896). Главный источникъ Генрихъ Латышъ въ *Chronicon livonicum vetus*, *Scriptores rerum livonicarum* I, стр. 50 прим. С и разіимъ подъ годами 1201, 1208, 1206, 1210, 1212, 1215, 1222 (сл. текстъ у Pertz'a *Mon. Script.* t. XXIII). Для хронологіи Bonnell, *Die Chronologie Heinrichs des Letten* въ *Mélanges Russes* t. II, 3 livr. (1853), стр. 288 слѣд. Подъ 1208 годомъ читается: *rege magno Waldemaro in Moschowiâ*, гдѣ издатель предпочитаетъ *Plescowiâ*; Боннель I. с., стр. 291 разумѣетъ Полоцкъ.

бода и церковь. Приѣзжали они на Русь съ коммерческими цѣлями; Полоцкая земля лежала на большомъ торговомъ пути, издавна поставляла на Готландъ и въ скандинавскія земли, вмѣстѣ съ мѣстнымъ воскомъ и мѣхами, продукты арабской индустрии, доходившіе изъ Бунгаръ, вывозя мечи и стрѣлы, издѣлія изъ бронзы и серебра. Въ музеѣ латинской школы въ Висби хранятся осколки раковины, водящейся лишь въ Индійскомъ океанѣ. Большое количество диргемовъ, найденныхъ какъ въ Швеции и на Готландѣ, такъ и въ Полоцкой землѣ, и встрѣчающіеся въ послѣдней клады съ англосаксонскими и нѣмецкими монетами указываютъ на древнія торговыя связи, нити которыхъ перешли изъ рукъ скандинавскихъ и ирландско-нормандскихъ гостей въ руки нѣмцевъ¹⁾.

Это вызывало общеніе другого рода. Составителю саги о Тидрекѣ преданія о нифлунгахъ сказывали люди изъ Бремена и Мюнстера (гл. 394: *í Brimur eða Maenstrborg*), городовъ, упоминаемыхъ, вмѣстѣ съ другими вестфальскими, въ торговомъ договорѣ 1229 г. Эти люди могли быть передатчиками и на Руси своихъ домашнихъ преданій и пѣсенъ; отъ нихъ, вѣроятно, идетъ замѣтка «о поганомъ зломъ Дедрикѣ» въ 1-й Новгородской лѣтописи (подъ 1203-мъ годомъ); въ записи какого-то Терпицы въ псалтыри Архангельской семинаріи говорится о конѣ Редрика, нѣмецкаго богатыря (Дедрика? извѣстенъ конь Тидрека, Falka). Но, передавая свое, нѣмцы могли въ свою очередь слышать на мѣстѣ многое, что остается для насъ темнымъ или манить стилемъ преданія въ исторіи Полоцка и Смоленска, для которыхъ нѣтъ лѣтописей. Что мы знаемъ о Роголодѣ, о начальной исторіи Полоцкой земли? Въ вѣковой распрѣ ярославичей съ всеславичами есть что-то расовое. Сага объ Эймундѣ рассказываетъ, что онъ бился съ Ярославомъ на сторонѣ Брючислава (*Vartislafur, Varalafur*), которыхъ она считаетъ братьями;

1) О торговомъ и культурномъ значеніи Готланда см. теперь Al. Bugge, *Vesterlandenes Indflydelse paa nordboernes og saerlig nordmandenes ydre kultur* etc. (Christiania 1905), Register, I a. v. Gotland и особенно гл. IX, 307—332.

миръ творить Ингигерда, жена Ярослава, и Эймунду представлень Полоцкъ и подлежащая ему власть. Это тяготѣние варяговъ къ Полоцку стоитъ отмѣтить. Лихорадочная дѣятельность Всеслава напоминаетъ типы безпокойныхъ викинговъ. Къ нему присталъ рядъ эпическихъ преданій: какъ его отецъ Брячиславъ обращается за совѣтами къ языческимъ волхвамъ, такъ самъ онъ рожденъ отъ волхвованія, «бѣ ему на главѣ знамя язвено»; «рекоша волсви матери его: се язвено на главѣ его навяжи нань, да носить е (наузу) до живота своего на себѣ». Это — науза, *pileus naturalis*, символъ родовой, унаслѣдованной доли, какъ сѣверная *fylgja*¹⁾; о Всеславѣ говорится, что онъ былъ жестокъ на кровопролитіе; отъ доли не уйти, къ Всеславу приложена припѣвка стараго Баяна: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути»; это та-же доля въ христіанскомъ освѣщеніи. Что разсказывается о Всеславѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ, отзывается сквозъ риторику стилемъ народнаго или дружиннаго преданія. Онъ «разшибе славу Ярослава», но его внукъ Изяславъ Городенскій «притрепа» его собственную главу, когда палъ «притрепанъ литовскими мечи». Политическая оріентація Полоцка не общерусская: у однихъ на рукахъ половцы, у другихъ Литва и Ливъ, а слагатель Слова сѣтуеть, что Сула уже «не течеть серебряными струями и Двина болотомъ течеть онымъ (когда-то) грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганныхъ» — тамъ половцевъ, здѣсь литовцевъ.

Подъ 1130 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что «поточи Мстиславъ полотскій князѣ съ женами и с дѣтьми въ Грѣки (въ Царьградъ), еже преступиша хрестъное целование», отказавшись идти на половцевъ. При этомъ сообщается со словъ людей вѣдущихъ (яко сказаша вѣдущіе) извѣстный разсказъ о Рогнѣдѣ съ такимъ обобщеніемъ: «и оттолѣ мечъ взимають Рогволожи внуци противу Ярославимъ внукамъ».

Въ концѣ XII вѣка (въ 1186—7 годахъ) хроника Генриха

1) См. мои Разысканія, XIII, стр. 185—6, 208.

Латыша упоминаетъ неизвѣстнаго русскимъ лѣтописцемъ полоцкаго князя *Владимира*, которому Ливы язычники платили дань; онъ-же дозволилъ священнику, впоследствии епископу Мейнгарду проповѣдывать христіанство и основать первую церковь въ Искюлѣ. Его зовутъ *Woldemagus de Plosceke, dux de Plosceke*; онъ постоянно воюетъ съ нѣмцами; сбился въ походъ противъ Рижанъ по вызову эстовъ, когда внезапно умеръ (1215 г.). Арнольдъ Любекскій, не называя его по имени, говорить о *rex Russiae de Plosceke*. Этого Владимира искали въ русскихъ лѣтописяхъ. По свидѣтельству Татищева, Владимиръ, сынъ Володаря Глѣбовича Минскаго, приходится правнукомъ Всеславу Брячиславичу; издатель *Antiquités Russes*¹⁾ внесъ его въ родословную вмѣстѣ съ сестрой Софіей († 1198), женой Вальдемара I, короля Датскаго. Сообщение Татищева давно вызывало сомнѣніе; проф. Довнаръ-Запольскій видитъ въ Владимирѣ Генриха Латыша преемника на полоцкомъ столѣ Всеслава Васильковича, правнука Всеслава Брячиславича. Къ какой линіи полоцкихъ князей онъ принадлежалъ, остается неизвѣстнымъ; г. Данилевичъ предполагаетъ, что онъ былъ сыномъ Всеслава Васильковича; если русскія лѣтописи его не знаютъ, то это вполне естественно при отдѣленіи Полоцкихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ русскихъ земель²⁾, и становится понятнымъ выраженіе Арнольда Любекскаго, который, не называя Владимира, говорить о немъ, какъ о *rex Russiae de Plosceke*. Это точка зрѣнія саги о Тидрекѣ: Владимиръ царитъ въ Польшѣ и Руси, ему принадлежатъ Полоцкъ и Смоленскъ; эти города особо выдвинуты въ соответствующихъ эпизодахъ саги. Замѣтимъ, что именно съ Всеслава Васильковича начинается сильное вліяніе въ Полоцкѣ Смоленска, развившееся въ началѣ XIII вѣка въ протекторатъ послѣдняго надъ первымъ и кончившееся въ 1222 г. взятіемъ Полоцка смольнянами³⁾.

1) Сл. т. I, родословная № II и объясненіе на стр. 482 слѣд.

2) Довнаръ-Запольскій, I с., стр. 160 слѣд.; сл. стр. 154.

3) Голубовскій, I с., стр. 176 (№ 12), стр. 196 слѣд. (№ 43 и стр. 199), 274, 299.

Все это даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Нѣмецкіе люди, явившіеся въ Двинскую области, застали тамъ «великую сагу», *allmikill saga* (гл. 315), какое то преданіе о вильтинахъ, еще и теперь доживающія въ волотахъ мѣстнаго повѣрья; могли слышать и сказы-пѣсни о «старомъ» Владимирѣ и Ильѣ, заходившія вверхъ по долинѣ Днѣпра, черезъ «черныя грязи смоленскія» и вдоль Западной Двины по «сатынской» или «сатышкиной» дорогѣ¹⁾; пѣсни о Владимирѣ Святославичѣ или уже Всеславичѣ?²⁾ Въ Полоцкѣ помнили Всеслава и его преемника (?) Владимира. Еще въ XVI вѣкѣ помнили въ Бѣлоруссіи Илью Муромца и Соловья Будимировича: *bo prijdet czas, koli budiet nadobie Iii Murgawlenina i Sołowia Budimirowicza*, писалъ въ 1574 году изъ Орши староста Филонъ Кмита Чернобильскій Остафью Воловичу³⁾.

Въ «Родословіи великихъ князей русскихъ» начала XVI в., написанномъ въ Бѣлоруссіи, говорится, что у князя Владимира были «храбрые вои мнози, и начаша избивати силы великыя подъ городомъ подъ Кыевомъ; и оттолѣ начаша бояться цари Орднискія. У князя Володимира были храбрыхъ богатырей много; и начаша ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ». Очень вѣроятно, что въ основѣ этой замѣтки лежитъ мѣстное пѣсенное преданіе⁴⁾. Позже явились и мѣстныя усвоенія: приуроченіе одного изъ подвиговъ Ильи передъ поимкой Соловья-раз-

1) Сл. Марковъ, Этнограф. обозрѣніе XLVI, стр. 77—8, 91, 94.

2) Въ сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ Святославъ Игоревичъ названъ Всеславомъ. Сл. Ждановъ, Русск. был. эпосъ, стр. 598.

3) Сл. мои Южнорусскія былины, гл. II, стр. 64. Комментируя на стр. 78 сопоставленіе Ильи и Соловья Будимировича я выразилъ мнѣніе, что Кмита могъ имѣть виду какую-нибудь контаминированную былину въ родѣ той, которая собрала на кораблѣ Соловья Илью и другихъ богатырей. Отсюда заключеніе, что «былина» о Соловьѣ была въ XVI в. уже древней. Была-ли это былина о «сватовствѣ» или какая другая, я это не предрѣшилъ, какъ показалось г. Трубицыну. Сл. его отчетъ о книгѣ г. Лободы, Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, Іюнь, стр. 432.

4) Соболевскій, Къ исторіи русскихъ былинь, Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. Іюль, стр. 15—17.

бойника къ городу Себежу отразило, быть можетъ, память о разгромѣ подъ Себежомъ польско-литовскаго войска въ 1536 году¹⁾. Бѣлорусскія сказанія о Ильѣ, можетъ быть, послѣдніе, хотя и подновленные слѣды развитія, прерваннаго историческими отношеніями и смѣшеніемъ народностей²⁾.

Такія-же преданія застали въ Двинской области нѣмецкіе купцы или шпильманы и дали имъ окраску недавнихъ мѣстныхъ событій, въ которыхъ Владимиръ Полоцкій, Полоцкъ и Смоленскъ стояли на первомъ мѣстѣ. Такъ получился рассказъ о Вильтинѣ и вильтинахъ и ихъ борьбѣ съ Русью, которой также дали княжескую родословную; съ вымышленными или приуроченными именами—вотъ вопросъ, на которомъ намъ придется остановиться въ слѣдующей главѣ. И въ то-же время кадры русскаго эпоса могли раскрываться для того или другого заходяго сюжета, какъ въ районъ русской мысли проникали робкія вліянія западной (Житіе Авраамія, Климентъ Смолятичъ). Я давно уже указалъ на совпаденіе одного типа былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ — съ позднимъ изводомъ нѣмецкой пѣсни о Гильдебрандѣ и Алебрандѣ³⁾; можетъ быть, съ болѣе древнимъ видомъ того-же извода. Недавно г. Марковъ⁴⁾ открылъ этнической субстратъ въ именахъ, которыя носятъ мать Ильи: Латыгорка отъ Латыгалы, Латыгоры Псковскихъ и Новгородскихъ лѣтописей (Лѣтъгола Начальной лѣтописи), леттскаго племени, жившаго по правому берегу З. Двины, между нижнимъ ея теченіемъ и поселеньями эстовъ и ливовъ; Семигорка отъ Зимгалы, Зимигалы—леттскаго племени на лѣвомъ берегу З. Двины, то и другое въ области полоцкихъ отношеній; въ 1106 году

1) В. Миллеръ, Очерки русск. нар. словесности, стр. 391 слѣд.; Марковъ, Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, Этнограф. Обзор. XLVI, стр. 92.

2) Лобода, Бѣлорусск. нар. поэзія и русск. былевой эпосъ. Этнограф. Обзор. XXV, стр. 1 слѣд.

3) Южнорусскія былины, гл. IX.

4) Марковъ, Къ былинамъ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, Этнограф. Обзор. XLVI, стр. 73 слѣд.

они разбили сыновей Всеслава Полоцкаго. Отсюда заключеніе автора, что былина сложилась въ Полоцкой области въ первой половинѣ XIII в.; я бы не говорилъ о сложеніи, а о приуроченіи, если Латыгорка отъ Латыголы, что кажется мнѣ вѣроятнымъ; то обстоятельство, что названіе Латыголы, такъ часто попадающееся въ лѣтописяхъ XIII в., совершенно исчезаетъ въ нихъ въ XV—XVI вѣкахъ, отчасти опредѣляетъ эту локализацию и хронологически ¹⁾).

III.

Русская генеалогія саги о Тидрекѣ.

Кромѣ именъ Владимира и Ильи, другія, внесенныя въ русскую родословную саги, загадочны. Озантриксъ, отецъ Егга'и (нѣм. Helche), несомнѣнно тождественъ съ Osegich'омъ Битерольфа, но объясненіе его имени, когда-то предложенное, оказалось не отвѣчающимъ требованіямъ современной этимологіи. На Озантрикса перенесено сказаніе, легшее въ основу старонѣмецкой поэмы о брачной поѣздкѣ короля Ротера (M¹, гл. 29—38; M² повторила этотъ эпизодъ съ чертами, ближе стоящими къ верхненѣм. поэмѣ о Ротерѣ). Къ Ротеру приходитъ на помощь подвластный ему великанъ Asprîân, съ такими-же, какъ онъ, исполинами, между которыми особенно выдается Widolt; они явились изъ страны незнаемой (Rôter v. 631: zô eime unkundigen lande; v. 68: mit unkundiger deck); при Вильтинѣ тѣ-же ве-

1) В. Миллеръ, въ недавно появившейся статьѣ (Этногр. Обзорніе, 1906 г. кн. LXVII, стр. 79 слѣд. «Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ»), отрицая соображеніе г. Маркова, возвращается къ своей старой гипотезѣ о восточномъ происхожденіи нашей быliny, какъ наиболее вѣроятномъ, но считаетъ неубѣдительными всѣ попытки приурочить ея первоначальный изводъ къ опредѣленному времени или области (стр. 94).

ликаны являются въ числѣ подначальныхъ ему вильтиновъ: Aspilian (M² Aspilean)¹⁾, Vidolf, Etgeir (M² Edgeirr, Adgeirr) и Aventrod, сыновья Нордіана; самъ Озантрикъ выступаетъ въ роли Ротера.—О его войнахъ уже сказано, и мы къ нимъ еще вернемся; гл. 134 даетъ его характеристику въ старости, очень раздѣльную и такъ сказать личную. Онъ былъ крайне жестокъ, и народъ съ трудомъ выносилъ его тяжелое иго; чѣмъ больше давали ему податей, тѣмъ круче онъ становился. Онъ велъ торговлю со всѣми, богатыми и бѣдными, дружинниками, крестьянами и заѣзжими купцами; раздавалъ своимъ дружинникамъ помѣстья въ ихъ управленіе, а управлялъ самъ; сколько бы ему не давали, онъ требовалъ большаго; золото и съѣстные припасы проваливались точно въ пропасть, а при дворѣ голодали и плохо пили. Каждый годъ собиралось большое войско на войну съ Атилой, что всѣхъ тяготило, а лишь только настаивалъ миръ, народъ страдалъ отъ новыхъ налоговъ. Озантрикъ и его родъ присваивали чужую собственность, точно обучались тому по той-же книгѣ, а подданные бывали покойны, лишь когда Озантрикъ отъѣзжалъ въ походъ, и надѣялись, что онъ когда-нибудь да не вернется.

Перехожу къ вопросу о Hertnit'ахъ русской родословной. Ихъ три; старшій изъ нихъ производитъ впечатлѣніе безкровнаго энонима; то, что рассказывается о двухъ слѣдующихъ, вызывало рядъ вопросовъ и отвѣтовъ.

---

1) Въ гл. 480 саги (112) Аспіанъ владѣетъ помѣстьями въ Lungbardie, что въ противорѣчій съ гл. 45 (M¹); можетъ быть, въ связи съ итальянской географіей Ротера. Въ такомъ случаѣ эпизодъ о Геймарѣ въ монастырѣ, гдѣ мы и встрѣчаемся съ лонгобардскимъ приуроченіемъ Аспіана, принадлежитъ интерполяціи, внесенной въ M², потому что рассказъ M² о брачной поѣздкѣ Озантрикса (=Ротеръ) итальянскаго приуроченія не знаетъ. Asprigian (=Asprilian) встрѣчается еще (въ связи съ Карломъ Великимъ) въ нидерландской поэмѣ о медвѣдѣ Wisselan и въ Roman om Karl dem Grooten en zijne XII pairs. Считать-ли его заимствованнымъ изъ французскаго источника (Heinzel, Ueber die Walthersage, стр. 78, пр. 1), или видѣть въ суф. -an (Nordian, Aldrian и др.) славянское окончаніе (Bugge, Arkiv 2, 186), что невѣроятно?

1) Гертнитъ I, отецъ Озантрикса, Владимира и Ильи, уже извѣстенъ намъ по войнамъ съ Вильтиномъ и Нордіаномъ (гл. 22, 24—26). У него братъ Hirdir (гл. 22), погибающій въ битвѣ противъ Вильтина.

2) Гертнитъ II, сынъ Озантрикса (гл. 292; 349—355; въ гл. 350 M²: племянникъ, противъ гл. 292 и А, В 350; такъ и въ шведскомъ текстѣ, гдѣ имя Гертнита читается Herding). Рассказывается о нашествіи на него короля Изунга изъ Бертангала (Sv: Bretania); происходитъ смертный бой; жена Гертнита, Ostacia или Ostancia, дочь Руны, короля Austriki, заколдована была съ дѣтства своей матерью, знахаркой, и сама стала чаровницей; въ битвѣ съ Изунгомъ она участвуетъ лично, обернувшись дракономъ, съ полчищемъ такихъ же оборотней, — какъ о томъ поется въ нѣмецкихъ пѣсняхъ (гл. 352). Она проглатываетъ Изунга, но сама поражена старшимъ его сыномъ и умираетъ въ послѣдствіи. Все вражье войско перебито, самъ Гертнитъ оправился отъ тяжкихъ ранъ, еще долго правилъ царствомъ вильтиновъ и совершилъ много подвиговъ, какъ рассказано въ сагъ о немъ, о которой, впрочемъ, здѣсь не говорится (гл. 355).—Шведская риёмованная хроника, зависящая отъ Sv, представляетъ то отлічіе, что и Гертнитъ умираетъ въ бою; онъ названъ сыномъ Гертнита, Hertnit Hertnitson.

3) Гертнитъ III, сынъ Ильи (гл. 31, 137, 141; у него братъ Ovid гл. 31 M¹, или Hirdir 31, 49 M²; въ Sv: Herding и Osid), идетъ развѣдчикомъ въ рассказѣ о брачной поѣздкѣ Озантрикса, поддерживаетъ сватовство Нордунга за дочь Озантрикса, Эрку, участвуетъ въ войнѣ Озантрикса съ Аттилой.

Мюлленгофъ, а за нимъ другіе изслѣдователи отождествляли этого Гертнита III съ предыдущимъ, руководясь варьянтомъ къ главѣ 350, гдѣ Гертнитъ III названъ племянникомъ Озантрикса. Если объединять обѣихъ Гертнитовъ, сына Озантрикса и сына Ильи, то нѣтъ основаній дать послѣднему предпочтеніе передъ первымъ на основаніи одного лишь различія, когда нѣмецкая поэма объ Ортнитѣ называетъ его племянникомъ Ильи русскаго.

Въ угоду теоріи Symons готовъ посягнуть даже на это прямое показаніе и въ этомъ смыслѣ толкуеть обращеніе Ортнита къ Ильѣ въ 55-й строфѣ поэмы: *я сынъ твоей сестры*; съ тѣхъ поръ какъ всѣ князья (повинуются) нашей власти (in unserm Gewalte sind), *я избираю тебя моимъ отцомъ, ты мнѣ отецъ* (ich will dich zu Vater kiesen; du bist der Vater min); то есть, въ отца мѣсто¹⁾. Такова, какъ извѣстно, роль и правовое значеніе дяди по матери въ обществѣ, въ которомъ сохранились пережитки матриархальнаго быта.—Замѣтимъ, что въ краткомъ пересказѣ легенды объ Ортнитѣ въ Dietrichs Flucht (ок. 1285—1290 г. по предположенію Martin'a)²⁾ его отцомъ названъ римскій король Sigehir, а въ Anhang къ Heldenbuch'у отецъ носить имя сына (какъ въ шведской риёмованной хроникѣ: Hertnit Hertnitson).

Содержаніе нѣмецкой поэмы, текстъ которой въ настоящемъ его видѣ относятся къ третьему десятилѣтію XIII вѣка, вкратцѣ слѣдующее:

а) Ортнитъ, племянникъ Ильи русскаго по матери, царитъ въ Garte, то есть, въ Гардѣ, въ Ломбардіи; слышитъ о красотѣ дочери Machorel'я (Marchorel, Nachorel, Zacherel, Achahal, Nachael, Nachaol), властвующаго въ Судерсѣ (Suderz, Sunderz, Syders, Sanderz) въ Сиріи (Sürie, Syvreie, Surgen), рожденной въ Montabûr (Montamur и др.). Не смотря на то, что сватовство грозитъ опасностью, ибо Machorel рубитъ головы всѣмъ притязующимъ на руку дочери (онъ собирается взять ее за себя по смерти жены), Ортнитъ рѣшается на поѣздку, и Илья обѣщаетъ ему помощь: онъ-то и сообщилъ ему вѣсти о красавицѣ, о ея родѣ и племени. Илья проситъ только отложить походъ до весны: ему надо съѣздить на Русь, гдѣ онъ не былъ около года, повидать жену и дѣтей; привести дружину. Въ условленное время всѣ отправляются; путь идетъ на Мессану, оттуда до Suders'a

1) Symons, Grundriss, I. c., стр. 34 слѣд.

2) Deutsches Heldenbuch II, Einleitung, стр. LIV и v. 2057 слѣд.

двѣнадцать дней; прїѣзжихъ пустили въ гавань, когда они назвались купцами. Ихъ предпрїятіе удалось, благодаря пособничеству шаловливаго духа Альбериха, который оказывается настоящимъ отцомъ Ортнита; номинальный не названъ. Никому не видимый, Альберихъ проникаетъ во дворець Махореля, заявляетъ, что присланъ сватомъ, и когда король неистовствуетъ, желая схватить незримаго посланца, и требуетъ онъ него вѣрительной грамоты, Альберихъ даетъ ее ему—въ видѣ пощечины. Судерсъ взять и войско Ортнита идетъ на Монтобуръ; его ведетъ Альберихъ, верхомъ на конѣ Ортнита; видно лишь знамя въ его рукахъ; всѣ дивуются, а Ортнить говорить, что это ангелъ Божій указываетъ имъ путь. Ночью Альберихъ пробирается на городскую стѣну, портитъ весь боевой снарядъ и сбрасываетъ его въ ровъ. Махорель продолжаетъ упорствовать; жена уговариваетъ его отдать дочь: Ортнить уже взялъ Судерсъ, перебилъ народъ, и самому тебѣ придется поплатиться. Махорель заушаетъ жену: коли станешь приставать съ совѣтами, плохо тебѣ будетъ. А она выражаетъ желаніе, чтобы Богъ Ортнита даровалъ ему побѣду. Проникнувъ во дворець Махореля, Альберихъ передаетъ его дочери предложеніе Ортнита и съ ея согласія уводитъ ее къ нему. Изъ Судерса Ортнить съ невѣстой отправляются въ обратный путь.

б) Махорель готовить мечь: въ знакъ примиренія съ зятемъ онъ посылаетъ ему подарки, въ ихъ числѣ ларець (bulge), но то, что въ немъ, еще не выросло, говоритъ посланецъ: тамъ аврамова жаба (abrahamschin kröte: изъ Аврамова сада, о которомъ въ средніе вѣка говорились диковинки), она принесетъ тебѣ камень, краше котораго не было подъ солнцемъ. По указанію посланца ларець отнесенъ въ горы; въ немъ было два драконовыхъ яйца, изъ которыхъ со временемъ вылупились чудовища, опустошавшія страну. Плохо приходилось витязямъ, выѣзжавшимъ противъ нихъ; выѣхалъ и Ортнить и проглоченъ дракономъ. — Позже прибылъ туда Вольфдитрихъ, убилъ дракона и женился на вдовѣ Ортнита.

Краткая передача этого сказанія въ *Dietrichs Flucht* не знаетъ ни Ильи, ни Альбериха: Отниту, сыну *Sigehir'a*, его люди совѣтуютъ жениться, указываютъ и на невѣсту, дочь гордаго (*vermezzen*) короля *Gódián'a* (вар. *Gordeán*), убивавшаго всѣхъ, кто за нее посватается; онъ царитъ въ *Galamé*, вар. *Salan*. Отнить отправляется къ нему съ войскомъ по морю и начинаетъ опустошать страну. Устрашенный этимъ *Годіанъ* нехотя отдаетъ ему дочь, но въ отместку велитъ тайкомъ отнести въ римскія области четырехъ змѣенышей (*wilde wüme*). Развязка та же: Отнить погибаетъ, драконъ убитъ прибывшимъ изъ Греціи *Вольфдитрихомъ*.

Составителю *М*² извѣстна была какая-то поэма или сказаніе объ *Ортнитѣ* того же типа, и онъ воспользовался однимъ ея эпизодомъ — бой съ змѣемъ — но внѣ русскихъ отношеній. *Ortnit* названъ у него *Hertnit'омъ*, но царитъ онъ не въ *Garti*, а въ *Bergaga* (вар. *Babilon*; въ *Sv*: *Ortnidh*, *Brugaga*: Болгарія?); онъ наѣзжаетъ въ лѣсу на дракона, въ бою съ которымъ погибаетъ; мстителемъ является *Тидрекъ Бернскій*, замѣнившій *Вольфдитриха*, согласно съ планомъ саги, сдѣлавшаго первого центромъ своихъ сказаній.

Редакторъ *М*² видимо не соединилъ этого разсказа съ разбросанными слѣдами какихъ-то «нѣмецкихъ пѣсень», саги о *Гертнитѣ-Ортнитѣ* русскомъ, которые уже въ его источникѣ могли распредѣляться по *Гертнитамъ* русской генеалогіи: племянникъ Ильи, ходившій за море по невѣсту, очутился его сыномъ — и дѣйствующимъ лицомъ въ брачной поѣздкѣ *Озантрикса* — это *Гертнить III*; къ *Гертниту II*, племяннику Ильи по сагѣ, присталъ разсказъ о битвѣ съ *Изунгомъ*. Я не рѣшаюсь признать въ этомъ эпизодѣ особую версію боя *Ортнита* со змѣемъ, какъ то дѣлаетъ *Иречекъ*: *Гертнить* и не убитъ (по мнѣнію критика сага отиѣчала трагическій эпизодъ), да и мстителя нѣтъ. Фантастика разсказа отзывается сѣвернымъ колоритомъ. *Миуленгофъ*, сравнивалъ эпизодъ саги *Hrómundar Greipssonar* о боѣ сыновей *Грейпа* съ *Гелою*, надъ которымъ вилась *валькирія Кара*, обез-

сливая своими чаровными пѣснями его враговъ¹⁾. Но параллелей представляется много и разнообразныхъ. Въ Hrólfssaga Kraka Hrólf и его витязи погибають въ битвѣ съ Hjórgvard'омъ: жена Hjórgvad'a, Skuld, изъ рода эльфовъ, его войско сопровождается демонами, какъ и въ сагѣ о Hálfdan'ѣ, сынѣ Eustein'a, рать Ulfkel'я демоническая, король біармійцевъ, Hárekr, носитя дракономъ; образъ дракона принимаетъ и Grímr въ сагѣ о Gongu-Hrólf'ѣ и всѣхъ убиваетъ своимъ ядомъ. Въ сагѣ объ Orvarodd'ѣ королѣ Гуналана Herгаud, за дочь котораго сватается герой, ставитъ условіемъ брака — взысканіе даней съ Альфа, царившаго въ Bjálkaland'ѣ²⁾. Альфъ и жена его Gyda чародѣи: въ битвѣ съ Orvarodd'омъ они и ихъ сынъ, невидимые ему, поражаютъ его людей. Нѣкій Накі, вѣдунъ, велитъ ему посмотреть изъ подъ его руки — и онъ увидѣлъ Гиду; но оружіе ея не беретъ, пока, по совѣту того же Накі, Orvarodd не прибѣгнулъ къ каменнымъ стрѣламъ.

Вопросъ объ отношеніи Гертнитовъ саги къ Ортниту нѣмецкой поэмы вызвалъ небольшую литературу. Во главѣ стоитъ Мюлленгофъ съ его теоріей «германскихъ діоскуровъ», до сихъ поръ держащейся въ нѣмецкой наукѣ³⁾. Построена она строго этимологически, но отправная точка возбуждаетъ сомнѣнія: въ основу поставлено имя не Ortnit-Hertnit'a, а Herding Sv = нижнемѣм. Harding и предвзято обобщены отношенія Ortnit'a къ отжившему за него Вольфедитриху.

Тацитъ (Герм., с. 43) говоритъ, что вандалская народность Наганарваловъ чтитъ двухъ божественныхъ братьевъ, Alci, которыхъ римляне сравнивали съ Касторомъ и Поллуксомъ; ихъ

1) *Zs. f. deutsch. Alterthum*, XII, 851; XXIII, 124.

2) Какъ полагають, въ западной Россіи, въ странѣ *Бялокъ*. Проф. Миккола видитъ въ Bjalkoland'ѣ — Бялозерье, въ ея жителяхъ — весь. Сл. *Finnisch-ugrische Forschungen* II (1902): *Finnisch-slavische Beziehungen*, стр. 74—5.

3) *Müllenhoff*, *Zs. f. deutsch. Alterthum*, VI, 435 слѣд.; *ib.* XII, 344 слѣд. (*Zeugn. u. Excursus* XXIV). Сл. Symons, *Grundriss*, I. с. стр. 679 слѣд.; Jiriczek въ отчетѣ о *Voretach*, *Epische Studien*, I: *Die composition von Huon de Bordeaux* въ *Beiblatt zur Anglia* 1901, Sept. № IX, стр. 260 слѣд.

культу́мъ завѣдывалъ sacerdos muliebrī ornatu; это толкуется: съ распущенными по женски волосами; съ другой стороны названія для вандальской королевской династїи, Asdingi, у Иордана с. 22, Ἀστιγγοί для части вандальскаго племени, поселившагося въ сѣверной Дакии, у Діона — указываютъ на корень *hazds, сѣв. haddr, англосакс. heord: женскіе волосы. Оттуда сѣверные Haddingjar, какъ зовутся двое младшихъ сыновей Арнгрима¹⁾; по сагѣ о Нервуг они близнецы, и ихъ сила вдвоемъ равна силѣ каждаго въ отдѣльности. Привлекаютъ къ объясненію и Helgi Haddingjaskati утраченныхъ пѣсней о Карѣ, о которыхъ говорить послѣсловіе въ прозѣ къ Helgakvida Hundingsbana II; сагу о Гротундѣ, сынѣ Грейпа. Сѣверные Haddingjar, волосатые, отвѣчали бы англос. Heardingas, нижненѣм. Hardinge, средне-верхненѣм. Hartunge; нижненѣм. Hardnid, откуда сѣв. Hertnit и верхненѣм. Ortnit были бы искаженіемъ первичнаго имени. — Вандальская сага о братьяхъ Газдингахъ осталась на сѣверѣ, гдѣ приурочена была къ славянамъ или вендамъ, которыхъ въ VIII—IX вв. отождествляли съ вандалами.

По Иречку мноѣ о братьяхъ діоскурахъ, съ сюжетомъ родовой мести, совершенной однимъ изъ нихъ за смерть другого, перешелъ изъ Германіи на сѣверъ въ IX—X вв., если пѣсню о Карѣ отнести приблизительно ко времени около 1000 года²⁾.

Этихъ діоскуровъ открываютъ въ Гертнитахъ саги о Тидректѣ; но что-же даетъ она въ подтвержденіе многа³⁾? Указываютъ на парность именъ: у старшаго Гертнита (отца Озантрикса) — братъ Hirdir; братъ Гертнита, сына Ильи, также зовется Hirdir; но тотъ и другой отдають разсказу одно только имя и ничего болѣе; на признаніе ихъ діоскурами нѣтъ никакихъ данныхъ. Правда, діоскурами считаютъ и Ортнита и Вольфдитриха нѣмец-

1) Hundulioð 23; Orvaroddssaga с. 14 (сл. Воер къ 29-й главѣ комментированнаго изданія саги). Saxo ed. Holder, стр. 166⁴—7.

2) Weiblatt, I. с., стр. 263—4.

3) Матеріалы для легенды типа діоскуровъ сл. у Sainéï, *Basmele române*, Indice, а. v.

кой поэмы: одинъ погибъ въ бою съ дракономъ, другой явился на смѣну древняго мстителя—брата. Но, во-первыхъ, о братствѣ героевъ нѣтъ и помина, во-вторыхъ несомнѣнно, что темы Ортнита и Вольфдитриха существовали отдѣльно и что спай сюжетовъ произошелъ именно въ эпизодѣ мщенія, при чемъ остается открытымъ вопросъ, принадлежитъ-ли рассказъ о смерти Ортнита отъ дракона первичному сказанію о немъ, или нѣтъ.

Вся гипотеза Мюлленгофа держится на желаніи привязать показанія Тацита къ спутанной композиціи сѣверной саги, въ которой участвовали въ живописномъ безпорядкѣ элементы германскаго, славянскаго и даже романскаго эпосовъ.

Итакъ, по мнѣнію Мюлленгофа, сага о Газдингахъ осталась на сѣверѣ въ приуроченіи къ славянамъ или вендамъ. Нижненѣмецкія преданія знали русскаго Herdnid'a, сѣв. Hertnit; сага о Тидрекѣ заставляеть стараго Гертнита I царить въ Holmgard'ѣ, Новгородѣ: старосѣв. Nógardr, средневѣк.-лат. Nogardia, Немогарадъ Константина Багрянороднаго, староверхненѣм. Nógarden, Nougarten, средн.-верхненѣм. Nógarten. Могли рассказывать, что и Hertnit-Ortnit, племянникъ или сынъ Ильи, властвовали въ Nógarten'ѣ; о его походахъ говорили нижненѣмецкія саги. Такая сага проникла въ южную Германію и подверглась новой, итальянской локализаци, преобразившей Nógarten въ Garten = Гарду. Такая, уже приуроченная наново сага была подъ руками редактора поэмы объ Ортнитѣ, составленной въ 1225—6 годахъ (либо локализаци принадлежать ему?). — Замѣтимъ, что ни объ одномъ изъ младшихъ Гертнитовъ (II и III) саги не говорится, что они царили въ Новгородѣ; для Garten и не нуженъ собственно Hólmgardr или Nógarten, а сѣв. gardr или gardar; слав. городъ: Mikligardr = Константинополь, Koenugardar — Киевъ (сл. у Гелинанда: *Russia autem vocatur a Danis Ostrogard... haec etiam Chunigard dicitur... Hujus metropolis civitas est Cue*); Starogard = нынѣшній Stargard, Belegard (= Бѣлградъ); Gartz (у Потсдама) въ Помераніи.

Къ толкованію Мюлленгофа, но съ отличіями, примкнулъ

Нейманнъ ¹⁾. Дошедшій до насъ текстъ Ортнита онъ считаетъ контаминаціей двухъ поэмъ: одной, составленной вскорѣ послѣ 1217 года, и другой, написанной позднѣе, но на основаніи историческихъ воспоминаній о событіяхъ 1124 года.

Въ содержаніи поэмы соединены двѣ саги, герои которыхъ носили одно и то-же имя, не имѣя, кромѣ него, ничего общаго другъ съ другомъ: въ одной говорилось о брачной поѣздкѣ Ортнита, сына Ильи, въ другой объ Ортнитѣ ломбардскомъ, сынѣ Альбериха, и его боѣ съ змѣемъ. Когда произошло соединеніе, Ильѣ пришлось поступиться своимъ мѣстомъ, и изъ отца онъ сталъ *дядей* Ортнита. Первое сказаніе о брачной поѣздкѣ Ортнита отразилось въ сагѣ о Тидрекѣ эпизодомъ о таковой же поѣздкѣ Озантрикса, при чемъ помощникомъ его является его племянникъ Гертнитъ, сынъ Ильи; по мнѣнію Нейманна, въ началѣ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ Hertnit-Ortnit, котораго и замѣнилъ Озантриксъ. Мы уже знаемъ, что рассказъ о сватовствѣ послѣдняго воспроизводитъ содержаніе какой-то поэмы, сходной съ поэмой о Ротерѣ, но между нею и тѣми моментами поѣздки, которые можно выдѣлить изъ Ortnit'a, слишкомъ мало общаго, чтобы ихъ можно было отождествить или возвести къ общему источнику. Что касается гипотезы объ Ильѣ, какъ отцѣ Ортнита, то мы уже попытались устранить ее.

Въ колеѣ Мюлленгофа идетъ, какъ мы видѣли, и Symons ²⁾. Составитель саги, говорить онъ, не подозрѣвалъ тождественности Гертнитовъ II и III русской генеалогіи и Гертнита Бергарскаго: всѣ они представляютъ раздробленіе одного нижненѣмецкаго Hardnid'a. Древней формой имени предполагается Herding (Sv. Herding) — и принимается знакомая намъ гипотеза Гасдинговъ: Haddingjar, Herdenge, Hartunge. Основная тема была такая: Hertnit борется съ дракономъ и погибаетъ, его братъ Hir-

1) Friedr. Neumann, Die Entwicklung der Ortnitsdichtung und der Ortnitsage, Germania, XXVIII (1882), стр. 196 слѣд.; 211 слѣд.; стр. 213, 219.

2) Paul's Grundriss², III, стр. 679.

dir (нижненѣм. Herder), первоначально то же Hertnit, мститъ за него; въ южнонѣм. преданіи его замѣнилъ Вольфдитрихъ, въ сагѢ о ТидрекѢ—онъ самъ.

Гертнитъ I, отецъ Озантрикса, Владимира и Ильи попалъ не въ свое мѣсто — путемъ раздробленія: первоначально онъ былъ сыномъ Ильи, старшимъ изъ двухъ братьевъ—діоскуровъ; сага даетъ Ильѣ двухъ сыновей, Гертнита и Hirdir'a или Osid'a. Авторъ раздѣляетъ взглядъ Storm'a¹⁾, что къ Владимиру саги примѣшались черты Болеслава польскаго; имя Владимира могло войти въ нижненѣмецкую сагу до конца XI вѣка. Въ концѣ того же столѣтія или въ началѣ слѣдующаго она могла проникнуть въ южную Германію, судя по тому, что въ поэмѣ объ Ортнитѣ Ильи русскій тѣсно сплоченъ съ ея содержаніемъ, а личное имя Pias встрѣчается въ Баваріи около 1190 года. Въ южной Германіи совершилось приуроченіе сказанія къ Италиі: Gartip = Nögarten и т. д.; поэма объ Ортнитѣ написана въ 30-хъ годахъ XIII вѣка. Имя Ортнита — искаженіе нижненѣмецкаго Hertnit'a.

Разумѣется, собственное имя Pias 1190 г. не даетъ еще точки отправления въ вопросѣ о переселеніи нижненѣмецкой саги на югъ; Ильи «русскій» Ортнита, пока онъ не приуроченъ хронологически, также не является прочнымъ terminus a quo. Искаженіе Hertnit'a въ Ortnit'a могло произойти по типу собственныхъ именъ съ Orte—: Ortlieb, Ortvin, какъ зовется сынъ Аттилы въ Þidrekssaga'ъ = Ort Битерольфа; Bleyer²⁾ сближаетъ Ort—Ortvin'a съ именемъ сына Аттилы въ гуьнско-мадьярской хроникѣ: Aladár, въ которомъ видитъ гот. *Arda—reiks (сл. лонг. Ardericus), относя arda—къ старосакс. ard, англос. eard = вотчина (Stammgut), что дало бы староверхненѣм. arto, средневерхненѣм. arte — и далѣе Orte. — Замѣтимъ, что Þidrekssaga, 39

1) Сл. выше, стр. 8 сл.

2) Bleyer, Die germ. Elemente der ungarischen Hunnensage въ Beitr. Z. Gesell. der deutsch. Sprache u. Literatur XXXI B (1906), стр. 569 слѣд.

дасть Аттилѣ старшаго брата Ortnit'a (M¹ и M²; A Ortn, B Ortnunt).

Voretsch¹⁾ подошелъ къ вопросу со стороны, которой мы до сихъ поръ не касались. Мы знаемъ, что въ поэмѣ объ Орtnитѣ его товарищемъ въ брачной поѣздкѣ является его дядя Илья, но главнымъ пособникомъ демонъ Альберихъ. Въ краткой передачѣ содержанія поэмы въ Dietrichs Flucht ни тотъ, ни другой не упомянуты, и выражено было мнѣніе, что такъ было и въ подлинникѣ, которымъ пользовался авторъ, болѣе древнимъ, чѣмъ дошедшая до насъ поэма объ Орtnитѣ. Съ другой стороны, давно было обращено вниманіе на сходство одной изъ существенныхъ темъ послѣдней съ темой старо-французскаго Huon de Bordeaux: я разумѣю брачную поѣздку. За невольное убійство Карлъ Великій осуждаетъ Huon'a на изгнаніе; онъ вернется развѣ тогда, когда исполнить возложенныя на него задачи, казавшіяся неисполнимыми: поѣдетъ на востокъ къ эмиру Gaudisse, при немъ и при всемъ дворѣ поцѣлуетъ его дочь, а Карлу привезетъ его зубъ и клокъ бороды. Все это совершаетъ Huon при помощи своего покровителя, демона Aubegon'a; сверхъ всего онъ увозитъ и дочь эмира, на которой женится. Если отвлечь отъ этихъ приключеній ихъ поводъ и мотивъ трудныхъ задачъ, то получится схема главной части Орtnита: тамъ и здѣсь брачная поѣздка, удающаяся при помощи Aubegon'a—Альбериха, несомнѣнно альфа-эльфа германской мифологіи. Отсюда два вывода; одинъ касается извлеченія Орtnита въ Dietrichs Flucht: его языческій царь называлъ Godian, что, повидимому, отвѣчаетъ Gaudisse Huon de Bordeaux, и можно выразить сомнѣніе, не объяснить-ли отсутствіе Альбериха краткостью экскерпта, а не тѣмъ, что въ древнемъ разсказѣ его еще не было и онъ введенъ лишь авторомъ поэмы объ Орtnитѣ. Я не отрицаю возможности, что такая стадія легенды—безъ Альбериха—существовала, и, быть можетъ,

---

1) Voretsch, Epische Studien I, Die Composition des Huon de Bordeaux, стр. 320 слѣд

нѣ удастся доказать ея вѣроятность. Другой выводъ: Huon de Bordeaux не знаетъ битвы съ дракономъ, въ сущности и дѣйствіе Ортнита кончается увозомъ невѣсты и битва, является эпизодомъ, приготовляющимъ выступленіе Вольфдтриха мстителя.

Таковы посылки, на которыхъ Vogetsch строитъ свою теорію. Основной мотивъ Ortnit'a = Huon de Bordeaux — франкскій: брачная поѣздка подъ водительствомъ демона Альбериха — Оберона; эпизодъ съ дракономъ присталъ позже изъ пѣсень шпильмавовъ.

Составитель М², вѣроятно, не зналъ нашей поэмы о немъ, а для эпизода о Гертнитѣ Бергарскомъ воспользовался поэмами о Вольфдтрихѣ А и В, въ болѣе древнихъ редакціяхъ, либо обоими вмѣстѣ, если не ихъ общимъ источникомъ.

Такимъ образомъ возстановляется старая, южно-нѣмецкая сага о брачной поѣздкѣ Ортнита, съ Альберихомъ и безъ змѣи и порывается всякая генетическая связь между Ортнитомъ и русскими Гертнитами саги; все сводится къ сближенію поэмъ — по созвучію и нѣкоторымъ внѣшнимъ пережиткамъ. Составитель Ортнита слышалъ о русскихъ Гертнитахъ и перенесъ къ своему герою Илью русскаго: изъ дяди или отца Гертнита (II и III) Илья сталъ дядей Ортнита, замѣнивъ собою какое нибудь другое лицо, такого-же совѣтника, какъ Geriaume или Aliaume при Huon de Bordeaux. Приуроченіе дѣйствія къ итальянской Гардѣ могло совершиться самостоятельно, внѣ всякаго соотвѣтствія съ Nôgarten'омъ; да Гертнитъ (сынъ или племянникъ Ильи) и не царитъ въ Новгородѣ, что замѣчено было мною и всѣми, и не называется «русскимъ». Что касается, наконецъ, Гертнита II и эпизода объ Остацин, то онъ ничего общаго не имѣетъ съ «добываніемъ (Erstreiten) невѣсты». Полагаю, что эта параллель никому не приходила въ голову: можно было сопоставить, и то условно, битву при участіи Остацин-оборотня — съ эпизодомъ о драконѣ, отъ котораго погибаетъ Ортнитъ¹⁾.

1) См. выше стр. 31.

Нельзя не сказать, что такой взгляд на отношенія сѣверныхъ Гертнитовъ къ нѣмецкому Ортниту покоится на гипотезѣ случайнаго созвучія именъ, къ которому впоследствии пристраивается и генеалогическое уравненіе. Если содержаніе поэмы объ Ортнитѣ и не воспроизводится ощутительно въ разсказахъ о Гертнитахъ (я, впрочемъ, придержался бы параллели: Ортнита, ѣдущаго по невѣсту, и Гертнита II, участника въ брачной поѣздкѣ Озантрикса), то возможно и другое построеніе, равносильное предложенному Vogetsch'омъ: Ортнитъ остался бы въ русской генеалогіи вмѣстѣ съ Ильей, но къ нему примѣнился мотивъ брачной поѣздки типа *Huon de Bordeaux*. Редакторъ М^р видимо отождествлялъ имя Ортнита съ Гертнитомъ, когда разсказывалъ о гибели Гертнита Бергарскаго отъ дракона; если онъ не внесъ этого Гертнита въ русскую родословную, то потому что въ его подлинникѣ имени Ильи не было: по предположенію Vogetsch'a его источникомъ была не поэма объ Ортнитѣ, а какая нибудь версія Вольфдитриха, гдѣ Ильи нѣтъ.

Я не предлагаю непосредственнаго сближенія Гертнита и Ильи сѣверной саги съ Ортнитомъ и Ильей поэмы. Тѣ и другіе могутъ быть различными отраженіями одного общаго источника.

IV.

Ортнитъ и Илья русскій. Ортнитъ и Волга.

Засталъ-ли авторъ нѣмецкой поэмы сагу объ Ортнитѣ уже приуроченной къ Италіи, или ему принадлежитъ приспособленіе къ новой мѣстности, которую, повидимому, онъ зналъ *de visu*, но ему, по мнѣнію Мюлленгофа и Енике, принадлежитъ приспособленіе дѣйствія къ историческимъ моментамъ, которыхъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Такимъ моментомъ были политическіе замыслы Фридриха II, которые онъ пытался осуществить въ Италіи и отчасти осуществилъ до 1226 года. Согласно съ этимъ и

Махорель очутился съ чертами ассасина, о которомъ такъ много рассказывали крестоносцы, но на представленіе о его царствѣ (ему подвластенъ и Іерусалимъ, строфа 13) могла повліять память о власти Малекъ-эль-Аделя († 1218 г.), обвинявшей и Сирію и Египеть. Именно Малекъ-эль-Аделемъ построена была въ 1212 году крѣпость на Фаворѣ, *Montabûr* поэмы; неудачная попытка крестоносцевъ въ 1217 г. овладѣть этой крѣпостью отвѣчаетъ эпизоду поэмы о событіяхъ подъ *Монтабуромъ*, историческая подкладка которыхъ представляется Мюлленгофу несомнѣнной. Но онъ идетъ и далѣе, предполагая, что бракосочетаніе Фридриха II съ Изабеллой (Голантой), королевой Іерусалимской, 9 ноября 1225 г., и было поводомъ для автора обработать наново старый рассказъ о брачной поѣздкѣ Ортнита. Главное основаніе этому предположенію дано въ отождествленіи Судерса съ Тиромъ. Ортнить отправляется съ своимъ флотомъ изъ Мессины и присталъ къ Судерсу; крестоносцы отплыли въ 1217 г. у Спалато и прибыли въ Акру. Поэтъ не задумался представить Судерсъ главнымъ городомъ язычниковъ, хотя Тиръ, завоеванный съ 1124 г., покинутъ былъ христіанами лишь въ 1291 году и за все это время оставался въ ихъ рукахъ. Автору нуженъ былъ для его рассказа приморскій городъ, онъ и выбралъ Тиръ, хотя Акра представляла болѣе удобное мѣсто для нападенія на *Монтабуръ*. Измѣненіе Тира, восточн. *Tsor, Szor, Szur*, старофранц. *Sur*, нѣм. *Surs* въ *Suders*, объявляется желаніемъ автора поставить вмѣсто географически опредѣленной мѣстности другую, менѣе опредѣленную; напомнимъ, впрочемъ, что *Turim, id est Suders*, встрѣчается подъ 1193 годомъ въ Адмонтскихъ анналахъ. Тиръ подсказанъ былъ и тѣмъ еще соображеніемъ, что здѣсь Изабелла вѣнчана была на Іерусалимское царство послѣ того, какъ въ Акрѣ заключенъ былъ *per rogationem* ея бракъ съ Фридрихомъ II; отсюда же она отправилась осенью 1225 года въ Апулію, гдѣ бракосочетаніе состоялось въ Бриндизи.

Послѣдующія работы, касавшіяся историческихъ отношеній

Ортнита, покоясь на соображеніяхъ Мюлленгофа, лишь видоизмѣняли ихъ. Съ взглядами Нейманна мы познакомились выше ¹⁾. Vogetsch не согласенъ съ его попыткой выдѣлить изъ дошедшаго до насъ текста строфы и стихи, принадлежавшіе двумъ сплоченнымъ въ немъ поэмамъ; по его мнѣнію, Ортнитъ — переработка болѣе древней версіи, совершившаяся подъ вліяніемъ событій 1217—1229 годовъ, попытка поверхностная, не сдѣланная помирить древнее съ новымъ. — Симонъ полагаетъ, что авторъ Ортнита (въ 30-хъ годахъ XIII вѣка) нашелъ сагу о немъ уже значительно обѣднѣвшей и обработалъ ее свободно, воспользовавшись какой-нибудь болѣе древней поэмой (Spielmannsgedicht), приладивъ дѣйствіе къ походу Андрея Венгерскаго 1217 года. Maschogel напоминаетъ имя сирійскаго султана (Малекъ-эль-Адель?), Альберихъ-Оберонъ прислонился къ рагвус Sargasenus, игравшему при осадѣ Фавора роль, аналогичную съ ролью Альбериха.

Такимъ образомъ Мюлленгофъ и его послѣдователи думаютъ объяснить появленіе Тира-Судерса въ поэмѣ и получается для нея хронологическій terminus a quo. Я хотѣлъ заглянуть по ту сторону этой географіи, можетъ быть, наслоенной на болѣе древнюю: если Гартенъ замѣнилъ какой-нибудь garđr или гардъ, то возможно предположеніе, что Судерсъ, во взятіи котораго участвовалъ Илья русскій, и не былъ первоначально Судерсомъ-Тиромъ. Поставить этотъ вопросъ побудило меня ²⁾ изслѣдованіе покойнаго В. Г. Васильевскаго о житіи св. Стефана Сурожскаго въ его русскомъ пересказѣ, сохранившемся въ Торжественникѣ XV вѣка ³⁾. Греческій подлинникъ русскаго житія утраченъ или не найденъ; русскій пересказчикъ отнесся къ нему стилистически свободно, но, передавая содержаніе посмертныхъ чудесъ святого, видимо довольствовался «наличнымъ матеріаломъ» ⁴⁾. Насъ

1) См. выше, стр. .

2) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, Мартъ, стр. 18 слѣд.

3) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889, Май и Іюнь.

4) I. с. Іюнь, стр. 440.

спеціально интересуеть чудо, связанное съ пришествіемъ изъ Новгорода, подъ предводительствомъ князя Бравлина, русской рати, поглѣбившей все—отъ Керчи до Корсуни и разгромившей Суроужъ и его святили. Чудо съ обращеніемъ Бравлина совершилось «не много лѣтъ» по смерти святого († около 787 года)¹⁾, при первомъ его преемникѣ, стало быть въ началѣ IX вѣка, и записано, вѣроятно, ранѣе конца слѣдующаго²⁾. Итакъ дѣло идетъ о какомъ-то неизвѣстномъ нашествіи на Суроужъ въ первой половинѣ IX вѣка; вражеская рать могла придти изъ какого-нибудь южнаго Новгорода—*Νεάπολις*, если Новгородъ не принадлежитъ позднѣйшей вставкѣ³⁾. В. Г. Васильевскій предполагалъ, что рать была готская, готское и имя Бравлина, напомнившее ему, между прочимъ, вестготскаго епископа Брадисона⁴⁾. Это или подобное имя могло стоять и въ греческомъ подлинникѣ, вѣроятно, называвшемъ и рать тавроскинами: названіемъ, обозначающимъ «или безразлично готовъ, смѣшавшихся съ древнимъ населеніемъ и русскихъ, либо съ начала готовъ, а съ IX-го вѣка русскихъ»⁵⁾.

Въ связи съ послѣдней гипотезой я поставилъ другую: византійцы называли племена, поочередно являвшіяся на югѣ Россіи, мирмидонами⁶⁾; едва-ли одна южно-русская локализациа Ахилловой легенды повела къ такому обозначенію—безъ встрѣчной поддержки въ мѣстныхъ *Μυρμηκίων*, (сл. *Μυρμιδόν* или *Μυρμιδονα*, въ *Virtutes Andreae*, *Μερμηδονία* англосаксонской поэмѣ о немъ) и, можетъ быть, въ этническихъ названіяхъ. Одно изъ нихъ и могло быть осмыслено, какъ *Μυρμηδόνες*; *Μυρμιδών* былъ бы

1) I. с. Май, стр. 102; Июнь, стр. 440.

2) I. с. Июнь, стр. 441.

3) I. с. стр. 440, 450.

4) I. с. стр. 451.

5) I. с. стр. 448—9.

6) Васильевскій, Хожденіе апостола Андрея, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. стр. 176 слѣд.; Πολίτης, Ἑλληνικοὶ Μεσαιωνικοὶ μῦθοι ἐν Δελτίῳ τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, том. I, τεύχ. 1, стр. 96 слѣд. (по поводу Sathas, La tradition hellénique etc. Paris, 1883).

эпонимомъ народности; въ русской передачѣ, опредѣленной традиціонной этимологіей (*μύρμηξ*)—Мравлинъ; Бравлинъ было бы искаженіемъ. Бравлинъ-Мравлинъ, русскій князь, ходилъ на Сурождь, какъ въ поэмѣ объ Ортнитѣ Илья русскій участвуетъ въ походѣ на языческій (?), можетъ быть, еврейско-хазарскій (см. имя князя: Nachagel, Machogel, Zachegei: Нахоръ, Захарія?) Suders: Suders отъ Su(g)da, Судакъ, какъ средневерхненѣм. Askers изъ Акка. Разница въ томъ, что въ поэмѣ Илья и его рать христіане, тогда какъ Бравлинъ язычникъ, чтò странно, если его русская рать—готская. В. Г. Васильевскій¹⁾ выходилъ изъ затрудненія, предположивъ, что разумѣются не готы Климатовъ, давно принявшіе христіанство, а какія нибудь другія поселенія германскаго племени на сѣверъ отъ Корсуни или около Симферополя. Можетъ быть, слѣдуетъ удержатъ лишь самый фактъ нападенія, объяснивъ остальное цѣлью легенды: надо было прославить мѣстнаго святого, и враги поневолѣ явились язычниками; Бравлинъ принимаетъ крещеніе.

Мирмидонъ-Мравлинъ напомнилъ мнѣ этническое значеніе Мерминки новогреческихъ пѣсень, на чтò, вѣтъ связи съ моей гипотезой, указалъ еще Васильевскій²⁾. Въ шуточной критской пѣснѣ (изъ сборника Яннараки) муравей=*ὁ Μέρμηυκας* является героемъ:

Встрѣтился со мной муравей (Мерминка)
Сербина сынъ, сербинки сынъ,
На холмѣ мостъ, прекрасный!

Онъ одѣтъ по еврейски, вооруженъ по турецки, «а былъ притомъ и муравей». Онъ идетъ въ Сирію воевать, на улицѣ съ нимъ встрѣтились сарацины и Мавры и сорокъ янычаровъ. Пѣсня, очевидно, не кончена. Въ трапезунтской пѣснѣ у Иоаннида³⁾, переведенной для меня проф. Дестунисомъ, Мѣрмика—христіанка, паленица, воюющая съ сарацинами.

1) I. с. Іюнь, стр. 450.

2) Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, стр. 179—80.

3) *Ἱστορία* и т. д. 285—6 № 18.

«Мёрмика, Мёрмика, на тысячу разъ заколдованная, одѣлась, переиначилась и выступила на гребнѣ горъ; взяла и саблю въ правую руку; пошла по горамъ, по горамъ да по утесамъ плоскогорья и обнажила саблю свою и поразила сарацина. «Боже, хотя бы ты и гнѣвался, я кровь его выпью; въ Царѣградѣ поѣдаютъ христіанъ, а въ Мусирѣ ромеевъ; я его изрублю и къ Мехмету (на тотъ свѣтъ) отправлю. Пять моихъ сыновей убили и (только) малаго оставили; меня, мать свою, звали они, связанные и скованные! Девять годовъ ходилъ и малый мой по необитаемымъ горамъ, и повстрѣчали его драконы и львы (элинны-воители, поясняетъ Іоаннидъ). А левендовъ (турокъ) встрѣтили на плоскогорьѣ Солнца (можетъ быть: Ильи?). И когда пришли къ Фрахтенамъ, только трое ихъ осталось. Тамъ слышатъ какой-то голосъ, еллинскую рѣчь; тамъ слышатъ какой-то голосъ — ахти мѣ, мать! Тамъ нашли моего сына, убитаго копьемъ турка. Много разъ умираю я въ объятіяхъ моего сына. О, кабы убили, вмѣсто тебя, твою скорбную маму!».

Мёрминка — этнографическая загадка, стоящая, быть можетъ, въ связи съ моимъ толкованіемъ Бравлина-Мирмидона сурожской легенды¹⁾. Я не скрываю отъ себя слабую сторону

---

1) Мирмидоны, какъ обозначеніе скизовъ и другихъ племенъ, смѣнившихъ ихъ на Черноморьѣ, напомнили мнѣ другую этническую загадку: область Маунгина у Павла Дьякона, Maungania у Равенскаго географа. Мюлленгофъ предположилъ, что она обнимала всю восточную Германію отъ Эльбы до Вислы и отъ Дуная до Нѣмецкаго моря; другіе ограничивали ее средней и восточной Голштиніей (ten Brink), либо болотистой мѣстностью между Гавелемъ и Шпрее (Ф. Браунъ). Möller (Das altenglische Volkseros, стр. 29, 30), отождествляющей мауринговъ или мауринговъ съ murgingas Vidsið'a, помещаетъ послѣднихъ къ востоку отъ Эльбы, въ восточной Голштиніи, Лауенбургѣ и западномъ Мекленбургѣ; когда лангобарды вышли на югъ изъ своихъ сѣверныхъ сельбищъ (между Эльбой и Нѣмецкимъ моремъ), за ними могла потянуться и часть мургинговъ, нынѣ изъ нихъ застряли на пути южнѣ Гарца: отсюда Murgungon, raga Murgungana. Исслѣдователи колеблются въ этимологіи Maungon, Mauring: одни ставятъ за mōg=raius, Мюлленгофъ указываетъ на старосѣв., исландск., шведск. maur=муравей, старо-верхне-нѣм. maugawī, murgawī и т. д. Maungona, Mauringa означалъ бы страну съ избыткомъ населенія, муравейникъ—Heinzel (Ueb. die Ostgotische Heldensage, стр. 23—5) провозводитъ patronymicum Mau-

этого толкованія: эпонимъ Мирмидона *предположенъ* мною въ недошедшемъ до насъ греческомъ текстѣ житія; проф. Халанскій въ работѣ, любезно мнѣ посвященной, предположилъ другое столь же гипотетическое чтеніе: *ὁ ἀρχὼν τῶν Ῥώς*¹⁾, чѣмъ русскій переводчикъ могъ передать словомъ: мурманинъ, т. е. норманецъ, варягъ, муравленинъ, моровленинъ, моровлинъ; книжникъ школы митрополита Кипріяна передѣлалъ его на церковно-славянскій ладъ: мравленинъ, мравлинъ; бравленинъ, бравлинъ было бы дальнѣйшимъ фонетическимъ измѣненіемъ. Такимъ образомъ мое уравненіе: Бравлинъ=Мравлинъ удержано, но его содержаніе иначе; Муромецъ при Ильѣ не что иное, какъ мурманецъ; древнія формы его прозвища: Муромецъ, Муровецъ указываютъ на сближеніе прилагательнаго мурманскій съ муравскій=варяжскій, и тѣмъ-же сближеніемъ объясняется муровскій шляхъ вм. мурманскій: быть можетъ, названіе для стараго пути варяжскаго²⁾.

Дальнѣйшія соображенія автора основаны на томъ видѣ, какой получило суражское чудо въ нашихъ хронографахъ, зависѣвшихъ отъ хронологическаго построенія Повѣсти временныхъ лѣтъ. Исслѣдованія ак. Шахматова выяснили тотъ фактъ, что въ (предположенномъ имъ) начальномъ кievскомъ лѣтопис-

---

gung, Mauring отъ mōg=Maugus, черный, темнокожій; такъ прозывали, быть можетъ, въ шутку жившихъ къ востоку отъ Эльбы бургундионовъ (?); Mauringami образованъ при помощи славянскаго суффикса -an: съ VI-го вѣка области къ востоку отъ Эльбы заняты были славянами. Гейнцель приводитъ еще изъ *Chronicon imperatorum et pontificum bavaricum*, составленнаго въ концѣ XIII вѣка какигъ нибудь славяниномъ, слѣдующее: *Mauritani, id est omne genus slavogum, et Mauri id est Aethiopes, filii sunt Cham.*

1) М. Халанскій, Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1902 г. за Августъ и Ноябрь. Сл. Авг. стр. 313 слѣд. Главныя положенія этого исслѣдованія уже были изложены въ болѣе раннемъ трудѣ проф. Халанскаго о южнославянскихъ пѣсняхъ про Марка Краевича (сл. отчетъ ак. Ягича въ *Archiv f. slav. Philol.* XVI, 293 слѣд.). Статья того-же автора: *Pias von Reussen und Ija Murgomes* (*Arch. f. slav. Philol.*, стр. 440 слѣд.) обобщаетъ результаты работы, напечатанной (но еще не доведенной до конца) въ указанныхъ книжкахъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

2) Халанскій l. c. Авг. 829.

номъ сводѣ говорилось о появленіи Аскольда и Дира въ Кіевѣ ранѣе призванія Рюрика съ братьями въ Новгородъ и (на основаніи греческой хроники) о нападеніи Руси на Царьградъ — до этого призванія. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ зналъ (по Амартолу), что нашествіе это совершилось при императорѣ Михаи́лѣ, ко времени котораго, по своимъ хронологическимъ соображеніямъ, онъ отнесъ и призваніе Рюрика съ братьями, и начало русской земли. Этотъ фактъ представился ему основнымъ, ему онъ подчинилъ и эпизодъ объ Аскольдѣ и Дирѣ: они очутились боярами Рюрика, отпросившимися у него въ Царьградъ и безъ его разрѣшенія засѣвшими въ Кіевѣ. Они то и ходили на Царьградъ при Михаи́лѣ ¹⁾.

Тому-же хронологическому перенесенію подчинилось и нашествіе на Сурожъ Бравлина начала IX вѣка. «Въ лѣто 6360 (852) наченьшу въ Грѣдѣхъ Михаилу царствовати, начатся прозывать Русская земля, читаемъ мы въ одной изъ позднихъ редакцій Новгородской лѣтописи. И ходиша *Славянь* изъ Новгорода, князь именемъ Бравалинъ, и воеваша на Греки и повоеваша греческую землю отъ Херсона и до Корчева и до Суража (и) около Царяграда» ²⁾. 852-й годъ, какъ годъ воцаренія Михаила, возникъ подъ вліяніемъ ошибочнаго счисленія въ Никифоровскомъ лѣтописцѣ вскорѣ, приведенномъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ ³⁾; Михаилъ царствовалъ съ 842 по 867-й годъ. Кубасовскій хронографъ даетъ рассказъ о Бравлинѣ въ томъ-же текстѣ съ разночтеніями: «И при семъ царѣ Михаи́лѣ въ лѣто 6360 ходила *Русь* войною изъ Новаграда, князь именемъ Бравалинъ, воевати на Греки, на Царьградъ, и повоеваша греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурова и около

---

1) Шахматовъ, Сказаніе о призваніи варяговъ, Изв. Отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. IX (1904 г.), кн. 4, стр. 71 и 76—7 отдѣльнаго оттиска.

2) Васильевскій, I. с. Май, стр. 98.

3) Шахматовъ I. с. стр. 71.

Царяграда... О томъ-же писано въ чудесѣхъ св. Стефана Суржскаго»¹⁾).

«Спеціальныя историческія изслѣдованія должны рѣшить вопросъ о подлинномъ имени русскаго князя, ходившаго на Царьградъ лѣтомъ 860 г. при царѣ Михаилѣ», говоритъ проф. Халанскій, комментируя по хронографу рассказъ о Бравлигѣ, походъ котораго онъ относитъ къ 860 году, когда византійскія свидѣтельства въ первый разъ говорятъ о предпріятіяхъ русскихъ противъ Царьграда. «Изслѣдователь русскихъ героическихъ сказаній, — продолжаетъ авторъ, — можетъ лишь констатировать тотъ фактъ, что древне-русскіе книжники-лѣтописцы, пытаясь соединить народно-русскія героическія преданія о первыхъ князьяхъ русскихъ и походахъ ихъ на Царьградъ съ извѣстіями греческихъ хронистовъ о нападеніи Руссовъ на Византію, приурочивали къ хронологическимъ даннымъ греческихъ авторовъ, относящихся къ этому первому походу (860 г.) Руссовъ, имена то Аскольда и Дира, то Олега Вѣщаго, то Владимира, то, наконецъ, Бравлина»²⁾, т. е. мравлина, норманна. Этотъ норманнъ не кто иной, какъ Олегъ; заключеніе основано на одномъ эпизодѣ хронографа XVII-го вѣка, примыкающаго къ тому типу древнерусскаго лѣтописанія, который представленъ такъ называемой Іоакимовской лѣтописью, хронографа, полного «эпическихъ элементовъ», позднихъ вариантовъ сказаній о князьяхъ-варягахъ, частью новыхъ мотивахъ по сравненію съ тѣми, которые включены какъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, такъ и въ «Начальный Кіевскій Лѣтописный сводъ»³⁾. Интересующій насъ эпизодъ приведенъ и объясненъ авторомъ⁴⁾. Остановлюсь лишь на общихъ чертахъ: Олегъ посылаетъ изъ Новгорода послами къ греческому царю Михаилу (цѣль посланія —

1) Васильевскій I. с. Халанскій, I. с. Авг. стр. 316. Сл. Андр. Поповъ, Общій обзоръ хронографовъ русской редакціи II, 233—4.

2) I. с. Авг. 302.

3) I. с. 288.

4) I. с. 296—9.

приношеніе даровъ!) Аскольда и Дира, но тѣ не дошли до Царьграда, и, прельстясь красотой мѣста, гдѣ поселился Кій, убили его и остались тутъ, создавъ «градаецъ боле перваго». Слѣдуетъ разсказъ, какъ Олегъ овладѣлъ городомъ, велѣлъ повѣсить Аскольда и Дира и самъ сталъ княжить вмѣстѣ съ Игоремъ. — Къ этому примыкаетъ взятіе древлянскаго города Кольца = Корца и походъ на Царьградъ — съ извѣстной легендой о корабляхъ, поставленныхъ на колеса.

Общаго между этимъ разсказомъ и эпизодомъ хронографа о Бравлинѣ, въ сущности, лишь въ направленіи похода изъ Новгорода въ Царьградъ или къ Царьграду при императорѣ Михаилѣ. Точки соприкосновенія такія неопредѣленныя, что невольно смущаешься увѣренностью автора, будто передъ нами варианты одного и того-же мотива: изъ одного и того-же города (Новгорода) при томъ-же императорѣ идутъ войною на Царьградъ тамъ Бравлинъ, здѣсь Олегъ; Бравлинъ сурожскаго чуда также Олегъ. Послѣ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго интересно познакомиться съ взглядомъ проф. Халанскаго на источникъ этого чуда. Онъ усвоилъ себѣ мнѣніе, давно оставленное его покойнымъ авторомъ (ак. Куникомъ) и устраненное критикой В. Г. Васильевскаго, будто сурожская легенда о Бравлинѣ — пересказъ Амастридской о князѣ Россовѣ. Дѣло въ томъ, что греческое житіе св. Стефана, изложенное Васильевскимъ¹⁾, не знаетъ этого посмертнаго чуда, какъ не знало его, быть можетъ, и то житіе святого, въ принесеніи котораго на Русь участвовали Новгородцы. Авторъ заключаетъ, что чудо составлено на Руси на основаніи какой-нибудь русской передѣлки Амастридской легенды; составлено «при посредствѣ греческаго житія св. Стефана или безъ него». Анонимный князь Россовъ очутился Новгородскимъ княземъ изъ Россовъ, мурманскимъ, моровлиннымъ, Бравлинномъ, ходившимъ уже не на Амастриду, а на Сурожъ — изъ Новгорода. Такъ перенесенъ былъ въ формы чуда

1) 1. с. Июнь 891 слѣд.

Извѣстія II Отд. Н. А. Н., т. XI (1906), кн. 3.

ключекъ русскихъ эпико-историческихъ воспоминаній и сложилась «старая (XV вѣка) Новгородская былина о походѣ новгородскаго князя изъ варяговъ, мурманъ, руссовъ на Сурожъ и вообще на Тавриду»¹⁾. XV-й вѣкъ подсказанъ, разумѣется, хронологическимъ приуроченіемъ Торжественника, сохранившаго намъ житіе и чудо св. Стефана. Надо полагать, что его составитель, XV вѣка, намѣренно поддѣлался подъ старину, приурочивъ чудо надъ Бравлиномъ къ храму св. Софій, гдѣ покоились останки св. Стефана: въ 1327 году храмъ былъ уже разоренъ татарами²⁾; новгородцы, торговавшіе съ Сурожемъ, интересовавшіеся житіемъ св. Стефана, должны были-бы это знать. Вѣроятнѣе предположеніе, что у перескащика или составителя было подъ руками болѣе древнее, мѣстное чудо. Таково было мнѣніе Васильевскаго.

Проф. Халанскій увлекся эпическими компиляціями позднихъ хронографовъ, пристроившихъ къ императору Михаилу и походъ Олега и Сурожское чудо съ Бравлиномъ, и пришелъ къ отождествленію того и другого. Но чудо въ текстѣ Торжественника не даетъ повода къ рѣшеніямъ, а лишь ставитъ вопросы.

Свое сближеніе: Олегъ = Мравлинъ авторъ старается подкрѣпить и еще однимъ аргументомъ³⁾. Сѣв. Helgi дало русск. Ольгъ, Олегъ (сл. единъ—одинъ и др.), но мы можемъ предположить и другое отраженіе: *Ельгъ. Извѣстно въ славянскихъ языкахъ широко распространенное употребленіе звательнаго падежа въ значеніи именительнаго; въ этомъ смыслѣ Потебня могъ назвать звательный падежъ вторымъ прямымъ. Рядомъ съ Ольгъ, *Ельгъ могли существовать формы: Ольге, *Ельге; съ переходомъ г въ j: Олье, *Елье и далѣе, въ силу звукового закона, дѣйствовавшаго въ юго-западныхъ и западныхъ говорахъ русскаго языка уже съ XI—XIII вѣковъ — Олья, Воля,

1) I. с. Авг. стр. 314, 316—7.

2) Васильевскій I. с. Июнь, 430.

3) I. с. Авг. стр. 321 слѣд., 337 слѣд.

рядомъ съ Вольга, и *Елья, откуда, въ силу фонетическихъ законовъ, Илья, внѣшнимъ образомъ совпавшій съ христіанскимъ именемъ.

Такимъ образомъ Вольга (Волья, Гильф. Он. был. 157—160) и Илья русскихъ былинь отвѣчалъ бы тому же имени Helgi — Олега; Олегъ Мравлинъ = Илья Муровлинъ; въ нѣмецкія, а отсюда въ скандинавскія преданія проникла форма западно-русская, Pias, въ позднихъ спискахъ Ortnit'a — Elias; Лассота даетъ Elia, съ удержаніемъ русскаго окончанія имени, но съ приближеніемъ къ нѣмецкому Elias — Илья. Особенно манитъ проф. Халанскаго форма Eligas, Elygas, такъ созвучное съ Helgi = *Ельгъ; но Eligas слѣдуетъ исключить, какъ позднее написаніе, встрѣчающееся въ печатномъ изданіи Heldenbuch'a 1477 года и отражающее, быть можетъ, имя Elegast'a, какъ зовется хитрый воръ въ романѣ о немъ и Карлѣ Великомъ. Что до окончанія — s или as — въ Pias и др., то литовское посредство устраняется болѣе простымъ предположеніемъ, что на суффиксѣ отразилось вліяніе христіанскаго Elias — Ильи.

Предположенному отраженію имени Олега въ былевыхъ именахъ Ильи и Вольги не отвѣчаетъ отраженіе его историческаго и историко-легендарнаго типа въ типахъ соответствующихъ богатырей. Къ тому же и послѣдніе такъ разнятся въ дошедшемъ до насъ пѣсенномъ преданіи, что допустить ихъ дифференціацію изъ какого-нибудь одного былевого образа, въ которомъ ихъ противорѣчія сливались, можно лишь при условіи, что этому единству отвѣчаетъ такое же единство историческаго или историко-поэтическаго преданія.

Сопоставленія проф. Халанскаго не возбуждаютъ во мнѣ этой увѣренности. Изъ бытовыхъ темъ съ именемъ Вольги, разобранныхъ имъ въ третьей главѣ его изслѣдованія, лишь немногія отвѣчаютъ его уравненію: Олегъ — Вольга, и въ этомъ уравненіи Олегъ нерѣдко исчезаетъ, обобщаясь. Такъ «въ былинь о призваніи Вольга на воеводство Микулой является возможность видѣть сказаніе, примыкающее къ группѣ новгород-

скихъ и московскихъ преданій о призваніи князей»; связь съ послѣдними «обнаруживается изъ сравненія былинныхъ описаній Микуды и отношенія къ нему Вольги со сказаніями Іоакимовской лѣтописи и хронографовъ о Гостомыслѣ, родѣ его и отношеніяхъ Гостомысла къ Рюрику и его роду»¹⁾. «Лѣтописецъ XVII вѣка» рассказываетъ, что Кій, Щекъ и Хоривъ разбойничали въ Новгородѣ и новгородцы собирались ихъ повѣсить, но Олегъ велѣлъ выпустить ихъ изъ темницы, они обѣщаютъ ему покинуть его владѣнія и доходятъ до днѣпровскихъ горъ, гдѣ Кій «сотвори себѣ градецъ малъ Киевецъ». Проф. Халанскій вспоминаетъ по этому поводу, что «мотивъ освобожденія русской земли отъ цѣлаго разбойничьяго рода до сихъ поръ сохраняется въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ²⁾. Извѣстно, какъ справился съ Соловьемъ Илья=Олегъ=Муромлинъ; но тотъ же Олегъ—Вольга защищаетъ Садко отъ новгородцевъ, и авторъ снова обращается къ Лѣтописцу XVII вѣка, напоминая объ освобожденіи Олегомъ осужденнаго новгородцами Кія³⁾.

И далѣе проф. Халанскій пользуется «Лѣтописцемъ» и тому подобными памятниками для возстановленія древней поэтической традиціи о первыхъ событіяхъ нашей исторіи, забытыхъ лѣтописью, но сохраненныхъ въ отзвукахъ нашихъ былинъ. Почва скользкая, матеріалъ расплывчивый; въ XVII вѣкѣ былины не только пѣлись, но и успѣли разложиться, и современный книжникъ могъ вносить ихъ отголоски въ лѣтописную канву, изъ которой мы пытаемся извлечь ихъ — болѣе древнее содержаніе! «Лѣтописецъ XVII вѣка присваиваетъ великому князю Олегу государственную устроительную дѣятельность въ русской землѣ и упорядоченіе податной повинности на Руси. ... Та же самая государственная, объединительная и гражданская дѣятельность приписывалась былевымъ эпосомъ Вольгѣ Святосла-

1) I. с. Ноябрь, стр. 21, 22.

2) I. с. Августъ, стр. 292—3.

3) I. с. Ноябрь, стр. 25—6.

вѣчу въ варьянтахъ былинь про встрѣчу его съ Микулой Селяниновичемъ, и совѣстной съ этимъ послѣднимъ поѣздкѣ за получкой дани въ разные города»¹⁾). Пользуясь современнымъ былиннымъ преданіемъ, нельзя не имѣть въ виду возможности взаимнаго обмѣна эпизодическихъ подробностей, происходившаго и еще—происходящаго между былинами о разныхъ богатыряхъ и, въ чертѣ одной былины, перенесенія какой-нибудь черты съ одного богатыря на другого. Такое перенесеніе допустилъ и авторъ для былины о встрѣчѣ Вольги-всадника съ Микулой-пахаремъ. Къ послѣднему образу мы привыкли, онъ казался прочно установленнымъ; въ одной былинѣ, записанной Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, въ роли пахаря является Вольга, рядомъ съ нимъ Микула, но роли перемѣнились: пашетъ Вольга, дубья—колоды въ борозды валить, забрасываетъ сошку подъ облако, тогда какъ Микула не въ состояніи выдернуть ее изъ земли. Проф. Халанскій даетъ особое значеніе этому варьянту, какъ древнему: появленіе Вольги, названнаго въ иныхъ варьянтахъ былины племянникомъ Владимира, въ роли пахаря—и до идеализаціи новгородскаго князя Олега. Для этой цѣли пѣвцы «воспользовались традиціоннымъ образомъ героя-пахаря, который былъ данъ въ традиціяхъ устнаго и книжнаго творчества болѣе ранней поры». При имѣющихся на лицо пѣсенныхъ данныхъ, проще объяснить отличія этой версіи смѣшеніемъ ролей, происшедшимъ отъ забвенія пѣвца, въ чемъ онъ самъ сознался Рыбникову, когда спѣлъ ему о рожденіи Микулы и его охотѣ на рыбъ и звѣрей то же, что обыкновенно поется про Вольгу²⁾).

«Традиціонный» образъ Микулы—не разъ обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей: онъ напоминаетъ не только царственнаго пахаря Гугона въ *Voyage de Charlemagne*³⁾, но и могучаго крестьянина Добришана румынской баллады, передъ которымъ

1) I. с. Ноябрь, стр. 81 слѣд.

2) I. с. стр. 17—20.

3) Сл. мои Южнорусск. былины вып. II, 251.

склоняется Мишна - воевода¹⁾. Встрѣчу Вольги съ Микулой-пахаремъ я невольно сопоставилъ и невольно сопоставляю съ былинной о встрѣчѣ Святогора съ Ильей: это два историко-культурныхъ момента въ обратномъ освѣщеніи народной фантазіи. Въ особомъ циклѣ преданій, котораго мы коснулись выше²⁾, рассказывается о встрѣчѣ молодого великана съ крохотнымъ ратаемъ, котораго онъ забираетъ съ волами и плугомъ; такъ, въ былинѣ Самсонъ-Святогоръ кладетъ Илью Муромца въ карманъ или колчанъ. А затѣмъ побѣждаетъ культура сохи — и конникъ Вольга не угонится за грандіознымъ пахаремъ Микулой.

Перенесеніе, подобное указанному, я усматриваю и въ былинѣ о смерти Вольги. Извѣстенъ рассказъ нашей лѣтописи о смерти, напророченной Олегу отъ любимаго коня; онъ велитъ убить его, но, «идушу ему за море», змѣя, выползшая изъ конскаго черепа, ужалила его въ ногу, и пророчество сбылось. Давно было указано на тождество этой легенды съ эпизодомъ сна о смерти *Ofvarodd'a*. Какъ Олегъ собирался за море, такъ, послѣ рассказанныхъ выше походовъ на Руси и женитьбы на дочери гуннскаго короля³⁾, *Ofvaroddr* уѣзжаетъ за море на родную, чтобы здѣсь умереть.

Проф. Халанскій видитъ отраженіе легенды о смерти Олега въ томъ, что рассказывается о смерти Вольги: съ Микулой и Садкомъ они ѣдутъ путемъ-дорогой, видятъ камень съ «надписью великой»: если Вольга скочитъ вдоль камня, будетъ ему смерть. Такъ и приключилось. «Былины забыли про змѣю, но сохранили память о конѣ и ассоциировали съ древнимъ сказаніемъ о смерти Олега «отъ коня», «отъ сухой главы коневой», преданія о «каменѣ преткновенія» и т. д.⁴⁾. Ближе объясненіе, что ассоціація произошла съ былинной о смерти Василя Буслаева, скочившаго че-

1) Баллада о Добришанѣ и Франкѣ въ румынской нар. поэзіи, Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, Мартъ.

2) Сл. стр. 17 сл.

3) Сл. выше, стр. 33.

4) I. с. Ноябрь, стр. 38 слѣд.

резь камень, на этотъ разъ запретный. Разница только въ томъ, что Вольга скачетъ на конѣ; кромѣ указаннаго выше варьянта о Вольгѣ и Микулѣ, Вольга всюду—конникъ¹⁾.

Къ Олегу присталъ эпитетъ вѣщій, т. е. мудрый, не fatidicus; своей смерти онъ не предусмотрѣлъ. Рассказывая по Строевскому Лѣтописцу (Рук. И. П. Б. № 1578) о походѣ Олега на Царьградъ авторъ припомнилъ «хитрости-мудрости» Вольги. Дѣло идетъ объ извѣстномъ разсказѣ древней лѣтописи, какъ Олегъ повелѣлъ «своимъ своимъ колеса издѣлати и въстави корабли на колеса; и бывшую покосну вѣтру, усляша прѣ съ поля, и идяше ко городу». Проф. Халанскій указываетъ на сходное турецкое преданіе о взятіи турками Константинополя: Магометъ велѣлъ тащить отъ деревни Бешикташа до Галаты 80 галеръ по сосновымъ, насаленнымъ доскамъ въ то мѣсто гавани, которое называется нынѣ Кассимъ-паша. Паруса этихъ галеръ развивались по вѣтру²⁾. Въ Лѣтописцѣ XVII вѣка этотъ отдѣлъ озаглавленъ рубрикой: О великой мудрости князя Ольга, взялъ Царьградъ. Царьградскіе люди надѣются на помощь Божію: «тогда, господине, Богъ насъ предасть въ руки твои, когда придутъ ко граду нашему корабли по полю или по воде. И нача Олгъ князь о семъ мыслити, како бы ему мочно Царьградъ одолѣти. И повеле сотворити мудростию 12 кораблей на колесахъ. И воста вѣтръ на Царьградъ. Они же взяша парусы и поидоша корабли по полю къ Царьграду, аки по воде. Граждане

1) 1 с. Августъ, стр. 351—2.

2) Нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ выше замѣчаній совпадаютъ съ положеніями г. С. Шамбинаго, въ только что появившейся его статьѣ: Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, Ноябрь, стр. 131 слѣд.). Въ древнихъ пѣсняхъ о Вольгѣ онъ выдѣляетъ пѣсню объ «идеальномъ охотникѣ» (стр. 140 слѣд.), въ которой видать, вмѣстѣ съ проф. Халанскимъ, отраженіе «грандіозныхъ лововъ ассимилировавшихся сказаній объ Олегѣ—Ольгѣ» (146); но въ пѣсню о встрѣчѣ Вольги, ѣдущаго за данью, съ Микулой первое, «эпическое имя» могло войти позже, подъ вліяніемъ сказаній объ Олегѣ; въ началѣ могъ разумѣться любой князь, отправлявшійся на полюдье (стр. 148—9).

же, видевъ сне, нача тужити: грѣхъ ради нашихъ предаеть Богъ градъ словянамъ»¹⁾).

Мудрость Олега ограничивается постановкой кораблей на колеса; похвалбой горожанъ, что городъ взять такъ же невозможно, какъ кораблямъ подойти къ нему по суку, оказалась ложью; это такое же совпаденіе, производящее впечатлѣніе чего-то необычайнаго, какъ въ королѣ Лирѣ движеніе лѣса,—ратниковъ, замаскированныхъ вѣтвями. Чуда еще нѣтъ, чудо является въ легендѣ о взятіи Царьграда Турками: оно казалось также столь-же немыслимымъ, какъ оживленіе мертвой рыбы, а рыба ожила. Но фантазія книжника можетъ выходить изъ традиціонныхъ границъ: въ одной русской исторической повѣсти объ Олегѣ разсказывается, что онъ «сотвори кони и люди бумажны, вооружены и позлащены, и пусти на воздухъ на градъ; видѣвъ же Греци и и убояшеся». Авторъ сравниваетъ съ этой подробностью бумажныя крылья, на которыхъ Тугаринъ Зиѣвичъ летаетъ надъ Кіевомъ²⁾).

«Хитрости» плодились изъ досужаго толкованія историческаго, достовѣрно или нѣтъ засвидѣтельствованнаго факта; совпаденіе казалось чудомъ; диковинки являлись иной разъ результатомъ непониманія — текста. У Саксона Грамматика Рагнаръ Лодброкъ съ сыновьями идетъ войной на короля Геллеспонтцевъ; Геллеспонтюмъ, какъ мы знаемъ, звались у Саксона Грамматика устье и южная область Западной Двины³⁾; къ геллеспонтцамъ путь у него идетъ всегда моремъ. Ихъ король убить, его сыновья Dion и Дахон, въ союзѣ съ русскими, продолжаютъ войну, но побѣждены, когда Рагнаръ выставилъ противъ нихъ мѣдныхъ коней съ рольками и колесами подъ копытами. Объясненіе этого, иначе непонятнаго образа такое: Саксонъ пользовался въ данномъ случаѣ норвежскимъ источникомъ и, не понявъ его поэтическаго выраженія для корабля: конь на ролькахъ (hlunnfákr, hlunngoti,

1) I. с. Августъ, стр. 298—9.

2) I. с. стр. 299.

3) Сл. выше, стр. 14.

hinnþjógr и др.), обратилъ ихъ въ мѣдныхъ коней, битву, происходившую, вѣроятно, на морѣ — въ сухопутную¹⁾.

Перехожу къ Олегу-Ильѣ. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о походахъ русскихъ на Царьградъ только два, 860 и 941 гг., удостовѣрены положительными историческими свидѣтельствами, походы же Олега 900 (или 920) и 922 года представляютъ «отраженіе древне-русскихъ эпическихъ сказаній объ этомъ князѣ»²⁾. Къ первому изъ этихъ походовъ «начальный кievскій лѣтописный сводъ» относитъ свѣдѣніе о пораженіи русскихъ въ Константинопольскомъ Судѣ: «и придоша (русскіе) къ Царьграду и Греки замкоша Судъ еже есть лимень³⁾ и градъ затвориша. Русь же многа зла сотвориша Грекомъ и побиха и пожгоша и много церквей разбиша и полатъ. Бысть же тогда царь Романъ и посла патрекѣя Теофана съ войны на Русь, огненнымъ строеніемъ пожже корабля русскія, и возвратишася Русь во свояси безъ успѣха». Судъ означаетъ въ нашей лѣтописи то Босфорскій проливъ, то Золотой Рогъ (Κέρας), что отвѣчаетъ сѣв. Sund; то гавань Царьграда: «судъ же есть лимень»; наконецъ, часть города примыкавшую къ гавани.—Этотъ Судъ проф. Халанскій понимаетъ какъ Сждъ = Sund и сближаетъ съ разноченіемъ въ поэмѣ объ Ортнитѣ: Sunder и Sunders, Sünders, рядомъ съ Suders. Такое уравниеніе предполагаетъ, что въ источникѣ Ортнита Судъ, какъ названіе приморской мѣстности, стояло безъ ближайшаго обозначенія; тѣмъ легче было приурочить его наново; знали-ли на Западѣ Судъ = Sund въ значеніи, какое даютъ ему наши лѣтописи, мнѣ неизвѣстно. — Я слѣдую за дальнѣйшими сближеніями автора: Ортнитъ съ Ильей ходили на Судерсъ, Олегъ на Царьградъ съ гаванью-Судомъ; въ поэмѣ разсказывается, что послѣ первой побѣды въ Судерсѣ Ортнитъ отступилъ съ своимъ вой-

1) Сл. Olrik, Kilderne til Saksnes Oldhistorie II, Nörröne sagaer og danske sagd, стр. 114 слѣд.; сл. 117—118. Иначе Al. Bugge, Vesterlandenes indflydelse, стр. 227 слѣд.

2) Халанскій, l. с. Авг. 346.

3) Чтеніе ак. Шахматова, принятое авторомъ, сл. l. с. стр. 345.

скомъ къ гавани изъ боязни, какъ бы язычники не сожгли его кораблей; а между тѣмъ на оставшагося Илью совершенно было нападеніе. 5000 его воиновъ пало, его самого свалили съ коня; Ортнитъ во время явился на выручку. Этотъ разсказъ приравнивается къ сожженію кораблей Олега въ Судѣ¹⁾. Какъ Олегъ (или Игорь) въ знакъ побѣды пригвоздилъ свой щитъ къ вратамъ Царьграда, такъ и Илья водружаетъ свое (или Ортнитово) знамя на стѣнахъ Судерса. По лѣтописному разсказу Олегъ ходилъ на Царьградъ при императорѣ Романѣ, но по приведенному выше эпизоду «Лѣтописца XVII вѣка»²⁾ онъ былъ современникъ Михаила: это и есть Machogel Ортнита, царящій въ Судерсѣ; проф. Халанскій не безъ умысла приводитъ незасвидѣтельствованную старыми текстами форму имени: Machahol = Михаилъ³⁾. Такимъ образомъ получается связная канва и рядъ соотвѣтствій Олегъ — Илья, Судъ — Судерсъ, Machogel — Махалъ. Другое соотвѣтствіе съ Ortnit'омъ подсказано повѣстью лѣтописи о завладѣніи Олегомъ Кіева: онъ спряталъ часть своихъ воиновъ въ лодкахъ и получаетъ доступъ, назвавшись «гостемъ», посланнымъ Олегомъ и Игоремъ «въ Греки»⁴⁾. Такъ и Ортнитъ сказывается купцомъ, пріѣхавшимъ съ товарами изъ волошскихъ странъ, и такъ же велитъ своимъ воинамъ попрятаться подъ палубу. Я не утверждаю, чтобы сходство было случайно, но мотивъ заѣзжаго гостя, подъ которымъ скрывается витязь, освободитель, женихъ, принадлежитъ къ международнымъ.

Авторъ напомнилъ сказанія объ увозѣ Соломоновой жены, о Василю Златовласомъ и др.⁵⁾; напомнимъ тотъ же мотивъ въ Кудрунѣ, Освальдѣ; въ *Chaquei de Nîmes* Вильгельмъ Оранскій передѣвался купцомъ, Бертранъ погонщикомъ воловъ и вводятъ въ *Nîmes* обозъ съ бочками, въ которыхъ спрятаны рыцари. Къ

1) Сл. Халанскій I. с. Авг. стр. 344 слѣд.

2) Сл. выше, стр. 55 сл.

3) Сл. Халанскій, I. с. Авг. стр. 354.

4) *Ibid.*, стр. 340—4.

5) I. с. стр. 344. Сл. Марковъ, *Этнограф. Обзор.* LXII, стр. 4—5 и прим. 2 на стр. 5.

такой же хитрости прибѣгаетъ у Саксона Грамматика (IX, стр. 310 слѣд. ed. Holder) сынъ геллеспонтскаго короля Даксонъ: не будучи въ состояніи побѣдить Витсерка, онъ является къ нему подъ предлогомъ мира, и, принятый дружелюбно, *armatum subornavit exercitum, qui simulata mercacione in urbem rhedis advectus hospitis domum nocturno laceravit assaltu*. Въ сагѣ о Стурлаугѣ (Fas. III, 592—647) Фрамаръ добивается любви русской царевны Ингигерды, живущей въ Aldeigjaborg (Ладогѣ); на первый разъ онъ является къ ней, какъ могучій король, съ 60-ю кораблями; она признала его и отказала; во второй переодѣвается купцомъ и не получаетъ къ ней доступа; въ концѣ приходитъ Стурлаугъ, бьется съ ея отцемъ и выдаетъ ее за Фрамара.

По мнѣнію автора, лѣтописный рассказъ о взятіи Олегомъ Царяграда отразился подробно и въ эпизодѣ поэмы — о взятіи Монтабура ¹⁾. Въ Альберихѣ, ѣдущемъ къ Монтабуру впереди войска на конѣ съ знаменемъ въ рукахъ, тогда какъ онъ самъ невидимъ, ратники видятъ ангела; когда Олегъ двинулся отъ Суда на Царьградъ, изумленные греки считаютъ его св. Дмитріемъ. Я не вижу здѣсь никакихъ рѣшающихъ соотвѣтствій.

Важно для насъ непосредственно затѣмъ слѣдующее признаніе автора: существенное отличіе поэмы отъ лѣтописныхъ сказаній въ томъ, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ предпріятіи является въ поэмѣ не столько Илья, сколько Альберихъ, которому приписываются разныя сверхъестественныя дѣянія, напоминающія только частію Олега Вѣщаго, а, главнымъ образомъ, Вольгу былинъ ²⁾. Я исправилъ бы это сопоставленіе въ согласіи съ выводами, предложенными мною въ другой моей работѣ ³⁾: главнымъ лицомъ поэмы является не Альберихъ, а Ортнитъ съ помощью Альбериха; Ортнита я и сравнивалъ съ Вольгой; если такъ, то искать Олега пришлось бы въ Ортнитѣ, а не въ Ильѣ,

1) I. с. стр. 349.

2) I. с.

3) Мелкія замѣтки къ былинамъ XV, I. с.

которому въ поэмѣ предоставлена эпизодическая, не рѣшающая роль.

Но авторъ выходитъ изъ затрудненія, еще разъ спасая тождество Олега (Ильи)-Вольги. «Лѣтописецъ XVII вѣка» рассказываетъ, что Игорь взялъ за себя во Псковѣ жену, дочь «Таракана князя Половецкаго»; «и нача Олегъ князь со Игоремъ веселитися, творяше веселіе много»¹⁾. Въ распространенномъ проложномъ Житіи св. кн. Владимира, воеводы Олегъ и Ждльбернъ идутъ отъ него послами въ Царьградъ просить у царей руку ихъ сестры²⁾. Проф. Халанскій понимаетъ эти сообщенія такъ, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ объ Олэгѣ, какъ помощникѣ — при сватовствѣ Игоря и Владимира; это Илья при Ортнитѣ. Мнѣ не ясно, какимъ образомъ рассказанное объ Игорѣ могло быть понято именно въ этомъ смыслѣ, и я не рѣшился бы сказать, на основаніи указанныхъ данныхъ, что Олега, какъ пособника при сватовствѣ, знали «древнѣйшія русскія сказанія»³⁾. Для автора это толкованіе становится исходнымъ пунктомъ для слѣдующихъ построений: съ теченіемъ времени на Олега-Вольгу свата, перевесена была роль жениха, онъ самъ ходилъ по невѣсту; на этой стадіи своего развитія сказаніе о военно-свадебномъ походѣ Олега-Вольха-Вольги подверглось вліянію популярныхъ въ средніе вѣка сказаній объ Александрѣ Македонскомъ⁴⁾ и Оберонѣ-волшебникѣ, чародѣѣ, и въ результатѣ такого сложнаго процесса возникла былина о походѣ Вольги и женитьбѣ его и самый поэтический образъ хитро-мудраго Вольги, богатыря волшебника». Если былина о Вольгѣ признается въ родственномъ отношеніи къ Ортниту, то зачѣмъ было не вспомнить Альбериха поэмы, вмѣсто того, чтобы говорить о вліяніи популярныхъ сказаній объ Оберонѣ-волшебникѣ?

1) Халанскій, I. с. Авг. 303.

2) *ib.* стр. 306.

3) I. с. Ноябрь, стр. 35 слѣд.

4) Халанскій, присоединяется къ мнѣнію Вс. Миллера о вліяніи книжныхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ на былины про Вольгу. Сл. Халанскій, I. с. Августъ, стр. 305.

Процессъ наслоенія, или, какъ выразился авторъ, «ассоціаціи, поэтическихъ образовъ», представляется ему въ нѣсколько смутныхъ очертаніяхъ. На какой стадіи развитія застала нѣмецкая поэма объ Ортнитѣ эпическія сказанія объ Олегѣ. Брачная побѣдка Ортнита разбиралась, какъ мы видѣли, въ сравненіи съ нашей гѣтописной традиціей о походахъ Олега на Царьградъ; Судъ-Судерсъ укрѣпило сближеніе; не доставало на сторонѣ русской параллели брачнаго момента; авторъ устранилъ эту недостачу указаніемъ на народно-поэтической символъ: взятіе города = добываніе невѣсты — и получилъ право приравнять въ этомъ смыслѣ взятіе Суда и Царьграда—Олегомъ ко взятію Судерса и Монтабура Ильей въ поэмѣ объ Ортнитѣ. Это подкрѣпляется соображеніемъ, что нѣкоторые варьянты былинь о Вольгѣ, близкое родственное, отношеніе которыхъ къ Ортниту стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, оканчиваются женитьбой героевъ (героя?) на женщинахъ завоеваннаго города¹⁾. Я уже сказалъ, что ѣдетъ по невѣсту (—городъ) самъ Ортнитъ, такъ что Илья при немъ оказался бы въ роли Олега — свата, если бы послѣдній закрѣпленъ былъ въ этомъ образѣ болѣе солидной традиціей, чѣмъ та, на которую опирается проф. Халанскій.

Авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разбору былинь, о рожденіи и о походѣ Вольги въ Индѣйское царство, о женитьбѣ его²⁾, обращая въ послѣднемъ случаѣ особое вниманіе «на дѣйствительные, болѣе поздніе факты исторіи Новгорода и Москвы, отразившіеся на фонѣ традиціонныхъ сюжетовъ», т. е. на старой основѣ пѣсни. Я предпочитаю повторить здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями мой прежній анализъ былинь о рожденіи и походѣ Вольги³⁾.

Рожденіе Вольги сопровождается чудесными знаменіями; этотъ мотивъ настойчиво повторяется въ былинахъ о немъ, и

1) Халанскій I. с. Августъ, стр. 353—4.

2) I. с. Ноябрь, 14 слѣд.; 35 слѣд.

3) Мелкія замѣтки къ былинамъ, I. с. стр. 24 слѣд.

кромѣ того въ пѣсняхъ о Добрынѣ. Варьянтъ Кирши присоединяетъ ту подробность, что и самое рожденіе Вольги было чудное: его мать соскочила съ камня на лютаго змѣя и понось понесла. Такъ еще въ пѣсенномъ отрывкѣ про змѣя Горынича¹⁾— и, можетъ быть, въ пѣснѣ о Саурѣ Ванидовичѣ (Кир. I, 3, стр. 113 — 116), гдѣ теперь змѣя является лишь причиной испуга²⁾.

Чудесное рожденіе было первоначально причиной чудесныхъ даровъ Вольги, его оборотничества, способности быстро переноситься въ пространства, проникать въ непреступныя мѣста. Позже эта причинная связь была забыта, и Вольга *умитя* этимъ хитростямъ и мудростямъ; онѣ показательны для его былиннаго типа:

Не ходи на Вольгу Сеславьевича—говоритъ калика Ильѣ,—
Онъ не силою возьметъ, такъ хитростью-мудростью.

(Рыбн. I, стр. 35).

Поѣздка Вольги, видимо, не брачная; только у Кирши и у Маркова (Бѣлом. былины 258) онъ женится на дочери убитаго имъ царя Индѣйскаго. Другіе варьянты дѣлають цѣлью поѣздки Турецъ-землю, либо Золоту Орду. Я не рѣшусь сказать, что въ основѣ пѣсни лежало сватовство за невѣсту, но считаю это вѣроятнымъ.

Роль царицы напоминаетъ отчасти соответствующую фигуру въ поэмѣ: Волхъ хочетъ послать кого-нибудь,

А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
Провѣдалъ бы про царство Индѣйское.

(Кирша).

1) Извѣстія Имп. Ак. Наукъ по отд. русск. яз. и слов. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 249.

2) Въ варьянтѣ у Маркова, отецъ Волха — богатырь, черниговскій бояринъ.

Провѣдать про думу про царскую,
Что царь думы думаетъ.

(Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91).

Когда никто не вызывается, онъ идетъ съ дружиною самъ, узнаетъ, обернувшись соколомъ, пташицей, про думы про царскія. Такое подслушиваніе, связанное съ оборотничествомъ, встрѣчается въ тюркской легендѣ, въ алтайскихъ сказкахъ и въ былинахъ о каликѣ богатырѣ¹⁾. Царь похваляется, что поидетъ на святую Русь, а царица говоритъ, что тамъ родился ему супротивникъ (Кирша), что успѣха не будетъ, а царь бьетъ ее за то по бѣлу лицу, бросаетъ о кирпиченъ полъ (Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91; Рыбн. I, № 2). Это сходно съ рассказаннымъ выше эпизодомъ нѣмецкой поэмы²⁾. Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ у Кирши и у Рыбн. I, № 1 = Гильф. № 91 рассказъ о превращеніяхъ Вольги (туромъ, птицей, горностаемъ); онъ,

Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ высокимъ по теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каѣныхъ стрѣлъ желѣзы повывинималъ.

(Кирша).

Не изъ былины ли о Волхѣ пришелъ этотъ мотивъ въ пѣсню о князѣ Романѣ, Рыбн. I, 73?³⁾ Объ одномъ монгольскомъ Коратты-ханѣ есть рассказъ, что онъ обратился въ мышь и перепортилъ доспѣхи у своего противника⁴⁾. Та же продѣлка Альбераха приведена выше⁵⁾.

1) Гильфердингъ, №№ 101 и 207; Потанинъ, Этнограф. Обзорѣніе, IX, 82—8; Всев. Миллеръ. Очерки, стр. 184.

2) Сл. выше, стр. 31.

3) Сл. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ 484—5, 512—3. Романъ-оборотень у Гильфердинга, № 401.

4) Сообщеніе Потанина. Сл. Этнограф. Обзорѣніе XVIII, 30. Вс. Миллеръ I. с. 184; сл. Сумцевъ, Мысль въ нар. словесности ib. VIII, стр. 64—7.

5) Сл. стр. 31.

Примыкающей къ ней въ былинѣ эпизодъ о мурашикахъ извѣстенъ лишь по варьянту Кирши: перепортивъ оружіе, Волхъ полетѣлъ яснымъ соколомъ во чисто поле, будилъ свою дружину и повелъ ее къ царству Индѣйскому:

И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной,
 Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
 Ворота у города желѣзныи,
 Крюки, засовы всѣ мѣдныи,
 Стоять караулы денны, ношны,
 Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ,
 Мудрены вырѣзы вырѣзано,
 А и только во вырѣзу мурашу пройти.

Закручинились молодцы, потерять имъ тутъ свои головы. А Волхъ и тутъ догадался: самъ обернулся мурашкою, дружину обернулъ мурашками; такъ перешли они за стѣну, а тамъ снова стали добрыми молодцами, принялись рубить стараго и малаго.

По поводу этихъ мурашиковъ у насъ вспоминали о мирмидонахъ¹⁾; я полагаю чудесное проникновеніе Альбериха во дворецъ Махореля.

Царь названъ Салтыкъ Ставрुльевичъ (Кирша), Турецъ-Салтанъ (Рыби. I, № 1 = Гильф. № 91), Салтанъ Бекетовичъ (Рыби. I, № 2) и др.; царица Азвяковна, Елена Александровна (Кирша), Панталоновна (Рыби. I, № 1 = Гильф. № 91), Довидывна (Рыби. I, № 2). Я не анализирую подробностей: имена, очевидно, позднія, вращающіяся въ воспоминаніяхъ татарскаго періода; Азвяковна относитъ насъ къ XIV вѣку, къ хану Узбеку, на сестрѣ котораго женился московскій князь Юрій Даниловичъ; молода Елена Александровна встрѣчается въ былинѣ о Саурѣ-Ванидовичѣ (Кир. III, № 2) и указываетъ на южно-русскія отношенія.

1) Л. Н. Майковъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1866, Май, стр. 630.

Древность имени Вольги въ пѣснѣ о его «хитростяхъ-мудростяхъ» я по прежнему оставляю открытымъ вопросомъ; анализъ былины о его хожденіи въ Индѣйское царство и вызванныя имъ параллели съ поэмой объ Ортнитѣ поставили меня передъ другимъ. Я коснулся выше предположенія, высказаннаго въ нѣмецкой наукѣ, что въ болѣе древней версіи легенды объ Ортнитѣ не было Альбериха; я выразилъ сомнѣніе, что показателемъ такой версіи могло быть краткое изложеніе саги въ Dietrichs Flucht. Если допустить существованіе такой версіи, то ея герой, какъ чудесно-рожденный, могъ самъ совершать подвиги, которые удаются Ортниту съ помощью его отца Альбериха. Такимъ представляется мнѣ Вольга; съ этой стороны я охарактеризовалъ его выше¹⁾; онъ напоминаетъ Всеслава Полоцкаго, рожденнаго отъ волхвованій. Что до варьянта Кирши, что Вольга рожденъ отъ змѣя, то въ виду повторенія этой подробности въ другихъ былинахъ, она не даетъ точнаго отправленія для анализа пѣсней.

Интересъ, возбуждаемый отношеніями былины о походѣ Вольги къ поэмѣ объ Ортнитѣ, видимо не захватываетъ—Илью. Но и по отношенію къ нему поэма важна: она представляетъ его еще внѣ связи съ Владимиромъ, къ эпическому циклу котораго онъ позднѣе потянулъ вмѣстѣ съ другими богатырями; въ сравненіи съ Ильей саги о Тидрекѣ, гдѣ онъ названъ братомъ Владимира, это своего рода дата. Важно и то, что тогда какъ въ сагѣ онъ зовется Греческимъ, здѣсь онъ русскій князь. Какъ увидимъ далѣе, это различіе не носило хронологическаго и топографическаго значенія. Есть въ его характеристикѣ и какія-то личныя черты: онъ суровъ и неистовъ, какъ Wate въ Кудрунѣ, но такой же пѣстунъ молодыхъ витязей и такой же мощный старикъ; руководитъ племянникомъ Ортнитомъ, какъ и въ былинахъ Илья типическій богатырскій дядя.

1) См. выше, стр. 61 сл.

V.

Илья греческій или изъ Герцено?

Мы знаемъ по сагѣ $M^1 = M^2$, что отецъ Илья поставилъ его ярломъ Греціи (гл. 26), что у него сыновья Гертнитъ и Гирдиръ (гл. 31). Дальнѣйшія свѣдѣнія даетъ лишь M^2 и его отраженія. Въ гл. 241 разсказывается о великой дружбѣ между Аттилой, царившемъ въ Сузатѣ и Эрминрикомъ, властвовавшимъ въ Puli. Эрминрикъ послалъ Аттилѣ въ заложники своего родича Озида, Эрминрикъ ему своего племянника по сестрѣ Вальтера af Vaskasteini, являющагося въ гл. 151 M^1 намѣстникомъ Эрминрика въ Gerimsheim'ѣ; за два года передъ тѣмъ прибыла ко двору Аттилы, въ качествѣ заложницы, Гильдигунда, дочь Илья, ярла Греческаго. Въ латинской поэмѣ Waltharius, X-го вѣка, ея герой Вальтарій — сынъ аквитанскаго короля Alpharis, Гильдигунда — дочь бургундскаго короля Heiririch'a. И въ поэмѣ, и въ сагѣ схема разсказа одна и та-же. — Вальтарій увозитъ Гильдигунду — но имя Heiririch'a замѣнилось Ильей греческимъ, af Gresa. Гдѣ представлялъ онъ себѣ страну Puli? Въ главѣ 13-й Эрминрикъ не только завладѣлъ лучшей частью римской области, Romabogag, но и городами въ Púli = Апуліи, многими землями отъ греческаго моря до горъ на сѣверѣ и большею частью греческихъ острововъ. Въ прологѣ къ сагѣ¹⁾ Pul: А отвѣчаетъ Aruli: В. Я не даромъ привелъ это разночтеніе: проф. Нерингъ объясняетъ приуроченіе сказанія о Вальтерѣ къ Польшѣ (въ польскомъ его варьянтѣ) именно нижненѣмецкой сагой, легкой въ основу соответствующаго эпизода саги о Тидрекѣ. Púl могло быть принято за Púlinaland²⁾.

1) О немъ выше, стр. 3.

2) Heintel (Ueber die Walthersage, стр. 69, 82) выразилъ мнѣніе, что въ источникѣ поэмы о Вальтаріи ея герои, Вальтеръ и Гильдигунда могли являться гуннами, либо принадлежащими къ подобной народности, и лишь впоследствии приурочены къ германскимъ отношеніямъ.

Указываетъ-ли посылка Гильдгунды, какъ заложницы, на какія-нибудь предыдущія вассальныя или тому подобныя отношенія Ильи къ Аттилѣ? О нихъ пока мы ничего не знаемъ; составитель саги, очевидно, спуталъ хронологію, какъ смѣшалъ и имена. Это требуетъ объясненія.

Главы 291—2 говорятъ о вторженіи Озантрикса во владѣнія Аттилы и побѣдоносной битвѣ Аттилы и Тидрека съ вильтинами подъ стѣнами Бранденбурга, въ которой убитъ Озантриксъ (по М¹ гл. 134 онъ убитъ ранѣе)¹⁾. Съ 293-й главы вмѣсто него является на сцену Владимиръ: вступя съ огромнымъ войскомъ въ землю гунновъ, онъ жжетъ и рушитъ, овладѣлъ однимъ большимъ городомъ и въ немъ полонилъ рыцаря Аттилы, Родольфа, но слышавъ о приближеніи гуннской рати, отступилъ. Тогда Аттила и Тидрекъ переносятъ войну въ страну вильтиновъ и русскихъ; войска встрѣтились въ землѣ вильтиновъ, отрядъ Тидрека сталъ противъ отряда сына Владимира, также названнаго Тидрекомъ. Оба вступаютъ въ единоборство, бьются храбро, пока Тидрекъ Бернскій не одолѣлъ противника и не связалъ его. А между тѣмъ Аттила обратился въ бѣгство, Тидрекъ успѣлъ забраться съ своими людьми въ старую, оставленную крѣпость, гдѣ Владимиръ осадилъ его; вылазка, сдѣланная Тидрекомъ, не помогла, ихъ снова загнали въ стѣны, гдѣ ихъ ожидалъ голодъ: пришлось колоть своихъ коней. Тогда Тидрекъ вызываетъ кого-нибудь изъ своихъ, кто бы отважился пробраться сквозь вражье войско и далъ знать Аттилѣ объ опасномъ положеніи, въ которомъ они находятся. Вызывается Ульфрадъ, приноситъ Аттилѣ вѣсть, и тотъ идетъ на выручку. Узнавъ о томъ, Владимиръ велитъ трубить отбой, Аттила и Тидрекъ привѣтствуютъ другъ друга, а Тидрекъ показываетъ ему своего плѣнника; вотъ Тидрекъ, сынъ Владимира, я полонилъ его въ битвѣ, но изъ дружбы къ тебѣ я его уступлю, дѣлай съ нимъ, что хочешь, можешь убить его, либо предложить его отцу выкупить

1) См. выше, стр. 7.

его золотомъ и серебромъ, сильными крѣпостями и большимъ царствомъ. Всѣ возвращаются въ землю гунновъ; Тидрекъ Бернскій слегъ отъ ранъ, раненый сынъ Владимира брошенъ въ темницу. Когда Аттила снова снаряжился въ походъ на Польшу и Русь (гл. 300) противъ конунга Владимира, а Тидрекъ Бернскій остался дома изъ за ранъ, Эрка проситъ мужа на прощаньи—дозволить ей взять сына Владимира, ея родича (онъ приходился ей двоюроднымъ братомъ), изъ темницы, попѣствовать его, вылѣчить; если онъ выздоровѣетъ, а ты тѣмъ временемъ помиришься съ Владимиромъ, благо тебѣ будетъ.—Аттила ничего и слушать не хочетъ, но жена настаиваетъ, прозакладываетъ свою голову, что она не отпуститъ его, здорового, во-свои, и Аттила уступаетъ. Эрка сама ходитъ за больнымъ, Тидрекъ Бернскій предоставленъ служанкѣ. Когда сынъ Владимира почувствовалъ себя въ силахъ, снаряжился, окольчужился, хочетъ вернуться на Русь. Напрасно отговариваетъ, стыдитъ его Эрка; но для бѣгства нѣтъ помѣхи, вѣдь Тидрекъ Бернскій лежитъ. Опечаленная Эрка идетъ къ нему за совѣтомъ, жалуется; по дѣломъ тебѣ, говоритъ онъ, теперь ты обо мнѣ вспомнила, а передъ тѣмъ я былъ заброшенъ, раны мои хуже прежняго и къ бою я не способенъ.— Не у кого искать мнѣ помощи, плачется она, снесетъ мнѣ Аттила голову!— Тогда Тидрекъ велитъ подать себѣ свою ратную сбрую, снаряжился, выѣхалъ; раны его раскрылись, кровь обагрила и коня и доспѣхи. Онъ нагоняетъ бѣглеца въ лѣсу между Польшей и землею гунновъ и, убивъ его въ поединкѣ, привозитъ его голову Эркѣ.

Эпизодъ о сынѣ Владимира — единственный эпическій во всемъ рассказѣ о войнахъ русскихъ съ вильтинами и гуннами. Принадлежитъ-ли онъ интерполятору М², я сказать не рѣшаюсь. Нѣтъ основанія подозрѣвать традиционность его содержанія, ни именъ и историческихъ отношеній; здѣсь могло произойти такое-же приуроченіе, какъ съ эпизодомъ о рыцарѣ Самсонѣ¹⁾. Парал-

---

1) См. выше.

лелей къ темѣ объ Эркѣ и ея племянникѣ, съ такимъ именно конфликтомъ, я не знаю.

Главы 308—9 говорятъ о вторженіи Аттилы въ царство Владимира; происходитъ битва, и Аттила бѣжить; тогда вступаетъ въ бой его вассаль—союзникъ Гильдебрандъ, но «противъ него выгѣхалъ ярль греческій короля Владимира» и свалилъ его съ коня; Sv (гл. 262—3) называетъ его братомъ Владимира. Мы заключаемъ, что это Илья, имя котораго въ сагѣ болѣе не встрѣчается.

Снова снаряжился на Русь Аттила; на этотъ разъ съ нимъ Тидрекъ, уже оправившійся отъ ранъ. Они осадили Полоцкъ (Palteskia, var. Palltica, Faltica), сильно укрѣпленный городъ, защищенный каменной стѣною, съ большими башнями (kastalar) и глубокими и широкими рвами (310). Три мѣсяца стоятъ они подъ городомъ; тогда Тидрекъ предложилъ Аттилѣ раздѣлиться: либо Аттилѣ продолжать осаду, а Тидреку пойти далѣе на Русь, забирать города, либо онъ останется, а пойдетъ Аттила. Аттила выбираетъ первое: вѣдь городу не устоять, бѣльшая часть стѣны уже разрушена стѣнобитными орудіями, при которыхъ день и ночь работаютъ триста человекъ (гл. 311). Отправляется Тидрекъ: подъ стѣнами Смоленска (Smaland) происходитъ битва съ войскомъ, которое Владимиръ привелъ изъ подъ Полоцка. Тидрекъ неистовствуетъ, какъ левъ среди стада, русскіе валятся, какъ трава; Владимиръ палъ подъ его ударами (гл. 312). Между тѣмъ Аттила, взявъ и разрушивъ Полоцкъ («какъ то могутъ еще видѣть тѣ, кто посѣщаютъ то мѣсто» гл. 313), соединился съ Тидрекомъ подъ стѣнами Смоленска. Въ городѣ былъ Иронъ, братъ Владимира. Держить онъ совѣтъ съ своими мужами.

«Сдается мнѣ, что у насъ въ рукахъ два выбора: одинъ таковъ, чтобы поддержать бой съ конунгомъ Аттилой, пока сможемъ, хотя скорѣе всего можно ожидать, что мы не устоимъ противъ ихъ превосходства и погибнемъ. Но есть и другой выборъ: сдаться и отдать городъ во власть конунга Аттилы.—Тогда разувался ярль (af sínom skótt), слагалъ съ себя оружіе; та-

кимъ то образомъ всѣ русскіе вожди, босые безъ оружія, вышли изъ города, показывая тѣмъ, что они побѣждены. Въ тотъ день честь и власть русскихъ конунговъ переданы были конунгу Аттилѣ. Держалъ совѣтъ конунгъ Аттила съ конунгомъ Тидрекомъ: даровать-ли миръ этому ярлу (то есть Ирону). Мнится мнѣ, — сказалъ конунгъ Тидрекъ, — захочешь ли только ты такъ поступить, — что полезно было бы даровать миръ этому ярлу и его мужамъ; хотя онъ пришелъ въ твою власть и все его царство тебѣ покорилося, тебѣ въ честь и достоинство — не предавать его смерти, ибо у нихъ нѣтъ оружія, чѣмъ бы оборониться, а всѣмъ царствомъ русскимъ ты воленъ завладѣть. Говоритъ тогда ярлу конунгъ Аттила: Если вамъ любо служить намъ вѣрою, то и объявите это на вашу вѣру, а мы даруемъ миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ мужамъ, что пришли въ нашу власть, по совѣту Тидрека и другихъ нашихъ вождей. Такъ отвѣчаетъ ярлъ Иронъ: Государь конунгъ Аттила, колибъ было у него столь великое войско, что мы могли бы держать городъ гунскою ратью, не пришли бы въ вашу власть, потому и дѣлайте съ нашей жизнью (судьбою), что хотите. Затѣмъ мы и сложили наши доспѣхи, отворили городъ и сами пришли къ вамъ босые и стоимъ теперь у вашихъ ногъ, что знали васъ за добрыхъ витязей и сильныхъ мужей, какъ то теперь и оказалось. Къ тому вело и другое обстоятельство, что всѣ сильнѣйшіе вожди русскихъ убиты, и мы, конечно, станемъ поступать по вѣрѣ, оказывая вамъ повиновеніе. — Тутъ приглашалъ къ себѣ конунгъ Аттила ярла Ирона и сажалъ его съ своими вождами» (гл. 314).

«Тогда звалъ Аттила конунга Тидрека и многихъ другихъ воеводъ на совѣтъ, и рядили они земскій рядъ, какъ устроить все то царство, которое они покорили; а затѣмъ, по совѣту конунга Тидрека и другихъ вождей, посадилъ конунгъ Аттила ярла Ирона воеводою на Руси управлять тѣмъ царствомъ, судить по земскому закону, платить дань конунгу Аттилѣ и давать ему подмоги, когда ему понадобится» (гл. 315).

Ярлъ Иронъ, братъ Владимира, не встрѣчался намъ доселѣ;

если онъ тождественъ съ Ильей, то мы поймемъ теперь, почему Илья посылаетъ Аттилѣ свою дочь въ заложницы; только рассказъ о томъ въ гл. 241 помѣщенъ ранѣе чѣмъ Илья=Иронъ сталъ въ вассальныя отношенія къ гуннскому конунгу.

Но откуда имя Ирона?

Редакторъ М² рассказалъ въ гл. 134 сл., какъ людьми Аттилы, а главнымъ образомъ хитростью шпильмана *Изуна*, коварнымъ образомъ убитъ былъ Озантриксъ. Мы уже сказали, что М² не справился у своего предшественника: въ гл. 278 Озантриксъ оказывается еще въ живыхъ; въ гл. 291—2 говорится о его походахъ въ землю Аттилы, гдѣ онъ завладѣлъ *Брандинабургомъ*; здѣсь сходятся войска гунновъ и вильтиновъ, и въ слѣдующей за тѣмъ битвѣ погибаетъ Озантриксъ. Существовали-ли два рассказа о его смерти, или одинъ изъ нихъ слѣдуетъ устранить, какъ нетрадиционный? Jónsson ¹⁾ устраняетъ первый, какъ произвольно развитый шпильмановской темой. Въ текстѣ, которымъ пользовался оригиналъ АВ, оба рассказа уже находились, и редакторъ попытался помирить ихъ: оказывается, что въ первый разъ попытка убить короля не удалась, и онъ могъ прожить до пораженія подъ Брандинабургомъ. Въ Sv противорѣчіе осталось.

Неожиданную подробность приносить глава 350: Гертинтъ, сынъ Озантрикса, готовится въ походъ на Изунга изъ Бертангаланда, ибо Аттила, Тидрекъ и Изунгъ учинили смерть его отцу. Тидрекъ не идетъ въ счетъ: онъ вассалъ Аттилы, какъ въ нѣмецкомъ эпическомъ преданіи; но откуда явился Изунгъ изъ Бертангаланда (=Бретани)? По смѣшенію-ли съ Изунгомъ шпильманомъ? Въ М¹, гл. 134, король Изунгъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Озантриксомъ, посылаетъ ему своего вассала Аттейра, который и стоитъ на охранѣ его границы; онъ еще тамъ въ гл. 193 и слѣд., въ рассказѣ о походѣ Тидрека въ Бертангаландѣ.

1) Jónsson, l. c., стр. 855.

Въ главѣ 245 слѣд. король Изунгъ является въ разсказѣ, представляющемъ невѣроятное смѣшеніе мотивовъ нѣмецкаго и франкокольтскихъ сказаній и популярной въ средніе вѣка повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ¹⁾. Въ Бертангаландѣ (Бретани) царитъ Артуръ; по его смерти Изунгъ завладѣлъ его царствомъ, а сыновья Артура, *Иронъ* и Аполлоній, бѣгутъ къ Аттилѣ, который даетъ первому въ удѣлъ *Брандинаборгъ*, второму — Тиръ. То, что разсказывается далѣе объ ихъ судьбѣ, представляетъ несвязный спай преданія объ Иронѣ охотникѣ и повѣсти объ увозѣ Аполлоніемъ дочери западно-франккаго короля Соломона. На какое-то сказаніе объ Иронѣ охотникѣ намекаетъ хроника Эненкеля и нѣмецкое стихотвореніе XIII вѣка, *Der Weinschweg*; сага въ гл. 258 говоритъ, что о собакахъ Ирона ходятъ нѣмецкія сказанія и пѣсни. Къ разсказу объ Аполлоніи Иронъ примкнулъ совершенно внѣшнимъ образомъ. Онъ попадаетъ въ плѣнъ къ Соломону, но отпущенъ на свободу, потому что отецъ Соломона, Антіохъ (имя, взятое изъ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ), воспиталъ Аттилу, который и написалъ о томъ его сыну, какъ сюзеренъ Ирона и Аполлонія (гл. 266). — Отмѣтимъ и здѣсь хронологическую путаницу саги: въ гл. 245 Иронъ получаетъ отъ Аттилы Брандинабургъ, но городъ принадлежалъ ему и ранѣе, потому что въ гл. 231 Тистрамъ ѣдетъ въ Брандинабургъ — къ герцогу Ирону.

Итакъ: Иронъ, *вассалъ* Аттилы въ Брандинабургѣ, подъ стѣнами котораго, въ битвѣ съ гуннами, палъ Озантриксъ, какъ Владимиръ въ бою съ Тидрекомъ подъ стѣнами Смоленска, гдѣ послѣ него посаженъ вассалъ Аттилы (Илья). Смѣна именъ Илья — Иронъ можетъ быть объяснена смѣшеніемъ по сходству отношеній. Смѣшеніе или перенесеніе могло произойти, когда сказаніе объ Иронѣ внесено было въ составъ саги; изслѣдователи относили этотъ эпизодъ къ числу интерполированныхъ.

---

1) См. С. Neumann, Iron und Apollonius, Germania XXVII, стр. 1 слѣд. (вопроса объ Иронѣ-Ильѣ авторъ не касается); Symons, Grundriss², I. c., стр. 734.

Замѣчу, впрочемъ, что въ гл. 28 первая жена Озантрикса— дочь какого-то Ирова, конунга af Skorottan eða Mittan, что толкуется: Англія и Шотландія; вмѣсто Skorottan вариантъ читаетъ Brittan: Британія или Бретань = Bertangaland. Что Ировъ Бранденбургскій—сынъ Артура изъ Bertangaland'a, мы уже знаемъ; въ основѣ это, быть можетъ, историческое лицо, что отвѣтило бы соображеніемъ Сторма, въ границахъ, которыя я и склоненъ допустить. Проф. Халанскій ¹⁾ видитъ въ Ировѣ маркграфа Герона († 965) (= маркграфъ Gêre поэмы о Нибелунгахъ), сподвижника Оттона Великаго, «ужасъ Вендовъ, завоевавшего восточную Саксонію и державшаго власть въ восточныхъ областяхъ имперіи, пограничныхъ съ славянами».

Я предпочитаю остановиться на интересномъ фактѣ мѣстнаго сѣверно-русскаго приуроченія, хотя и засвидѣтельствованнаго однимъ вариантѣмъ рукописи В. Мы уже знаемъ, что рукописи А и В исландскія; писаны въ XVII вѣкѣ, но восходятъ къ тексту, который покоился на M¹—M² (либо на S³)²⁾, и по мнѣнію Mogk'a составленъ былъ въ Норвегіи, въ діоцезѣ епископа Бергена Арни. Это даетъ намъ право отнестись съ вниманіемъ къ разночтенію В (дающаго лучшее чтеніе, чѣмъ А) тѣмъ болѣе, чѣмъ оно необычно и не представляется опіской. Припомнимъ эпизодъ, какъ греческій ярль свалилъ Гильдебранда; ярль безъ имени; шведская версія саги говоритъ, что это братъ Владимира; вариантъ В читаетъ вмѣсто: jarl einn af Greka:—jarl einn af *Gersekeborg*, fraendi Valldemars konungs—ярль изъ города Герсеке, родичъ Владимира конунга. Герсеке возвращаетъ насъ къ Ливонской хроникѣ и Владимиру Полоцкому: гех... de Gersike упоминается подъ 1205 годомъ: говорится о его походѣ на Ригу въ то время, какъ полоцкій князь сдержалъ нападеніе на нѣмецкое поселеніе Икскуль; Герсеке былъ, очевидно, удѣльнымъ городомъ полоцкаго князя. Подъ 1209 годомъ гех de Gersike

1) Халанскій, Южно-славянскія сказанія о Маркѣ краевичѣ, стр. 521—2.

2) См. выше, стр. 2.

названъ Wissevalde; это Всеволодь, Wiscewolodus, rex de Gerrike одного документа того-же года; въ этомъ году онъ взялъ Герцке и тогда-же принялъ его въ ленное владѣніе отъ епископа Альберта; въ 1212 году тотъ-же епископъ съѣхался въ Герцке съ полоцкимъ княземъ Владимиромъ для переговоровъ по вопросу объ обращеніи въ христіанство язычниковъ ливовъ. Всеволодь, женатый на дочери литовскаго вождя Даугсруте, ходившій съ литовцами на рижскихъ нѣмцевъ, встрѣчается въ хроникѣ подъ 1213, 1214, 1215, 1224, 1225, 1230 и 1239 годами. Въ 1224 онъ отдалъ половицу Герцке рыцарю Конраду фонъ Икскуль; въ 1230-мъ уступилъ нѣкоторыя изъ принадлежащихъ ему земель аббату и капитулу Динаминде. Въ 1239 году Герцке былъ отданъ епископомъ Николаемъ тевтонскому ордену, но въ немъ оставались слѣды бывшихъ укрѣпленій.

Ак. Куникъ и Пабеть сближали этотъ Gerseke съ Gergseke отписи 1292 годъ изъ Дерпта къ Ганзейскимъ городамъ; въ послѣднемъ случаѣ разумѣется Gerseke новгородскій = Городище на правомъ берегу Волхова. По мнѣнію Билештейна и ак. Куника Gergseke — отъ градъ, сѣв. garðr, напр. въ Holmgarðr, Gardariki и т. д.; судя по аналогіи: Smalenseke = Смоленскъ, Plesseke = Полоцкъ, для Gergseke можно предположить форму Грѣцкъ; сѣверный gerskr: прилагательное отъ garðr = русскій и, вмѣстѣ, *иреческій*, *ирекъ* (girskr и gerskr); gerskr было эпитетомъ «гостя», ходившаго въ Россію и «греки». Таковъ Gille en gerzki въ Laksdølasaga'ѣ, одинъ изъ богатѣйшихъ сѣверныхъ купцовъ, судя по имени (ирл. Gilla = слуга) изъ нормановъ, поселившихся въ Ирландіи; онъ торговалъ на островахъ (Brepp-øerne) у устья Gøtaelf'a, и велъ торговлю рабами; такъ ирландскому гловарю Hóskuld'у, онъ продалъ въ рабство ирландскую царевну¹⁾. Вернемся къ Gergseke на Двинѣ; онъ находился подъ властію Полоцкихъ князей, къ которымъ принадлежалъ и Всеволодь Ливонской лѣтописи; въ грамотѣ, данной ему риж-

1) A. Bugge, *Vikingerne*, I, 159.

скимъ епископомъ Альбертомъ въ 1209 году, упоминается въ числѣ другихъ городовъ, и Zeessowe, въ которомъ Е. Р. Романовъ¹⁾ подозрѣваетъ нынѣшній Царьградъ (Витебской губерніи). Исслѣдователи²⁾ помѣщали двинскій Герцике вблизи Царьграда или отождествляли его съ нимъ; Е. Р. Романовъ ищетъ его на правомъ берегу Двины въ имѣніи Шлосбергъ, гдѣ находится городище овальной формы, «Замковая гора» (Peliskoln, Pilskalns), съ остатками стѣнъ на верхней площади; въ сосѣдствѣ два могильника, одинъ преимущественно съ женскими костяками, другой съ мужскими; при послѣднихъ оружіе: топоры, копья, ножи. Въ мѣстномъ латышскомъ поселеніи о Замковой горѣ ходятъ рѣзныя преданія: о сокровищѣ, спрятанномъ тамъ во время непріятельскаго нашествія (г. Романовъ напоминаетъ по этому поводу раззореніе Герцика въ 1209 и 1215 годахъ), о войнахъ, которыя велись здѣсь Иваномъ Дикимъ (Грознымъ, по предположенію г. Романова); говорятъ, что въ древности на горѣ стоялъ укрѣпленный замокъ Герзакъ или Бирзакъ, какъ въ ливонскихъ актахъ чередуются Gersika и Bergzika.

Въ нынѣшнемъ Царьградѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія города, ни памятниковъ старины.

Научныя раскопки рѣшаютъ спорный вопросъ о мѣстоположеніи Герцике. Для насъ достаточно пока выяснившихся данныхъ: передъ нами фактъ мѣстнаго приуроченія; Илья, ярлъ греческій, af Greka, былъ сближенъ съ geh de Gersike, какъ Владимиръ Полоцкій съ Владимиромъ старыхъ былинъ. Вопросъ въ томъ, насколько эпитетъ af Greka древень при Ильѣ. Для его рѣшенія слѣдовало бы пересмотрѣть положеніе, кажущееся по-

1) Въ письмѣ ко мнѣ отъ 16 Іюня 1896 г., изъ котораго слѣдуютъ далѣе выдержки.

2) Bielenstein, Die Grenzen, I. c., стр. 100 и Register a. v. Gerscke, Gersike, Gerske, Gertzke, Gerzeke, Gersika, Gersike, ib. стр. 472 слѣд. (Куникъ). О Герцике см. еще Pabst, I. c.; Н. Харрузинъ, Къ исторіи города Герцке въ Ливоніи (Археологическія извѣстія и замѣтки т. III, 1896, стр. 49 слѣд.); Сапуновъ, Западная Двина, стр. 467 слѣд. Библиографія вопроса у Данилевича I. c., стр. 27, прил. 164.

рѣшеннымъ со времени Мюлленгофа¹⁾, что въ средніе вѣка на западѣ «русскій» былъ тождественъ съ «греческимъ»; свидѣтельства эпическихъ памятниковъ здѣсь не доказательны и порою фантастичны; сага о Тидрекѣ знаетъ напр. Сигурда греческаго, *grikr* (гл. 117—121, 240). Въ *Dietrich und Wenezlan* встрѣчается польскій король *Wenezlan* (сл. въ *Biŕerolf's Wislan, Wineslan, k̄nic von Beheim*), но въ *Dietriechs Flucht* есть и *Wizlan* греческій: Всеславъ, Вячеславъ? Невѣроятнымъ кажется мнѣ предположеніе²⁾, что въ Тидрекѣ, сынѣ русскаго Владимира, сражающагося въ сагѣ о Тидрекѣ противъ него и войска Аттилы, можно усмотрѣть отраженіе историческаго Теодориха Страбона, готскаго вождя на службѣ Византіи, съ которымъ приходилось бороться Теодориху изъ рода Амаловъ, то есть, Бернскому — Веронскому. Симонсъ сближаетъ Тидрека, сына Владимира, съ *Dietrich von Kriechu* нѣмецкой саги³⁾, хотя онъ стоитъ на сторонѣ Аттилы. Напомнимъ, что *Wolfdietrich* и *Hugdietrich* въ поэмахъ о нихъ также носятъ эпитетъ «греческихъ».

Мы уже сказали, что поэма объ Ортнитѣ не знаетъ Владимира, какъ не знаетъ Илья греческаго: онъ русскій *König*. Какъ въ первомъ обстоятельстве мы усмотрѣли хронологическій моментъ, такъ и второй является намъ въ томъ же значеніи. Въ поэмѣ первой трети XIII вѣка, тѣмъ болѣе въ ея источникѣ, если Илья былъ тамъ названъ, онъ могъ быть только южно-руссомъ. Исслѣдованія акад. Шахматова⁴⁾ выяснили тотъ фактъ, что среди сѣверныхъ славянъ, кривичей и сосѣднихъ съ ними финновъ роль варяговъ сводится ко взиманію дани; туземцы, рыболовы и звѣроловы, продолжали жить племеннымъ бытомъ, и варяги не смѣшивались съ мѣстнымъ населеніемъ, не входили въ его жизнь: они оставались для нихъ чужими, насильниками и грабителями; иня

1) *Zs. f. D. Alterth.* X, 166.

2) *Jiriczek*, l. c., стр. 178; *Symons, Grundriss*², l. c., стр. 702.

3) *W. Grimm, D. Heldensage*, стр. 219.

4) l. c., стр. 53 слѣд.; сл. стр. 37.

Русь, финское Ruotsi, какъ финны, а за ними — славяне называли варяговъ, пришельцевъ изъ Швеціи, было здѣсь ихъ этнографическимъ обозначеніемъ и не обняло въ одномъ цѣломъ подвластныхъ имъ народности. Иная дѣятельность открывалась варягамъ, явившимся среди южно-русскихъ племенъ, сѣверянъ, полянъ, угличей и др. Здѣсь племенной бытъ уже пошатнулся, явилось волостное устройство города, элементы будущей государственности, приготовленные вѣковой культурой, издавна осѣдавшей на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря: сначала иранцы, потомъ греки, римляне, готы; сосѣдство Византіи и ея крымскихъ колоній; наконецъ хазары, самое культурное изъ тюркскихъ племенъ. Варяги оживили эти элементы культуры, накоплявшіяся въ теченіе вѣковъ, явились ихъ организаторами; оттого ихъ племенное имя, Русь, обобщаясь, обняло созданное ими государство и покоренныя племена, и далѣе распространилось, охватывая другія области и народы. Долго подъ Русью разумѣется одна только южная или юго-западная Россія; Новгородцы не скоро назвались русскими: въ XII—XIV вѣкахъ подъ Русью они разумѣли, судя по лѣтописямъ, сначала Кіевскую, а потомъ Суздальскую область.

Попытка Оскольда и Дира устроиться въ Кіевѣ могла быть не первой въ числѣ другихъ такихъ же организацій на русскомъ югѣ; какъ объ Оскольдѣ и Дирѣ рассказывалось, что они ходили на Царьградъ, такъ могъ ходить на Сурожъ изъ какого-нибудь южнаго «городца» русской князь Бравлинъ, ἄρχων τῶν Ῥώζ. Этническое имя Ров для людей, объявившихся въ Константинополѣ и оказавшихся шведами, засвидѣтельствовано Бертинскими анналами для 839 года; въ 941 году византійцы отождествляютъ ихъ съ варягами.

Разбирались-ли они въ ихъ дѣйствительной національности? Я ставлю этотъ вопросъ въ виду высказаннаго выше предположенія, что рать русскаго Бравлина могла быть готской. Но я хотѣлъ бы перенести вопросъ на другую почву: гипотеза о скандинавскомъ происхожденіи Руси, поддержанная собственными

именами первыхъ князей, названіемъ двѣпровскихъ пороговъ и т. д., предполагаетъ-ли въ числѣ доказательствъ и перенесенное на русскихъ финское названіе для Ruotsi. По мнѣнію Томсена такъ могли быть названы скандинавскіе колонисты, поселившіеся, задолго до призванія варяговъ, гдѣ-нибудь у Ладожскаго озера¹⁾. Но съ германскими племенами финны могли сосѣдить издавна, съ тѣхъ поръ какъ подвинулись къ берегамъ Балтики. Коскинень относитъ ихъ появленіе къ VIII вѣку по Р. Хр.; по мнѣнію Куника финны заняли Курляндію и Эстляндію по удаленіи готовъ съ Вислы, то есть во II-мъ вѣкѣ²⁾. Я не останавливаюсь на этихъ и другихъ соображеніяхъ, устраненныхъ новѣйшими трудами въ этой области. Съ одной стороны, топономастическія изслѣдованія Саксена привели его къ заключенію, что уже въ доисторическую пору финны и шведы жили въ Финляндіи совмѣстно³⁾. Съ другой, недавно явившаяся работа Наскманн'а⁴⁾ по доисторической археологіи Финляндіи, подтверждая позднѣйшій взглядъ Томсена на пребываніе финновъ на южномъ берегу Финскаго залива въ пору финско-балтійскихъ лингвистическихъ взаимодѣйствій, пролила новый свѣтъ и на готско-финскія отношенія; по его мнѣнію уже со времени Птолемея (во 2-й половинѣ II вѣка по Р. Х.) сѣверныя части балтійскихъ провинцій заняты были финнами; въ древній періодъ желѣзнаго вѣка (до 500 г.) ихъ южные сосѣди—летты; между ними вкраплены готскіе поселки, простиравшіеся вдоль южнаго берега Балтійскаго моря, Западной Двины, Финскаго залива и Чудскаго озера⁵⁾. Это повело къ смѣшенію культуръ и, можетъ быть, народностей; авторъ толкуеть Иордановское Go (l) tescytha, какъ готская

1) Thomsen, Der Ursprung des russischen Staates, стр. 105—6, 118.

2) Сл. Bielenstein l. c. стр. 495; Браунъ l. c. стр. 294.

3) Сл. Saxèn'a въ Nordiske studier tillegnade Adolf Noreen. Upsala 1904, стр. 45; сл. Abercromby, l. c., I, стр. 256.

4) Наскманн, Die ältere Eisenzeit in Finnland, I (Helsingfors, 1905), стр. 315, 317, 338 и т. д.

5) Сл. Aspelin, La Rosomonorum gens et le Ruotsi (Helsingfors 1884), стр. 4—5, 18, 21, 24, 25.

Чудь, обитатели остзейскихъ провинцій. Отсюда эта Чудь-финны двинулась, вѣроятно, ранѣе IV-го вѣка¹⁾ въ Финляндію, гдѣ уже застало скандинавское населеніе, которое постепенно финнизировало; финскія археологическія находки IV-го вѣка указываютъ на балтійское происхожденіе; послѣдовавшая затѣмъ культура была соединеніемъ восточно-балтійской и скандинавской.

На далекомъ протяженіи германскія племена очутились въ финской епславе и, быть можетъ, нѣтъ нужды видѣть въ Ruotsi исключительно скандинавскихъ, шведскихъ насильниковъ²⁾. Но что особенно важно въ результатахъ Thomsen'a и Nackmann'a, это соображенія относительно древняго сожительства балтійскихъ финновъ съ леттами. Онѣ пригодятся намъ для дальнѣйшихъ выводовъ.

Пересмотръ работъ Томсена привелъ проф. Сетälä къ сходнымъ заключеніямъ³⁾. Онъ относитъ финско-германскія соприкосновенія на южномъ берегу Финскаго залива къ началу прафинскаго періода и порѣ балтійско-финскихъ взаимныхъ вліяній, ко времени около Р. Хр. или нѣсколько ранѣе. Древнѣйшія германскія заимствованія въ финскомъ словарѣ указываютъ на пребываніе среди финновъ въ теченіе вѣковъ, можетъ быть въ качествѣ господствующаго класса, племени, говорившаго на правосочно-германскомъ языкѣ; къ нему принадлежали и готы: специально-готскія заимствованія въ финскомъ языкѣ принадле-

1) По Aspelin'у послѣ 400 г., по Томсену между V и VIII вв.

2) Al. Bugge, *Vesterlandenes inflydelse*, стр. 132, связываетъ «Русь» съ *Rofu Rofin*, какъ назывались въ старину прибрежныя части *Uppland'a* и *Ostregötland'a*, обязанныя въ военное время сваряжать илущихъ на рать гребцовъ.

3) Setälä, *Zur Herkunft u. Chronologie der älteren finnischen Lehnworte in den ostfinnischen Sprachen*, оттискъ изъ *Journal de la Soc. Finno-ougrienne XXIII*, 1 (Helsingfors 1906), любезно доставленный мнѣ авторомъ. Сл. стр. 43—4, 47—8, 49.

жать нѣсколько болѣе позднему времени, но указываютъ на формы, болѣе древнія, чѣмъ сохранныя Ульфилой, что относитъ соотвѣтствующія вліянія къ первымъ вѣкамъ христіанства. Переселеніе финновъ съ южнаго берега Финскаго залива въ Финляндію, гдѣ они застали прасѣверное населеніе и языкъ авторъ относитъ, самое позднее, къ IV-му вѣку.

V.

Родословная вильтиновъ. Веландъ и Вади.

За вычетомъ Нордіана, сына Вильтина, съ именемъ котораго мы встрѣтились въ разсказѣ о борьбѣ вильтиновъ и русскихъ и который играютъ въ немъ чисто показную роль, всѣ остальные имена выступаютъ въ слѣдующемъ генеалогическомъ порядкѣ:

Вильтинъ
 |
 Вади, его сынъ отъ морской дѣвы
 |
 Веландъ
 |
 Vidga.

Вильтинъ незнакомъ нѣмецкому эпическому преданію, остальные ему принадлежатъ, но лишь немногіе являются въ той исключительной связи, въ которой ихъ представляетъ сага. Сѣв. Vadi отвѣчаетъ нѣм. Wate, но о немъ, какъ отцѣ Веланда и дѣдѣ Vidga'и = нѣм. Witege, ничего не говорится; только сопоставленія her Witege und her Wate, являющіяся въ Dietrichs Flucht 6215 слѣд. во главѣ дружины, можетъ быть истолковано, какъ воспоминаніе объ ихъ родствѣ. За то Веландъ, нѣм. Wielant, какъ отецъ Vidga'и, Витеге, стоитъ прочно: уже въ англосакс.

Waldere (VIII—IX в.) Vidia—сынъ Веланда; два нѣмецкихъ документа 864 года сопоставляютъ имена: Uuitigauwo и Uuelant. Съ именемъ Витеге связанъ эпизодъ, освѣщающій со стороны уголокъ сѣверной генеалогіи. Въ гл. 336 саги о Тидрекѣ разсказывается, какъ онъ гнался за Видгой, догнавъ его до моря; Видга бросился въ него на конѣ и исчезъ въ волнахъ въ то время, какъ Тидрекъ метнулъ въ него копьемъ; копье воткнулось въ землю, и теперь еще можно его видѣть у устья рѣки. Sv добавляетъ, что Видгу приняла въ морѣ его прабабка и увела въ Зеландъ; въ источникѣ нѣм. поэмы die Rabenschlacht она—морская дѣва саги, Washilt, увлекающая своего правнука на дно. Такимъ образомъ нѣмецкому преданію извѣстны были изъ родословнаго древа саги: Washilt (имя которой въ сагѣ утрачено), Веландъ, Витеге, связанные той-же аллитераціей, что и въ генеалогіи саги; послѣдней принадлежатъ: Вильтинъ, Вади, принятый имъ отъ морской дѣвы, и Веландъ, какъ сынъ Вади. Я уже замѣтилъ, что Вильтинъ, не поддержанный нѣмецкимъ эпическимъ преданіемъ, производитъ впечатлѣніе эпонима; можно заподозрить, что введеніе его и Вади въ генеалогію саги дѣло ея составителя: онъ былъ завѣдомо компиляторъ, по своему приводившій въ порядокъ матеріалъ, находившійся въ его распоряженіи. Но и здѣсь возможенъ вопросъ: не принадлежатъ-ли нѣкоторыя изъ его генеалогическихъ сближеній тѣмъ нѣмецкимъ пѣснямъ-сказкамъ, которыми онъ пользовался, какъ пользовался такимъ-же источникомъ авторъ Vqlundarkviða'ы. Я имѣю главнымъ образомъ въ виду Вади и Веланда; Vqlundarkviða называетъ Веланда сыномъ финскаго короля и приурочила дѣйствіе къ шведской мѣстности; сага помѣщаетъ Вади и въ Зеландѣ и Ютландѣ. Если удалить эту, быть можетъ, нанесенную географію, то могутъ раскрыться болѣе древнія мѣстныя отношенія, которыя сблизятъ преданіе о Веландѣ съ кругозоромъ саги о вильтинахъ, которую мы пытались локализовать.

Разберемся въ нашихъ свѣдѣніяхъ о Vadi и Veland'ѣ.

Vadi — англос. Wada, нѣм. Wate¹⁾. О Wada мы только по знаемъ Vidsid'у (VI—VII в.), что онъ царилъ у Гельзинговъ²⁾; кое-какія неясныя преданія, сохранившіяся въ позднихъ англійскихъ намятникахъ, можетъ быть, и не относятся къ нашему Wate. Старыя вдовы, говорить Чосеръ, умѣютъ въ одно мгновеніе переноситься съ мѣста на мѣсто, такъ хорошо знакома имъ сила, чѣры ладьи Ваде:

They conne so mychel craft on Wades Boot
(Merchants Tale).

О Ваде и его ладѣ, Guingelot, и диковинныхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ на ней, существуютъ пространные баснословные рассказы, но потому-то я и прохожу ихъ молчаніемъ, замѣчаетъ старый издатель Чосера, Speght; память о волшебной ладѣ Ваде жила въ сѣверной Англій до реформаци. Вигфуссонъ объяснялъ Guingelot = Wingelock и видѣлъ въ этомъ названіи аллюзію на аналогическую черту въ рассказѣ о сынѣ Вади, Вѣлундѣ, унесенномъ на самодѣльныхъ крыльяхъ; можно было бы припомнить и диковинную ладью, которая въ сагѣ о Тидректѣ приноситъ Вѣлунда въ царство Нидунга³⁾. Все это болѣе, чѣмъ сомнительно. — Другія упоминанія Ваде въ англійскихъ памятникахъ отрывочны и не даютъ общаго образа⁴⁾.

1) О Wate см. Müllenhoff, *Zs. f. d. Alterthum* VI, 62 слѣд.; Mannhardt *Z. f. d. Mythologie* II, 296 слѣд.; Golther, *Handbuch des germ. Mythologie*, стр. 198 слѣд.; E. H. Meyer, *D. Mythologie*, стр. 385; Panzer, *Hilde-Gudrun, Sachverzeichnis* a. v. Wate и стр. 291 слѣд., 297, сл. Wharton, *Hist. of english poetry*, ed. 1871, v. II, стр. 123; Vigfusson, *Corp. poet. boreale* I, 160; Skeat, V, стр. 356; *Vinz, Zeugnisse zur germ. Sage in England* въ Paul's Beitr. XX, стр. 196—9.

2) Möller, *Das altenglische Volkseros*, II, строфа II: Wada Haelsingum.

3) Въ романахъ Круглаго Стола названіе коня Gauvein, G(r)ingalet отъ того-же корня: wipk—двигаться, колебаться, съ суф.—ettus: ходкій, иноходецъ? Можетъ быть, и Guingelot отъ того-же корня съ суф.—ottus.

4) Сл. Chaucer, *Troilus* III, 615; въ *Sir Bewis of Hamtoun* (ed. Kölbng v. 2605) говорится о борьбѣ Ваде съ огненнымъ дракономъ; такъ былись Ланцелотъ и Grey of Warwick. Въ предисловіи къ англ. переводу Guido delle Colonne упоминаются подъ рядъ сказанія о Ваде, Гавелохѣ и Гормѣ; въ метриче-

Въ нѣмецкомъ *Wate* видятъ морского великана старо-германскаго повѣрья (Мюлленгофъ и др.), либо ипостась Тора (Мангардтъ), либо одно изъ отраженій типа *Eisenhans's* народной сказки (Панцеръ). *Wate* поэмы о Гудрунѣ его идеализованный, очеловѣченный образъ, но безъ всякой эпической подкладки.

Съ Вади саги о Тидрекѣ мы встрѣтимся въ разборѣ сказаній о Веландѣ.

Въ германскихъ сказаніяхъ широко распространены были имя и представленіе героя-ковача *Weland'a*, сѣв. *Völund'a*¹⁾;

смонъ *Morte Arthur* (ed. Edm. Brock v. 964): *Wade* or *Wawegne*; такое же соединеніе Ваде и Ланцелота въ *Morte Arthur Malory VII, 9* (ed. Sommer I, 225).—*Tutwhitt* ссылается по поводу Ваде на *Camden, Britannia 907* и *Charlton, Hist. of Whitby p 40*; въ изданіи *Camden'a*, которымъ и пользовался (*London 1594*) говорится о замкѣ саксонскаго вождя *Wade* въ *Gorkshire's* близъ *Whithy*; Ваде вступилъ въ битву съ королемъ Ардлуфомъ и бѣжалъ; его похоронили между двухъ камней, около пяти футовъ вышины; разстояніе между ними, въ 11 футовъ, указывасть на гигантскій ростъ. — Упомянутіе Ваде встрѣтилось недавно въ одной латинской проповѣди XIII в. о «смиреніи», найденной *James'омъ* и *Gollancs'емъ*, и этого Ваде поспѣшили объединить съ его эпическимъ соименникомъ (сл. *Academy 1896 г. № 1241*: *Jannaris, Tale of Wade*; *ib. № 1242*: *Montagne Rhys James, The song of Wade*). Но ссылка на *Wade* указываетъ скорѣе на автора какого-нибудь поученія: всѣ люди стали теперь звѣроподобными (послѣ грѣхопаденія), говоритъ проповѣдникъ, «такъ что позволено сказать съ Ваде: одни—эльфы, тѣ змѣи (*naddergera*), другіе—никсы, что живуть у водъ (*bi den raterz или rasez: wades, watere?*); нить человѣка, развѣ одинъ Гильдебрандъ (*Nister man venne—bute Ildebrand enne*)—укажу еще у *Mar'a* (*De Nugis Curialium* (ed. Wright) dist. II, XVII) на *Guado*, сына вандалскаго короля, странствовавшаго по всему свѣту = *Waða*?

1) Къ сагѣ о Веландѣ сл. *C. Hofmann, Germania VIII, стр. 10—11*; *Wilhelm Müller, Mythologie der deutschen Heldensage* (1836), стр. 124 слѣд. (сл. отъ *E. H. Meyer'a* въ *Anz. f. deutsch. Alterth u. deutsche Litteratur XIII, 28 слѣд.*); *Golther, Die Wielandsage und die Wanderung der fränk. Heldensage, Germania XXXIII, p. 442 слѣд.* 1888 г.; *Wilh. Müller, Zur Mythologie der griech. u. deutschen Heldensage* (1889), стр. 96 слѣд.; *Rydberg, Undersökningar i germansk mythologi, 2 vv. (1886—90), Index a. v. Veland, Velint, Wiland, Völund*; *E. H. Meyer, Germ. Mythologie. 1892 г. стр. 300—1*; *Schüick, Völundsagan (Ark. f. nord. Filologi IX, 108 слѣд.) 1893 г.*; *Koegel, Gesch. d. deutsch. Litteratur bis zum Ausgang des Mittelalters I B. I Th., стр. 99 слѣд.* 1894 г.; *Binz, Zeugnisse z. germ. Sage in England* въ *Paul's Beiträge XX, 143 слѣд.* 1895 г.; *Jiriczek, Deutsche Heldensagen I, 1898, стр. 1 слѣд.* (его-же: *Ein franz. Wielandamärchen* въ *Stud. z. vergl. Literaturgeschichte I B. 8 H. стр. 354 слѣд.* 1901 г.); *Symons,*

преимущественно въ нижней Германіи, откуда сага о немъ перешла въ Англию (Беовульфъ VII—VIII в., сѣтованіе Déor'a VIII в., Waldege VIII—IX в.); въ верхнюю Германію она проникла сравнительно мало, но уже въ двухъ документахъ 864 года сопоставленіе именъ Uuitigouwo и Uuelant указываетъ на знакомство съ нею¹⁾. Имя героя: нижненѣм. Weland, англо-сакс. Weland, среднеангл. Weland, Velond; верхненѣм. Wieland; въ стихотворной Эддѣ: Völundr, въ сагѣ о Тидрекѣ: Völundr и Vellent; въ фарейскихъ пѣсняхъ: Valint, Walland²⁾; въ французскихъ chansons de geste: Galant, Galaam на надписи меча Gauvein. Сл. Romania, 133 (р. 98) и 134 (стр. 279); въ средневѣк. лат. Walandus, Galannus и Welandus, Guëlandus.

«Сѣтованія Деора» (VIII вѣка) даютъ лишь общія очертанія одного эпизода о Веландѣ: какъ онъ страдалъ въ оковахъ у царя Nidhad'a и улетѣлъ, убивъ его сыновей и изнасиловавъ дочь. Въ Вёлундарквидѣ (IX в.) рассказываетя о трехъ сыновьяхъ финскаго короля, Völund'ѣ, Slagfödr'ѣ и Egil'ѣ, какъ они женились на лебединыхъ дѣвахъ, которыя покинули ихъ черезъ восемь

Gött. Gel. Anz. 1900, April (отчетъ о книгѣ Ирричка) и въ Paul's Grundriss, 2-ое изд. В. III, стр. 722 слѣд., 1900 г.; Mogk, ib. В. II, 609 слѣд.; Maurus, Die Wielandssage in der Literatur, 1902; Holland, Die Sage von Daidalos und Ikaros (при Bericht der Thomasschule zu Leipzig über das Schuljahr. 1901—2. Lpz. 1902—Изъ старыхъ работъ укажу на W. Grimm, Deutsche Heldensage, 3 Aufl. Register, а. ч., и Raatzmann, Die deutsche Heldensage II, стр. 489—90. — Литература о клермонтскомъ руническомъ ларцѣ сл. у Maurus'a, l. с., стр. 7—8; сл. Jiriczek, въ Anz. f. deutsches Alterth. u. deutsche Litteratur XXIX, 3 Jan. 1904; Hempl, The variant runes on the Franks casket (изъ Transactions of the American Philological Association. Boston 1902) и отчетъ Viëtor'a въ Deutsche Litzt. 1904, № 6 съ интересными толкованіями Strzygowski'аго. Ввиду разногласій въ толкованіи мотивовъ саги о Веландѣ, которые видѣли въ изображеніяхъ ларца, я далѣе ихъ матеріаломъ не пользуюсь.

1) Müllenhoff, Zeugn. u. Excursus XIV.

2) Въ шведскихъ, датскихъ и фарейскихъ пѣсняхъ о Видриктѣ, сынѣ Веланда, имя послѣдняго встрѣчается въ слѣдующихъ патронимическихъ формахъ: Welandson, Welanson; Willansson, Willamsson и др. (шведск. у Arwidsson'a I, 3 АВ; въ шведск. переводѣ саги о Тидрекѣ: Widike Welandsson); Werlandssøn, Wallandzønn, Warlandsen и др. (датск. у Grundtvig I, 7, съ вариантами), Válintsson (фарейск. ib. I, 70; IV, Tillaeg til № 7). См. еще Valland у Chytraeus, Mindesmärker (нап. въ 1598 г.) у W. Grimm, D. Heldensage, стр. 362.

лѣтъ. Двое изъ братьевъ отправляются на поиски, Вѣлундъ, оставшійся дома, схваченъ по приказанію шведскаго короля Níðud'a; его калѣчатъ, подрѣзавъ сухожилья подъ колѣнами, и садятъ на островѣ, гдѣ онъ обязанъ ковать для короля разные диковинки, что онъ и дѣлаетъ, тая месть. Заманивъ въ кузницу малолѣтнихъ сыновей Нидуда, онъ убиваетъ ихъ, насилуетъ его дочь, а самъ улетаетъ. Финская родословная Вѣлунда и шведская локализація Нидуда принадлежать прозаическимъ, не стихотворнымъ партіямъ Völandarkviða'ы; въ послѣднихъ Нидудъ властвуетъ надъ Ніарами, что сопоставился съ шведской областью Noerike; собственныя имена указываютъ на нѣмецкій источникъ. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что финское происхожденіе Вѣлунда—результатъ мѣстнаго, сѣвернаго приуроченія, это другой вопросъ.

Сага о Тидрекѣ обставляетъ разсказъ о Вѣлундѣ цѣлой генеалогіей, съ которой мы отчасти уже знакомы. У Вильтина сынъ Вади (нѣм. Wate), прижитый имъ отъ морской дѣвы; Виландъ—сынъ Вади, котораго отецъ отдастъ въ науку къ знаменитому ковачу Мимиру, въ Гуналандѣ, но беретъ его назадъ, когда товарищъ Вѣлунда, Сигурдъ, началъ его обижать (гл. 57). Эпизодъ, видимо, приставочный, ввиду непосредственно слѣдующаго: Вади слышалъ о двухъ двергахъ-ковачахъ, жившихъ въ Ballofa или Kallava; имъ онъ поручить сына; изъ Зеланда (гл. 23; Sialand; вар. Sviðioð), гдѣ отецъ далъ ему двѣнадцать дворовъ, онъ отправляется на югъ и, взявъ мальчика на плечи, переноситъ его черезъ Groenasund (между островами Мбен и Falster), гдѣ глубины было девять аршинъ (гл. 58). Сынъ Вѣлунда, Vidga (нѣм. Witege), такой же исполинъ: когда онъ переходитъ въ бродъ рѣку Eidisa, Гильдебрандъ и его товарищи видятъ съ другого берега лишь его голову и принимаютъ его за дверга Альфрика (гл. 82).

Дальнѣйшая судьба Вѣлунда разсказана въ сагѣ близко къ схемѣ пѣсни, но съ нѣкоторыми новыми подробностями; отмѣчу лишь немногія. Когда по прошествіи нѣ котораго времени Вади

явился къ двергамъ за сыномъ, его засыпало горою, у подножія которой онъ легъ спать, а Вёлундъ убиваетъ дверговъ мечемъ, который отецъ спряталъ для него на случай опасности, воткнувъ его въ кустъ по рукоятъ. Нагрузивъ коня сокровищами дверговъ и кузнечными орудіями, Вёлундъ направляется на сѣверъ, въ Данію (гл. 61); рѣка Визара (A. Etizza, V. Edilla), остановила его; тогда онъ выдолбилъ стволъ дерева, закупорился въ немъ наглухо со всѣмъ своимъ добромъ и сталъ раскачивать его, пока не свалился въ рѣку, которая вынесла его въ Ютландію, тамъ, гдѣ она зовется Þiodi, къ королю Нидунгу (Гл. 62), Нидуду Вёлундарквиды, въ колею которой впадаетъ рассказъ саги, съ отличіями, объяснимыми внесеніемъ постороннихъ эпизодовъ, но и такими, которыя могли принадлежать древнему варьянту сказанія. Вёлундъ попадаетъ на службу къ королю Нидунгу, гдѣ состязается въ искусствѣ съ его придворнымъ новачемъ, Amilias (Amelias), котораго убиваетъ, разрѣзавъ своимъ мечемъ его самого и его чудесную броню. Новый эпизодъ: на Нидунга напали викинги, онъ вышелъ на бой, забывъ дома свой «побѣдный» камень. Кто достанетъ его, тому онъ обѣщаетъ руку дочери. Вёлундъ достаетъ его, убиваетъ королевскаго чашника, который хотѣлъ отнять у него камень на пути; самъ рассказываетъ о томъ королю и осужденъ на изгнаніе. Вторичное появленіе его при дворѣ возвращаетъ насъ къ Völundarkvida'ѣ, гдѣ мечь Вёлунда мотивируется его неволей; въ сагѣ онъ попадаетъ къ Нидунгу случайно, и надо было подсказать другой поводъ къ мести: Вёлунду не сдержали слова, изгнали его, и вотъ онъ тайкомъ является ко двору, признанъ, ему подрѣзали поджильники на колѣнахъ, посадили его въ кузню, гдѣ онъ работаетъ для короля; убиваетъ его сыновей и насилуетъ дочь. Конецъ рассказа вводитъ новое лицо: приходитъ ко двору братъ Вёлунда Эгиль, знаменитый стрѣлокъ, къ которому примкнулъ бродячій мотивъ о выстрѣлѣ Телля; онъ устраиваетъ свиданіе Вёлунда съ царевной, которая объявляетъ, что выйдетъ замужъ только за него. Она беременна, и Вёлундъ говоритъ ей, что для

сына, имѣющаго отъ нея родиться, онъ припряталъ скованное имъ оружіе тамъ, куда течетъ вода и откуда выходитъ вѣтеръ. Эгиль настрѣлялъ ему птицъ, изъ перьевъ которыхъ онъ устраиваетъ себѣ летательную сорочку; пробуетъ ее Эгиль, но неудачно, Вѣлундъ же взлетаетъ въ образѣ птицы на дворцовую башню и вѣщаетъ Нидунгу обо всемъ, что сотворилъ ему въ отместку. Царь велитъ Эгилю выстрѣлить въ брата, но тотъ, по уговору съ нимъ, попадаетъ ему подъ лѣвую мышку, гдѣ привязанъ былъ нузырь съ кровью. Вѣлундъ улетаетъ, а по смерти Нидунга женится на его дочери; его сынъ—Vidga.

Отсутствуетъ въ этомъ варьянтѣ эпизодъ Вѣлундарквиды о лебединыхъ дѣвахъ¹⁾; эпизодъ о Веландѣ въ наукѣ у дверговъ поддерживается французской сказкой веландовскаго типа²⁾; роль Эгиля, можетъ быть, и не традиціонна, но Эгиль указываетъ на мотивъ трехъ братьевъ древней пѣсни, которая, съ своей стороны, могла не досказать, какъ Вѣлундъ сдѣлалъ себѣ летательную сорочку. Вотъ почему я считаю несущественнымъ отлчіе, которое изслѣдователи (Raszmann, R. M. Meyer, Jiriczek, Symons, Niedner) усматриваютъ въ соответствующихъ эпизодахъ Вѣлундарквиды и саги: будто въ первой Вѣлундъ поднимается на воздухъ сверхъестественной силой, что сага замѣнила позднимъ мотивомъ самодѣльной сорочки. Мотивъ этотъ встрѣчается и въ указанной выше французской сказкѣ, но доказательно слѣдующее, мнѣшеское преданіе американскихъ тлинкитовъ: Yehi, ихъ Прометей, дѣлаетъ себѣ сорочку изъ перьевъ убитаго имъ чудеснаго журавля и въ видѣ птицы возносится къ небу, чтобы

1) Jiriczek, D. Helden sagen стр. 14 слѣд., 17 слѣд., и Symons въ указанномъ выше отчетѣ стр. 365—6 предполагаютъ позднюю контаминацію сюжетовъ о Веландѣ ковачѣ и о лебединыхъ дѣвахъ. См. Niedner, zur Liederedda, Wism. Beilage z. Jahresbericht d. Friedrich-Gymnasium zu Berlin (Berlin 1896) и (Ranisch) D. Literaturzeitung 1896 № 38. По мнѣнію Schofield'a (The lays of Graelent and Lanval and the Story of Wayland, въ Publications of the Modern Language Association of America XV, № 2) автору lai de Graelent сплотивъ бретонскую тему о герояхъ этого имени съ французскимъ пересказомъ легенды о Веландѣ.

2) Jiriczek въ Studien z. vergl. Litteraturgeschichte I, стр. 354 слѣд.

освободить заключенныхъ въ сосуды свѣтила¹⁾. Самодѣльная сорочка, крылья, повидимому, соединимы съ глубокою древностью представлений. Замѣтимъ кстатѣ, что по мнѣнію Гейнцеля и Деттера въ ихъ комментаріяхъ къ *Völundarkviða*'ѣ ея автору позволено вмѣнить воззрѣніе, что Вѣлундъ улетѣлъ на самодѣльныхъ, металлическихъ крыльяхъ. Сл. *Saemundar Edda hrsg. v. D. F. Detter u. R. Heinzel II: Anmerkungen* къ стр. 19, 1—4 и 27, 1—2.

Веландъ-Вѣлундъ перешелъ въ преданіе, какъ мудрый ковачъ; ему приписывали разныя чудесныя подѣлки: мечи, чаши, кольца; на сѣверѣ его имя обобщалось въ значеніи *faber*, какъ финское *seppä*: онъ великій *Völundr*, то есть, мастеръ, говорятъ еще и теперь въ Исландіи, какъ говорили встарь. Вспомнимъ *Welandes geworc* (*Beow. 455; Waldere A 2*), *Welandia fabrica* (*Waltharius 965*); Альфредъ Великій переводитъ выраженіе Бозція (*De consol. philosophiae*): *fidelis ossa Fabricii* = то кости Веланда золотыхъ дѣлъ кузнеца (*rau wesan Welandes ban paes goldsmipes*); такъ старонѣм. *smeidar* переводило *Daedalus*. О Веландѣ ходили и еще ходятъ мѣстныя преданія: кузница Веланда (*Welandes smidde*) въ Беркширѣ упомянута въ хартіи 955 года (въ другой 903-го: *Welandes stoc*); и позднѣе тамъ показывали каменную постройку, гдѣ, будто-бы, жилъ невидимый ковачъ: три четвероугольно обтесанныхъ камня, въ 4—5 футовъ ширины, поставлены сторчкомъ, на нихъ положена каменная плита; два пути идутъ къ этой постройкѣ среди рядовъ большихъ, вертикально поставленныхъ камней. По другому англійскому-же преданію, восходящему къ XII вѣку, мастерская Веланда была въ Зигенѣ, въ Вестфалии, гдѣ сказаніе о *Wedekind*'ѣ сохранило, быть можетъ, память о *Widege, Witege* (сѣв. *Widga*), эпическомъ сынѣ Веланда, и, косвенно о немъ самомъ; въ одной мѣстной легендѣ *Wedekind* (*Wekind*) является съ типомъ возвра-

---

1) Lang, *Myth, ritual and religion II*, 50—1; сл. L. Frobenius, *Die Weltanschauung der Naturvölker*, стр. 28—9.

шающагося императора: онъ сидитъ въ холмѣ и ждетъ урочнаго времени, чтобы снова явиться на Божій свѣтъ. Welantes gtuoba, domus Welandi fabri встрѣчаются въ разныхъ нѣмецкихъ записяхъ, Wielandskin въ современныхъ преданіяхъ. Въ саксонскомъ гѣсу рассказываютъ о чудесномъ ковачѣ Mēland'ѣ или Ammēland'ѣ = Беландѣ; въ Швеціи, въ Верендѣ, на островѣ Alltorp, стоитъ скала, которую народъ зоветъ Verlehall: тамъ была кузня Verland'a; жители Verlandshertad въ Шоненѣ ведутъ названіе своей мѣстности отъ Веланда, указываютъ на большіе камни, гдѣ была его могила; иные говорятъ, что Verland похороненъ въ Bellev (Wellew) Бу въ Ютландіи, гдѣ будто бы имъ построена и церковь и т. д. Слѣдующее шведское преданіе интересно своимъ совпаденіемъ съ географіей прозаическаго введенія въ гѣсню Эдды о Вѣлундѣ: онъ и' его братья пришли въ Волчью долину (i Ulf dali), гдѣ Вѣлундъ и остается (i Ulf dolum), когда братья удалились на поиски женъ. Въ Småland'ѣ, на островѣ Götmarn, есть островокъ Silfverholmen, въ той-же мѣстности, въ долинѣ, лежитъ деревня Ulvedal, отъ которой часть прихода носитъ названіе Ulfvedalsgränd, проселочная дорога — Ulfvedalsvägen; у озера дворъ Välleherofa, мостъ черезъ потокъ, протекающій мимо, зовется Verlebro. Говорятъ, что въ старое время у того озера жилъ знаменитый ковачъ Silfverpigel, достававшій золото въ горѣ, гдѣ оно лежало цѣлыми полосами¹⁾. — Не сложилось-ли это мѣстное преданіе уже подъ воздѣйствіемъ гѣсни или сказанія о Беландѣ, какъ другія сѣверныя могли быть навѣяны сагой о Тидрекѣ? Чаще всего они привязываются къ имени сына Веланда, Видрика (сѣв. Vidga, англос. Vudga, нѣм. Witege), которому въ Вестфалии отвѣчаетъ Wekind.

Въ средніе вѣка излюблены были изображенія лабиринта въ церковныхъ мозаикахъ и миниатюрахъ рукописей; онѣ толковались символически, но отвѣчали и просто цѣлямъ забавы и

1) Dybek у Schück, Svensk Literaturhistoria, стр. 59—60.

остроумія. Ихъ называли *domus Dedali*, *urbs Iericho*, *Chemin de Jérusalem*. Едва ли можно сомнѣваться въ ихъ литературномъ происхожденіи. Иное дѣло лабиринтообразныя сооруженія, часто встрѣчающіяся на сѣверѣ; не стоятъ-ли они въ какой-нибудь связи съ особымъ типомъ могилъ, встрѣчающихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, характерною чертою которыхъ являются правильныя фигуры, по большей части въ видѣ круговъ, пятиугольниковъ, сдѣланныхъ изъ валуновъ или изъ огромныхъ торчмя стоящихъ каменныхъ плитъ¹⁾? Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи и на Готландѣ подобныя сооруженія называются Троей: *Trojeburg*; въ Исландіи такія постройки и соотвѣтствующія изображенія носятъ названіе: «домъ Велунда», *Volundarhús*; при одномъ изъ такихъ изображеній пересказана, въ стилѣ сказки и съ ея пониманіемъ, легенда о Тезеѣ и лабиринтѣ²⁾.

Volundarhús и *domus Dedali* манятъ къ сопоставленію, тѣмъ болѣе, что въ разсказѣ о Веландѣ, какъ онъ передается въ сагѣ о Тидрекѣ, есть мотивы сказанія о Дедалѣ (крылья и др.). Деппингъ, Кунъ, Ниднеръ, Шредеръ предположили прямое перенесеніе классическаго преданія на сѣверъ, Бугге — воздѣйствіе перваго на германское; съ воззрѣніями Гольтера, Шюка, Голланда мы еще встрѣтимся. Я не касаюсь далѣе этого вопроса, какъ и мнѣологическаго объясненія Велунда въ связи индоевропейскихъ повѣрій³⁾. Меня интересуетъ вопросъ объ народной подпочвѣ легенды; съ этой цѣлью полезно будетъ ознакомиться съ главными результатами ея научной разработки.

В. Гриммъ объяснялъ имя *Weland'a*, какъ *Wialand* = *der Betrüger*; Я. Гриммъ выставилъ этимологию отъ сѣв. *vél* = *arg*,

1) Ивановскій, Матеріалы для изученія кургановъ и жилищиковъ юго-запада Новгородской губерніи, Труды II археол. съѣзда. Спб. 1881, вып. 2, стр. 58 слѣд.

2) О *Volundarhús'ахъ* и средневѣковыхъ лабиринтахъ. См. Wilh. Meyer в Sitzungsbericht d. philos., philolog. u. hist. Cl. der K. Ak. der Wiss. zu München, Jahrg. 1822, 2 Band (Ein Labyrinth in Versen).

3) Литература у Jiriczek'a, D. Heldens., стр. 3.

тѣхунъ; предполагаемое англос. *vēlan*, старо-верхненѣм. *Wielan* даю бы причастную форму: *Wialant*, *Wielant*. Фёрстеманъ искалъ въ основѣ англос. *viola*, *veola*, *vela*: *Schatz*, *Reichthum*; англос. *viljan*, *veljan*: *copulare* (можетъ быть, и *fabrefacere*). Расманъ сближалъ сѣв. *Völundr* съ сѣвернымъ обозначеніемъ значарки, вѣщуны: *völva*; въ одномъ ирландскомъ истолкованіи *Sigrdrífumál* говорится: какъ тотъ, кто хорошо куетъ и плавить, зовется *Völundr*, такъ вѣльвой зовется та, кто хорошо предсказываетъ. К. Мейеръ, исходя изъ сѣв. *Völundr*, указываетъ на санскр. корень *jval*: свѣтить, горѣть, индоевр. *gval*; отсюда *Völundr* изъ *Val-undr, *Walandus*, *Galants*; формы *Veland* и др. были бы искаженіемъ подъ влияніемъ новой этимологии: англос. *vela*, *veola* — сокровище, кладъ. Конрадъ Гофманъ также избралъ точкой отправленія *Völundr*, изъ *Valundr* по извѣстному закону перегласовки, но предполагаетъ въ основѣ финск. *wala* = лить, лить металлъ; *Völundr* былъ бы литейщикъ, кузнецъ. — Вильгельмъ Мюллеръ развилъ этотъ взглядъ, распространивъ его на вопросъ о происхожденіи всего сказанія: оно — финское, *Völundr* — параллель къ Ильмаринену Калевалы, мотивы сѣвернаго преданія о первомъ встрѣчаются въ финскихъ сказкахъ; самъ *Völundr* зовется сыномъ финскаго короля; его дѣдъ *Wilcinus* царитъ въ стѣняхъ съ финскимъ населеніемъ. Е. Н. Meyer протестуетъ противъ включенія этого этническаго элемента въ понятіе страны вильтиновъ, *Wiltinaland*; основною формою имени представляется ему сакс. *Vēland*, въ связи съ сѣв. *vél*, *viel*: искусство, обманъ, художественное произведеніе; англос. *vél*, *vīl*: художественное украшеніе, подѣлка. Когда нѣмецкая сага о Веландѣ перешла на сѣверъ, имя вѣщаго ковача измѣнилось подъ народнымъ воздѣйствіемъ имени сѣверныхъ вѣщихъ, *völur*; отсюда *Völundr*; на сѣверѣ же онъ явился и финномъ, потому что тамъ именно финны слыли за значарей. Когда норманны занесли имя *Völund*'а во Францію, глупая гласная корня измѣнилась согласно съ французскою фонетикою (?), суффиксъ *-und* уступилъ мѣсто популярному *-and*

и получились имена: Galant, Walandus. Подтверждение своего построения авторъ находитъ въ сагѣ о Тидрекѣ, гл. 69: *Velent. . . . er Vaeringiar kalla Völund: Веленть. . . . котораго варяги зовутъ Вёлундомъ (за его искусство, *fygir hagleika zakia*, добавляетъ въ той-же формулѣ гл. 194); сл. далѣе въ той-же главѣ: Веленть такъ прославился на сѣверѣ, что лучшей похвалой искусному мастеру было сказать о немъ: онъ, Вёлундъ по искусству (*Velent er svá fraegr. . . . at sá er Völund at hagleik er gort hefir*). Но именно это показаніе позволяетъ сдѣлать и другой выводъ, еще не исключаящій вопроса о происхожденіи сказанія; откуда бы оно ни пошло, оно могло проникнуть на сѣверъ въ формѣ *Völundr* изъ *Valandr* и уже упрочиться тамъ и даже обобщиться, когда позже туда-же пришли ниже-нѣмецкія пѣсни, отразившіяся въ сагѣ о Тидрекѣ, съ ниже-нѣмецкою формою Веландъ. Составителю саги тождество сказаній о томъ и другомъ было ясно, и онъ вправѣ былъ выразиться: Веленть, что у насъ извѣстенъ подъ именемъ Вёлундъ¹⁾. Съ предположеніемъ, что послѣдняя форма сложилась подъ вліяніемъ *völug*, не согласитъ ни *Valint*'а фарейскихъ пѣсень, примыкающихъ къ сѣвернымъ сказаніямъ, ни *Galant*'а, занесеннаго во Францію норманнами. Наконецъ, и ниже-нѣмецкій *Weland* могло въ свою очередь явиться результатомъ измѣненій изъ *Valand* подъ вліяніемъ *vél* и т. п.*

Гольтеръ, развивая идею Бугге, что *Völundr* = *Vulcanus* и предполагая въ основѣ саги классическій мифъ, выходитъ изъ противорѣчій Веленда и Валанда другимъ путемъ. Обѣ формы имени, какъ и самое сказаніе, сложились у франковъ въ VI вѣкѣ: Веландъ — съ значеніемъ *Daedalus*, хитраго мастера, знахаря (съ обычною этимологіею отъ *vél*; *Wéland* причастная форма); Валандъ, въ сущности, приуроченіе имени Вулкана при посредствѣ старой этимологіи: *Vulcanus* = *Volicanus*, *per aerem volans*,

1) Сл. въ сагѣ сходное чередованіе именъ: *Sigurðr* и *Sigfróðr* = нѣм. *Siegfried*.

что осмыслено было въ примѣненіи къ корню *wal*: *Tod*, *Verderben*. Веландъ—Валандъ = *Daedalus*—*Vulcanus*; сѣверное сказаніе — контаминація двухъ классическихъ, совершившаяся на франкской почвѣ. Дальнѣйшее движеніе обѣихъ именъ изъ франкской прародины было различное, случайно-капризное: Веландъ перешелъ въ Англію (въ VII вѣкѣ), Валандъ остался во Франціи въ формѣ *Galant* и проникъ отсюда на сѣверъ, вѣроятно, въ Ирландію, а оттуда въ Норвегію; измѣненіе Валанда въ *Völund*'а объясняется аналогіей съ сѣверными именами собственными, вроде *Ölundr*. Пѣсня Эдды о Велундѣ сложилась въ Исландіи въ IX—X вѣкахъ, передатчиками были нормандскіе викинги изъ Франціи. Гольтеръ предвидитъ возраженіе, что французскіе норманны, выходцы изъ Даніи, поселились въ забранномъ краѣ, и нѣтъ свидѣтельства объ ихъ дальнѣйшихъ походахъ на сѣверъ; но насъ успокаиваютъ увѣреніемъ, что для передачи саги и не нужно массоваго передвиженія, достаточно для того одного корабля, одного человѣка. Съ этимъ можно было-бы согласиться, если бы все построеніе генеалогіи, съ ея двойственнымъ теченіемъ, не отзывалось бы нѣкоторою искусственностью и не требовало дополненій. Перегласовка Валанда въ *Völund*'а, совершившаяся на сѣверѣ, оставляетъ открытымъ вопросъ о *Valint*, *Walland* фарейскихъ и датскихъ пѣсень. Остановились-ли онѣ на полпути между франкскою и сѣвальною формою имени? ¹⁾).

Schück, принимая въ цѣломъ теорію Гольтера, расходится съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ ему представляется невѣроятнымъ, чтобы *Weland* и *Waland*, обозначающіе одно и то-же лицо, были этимологически разнаго происхожденія; сліяніе мифовъ о Дедалѣ и Вулканѣ совершилось не на франкской, а на поздней классической почвѣ; какой то франкъ VI вѣка перевелъ

---

1) См. еще *Golther*, *Handbuch d. germ. Mythologie* стр. 185, 188; см. въ индексѣ а. в. *Völund alfa vísi*, *Welent*, *Wadi*. Съ гипотезой Гольтера — Бутте согласенъ и *Noreen*.

соответствующую легенду на родной языкъ. Мнѣю о Дедалѣ принадлежитъ *Níðudr* = злобный: это переводъ *Minus*'а, понятаго, какъ *mínaх*; изъ сказанія о Вулканѣ взята дочь Нилуда, изнасилованная Вѣлундомъ; судя по имени, она воинственная (*Vofvildr* отъ *vof* и *hildr*); это Минерва, на которую посягнулъ Гецестъ. Одинъ несущественный эпизодъ о Вѣлундѣ, внесенный въ сагу о Тидрекѣ, объясняется изъ античнаго анекдота объ Аполлессѣ.

По Кэгелю сказаніе о Веландѣ перешло уже въ пѣсенномъ видѣ на скандинавскій сѣверъ и въ Англію изъ области саксовъ или нижнихъ франковъ; на это указываютъ имена дѣйствующихъ или упоминаемыхъ лицъ (*Níðudr*, *Níðhad* сѣтованія *Déog*'а, не поддерживается сѣвернымъ именованіемъ; жена Вѣлунда въ нѣснѣ Эдды — дочь *Hlōðvēr*'а = *Chlodowechus*). *Vqlundr* восходитъ къ нѣм. *Wéland* (отъ *vél* изъ *wélo*—*wéh(w)lo*) черезъ *Welwand. Вѣроятнѣе основою корень съ *a* (*wáhi* = *kunstreich*, *zierlich*) и допускается отраженіе *wolo*, *wola* = *Reichthum* на такіе варианты имени (внѣ легенды о Вѣлундѣ), какъ *Uualandus*, *Uuolantinus*.

Jiriczek, недавно подвергшій наше сказаніе подробному разбору, не удаляется отъ обычной этимологіи (*vél*), но, въ противорѣчіи съ Гольтеромъ, считаетъ франц. *Galant* занесеннымъ норманнами: оно фонетически-закономѣрно могло развиваться изъ сѣверной формы имени; доказательствомъ служить *Walander* хроники Адемара (мечъ, *quem Walander faber cudegat*) = *Vqlundr*. Къ этому отождествленію пришелъ и *Bourdillon*¹⁾; *Symons*, устранившій его въ своемъ отчетѣ о книгѣ Иречка, принявъ его въ переработку отдѣла о нѣмецкой героической сагѣ во второмъ изданіи *Grundriss d. germ. Philologie*; суффиксъ —*er* устранился недавнимъ сообщеніемъ *Thomas*'а, что въ рукописи читается не *Uualander*, а *Uualandus*²⁾.—Съ гипотезой о Дедалѣ

1) *Bourdillon*, *The genesis of a romance-hero*, въ *Folk-Lore* 1896, Sept. стр. 359.

2) *Romania* № 114, стр. 259 слѣд.

Ирчекъ не согласенъ: передъ нами нижненѣмецкая, саксонская сага, скорѣе, нѣсколько отдѣльно ходившихъ сагъ, объединеннымъ именемъ Веланда; занесенныя въ Скандинавію и Англію, они принялись тамъ отдѣльно; или соединились въ разныхъ сочетаніяхъ.

Послѣдняя работа Сямонса о нашей сагѣ¹⁾ повторяетъ знакомыя намъ положенія: сага нижненѣмецкая, въ пѣсенной формѣ она уже въ VII-мъ вѣкѣ попала въ Англію, нѣсколько позже въ Скандинавію; *Völundarkviða* (конца IX в.)—соединеніе двухъ пѣсенныхъ темъ: сказанія о лебединыхъ дѣвахъ и о поимкѣ и мести Веланда. *Vøland* изъ нижненѣм. *Weland* (съ *ø* изъ *ê* передъ *l*), причастнаго образованія отъ *vêl*, известнаго лишь изъ сѣвернаго словаря. *Galant* занесенъ во Францію норманнами, хотя существованіе франко-норвежскаго *Waland отрицается.

По Могк'у самое имя *Völundr* указываетъ, что сказаніе о лемгѣ, лежащее въ основѣ пѣсенъ Эдды, перешло на скандинавскій сѣверъ отъ англосаксовъ и здѣсь ународнилось. Варьянтъ саги о Тидрекѣ покоится на нижненѣм. пѣсняхъ, но ея компилятору знакомы были и *Völundarkviða*, и классическое сказаніе о Дедалѣ²⁾.

Гипотеза, что нордманы познакомились съ нѣмецкой сагой о Вѣландѣ въ ея англосаксонской обработкѣ, недавно повторенная А. Бугге³⁾, опирается отчасти на воззрѣнія, надъ разработкой и упроченіемъ котораго особенно потрудился Sophus Bugge: что цѣлая группа пѣсенъ стихотвореній Эдды возникла въ пору соприкосновенія викинговъ съ болѣе развитой кельтской и англосаксонской культурой въ Ирландіи, Англіи и на британскихъ

1) Grundriss².

2) Holland предполагаетъ, что съ содержаніемъ греческаго мифа, можетъ быть въ формѣ мима (?), варяги могли познакомиться—въ Константинополѣ.

3) Alexander Bugge, *Vikingerne I*, 231—3, 257—9; II, стр. 39—40. Большой трудъ Бугге, на который мы уже ссылались (*Vesterlandenes Indflydelse* и т. д.) научнымъ образомъ обосновываетъ взгляды и положенія его книги *Vikingerne*, назначенной для большей публички.

островахъ. Послѣдовавшая затѣмъ колонизація сопровождалась не только стѣсненіемъ народностей, но и духовнымъ воздѣйствіемъ высшей культуры на низшую въ области сюжетности, литературныхъ формъ и художественныхъ приѣмовъ. Орнаменты и изображенія на памятникахъ Готланда напоминаютъ таковыя же на островѣ Манѣ, съ его скандинавско-кельтскимъ населеніемъ, обнаруживая вліяніе ирландской техники. Но если А. Бугге допускаетъ на Готландѣ болѣе раннее, самостоятельное развитіе искусства¹⁾, то этотъ взглядъ позволено обобщить въ приложеніи къ занимающему насъ вопросу: авторъ *Völundarkviða*'ы, IX-го вѣка, жившій въ сѣверной Норвегіи²⁾, могъ знать англосаксонское *gém* = лат. *gemma* (*gim* въ *Völundarkviða*'ѣ) и сохранится въ своемъ *Kiágr af Vallandi* имя кельтскаго влстителя, короля *Ossogy, Cearghall*³⁾, но это не обязываетъ насъ признать, что и само сказаніе о Веландѣ подслушано въ Англіи и Шотландіи: она могла существовать въ болѣе древней формѣ, не протѣрившей западныхъ вліяній и быть занесена на западъ готландцами заходившими на Шетландскіе, Оркнейскіе и, можетъ быть, британскіе острова уже въ VII в. и ранѣе⁴⁾.

Какъ видно, большинство изслѣдователей склоняется къ признанію легенды о Веландѣ нижнепѣмецкой; классическое вліяніе допущено лишь для версіи саги о Тидрекѣ. Разумѣется, одно имя Веланда не рѣшаетъ вопроса о прародинѣ сказанія, и я попытаюсь, по слѣдамъ К. Гофмана и Вильгельма Миллера, поискать рѣшенія на иномъ пути, въ связи съ вопросомъ о веле-тахъ-вильгинахъ.

---

1) *Ib.* I, стр. 197, 209—10, 226; *Vesterl. Inflydelse* 307, 309.

2) *Vikingerne* I 241.

3) *l. c.*, 247, прим. 1.

4) *Bugge, Inflydelse* 310; 316, 317, 398, сл. 179 (во 2-й половинѣ VIII?).

VI.

Отголоски финско-айстскаго эпоса.

Начну съ знакомаго эпизода. Вади живетъ въ Зеландѣ, слышитъ о двухъ двергахъ, искусныхъ ковачахъ, живущихъ по ту сторону моря въ горѣ Kallava M², Kallavfa Sv, Ballofa M¹. Последнее чтоніе принято Мюлленгофомъ и послѣдующими за нимъ нѣмецкими изслѣдователями, усматривающими въ Ballofa вестфальское мѣстечко Balwe въ Арнсбергскомъ округѣ, гдѣ много горъ и показываютъ неподалеку просторную пещеру; есть и каменная лавина, напоминающая ту, которая завалила спавшаго Вади (гл. 61)¹). Къ этому-то Balwe-Ballofa, на югъ, направляется изъ Зеланда Вади, и взявъ сына Велента на руки, переходитъ вбродъ проливъ Groenapund (между островами Моеп и Фальстеромъ). Какъ перебрался онъ черезъ Нѣмецкое море, мы не знаемъ, говоритъ Holthausen²); замѣтимъ, что Balwe удаленъ отъ моря и не на пути Вади, перешедшаго Грѣнасундъ. И Мюлленгофа посѣтило это недоумѣніе: гельсинговъ Vidsið'a, гдѣ царитъ Waða, онъ помѣшалъ на Нѣмецкомъ морѣ, тамъ ищетъ ихъ и Koege³) связывалъ ихъ названіе съ Χαλουσος ποταμός, которую отождествили поочередно съ Гавелемъ, Траве, Эйдеромъ или Halegow и Wagnow; по мнѣнію Мюлленгофа локализациа эта замѣнила болѣе древнюю и Грѣнасундъ находился гдѣ-нибудь на Фризскомъ побережьи у Грѣнингена и Везера⁴); это объяснило бы отчасти почему изъ Ballofa-Balwe Веландъ спускается по рѣкѣ Визара (M¹ гл. 61), если видѣтъ въ ней Везеръ; но, ко-

1) Сл. Е. Н. Meyer, Anz. f. d. Alterthum XIII, 28 слѣд.

2) l. c. стр. 489—90.

3) Koege³), Litg. I, стр. 156. Сл. Müller, l. c., I, 14, 18, 39; Löffler, Svenska ortsnamn på—skialf въ Ark. f. nord. filol. X B., стр. 163, прим. 2; Symons, Grundris², B. III стр. 719.

4) Za. f. deutsch. Alterthum IV, 63.

Исторія II Отд. Н. А. Н., т. XI (1906), кн. 3.

нечно, цѣль пути, Ютландія, и при этомъ направленіи остается загадочной.

Я допущу варьянтъ *M² Sv: Kollava, Kallafva*, полагая, что въ немъ сохранилась память о финскомъ Kaleva. Слово это не принадлежитъ живому финскому языку, а мѣстному преданію и пѣснѣ. Kaleva, Kalevi служитъ обозначеніемъ гороподобныхъ великановъ; лит. *kalvā*—холмъ, островъ, *kālpas*—гора, латышск. *kalvas*—холмъ, гот. *hallus*—скала, сѣв. *hallg* и др. (индоевроп. корень *qel, *qol въ общемъ значеніи: подъема). Другіе образы: *Kalevan miekka*—мечъ Калевы (поясъ Орона), *Kalevan tuli*—огонь Калевы (зарница), указываютъ на чудеснаго кузнеца; лит. *kalwis*, лат. *kalleys*—кузнецъ¹⁾. И слово, и образъ принадлежатъ айстскому вліянію, совершившемуся на южныхъ границахъ финскаго поселья, гдѣ произошло смѣшеніе народностей²⁾. Новѣйшія работы надъ мотивами финскаго эпоса высказали тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ вышли съ юга, переселяясь отъ сѣверной Эстляндіи и южнаго берега Финскаго залива въ Ингрию и далѣе по восточному берегу Ладоги до финской и русской Карелии³⁾.

Финскія свидѣтельства о Калевѣ восходятъ къ XV вѣку⁴⁾. Калевала = Финляндія—страна великана Калевы; въ финскомъ и эстонскомъ эпосахъ онъ одинъ изъ трехъ братьевъ; у него три сына; народное преданіе или только догадки ученыхъ собирателей дали ему въ сыновья героевъ финскаго эпоса, Вейнемейнена,

1) Diefenbach, Vrgl. Wb. d. got. Sprache II, 520—1; Feist, Grundriss d. got. Etymologie a. v. hallus; Comparetti, Der Kalewala, стр. 189 слѣд. производитъ Kalewa отъ слав. скалы, но сл. Fick, Wb. d. indogerm. Sprachen 3 Aufl. I, стр. 818 а. в. akal. Другія этимологіи (Дѣвота—отъ русск. голова, Кастрена—отъ татарскаго *āler*—богатырь, Альквистъ отъ лит. *kālwis*, лат. *kaleis*, перешедшаго къ ливамъ и эстамъ: *kalev*, *kalevi*). Сл. Jul. Krohn, Finska litteraturens historia I, стр. 340, прим. 2; Браунъ, I. с., стр. 169 слѣд.

2) См. выше, стр. 77 сл.

3) Kaarle Krohn, Die geographische Verbreitung estnischer Lieder, Fennia 5, № 18; стр. 18 слѣд., ояъ же: Die Fundorte d. epischen Gesänge des Kalewala, Finn.-ungrische Forschungen IV, стр. 114—5.

4) Jul. Krohn, I. с., стр. 430.

Ильмаринена, Куллерво¹⁾, первоначально имя котораго было Kalevanpoika, что отвѣчаетъ Kalevi-poëg, протагонисту эстонской саги; Kalevi-poëg или Kalev = сынъ Калевы. Мѣстные помяти о Калевѣ начинаются съ литовской границы, протягиваясь на сѣверъ; близъ Мемеля упоминается въ XII в.; antiquum castrum Kauwe et Kalewiten, Kalewisten regio, т. е. область калевидовъ, которую искали между старымъ и новымъ Ковно на островѣ Виргалѣ²⁾. Разумѣется, не всѣ мѣстные названія съ kálvas, kálns могутъ идти въ счетъ преданія о Калевѣ, имя котораго пристроилось въ эстонскомъ и западно-финскомъ преданіи къ цѣлому ряду мѣстностей, холмамъ, утесамъ, озерамъ и рѣкамъ³⁾. У Садернгернскаго озера около Дерпта видѣли огромный камень, брошенный Калевой во время его состязанія съ братьями; онъ такого роста, что когда нагруженный двадцатью дюжинами огромныхъ досокъ переходилъ Пейпусъ, вода доходила ему только до чреслъ. Въ сѣверной части Дерптскаго уѣзда, недалеко отъ Пейпуса, указываютъ на рѣчку, гдѣ сынъ Калевы пагъ въ борьбѣ съ вѣроломными врагами; его громадный трупъ былъ разрубленъ на нѣсколько частей и похороненъ на близъ лежащей возвышенности; въ лѣсу указываютъ на могильные холмы, въ которыхъ зарыты части великана; находящійся по сосѣдству крестьянскій дворъ зовется «дворомъ могильныхъ камней». На огромный ростъ Калевидовъ намекаетъ финская загадка: сыновья Калевы въ банѣ, головы моются на дворѣ (стропила крыши, омываемыя дождемъ)⁴⁾. Иначе говорить, что

1) Schott, Die estnischen Sagen von Kalewi-poëg (Berlin 1863), стр. 440—1, прил. 8, 447. Jul. Krohn, l. c., стр. 367. Schiefner въ Melanges Russes IV, стр. 160—1; Kaarle Krohn въ Finnisch-ugrische Forschungen IV, 1 (1904), стр. 17.

2) Трусманъ, О происхожденіи Керси (Куровъ), Живая Старина III, стр. 67—8.

3) Schott, l. c., 414; Jul. Krohn, l. c., 145, 340, 378—9; Schiefner, l. c., 160—1; Reske, славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 226. См. еще литературу указавшую Вс. Миллеромъ, Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, Дек., стр. 123—4.

4) Abercromby, l. c., I, 342.

могила Калевы на ревальскомъ Domberg'ѣ, Вышгородской горѣ, латышское названіе которой—отъ Kalwas, холмъ—перенесено было русскими на укрѣпленный городъ: Колывань = Ревель встрѣчается съ 1223 года. Колывановъ, какъ патронимическое или мѣстное обозначеніе, извѣстно въ XIV вѣкѣ; въ лѣтописи Авраамки подъ 1357 годомъ читаемъ: «тогда Самсона Колы(ва)-нова съ дружиною на Югрѣ побилъ»; въ Новгородской 1-й подъ 1371 годомъ: Олександръ Колывановъ; среди нашихъ старшихъ богатырей: Колыванъ (Кир. I, стр. 7, Гильф. № 11, 185), Самсонъ Колывановъ (Былины старой и новой записи № 8), рядомъ съ Святогоромъ Колывановичемъ (Кир. I, стр. 45; VI, стр. 108; Рыбн. I, 8; II, 2, 11; Гильф. № 118, 169; Былины стар. и нов. записи № 49), Самсономъ-Святогоромъ (Гильф. № 270), живущимъ на «сѣверныхъ горахъ». Самсонъ Колывановъ указываетъ, быть можетъ, на то-же понятіе гороподобнаго, связаннаго съ горой великана-Калевы; какъ Святогоръ кладетъ Илью въ карманъ (къ чему впослѣдствіи привязалась восточная сказка о невѣрной женѣ въ ларцѣ)¹⁾, такъ Kalevipoegъ карликъ, ростомъ не болѣе нынѣшнихъ людей²⁾.

Въ другомъ названіи для Ревеля-Колывани, Lindanissa Генриха Латыша, какъ названа была крѣпостца, построенная Вальдемаромъ II, усматривали то-же значеніе, какое объединяетъ Колыванъ съ Калевой: сѣв. Lidandisnes=обрывистый мысъ (Воль-

1) См. объ этомъ эпизодѣ въ моемъ отчетѣ о книгѣ Вольнера въ Russische Revue XI Jahrg. 5 Heft, стр. 413 слѣд.

2) Kalevipoegъ пѣсни XI, XII; сл. еще X и выше, стр. 17 сл. Я не считаю возможнымъ выводить Святогора изъ финскихъ преданій, связывая его съ Kalevipoeg'омъ, какъ то дѣлаетъ г. Шамбинаго (Старины о Святогорѣ и поэма о Kalevipoeg'ѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1902, Январь). Смерть Kalevipoeg'a заслуженная (убійство сына ковача), не роковая, какъ у Святогора — и въ малорусскомъ преданіи о Соломонѣ (сл. Разысканія V, стр. 131 въ примѣчаніи). Что касается до загадочной сумочки — земной тяги, то параллель къ этой подробности былини о Святогорѣ (Самсонѣ, Колыванѣ) я встрѣчаю не въ Kalevipoeg'ѣ, а въ нартской сказкѣ о Сосланѣ. См. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахамши, приложение къ XXXI т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 2 (1879 г.), стр. 43—4 отдѣльнаго оттиска.

теръ), *Klintonäs = скалистый мысъ (Шлютеръ). Fr. v. Keussler вернулся къ объясненію Ahrens'a: Lindanissa, означающее по шведски: паровое поле, лежащее на мысу, не что иное, какъ переводъ Финскаго keso — паровое поле — и названіе Ревеля¹⁾.

Вопросъ объ эстонскомъ происхожденіи имени Линданиссы остается открытымъ; въ эстонскихъ пѣсняхъ оно встрѣчается въ сказочномъ значеніи и обстановкѣ «золотой земли», мѣстныя преданія соединяють его съ именемъ Линды, жены Калевы: она несла три камня на могилу мужа на Domborg'ѣ, третій обронила отъ усталости, онъ и теперь еще торчитъ изъ озера, образовавшагося изъ ея слезъ: озеро Ülemisk järv, сосѣднее съ Ревелемъ²⁾.

Эту Линданиссу проф. Милюковъ отождествилъ съ городомъ Леденцомъ, изъ котораго прибылъ въ Кіевъ Соловей Будимировичъ по морю Вирянскому или Веряйскому, то есть по той части Финскаго залива, который омываетъ берегъ Вирландіи или Вироніи (Вируние новгородскихъ лѣтописей), обнимавшей понятіе Эстляндіи и Лифляндіи³⁾. Можно-ли заключить изъ этихъ отождествленій, что и былина о Соловѣ Будимировичѣ сѣвернаго происхожденія? Я только повторяю вопросъ, поставленный мною выше по поводу былины о боѣ Ильи съ сыномъ. Не мѣшаетъ вспомнить, что изъ двѣнадцати варянговъ былины только въ двухъ море названо Вирянскимъ, Веряйскимъ.

Юлій Кронъ, открывавшій въ финско-эстонскихъ преданіяхъ

1) Вольтеръ, что такое Линданисса? въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1900 г., т. V, кн. 4 (по поводу указываемой далѣе статьи проф. Милюкова); Schlüter, Ueb. den ältesten Namen Revels въ Sitzungber. der gelehrt. Estnischen Gesellschaft 1903, стр. 106 слѣд.; Fr. von Keussler ib. 1905 г. (отчетъ въ St. Petersburg. Zt. 1905 г. № 248).

2) Сл. Kalevipoeg, пѣсня II и Blumberg, Quellen u. Realien der Kalevipoeg, Verhandlungen der gel. estnischen Gesellschaft.

3) Милюковъ, Что такое море Вирянское и городъ Леденецъ? въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Вс. Ф. Миллера (М. 1900), стр. 314—5. Сл. Халанскій, О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ въ русск. и южнослав. эпосѣ, Русск. Филолог. Вѣстн. 1901 г. № 1—2, стр. 327 слѣд.

скандинавскія и русскія воздѣйствія, выставилъ для Калевы и Калевидовъ другую гипотезу, уже намѣченную Мункомъ, Кунникомъ и, особенно, Шифнеромъ¹⁾. Онъ исходитъ отъ Scylfing'овъ или Scilfing'овъ — шведовъ Беовульфа; въ *Hyndluljóð* 11 Skilfingar — одинъ изъ трехъ царскихъ родовъ, пошедшихъ отъ Одина; Skilfingr — имя — Одина и kenning короля; въ Снорровой Эддѣ Skilfingar — родъ Skelfin'a, властвовавшего í Austrvegam, въ странахъ востока, то есть, по старо-сѣверному представленію — среди финскаго населенія, говоритъ авторъ²⁾, сближая этихъ скильфинговъ съ Kulfingar саги объ Эгилѣ, сынѣ Скаллагрима, гдѣ до Торольфа, которому король Гаральдъ Прекраснокудрый предоставилъ право торговли съ финнами и взиманіе съ нихъ податей, доходятъ слухи о какихъ-то Kulfingar, вторгшихся въ Fianmörk съ востока, торгующихъ съ жителями и предающихся грабежамъ (Skaldskarmál 10). По одному свидѣтельству страна Кильфинговъ служитъ обозначеніемъ Garðarfki³⁾. Kulfingar — это финская перегласовка Skilfingar, Колбаги новгородской Правды, отличающей ихъ отъ варяговъ и славянъ⁴⁾. Кол-

1) Jul. Krohn, l. c., 340—2, 379; Schiefner, *Mélanges Russes* I, 591: Zur Sampo-Mythe; IV; Zum Mythos vom Weltuntergange; Ueb. die estnische Sage von Kalevipoeg; Ueber das Wort Sampo im finnischen Epos; Ueber Kaleva und Kalevingen.

2) Austrvegг обозначаетъ болѣе широкое и неопредѣленное понятіе. Сл. Vigfússon, *An icelandic-english Dict. a. v. austerike, austrvegг*.

3) Авторъ ссылается на Werlauff, *Symbolae geogr. medii aevi*, стр. 9. За неимѣніемъ этой книги цитую по *Antiquités Russes* II, 401: Kulfingaland, þat köllum ver Garðariki (аббатъ Николай).

4) Сл. Munch, *Saml. Afhandl. III*, 437 слѣд.; Kunik, *Berufung der schwedischen Rodsen* 11; Finnur Jónsson въ указателѣ къ изданной имъ *Egils saga Skallagrímsonar a. v. Kulfingar*. Сл. въ нашихъ лѣтописяхъ: «сварагъ или колбагъ»; въ византийскихъ дипломахъ XI вѣка монастыри освобождаются отъ постоя варяговъ, россовъ, либо сарапинъ или франковъ (1060); россовъ, варяговъ, кульпинговъ (κουλπίγγων) или франковъ (1076, 1079); россовъ, варяговъ или кульпинговъ (1088). Raft (Ant russes II, 249) считалъ кульпинговъ финнами, Нешанп — печенѣгами (Вузант. Zv. III, 374); Стормъ (связывающій имя kulfingar съ двойственнымъ знаніемъ сѣв. kolfr: стрѣлки изъ лука либо члены товарищества, братства) сѣверными шведами, древнѣйшими завоевателями Руси, до появленія шведскихъ-ли или вообще сѣверныхъ варяговъ. Оттуда

блгъ указываетъ на форму *kalbing; отсюда недалеко и до Калевы. Въ результатѣ предположенія, что имя Калевы, восходящее къ сѣверному скильфингу, означало первоначально Одна (какъ думалъ и Шифнеръ) и что Kilfing—Kylfing—Kaleva могло служить среди славянъ и финновъ обозначеніемъ для рода Рюрика и его скандинавской дружины.

Я не касаюсь вопроса о генеалогіи Скильфинговъ въ Hynðluljóð и Snорровой Эддѣ¹⁾, но Kylfingar саги объ Эгилѣ слѣдуетъ отъ нихъ отдѣлить²⁾; что до возможности звукового перехода (S)kilfing въ Kaleva, допущенной Шифнеромъ и Крономъ, это разсудятъ финнологи. Колбляги, въ специальномъ значеніи, какое даетъ имъ Кронъ, лишены поддержки памятниковъ; переходъ Kylfingar—Калевы, въ значеніи скандинавской дружины и Рюрикова рода, къ этническому понятію Kalevala—Финляндія, предполагаетъ такой-же, неосуществившійся на сѣверѣ процессъ, который на сѣверѣ дѣлаетъ понятнымъ расширение термина «Русь»³⁾.

Теорія скильфинговъ—Калевы связана съ взглядами Крона на финскую легенду объ Ильмариненѣ, какъ на отраженіе захажаго сказанія о Веландѣ⁴⁾. Можетъ быть, съ такимъ-же правомъ позволено искать въ сагѣ о послѣднемъ—отзвукъ преданія о Калевѣ или сынѣ Калевы. По прозаической части Völsungdægkvíða'ы Вёлундъ—сынъ финскаго короля; по сагѣ о Тидректѣ онъ сынъ Вади, такого-же великана, какимъ является Калева. Въ финскомъ и эстонскомъ эпосахъ онъ одинъ изъ трехъ братьевъ, у него три сына; такъ и въ Эддѣ у Вёлунда два брата

Русь = Kyrlingaland и Sviþjóð hit mikla. Сл. G. Storm, Kyrlingarne i Egilssaga въ Akademiske Afhandlingar til prof. dr. Sophus Bugge (Kristiania 1889), стр. 78 слѣд.

1) Сл. Dettler u. Heinzel, Saemundar Edda II, стр. 620—21, прим. къ строфѣ 11, ст. 5 и 6 Hynðluljóð.

2) О нихъ сл. G. Storm, Kyrlingarne i Egilssaga въ Akademiske Afhandlingar, tillegnade Sophus Bugge, стр. 78 слѣд.

3) Сл. выше стр. 77 сл.

4) Jul. Krohn, l. с., стр. 269 слѣд.

(въ сагѣ упомянуть одинъ): черта, сохранившаяся, случайно или нѣтъ, во французскомъ эпосѣ, гдѣ Galant — одинъ изъ двухъ или трехъ братьевъ¹⁾. — Въ Эддѣ Вёлундъ и его братья женятся на лебединыхъ дѣвахъ, которыя покидаютъ ихъ, когда они были на охотѣ; братья Вёлунда отправляются ихъ искать; въ эстонскомъ эпосѣ братья на охотѣ, когда финскій колдунъ похитилъ ихъ мать; поиски неудачны. — Ни финскій Куллерво, ни Kalevipoeg — Калева не являются ковачами, но въ одной пѣснѣ изъ Wierland'a мудрый кузнецъ, дѣлающій себѣ жену изъ золота и серебра, названъ Kuller'омъ, сыномъ Калевы²⁾; замѣтимъ, что Куллерво проданъ кузнецу Ильмаринену (Ilmolinen, иначе: Kõugetyinen, Äugiäinen и др.), какъ Вёлундъ пугался въ неволѣ у Нидуда. По совѣту жены послѣдняго ему подрѣзали жилы на подколѣнкахъ, и Вёлундъ мститъ и женѣ и мужу, убивая ихъ малолѣтнихъ сыновей и насилуя дочь; Куллерво также мститъ своей хозяйкѣ, женѣ ковача, убивая ея сына.

Въ эстонскомъ эпосѣ (пѣсни VI) убійство ковача стоитъ въ иной связи: какъ въ одной финской пѣснѣ Kalevanpoiko отправляясь на войну, заказываетъ хорошій мечъ, такъ Kalevipoeg является въ кузнецу (Ильмаринену? См. Kalevipoeg XII) съ тою же цѣлью; всѣ мечи ломаются въ его рукахъ, кромѣ одного, драгоценнаго, заказаннаго еще отцомъ Калевои; взмахнулъ имъ юноша, и отъ его удара раскроилась и наковальня, и каменная подъ нею глыба. Въ слѣдующей за тѣмъ попойкѣ Kalevipoeg убиваетъ тѣмъ мечемъ старшаго сына ковача. Это напоминаетъ знакомый намъ эпизодъ, какъ Вёлундъ убилъ отцовскимъ мечемъ своихъ учителей дверговъ (гл. 61), и его соперничество съ Amilias'омъ при дворѣ Нидунга (гл. 64 слѣд.). — И въ эстонскомъ и въ финскомъ эпосахъ одинаково рассказывалось о томъ, какъ Куллерво — Kalevipoeg соблазнилъ дѣвушку, которая въ

1) Въ Fierabras с. 643 слѣд.: три брата-кузнеца, Galans, Munificans и Augivans (въ проз. текстѣ: Ainsiax).

2) Kaarle Krohn, Die geogr. Verbreitung I. с.

финской сагѣ оказывается его сестрой и въ отчаяніи лишаетъ себя жизни¹⁾; вспомнимъ такой-же мотивъ насилія, съ другимъ исходомъ, въ сагѣ о Вёлундѣ.

Слѣдующія сближенія, распространяющія на другія лица легенды о Вёлундѣ въ версіи саги, менѣе доказательны. Въ 61 усталый Вади крѣпко заснулъ и такъ храпѣлъ, что далеко было слышно. Тогда пошелъ такой дождь, что на диво, а землетрясеніе вызвало обвалъ, который и задавилъ спящаго²⁾. Въ Kaleviroe VI отъ храпа сына Калевы шатаются утесы, содрогаются горы, вихремъ носится песокъ и щебень и умолкаютъ птичьи пѣсни. — Kaleviroe заклилъ свой мечъ, мечъ Калевы, похищенный у него колдуномъ, который обронилъ его въ рѣку: пусть достанется онъ такому богатырю, какъ онъ, а тому, кто его носилъ, обрѣжетъ ноги. Заклятіе исполнилось надъ нимъ самимъ (пѣсни XI, XX). Въ сагѣ о Тидрекѣ по Sv. (гл. 67) онъ убиваетъ Видгу его же собственнымъ мечомъ, скованнымъ Велундомъ, и бросаетъ его въ озеро, дабы онъ не попалъ въ другія руки.

Все это представляется мнѣ моментами какого-то древняго сказанія, типически выразившаго переходъ неолитической культуры къ вѣкамъ бронзы и желѣза³⁾. Было выражено мнѣніе, что индогерманцы не знали кузнечнаго дѣла и познакомились съ нимъ лишь въ Европѣ въ періодъ желѣза⁴⁾, что арійцы, распространившіе, какъ полагаютъ, въ Европѣ обрядъ кремации, застали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ искусство металлическаго дѣла, знакомое доарійскому неолитическому населенію⁵⁾. Откровенія чуж-

1) Къ мотиву сл. Child, The english and scottish ballads, P. II, № 50.

2) Изъ текста мембрана можно заключить, что обвалъ — дѣло dwarfgow; иначе не понять словъ Вёлунда, когда онъ догадался, что отецъ засыпавъ: не время теперь думать о мести. Въ АВ. этой подробности нѣтъ.

3) Сл. Jiriczek, D. Heldens., стр. 2 и приведенную у него литературу.

4) Schrader, Reallexikon d. indogerm. Alterthumskunde, стр. 1048; иначе Max Funk въ Beiblatt zur Anglia XIII, Juni 1902, № VI, стр. 170.

5) Read, A guid to the antiquities of the bronze age in the department of british and medieval antiquities.

дой культуры возбуждали любопытство и суевѣрный страх. Побережные жители Новой Гвинеи боятся аборигеновъ, живущихъ внутри страны, ихъ считаютъ волхвами, обладающими демонической силой; таково отношеніе малайца къ аборигену *Jakup'u*: онъ колдунъ, властенъ надъ природой, посылаетъ дождь, укротитель звѣрей и врачъ ¹⁾). Смѣна культуры каменнаго вѣка металлической должна была вызвать такія суевѣрія относительно представителей послѣдней. Въ вогульской охотничьей пѣснѣ могущій, священный звѣрь лѣса, медвѣдь, говоритъ съ содроганіемъ о металлическихъ оружіяхъ въ рукахъ человѣка, о топорѣ, шириною въ бычачью лопатку, о колчанѣ съ темно-желѣзными стрѣлами, копьѣ и желѣзномъ ножѣ. Кузнецъ представлялся чудеснымъ искусникомъ, знахаремъ, вѣщуномъ, которому открыта и тайна врачеванія. Идеіскіе дактилы — ковачи и *γούτες*, какъ у якутовъ кузнечное ремесло соединяется съ шаманствомъ ²⁾, какъ въ русскомъ повѣрьи Кузьма и Демьянъ врачи и кузнецы. Св. Патрикъ говоритъ о друидахъ и ковачахъ, какъ заклинателяхъ; тоже соединеніе понятій встрѣчается и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ; черезъ заговоръ и заговорную обрядовую пѣсню оно захватывало и профессію пѣвца. Такимъ кудесникомъ старались овладѣть, чтобы воспользоваться его искусствомъ и знаніемъ; его держатъ въ неволѣ, какъ Мияось Дедала, Нидудъ Веланда; Веланда калѣчатъ, чтобы онъ не убѣжалъ; не оттого-ли хромъ Гефестъ? Онъ *κυλλοποδίων, ἀμφιγούεις*; о немъ рассказывали, что захромалъ онъ, когда его сбросили съ Олимпа. И Дедалъ и Веландъ спасаются на самодѣльныхъ крыльяхъ, но напередъ отомстивъ. Къ типическимъ чертамъ мести, повторяющимся въ народныхъ сказкахъ, принадлежитъ изнасилованіе: такъ Веландъ насилуетъ дочь Нидуда, Бѣдвильду; Голландъ подозреваетъ, что критская рабыня *Naucrater*, отъ которой Дедалъ при-

1) Morian Roalf Cox, *An introduction to Folk-lore*, стр. 15 слѣд.

2) Sieroszewski, *Du chamanisme d'après les croyances des yakoutes*, *Rev. de l'hist. des religions* t. XLVI, стр. 319—20.

жилъ Икара, первоначально считалась дочерью Миноса; Шрадеръ и Шюкъ распространили параллель и на Гефеста, посягнувшаго на Аенну, когда она пришла къ нему заказать оружіе; ихъ сынъ Эрихсонъ.—Въ народномъ представленіи эти вѣщіе ковачи были люди другой, отжившей расы, великаны-циклопы или дверги-кабиры; въ *Völundarkviða*'ѣ—Велундъ зовется эльфомъ (*alfa vísi*, *alfa ljóði*). Они скрываются въ пещерахъ, въ доарійскихъ *stromlech*'ахъ, какъ зовутся въ Ирландіи мегалитическія сооруженія изъ наставленныхъ кругомъ каменныхъ глыбъ; Дедалъ—строитель лабиринта. Къ такимъ сооруженіямъ пристроилась въ мѣстныхъ преданіяхъ и легенда о Веландѣ.

Я предполагаю, что она сложилась гдѣ-нибудь на финско-айтскихъ границахъ, откуда перенесена съ другими эпическими мотивами на финскій сѣверъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ, уже крещеный, приносилъ жертвы языческимъ богамъ, между прочимъ, Телавелю. Съ ними знакомитъ насъ ближе русская глосса, внесенная въ такъ называемый эллинскій хронографъ болгарской редакціи (іудейскій хронографъ Истрина) о дьявольской прелести, введенной Совіемъ въ «литов'скій родъ и Ѡтвезѣ и въ проусу и въ емъ и въ ливь»: всѣ они стали поклоняться Перкуну, Жворунѣ — и *«телявеликъ кузнею»* (вар. *теля великъ кузнеца*) словавше ему снѣце, тако свѣтити по землѣ и възвергшу емоу на небо снѣце». Уже проф. Вольтеръ видѣлъ въ Телявеликѣ лит. *kalwis*—кузнецъ, съ уменьшительнымъ суффиксомъ — *élis*¹⁾; проф. Брюкнеръ допускаетъ описку: *Talaweli* вм. *kalweli*²⁾; проф. Явнисъ³⁾ читаетъ: Телявелису кузнецю вм. Ке-лявелису, лит. *Kelevélis*, восточно-литовская форма (съ *Umlaut*'омъ) вм. *Kalevélis*. — Латышскія пѣсни знаютъ ковача, сковавшаго небо. Маннгардтъ сближалъ этотъ мотивъ съ эстонско-

1) E. Wolter, *Mythologische Schizzen*, Arch. f. slav. Philologie IX B. (1886 г.), стр. 640—1.

2) A. Brückner, *Starożytna Litwa* (Warszawa 1904) стр. 69.

3) Съ его толкованіемъ я познакомился благодаря любезному сообщенію К. Вугаса, студента С.-Петербургскаго университета.

финскими преданіями объ Ильмариненѣ: эстонскій Итмагине выковалъ изъ стали и распростеръ надъ землею сводъ неба, прикрѣпилъ къ нему свѣтлыя звѣзды и мѣсяцъ — и солнце, взятое изъ покоя *Wanna issa*'ы, устроивъ такъ его механизмъ, что оно спускалось и поднималось. Въ 49-й рунѣ Калевалы Ильмариненъ хвалится, что онъ выковалъ небо, но когда хозяйка Похьолы похитила солнце и мѣсяцъ, его похвала сковать то и другое изъ золота и серебра оказалась неудачной¹⁾. Маннгардту же принадлежитъ сближеніе разсказа Калевалы о томъ, какъ Ильмариненъ сковалъ себѣ жену изъ золота, съ эпизодомъ саги о Тидрекѣ (гл. 66), гдѣ Веландъ устроилъ фигуру Регина, приближеннаго короля Нидунга, настолько схожій съ подлинникомъ, что король обманулся и привѣтствовалъ—отсутствовавшего друга²⁾.

Итакъ, латто-литовцамъ извѣстно было представленіе о какомъ-то вѣщемъ кузнецѣ-деміургѣ. Новѣйшія изслѣдованія Карла Крона надъ постепеннымъ сложеніемъ и наростаніемъ мотивовъ, сведенныхъ въ Калевалу, выяснили тотъ фактъ, что именно по южной границѣ ихъ распространенія, по всей Эстляндіи распространены пѣсни о ковачѣ-искусникѣ, дѣлающемъ себѣ жену изъ золота и серебра; имя его разнообразится: *Janwikene*, *Jūrikene*, *Mārdikene*, *Autsukene*. Двигаясь на востокъ, мотивъ этотъ встрѣтился въ Ингріи съ другимъ, пошедшимъ изъ западной Финляндіи, съ руной о происхожденіи желѣза; ея герой Ильмариненъ; къ его имени и къ нему, какъ кузнецу пристали

---

1) См. мои разысканія XI, стр. 99 слѣд. Проф. Брюкнеръ (I. с. 68—9) сравниваетъ съ миеомъ о Телавелисѣ разсказъ миссіонера Геронима пражскаго: онъ видѣлъ на Литвѣ родъ солнцепоклонниковъ; разсказывали, что какой-то царь однажды покорилъ солнце, такъ что оно не свѣтило въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; тогда «знаки зодіака» разбились огромнымъ желѣзнымъ молотомъ темняцу солнца и освободили его; тому молоту поклоняются. Похищеніе солнца какъ въ Калевалѣ; освобождающіе «знаки зодіака», вѣроятно, ученое измѣненіе Геронима; но молотъ служилъ-ли къ освобожденію солнца, или это символъ его ковача?

2) *Mannhardt*, *Die lettischen Sonnenmythen* въ *Zs. für Ethnologie* XVII (1876), стр. 79 (№№ 85—7), 819, 321.

въ восточной Финляндіи и русской Корелии руна о происхожденіи жегъза (Калевала IX).

Такъ, осложненная новыми подробностями, основная легенда о ковачѣ-знахарѣ обратилась въ циклъ пѣсень объ Ильмариненѣ. Но она-же могла быть точкой отправленія и для другого развитія: могла рассказывать о ковачѣ искусникѣ и полонившемъ его злобномъ царѣ; Веландъ и Нидудъ, Нидунгъ, Nidhad—имена—эпитеты, обличающіе германское усвоеніе. Мы знаемъ, что прозаическая партія Völundarkviða'ы зоветъ Веланда сыномъ финскаго короля, въ сагѣ о Тидрекѣ онъ вильтинъ. Попытаемся изъподъ повдѣйшихъ приуроченій сѣверной пѣсни и саги угадать древнюю обстановку сказанія. Въ пѣснѣ Nidudr царитъ надъ Ніарами; это названіе сопоставляютъ съ шведской областью Noerike¹⁾. Niagar = *Negar могло первоначально обозначать какой-нибудь материковый народъ въ сосѣдствѣ той области, гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, жили вельты и сложился матеріалъ ихъ саги²⁾. Напомню прусск. *perga*, *pergia* и др. въ значеніи наносной, то наплывающей, то расплывающейся земли: *frische Nehrung* (Фришгафъ), *pergia curonica*, *pergia curonensis*—*kurische Nehrung* (Куршгафъ); Неръ—притокъ Варты, *Nyeris*, *Neris*—Вилія³⁾. Курскую землю въ области Припечи и Нѣмана Ширренъ отождествлялъ съ Неромой, «сирѣчь Жемойтъ» Переславско-Суздальской лѣтописи; въ объясненіи Неромы Кунникъ исходитъ изъ варянта Норома, отъ финск. *poro* и *ma* въ значеніи болотисто-водянистой, низкой мѣстности, что, по его мнѣнію, могло быть куронскимъ переводомъ болѣе древняго латтскаго названія: какъ Жмудъ—Жемойти, такъ и Зимгола—*Semgallen* одинаково означаетъ низменность⁴⁾.—Жмудъ жила между

1) Либо съ *Njorvosund*. Сл. *Detter-Heinzel*, I. c., II, къ 7-й строфѣ *Völundarkviða*'ы.

2) Сл. выше, стр. 11 сл.

3) *Nesselmann*, *Thesaurus linguae prussicae* a. v. *pergia*. Сл. Браунъ, I. c., стр. 32—3.

4) Кунникъ у *Bielenstein*'а, I. c., стр. 468.

низовьями Нѣмана и Виндавой; Биленштейнъ считаетъ жмудскимъ древнее населеніе четырехъ южныхъ областей, входившихъ въ составъ страны куровъ у балтійскаго приморья въ Курляндіи и Пруссіи до Мемеля; въ предѣлахъ нынѣшняго Тельшевскаго, частей Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ Ковенской губерніи¹⁾. По наблюденіямъ проф. Погодина это не Жмудь, а особое латышское племя, языкъ котораго представляетъ явленія, общія какъ курляндско-латышскому, такъ и литовско-прусскому, — смѣшеніе, которое, быть можетъ, было слѣдствіе литовской колонизаціи; городъ Апуле, лежащій въ чертѣ этого племени, извѣстенъ съ IX вѣка²⁾. Летты въ смѣшеніи съ ливами занимали сѣверныя области Курляндіи: Вредекуронію (на сѣверо-востокѣ у Рижскаго залива), Winda'у (у нижняго теченія Виндавы), Vandowe и Bihavelang; послѣднее простиралось къ югу отъ Виндавы до южной оконечности Либавскаго озера. Это Esestua грамоты 1230 г., что толкуютъ, какъ Esertua, Esertuwa, Esertuwe (esars — озеро, tuwa — близъ): озерная область, гдѣ еще въ XIII в. доживали остатки летто-литовскаго язычества: одна деревня между Либавскимъ озеромъ и моремъ носитъ названіе Perguipencalwe — холмъ, островъ Перкуна³⁾. Въ перечнѣ айстскихъ и финскихъ народностей по балтійскому побережью, сохраненныхъ лѣтописью, области Курскіи отвѣчаетъ Корсь. Имена расположены въ послѣдовательности съ юго-запада на сѣверо-востокъ: Литва, Зимигола на лѣвомъ берегу З. Двины, Корсь, Лѣтьгола, Ливъ къ сѣверу отъ З. Двины въ южной Лифляндіи. Во второмъ перечнѣ мѣсто Лѣтьголы занимаетъ Нарова, вар. Норома, Нерома; Нерому можно было бы понять въ указанномъ выше значеніи Жмуди, еслибъ это не разстроивало географической послѣдовательности лѣтописнаго перечня⁴⁾.

1) Проф. Brückner, l. c., 92 опредѣляетъ порѣчье Жмуди по Нѣману между его притоками Невѣжей и Юрой.

2) Живая Старина, III (1898 г.), стр. 571—2.

3) Bielenstein, l. c., стр. 178, 215—7, 280; Трусманъ, l. c., стр. 66, 69.

4) Bielenstein, l. c., стр. 28 слѣд.; ib. 462—3 (Кушникъ).

Sjögren отождествлялъ лѣтописную Норову — Норому съ Вадью¹⁾, древняя область которой лежала значительно сѣвернѣе, простираясь отъ южныхъ береговъ Финскаго залива и Наровы на югъ къ Ильменю и на востокъ къ Невѣ и даже къ Мстѣ, откуда ихъ вытѣснили новгородскіе славяне: въ 1069 году они разбили на голову вожанъ, ходившихъ на нихъ съ Всеславомъ Полоцкимъ, въ 1149 помогли имъ разбить напавшую на нихъ Емь. Шёгрень объясняетъ этническое названіе Водь — Вотъ, Wadi, Wadjalaiset, Watalaiset въ связи съ финск. Waadia, *Waadja, Waatis, Waaja—Pfahl, Keil, либо съ финск. Wataja—niedriger, sumpriger Ort, что поддержало бы этимологию Неромы²⁾.

Вернемся къ Вёлунду. Онъ отданъ въ науку къ ковачамъ Каллавы, откуда спасается, спускаясь по рѣкѣ къ Rjódi, сѣверо-западной оконечности Ютландіи, гдѣ царитъ Нидунгъ. Изъ вариантовъ имени, какое дается рѣкѣ, изслѣдователи отдають предпочтеніе Visaga M¹, тогда какъ А читаетъ Etissa, В Edella; въ гл. 82 и 89 Видга ѣдетъ съ сѣвера къ Берну-Веронѣ, чтобы увидѣть Тидрека, ему на пути двѣ сосѣднихъ рѣки: Eidisa (гл. 82) и Visaga (А: пріѣзжаетъ къ рѣкѣ безъ имени). Мы уже замѣтили выше, какъ фантастична эта географія³⁾. Если Нидудъ — Нидунгъ царилъ у Нiarовъ — *Неровъ въ южной Неромѣ, а Вёлундъ, спасаясь отъ Каллавы, попадаетъ къ нему, спустившись къ морю внизъ по рѣкѣ, то можно разумѣть одну изъ рѣкъ, впадающихъ въ море съ западнаго берега Куроніи, а Каллава очутится южнѣе гдѣ-нибудь на литовско-латышской границѣ. О

1) Sjögren, Ges. Schriften, I, 561.

2) Sjögren, l. c, стр. 557—61 и Reg. der geographischen Namen a. v. Woten; Thomsen, Beröbringer, стр. 235, a. v. vágis. О Воти, сл. еще Кеппенъ, Водь и Водская пятна. Спб. 1861; Kastren, Reiseberichte u. Briefe 1845—9 (SPb. 1856); Барсовъ, Оч. русск. истор. географіи, стр. 40—1 и прим. Вотскій путь, горный, по которому движеніе совершалось главнымъ образомъ зимою, шелъ отъ Ревеля черезъ Вотскую землю (Watland) къ Новгороду. Сл. отчетъ проф. Никитенко о книгѣ Березкова (О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в.), стр. 27.

3) Сл. выше, стр. 81, 85—86, 97 сл.

бѣгствѣ Вѣлунда сага рассказываетъ, что онъ спустился въ ладѣ, выдолбленной имъ изъ дерева (гл. 61)¹⁾, но ему знакомъ и бродъ по рѣкѣ, который онъ указываетъ сыну Видгѣ, но тотъ не нашелъ его, и когда переходилъ рѣку, ушелъ въ нее по голову. Я полагаю, что и переходъ Вади черезъ Грѣназундъ принадлежитъ поздней локализаци и что первоначально дѣло могло идти объ озерѣ или рѣкѣ изъ озера: esags (восточно-литовское ežeras) въ Esestua объяснило бы названіе Visaga²⁾.

Вади, рожденный отъ Вильтина и морской дѣвы на востокѣ, въ Rucziland, и позже являющійся живущимъ на приморьѣ, Siailand — Зеландѣ, можетъ быть ни что иное, какъ эпонимъ Vadi, Води, какъ Вильтинъ—вельтовъ; Wade—собственное имя одного изъ Ливовъ, крещенныхъ Мейнгардомъ³⁾. Вади и Велентъ принадлежали бы къ циклу сказаній, удержавшихся въ мѣстной памяти, о велетахъ Геллеспонтцахъ и сосѣдней съ ней Руси; отрывокъ этой саги попалъ на западъ: Велентъ въ VII в., упоминаніе Wada, царящаго у гельсинговъ, относятся къ VI-му усвоеніе Vadi могло идти на встрѣчу многочисленнымъ Wato, Wadu германскаго именовслова, морскихъ преданій и представлений, хотя дошедшія до насъ не отвѣчаютъ понятію Wate = der Water, какимъ былъ Vadi. Развѣ лодка Wade въ англійскихъ повѣрьяхъ, а въ Гудрунѣ знакомство Wate съ моремъ и его легендами (с. 836, 4; 1128 слѣд.; 1183, 2)?

Древнія скандинавскія вліянія на мифологическія представленія лопарей и финновъ не подлежатъ сомнѣнію; на нихъ еще недавно указалъ Olrik, относящій ихъ къ періоду бронзы⁴⁾; но К. Krohn считаетъ вѣроятнымъ, что въ финскомъ мифѣ о

1) Сл. выше, стр. 86.

2) Обращу вниманіе на странную запутанность въ гл. 61; въ M¹ Вѣлундъ приходитъ къ рѣкѣ Visaga, по ней онъ спускается сначала въ озеро, потомъ въ море, въ А: Визарѣ отвѣчаетъ Etissa, которая въ началѣ названа озеромъ, далѣе рѣкой, откуда путь въ озеро и море.

3) Heinrichs von Letten Livländische Chronic, übers. v. E. Pabst, I. c., § 7.

4) Olrik, Danske studier 1905, I, стр. 39 слѣд.; сл. 51, 52.

Sämpsa, Pellervo отразился занесенный изъ Швеціи культъ Freyr'a — Njordr = Nerthas¹⁾. Все это не исключаетъ возможности обратнаго вліянія. Если въ сѣверной Skadi видѣли представительницу финской стихіи, финское богатство²⁾, то и тема о Беландѣ могла принадлежать къ такимъ-же, не мифическимъ, а элическимъ усвоеніямъ.

VII.

Витеге, Гейме и пѣсенный цимль Эрманариха.

Витеге, Vidga, сынъ Беланда, такъ тѣсно связанъ въ нѣмецкомъ эпическомъ преданіи съ его товарищемъ Неиме, Neimig'омъ саги, что трудно отдѣлать ихъ другъ отъ друга въ вопросѣ объ ихъ эпическомъ генезисѣ. При первомъ ихъ упоминаніи въ Видсидѣ (VI в.) мы видимъ Wudga'у и Hāma'у въ дружинѣ Эрманариха; Беовульфъ (v. 1197—1201) также знаетъ Hāma'у въ его окруженіи; въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ поэмахъ, какъ и въ отраженіи саги о Тидрекѣ, они являются на службѣ у послѣдняго, но ихъ древнія отношенія къ Эрманариху еще просвѣчиваютъ тамъ и здѣсь и, можетъ быть, объясняется не однимъ вліяніемъ на М³ верхненѣмецкихъ эпическихъ традицій. По Видсиду они заѣзжіе, пришлые витязи, изгнанники, wгаессан. Откуда они? Иорданъ гл. 34 упоминаетъ о Vidigoia Gothorum fortissimus, павшемъ хитростью сарматовъ; о немъ ходили пѣсни (с. 5). Имя этого Vidigoja, у Аммиана Vithigabius вм. Vithigavius, отождествляли съ Witigouwe, полной формой

1) Такъ уже Wilh. Müller. *Сл. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde*, II, 55; *Detter* въ *Pauls Beitrage XVIII*, 76 слѣд.; *Golther, Handb. d. germ. Mythologie* 483.

2) *Kaarle Krohn, Finnische Beiträge z. germanischen Mythologie, Finn.-ugr. Forschungen* 1904, стр. 281 слѣд., стр. 245—6.

имени Witege¹⁾; въ Vidigoja видѣли вестготскаго вѣтязя, въ эпвводѣ нѣмецкихъ эпическихъ сказаній (Biterolf, Rabenschlacht, сага о Тидректѣ) о равеннской битвѣ, гдѣ Витеге убиваетъ двухъ сыновей Эцеля,—память о гибели любимаго сына Аттилы въ Панноніи у рѣки Nedaо²⁾. Къ пѣсенному циклу Эрманариха Vidigoja могъ дѣйствительно примкнуть въ качествѣ заѣзжаго богатыря, а съ перенесеніемъ готской саги въ нѣмецкія преданія слиться съ встрѣчнымъ или созвучнымъ именемъ сына Веланда. Симонсъ допускаетъ, что историко-эпическій Vidigoja слился съ какимъ-нибудь миѳическимъ героемъ, борцомъ противъ отродья великановъ³⁾. Я предположу возможность другого смѣшенія. Иорданъ (V, XVII) помѣщаетъ къ западу отъ Айстовъ, въ устьяхъ Вислы, Видиваріевъ, жителей Widland'a, т. е. срединной земли (лит.-латышск. widus—средина), вѣроятно, также айстовъ. Ихъ приурочиваютъ не къ дельтѣ Вислы, а къ Самланду (между Фришъ- и Куришъ-гафомъ)⁴⁾. Vidigoja былъ бы житель самландскаго Вади (гот. gawi—gau).

Для Гейме не нашлось ни историческаго, ни миѳологическаго объясненія. Какъ въ нѣмецкомъ эпосѣ, такъ и въ сагѣ, это типъ неистоваго рубака, не знающаго ничего выше силы; жестокаго и лукаваго, какъ дикарь, котораго не коснулась даже простѣйшая этика дружиннаго быта. Онъ способенъ покинуть пріятеля въ бѣдѣ (гл. 89, 108, 150), присоединиться къ разбойникамъ (гл. 109—10)—и бѣжать съ поля битвы: нѣтъ желѣза милѣе хозяину—его шпоръ, говоритъ онъ, убѣгая отъ Тетлейфа, съ которымъ бился; онъ перескакиваетъ на конѣ черезъ рѣку, и ему кажется, что жернова мельницы, бывшей

1) Забвеніемъ ихъ тождества объясняется, почему въ нѣмецкихъ памятникахъ оба имени встрѣчаются, какъ обозначеніе разныхъ лицъ: Dietrichs Flucht v. 8659: Heime unde Witegouwe.... Witege und Witegisen; Rabenschlacht строфа 732: Witegouwe.... Witegisen; Anh. z. Heldenb.: Wittich.... Wittichowe.

2) Heinzel, Die ostgot. Heldensage, стр. 57 слѣд.

3) Symons, Grundriss² III, стр. 695.

4) Bielenstein, l. c., стр. 466 слѣд., прим. 46—50.

тогда въ ходу, кричатъ ему въ слѣдъ: «Бей, бей его, хватай его, хватай» (гл. 116).

Сага рассказываетъ о немъ многое, что не знаютъ нѣмецкіе поэты; эпизодъ объ его уходѣ на старости лѣтъ въ монастырь, гдѣ еще разъ просыпается его богатырская сила и неистовство (гл. 469 слѣд.), указываетъ на литературное вліяніе французскихъ *Moniage* и ихъ параллелей (сл. напр. *Moniage* Вальтера Аквитанскаго въ хроникѣ *Novalese*), но повѣсть о его дѣтствѣ и первомъ выѣздѣ (гл. 18, 19) производитъ впечатлѣніе какого-то мѣстнаго и, можетъ быть, не поздняго приращенія. — Отецъ Геймира, *Studas*, живетъ къ сѣверу отъ свевскихъ горъ, въ лѣсу у *Saegard'a*, гдѣ царствуетъ Брингильда (гл. 18, 226); по сагѣ о Вѣльсунгахъ Брингильда живетъ въ *Hlyndalir* подъ попеченіемъ какого-то Геймира; было выражено мнѣніе, что по смѣшенію съ этимъ Геймиромъ сложилась и форма имени нашего: мы ожидали бы *Heima*, нѣм. *Heime*, англос. *Nāma*. Онъ вырастаетъ у отца, славившагося своимъ искусствомъ выводить и выѣзжать быстрыхъ, какъ птица, коней; въ сагѣ онъ является ихъ поставщикомъ для витязей: таковы *Falka* у Тидрека, *Risra* у Геймира, *Skemming* у Веланда. Въ гл. 168 Сигурдь, явившись къ Брингильдѣ, говоритъ, что путь къ ней указалъ ему его воспитатель Мимиръ; есть у нея конь Грани, котораго онъ желалъ бы получить, на что Брингильда и соглашается. Въ гл. 190 Грани названъ братомъ коней, воспитанныхъ Студасомъ; его стадо, стало быть, принадлежитъ Брингильдѣ, и онъ и Геймиръ представляются живущими въ ея сосѣдствѣ. Это дало Воер'у поводъ заключить, что именно изъ нижненѣмецкаго преданія о Геймирѣ, отразившагося въ сагѣ о Тидрекѣ, Геймиръ попалъ въ сагу о Вѣльсунгахъ, какъ — воспитатель, *fóstri*, Брингильды¹⁾.

Studas или *Studarr*, какъ читается въ гл. 188 (такъ и въ *Sv*)? *Studarr* толкуется какъ старовехненѣм. *stuotari*—пастухъ ло-

1) *Boer*, *Untersuchungen über den Ursprung u. die Entwicklung der Nibelungenage* *Zs. f. deutsche Philologie* XXXVII т. (1906), стр. 348—4.

шадинаго стада; въ сѣверной передачѣ это дало бы stóðarr (сѣв. stóð — стадо коней), но, можетъ быть, и studarr, по аналогіи Rómaburg вм. Rómaborg. Форма Studas во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе (сл. лит. stedas—стадо).

Сага подробно описываетъ физическій и психическій обликъ Геймира, первоначальное имя котораго было также Studas: онъ коренастъ, приземистъ и плечистъ, лицо широкое, съ короткимъ носомъ, большая голова сидитъ на толстой, короткой шеѣ. Ему любо ѣздить верхомъ, упражняться въ владѣніи лукомъ и копьемъ. Жестокій и суровый, жадный и честолюбивый, онъ никому не хотѣлъ служить и почти всѣхъ ненавидѣлъ; друзей у него не было, но какіе были, тѣмъ онъ не отказывалъ ни въ своемъ достаткѣ, ни въ помощи. По этой то причинѣ его прозвали Геймиромъ (В Heima M¹ 188), и онъ утратилъ свое настоящее имя, ибо такъ зовется змѣй. Оттуда и пошло прозвище Studas'а, что его приравнили къ змѣю; потому варяги и зовутъ его Геймиромъ. Лютѣйшій изъ всѣхъ другихъ змѣй, котораго боялись всѣ змѣи, приближавшіяся къ его логовищу (В: змѣй Heima живетъ въ поляхъ, самый мелкій изъ змѣй и всѣхъ ядовитѣе).—Ему было 17 (18) лѣтъ, когда онъ попросился у отца: не хочетъ онъ состариться въ лѣсу, не по сердцу ему отцовское ремесло, онъ хочетъ «узнать нравы благородныхъ мужей и поискать себѣ чести»—и ѣдетъ въ Верону-Бернъ къ Тидреку.

Сѣв. Heima-Heimig и его германскія соотвѣтствія, будто бы принятія отъ названія змѣя, не поддерживаются нарицательными: староверхненѣм. heimo, средневерхненѣм. heime, англос. háma (сверчокъ). Нельзя-ли предположить, что это нарицательное примѣнялось къ какому-нибудь этническому имени? Богатырь Нато, сраженный Старкадомъ, упоминается Саксономъ Грамматикомъ въ ряду эстовъ, куровъ и семгалловъ, въ другой разъ между гуннами и ливами, либо русскими¹⁾. Hátne,

1) Axel Olrik, Brávallakvadets Kaemperække, Ark. f. nord. filol. X B., стр. 228, 234, 242, 255; онъ-же: Nogle Personnavne i Starkadsdigtningen въ Festskrift til Vilh. Thomsen (København 1894), стр. 117.

Hänelaiset, Jem, Jam (русск. Емь, Ямь, Гамь)—финское племя, жившее въ югозападномъ заволючьѣ, отъ Ладоги до Сѣверной Двины, но въ болѣе древнее время доходившее до береговъ Балтійскаго моря, гдѣ соприкасалось съ эстами и ливами; Нәне и теперь еще зовутся Тавасты въ южной части Финляндіи, и самое названіе ихъ — эстонское отъ hām — мокрый, влаждый, wässerig¹⁾.

Если сага привлекла Студаса и Геймира въ сосѣдство съ Брингильдой, къ какому-то сказочному Saegard'у, то это приуроченіе придется помирить съ другимъ, по которому родимый лѣсъ Геймира лежалъ во владѣніяхъ Эрманариха. Когда въ 288-й главѣ Геймиръ, въ присутствіи короля, уличаетъ его коварнаго совѣтчика Сифку въ ложныхъ навѣтахъ, тотъ говоритъ королю: «самъ ты виноватъ, что принялъ его въ свою дружину, и онъ сталъ нахаломъ: пусть бы вернулся въ лѣсъ, гдѣ жилъ его отецъ и, какъ онъ, пасъ *тооикъ* коней». Мы уже знаемъ, что лѣсъ, гдѣ росъ юный Геймиръ, находился гдѣ-то къ сѣверу отъ Свавскихъ горъ (гл. 18). «Свавскій лѣсъ» встрѣчается еще въ эпизодѣ о рожденіи Сигурда (гл. 152—61), исключительно принадлежащемъ нашей сагѣ и представляющемъ разновидность сюжета о невинно преслѣдуемой красавицѣ. Король Сигмундъ царствуетъ въ какой то Tarlungaland или Jarlungaland; отправляясь на войну онъ поставилъ блюстителями своего царства двухъ графовъ í Svava, Hartuin'a и Herman'a. Въ отсутствіи короля Арвинъ пытается овладѣть любовью его жены, Sisibe, но отвергнуть ея; когда онъ и его товарищъ прослышали о возвращеніи Сигмунда, они рѣшили предупредить обвиненіе ихъ королевой и взводить на нее самое поклѣпъ, будто она связалась съ рабомъ; они-же подсказываютъ и наказаніе; пусть сошлютъ ее въ Svavaskog, Свавскій лѣсъ, гдѣ нѣтъ людской тропы и десять лѣтъ не ступала нога человѣка. Holthausen¹⁾

1) Sjögren, l. c., гл. VIII, стр. 484, 487—9.

2) Holthausen, l. c., стр. 479 слѣд.

предполагаетъ, что разумѣется Шварцвальдъ. Для опредѣленія мѣстности, въ которой авторъ представлялъ себѣ дѣйствіе, есть одно указаніе: по вызову короля Drazolf, женатаго на сестрѣ Сигмунда, Сигмундъ ходилъ воевать — въ Pulinaland.

Къ полосѣ между Pulinaland и страной гунновъ (сл. гл. 304) переносить насъ и другой рассказъ, также вводящій Эрманариха въ какія-то отношенія къ сѣверу, на этотъ разъ къ вильтинамъ. Желая отомстить ему за безчестіе жены, Сифка убѣждаетъ его потребовать дань съ Озантрикса: всѣ властители сѣвера чествуютъ тебя дарами, не дѣлаютъ того лишь Озантриксъ. За данью посланъ сынъ Эрманариха, Fridrekt, который, по наущенію Сифки, и убить его пріятелемъ-ярломъ въ градѣ вильтиновъ, Viltinaborg. Гдѣ этотъ городъ? Мы узнаемъ только, что за нимъ, на границѣ Pulinaland и Hunaland, лежитъ лѣсъ Borgarskogt (гл. 278, 304, 305). Какъ узналъ Эрманарихъ о гибели сына, подумалъ, что учинилъ то Озантриксъ за то, что отъ него потребовали дани (гл. 276—8). Мы естественно ожидаемъ отместки Эрманариха, но эпизодъ этимъ и ограничивается — ничего не подсказываетъ и Dietrichs Flucht, гдѣ самъ Эрманарихъ предательски посылаетъ сына Фридриха въ страну вильцевъ¹⁾.

Что власть Эрманариха простиралась до Свевскаго лѣса и что у него есть какія-то права въ странѣ вильтиновъ — все это можетъ показаться измышленіемъ и быть объяснено фантастической географіей составителя саги. Но интересно встрѣтить, почти одновременно съ ней, такое-же пріуроченіе, только болѣе послѣдовательное и, повидимому, самостоятельное, у Саксона Грамматика. Его Historia Danica (ок. 1190—1200) знаетъ Jarmericus—Эрманариха датскимъ королемъ²⁾; въ Даніи, на вы-

1) Источникъ Кведлинбургскихъ анналь и Вюрцбургской лѣтописи также говорятъ о смерти Фридриха, sua (т. е. Эрманариха) perpetrata voluntate. Сл. Jiriczek, I. с. 70.

2) Ed. Erasmus Müller, VIII, стр. 406—15; ed. Holder 275 слѣд.

сокомъ утесѣ, показывали и его замокъ, но мѣсто его подвиговъ то-же, что и въ сагѣ о вильтинахъ: земли русскихъ и «геллес-понтцевъ». Еще ребенкомъ онъ и его молочный братъ Гуннъ попали въ плѣнъ къ славянскому королю Ismar'u; подростши, онъ работаетъ у него въ полѣ и по хозяйству, входитъ къ нему въ милость, но королева питаетъ къ нему недоверіе. А онъ уже замыслилъ бѣгство, готовится къ нему и въ отсутствіи Исмара бѣжить, перебивъ и сторожей и королеву. Воцарившись въ Данин, онъ мститъ славянамъ жестокими набѣгами¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Саксонъ пересказываетъ легенду о Свангильдѣ. У Иордана (*Getica*, сл. 23, 24) Sunilt — жена вождя Росомоновъ (*Rosomonus gene infida*), народа, отложившагося отъ Эрманариха; король велитъ растерзать ее конями, мстителями являются его братья; рана, полученная Эрманарихомъ, и страхъ гуннскаго нашествія были причиной его смерти. Въ сѣверныхъ отраженіяхъ этой саги²⁾ Свангильда очутилась дочерью Сигурда, Jögmungkr женится на ней, свататься за нее ѣздилъ его сынъ Randver. Лихой совѣтникъ короля, Vikki, возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе будто Свангильда слюбилась съ его сыномъ; она растоптана конями; и здѣсь мстителями выступаютъ его братья. Нѣмецкій эпосъ знаетъ злого совѣтника Эрманариха: Одоakra или Sibich'a; это Sifka (котораго вѣрнѣе зовутъ Bguni A или Vikki, гл. 186) въ сагѣ о Тидрекѣ въ знакомомъ намъ эпизодѣ объ убійствѣ Эрманарихова сына. Саксонъ перенесъ всю эту повѣсть въ излюбленную имъ географическую обстановку: Ярмерикъ женится на Свангильдѣ, но она изъ рода геллеспонтцевъ; злой совѣтникъ, встанцій ему за убійство брата — ливскій царевичъ Vikko.

Ольрикъ, а за нимъ и другіе, усмотрѣли въ географическихъ и историческихъ приуроченіяхъ *Historia Danica* отраже-

1) Гротенфендъ предполагаетъ генетическую связь между этой легендой о Ярмерикѣ и финской о Куллервѣ. См. Grottefend, Die Sagen von Hermanarich u. Kallervo, Finn. ugrische Forschungen III, 3, стр. 45 слѣд.

2) О нихъ Jiriczek, l. c., стр. 84 слѣд.

ніе впечатлѣній датско-славянскихъ (= вендскихъ) усобиць XII вѣка, какъ и рассказы о вильгинахъ дали поводъ къ такому же сближенію съ войнами саксовъ съ вендами и датчанами въ X—XI в., датчанъ съ оботритами, эстами и ливами въ XII—XIII вѣкахъ¹⁾. Я задался вопросомъ: не наслоились-ли эти воспоминанія на болѣе древнія эпически-историческія и этническія²⁾. Мы не знаемъ напримѣръ, въ какомъ составѣ сохранилась въ нижненѣмецкомъ преданіи сага объ Эрманарихѣ и покрывалась ли она безъ остатка содержаніемъ дошедшихъ до насъ крайне отрывочныхъ литературныхъ отраженій. Могъ высказать предположеніе, что ее могли занести на сѣверъ Герулы, вернушіеся въ началѣ VI-го вѣка съ Дуная на свои старыя скандинавскія поселья; этимъ путемъ легенда о смерти Эрманариха отразилась уже въ первой половинѣ IX вѣка въ строфахъ *Ragnarðrara*'ы Браги, въ *Hamðismál* (X в.), *Guðrunarhvot* и др.; гот-

1) См. выше, стр. 8 сл.

2) Bleyer въ недавно явившейся работѣ о германскихъ элементахъ венгерской саги о гуннахъ (Bleyer, *Die germanischen Elemente der ungarischen Hunnensage* въ *Beiträge z. Gesch. d. deutsch. Sprache u. Literatur*, XXXI B. (1906), стр. 497) ищетъ этого древняго субстрата на другомъ пути, считая возможнымъ, что въ рассказѣ саги о Тидрекѣ о томъ, какъ Атиллѣ отобралъ гунскую землю у Миліаса сохранились древніе отзвуки историческихъ завоеваній Атиллы, которая венгерская хроника простираетъ на *Dacos* (т. е. *Dalnos*, *Nogvagiós*, *Frisapanes*, *Lituanos* et *Pritenios* (стр. 522). Въ Битерольѣ также говорится о походахъ Эццеля противъ прусскаго и польскаго королей, въ *Wenzelap'ъ* Дитрихъ бѣдетъ на его сторонѣ въ Польшѣ. Допуская, что походы нѣмецкихъ императоровъ изъ саксонскаго дома (Оттона II и III и Генриха III) дали историческую подкладку эпическимъ рассказамъ о войнахъ съ славянами, онъ предполагаетъ однако, что и здѣсь совершалось перенесеніе древнихъ сказаній на новѣйшія событія, какъ и въ сагѣ о Тидрекѣ мѣсто дѣйствія перенесено было изъ Венгрии въ сѣверную Германію (стр. 526—7 и прим. 1 на стр. 527). Я отношусь къ этой гипотезѣ автора такъ же сдержанно, какъ къ его предположенію, что содержаніе готско-гунской саги съ Атиллой и Дитрихомъ стало извѣстно нѣмцамъ черезъ посредство—паннонскихъ славянъ (сл. стр. 587 слѣд., 591 слѣд.). Правда, на это нѣтъ данныхъ (592), нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи гунской саги у славянъ, говоритъ Блейеръ, но надѣется, что они могутъ быть добыты методическимъ изслѣдованіемъ славянскихъ лѣтописей (594). Насколько я знакомъ съ вопросомъ, надежды эти едва ли не лишнія.

скихъ героевъ саги о Негвѣгъ, Angantýg'a, царящаго въ градѣ Днѣпра, и Нлѣд'а знаетъ при дворѣ Эрманариха уже Vidsid, 116; рассказы о Ярмерикѣ-Эрманарихѣ могли ходить въ датскихъ народныхъ преданіяхъ еще до Саксона Грамматика¹⁾. Sijmons въ недавно явившейся работѣ не согласенъ ни съ герульской гипотезой Mogk'a, ни съ его хронологіей; переселеніе саги о смерти Эрманариха на сѣверъ совершилось въ 8-мъ вѣкѣ изъ нижнеѣмецкаго и притомъ пѣсеннаго преданія; его случайнымъ показателемъ является нижнеѣмецкая пѣсня, сохранившаяся на летучемъ листкѣ XVI вѣка, искаженная, но стоящая всего ближе именно къ редакціи Hamðismál'я; источникомъ послѣдней могла быть такая-же пѣсня болѣе древняго состава; такая же пѣсня отразилась нѣкоторыми чертами въ сводной датской балладѣ Kongs Diderik i Birtingaland²⁾.

Вокругъ Эрманариха, «славнѣйшаго изъ Амаловъ», уподобившагося Александру Великому, долженъ былъ сложиться эпическій циклъ, который могъ воспринять въ себя героическія пѣсни готовъ на ихъ побѣдоносномъ шествіи къ Черноморью, но и растеряться на пути передачъ и усвоеній. Начало этого явленія мы можемъ наблюдать у Іордана (XXIII): онъ, или уже его источникъ, перенесъ на Эрманариха преданія о древнихъ готскихъ завоеваніяхъ на Балтійскомъ побережьѣ: Эрманариху подвластны герулы, васты, айсты и нѣсколько другихъ народностей, надъ именами которыхъ задумывались изслѣдователи: Golthe Scytha thiudos inaunxis, . . . Merens, Mordens. Въ thiudos inaunxis видѣли заладожскую Чудь³⁾, въ Merens—Мерю, въ Mor-

1) Mogk, Grundriiss² II, 558; 624, 838. См. мою замѣтку: Кіевь-градъ Днѣпра, I. с.; Symons, Grundriiss² III, стр. 619 предполагаютъ, что рассказъ саги о Негвѣгъ, передающій вестготскія преданія о битвѣ при Шалонѣ (въ сагѣ: Danheidr), проникъ на скандинавскій сѣверъ—черезъ Англію.

2) Sijmons, Das niederdeutsche Lied von König Ermanarichs Tod und die eddische Hamðismól, Za. f. deutsche Philologie, XXXVIII B. стр. 145 слѣд. (1906 г.).

3) Grünberger, Ermanarichs Völker въ Za. für deutsches Alterthum XXXIX, стр. 154 слѣд.; сл. 158, 159 слѣд.; 164, 168 слѣд.; 171, 182—3.

dens — Мордву. Грюнбергеръ ¹⁾ соединяетъ Scythathindos = скинские народы, въ *inaunxis* (= *inahnsggeis) видимъ скиновъ *ἀμαξόβια* Страбона; *Mergens* и *Mordens* восходятъ, по его мнѣнью, къ готск. *merjans и *maurdjans; первое, отъ гот. *mērs, *abd. māri*, сѣв. *maert*, означало бы: славные, благородные. Отъ *mērs и его производнаго (*meriggos) пошло и прозвище готовъ: въ Босніи Ноткера Теодорикъ названъ королемъ *Mergothorum et Ostrogothorum*; на надписи *Börkstein'a* (X в.) онъ *skati Maéringa*, въ сѣтованіяхъ *Deog'a* (VIII в.) онъ властвуетъ въ *Maeringaburg*. *Mējans могло быть такимъ-же прозвищемъ готовъ или какого-нибудь готскаго народа. Этому *Mējans отвѣчаетъ Меря русской лѣтописи, говоритъ Грюнбергеръ, не поясняя, какъ и кѣмъ совершилось это перенесеніе имени; озадачиваетъ и его вопросъ: если (не готское?) названіе *Mējans перенесено было на готовъ, то это понятно лишь подъ условіемъ, что соответствующая народность исчезла въ составѣ готскаго племени, были-ли то финны, сарматы, скины, — или германцы, что всего вѣроятнѣе. — *Maurdjans = разбойники, можетъ быть, также германское, скорѣе готское племя, безъ капли финской крови. Какъ извѣстно, Томашекъ отождествлялъ геродотовскихъ андрофаговъ съ предками мордвы, сидѣвшей нѣкогда, въ общеніи съ латгалтовцами, на Деснѣ, и считалъ ихъ финнами, которымъ ихъ сосѣди, скины, дали иранское имя (*δνομα σκυπτικόν*): *mareta-xmā: людѣды ²⁾.

Роспись племень, покоренныхъ Эрманарихомъ, начинается у Иордана словами: *Golthe, Scytha thiudos* и т. д. Грюнбергеръ толкуетъ: *Golthe*, т. е. готы, не могли считаться покореннымъ

1) Выше стр. 78—79, мы указали на гипотезу *Hackmann'a*, соединяющаго *Golthethiudos* въ одно обозначеніе: готская Чудь = балтійскіе финны.

2) *Thomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden II: Die Nachrichten Herodots üb. den skythischen Karavaanenzug nach Innerasien, Sitzungsber. d. K. Wien. Ak. d. IV. Philos.-hist. Cl. B. 117, p. 10.* См. его же отзывъ о *Möllenhoff, D. Alterthumskunde in Gött. Gel. Anz. 1888 г.*; *Браунъ, l. c., 88—4*; *Rassonon, Die sogenannten Karataj-Mordwinen, Journ. de la Soc. Finno-ougrienne, XXI, стр. 5—6 (mort-χwār, mort-χwa).*

народомъ, они стоятъ внѣ ихъ серіи, и смыслъ перечисленія такой: готамъ (или готу) подвластны скифы и т. д. Если такъ, то какъ попали въ рядъ подвластныхъ «готскіе» народцы *Megens* и *Mordens*? И почему не допустить вмѣстѣ съ *Zeuss*'омъ и *Мюлленгофомъ*, что *Иорданъ* говоритъ именно о *Мерѣ* и *Мордвѣ*¹⁾? Потому, что въ перечисленіи такихъ общихъ этническихъ имень, какъ *Герулы*, *Айсты* и *Венеты*, *Иорданъ* не упомянулъ—и *Геппи*. Но его источникъ принесъ ему названія обособленныхъ народцевъ, которые лишь позднѣйшая наука объединила въ понятіе *Финскаго племени*.

Если допустить перенесеніе готскаго *Merjans на *Финское Меря*, какъ я допустилъ подобное перенесеніе для этническаго обозначенія *вельтовъ*²⁾, то *литовскіе gudaĩ* были бы живымъ примѣромъ такого-же процесса. *Gudaĩ* зовутъ въ *Прусской Литвѣ* *литовцевъ*, живущихъ въ *Польшѣ* къ югу отъ *Мемеля*; въ *лит. *guda*—*бродяга*, *бурлакъ*, *недругъ*, видѣли переживаніе имени *готовъ*, которое слышится и въ географическихъ названіяхъ *Курляндіи*: *Gudeni*, *Gudinje* и др.³⁾ *Бенценбергеръ* высказался противъ этого сближенія, *проф. Брюкнеръ*⁴⁾ поддерживаетъ его: *прусскій литвинъ* называетъ *жмудиновъ гудами*—*готами*, *жмудинъ*—*бѣлоруссовъ*; *милое солнышко*—къ намъ, *черныя тучи на сторону гудовъ*, причитаетъ *Литвинъ*.

Какъ вокругъ имени *Эрманариха* *Иорданъ* собралъ болѣе древнія историческія памяти, такъ могъ отнести и какую-нибудь эническую старину, какъ напр. *разсказъ объ отпаденіи росомоновъ*, будто бы совершившійся накануне *гуннскаго погрома*⁵⁾.

1) *Мордва* и *Черемисы*, повидимому, принадлежали къ царству *Эрманариха*, говоритъ *Setälä* (*Zur Herkunft u. Chronologie*, I. c., стр. 50, прим. 2), въ связи съ *mordens* и *megens* *Иордана*, но *германскія заимствованія* представлены одними предположительнымъ примѣромъ.

2) Сл. выше, стр. 12—13.

3) Сл. изъ *Славяно-германскіе отрывки*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899 г. *Іюль*, стр. 4—5; *Браунъ*, I. c., стр. 254—5, прим. 1.

4) *Brückner*, *Starożytna Litwa* (*Warszawa* 1904), стр. 15, 67—8.

5) Сл. выше, стр. 119.

Въ этихъ росомонахъ усматривали роксолановъ, оромусковъ или росмосаковъ ¹⁾, славянъ ²⁾, балтійскихъ готовъ. Ихъ имя толкуютъ, какъ готское (по Бугге: *Ruismanans, по Кюгелю *Hrausamanī, по Грюнбергеру *Hruisaman); идетъ ли дѣло о готскомъ племени, или о другой народности, на которую перенесено было готское прозвище? Аспелингъ сближалъ росомановъ съ Ruotsi ³⁾.

Прежде, чѣмъ столкнуться съ гуннами, готы встрѣтились на берегахъ «германскаго океана» съ айстами — и вельтами (?). Иорданъ говоритъ о покореніи айстовъ Эрманарихомъ непосредственно передъ гуннскимъ погромомъ (гл. XXIII—IV).

ЭКСКУРСЫ.

1) *Гертниты въ среднестыковой нѣмецкой поэзіи.*

Кромѣ Ортнита, племянника Ильи, знакомой намъ поэмы, упоминанія русскихъ Hertnit'овъ, Hartung'овъ въ старонѣмецкой поэзіи рѣдки. Hertnit'a (вар. Hostsit'a) von Riuzen знаетъ Dietrichs Flucht (v. 5908) и ркп. ACD Rosengarten'a, тогда какъ ркп. DE читаютъ Hartung; въ Anhang къ Heldenbuch: Hartung von Reussenland. Какъ въ поэмі объ Ортнитѣ Альберихъ даритъ ему въ числѣ другихъ доспѣховъ мечъ Rose (строфа 111 слѣд.), такъ въ Вольфдитрихѣ D (VII, 181) Amie даетъ Вольфдитриху einen guoten halsberg . . . des alten Otnides. Въ сагѣ о Тидрекѣ говорится (гл. 167) о доспѣхахъ, скованныхъ для короля Гертнита въ Гольмгардѣ ковачемъ Ммиромъ,

1) Мнѣніе В. Г. Васильевского, котораго я держался въ своихъ Славяно-германскихъ отрывкахъ (I. с., стр. 2) и отъ котораго отошелъ въ отчетѣ о диссертациі О. А. Брауна, Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. V (1900), стр. 8—9 отдѣльнаго оттиска.

2) Heinzel, Ueber die Hervararsaga, стр. 102.

3) Сл. выше, стр. 78.

у котораго былъ въ наукѣ и Вѣлундъ (гл. 57), прежде чѣмъ попасть къ двергамъ. Вспомнимъ, что Mimming звался мечъ, скованный Вѣлундомъ (сл. Walthaeius 965, Waldere: Mimming) и отданный имъ Видгѣ (гл. 81); Mimingus у Саксона Грамматика—двергъ, обладатель меча; если въ Битерольфѣ говорится о трехъ знаменитыхъ ковачахъ: Mime, Hertrich'ѣ и Виландѣ, то Hertich попалъ сюда, вѣроятно по смѣшенію съ королемъ Hertnit'омъ, для котораго Веландъ ковалъ доспѣхи. Не лишнимъ будетъ отмѣтить имена русскихъ царей въ сѣверныхъ сагахъ сказочнаго характера. Hertrygg русский въ Egils saga ok Armundar (Russia—великая страна между Гуваландомъ и Gudariki). Такъ и въ Hriggs saga ok Tryggva. Въ Halfdanar saga Eysteinnssonar Hergeir царитъ въ Aldeigjaborg (Ладога); его дочь Ингигерда; она и Skúli мстятъ за его смерть, явившись переодѣтыми и говоря о себѣ, что они родомъ изъ Rússía (aettaðu útan af Rússía); на ней женился Gønguhrolf; но по сагѣ о послѣднемъ отецъ Ингигерды не Hergeir, а Hreggviðr, царящій въ Hólmgaeriki или Gardariki.

Альберихъ, демоническій ковачъ, упрочился въ преданіи: въ сагѣ о Тидрекѣ онъ сковалъ мечъ Naglhring (гл. 16; гл. 82) и Eskivaх (гл. 98), который отдалъ королю Rozeleif'у (A B: Rutsileif); послѣ него владѣлъ имъ его сынъ Roseleif (B: молодой Ruts); имени Roseleif'a отвѣчаетъ въ Ecken Ausfahrt Ruotlieb—Ruodlieb латинской поэмы XI вѣка, которому какой-то двергъ (Альберихъ) даритъ мечъ, чтобы откупиться изъ неволи. Въ поэмѣ объ Ортнитѣ Альберихъ говоритъ, что золото для кольчуги онъ нашелъ въ горѣ, что зовется Кавказъ (строфа 114); Кавказъ усвоили и Каспаръ von der Roen въ своемъ Ортнитѣ и продолженіе Лаурина¹⁾; послѣдній памятникъ даетъ варіантъ:

---

1) Раззмадл, I. с., II, 265 примѣч. * упоминаетъ по этому поводу грузинскихъ «кувелей», небольшое племя, обособившееся въ одной изъ долинъ Кавказа и до сихъ поръ славящееся какъ оружейники; въ 1896 году они предлагали свое оружіе Тимуру. Сл. газету Кавказъ 1908 г. № 15, 29, 31: кубачинцы — жители аула Кубачи въ Дагестанѣ; гдѣтъ 600 тому назадъ онъ назы-

Göckelrass=Gloggensachsen въ разсказѣ Anhang zum Heldenbuch, въ которомъ мы снова встрѣчаемся съ Веландомъ и Гертнитомъ. На этотъ разъ Виландъ—герцогъ, котораго два исполна изгнали изъ его страны (и въ сѣтованіяхъ Déog'a о Веландѣ говорится, что спутниками ему были печаль и желаніе и бѣдственная зима—изгнанія). Очутившись въ низкой долѣ, онъ является въ товарищахъ Эльбериха, кузнецомъ въ горѣ Gloggensachsen, откуда попадаетъ къ королю Hertnit'у (вар. Hertwich), съ дочерью котораго приживаетъ двухъ сыновей, Wittich и Wittichowe.—Если бы мы могли придать какое-либо значеніе этому, отовсюду натасканному разсказу, то можно было-бы представить себѣ русскаго короля Гертнита въ роли Нидгада-Нидунга, держащаго въ неволѣ изгнанника Вѣланда (онъ—герцогъ, какъ въ Эддѣ—сынъ финскаго короля), заставляя его работать на себя (сл. доспѣхи, скованные Мимпромъ для Гертнита въ Гольмгардѣ)—и подсказали бы то, что пѣсни Эдды и сага сообщаютъ о его связи съ королевой.

2) *Валитъ-Варентъ.*

Интереснѣе прослѣдить источники другого мѣстнаго преданія о Валитѣ, Варентѣ (= Велентѣ?), которое разсказывали русскіе послы, отправленные въ 1601 г. въ Копенгагенъ для переговоровъ объ установленіи русско-норвежской границы. Онъ взятъ изъ бумагъ нашего посланника Ржевскаго¹⁾; уже Бэръ и Фрисъ, а за ними В. Мейеръ обратили на нее вниманіе; воспользовался имъ и ак. И. Н. Ждановъ²⁾.

вался Сиргеранъ; перс. сиргеранъ и татар. кубачи означаетъ кольчужныхъ и оружейныхъ дѣлъ мастеровъ. Кубачинцы считаютъ себя «ферангами», т. е. франками, выходцами изъ Рима.

1) Карамзинъ, И. Г. Р., гл. I, прим. 56 (изд. Эйлеринга).

2) Ваег, Ueb. labyrithförmige Steinsetzungen im rusa. Norden, въ Ballet. hist. philol. de l'Ac. de St.-Pet. I (1844), стр. 74 слѣд.: Fries, En sommer i Flanmarken, russisk Lapland og Nordkarelen (Christiania 1871) цит. W. Meyer'омъ. Wilh. Meyer, I. с., стр. 292 слѣд.; Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, стр. 35 прим.

«Быль въ Корелѣ и во всей Корельской землѣ большой владѣтель, именовъ *Валитъ*, *Варентъ* тожь, а послушна была Корела къ Великому Новгороду съ Двинской землею, и посаженникъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ новгородскихъ посадниковъ; и какъ ту мурманскую землю учалъ войною проводить подъ свою власть, и мурмане били челомъ норвежскимъ нѣмцамъ, чтобы они по сосѣдству за нихъ стали . . . и отстояти (нѣмцы) ихъ не могли, потому что самъ собою онъ (т. е. Валитъ) былъ дородень, ратный человекъ и къ рати необычный охотникъ . . . и побивалъ нѣмецъ, а на Варенгѣ, на побойщѣ нѣмечкомъ, гдѣ Варенгскій лѣтній погостъ, на славу свою принесши къ берегу своими руками положилъ камень, въ высоту отъ земли есть и нынѣ болѣе косые сажени, а около его подалѣ выкладено каменьемъ, кабы городовою окладъ, къ 12 сажень, а названъ у него тотъ окладъ Вавилономъ¹⁾. А въ Колѣ, гдѣ нынѣ острогъ, обложено было у него каменьемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ-же обычаемъ; а тотъ камень, что въ Варенгѣ, и по сей день слыветъ *Валитовъ камень*; а что было въ Колѣ, то развалено, какъ острогъ дѣлалъ. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки, отъ Печенской губы по ту сторону верстъ съ 35, есть губа морская, выпла въ берегъ кругла, а о средѣ ея островъ камень высокъ, кругомъ сверху ровень: тутъ у него для крѣпости и покоя за города мѣсто было . . . А какъ Валита не стало, а въ крещеньи ему было имя Василій, и положенъ въ Корелѣ на посадѣ. Преданіе это узнали отъ лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году кн. Звенигородскій и Васильчиковъ.

Беръ упоминаетъ *Валитову губу* на крайнихъ границахъ русской Лапландіи, долгое время бывшихъ спорнымъ пунктомъ между Россіей и Норвегіей, и, въ той-же мѣстности, *Валитово*

1) По поводу такого же лабиринтообразнаго сооруженія на островѣ Ботническаго залива недалеко отъ устья Кеми какой-то кемскій житель сообщилъ ак. Бэру, что подобныя постройки зовутся у нихъ Вавилонами. Вавилонами же называются въ Малороссіи, по увѣренію Бэра, пространныя, набитыя льдомъ погреба.

городище, о которомъ говорится въ древней Идрографіи. Валитова губа лежитъ у Waganger Fjörd = Варенгъ нашего сказанія; его камень, вокругъ котораго Фрисъ еще замѣтилъ остатки 14 кольцеобразныхъ каменныхъ кладокъ, находится на Мартиновомъ Носу (Martens Naes) и такой-же лабиринтъ (вавилонъ) въ Аррен'ѣ въ округѣ Velka (Финляндіи).

Названіе Варенгъ Бэръ считаетъ тождественнымъ съ Варентомъ-Валитомъ; Василій былъ, по его мнѣнію, христіанскимъ именемъ Валита; Варенгомъ, т. е. варягомъ, назвали его Новгородцы, а Валить былъ его финскимъ прозвищемъ: Herrscher. Томсенъ ¹⁾ указываетъ на финское *valti: potentia, arbitrium; valtiäs — potens, princeps, vallita — dominari* и др.; корень слова, распространеннаго у вепсовъ, эстовъ, ливовъ и води, предполагается германскій (сѣв. *vald, veldi*, гот. *valdan*), при чемъ для нѣкоторыхъ діалектическихъ формъ допускается и литовско-леттское воздѣйствіе (литов. *valdýti — dominari, regere*, летт. *wal-digs — herrschend*).

Если Валить было, въ самомъ дѣлѣ, финскимъ прозвищемъ, то оно, быть можетъ, лишь осмыслило другое, болѣе древнее: Валить или Варентъ, говорится въ преданіи; Валентъ, Велентъ? Вѣдь лабиринтообразныя сооруженія его имени отвѣчаютъ представленію *stromlech'a, Volundarhús'a*, кузницы Веланда въ англійскомъ преданіи. Бэръ подозрѣваетъ въ легендѣ историческія отношенія начала XV-го вѣка, отождествляя Валита съ эстскимъ королемъ Мартиномъ (вспомнимъ камень на Martens naes). Эта гипотеза не отмѣняетъ нашей: старое преданіе о Валентѣ, ворочающемъ саженыя глыбы, могло объединиться съ очертаніями позднѣйшихъ историческихъ событій, обновившихъ его въ народной памяти ²⁾.

1) Vilh. Thomsen, Den gotiske sprogklasse indflydelse på den finske 1869, стр. 157; его-же: Berbringer mellem de finske og de baltiske (litavisko-lettske) sprog, 1890, стр. 286.

2) Интересно, что въ томъ-же Варангеръ фюрдѣ, на Vadö разсказывается о нашествіи Чуди на лопарей и жившихъ съ ними рядомъ норманновъ. Однажды бой рѣшился поединкомъ между чудинкомъ и лопарскимъ богаты-

Живое преданіе и живой народный эпосъ—результатъ послѣдовательныхъ наслоеній и взаимныхъ примѣненій: новые опыты и впечатлѣнія жизни прилагались къ старымъ, старые оживали въ новомъ освѣщеніи, прошлые мотивы растворялись въ этомъ процессѣ; записи и литературныя обработки затемняли его, открывая путь личнымъ сочетаніямъ и измышленіямъ. Вотъ почему такъ трудно услѣдить къ началамъ процесса тотъ историческій или бытовой фактъ, отъ котораго пошло все развитіе, имя, вокругъ котораго впервые завязалась работа идеализаціи.

решъ, однимъ изъ 3-хъ братьевъ-силачей, у которыхъ мать была также богатырша. Побѣдилъ лопарь, по имени Ivvag, сынъ Ibbā или Igga (Inga). Онъ такъ былъ силенъ, что поднялъ огромный камень и глубоко погрузилъ его въ землю; онъ и до сихъ поръ стоитъ тамъ у старой церкви. Издатели этого преданія (Quigstad og Sandberg, l. c., стр. 106—8) видятъ въ Камнѣ на Vadsø и Martenåls памятники поры викинговъ; Ivvag, Igga указываютъ на сѣверныхъ Ivar, Ingi; это идетъ къ Варангерфюрду и Варенгу, гдѣ камень водруженъ на спобощѣ нѣмецкомъ».

Приложеніе.

Изъ саги о Тидрекѣ Бѣрнсомѣ.

Прологъ.

(по АВ).

Кто хочетъ услышать о великихъ событіяхъ, какія были въ прежнее время, тому подобаеъ творить двойное: разузнавать о томъ, о чемъ люди до того не знали, и такимъ образомъ утверждать это въ памяти. Если кто желаетъ увѣдать неизвѣстныя, пространныя саги, то лучше, и дольше не выходить изъ памяти, коли онѣ бывають записаны. Сага эта — одна изъ пространнѣйшихъ, какія были сотворены на нѣмецкомъ языкѣ, говоритъ о Тидрекѣ конунгѣ и его витязяхъ, о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, Ниѳлунгахъ, вилькинахъ, русскихъ, гуннахъ и многихъ другихъ конунгахъ и витязяхъ, попадающихся въ ней.

Сага эта починается съ Апуліи и идетъ къ сѣверу по Лонгобардіи и Венеціи въ Швабію, Венгрію, Россію, Виндландъ, Данію и Швецію, по всей Саксоніи и землѣ франковъ, а на западъ по Галліи и Испаніи. И по всѣмъ этимъ царствамъ идетъ эта сага, повѣствующая о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ тѣми мужами, о которыхъ рассказываютъ въ каждой изъ названныхъ странъ. Датчане и шведы знаютъ сказывать изъ нея много сагъ, а нѣчто они переложили(?) въ свои пѣсни, которыми забавляютъ именитыхъ людей. Много поется этихъ пѣсенъ, которыя задолго передъ тѣмъ сложены были по этой сагѣ. Сѣверные люди собрали нѣкоторую часть саги, и кое-что въ пѣсенной формѣ: во первыхъ, сказанія о Сигурдѣ убійцѣ Фафни, о Вельсунгахъ и Ниѳлунгахъ и ковачѣ Велентѣ и его братѣ Эгилѣ, о королѣ Нидунгѣ. И хотя есть кое-какія различія въ именахъ мужей и событіяхъ, тому удивляться нечего: такъ много

сагѣ они рассказали. Тѣмъ не менѣе (та сага) сложилась почти изъ одного матерьяла ¹⁾.

Сага эта составлена по рассказамъ нѣмецкихъ людей, а нѣчто по ихъ пѣснямъ, которыми (подобаетъ) забавлять именитыхъ людей, сложенныхъ древле тотчасъ послѣ событій, о которыхъ говорится въ этой сагѣ. И хотя-бы ты взялъ по человѣку изъ каждаго города по всей Саксоніи, всѣ они расскажутъ эту сагу на одинъ ладъ: тому причиной — ихъ древнія пѣсни. Ихъ стихотворная рѣчь слагается, насколько мы можемъ судить, по подобію стихотворной рѣчи на нашемъ языкѣ; и нѣкоторымъ словамъ придается болѣе значеніе — ради поэтической потребности и особо величается тотъ, про котораго, либо про чей родъ говорится; такъ и про гибель мужей говорятъ, что палъ весь народъ, когда пали именитѣйшіе, выше прославленные мужи. Пойми это такъ, что наибольшая утрата(?) была отъ гибели именитыхъ людей и отъ того, что послѣ нихъ подобныхъ имъ не было, какъ говоритъ Гальфредъ:

На сѣверѣ всѣ стали
 Пустынны страны по смерти владыки
 Исчезъ міръ съ паденіемъ
 Грозы народа (?), сына Триггвы.

Не такъ было, какъ онъ сказалъ, будто опустѣли страны сѣвера съ паденіемъ Олафа, сказалъ онъ это въ похвалу конунга, что послѣ него не было такого мужа въ странахъ сѣвера, какъ Олафъ сынъ Триггвы.

Такимъ-то образомъ идетъ по всѣмъ землямъ, гдѣ только ходитъ эта сага, слава о великихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ Тидрекомъ конунгомъ, его витязями и другими, жившими въ его время.

Сага эта сложена такимъ образомъ, что во-первыхъ именуется владыки, правившіе странами, по ихъ имени названъ былъ народъ, надъ которымъ властвовали они и впоследствии ихъ родные, какъ и до сего дня. Эта сага сложена была въ то время, когда скончался великій конунгъ Константинъ, крестившій почти весь свѣтъ. Тотчасъ по его смерти христіанство пришло въ упадокъ, и поднялись много-различныя заблужденія, такъ что въ первой части этой саги не

1) В: и хотя могутъ быть кое-какія отличія въ событіяхъ или относительно мужей, то неудивительно при множествѣ языковъ, въ которыхъ ходитъ эта сага. Но гдѣ-бы она ни рассказывалась, сложилась она почти изъ одного матерьяла.

было никого, кто-бы держалъ правую вѣру, хотя они вѣровали въ истиннаго Бога, клялись его именемъ и славили его. Много было въ то время другихъ конунговъ, болѣе многочисленные, чѣмъ Тидрекъ и его витязи, хотя эта сага сложена преимущественно о нихъ.

Многіе сказываютъ, что въ первое время послѣ Ноева потопа люди были большіе и сильныя, какъ великаны, и жили нѣсколько людскихъ вѣковъ. По прошествіи времени нѣкоторые люди стали меньше ростомъ и слабосильные, какъ теперь, и чѣмъ далѣе отъ Ноева потопа, тѣмъ они становились слабѣе и немного оказывалось сильныхъ на сто мужей, и на половину менѣе такихъ, которые обладали бы смелостью или храбростью своихъ праотцевъ. И хотя народъ уменьшился, не уменьшался задоръ и жадность къ добычѣ достатка и славы, и оттого происходили великія битвы.

Потому нерѣдко случалось, что одинъ сильный человѣкъ, у котораго былъ шлемъ и броня настолько крѣпкая, что ея не брало оружіе и ни у одного слабаго мужа не было на столько силы, чтобы приподнять ее съ земли; — у него былъ и острый, крѣпкій мечъ, приличествующій его силѣ — (нерѣдко случалось, что) онъ одинъ часто побивалъ своимъ оружіемъ сто слабосильныхъ людей; и хотя его мечъ не бралъ оружія, древле сдѣланнаго, тѣмъ не менѣе онъ заносился съ такой силой, что его не выдерживали узкія кости и тонкія бедра. И не покажется удивительнымъ, что малосильный человѣкъ не могъ при малой силѣ разрубить кости либо оружія сильнаго, которое онъ не былъ-бы въ состояніи снести. Когда жилъ Тидрекъ и его витязи, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ измельчалъ народъ, и немного было въ каждой странѣ такихъ, кто удержался въ силѣ.

И такъ какъ собралось вмѣстѣ не малое число сильныхъ людей и у каждого изъ нихъ было лучшее оружіе, одинаково хорошо рѣзавшее оружіе и тѣло, то нечего удивляться, что передъ ними мелкій и слабый людъ оказывался жалкимъ. Нечего сомнѣваться, что древніе мечи, которыми дѣйствовали съ столь великою силою, брали желѣзо, ибо еще изготовлялись таковыя, что не притуплялись, хотя ими рубили желѣзо. — Но всякое преданіе укажетъ, что не всѣ люди были по природѣ одинаковы: однимъ приписывается большая мудрость, другимъ сила либо мужество, либо какое-нибудь умѣнье или столь большая удача, что о томъ могли слагаться сказанія. Другой родъ саги тотъ, который говорить о разныхъ приключеніяхъ (?) съ чудесами и дивами, ибо

таковыя (на разные лады?) приключались въ свѣтѣ. Что въ одной странѣ кажется чудеснымъ, то въ другой обычно. Такъ и недалекому человѣку кажется чудеснымъ, когда рассказывается что-либо, о чемъ онъ не слышалъ; а человѣку мудрому, знающему многіе приклады, это не представляется чудеснымъ, такъ какъ онъ разумѣетъ, какъ (это) можетъ совершиться. Но немногіе люди столь разумны, что тому только повѣрятъ, что сами видѣли, а многіе такъ недалеки, что тѣмъ менѣе въ состояніи уразумѣть недавно ими увидѣнное или слышанное, чѣмъ (скорѣе уразумѣютъ то) мудрые, хотя-бы они руководились однимъ лишь извѣстіемъ.

Пройдетъ нѣкоторое время, и неразумный человѣкъ какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ.

А саги объ именитыхъ людяхъ потому полезно знать, что они указываютъ людямъ на мужественныя дѣянія и геройскіе подвиги, объясняютъ, что дурныхъ дѣлъ надо сторониться, различаютъ доброе отъ худого для всякаго, кто хочетъ въ томъ правильно распознаться. Только согласное мнѣніе многихъ, что одинъ человѣкъ можетъ забавлять долгое время, а большая часть забавныхъ игръ связаны съ трудомъ, иныя съ большой затратой; другія могутъ состояться лишь при большомъ количествѣ людей, нѣкоторыя доступны лишь немногимъ и длятся недолго. Нѣкоторыя игры соединены съ опасностью жизни, тогда какъ забава сагами или пѣснями не влечетъ за собой ни траты, ни опасности, и одинъ человѣкъ можетъ забавлять многихъ, желающихъ слушать, а, по желанію, забава доступна и для немногихъ, одинакова ночью и днемъ, при свѣтѣ или въ темнотѣ. Неразумно называть ложью то, чего кто не видѣлъ или о чемъ не слышалъ, хотя онъ ничего достовѣрнѣйшаго о томъ не знаетъ. Разумно—относиться съ сознательнымъ удовольствіемъ къ тому, что слышишь, прежде чѣмъ отнестись къ тому съ отвращеніемъ или презрѣніемъ. Можетъ и такъ быть, что слушающій не захочетъ что-либо слушать далѣе потому, что оно не похоже на его дѣянія, когда говорится о великихъ дѣлахъ или подвигахъ тѣхъ, о которыхъ поетъ эта сага. И хотя все хорошее, содѣянное этими людьми преимущественно передъ другими, о которыхъ говорится въ сагѣ, покажется слушателямъ преувеличеннымъ, но въ сравненіи съ другими—всѣ они въ состояніи уразумѣть, что нельзя сказать о томъ и иномъ столь великаго, чтобы Всемогущій Богъ не могъ доставить на половину болѣе того, если бы пожелалъ.

Главы 21—56.

(по М²)¹).

Гл. 21. Былъ конунгъ, по имени Вилькинъ, славный побѣдностью и храбростью. Силою и опустошеніемъ онъ овладѣлъ страной, что называлась страной вилькиновъ, а теперь завется Sviðioð, и Gautland'омъ, и всѣмъ царствомъ шведскаго конунга, Skáncœy, Sealand, Jutland, Vinland (AB: Vindland) и всѣми царствами, какія къ тому принадлежать. Такъ далеко простиралось царство Вилькина конунга, какъ страна, обозначенная (его именемъ). Таковъ и приемъ разсказа въ этой сагѣ, что отъ имени перваго вождя принимаетъ названіе его царство и народъ, имъ управляемый. Такимъ образомъ и это царство названо страной вилькиновъ отъ имени конунга Вилькина, а народомъ вилькиновъ люди, тамъ обитающіе — все это, пока новый народъ не пріялъ владычество надъ той страной, отчего вновь переимѣняются имена.

Гл. 22. Послѣ того какъ конунгъ Вилькинъ нѣкоторое время правилъ этимъ царствомъ, онъ снарядилъ свое войско и пошелъ съ несчетнымъ множествомъ рыцарей и другихъ военныхъ людей на Польшу (Pulinaland, M¹: пошелъ на Pulaernaland, что находится рядомъ съ царствомъ конунга Гертнита), и были у него тамъ многія и великія битвы. Тогда вышелъ противъ него Гертнитъ конунгъ, правившій въ то время Русью (M¹: Ruzcialande i Austrriki) и большою частью Греціи и Венгріи, почти все восточное царство было подъ властью его (M¹: и онъ завладѣлъ всѣми царствами на востокъ до моря и многимъ на востокъ отъ него) и его брата Гирдира. Было у нихъ много большихъ битвъ. Конунгъ Вилькинъ всегда побѣждалъ русскихъ, опустошилъ Польшу и всѣ царства (riðlaend) до моря (M¹: опустошилъ всѣ ихъ земли, которыми завладѣлъ и всѣ малыя страны — *smalond* — повоёвалъ и опустошилъ; AB: *Sialand* и всѣ области до моря), а послѣ того повелъ свое войско на Русь и завладѣлъ тамъ многими большими городами, Смоленскомъ и Полоцкомъ (Smalenzkiu oc Pallteskiu; M¹: Smalisku, Kiu ok Palltæskiu; A: Smalencium), и не прежде оставилъ (дѣло), какъ въѣхалъ въ Гольмгардъ, что былъ главнымъ надъ городами конунга Гертнита.

---

1) M¹ представляетъ нѣсколько лакунъ: далѣе приводятся нѣкоторые, преимущественно именословные варианты другихъ текстовъ.

Тамъ была большая битва, прежде чѣмъ Гертнитъ обратился въ бѣгство: тамъ палъ братъ его Гирдиръ и большое войско русскихъ, множество людей, было положено и содержалось для выкупа; конунгъ Вилькинъ добылъ тамъ такъ много золота и серебра и разныхъ драгоценностей, что никогда еще не доставалась ему такая побѣда съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые сталъ воевать. Нѣкоторое время спустя конунги согласились на томъ, что конунгъ Гертнитъ удержитъ за собой свое царство и станетъ платить конунгу Вилькину дань со всей своей земли. Послѣ того войско вилькиновъ осталось (Við þetta staðnar) на Руси, а конунгъ Вилькинъ отправился во свояси въ страну Вилькиландъ (М¹ вмѣсто того: конунгъ Вилькинъ пошелъ по всей Руси, знакомился съ страной, брагъ дань и все подчинялъ себѣ).

Гл. 23. Еще рассказываютъ, что однажды конунгъ Вилькинъ отправился съ своею ратью на востокъ (Austrvegr; въ М¹ слѣдующій рассказъ приуроченъ къ возвращенію Вилькина: захотѣлось конунгу Вилькину вернуться въ свою страну, и присталъ онъ у одной своей земли въ Русиландѣ), а когда его суда стояли у берега, онъ вышелъ разъ на берегъ и вошелъ въ лѣсъ, одинъ одинѣшенекъ, и не было съ нимъ ни одного человѣка. Тамъ онъ встрѣтилъ красивую женщину, у него явилась къ ней похоть и онъ легъ съ нею. Было то ни что иное какъ то, что зовется морской женою: въ морѣ она, по природѣ, чудовище, а на землѣ кажется женщиной. Когда люди, долженствовавшіе слѣдовать за нимъ, его хватились и стали искать по лѣсу, вскорѣ явился къ своимъ людямъ и кораблямъ и конунгъ. Поднимается попутный вѣтеръ и они выходятъ въ море; они были далеко отъ берега, когда у корабля конунга у палатки на кормѣ показалась изъ моря женщина, схватилась за корму такъ крѣпко, что корабль остановился. Тутъ конунгу пришло на мысль, чтобы то значило, что эту самую жену онъ встрѣтилъ въ лѣсу у морского берега, и онъ обратился къ ней съ рѣчью: «позволь намъ пойти своимъ путемъ, а если у тебя есть о чемъ поговорить съ нами, приходи въ мою страну, я радушно приму тебя и будешь ты гостемъ у меня въ доброй чести». Тогда она отпустила судно и ушла назадъ въ море, а конунгъ отправился своимъ путемъ обратно въ свое царство. Когда онъ пробылъ дома въ теченіе полугода, пришла къ нему одна женщина и говоритъ, что она принесла съ собою его ребенка. Онъ очень отчетливо призналъ ту женщину и велѣлъ помѣстить ее въ одномъ

своемъ домѣ. Поживъ тамъ немного времени, она родила мальчика, который получилъ имя Вади. Тогда она не захотѣла далѣе тамъ оставаться и ушла, и никто не знаетъ, что съ ней потомъ стало. А тотъ мальчикъ, возрастая, сталъ такимъ рослымъ, какъ великанъ, и пошелъ въ матерній родъ, не походя на другихъ людей: онъ былъ тяжелъ въ обращеніи и потому не любимъ; и отецъ его любилъ его мало, тѣмъ не менѣе далъ ему, прежде чѣмъ скончаться, двѣнадцать селеній (дворовъ?) въ Свитьодѣ (A: Saxlandi, B: Sialandi; Sv: Вади былъ тяжелого характера не любимъ, тогда конунгъ Вилькинъ разстался съ нимъ (отдѣлился) и далъ ему девять дворовъ въ Sioland). У короля былъ другой младшій сынъ, по имени Нордіанъ: онъ былъ рослый мужчина, красивѣе и сильнѣе всѣхъ людей, суровый, жестокий, жадный до богатства и неразумный въ сравненіи съ тѣмъ, какъ были прежде его родные. Потому его слава не была столь велика, какъ слава его отца.

Гл. 24. Заболѣлъ конунгъ Вилькинъ и передъ смертью отдалъ власть и царство сыну своему Нордіану. Захватилъ онъ теперь власть и правленіе надъ всей страной вилькиновъ. Какъ услышалъ о томъ конунгъ Гертнитъ въ Русиландѣ, взговорилъ и велѣлъ своимъ людямъ слушать себя, тѣмъ, которые смогутъ вынять его рѣчи. «Хвала Господу, что я дождался на престолѣ того, что услышалъ вѣсть о смерти конунга Вилькина; и вотъ я клянусь, что хотя бы я прожилъ три человѣческихъ вѣка, никогда не буду платить вилькиновымъ людямъ отнынѣ и впредь — ибо теперь снято съ моей выи ярмо, возложенное на нее могучимъ конунгомъ Вилькиномъ. Да услышатъ мои люди мой наказъ, да узнаютъ всѣ Русскіе люди мои слова: чтобы всякій человѣкъ въ моемъ царствѣ, на столько возрастный, чтобы могъ сидѣть на конѣ и держать щитъ, либо въ состояніи сражаться и владѣть мечемъ — взялъ свое оружіе и коня, снаряжился и явился ко мнѣ. Теперь мы отмстимъ за себя людямъ Вилькина, ибо смерть Вилькина конунга разорвала мирный договоръ Русскихъ съ людьми Вилькина — а мы сдержимъ наши клятвы, данныя Вилькину конунгу».

Гл. 25. Немного времени спустя Гертнитъ конунгъ снаряжился въ походъ изъ Гольмгарда и направился къ сѣверу по пути къ землѣ вилькиновъ, а за нимъ быстро двинулось непобѣдимое войско, всадники и пѣхота. Прийдя въ землю вилькиновъ, онъ началъ жечь и убивать людей и грабить, опустошая всю страну остриемъ и мечемъ, пока не встрѣтилъ конунга Нордіана съ его войскомъ. Тутъ про-

изошла великая, продолжительная битва и было великое паденіе людей съ обѣихъ сторонъ. Пало больше людей Вилькина, ибо у конунга Нордіана войска было меньше, и многіе вожди остались сидѣть дома и не пришли къ нему на помощь. И такъ кончилась эта битва, что конунгъ Нордіанъ обратился въ бѣгство, а всѣ его люди понесли поражение, а конунгъ Нордіанъ остался побѣдителемъ и продолжалъ преслѣдованіе въ теченіе 3-хъ дней. Конунгъ Нордіанъ разсудилъ, что у него въ рукахъ двоякій выборъ: либо бѣжать изъ своего царства, либо пасть побѣжденнымъ; потому онъ рѣшилъ обратиться къ милосердію конунга Гертнита вмѣстѣ съ людьми, оставшимися (въ живыхъ) отъ его рати. Когда конунгъ Гертнитъ явился на свиданіе и люди (M¹ Вилькина) заявили желаніе подчиниться ему, явился и конунгъ Нордіанъ, и подойдя къ конунгу Гертниту, упалъ ему въ ноги, отдавая себя и свое царство въ его власть и прося себѣ милости за свое царство. Конунгъ Гертнитъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «могущественный король Вилькинъ подклонилъ подъ себя наше царство и были у него съ нами многія битвы, и мы и наше царство подпали подъ его власть, какъ теперь вы въ нашей власти. Но потому, что мы получили отъ него миръ, мы вамъ за это оплатимъ, и все ваше царство будетъ нашимъ на условіяхъ дани и верховной власти, а вы дадите клятвы и будете соблюдать договоры, какъ теперь говорите, по совѣсти. Этотъ договоръ скрѣпленъ былъ между конунгами, Гертнитомъ и Нордіаномъ. Конунгъ Гертнитъ подчинилъ себѣ всю землю вилькиновъ и, прежде чѣмъ отправился обратно въ свое царство, посадилъ Нордіана правителемъ надъ тою странкою, что мы зовемъ Sviðioð (M¹: Sioland, AB: Sialand). Въ такомъ состояніи царство Гертнита конунга находилось долгое время. У него было два сына отъ жены, старшій звался Озантрикъ, младшій Вальдмаръ, а третій сынъ, котораго онъ имѣлъ отъ своей наложницы, назывался Ильей (Ilias, M¹: былъ онъ мужъ мирный и привѣтливый).

Гл. 26. Состарился конунгъ Гертнитъ, сталъ маломощнымъ, и посадилъ сына своего Озантрикса правителемъ и далъ ему всѣ царства Вилькиновыхъ людей и царскій титулъ. Долгое время правилъ тѣмъ царствомъ Озантрикъ, а его подъ-конунгомъ былъ Нордіанъ. Немного времени спустя посадилъ конунгъ Гертнитъ сына своего правителемъ въ Греціи, того что назывался Ильей, и далъ ему достоинство яра, былъ онъ великій властитель (M¹ мужъ сильный) и сильный витязь.

Заболѣлъ конунгъ Гертнитъ и во время этой болѣзни потребовалъ къ себѣ главнѣйшихъ правителей и мудрѣйшихъ мужей, устроилъ все свое царство и сказалъ, какъ, по его мнѣнію, должно держать его, по его смерти. Тутъ онъ далъ титулъ конунга своему сыну Вальдимару и посадилъ его конунгомъ надъ всей Русью и Польшей и всей восточной половиной своего царства (M¹: «Ruzsialand ok Pulaerpaland»), а владѣлъ онъ почти большею восточною частью свѣта, hæimsens. Последнее и въ А, В). Немного спустя конунгъ Гертнитъ скончался въ великой чести, и его сыновья долгое время правили царствомъ.

Гл. 27. У конунга Нордіана въ Зеландіи (a Seolandi) было четыре сына: одному имя Эдгейръ, другому Aventroð (такъ въ А, В; нѣтъ въ M¹), третьему Vidolfr Mittumstangi, четвертому Аспильянъ. Всѣ они были великаны по силѣ и свойствамъ. Когда заболѣлъ и умеръ конунгъ Нордіанъ, конунгъ Озантриксъ посадилъ Аспильяна, сына Нордіана, правителемъ и далъ ему титулъ конунга. Онъ сталъ конунгомъ надъ царствомъ, которымъ прежде владѣлъ его отецъ Нордіанъ. Видольфъ Миттумстанги былъ столь великъ ростомъ, что его плечи были не ниже головы другихъ великановъ; онъ одинъ былъ сильнѣе двухъ своихъ братьевъ, а они тоже были великаны. Онъ былъ столь суровъ въ обращеніи, что никогда не падалъ ни людей, ни животныхъ. Конунгъ Аспильянъ велѣлъ сковать его вокругъ шеи и по рукамъ и ногамъ желѣзомъ, отъ котораго шли толстыя желѣзныя цѣпи и слѣдовала длинная желѣзная пута(?) Эдгейра и Авентрода онъ поставилъ нести толстую желѣзную путу и водить за собою Видольфа Миттумстанги, и онъ не иначе будетъ освобождаетъ, какъ идя въ битву. У него была желѣзная палица, большая, крѣпкая и толстая, ею онъ бился въ сраженіи, оттого его и звали Видольфомъ Миттумстанги. У Adgeir'a оружіемъ была сѣкира скованная изъ желѣза, столь тяжелая, что 12 человѣкъ не могли поднять больше.

Гл. 28. У конунга Озантрикса была жена по имени Юліана. Ея отецъ былъ Ировъ, конунгъ Skorottan'a или Mittan'a, что нынѣ зовется Англіей или Шотландіей. Царица Юліана умерла, и смерть ея оплакивалъ всякій ребенокъ (M¹: царствовагъ надъ тѣми странами, изъ которыхъ одна звалась Skrottan, другая Brittan, что нынѣ зовутся Англіей и Шотландіей. У Озантрикса конунга и Юліаны была дочь — звали ее Бертой привѣтливой (kurtæisa). Юліана умерла и это оплакагъ всякъ мужъ).

Гл. 29. Милиасомъ звался конунгъ, царствовавшій въ то время надъ странюю гунновъ могущественнѣйшій и надменнѣйшій между всѣми конунгами. У него была дочь, по имени Ода, красивѣйшая всѣхъ женъ. Ея (руки) просили могущественнѣйшіе правители, конунги и ярлы. Такъ сильно любилъ ее конунгъ, что не могъ обойтись безъ нея (безъ ея лицезрѣнія), и не желалъ выдавать ее ни за кого изъ тѣхъ, кто его о томъ просилъ. Когда же конунгъ Озантриксъ узналъ эти вѣсти о томъ конунгѣ и его дочери, послалъ къ конунгу Милиасу шесть своихъ рыцарей, отлично снаряженныхъ, и велѣлъ приготовить письмо такого содержанія: «Озантриксъ, конунгъ вилькиновъ, шлетъ привѣтъ могущественному конунгу гунновъ Милиасу: вашу дочь Оду очень хвалятъ въ нашей странѣ за ея красоту и привѣтливость; также говорятъ намъ о вашемъ могуществѣ. Мы хотимъ просить дочь вашу себѣ въ жены, а вы пошлете намъ столько имѣнія, сколько вамъ заблагоразсудится дать съ собой вашей дочери, а нашей супругѣ; и все это пошли намъ съ добрыми рыцарями при всемъ рыцарскомъ снаряждѣ и большими кошельми, полными золота и серебра и другихъ драгоценностей. Мы же предлагаемъ вамъ взаимнѣ дружбу и родственнѣй союзъ (vandendi ? Сл. vanda-maðr: Angehöriger, durch Verwandschaft od. andere Beziehungen). Это рѣшеніе такъ скрѣплено нашею рукою, что, если вы захотите пренебречь и презрѣть наше посланіе и слова, это дѣло будетъ рѣшено между нами при помощи многочисленной рати, прежде чѣмъ мы отъ него отступимъ».

Гл. 30. Рыцари эти отправились въ путь, пока не пришли въ земли гунновъ, прежде всего къ конунгу Милиасу, и не объявили ему письмо конунга Озантрикса, а вмѣстѣ привѣтъ конунга Озантрикса. Конунгъ Милиасъ милостиво принялъ привѣтъ конунга Озантрикса, велѣлъ прочесть посланіе и пожелалъ услышать, чего конунгъ вилькиновъ хочетъ въ его царствѣ, ибо дотогѣ ему было неизвѣстно былъ ли и прежде его пріятелемъ и не было неувѣренности, чтобъ слова его посланія были слова дружбы и онъ не былъ его недругомъ; потому конунгу казалось вѣроятнымъ, что онъ жаждетъ (захватить) его царство. Когда же конунгъ Милиасъ услышалъ чтеніе письма и что разумѣлось въ посланіи конунга Озантрикса, онъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «дочь моя Ода воспиталась при моемъ дворѣ, ей отъ роду 15 лѣтъ, ея (руки) просили конунги могущественнѣйшихъ странъ и герцоги, болѣе мощные, чѣмъ конунги (онъ говорилъ это умыленно съ расчетомъ и привѣтливо) — но мы отказали имъ

въ родственной связи, ибо по истиннѣ мы не можемъ обойтись безъ лицеэрбнїа прекрасной дѣвицы Оды, такъ сильно я ее люблю. А этотъ конунгъ Вилькиновыхъ людей такъ гордъ и могунцественъ, что воображаетъ, что я скорѣе отдамъ свою дочь, чѣмъ захочу увидѣть его войско. — Это онъ узнаеть на опытѣ». И позвавъ своего казначея, онъ велить ему взять тѣхъ пословъ и бросить въ темницу и говорить, чтобы они дожидали тамъ конунга Озантрикса.

Гл. 31. Въ эту пору пришли къ конунгу Озантриксу въ землю вилькиновъ два юныхъ вождя, Гертнитъ и Гирдиръ ¹⁾, сыновья его брата Ильи, ярла Греческаго, племянники конунга Озантрикса. Гертниту было тогда одиннадцать лѣтъ отъ роду, а Гирдиру десять. Гертнитъ былъ красивѣйшїй и во всѣхъ отношенїяхъ храбрѣйшїй изъ мущинъ, ни одинъ рыцарь въ странѣ вилькиновъ не могъ сравниться съ нимъ въ турнирѣ и во всякомъ рыцарскомъ дѣлѣ. Озантриксъ конунгъ поставилъ его вождемъ дружины и далъ ему титулъ ярла, который носилъ и его отецъ, и большой ленъ въ землѣ вилькиновъ.

Гл. 32. Узнавъ конунгъ Озантриксъ, что его рыцари, посланные въ страну гунновъ, брошены въ темницу; зоветъ на совѣщанїе своихъ вождей и мудрѣйшихъ мужей и спрашиваетъ совѣта, какъ ему поступить, говоритъ, что его рыцари сидятъ въ оковахъ въ землѣ гунновъ и какъ нечестно конунгъ Милїасъ принялъ его посольство. Онъ объявилъ свое особое желанїе собрать войско, пойти въ землю гунновъ и биться съ конунгомъ Милїасомъ и заявилъ, что хочетъ либо взять за себя дочь конунга Милїаса, либо умереть. На рѣчь конунга отвѣтилъ одинъ мудрый мужъ и сказалъ, что разумнѣе будетъ еще разъ попытать это дѣло (путемъ) посольства и подарковъ, выразивъ мнѣнїе, что конунгу Милїасу могло показаться, что тѣ (послы) явились не съ такимъ достоинствомъ, какъ бы ему желалось и слѣдовало. Конунгъ Озантриксъ принялъ тотъ совѣтъ — послать другихъ, богѣе именитыхъ мужей и въ большемъ числѣ, а съ ними много добра и дружественныхъ даровъ, и посмотреть, не обратятъ-ли на то конунгъ вниманїе (въ М¹: мудрый мужъ совѣтуетъ Озантриксу снарядить послами ярла Гертнита и его брата Оси́д'а со многими рыцарями). Если-же это не удастся,

1) М: Haertnið ok Osið.

отправить другое посланіе, болѣе грозное, чѣмъ прежнія, и дож-
даться, не пожелаетъ ли конунгъ изъбѣнить рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ.

Такъ окончилось это совѣщаніе, что самъ конунгъ и всѣ слу-
шавшіе на томъ согласились и порѣшили. Зоветъ къ себѣ конунгъ
своего родича Гертнита и говоритъ, что хочетъ послать его въ
страну гунновъ къ конунгу Миліасу, просить (руки) его дочери
напередъ честными словами и дарами, а коли это не поможетъ,
объявить ему, что его ожидаетъ съ нимъ война, если онъ не вы-
дастъ дочери. Ярлъ отвѣчалъ, что онъ готовъ идти, куда захочетъ
конунгъ. Тогда конунгъ велѣлъ изготавить другое посланіе, и стояло
въ немъ слѣдующее: «Конунгъ Озантриксъ шлетъ слово Миліасу,
конунгу гунновъ: вы дурно поступили и неприязненно приняли наше
предложеніе и посланіе; вы могли бы такъ устроить, чтобы и намъ
и вамъ было почетно, а вы посрамили насъ и нашихъ людей и по-
ступили противно вашему достоинству, схвативъ нашихъ людей и
подвергнувъ мученіямъ невинныхъ мужей. Теперь мы посылаемъ
къ вамъ нашего родича ярла Гертнита (М¹: и Озида), и одиннад-
цать другихъ рыцарей, именитыхъ мужей. Исполните порученное
ему: выпустите изъ мрачной темницы нашихъ людей и передайте
ему и вмѣстѣ съ тѣмъ вашу дочь, которую пришлите намъ въ
жены съ подобающею честью. Если же вы откажете намъ въ чемъ-
либо, чего мы отъ васъ ожидаемъ, то можетъ случиться, что по-
тому самому вы потеряете ваше царство, а съ нимъ и жизнь».

Гл. 33. Конунгъ Озантриксъ велѣлъ снарядить Гертнита въ путь
во всѣхъ отношеніяхъ почетнѣйшимъ, какъ только могъ, образомъ,
а съ нимъ одиннадцать рыцарей съ золотомъ и серебромъ, всевоз-
можными драгоценностями, и различные великіе подарки послалъ
онъ конунгу Миліасу. Ѣдетъ ярлъ Гертнитъ на югъ въ землю
гунновъ къ конунгу Миліасу и пріѣхалъ туда, гдѣ пребывалъ ко-
нунгъ, когда тотъ сидѣлъ за трапезой; они попросили позволенія
войти, и это было имъ дозволено.

Ярлъ Гертнитъ привѣтствовалъ конунга и сказалъ, что Озан-
триксъ конунгъ страны вилькиновъ посылаетъ ему привѣтъ; и онъ
началъ длинную рѣчь и рассказалъ все о своемъ пути и въ чемъ со-
стоитъ его порученіе, и говорилъ объ этомъ дѣлѣ много и красно.
Но конунгъ Миліасъ принялъ его рѣчь сурово. Тогда Гертнитъ
бралъ пурпуровую ткань и два золотыхъ кубка и шатеръ, выкроен-
ный изъ шелковой ткани, вышитый золотомъ, и говорилъ, что Озан-
триксъ, конунгъ вилькиновъ, прислалъ это ему въ даръ дружбы и

за тѣмъ, чтобы конунгъ дозволилъ ярлу (исполненіе) дѣла, о которомъ хочетъ просить конунгъ Озантриксъ. Отвѣчалъ тутъ конунгъ Милиасъ, что людямъ вилькина не удастся купить его дочери драгоценными подарками, что такимъ образомъ онъ продаетъ своихъ рабынь, беря за нихъ деньги. Тогда ярлъ Гертнитъ взялъ письмо и печать Озантрикса и показалъ конунгу Милиасу. И когда конунгъ прочелъ письмо, — а прочелъ онъ его самъ, — возговорилъ гнѣвно: «Озантриксъ, конунгъ Вилькиновъ, много о себѣ вознигъ, будто угрозами и высокохвѣрными словами онъ добудетъ дочь мою или мою пріязнь—ибо я забралъ шесть его лучшихъ рыцарей и бросилъ ихъ въ темницу; а теперь брошу туда его племянника Гертнита со всѣми его спутниками, а можетъ быть, попадется въ ту же темницу и конунгъ Озантриксъ». Тогда ярлъ Гертнитъ (M¹: и Озидъ) и всѣ его люди были схвачены и посажены въ цѣпяхъ въ темницу.

Гл. 34. Вѣсти эти широко распространились по странѣ, узналъ и конунгъ Озантриксъ, что его племянникъ лежитъ въ цѣпяхъ и въ темницѣ. Тогда онъ послалъ приказъ по всему своему царству и велѣлъ идти съ собою всякому, кто въ состояніи владѣть мечемъ, либо носить щитъ или натянуть лукъ. Всего было у него десять тысячъ рыцарей и три тысячи пѣхотинцевъ. Былъ съ нимъ и конунгъ Аспилянъ (M¹: Озантриксъ посылаетъ къ нему і Sioland и велитъ прислать къ нему своихъ братьевъ великановъ) и его братья Аветродъ и Адгеигъ и сильный Видольфъ Миттумстанги, что былъ старшій изъ тѣхъ братьевъ и самъ по себѣ наисильнѣйшій.

Гл. 35. Когда конунгъ Озантриксъ явился съ тѣмъ великимъ войскомъ въ землю Гунновъ, онъ переимѣнилъ свое имя и сказалъ, будто вождь его войска зовется Тидрекомъ (M¹: Fridrīk). Онъ шелъ мирно съ тѣмъ войскомъ, и они никому не дѣлали вреда, не грабили, и имъ открыты были всѣ рынки, дабы покупать все, что имъ нужно. Они встрѣтили конунга Милиаса. Тогда конунгъ Тидрекъ вступилъ въ городъ со своею ратью. У конунга Милиаса было многое множество войска. Конунгъ Тидрекъ попросилъ позволенія войти въ палату и сказалъ, что у него нужное дѣло до конунга; это было ему дозволено (M¹: ничего не говорится о встрѣчѣ съ Милиасомъ: Озантриксъ подошелъ подъ главный городъ Милиаса, Villcina borg, просить у Милиаса позволенія вступить въ него; онъ съ войскомъ будто-бы прибылъ изъ Spania lande и всѣ они готовы служить Милиасу. Изложеніе этой главы въ M¹ подробнѣе и представляетъ

нѣкоторыя отличія: Frideik прибылъ изъ Испаніи, ибо онъ сбѣжалъ отъ Озантрикса; въ городѣ выпускаютъ его горожане противъ воли Милиаса; Ода не является). Когда конунгъ Тидрекъ предсталъ передъ престолъ конунга Милиаса, онъ такъ сказалъ: «Здравствуйте вы и всѣ ваши люди!» Конунгъ отвѣчалъ: «да порадуетъ васъ Господь! Какъ тебѣ имя, какого ты роду и племени, гдѣ воспитался и куда отправляешься?» Онъ отвѣчалъ: «меня зовутъ Тидрекомъ, родился я въ странѣ Вилькиновъ, былъ я тамъ герцогомъ, пока не разорился съ конунгомъ Озантриксомъ. Теперь онъ изгналъ меня изъ своего царства, и не могу тамъ изъ-за него оставаться. Хочу я попросить тебя, господинъ, чтобы ты взялъ меня своимъ человекомъ, меня со всѣми нашими людьми, и будемъ мы служить вамъ, какъ передъ тѣмъ служили конунгу Озантриксу». Тутъ Тидрекъ упалъ на оба колѣна передъ колѣна конунга Милиаса. Отвѣчалъ тогда конунгъ Милиасъ: «Добрый вождь, сдается мнѣ, что ты былъ могущественнымъ мужемъ въ твоей странѣ. Почему не поладилъ ты съ твоимъ конунгомъ? Тебѣ слѣдъ ему служить; вернись въ свою страну и помирись съ своимъ конунгомъ». Потому такъ говорилъ конунгъ, что, мнилось ему, неизвѣстно было, кто онъ такой. Тогда Тидрекъ палъ на землю къ ногамъ конунга Милиаса, отдавая себя въ его власть и прося принять его къ себѣ. Отвѣчалъ тутъ конунгъ: «Вы привели большое войско въ нашу страну, сдѣлаетесь нашими людьми, можетъ случиться, что вы не такъ хорошо сможете служить (А, В: какъ намъ хотѣлось бы) и мы неполадимъ и скорѣе наше войско потеряетъ уронъ, чѣмъ намъ удастся выгнать васъ отъ меня». Возговорила Ода, дочь конунга: «Почему же не хочешь ты отдать меня за того конунга, столь могущественнаго, что онъ изгналъ изъ своей страны этого вождя? Думаю я, онъ могъ-бы завоевать всю твою страну своимъ мечемъ, если-бы захотѣлъ предпринять войну противъ васъ». А конунгъ все не хочетъ поднять Тидрека, лежавшаго у его ногъ, ни принять его въ число своихъ людей.

Гл. 36. Услышали это великаны, и Видольфъ Миттумстанги пришелъ въ такой гнѣвъ, что хочетъ убить конунга Милиаса, а другіе два великана его держатъ. А онъ погрязъ обѣими ногами въ землю по щиколку и громко кричитъ: «Господинъ, зачѣмъ лежишь ты у ногъ конунга Милиаса? А ты гораздо именитѣе, чѣмъ онъ. Опустошимъ и разрушимъ его землю и пройдемъ съ огнемъ по всему его царству. Возьми его дочь и держи ее служанкою». Услышалъ Тидрекъ крикъ великана и понялъ, что онъ гнѣвенъ; выслалъ рыцарей и велѣлъ

сказать, чтобъ великаны привязали его къ стѣнѣ замка. Такъ они и сдѣлали, и онъ былъ тамъ привязанъ большими желѣзными цѣпями по рукамъ и ногамъ. Въ третій разъ припалъ Тидрекъ къ ногамъ конунга Милиаса и говоритъ: «Ради Бога и твоего великодушія, которое подобаетъ имѣть каждому повелителю, ради твоего царства и мужества даруй мнѣ и моимъ людямъ миръ въ твоей странѣ, ибо я не въ состояніи пребыть въ моей волости передъ лицомъ могучаго Озантрикса, а коли ему удастся схватить меня, я тотчасъ буду повѣшенъ». Отвѣчалъ конунгъ Милиасъ: «встань человекъ и пойдѣ прочь и ступай съ миромъ изъ моего царства. Городъ этотъ весь полонъ вашими воинами, не хотимъ мы имѣть чужеземнаго войска въ нашемъ царствѣ. А если такъ не сдѣлаете, заговорятъ (кведа) наши рога, наши рыцари вооружатся и насильно выгонятъ васъ изъ города». Услышалъ эту рѣчь конунгъ Аспильянь и такъ разгнѣвался, что его господинъ лежитъ у ногъ конунга Милиаса, что вопелъ въ покой, поднялъ кулакъ и ударилъ имъ по уху дара Милиаса, такъ что онъ тотчасъ упалъ въ обморокъ. Тогда вскочилъ конунгъ Озантриксъ и размахнулся мечемъ, а съ нимъ и всѣ бывшіе тамъ вилькины Узналъ Видольфъ Миттунстанги, что его братъ Аспильянь пришелъ въ гнѣвъ, разбилъ всѣ желѣзные цѣпи, которыми былъ связанъ, схватилъ свою желѣзную палицу и сталъ бѣгать по замку, убивая мужей и женъ и дѣтей и скотъ, и все, что попадалось ему живого, громко крича: «Гдѣ ты, господинъ ярлгъ Гертинтъ, будь веселъ и доволенъ, я тотчасъ приду освободить тебя». Услышалъ Гертинтъ голосъ великана и былъ радостенъ. Стали они биться въ темницѣ; былъ тамъ одинъ рыцарь, по имени Германъ, такой сильный, что ему удалось разбить темницу; они выбѣжали туда, гдѣ слышали голосъ великана, и всѣ вмѣстѣ Вилькиновы люди убили тамъ людей безъ числа, а конунгъ Милиасъ убѣжалъ.

Гл. 37. Тогда взяли вилькины Оду, дочь конунга Милиаса, и все его движимое имущество, какое было въ замкѣ, и доставили вождю вилькиновъ. Говорилъ онъ ей: «Хотя отецъ твой не хотѣлъ отдать тебя за конунга Озантрикса, я поведу теперь тебя къ моему господину и вкуплюсь такимъ образомъ въ его миръ, и заслужу его дружбу». Она отвѣчала: «До того дошло теперь наше дѣло, что вы будете рядить, какъ заблагоразсудится, доброе или злое». Братъ тогда властитель башмакъ, скованный изъ чистаго серебра, посадилъ дочь конунга къ себѣ на колѣни и надѣлъ башмакъ на ея ногу и онъ оказался ни слишкомъ широкимъ, ни слишкомъ узкимъ, а та-

кимъ, какъ будто на то былъ сдѣланъ. Снялъ онъ башмакъ и надѣлъ другой, что былъ сдѣланъ изъ чистаго золота, надѣлъ на ту же ногу и хочеть посмотрѣть, придется ли онъ по ней, — а онъ пришелся въ половину лучше прежняго. Тогда погладила дочь конунга свою ногу (*legg*) и говоритъ, поднявъ глаза къверху: «Боже небесный, когда будешь ты ко мнѣ столь милостивъ, чтобъ дожить мнѣ до того дня, когда я могла бы также гладить мою ногу на престолѣ конунга Озантрикса!» Отвѣчалъ тутъ конунгъ и засмѣялся: «сегодня благъ и милостивъ къ тебѣ Господь, ибо ты можешь гладить твою ногу (*fof*) на престолѣ Озантрикса, конунга людей Вилькиновой страны». Тутъ она догадалась, что явился самъ конунгъ Озантриксъ, и приняла его любезно и привѣтливо.

Гл. 38. Послѣ этого конунгъ Озантриксъ отправился домой, съ нимъ дочь конунга. Немного спустя конунгъ Озантриксъ послалъ людей къ Милиасу, хочеть съ нимъ помириться. Конунгъ Милиасъ назначилъ половину своего царства своей дочери и мужу, который ее поиметь, а конунгъ Озантриксъ хочеть взять Оду себѣ въ жены, но не желаетъ умалить царства своего свояка конунга Милиаса, а предложилъ ему въ управленіе, пока онъ живъ, а послѣ (смерти) Милиаса конунга забрать все царство вмѣстѣ съ женой своей Одой. На этомъ помирились конунги. Конунгъ Озантриксъ велѣлъ устроить почетную свадьбу. Послѣ того Озантриксъ конунгъ правилъ своимъ царствомъ, а конунгъ Милиасъ землей гунновъ. У Озантрикса конунга была отъ жены одна дочь, по имени Эрка; она была красивѣйшая и привѣтливѣйшая всѣхъ дѣвушекъ во всѣхъ отношеніяхъ, какія могутъ украсить (*boeta*) женщину.

Гл. 39. Озидъ звался конунгъ, царствовавшій въ Фрисландіи; онъ былъ могущественный и великій властитель, равно надъ землями и надъ движимой собственностью. У него было два сына, старшаго звали *Ortnit* (вар. *Ortun A*, *Ortunint B*), а младшаго *Аттила*. Съ равнихъ лѣтъ онъ былъ рослый и сильный мочью, хорошій ѣздокъ на конѣ, щедрый достаткомъ, мудрый и честолюбивый и во всѣхъ отношеніяхъ рьяный витязь. Когда ему было двѣнадцать лѣтъ отъ роду, Озидъ поставилъ его вождемъ надъ всѣми вождями. Конунгъ *Аттила* часто дѣлалъ набѣги со своимъ войскомъ на царство конунга Милиаса, и такъ какъ конунгъ ослабѣлъ отъ старости и не было у него ни одного сына на защиту его царства, *Аттила* причинялъ большой уронъ его царству и забралъ многіе города

(borgar) въ его землѣ. Въ это время конунгъ Милиасъ опасно заболѣлъ, позвалъ къ себѣ своихъ вождей и говорилъ съ ними тайно о многомъ и сильно сѣтовалъ о томъ, что нѣтъ у него ни одного сына, которому бы оставить управлять послѣ него царствомъ, его дочь выдана на сѣверъ въ страну вилькинновъ, его свояку (magr) Озантриксу теперь слишкомъ далеко, чтобъ оберечь его царство, а господинъ Аттила, сынъ Озида конунга, совершаетъ многіе набѣги на землю гунновъ, почему ему и кажется, что власть надъ гуннской землей выйдетъ изъ его рода и ему было бы желательно, чтобы конунгъ Озантриксъ вступилъ во владѣніе царствомъ и охранилъ его отъ Аттилы. Отъ этой печали и оттого, что онъ былъ сильно боленъ, конунгъ Милиасъ скончался; много сѣтовали по немъ во всей странѣ гунновъ, ибо онъ былъ миролюбивъ и щедръ и хорошо соблюдалъ законы, пока правилъ Гуналандомъ.

Гл. 40. Когда узналъ Аттила, сынъ Озида конунга, что умеръ Милиасъ, конунгъ гунновъ, созвалъ многочисленное собраніе (þing), велѣлъ притти къ нему и своимъ друзьямъ. Онъ сталъ держать пространную рѣчь, какъ ему хорошо удался походъ въ Гуналандъ какъ много городовъ онъ забралъ въ Гуналандѣ изъ подъ власти конунга Милиаса. Потому онъ клянется, что никогда не вернется въ царство своего отца прежде, чѣмъ не добудетъ всего Гуналанда. При его рѣчи поднялся большой крикъ и большую часть того дня всѣ хвалили его за его щедрость и храбрость и какъ онъ сталъ гораздо болѣе могущественнымъ, чѣмъ дотогѣ были его родичи.

Гл. 41. И вотъ Аттила сдѣланъ (tesinn) былъ конунгомъ надъ войскомъ и его дружинники называли его конунгомъ, а онъ поклялся имъ взаимно (соблюдать) право и законъ. Послѣ того конунгъ Аттила прошелъ, опустошая всю землю гунновъ, и были у него многія битвы прежде чѣмъ онъ добылъ своимъ мечемъ все царство, которымъ владѣлъ конунгъ Милиасъ. У конунга Милиаса была столица въ мѣстѣ, называемомъ Vallterborg (вар. M¹ Villcinaborg; B Villera-borg), а конунгъ Аттила поставилъ свой городъ въ мѣстѣ, что зовется Susa, а теперь Susack (M¹: Susat). Сталъ онъ могущественнѣйшимъ конунгомъ. Долгое время было большое несогласіе между ними и народомъ вилькиновъ, ибо конунгу Озантриксу представлялось, что конунгъ Аттила захватилъ силой (at hergaðe) царствомъ, которымъ владѣла его королева Ода, а передъ тѣмъ ея отецъ, конунгъ Милиасъ. А конунгъ Аттила держалъ всю область (ríki), что принадлежитъ къ Гуналанду, такъ что конунгъ Озантриксъ не

получалъ оттуда никакой дани. Умеръ конунгъ Osið, отецъ конунга Аттилы, его старшій сынъ Ortnið взялъ его царство и сталъ конунгомъ въ Фрисландіи. У него былъ одинъ сынъ, по имени Osit (M¹ Osið); онъ послалъ его къ конунгу Аттилѣ, гдѣ онъ и воспитывался. Озидъ былъ изъ всѣхъ мужей храбрѣйшій и быстрѣйшій, конунгъ Аттила поставилъ его въ дружинѣ вождемъ надъ многими своими рыцарями. Такъ оставалось царство въ теченіе долгаго времени.

Гл. 42. Случилось однажды, что конунгъ Аттила позвалъ къ себѣ своего родича (fraenda) Osið'a и говоритъ, что хочетъ послать его на сѣверъ въ страну вилькиновъ къ конунгу Озантриксу по дѣлу, просить (руки) его дочери Эрки для конунга Аттилы. Для этой поѣздки конунгъ Аттила выбралъ и другого витязя (hœfðingia), что въ дружинѣ былъ герцогомъ надъ рыцарями конунга Аттилы, по имени Родольфа (M¹ нѣтъ спутника), и далъ имъ въ спутники двадцать рыцарей, выбранныхъ изъ его дружины за ихъ обходительность и вѣжество, и каждый (изъ нихъ) имѣлъ по два хорошо снаряженныхъ молодца (конюшихъ, sveina). Снарядили эту поѣздку во всѣхъ отношеніяхъ почестно. Озидъ и Родольфъ поѣхали своимъ путемъ, пока не прибыли въ землю вилькиновъ, и была имъ удача. Нашли они конунга Озантрикса въ Svírið'ѣ; онъ привѣтливо принималъ посланцевъ иноземныхъ конунговъ, и пожелалъ узнать, въ чемъ ихъ дѣло (orendi), хотя конунгъ Аттила и былъ ему недругомъ. Озидъ передалъ конунгу Озантриксу все ихъ порученіе и говоритъ, что конунгъ Аттила хочетъ взять за себя его дочь Эрку. Дѣло это конунгъ Озантриксъ принялъ немилостиво, говоритъ, что конунгъ Аттила лишилъ его царства и сталъ большимъ врагомъ Вилькиновыхъ людей. Но, говоритъ конунгъ Озантриксъ, послы добро пожаловали и пусть останутся сколько пожелаютъ. Озидъ и Родольфъ видятъ, что изъ ихъ дѣла ничего не выйдетъ и пожелали отправиться домой, что и сдѣлали. И когда ѣхали домой, говорили промежъ себя, что ни одной женщины не видали, равной по красотѣ Эркѣ, а послѣ нея — Бергѣ, ея сестрѣ, другой дочери конунга Озантрикса. Приходятъ Озидъ и Родольфъ домой и говорятъ конунгу Аттилѣ о своемъ путешествіи, какъ оно обошлось и какъ конунгъ Озантриксъ неохотно принялъ его предложеніе отдать свою дочь за конунга Аттилу.

Гл. 43. Посылаетъ Аттила конунгъ вѣсть маркграфу Редингейру, который властвовалъ въ городѣ, что зовется Vakalar. Былъ онъ

небольшимъ вождемъ (hofþingi) въ царствѣ конунга Аттилы. И когда маркграфъ прибылъ въ Сузу къ конунгу Аттигѣ, конунгъ Аттила говоритъ, что хочетъ послать его на сѣверъ въ землю вилькиновъ къ конунгу Озантриксу просить (руки) его дочери Эрки для конунга Аттилы. «Если онъ пожелаетъ отказать намъ въ своей дочери и учинить намъ безчестіе, не скрой отъ него, что ему надо изготовить себя и свое царство противъ гуняскаго войска». Ёдетъ маркграфъ Родингейръ, пока не прибылъ въ страну вилькиновъ. Съ нимъ было 60 рыцарей и пять молодцовъ (sveina), и его хорошо принимали, куда онъ ни являлся, ибо онъ былъ славнѣйшій и повсюду любимѣйшій изъ всѣхъ вождей, особливо за щедрость, которой онъ превосходилъ всѣхъ мужей; онъ былъ отважнѣйшимъ надо всѣми въ турнирѣ. Когда онъ пришелъ въ страну вилькиновъ, явился къ Озантриксу конунгу. Конунгъ принялъ его отиѣнно хорошо, чего онъ и заслуживалъ, устроилъ роскошный пиръ и позвалъ къ себѣ многихъ своихъ друзей.

Гл. 44. Три дня шелъ этотъ пиръ, возговорилъ тутъ маркграфъ Родингейръ конунгу Озантриксу: «Послушайте слово посланія, пришедшаго къ вамъ изъ Гуналанда. Могучій конунгъ Аттила шлетъ привѣтъ конунгу Озантриксу и молить у Господа помощи вамъ и вашему царству, а вмѣстѣ съ тѣмъ жаелетъ взять за себя дочь вашу Эрку съ такимъ добромъ и почетомъ, какъ прилично и вамъ и ему. За это онъ обѣщаетъ воздать вамъ цѣнными дарами и дружбой, его царство въ великой славѣ во всемъ Гуналандѣ и онъ славнѣе всѣхъ конунговъ». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ: «хорошій ты витязь, маркграфъ Родингейръ, и хорошо исполнилъ порученіе твоего господина, конунга Аттилы. Но намъ кажется удивительнымъ, что конунгъ Аттила такъ смѣлъ, что дерзаетъ просить нашей дочери, ибо онъ взялъ съ боя (at hégnáði) наше царство, отъ этого одного онъ и возгордился. А отецъ его Озидъ былъ незначительнымъ конунгомъ, и родъ его не такъ знатенъ, какъ были русскіе люди (Rusimenn), наши родичи. Зачѣмъ мнѣ такъ много его чествовать, отдавъ за него дочь мою, красавицу Эрку, которая мнѣ мнѣ большей доли моего царства? Пойдите съ миромъ по всей нашей странѣ, добро къ намъ пожаловали, а конунгъ Аттила пусть не надѣется, чтобы я отдалъ ему дочь мою Эрку». Отвѣчалъ маркграфъ Родингейръ: «Господинъ, сказалъ онъ, конунгъ Аттила полагае, что коли онъ пошлетъ насъ, мы исполнимъ его порученіе, какъ онъ сказалъ; и такъ и будетъ. Конунгъ Аттила великій воинъ,

у него много храбрыхъ рыцарей и многія тысячи такихъ, которыхъ любо сражаться. Если вы не хотите отдать конунгу Аттилѣ вашу дочь, надо ожидать, что онъ причинитъ большой ущербъ вашему царству; готовьтесь къ тому, что онъ опустошитъ вашу страну, ему ли или вамъ суждено побѣдить другого». Конунгъ Озантриксъ отвѣчалъ со смѣхомъ: хорошій ты мужъ (drengr), маркграфъ Родингейръ, исполняешь свое порученіе, какъ тебѣ приказано, и никакое обвиненіе наше не падетъ на тебя; а господинъ твой, конунгъ Аттила пусть поскорѣе приходитъ съ своимъ войскомъ въ страну вилькиновъ, мы ни мало его не боимся, и скажетъ онъ, прежде чѣмъ вернется, что у Вилькиновыхъ людей острые мечи, крѣпкіе щиты, твердыя брони и добрые кони, и что они не лѣнивы биться». Маркграфъ Родингейръ поѣхалъ прочь, а конунгъ Озантриксъ далъ ему хорошіе дары. Поѣхалъ онъ своей дорогой пока не прибылъ въ Сузу къ конунгу Аттилѣ, говорить ему о своемъ путешествіи, и что нѣтъ никакой надежды, что конунгъ Озантриксъ отдастъ ему свою дочь.

Гл. 45. Какъ услышалъ конунгъ Аттила эти вѣсти, послалъ приказъ по всему своему царству и собралось у него войско, хочетъ онъ поѣхать въ страну вилькиновъ отомстить за свое безчестіе. Когда конунгъ Аттила выѣхалъ изъ Сузы, у него было пять тысячъ рыцарей и много другого войска (M¹ шесть тысячъ войска и большое войско, что зовется сержантами, saergennter). Съ тѣмъ войскомъ онъ поѣхалъ на сѣверъ въ страну Вилькиновъ, выжигая и опустошая всюду, гдѣ проходилъ. (M¹ Озантриксъ посылаетъ въ Sioland за Аспиліаномъ и его братьями). Тутъ вышелъ навстрѣчу ему съ своимъ войскомъ конунгъ Аспиліанъ, и была великая битва и прежде чѣмъ она кончилась, люди Вилькиновы обратились въ бѣгство, а передъ тѣмъ потеряли 500 человекъ. Конунгъ Аттила преслѣдовалъ бѣгущихъ въ самую страну вилькиновъ; тогда конунгъ Аспиліанъ и его братъ Эдгейръ убѣжали въ Austrriki, а Видольфъ mittumstangi и его братъ Aventrod къ конунгу Озантриксу; конунгъ же Аттила забралъ все движимое имущество Аспиліана и много другой военной добычи. Когда конунгъ Озантриксъ узналъ, что Аттила воюетъ въ его царствѣ, собралъ войско и пошелъ противъ него; и когда прибылъ на югъ въ Ютландію (Iotland), было у него десять тысячъ рыцарей и много другого войска, и хотѣлъ онъ биться съ конунгомъ Аттилой. Конунгъ Аттила отступилъ на югъ, въ Гуналандъ, а конунгъ Озантриксъ за нимъ со всѣмъ своимъ

войскомъ. Конунгъ Аттила прибылъ тѣмъ временемъ въ гѣсъ, что лежитъ между Давіей (Danneker) и Гуналандомъ, разбилъ свои шатры и кочетъ подождать, пойдетъ ли конунгъ Озантриксъ изъ своего царства въ Гуналандъ (М¹: послѣ битвы съ Озантриксомъ, Аттила бѣжитъ къ вечеру въ одинъ гѣсъ и—за гѣсъ. Озантриксъ преслѣдуетъ его до гѣса; а гѣсъ былъ большой и ночью надо остановить преслѣдованіе. Озантриксъ разбилъ шатры у гѣса, на другую его сторону Аттила съ войскомъ спасается бѣгствомъ).

Гл. 46. А добрый рыцарь Родольфъ стоялъ на сторожѣ въ гѣсу. Когда прибылъ туда съ своимъ войскомъ конунгъ Озантриксъ, остановилъ войско и велѣлъ разбить свои шатры. Когда Родольфъ узналъ эти вѣсти, поѣхалъ назадъ къ войску конунга Аттилы и взялъ 300 рыцарей, вполнѣ вооруженныхъ; тутъ наступила ночь и стало почти темно. Тогда Родольфъ вернулся со своими людьми въ гѣсъ и встрѣтилъ у гѣса двѣнадцать стражей конунга Озантрикса и всѣхъ ихъ перебилъ. Поѣхали они къ шатрамъ конунга Озантрикса и затрубили во всѣ свои рога и убивали всё, что имъ попадалось, людей и коней. Много ущерба учинилъ въ войскѣ Родольфъ и товарищи; было у него дѣло съ большой силой, онъ и отъѣхалъ прочь, назадъ въ гѣсъ, дѣлаетъ смотръ своимъ людямъ: всѣ у него на лицо, и не сильно ранены, а у конунга Озантрикса убито 500 человекъ. Тогда Родольфъ вернулся къ войску конунга Аттилы и рассказалъ ему о своей поѣздкѣ. Конунгъ Аттила говоритъ, что Господь воздастъ ему за то, и самъ онъ его хорошо награждать. Послѣ того отправился конунгъ Аттила домой въ Сузу, а конунгъ Озантриксъ вернулся въ свое царство. На томъ они разстались. (М¹: Родольфъ убиваетъ у Озантрикса 600 рыцарей, когда же войско Озантрикса выступило противъ него, бѣжитъ къ Аттилѣ, совѣтуетъ ему вернуться въ землю гунновъ; теперь больше ничего не сдѣлаешь. Аттила благодаритъ за совѣтъ, который и приведенъ въ исполненіе; долгое время Аттила и Озантриксъ не воевали другъ съ другомъ).

Гл. 47. Когда конунгъ Аттила былъ дома, въ Сузѣ, случилось однажды, что герцогъ Родольфъ явился къ нему и сказалъ: «Властитель, у меня къ вамъ одна просьба, дайте мнѣ 300 рыцарей (М¹ и своего племянника Озида) на одну поѣздку и столько золота и серебра, сколько мнѣ кажется нужнымъ для этой поѣздки». Конунгъ Аттила отвѣчалъ: «Куда хочешь ты ѣхать, что тебѣ потребно такъ много народу?» Отвѣчалъ Родольфъ: «Что вамъ за дѣло, куда

я намѣреваюсь (ѣхать)? Коли я не вернусь, когда пройдутъ три зимы, то буду мертвъ». Аттила говоритъ, что согласенъ, чтобъ онъ взялъ все, о чемъ просить. Родольфъ выѣхалъ изъ Сузы съ 300 рыцарями (M¹: пустилъ слухъ, что ѣдетъ на западъ въ Испанію просить для Аттилы руки царской дочери) и свернулъ на дорогу на сѣверъ къ странѣ Вилькиновъ; пріѣхали они въ пустынный лѣсъ и разбили свои шатры. Когда они провели тамъ одну ночь Родольфъ позвалъ на совѣтъ всѣхъ своихъ людей и такъ говоритъ: «Этотъ лѣсъ пустынный, и людямъ нѣтъ дороги по близости; здѣсь, мужи мои, вы останетесь и сдѣлайте себѣ домъ, пока я не приду къ вамъ; а это золото и серебро, которое я даю вамъ, держите его на пищу и одежду и питье (чтобы было все) хорошо и прилично, посылайте своихъ людей въ села (herað—country) закупить, что вамъ нужно (M¹: править своими людьми Родольфъ оставляетъ Ознда). И какъ я не приду къ вамъ по прошествіи трехъ зимъ, поѣзжайте домой и скажите конунгу Аттилѣ, что я вѣроятно (man veга) умеръ». Взялъ онъ кляколь (höttir) и коня и поѣхалъ въ страну вилькиновъ, назвавъ себя Сигфрдомъ, что по нашему Сигурдомъ.

Гл. 48. О его пути нечего сказывать, пока онъ не прибылъ къ конунгу Озантриксу. Когда онъ прибылъ къ палатѣ конунга, попросилъ себѣ позволенія войти въ палату. Былъ онъ старый, плохо зрячій человекъ и на немъ былъ кляколь, такъ что почти не видать было его лица. Когда онъ пришелъ передъ царя, палъ къ его ногамъ и говорилъ: «Господинъ конунгъ Озантриксъ, ради Бога даруй мнѣ прощеніе передъ лицомъ твоей царственности (fugir uðagn konungdom)». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ: «Кто ты? и куда направляешься и откуда идешь? Ты говоришь, какъ наши враги: зачѣмъ пришелъ ты сюда?» Родольфъ отвѣчалъ: «Господинъ, я родился въ Гуналандѣ, тамъ у меня родина, и былъ я могущественнымъ мужемъ, а также и мой отецъ. Мнѣ имя Сигурдъ, и убѣжалъ я изъ моей волости (ríki) отъ моихъ непріятелей». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ: «Ты гуннъ родомъ и по твоему росту какъ будто всего богѣе походишь на Родольфа, мужа конунга Аттилы, что совершилъ намъ (однажды) такъ много вреда, что убилъ на одномъ полѣ (битвѣ, velli) пятьсотъ человекъ. Еслибъ я могъ схватить его руками, онъ висѣлъ бы передъ моимъ городомъ». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Никогда не было лада у насъ съ конунгомъ Аттилой. Былъ я мужемъ конунга Милиаса и было у меня три другихъ брата, а конунгъ Аттила одного изъ нихъ повѣсилъ, другого убилъ мечемъ, а

третьяго ранилъ, и онъ еще лежалъ раненый, когда я уѣхалъ прочь, и не знаю, будетъ-ли ему смерть или нѣтъ. (M¹: на подозрѣніе Озантрикса, что онъ Родольфъ, Сигурдъ отвѣчаетъ, что его не знаетъ, но знаетъ, что онъ многимъ сотворилъ зло ради Аттилы. Самъ онъ послѣ пораженія Милиаса не захотѣлъ служить Аттилѣ, такъ и его четыре брата. Аттила ихъ убилъ, а Сигурда лишилъ его достоянія и сдѣлалъ изгоемъ). Послѣ того я убилъ передъ лицомъ его сто человѣкъ и сжегъ пять его дворовъ и затѣмъ бѣжалъ изъ Гуналанда». Отвѣчалъ конунгъ: «Это храброе дѣло ты совершилъ, Господь да наградитъ тебя за то, добро къ намъ пожаловалъ. А коли правда то, что ты говоришь, я дамъ тебѣ ярство и столь большую волюсть (rīki), какъ ты того самъ пожелаешь». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Господинъ, я хочу провести нѣсколько зимъ въ твоей дружинѣ, и если твои люди будутъ ладить со мною и мнѣ здѣсь покажется хорошо, я возблагодарю тебя за то». Показалось конунгу, что онъ говорить дѣло (vel maelt) и онъ пожелалъ, чтобы такъ все и было. Жилъ онъ тамъ двѣ зимы и за всё это время не говорилъ съ Эркой, дочерью конунга.

Гл. 49. Тутъ прибылъ къ конунгу изъ Сваваланда (M¹: af Svauvalande) нѣкій конунгъ, по имени Нордунгъ; пришелъ онъ просить (руки) Эрки, дочери конунга Озантрикса. Былъ онъ могущественный конунгъ. Это дѣло (mali) сильно поддерживали ярль Гертнитъ и братъ его Гирдиръ (M¹: многіе добрые люди; именъ нѣтъ); Нордунгъ былъ большой ихъ пріятель. Конунгъ Озантриксъ хорошо принялъ это предложеніе (mali), если на то будетъ согласіе его дочери, и велѣлъ приготовить большое роскошное угощеніе, пока конунгъ Нордунгъ жилъ у него. А Эрка, дочь конунга, сидитъ въ одномъ замкѣ, куда никогда не долженъ былъ являться мужчина, и было тамъ съ нею сорокъ именитыхъ дѣвушекъ. Говорилъ тогда Озантриксъ конунгъ пріятелю своему Сигурду: «Ты пробылъ въ моемъ царствѣ двѣ зимы, ты мудрый мужъ и хорошій витязь, вѣрный и правдивый, я хочу послать тебя посѣтить дочь мою Эрку въ ея замкѣ и сказать, что конунгъ Нордунгъ проситъ ея (руки); поговори съ ней (gæða frīg heppi?): какъ приметъ она его предложеніе. Конунгъ Озантриксъ и конунгъ Нордунгъ сидѣли снаружи на стѣнѣ бурга, пока это происходило.

Гл. 50. По приказанію конунга, Сигурдъ пошелъ къ дочери конунга и проситъ отпереть себѣ замокъ. Когда конунгова дочь узнала, что это посланецъ ея отца, она хорошо его приняла, просила пожелаю-

вать и сказать, какое дѣло (привело) его сюда. И еще она говорила: «Ты видно мудрый и хитрый мужъ: ни одинъ мужъ, проведенный у моего отца дважды двѣнадцать мѣсяцевъ, не велъ себя такъ, какъ ты, который ничего не разузнавалъ кромѣ того, что полезно и вамъ дозволено, и никогда ты не приходишь къ намъ за все время, какое здѣсь пробылъ». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Госпожа, не обычно въ нашей странѣ, чтобы мужчина ходилъ къ своей королеви (drottning), поздно или рано, и никогда, развѣ дозволить это самъ конунгъ, и не могутъ иноземные мужи бесѣдовать съ именитыми дѣвушками. Это вѣжество я перенялъ въ Гуналандѣ; а такъ какъ самъ конунгъ послалъ меня для бесѣды съ вами, мы будемъ говорить о тайныхъ предметахъ». Говорила тогда Эрка сестрѣ своей Бергѣ: «Выйди изъ замка а (также) и вы всѣ, мы здѣсь останемся вдвоемъ, и онъ доложитъ мнѣ о своемъ дѣлѣ». Сигурдъ отвѣчалъ: «Госпожа, выйдемъ въ садъ, это гораздо приличнѣе, и будемъ тамъ вести нашу бесѣду, ибо конунгъ сидитъ на стѣнѣ своего бурга и можетъ тамъ видѣть, какъ мы ведемъ себя, а тѣмъ не менѣе никто не пойметъ нашихъ словъ: тогда ни одинъ мужъ не заподозритъ, что такое говоритъ иноземный мужъ съ дочерью конунга, и какое было мнѣ сюда порученіе». Отвѣчала Эрка: «По истинѣ ты вѣжливый рыцарь, въ молодомъ возрастѣ научился хорошей сноровкѣ (goda list). Тутъ позвала Эрка сестру свою Берту, чтобы она взяла двѣ подушки и вынесла въ садъ съ яблонями.

Гл. 51. Вышли они и сѣли подъ прекраснымъ деревомъ, а конунгъ Озантриксъ и конунгъ Нордунгъ видятъ, гдѣ они сидятъ. Всѣ дѣвушки удалились отъ нихъ. Возговорилъ Сигурдъ: «Госпожа, погляди-ка сюда, когда я сниму свой клоколъ. Я обманулъ мужей, я обманулъ женъ, обманулъ конунга Озантрикса, обманулъ Нордунга конунга, обманулъ и тебя, госпожа. Я не Сигурдъ, а я герцогъ Родольфъ, человекъ конунга Аттилы. Онъ послалъ меня къ тебѣ, дабы ты поступила такъ хорошо, согласно съ твоимъ вѣжествомъ, что признала бы его своимъ господиномъ: возьми его мужемъ себѣ и будь ему молодой женой. Онъ подаритъ тебя сыновьями, множествомъ вѣжливыхъ рыцарей, большими бургами, множествомъ золота и серебра; ты будешь носить вышитый золотомъ пурпуръ, и всѣ твои дѣвушки и ближнія жены будутъ вменитыя и будутъ носить шитую золотомъ парчу (pell). Могущественные герцоги будутъ носить (подолъ?) твоихъ платьевъ и сама ты будешь царницей наибольшей во всемъ свѣтѣ». Отвѣчала Эрка въ

большомъ гнѣвѣ и ярости и позвала: «Милая сестра моя, послушай-ка какое дѣло у этого мужа. Онъ не Сигурдъ, а герцогъ Родольфъ, человѣкъ конунга Аттилы. Онъ обманулъ меня и обманулъ моего отца. Ступай къ моему отцу и скажи ему эту вѣсть, онъ тотчасъ убьетъ его за то, что побилъ пятьсотъ человѣкъ передъ лицомъ моего отца; за это самое онъ и долженъ быть скоро повѣшенъ». Отвѣчалъ тутъ Родольфъ: «Лучше сдѣлай то, о чемъ я тебя прошу, поѣзжай со мной и будь женой конунга Аттилы и его царицей, а юная Берта, ваша сестра, будетъ мнѣ женой». Отвѣчала Берта, говорила Эркъ: «Госпожа, ты дочь конунга и не должна безчестить человѣка, попавшаго въ твою власть, довѣрившись (тебѣ); вотъ что будетъ тебѣ въ честь: пусть идетъ себѣ куда хочетъ. А что ты сказала однажды, сестра Эрка, такъ что и я слышала? Не то-ли: Боже небесный, дай мнѣ стать царицей (drottning) Гуналанда и царицей конунга Аттилы? Подумай ты теперь объ этомъ, вотъ Господь даруетъ тебѣ, о чемъ ты просила. Не слѣдъ тебѣ безчестить иноземнаго мужа, быть тебѣ могущественной царицей Гуналанда, и я поѣду съ тобой». Прежде чѣмъ Берта высказала свое мнѣніе (oegendi), Родольфъ хотѣлъ встать и уйти, ибо думалъ, что Эрка скажетъ своему отцу, какъ она ему и пригрозила. И вотъ она кличетъ: «Послушай, добрый витязь Родольфъ, вернись назадъ и не уходи. Я хочу стать царицей конунга Аттилы, а Берта твоей женой, и вотъ даю тебѣ свое золотое кольцо въ залогъ того, что все будетъ такъ, какъ я говорю тебѣ». Видѣли то конунгъ Нордунгъ и конунгъ Озантриксъ, что она дала ему золотое кольцо, и полагаютъ, что она захочетъ взять (eiga) конунга Нордунга, а о немъ на самомъ дѣлѣ и не говорили.

Гл. 52. Тогда Сигурдъ удалился оттуда и пошелъ къ конунгу въ бургъ. Говоритъ конунгъ Нордунгъ: «Милый другъ Сигурдъ, по правдѣ-ли ты исполнилъ мое порученіе? Если хорошо исполнилъ и привелъ къ концу, я за это тебя награжу, ты сдѣлаешься моимъ ярломъ, и я хочу дать тебѣ большую власть (ríki)». Отвѣчалъ Сигурдъ: «Господинъ, по правдѣ она сказала мнѣ, что не хочетъ понять себѣ мужа въ эти 12 мѣсяцевъ, и въ утверженіе этихъ словъ (mál) она дала мнѣ золотое кольцо. Посмотри, господинъ, на это золотое кольцо. И да поможетъ мнѣ Богъ, я исполнилъ мое порученіе, какъ умѣлъ, и не могъ я исполнить его лучше, и я полагаю, не многіе иноземные мужи исполнили бы то лучше и отважнѣе передъ лицомъ столь-же именитыхъ мужей». Тогда отвѣтилъ ко-

нунгъ Нордунгъ, говорятъ, что охотно подождетъ, если въ слѣдующіе 12 мѣсяцевъ покончится наше дѣло, и просить Сигурда принять большую благодарность за его хожденіе. Послѣ ихъ разговора Нордунгъ снарядился въ обратный путь въ свое царство.

Гл. 53. Конунгъ Озантриксъ позвалъ къ себѣ своего пріятеля Сигурда, и когда Сигурдъ явился къ престолу конунга, говорилъ конунгъ Озантриксъ: «Добрый другъ Сигурдъ, ты пробылъ двѣ зимы въ моемъ царствѣ и теперь я узналъ, что ты вѣжливый рыцарь и, должно быть, могущественный, по роду, человекъ въ твоей странѣ. Хочу я дать тебѣ нѣкую почесть (gíki): ты будешь начальникомъ моей дружины и будешь ѣздить съ моимъ войскомъ и защищать мою страну». Отвѣчаетъ Сигурдъ: «Не отплатилъ я конунгу Аттилѣ, за то, что онъ убилъ моихъ братьевъ и выгналъ меня изъ моей волости (gíki)¹⁾. Еще раненъ былъ мой юный братъ Алибрандъ, теперь онъ здоровъ, хочу я посѣтить его, господина, и онъ сдѣлается твоимъ служилымъ человекомъ. Онъ гораздо болѣе храбрый мужъ, чѣмъ я, и лучше меня рыцарь, и вамъ будетъ честь отъ его службы». Отвѣчалъ конунгъ Озантриксъ, и ему показалось то ладно, чтобъ онъ поѣхалъ къ своему брату, и оба пришли и стали его людьми.

Гл. 54. Послѣ того Родольфъ отъѣхалъ, пока не прибылъ въ тотъ гѣсъ, гдѣ были его рыцари; а они хорошо (продержались) съ тѣхъ поръ, какъ разстались. Взялъ онъ къ себѣ въ спутники Озида, молодого племянника конунга Аттилы, они проѣхали всю дорогу, что ведетъ къ странѣ Вилькиновъ, къ конунгу Озантриксу. Сигурдъ явился передъ престоломъ конунга, поклонился и привѣтствовалъ почестно; а конунгъ милостиво (vel) поздоровался съ своимъ пріателемъ Сигурдомъ-Сигфрейдомъ (Sigfroeud) и спрашиваетъ его, какъ ему повелось. Онъ отвѣчалъ: «Вотъ пришелъ молодой Алибрандъ, братъ мой, ты увидишь, какой онъ красивый мужъ». Озантриксъ конунгъ хорошо принялъ ихъ обоихъ и говоритъ, что сдѣлаетъ каждаго изъ нихъ большимъ человекомъ (вождемъ? hofþingia) въ своемъ царствѣ. — Когда они пробыли тамъ семь дней, къ вечеру, когда конунгъ отправился спать, Сигурдъ и Алибрандъ пошли къ своимъ конямъ, а напередъ забрали свое оружіе и все свое имущество, и поѣхали къ замку королевы Эрки. И когда прибыли передъ замокъ, имъ навстрѣчу вышла королева Эрка и сестра

1) Въ М¹ слѣдующая рѣчь Сигурда болѣе развита.

ея Берта, хотятъ съ ними уѣхать. Поѣхали они эту ночь какъ бы-стрѣе могли, ѣхали днемъ и ночью, какъ могли скорѣе и какъ выносили кони ¹⁾).

Гл. 55. Теперь конунгъ Озантриксъ догадался, что его обманули, велѣлъ снарядить всѣхъ своихъ рыцарей и самъ снарядился и поѣхалъ за ними какъ только могъ, быстро ночью и днемъ; и съ той и съ другой стороны ѣхали какъ только могли. Родольфъ нашелъ своихъ людей, и они сильно обрадовались ему, ибо почти были увѣрены, что его потеряли. Они поѣхали по пути въ Гуналандъ, а конунгъ Озантриксъ поѣхалъ за ними съ своимъ войскомъ, и подошелъ къ нимъ такъ близко, что Родольфъ и его люди увидѣли, что имъ не уйти. Тогда они направились къ одному замку, что зовется Маркстейнъ въ лѣсу Falstr, и заперли за собою замокъ. Явился къ замку и Озантриксъ со всѣмъ своимъ войскомъ и поставили вокругъ военныя ставки (herbuðir). А Родольфъ послалъ двухъ мужей въ Гуналандъ сказать конунгу Аттилѣ, какъ удалась его поѣздка. Какъ только эти люди явились въ Сузу къ конунгу Аттилѣ и онъ услышалъ, какъ Родольфъ исполнилъ его порученіе, и какъ обстоитъ его дѣло, онъ тотчасъ кликнулъ, велѣлъ подать себѣ свое оружіе и трубить во всѣ свои рога, послалъ по всему своему царству, собралъ непобѣдимое войско и ѣхалъ день и ночь, какъ скорѣе могъ, пока не прибылъ въ лѣсъ Falstr. А Родольфъ и Озидъ каждый день бился съ конунгомъ Озантриксомъ и много изъ его людей убили, иногда выступая изъ замка, иногда сражаясь изъ-за амбразуръ (бастіоновъ, remparts). И прежде чѣмъ конунгъ Аттила прибылъ къ нимъ на помощь, они потеряли 40 человекъ, а конунгъ Озантриксъ потерялъ 100 человекъ. А тотъ замокъ былъ такъ крѣпокъ, что конунгъ Озантриксъ не могъ взять его. А когда онъ получилъ вѣрную вѣсть, что конунгъ Аттила близко подошелъ съ непобѣдимой ратью, онъ снялъ свои военныя ставки и поѣхалъ домой въ свое царство. Такъ они разстались ²⁾).

Гл. 56. Когда Озантриксъ конунгъ удался съ своимъ войскомъ, Родольфъ сказалъ своимъ людямъ, что имъ слѣдуетъ взять свое оружіе и своихъ коней и поѣхать на конунга Аттила и его людей.

1) Въ М¹ Сигурдъ предупреждаетъ Эрку и ея сестру ждать ихъ на 7-ую ночь, и похищеніе описано подробно.

2) Разсказъ въ М¹ развитѣе.

Такъ они и сдѣлали и встрѣтили конунга Аттилу въ прекрасной долигѣ, и было у него народу не менѣе 20 тысячъ рыцарей. А Родольфъ передалъ конунгу Аттигѣ Эрку, дочь конунга Озантрикса, и была тамъ очень веселая встрѣча. Тогда конунгъ Аттила двинулся обратно со всѣмъ своимъ войскомъ домой въ Сузу, а немного спустя велѣлъ устроить роскошную свадьбу съ Эрккой, и тогда-же выдалъ Бертку, другую дочь конунга Озантрикса за своего герцога Родольфа и далъ ему большую волость (ríki) въ Гуналандѣ. Это пиршество было устроено съ большимъ великолѣпіемъ и множествомъ людей, съ всевозможными играми и цѣнными подарками; и длилось то торжество 7 дней. Сталъ теперь править своимъ царствомъ конунгъ Аттила съ женой своей Эрккой. У нихъ было 2 сына, Эрнъ и Ортвинъ. Отсюда пошла большая распря между Гуналандомъ и страной вилькиновъ, и у конунга Аттилы были великія бѣтвы съ Озантриксомъ, конунгомъ вилькиновъ и Вальдамаромъ, конунгомъ русскихъ (Ruzimanna), и побѣда оставалась то на той; то на другой сторонѣ. Въ такомъ положеніи находились эти царства нѣкоторое время.

Главы 134—146.

Гл. 134. Въ ту пору была между Аттилой, конунгомъ гуннской земли, и Озантриксомъ, конунгомъ земли вилькиновъ, распря великая. Были поочередно и побѣды, и пораженія. Конунгъ Аттила очень усилился, приобрѣлъ себѣ большую дружбу у славныхъ князей и у знатныхъ людей. Онъ былъ любъ въ своемъ царствѣ всему своему народу: всѣ хотѣли жить и умереть, какъ онъ. Онъ не могъ нажить себѣ бѣльшей поддержки ото всего народа, ибо у властителей въ его странѣ не было желанія перемѣны, пока онъ былъ мягъ всѣмъ тѣмъ, къѣмъ ему надлежало править; вѣдь большинству худымъ казалось жить въ слишкомъ большомъ гнетѣ.

У конунга Озантрикса съ годами сталъ другой нравъ, чѣмъ когда онъ былъ моложе. Онъ сталъ такъ жестоко править, что народъ, что жилъ въ странѣ въ его царствѣ едва переносилъ то ярмо, которое онъ взвалилъ на шею каждому. Онъ полагался на обширность (своего царства) и на многочисленность народа и всегда былъ къ своимъ подданнымъ въ странѣ тѣмъ суровѣе относительно дани, чѣмъ больше ея ему приносили. Велъ онъ также торговлю со всѣми, съ богатымъ и не богатымъ, людьми изъ своей

дружины, крестьяниномъ и заѣжимъ купцомъ. Хотя онъ и давалъ своимъ рыцарямъ лены въ жалованье, но при этомъ самъ хотѣлъ оставаться правителемъ, чтобы имѣть надъ ними верховную власть. Никогда не приносили они ему такъ много, чтобы онъ не потребовалъ еще столько-же, и никогда не поступило въ его дворецъ столько скота и припасовъ, чтобы не казалось, будто все это уходило въ пропасть; и всегда тамъ голодали и плохо пили. Каждые двѣнадцать мѣсяцевъ бывалъ великій, непоимѣнный поборъ, и всѣмъ это стало въ привычку, ибо у него вѣчно были распри и войны всюду, гдѣ только находился конунгъ Аттила, и разорялъ Озантриксъ изъ-за Аттилы свое царство, да каждый изъ нихъ и изъ-за другихъ (тоже). И всѣмъ казалось превышавшимъ мѣру надлежащаго и приличнаго врагу то (обстоятельство), что, какъ только избавлялся Озантриксъ отъ великой распри, сейчасъ-же налагалъ подать и тяготы на весь народъ, который жилъ въ его царствѣ, лишь только народъ этотъ добивался мирнаго житія. Захватилъ онъ достояніе другихъ подвластныхъ ему людей, такъ и его родичи: всѣ они были обучены насилію по одной книгѣ. И было покойно подданнымъ Озантрикса, лишь когда онъ бывалъ въ грабительскихъ набѣгахъ внѣ страны. Всѣ надѣялись, что онъ когда-нибудь выйдетъ изъ царства на добычу и не вернется; всѣ были довольны его промедленію (т. е. возврата), и всѣ страшились его возвращенія. При конунгѣ Озантриксѣ всегда были два великана Видольфъ Миттунстанги и Авентродъ, его братъ. Былъ и еще одинъ великанъ братъ ихъ, Атгейръ по прозванію, только услалъ его конунгъ Озантриксъ далеко въ Бертангаландъ по дружбѣ своей къ конунгу Изунгу. А Изунгъ конунгъ поставилъ великана Атгейра на рубежъ земли въ одномъ дремучемъ лѣсу, чтобъ стерегъ страну. И съ той поры, какъ великанъ стоитъ на стражѣ, не боялся Изунгъ за свое царство.

Гл. 135. Тутъ надо рѣчь повести объ конунгѣ Аттилѣ. Онъ охотно помирился бы съ конунгомъ Озантриксомъ, кабы тотъ рѣшился, и посылалъ къ нему много людей, чтобы провѣдать, хочетъ ли онъ помириться, или нѣтъ. Конунгъ Озантриксъ высказался противъ того. И когда конунгъ (Аттила) увѣрился, что онъ никакимъ образомъ не желаетъ съ нимъ (помириться), послалъ письмо и печать свою Тидреку, конунгу Бернскому, чтобы тотъ пришелъ къ нему въ гуннское царство, если хочетъ подать ему помощь, съ самыми лучшими богатырями, потому что онъ хочетъ теперь воевать въ царствѣ вилькинговъ противъ конунга Озантрикса. И просилъ (Аттила), чтобъ

онъ этого не откладывалъ (не клалъ себѣ подъ голову; подъ подушку) въ его (Аттилы) нуждѣ послѣ того, какъ каждый изъ нихъ клялся другъ другу въ дружбѣ. И тогда порѣшилъ конунгъ Тидрекъ ѣхать, ибо видѣлъ, что другу его помощь нужна. Выѣхалъ онъ изъ Берна съ 500 рыцарей, всѣ хорошо испытанные въ бою; были при немъ, кромѣ того, всѣ его витязи. И когда прибыли они въ гуннскую землю, возрадовался конунгъ Аттила ихъ приходу и хоропо ихъ принялъ. И былъ онъ теперь совсѣмъ снаряженъ, чтобъ итти съ ними въ землю вилькиновъ. Наѣзжали они тогда со всей ратью на страну вилькиновъ и когда прибыли туда, стали они людей грабить и многихъ убили, а иные бѣжали. И запалили они большіе и славные города и много деревень, и большія села, и взяли они добычу великую, какъ людми, такъ и золотомъ и серебромъ.

Гл. 136. А конунгъ Озантриксъ собралъ народу великое множество по всему своему царству, выходилъ на встрѣчу не знающему бѣгства войску. Вотъ они сѣхались и началась великая сѣча. Выѣзжаетъ впередъ отважный Гербрандъ, знаменосецъ конунга Тидрека, и рубитъ на обѣ стороны людей и коней и валитъ ихъ мертвыми одного на другого. А за нимъ выѣзжаетъ самъ конунгъ Тидрекъ со своими витязями и бьется съ великой отвагою, и пытается свой мечъ о твердые щлемы, и о крѣпкіе щиты, и о прочныя брони. И ни одинъ изъ (этихъ) товарищей не отставалъ отъ другого въ отвагѣ и поддержкѣ, и никакой строй не могъ устоять противъ нихъ, гдѣ только они появлялись. Они вѣхали въ середину рати вилькиновъ и били людей на обѣ стороны. Выходить на нихъ Видольфъ Миттгумстанги и бьетъ своей желѣзной палицей богатыря Видгу, потому что онъ былъ впереди всѣхъ. И хватилъ его по шлему такъ, что онъ тутъ-же съ коня свалился на землю, и отдалось въ его вискахъ такъ, что онъ долго не приходилъ въ себя. Стоялъ тутъ по близости Геймиръ, схватилъ мечъ (Видги)—Мимунгъ, когда тотъ (Видга) упалъ и тотчасъ удался. Тогда Вилькины храбро бросились впередъ и бились сильно, и была сѣча великая. Тидрекъ конунгъ ободрялъ свою дружину къ нападенію, говорилъ что не хочетъ, чтобъ они бились лишь изъ великаго щегольства (scarti), что никто не долженъ долге оставаться (въ живыхъ). И просилъ показать вилькинамъ, что могутъ подѣлать его витязи: «покажемъ имъ силу нашихъ рукъ». Тогда стали они вдвое неистовѣе, чѣмъ прежде, и ничто не могло устоять противъ нихъ. И увидѣлъ конунгъ Озантриксъ, что вечаго чаятъ, кромѣ одной бѣды, и побѣжалъ со всѣми своими

людьми. И потерялъ передъ тѣмъ Озантриксъ конунгъ 500 рыцарей, а конунгъ Аттила — 300 рыцарей. И сталъ онъ преслѣдовать бѣгущихъ.

Гл. 137. Тутъ подошелъ Гертнитъ, племянникъ конунга Озантрикса, со своей дружиной, увидали гдѣ лежалъ Видга, и тотчасъ признали его оружіе, а его самого Видгу—по виду и по молвѣ, подобрали, связали и взяли съ собою. Видитъ Гертнитъ, что нечего тутъ дѣлать, какъ отступить, такъ какъ конунгъ Озантриксъ, его родичъ, бѣжалъ со всею своею ратью; а потому и онъ ушелъ отъ нихъ, какъ и всѣ остальные. Такъ вилькины были на этотъ разъ разбиты. И разошлись они затѣмъ и вернулись каждый домой въ свое царство. конунгъ Озантриксъ велѣлъ заключить Видгу въ темницу.

Гл. 138. Ъдутъ конунгъ Аттила и конунгъ Тидрекъ домой въ Susat, что былъ стольнымъ городомъ конунга Аттилы, и пробыли тутъ ночь, а на другое утро отправился Тидрекъ конунгъ на югъ, въ Бернъ. Онъ потерялъ 60 воиновъ, кромѣ Видги, но менѣе желалъ потерять его одного, чѣмъ всѣхъ другихъ. Пришелъ къ конунгу Тидреку Вильдиверъ и проситъ позволенія остаться ненадолго. Конунгъ Тидрекъ спросилъ, что это значить. Вильдиверъ отвѣчалъ, что никакъ не хочетъ ѣхать домой, въ Бернъ, пока не узнаетъ, живъ, или умеръ товарищъ его Видга. Конунгъ Тидрекъ дозволилъ ему это, и онъ остался при конунгѣ Аттилѣ, а конунгъ Тидрекъ воротился домой въ Бернъ.

Гл. 139. Черезъ нѣсколько дней поѣхалъ конунгъ Аттила въ лѣсъ, что зовется Лиравальдъ, охотиться на звѣрей и птицъ съ ястребами и собаками. И былъ съ нимъ Вильдиверъ и много другихъ мужей и рыцарей. Когда прошелъ день, конунгъ Аттила со своими людьми поѣхалъ домой; остался Вильдиверъ одинъ въ лѣсу съ двумя большими охотничьими псами. Повстрѣчалъ онъ лѣсного медвѣдя, который былъ больше всѣхъ звѣрей. Онъ убилъ того медвѣдя, содралъ съ него шкуру, а потомъ пошелъ. А шелъ онъ со шкурой медвѣдя тайкомъ и припряталъ ее въ такое мѣсто, которое зналъ одинъ онъ.

Гл. 140. Разъ пришелъ къ конунгу Аттилѣ главный скomorохъ Изунгъ съ юга изъ Берна, отъ конунга Тидрека. Тотъ послалъ его за вѣстями; узнать, живъ ли Видга, потому что скomorохамъ можно безъ опаски ходить промежду знатныхъ людей — вездѣ, куда не попасть другимъ по недовѣрію (къ нимъ). Конунгъ Аттила принялъ ско-

роза Изунга хорошо. Изунгъ пришелся по нраву и другимъ мужамъ и веселилъ ихъ весь тотъ вечеръ. Вильдиверъ поговорилъ съ скоморохомъ Изунгомъ и рассказалъ ему о своемъ намѣреніи, что онъ никогда не хочетъ ворочаться въ Бернъ, пока не отыщеть Видгу живого или мертваго. «Хочу я, чтобъ ты устроилъ своими хитростями и уловками такъ, чтобы я пробрался въ свиту конунга Озантрикса, и никто не узналъ бы меня, если только ты хочешь того, чего и я». Изунгъ сказалъ, что будетъ къ тому готовъ не позже, чѣмъ на другое утро, и попросилъ и Вильдивера приготовиться. И на слѣдующее утро, лишь только насталъ день, явился Вильдиверъ предъ конунгомъ Аттилой и говорить, что хочется ему поѣхать на короткое время домой, въ землю Амелунговъ, на свою родину, а потомъ снова вернуться къ нему. Конунгъ Аттила дозволилъ это ему и спросилъ, не хочетъ ли онъ взять съ собою сто рыцарей, чтобы не ѣхать одному. Вильдиверъ сказалъ, что съ нимъ идетъ Изунгъ, главный скоморохъ, и что ему не нужно больше людей, потому что итти придется по мирной землѣ и сидятъ все друзья и родичи тамъ, гдѣ онъ пойдетъ. Конунгъ Аттила далъ ему разрѣшеніе.

Гл. 141. Вотъ они оба вышли вмѣстѣ изъ города Сусать, и когда были вдали отъ другихъ людей, Вильдиверъ вытащилъ медвѣжью шкуру, показалъ Изунгу и спросилъ его, не поможетъ ли она чѣмъ въ ихъ обманной продѣлкѣ. Скоморохъ Изунгъ оглядѣлъ шкуру, выворотилъ ее, внимательно осмотрѣлъ, какова она, и сказалъ, что она могла бы послужить имъ, кабы повезло въ ихъ продѣлкѣ. Тогда Изунгъ велѣлъ Вильдиверу влѣзть въ шкуру. Вильдиверъ продѣлалъ это такъ, что надѣлъ шкуру поверхъ своей брони; а Изунгъ досталъ иглу съ ниткой и сшилъ очень крѣпко шкуру на спинѣ и ногахъ Вильдивера такъ хитро и ловко, что Вильдиверъ казался всякому медвѣдемъ. Онъ и вести себя сталъ, словно медвѣдь. Тогда Изунгъ надѣлъ ему на шею ошейникъ и повелъ за собою. Шли они день за днемъ, покуда не пришли въ землю вилькиновъ. Когда они были недалеко отъ города конунга Озантрикса, повстрѣчали человѣка. Изунгъ спросилъ у него вѣстей, а тотъ у него. Изунгъ спросилъ, откуда онъ идетъ, тотъ отвѣчалъ, что идетъ изъ города, отъ конунга Озантрикса. Пытается Изунгъ, дома-ли конунгъ и много-ли съ нимъ народу. Тотъ сказалъ, что онъ навѣрно дома, и что съ нимъ народу теперь мало, ибо онъ былъ недавно въ походѣ, «какъ ты и самъ, вѣрно, слышалъ»; теперь бѣольшая часть его рыцарей разѣхалась по домамъ, у кого они есть, потому что

очень дорого стоитъ долго жить въ торговомъ городѣ. Изунгъ спросилъ, въ какомъ духѣ конунгъ послѣ побѣды, доставшейся ему въ его походѣ. Тотъ отвѣчалъ, что самъ конунгъ побѣдой не очень доволенъ, а люди говорятъ будто онъ тамъ больше потерялъ, чѣмъ получилъ, кромѣ того, что полонилъ одного богатыря у Тидрека Бернскаго, и то бы онъ его не взялъ, кабы не Гертнитъ, его племянникъ. Изунгъ спросилъ тогда, дома-ли въ городѣ Гертнитъ, его родичъ и какъ зовутъ богатыря, котораго полонили и живъ онъ еще, или нѣтъ. Тотъ говоритъ, что Гертнита нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ свои замки и имѣнія, и Видгой звать богатыря, котораго взяли, и сидитъ онъ въ темницѣ, въ крѣпкихъ цѣпяхъ. «Сдается мнѣ, что онъ ждетъ своего послѣдняго часа въ многихъ и великихъ мукахъ». Изунгъ сказалъ, что надо надѣяться, что онъ (Озантриксъ) станетъ держать его крѣпко, и что конунгу нѣтъ никакой выгоды, чтобы онъ вышелъ на волю. И онъ пожелалъ тому человѣку хорошаго пути, тотъ ему — тоже; тутъ они разстались.

Гл. 142. Изунгъ направился къ городу и прежде всего вошелъ въ городъ къ самому конунгу. И какъ явился туда извѣстный главный скоморохъ, ему сдѣланъ былъ хорошій приѣмъ. Конунгъ Озантриксъ спросилъ, какую такую игру можетъ имъ сыграть славный скоморохъ, если онъ знаменитѣе всѣхъ другихъ скомороховъ. Изунгъ отвѣчалъ: «Надѣюсь, господинъ, что мало играли тутъ въ землѣ вилькиновъ такъ, чтобы мнѣ не сыграть лучше, чѣмъ бѣольшая часть другихъ. Я умѣю пѣть, играть на арфѣ, на скрипкѣ, гудкѣ и на всѣхъ струнныхъ инструментахъ». Конунгъ Озантриксъ приказалъ подать ему арфу, и заигралъ онъ на арфѣ. Говоритъ конунгъ и всѣ остальные, что никогда не слышали лучшей игры. И только отыгралъ онъ на арфѣ, началъ его медвѣдь играть, а потомъ заплясалъ. Изунгъ далъ имя своему медвѣдю—прозвалъ его Визлео. И показалось каждому чудомъ и дивомъ, какъ умѣеть этотъ медвѣдь хорошо и ловко плясать, а и какъ онъ зогъ. Въ тотъ вечеръ Изунгъ хорошо и искусно забавлялъ конунга, а также и его медвѣдь. А медвѣдь былъ такой злой, что ни одного человѣка не подпускалъ къ себѣ близко, кромѣ одного Изунга. Всякаго другого онъ бы разорвалъ и растерзалъ, кто бы подступилъ къ нему ближе. Говоритъ конунгъ: «Медвѣдь твой очень зогъ. Можетъ ли онъ сплясать лучше, чѣмъ сказывали и чѣмъ мы видѣли»? Изунгъ отвѣчалъ: «Какъ далеко я ни хаживалъ по бѣлу-свѣту, а такого сокровища, какъ мой медвѣдь, никогда не встрѣчалъ. Онъ знаетъ всѣ игры и

ловкія штуки такъ хорошо, что немного людей могутъ съ нимъ по-равняться».

Гл. 143. На ночь Изунгъ отправился спать, а на другой день утромъ конунгъ Озантриксъ попросилъ Изунга услужить ему какой-нибудь потѣхой съ его медвѣдемъ. Изунгъ сказалъ, что врядъ-ли можно ему отказать въ этомъ Озантриксу. «Только совсѣмъ неладно, говоритъ онъ, потѣшать васъ моимъ медвѣдемъ, коли вы захотите черезъ-чуръ пытатъ его». Конунгъ сказалъ, что онъ на этотъ разъ хочетъ испытатъ медвѣдя — спустивъ на него охотничьихъ собакъ, чтобы поглядѣть, какой храбрый будетъ медвѣдь. Отвѣчалъ Изунгъ: «Неладно ты затѣялъ, конунгъ, съ моимъ медвѣдемъ, говоритъ онъ, потому что коли не станеть у меня медвѣдя и сгинеть, то не надо мнѣ всего твоего злата и серебра, сколько у тебя его ни будь, хоть ты мнѣ отдалъ бы его; а коль станеться, что сгубишь ты своихъ собакъ по милости моего медвѣдя, то ты разгнѣваешься и за одно со своими людьми убьешь моего медвѣдя. А мнѣ крѣпко сдается, что мой медвѣдь оборонитъ таки себя и сразу не уступитъ». Конунгъ сказалъ: «Не смѣешь ты мнѣ отказать въ этомъ, велю и спустятъ на медвѣдя собакъ, но обѣщаю тебѣ, что ни одинъ изъ моихъ людей, да и я самъ не сотворю вреда твоему медвѣдю». Тогда Изунгъ сдался на приказъ конунга. И какъ въ этотъ день, такъ и вечеромъ наканунѣ слышали они ту-же молву, что Видга лежитъ въ тюрьмѣ въ крѣпкихъ оковахъ и несокрушимыхъ нашейникахъ.

Гл. 144. На утро послѣ этого вышелъ конунгъ изъ города со всѣми своими людьми, какіе тамъ были, на прекрасный лугъ, съ нимъ былъ Видольфъ Миттумстанги въ крѣпкихъ цѣпяхъ, потому что его никогда нельзя было освобождать, кромѣ какъ въ битвахъ, когда, казалось, нечего отъ него была ждатъ большой бѣды. Великанъ Авентродъ, его братъ, велъ его, и были они безоружны, какъ и всѣ остальные люди. Вотъ вышли изъ города женщины и мужчины, молодежь, старики и всѣ дѣти, какія были въ городѣ, чтобы поглядѣть на игру и потѣху, которыя тамъ будутъ. А Видга узналъ въ темницѣ, что пришелъ другъ его Изунгъ, и сдается ему, что онъ освободитъ его какой-нибудь хитростью изъ темницы, съ помощью конунга Тидрека или другихъ его друзей. Тогда Видга сломалъ на себѣ оковы. Они же выпустили на медвѣдя 60 большихъ псовъ, и они набросились на него всѣ вмѣстѣ. А медвѣдь схватилъ самую большую собаку за заднія ноги своими передними и убилъ ее, а ея 12 другихъ лучшихъ собакъ. Разгнѣвался тутъ конунгъ, что убиты

его собаки, подбѣжалъ къ медвѣдю, выхватилъ мечъ и ударилъ медвѣдя сверху по спинѣ. Но мечъ просѣкъ только шкуру, а въ бровѣ засѣлъ. Конунгъ отступилъ и хочетъ идти къ своимъ людямъ, а Вильдиверъ выхватилъ свой мечъ изъ рукъ у Изунга-скомороха, взмахнулъ имъ, погнался за конунгомъ и снесъ ему голову. Потомъ онъ бросился на великана Авентрода и убилъ его; тутъ-же напалъ и на Видольфа Миттумстанги и убилъ его. Такъ конунгъ Озантриксъ скончалъ свой вѣкъ, а сънимъ 2 его великана, на которыхъ онъ, повидимому, сильно полагался, пока они жили вмѣстѣ. Тогда побѣжали всѣ люди конунга, что стояли тамъ безоружные. Всѣ были опечалены и испуганы гибелью конунга, всѣмъ мнилось, что самъ нечистый забрался въ того медвѣдя, потому что слишкомъ неистовымъ казалось имъ его поведеніе; и многимъ изъ нихъ было не по себѣ. А Вильдиверъ вбѣжалъ въ городъ, зоветъ и спрашиваетъ, гдѣ тутъ добрый другъ его Видга. А Видга уже взломалъ темницу, и оба побѣжали вмѣстѣ по городу и убили тамъ 16 человѣкъ. Не было тамъ недостатка въ хорошемъ оружіи и добрыхъ коняхъ; Видга тутъ призналъ коня своего Скеминга и все свое оружіе, кромѣ меча Мимунга, котораго не нашелъ; очень неладнымъ это показалось ему. Тогда Вильдиверъ сорвалъ съ себя медвѣжью шкуру и показалъ себя, какой былъ. И увидали тогда городскіе люди, что то человѣкъ, а не нечистый, какъ они думали, и уразумѣли тогда, что отъ великаго коварства произошла гибель ихъ вождей; вознамѣрились отмстить за него (конунга), и нѣкоторые хватились за оружіе. А Видга и Вильдиверъ, а съ ними и скоморохъ Изунгъ вскочили на лошадей — не хотятъ они дальше ждать невыгодной перемѣны. Показалось имъ довольно того, что они набрали, а они уже забрали серебра и золота, и богатыхъ драгоценностей, сколько могли увезти. Выѣхали они изъ города и ѣдутъ, какъ могутъ, по ненаселеннымъ мѣстностямъ, пока не пріѣхали въ гуинскую страну — къ конунгу Аттилѣ.

Гл. 145. Конунгъ Аттила принялъ Видгу и его друзей очень хорошо, и такъ держалъ себя, точно досталъ Видгу изъ ада. Онъ спросилъ, какъ это онъ освободился отъ конунга Озантрикса, а Видга рассказалъ конунгу все объ ихъ поѣздкѣ и смерти конунга Озантрикса. Тогда сказалъ конунгъ Аттила: «Вѣстимо и по правдѣ, конунгъ Тидрекъ, ты хороший вождь-витазь и великій вонтель и большое у тебя сокровище въ людяхъ, и всякій охочъ положить животь свой на нужды товарища и за твою славу, и тоже обычно (*sva vanda*)

освобождать товарища изъ такихъ обстоятельствъ, въ какихъ ты былъ, добрый другъ Видга. Разумѣется, за это слѣдуетъ хорошо наградить; такъ и мною будетъ вамъ воздано за такое дѣло, ибо доставили мнѣ миръ, коли только я самъ въ состояніи его уберечь. Взаправду не ладно (обошлось это для тебя), Озантриксъ, и подлинно почетнѣе было тебѣ принять мирныя условія и не было бы никакого безчестья и позора отъ нашего свойства, кабы онъ былъ податливѣе на миръ. А теперь ты учинилъ намъ обоимъ великое затрудненіе и ущербъ твоимъ безпокойнымъ правомъ. Было бы лучше тебѣ и намъ обоимъ раньше помириться».

Гл. 146. Вотъ Видга, Вильдиверъ и скоморохъ Изунгъ попросили у конунга Аттилы и ноѣхали на полдень домой въ Бернъ — къ конунгу Тидреку. Приѣхали они туда, конунгъ Тидрекъ былъ имъ очень радъ и спросилъ о вѣстяхъ. Они рассказали ему все, что знали, и что приключилось съ ними. Конунгъ Тидрекъ былъ всѣмъ этимъ доволенъ и очень благодарилъ Вильдивера; и онъ отъ этой побѣды сталъ славенъ далеко по странамъ. Видга теперь дома, но очень нерадостенъ. конунгъ Тидрекъ спросилъ Видгу, отчего онъ такой скучный. Видга отвѣчалъ и говоритъ, что не повеселѣтъ ему никогда, пока не услышитъ онъ чего о мечѣ своемъ — Мимунгѣ. «Коли сыщу я того человѣка, который носитъ мой мечъ, то у насъ будетъ всегда о чемъ поговорить, и я навѣрно или положу животъ свой, или добуду Мимунгъ». Сказалъ тутъ конунгъ Тидрекъ: «Нечего тебѣ много говорить объ этомъ: я скажу тебѣ, что человѣкъ, у котораго мечъ, здѣсь, въ дружинѣ; онъ у Геймира, нашего товарища; онъ взялъ его тотчасъ, когда ты упалъ». Прошло послѣ того нѣсколько дней.

Главы 241—244.

(По М²; лакуны М² въ гл. 269—8 по А и В).

Гл. 241. Аттила—конунгъ Сузы, былъ могучъ, и была у него многочисленная дружина, и покорилъ онъ много царствъ — государствъ. Онъ вступилъ въ дружбу съ конунгомъ Эрминрикомъ, который тогда владѣлъ Апулією. Эти два конунга заключили между собою дружбу такъ, что конунгъ Аттила послалъ конунгу Эрминрику родственника своего Озида съ 12-ю рыцарями. Конунгъ Эрминрикъ въ свою очередь послалъ Вальтаріа изъ Васкастейна, сына своей сестры, съ 12 рыцарями. Вальтарію было тогда 12 зимъ; здѣсь

онъ пробылъ семь зимъ. Двѣ зимы спустя послѣ приѣзда Вальтарія въ Сузу, прибыла туда Гильдигунда, дочь Ильи, ярла Греческаго, и была она отправлена заложницей конунгу Аттилѣ; въ то время ей было семь зимъ. Эти молодые люди очень любили другъ друга, но конунгъ Аттила ничего не зналъ объ этомъ.

Гл. 242. Случилось однажды, что въ саду конунга Аттилы былъ роскошный пиръ и чудесная пляска, и тогда Вальтарій взялъ за руку Гильдигунду. Они говорили промежь себя о многомъ, и никто этого не заподозривалъ. Сказалъ Вальтарій: «Долго-ли быть тебѣ служанкой королевы Эрки, и было бы лучше, если бы ты поѣхала со мной домой къ моимъ родичамъ». Она сказала: «Господинъ, не слѣдуетъ тебѣ насмѣхаться надо мной, хотя я и не у своихъ родныхъ». Отвѣчалъ тутъ Вальтарій: «Госпожа, ты дочь ярла Ильи Греческаго, и дядя тебѣ по отцѣ Озавтриксъ, конунгъ вилькиновъ, и другой въ великой Руси (Ruzi), а я племянникъ по сестрѣ Эрминрика, конунга Римскаго (af Romaborg), а другой мой родичъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій; зачѣмъ-же мнѣ служить конунгу Аттилѣ? Сдѣлай лучше такъ, поѣзжай со мной домой, и какъ я расположенъ къ тебѣ, такъ да будетъ Богъ милостивъ ко мнѣ». Она отвѣчаетъ: «Разъ я навѣрно узнала твою волю, такъ узнай-же и ты меня и мою волю. Мнѣ было четыре зимы, когда я увидѣла тебя впервые, и я сразу полюбила тебя такъ сильно, какъ ничто больше на свѣтѣ, и я готова ѣхать съ тобой, куда тебѣ угодно». Тогда Вальтарій отвѣчаетъ: «Если такъ, какъ ты говоришь, то приходи утромъ когда солнце восходитъ, къ самымъ послѣднимъ воротамъ городскимъ и возьми съ собой столько золота, сколько только можешь взять обѣими руками, потому что ты знаешь всѣ сокровищницы королевы Эрки, родственницы твоей». И та говоритъ, что такъ будетъ сдѣлано. А конунгъ Аттила не узналъ объ этомъ умыслѣ, прежде чѣмъ Вальтарій выѣхалъ изъ Сузы, съ нимъ и Гильдигунда, и было съ ними много добра (fé) золотомъ. Вдвоемъ выѣхали они изъ города, и не было у нихъ ни одного настолько добраго друга, чтобы они довѣрились ему въ своей поѣздкѣ.

Гл. 243. И вотъ узналъ конунгъ Аттила, что Вальтарій уѣхалъ и Гильдигунда, и онъ велитъ двѣнадцати своимъ людямъ ѣхать въ погоню за Вальтаріемъ и Гильдигундой: «Вы должны привести обратно всю казну, что была похищена, а также и голову Вальтарія». — Въ числѣ ихъ былъ одинъ мужъ, Гёгни, сынъ конунга Альдріана. И вотъ эти двѣнадцать рыцарей послѣшно ѣдутъ за ними, уже тѣ

и другіе видятъ другъ друга. Тутъ Вальтарій соскочилъ со своего коня съ большой ловкостью и смѣлостью, ссаживаетъ свою жену Гильдигунду съ ихъ драгоценностями. Затѣмъ вскакиваетъ на своего коня, надѣваетъ себѣ на голову шлемъ и обнажаетъ свой мечъ. Тогда Гильдигунда сказала своему дорогому господину: «Прискорбно, господишь, что тебѣ одному приходится биться противъ двѣнадцати рыцарей. Вернись лучше и спаси себѣ жизнь». «Не плачь, госпожа, говоритъ онъ, видалъ я и прежде, какъ раскалываются шлемы, какъ разрубаются щиты, и разсѣкаются брони, и какъ люди безъ головъ падаютъ съ коней своихъ, и все это я совершилъ своей рукой, и не было мнѣ это не подъ силу. И вотъ выѣзжаетъ онъ на встрѣчу имъ. Вотъ начинается крѣпкая сѣча, и прежде наступилъ мракъ ночи, чѣмъ завершился бой.

Гл. 244. И Вальтарій былъ очень израненъ, и убилъ одиннадцать рыцарей, а Гѣгни спасся и ушелъ въ лѣсъ. А Вальтарій отыскалъ свою жену, и они расположились подлѣ лѣса. Вальтарій высѣкъ огня кремнемъ, развелъ здѣсь большой огонь (пожегъ, eld) и на немъ изжарилъ окорокъ кабана. И затѣмъ они стали ужинать и кончили не прежде, какъ всё (мясо) сошло съ костей. Тогда Гѣгни вышелъ изъ лѣсу на огонь, у котораго сидѣлъ Вальтарій и думалъ, что ему удастся убить его, и замахнулся мечемъ. Гильдигунда сказала Вальтарію: «Берегись, вонъ идетъ одинъ изъ твоихъ враговъ, съ которыми ты бился сегодня». И вотъ онъ поднялъ ногу кабана, которая была объѣдена, и пустилъ ею въ Гѣгни, и навесъ такой сильный ударъ, что тотъ сразу упалъ на землю: онъ попалъ ему въ щеку такъ, что мясо тотчасъ разсѣлось, и выскочилъ глазъ. И вотъ тотъ быстро поднялся на ноги, вскочилъ на своего коня и съ тѣмъ и поѣхалъ домой въ Сузу и рассказываетъ конунгу Аттигъ о своей поѣздкѣ. Вальтарій вскакиваетъ на коня своего, и ѣдутъ они на югъ черезъ горы къ конунгу Эрминрику. И онъ рассказываетъ ему все о своей поѣздкѣ.

Главы 291—315.

(по М²).

Гл. 291. Говоритъ конунгъ Аттила конунгу Тидреку, какъ много невзгодъ въ теченіе долгаго времени сотворилъ ему конунгъ Озавтриксъ вилькиновъ, убійствомъ людей и опустошеніемъ страны.

Конунгъ Тидрекъ отвѣчалъ, говорилъ, что желаетъ, чтобы за то было отомщено, пока онъ пребываетъ въ царствѣ конунга Аттилы: не хотимъ мы того болѣе терпѣть. Немного спустя пришли къ конунгу Аттилѣ посланцы съ вѣстями, что конунгъ Озантриксъ пришелъ въ его царство съ великимъ войскомъ, жжетъ селенія, опустошаетъ его страну и много народа умертвилъ. Когда выслушали это конунгъ Аттила и конунгъ Тидрекъ, конунгъ Аттила отвѣчалъ: «Да знаютъ всѣ мои люди, что мы снарядимся какъ можно скорѣе и поѣдемъ и станемъ защищать нашу страну; и пусть всякій покажетъ себя какъ можно мужественнѣе». Говорить тутъ конунгъ Тидрекъ своимъ людямъ: «Дядя (meistari) Гильдебрандъ, возьми мой стягъ, да пусть наши люди снарядутся на помощь конунгу Аттилѣ; теперь опытъ покажетъ, какую отвагу проявятъ Амлунги ему на помощь». Выѣзжалъ тогда конунгъ Аттила изъ Сузы со всѣмъ своимъ войскомъ: съ нимъ конунгъ Тидрекъ и маркграфъ Родингейръ; всего было у него десять тысячъ рыцарей. Это войско ввели они въ городъ, что звется Брандинаборгъ; городомъ этимъ овладѣлъ передъ тѣмъ конунгъ Озантриксъ и убилъ тамъ много народа. Тамъ за сѣлъ конунгъ Аттила со своими; конунгъ Озантриксъ съ своимъ войскомъ былъ также тамъ.

Гл. 292. Какъ узналъ конунгъ Озантриксъ, что конунгъ Аттила подошелъ близко, устроилъ свое войско и вышелъ противъ конунга Аттилы. Когда они сошлись, съ той и другой стороны изготовились къ битвѣ. Тутъ можно было видѣть много красивыхъ шлемовъ и новыхъ щитовъ, бѣлыхъ броней и острыхъ мечей и многихъ храбрыхъ рыцарей. Звалъ — спрашивалъ конунгъ Озантриксъ, готовы ли къ бою конунгъ Аттила и его войско, и увѣщалъ гунновъ защищаться мужественно. И вилькиновъ онъ увѣщалъ, чтобы сражались храбро и никто-бы не обратился передъ ними въ бѣгство. Отвѣчалъ Тидрекъ, конунгъ Берискій, говорилъ: «Скоро узнаешь ты, конунгъ Озантриксъ, что конунгъ Аттила совсѣмъ теперь снаряжился; и напередъ вы встрѣтитесь съ дружиной, что зовется Амлунгами, а затѣмъ съ гуннами; да защищайтесь такъ, какъ будто сюда явились люди по вашу жизнь». И еще говоритъ онъ своимъ людямъ: «Наступайте бодро, добрые молодцы, мнѣ сдается, что они обрѣтутъ смерть, а мы побѣду; подадимъ въ первый разъ добрую помощь конунгу Аттилѣ». Вотъ выѣхалъ Гильдебрандъ съ братомъ конунга Тидрека и рубить обѣими руками, и валить вилькиновъ одного на другого. А тотчасъ за нимъ конунгъ Тидрекъ, передъ

нимъ падаютъ на обѣ стороны вилькины; за нимъ слѣдуетъ съ большой отвагой его родичъ Ульфрадъ, за нимъ одинъ за другимъ (ратъ сонмъ) изъ земли Амлунговъ. Передъ этимъ сонмомъ валились вилькины всюду, куда онъ вторгался, а Гильдебрандъ (meistarî) несъ стягъ Тидрека такъ далеко въ войско вилькиновъ, что они проѣхали всѣ его ряды, а все таки вернулись другимъ путемъ и валили вилькиновъ одного на другого. Такимъ образомъ ѣздитъ онъ весь день. Видитъ это конунгъ Озантриксъ, храбро выѣхалъ противъ гунновъ и многихъ сразилъ. Поднялась тутъ сѣча пагубная для той и другой рати. Конунгъ Озантриксъ выѣхалъ впереди войска и многимъ учинилъ уронъ. Ему на встрѣчу выѣхалъ Ульфрадъ, родичъ конунга Тидрека, съ своимъ отрядомъ, и была у нихъ жестокая сѣча, и прежде чѣмъ она кончилась, палъ конунгъ Озантриксъ. И когда конунгъ палъ, вилькины обратились въ бѣгство, а гунны преслѣдовали ихъ и столько ихъ убили, что немного спаслось. Побѣда досталась конунгу Аттилѣ, а передъ тѣмъ онъ потерялъ въ бою пятьсотъ рыцарей, а конунгъ Тидрекъ полсотни своихъ людей. Поѣхалъ конунгъ Аттила домой съ своимъ войскомъ, освободивъ свое царство отъ вилькиновъ. Тогда вилькины сдѣлали конунгомъ Гертнита, сына конунга Озантрикса. Тѣмъ не менѣе имъ удалось сохранить дружбу конунга Аттилы, благодаря цѣннымъ подаркамъ, которые далъ Эрминрикъ конунгу Аттилѣ.

Гл. 293. Послѣ того какъ Аттила конунгъ не долго пробылъ дома, онъ узналъ такія вѣсти, что Вальдемаръ конунгъ Гольмгардскій, братъ Озантрикса конунга, пришелъ въ землю гунновъ и производятъ опустошеніе съ огромнымъ войскомъ. И вотъ однажды, когда Тидрекъ конунгъ стоялъ на самой высокой башнѣ и смотрѣлъ далеко по Гуналанду, онъ видитъ сильный дымъ и большое пламя далеко по странѣ. Ѣдетъ онъ къ Аттилѣ конунгу и говорить: «Встань, государь, и вооружись самъ и всѣ люди твои. Я видѣлъ, что сегодня конунгъ Вальдемаръ сожжетъ много твоихъ селеній и много красивыхъ городовъ, и много вреда (зла) учинитъ онъ въ государствѣ твоемъ. Если ты не хочешь итти противъ него и оборонять свою землю, онъ все таки придетъ сюда, тебѣ волей-неволей придется сражаться, или въ претивномъ случаѣ бѣжать». И вотъ встаетъ конунгъ Аттила и приказываетъ трубить во всѣ рога. Выѣзжаетъ конунгъ Аттила изъ Сузы со своимъ войскомъ. А конунгъ Вальдемаръ взялъ у конунга Аттилы одинъ богатый городъ и въ

этомъ городѣ захватилъ одного добраго рыцаря Родольфа, посла 1), и связалъ его. А всего онъ перебилъ сто сотъ челоувѣкъ и сжегъ сто сотъ селъ и пятнадцать замковъ и городовъ и (взялъ) много добра и людей. А когда узналъ, что Аттила ведетъ неодолимое войско, побѣжалъ обратно въ свое царство.

Гл. 294. Ёдетъ конунгъ Аттила со своимъ войскомъ; и собралъ по всему своему царству герцоговъ и графовъ, и рыцарей, и всякаго рода войско. И когда онъ изготовился, поѣхалъ въ Русскую землю и собирается мстить за себя. И какъ только онъ вступилъ въ царство Вилькналанда и Руси (Ruzilandz), опустошалъ и сжигалъ все, гдѣ проходилъ, и наносилъ имъ великій уронъ. Конунгъ Вальдемаръ провѣдалъ о томъ, что вчиналъ Аттила конунгъ, собиралъ себѣ людей по всему своему государству и послалъ противъ него; они встрѣтились въ землѣ вилькиновъ, и было тамъ у конунга Вальдемара гораздо больше войска. Оба намѣреваются вступить въ бой, а конунгъ Аттила поставилъ гунское войско и свой стягъ противъ стяга конунга Вальдемара, а конунгъ Тидрекъ ставитъ свое знамя и свой отрядъ противъ знамени Тидрека, сына конунга Вальдемара.

Гл. 295. И вотъ они сѣхались и весьма храбро бьются одни съ другими. Поѣхалъ Тидрекъ Бернскій передъ средину своего строя и рубить русскихъ на обѣ стороны; а къ нему подъѣзжаетъ Тидрекъ, сынъ Вальдемара, и они бьются вдвоемъ, такъ что никто не помогаетъ ни одному изъ нихъ. И вотъ наноситъ одинъ другому сильные удары и много тяжелыхъ ранъ, и бьются они со всей отвагой и ожесточеніемъ. Тидрекъ Бернскій получилъ девять ранъ, а Тидрекъ, сынъ конунга Вальдемара, 5 ранъ и все тяжелыхъ. Вотъ Тидрекъ Бернскій наѣзжаетъ со всей смѣлостью и не остановился, пока не взялъ Тидрека, сына Вальдемара, и не связалъ его затѣмъ. Заслышали они сильный военный кличъ и узнаютъ, что то бѣжитъ конунгъ Аттила со всѣмъ войскомъ гунновъ. Тидрекъ Бернскій кличетъ громко и гнѣвно: «Вы всѣ, мои люди, вернитесь и бейтесь, я не хочу бѣжать такимъ образомъ, и вы еще одержите побѣду, если захотите постоять за себя». И онъ яростно выѣзжаетъ впередъ и рубить на обѣ стороны, и всѣ его люди смѣло слѣдуютъ за нимъ. Конунгъ Аттила потерялъ

---

1) Аттила посылалъ его къ Озантриксу свататься за Эрку, гл. 42.

изъ своихъ людей 500 человекъ и послѣ этого обратился въ бѣгство, пока не достигъ гуннской земли. А Тидрекъ Бернскій бился весь день, и потерялъ изъ своихъ людей 200 человекъ, а конунгъ Вальдемаръ потерялъ всего болѣе двадцати сотъ рыцарей.

Гл. 296. И вотъ ѣдетъ Тидрекъ со всѣми своими людьми туда, гдѣ былъ древній замокъ, и былъ онъ разоренъ. Въ этотъ замокъ вѣхалъ Тидрекъ со своими людьми, а (кругомъ) осѣлъ конунгъ Вальдемаръ, и было у него больше двадцати тысячъ рыцарей; и каждый день бьется Тидрекъ съ этимъ сильнымъ войскомъ и убиваетъ изъ нихъ множество народа и причиняетъ имъ много другого вреда. А когда у Тидрека и его дружины стало мало съѣстныхъ припасовъ, онъ устроилъ черезъ лазушниковъ такъ, чтобы ему знать, что конунгъ Вальдемаръ сидитъ за трапезой и все войско его. Велитъ онъ вооружиться 500 рыцарямъ и 250 рыцарямъ велитъ выйти съ его знаменами, а изъ другихъ воротъ велитъ выѣхать остальнымъ 250 рыцарямъ. Русскіе не замѣтили ихъ прежде, чѣмъ они подошли къ нимъ съ двухъ сторонъ. Тидрекъ и его дружина подняли громкій военный кличъ и затрубили во всѣ рога. Думаетъ конунгъ Вальдемаръ (и люди его), что сюда пришелъ конунгъ Аттила со своей ратью и обращается въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ, а конунгъ Тидрекъ и люди его убиваютъ изъ нихъ много народу. Конунгъ Тидрекъ захватилъ здѣсь достаточно пищи и вина. Когда они только что обратились въ бѣгство, конунгъ Вальдемаръ догадался, что то было не что иное, какъ издѣвка и насмѣшка его враговъ, а никакого войска отъ конунга Аттилы не приходило. И онъ снова возвращается къ замку и осаждаетъ его до тѣхъ поръ, пока у Тидрека и его людей не стало съѣстныхъ припасовъ, и дошло до того, что они подъ конецъ ѣли своихъ коней.

Гл. 297. Однажды сошлись Тидрекъ съ дядькой своимъ Гильдебрантомъ на бесѣду и разсуждали, какое рѣшеніе имъ принять. Тидрекъ сказалъ: «Кого найдемъ мы среди нашихъ людей настолько отважнаго рыцаря, чтобы у него хватило смѣлости поѣхать къ русскому войску, и такъ удачно, чтобы онъ добрался до маркграфа, моего лучшаго друга и сказалъ ему, въ какой крайности мы находимся». Отвѣчалъ Гильдебрантъ: «Здѣсь, думается мнѣ, нѣтъ нато столь подходящаго человекъ, какъ твой добрый другъ Вильдверъ; если у кого изъ нашихъ людей есть отвага, такъ это, по моему мнѣнію, у него». — Тогда Тидрекъ призвалъ его къ себѣ и говорить:

«Вильдиверъ! поѣзжай, если у тебя есть смѣлость пробраться къ дружинѣ (сквозь войско?) Вальдемара конунга, можетъ такъ случиться, что тебѣ удастся доѣхать до маркграфа Родингейра, и если ты найдешь его, онъ, думается мнѣ, подастъ намъ помощь, когда узнаетъ въ какой крайности мы обрѣтаемся». — Вильдиверъ отвѣчаетъ: «У меня столь тяжкія раны, что я не гожусь ѣхать въ такую трудную сѣчу, а другое то, что, пока я въ состояніи носить свой щитъ и мечъ, я не желаю разстаться съ тобою». Потому онъ сказалъ такъ, что не осмѣливался ѣхать. И еще сказалъ Вильдиверъ: «Позови своего родственника Ульфрада, попроси его поѣхать съ этимъ порученіемъ; здѣсь нѣтъ никого столь годнаго для такой поѣздки по мужеству и по силѣ». И вотъ пошли они туда, гдѣ былъ Ульфрадъ. Тутъ Тидрекъ сказалъ: «Ульфрадъ, родичъ мой, хочешь ты ѣхать съ моимъ порученіемъ въ станъ русскихъ и доставить вѣсть маркграфу Родингейру, до чего мы дошли? И скажи ему, въ какой крайности мы находимся». Отвѣчалъ Ульфрадъ: «Государь, Вильдиверъ поѣдетъ съ этимъ порученіемъ, онъ лучшій боецъ между нашими людьми, а я молодой человекъ и мало испытанъ въ храбрости, чтобы ѣхать на столь великую опасность». Тогда Тидрекъ отвѣчалъ: «У Вильдифера тяжкія и многія раны, и онъ не можетъ по этому ѣхать въ одиночку (einviḡi) противъ столь сильнаго войска». Отвѣчалъ Ульфрадъ: «Вильдиверъ, другъ нашъ, не отваживается ѣхать и указалъ на меня; и если ты дашь мнѣ своего быстрого коня Фалька и добрый шлемъ Гильдигримъ и твой острый мечъ Эккисаксъ, я поѣду въ этотъ путь, если вы желаете». Тогда Тидрекъ сказалъ: «Это я сдѣлаю для тебя, дабы ты поѣхалъ въ этотъ путь». Тогда помѣнялись они доспѣхами, конунгъ Тидрекъ и Ульфрадъ.

Гл. 298. У Ульфрада были теперь всѣ доспѣхи конунга Тидрека, а также и его добрый конь, и вотъ онъ ѣдетъ изъ замка, когда наступила ночная темь, туда, гдѣ людьми Вальдемара конунга былъ разведенъ огонь, схватываетъ себѣ горящую головню и ѣдетъ, пока не добрался до середины войска конунга Вальдемара. Всѣ думаютъ, что то должно быть кто нибудь изъ сторожевыхъ, что такъ безстрашно ѣдетъ среди (i gegnum) ихъ войска. Ульфрадъ прибылъ туда, гдѣ среди палатки стоялъ большой шатеръ; здѣсь спочивалъ самъ конунгъ Вальдемаръ и многіе именитые люди (hofþingjar). Онъ бросилъ въ этотъ шатеръ головню, которую держалъ,

чтобы освѣщать себѣ путь. Вотъ загорается тотъ шатеръ, ибо шелкъ легко воспламеняемъ, вскочили тѣ, что были въ шатрѣ, когда шатеръ загорѣлся надъ ними, и ищутъ спасенія. Тутъ Ульфрадъ обѣими руками убиваетъ 10 рыцарей. Но такъ какъ ночь была темна, то онъ и не узналъ, лишился-ли жизни конунгъ Вальдемаръ или нѣтъ. Вскочилъ онъ на своего коня и уѣхалъ. Конунгъ Тидрекъ и Гильдебрантъ и Вильдиверъ стояли на углахъ замка, видятъ, что шатеръ горитъ, и что то устроилъ Ульфрадъ, что поджегъ шатеръ, и учинилъ еще больше, и они сильно возрадовались. Вотъ ѣдетъ Ульфрадъ ночь и день до вечера, какъ только онъ могъ быстрѣе, пока не достигъ гуннской земли, и не нашелъ Аттилу съ его войскомъ и маркграфа Родингейра. А когда маркграфъ завидѣлъ его, онъ узнаетъ доспѣхи конунга Тидрека и думаетъ, что это должно быть самъ онъ, и выѣзжаетъ передъ войско на встрѣчу ему. А когда они встрѣтились, Ульфрадъ сказалъ: «Здравствуй, маркграфъ, конунгъ Тидрекъ шлетъ вамъ свой привѣтъ». Тутъ маркграфъ узналъ, что это не Тидрекъ, а мужъ конунга Тидрека. Тогда онъ сказалъ: «Слава Богу, что я знаю, что конунгъ Тидрекъ здоровъ, и мы скоро пойдемъ подать ему помощь». Тутъ отвѣчалъ Ульфрадъ и рассказываетъ все о своей побѣдѣ, и какое порученіе далъ ему конунгъ Тидрекъ. Маркграфъ отправился тогда къ конунгу Аттилѣ и передалъ эти вѣсти. Когда Аттила услышалъ это, всталъ, велитъ трубить во всѣ свои рога, и всѣ они берутъ свои доспѣхи и шатры и возвращаются подать помощь конунгу Тидреку. Они ѣдутъ со своимъ войскомъ, пока не подѣхали близко къ замку, гдѣ былъ конунгъ Тидрекъ. Когда сторожевые Вальдемара конунга Гольмгардскаго узнали, что непобѣдимое войско пришло въ Русскую землю, они поспѣшно пошли и говорятъ конунгу. Тогда конунгъ Вальдемаръ велитъ трубить въ свои рога и приказываетъ всѣмъ своимъ людямъ вооружиться, сѣсть на коней и отступать.

Гл. 299. Когда конунгъ Тидрекъ узналъ, что конунгъ Вальдемаръ отступаетъ, они выступили изъ замка и пошли на нихъ и убили изъ нихъ 200 человекъ. Когда конунгъ Тидрекъ возвращался въ замокъ, встрѣтилъ конунга Аттилу съ великимъ войскомъ. Когда они встрѣтились, каждый изъ нихъ очень радостно привѣтствовалъ другого, и конунгъ Аттила былъ радъ, что конунгъ Тидрекъ живъ и здоровъ. Затѣмъ они вошли въ замокъ. Тогда сказалъ маркграфъ Родингейръ: «Очень было прискорбно, что мы не могли придти

раньше и подать вамъ помощь въ такой крайности, въ какой вы находились». Тутъ возговорилъ Гильдебрантъ: «Мнѣ уже сто зимъ отъ роду, а не бывалъ я прежде въ такой нуждѣ, какую мы 500 человѣкъ испытали здѣсь, и такой насталъ у насъ голодъ, что мы съѣли 500 коней, и только семь осталось изъ тѣхъ, которыхъ мы привели сюда». Затѣмъ Тидрекъ пошелъ туда, гдѣ былъ Тидрекъ, сынъ конунга Вальдемара, указываетъ на него Аттилѣ и говоритъ: «Вотъ сынъ конунга Вальдемара, Тидрекъ, котораго я взялъ въ битвѣ, но по дружбѣ (нашей) я хочу отдать его тебѣ, и ты можешь дѣлать, что хочешь: убить его, или позволить его отцу выкупить его за золото, серебро и крѣпкіе города и большую волость (miklu riki)». — Тогда конунгъ Аттила сказалъ: «Вотъ дашь ты мнѣ даръ, который я считаю дороже груды (skirpund—a wemight) краснаго золота, прими за это великую благодарность и нашу дружбу». Тогда поѣхали они, конунгъ Тидрекъ и конунгъ Аттила, обратно въ гунскую землю, и нечего рассказать объ этой поѣздкѣ, пока они не прибыли домой. У Тидрека было много тяжелыхъ ранъ, и лежалъ онъ въ ранахъ, а Тидрека, сына конунга Вальдемара, бросили въ темницу, и онъ также былъ очень израненъ.

Гл. 300. Послѣ того какъ конунгъ Аттила пробылъ дома полгода, случилось однажды, что ему пожелалось поѣхать на войну; и вотъ велитъ онъ трубить во свои рога и шлетъ приказъ повсюду, куда только простиралась его держава, чтобы пошли къ нему всѣ, кто хочетъ оказать ему помощь и отваживается на битву. Аттила снаряжился со всѣмъ своимъ войскомъ, и было у него войска не меньше восьмисотъ рыцарей и несмѣтная сила другихъ людей. А Тидрекъ такъ израненъ, что не можетъ ѣхать съ Аттилой и оказать ему помощи. Тутъ выходитъ къ Аттилѣ королева Эрка и говоритъ: «У меня есть до васъ одна просьба, государь, чтобы вы выпустили изъ темницы Тидрека, сына Вальдемара, моего родича, и дозволили ему, чтобы я его лѣчила и сдѣлала здоровымъ; и если бы такъ хорошо вышло, чтобы вы оба, конунгъ Вальдемаръ и ты, замирились, будетъ лучше, чтобы Тидрека, сына Вальдемара, не убивали». Отвѣчая тутъ конунгъ Аттила: «Не могу я для васъ сдѣлать того, о чемъ вы просите, потому что если онъ выздоровѣетъ, пока меня не будетъ здѣсь, никогда потомъ не заполучу я его въ свою власть». Тогда Эрка королева сказала: «Коли онъ выздоровѣетъ, я прозакладываю голову свою на томъ, что если онъ уѣдетъ, то, когда вы вернетесь назадъ, я позволю вамъ отрубить мнѣ голову». Тутъ

Аттила конунгъ очень разгнѣвался и говорить: «Хочешь ли ты освободить изъ темницы наибольшаго врага моего, Тидрека, сына Вальдемара? Хочешь ли сдѣлать его здоровымъ? А если я упушу его, и онъ отъ тебя уйдетъ въ Русскую землю, эта потеря будетъ для меня важнѣе, чѣмъ лишиться Сузы, города моего, ибо родичи его предпочтутъ скорѣе выкупить его за много крѣпкихъ городовъ и большую волость (giki), чѣмъ его лишиться. И вотъ ты, жена, предлагаешь въ залогъ свою голову; не отпирайся тогда; коли ты упустишь Тидрека, сына Вальдемара, я отрублю тебѣ голову, а когда онъ вылѣчится, ты не помѣшаешь ему ѣхать домой». Сдѣлаюсь такъ, какъ того желала королева. Вотъ велить Эрка королева освободить своего родича Тидрека изъ темницы и перевести въ одну башню, велить устроить его роскошно, и сама сидитъ надъ нимъ и лѣчитъ его. А конунгъ Аттила идетъ со своимъ войскомъ дальними путями по населеннымъ и пустыннымъ мѣстамъ, пока не достигъ Польши и Руси (Pulinaland, Ruziland); здѣсь онъ воюетъ и пожигаетъ и опустошаетъ землю конунга Вальдемара.

Гл. 301. Теперь нужно обратиться къ королевѣ Эркѣ, какъ она лѣчитъ Тидрека, сына Вальдемара, родича своего. Она приказываетъ перенести его въ одну изъ самыхъ лучшихъ своихъ постелей, и каждый день приносила ему много лакомыхъ, яствъ и дѣлала ему постоянно ванны и дарила много драгоценностей. А къ Тидреку, конунгу Бернскому она послала свою служанку лѣчить его, и та не ужѣла такъ хорошо лѣчить его, какъ королева; съ его ранами было плохо, и затягивались онѣ медленно, и выходилъ отъ нихъ тяжелый духъ. А когда Тидрекъ, сынъ Вальдемара, выздоровѣлъ, онъ беретъ свои доспѣхи, надѣлъ поножи (brunphosom) добрые, облекся въ броню, надѣлъ себѣ на голову шлемъ гладкій, какъ стекло, бѣлый, какъ серебро, и (твердый) какъ сталь. Тутъ заговорилъ онъ со своимъ шлемомъ. «Ты, крѣпкій шлемъ мой, сказалъ, онъ, много сильныхъ ударовъ вынесъ ты отъ Тидрека, конунга Бернскаго, и за всѣ эти удары, которые я получилъ отъ него, я отплатилъ ему, не легче и не меньше, и онъ лежитъ еще въ ранахъ, а я здоровъ. Если бы то сдѣлалъ другой мужъ, я убилъ бы его, но это такой славный боецъ, что я не могу убить его, ибо теперь онъ не способенъ къ бою. Теперь я поѣду изъ Сузы и по всему моему пути, пока не прибуду домой въ Русь, не помѣшаетъ мнѣ въ этомъ ни конунгъ Аттила, ни Тидрекъ Бернскій, ни изъ другихъ кто» И вотъ когда замѣтила королева Эрка, что онъ задумываетъ.

уѣхать, спрашиваетъ Тидрека, родича своего: «Что ты такое за-тѣваешь про себя», сказала она. Говорить тогда Тидрекъ, сынъ Вальдемара: «Слишкомъ долго пробылъ я здѣсь въ гуннской землѣ, а теперь хочу ѣхать обратно въ свое царство». Тогда сказала королева Эрка: «Ты уѣзжаешь отсюда съ невеликой честью и такъ-то платишь мнѣ за то благодареніе, которое я оказала тебѣ; я поручилась за тебя своей головой, а ты на то не обращаешь вниманія, что меня убьютъ, если ты уѣдешь». Тутъ Тидрекъ сказалъ: «Ты могущественная королева, и Аттила конунгъ не убьетъ тебя, а если я дождусь его, то онъ навѣрное убьетъ меня». Онъ идетъ туда, гдѣ поконился Тидрекъ, конунгъ Бернскій, и спрашиваетъ заросли-ли его раны, здоровъ-ли онъ и силенъ? Тидрекъ отвѣчалъ: «Ранъ у меня много и тяжелыхъ, такъ что духъ идетъ отъ нихъ, и я не могу ни ѣхать, ни идти, пока я въ такомъ состояніи». Тогда Тидрекъ, сынъ Вальдемара, пошелъ, гдѣ былъ его конь, накинулъ на него сѣдло и затѣмъ вскочилъ ему на спину. А конь тотъ былъ конунга Аттилы. Сказала тогда королева Эрка своему родичу Тидреку: «Останься здѣсь со мной, и я помогу тебѣ такъ, чтобы вы, конунгъ Аттила и ты, помиритесь. А если ты не хочешь этого, то конунгъ Аттила такъ свирѣпъ, что, когда вернется домой, отрубить мнѣ голову». Тидрекъ уѣхалъ, какъ будто она ничего не говорила.

 Главы 302—315.
(по М²).

Гл. 302. Горько сѣтуетъ королева Эрка, плачетъ и рветъ на себѣ одежду и идетъ туда, гдѣ лежалъ въ ранахъ Тидрекъ Бернскій. И говорила Эрка: «Тидрекъ, добрый молодецъ, пришла я сюда поискать у тебя благого совѣта. Вылѣчила я Тидрека, сына Вальдемара, а онъ отплатилъ мнѣ тѣмъ, что уѣхалъ. А какъ возвратится домой конунгъ Аттила, знаю я, что мнѣ вѣрная смерть, если не получу твоей помощи». Сказалъ тогда конунгъ Тидрекъ: «Хорошо, что онъ отплатилъ тебѣ такъ за то, что ты лѣчила его и дѣлала ему добро, приносила ему всякаго рода лакомства, дѣлала ему ванны и одаривала его драгоценностями. А сюда ко мнѣ такъ прислала самую негодную служанку, которая не умѣла, да и не хотѣла лѣчить мои раны, а лежала съ мужемъ каждую ночь: это не въ обычай врачей. Теперь мои раны наполовину хуже, чѣмъ когда я получилъ ихъ впервые, ибо на нихъ омертвѣлое мясо. Вотъ я раненъ и боленъ, такъ что

не могу ни ходить, ни сидѣть и ни съ кѣмъ сражаться. И не приходила ты ко мнѣ, госпожа, донинѣ, съ тѣхъ поръ какъ я въ этой постели». Тогда засѣтовала королева Эрка, плакала и жаловалась, зная, что такъ (именно) было, какъ онъ говорилъ о своихъ ранахъ. И снова она молвила: «Добрый господинъ, конунгъ Тидрекъ, ты первый изъ всѣхъ въ мірѣ мужей по храбрости и по мужеству. Горе мнѣ, сказала она, что не лѣчила тебя такъ, чтобъ ты могъ помочь мнѣ. Если бы я сдѣлала такъ, не уѣхалъ бы Тидрекъ, сынъ Вальдемара. Нѣтъ теперь у меня ни единого мужа въ моемъ царствѣ, который бы мнѣ помогъ; отрубить конунгъ Аттила мою голову, и разгласится это по всей землѣ. О, господинъ, конунгъ Тидрекъ, коли бы ты былъ теперь здоровъ, тогда бы я осталась въ живыхъ и правила мнѣ царствомъ». И много разъ повторяла она то же самое, и плакала, и рвала на себѣ одежду и волосы, и била себя въ грудь.

Гл. 303. Тутъ молвилъ конунгъ Тидрекъ: «Принеси мнѣ сюда мой панцырь и оружіе». И еще молвилъ онъ: «Принеси мнѣ мой щитъ, и мы съѣдемся съ Тидрекомъ. Когда конунгъ Тидрекъ вооружился, велѣлъ привести своего коня и возложить на него сѣдло; затѣмъ вскочилъ ему на спину и поѣхалъ какъ скорѣе могъ. И когда ѣдетъ, его раны точатъ кровь, такъ что и панцырь его и конь — всѣ въ крови. Ѣдетъ онъ, пока не пріѣхалъ къ замку вилькиновъ. Въ этомъ замкѣ убитъ былъ Фридрекъ, сынъ конунга Эрминрика, что устроилъ Снѣка. Въ этомъ замкѣ на одной башнѣ стояла дѣвушка, дочь ярла, владѣвшаго замкомъ; видѣла она поѣздку Тидрека, сына Вальдемара, а теперь видитъ, ѣдетъ за нимъ поспѣшно какой-то мужъ. И она пошла къ воротамъ замка, какъ только могла скрытнѣе и скорѣе. Конунгъ Тидрекъ подѣхалъ такъ близко, что она могла разговаривать съ нимъ; онъ сказалъ: «Не видала ли ты, госпожа, проѣзжалъ здѣсь одинъ мужъ, на немъ бѣлый панцырь, у него бѣлый щитъ и конь сѣрой масти; это былъ мой товарищъ, и я хочу слѣдовать за нимъ въ его царство». Она сказала: «Видѣла я того мужа, о которомъ ты говоришь, недалеко онъ проѣхалъ въ лѣсъ». Повудилъ онъ шпорами коня своего Falk'a и ѣдетъ вдвое быстрѣе, чѣмъ раньше. Догадалась тутъ дочь ярла, что не другъ онъ тому, что впередъ проѣхалъ, а вѣрнѣе хочетъ убить его, и показалось ей, что она слишкомъ поспѣшила сказать, что между ними короткое разстояніе, и она обратилась къ нему еще разъ: «Добрый господинъ, заѣжай сюда, я вижу, ты сильно раненъ, кровь течетъ по твоей бронѣ. Добрый господинъ, подѣзжай сюда, я перевяжу твои раны, тогда

ты можешь скоро поѣхать за тѣмъ человѣкомъ, котораго ты хочешь догнать. Да и не можешь ты ѣхать такъ скоро, чтобы догнать его, вслѣдствіе твоихъ ранъ, ибо изъ всѣхъ нихъ сочтется кровь. А если угодно будетъ тебѣ погодить, я перевяжу твои раны и будетъ тебѣ лучше ѣхать». А конунгъ Тидрекъ не хочетъ того вовсе и поѣхалъ затѣмъ какъ можно быстрѣе. А ей показалось яснымъ, что они настоящіе враги, и одинъ получилъ раны отъ другого, и не хочетъ она уйти прежде, чѣмъ не узнаетъ, какъ окончится ихъ передѣлка.

Гл. 304. Ѣдетъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій, пока не пріѣхалъ къ лѣсу, что зовется Borgarskogr; лежитъ этотъ лѣсъ между Польшей (Pulinaland) и гуннской страной. Видитъ Тидрекъ Бернскій поѣздку Тидрека, сына Вальдемара, когда ѣхалъ къ лѣсу и зоветъ его: «Воротись! Я хочу дать тебѣ столько золота и серебра, сколько есть у меня въ гуннской странѣ, и ввести тебя въ дружбу съ конунгомъ Аттилой». Говорилъ Тидрекъ, сынъ Вальдемара: «Почему твой (ripp) врагъ предлагаетъ мнѣ золота и серебра; тогда какъ я никогда не сдѣлаюсъ твоимъ другомъ? И не будь мнѣ въ томъ безчестья, никогда бы впредь не видать тебѣ царицы Эрки. Уважай отъ меня, такъ какъ дурной духъ идетъ изъ твоихъ ранъ!» Молвилъ тутъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій: «Воротись, добрый товарищъ (felagi). Не честь тебѣ уѣхать такъ изъ земли гунновъ, что голова твоя родственницы, царицы Эрки, за тебя прозаложена, ибо мы оба поддержимъ тебя, дабы ты примирился съ конунгомъ Аттилой». Говорилъ Тидрекъ, сынъ Вальдемара, тѣ же самыя рѣчи, что и прежде. Тогда разгнѣвался Тидрекъ Бернскій и говоритъ: «Если ты не хочешь вернуться со мной въ гуннскую землю для ради золота и серебра и дружбы моей, ни ради жизни родственницы твоей, царицы Эрки, ни ради доблести вашей и вашихъ родичей, такъ слѣзай съ коня твоего, если отважишься сразиться. А если ты этого не захочешь, будешь ты позоромъ для всякаго, и никогда съ этихъ поръ не зваться тебѣ порядочнымъ (dugandi) человѣкомъ, если побѣдишь передъ однимъ мужемъ; а конь мой настолько хорошъ, что не удастся тебѣ уѣхать, и ты будешь тогда убитъ въ битвѣ, и никогда потомъ твое имя не будетъ ходить среди храбрыхъ мужей». Когда услышалъ эти слова Тидрекъ, сынъ Вальдемара, поверотилъ своего коня, хочетъ навѣрно биться, а не бѣжать, хотя знаетъ, что ему вѣрная смерть. Спрыгнулъ каждый съ своего коня, сходятся и долго бьются чрезвычайно храбро и отважно; разбиваютъ они другъ

у друга и панцырь и щиты, и были оба ранены. Когда уже долго пробились они, утомился Тидрекъ Бернскій отъ ранъ, которыя передъ тѣмъ получилъ, и тѣхъ, что получилъ теперь. И истомился и Тидрекъ, сынъ Вальдемара, и каждый поставилъ на землю свой щитъ, чтобы опереться на него и отдохнуть. Молвилъ тутъ Тидрекъ Бернскій: «Добрый другъ мой и тѣзка, воротись, поѣдемъ назадъ оба вмѣстѣ и окажу я тебѣ такую помощь, что ты войдешь въ миръ съ конунгомъ Аттилой. А если выйдетъ такъ худо, что ты не войдешь съ нимъ въ мировую, тогда я возьму свое оружіе и своихъ людей и послѣдую за тобой домой въ твое царство». Но Тидрекъ, сынъ Вальдемара, вовсе того не хочетъ. И сходятся они во второй разъ, и бьются съ великою яростью; и вотъ однимъ сильнымъ ударомъ, который нанесъ Тидрекъ, конунгъ Бернскій, онъ угодилъ справа въ шею Тидреку, сыну Вальдемара, такъ что голова его отскочила налѣво.

Гл. 305. Идетъ конунгъ Тидрекъ къ своему коню и держитъ въ рукѣ голову Тидрека, сына Вальдемара и привязываетъ ее (къ сѣдлу) пахвами (подхвостниками), и ѣдетъ тою же дорогою, пока не пріѣхалъ къ берегу вилькиновъ. Находить тамъ ту же самую дѣвушку, которая раньше предлагала перевязать его раны; теперь онъ принимаетъ это (предложеніе) и даетъ ей перевязать свои раны. Пока перевязывала она его раны, онъ набросилъ одежду на голову Тидрека, сына Вальдемара, чтобы не могла она ея видѣть. Пришелъ туда отецъ ея, ярлъ, и спросилъ, что то за мужъ, что тамъ съ его дочерью. Тутъ молвилъ Тидрекъ: «Не знаю, долженъ ли я по правдѣ назвать вамъ свое имя, потому что, если вѣрно то, что мнѣ сдается, я потерялъ здѣсь моего близкаго родича; а все-таки я скажу вамъ по правдѣ. Зовутъ меня Тидрекомъ, я сынъ Тетмара, конунга Бернскаго». Какъ услышалъ это ярлъ, почтительно проситъ Тидрека переночевать у него, а тотъ принимаетъ это (приглашеніе), такъ какъ былъ и очень раненъ и утомленъ. И эту ночь онъ былъ тамъ въ добромъ веселіи, и случилось такъ, что Тидрекъ и дочь ярла лежали ночью оба въ одной кровати.

Гл. 306. Когда наступилъ день, пришелъ ярлъ къ своимъ мужамъ и ищетъ у нихъ совѣта, что ему слѣдуетъ предложить конунгу Тидреку за его родича, такое, что было бы ему въ почетъ, а также имъ обоимъ. Отвѣчаетъ ему одинъ рыцарь; онъ былъ родичъ Сибеки: «Такъ какъ Тидрекъ пришелъ сюда одинъ и такъ раненый, возьмемъ наше оружіе и убьемъ его, и нечего вамъ будетъ впредь бояться его. А

если мы дадимъ ему уѣхать, то можетъ случиться, что онъ возьметъ весь нашъ замокъ и убьетъ всѣхъ своихъ недруговъ; онъ такъ свирѣпъ, что не падить никого, хотя бы мы и меньше учинили, чѣмъ теперь». Отвѣчалъ ярль: «Если мы только убьемъ здѣсь конунга Тидрека, будетъ намъ вѣрная вражда отъ конунга Аттилы, какъ только онъ узнаетъ, что конунгъ Тидрекъ убитъ; а противъ него мы не въ состояніи удержать нашего города; онъ болѣе могущественный мужъ». Отвѣчалъ тогда другой витязь (*hofþingi*): «Лучше послѣдуемъ другому совѣту; зададимъ конунгу Тидреку пиръ и дадимъ ему добрые дары золотомъ и серебромъ и дадимъ ему много рыцарей, чтобы сопровождали его въ Сузу. Онъ хорошо это приметъ, какъ добрый витязь». Этому совѣта послушался ярль.

Гл. 307. Приказалъ ярль готовить большой пиръ, чтобъ угостить конунга Тидрека. И Тидрекъ остался тамъ нѣсколько дней. Потомъ ярль приказалъ сварядить шесть своихъ лучшихъ рыцарей въ пурпуръ и всяческія другія драгоцѣнности; идетъ къ Тидреку и говоритъ: «Конунгъ Тидрекъ, этихъ шесть рыцарей мы хотимъ дать вамъ ради вашего благоволенія къ намъ». Отвѣчаетъ Тидрекъ, просить принять за это большую его благодарности; и принимаетъ Тидрекъ всѣ эти (знаки) почета, которые оказалъ ему ярль. Сказалъ тогда ярль: «Съ одной просьбой хочу я къ вамъ обратиться и охотно бы желалъ, чтобъ она была исполнена». Отвѣчаетъ конунгъ: «Я не могу обѣщать тебѣ, пока не узнаю, чего ты просишь, но ради вашего благоволенія, я сдѣлаю для васъ то, что вы просите». Говоритъ ярль: «Я очень бы желалъ, чтобъ ты не гнѣвался на меня за то, что я убилъ твоего родича Фридрека, по наущенію Сифки, и разумѣется, я не сдѣлалъ бы этого, еслибы зналъ это дѣло по истинѣ». Говорилъ ярлю конунгъ Тидрекъ: «Разумѣется, не вмѣняю я этого вамъ въ вину, такъ какъ вы приняли меня съ почетомъ и дали мнѣ добрые дары. Но если бы ты не сдѣлалъ этого, то навѣрно я оти-стигъ бы за своего родича». Тидрекъ снарядился къ отъѣзду, съ нимъ тѣ шесть пригожихъ (*kurteisi*) рыцарей; тутъ ярль подошелъ къ коню Тидрека и снялъ съ него одежду, которою накрыто было сѣдло, и ему удалось увидѣть голову, и стало такимъ образомъ извѣстнымъ, какъ окончилась схватка съ Тидрекомъ сыномъ Вальдемара. Послѣ этого вскочилъ конунгъ Тидрекъ на спину своего коня, а за нимъ и шесть его рыцарей, и ѣдетъ онъ, пока не пріѣхалъ домой въ гуннскую землю. И когда онъ прибылъ домой въ Сузу, вышла ему на встрѣчу царица Эрка, и подумала, когда увидѣла

поѣздку Тидрека и его рыцарей, что въ поѣздкѣ будетъ и Тидрекъ, сынъ Вальдемара, и очень она обрадовалась. Тогда конунгъ Тидрекъ взялъ голову своего тѣзки и бросилъ ее къ ногамъ царицы. Расплакалась тутъ царица Эрка, и сильно печалилась, что такъ много ея родичей изъ за нея лишились жизни. А Тидрекъ прошелъ къ своему ложу и лежитъ тамъ въ ранахъ, какъ прежде, а тѣ шесть рыцарей были тамъ въ добромъ веселіи и служили ему съ большимъ почетомъ и вѣрностью.

Гл 308. Теперь надо рассказать о походѣ конунга Аттилы, какъ онъ смегъ большіе бурги и замки въ царствѣ конунга Вальдемара. Когда конунгъ Вальдемаръ узналъ, что въ его царствѣ не мирно, посылаетъ приказъ по всей своей землѣ, чтобы всѣ сошлись къ нему, кто можетъ владѣть щитомъ и дерзаетъ биться. А когда конунгъ Вальдемаръ снарядился, чтобы идти противъ конунга Аттилы, было у него не меньше народу, какъ десять тысячъ рыцарей и много другого войска. Пошелъ онъ, пока не встрѣтилъ конунга Аттилы, и была тамъ великая битва, когда оба эти конунга сошлись. Бились они долгое время съ огромною храбростью и мужествомъ. Конунгъ Аттила ѣдетъ первымъ въ своемъ отрядѣ, и самъ держитъ знамя свое въ рукѣ, а въ другомъ отрядѣ ѣдетъ Гильдбрандъ съ людьми Тидрека, конунга Аумлунговъ, и держитъ въ рукѣ своей знамя Тидрека. И дерется онъ очень храбро, и пали передъ нимъ многіе изъ войска конунга Вальдемара. То же самое дѣлаетъ и маркграфъ Родингейръ. Конунгъ Вальдемаръ ѣдетъ впередъ очень сѣло и возбуждаетъ русскихъ (Ruzimenn) и велитъ трубить въ рога (þórgum). Поднимается тогда великая сѣча и шумъ отъ возбужденія и натиска русскихъ, и пало много изъ войска гунновъ. До того дошла ихъ передѣлка, что конунгъ Аттила бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а до того онъ потерялъ изъ людей своихъ не меньше десяти сотъ. Видятъ маркграфъ и Гильдбрандъ, что бѣжитъ конунгъ Аттила. Вспомнилъ тогда Гильдбрандъ, какъ храбры въ битвѣ Аумлунги, и снова побуждаетъ ихъ биться, а маркграфъ дѣлаетъ то же самое съ своимъ войскомъ; одни возбуждаютъ другихъ и поддерживали битву со всею возможною храбростью и въ короткое время убили десять сотъ человекъ. Случилось такъ, что противъ нихъ вышелъ одинъ греческій ярлъ (jarl einn af Greka; V, Gerseka borg) конунга Вальдемара и такъ сильно ударилъ Гильдбранда своимъ копьемъ, что Гильдбрандъ упалъ съ коня на землю. Какъ увидѣлъ маркграфъ, что Гильдбрандъ упалъ, побу-

ждаетъ своихъ людей, а также и Аумлунговъ, чтобы они быстро пошли впередъ на помощь Гильдибранду, дабы онъ могъ бѣжать. И ѣдетъ маркграфъ туда, гдѣ былъ Гильдибрандъ, и ему удалось поймать его коня и привести его ему. Какъ только тотъ взобрался на своего коня, сталъ драться со страшною яростью, быстро ѣдетъ впередъ и бьется нѣкоторое время съ великою доблестью (hoeversku). Такъ конялась битва, что Гильдибрандъ обратился въ бѣгство, ибо онъ имѣлъ дѣло съ столь превосходной силой, что нельзя было подступиться (lenda), а онъ потерялъ 100 человекъ изъ Аумлунговъ. И маркграфъ также потерялъ не меньше людей, и побѣжалъ на этотъ разъ. И ѣдутъ, пока не прибыли въ гуннскую землю, и нашли тамъ конунга Аттилу. Понесли они поражение съ безчестіемъ и поѣхали домой въ Сузу.

Гл. 309. Когда прибыли они домой, пришелъ Гильдибрандъ туда, гдѣ покрытый ранами лежалъ конунгъ Тидрекъ и говоритъ: «Я радъ, что вижу тебя въ живыхъ, но былъ бы еще болѣе радъ, если бы ты сталъ здоровымъ и способнымъ къ ратной службѣ (herfoegt)». Спросилъ конунгъ Тидрекъ Гильдибранда, что новаго совершилось въ ихъ походѣ на Русь. Отвѣчалъ Гильдибрандъ: «Есть о чемъ поразсказать. Часто ты говорилъ, что конунгъ Аттила очень храбръ, добрый витязь и отваженъ въ сраженіи, но мнѣ кажется, будто не долженъ онъ быть ни бойцемъ, ни храбрецомъ, скорѣй, сдается, мнѣ, величайшимъ псомъ, ибо, когда пришли мы на Русь, выступилъ противъ насъ конунгъ Вальдемаръ, и когда мы приготовились къ битвѣ, вышли противъ насъ русскіе и дрались очень храбро, и когда битва была упорнѣйшая, и мы должны бы были дружно (bezt) идти впередъ — тогда обратился въ бѣгство этотъ скверный пестъ Аттила конунгъ со всѣмъ войскомъ гунновъ и далъ пастъ стягу (древку?) своего знамени. Тогда вспомнилъ я, какую большую довѣренность (traust) имѣлъ я, тамъ гдѣ были Омлунги и со мной маркграфъ Родингейръ. Выѣхалъ я три раза противъ войска русскихъ, и въ это время пало не менѣе тысячи мужей. Тогда выступилъ противъ меня одинъ ярлъ конунга Вальдемара, храбро наѣхалъ на меня и изо всей силы ударилъ въ меня, такъ что я свалился съ коня на землю. И мы обязаны маркграфу, что онъ привелъ мнѣ моего коня и помогъ бѣжать. Такъ понесли мы поражение и позоръ на Руси». Отвѣчалъ конунгъ Тидрекъ: «Дядя (meistari) Гильдибрандъ, оставь это и не разсказывай мнѣ больше о вашемъ походѣ, ибо онъ крайне дурно удался. Надѣюсь, что мнѣ будетъ лучше и

я выгѣчусь отъ своихъ ранъ; и коли такъ будетъ, мы еще поидемъ на Русь и прежде, чѣмъ уѣдемъ отсюда, попытаемъ, кто изъ насъ раньше побѣжитъ, конунгъ Вальдемаръ или мы. И не долго будутъ хвалиться русскіе, что у нихъ больше доли, чѣмъ у гунновъ или Ослунговъ». И прежде чѣмъ прошло полгода, выздоровѣлъ конунгъ Тидрекъ.

Гл. 310. Однажды призвалъ Тидрекъ конунга Аттилу къ себѣ на бесѣду и сказалъ: «Помнишь-ли ты, господинъ, сколь большое безчестіе получилъ ты въ послѣдній разъ на Руси отъ конунга Вальдемара; такъ хочешь-ли ты отмстить за себя или оставить это такъ»? Отвѣчалъ конунгъ Аттила: «Разумѣется, я не хочу оставлять этого такъ, если получу отъ тебя помощь, и я надѣюсь, что ты окажешь мнѣ ее, какъ и раньше, твоимъ мужествомъ и храбростью». Отвѣчалъ тогда конунгъ Тидрекъ: «Вѣстимо, я окажу тебѣ помощь; если хочешь принять мой совѣтъ, надо собрать войско по всему твоему царству, и не должны мы медлить, потому что либо конунгъ Вальдемаръ убѣжитъ передъ нами изъ своего царства, либо потеряетъ свою жизнь, или же въ третьемъ случаѣ мы не вернемся домой живыми. Тогда конунгъ Аттила приказалъ послать приказъ по всему своему царству, чтобы всякій мужъ пришелъ къ нему, кто хочетъ помочь конунгу и имѣетъ настолько мужества, чтобы сражаться. И собралъ конунгъ Аттила въ короткое время большое войско, не меньше какъ десять тысячъ рыцарей. И еще приказываетъ онъ снова послать приказъ, чтобъ пришли къ нему всѣ, которымъ отъ роду 20 лѣтъ и болѣе; и прежде чѣмъ онъ выѣхалъ изъ гуннской земли, у него было 20000 рыцарей и много другого войска. Идетъ онъ съ этимъ войскомъ на Русь и на Польшу и сжигаетъ бурги и замки всюду, гдѣ проходить. И пришелъ конунгъ Аттила со всѣмъ своимъ войскомъ къ городу, который зовется Полотскомъ (Palteskia; A Palltica; B Faltica). Городъ этотъ такъ укрѣпленъ, что они едва-ли знаютъ, какъ имъ удастся взять его; была тамъ крѣпкая каменная стѣна, большія башни и широкіе и глубокіе рвы, а въ городѣ было великое войско для его защиты, да и тѣ, которые охраняли этотъ городъ, весьма мало боялись войска конунга Аттилы. Когда конунгъ Аттила увидѣлъ, какъ трудно будетъ взять городъ, велитъ разбить палатки и на три стана раздѣляетъ войско: подъ своимъ знаменемъ ставитъ онъ 10000, а другихъ 10000 рыцарей располагаетъ другимъ ставомъ, а надъ нимъ начальникомъ (hofðingia) Тидрека Бернсаго, и за этимъ отрядомъ слѣдовало большое множество бродягъ

(ribballda), а въ третьемъ станѣ ставитъ онъ 10000 рыцарей подъ начальствомъ маркграфа Родингейра, и была у него большая толпа скомороховъ. И вотъ каждый изъ этихъ начальниковъ ставитъ въ своемъ станѣ свои шатры (herbudiir) противъ города, и много дней бьются они съ горожанами, совершаютъ много великихъ дѣлъ и каждая сторона теряетъ отъ другой много людей.

Гл. 311. Когда лежали они вокругъ города три мѣсяца, говоритъ конунгъ Тидрекъ конунгу Аттилѣ, что не хочетъ онъ дольше оставаться со всѣмъ войскомъ въ этомъ мѣстѣ, и говоритъ такимъ образомъ: «Господинъ, конунгъ Аттила, теперь хотимъ мы одно изъ двухъ: или побѣждайте со своимъ отрядомъ дальше на Русь, а также и маркграфъ въ другое мѣсто, а мы будемъ сидѣть съ нашимъ отрядомъ у этого города, и не прежде уйдемъ отсюда, какъ когда городъ будетъ взятъ; но такъ, что если тебѣ лучше захочется сидѣть здѣсь, мы побѣдемъ на другое мѣсто». Конунгъ Аттила отвѣтилъ умѣренно, и ему пришло на мысль, что конунгъ Тидрекъ хочетъ получить позволеніе взять этотъ городъ; а ему сдается, что много разрушено въ городской стѣнѣ, ибо день и ночь дѣйствовали стѣнобитныя машины, которыми двигали не меньше 300 человекъ, и было ихъ много въ каждомъ отрядѣ. И то еще пришло ему на умъ, что если конунгъ Аттила захочетъ остаться одинъ съ своимъ отрядомъ, можетъ случиться, что явится конунгъ Вальдемаръ и будетъ съ нимъ сражаться съ непобѣдимымъ войскомъ, которое, какъ онъ слышалъ, онъ собралъ — и что тогда ему будетъ недоставать помощи конунга Тидрека и маркграфа. Конунгъ Аттила такимъ образомъ отвѣчалъ конунгу Тидреку: «Добрый другъ, такъ много усердія я положилъ на то, чтобъ взять этотъ городъ, что не желалъ бы уѣхать отсюда прежде, чѣмъ мое знамя будетъ поставлено на бастионахъ города. Скорѣе я попрошу тебя, чтобы ты, а также и маркграфъ Родингейръ не уѣзжали, ибо мы часто бились съ Русскими такъ, что были въ меньшинствѣ передъ превосходной силой ихъ. У насъ большое войско, такъ что намъ ничто не можетъ повредить, если мы не раздѣлимъ нашего войска». Отвѣчалъ конунгъ Тидрекъ: «Долго будемъ мы покорять Русь, если втроемъ будемъ сидѣть подъ однимъ городомъ. Мы пришли противъ всей русской рати съ войскомъ не болѣе 10 сотъ человекъ, а теперь у насъ 10000 рыцарей и много другого войска, а мы такъ отдѣлились отъ войска, что русскіе поставили противъ насъ болѣе чѣмъ 20 сотъ человекъ. Теперь ты, господинъ, оставайся здѣсь съ твоимъ

войскомъ и маркграфъ со своимъ, а я выѣду съ моимъ отрядомъ и поищу себѣ многихъ городовъ, ибо гунны теперь одержать побѣду». И на этомъ они согласились.

Гл. 312. И вотъ снимаетъ конунгъ Тидрекъ всѣ свои шатры и ведетъ все свое войско въ Русь. Онъ идетъ по ней съ опустошеніемъ и куда не придетъ убиваетъ много людей, разрушаетъ много замковъ и бурговъ и причиняетъ великое зло. Вотъ пришелъ онъ къ городу, который зовется Смоленскомъ (Smaland, Sirlaland), и обложивъ этотъ городъ своимъ войскомъ, и были у него большія битвы съ горожанами. И какъ пробылъ онъ тамъ шесть дней, туда пришелъ конунгъ Вальдемаръ съ русскимъ войскомъ, и было у него не менѣе 40.000 войска. Тутъ велитъ конунгъ Тидрекъ трубить во всѣ свои рога, приказываетъ Аумлунгамъ и гуннамъ вооружиться, вскочить на своихъ коней и ѣхать противъ конунга Вальдемара, и они говорили, что въ этотъ день долженъ конунгъ Вальдемаръ, или погибнуть или бѣжать, или въ третьемъ случаѣ самъ конунгъ Тидрекъ падеть со всѣмъ своимъ войскомъ. Конунгъ Тидрекъ ѣдетъ на вражескій отрядъ, а съ нимъ его родичъ Ульфрадъ и дядька Гильдбрандъ (maeistari) и его добрый другъ Вильдиверъ, и завязалась упорная и вмѣстѣ долгая сѣча. Конунгъ Тидрекъ заѣхалъ въ середину русскаго войска и бьетъ съ двухъ сторонъ ровно людей и коней, и падаютъ они одни на другихъ; а его витязи храбро слѣдуютъ за нимъ, и каждый изъ нихъ валитъ великое множество; всѣ Омлунги были веселы и сражались весь тотъ день съ большою отвагой. А конунгъ Тидрекъ бьется тутъ въ войскѣ какъ левъ въ стадѣ, и всѣ боятся его оружія; и весь онъ въ крови, а также его конь. И вдругъ встрѣчаетъ онъ предъ собою знамя и отрядъ самого конунга Вальдемара, ѣдетъ на него очень отважно и поражаетъ однимъ ударомъ рыцаря, который держалъ знамя, въ его правую руку, а съ рукой и броню, и знамя упало на землю; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наноситъ смертельный ударъ самому конунгу Вальдемару. Послѣ того поднимается великій кличъ и шумъ со стороны Аумлунговъ и гунновъ, и одинъ возбуждаетъ другого, а русскіе валятся сотнями. Тутъ побѣжали русскіе, было ихъ повалено передъ тѣмъ, словно кустарнику, тамъ, гдѣ они сошлись. Аумлунги и гунны бьются весь тотъ день, ночь и слѣдующій день и убиваютъ всякаго, кого могли остановить, и только малая часть убѣжала.

Гл. 313. Спустя три дня послѣ того, какъ конунгъ Тидрекъ уѣхалъ отъ конунга Аттилы, конунгъ Аттила дѣлаетъ такой сильный при-

ступъ къ городу съ военными машинами и самострѣлами (*lās—bogum: latch—bow, cross—bow*), что имъ удалось взять городъ. И въ тотъ день гунны вошли въ городъ со всѣмъ своимъ войскомъ, перебили много людей и взяли несчетную добычу, почти весь городъ сравняли съ землею. Тогда совершены были дѣла, которыя еще можетъ видѣть кто приходитъ въ тотъ городъ.

Гл. 314. Послѣ этого конунгъ Аттила ведетъ все свое войско дальше на Русь, гдѣ только слышалъ о конунгѣ Тидрекѣ. И когда Тидрекъ конунгъ вернулся назадъ къ Смоленску, пришелъ туда и конунгъ Аттила со своимъ войскомъ, и конунгъ Тидрекъ рассказываетъ конунгу Аттилѣ всѣ новости, которыя случились въ его походѣ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались. Въ городѣ этомъ былъ ярлъ Иронъ, братъ конунга Вальдемара. Держитъ онъ совѣтъ со своими мужами: «Кажется мнѣ, у насъ въ рукахъ два выбора: одинъ таковъ, чтобъ поддержать битву съ конунгомъ Аттилой, пока сможемъ, хотя всего болѣе можно ожидать, что мы не устоимъ противъ ихъ превосходства и погибнемъ; но есть и другой выборъ: сдаться и сдать городъ во власть конунга Аттилы». Тогда снималъ ярлъ свою обувь (*af sinom skom*), сложилъ всѣ свои доспѣхи, и такимъ образомъ всѣ начальники русскіе (*hofðingjar*), босые и безъ оружія вышли изъ города, показывая этимъ, что они побѣждены. И въ этотъ день честь и власть русскихъ конунговъ передана была конунгу Аттилѣ. Держитъ совѣтъ конунгъ Аттила съ конунгомъ Тидрекомъ, какой миръ ему дать этому ярлу. «Кажется мнѣ полезнымъ (*supiz meg gáð*), сказалъ конунгъ Тидрекъ, коли хочешь такъ поступить, — даровать миръ этому ярлу и его мужамъ; хотя онъ пришелъ въ вашу власть и все его царство вамъ подчинилось, тебѣ въ честь и достоинство не убивать его, ибо у него нѣтъ оружія, чтобъ обороняться; а всѣмъ царствомъ русскихъ ты воленъ завладѣть». Конунгъ Аттила сказалъ ярлу: «Если любо вамъ служить намъ вѣрно, объявите это на вашу вѣру, и мы дадимъ миръ тебѣ и всѣмъ вашимъ мужамъ, которые пришли въ нашу власть, по совѣту конунга Тидрека и другихъ нашихъ воеводъ» (*hofðingja*). Отвѣчалъ ярлъ Иронъ такимъ образомъ: «Господинъ конунгъ Аттила, если бы было у насъ такое большое войско, чтобъ могли мы держать городъ передъ гуннскимъ войскомъ, не пришли бы мы въ вашу власть, а потому и дѣлайте съ нами (судьбой, *gáð*), что хотите. Затѣмъ и сложили мы наше оружіе и открыли городъ, и сами пришли къ вамъ босые, и стоимъ теперь у вашихъ колѣнъ,

что знали васъ за добрыхъ витязей и сильныхъ мужей, какъ это теперь и оказалось. Къ тому вело и другое обстоятельство, что всѣ сильнѣйшіе вожди (воеводы, *hofþingiar*) русскихъ убиты; и, конечно, будемъ мы то дѣлать по вѣрѣ, оказывая вамъ повиновеніе. Тутъ конунгъ Аттила поднялъ ярла Ирона и посадилъ его со своими воеводами.

Гл. 315. Зоветь конунгъ Аттила конунга Тидрека и многихъ другихъ воеводъ на совѣтъ; и рядять они земскій рядъ, какъ устроить все то царство, которое они покорили. И затѣмъ, по совѣту конунга Тидрека и другихъ воеводъ, посадилъ конунгъ Аттила ярла Ирона воеводою на Руси, управлять тѣмъ царствомъ, судить по земскому закону и платить дани конунгу Аттилѣ и давать ему подмоги, когда ему понадобится.

Главы 349—355.

Гл. 349. Конунгъ Гертнидъ былъ могущественный мужъ въ странѣ вилькиновъ и великій витязь (*hofþingi*) во всѣхъ отношеніяхъ, лучший изъ всѣхъ бойцовъ. Его жена была Остациа, дочь Руны, конунга Восточнаго царства (*Austrgíki*). Ея мачеха была такъ искусна въ чарахъ, что заколдовала ее въ дѣтствѣ и передала ей свое колдовство, такъ что она стала столь же вѣщей, какъ была прежде нея ея мачеха. Остациа была тѣмъ не менѣе прекраснѣе и мудрѣе всѣхъ женъ, но была также очень зла (*illgjörn*). Конунгъ Гертнидъ очень ее любилъ.

Гл. 350. Въ это время правилъ въ землѣ Бертанговъ конунгъ Изунгъ Сильный со своими сыновьями. Былъ онъ большой недругъ конунга Гертнида и оказывалъ большую помощь конунгу Аттилѣ и причинялъ много вреда мужамъ вилькинамъ. Конунгъ Гертнидъ очень хотѣлъ отомстить за то, что убитъ былъ конунгъ Озантриксъ, братъ его отца, прежде всего конунгу Аттилѣ и конунгу Тидреку, а затѣмъ конунгу Изунгу, что былъ третьимъ наибольшимъ зачинщикомъ (*höfudsmaðr*) въ убіеніи конунга Озантрикса. Вотъ собираетъ Гертнидъ конунгъ большое войско и ѣдетъ съ войскомъ, пока не прибылъ въ страну бертанговъ въ царство конунга Изунга. Тамъ жжеть онъ и убиваетъ мужей и беретъ много добра. Конунгъ Изунгъ и его сыновья сидятъ въ Бертангабургѣ (*Baertangaborg*) и не знали, что надѣлалъ конунгъ Гертнидъ. А когда конунгъ Гертнидъ захватилъ такую большую добычу и проѣхалъ такъ далеко,

какъ хотѣлъ, въ землю бертанговъ, онъ отправился обратно домой сохранивъ всѣхъ своихъ мужей.

Гл. 351. Конунгъ Изунгъ и его сыновья узнаютъ, что сдѣлалъ Гертнидъ, конунгъ страны вилькиновъ, что былъ ихъ наибольшимъ врагомъ. Они собираютъ войско по всему своему царству и ѣдутъ за конунгомъ Гертнидомъ и хотятъ отомстить за себя. Онъ шлетъ вѣсть хорошему своему другу Тетлейфу Датскому и другому мужу, Фазольду Гордому. Они хорошо приняли его посланіе (orðsending) и ѣдутъ со своими мужами на встрѣчу Изунгу королю; сходятся они всѣ вмѣстѣ въ землѣ вилькиновъ, и жгутъ тамъ много большихъ селеній и убиваютъ много людей. Передъ ними бѣжать все, гдѣ бы они ни проѣзжали. Ни одинъ мужъ не отваженъ настолько, чтобы осмѣлился метнуть противъ нихъ копье. Все бѣжитъ: часть въ лѣсъ, часть на корабли, а часть въ безлюдныя степи; иные бѣгутъ къ конунгу Гертниду, говорятъ ему, что пришелъ въ его царство конунгъ Изунгъ изъ земли бертанговъ со своими сыновьями, а съ нимъ Тетлейфъ Датскій и Фазольдъ Гордый, и всего у нихъ пять тысячъ воиновъ; и ни одинъ отрядъ не устоитъ передъ ними, ни одинъ витязь не отваживается ихъ выждать. При этой вѣсти очень разгнѣвался конунгъ Гертнидъ и шлетъ по всей своей землѣ приказъ, чтобы всѣ воины изъ мужей вилькиновъ сходились вмѣстѣ защищать свою землю. Такая вѣсть всѣмъ кажется странною, чтобы (можно было) сражаться противъ столь сильныхъ витязей, какіе пришли теперь въ землю вилькиновъ.

Гл. 352. Затѣмъ собралось къ конунгу Гертниду большое войско. А его супруга Остакія вышла и возбудила своихъ духовъ (gaegdi sinn galð); такъ мы называемъ то, что она пошла колдовать, какъ дѣлалось въ старину, что вѣщія жены, которыхъ мы зовемъ вѣльвами, чаровали чары (skulðu sæiða honum sæið). Такъ много совершила она своими чарами и колдовствомъ, что наворожила къ себѣ разныхъ звѣрей, львовъ и медвѣдей, и большихъ летучихъ драконовъ. Она укротила ихъ всѣхъ до того, что они ее слушались, и она могла направить ихъ противъ своихъ враговъ. Такъ говорится въ нѣмецкихъ пѣсняхъ, что ея войско походило на самого дьявола, а сама она стала на подобіе (sem) летучаго дракона. Конунгъ Гертнидъ ведетъ свое войско противъ конунга Изунга, и когда они сошлись, была жестокая битва. Конунгъ Изунгъ и его сыновья быстро идутъ впередъ со своимъ знаменемъ и убиваютъ много мужей, рубятъ по обѣ стороны коней и людей, и передъ ними

валится войско, гдѣ они прошли впередъ. Въ другомъ мѣстѣ выѣзжаетъ Тетлейфъ Датскій со своимъ отрядомъ, и онъ также убиваетъ многихъ мужей, и передъ нимъ не устояли вилькиновы мужи. Третій же отрядъ былъ у Фазольда Гордаго, онъ сражался въ этотъ день съ большимъ мужествомъ и разлучилъ многихъ мужей съ ихъ конями, такъ что больше никогда они не видѣлись. Мужи вилькины валятся въ этой битвѣ такъ, какъ когда сжинають ниву.

Гл. 353. Въ это мгновеніе приходитъ туда Остациа со своимъ сонмомъ, который собрала она чарами. Драконы летаютъ надъ войскомъ и наносятъ смерть людямъ своими когтями и пастьями, львы дерутся и кусаютъ, также и медвѣди, а сама Остациа носится въ видѣ дракона надъ войскомъ, и наказываетъ всѣмъ звѣрямъ и всѣмъ драконамъ драться. Конунгъ Изунгъ и его сыновья видятъ, что это сильное и свирѣпое полчище (svæit) причиняетъ имъ много вреда. Онъ побуждаетъ шпорами коня своего и крѣпко хватаетъ свое копьище, столь длинное и толстое, что на трое расколотъ былъ дубъ, и его копьище было одною частью того толстаго дуба. Видитъ онъ, гдѣ летитъ тотъ вредоносный драконъ, что былъ больше и ужаснѣе, чѣмъ всѣ другіе, и пускаетъ копьемъ въ дракона. Драконъ видитъ, какъ это большое копье летитъ на него, отлетаетъ прочь, копье пронеслось мимо него; а драконъ бросается сверху на короля, хватаетъ его своей пастью и когтями, и проглатываетъ его. Видитъ то его старшій сынъ, что былъ всѣхъ ихъ сильнѣе, и своимъ копьемъ пронзаетъ дракона сквозь лапу вверхъ до живота. Драконъ повернулся при ударѣ и схватилъ его своими когтями такъ крѣпко, что они прошли сквозь панцырь и животъ; такъ онъ былъ убитъ, а до того онъ убилъ льва и медвѣдя. Въ эту минуту Лорантигъ, младшій сынъ конунга, убилъ одного льва и былъ раненъ, и одного дракона ранилъ онъ на смерть; а драконъ нанесъ ему своими когтями смертельную рану. Такъ долго длилась битва, что драконы и львы почти всѣ утратили жизнь подъ сильными ударами сыновей конунга Изунга. И конунгъ Изунгъ убитъ со всѣми своими сыновьями отъ звѣрей и драконовъ, и никто не причинилъ имъ смерть инымъ способомъ, кромѣ чаръ Остации.

Гл. 354. Фазольдъ Гордый велѣлъ нести впередъ свое знамя въ средину войска вилькиновъ противъ конунга Гертнида, и настаетъ тутъ жестокой бой между двумя этими вождями. Фазольдъ обѣими своими руками убилъ многія сотни мужей вилькиновъ; онъ теперь очень израненъ и утомленъ въ бою. Вотъ ѣдетъ на него самъ конунгъ

Гертнидъ и мечеть своимъ копьемъ въ его грудь, такъ что оно прошло промежъ плечъ. Палъ Фазольдъ мертвый со своего коня, и пала раньше большая часть его дружины. Видитъ это Тетлейфъ Датскій тамъ, гдѣ онъ дрался и валилъ мужей вилькиновъ, такъ что гряда убитыхъ лежала не ниже, чѣмъ его сѣдло. Онъ также потерялъ почти всѣхъ своихъ мужей, и самъ онъ очень израненъ. Тѣмъ не менѣе онъ храбро вѣзжаетъ въ войско мужей вилькиновъ и хочетъ отомстить за Фазольда, своего любимаго друга. Онъ побуждаетъ шпорами коня своего и наѣзжаетъ на конунга Гертнида, мечеть своимъ копьемъ въ его щитъ, такъ, что оно разнесло щитъ и двойную броню и прошло подъ рукою и совсѣмъ разсѣкло плечи въ углубленіи у лопатки; и конунгъ тутъ же упалъ съ коня на землю. Тетлейфъ убилъ тамъ своимъ мечомъ многихъ славныхъ витязей надъ конунгомъ Гертнидомъ; и многіе теперь побѣжали, лишь немногіе остались. Тутъ летитъ одинъ изъ злѣйшихъ драконовъ надъ Тетлейфомъ съ разинутой пастью и хочетъ причинить ему смерть. Тетлейфъ метнулъ своимъ копьемъ вверхъ къ дракону въ его пасть; такъ что оно прошло сквозь шею. Драконъ охватилъ его своими когтями и бьетъ крыльями, и наваливается весь на него сверху; и такъ принялъ смерть Тетлейфъ Датскій и конь подъ нимъ.

Гл. 355. Когда пали всѣ витязи изъ Бертанга, мужи вилькинны разошлись не прежде, чѣмъ убиты были всѣ мужчины (*manns barn*) войска бертанговъ. Мужи великаны находятъ своего господина, конунга Гертнида очень израненнымъ сильными ранами, взяли его съ собой; пришли лучшіе врачи, какіе были въ странѣ вилькиновъ, и дѣчаютъ его. Когда конунгъ Гертнидъ прибылъ домой въ свой бургъ, жена его Остациа была больна; и тогда узналъ конунгъ Гертнидъ, откуда ему пришла подмога, которую принесли ему драконы и звѣри, и какъ искусна была въ чарахъ его жена. Спусти три дня она умираетъ съ невеликимъ почетомъ (*með litlum orðstir*). А конунгъ Гертнидъ исцѣляется отъ своихъ ранъ и правитъ своимъ царствомъ, землей вилькиновъ, какъ еще сказывается въ сагѣ о немъ, и совершаетъ много подвиговъ, пока былъ конунгомъ въ землѣ вилькиновъ; и о немъ есть очень большая сага, хотя объ этомъ не говорится здѣсь, въ этой повѣсти (*frásögn*).

• Александръ Веселовскій.

Изъ литературной дѣятельности Арсенія Мацѣевича.

Арсеній Мацѣевичъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника
М. С. Попова. С.-Петербургъ. 1905 г. I—VII + 264 + 1 — XXVIII.

Въ настоящей своей замѣткѣ мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о IV-й главѣ этого сочиненія, которая озаглавлена такъ: «Борьба митрополита Арсенія съ раскольниками». «Въ настоящей главѣ», говоритъ авторъ въ первомъ примѣчаніи, «излагается содержаніе двухъ неизданныхъ дѣлъ: 1) дѣла Архива Св. Синода 1742 г. № 407, гдѣ находится переписка по исправленію книги архіепископа Теофилакта «Обличеніе неправды расколынической» и 2) дѣла въ Государственномъ Архивѣ отъ 1751 г. «города Романова о посадкомъ человѣкѣ Петрѣ Волчкѣ». Дѣло Св. Синода онъ излагаетъ очень кратко. 11-го мая 1742 года, вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Тобольска, Арсеній Мацѣевичъ получилъ порученіе отъ Св. Синода рассмотреть книгу епископа Теофилакта Лопатинскаго «Обличеніе неправды расколынической» и представить свое мнѣніе о ней, въ теченіе же слѣдующаго 1743 года послано было три побудительныхъ указа къ Арсенію Мацѣевичу о скорѣйшемъ приготовленіи книги къ печати. 12-го января 1744 года Арсеній Мацѣевичъ извѣщаетъ Св. Синодъ, что книга Теофилакта исправлена и что онъ пишетъ свое «Дополненіе» къ ней и даже представляетъ начало его на 18 листахъ. Наконецъ, въ 1745 году «Обличеніе неправды

раскольнической» Арсеніемъ было рассмотрѣно и при содѣйствіи его было издано. Во-первыхъ, замѣтимъ, что авторомъ совершенно невѣрно процитовано дѣло Архива Св. Синода: онъ пользовался дѣломъ 1721 года за № 403. Во-вторыхъ, сообщенныя авторомъ краткія свѣдѣнія о рассмотрѣніи Арсеніемъ Мацѣвичемъ книги Теофилакта мы считаемъ не лишнимъ дополнить слѣдующими данными, извлеченными изъ процитованнаго авторомъ дѣла Архива Св. Синода ¹⁾. 9-го апрѣля 1744 года Арсеній Мацѣвичъ доноситъ Св. Синоду, что онъ «посылаетъ книгу Теофилакта, имъ по возможности свидѣтельствованную и исправленную. А что въ той книгѣ по усмотренію моему гдѣ прибавлено и убавлено и что надлежитъ еще прибавить, о томъ Вашему Святѣйшеству симъ доношеніемъ благопочтенно предлагаю». Непосредственно за симъ слѣдуетъ рецензія изъ слѣдующихъ 20-ти пунктовъ.

«Во-первыхъ прибавилось отъ моего смиренія изъ самаго начала къ предисловію тоя книги краткое изъясненіе, зачѣмъ сія книга до сихъ поръ въ свѣтъ не выходила.

2) В главѣ 1 въ разсужденіи 2-мъ на листу 12-мъ на оборотѣ миѣніе мое таково приписано: не для печати, но для предостереженія, предовольное обличеніе толко надлежитъ по показанному здѣсь руки списанный съ иконъ различныхъ отъ расколщиковъ предложить которые і предлагаются.

3) Там же противъ 3 пункта миѣніе: а сіе надлежитъ отставить. На листу 16-мъ во окончаніи того разсужденія і пункта миѣніе же: доздѣ отставить. А то за такимъ разсужденіемъ, что в томъ пунктѣ имѣется доказательство о иконѣ Богородичной отъ евангелиста Луки писанной съ миѣніями і повѣстми церковными по всей церкви нашей затвержденными отнюдь несходное і соблазнъ многимъ а наипаче расколщикомъ преподать могущее.

---

1) Всѣ сдѣланныя нами извлеченія изъ дѣла за № 403 опушены при изложеніи этого дѣла въ первомъ томѣ «Описанія документовъ и дѣлъ».

4) В разсужденіи 3-мъ на листу 17-мъ на оборотѣ по окончаніи отъ Мелетія доказательства о треперстномъ сложеніи приписъ какъ отъ преосвященнаго Стефана Псковскаго такъ і отъ моего смиренія кажется надлежащая имѣется.

5) В разсужденіи 5-мъ изображеніе рукъ кіево-печерскихъ святыхъ нетлѣнно в пещерахъ опочивающихъ, на которыхъ расколщики послались надлежитъ сіи в дѣло принять, которые нынѣшній архимандритъ кіево-печерскій Тимофей со освидѣтелствованіемъ прислалъ, а прежнія изображенія преосвященному Теофилакту присланныя надлежитъ отставить за несходствомъ с нынѣшними, да тотъ же архимандритъ кіево-печерскій в присланномъ своемъ ко мнѣ письмѣ о прежнихъ изображеніяхъ отъ мене к нему посыланныхъ засвидѣтелствовалъ что имъ слѣдуетъ быти подложнымъ, посему что у нихъ в пещерахъ Моисея Муромца не имѣется, но Илія Муромецъ, а Моисей не Муромецъ, но Угринь.

6) В главѣ 2 в разсужденіи 1-мъ на листу 43-мъ прибавлена отиѣтка: таковыи чертежи в конце книги сея имѣются на листу 254-мъ: по моему мнѣнію нужная.

7) В разсужденіи 2-мъ во отвѣтѣ на Палладія мниха на листу 53-мъ имѣется приписъ латинская преосвященнаго Стефана Псковскаго, однако по моему мнѣнію не нужная, и для того очерчена.

8) В разсужденіи 4-мъ на листу 59-мъ на оборотѣ отиѣтка о разныхъ подножіяхъ крестовъ, которыи начертанія зыщутся в конце книги сея: на преждепомянутомъ же листу 254-мъ.

9) В разсужденіи 5-мъ на листу 61-мъ приписъ преосвященнаго Стефана Псковскаго по руски годится, а латинская не нужна того ради і очерчена.

10) В томъ же разсужденіи на листу 62-мъ на оборотѣ отиѣтка о древнихъ манетахъ оружіяхъ царскихъ коронахъ с четвероконечнымъ крестомъ: которыи чертежи зыщутся в конце книги сея на листахъ 255-мъ, 256-мъ, 257-мъ.

11) В том же разсужденіи во окончаніи на листу 72-мъ отмітка: зри о семъ в конце книги сея на листу 244-мъ.

12) В главѣ 3-й в разсужденіи 3-мъ на листу 76-мъ на оборотѣ мнѣніе: надлежитъ начертаніе опрѣсноковъ римскихъ изъяснить. І какое у мене могло изыскатся такое я і предложить.

13) В главѣ 4 в разсужденіи 1-мъ на листу 93-мъ припись преосвященнаго Стефана Псковскаго надлежащая.

14) В том же разсужденіи на оборотѣ того жъ листа греческіе стихи по руски не переведены: мнѣніе мое: надлежитъ сіе перевести по руски, а у мене не изыскалось кому перевести. В том же разсужденіи на листу 94-мъ на оборотѣ мое жъ мнѣніе к передосторожности. Переведенныя помянутыя стихи греческія здѣсь надлежитъ вписать.

15) В главѣ 5 в разсужденіи 3-мъ на листу 106-мъ припись преосвященнаго Стефана Псковскаго годится.

16) В главѣ 6 в разсужденіи 3-мъ на листу 127-мъ о собраніи старинныхъ книгъ мнѣніе: надлежало бы тое намѣреніе в конецъ произвести, ежели же невозможно, тобы надобно рѣчь переменить или отставить.

17) В главѣ 7 в разсужденіи 2-мъ на листу 153-мъ на оборотѣ приписи по моему мнѣнію отъ Номоканона і отъ Златоустаго святаго нужныи, отъ моего смиренія прибавленныи.

18) В главѣ 8 на листу 169-мъ мнѣніе о каталогѣ отъ Макарьевскихъ мнѣій о неизвѣстныхъ святыхъ: надлежитъ сіе или отставить или показанной каталогъ Макарьевскихъ мнѣій сочинить.

19) В главѣ 9 в разсужденіи 7-мъ на листу 203-мъ мнѣніе: надлежитъ демественнаго пѣнія часть предложить, которая і предлагается.

20) В том же разсужденіи при конце на листу 204-мъ отвѣтъ преосвященнаго Теофилакта на 5 пунктъ расколническіи совсѣмъ отставленъ. І по моему мнѣнію надлежитъ сіе для соблазна отставить, а вмѣсто того по показанному отъ мене тамо

отвѣтствовать. Едино убо необходимо предлежитъ к дополненію той книги греческія стихи по руски перевесть і по показанному вписать». Свою рецензію книги Теофилакта Арсеній Мацѣвичъ заключаетъ слѣдующими словами: «Сверхъ же того чтобы прибавить или убавить въ той книгѣ я не усмотрю і свидѣтельству сію книгу в печати быть достойною и Церкви Божіей на загражденіе богохульныхъ расколическихъ устъ крайнѣ нужную, прочее же в глубочайшемъ вашего святѣйшества разсужденіи остается».

13-го апрѣля того же 1744 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Имѣющіяся во оной книгѣ стихи на греческомъ діалектѣ стоящія перевесть на російскій діалектъ греческому учителю іеромонаху Іакову Блонницкому кои по переводеніи объявить Св. Синоду немедленно и для того изъ оной книги тетрадь, на которой оныя греческія стихи значатся отдать оному Блонницкому съ роспискою». На этотъ фактъ нѣтъ указаній ни въ одной біографической статьѣ объ Іаковѣ Блонницкомъ. Св. Синодъ, повидимому, не былъ удовлетворенъ произведенными Арсеніемъ Мацѣвичемъ исправленіями въ книгѣ Теофилакта, такъ какъ 4-го іюля того же 1744 года Св. Синодъ постановилъ: «Книгу Теофилакта отослать обратно къ митрополиту Ростовскому Арсенію и ему получа оную выправить по мнѣнію его преосвященства тое подлинную, такъ какъ оную надлѣжитъ уже предать печати и ту самую выправленную не переменяя листовъ предложить Св. Правительствующему Синоду при доношеніи». На посланный изъ Св. Синода Указъ съ симъ опредѣленіемъ Арсеній Мацѣвичъ отъ 29-го того же іюля отвѣчаетъ слѣдующее: «По силѣ оваго Ея Императорскаго Величества Указа Вашему Святѣйшеству предлагаю: что я оную книгу сверхъ того какъ прежде предложенія въ Св. Синодъ выправилъ и апробовалъ достойной быть въ печати не могу больше выправлять, понеже по мнѣнію моему въ той книгѣ что прибавлено или убавлено, о томъ въ преждеподанномъ моемъ доношеніи имянно показано и къ болшему прибавленію развѣ

только сіе слѣдуетъ, не соблаговоить ли Ваше Святѣйшество съ того моего доношенія послать копію въ московскую типографію, по которой разсмотривши можно безъ всякаго сумнительства ту книгу печатать. Ежели жъ какое сумнительство въ типографіи окажется, то приказать имъ о томъ сношенія имѣть съ преосвященнымъ Новгородскимъ, а иногда и сомною и оную присланную ко мнѣ книгу для отсылки въ типографію посылаю Вашему Святѣйшеству при семъ доношеніи». Опредѣленіе Св. Синода о напечатаніи книги Теофилакта состоялось 8-го октября того же 1744 года; предисловіе къ книгѣ Теофилакта, сочиненное Арсеніемъ Мацѣвичемъ, по опредѣленію Св. Синода отъ 6-го февраля 1745 года, пополнено Синодальнымъ Членомъ Платономъ, архимандритомъ Ржевскимъ. Но въ протоколѣ Св. Синода отъ 18 февраля 1746 года читаемъ: «вновь напечатанную книгу противъ раскольниковъ Обличеніе для нѣкоторыхъ благословныхъ винъ въ той (Московской) типографіи удержатъ и въ народъ впредь до указа не выпускать». Въ маѣ того же 1746 года (Журналъ отъ 23-го мая)¹⁾ Св. Синодъ разсуждалъ

---

1) Считаю не лишнимъ напечатать извлеченіе изъ Журнала отъ 23-го мая 1746 г., въ коемъ изложены тѣ «благословныя вины», ради которыхъ напечатанная книга Теофилакта была задержана въ типографіи. «Оберъ-прокуроръ князь господинъ Шаховской предлагалъ словесно, что вышедшіе изъ печати книги обличеніе на раскошниковъ по опредѣленію Святѣйшаго Синода продажу въ народъ удержаны, а изъ нихъ уже двѣсти пятьдесятъ восемь книгъ въ продажу употреблено и чтобъ отъ непродажы какого стъ неразумныхъ людей соблазна и нарѣканія не происходило и для тогобъ ежели что есть сумнительно разсмотреніемъ было исправлено и притомъ синодальный членъ преосвященный Стефанъ архіепископъ Великоновгородскій предлагалъ словесно; что въ той книгѣ Обличенія (которая тогдажъ была предложена) о сложеніи перстовъ въ разсужденіи 9-мъ на листу 24-мъ въ надсловіи напечатано тако: по обычаю де святыхъ соборныхъ кафеолитическія церквѣ должны православныи въ знаменіи крестномъ слагати первыя три персты во изображеніе Святыхъ Троицы а два послѣднія сгнуги к ладонѣ во изображеніи двухъ естествъ во Христѣ Божіи и человѣческаго і оное де надсловіе съ краткимъ о еже како всякому православному христіанину на изображеніе знаменія Креста Святаго на лицѣ своемъ подобаетъ руки своя персты кія сложити ізъявленію при псалтирѣхъ напечатанному является несогласно: да и на протчихъ мѣстахъ имѣются въ той книгѣ нѣкія сумнительства для ко-

о томъ, «не лучше ли задержанную выходомъ въ типографіи книгу Теофилакта Лопатинскаго всю прочесть въ общемъ собраніи Св. Синода», но резолюціи не послѣдовало. Объ этой же книгѣ Св. Синодъ имѣлъ разсужденіе и 28 января 1747 года.

Еще 16-го марта 1744 года Арсеній Мацѣвичъ представилъ въ Св. Синодъ начало своего сочиненія «Дополненнаго Обличенія», а при доношеніи отъ 12-го марта 1746 года онъ представилъ свою книгу въ полномъ объемѣ, въ законченномъ видѣ. Священникъ М. С. Поповъ говоритъ, что въ печати есть только начало книги (Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. I, XXXVII прил.). Это—невѣрно: напечатано все сочиненіе: начало въ I-мъ томѣ Описанія документовъ и дѣлъ Св. Синода, остальная большая часть сочиненія — въ III томѣ «Описанія». Онъ же говоритъ, что въ Св. Синодѣ нашли необходимымъ сдѣлать въ книгѣ «переправки» и возвратили для этого автору. Тоже читаемъ и въ первомъ томѣ «Описанія», № 403, 485 столбецъ. И это невѣрно. Въ донесеніи своемъ отъ 17-го марта 1747-го года—ровно черезъ годъ съ небольшимъ по представленіи своей книги «Дополненнаго Обличенія» — Арсеній Мацѣвичъ пишетъ Св. Синоду: «усмотрилось мнѣ, что надлежитъ еще въ ту книгу нѣкоторыя приполненія и исправленія внести, кои сколько могъ я и внесъ со отмѣчаніемъ главнѣйшихъ приполненіевъ и исправленіевъ и нынѣ Вашему Святѣйшеству книгу тую же въ глубочайшее разсужденіе паки посылаю». Въ I-мъ томѣ «Описанія» (№ 403, столб. 485) сказано: «Изъ дѣла не видно, какая была дальнѣйшая судьба книги». Подлинная рукопись «Дополненнаго Обличенія», скрѣпленная по листамъ рукою Арсенія Мацѣвича, находится въ настоящее время въ Рукописномъ Отдѣлѣ Архива

торыхъ дабы пуцаго не подать неразумнымъ людямъ каковаго соблазна его преосвященство разсуждалъ не лучшемъ для общаго согласія і утвержденія всю оную книгу прочесть в Святѣйшемъ Синодѣ в собраніи, а въ народъ нынѣ отнюдь продавать не надлежитъ, однакожъ прочіе члены в томъ не согласились і по даволномъ разсужденіи никакой о той книгѣ резолюціи не воспослѣдовало».

Св. Синода. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ листовъ: 45 об., 48, 49, 58 об., 88, 121, 133, 139 об., 140, 148, 151, 159 и 180 противъ текста есть надпись: «переправка». Священникъ М. С. Поповъ, полагая, что словомъ «переправка» отмѣчены тѣ мѣста въ текстѣ, которыя вѣрно было Св. Синоду Арсенію Мацѣвичу исправить, говоритъ: «судя по тѣмъ мѣстамъ его (Мацѣвича) рукописи, можно думать, что обличенія митрополита Ростовскаго показались рѣзкими, а мѣры къ прекращенію раскола крутыми и не своевременными, напримѣръ, указаніе его на безпощадное истребленіе израильянами, по повелѣнію Іеговы, хананейскихъ язычниковъ, какъ на примѣръ, что и къ врагамъ православія—раскольникамъ—надо относиться безъ пощады»¹⁾. На самомъ же дѣлѣ словомъ «переправка» обозначены тѣ мѣста въ текстѣ, которыя уже исправлены самимъ Мацѣвичемъ по собственной инициативѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ его. Замѣтимъ, что «поправки», сдѣланныя Мацѣвичемъ, составляютъ большую частію дополненія,

---

1) Въ Архивѣ Св. Синода хранятся пять небольшихъ рукописей, присланныхъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ при доношеніи отъ 21 марта 1754 года (Дѣло Св. Синода отъ 19 апрѣля 1754 года за № 842). Рукописи принадлежали некоему раскольнику по имени Ивану, который былъ «объявленъ въ консисторіи его преосвященства ключаремъ Ростовской соборной церкви іереемъ Петромъ» 26 февраля 1754 года и содержался въ особой палатѣ при консисторіи. Въ донесеніи Арсенія Мацѣвича читаемъ, что оный раскольникъ «спрашивалъ былъ многократно (въ донесеніи вопросы изложены) съ крайнимъ и наиприятнѣйшимъ испытаніемъ и съ достоудожнѣйшимъ чествомъ отъ раскола ко Святѣй Церкви обратился и соединился отъ Божественнаго писанія увѣщаніемъ и наставленіемъ а потомъ и съ пристрастіемъ ему плѣтей и по многократному ево объ томъ спрашиванію и увѣщанію онъ Иванъ о всемъ томъ (крошъ вышеописаннаго) ничего не объявилъ и в томъ онъ Иванъ подъячиненіемъ ему плѣтми наказанія утвердился». Въ томъ же доношеніи говорится, что соборной Ростовской церкви ключарь іерей Петръ «доношеніемъ представилъ, что онъ «неоднократно наиприятнѣйше но безуспѣшно увѣщевалъ» сего раскольника, который скончался 11-го марта сего 1754 года, такъ какъ не принималъ пищи съ 26-го февраля по день смерти, и былъ зарытъ «въ полѣ» той палаты, въ которой содержался. Изложенные въ донесеніи факты, мнѣ кажется, могутъ служить подтвержденіемъ того, что Арсеній Мицѣвичъ въ отношеніи раскольниковъ поступалъ согласно своимъ убѣжденіямъ.

которыя почти всё довольно значительныхъ размѣровъ, состоятъ изъ 30-ти и болѣе строкъ и заключаютъ въ себѣ существенные факты и доводы. Такимъ образомъ «исправленная Мацѣвичемъ рукопись «Дополненнаго Обличенія» представляетъ новую редакцію его сочиненія, которая не напечатана и никѣмъ обстоятельно до сихъ поръ не изучена.

Почетительна судьба книги Теофилакта: она служитъ показателемъ полного неуспѣха православныхъ миссіонеровъ въ борьбѣ съ расколомъ. Во исполненіе Высочайшей воли Св. Синодъ 23-го апрѣля 1722 года опредѣлилъ отправить іеромонаха Неофита въ Олонекіе предѣлы на Петровскіе заводы для увѣщанія раскольниковъ. 23-го сентября того же года Неофитъ прибылъ на Петровскіе заводы и сряду принялся за дѣло высокой важности: онъ сочинилъ, по желанію раскольниковъ, 106 вопросовъ съ увѣщаніемъ, которые въ ноябрѣ того же года отправилъ въ Выговскую обитель, гдѣ они и были приняты 2-го декабря того же 1722 года подъ росписку 9-ти раскольниковъ въ присутствіи Данилы Микулина и Андрея Денисова. Св. Синодъ нашелъ, что вопросы Неофита «ко обращенію раскольниковъ удобны» и можно давать ихъ для списыванія всѣмъ желающимъ «для лучшаго уразумѣнія и сомнѣвающимся къ церкви святѣй сообщенія». 1-го іюля 1723 года раскольники доставили Неофиту на полученные отъ него вопросы отвѣты, состоявшіе изъ ста шести пунктовъ. Вопросо-отвѣты и сочиненное Неофитомъ «возобличеніе» ихъ отосланы были въ Св. Синодъ, который и поручилъ Теофилакту Лопатинскому рассмотреть ихъ. Не получая отвѣта изъ Св. Синода, не смотря на неоднократныя свои просьбы, относительно «вопросо-отвѣтовъ», убѣдившись въ бесполезности своихъ бесѣдъ съ раскольниками и въ намѣренной слабости и потворствѣ имъ гражданской власти, іеромонахъ Неофитъ въ донесеніяхъ своихъ отъ 5-го августа и 30-го сентября 1726 года просить Св. Синодъ уволить его отъ миссіонерскихъ обязанностей. Наконецъ, въ донесеніи отъ 27-го февраля 1727 года іеромонахъ Неофитъ

пишетъ Св. Синоду: «А когда были поданы отъ насъ въ Св. Синодъ вопросо-отвѣты ихъ (раскольниковъ), тогда вельми опасеніе имѣли и чаяли (раскольники) возобличенія отъ Св. Церкви и правильнаго суда ожидали на себя за лживыя и хулныя на Святую Церковь отвѣтствованія своя и многія тогда сомнящіяся приходили къ намъ на разсужденіе, а егда же увидѣвше, что надолзѣ о семъ умолчено и положиша въ мысли свои зліи яко бы ихъ право отвѣтствованіе и будто и невозможно низложити ложная и хулная ихъ отвѣтсловія отъ Св. Церкви древними святыхъ отецъ писаніями и сего ради начаша въ народѣ проходить и отвѣты своя прочитая похваляти и отъ правыя вѣры развращати да слышно что де и въ другія многія города разослали и сего ради нынѣ не токмо ученія отъ насъ никто не внимаютъ, но и смотреть не хотять и посему тако мнѣ весьма было стало нѣзачѣмъ только отъ непріятелей въ подсмѣяніи и въ поруганіи и въ скорбѣхъ и въ печалѣхъ своихъ до конца сокрушаюся». Эти строки были предсмертною исповѣдью іеромонаха Неофита. Онъ скончался 7-го апрѣля 1727 года. Что іеромонахъ Неофитъ былъ правъ, это подтверждаетъ Новгородскій архіепископъ Амвросій въ своемъ донесеніи Св. Синоду отъ 14-го августа 1743 года. Настаивая на скорѣйшемъ напечатаніи книги Θεοφιλακτα, онъ пишетъ: «раскольники не пошли къ іеромонаху Неофиту для собесѣдованія, а потребовали отъ него вопросныхъ пунктовъ, каковыя отъ него Неофита къ нимъ были и посланы, на которые (вопросныя пункты іеромонаха Неофита) они изъ Олонецкаго Выгопустыннаго жительства прислали подъ разными лжевымышленными своими видами якобы къ суетному своему оправданію (весьма неправы и Св. Церкви противныя) отвѣты, каковыя имъ Неофитомъ и Св. Синоду тогда представлены, которыми они вознося себя оказываютъ яко побѣдителями и больше онымъ вѣруютъ нежели Евангелію Христову и таковыми своими отвѣтами до таковаго народъ привели возмущенія, что почти всѣ епархіи наполнены развращенными расколами». (Дѣло Св. Синода 1721 г. № 403).

Какъ бы искупая вину предыдущихъ лѣтъ, Св. Синодъ въ 40-ые годы особенно былъ озабоченъ изданіемъ сочиненій, посвященныхъ изобличенію раскола. Такъ, по опредѣленію Св. Синода отъ 7-го марта 1743 года послано было въ Московскую Св. Правительствующаго Синода Контору вѣдѣніе, коимъ велѣно: «учиня с Московскою типографіею и с Синодальною бібліотекою справки Св. Правительствующему Синоду прислать извѣстіе: ко увѣщанію и изобличенію неправомушествованія раскольническаго книгъ печатнымъ тисненіемъ изданныхъ яко Жезла Правленія, Увѣта Духовнаго, Пращицы и имъ подобныхъ, сколько коихъ числомъ в наличіи нынѣ имѣется и когда кои печатаны были, тогда оныя в розсылку по епархіямъ произведены ли, и поскольку коихъ куда имянно». Въ отвѣтномъ вѣдѣніи Московской Конторы Свят. Синоду отъ 27-го сентября того же года прописано: «а понеже в Конторѣ Св. Синода о подобныхъ онымъ книгахъ неизвѣстно, того ради на требованіе увѣщающіи раскольниковъ священники Спасскій Петръ Павловъ, Спасской же что въ Чигасѣхъ Іоаннъ Іоанновъ писмянно объявили: ко обличенію де зловѣрныхъ раскольниковъ книги (сверхъ вышеозначенныхъ Жезла Правленія, Увѣта Духовнаго, Пращицы) весьма нужны печатанныя въ Москвѣ въ слѣдующихъ годѣхъ: Кормчая въ 7161-мъ, Скрижаль въ 7164-мъ, Соборнаго Дѣянія бывшаго в Кіевѣ въ 6666-мъ на армянина еретика Мартина мниха, которую раскольники лживою и неправильною порицають, о чудеси троеперстнаго сложенія десныя руки на знаменіе честнаго креста при патріархѣ Іоакимѣ въ 185-мъ. Ктому же весьма раскольникамъ противныя древнія книги писмянныя требникъ харатейный Теогноста митрополита Московскаго в лѣто мирозданія 6837, Симеона Фессалонитскаго переведенная на російскій діалектъ объявленіе о православной и о раскольной церковяхъ. А справками показано: из типографіи из требуемыхъ в вѣдѣніи Св. Синода книгъ имѣются слѣдующія: Жезлъ Правленія сооруженный в лѣто 7174, Кормчая, Скрижаль, Симеона Фессалонитскаго по одной, Соборнаго Дѣянія на армянина еретика

Мартина мниха в полдестъ в тетратѣхъ полныхъ сорокъ, да погнилыхъ десять, в четверть въ тетратѣхъ шесть сотъ семдесятъ двѣ, а требникъ харатейный Θεогноста митрополита взять въ Св. Правительствующій Синодъ, прочихъ же де не имѣется, понеже де въ той типографіи непечатаны и в розсылкѣ не были: отъ синодалнаго ризничего: в синодалной де библиотекѣ по каталогу значатся книги, а ямянно: Жезлъ Правленія и иная разная собранія писана полски, Увѣтъ Духовный в дву томахъ, греческая в дестъ Сумеона Θεσσαλονитскаго на ереси и о православной вѣрѣ и о церковныхъ таинствахъ книга словесная писмянная в дестъ, на ней на верхней доскѣ написано: Сумеона Θεσσαλονитскаго самосушая переведенная съ греческаго діалекта, потребникъ переведенный съ келейной книги греческой Θεогноста митрополита писана на пергаминѣ уставомъ по листамъ подписана ево митрополичью рукою, на задней доскѣ написано 6837 году, три книги скрижалей выходу 164 году, да между пожитками послѣ умершихъ духовныхъ персонъ книга Пращица». 16-го ноября 1743 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Потребныя ко изобличенію раскольниковъ книги Жезлъ Правленія, Увѣтъ Духовный, Пращицу да о Антихристѣ въ Московской типографіи какое нынѣ число возможно напечатать . . . . . отъ Канторы разослать напередъ въ тѣ епархіи, в коихъ раскольники находятся, а во оныхъ получа оныя раздать первѣе в города и знатные приходы, а когда тѣхъ книгъ печати предано будетъ з доволствомъ, то за надлежащую жъ имъ цѣну розсылку отъ оной же Канторы учинить и по прочимъ епархіямъ . . . . . и велѣть оныя въ церквахъ прочитывать въ каждой недѣлѣ в пятокъ или же в воскресныя и в праздничныя дни». (Дѣло 1743 года марта 7 № 2). Того же года 16-го ноября Св. Синодъ постановилъ: «Книгу Розыскъ преосвященнаго Димитрія митрополита Ростовскаго отъ Московской Св. Синода Канторы в синодалной книгохранительницѣ или в типографской библиотекѣ отыскавъ отослать к синодалному члену преосвященному Иосифу архіепископу Московскому а его

преосвященству купно съ преосвященнымъ Платономъ епископомъ Крутицкимъ и с Чудовскимъ архимандритомъ Иларіономъ тое книгу рассмотреть и освидѣтельствовать и если в ней какой Священному Писанію и Преданіямъ погрѣшности и сомнительства не обрящется, то ихъ преосвященствамъ и архимандриту подписавъ оную книгу своими руками объявить в той Св. Синода Капторѣ в которую принявъ для изданія в печать отослать из оной въ Московскую типографію при указѣ и велѣть напечатать таковыхъ книгъ цѣлый заводъ какъ скоро возможно, а ежели в той книгѣ по тому ихъ свидѣтельству окажется въ чемъ важно сумнительно или же и погрѣшительно, то изъясня оно обстоятельно со мнѣніемъ своимъ писать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ немедленно». Преосвященный Платонъ въ донесеніи отъ 10-го апрѣля 1744 года пишетъ Св. Синоду: «Книга Розыскъ мною свидѣльствована въ которой по свидѣтельству никакихъ Святой Церкви противностей не явилось, токмо на оборотѣ 52 листа в строкѣ второй сверху написано не въ соединенномъ ли Божествѣ своемъ, а по моему мнѣнію надлѣжитъ быть не въ единствѣ ли Божества своего да на оборотѣ листа 56: сверху въ десятой строкѣ написано: по существу Бога Слова рождающая, а по мнѣнію жъ моему надлѣжитъ быть Истиннаго Бога Слова рождающая в вѣщшее же разсужденіе то предаю вашему святѣйшеству». 10-го сентября 1744 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Хотя напредь сего Св. Синодомъ и опредѣлено оную книгу освидѣтельствовать не одному его преосвященству, но синодалному члену Іосифу архіепископу Московскому купно с его преосвященствомъ да с Чудовскимъ архимандритомъ Иларіономъ, к чему протчія кромѣ его преосвященства времени не имѣли за исправленіемъ другихъ дѣлъ, однакожъ за довольно пріемлется и одного его преосвященства свидѣтельство, яко в догматѣхъ и чинѣхъ церковныхъ достаточно вѣдущаго, чего ради к болшему свидѣтельству предавать оставляется и надлежитъ оную издать в печать, которую в Московской типографіи со означеніемъ его преосвященства

свидѣтельства и напечатать в десть цѣлый заводъ, перемена в ней токмо сіе» (повторяются предложенныя преосвященнымъ Платономъ поправки)..... «и когда напечатана будетъ, тогда с надлежащею смѣтою во что всё стануть подать Святѣйшему Синоду репортъ, а в народъ тѣхъ книгъ не выпускать, но ожидать собственнаго на то Ея Императорскаго Величества указа». 8-го октября того же 1744 года ¹⁾ былъ подписанъ членами Св. Синода всеподданнѣйшій докладъ о напечатаніи книги Димитрія митрополита Ростовскаго «Розыскъ»; въ докладѣ написано: книга оная «Церкви Святой для защищенія а на противныхъ ея бѣзумствующихъ расколниковъ во обличеніе і на подкрѣпленіе претыкающимъ зѣло полезна и по мнѣнію Синода надлѣжитъ оную напечатать и предать народу». Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада Синода воспослѣдовало 12-го того же октября, а соответствующее опредѣленіе Св. Синода состоялось 15-го того же октября. Въ протоколѣ Св. Синода отъ 15-го того же октября за № 52 записано слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: «Когда сочиненная покойнымъ преосвященнымъ Димитріемъ митрополитомъ Ростовскимъ книга названная Розыскъ в Московской типографіи печатана будетъ, тогда в той книгѣ, гдѣ воспоминается святой священномученикъ Упполитъ, папа римской, печатать толко святой священномученикъ Упполитъ, а послѣдующихъ рѣчей папа римской для нѣкоей благословной вины не печатать». (Дѣло Св. Синода 1743 года отъ 16-го ноября за № 25)²⁾.

А. Никольскій.

---

1) Тогда же подписанъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о напечатаніи книги Теофилакта «Обличеніе».

2) Въ сочиненіи И. А. Шляпкина: «Св. Димитрій Ростовскій» нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ освидѣтельствованіи и исправленіи «Розыска»: процитованное нами дѣло Св. Синода осталось ему неизвѣстнымъ.

„Ябеда“, комедія В. В. Капниста.

Извѣстны слѣдующія изданія «Ябедь». Первое изданіе, 1798 года. Заглавный листъ его: «Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Съ дозволенія Санктпетербургской Ценсуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798. Печатано въ Императорской Типографіи. Издвѣніемъ *Г. Крутицкаго*». Передъ посвященіемъ Павлу I страница съ рисункомъ: Памятникъ. На немъ щитъ съ вензелемъ Павла I. Щитъ увѣнчанъ вѣнкомъ, осѣненъ лавровымъ деревомъ и освѣщенъ солнечными лучами. На памятникѣ подъ щитомъ надпись:

Тобой
поставлю судъ
правдивый
Лом. 2 ода.

У памятника Истина. На груди ея медаль въ видѣ солнца. Въ правой рукѣ зеркало; лѣвой рукой Истина указываетъ на надпись. И надпись и Истина освѣщены лучами солнца. У ногъ Истины Ябеда, съ искаженнымъ лицомъ, пораженная молніей отъ вензеля. Одной ногой Ябеда наступила на книгу, у другой (подогнутой) лежатъ брошенные вѣсы и мѣшокъ съ частью рассыпавшихся монетъ. Сзади Истины фавнъ играетъ на свирѣли. Ниже Ябеды книга и хартія обвиты полозущей змѣей, которая

схватила книжку ¹⁾. Изданіе 1798 года довольно рѣдко. 1211 экземпляровъ его было отобрано по книжнымъ лавкамъ въ томъ же 1798 году и даже было предписаніе истребить ихъ ²⁾.

1) См. Н. В. Губерти. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ. 1725—1800. Вып. 3. М. 1891. Стр. 839—868.—Въ экземплярѣ Академіи Наукъ рисунка нѣтъ. Въ экземплярѣ Имп. Публичной библіотеки есть.

2) *Историческія сужденія о цензурѣ въ Россіи*. Спб. 1862. Стр. 6: «Дѣло ком. иностр. ценз. № 1781/88». Оно заключается въ предписаніи, данномъ бывшимъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Паленымъ истребить по Высочайшему повелѣнію найденныя въ книжныхъ лавкахъ 1211 экземпляровъ «Ябеды». *Русская старина* 1878, май, стр. 715: «По всевысочайшей волѣ государя императора» отобранные 1211 экземпляровъ Палень препровождаетъ, 27 октября 1798 года, Дмитрію Николаевичу Неплюеву. Письмо сообщено Г. В. Есиновымъ. Причина запрещенія указана, по устному преданію, въ *Телѣ Wlénka* 1858, № 5, стр. 84—85. *Библиографическія записки* 1859, т. II, № 2, стр. 47—48. См. Записки С. П. Жихарева. 1806—1807. М. 1891. Стр. 251—252.

Атеней 1828, ч. 2. А. Писаревъ. Похвальное слово В. В. Капнисту. («Читано въ Публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ февраля 27 сего года»). Стр. 71: «Урокъ былъ такъ силенъ, что погрязшіе въ акциденціяхъ Кривосудовы очнулись, возопили противъ безжалостнаго сходства; и безъ мудрой воли прозорливаго императора Павла I, Россія навсегда лишилась бы лучшей своей комедіи». Сравни. *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля*. Часть III. М. 1864. Стр. 144—5: «Примѣчательны были также два Украинца, одинъ поэтъ въ отставку, другой, въ семь званій, только что поступившій на службу. Оба они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухъѣзовое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кацаповъ. Это были Капнисть и Глѣдичъ. .... Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ (Капнисть) въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей. Лѣтъ сорокъ спустя, одинъ изъ единосемцевъ его (Капниста), малорослый Малоросъ, коего назвать здѣсь еще не мѣсто, движимый тѣми же побужденіями, въ такомъ же духѣ написалъ свои комедіи и повѣсти. Не выводя на сцену ни одного честнаго русскаго человѣка, онъ предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ по большей части вымышленныхъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ». Вигель, какъ извѣстно, жилъ 1786—1856 г. *Историческія описанія* 1891, май: Воспоминанія С. В. Скалонъ (урожденной Капнисть). Стр. 345: «Въ то же время (въ концѣ царствованія Екатерины II) онъ (Капнисть) занимался процессомъ по ижмѣнію; этотъ процессъ причинилъ ему столько не-

По докладу Д. П. Трощинскаго Александру I, было повелѣно «возвратить Крутицкому экземпляры комедіи, которая при покойномъ Императорѣ была играна»¹⁾. Въ 1804 году, 30 іюля, Державинъ писалъ Капнисту: «Посылаю къ вамъ *Ябеду*, которую продаютъ изъ лавокъ, не знаю, по указу ли, или безъ указу, но разрѣшенія играть ее нѣтъ, и не играютъ, можетъ быть потому, что никто не проситъ о томъ; ибо теперь вкусъ здѣсь—на шуточные оперы...»²⁾.

пріятностей и хлопотъ, что отецъ, наконецъ, рѣшился бросить его, пожертвовавъ 2000 душъ; по этому поводу онъ написалъ первую и послѣднюю свою сатирическую комедію «Ябеду». Я. Гротъ. Жизнь Державина. Спб. 1880. Стр. 278, пр. 1: «Какъ мы слышали, у В. П. Капниста и отъ первой жены былъ сынъ, который разорился, и вслѣдствіе того вдова мачеха начала тяжбу съ соседомъ Тарновскимъ, присвоившимъ себѣ часть ихъ имѣнія. Эту тяжбу Василій Васильевичъ послѣ долгаго времени кончилъ любовною». П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861. Стр. 140: «Сюжетомъ этой комедіи (*Ябеды*) послужилъ процессъ, проигранный Капнистомъ въ Саратовской гражданской палатѣ». Библиографическія указанія о «Ябедѣ» и ея авторѣ см. въ *Русскомъ естествознаніи* 1898, августъ, стр. 323—329: Д. Языковъ. Столѣтіе комедіи Капниста «Ябеда». (На стр. 329, пр. 2 опечатка: «Современный Вѣстникъ»; должно быть: *Сверский естествознаніи*). С. Венгеровъ. Русская поэзія, вып. IV, 725—729; вып. VI, 210—215. *Сочиненія К. Н. Вязюжкова*. Изданы П. Н. Батюшковымъ. Томъ II. Спб. 1885. Стр. 492—503. А. В. Мезіеръ. Русская словесность, ч. II, Спб. 1902. Стр. 129—130.

1) См. приложение I и II къ моей статьѣ.—«Комедія *Ябеда* была представлена въ первый разъ 22 августа 1798 года и имѣла успѣхъ огромный... 20 сентября было назначено пятое ея представленіе, но внезапно піесу запретили и приказано было остановить отъ продажи остальные печатные экземпляры». П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861. Стр. 140. См. мою с. 62, пр. 2.

2) *Сочиненія Державина*. 2-е академическое изданіе. Томъ VI, стр. 170; 176. Въ 1805 году Капнистъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи играть «Ябеду». См. приложение II къ моей статьѣ. Быть можетъ, нѣкоторое содѣйствіе оказалъ и А. Л. Нарышкинъ, «главный директоръ надъ театральными зрѣлищами и музыкою», покровитель Капниста. *Россійская библиографія* 1881, № 90, стр. 306. (Здѣсь письмо Капниста къ А. Л. Нарышкину, изъ Обуховки, 15 декабря 1809 года. Сообщилъ К. Гранъ). *Русскій естествознаніи* 1898, августъ, стр. 328—329: Д. Языковъ. Столѣтіе комедіи Капниста «Ябеда». — Комедія въ іюнѣ 1805 года «вновь появилась на театрѣ» и была «нѣсколько разъ сыграна». *Сверский естествознаніи* 1806, ч. VI, іюнь, стр. 373. (Выписку см. ниже, стр. 67—68). *Русская старина* 1880, октябрь: «Русскій театръ въ царствованіе Александра I 1801—1825. Изъ журнала А. В. Каратыгина». Стр. 261—262: «1806, іюня 23. «Князь-Невидимка, опера. Въ присутствіи Государя и Царской

Насколько удовлетворительно воспроизводитъ изданіе 1798 года оригиналь «Ябеды», будетъ рѣчь ниже.

Слѣдующее изданіе «Ябеды» относится къ 1849 году. Это изданіе Александра Смирдина: «Полное собраніе русскихъ авторовъ. Сочиненія Капниста». Разрѣшено цензоромъ И. Срезневскимъ 25 января 1849 года. Печатано въ типографіи Академіи Наукъ. (Цѣна одинъ рубль серебромъ). Впереди посвященіе «Государю Императору Александру Первому»:

Гремяща славой въ цѣломъ мірѣ
Екатерина, кроткій слухъ,
Въ отраднѣйшій отъ заботъ досугъ,
Къ моей склоняла скромной лирѣ.
Ты кротокъ какъ душа Ее,
Ты любишь музъ не льстивыхъ пѣнье:
Пріймижъ усердное мое
Къ Тебѣ и къ Ней благоговѣнье;
Прійми: — — и скудный оиіямъ
Пріятенъ былъ самимъ богамъ.

Вѣрноподанный
Василій Капнистъ.

На страницѣ 7-ой, слѣдующей за этимъ посвященіемъ, находимъ письмо Н. Новосильцова къ Капнисту:

семиліи.—юля 23. «Ябеда», «Вѣстникова съ сѣмьею» и балетъ, играна школоу, на дачѣ А. Л. Нарышкина (т. е. воспитанниками и воспитанницами театрального училища»). Ср. у Арапова («Лѣтопись русскаго театра», 171): «У Алекса. Львовича Нарышкина, проводившаго лѣто на своей дачѣ, на 13 верстѣхъ на петергофской дорогѣ, бывали спектакли. 28 іюня, пировало у него большое общество; Государь изволилъ осчастливить своимъ присутствіемъ этотъ праздникъ. Спектакль состоялъ изъ ком. *Ябеда* и *Вѣстникова съ сѣмьею*, послѣ чего былъ балетъ, прекрасно исполненный на воздухѣ, съ полетами сальфовъ, амуровъ и проч. очарованіями». Араповъ значительную часть свѣдѣній заимствовалъ изъ «журнала А. В. Каратыгина»: *Русская старина* 1880, октябрь, 261, пр. 1.

Милостивый Государь мой!
Василій Васильевичъ!

Поднесенное вами собраніе сочиненій вашихъ, равно и посвященіе оныхъ Его Величеству, Государь Императоръ удостоивъ особеннаго Своего благоволенія, въ знакъ онаго пожаловать вамъ соизволилъ препровождаемый при семъ брилліантовый перстень. Поздравляя васъ, Милостивый государь мой! съ сею Высочайшею милостью, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью,

Вашимъ, милостивый государь мой!
покорнымъ слугою,

Н. Новосильцовъ.

№ 606, Октября 3 дня,
1806 года. С.-Петербургъ.
Его Высочордію В. В. Капнисту.

Собраніе сочиненій, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, это—«Лирическія сочиненія Василя Капниста. С.-Петербургъ, Съ дозволенія Цензурнаго Комитета. Печатано въ Типографіи Ф. Дрехслера. 1806». Посвященіе Александру I то, которое приведено немного выше.

При сличеніи изданія «Ябеды» 1798 года и 1849 года оказывается, что послѣднее (стр. 9—154) есть довольно тщательная перепечатка перваго; тѣмъ не менѣе есть отличія отъ изданія 1798 года, и вольныя и невольныя ¹⁾. Вольныя—во многихъ мѣстахъ измѣнены знаки препинанія, напримѣръ: дѣйствіе I, явленіе 1-ое, стр. 20:

«Прямиковъ.

Вотъ на! возможно ль быть? А члены?—

1) М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. Изданіе 2. М. 1869. Стр. 43: «Любителямъ безошибочныхъ изданій совѣтуемъ отыскивать это изданіе (т. е. 1798 года): въ сочиненіяхъ Капниста, изданныхъ Смирдинымъ, многіе стихи такъ испорчены, что нельзя добраться до смысла и до мѣры стиховъ».

Добровъ.

Все одно: (;) ¹⁾

У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.

.....

Охотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ ²⁾,
И спешую съ небесъ доѣхать правду можно».

Тамъ же, стр. 23: ³⁾

«И не изъ прибыли я вамъ служить хотѣлъ; (;)
Я ужъ сказалъ, сударь, (!) я вашу хлѣбъ-соль ѣлъ».

Въ дѣйствиі I, явленіи 7-омъ, стр. 42: ⁴⁾

Кривосудовъ.

Но я его оттеръ. О дѣлѣ небылицы
Занесъ—было, (;) но я замаялъ рѣчь,
.....

Наумычъ.

Сколько жъ вамъ мой господинъ, сударь, (!)
Обязанъ? (!)

Въ дѣйствиі III, явленіи 4-омъ, стр. 86: ⁵⁾

«Хватайко.

Тѣфу пропасть; (!) соника: и этотъ вонъ изъ коня!»

Тамъ же, стр. 88 ⁶⁾:

Праволовъ.

«Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,

---

1) Знаки изданія 1798 года поставлены въ скобкахъ. Изданіе 1798 годъ, стр. 5.

2) Изданіе 1798 года, стр. 5: нѣтъ занятой.

3) Изданіе 1798 года, стр. 8.

4) Изданіе 1798 года, стр. 25—26.

5) Изданіе 1798 года, стр. 69.

6) Изданіе 1798 года, стр. 70.

Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына, (;)
Котораго ужъ нѣтъ! (;) скоро была кончина».

Въ дѣйствіи III, явленіи 5-омъ, стр. 90 ¹⁾:

«Фекла.

Садиться,

Прямикова цѣлуетъ руку Софьи и садится возлѣ нея.

Прошу. — Сюда ²⁾, прошу ко мнѣ перемѣститься».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 5-омъ, стр. 117:

«Кривосудовъ.

(Распечатываетъ письмо; ассигнаціи падаютъ. Фекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ).

Въ изданіи 1798 года, стр. 100: «Кривосудовъ распечатываетъ письмо, Ассигнаціи падаютъ; Фекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ».

Правописаніе отчасти подновлено, напримѣръ: «настольный» вмѣсто «настойной» изданія 1798 года, «короткій» вмѣсто «короткой», «чорный» вмѣсто «черной», «поцѣловать» вмѣсто «поцаловать», «кстати» вмѣсто «къ статѣ», «отвсюду» вмѣсто «отъ всюда».

Отмѣтимъ также, что въ дѣйствіи II, явленіи 2-омъ (стр. 62): «потряхиваетъ». Въ изданіи 1798 года (стр. 45): «потряхаетъ».

Въ дѣйствіи V, явленіи 7-омъ (стр. 148): «падаетъ въ кресла». Въ изданіи 1798 года (стр. 129): «падаетъ въ крѣслы».

Помимо опечатокъ очевидныхъ ³⁾ есть и слѣдующіе недосмотры: дѣйствіе II, явленіе 3-е, стр. 63:

1) Изданіе 1798 года, стр. 72.

2) Въ изданіи 1798 года запятой нѣтъ.

3) См., напримѣръ, дѣйствіе V, явленіе 10-ое (стр. 154), конецъ: «взито», вмѣсто «взято»; дѣйствіе II, явленіе 5-ое (стр. 68): «паствами» вмѣсто «поставами». Изданіе 1798 года, стр. 50.

Праволовъ.

Знакъ, что и наяву не ненавидитъ.

Въ изданіи 1798 года (стр. 46):

«Знакъ, что и на яву весьма не ненавидитъ».

Въ дѣйствіи II, явленіи 6-омъ, стр. 73:

«Радбынъ.

И-и я по-по-здра-здра-здравляю васъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 55):

«И-и я по-по-здра-здра-здра-здравляю васъ».

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ (стр. 85):

«Кривосудовъ.

Не горячись: а то и впрямъ бобыль».

Въ изданіи 1798 года (стр. 67):

«Не горячись: а то впрямъ какъ разъ бобыль».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 106):

«Хватайко.

Слуга вашъ.

Сладка сна!»

Въ изданіи 1798 года (стр. 90):

«Хватайко.

Слуга вашъ.

Паролькинъ.

Сладка сна!»

Въ дѣйствіи II, явленіи 5-омъ (стр. 72):

«Праволовъ.

И такъ, надѣятыя уже, уже сударь, мнѣ можно?»

Въ изданіи 1798 года (стр. 54):

«И такъ надѣяться уже, сударь! мнѣ можно?»

Цензура 1849 года отнеслась къ комедіи «Ябеда» еще строже, чѣмъ цензура 1798 года: въ комедіи изданія 1849 года выпущено два мѣста, пропущенныхъ цензурою въ 1798 году.

Дѣйствіе II, явленіе 6-ое, (стр. 74):

«Бульбулькинъ.

Ну, проповѣдь!—Прямой . . . этотъ всѣхъ обидчикъ . . .

Радбынъ.

Но пра-прав-право онъ не безъ при-при-чи-чи-чины...»

Въ изданіи 1798 года, (стр. 56):

«Бульбулькинъ.

Ну! проповѣдь!—Прямой попъ этотъ всѣхъ обидчикъ:
Не жди конца, когда о взяткахъ онъ начнетъ.

Фекла.

А самъ вѣдь и съ живыхъ и съ мертвыхъ онъ дереть.

Кривосудовъ.

Родись, крестись, женись, умри, грѣши, иль кайся,
А кошелькомъ за все съ нимъ на чисто квитайся.

Паролькинъ.

Да вѣдь питаетъ онъ себя отъ Олтаря.

Хватайко.

Мы-жь изъ насущнаго лишь служимъ у Царя.

Радбынъ.

Но пра-прав-право онъ не безъ при-чи-чи-чины...»

Въ дѣйствиі Ш, явленіи 6-омъ (стр. 102):

«Хватайко.

Вѣдь самъ сложилъ слова.

Бульбулькинь.

Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца.

Праволовъ.

А что, схватили?

Паролькинъ.

Наконецъ».

Между приведенными словами Бульбулькина и Праволова пропущенъ текстъ, занимающій въ изданіи 1798 года ровно двѣ страницы: 85 и 86 (по 4-му изданію «Дешевой библіотеки» А. С. Суворина, стр. 82—84).

Въ изданіи 1849 года нѣтъ письма Нелединскаго къ Капнисту и письма Капниста къ Крутицкому. Оба эти письма въ изданіи 1798 года напечатаны послѣ комедіи (стр. 137—138)¹⁾.

Далѣе, «Ябеда» была издана въ «Дешевой библіотекѣ» А. С. Суворина четыре раза: 1-е изданіе дозволено цензурою 21 декабря 1884 года, въ 4000 экземплярахъ, 184 стр.; 2-е изданіе дозволено цензурою 10 мая 1887 года, въ 5000 экземплярахъ, 124 стр.; 3-е изданіе дозволено цензурою 8 декабря 1889 года, въ 5000 экземплярахъ, 124 стр.; 4-е изданіе дозволено цензурой 5 октября 1902 года, въ 5000 экземплярахъ, 122 стр. Всѣ четыре изданія «съ портретомъ и биографіей автора» и по содержанию своему сходны. Бросающаяся въ глаза разница 1-го изданія «Дешевой библіотеки» (184 стр.) съ послѣдующими (124—122 стр.) зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ вліянія

---

1) Письмо Нелединскаго было напечатано еще въ *Современникѣ* 1836, томъ II, 308. Письмо же Капниста къ Нелединскому напечатано было въ *Русской старинѣ* 1878, май, стр. 714.

на содержаніе, — отъ шрифта, набора, формата. Въ виду сходства текста¹⁾ мы будемъ говорить лишь о 4-омъ изданіи.

Въ концѣ «біографіи» 4-го изданія, какъ и во всѣхъ предыдущихъ изданіяхъ, указано: «Наше изданіе «Ябеды» воспроизведено съ 1-го изданія 1798 года, съ авторскимъ посвященіемъ императору Павлу Петровичу». Воспроизведение не лишено нѣкоторыхъ недостатковъ. Не достаесть въ «воспроизведеніи» того, что есть на самомъ концѣ изданія 1798 года, послѣ текста «Ябеды», это именно стр. 137—138: письмо Юрія Нелединскаго Мелецкаго къ Капнисту, изъ Павловска, 29 іюня 1798 года, и письмо Капниста къ Антону Михайловичу Крутицкому, 30 сентября, того же года.

Редактировавшіе «Ябеду» въ изданіи «Дешевой бібліотеки», повидимому, считали возможнымъ мѣстами «воспроизводить» изданіе 1798 года не буквально, а по усмотрѣнію дѣлать измѣненія.

Въ дѣйствіи V, явленіи 1-омъ (стр. 102):

И чадомъ *оимнымъ* вст такъ сильно зарядились.

Въ изданіи 1798 года (стр. 109):

И чадомъ вейновымъ такъ сильно зарядились.

Въ дѣйствіи V, явленіи 4-омъ (стр. 114):

«Кохтинъ (отдавая бумагу Кривосудову).

Въ минуту я поспѣлъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 124):

«Кохтинъ *отдавая бумагу Кривосудову.*

Въ минутную поспѣлъ».

Такъ и въ цензурномъ экземплярѣ (Ц.) «Ябеды».

1) См. однако ниже, стр. 27; 32.

Въ дѣйствиі V, явленіи 6-омъ (стр. 116—117):

«Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ
Довольно уличеньъ...» (Къ Праволову) Кой чортъ! смотри-ка,
братъ!

(Чтаетъ) «Довольно уличеньъ, то для того сенать...»

«И, гдѣ найдется онъ, сковать, подъ стражу взять
И крѣпко содержать до новаго указа».

Въ изданіи 1798 года (стр. 127):

«Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ,
(Къ Праволову).

Довольно приличеньъ—Кой чортъ! смотри-ко братъ!

Читаетъ:

Довольно приличеньъ, то для того Сенать...»

«И гдѣ найдется онъ, сковавъ подъ стражу взять,
И крѣпко содержать до новаго указа».

Тамъ же (стр. 117): «Прав. (падая на колѣни и поднявъ
кверху обѣ руки, между коихъ записная книжка видна». Въ
изданіи 1798 года (стр. 128): «Праволовъ падая на колѣни, и
поднявъ въ верхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка
видна».

Въ дѣйствиі II, явленіи 2-омъ (стр. 55): «*Потряхиваетъ* кам-
зольнымъ карманомъ». Въ изданіи 1798 года (стр. 45): «Потря-
хаетъ камзольнымъ карманомъ».

Въ дѣйствиі III, явленіи 2-омъ (стр. 67): «*Разстаниваетъ*
бутылки». Въ изданіи 1798 года (стр. 62): «разставиваетъ бу-
тылки».

Въ дѣйствиі III, явленіи 6-омъ (стр. 78): «Тѣ же, *исключая*
Прямякова». Въ изданіи 1798 года (стр. 78): «Тѣжъ *выключая*
Прямякова».

Въ дѣйствиі I, явленіи 6-омъ въ концѣ (стр. 40) добавлено
слово его: «Выталкиваетъ его вонъ». Въ изданіи 1798 года
(стр. 23) «его» нѣтъ.

Въ дѣйствіи III, явленіи 9-омъ (стр. 66):

«То-бъ, вѣрно, проклинать не сталъ *свою* судьбину».

Въ изданіи 1798 года (стр. 61):

«Тобъ вѣрно проклинать не сталъ твою судьбину».

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ (стр. 72): «Фек. А мы по старинѣ? по четверти поэнь?»

Въ изданіи 1798 года (стр. 68):

«Фекла.

А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнь?»

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 82):

«Всѣ. Брать, братъ, братъ!

(Софія, заткнувъ уши, уходитъ)

.....

Всѣ. Брать, братъ, братъ!

Наум. И драть!»

.....

Всѣ. То свято!

Въ изданіи 1798 года (стр. 84—85) ¹⁾:

«Всѣ повторяютъ: братъ, братъ, братъ.

Софія заткнувъ уши уходитъ.

.....

Всѣ повторяютъ: братъ, братъ, братъ.

А Наумъчъ..... и драть.

Всѣ повторяютъ: То свято!»

Въ 1-омъ изданіи «Дешевой библіотеки» (стр. 122—123) было какъ въ изданіи 1798 года, но во 2-омъ, 3-емъ и 4-омъ измѣнено.

1) См. ниже, стр. 55.

Въ дѣйствии II, явленіи I-омъ (стр. 49):

«И вновь съ вчерашня дня въ архивъ онъ зарылся»

Въ изданіи 1798 года (стр. 37):

«И вновь съ вчерашня дня въ архиву онъ зарылся».

Въ изданіи 1798 года «Хватайко» имѣеть родительный падежъ: Хватайка, дательный: Хватайку (Хватайкову) и т. д. Въ «Дешевой библиотекѣ»: Хватайки, Хватайкѣ и т. д. Правописаніе вообще подновлено. Отъ этого теперь встрѣчаемъ такія рѣшмы: (дѣйствиіе I, явленіе 8-ое, стр. 43)

Кривосудовъ . . . . . Да это дворъ гостинный!

Өек. (Наумычу)   Обернуто холстиной? 1).

Впрочемъ, иногда старинное правописаніе оставлено, напримеръ въ такомъ случаѣ:

Пожалуй же, мой другъ, для страха ты пустоа

Въ ихъ дѣлѣ не скриви ужъ даннаго разъ слова.

(Дѣйствиіе IV, явленіе 4-ое, стр. 93—94).

Въ очень многихъ мѣстахъ въ «Дешевой библиотекѣ» измѣнены знаки препинанія изданія 1798 года, безъ всякой необходимости.

«Крив.   Ну, добро!

Посмотримъ!»! (Дѣйствиіе I, явленіе 8-ое, стр. 42).

Въ изданіи 1798 года (стр. 26): «Ну! добро;

Посмотримъ».

Въ дѣйствии IV, явленіи 5-омъ (стр. 95):

«Крив.   Инъ быть такъ, хорошо: возьми!»!

---

1) См. еще въ дѣйствии II, явленіи 5-омъ, стр. 59: «богатыя»—«рогатыя». По изданію 1798 года: «гостинной», «богатыя»—«рогатыя».

Въ изданіи 1798 года (стр. 102): «Инь бышь такъ, хорошо; возми».

Въ дѣйствіи IV, явленіи 6-омъ (стр. 86):

«Кох. (подставляя карманъ кафтанный). Извольте положитьсья».

Въ изданіи 1798 года (стр. 90): «Извольте положить—ся».

Въ дѣйствіи V, явленіи 3-емъ (стр. 114):

Хват. Желаю здравствовать.— Не потревожу-ль васъ?

Крив. Никакъ, любезный гость! спокойно-ль ночевали?

Хват. Я думаю, какъ всѣ: какъ улеглись—не знали!?

.....

Хват. Ай, да спасибо вамъ! Вотъ прямо удружили».

Въ изданіи 1798 года (стр. 123):

«Хватайко.

Желаю здравствовать.— Не потревожу-ль васъ?

Кривосудовъ.

Ни какъ: любезный гость! спокойно-ль ночевали?

Хватайко.

Я думаю какъ всѣ: какъ улеглись не знали

.....

Хватайко.

Ай! да спасибо вамъ: Вотъ прямо удружили!»

Въ дѣйствіи III явленіи I-омъ (стр. 66—67): ¹⁾

«Наум. Ну! что ты вопишь, братъ? (!) о чемъ твоя тоска?

О, если бъ стряпчимъ ²⁾ былъ ты хотя полгодка,

1) Изданіе 1798 года, стр. 61—62. Чтобы не печатать дважды монолога, я поставилъ знаки препинанія изданія 1798 года въ скобкахъ.

2) Изданіе 1798 года: О естлибъ Стряпчимъ.

То-бѣ, вѣрно, ¹⁾ проклинать не сталъ свою судьбину.
Когда-бѣ ²⁾ былъ принужденъ нагнуть сто разъ въ день
спину, (;)
Версть тридцать обѣжать по городу пѣшкомъ
Въ дождь, слякоть или морозъ и зной бумагу съ
мѣшкомъ, (;)
Предъ солнцемъ ³⁾ на поклонъ не опоздать до члена, (;)
Ждать часикъ у воротъ, хоть грязь и по колѣна, (;)
И какъ ни гнали-бѣ ⁴⁾ прочь, а доступъ получить, (;)
Указовъ изъяснить ⁵⁾ сто сотенъ затвердить, (;)
Или просидѣть съ перомъ тутъ ночи безъ засыпу,
А до удущья тамъ въ архивну ⁶⁾ врыться кипу, (;)
Того ласкать, кого душой нельзя ⁷⁾ терпѣть, (;)
Отъ всякаго сносить, ко всякому послѣть, (;)
А что несноснѣе: такъ цѣлы дни поститься, (;)
И всѣхъ перепоить, а самому трезвиться!
Со всѣмъ тѣмъ, послѣ всѣхъ докукъ, трудовъ, хлопотъ,
Какъ дѣло иногда бываетъ въ черной ⁸⁾ годъ,
Въ не пользу барина свихнется сатану,
То придетъ ⁹⁾ тутъ еще отдохнуть и спивною, (.)
Вотъ жизнь! такъ ты, мой другъ, (!) Архипушка, (!) молчи;
Поди (,) и около теленковъ хлопочи».

Въ дѣйствиі V, явленіи 1-омъ (стр. 104):

«Добр. Поттише, берегись: вотъ къ намъ валитъ весь судъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 111):

-
- 1) Изданіе 1798 года: Тобѣ вѣрно проклинать.
  - 2) Изданіе 1798 года: Когдабѣ.
  - 3) Изданіе 1798 года: Предъ Солнцемъ..... до Члена.
  - 4) Изданіе 1798 года: гналибѣ.
  - 5) Изданіе 1798 года: на изъяснить.
  - 6) Изданіе 1798 года: въ Архивну.
  - 7) Изданіе 1798 года: душой не лъзя.
  - 8) Изданіе 1798 года: черной.
  - 9) Изданіе 1798 года: придетъ.

«Добровъ.

Потише: берегись; вотъ къ намъ валить весь судъ».

Есть, конечно, въ «Дешевой библиотекѣ» и опечатки. Къ нимъ относимъ и слѣдующее мѣсто.

Дѣйствіе III, явленіе 4-ое, стр. 72:

«Ну, отъ кого, скажи, наслѣдіе Адама?»

Въ изданіи 1798 года (стр. 69):

«Ну! отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?»

Въ дѣйствіи I, явленіи 8-омъ (стр. 46) пропущено «его»:
«Фек. (съ жаромъ). Какъ? хочешь намъ на шею навязать?»

Въ изданіи 1798 года (стр. 33):

«Фекла съ жаромъ.

Какъ? хочешь намъ его на шею навязать?»

Въ дѣйствіи I, явленіи 1-омъ (стр. 24):

«Я милости его отнюдь не позабылъ».

Въ изданіи 1798 года (стр. 3):

«Я милостей его отнюдь не позабылъ».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ (стр. 86):

Праволовъ Кохтину.

«Ты помощь окажи, а это на въ закладъ!

Могу-ль надѣяться? (Даетъ ассигнацію)».

Въ изданіи 1798 года (стр. 90):

«Ты помощь окажи.—А это на въ закладъ!

Могу-ль надѣяться? *Даетъ Ассигнацію».*

Къ 1893 году относится изданіе «Ябеды» Ф. А. Іогансона въ Кіевѣ, въ серіи «Библиотека Крошка». Въ самомъ изданіи не говорится, откуда взять текстъ. Повидимому, это перепечатка:

3-го изданія «Ябеды» въ «Дешевой библиотекѣ» А. С. Суворина. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство. «Крошка», стр. 89: «Какъ? хочешь намъ на шею навязать»? Пропущено «его», на что мы указали немного выше въ изданіяхъ «Дешевой библиотеки».

«Крошка», стр. 194 (дѣйствіе III, явленіе 6): «Тѣ-же, исключая Прямикова». Въ изданіи 1798 года, стр. 78: «Тѣжъ выключая Прямикова». Въ изданіи 1849 года, Смирдина, стр. 95: «Тѣ жъ, выключая Прямикова». Въ «Дешевой библиотекѣ» стр. 78, (2 и 3 изд. стр. 79, 1-е изд. стр. 114):

«Тѣ же, исключая Прямикова»

«Крошка», стр. 75 (дѣйствіе I, явленіе 8):

«Сколько-ль вамъ, мой господинъ, сударь,
Обязанъ!»

Въ изданіи Смирдина, стр. 42:

«Сколько жъ вамъ мой господинъ, сударь, обязанъ?»

Въ изданіи 1798 года, стр. 26:

«Сколькожъ вамъ мой Господинъ, сударь! обязанъ!»

Въ «Дешевой библиотекѣ», только въ 3-емъ изданіи, стр. 42:

«Сколько-ль вамъ, мой господинъ, сударь, обязанъ!»

Вотъ всѣ изданія (7), которыя указаны въ каталогахъ Императорской Публичной библиотеки и библиотеки Академіи Наукъ. Кромѣ этого, отрывки «Ябеды», большіе или меньшіе, находятся въ различныхъ изданіяхъ, ученаго и учебнаго характера, касающихся литературы XVIII вѣка, напримѣръ у Н. В. Губерта¹⁾, въ хрестоматіи А. Галахова²⁾.

1) См. выше, стр. 16, пр. 1.

2) А. Галаховъ. Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности. Томъ I. (Отъ Петра I до Карамзина). Спб. 1861. На стр. 602—7 напечатаны дѣйствія III явленія 4 и 6 (часть). Текстъ взятъ изъ изданія 1798 года. Знаки препинанія въ нѣсколькихъ мѣстахъ измѣнены. Есть недо-

Къ этому можно добавить, что въ Русской старинѣ 1873, май, 715—716, С. И. Турбинъ сообщилъ нѣсколько вариантовъ въ «Ябедѣ», по печатному экземпляру 1798 года, нѣкогда принадлежавшему актеру Щеникову. Въ бенефисъ его шла «Ябеда» 2-го сентября 1814 года. Капнистъ сдѣлалъ нѣкоторые поправки въ указанномъ экземплярѣ (всего 9).

Подводя итогъ обзору изданій «Ябеды», должно сказать, что мы имѣемъ комедию и теперь въ томъ видѣ, въ какомъ выпустила ее цензура времени Павла I, 1798 года, не считая позднѣйшихъ произвольныхъ измѣненій.

Къ счастью, цензурный экземпляръ изданія 1798 года сохранился, вмѣстѣ съ письмомъ Капниста къ Крутицкому. Эта рукопись хранится въ Императорской Публичной библиотекѣ, подъ шифромъ F. XIV. 42. Рукопись въ листъ; въ папкѣ. По листамъ записи: 1) «Сія комедія Ябеда въ пяти дѣйствіяхъ сочинена надворнымъ совѣтникомъ и членомъ россійскія академіи Василіемъ Капнистомъ»; 2) «Секретарь Михайло Селастенникъ». Текстъ комедіи переписанъ писцомъ. Рукопись была отмѣчена въ отчетѣ Императорской Публичной библиотеки за 1867 годъ ¹⁾.

Для краткости мы обозначаемъ ниже рукопись F. XIV. 42 буквой Ц.

Сохранилась также и другая рукопись, прошедшая цензуру.

смотри: «Правововъ. А сколько же считается на немъ?» Въ изданіи 1798 года, стр. 87 и въ Ц.: «на комъ?» («Дешевой библиотеки» стр. 84). Въ концѣ дѣйствія III: «Хватайко. Слуга вамъ». Въ изданіи 1798 года, стр. 90, и въ Ц.: «слуга вашъ». Въ позднѣйшихъ изданіяхъ хрестоматіи (13-е, М. 1905, 12-е, М. 1908) къ этому прибавлены еще слѣдующіе недосмотры: въ явленіи 4-мъ пропущена цѣлая строка: «(Къ Кохтину) Садись, мой другъ, но лишь пожалуй не соли» (изд. 1798 года, стр. 67; «Дешевой библиотеки» стр. 71). Въ концѣ того же явленія: «Хватайко. Не гну я пальца даромъ». Въ 1-мъ изданіи Галахова, въ изданіи 1798 года и въ Ц.: «Не гну и пальца даромъ». Въ явленіи 6-омъ: «Атуевъ. Мнѣ двѣ паролы». Въ 1-мъ изданіи Галахова, въ изданіи 1798 года и въ Ц.: «Мои двѣ паролы».

¹⁾ Спб. 1868. Стр. 153. Точнымъ указаніемъ года отчета я обязанъ И. А. Бычкову.

Это—рукопись ¹⁾ I отдѣленія библіотеки Академіи наукъ, шифра 1.5.55: «Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ Съ одобреніемъ Санктпетербургской Императорской Цензуры». Конца XVIII вѣка. 62 листа нумерованныхъ; л. 1 и л. 62 чистые. Сафьянный переплетъ, съ золотыми тисненіями по краямъ и на корешкѣ; обрѣзъ позолоченный. На бумагѣ два водяныхъ знака. Первый знакъ—женщина съ масляной вѣткой въ правой рукѣ, съ копьемъ въ лѣвой, внизу слѣва щитъ; все это въ тройномъ кругу, на верху котораго корона, а внизу: 1796. Второй знакъ—Vand 1796.

Письмо весьма тщательное; названіе дѣйствующихъ лицъ и слова «дѣйствіе», «явленіе» написаны красными чернилами.

Въ текстѣ поправки и сокращенія на л. 8 об., 9, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 14, 16, 18, 28 об., 30, 30 об., 31, 31 об., 32, 32 об., 33, 34, 34 об., 35, 36, 37 об., 38, 39, 40, 40 об., 41, 42 об., 44, 44 об., 45, 45 об., 46, 46 об., 47, 48, 48 об., 50, 51, 51 об., 52, 52 об., 55, 59 об., 60 об., 61.

Въ письмѣ своемъ къ Ю. А. Нелидинскому-Мелецкому, 30 апрѣля 1798 года, Капнистъ говоритъ: «Препровождая оное (т. е. сочиненіе «Ябеду») вашему превосходительству, аки любителю руссійскаго слова, покорнѣйше прошу узнать высочайшую волю, угодно ли будетъ усердіе мое его императорскому величеству, и благоволитъ ли онъ удостоить меня всемилоствѣйшимъ позволеніемъ украсить въ печати сочиненіе мое, одобренное уже цензурою ²⁾, священнымъ его именемъ ³⁾. Нѣкоторыя мѣста «Ябеды» академической рукописи ⁴⁾, цензорскія измѣненія въ ней и время появленія самой рукописи, подходящія ко времени, указываемому письмомъ Капниста, роскошная внѣшность, какой обяза-

1) Она обязательно указана мнѣ В. И. Срезневскимъ.

2) См. немного выше: «Съ одобреніемъ Санктпетербургской Императорской Цензуры», и цензорскія измѣненія текста академической рукописи шифра 1.5.55.

3) *Русская старина* 1873, май, стр. 714.

4) См. ниже, стр. 52—53.

тельно отличались въ XVIII вѣкѣ экземпляры, предназначенные для поднесенія высоко стоящимъ лицамъ, — все это даетъ мнѣ основаніе думать, что академическая рукопись 1.5.55 и есть тотъ экземпляръ «Ябеды», который былъ «препровожденъ» Капнистомъ Нелидинскому-Мелецкому.

Академическій списокъ «Ябеды» мы обозначаемъ П.

Рукописный текстъ «Ябеды» Ц. и П. былъ сличенъ мною съ печатнымъ. Позволяю себѣ привести нѣсколько наблюдений, сдѣланныхъ на основаніи сличенія.

Уже заранѣе можно сказать, что такая комедія, какъ «Ябеда», должна была вызвать въ свое время самое усердное «вниманіе» цензора. Дѣйствительно, цензурный экземпляръ Имп. Публичной библіотеки показываетъ наглядно, что выброшена приблизительно четвертая часть всей комедіи. Зачеркнуты цѣлыя явленія, монологи, уничтожены отдѣльныя выраженія и слова. Между прочимъ сильно пострадало и изображеніе Софьи.

Дѣйствіе II, явленіе 1, сравн. 4 изд. «Дешевой библіотеки»¹⁾, стр. 52.

Праволовъ.

Я бъ долженъ напередъ съ ума сойти, взбѣситься.

Возможно ль дурочку въ монастырѣ²⁾ съ шести

1) Здѣсь и далѣе приводимъ текстъ цензурнаго экземпляра (Ц.). Въ виду общедоступности «Дешевой библіотеки» и рѣдкости изданія 1798 года и, до известной степени, рѣдкости изданія 1849 года Смирдина, я указываю для сравненія здѣсь и далѣе страницы «Дешевой библіотеки».

2) Зачеркнута; сверху: столицѣ гѣтъ. — Въ «Монастырѣ» — Смольномъ монастырѣ. — Жена Капниста, Александра Алексѣевна, урожденная Дьякова, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. И. П. Хрущовъ. Милена, вторая жена Державина. Спб. 1903. Стр. 6. Историческій вѣстникъ 1891, май: Воспоминанія С. В. Скалонъ (урожденной Капнистъ). Стр. 842. — По словамъ родной дочери, А. А. Капнистъ была хорошая хозяйка. Тамъ же, стр. 848. О смольнкахъ Екатерининскаго времени, ихъ неподготовленности къ практической жизни и къ жизни «въ обществѣ» см. Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1899. Стр. 245—247. Записки С. Н. Глинки. Спб. 1895. Стр. 35.

Годовъ воспитанну ¹⁾ почти до двадцати,
 Которая приходъ съ расходомъ свестъ не знаетъ,
 Шьетъ, на Давыдовыхъ лишь гуслихъ повираетъ,
 Да по французски вретъ, какъ сущій попугай,
 А по природному лишь только ай! да ай! ²⁾).

Дѣйствіе I, явленіе I, сравн. «Дешевой бібліотеки» стр. 33.

Прямиковъ.

Такъ знай, мой другъ!
 Что страстью нѣжною пылаетъ къ ней мой духъ.
 Но кто соперникъ мой ³⁾?
 Прекрасною она глазамъ моимъ казалась; ⁴⁾
 Влюбился страстно я въ нее тамъ; а потомъ ⁵⁾
 Какъ вышла ужъ она оттолкъ къ тѣткѣ въ домъ,
 То тамъ видаясь съ ней и пуще заразился.
 Признаться, счастливъ былъ, и я ей полюбился.
 Однакожъ сколь въ нее я страстно ни влюбленъ ⁶⁾,

1) «Годовъ воспитанну» зачеркнуто; сверху: превзбалованну.

2) «Лишь ай! да ай!» зачеркнуто; сверху: ни здравствуй, ни прощай!

3) Эти четыре слова поверхъ части всей старательно зачеркнутой строки.

Въ рукописи П.:

Но кто жъ соперникъ мой?—
 Въ Москвѣ у тѣтки, гдѣ она и воспиталась
 Увидѣлся я съ ней; она мнѣ показала.
 Влюбился; былъ ей милъ. Но сколько не влюбленъ,
 Я на войну спѣшить былъ честью принужденъ:
 Простились горестно: она мнѣ поклалась.

Строка «Но кто жъ соперникъ мой?» написана сверху: «Въ Москвѣ у тѣтки». Начиная со словъ: «Въ Москвѣ»... до «да за кого?» (см. ниже, с. 37) зачеркнуто.

4) «Прекрасною»... и до конца рѣчи Прямикова зачеркнуто по строкамъ. На поляхъ знакъ исключенія, Поверхъ строки «Прекрасною»... было:

Въ Москвѣ у тѣтки, гдѣ она и воспиталась.

Зачеркнуто.

5) Поверхъ этой строки было написано, но зачеркнуто:

Увидѣлся я съ ней. Она мнѣ показала.

6) Поверхъ этой строки было написано, но зачеркнуто:

Влюбился; былъ ей милъ. Но сколько.

Но ¹⁾ на войну спѣшить былъ честию принужденъ:
 Простились горестно: она мнѣ поклялася
 Любить меня по смерть. Потомъ война зажглася.
 Я дрался, отличонъ; и свѣдалъ на конецъ
 Что въ городъ сей велѣлъ ее привезть отецъ.
 Спѣшилъ сюда; въ дому процесомъ задержался;
 Приѣхалъ, къ ней иду, съ тобою повстрѣчался,
 И слышу. . . . Боже мой! Но можетъ ли то быть? —
 Возможно ль клятву ей такъ скоро позабыть?
 Да за кого?

Добровъ.

Я вамъ сказалъ: ²⁾ таять сударь ³⁾ къ чему та
 Да вотъ ее идетъ служанка къ намъ.

Дѣйствіе III, явленіе 2, сравн. «Дешевой библиотеки» стр. 67 и слѣд.
 Софія ⁴⁾, Анна и Наумычъ. *Разставляваетъ бутылки.*

Анна ⁵⁾.

Что такъ, сударыня! бѣжите торопливо?

Софья.

Ай! что мнѣ дѣлать тамъ? ⁶⁾

Анна.

Да гости: неучтиво.

Софья.

Ай! да учтивы ли они ко мнѣ? ⁷⁾

1) Сверху слова «но» было написано: «я». — Зачеркнуто.

2) Эти три слова зачеркнуты. На поляхъ знакъ исключенія. — П. также зачеркнуто.

3) Ц. и П. «Сударь» добавлено сверху.

4) Зачеркнуто.

5) Зачеркнуто это слово и все послѣдующее до включительнаго: «по крайности свосить». — П. то же зачеркнуто.

6) Сверху было: тамъ дѣлать нѣчего. — Зачеркнуто и это.

7) Снизу было: вотъ на они ко мнѣ учтивы ли? — Зачеркнуто и это.

Анна.

Какъ быть?

Вы полхозяйка; вамъ должно ихъ угостить.

Софья.

Ай! не хочу; они такіе грубіяны! ¹⁾

Анна.

Какъ быть? ²⁾

Софья.

Ай! не хочу; они такіе пьяны!

У насъ въ монастырѣ ³⁾ въ вѣкъ не былъ пьянъ никто.
Фи донъ!

Анна.

То монастырь; ⁴⁾ а здѣся все не то.

Софья.

Ай! вижу очень.

Анна.

Такъ вамъ должно примѣняться!

Софья.

Ай! фи донъ! ⁵⁾ не хочу: какъ едакъ напиваться!

Анна.

Не вамъ, сударыня! совѣтую я пить; ⁶⁾

---

1) Сверху начала строки было: мнѣ, ихъ поди (?) на. Эти слова зачеркнуты.
Сверху нихъ еще было: си вю пренъ! — Все зачеркнуто.

2) Сверху было: что дѣлать?—Зачеркнуто.

3) Поверхъ начала строки было: у тіотушки у насъ.—Зачеркнуто.

4) Сверху было: да то у тіотушки.—Зачеркнуто.

5) Сверху было: поди ты.—Зачеркнуто.

6) Слѣва, противъ этой строки, знакъ исключенія.

Но пьяныхъ здѣсь гостей по крайности сносить

Увидя вина и корзину.

При матушкѣ . . . ¹⁾ Да ба; что вижу! ²⁾ это ³⁾ ново;

Дѣйствіе III, явленіе 4 ⁴⁾, сравн. стр. 69.

Фекла, Софія ⁵⁾ и Анна *устанавливаетъ столики и стулья и карты и марки.*

Фекла ⁶⁾.

А ты, жеманна ⁷⁾ дочь!

За чѣмъ оставила гостей и вышла прочь?

У васъ такъ развѣ лишъ въ Монастырѣ ведется ⁸⁾;

Невѣста прочь, женихъ едакъ и . . . ается ⁹⁾.

Софія.

Ай! жениховъ отнюдь нѣтъ, я боюсь вамъ въ томъ ¹⁰⁾,

У насъ въ монастырѣ.

Фекла.

А за монастыріомъ? . . . ¹¹⁾

Я знаю вѣдь ужъ все; да я не помирволю.

Не монастырскую ¹²⁾, слышь; а дѣлай нашу волю.

1) Сверху было: Ну! какъ же тянуть тамъ!—Зачеркнуто.—П. Это послѣднее оставлено.

2) «Что вижу» зачеркнуто.—П. тоже.

3) Передъ «это» добавлено: и.—П. безъ добавленія.

4) Начиная отсюда до словъ Феклы включительно «я разъ сказала ужъ» зачеркнуто все.

5) П. зачеркнуто.

6) П. добавлено: къ Аннѣ.

7) П. отъ «жеманна» до «румянѣ» зачеркнуто. Сверху сначала добавлено то, что въ печатномъ концѣ явленія III, дѣйствія 3, стр. 69.

8) Сверху было: неужъ ли то такъ на Москвѣ.—Зачеркнуто.

9) Трудно разобрать.

10) Сверху этой и слѣдующей строки было:

У насъ въ Москвѣ отнюдь, боюсь вамъ, жениховъ

Мы и не видали.—Зачеркнуто.

11) Сверху было: Добро; а Пряниковъ? . . . Зачеркнуто.

12) Сверху было: тіотушкину.—Зачеркнуто.

Мы Праволова ужъ давно тебѣ сулимъ.
 Упрямя или нѣтъ; а быть тебѣ за нимъ.
 И такъ, голубушка! смотри не зазнавайся,
 И нравиться ему какъ можно ты старайся.

Софья падая на колѣни.

Ай ¹⁾, матушка! прошу васъ на колѣняхъ я,
 Избавьте отъ него, избавьте вы меня;
 Я нравиться ему ужъ не могу. . . . . Боюсь,
 Что не люблю его и въ томъ вамъ признаюся.
 Избавьте вы меня; онъ мнѣ не сносенъ такъ!..
 Но естли упросить васъ не могу никакъ,
 И у себя меня держать вы не хотите;
 То въ монастырь ²⁾ меня, прошу васъ, отошлите;
 Иль къ тетупикѣ назадъ: я сколько съ ней жила ³⁾,
 Божуся, въ тягость ей я право не была ⁴⁾.

Фекла.

Встань, дура! и молчи: про тетупку ни слова:
 Тамъ прежни пашни съ ней вы заведете съ нова.
 Не льстись, голубушка! Я разъ сказала ужъ. ⁵⁾

1) Было переправлено: ахъ.—Зачеркнуто.

2) Сверху было: къ тетупкѣ.—Зачеркнуто и это.

3) Сверху было: не буду. . . въ тягость ей. Зачеркнуто и это. Послѣ «буду» трудно разобрать одно слово.

4) Сверху была написана строчка. Зачеркнуто такъ, что трудно разобрать.

5) Слѣва, противъ этой строки знакъ исключенія.

II. Что Праволовъ тебѣ на вѣрно будетъ мужъ:
 И ежели ему ты согрубишь хоть мало,
 Молись чтобъ моего терпенія достало!
 Да вотъ всѣ.

Анна съ стороны

Пьяны.

Фекла услышавъ и замаскуившись Аннѣ. Знать хочешь ты румянъ.

Кривосудовъ.

Ба, ба! не ужъ ли то стоять зеркало тутъ?
Но нѣтъ.

Бульбулькинь.

И хорошо что спрятали подъ спудъ.

Атуевъ.

Смотрѣться нѣкому.

Хватайко.

На насъ весь вѣкъ смотрѣло.

Анна.

Знать больше и смотрѣть уже не захотѣло.

Дѣйствіе III, явленіе 9, сравн. стр. 82.

Тѣ жъ и Софья съ арфой.

Кривосудовъ.

Запой же намъ, мой другъ!

Софья.

Что батюшка велить?

Кривосудовъ.

Что хочешь, милая!

Кохтинъ къ Бульбулькину.

На этой пѣль Давидъ?

Бульбулькинь.

Нѣтъ, ета вѣдь стоять, а онъ съ своей носился.

Паролькинъ Атуеву ¹⁾.

Загнуть было ушко Давиду ²⁾.

---

1) Это слово добавлено.

2) Сверху было: послушай какъ бренчить.—Зачеркнуто.

Хватайко.

Ты взбѣсился;

Онъ проигралъ уже, я думаю, разъ пять.

Паролькинъ.

Охотничекъ и онъ старикъ вѣдь былъ играть.

Атуевъ.

Глухъ звукъ; не слышу я.

Хватайко.

Хоть съ длинными ушами!

Паролькинъ.

Взглянь какъ работаетъ руками и ногами!

Софья играетъ и поетъ.

Воспоемъ тьму щедротъ .

Нашей матери царицы;

Той, котора въ родъ и родъ

Весь щастливить свой народъ ¹⁾.

* * *

Отъ драгой своей десницы

Всѣмъ ²⁾ она блаженство шлютъ;

Вкругъ гремящей ³⁾ колесницы

Миръ съ побѣдами ведіють ⁴⁾.

* * *

Воспоемъ тьму щедротъ

Мы всѣ, какъ сироты и птицы,

Къ ней направа нашъ поліють

1) Сверху предыдущей и этой строки было:

Что подъ свой покровъ беріють

Вдовъ, убогихъ и сиротъ.—Зачеркнуто и это.

2) Сверху было: имъ.—Зачеркнуто.

3) Сверху было: блестящей.—Зачеркнуто.

4) Сверху этой строки было: Щастье и любовь ведіють.—Зачеркнуто.

Подъ крылами сей орлицы
Жизнь спасемъ ¹⁾ отъ непогодъ.

* * *

Воспоемъ тьму щедротъ

* * *

Какъ лучемъ она денницы,
Просвѣщаетъ Роскій родъ;
И подъ кровомъ багрянницы
Воспитаетъ тьму сиротъ.

* * *

Воспоемъ тьму щедротъ
Нашей матери царицы
Той, котора въ родъ и родъ ²⁾
Весь щастливить свой народъ.

Всѣ суды
Помути Господь народъ,
да накорми воеводъ.

Софья съ арфой уходитъ ³⁾ поспѣшно ⁴⁾.

Въ рукописи академической, П.

Дѣйствіе III, явленіе 9, сравн. стр. 82.

Тѣ жъ и Софья съ арфой.

Кривосудовъ.

Запой же намъ, мой другъ!

Софья.

Что батюшка велить?

1) «емъ» передѣлано изъ какого-то другого окончанія.

2) Сверхъ этой и слѣдующей строки было:

Что подъ свой покровъ беріютъ

Вдовъ, убогихъ и сиротъ.

3) Сверху было добавлено: поспѣшно.

4) Окончаніе ушло въ корешокъ переплета.

Кривосудовъ.

Что хочешь милая!

Паролькинъ Атуеву.

Послушай какъ брячитьъ.

Атуевъ.

Глухъ звукъ; не слышу я.

Хватайко.

Хоть съ длинными ушами!

Паролькинъ.

Взглянь какъ работаетъ руками и ногами!

Софья играетъ и поетъ.

Щастливъ кто на все на свѣтѣ
Могъ безъ зависти глядѣть;
И въ кругу мечты имѣть
Добродѣтель лишъ въ предметѣ.
Въ совѣсти спокойной тотъ
Тьму прямыхъ отградъ найдіотъ.

* * *

Кладъ свой Крезъ напрасно множить;
День надъ нимъ не спитъ, ни ночь:
Какъ его себѣ ни прочь,
Злый случай похитить можетъ.
Въ свѣтѣ всѣхъ богаче тотъ
Кто лишъ правдою живіотъ.

* * *

Хоть весь міръ кто завоюетъ
Щастливыхъ не сыщеть дней:
Средь побѣды звукъ цѣпей
Безъ покойный духъ волнуетъ.

Щастливъ истинно лишь тотъ
Съ правдой кто въ міру живіотъ.

Судьи всѣ.

Помути Господь народъ,
Да накорми воеводъ.

Софья.

Щастливъ истинно лишь тотъ,
Съ правдой кто въ міру живіотъ.

Судьи всѣ.

Помути Господь народъ.
Да накорми воеводъ.

Софья съ арфой уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 10.

Тѣ жъ безъ Софіи.

Кривосудовъ.

Что жъ пушшу?...

Дѣйствіе I, явленіе 3, сравн. стр. 34.

Софія, Прямыковъ, Анна и Добровъ.

Прямыковъ.

Щастливая минута!

Я вижу васъ опять, съ восторгомъ вижу васъ ¹⁾

Софія.

Ай ²⁾ да отъ куда вы?

---

1) Эта строка вся зачеркнута. Сверху: Съ какою радостью я вижу васъ
опять!—П. безъ поправки: Я вижу... васъ.

2) «Ай», переправлено на «Ахъ!»—П. безъ поправки: Ахъ.

Пряниковъ.

Я въ городъ лишь сейчасъ ¹⁾
 Приѣхалъ, и мое желаніе сердечно . . .

Софія.

Вы позабыли насъ!

Пряниковъ.

Ахъ! нѣтъ; я помнилъ вѣчно,
 И вѣчно и въ умѣ и въ сердцѣ васъ носилъ ²⁾
 Но вамъ я? . . . ³⁾.

Софія.

Признаюсь, ты мнѣ всегда былъ милъ . . .
 Ай ⁴⁾, что сказала я?

Пряниковъ.

Что вдругъ всѣ тѣ печали,
 Которыя мой духъ доселѣ отягчали,
 Разбили и меня въ мигъ драгоценный сей
 Щастливѣйшимъ изъ всѣхъ содѣлало людей.

Цѣлуетъ ее руки.

Софія.

Гдѣ былъ ты долго такъ? ай сколько тѣмъ теряешь!
 И всѣхъ твоихъ еще несчастій ты не знаешь ⁵⁾.

1) Слова Пряникова зачеркнуты. Поверхъ: могу ль себя ласкать надеждой, что моей вы къ вамъ любви сердечной . . .—П. Этой послѣдней поправки нѣтъ.

2) Зачеркнута эта строка. Сверху: и вѣчно образъ вашъ въ душѣ моей . . . П. Нѣтъ этой поправки.

3) Эта строка зачеркнута, какъ и всѣ другія строки до словъ Анны въ Софій, въ концѣ явленія 3-го. (См. ниже, стр. 47). На лѣвой сторонѣ знакъ исключенія, противъ «но вамъ я?»

4) «Ай» зачеркнуто; было переправлено на «Ахъ», которое тоже зачеркнуто.—П. безъ поправки: Ахъ!

5) Сверху: «ай сколько тѣмъ теряешь . . . не знаешь» было:
 Ахъ! другъ ахъ! ты не знаешь
 Несчастья нашего: всего что ты теряешь.—

Пряниковъ.

Охъ! нѣтъ ужъ я узналъ, что нѣжду нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть;
Но льщусь надеждою, когда они узнають,
Что горестъ вамъ одну они ¹⁾ приготавлиють,
То перемѣняютъ мысль и отдадутъ тому,
Кого вы избрали по сердцу своему.

Софія.

Желаю, чтобы ты тѣмъ не напрасно льстился.

Пряниковъ.

Открыться имъ во всемъ теперь же я рѣшился;
О дѣлѣ разговоръ подасть къ тому мнѣ слѣдъ.
Но кто щастливой тотъ? ²⁾

Анна къ Софіи ³⁾.

Но вотъ

Сюда вашъ батюшка сударыня! идиотъ ⁴⁾.

П. Гдѣ былъ ты долго такъ? ахъ! другъ мой! ты не знаешь
Нешастья нашего: всего что ты теряешь.

Эти стихи тоже зачеркнуты.

1) Послѣ «онъ» было добавлено сверху: лишь тѣмъ. — П. по выскобленному: лишь тѣмъ. Но тоже зачеркнуто.

2) Слѣва знакъ исключенія.—П. Поверхъ зачеркнутыхъ словъ Пряникова не зачеркнуто:

Ахъ! Боже мой! поди жъ скажи ей что открыться
Отцу ея хочу; и что надеждой льститься
Могу, что онъ меня другому предпочтетъ.
Но кто жъ ее женихъ.

Анна.

Вотъ баринъ нашъ идетъ.

—Вмѣсто «Анна» сначала было:

Софія.

Вотъ батюшка идетъ.

3) «Анна...идиотъ» добавлено.

4) «сударыня идиотъ» добавлено по выскобленному.

Дѣйствіе IV, явленіе 1 и 2 ¹⁾, см. стр. 87—88.

Софія.

Ай! глазъ я не могла всю ночь сомкнуть съ печали ²⁾.
 Несносный Праволовъ всю ночь мечтался мнѣ.
 Покою отъ него мнѣ нѣтъ ужъ и во снѣ!
 Что дѣлать съ матушкой, что такъ она жестока? ³⁾
 Что такъ не винную страсть....

Анна.

Ее страсть безъ прока,
 Когда позволите мнѣ правду говорить.

Софія.

Ай! ⁴⁾ что же дѣлать мнѣ, и чѣмъ тутъ пособить?

Анна.

Какъ чѣмъ? или умою или упрямствомъ вашимъ.
 Во первыхъ предложите родителямъ дражайшимъ
 Что естли Праволовъ, съ которой стороны
 Имъ милъ; когда они въ него такъ ⁵⁾ влюблены,
 То могутъ счастливо они на немъ жениться;
 И что скорѣе вы согласны утопиться,
 Чѣмъ быть когда нибудь драгой его женой;
 Вотъ вамъ, сударыня! совѣтъ послѣдній мой.

Софія.

Ай! ⁶⁾ въ вѣкъ этого сказать я не посмѣю.
 Къ родителямъ любовь, почтеніе имѣю.

1) Въ академической рукописи П. зачеркнуто все сначала (что и въ печатномъ изданіи есть) до включительно:... да вотъ они сами идутъ. См. ниже стр. 51.

2) «Ай... ночь» зачеркнуто; сверху: Я не могла всю ночь очей.

3) Эта строка и все послѣдующее, до дѣйствія 2-го, зачеркнуто. (См. ниже, стр. 49, пр. 3). Слева знакъ исключенія, противъ «Что дѣлать».

4) Было переправлено на: да.—П. Да.

5) «к» переправлено изъ «м»: было «тамъ».—П. такъ.

6) Было переправлено на «ахъ».—П. Ахъ!

Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу ихъ не смѣю согрубить.

Анна.

Инь такъ . . . извольте ихъ повиноваться волѣ.
Я не могу ни чемъ вамъ пособить ужъ болѣ;
И радуюсь въ передъ вообразя себѣ,
Какъ съ Праволовымъ вы въ завидной всѣмъ судьбѣ
Жить будете весь вѣкъ; какъ съ нимъ, съ его друзьями,
Съ писцами, стряпчими, или секретарями,
Обращаетесь вы; и тутъ ужъ безъ препонъ
Увидите со всѣхъ, сударыня! сторонъ
Чужое въ руки къ вамъ текущее богатство¹⁾.
Какое для души раздолье и пріятство!
Вдовъ видѣть, стариковъ и нищенскихъ сиротъ
Отъ васъ свой бѣдный хлѣбъ просящихъ у воротъ.

Софія.

Ай! ²⁾ не терзай меня и такъ ужъ я терзаюсь.
Но что жъ, несчастная! куда ни обращаюсь,
Отрады ни отколь и помощи мнѣ нѣтъ!

Анна *видя входящаго Прямикова.*

Однако нѣкто вотъ на помощь вамъ идетъ ³⁾.

.....

• Софія *въ сторону.*

Ай! ⁴⁾ естли бъ слезъ моихъ онъ не успѣлъ примѣтить.

.....

Софія.

Ай! ⁴⁾ нѣтъ: такъ ⁵⁾; ничего.

1) Эта и слѣдующія двѣ строки написаны по выскобленному.

2) Было переправлено на «ахъ». — П. Ахъ!

3) До сихъ поръ все зачеркнуто. См. выше стр. 48, пр. 3.

4) Переправлено на «ахъ».

5) Сверху добавлено еще: такъ. — П. Нѣтъ: такъ, такъ; ни чего.

Прямыковъ.

А слезы на глазахъ!
О чемъ грустите вы? Сударыня! хоть взгляньте... ¹⁾

Анна Прямыкову.

Вотъ баринъ съ бариней къ намъ идутъ: перестаньте,
Сударь. —

Софія ²⁾.

Ай! ³⁾ не терзай меня;
Не думай чтобъ когда тебѣ я измѣнила,
И клятвы позабывъ другаго полюбила.
Но ахъ! судьба меня не въ мѣру отягчила.
Мнѣ матушка велитъ на вѣкъ тебя забыть,
А кто не сносенъ такъ, того женою быть,
И угрожаетъ мнѣ всей строгостью своею;
Когда противиться я въ етомъ ей посиѣю.
Что дѣлать?

Прямыковъ.

Что тебѣ любовь твоя велитъ:
Знай, что мнѣ смерть съ твоей разлукой предстоитъ.
Коль любишь ты меня, можешь ли рѣшиться
Убить меня; съ моимъ врагомъ соединиться? —
Пусть все имѣніе отниметъ; передъ нимъ:
Но сердце пусть твое оставитъ; имъ однимъ
Я щастливъ буду; съ нимъ напасти всѣ забуду.
Люби меня, вотъ все.

Цѣлуетъ ее руку.

---

1) Эта строка и слѣдующія четыре до «сударь» включительно по выскобленному. — II. Скрыть ваши отъ меня хотите вы печали!

Я вижу вы меня любить ужъ перестали;
Друзей щастливыхъ...

2) Едва замѣтно: подскоблено. Все слѣдующее зачеркнуто до явленія 3-го.

3) Переправлено на «ахъ». — II. Ахъ.

Софія.

Люблю тебя, и буду
 Любить; пріятно мнѣ то повторять сто разъ¹⁾,
 Но чтожь въ томъ, ежели они разлучать²⁾ насъ?

Пряниковъ.

О мысль несносная!—Но нѣтъ! Позволь мнѣ льститься,
 Что сердце можетъ ихъ еще переимѣниться.
 Я въ силахъ оказать услугу важну имъ;
 И съ тѣмъ пришелъ. Не лзя чтобъ я поступкомъ симъ
 Не пріобрѣлъ себѣ хоть малой ихъ пріязни;
 Я свѣдалъ, что межъ тѣмъ какъ во вся безъ боязни
 И безъ опасности отъ всѣхъ они живутъ,
 Въ Сенатѣ имъ враги нещастіе куютъ;

Софія.

Ахъ! Боже мой! такъ мнѣ теперь же надо съ вами
 Поговорить. Пойдіомъ. Да вотъ они и сами.
 Идутъ³⁾.

Изъ другихъ измѣненій текста обращаютъ на себя вниманіе поправки при имени Кривосудова. Его званіе, повидимому, было не предсѣдатель гражданской палаты, а какое-то другое; какое именно, трудно сказать, такъ какъ первоначальное званіе весьма тщательно вездѣ зачеркнуто. «Намѣстникъ» тоже поставлено сверхъ какого-то другого слова, которое также очень старательно зачеркнуто.

Не нашель возможнымъ цензоръ пропустить и слѣдующій конецъ перваго дѣйствія (сравн. «Дешевой бібліотеки» стр. 47):

---

1) Это слово по выскобленному.

2) «лучъ» по выскобленному.

3) До сихъ поръ все зачеркнуто. См. выше стр. 50, пр. 2.

Извѣстія II Отд. Н. А. Н., т. XI (1906), кн. 8.

Фекла.

Ну! такъ оставивши пустые ети ¹⁾ бредни,
Пойдемъ; что бь етакъ ²⁾ намъ не проболтать обѣдни.
Давно молебень ужъ я приказала пѣть ³⁾. *Уходятъ* ⁴⁾.

Кривосудовъ.

У чудотворной что ль?

Фекла.

Туда нельзя поспѣть:
Тамъ барынь тьма старухъ, и дорого платящихъ.
Велѣла Филькѣ я отпѣть у всескорбящихъ.

Кривосудовъ.

Да какъ то вѣсть Господь и тамъ успѣть ему:
Я челобитчиковъ всегда видалъ тамъ тьму. *Уходятъ*.

Конецъ перваго дѣйствія.

Я не буду приводить еще примѣровъ измѣненія текста, чтобы не увеличивать объема статьи; да и указаннаго, думается, достаточно, чтобы имѣть нѣкоторое представленіе, какъ пострадала «Ябеда».

Тяжело пришились цензурныя измѣненія автору: инья мѣста исправлены два, три раза, разными чернилами и — все-таки зачеркнуты. Это не плодъ авторской обработки, это была уступка цензору: самый смыслъ мѣсть служить подтвержденіемъ горькой необходимости. Особенно, повидимому, хотѣлось Капнисту сохранить пѣснь Софьи подъ аккомпанементъ арфы и съ судь-

1) Зачеркнуто; сверху черными чернилами: вздорны.

2) Переправлено черными чернилами: едакъ.

3) Начиная съ этой строки зачеркнуто все до «Конца перваго дѣйствія» включительно.

4) «Уходятъ» прибавлено справа, черными чернилами. Послѣ этой строки, черными же чернилами, было проведено двѣ параллельныя черныя линіи.

скимъ пригѣвомъ. Въ цензурномъ экземплярѣ Имп. Публичной библіотеки гѣсны вся перечеркнута, съ начала и до конца, горизонтальными и вертикальными линиями. Капнисть измѣняетъ ее совершенно, кромѣ судейской пригѣвки, и вноситъ въ экземпляръ, назначенный для поднесенія императору, но — все опять зачеркнуто¹⁾.

Кто былъ цензоромъ назначеннаго къ поднесенію экземпляра—М. Туманскій, разрѣшеніе котораго есть на л. 1 въ Ц., или кто другой, сказать точно не можемъ, хотя выраженіе Капниста «одобренное уже цензурою»²⁾ и фраза рукописи Ц «Съ одобреніемъ Санктпетербургской Императорской Цензуры» какъ будто даютъ поводъ думать о Туманскомъ. Какъ бы тамъ ни было, но въ экземплярѣ, назначенномъ для поднесенія императору, цензоръ зачеркнулъ нѣкоторыя и изъ такихъ мѣстъ, которыя были пропущены раньше цензурой, напримѣръ: зачеркнуты 1-е и 2-е явленіе дѣйствія IV³⁾, зачеркнуты слова Софьи, Феклы и Анны въ явленіи 3-емъ дѣйствія IV⁴⁾, зачеркнуты слова Феклы къ Софіи въ явленіи 6-омъ дѣйствія II, слова Архипа въ явленіи 1-омъ дѣйствія IV.

Но нѣкоторыя мѣста комедіи, зачеркнутыя въ цензурномъ экземплярѣ (Ц.), пропущены въ академической рукописи: слова Прямикова въ явленіи 2-омъ дѣйствія I⁵⁾; слова Праволова о Радбынѣ, въ дѣйствіи II явленіи 1-омъ; слова Анны въ дѣйствіи III, явленіи 2-омъ⁶⁾.

Цензорскія измѣненія въ академической рукописи не оказали никакого вліянія на печатный текстъ 1798 года, который былъ изданъ по цензурному экземпляру (Ц.), «одобренному къ напечатанію» 19-го февраля 1798 года.

1) См. выше, стр. 43—46.

2) См. выше, стр. 34.

3) См. выше, стр. 48, пр. 1.

4) См. печ. стр. 90—91: отъ «Софья. Ахъ, нѣтъ, не клеветать...» до включительно: «Анна уходитъ бѣгомъ».

5) Сравни. печ. стр. 83; выше стр. 47, пр. 2.

6) Сравни. печ. стр. 67; выше стр. 39, пр. 1.

Сличая текстъ изданія 1798 года съ цензурной рукописью, мы находимъ въ изданіи много измѣненій текста ¹⁾. Такъ въ дѣйствіи I, явленіи 8-омъ—«Наумычъ Феклѣ.—Фунтъ горчицы» ²⁾. Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: «Тутъ колбасы».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ—«Атуевъ. Вотъ темна паролѣ» ³⁾. Въ цензурномъ экземплярѣ: «Вотъ те-на паролѣ». Въ академической рукописи: «Вотъ темно паролѣ»,—«мно» по подскобленному.

Въ дѣйствіи IV, явленіи 6-омъ—«Фекла. Да что! ты трусь!» ⁴⁾. Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: «Да что ты! трусь такой!»

Въ дѣйствіи I, явленіи 1-омъ ⁵⁾.

«Тутъ верхни мѣльницы, всѣ нижни потопили»;

Въ цензурномъ экземплярѣ:

«Тутъ верхни мельницы всѣ нижни подтопили»;

Въ дѣйствіи I, явленіи 6-омъ—Кривосудовъ «кладеть бумаги на столъ» ⁶⁾. Въ цензурномъ экземплярѣ) и академическомъ «кладеть бумаги на стулъ». Въ концѣ этого же явленія—Кривосудовъ «вырываетъ бумагу, бьетъ объ столъ и бросаеть». . . . . «Добровъ, поднявши бумагу».... Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ въ обоихъ случаяхъ стоятъ «бумагу».

Въ дѣйствіи V, явленіи 1-омъ—«Добровъ ставить съ нею (Анною) столъ по срединѣ» ⁷⁾. Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: . . . . «къ сцѣнѣ».

1) Сравни выше, стр. 19, пр. 1.

2) Изданіе 1798 года, стр. 25; «Дешевой библіотеки» стр. 42.

3) Изданіе 1798 года, стр. 82; «Дешевой библіотеки» стр. 81.

4) Изданіе 1798 года, стр. 107; «Дешевой библіотеки» стр. 100.

5) Изданіе 1798 года, стр. 4; «Дешевой библіотеки» стр. 25.

6) Изданіе 1798 года, стр. 20; «Дешевой библіотеки» стр. 88.

7) Изданіе 1798 года, стр. 110; «Дешевой библіотеки» стр. 103.

Въ дѣйствіи I, явленіи 8-омъ—«Фекла Архипу» ¹⁾. Въ цензурномъ экземплярѣ и академическомъ: «Фекла слугѣ».

Въ дѣйствіи II, явленіи 2-омъ ²⁾—«Праволовъ даетъ синюю Ассигнацію», «Праволовъ даетъ еще синюю Ассигнацію», «Праволовъ даетъ еще синюю Ассигнацію». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Праволовъ даетъ денегъ», «Праволовъ даетъ еще денегъ», «Праволовъ даетъ еще денегъ».

Въ дѣйствіи III, явленіе 6-омъ, послѣ пѣсни Хватайки: «*Всѣ посторяютъ: братъ, братъ, братъ. Собѣя, заткнувъ уши, уходитъ*» ³⁾. Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «*Всѣ посторяютъ: братъ, братъ, братъ* и Наумычъ . . . . . и драть».

О Софіи ничего нѣтъ.

Тамъ же ⁴⁾: «Наумычъ по знаку Праволова дѣлаетъ талию фось». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «по знаку Праволова забрасываетъ карту».

Въ дѣйствіи II, явленіи 5-омъ ⁵⁾: «Кривосудовъ *остаецъ*. Я-жъ вамъ росписочку...» Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Кривосудовъ *подымаясь*. Я вамъ росписочку...»

Въ дѣйствіи II, явленіи 6-омъ ⁶⁾: «Атуевъ къ Праволову. Что? здорово-ль?» Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Что! здорово».

Въ дѣйствіи III, явленіи 4-омъ ⁷⁾: «Праволовъ раздаетъ карты»; «даетъ ему Ассигнаціи». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ, послѣ слова «рокамболь»: «Беретъ и раздаетъ карты» . . . «даетъ ему деньги».

Въ дѣйствіи III, явленіи 6-омъ ⁸⁾: «Наумычъ подошедъ къ

1) Изданіе 1798 года, стр. 24; «Дешевой библіотеки» стр. 41.

2) Изданіе 1798 года, стр. 42; «Дешевой библіотеки» стр. 53—54.

3) Изданіе 1798 года, стр. 84; «Дешевой библіотеки» стр. 82.

4) Изданіе 1798 года, стр. 86; «Дешевой библіотеки» стр. 88.

5) Изданіе 1798 года, стр. 54; «Дешевой библіотеки» стр. 61.

6) Изданіе 1798 года, стр. 56; «Дешевой библіотеки» стр. 63.

7) Изданіе 1798 года, стр. 66; «Дешевой библіотеки» стр. 70.

8) Изданіе 1798 года, стр. 79; «Дешевой библіотеки» стр. 79.

Аннѣ». Въ цензурномъ и академическомъ экземпляръ: «вставши къ Аннѣ».

Тамъ же ¹⁾: «Встають и они»; «платя Бульбулькину, въ полголоса». Въ цензурномъ и академическомъ экземпляръ: «Встаетъ» . . . . «Къ Бульбулькину платя».

Тамъ же ²⁾: «Атуевъ насилу стоя на ногахъ»; «Паролькинъ обливъ руку пуншемъ». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Атуевъ почти падая съ пьянства» . . . «Паролькинъ держа стаканъ и обливъ руку пуншемъ».

Тамъ же ³⁾: «Кохтинъ подставляя карманъ кафтанной». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «подставлявая карманъ».

Въ дѣйствиі IV, явленіи 3-емъ ⁴⁾: «Фекла отпихивая Кривосудова». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «показывая ему шишъ».

Въ дѣйствиі IV, явленіи 5-омъ ⁵⁾: «Кривосудовъ Кохтину (Подите . . .)». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Кривосудовъ Наумычу».

Въ дѣйствиі V, явленіи 2-омъ ⁶⁾: «Между тѣмъ Члены нашедъ бутылки подъ столомъ, одну ногами повалили». Эта замѣтка помѣщена противъ: Добровъ читаетъ:

Хотя-жъ тогда проситель этотъ споръ
Разрушилъ, доказавъ что Прямиковъ Маіоръ
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына...»

Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ вышеуказанная замѣтка о членахъ отнесена къ словамъ того же «подробнаго экстракта», но немного выше:

И истцу оныхъ всѣхъ имѣній не давалъ...

-
- 1) Изданіе 1798 года, стр. 87—8; «Дешевой библіотеки» стр. 84—85.
  - 2) Изданіе 1798 года, стр. 88—9; «Дешевой библіотеки» стр. 85.
  - 3) Изданіе 1798 года, стр. 90; «Дешевой библіотеки» стр. 86.
  - 4) Изданіе 1798 года, стр. 94; «Дешевой библіотеки» стр. 90.
  - 5) Изданіе 1798 года, стр. 103; «Дешевой библіотеки» стр. 96.
  - 6) Изданіе 1798 года, стр. 116; «Дешевой библіотеки» стр. 107.

Въ дѣйствиі V, явленіи 6-омъ ¹⁾: «Распечатываетъ и отдаетъ Хватайку одинъ пакетъ»; «бѣжитъ за нимъ» (Хватайко). Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «Распечатываетъ и отдавая Хватайкову» . . . . . «бѣжа за нимъ».

Въ дѣйствиі V, явленіи 7-омъ: «роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ крѣслы». Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ стуло».

Въ дѣйствиі III, явленіи 6-омъ ²⁾: «Бери большой тутъ нѣтъ науки, и прочая».

Въ цензурномъ и академическомъ экземплярахъ: «и прочая» нѣтъ: многоточіе.

Въ дѣйствиі I, явленіи 5-омъ ³⁾: «Кривосудовъ.

.....

Прошу за честь сію спасибо васъ принять...»

Въ цензурномъ экземплярѣ:

«Прошу за честь сіе спасибо васъ принять».

Очень много въ изданіи 1798 года добавленій къ тексту, сравнительно съ цензурнымъ экземпляромъ. Добавленія сценическаго характера и это даетъ поводъ думать, что они принадлежатъ владѣльцу изданія Крутицкому.

Добавлено:

дѣйствиі I, явленіе 1, стр. 29 ⁴⁾; изданіе 1798 года, стр. 7: Добровъ «непринимая»;

тамъ же, стр. 30—31; изданіе 1798 года; стр. 10, въ двухъ мѣстахъ: (Добровъ) «свищетъ»;

тамъ же, стр. 31; изданіе 1798 года, стр. 10: Добровъ «закрываетъ ротъ рукой»;

1) Изданіе 1798 года, стр. 127—128; «Дешевой библіотеки» стр. 116—117.

2) Изданіе 1798 года, стр. 85; «Дешевой библіотеки» стр. 83.

3) Изданіе 1798 года, стр. 18; «Дешевой библіотеки» стр. 36.

4) По 4-му изданію въ «Дешевой библіотекѣ».

дѣйствіе I, явленіе 5-ое, стр. 37; изданіе 1798 года, стр. 19:
«*Прямикозъ уходитъ*»;

дѣйствіе I, явленіе 6-ое, стр. 39; изданіе 1798 года, стр. 22:
Добровъ «*въ слухъ*»;

дѣйствіе I, явленіе 7-ое, стр. 41; изданіе 1798 года, стр. 23:
«*дѣлая будто жуется*»;

дѣйствіе I, явленіе 8-ое, стр. 41; изданіе 1798 года стр. 24:
«*въ корзинахъ*» (Архипъ съ подарками въ корзинахъ);

тамъ же, стр. 42; изданіе 1798 года, стр. 25: «*Кривосудову
«и раскладывающей»*. (Фекла. Мы будемъ дорогова ждать гостя.
Наумычъ. Я скажу. — О дѣлѣ я два слова хотѣлъ промолвить
вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ... Наумычъ Феклѣ, рассматри-
вающей и раскладывающей подарки).

дѣйствіе II, явленіе 2-ое, стр. 53; изданіе 1798 года, стр. 41:
«*обнимаемая его*»;

тамъ же, стр. 55; изданіе 1798 года, стр. 45: «*Потряхаетъ
камзолнымъ карманомъ*»;

дѣйствіе II, явленіе 3-е, стр. 56; изданіе 1798 года, стр. 46:
«*кафтанной*»; «*непринимая*» (Кохтинъ представляя будто что
суеть въ карманъ кафтанной . . . Анна непринимая);

дѣйствіе II, явленіе 5-ое, стр. 61; изданіе 1798 года, стр. 54:
«*Цалуетъ его*»;

тамъ, стр. 62; изданіе 1798 года, стр. 54: «*Дѣлая будто
считаетъ деньги*»;

дѣйствіе II, явленіе 6-ое, стр. 62; изданіе 1768 года, стр. 55:
«*въ среднюю дверь*». (Члены входятъ въ среднюю дверь, а Фекла
съ дочерью съ другой стороны). Въ цензурномъ экземплярѣ:
Члены входятъ—и Фекла съ дочерью съ другой стороны. Въ
академической рукописи: «Члены входятъ—и Фекла и Анна съ
другой стороны».

тамъ же, стр. 63; изданіе 1798 года, стр. 56: «*къ Праволову
(Атуевъ); «въ садятся*»;

тамъ же, стр. 63; изданіе 1798 года, стр. 57: «Подойдя» (Праволовъ подойдя къ Бульбулькину тихо);

дѣйствіе III, явленіе 2-ое, стр. 67; изданіе 1798 года, стр. 62: «*судя вино и корзину*»;

дѣйствіе III, явленіе 5-ое, стр. 74; изданіе 1798 года, стр. 72: «*Кривосудову*»;

дѣйствіе III, явленіе 6-ое, стр. 80; изданіе 1798 года, стр. 80: «*показывая на Наумыча*»;

тамъ же, стр. 82; изданіе 1798 года, стр. 85: «*размахивая руками*»;

тамъ же, стр. 84; изданіе 1798 года, стр. 87: «*смѣется*»;

тамъ же, стр. 85; изданіе 1798 года, стр. 89: «*выпиваетъ стаканъ*» (Радбынъ); «*и выпиваетъ*» (Бульбулькинъ);

тамъ же, стр. 86; изданіе 1798 года, стр. 90: «*Ласково*», «*Дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія*», «*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ*»;

дѣйствіе IV, явленіе 3-е, стр. 88; изданіе 1798 года, стр. 92: «*отпихивая Кривосудова*»;

тамъ же, стр. 89—90; изданіе 1798 года, стр. 93—95: «*Размахнувъ руками*»; «*становяся между ею и Прямыковымъ*»; «*отпихивая Кривосудова*», «*становяся между Феклою и Прямыковымъ*». (Это послѣднее дважды);

дѣйствіе IV, явленіе 4-е, стр. 93; изданіе 1798 года, стр. 99: «*Съ жаромъ*»;

дѣйствіе IV, явленіе 5-ое, стр. 95—96, изданіе 1798 года, стр. 101—102: «*подавая бумагу*», «*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ*», «*беретъ бумагу*», «*а Наумычъ между тѣмъ подаетъ ему укладкою Ассимаціи*»;

дѣйствіе IV, явленіе 6-ое, стр. 100; изданіе 1798 года, стр. 107—108: «*Кривосудову*», «*Кохтину*»;

дѣйствіе V, явленіе 2-ое, стр. 110—112, изданіе 1798 года, стр. 118—120: «*невнятно читаетъ кашляя, останавливаясь, и проч.*», «*Во время сего чтенія, Радбынъ тотчасъ задремлетъ*»;

потомъ Бульбулькинъ, Атуевъ и Паролькинъ встаютъ и выходятъ на авансцену¹⁾; «Тутъ останавливается, харкаетъ, сморкаетъ носъ»; «Останавливается, нюхаетъ табакъ, Кривосудовъ беретъ табакъ изъ его табакерки, — а онъ за то ему кланяется, — продолжаетъ читать и возвыся немного голосъ бормочетъ»; «Тутъ останавливается, оборачиваетъ листы, чешетъ голову, оправляетъ камзолъ»; «Останавливается пока окончатъ Члены разговоръ свой, а тогда оканчиваетъ чтеніе возвыся голосъ при самомъ концѣ»; «Садятся»;

дѣйствіе V, явленіе 5-ое, стр. 116, изданіе 1798 года, стр. 127: «одинъ пакетъ»;

дѣйствіе V, явленіе 6-ое, стр. 116—117; изданіе 1798 года, стр. 127—128: «развернувъ бумагу, «читаетъ» (дважды), «и поднявъ въ верхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка видна»;

дѣйствіе V, явленіе 7-ое, стр. 118; изданіе 1798 года, стр. 129: «Беретъ другой пакетъ»; «Читаетъ въ слухъ»;

дѣйствіе V, явленіе 9-ое, стр. 120; изданіе 1798 года, стр. 132—133: «Бросается къ нему»; «Собіи».

Наконецъ, нужно отмѣтить, что въ изданіи 1798 года исправлена одна очевидная описка цензурнаго экземпляра: дѣйствіе I, явленіе 5-ое²⁾: «Кривосудовъ.

Я былъ бы очень радъ,

Когдабъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не возносили,
Всѣхъ мѣлко-травчатыхъ дворянъ перекрестили».

Въ цензурномъ экземпляръ: «когда...»

Отмѣтимъ также и одну опечатку изданія 1798 года, вошедшую въ послѣдующія изданія. Дѣйствіе II, явленіе 6-ое³⁾:

«Во всяку входитъ дрянъ; чтобъ съ прозбой не втесался».

1) Въмѣсто этой замѣтки и слѣдующаго «Бульбулькинъ въ полголоса» въ цензурномъ и академическомъ экземплярѣ: «Бульбулькинъ вышелъ на авансцену въ полголоса съ Атуевымъ и Паролькинымъ».

2) Изданіе 1798 года, стр. 21; «Дешевой библіотеки» стр. 39.

3) Изданіе 1798 года, стр. 58; «Дешевой библіотеки» стр. 64.

Въ цензурномъ экземплярѣ: «сто бѣ».

Въ изданіи 1798 года въ нѣсколькихъ мѣстахъ поставлены не тѣ знаки препинанія, какія стоятъ въ цензурномъ экземплярѣ, на примѣръ:

Дѣйствіе II, явленіе 6-ое ¹⁾:

«Бульбулькинь.

А и другъ

Нашъ Праволовъ здѣсь.

Атуевъ къ Праволову.

Что? здорово-ль?»

Въ цензурномъ экземплярѣ послѣ «здѣсь» и «что» знакъ восклицательный; послѣ «здорово ль» точка.

Дѣйствіе III, явленіе 2-ое ²⁾:

«Наумычъ.

За чѣмъ, не спрашивай; а съ чѣмъ?»

Въ цензурномъ экземплярѣ послѣ «а съ чѣмъ» знакъ восклицательный.

Дѣйствіе III, явленіе 6-ое ³⁾:

«Кривосудовъ.

Я чаю въ уложеньи?..»

Въ цензурномъ экземплярѣ: «Я чаю въ уложеньи....».

Дѣйствіе IV, явленіе 5-ое ³⁾:

«Кривосудовъ.

А что же? вѣдь на сей хотѣли мы недѣлѣ...»

---

1) Изданіе 1798 года, стр. 56; «Дешевой библіотеки» стр. 62—63.

2) Изданіе 1798 года, стр. 62; «Дешевой библіотеки» стр. 67.

3) Изданіе 1798 года, стр. 81; «Дешевой библіотеки» стр. 80.

3) Изданіе 1798 года, стр. 100; «Дешевой библіотеки» стр. 94.

Въ цензурномъ экземплярѣ послѣ «недѣлѣ» знакъ вопросительный; многоточія нѣтъ.

Этимъ я заканчиваю свою статью о «Ябедѣ». Сто слишкомъ лѣтъ прошло со времени появленія комедіи въ печати и до сихъ поръ нѣтъ полного, точнаго изданія знаменитаго произведенія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ «бумагахъ В. В. Капниста», хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, между прочимъ находятся слѣдующія, относящіяся къ «Ябедѣ».

I.

Копія.

Между дѣлами въ Канцелярію мою отъ бывшаго Статсъ Секретаря Неплюева ¹⁾ поступившими имѣются экземпляры печатной Комедіи подъ названіемъ: Ябеда сочиненія Капниста, отобранныя въ 1798 году по Высочайшему повелѣнію отъ Актера Крутицкаго изъ числа напечатанныхъ его иждивеніемъ ²⁾ 1211

---

1) См. выше, стр. 16, пр. 2.

2) А. М. Крутицкій игралъ, при первомъ представленіи «Ябеды», Кривосудова. Въ признательность за мастерское исполненіе роли Капниста далъ право артисту на «напечатаніе въ свою пользу» комедіи. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, 140. «Ябеда», изд. 1798. Стр. 138: письмо Капниста къ Крутицкому, 30 сентября 1798 года. Сравни. 140: у Арапова, день запрещенія продажи изданія 20 сентября. — «Антонъ Михайловичъ (Крутицкій) родился въ Москвѣ въ 1754 года отъ отставнаго гарнизоннаго сержанта. На 6 году отъ роду, отданъ былъ онъ въ Сиропитательный Домъ, гдѣ, обучавшись съ успѣхомъ разнымъ наукамъ, оказалъ великія способности къ театру. Склонность его къ оному открылъ въ немъ бывший первый Московскій Актеръ Г. Камрафъ, который наконецъ взялъ его на свои руки и имѣлъ о немъ отеческія попеченія. Образованный имъ, явился онъ въ первый разъ въ С.П.бургѣ на вольномъ театрѣ Книмера, въ роляхъ Мельника, котораго сыгралъ въ совер-

экземпляровъ и доставленные тогда же отъ бывшаго военнаго Губернатора Фонъ деръ Палена.

Представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше осмѣливаюсь спрашивать куда повелѣно будетъ ихъ обратить.

шенствѣ. . . . . Г-нъ Крутицкій почти не имѣлъ вѣншихъ достоинствъ; ибо былъ малаго росту, имѣлъ малое, рябое лицо съ небольшими глазами. . . . . Въ 783 году былъ онъ взятъ на придворный театръ, на коемъ уже усовершенствовавъ свои способности. Покойная Императрица Екатерина Великая. . . , увидѣвъ въ первый разъ Крутицкаго въ роли *Мельника*, такъ плѣнилась его игрою, что по окончаніи Оперы изволила приказать ему явиться къ себѣ въ одеждѣ *Мельника*, удостоила его поцѣловать Свою руку и пожаловала часы; а за нѣсколько лѣтъ передъ симъ еще на *Книперовомъ* театрѣ, во время представленія сей же Оперы, одинъ вельможа Л. А. Н. бросилъ на сцену кошелекъ наполненный золотомъ и серебромъ, съ бумажкой къ нему приколотой, на коей написано было: *Мельнику*. . . . . Мольерова *Скупая* онъ представлялъ съ большимъ совершенствомъ. . . Сказываютъ, что покойный Императоръ Павелъ Петровичъ, бывъ еще Великимъ Княземъ, никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы *Крутицкій* не былъ обладаемъ сей страстью (т. е. скупостью), и неоднократно его о томъ спрашивалъ. Въ 1797 году, по окончаніи Комедіи *Скупая*, сей же Императоръ призвалъ *Крутицкаго* въ Свой кабинетъ, разговаривалъ съ нимъ около получаса, и при отходѣ его пожаловалъ ему собственные Свой часы. . . . . Онъ былъ душею общества. . . . . Одинъ страстный любитель театра, Г. С. . . . . бывъ въ одномъ домѣ съ *Крутицкимъ*, плѣненный пріятностію его разговора, растроганный краснорѣчіемъ сего любимца Талин, въ такой вошелъ энтузіазмъ, что въ жару удивленія, кинулся предъ нимъ на колѣни, и ловилъ его руку, чтобы поцѣловать. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ. . . . . Нѣмецкій и Французскій языки зналъ не хуже своего природнаго; рисовалъ изрядно, а на скрипкѣ игралъ очень хорошо; и могъ бы даже быть превосходнымъ музыкантомъ, если бы правая рука его съ самаго младенчества не была одержима золотучною болѣзнію. Онъ былъ переводчикъ, или лучше сказать, подражатель нѣкоторыхъ театральныкъ піесъ, изъ коихъ я помню только названія двухъ Комедій: *Медимиъ и Лука* и *Обманъ шлятъ*, которыя всегда съ похвалою были играны. Умеръ Крутицкій 21 іюля 1803 года, въ Ревелѣ, куда пріѣхалъ лѣчиться. Александръ I, «во уваженіе отличныхъ талантовъ» К—го велѣлъ выдавать малолѣтнимъ дѣтямъ К—го пенсію по 1000 р. въ годъ, до совершеннолѣтія. *Сверный отъникъ*. Спб. 1804, ч. I, 216—228: С. 3 — н. Нѣчто о Крутицкомъ, придворномъ российскомъ актерѣ. Изъ этой статьи, современника Крутицкаго и любителя театра, заимствованы свѣдѣнія: Н. И. Гречъ, Историческій взглядъ на русскій театръ до начала XIX столѣтія: *Русская Талия* 1826 г. (ред. Ѳ. Булгарина), стр. 44—46. В. Н. Саввиновъ. Русскій комикъ конца XVIII: *Пантеонъ и Репертуаръ* русской сцены, издаваемый подъ ред. Ѳ. Кони. 1861, томъ III, свѣд.—книжка пятая.

Резолюція:

Велѣно возвратить Крутицкому Экземпляры Комедіи, которая при покойномъ Императорѣ была играна.

II.

Въ листь, на которомъ написана напечатанная выше «Копія», вложена четвертушка съ слѣдующимъ черновымъ письмомъ В. В. Капниста, собственноручно исправленнымъ. (Самый текстъ писанъ, повидимому, не Капнистомъ).

Милостивый Государь мой Дмитрій Прокофьевичь!¹⁾

По докладу Вашего Высокопревосходительства благоугодно было Его Императорскому Величеству дать повелѣніе о возвра-

1) Трошинскій Д. П. (1754—1829). Фамилія Трошинскихъ принадлежитъ малороссійскому дворянству; предки ихъ, еще въ XVI в., перешли въ Запорожскую Сѣчь, а затѣмъ состояли въ гетманскомъ казачествѣ. Д. П. Т.—ій окончилъ курсъ наукъ кievской духовной академіи и поступилъ на гражданскую службу. Въ 1793 году Т. былъ назначенъ членомъ главнаго почтового управленія и возведенъ въ званіе статсъ-секретаря. Т. сопровождалъ Павла въ Москву на коронацію и «былъ наименованъ» сенаторомъ и присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищѣ св. Екатерины. Александръ I, вступивъ на престолъ, назначилъ Т. членомъ государственнаго совѣта и главнымъ директоромъ почты, а 15 сентября 1801 г. произвелъ въ д. т. с. (см. титулъ въ письмѣ Капниста) и, черезъ годъ, «наименовалъ» министромъ удѣловъ (1802—1806). Въ началѣ царствованія Александра I, Т. предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, разрабатывавшемъ проектъ инструкціи для межеванія малороссійскихъ губерній. Членами этого комитета были сенаторы: Алексѣевъ, Неплюевъ, Козодавлевъ. Проектъ былъ оконченъ къ лѣту 1804 г. и заслужилъ одобреніе государя (рескриптъ на имя Т. 24 іюня 1804 г.). Современники называли Т. «бичемъ справедливости» и «покровителемъ бѣдныхъ». *Русская старина* 1882, іюнь, 641—682: Дмитрій Прокофьевичъ Т. (Въ этой книжкѣ впереди и портретъ Т.). Державинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: «Какъ, при самомъ востшествіи новаго Императора, генераль-прокуроръ Обольяниновъ смѣненъ и опредѣленъ на мѣсто его г. Бек-

щеніи актеру Крутицкому ¹⁾ запрещенныхъ экземпляровъ комедіи Ябеды, игранной нѣсколько разъ на каменномъ театрѣ ²⁾. По смерти Крутицкаго, занимающій нынѣ мѣсто его актеръ Рыкаловъ ³⁾ просить о позволеніи ⁴⁾ играть пьесу сію для своего бенефиса. Но какъ неизвѣстно мнѣ, разрѣшено ли съ свободою ⁵⁾ продажею сей комедіи и представленіе оной, для того покорно прошу Ваше Высокопревосходительство сообщить мнѣ на сіе Высочайшую волю. Съ моей стороны нахожу я что таковое разрѣшеніе не токмо послужитъ важною по прибытку наградою актеру Рыкалову, но что принесетъ оно и театральной дирекціи великую пользу ⁶⁾, доказанную ⁷⁾ весьма знат-

лешовъ, Трошинскій же занималъ мѣсто перваго статсъ-секретаря, и всѣ дѣла шли черезъ него: то и обладали они Императоромъ по ихъ волѣ». Я. Гротъ. Сочиненія Державина. Изд. 2-е. Томъ VI, 722. Ср. *Сочиненія А. С. Пушкина*, т. V (Спб. 1887). Стр. 210. — Капнистъ былъ знакомъ съ Т., землякомъ и почти сосѣдомъ по имѣнію. Обуховка Капниста и Кибинцы, любимое село Т., были въ одномъ уѣздѣ (Миргородскомъ). Сочиненія Державина, VI, 292.

1) Послѣ этого было, но зачеркнуто: «для продажи въ пользу его».

2) «на каменномъ театрѣ» добавлено Капнистомъ сверху.

3) Василій Федотовичъ Р., изъ провинціальныхъ актеровъ, поступилъ на службу дирекціи Имп. театровъ въ 1793 г., 1 июля. Вслѣдствіе малаго успѣха «рычанія» и настоятельныхъ указаній кн. Шаховскаго, Р., по смерти Крутицкаго, перешелъ на комическія роли, которыя исполнялъ съ блестящимъ успѣхомъ. *Русскій артистъ*: А. Н. Сиротининъ. Артистическая семья. Къ исторіи русскаго театра. (Рыкаловы). Стр. 371—380. *Репертуаръ* русскаго театра 1840, ч. II. А. Шаховской. Лѣтопись русскаго театра. Стр. 16—17. *Пантеонъ* русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ, ч. I. Спб. 1840: Ф. Булгаринъ. Театральныя воспоминанія моей юности. Стр. 81—82. *Отечественныя записки* 1855, т. СII: «Дневникъ чиновника», стр. 139—140; 356. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, 200 (состояніе труппы въ 1810 и 1811 годахъ). Комическіе старшкіи. Василій Рыкаловъ. Начало службы при дирекціи: 1793, июля 1. Получаемое жалованіе: 1700, прибавочныхъ 800; квартирныхъ 300. Ежегодно бенефисъ, расходы Дирекціи.—Умеръ Р. въ концѣ 1812 или въ самомъ началѣ 1818 года.

4) Это слово сверху добавлено. Сначала было: «просить о играніи пьесы сей».

5) Это сверху написано Капнистомъ; было, но зачеркнуто: «позволеніемъ о расѣ», т. е. о распродажѣ.

6) Сверху Капнистомъ. Было, но исправлено и зачеркнуто: «великую прибыль», «великій доходъ». Это послѣднее слово сверху.

7) Въ соотвѣтствіи съ предыдущими словами было «доказанный», но исправлено.

нымъ доходомъ¹⁾, полученнымъ изъ четырехъ прежнихъ ея представлений сея комедіи²⁾.—Имѣю честь пребыть съ отличнымъ³⁾ почтеніемъ и совершенною⁴⁾ преданностью,

Милостивый Государь мой!
Вашего Высокопревосходительства
(всепокорнѣйшимъ)⁵⁾ слугою.

1806. года.
мая. 8. дня.

III.

На отдѣльной четвертушкѣ собственноручно В. В. Капнистомъ:

«Чувствительно благодарю незнакомаго мнѣ господина рецензента моей комедіи Ябеды. — Мнѣ⁶⁾ весьма пріятно заслужить одобреніе столь разборчивымъ вкусомъ отличающагося любителя словесности нашей.

Къ возраженіямъ его на заключенія тѣхъ кои думаютъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ судьи (и) секретарь были таковы, какъ они въ комедіи моей представлены, то надлежало бы всѣ гражданскія палаты уничтожить, и что въ сочиненіи моемъ мало справедливаго, осмѣлюсь присовокупить, что предполагаемое уничтоженіе уже⁷⁾ послѣдовало⁸⁾, ибо палаты суда и рас-

1) Сначала это слово было зачеркнуто и сверху Капнистомъ написано: «заборомъ»; потомъ «заборомъ» зачеркнуто и оставлено «доходомъ».

2) «сея комедіи» сверху Капнистомъ, на оборотѣ четвертушки. Поэтому, вѣроятно, осталось не зачеркнутымъ «сея».

3) Сверху Капнистомъ. Было, но зачеркнуто: «совершеннымъ».

4) Сверху Капнистомъ добавлено.

5) Зачеркнуто.

6) Передъ этимъ было, но зачеркнуто: «признаюсь что».

7) Добавлено сверху.

8) Послѣ этого было, но зачеркнуто: «прежде изданія піесы моей на театрѣ».

правы¹⁾ учреждены, и весьма отличены какъ новымъ составомъ ихъ въ опредѣленіи и избраніи членовъ». — Здѣсь кончается замѣтка.

Рецензія, о которой говоритъ Капнистъ, находится въ *Съверномъ вѣстникѣ*²⁾. Такъ какъ *Съверный вѣстникъ* журналъ сравнительно малодоступный, то для поясненія замѣтки Капниста, позволяю себѣ привести почти всю рецензію.

«Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ.»

Сія пѣса вновь появилась на театрѣ и уже нѣсколько разъ сыграна. Всѣмъ извѣстно, что запрещено было играть ее послѣ перваго ея представленія; нынѣ она опять позволена. — Содержаніе ея можно сказать въ короткихъ словахъ. . . . . — Ничего не упущено въ ней, чтобъ выставить злоупотребленія, могущія быть въ присутственныхъ мѣстахъ. Сожалѣютъ нѣкоторые, что въ ней такъ очерчены Судья и Секретарь, что если бы это было на самомъ дѣлѣ надлежало бы всѣ Гражданскія Палаты уничтожить. Къ чему такія опустошенія? Не ужели Комикъ и вообще всякой писатель театральнoй долженъ списывать съ природы? Говорятъ, тутъ мало справедливаго? На что и искать справедливаго? Довольно, когда очень много вѣроятнаго, ежели не во всей цѣлости, то по крайней мѣрѣ, въ частяхъ. Кажется, что Комедія *Ябеда* не есть одинъ только забавной идеалъ, и очень вѣрнo можно злоупотребленіямъ, въ ней представленнымъ; это зеркало, въ которомъ увидятъ себя многіе, какъ скоро только захотятъ въ него посмотрѣться. Но принесетъ ли сіе какую пользу для нихъ? Это уже совсѣмъ другой вопросъ. Если бы всѣ театральныя наставленія исправляли наши нравы, то бы мы вовсе были безгрѣшны. Къ сожалѣнію, мы столько просвѣщенны, что весьма легко умѣемъ отличать театральныя бредни отъ того, что намъ дѣлать должно въ свѣтѣ. Каковъ бы тотъ былъ Секретарь, который вышедши изъ *Ябеды*, сжалъ свою руку на другой день, когда придутъ къ нему челобитчики? Каковыбъ были Судья, когда бы почли за правду, что жены ихъ частехонько

1) Послѣ этого было, но зачеркнуто: «были уже тогда».

2) 1805 годъ, часть VI, іюнь, стр. 373—375.

играють роли *Феклы*? Добрые Судьи и Секретари не должны брать такой Сатиры на свой счетъ; а дурнымъ она должна быть горькою, но здоровой пилюлею. Отсылаю читателей къ самой *песнѣ*, чтобы видѣть искусство Комика въ расположеніи оной, въ обрисовкѣ характеровъ и въ гладкости стиховъ; ибо много бы заняли здѣсь мѣста стихи, которые привести слѣдовало бы.

Г-да Актеры разыгрываютъ эту пѣсу, по моему мнѣнію, удачно. Г-жа Рахманова и г-нъ Пономаревъ наиболѣе въ ней отличаются.

Г. Кунцевичъ.

Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.

Памяти Александра Николаевича Пыпина.

Введение.

(Предварительная замѣтка по поводу слова «Карпаторусскій». Мнѣнія карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота нѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача).

Подъ словомъ «Карпаторусскій» будемъ подразумѣвать все относящееся къ австро-угорской, т. е. галицкой, буковинской и угорской Руси, раскинувшейся по обѣ стороны Карпатъ. Этотъ *terminus technicus*, хотя и чисто географическаго происхожденія, кажется намъ правильнѣе нерѣдко встрѣчаемаго въ русской журналистической, а даже ученой печати — варваризма «русинскій». Послѣдній терминъ образованъ такъ же неправильно и произвольно, какъ и нѣкѣмъ не употребляемые: болгаринскій, славянинскій, поль-акскій и другіе имъ подобные.

Уже дѣятели главнаго момента галицко-русскаго возрожденія, какъ подписавшіе «Запрошеніе ученыхъ русскихъ на зѣздъ

до Львова»¹⁾), такъ и участвовавшіе въ «Съѣздѣ», І. Жуковскій — въ своей привѣтственной рѣчи²⁾ и Н. Устіановичъ — въ «Воспоминаніяхъ»³⁾), ясно указали на зависимость галицко-русскаго возрожденія отъ предшествовавшаго и современнаго умственнаго движенія чеховъ, хорватовъ и сербовъ. Историки же карпаторусскаго возрожденія, какъ — Я. Головацкій⁴⁾), В. Коцовскій⁵⁾), Ом. Огоновскій⁶⁾), И. Франко⁷⁾ и Ф. И. Свистунъ⁸⁾), развивая эту мысль, пришли къ слѣдующимъ выводамъ: Карпаторусское возрожденіе было послѣдствіемъ благосклоннаго отношенія австрійскихъ императоровъ — Маріи Терезы, Іосифа II и Фердинанда, къ своимъ русскимъ подданнымъ — съ одной стороны, и проснувшейся народной души подъ благотворнымъ вліяніемъ польскихъ, чешско-словацкихъ и сербо-хорватскихъ дѣятелей — съ другой стороны.

О вліяніи русской науки и жизни на карпаторусское возрожденіе было сказано мѣстными изслѣдователями очень немного. — Я. Головацкій ограничился только своими личными воспоминаніями. Другіе же оперли свои выводы — отчасти на его воспоминанія, отчасти же на переписку карпаторусовъ съ М. П. Погодинымъ⁹⁾).

1) Зоря Галицка, Льв. 1848, № 17: «Историч. очеркъ основанія гал.-рус. Матицѣ» XXI стр.

2) Истор. очеркъ... 49 стр.

3) Науковий Сборникъ, Льв. 1885, стр. 42.

4) Истор. очеркъ основ. г.-рус. Мат., Льв. 1850 г.; Три вступительни преподаванія о руской словесности, Льв. 1849 г.; О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи. — Наук. Сбор. 1865, II; Воспоминанія и Автобіографія въ Наук. Сбор. 1885 г. 10—41 стр. и 1886 г. 198—9 стр.

5) «Передне слово» въ И. Онишкевича — Руску бібліотеку т. III. Льв. 1884 г. и «Жите и значене Маркіяна Шашкевича», Льв. 1886 г. 1—6, 23—86 стр.

6) Исторія литературы рускои, III—1889 г. и IV—1894 г. 60—150 стр.

7) Zarysu ruchu literackiego Rusinów въ Ateneum 1886 г. II стр. 491 и сл. III стр. 339 и сл.; Szkice z dziejów literatury rusińskiej w Galicyi въ Głosie 1888 г. статьи II и III; Южнорусская литература въ 41-омъ т. Энциклопедич. Словаря, 307—313 стр.

8) Прикарпатская Русь, Льв. 1895 г. I.

9) Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, М—ва. 1879 г. вып. III т., 533—666 стр.: 2 письма Компаневича, 28 писемъ Зубрицкаго, 11 писемъ Вагилевича, 2 письма Я. Головацкаго и 5 писемъ Шеховича.

Въ изложеніи вліянія Россіи на карпаторусское возрожденіе наблюдаемъ у мѣстныхъ изслѣдователей три направленія. Итакъ: Я. Головацкій видѣлъ въ посѣщеніи русскими учеными — Погодиномъ, Кирѣевскимъ, Лукашевичемъ и Срезневскимъ — Галичины въ 1835—1842 гг. событіе большой важности (Н. Сбор. 1885 г., 35 стр.), ссылаясь при этомъ на одну только посылку русскихъ книгъ изъ Россіи галицкорусскимъ дѣятелямъ. Болѣе вѣскими явились его выводы, относящіеся къ исторіи книжно-литературной общности юго-западной и сѣверо-восточной Руси XVII — XVIII вв. (О перв. умств. движ. 21—2 стр.).—Проф. Огоновскій утверждаетъ, что Погодинъ и «московскій панслависты — только — морочили духа кѣлькохъ галицко-русскихъ письменниковъ» (II, 42 стр.). Это повторилъ и И. Франко въ *Atepunkt* (1885 г., III, 339 стр.): «historyk D. Zubricki zaznajomił się z panslawistami z Moskwy, z Pogodinem i wielu innymi. Zubrickiego i Iwana Hołowackiego, brata Jakóba, panslawiści nawrócili na swoje idee o jedności narodu i języka wielkorosyjskiego z halickim, i doradzali dążenie do przyswojenia sobie literackiego języka rosyjskiego. Rady te zapewne nie sięgały tak daleko, żeby rusini musieli zaraz chwytac się języka rosyjskiego; zapewne pisarze rusińscy musieli pierwiej sami nauczyć się tego języka o którym nie mieli zgoła pojęcia. Ale w pierwszym popędzie nie dobrze zrozumiano rady panslawistów i zaczęto uszlachetniać język ludowy, czyli pisać tak dziwacznie, że najzacieklejsi panslawiści z oburzeniem tylko mogli to czytać». — Выказывая почти то же мнѣніе, В. Коцовскій старался въ біографіи Шашкевича доказать, что карпаторусскія симпатіи къ Россіи и къ славянороссійскому языку имѣли свои причины въ литературной традиціи XVIII в. и въ книжно-литературныхъ, церковныхъ и политически-національныхъ взаимоотношеніяхъ обѣихъ Русей. Въ виду чего В. Коцовскій и отличаетъ «россійскія симпатіи и россійщину» первыхъ карпаторусскихъ дѣятелей — Захарьясевича, Лодія и Могильницкаго — отъ объединительныхъ стремленій второй половины XIX в. (op. cit.

68 стр.). Миѣніе Огоновскаго о Погодинѣ повторилъ и проф. Студинскій ¹⁾).

Разбирая самыя крайнія воззрѣнія А. Барвинскаго ²⁾ насчетъ вредности и тенденціозности объединительныхъ идей Погодина и другихъ панславистовъ въ Карпатской Руси, М. Драгомановъ указалъ ³⁾ на то, что какъ Погодинъ, такъ и первые славянофилы относились дружественно къ украинской литературѣ; что исторія Галицкаго Княжества Зубрицкаго появилась въ русскомъ переводѣ только благодаря Погодину, который равнымъ образомъ содѣйствовалъ появленію народныхъ пѣсенъ Головацкаго; что наконецъ Погодинъ спасъ десятки драгоцѣнныхъ галицкорусскихъ рукописей. — Ф. И. Свистунъ объединилъ выводы Головацкаго и Драгоманова, прибавивъ отъ себя, что Погодинъ «далъ галичанамъ толчекъ къ изученію своей старины и помогъ имъ вступить на поприще исторической науки. Доставляя . . . имъ книги и научныя пособия, подавая имъ указанія, якъ поступати въ историческихъ изслѣдованіяхъ — положилъ онъ основаніе современной исторической науцѣ у галичанъ. Онъ поступалъ благоразумно, не мѣшался въ языкословныя споры, а настаивалъ лишь, чтобы галичане предались серіозному труду и научились мыслить». (Прикарп. Русь I, 218 стр.).

Русскіе историки-слависты отвели въ своихъ работахъ ⁴⁾ не-

---

1) См. З кoresпонденціи Д. Зубрицкаго, Льв. 1901 г. и «Передмову» в «Кoresпонденцію Я. Головацького» XVI стр.

2) Випки з народної літератури українсько-рускої XIX в., Льв. 1898 г. Вступ. XXXIX—XLI стр., въ изданіи же 1898 г. LXVI—LXIX.

3) Въ газетѣ «Народъ», Льв. 1894 г. 127—134 стр.

4) Обзоръ журнальныхъ статей о Карпатской Руси въ 1-ую полов. XIX в. см. въ нашихъ «Матеріалахъ по исторіи возрожденія К. Р.» 16—22 стр.; здѣсь укажемъ только на болѣе важныя статьи 2-ой пол. XIX в. Русскій Вѣстникъ: 1859 г. 23 ч.—Замѣтки о современномъ настроеніи русиновъ; 1872, I.—Эпизодъ изъ Галицкихъ смуть 1846 г., IV—Посольство угорскихъ русскихъ 1849 г. въ

много мѣста разслѣдованію сношеній Карпатской Руси съ Россіей, обративъ главное вниманіе лишь на вопросъ о состоятельности или несостоятельности стремленій одной части карпаторусскаго общества къ культурно-національному, или политическому объединенію.

Къ самымъ важнымъ статьямъ-исслѣдованіямъ, обнимаю-

Вильнѣ; 1886, XI—Замѣтки и дополненія къ статьѣ (Пыпина) «Обзоръ малорусской этнографіи» — Я. Головацкаго; 1887 г. его же — Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ; (обѣ статьи были изданы Я. Головацкимъ отдѣльно подъ первымъ заголовкомъ въ Вильнѣ 1888 г.). *Отечественный Заниски*: 1865, IV—Австрія и славянскія земли; 1867, XI и XII—въ Слав. обзор. «О русскихъ галичанкахъ и борьбѣ съ поляками и австрійскимъ правительствомъ»; 1871, VI—VII.—Вопросъ о національностяхъ въ Австріи (о Гал.-рус. возрожденіи и о значеніи политики Бейста для Гал. Руси говорится въ 7-ой главѣ VI кн.). *Вѣстникъ Европы*: 1873, I, II и IX, X.—Русскіе въ Галиціи и литературное движеніе въ Галиціи—статьи М. Т—ова (Драгоманова); 1879, IV.—Австрійскіе славяне 1848—9 г. О. Первольфа; 1882, X. — Львовскій процессъ; 1883, IV.—Годы возстанія въ Венгріи—де Воллана; 1886, I, IX. — Буковина и Русины, Галичина и Русины. *Древняя и новая Россія*: 1878, II. — Воспоминаніе о Галичѣ—проф. Иловайскаго. *Русская Рѣчь*: 1879, VIII.—Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848, О. Первольфа. *Русская Мысль*: 1880, III. — Голосъ изъ Угорской Руси; 1890—Просвѣщеніе въ Галицкой Руси, А. Конискаго. *Историческій Вѣстникъ*: 1881, V — Забытый уголь, И. Филевича; 1884, XI стр. 885—6. Орывокъ изъ воспоминаній В. И. Модестова; 1888, VII—Некрологъ Я. Головацкаго. *Наблюдатель*: 1882, VIII — Австрійскіе русскіе и львовскій процессъ, В. Модестова (это статья вошла и въ книгу Модестова «Статьи для публики» 167—188 стр.). *Дѣло*: 1882, X.—Литературно-общественное движеніе въ Галиціи, Туриста (Драгоманова). *Энциклопедическій Словарь*: т. VII, стр. 913—22: К. Арабажина—Галицкорусское литерат.-общественное движеніе—см. разборъ статьи Драгомановымъ въ «Народѣ» 1893 № 9 и 10. — Статьи новѣйшихъ путешественниковъ по Гал. Руси—А. С. Будиловича, А. П. Лопухина, И. С. Пальмова и Русскаго (А. П. Соловьевича) не представляютъ для насъ интереса.

Цѣльный обзоръ Карпаторусскаго возрожденія находимъ у *А. Н. Пыпина* въ: Обзоръ истор. славян. литературъ 1865 г. 232—241 стр.; Исторіи слав. литературъ, 1879 г. I стр. 405—447 и Исторіи рус. этногр. II, стр. 134—8, 223—258 и 413—419. *А. Кочубинскаю* — Начальные годы рус. славяновѣдѣнія, Од. 1888 г. стр. 199—200 о посѣщеніи Кепшеномъ Галичины, 220—2 стр. о дороговизнѣ русской книги въ Австріи въ 30-ые гг., 228—9 стр. о сношеніяхъ Новосильцова съ карпаторуссами, 261—2 стр. о планѣ минист. народ. просвѣщенія вызвать профессоромъ для Казанскаго университета въ 1827 году изъ карпат. Руси. *Н. Дашкевича*—въ Отчетѣ о 29-омъ присуд. наградъ гр. Уварова въ 59-омъ т. Зап. имп. Акад. Наукъ стр. 123—132 и *В. А. Францева*—Обзоръ главнѣйшихъ изученій Угорской Руси, въ Рус. Фил. Вѣстн. 1901 г.

щимъ и нашъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ, принадлежать работы А. Н. Пыпина, статьи М. Т—ова (М. П. Драгоманова), проф. Филевича и проф. Дашкевича. Первенство цѣльнаго изложенія Карпаторусскаго возрожденія въ русской литературной историографіи принадлежитъ А. Н. Пыпину. Заслуга же его заключается въ томъ, что онъ изложилъ Карпаторусское возрожденіе объективно-критически, чѣмъ и содѣйствовалъ уясненію многихъ вопросовъ, освѣщаемыхъ нѣкоторыми мѣстными историками слишкомъ субъективно-односторонне, подчасъ и невѣрно. Возвращаясь нѣсколько разъ къ изложенію исторіи Карпаторусскаго возрожденія, Пыпинъ указалъ на несомнѣнную зависимость его отъ первыхъ польскихъ этнографовъ и представителей такъ называемой «украинской школы»; что опять Я. Головацкій, со времени перехода въ Россію въ 1867 г., отрицалъ или же недоцѣнивалъ, видя въ этомъ вліяніи «хитрую интригу поляковъ и австрійскаго правительства»¹⁾. Такъ же строго критически отнесся Пыпинъ и къ язычно-литературному вопросу, волнующему и по нынѣ умы карпаторусскихъ дѣятелей и являющемуся одной изъ крупныхъ причинъ раздѣленія карпаторусскаго общества на два враждебныхъ лагеря. Пыпинъ посмотрѣлъ на этотъ вопросъ съ очень вѣрной точки зрѣнія, соединивъ его съ вопросомъ объ отношеніи карпаторусскихъ партій къ русскимъ партіямъ—западниковъ и славянофиловъ, прогрессистовъ и консерваторовъ и къ русской литературѣ вообще.—М. Т—овъ затронулъ этотъ вопросъ постольку, поскольку онъ занимался разборомъ противорѣчій дѣлъ и стремленій такъ называемой старорусской партіи въ 60—70-ые гг.—Исслѣдуя тотъ же періодъ галицкорусской жизни въ статьѣ «Забитый уголокъ», проф. Филевичъ оцѣнилъ дѣятельность русскихъ галичанъ въ Холмщинѣ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и представилъ этихъ дѣятелей «унии—возсоединенія-располяченія» безъ ореола отечественныхъ, т. е. га-

1) См. его—Замѣтки и дополненія, 2-ая ч. и въ сборникѣ Гербеца «Поэзія славянъ» статью Г—аго «Червонорусскіе поэты» 197—204 стр.

лицкихъ старорусскихъ похвалъ, въ свѣтѣ нагой фактической правды.

Послѣ этихъ работъ самый полный обзоръ условій и причинъ Карпаторусскаго возрожденія принадлежитъ проф. Н. П. Дашкевичу. По мнѣнію профессора, карпаторусское движеніе 30-ыхъ гг. явилось однимъ изъ главныхъ источниковъ надлежащаго пониманія современнаго украинскаго движенія (ор. cit. 133 стр.); поэтому авторъ и разсмотрѣлъ условія и причины возрожденія. На основаніи тщательнаго разбора, онъ пришелъ къ выводу, что Карпаторусское возрожденіе было послѣдствіемъ— не только пробужденія идеи народности, вліянія со стороны зарождавшейся новой украинской литературы и западнославянскаго движенія, но и послѣдствіемъ знакомства карпаторусскихъ дѣятелей возрожденія съ русской литературой, преимущественно научной (ор. cit. 132 стр.).

Уже бѣглое сравненіе мнѣній нѣкоторыхъ галицкорусскихъ изслѣдователей отечественнаго возрожденія съ мнѣніями русскихъ изслѣдователей приводитъ насъ къ выводу, что русскіе ученые отнеслись къ вопросу о значеніи Россіи для этого возрожденія болѣе объективно. Упрекъ въ односторонности относится, какъ къ Головацкому, такъ и къ Огоновскому и къ ихъ послѣдователямъ.

По мѣрѣ того, однако, какъ накапливается новый матеріалъ по исторіи взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи, мы убѣждаемся, что большинство мнѣній и сужденій о Карпаторусскомъ возрожденіи страдаетъ неполнотой, такъ какъ не обращаетъ надлежащаго вниманія на продолжительность и характеръ этихъ взаимоотношеній. Итакъ: принято утверждать, что Карпатская Русь вошла въ болѣе близкія сношенія съ Россіей только чрезъ М. П. Погодина. Сношенія съ Кеппеномъ и Срезневскимъ, и болѣе ранняя дѣятельность угрорусскихъ выходцевъ въ Россіи не

находили себѣ въ этихъ мѣнѣніяхъ никакого мѣста. О непрерывности же этихъ сношеній, начавшихся чуть ли не тремя столѣтіями раньше, нигдѣ и не упоминается. А между тѣмъ намъ нельзя предположить, что эти старинныя сношенія прошли безслѣдно, что они не повліяли на сложеніе извѣстнаго культурно-общественнаго міросозерцанія у Карпаторусовъ—съ одной стороны, и на отношеніе къ нимъ російскаго правительства и русскаго общества—съ другой стороны.—Не меньше важнымъ будетъ для насъ прослѣдить аналогическія явленія у другихъ славянскихъ народовъ, и такимъ образомъ подойти поближе къ возможно точному опредѣленію связи между взаимосношеніями и взаимоотношеніями обѣихъ сторонъ. Думаемъ здѣсь объ эволюціи такъ называемаго русофильства Карпатской Руси, которое несомнѣнно будетъ послѣдствіемъ сношеній ея, какъ съ Россіей, такъ и съ юго-западными славянскими племенами.

Основой подлежащаго «Очерка» и являются прежде всего собранные нами «Матеріалы по исторіи сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.»¹⁾ Правда, эти «Матеріалы» должны бы вызвать рядъ монографическихъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, послѣ чего можно было бы приступить къ окончательному изложенію вліянія Россіи на Карпаторусское возрожденіе. Внутренняя идейная связь отдѣльныхъ фазисовъ этихъ взаимосношеній заставляетъ насъ, однако, попытаться набросать основной рисунокъ-скицъ, по которому—послѣ исправленія и дополненія въ деталяхъ—можно было бы написать цѣльную картину вліянія Россіи на умственную жизнь Карпатской Руси въ періодъ возрожденія.

---

1) См. Научно-литерат. Сборникъ Гал.-рус. Матицы 1905, кн. III—1906 кн. I и отдѣльно—Львовъ, 1906 г., 212 стр., 8-ка.

ГЛАВА I.

Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи.

1.

Случайныя сношенія—монастырскіе и общественныя челобитчики, просители-жалобщики изъ Карпатской Руси въ Московскую. Походы русскихъ армій черезъ Карпатскую Русь и воспоминанія военныхъ. Торговья сношенія. Надежды народа на московскихъ государей и російскихъ царей. Отношеніе правительственныхъ російскихъ круговъ къ Галичинѣ.

Москва—«третій Римъ», единственное свободное православное государство XVI—XVIII в., привлекала ежегодно многочисленныхъ представителей юго-восточнаго, азіатскаго и европейскаго православія. Самыхъ численныхъ представителей посылали въ Москву Константинопольскіе патріархи и греческіе монастыри; за ними же шли представители сербскаго и румынскаго, а наконецъ и югозападнорусскаго православія¹⁾. Цѣль этихъ странствованій заключалась въ испрошеніи милостыни для монастырей и строящихся церквей, а также въ изложеніи жалобъ на притѣснителей православнаго благочестія—на невѣрныхъ турокъ, римскихъ католиковъ и поляковъ²⁾.

Югозападно-русское православіе—Литвы, Бѣлой Руси, Волыни и Украины посылало своихъ просителей и жалобщиковъ, начиная съ 1581 г., Карпатская же Русь стала посылать ихъ съ 1625 г. спорадически, а съ 1650 г. черезъ каждые три года—въ среднемъ³⁾.

1) См. «Греческія дѣла» 1509—1798 г. въ Главномъ архивѣ минист. иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

2) *Ставропигиальное Братство* во Львовѣ отправляетъ въ 1608 г. окружное посланіе ко всемъ православнымъ людямъ съ извѣщеніемъ о претерпѣваемыхъ гоненіяхъ отъ поляковъ и съ просьбой о матерьяльной помощи. См. Архивъ Ю.-Зап. Россіи ч. I, т. XII, 526—9 стр.

3) См. въ *Глаз. Арх. Мин. Ин. дѣлъ* «Греческія дѣла: 7133 (1626) января 30. Приѣздъ въ Москву малороссійскихъ монастырей настоятелей, присланныхъ отъ находившагося тамо (въ Малороссіи) *перемышльскаго епископа Исая Котим-*

Карпаторусскіе просители и жалобщики отъ православныхъ монастырей, церквей и епископовъ подвергались, какъ на границахъ государства и отдѣльныхъ воеводствъ, такъ и въ самой Москвѣ подробнымъ допросамъ.—Это была общая участь всѣхъ путешественниковъ по Московскому государству.—Вотъ и первый источникъ знакомства московскихъ приказныхъ людей съ положеніемъ зарубежныхъ единовѣрцевъ.—Попутно, однако, карпаторусскіе странники собираютъ — по жалованнымъ государевымъ грамотамъ — милостыню для своихъ монастырей и церквей. Понятно, что отдѣльные благочестивые благодѣтели не преминули распросить странниковъ о всемъ, что только и представляло какой-либо интересъ любопытства: «откуда? для кого? много ли вась? какъ вамъ живется? и т. д.». Странники явля-

---

скаю о дачѣ милостыни; того же года іюня 22. Отписки изъ Путивля о недовольствѣ ѣхать въ Москву прибывшихъ изъ Львовской области *монастыря Унева іеромон. Митрофану съ іеродіак. Германомъ*... по причинѣ бывшей тогда въ Польшѣ и Ляत्वѣ моровой язвы. 7134 (1626) г. окт. 27 № 4. Приѣздъ въ Путивль польскаго *юрода Галича строителя Спиридона съ листомъ къ Государю отъ Львовскаго епископа Іереміи съ жалобою на поляковъ, угнетающихъ греческую вѣру*, а 7134 (1627) февр. 25. вторичный приѣздъ того же строителя съ вѣстями. 7136 (1628) мар. 1. (Картонъ 9).—Приѣздъ въ Москву изъ *Галича скицкою монастыря Келара Іоанникія съ прошеніемъ о милостыни*. 7165 (1657) въ мартѣ (К. 51).—приѣздъ въ Москву *Львовскаго узда Креховской пустыни строителя Вассіана за милостынею*; іюня 8. *юр. Львова соборной а) Успенской церкви иуммена Иларіона, б) Георгіевской церкви протопопа Михаила*, првсланныхъ за милостынею отъ *Львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго*: Получили Соборникъ (Моск. 1648), о чемъ свидѣтельствуеетъ вкладная 1657 г. на экземплярѣ Львов. епарх. Музея. [—Сія книга сочтася книгамъ библіотеки и сие превел. Гѣна Шпа Арсеніи Желиборскаго прав: Епископа Львов.:... влѣто сїсенія мира дхмі. Ш царскаго величества пресвѣтлаго Аледіи Михайловича великаго самодержца московскаго со иннымъ дарованіемъ препосланна.—]. Въ 1676 г. Кор. пол. Янъ III, дасть гал. Скитскимъ монахамъ грамоту на свободный проходъ въ Московское государство—см. Целевичъ, Скитъ Ман. XXVI стр.—7182 (1674) г. нояб. 14. (К. 72). Дѣло о приѣздѣ изъ Кіева *Львовскаго монастыря церкви св. Іоанна Богослова иуммена Іосифа Теоринскаго и съ нимъ тѣмъ деуль человекъ для испрошенія милостыни на постройку церкви Николая чудотворца*. 7187 (1679) г. декаб. 10. (К. 75).—Приѣздъ въ Москву *архимандрита Деражипцака Інокентія съ просительными къ Государю листами отъ Православныхъ въ Польши духовныхъ особъ защитити ихъ отъ угнѣсенія Поляковъ*. 7187 (1680) г. іюня 20. (К. 85).—Приѣздъ въ Москву *Львовской области Креховской пустыни іеромон. Вассіана Радажича за милостынею*, а іюля 23. той же пустыни *иуммена Діонисія за милосты-*

ются опять сѣятелями свѣдѣній о «благочестивыя вѣры греко-россійскія людахъ, обрѣтающихся въ Польшѣ», но уже среди широкихъ народныхъ массъ московскаго государства. Такой именно ходъ дѣла, а не другой, обусловленъ еще тѣмъ, что рассказы о «безчинствахъ и неистовствахъ католиковъ-ляховъ и нехристей-жидовъ» вызывали въ сердцахъ православнаго народа кромѣ нравственнаго и матеріальное состраданіе съ притѣсненными.

Такова въ общихъ чертахъ картина отношенія Московской Руси къ Карпатской въ XVII и XVIII вв. Эти отношенія не шли дальше сознанія о единствѣ вѣры и связанной съ нимъ матерьяльной поддержки. Въ періодъ мнимаго преобладанія интересовъ одной вѣры въ жизни народовъ—другихъ сношеній и быть не

нею по жалованной грамотѣ и архидіак. *Паревнія отъ Львовскаго епископа Иосифа Шумлянскаго*, присланнаго съ грамотами къ государямъ; въ 1689 г. іюля 20, архидіаконъ Паревній является въ Москву съ просительнымъ письмомъ о заступленіи къ польскому королю за благочестивые греко-россійскіе въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтающіеся люди (Польскаго двора дѣла, св. 248); [в «Чинovníку» Моск. 1677 г. Львов. архиепарх. Музея находимъ слѣдующую записку:—«Лѣта 7201 октябрія мѣ по указу великаго Гдна свѣйшаго Киръ Ішакіа Московскаго і всеа россіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха данъ сей чиновникъ изъ ево свѣйшаго патріарха домовые казны Ішсифѣ Шемлянскому еписку львовскому галицкому. во свѣтлю соборную црковъ великомчнина георгія.]; 7188 (1681) февраля 14. (К. 75), пріѣздъ въ Москву пустыннаго скитскаго Крестовоздвиженскаго монастыря старцовъ Варломея и Веніамина за милостынею и за жалованными на собраніе милостыни грамотами, а 7195 (1688) г. февраля 9 (К. 82) явился за тѣмъ же игуменъ Іовъ; 7202 (1695) г. іюля 7 (К. 92) пріѣздъ въ Москву львовскаго креховскаго монастыря игумена Полихронія за милостынею по жалованнымъ государевымъ грамотамъ; 7205 (1698) въ январѣ (К. 94), пріѣздъ въ Москву венгерской земли гэр. Брашева протопопа Василія Хобона за милостынею; 1706 янв. 31. (К. 99), пріѣздъ изъ Польши Креховской обители намѣстника Іова за милостынею—и т. д. до 1761 г.—Въ архивѣ Свят. Синода находятя тоже немало актовъ, указывающихъ намъ на эти древнія сношенія Карпатской Руси съ Россіей, см. Описание документовъ и дѣлъ архива св. Синода:—т. II, ч. I-ая. Послы Петра Вел. въ Венецію и Польшу по дѣлу православныхъ единствѣрцевъ и Архивъ зап.-рус. униатскихъ митрополитовъ I—II (пользовался корректурными листами, за что искренне благодарю г. Рункевича).—Кромѣ этихъ извѣстій можно найти еще немало матеріала по данному вопросу въ «Сводной гал.-рус. лѣтописи» Канон. А. С. Петрушевича и въ архивѣ Львовск. архиепарх. Музея.

могло.—Отношеніе же карпаторусскаго православія къ Москвѣ и Россіи опредѣляется не только сознаниемъ объ единовѣрѣ, но и надеждой на могущество своихъ сѣверныхъ единовѣрцевъ. Не будь у Карпаторусовъ того времени этой надежды, галицкіе и угорскіе епископы навѣрно не жаловались бы московскимъ государямъ на притѣсненія и обиды, «чинимыя греко-россійской церкви людямъ» католической латынью. Эти жалобы зарубежныхъ православныхъ единовѣрцевъ и были предметомъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Польшей. Въ городскихъ актахъ г. Галича имѣется даже специальное заявленіе Скитскаго монастыря, внесенное туда отъ имени игумена и братіи о томъ, что — въ силу договора Россіи съ Польшей 1768 г.—ктиторы ихъ монастыря, скрывавшіе до сихъ поръ свое православное вѣроисповѣданіе, станутъ явно исповѣдывать его¹⁾.

Предпріятія и дальнія странствованія отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и просителей отъ монастырей и церковныхъ общинъ не оставались, навѣрно, тайной и для народныхъ массъ духовной паствы; тѣмъ болѣе, что народъ находился въ то отдаленное время въ довольно тѣсной связи съ низшей церковной и монастырской іерархіей. Странники, возвращаясь изъ дальняго путешествія на родину, рассказывали землякамъ о видѣнномъ въ земляхъ «православнаго царя», восхваляли его щедрость, богатство, силу и значеніе—а главное, превозносили его благочестіе и преданность православнои греческой вѣрѣ. Въ итогѣ получилось то, что въ Карпаторусскомъ народѣ Польши и Угорщины усилилось сознание единовѣрія съ далекимъ московскимъ православнымъ государствомъ, отъ котораго и слѣдовало ему надѣяться на сильную помощь.

Это сознание единовѣрія и соединенной съ нимъ надежды на православныхъ царей не исчезло и съ окончательной побѣдой унии въ Карпатской Руси: старинное преданіе и тяжелое состоя-

---

1) См. Ю. Целевичъ.—Скитъ Манявскій, Львовъ 1887, стр. LXV, док. отъ 6 февр. 1768.

ніе престонародной массы заставили ее опять подумать о могущественномъ россійскомъ царѣ, какъ о сильномъ защитникѣ угнетенныхъ ¹⁾. Событія времени только поддерживали эти надежды. Такъ: Польша пала—значительная же часть ея досталась въ удѣлъ Россіи; появился Наполеонъ, наполнившій собой чуть ли не четверть столѣтія европейской исторіи — и вдругъ онъ палъ подъ ударами той же Россіи; а тамъ турецкая война, польское возстаніе, усмирненіе угорскаго возстанія. Вездѣ Россія и Россія!—Какъ же тутъ народной массѣ не проникнуться вѣрой въ силу россійскаго царя? Какъ не вообразить себѣ его защитникомъ угнетенныхъ и побѣдителемъ притѣснителей? Вѣдь Наполеонъ воевалъ и съ Австріей, разбилъ и уничтожилъ не одинъ карпаторусскій полкъ австрійской арміи и увеличилъ рекрутскіе наборы — этого довольно, чтобы его считать общенароднымъ врагомъ; турки же—басурмане; польскіе ксендзы притѣсняли и продолжаютъ притѣснять крѣпостной народъ, а мадьяры бунтовали противъ «нашого цѣсаря»—вотъ и логика и пси-

1) Для характеристики отношеній Карпаторусскаго духовенства и народа къ Россіи укажемъ на два случая. Такъ офиціалъ львовскаго униат. капитула во Львовѣ *Антоній Левинскій* писалъ 21 апр. 1773 г. своему брату архидіакону князюцатуре въ Варшавѣ слѣдующее: если бы Западная Русь была православною, то «*cieali by się nam były sprzykczuży Panaszczuzny u podwoły, to iako prostacy Schizmatycy łatwo mogli byśmy byli znaleść Protekcyą u Moskwy, teraz w saŕey Europie apprehensią maiącey. I pewnie prędzez byśmy ią byli tam znaleźli, iak teraz w Rzumi...*». *Ze propter fidem opprimimur a Moschis, opprimimur według ich zdania sprawiedliwie, iako od nich odszczepieni, y to nam iest gloriosum et meritum.*—Галичанинъ 1862 г. I, стр. 141.

Джмилевскій, А. М. говоритъ въ «Журналѣ путешествія изъ Вѣны въ Венгрію въ 1814 г.» (Сынъ Отечества 1816 г. 34-ая кн. 207 стр.), что его въ Пештѣ «окружилъ народъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на русскаго: особенно подходи ко мнѣ сербы и *славяне*; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ говорили мнѣ: «мы прѣхали въ Офенъ издалека, нарочно, чтобы увидѣть монарха славянскаго поколѣнія». «Все, что мы о немъ слышали—превралъ одинъ изъ нихъ—увѣряетъ насъ, что онъ есть печать Царей». Выраженіе поэтическое, показывающее чувства единоплеменниковъ нашихъ! Они рассказывали мнѣ о восшествіи своемъ, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. Мы радовались, что Бонапарте нашелъ преграду завоеваніямъ своимъ посреди славянскаго рода». См. еще «Матеріалы» I, воспоминанія Броневскаго и Глаголева и прииѣчаніе о вел. княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, 6 стр.

хологія народныхъ симпатій вся тутъ. Если же прибавить къ тому, что этому народу въ теченіе 1-ой половины XIX в. пришлось встрѣчаться съ русскимъ солдатомъ довольно часто, какъ во время походовъ русскихъ черезъ Галичину и Угорщину 1799, 1813—1814 и 1846—1849 гг., такъ и во время владычества русскихъ въ Тернопольскомъ округѣ 1809—1815 г., мы убѣдимся въ слишкомъ достаточной наличности причинъ, вызвавшихъ среди Карпаторусскаго народа живыя симпатіи къ Россіи, какъ къ могущественной державѣ, покоряющей «бунтарей», «неверныхъ» и угнетателей.

Наконецъ нельзя оставлять въ сторонѣ и торговыя сношенія Россіи съ Карпатской Русью. Такъ — торговый путь изъ Варшавы въ Каменецъ-Подольскъ шель на Люблинъ—Львовъ—Глиняны — Золочевъ—Теребовлю—Гусятинъ; другой же путь, соединявшій Южную Россію съ Силезіей шель на Радвильковъ—Гродно — Золочевъ—Глиняны—Львовъ—Перемышль—Кракъ 1). Объ оживленности этой транзитной торговли свидѣтельствуеъ 26-ая статья торговаго договора Россіи съ Австріей 1785 г., на основаніи которой дома російскихъ купцовъ во Львовѣ и Бродахъ освобождались отъ всякаго постоа военныхъ людей. Кромѣ транзитной торговли существовала почти до половины XVIII в. и мелкая книжная торговля Галичины съ Южной Россіей, куда Львовская Ставропигія посылала своихъ агентовъ съ книгами; сѣвернорусскіе же торговцы навѣщали Угорщину до 1728 г. 2). Эти торговыя сношенія слѣдуетъ опять счи-

1) См. Броневскій. — Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга, ч. II. Броды (въ «Матеріалахъ» 8—11 стр.); М. Чулковъ—Истор. опис. російск. коммерціи, т. VI. Кн. 4, стр. 547—548, Почтовый путь отъ Варшавы до Каменецъ-Подольска и т. VII, кн. 1, стр. 216, статья договора 26.

2) О торговцахъ Ставропигійской печати во Львовѣ находимъ извѣстіе въ актахъ Кіево-печерской Лавры (Арх.-тип. 1730 г. 23 ноябр. № 9); въ копіи челобитной Лавры въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ о запрещеніи ввоза книгъ «изъ-за рубежа Польской границы разныхъ печатей» въ Малую Россію на ярмарки и торги; на что и послѣдовалъ запретительный указъ (Глав. арх. мин. иностр. дѣлъ—Малорос. дѣла нов. лѣтъ, св. 68, № 21, 1730 г.). Львовская Ставропигія посылала своихъ книжныхъ агентовъ въ украинскіе города на осно-

тать однимъ изъ источниковъ непосредственнаго знакомства обѣихъ Русей.

Симпатіи Карпатской Руси къ Россіи нашли себѣ лучшее выраженіе въ немногочисленныхъ, появившихся въ печати народныхъ пѣсняхъ, разсказахъ и лѣтописныхъ записяхъ. Такъ: взятіе Хотина русскими 1739 г. было воспѣто народомъ въ пѣснѣ— «Въ славномъ мѣстѣ подъ Хотиномъ, гей, гей у потоку — Бьеса турокъ изъ москалемъ больше якъ пѣвъ року» (Головацкій — Пѣсни I, 21 стр.); военные успѣхи и походы русскихъ армій XVIII в. заносились карпаторусскими грамотѣями въ лѣтописныя записи на поляхъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ¹⁾; солдатская пѣсня о легендарномъ Суворовѣ плѣвила, повидимому, воображеніе галицкаго крестьянина и вошла въ составъ его пѣсеннаго репертуара (Головацкій III² стр. 11—13 и двѣ пѣсни 13—14 стр.); помощь русской арміи, оказанная Австріи противъ Угорщины, явилась сюжетомъ для угрорусской народной пѣсни — «Та бо чей насъ поратую сила Москалева» и надежды, что «Русскій Богъ поможетъ» (Г. А. де-Волланъ — Угрорусскія народ. пѣсни 161—162 стр.). — Анекдоты о могуществѣ русскаго царя, о скоромъ пришествіи его войскъ для занятія Галичины, о заботахъ его о благосостояніи земледѣльца и объ его ненависти къ «панамъ и жидамъ» въ большемъ ходу еще и нынѣ среди галицкаго, мазурскаго и русскаго населенія³⁾. Наряду съ

ваніи грамоты Петра Великаго 1707 г. (Арх. юго-западной Россіи, ч. I, т. XII, стр. 614).—О русскихъ торговцахъ книгами въ Австрійской Сербіи и о запретѣ имъ являться въ угро-нѣмецкія границы 1728 г. см. Опис. дѣлъ и документы Архива св. Снн. т. II, ч. I. Прилож. 855 стр. и П. А. Кулаковскаго — Начало русской школы у Сербовъ 101 и 189 стр.

1) См. А. С. Петрушевича—Гал.-русская сводная лѣтопись 1701—1772—1800, съ дополненіемъ и *нами*—Описи рукописей Народнаго Дома и Митрополитской бібліотеки во Львовѣ. Въ нихъ есть довольно много выписокъ, свидѣтельствующихъ объ интересѣ Карпатской Руси для событій въ Россіи.

2) См. М. Павлика — *Moakalofilstwo między ludem ruskim Galicyi i Bukowiny*, статьи въ газетѣ *Kurjer Lwowski* 1884 г., №№ 311, 312, 321, 322, 324, 326 и 329; *Громадскій Голос* 1906 г.; тѣ-же статьи дополненныя и исправленныя и отдѣльно, п. з. *Москвофільство та українофільство серед австро-руського народу*. Льв. 1906.

этими политически-общественными анекдотами народъ разсказываетъ много интересныхъ вещей о проворности, хитрости и плутовствѣ «москалів і російскихъ салдатів»¹⁾.

Отношеніе народной массы къ Россіи отразилось и на карпаторусской интеллигенціи, которая, поддаваясь — какъ народнымъ симпатіямъ, такъ и руссофильству своихъ славянскихъ сосѣдей чеховъ, словаковъ и сербовъ, привѣтствовала восторженными одами главнѣйшія событія русской жизни. Укажемъ только на оды по случаю смерти Александры Павловны, супруги угорскаго палатина 1804 г. («Матеріалы» 8 стр.); А. Духновича «Оду на триумфъ Николая царя Россіи, егда на турковъ воевавъ, напрасно чрезъ Дунай устроеннымъ мостомъ, въ Болгарію съ всею силою перейшолъ Исаакчу и Исмаилъ и прочія крѣпости взялъ 1 октовріа 1829» и «Стихи на взятіе Варны 12 октовріа 1829²⁾» и И. Головацкаго — Пѣніе радостнаго голоса... Николаю I... при высочайшемъ выѣздѣ до города Вѣднѣя 1845 (изд. 1848 г. и въ «Русской книгѣ для чтенія» 1860).

Словомъ — «москали, русская сила, русскій Богъ» не были, повидимому, противны Карпатской Руси и пользовались у нея значительными симпатіями.

Говоря о сношеніяхъ карпаторусскихъ монастырскихъ и церковныхъ просителей и жалобщиковъ съ Московскою Русью XVII и нач. XVIII вв., мы отиѣтили образъ ознакомленія Россіи съ Карпатскою Русью. Такъ какъ въ то время экономически-пра-

1) См. В. Гнатюка — Гал.-руські анекдоти 187—197 стр.; 29 анекдотовъ, собранныхъ случайно въ трехъ мѣстностяхъ бучацкаго, дрогбыцкаго и стрыйскаго повѣтовъ. Здѣсь слѣдуетъ указать еще на интересную лемковскую легенду о томъ «Если московскій царъ ставъ христианиномъ», содержащую свѣсь сказаній о посольствахъ Владимира и о крестѣ, видѣнномъ во свѣ царемъ Константиномъ (того же—Гал. рускі народні легенди 185 стр.).

2) Библ. Народ. Дома во Львовѣ—рпк. «Забавки»—А. Духновича № 176, стр. 1 и сл..

новое положеніе престоляродья заключалось въ естественномъ служеніи боярину-пану, нѣтъ ничего удивительнаго, что имъ не интересовались московскіе благодѣтели карпаторусскаго благочестія, а монахи-карпаторусы не обращали ихъ вниманія на него. Съ той же точки зрѣнія посмотрѣвъ на судьбу карпаторусскаго народа и русскій путешественникъ, Пѣшеходецъ Василій Григоровичъ-Барскій, изложившій свои впечатлѣнія о Карпатской Руси (1723—1724 г.) въ запискахъ ¹⁾. Если вѣрить первому издателю «Путешествія», В. Рубану, такъ эту книгу «тридцать лѣтъ... списываютъ съ превеликою жадностью всѣ тѣ, до конхъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающіяхъ оную губерніяхъ нѣтъ ни одного знатнаго мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ Россійскихъ семинаріяхъ, для Епархіальныхъ Архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ состояній, за великія деньги доставали оную» — что даетъ намъ полное право заключить, что русское общество, послѣ прекра-

---

1) *Пѣшеходца Василія Григоровича-Барскаго Плахи Албова*, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго *Путешествіе къ святымъ мѣстамъ* въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимся, препринятое въ 1723 и оконченное 1747 году имъ самимъ писанное. Спб. 1778 г. 1-ое изданіе В. Рубана; мы пользуемся изданіемъ 1819 г. Критическое изданіе появилось въ «Трудахъ Православ. Палестинскаго общества 1885—1889 г.» съ литературно-биографическимъ очеркомъ Пѣшеходца пера Н. П. Барсукова.

Василій Григоровичъ, сынъ Кіевскаго купца, родился 1701 г., учился въ Кіевской Академіи, а 1723 г. отправился во Львовъ для лѣченія, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ кіевскимъ товарищемъ вписался 1724 г., подъ вымышленнымъ именемъ Барскаго, въ іезуитскую коллегію. — Онъ былъ, однако, уличенъ своими товарищами уніатами въ обманъ, и какъ схизматикъ исключенъ изъ училища. Правда, благодаря благосклонности львовскаго уніатскаго епископа Аеанасія Шептицкаго, его приняли обратно въ коллегію, но онъ уже не захотѣлъ продолжать ученіе и рѣшился отправиться въ Римъ. Это ему и удалось исполнить, благодаря тому же Шептицкому, львовскому католическому бискупу и монахамъ Василіанамъ изъ Львова и Крехова. — Все это, какъ и свое путешествіе отъ Львова, на Самборъ, Угорцы въ Грушевъ и Бачку до Будапешта, Григоровичъ-Барскій излагаетъ въ указанномъ «Путешествіи» 3—17 ст. — Григоровичъ-Барскій умеръ въ Кіевѣ 1747 г. и былъ похороненъ подъ восточной стѣной академической свято-троицкой церкви на Подолѣ.

щенія непосредственныхъ сношеній съ Карпаторусскими монахами-просителями и жалобщиками, имѣло возможность знакомиться съ церковно-общественной жизнью Карпатской Руси по запискамъ Григоровича-Барскаго.

Съ экономически-гражданской жизнью Карпатской Руси русское общество стало знакомиться только послѣ отечественной войны по запискамъ и воспоминаніямъ русскихъ офицеровъ, а затѣмъ частныхъ путешественниковъ ¹⁾.

Прочитывая нынѣ извѣстія русскихъ офицеровъ и путешественниковъ о Карпатской Руси и сравнивая ихъ съ современными имъ записками-воспоминаніями Краттера ²⁾, Карпинскаго ³⁾, Завадскаго ⁴⁾ и другихъ ⁵⁾—мы убѣждаемся, что русское общество получило сразу совсѣмъ новыя, очень вѣрныя, хотя далеко не полныя, свѣдѣнія о покореніи австрійской Руси. Мало того, эти случайные русскіе бытописатели Прикарпатя, оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ единовѣрьи, стали чаще обращать вниманіе на единоплеменность Карпатской Руси съ Малой и Великой

1) См. Ф. Глинка—Письма русскаго офицера, ч. I. Москва 1816 г.; А. М. Данилевскій—Журналъ путешествія изъ Вѣны въ Венгрію, (Сынъ Отеч. 1816 г. 34-ая кн.); В. Броневскій—Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 г., Москва 1828 г.; А. Глаголевъ—Записки русскаго путешественника, Спб. 1837 г. и 1845 г.; Суворовскій-ратникъ—Записки о походѣ въ Италію 1799 г. въ Москвитининѣ 1844 г. № 1 и Журн. Мин. Народн. Просв. 43 кн. и М. Д. Лихутинъ—Записки о походѣ въ Венгрію 1849 г. Москва 1874 г.—все относящееся къ Карпатской Руси было извлечено нами и пересказано въ «Матеріалы» 4—15 стр.

2) Ср. Briefe über jetzigen Zustand von Galizien, Leipzig 1786, I—147, 151—153, 217—230 стр. о галицкомъ крестьянствѣ и 154—188 стр. о шляхтѣ.

3) Фр. Карпи́нского — Pamiętniki, Lwów 1849 г. 108 стр. — положеніе угорскихъ крестьянъ; 109 стр.—своеволие магнатовъ и 145 стр. — судьба крѣпостныхъ.

4) Wł. Zawadzki—Literatura w Galicyi 1772—1848, Lwów 1878 г. I ск. о германизации; о томъ же см. у Z. Kaszkowskiego—Mój pamiętnik z lat 1833—1848. Lwów, 1899 г. 23 стр. и сл.

5) См. Meciszewski—Listy Galicyjskie. Supraśl 1848 и пересказъ—дополненіе Listów въ брошюрѣ Obecny stan Galicyi. Paryż 1848 г. 53 стр. 16°.—Литература вопроса, впрочемъ очень богата; это преимущественно воспоминанія и записки польскихъ дѣятелей 1-ой половины XIX в.

Русью и такимъ образомъ вызывать въ русскомъ обществѣ новыя чувства симпатіи къ единоплеменникамъ, а быть можетъ и класть основанія позднѣйшимъ мечтамъ о культурномъ и политическомъ объединеніи.

Причину неполноты воспоминаній и записокъ русскихъ военныхъ путешественниковъ о Карпатской Руси слѣдуетъ видѣть въ условіяхъ военнаго времени, забросившаго туда случайно одного и другого мемуариста и давшаго имъ возможность такъ же случайныхъ наблюденій. Нельзя тоже забывать о томъ, что эти военные мемуаристы смотрѣли на Карпатскую Русь глазами современнаго русскаго передоваго общества. Такъ, оставаясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ тяжелаго положенія крестьянъ въ Россіи, офицеры—путешественники Глинка, Броневскій, Глаголевъ, Суворовскій Ратникъ и Лихутинъ—обращаютъ главное вниманіе на бѣдность, темноту и пьянство Карпаторусскаго крестьянства. Они находятъ, однако, возможнымъ поправить судьбу этого крестьянства съ помощью насажденія ремесла и художества на мѣсто устранинной винной продажи (Глинка 182 стр.). Свобода, по мнѣнію того же автора, погубила бы галицкое крестьянство, такъ какъ оно еще не созрѣло для нея (180 стр.), тѣмъ болѣе, что хорошій помѣщикъ долженъ видѣть въ благоденствіи крестьянъ и собственное преуспѣяніе (183 стр.).—Броневскій опять обратилъ вниманіе на непомѣрные оброки, панщизинныя работы, панское своеволіе и большіе налоги, немилосердно давившіе народъ (56 стр.)—не забывъ, однако, кольнуть современное руссійское правительство указаніемъ на кроткое отношеніе австрійскаго правительства къ крестьянству и на его заботы объ ограниченіи шляхетскаго буйства (57 и сл.). На то же своеволіе панства и рабство мужицтва обратилъ вниманіе и Суворовскій Ратникъ (156—157 стр.).

Что болѣе въ свое время на душѣ руссійскаго подданнаго дома, на это онъ обращалъ вниманіе и за границами Россіи и, говоря позже о томъ въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, онъ—хотя косвенно—обличалъ свои домашніе «порядки». Лучше другихъ

опредѣлилъ всю тяжесть домашнихъ порядковъ въ Россіи Лихутинъ — указаніемъ на отвѣтъ галицкихъ мужиковъ, не желавшихъ якобы присоединенія къ Россіи изъ-за пановъ и исправниковъ, которымъ въ Россіи слишкомъ много воли дано (23 стр.). Тотъ же авторъ говоритъ съ умиленіемъ о сознательно гордомъ отношеніи свободнаго крестьянина къ своему бывшему властелину-пану и радуется благоустроенности галицкихъ селъ и мѣстечекъ, чего онъ въ сосѣднихъ російскихъ губерніяхъ не замѣчалъ (19 стр.).

Глинка (120 стр.), Броневскій (192 стр.) и Глаголевъ (149 стр.) обрадовались находкѣ единоплеменныхъ карпатскихъ славянъ, но они и не подумали о возможности или желательности присоединенія ихъ къ Россіи. Мысль о присоединеніи Галичины къ Россіи не была чуждой, однако, російскому правительству¹⁾. Такъ — правительство Екатерины II сопротивлялось передачѣ гор. Львова Австріи въ 1772 г. Послѣ окончательнаго присоединенія Галичины къ Австріи въ правительственныхъ сферахъ Россіи появляется мысль о необходимости ревизіаціи Галичины, такъ какъ посредствомъ ея легче было бы рѣшить восточный вопросъ. Александръ I, мечтая о соединеніи польскихъ земель подъ своей рукой, предлагалъ Австріи шлезско-баварское княжество въ замѣнъ за западную Галичину (1805 г.). Когда же Россія получила въ 1809 г. Тернопольскій округъ, Александръ I далъ генер. Голицыну тайную инструкцію: привлекать къ Россіи населеніе Галичины, утверждая въ немъ убѣжденіе, что Россія — дѣйствуя противъ Австріи, считаетъ ихъ благо своимъ собственнымъ; Галицкая милиція должна быть авангардомъ русской арміи; стремиться перейти и Вислу, такъ какъ интересъ Россіи требуетъ самаго широкаго распространенія въ Галичинѣ²⁾. Россій-

1) Резюмируемъ выводы проф. С. Аскенази въ предисловіи къ J. Leaszub-
skiego—Rządu gosujkie w Kraju Tarnopolikim 1809—1815. Lwów 1904 г. VI—
XII и XXI—XXXIII стр.

2) Проф. Аскенази ссылается на Михайловскаго-Данилевскаго: Война
Россіи съ Австріей 1809 г., ркп. въ Архивѣ Генер. Штаба въ Спб.

скій же комиссаръ генералъ Доктуровъ получилъ тоже инструкцію отъ императора Александра I, въ которой возлагается ему въ обязанность увѣрить австрійскихъ комиссаровъ, передававшихъ часть восточной Галичины Россіи, что «я никогда не переставалъ пещись, чтобы она (Австрія) сохранилась въ цѣлости и настоялъ въ томъ, чтобы она понесла ущербъ сколько можно менѣе»¹⁾.

Кратковременное правленіе Россіи въ Тернопольскомъ краѣ осталось вѣрнымъ инструкціямъ Александра I. Губернаторъ Тейльсъ сумѣлъ снискать себѣ симпатіи польской шляхты—своимъ великосвѣтскимъ салономъ и привлеченіемъ ея къ участию въ псевдоавтономномъ правленіи, а народа—плательщика податей облегченіемъ и распредѣленіемъ податнаго бремени и ограниченіемъ рекрутскаго набора. Народъ, стонавшій до сихъ поръ подъ непосильнымъ бременемъ военныхъ податей—наличными, провизіей и рекрутами—долженъ былъ съ радостью встрѣтить російскія облегченія и надолго запомнить ихъ себѣ. Въ виду чего донесеніе російскаго посланника графа Татищева изъ Вѣны 1828 г. императору Николаю I о томъ, что жители тернопольской и залѣщицкой земли благословляютъ годы, проведенные

---

1) См. *Румянцевскій музей*.—Бумаги генерала-отъ-инфантеріи Д. С. Доктурова № 113. Этотъ номеръ состоитъ изъ десяти дѣлъ, изъ которыхъ самыя важныя бумаги и акты по размежеванію части старой Галиціи, 2 окт. 1809 г. уступленной Австріей Россіи: 1) Инструкція ген. Доктурову, кою онъ уполномочивается избрать тѣ округа, «коихъ присоединеніе по Вашему усмотрѣнію навыгоднѣйшимъ вы признаете»; 2) письмо статсъ-секретаря гр. Румянцева отъ 18 янв. 1810 г. къ ген. Доктурову о возобновленіи картеля съ Австріей насчетъ взаимной выдачи бѣглецовъ; 3) письмо уполномоченнаго російскаго двора д'Авштетта отъ 10 февр. 1810 г. изъ Львова къ Доктурову опредѣлить точно граничную линію, которой безъ російскаго пропуска нельзя переходить *classa individu d'une classe inférieure*, такъ какъ *ad'après des notions particulières, mais sûres, il commence à y avoir des émigrations furtives des paysans de la partie de la Galicie, destinée à être réunie au sceptre de la Russie*—и 4) отношеніе графа Румянцева отъ 20 мар. 1810 г., которымъ Доктуровъ извѣщается о принятіи императоромъ заключеннаго имъ договора съ австрійскими комиссарами и о подаркахъ для нихъ—по золотой табакеркѣ съ изображеніемъ императора и 2000 червонцевъ для министерской канцеляріи.

подъ російскимъ скипетромъ, и плачуть о быломъ счастьѣ, являются не пустымъ патетическимъ восклицаніемъ, а близкимъ къ истинѣ положеніемъ¹⁾).

Послѣ окончательной передачи всей восточной Галичины Австріи, на основаніи рѣшеній Вѣнскаго конгресса 1815 г., правительственные круги Россіи продолжали заниматься вопросомъ

1) См. Leszczyński — op. cit. 68—69 стр. М. Hagariewiczъ въ *Annales ecclesiae ruthenicae*, p. 871 nota, изображаетъ, однако, положеніе крестьянства немножко иначе: «Occupatio provinciae Tarnopoliensis per Russos exinde repennat in memoria Ruthenorum, ibidem habitantium, quod nobilitas polonica cum officialistis russicis mox intimam amicitiam ad hoc iniverit, ut contra organisationem regiminis austriaci eriperet agricolis ruthenis agros, et abrogeret scholas pro agricolis introductas, quod indigat nota officii circularis ad Consistorium Metropolitanum ruthenum Leopoliense de dato 16 Julii 1818 № 5631, postquam haec provincia Austriae restituta fuerat, sequentibus verbis: «In diesem unter der russischen Regierung in allen Zweigen der inneren Verwaltung und Kultur vernachlässigten Kreise...»—Это мнѣніе Гарасевича оказывается очень одностороннимъ и основаннымъ на невѣрныхъ сообщеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ *донесеніе надворной австрійской Комисіи отъ 25 декабря 1809 г. императору Францу I*, въ которомъ—между прочимъ говорится: «Diesen letzteren Befehl (eine neue Konkription des abzutretenden Districtes zu verlangen) scheint man den von einzelnen galizischen Insassen dem Fürsten Galitzin und selbst auch unmittelbar dem Petersburger Hofe übergebenen Anzeigen, dass nämlich aus den an Russland wahrscheinlich abzutretenden Gegenden sowohl von österreichischer als von warschauer Seite viele Menschen unter die Waffen genommen worden seien, zuschreiben zu müssen, und dieses verrätherische Andringen an Russland, gegen welches der Hass der Nationalen im Allgemeinen noch weit mehr als gegen Österreich entbrannt ist, giebt einen neuen Beleg von dem werthlosen und unkonsequenten Karakter dieses Volkes»—см. Leszczyński op. cit. 28 стр. и приложение 169 стр. Болѣе подробное опредѣленіе «des werthlosen und unkonsequenten Karakters dieses Volkes» находимъ въ донесеніи австр. комиссара Дике отъ 11 февр. 1810 г.: «Die Stutzigkeit der Insassen gegen die Kreisämter vorzüglich im Zalesczyker Kreise, war gleich anfänglich bei Wiedereintretung in ihre Wirkung sehr gross. Kein Befehl wurde befolgt, keine Steuer entrichtet, kein ausgeschriebenes Naturale geliefert... Die Beamten wurden einer Menge Insolenzen von Seiten der Insassen ausgesetzt... General Suworow... den Landesinsassen sehr hold, unterstützt sie... Suworow erklärte, keine Exekution geben zu wollen... das russ. Kaiserl. Militair, theils mit unserer Executions—Verfassung unbekannt, theils in seinem gewöhnlichen Mistrauen durch die Vorspiegelungen der Insassen, «dass diese Ausschreibungen nur von den Deutschen erfunden seien um die Insassen vor ihrem Abzug noch recht zu schinden, stätzig gemacht, verweigerte nicht nur die Executionen, sondern vereinigte sich mit den Intriguen, vielleicht auch durch andere Mittel gewonnen...» *ibidem* 30—31 стр. и 172 стр.

о присоединеніи Галичины. Такъ—въ 1829 г. варшавскій генеральный штабъ разсматривалъ планъ вооруженнаго вступленія въ Галичину, а императоръ Николай I былъ даже готовъ въ 1846 году мирнымъ путемъ приобрѣсти отъ Австріи Галичину—древнюю русскую землю, взаменъ за Польшу до Бзуры и Вислы. Генералъ Паскевичъ считалъ это настоящей мѣрой, такъ какъ легче управлять краемъ со смѣшаннымъ населеніемъ, пребывающимъ въ постоянныхъ спорахъ другъ съ другомъ, чѣмъ страной со сплошнымъ польскимъ населеніемъ. Впрочемъ, «Галичина была и раньше русскимъ краемъ, и нынѣ живутъ въ ней православные и униаты»,—докладывалъ тотъ же генералъ.—Таково было отношеніе російскаго правительства къ Галичинѣ¹⁾.

Выразителемъ правительственнаго мнѣнія въ мемуарахъ, относящихся и къ Галичинѣ, является адъютантъ ген. К. Паскевича—Д. П. Сонцовъ²⁾. Самыми важными являются заключительныя положенія «Записки о Галиціи 1846 года», указывающія на «приверженность къ русскимъ по всей Галиціи. Краковъ желалъ и просилъ о присоединеніи его къ русско-польскимъ владѣніямъ. Польская шляхта послѣ страшныхъ избиеній въ прошлую зиму сообразила разницу между правительствами Австрійскимъ и Русскимъ. Они ясно стали сознавать безопасность и спокойствіе въ будущемъ подъ могущественнымъ правленіемъ Россіи, смуты и неувѣренность въ достояніи и жизни подъ властію Австріи. Народъ племени Славянскаго, нѣкогда сильнаго Галицкаго княжества—достояніе древней Руси—большею частію вѣры греческой—униаты, всегда желалъ и жаждалъ быть при-

1) Очень подробно изложенныя причины необходимости и обязанности Россіи занять Карпатскую Русь находимъ въ копіи записки графа М. Н. Муравьева—«Взглядъ на Австрію», составленной около 1840 г., послѣ путешествія графа изъ Курска черезъ Галичину въ Карловы Вары. (Имп. Публичн. Библ., рукоп. Ф. П. № 244, л. 19 об.—25 об. «Взглядъ на положеніе православія и униіи въ Австр. провинціяхъ»). Эта копія была изготвлена въ 1869 г. на 25 л., поступила же въ Библіот. въ 1900 г., см. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1900—1 г. стр. 234, 11).

2) См. *Матеріалы* 15—16 стр.

соединеннымъ къ Россіи. Слабое невоинственное австрійское войско, такъ убито морально, особенно со времени его постыднаго бѣгства изъ Кракова (въ 1815 г.—см. I гл. Записки), что достаточно одного слова и нѣсколько баталіоновъ — и Галиція наша». То же самое выходитъ и у Муравьева.

Такъ же стали думать о Галичинѣ и славянофилы 60—80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, что — пока не входитъ въ кругъ нашей работы.

2.

Учебно-ученыя сношенія съ Карпатской Русью. Вызовъ угорорусовъ—Балудьянскаго, Кукольника, Лодія и другихъ. Дѣятельность Орлая и Венелина.

Выдающіяся реформы учебнаго дѣла въ Россіи послѣднихъ двухъ столѣтій, XVIII и XIX, какъ учрежденіе архіерейскихъ школъ и семинарій для кандидатовъ священства — послѣ 1721 г., организація среднихъ училищъ и университетовъ при Александрѣ I и введеніе классическаго образованія при министрѣ Толстомъ — привлекали каждый разъ и Карпатскую Русь къ участию въ нихъ.

Такъ, когда, послѣ изданія «Духовнаго Регламента» 1721 г., предписывавшаго архіереямъ учреждать школы для малограмотныхъ кандидатовъ въ священство¹⁾, потребовались въ новооткрытыхъ духовныхъ семинаріяхъ учителя съ высшимъ образованіемъ, ихъ стала поставлять — на ряду съ Кіевской и Московской академіями — и Карпатская Русь. Укажемъ за проф. Н. И. Петровымъ²⁾ на нѣсколькихъ учителей изъ карпаторусовъ въ архіерейскихъ училищахъ: *«Василій Ивановъ сынъ Ди-*

---

1) См. Регламентъ духовной, статья «о епископахъ», пунктъ б: «Вельми ко исправленію Цркви полезно есть сіе, чтобъ всякъ Епископъ имѣлъ въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей сіщенническихъ...» і и ѓл. п-ты.

2) См. Значеніе Кіевской Академіи, Кіевъ 1904 г.

цинскій родомъ изъ Перемышля польскаго, что за Львовомъ училъ въ интимѣ и фарѣ Вятской семинаріи съ 1735 до 1738 г. (ор. cit. 76—77 стр.); *Зьминцкій Софроній Ивановъ сынъ, родомъ изъ Золочева*, монахъ, а затѣмъ іеромонахъ, преподавалъ въ Черниговской коллегіи 1737 г.—пятнику, 1738 г.—былъ преемствомъ семинаріи и преподавалъ реторику, а въ 1739 г. онъ преподавалъ реторику уже въ Московской академіи (ibid. 33—34 стр.); въ той же Черниговской коллегіи преподавалъ въ 1737 г.—грамматку и синтаксисъ іеромонахъ *Пафнутій Захаржевскій изъ Львова* (ibid. 34 стр.). Въ 1740 г. доноситъ нижегородскій епископъ Іоаннъ Дубинскій въ Святѣйшій Синодъ, что «отъ преосвященнаго Рафаила, архіепископа Кіевскаго, по просительнымъ моимъ письмамъ чрезъ нарочно посланныхъ на моемъ коптѣ для такогожъ латинскаго діалекта обрѣтающихся при домѣ моемъ учениковъ обученія присланы два человекъ польской націи—*воеводства русскаго города Львова шляхетскія дѣти греческаго исповѣданія Василій Теодоровъ сынъ Кунашевичъ, Никита Алексѣевъ сынъ Доманевской*», учившіе въ его семинаріи грамматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ (ор. cit. 46 стр.). Кроме этихъ исторически-личныхъ свидѣтельствъ объ участіи русскихъ Карпатянъ въ учебномъ дѣлѣ Россіи XVIII в. имѣются еще и вещественныя свидѣтельства—это наличность рукописныхъ латинскихъ конспектовъ богословія и богословско-схоластической философіи, составленныхъ львовскими, креховскими и лавровскими василіанами, обрѣтаемыхъ въ монастырскихъ бібліотекахъ Югозападной Руси¹⁾. Эти рукописи, повиди-

1) См. Лилеева М. И. — Описание рукописей Черниговской духовной семинарии, ркп. № 14; Лаврская бібліотека въ Почаевѣ и бібліотека Волын. духов. семинаріи въ Житомирѣ имѣютъ каждая по нѣсколько номеровъ такихъ конспектовъ. . . Укажемъ для примѣра по «Систематическ. каталогу» И. Тихомирова номера латинскихъ богословскихъ рукописныхъ конспектовъ, составленныхъ во Львовѣ, Креховѣ, Добромилѣ и Лавровѣ, обрѣтающихся въ Волынской духовной семинаріи: 1854—8, 1861—4, 1866—70, 1877, 1885, 1888, 1890, 1894, 1900, 1921, 1937, 1938, 1948, 1949, 1951 и 1955. — Въ той же бібліотекѣ находятся еще рукописи того же содержанія и происхожденія изъ Загоровскаго монастыря. Это №№ 58, 59, 62—4, 140 и 840.

тому, были занесены въ югозападнорусскіе василіанскіе монастыри карпаторусскими монахами, или же списаны уже въ монастырскихъ лицахъ съ подлинниковъ и ихъ копій.

Дальше константированія факта, что карпаторусскіе учителя дѣйствовали въ архіерейскихъ и духовныхъ училищахъ Россіи XVIII в. намъ, пока, нельзя пойти. Зато дѣятельность карпаторусскихъ ученыхъ въ эпоху Александра I и Николая I, если и не особенно богата педагогическими успѣхами, все таки ознаменовалась рядомъ выдающихся событій. Такъ — карпаторусскіе ученые явились, наряду съ другими, одними изъ первыхъ пионеровъ высшаго образованія въ Россіи; они стояли за свободу изслѣдованія и ученія въ то время, когда эта свобода подвергалась свирѣпому гоненію со стороны необразованной и грубой бюрократіи; наконецъ они были первыми карпаторусами, старавшимися обратить вниманіе русскаго общества на его зарубежныхъ соплеменниковъ. Займемся обстоятельнѣе этимъ вопросомъ.

Желая имѣть въ новоучрежденныхъ училищахъ, Педагогическомъ институтѣ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, опытныхъ педагоговъ съ высшимъ образованіемъ и владѣющихъ, хотя бы только отчасти, русскимъ литературнымъ языкомъ, организаторы высшаго образованія въ Россіи начала XIX в. (мин. народ. просвѣщ. Завадовскій, гр. Потоцкій, Новосильцевъ) обратили свое вниманіе — между прочимъ — и на Карпатскую Русь, для которой русскій языкъ не былъ чуждъ. Офиціальнѣе вызовъ педагоговъ послѣдовалъ подъ конецъ 1803 г. Со стороны правительства дѣйствовали гр. Потоцкій и Новосильцевъ; на достойныхъ же приглашенія угрорусовъ указывалъ угрорусинъ, штабслѣкаръ и гофхирургъ И. С. Орлай¹⁾. Для

1) См. «Матеріалы», письмо Орлая къ Виліе отъ 1 февр. 1873 г. и изданіе «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ» изд. 2-ое 1881 г. 183 стр., статью Н. В. Кукольника, и 202—205 стр., статью Н. Лавровскаго.

авятія мѣсть въ новооткрытомъ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и учительской гимназій были призваны Михайлъ Андреевичъ Балудьянскій¹⁾, Василій Григорьевичъ Кукольникъ²⁾ и Петръ Дмитриевичъ Лодій³⁾. Юристъ Балудьян-

1) Русскіе изслѣдователи историки, передавая мадьярское правописаніе Baluganaki, пишутъ Балучьянскій, забывая о томъ, что слово maguar, они передаютъ русскимъ, фонетически вѣрнымъ, мадьярь.

Балудьянскій, Мих. Андр. (1769—1847 г.) уроженецъ Карпатской Руси (см. Русская Мысль 1880 г. мартъ ст. «Голось изъ Угорской Руси»), проходилъ гимназію и философію въ Уйгели и Кошацахъ, а университетъ кончилъ въ Вѣнѣ. Съ 1789—1796 г. онъ состоялъ учителемъ великоварадинской академіи, а 1796—1803 г. преподавалъ государственное право въ пештскомъ университетѣ. Съ осени 1803 г. онъ читалъ право въ педагогическомъ Институтѣ и работалъ въ комисіи Сперанскаго по составленіи свода законовъ. Продолжая свою педагогическую дѣятельность, онъ состоялъ 1809—1816 г. директоромъ законодательной комисіи и далъ цѣлый рядъ проектовъ; 1813—1817 г. преподавалъ политическія науки Николаю и Михаилу Павловичамъ, 1816—1819 года состоялъ деканомъ философско-юридическаго факультета педагогическаго института, а съ 1819—1821 г. былъ первымъ ректоромъ с.-петербургскаго университета. Съ 1826 г. онъ издавалъ вмѣстѣ со Сперанскимъ Сводъ Законовъ, выпустилъ раньше сочиненіе подъ загл. «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ», которымъ положилъ основаніе русской политико-экономической терминологіи (см. Сухоминовъ — Изслѣд. и статьи I, стр. 246). Послѣ изданія свода Законовъ, Балудьянскій былъ назначенъ сенаторомъ и статсъ-секретаремъ. — См. статью П. Баранова — М. А. Балудьянскій... (біографическій очеркъ), Спб 1882 г. 44 стр. 8^о.

2) Кукольникъ, Вас. Григ. (1765—1821 г.), происходилъ изъ окрестностей Мукачева, учился въ Львовской академіи и затѣмъ занялся изученіемъ агрономіи, плодомъ чего явились «Дзиеіо економісзпне» въ 5-ти частяхъ и 12 номеровъ журнала «Дзиепнік економісзпну». Впослѣдствіи принялъ мѣсто преподавателя математико-естественныхъ наукъ въ замостьскомъ лицейѣ, а съ осени 1808—1820 г. читалъ физику, а затѣмъ право въ Спб. педагогическомъ институтѣ. Въ это время онъ издалъ: Курсъ хозяйственныхъ свѣдѣній 1805 г., Экономическій Журналъ, 3 части — 1807 г., Начальныя основанія римскаго гражданскаго права и Начальныя основ. сельскаго домоводства 1810 г., Нач. основ. російскаго частнаго гражданскаго права 1813 г., Частное гражданское право 2 части — 1816 г. и 2 части Руководства къ преподаванію римскаго права 1821 г. — Илья Андр. Безбородко ученикъ Кукольника, рѣшившись учредить высшее учебное заведеніе въ Малороссіи, поручилъ ему организацію своей гимназій высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, куда Кукольникъ и переѣхалъ въ августѣ 1820 г., какъ первый директоръ. — См. статью Н. Кукольника въ изданіи «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко» 2-ое изданіе 1881 г., 181—189 стр.

3) Лодій, Петръ Дмитр. (1764—1829 г.), угрорусинъ по происхожденію, преподавалъ 1787—1801 г. логику и метафизику во Львовскомъ университетѣ

скій и математикъ-философъ Лодій, состояли въ это время профессорами, первый—пештскаго, второй—краковскаго университетовъ и заявили себя солидными работниками науки. Кукольникъ же, занимавшійся первоначально теоретической агрономіей, преподавалъ въ это время математико-естественныя науки въ Замостьскомъ лицей. Всѣ три угорусина владѣли однимъ изъ русскихъ нарѣчій; по воспитанію же своему и образованію въ духѣ славяно-россійской школы—они знали и литературный славяно-россійскій языкъ, на которомъ профессоръ Лодій читалъ даже лекціи во львовскомъ университетѣ 1787—1801 г. и далъ переводъ философіи Баумейстера. Они и явились такимъ образомъ подходящими въ данное время людьми.

Примѣру С.-Петербургскаго педагогическаго института послѣдовалъ и Харьковскій университетъ, нуждавшійся въ 1805 г. сильно въ профессорахъ. Въ виду чего университетскій совѣтъ послалъ въ Угорщину своего члена Филиповича для совершенствованія въ наукахъ и найма учителей. Проф. Филиповичъ и нашелъ для Харькова 9 лицъ учителей изъ угорскихъ славянъ¹⁾,

---

на славяно-русскомъ и латинскомъ языкахъ; 1790 г. издалъ «Наставленія любомудрія» Хр. Баумейстера; 1801—1803 г. состоялъ профессоромъ философіи и математики въ Краковскомъ университетѣ. Перейдя въ Россію онъ читалъ логику, метафизику и нравственную философію въ педагогическомъ институтѣ 1808—1819 г., а право—естественное и частное, публичное и государственное въ высшемъ училищѣ правовѣдѣнія. Въ это время онъ далъ переводъ «Естественнаго права» Цейлера 1809 г., I-ю ч. «Уголовнаго права» Фейербаха 1810 г., «Логическія наставленія» 1815 г. и «Теорію общихъ правъ». Съ 1819 г. до смерти онъ состоялъ профессоромъ права и философіи въ Спб. университетѣ. См. Сухомлинова—Изд. и статьи I, стр. 249 и сл.; В. Григорьевъ—Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ 60-ти лѣтъ его существованія, Примѣчаніе № 20.—«*Логическія наставленія, руководствующія къ назначенію и различію истиннаго отъ ложнаго*» профессора Спб. университ. Лодія признаны въ 1820 г. Ученымъ Комитетомъ «опаснѣйшими по нечестію и разрушительнымъ началамъ». Въ доносѣ въ Ученый Комитетъ, въ которомъ засѣдали Руничъ и Магницкій, было упомянуто и о томъ, что Лодій, превосходя открытостью нечестія и Куницына (автора «Права естественнаго») и Галича (професс. философіи въ Спб. унив. 1820 г.), занимаетъ въ университетѣ мѣсто декана и преподаетъ естественное право.—См. Скабичевскій: Очерки исторіи русск. цензуры, 1892 г. 132 стр.

1) См. Г. П. Данилевскій, Украинская старина, 306 стр.

между ними угрорусовъ: Павловича ¹⁾, Дудровича ²⁾ и Билевича ³⁾.—Дѣятельность этихъ лицъ, однако, была болѣе скромной, чѣмъ Балудьянскаго, Кукольника и Лодія. Это объясняется, какъ степенью ихъ образованія — на родинѣ они были обыкновенными учителями гимназій, какъ Дудровичъ и М. В. Билевичъ, или же только кончили университетъ, какъ Павловичъ, а И. В. Билевичъ былъ только директоромъ народнаго училища — такъ и личнымъ характеромъ, сказавшимся особенно у М. В. Билевича въ охотѣ наживы и доноительства. Впрочемъ, по свидѣтельству Г. П. Данилевскаго (op. cit. 307 стр.) ректоръ Харьковскаго университета, И. Рижскій, предложилъ еще въ 1805 г., чтобы «стараться въ округѣ имѣть учителей изъ великороссіянь, для избѣжанія того, дабы учащіеся не навькли

---

1) Павловичъ, Конст. Павл., угорскій дворянинъ, род. 1782 г., окончилъ университетъ въ Пештѣ со степенью доктора свободныхъ художествъ и философіи 1806 г., а годъ спустя былъ вызванъ Филиповичемъ въ Россію и опредѣленъ учителемъ естественныхъ наукъ въ земли войска Донскаго, а затѣмъ въ харьковскую гимназію. Въ 1811 г. онъ читалъ въ харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ адъюнкта, римское право. — См. Д. Багалъй—Опытъ ист. харьков. университета, I, стр. 508.

2) Дудровичъ, Андр. Иван., родился около 1780 г., учился въ гимназій въ Будѣ, а университетъ кончилъ въ Пештѣ, прослушавъ математику, физіку, естественную исторію, технологию, философію, всемірную исторію, латинскую словесность, нумизматику, дипломатику и право. Затѣмъ онъ изучалъ угорское право и политическія науки въ Кошицахъ и сталъ присяжнымъ нотаріусомъ въ Пештѣ. Послѣ перехода въ Россію онъ преподавалъ въ Черниговской гимназій (подлежавшей вѣдѣнію Харьковскаго университета) естественныя науки, технологию и коммерцію, въ Харьковѣ же перевелся только въ 1811 г., какъ преподаватель вышеупомянутыхъ предметовъ и латинскаго языка въ высшихъ классахъ. Выдержавъ въ 1814 г. предписанный экзаменъ, онъ былъ избранъ адъюнктомъ по философіи, которую преподавалъ въ университетѣ уже съ 1812 г. — Багалъй, op. cit. 509.

3) Билевичъ, Мих. Вас. проходилъ такъ называемую философію (высшую гимназію) во Львовѣ и Пряшевѣ 1799—1802 г., университетъ же прошелъ въ Пештѣ по юридическому факультету 1802—1806 г. Вызванный Харьковскимъ университетомъ въ Россію, онъ былъ назначенъ учителемъ философіи и латинскаго языка въ Новгородъ-сѣвер. гимназію, въ которой онъ впоследствии преподавалъ и нѣмецкій языкъ и естественныя науки, «получая за усердіе въ службѣ повышеніе въ чинѣ». Благодаря содѣйствію И. С. Орлая, директора Гимназій высшихъ наукъ, онъ былъ переведенъ въ Нѣжинъ учителемъ нѣмецкаго языка 1821 г. Выдержавъ экзаменъ на профессора политическихъ

неправильному произношенію російскаго языка», — а «славяно-россійскій» языкъ карпаторусовъ былъ навѣрно, не очень бѣденъ неправильностями произношенія. Въ виду чего и въ виду увеличенія мѣстныхъ культурныхъ силъ — приливъ карпаторусскихъ учебныхъ силъ въ Россію естественно долженъ былъ прекратиться. Къ тому же сама карпатская Русь перестала производить болѣе выдающіяся педагогическія силы—объ чемъ свидѣтельствуеетъ между прочимъ исторія Казанскаго университета.

Послѣ разгрома Казанскаго университета «попечителемъ» Магницкимъ 1819—1820 гг., послѣдовало высочайшее повелѣніе: «для пополненія отыскать способныхъ профессоровъ и въ другихъ учебныхъ округахъ, предпочтительно же изъ русскихъ, а въ случаѣ недостатка выписать и изъ чужихъ краевъ, но токмо

наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, онъ сталъ старшимъ профессоромъ этого предмета въ той же гимназій. (См. Архивъ Гимн. Высш. наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 1823 г., Дѣло о чиновникахъ 146 л. и Дѣла 1820—1821 г. 292 л. и 315 л., Послужной списокъ Билевича).—Лекціи свои читалъ Билевичъ по сочиненіямъ де-Мартини, Кукольника (римск. и русск. гражд. право) и А. Смита (полит. экон.). Какъ общественный дѣятель, онъ былъ ретроградомъ въ родѣ Рунча и Магницкаго; на своихъ товарищей по гимназій онъ доносилъ, что они распространяютъ вредныя идеи Канта и Шада (1827 г.).—См. Гимн. высш. наукъ и Лиц. кн. Безбородко, 1881 г., статью Н. Лавровскаго, стр. 70, 84 и сл.

Билевичъ, Ив. Вас. родился 1774 г. Окончивъ педагогическіе курсы во Львовѣ въ 1798 г., онъ учительствовалъ въ народномъ училищѣ въ Садагорѣ и Вашковцахъ, а затѣмъ служилъ повѣтчикомъ и переводчикомъ во Львовской губерніи. Съ 1798—1808 г. онъ былъ директоромъ главнаго народнаго нѣмецкаго и волошкаго училищъ въ Сочавѣ, откуда и переселился—по приглашенію Филиповича—въ Россію учителемъ нѣмецкаго и французскаго языка въ Курскую гимназію. Узнавъ отъ брата Мих. Вас., что съ его переходомъ на кафедру политическихъ наукъ освободится кафедра нѣмецкаго языка, Иван. Вас. просилъ Орлая о назначеніи его на это мѣсто. Мѣсто получилъ галицкій нѣмецъ, львовянинъ Зингеръ. Желая чѣмъ-нибудь наградить себя за потерю хорошаго мѣста И. В. Билевичъ просилъ Орлая въ 1824 г. о принятіи его сына казеннокоштнымъ пансіонеромъ гимназій — въ чемъ тоже отказано. — [См. Архивъ Гимназ. высшихъ наукъ кн. Безбородко 1822 г. № 1, Дѣло о чиновникахъ 81 л., 84—87 л. послужной списокъ; 1823 г. Дѣло о чиновн. — прошеніе Билевича о каедрѣ нѣм. яз. 87 л.; 1824 г. Текущія дѣла 94—95 л. — письмо Билевича къ Орлаю о сынѣ. Журналъ конференціи 1824 г. 134 л. — отказъ; 1824 г. Исходящія бумаги, 6 л. и Дѣло о чиновн. 27—86 л. и 74—75 л. дѣла Зингера].

не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ¹⁾. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ, исполняя этотъ указъ, явился со слѣдующей докладной запиской: «для замѣщенія кафедръ я обращался въ прочіе университеты наши, но въ оныхъ не нашлось желающихъ занять упомянутыя вакансіи [полит. экон., нат. ист., химіи и метал., теор. и опыт. физ., технол., анат., фізіол. и судеб. врачевн. науки, врачевн. веществословія и фармаціи, хирург., повивальн. искуств., скотолеч., греч. словесн., древности и лат. словес.]. За симъ слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи, но въ настоящее время, по существующему тамъ духу, не предвидится въ томъ пользы. *Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ, есть карпато-россы, говорящіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе струю предковъ нашихъ, которая защищаетъ доселѣ племена Славянскія отъ духа философізма.* Но извѣстно, что правительство Австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ Карпато-Россовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи занимаютъ въ здѣшнемъ университетѣ [С.-Петербургскомъ] кафедръ, не могли по сей причинѣ сохранить связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже перезывать изъ него сюда людей. Одинъ слѣдовательно остается для сего способъ — непосредственное сношеніе правительствъ. По сему приѣмлю смѣлость испрашивать, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, дабы Министерство наше Иностранныхъ Дѣлъ вошло въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ, для пріобрѣтенія ученыхъ изъ Карпато-Россовъ къ занятію въ Казанскомъ университетѣ праздныхъ кафедръ. Было соизволено²⁾ — впоследствии, однако, профессоровъ изъ карпатороссовъ въ Казанскомъ университетѣ не оказалось.

1) См. Н. П. Загоскинъ—Исторія импер. Казанскаго универ., Каз. 1904 г. III т., 311 стр.

2) Сборникъ постановленій по Министерству Народн. Просвѣщенія, т. I, стр. 1857—1858, № 469.

Новые выходцы изъ Карпатской Руси не появлялись въ Россіи, продолжали дѣйствовать только раньше вызванные, Балудьянскій и Лодій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи. Послѣ смерти В. Г. Кукольника 1821 г. мѣсто директора Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ получилъ придворный докторъ И. С. Орлай¹⁾. Мы и остановимся на дѣятельности этихъ лицъ.

Правительство Александра I, отличавшееся большимъ либерализмомъ въ первое десятилѣтіе его царствованія, стало постепенно — подѣ влияніемъ западноевропейскихъ событій — переходить къ реакціи, которая послѣ отечественной войны и событій 1813—1815 гг. окончательно и воцарилась на русскомъ дворѣ.

---

1) Иванъ Семеновичъ Орлай родился въ Угорской Руси 1770 г., оставивъ мѣсто учителя гимназіи въ Вел. Карловцахъ въ Угорщинѣ, весной 1791 г. прибылъ въ Россію, гдѣ и учился въ Спб. медико-хирургическомъ училищѣ до 1793 г. (Проф. Кочубинскій въ соч. «Начальные годы русск. славяновѣдѣнія» 228—229 стр. ошибочно утверждаетъ, что Орлай былъ вызванъ въ Россію Новосильцевымъ въ 1804 г.). Послѣ окончанія мед.-хирург. училища Орлай состоялъ военно-больничнымъ врачомъ, а затѣмъ помощникомъ ученаго секретаря Медицинской коллегіи. Получивъ правительственную стипендію, Орлай изучаетъ медицину въ вѣнскомъ университетѣ 1794—1797 г. Возвратившись въ С.-Петербургъ, онъ прошелъ всю учено-чиновничью лѣстницу, отъ больничнаго врача до директорства въ Нѣжинской гимназіи 1821—1826 г. и въ одесскомъ Ришельевскомъ лицѣѣ 1826—1829 г., онъ былъ: штабсъ-дѣкаремъ, помощникомъ лейбъ-медика, ученымъ секретаремъ Мед.-хирург. Академіи, гоф-медикомъ, сотрудникомъ придворнаго доктора бар. Виліе по изданію «Полевой фармакопеи», членомъ многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Германіи, почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и дѣйствительнымъ членомъ Общества ист. и древн. російскихъ — За границу онъ ѣздилъ 1806 г. для полученія степени магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а затѣмъ 1810 г. и около 1820 г. — До полученія мѣста директора въ Нѣжинѣ онъ думалъ о каведрѣ медицины въ Московскомъ университетѣ, что, однако, бар. Виліе отсовѣтовалъ ему. — (См. Арх. Гимн. высш. наукъ въ Нѣжинѣ: 1820 г. 266 л. Копія указа министру А. Н. Голицыну отъ 16 сент. 1821 г. о назначеніи Орлая директоромъ гимназіи; 1822 г. дѣло «О чиновникахъ» № 1, л. 63 и сл. Послужной списокъ Орлая; 1824 г. «Текуція бумаги» 83—84 л. и 86 л. Вопросъ о каведрѣ въ Моск. университетѣ. — Эти матеріалы были использованы Н. Лавровскимъ и Н. В. Кукольникомъ въ изданіи «Гимназія высш. наукъ и Лицейки-Безбородко», Спб. 1881 г. 40—53, 61—63, 183, 202—205 стр. — Объ Орлаѣ — директорѣ Ришельевского лица въ Одессѣ говоритъ Н. Н. Мурзакевичъ въ своей «Автобіографіи». Спб. 1886 г. 79—81 стр.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ послѣдствій этой реакціи явились разгромъ Казанскаго университета и судъ надъ профессорами С.-Петербургскаго университета—Раупахомъ, Германомъ, Галичемъ и Арсеньевымъ. Эти профессора обвинялись въ распространѣніи безбожія, противогосударственныхъ началъ, словомъ въ порчѣ молодежи¹⁾. Профессорскій судъ, въ присутствіи попечителя университета Руничя, состоялся въ 1821 г. Ректоромъ университета былъ въ то время проф. Балудьянскій, въ судѣ же принималъ участіе и деканъ — юридическаго факультета проф. философіи Лодій. Оба профессора угрорусина выступаютъ, вмѣстѣ съ остальнымъ незначительнымъ большинствомъ профессоровъ нѣмцевъ и нѣсколькихъ русскихъ, въ защитѣ обвиненныхъ, т. е. въ защитѣ поправной свободы университетскаго преподаванія и научнаго изслѣдованія²⁾. Это выступленіе Балудьянскаго и Лодія является нынѣ шагомъ большого значенія, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, что австро-угорская Русь начала XIX в., хотя и была уже заражена духомъ рабскаго доялизма и фанатическаго клерикализма, все же таки — подъ вліяніемъ нѣмецкаго философскаго критицизма (Балудьянскій учился въ Вѣнѣ, Лодій же былъ поклонникомъ философіи Вольфа) успѣла дать выдающихся защитниковъ свободы человѣческаго духа. Если же вспомнимъ, какія надежды возлагалъ министръ Голицынъ въ своей докладной запискѣ государю на карпаторусовъ, чуждыхъ «духа философизма», такъ мы и убѣдимся, что Балудьянскій и Лодій, не оправдавъ надеждъ реакціоннаго правительства, явились лучшими представителями прогрессивныхъ элементовъ своей родины.

Не лишнимъ будетъ упомянуть, что Балудьянскій, Кукольникъ, Лодій и Орлай оставались въ довольно близкихъ сноше-

1) См. Сухомлиновъ—Изслѣдованія и статьи I, 307—337 стр. Истор. записка проф. Памсова.

2) *Ibidem*, объ участіи Балудьянскаго въ дѣлѣ профессоровъ Спб. университета 303—305, 311, 313, 315, 319, 323, 381—382 стр.; объ участіи Лодія 311, 315, 319—320 стр.

ніяхъ со Сперанскимъ, принимая вмѣстѣ съ нимъ живое участіе въ дѣятельности Библейскаго Общества, масонской с.-птб. ложи и либеральныхъ кружковъ. — Лодій же посовѣтовалъ Сперанскому вызвать изъ Львова масона Фесслера и былъ свидѣтелемъ принятія Сперанскаго въ ложу 1810 г.¹⁾

Къ характеристикѣ дѣятельности Лодія слѣдуетъ прибавить еще то, что онъ, по свидѣтельству намѣстника львовскаго василіанскаго монастыря — В. Компаневича, обогатилъ монастырскую бібліотеку цѣнными пожертвованіями въ книгахъ²⁾. Оба же дѣятеля вмѣстѣ съ Кукольнікомъ и Орлаемъ, оставались въ сношеніяхъ съ василіанскимъ игуменомъ во Львовѣ Модестомъ Гриневецкимъ³⁾.

Самую живую, однако, дѣятельность направленную преимущественно къ тому, чтобы познакомить русское общество съ положеніемъ своей родины, проявилъ угрорусинъ И. С. Орлай. Онъ былъ причастенъ къ вызову карпаторусскихъ ученыхъ — Балудьянскаго, Кукольніка и Лодія — въ Россію; а самое главное — онъ далъ двѣ статьи по исторіи Карпатской Руси и вошелъ въ сношенія съ современными учеными этнографами, Ходаковскимъ и Кеппеномъ, и такимъ образомъ содѣйствовалъ пробужденію интереса у русскихъ ученыхъ къ Карпатской Руси.

Во II-ой книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» 1804 г. появилась статья «Исторія о Карпато-Россахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ, съ ними случившихся». Редакція журнала, помѣщая статью, напечатала слѣдующее заявленіе: «Сію статью получили мы отъ надворнаго совѣтника Орлая, одного изъ карпатороссіянъ, служащихъ нынѣ при вы-

1) См. А. Н. Пыпинъ. — Общественное движеніе...¹ стр. 308—311.

2) См. письмо В. Компаневича къ М. П. Погодину отъ 28 февр. 1837 г. въ «Письмахъ изъ слав. земель» 533 стр.

3) Ibidem.

сочайшемъ дворѣ штабъ-лѣкаремъ. Сообщаемъ оную нашимъ читателямъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что они конечно не равнодушно читать будутъ извѣстія о своихъ единоплеменникахъ, о коихъ наши историки весьма мало упоминаютъ».—Оставляя пока въ сторонѣ «филологическія» разсужденія Орлая, въ которыхъ онъ старается, на основаніи звукового сходства отдѣльныхъ словъ, опредѣлить происхожденіе названій «Русь — Варяги — Угры», мы остановимся только на его историко-общественныхъ выводахъ. Итакъ—Орлай утверждаетъ, что предками Угорской Руси являются кіевскіе русичи, вызвавшіеся провозжать мадьяръ въ Паннонію черезъ Волинь и Галичину за Карпаты, поселившіеся въ окрестностяхъ Оросъ-Варъ. Это произошло подъ конецъ IX в. Впослѣдствіе переселенія русскихъ въ Угорщину происходили еще въ 1113 г. (Оросъ-Фалва), 1285 г. въ Шаршскую землю, 1299 г. въ Мукачевское княжество и въ 1339 г. подъ начальствомъ князя Феод. Коріатовича¹⁾. Русскіе переселенцы, однако, пользовались наравнѣ съ мадьярами и куманами одинаковыми правами завоевателей земли²⁾, а только со временемъ мадьяры «не признали ихъ за своихъ союзниковъ и лишили ихъ тѣхъ правъ, на коихъ основывался общій договоръ для пріобрѣтенія земель»³⁾. На основаніи этихъ посылокъ, Орлай приходитъ къ слѣдующему выводу⁴⁾. «Карпатороссіане, лишась отечества, закона прародительскаго, свободы славянскому благородству свойственной, платятъ нынѣ за неосновательныя предпріятія праотцевъ своихъ, переселившихся изъ Россіи въ вольную Паннонію, кажется, только для того, чтобы невиннымъ образомъ отторгнутые отъ тѣла своего, служили по слабости своей посмѣяніемъ сильному другому народу. Сколь непостояненъ жребій народовъ, и что переселенія не были полезны потомкамъ,

1) См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г., кн. II, стр. 158—172 и кн. III, стр. 268 и сл. и перепечатка въ «Матеріалахъ». стр. 56—83.

2) Ibidem II, 171 стр.

3) Ibidem II, 172 стр.

4) Ibidem III, стр. 281—293.

еще и теперь намъ доказываетъ Молдавія и Валахія, населенныя повелителями міра римлянами, подпавшими нынѣ подъ иго тѣхъ народовъ, коихъ они называли варварами. Сего жребія должны ожидать и Американскіе переселенцы, кои съ хорошимъ намѣреніемъ переселены; но кто можетъ отвѣчать за непостоянство сего благоденствія и за всегдашнюю ихъ связь съ Метрополіею? Такъ отдѣлялись отъ своего тѣла и другіе народы, и *погибоша яко Обри* (какъ говоритъ Несторъ). *Чъмъ народъ единоплеменнѣе и болѣе сосредоточенъ, тъмъ онъ единомысленнѣе, сильнѣе и важнѣе; чъмъ болѣе находится между имъ иноплеменнѣе, тъмъ болѣе несогласій, неудачи въ предпріятіяхъ, какъ въ Турціи, въ Австріи. Потому то гораздо полезнѣе народъ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять; выоднѣ смежныхъ единоплеменниковъ соединять, нежели искать владѣній въ отдаленности. . .* Я же съ моей стороны надѣюсь, что сіе краткое начертаніе подастъ поводъ Русскимъ Писателямъ подробнѣе войти въ сіе столь по моему мнѣнію достопамятное происшествіе переселенія Карпато-Россіянъ, для пополненія Россійской исторіи, не отрекаясь и далѣе любезнымъ моимъ соотечественникамъ съ моей стороны служить въ открытіяхъ путей сокровенныхъ по части сей, если дойду только до прямого источника».

Свое обѣщаніе Орлай сдержалъ вполнѣ. Будучи избраннымъ въ члены соревнователи Имп. Общества исторіи и древностей російскихъ въ 1815 г., онъ послалъ въ Общество статью «на польскомъ языкѣ касательно жителей Малой Россіи, сирѣчь бѣлой, червонной и черной Россіи — которую — опредѣлено разсмотрѣть въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій»¹⁾. Съ этого времени начиная, частыя сношенія Орлая съ Обществомъ ист. и древ. рос. не прекращаются. Онъ направлялъ въ Общество записки, рукописи и книги, относящіяся преимущественно къ

---

1) См. Записки Общества ист. и древ. рос. засѣд. 1-ое отъ 9 февр. 1815 г. 12 стр.

исторіи Югозападной Руси¹⁾, а въ 1824 г. письмо-статью «*O Югозападной Руси*», напечатанную въ «Трудахъ и запискахъ Общества ист. и древн. росс.» 1826 г. I, стр. 220—228²⁾).

Эта статья оказывается болѣе широко задуманной и болѣе живой, чѣмъ первая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Орлай старался въ ней обратить вниманіе русскаго общества, въ первомъ же ряду — членовъ историческаго Общества, на нѣкоторыя неправильности въ сочиненіяхъ русскихъ историковъ относительно судьбы Южной Руси. Къ этимъ неправильностямъ принадлежатъ: употребленіе названія «венгры» — съ польскаго *węgorz* (!) —

1) Укажемъ на главнѣйшіе предметы сношеній: въ 3-мъ засѣданіи Общества отъ 16 іюня 1815 г. было читано отношеніе Орлая съ приложеніемъ латинской книжки, содержавшей нѣкоторые законы Силезскихъ славянъ и 10-ти латинскихъ и нѣмецкихъ сочиненій 1590—1798 гг. Въ 7-омъ засѣданіи отъ 29 февр. 1824 г. было считано письмо д-ра И. С. Орлая къ г. секретарю Общества, въ коемъ помѣщены любопытныя свѣдѣнія о нашихъ однородцахъ карпатороссахъ, говорящихъ Кіевскимъ Русскимъ нарѣчіемъ, къ сему письму присоединены: 1) Проектъ князя Сапеги (копія на польскомъ съ переводомъ) объ уничтоженіи греко-росс. исповѣданія, 2) Образчикъ Чернорусскаго Галичскаго нарѣчія [это письмо З. Д. Ходаковскаго къ Орлаю отъ 15 stycznia 1820 г. — было напечатано какъ приложение Б.) въ протоколахъ 7 засѣданія Общества за 1824 г.], отдѣльно же — Хроника, писанная 1670 г. [это Кройника густынскаго монастыря, см. Полн. собр. русск. лѣтоп.], 2) Забѣчанія о Малороссіи съ 25-ью раскраш. изображеніями сословныхъ представителей отъ гетмана до крестьянина, 3) три статьи касательно запорожскихъ казаковъ (2)—3) определено отдать д. ч. Д. Н. Бантышъ-Каменскому на разсмотрѣніе: забѣчанія Бантышъ-Каменскаго были напечатаны, какъ приложение А) къ протоколамъ за 1824 г.), 4) Славянская миеологія по нѣмецки Кайсарова и 5) указы конца XVII в. о собираніи травъ и доставленіи ихъ въ Аптекарскій магазинъ. — Въ 11-мъ засѣданіи того же года была получена отъ Орлая рукопись Ригельмана о Дѣвскихъ казакахъ, о казакахъ малороссійскихъ и 8 грамотъ малоросс. гетмановъ. — Въ 1826 г. въ засѣданіи отъ 28 янв. разсматривается рукопись «Поученія митрополита Фотія» (жившаго въ XV в.), подаренная Орлаемъ; въ засѣд. же отъ 26 марта поспѣваетъ отъ Орлая «Краткое описаніе православ. монастыря на горѣ Чернекъ близъ Мункача», а въ засѣд. отъ 17 мая было получено Обществомъ сочиненіе «*Scriptores regni Moscovitarum*». — См. «Записки» и «Лѣтописи Общества» за указанные годы. — Въ изданіи же Строева — «Библиотека Имп. Общества ист. и древ. росс.» М. 1845 г. I, № 200 «Исторія... о лѣтрянскомъ... ферарскомъ соборѣ» и книга «Трактъ или путь изъ Цареграда до Іерусалиму и до иныхъ святыхъ мѣстъ» 123 стр. значатся подаренными Орлаемъ въ бібліотеку Общества.

2) См. «*Материалы*» 41—46 стр.

вѣсто русскаго «угры». Карпатская Русь не Польша, въ виду чего русскіе ошибаются, наполняя эту Русь въ своихъ географическихъ, статистическихъ и описательныхъ сочиненіяхъ «болѣе поляками, нежели природными ея жителями русскими» (ор. cit. 223 стр.). Такъ же неестественнымъ является и то, что «самые писатели русскіе галицкіе и поднесъ еще не приняты въ число русскихъ писателей, каковыми они въ самомъ дѣлѣ были, а причислены къ литературѣ польской: я здѣсь говорю о Зиморовичѣ, котораго рукопись хранится въ Львовскомъ монастырѣ¹⁾; объ Окшичѣ Ореховскомъ. . . о Хоткевичѣ²⁾ и многихъ другихъ. . .» (224 стр.). Не менѣе важно заняться русскимъ историкамъ разборомъ богатаго архивнаго матеріала, хранимаго въ галицкихъ городскихъ архивахъ, такъ какъ съ его помощью можно будетъ пролить много свѣта на исторію Руси вообще. Обративъ наконецъ вниманіе на сродство карпаторусовъ съ малорусами (225 стр.), Орлай излагаетъ судьбы своей родины — Угорской Руси, сохранившей по его мнѣнію—древнерусское нарѣчіе «гораздо чище нынѣшняго кievскаго» и кончаетъ свое письмо слѣдующими знаменательными словами: «Всѣ сіи обстоятельства, будучи достойны вниманія всякаго благонамѣреннаго русина и истиннаго сына отечества своего, доказываютъ необходимость вникать въ дѣла Южной Россіи со всевозможнымъ тщаніемъ, что найпаче предлежитъ сдѣлать гг. членамъ Историческаго Общества, и дабы можно было достигнуть въ преднамѣреваемомъ успѣха, должно имѣть непосредственныя сношенія съ вышеозначенными мѣстами».

Необходимость познакомиться съвернорусамъ съ историческими судьбами Карпатской Руси была, повидимому, любимой мечтой Орлая, такъ какъ изложенные выше выводы находимъ и въ его отвѣтѣ попечителю Харьковскаго учебнаго округа,

1) Хроника г. Львова.

2) Должно быть Ходкевичѣ Климентѣ, бывшемъ профессоромъ богословія во Львовѣ издавшемъ около 1747 г. «Dissertationes historico-criticae de episcopatu Leopoliensi ritus graeci».

предложившему основать историческое общество при Нѣжинской гимназіи¹⁾.

Совѣтуя сѣвернорусскимъ историкамъ знакомиться съ Карпатской Русью, самъ Орлай сохранилъ тѣсныя сношенія съ своей родиной до конца жизни: онъ посѣщалъ неоднократно Австрію, снабжалъ пражскую семинарію книгами, переписывался съ старшими угрорусами и принималъ близкое участіе въ развитіи младшихъ земляковъ. О послѣднемъ свидѣтельствуютъ лучше всего письмо къ Орлаю угрорусина Ляцкова и статья о Карпатской Руси И. Бережанина²⁾, полученная Орлаемъ въ Вѣнѣ 1827 г. и переданная П. И. Кеппену въ 1828 г.

Дѣятельность Орлая въ Россіи можно опредѣлять—на основаніи вышеизложеннаго—какъ одно изъ самыхъ живыхъ культурныхъ звеньевъ, соединявшихъ въ 1-ую треть XIX в. Карпатскую Русь съ Россіей. Балудьянскій и Лодій явились только представителями науки, за свободное развитіе которой они достойно ратовали. Въ общественной же дѣятельности они были довольно робки. Лодій подарилъ, правда, библіотекѣ львовскаго святооуфрѣвскаго монастыря собраніе историческихъ книгъ, но вмѣстѣ съ Балудьянскимъ не совѣтовалъ министру Голицыну входить въ непосредственныя сношенія съ Карпатской Русью, боясь навлечь на своихъ земляковъ преслѣдованія со стороны австрійскаго правительства. Не такъ отнесся къ этому вопросу Орлай. Непосредственное знакомство съ Карпатской Русью онъ считалъ необходимымъ источникомъ надлежащаго развитія русской исторіи, чему и посвятилъ лучшія страницы своей дѣятельности.

Продолжателемъ дѣятельности Орлая въ Москвѣ явился его землякъ Юрій Ивановичъ Гуца-Венелинъ. Венелинъ, подобно

---

1) См. Матеріалы, 36—41 стр.

2) См. Матеріалы, 46 стр. и слѣд.

Орлаю, кончилъ гимназію и такъ называемую философію на Угорщинѣ—въ Ужгородѣ и Сатмарѣ. Вписавшись во Львовскій университетъ 1822 г., онъ занимался древней исторіей и источниками по исторіи славянъ. Въ 1823 г. онъ оставилъ Львовъ и отправился въ Россію. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Кишиневѣ онъ переехалъ въ Москву, гдѣ поступилъ на медицинскій факультетъ и окончилъ его въ теченіе четырехъ лѣтъ со степенью врача 1829 г. Въ это время, однако, онъ продолжалъ заниматься древнѣйшей исторіей славянъ, особенно же болгаръ и, благодаря этимъ занятіямъ, вошелъ въ очень близкія сношенія съ Погодинымъ и кружкомъ московскихъ историковъ. Разносторонняя учевая дѣятельность Венелина, какъ историка и грамматика болгаръ, знатока славянской этнографіи и археологіи и кандидата на профессора славистики въ Московскомъ университетѣ, не входитъ въ кругъ подлежащей работы. Для насъ важна роль Венелина въ сношеніяхъ Карпатской Руси съ Россіей. Этимъ и займемся.

Въ 15-мъ номерѣ «Московского Вѣстника» 1828 г. появилась слѣдующая замѣтка Погодина: «Венелинъ... природный карпатороссъ, коротко знающій Венгрію, Трансильванію, Галицію, Болгарію, обѣщалъ намъ доставлять свѣдѣнія обо всемъ, относящемся до сихъ странъ» (278 стр.). Напечатанное при жизни Венелина († 1839 г.), не содержало почти ничего болѣе важнаго, чтò относилось бы непосредственно къ Карпатской Руси. Несмотря, однако, на это, мы вправѣ—на основаніи сохранившагося рукописнаго матеріала—заключить, что Венелинъ навѣрно въ значительной степени содѣйствовалъ знакомству московскихъ учено-литературныхъ круговъ съ Карпатской Русью. Больше же всего, кажется, воздѣйствовалъ онъ въ этомъ отношеніи на своихъ сверстниковъ—молодежь, которая—по свидѣтельству Погодина—очень его любила¹⁾. — Въ бумагахъ Венелина, хра-

1) См. Барсуковъ—Жизнь и труды Погодина, V, стр. 96.

нящихся въ библіотекѣ «Общества ист. и древ. росс.»¹⁾ и въ Румянцевскомъ Музеѣ, находимъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ Южной и Карпатской Руси. Къ послѣднимъ принадлежатъ: № 38. Нѣсколько словъ о Россіянахъ Венгерскихъ и также одно слово историческое о православной греко-восточной церкви въ Венгріи, 10 л. F^o, составлено въ Кишиневѣ около 1823—24 г.; № 15. Мадьярскія слова, взятая изъ русскаго языка, 1 л. F^o и № 98. Пословицы карпаторусскія 1 л. F^o 2).

Главныя мысли, высказанныя Венелиномъ въ этихъ статьяхъ, сводятся къ слѣдующему: Угорская Русь одного происхожденія съ Кіевской, Волынской и Галицкой частями древней Руси. Такъ какъ она отошла отъ общерусскаго центра — она и пала: часть можетъ существовать только въ цѣломъ, но никакъ не самостоятельно (№ 38).—Хотя южане и сѣверяне отличаются другъ отъ друга многими чертами, все-жъ-таки ни сѣверяне, ни южане сами себѣ источникомъ быть не могутъ, ибо сколько они не войдутъ въ самихъ себя, все выйдетъ одно и то же. Само собою разумѣется, что источникомъ многого хорошаго, многого поэтическаго для Сѣверной Руси есть Южная, источникомъ для Южной—Сѣверная. Одна безъ другой много бы потеряла; одна другою только и можетъ уллучиться, существовать: ибо ни та, ни другая не составляетъ цѣльнаго народа, а часть его. Такимъ образомъ и народная поэзія южанъ весьма много хорошаго можетъ сообщить Сѣверу, можетъ сообщить свою теплоту чувствъ, свою жизненность, свою драматургію. Обоюдный источникъ богатый, двадцати-милліонный! Какъ не порадоваться! — пишетъ Венелинъ въ книжкѣ «Объ источникѣ народной поэзіи вообще, и о южнорусской въ особенности» (Москва 1834 г. 55—56 стр.). Одно изъ лучшихъ звеньевъ, соединяющихъ отдѣльныя части

1) См. Е. И. Соколовъ—Библіотека Общества ист. и древн. російскихъ, Москва, 1905 г. стр. 567—596: Бумаги Ю. И. Венелина, и отдѣльный оттискъ изъ «Чтеній» 1899 г.

2) Этѣ статьи напечатаны нами въ «Матеріалахъ» 86—120 ст. вмѣстѣ со статьей № 10 Объ украинскомъ правописаніи 7 стр. F^o.

русскаго народа находить Венелинъ въ правописаніи, которое «должно быть постоянно: писать какъ уже разъ принято и повсемѣстно писать одинаково — тѣмъ болѣе, что — правописаніе, принятое русскою литературою принадлежитъ не одной Сѣверной Руси, но и Южной: поэтому оно русское не по преимуществу, но общерусское». — Не то говорить Венелинъ о великорусскомъ нарѣчїи, какъ о литературномъ общерусскомъ: оно литературное общерусское *par excellence*, подобно какъ французскій *langue d'oïl*, завладѣвшій наукой, литературой и образованнымъ обществомъ вмѣсто *langue d'os*. И народъ понималъ это громадное значеніе единаго литературнаго языка, стремясь инстинктивно къ объединенію. «Бѣда—заключаетъ онъ—когда мѣлкїй языкъ раздробленъ на нарѣчїя; тамъ тогда на всякой почти десятой верстѣ находятся карантинныя и таможныя, препятствующія обмѣну мыслей и ощущеній. Такой народъ не можетъ развиваться и ознаменовать свое бытіе на поприщѣ историко-политическомъ» (№ 10).

Если Венелинъ знакомилъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ съ Карпатской Русью, то выводы объ единоплеменности и о культурно-литературныхъ связяхъ играли въ этомъ знакомленіи не ничтожную роль. Въ этомъ отношеніи Венелинъ не только продолжалъ начатое своимъ землякомъ Орлаемъ дѣло, но и превзошелъ его, такъ какъ расширилъ и старался обосновать вопросъ объ единствѣ русскихъ племенъ, что и должно было только усилить ученый интересъ сѣвернорусовъ — непосредственно познакомиться съ Карпатской Русью.

Сравнивая начала, на какихъ происходили сношенія Карпатской Руси съ Россїей кон. XVIII и въ нач. XIX в., мы убѣждаемся, что на смѣну первоначальному древнему единовѣрїю появились новыя начала: народъ, несшїй непосильное иго панцины и австрійско-мадьярскаго бюрократизма, мечталъ о льготахъ и свободѣ и сталъ надѣяться на могущественнаго россійскаго импе-

ратора, какъ на своего освободителя. «Заступались вѣдь московскіе государи за вѣру благочестивую православныхъ подданныхъ тогдашней Польши, отчего-жь бы и россійскимъ царямъ не заступиться за бѣдный народъ?» — На мѣсто древнихъ монаховъ — просветелей и жалобщиковъ, радѣвшихъ только о благочестивой вѣрѣ, въ Россіи появились карпаторусы, ученые и образованные люди новаго вѣка. Они и принесли новое начало, одушевлявшее уже съ конца XVIII в. лучшую часть Западной Европы. Этимъ началомъ были племенное самосознаніе, любовь родины — ея свѣтлаго прошлаго и будущаго, желаніе возвратить родинѣ прошедшую славу и мощь. Вотъ причины, почему на смѣну единовѣрью появились толки и доказательства объ единоплеменности.

Источникъ идеи объ единоплеменности, выдвинутой въ Россіи столь опредѣленно угрорусскими дѣятелями, слѣдуетъ искать въ современномъ умственномъ движеніи среди югозападнаго славянства. Угорскіе сербы, проживавшіе и учившіеся подъ конецъ XVIII и въ началѣ XIX в. въ Пештѣ и другихъ городахъ Угорщины, были вѣдь проникнуты и воодушевлялись симпатіями къ Россіи, какъ единственной независимой славянской державѣ. Тѣ же симпатіи были у словаковъ и чеховъ, посѣщавшихъ пештскій и вѣнскій университеты. Понятно, что эти симпатіи не могли не отразиться въ міровоззрѣніи горстки угрорусскихъ студентовъ, выступавшихъ впоследствии первыми сознательными народными дѣятелями. Не безъ значенія, навѣрно, остались и симпатіи къ Россіи народной массы, изъ которой вышли эти дѣтели.

Съ другой же стороны нельзя обойти молчаніемъ усиленные изслѣдованія по исторіи, этнографіи и языку народа, вызвавшія — какъ среди славянъ, такъ и неславянъ — на границѣ XVIII и XIX вв. болѣе или менѣе ясное сознаніе о племенномъ родствѣ отдѣльныхъ племенныхъ группъ и сознаніе о необходимости національнаго и племенного единенія. Укажемъ только на чешско-словацкое возрожденіе, зарожденіе южнославянскаго иллиризма и наконецъ на славянскую взаимность. Въ томъ же самомъ слѣ-

дуетъ намъ искать источникъ идей и выводовъ о племенномъ единствѣ Карпатской Руси — кромѣ Южной — и съ Сѣверной. Вѣдь изученіе древней Руси указывало на общее историческое начало, на общіе литературные памятники, на одинъ литературный языкъ — на сѣверѣ до половины XVIII в., въ Карпатской же Руси и понынѣ (нач. XIX в.). — Вотъ все то, что угрорусамъ давало право выступить съ положеніемъ о племенномъ единствѣ ихъ родины съ Россіей. И хотя уже тогда нѣкоторые сѣвернорусскіе современники, а тѣмъ болѣе ученые южнорусы, возставали противъ этого, замѣчая: «Вишь, какихъ русаковъ открылъ намъ!», такъ угрорусы вполне спокойно отвѣчали имъ: «Да, русаковъ по ихъ родинѣ, по ихъ происхожденію, по ихъ крови, а не по нынѣшнему ихъ языку, вѣрѣ и чувствованіямъ¹⁾».

Одушевленные этимъ открытіемъ, сознательные угрорусы стремились интегрировать то, что историческая жизнь разбила на частицы, желая такимъ способомъ сообщить своему мелкому, прибитому народу прежнее значеніе и новыя силы культурной жизни. Нареканія и жалобы на раздѣленность и на происшедшій отъ нея для Карпатскаго племени вредъ — съ одной стороны, указанія же на величіе и мощь древней княжеской Руси и нынѣшней Россіи — съ другой, внушали невольню мысль о причинно-последовательной связи народнаго преуспѣянія и его политически-государственной независимости. Угрорусы не дошли, правда, до тѣхъ выводовъ, такъ какъ интересовались преимущественно вопросами исторіи, литературы и языка — поэтому они и заговорили только о племенномъ единствѣ. Это единство должно было — по ихъ мнѣнію — найти себѣ главное выраженіе въ общемъ литературномъ языкѣ и культурномъ развитіи. Замѣтить однако слѣдуетъ, что угрорусы, говоря о племенномъ единствѣ — родствѣ, были далеки отъ мысли подчинять свою Карпатскую или Южную Русь — Сѣверной, какъ «самой старѣйшей»

---

1) См. Ю. И. Венелинъ — О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ Россіизма. Москва 1848 г. 9 стр.

или «настоящей» Руси. Русскія племена — по ихъ выводамъ— равноправные наслѣдники древней Руси.

ГЛАВА II.

(Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппенъ, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія карпаторусскихъ дѣателей съ русскими учеными. Чисто-научный характеръ этихъ сношеній въ первую половину XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси).

Уже дѣятельность угрорусовъ Орлая и Венелина могла явиться достаточной, чтобы вызвать въ русскихъ ученыхъ кругахъ историковъ и этнографовъ живой интересъ къ судьбамъ Карпатской Руси. Кромѣ нея, однако, въ 1-ую треть XIX в. появилось довольно много другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, заставившихъ русскихъ историковъ, этнографовъ и языковѣдовъ обратить вниманіе и на Карпатскую Русь. Итакъ: первоисточники русской старины — лѣтописи и литературные памятники знакомили сѣвернорусскихъ ученыхъ съ Южной Русью, колыбелью русской державы и культуры. Тѣ же памятники посвящали не мало упоминаній и самой отдаленной части Русской земли—Карпатской Руси. Изученіе народной словесности опять указывало сѣвернорусамъ на Южную Русь, какъ на колыбель народнаго творчества; оно же приносило съ собой отзвуки галицкой колядки и бытовой пѣсни ¹⁾. Однимъ словомъ — русская наука, географія, исторія, этнографія филологія были уже немислимы безъ основнаго изученія, какъ отдѣльныхъ частей русской земли, такъ и славянства. Это прекрасно поняли русскіе ученые и радѣтели отечественной науки—гр. Н. П. Румянцевъ, митрополитъ Евгеній, Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, кн. Церте-

1) См. «Матеріалы» 14—15 стр.

левъ, Павловскій, Калайдовичъ, Кеппенъ и другіе современники, старавшіеся пополнить этотъ пробѣлъ зарождавшейся русской науки изученіемъ быта, языка и исторіи Югозападной Руси и Славянства. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ стремлений явились путешествія русскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, а между ними и по Карпатской Руси.

Первымъ русскимъ ученымъ, посѣтившимъ въ научныхъ цѣляхъ Карпатскую Русь былъ *Петръ Ивановичъ Кеппенъ*.— Уроженецъ и воспитанникъ умственного центра Южной Руси— Харькова, Кеппенъ уже въ дѣтствѣ изучилъ, какъ южнорусское нарѣчіе, такъ и его словесность. Судя по библиографическимъ запискамъ Кеппена, источниками его знакомства съ Карпатской Русью были: вопросы, предложенные Россійской Академіей въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» (1763, I, стр. 382 и 478), относившіеся къ «Бѣлой, Малой и Чермной Русіи» и требовавшіе отвѣта «Отъ чего Галиція названа?»; статья Орлая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1804 г.; исторія Карамзина I и VIII томы; замѣтка о галицкорусскихъ пѣсняхъ въ «Вѣстникѣ Европы» (102 ч. 47 стр.) и проектъ Ходаковского въ «Сынѣ Отечества» 1820 г.¹⁾

Цѣли своего пребыванія въ Карпатской Руси Кеппенъ опредѣлилъ очень ясно: собрать матеріалы о нарѣчіяхъ руснякскихъ²⁾, и опредѣлить границы карпато(чермно)русскаго нарѣчія въ Западной Галичинѣ³⁾.

О томъ, какъ Кеппенъ исполнилъ задуманный планъ узнаемъ изъ его путевыхъ записокъ и нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ имъ въ русскихъ журналахъ послѣ возвращенія въ Россію.

1) См. въ Библ. Акад. Н. ркп. отд.—П. И. Кеппена: Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ I, н-ра листочковъ 603—607.

2) См. письмо К—на къ Калайдовичу въ Сѣвер. Арх. 1823 г. V, стр. 18.

3) См. Bulletin de l'Acad. Impér. des Sciences de S.-Pétersb. 1861. III, стр. 508 донесеніе К—на академику Кунику.

Первое, что поразило Кеппена въ граничномъ городѣ Галицкой Руси—Бродахъ, былъ языкъ народа, значительно отличающійся отъ южнорусскаго. — Прибывши подъ конецъ января 1822 г. во Львовъ, Кеппенъ первымъ дѣломъ посѣтилъ архивы и библіотеки. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказалъ ему ректоръ университета и прокураторъ галицкихъ Василианъ, д-ръ Модестъ Гриневецкій. Немногочисленныя славянскія рукописи университетской и василианской библіотекъ, ровно какъ и старопечатныя книги послѣдней заинтересовали Кеппена больше всего. Затѣмъ онъ списалъ для Калайдовича надгробную надпись Ивана Ѳедорова и занялся библіографіей исторіи Львова, галицкой митрополіи и Галичины. Въ разговорахъ съ Гриневецкимъ онъ затронулъ вопросъ — о подложности учредительныхъ грамотъ кн. Льва, о западной границѣ Галицкой Руси и объ ея культурномъ прошломъ, причемъ не оставилъ безъ вниманія и нынѣшняго ея развитія. Однимъ изъ образчиковъ послѣдняго былъ «славено-россійскій» языкъ самого Гриневецкаго¹⁾.

Осмотрѣвши въ четыре дня всѣ достопримѣчательности Львова, Кеппенъ отправился вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Березинымъ въ Перемышль. Здѣсь онъ познакомился съ каноникомъ Лавровскимъ, съ помощью котораго опредѣлилъ границы западныхъ галицко-русскихъ діалектовъ и мимоходомъ коснулся до статистики Галицкой Руси. Предметами разговоровъ съ Лавровскимъ были — малорусская литература, работы Котляревскаго, Павловскаго, Цертелева и труды митр. Евгенія. — Съ гр. Н. П. Румянцевымъ—Лавровскій оказался уже знакомымъ, списавъ по его порученію лѣтопись XVI в.²⁾, находившуюся въ то время въ его рукахъ. Съ каноникомъ Могилянскимъ Кеппенъ не успѣлъ познакомиться, хотя очень желалъ свидѣться съ первымъ галицкорусскимъ грамматикомъ³⁾.

1) См. «Путевыя записки П. И. Кеппена» въ «Матеріалахъ» 128—9 ст.

2) Этотъ списокъ находится нынѣ въ Библіот. Народ. Дома во Львовѣ № 217; см. наше «Описаніе 2» 27 стр.

3) І. Могилянскій работалъ въ то время надъ гал.-рус. грамматикой; ркп. хранится во Львовской митрополичьей библіотекѣ.

Въ Угорщинѣ Кеппенъ посвятилъ довольно много вниманія русскому островку въ Трансильваніи и семейству Балудянскихъ. — На обратномъ же пути въ Варшавѣ онъ возвратился еще разъ къ вопросу о западной границѣ Галицкой Руси, провѣривъ свои наблюденія съ помощію гр. Тарнавскаго изъ Дзикова¹⁾.

Непосредственное знакомство Кеппена съ Карпатской Русью дало нѣсколько хорошихъ информационных статей. Такъ — въ «*Запискѣ о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ*» (Библиограф. Листы 1825, № 33) находимъ цѣльную картину значенія Карпатской Руси для русской діалектологіи, географіи и исторіи. Въ 22-омъ номерѣ «Вѣстника Европы» 1828 г. появилась замѣтка Кеппена по статистикѣ Галичины, а съ 1836 г. небольшія замѣтки о литературномъ движеніи въ Галичинѣ стали появляться и въ Ж. М. Н. Пр.

Все это только содѣйствовало ознакомленію русскаго ученаго міра съ Карпатской Русью. Этимъ, однако, не исчерпывался интересъ Кеппена къ ней. Оставаясь подъ впечатлѣніемъ недавнихъ занятій карпаторусской діалектологіей, Кеппенъ пишетъ Добровскому въ августѣ 1823 г. о томъ, что нельзя смѣшивать карпаторусское съ бѣлорусскимъ, такъ какъ первое принадлежитъ нераздѣльно къ малорусскому; хотя возможно, что между бѣлорусскимъ и руснякскимъ (карпаторусскимъ) слѣдовало бы внести среднее — литовскорусское нарѣчіе²⁾. — Еще важнѣе являются заботы Кеппена объ изученіи карпаторусскаго нарѣчія. Руководимый этимъ желаніемъ, онъ обратился къ Орлаку съ просьбой прислать ему образцы угрорусскаго нарѣчія — тогда онъ и получилъ статью И. Бережанина («Матер.» 46—56 стр.). Пользуясь приглашеніемъ славистовъ Шафарика и Челаковскаго въ книгохранители Академіи Наукъ, Кеппенъ обратился 15 января 1830 г. къ секретарю Академіи, П. И. Соколову, съ пред-

1) См. въ «Матеріалахъ» выдержки изъ «Путевыхъ записокъ К—на».

2) См. И. В. Ягича — Источники для слав. филологіи, II, стр. 185 (Сборн. Ак. Н. 62 т.).

ложеніемъ: «весьма полезно бы было для языкознанія, если бы одинъ изъ призываемыхъ филологовъ на пути въ Россію побывалъ въ странѣ, обитаемой карпатороссами, которые обыкновенно именуются русняками. . . всего полезнѣе бы было поручить г. Челаковскому, чтобы онъ на пути своемъ въ С.-Петербургъ провелъ нѣсколько времени въ сѣверновосточной Венгріи и въ восточной Галиціи, а потомъ во Львовѣ¹⁾». Объ этомъ предложеніи извѣстилъ Кеппенъ того же дня Гавку¹⁾, который опять передалъ все Челаковскому. Челаковский откликнулся немедленно на эту вѣсть въ письмѣ къ Кеппену, ниша: «es kam mir vor, als wenn Sie diesen Gedanken in meiner Seele gelesen hätten. . . Dieser nach dem Russischen zunächst am meisten ausgebreiteter slavische Volksstamm ist in der That einer vorzüglichen Beachtung werth, und Nachforschungen über seine Sprache etc. sind an Art und Stelle um so nothwendiger, als die Litteraturschätze und Hilfsquellen so ganz unbedeutend sind, dass sie nicht einmal jenen der Lausitzer Slaven die Wage halten können»²⁾).

1) Ibidem 401—402 стр.

2) Ibidem 414 стр.

Для оцѣнки глубокаго пониманія К—номъ значенія южнорусскаго языка вообще укажемъ еще на слѣдующее: въ «Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ» Кеппена (т. I, 246—283 стр.; ркп. въ I Отд. Библ. Акад. Н. въ Спб.), въ «Малороссійскихъ» находимъ А. Павловскаго — Опытъ словаря Малороссійскаго нарѣчія 1826 г., содержащій «Предъизвѣщеніе» (2 л.) и буквы А—Б (16 л.)¹⁾, со слѣдующей припиской К—на на обложкѣ: «Сей опытъ малор. словаря составленъ по просьбѣ моей г. надв. совѣт. Алексѣемъ Павлов. Павловскимъ въ маѣ или юніѣ 1826 г. Авторъ для соображеній заимствовался отъ меня Словаремъ Россійской Академіи — Рѣчникомъ Српскимъ Вука Стефан. Караджича. По полученіи отъ г. Павл. сего опыта я представилъ оный его впредсх. А. С. Шишкову, надѣясь, что можетъ быть Росс. Акад. поощрить составителя къ продолженію сего полезнаго труда. Г. Министръ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что уже одинъ небольшой Словарь Малоросс. нарѣчья былъ купленъ Академіей, которая изданіе онаго поручила Н. И. Гнѣдичу, Г. Капнисту и кн. Цертелеву. Рукописный словарь сей былъ раздѣленъ на три части, изъ коихъ одна уже затеряна. По совѣту моему Г. Павловскій самъ явился къ А. С. Шишкову и получилъ отъ него обратно свой опытъ. Симвъ, на первый случай, дѣло кончилось. Дабы однако трудъ не пропасть, я просилъ г. Павл. дозволить мнѣ оставить у себя сію рукопись, сообщивъ ему съ оной точную копію, на что онъ и

20*

Наконецъ, важно еще и то, что Кеппенъ вызвалъ у каноника Лавровскаго цѣлый рядъ научныхъ интересовъ, послѣдствіемъ которыхъ явилась кратковременная переписка галицкаго ученаго съ Кеппеномъ и Востоковымъ («Матер.» 138—141). Предметы трехъ писемъ Лавровскаго (1822—1823 г.) и отвѣта Кеппена 1825 г. чисто-научные: годъ написанія Остромирова Евангелія, его мѣсяцесловъ и полное факсимильное изданіе, списокъ лѣтописи для гр. Румянцева, историческій очеркъ и грамматика галицкорусскаго языка, руснякъ—русинъ—русскій, списокъ Волинской лѣтописи— вотъ и все, что занимало Лавровскаго, о чемъ онъ переписывался съ русскими учеными. Не за другими обращались къ нему и послѣдніе: списать лѣтопись для гр. Румянцева, помочь составить полный списокъ славянскихъ инкунабуловъ, принять въ даръ одно-другое изданіе, прислать статью для «Библиографическихъ Листовъ»—и конецъ непродолжительной перепискѣ.

Несмотря, однако, на эту непродолжительность переписки, каноникъ Лавровскій и его ближайшій современникъ Могильницкій получили возможность не только расширить свои познанія по древнерусской письменности, но и вникнуть глубже въ нее и принять дѣятельное участіе въ зарождавшейся русской наукѣ.

Съ судьбами Карпатской Руси М. П. Погодинъ сталъ знакомиться довольно рано по тѣмъ немногочисленнымъ статьямъ, которыя появлялись въ отдѣльныхъ книжкахъ русскихъ журналовъ, по «Письмамъ русскаго офицера» Ѳ. Глинки и по исторіи Карамзина, вошедшимъ въ разрядъ его юношеской и студенческой лектуры¹⁾. Познакомившись въ 1824 г. съ членами Румян-

---

согласился, обѣщая мнѣ (8 окт. 1826 г.) въ послѣдствіи продолжать начатое имъ составленіе словаря, коего польза очевидна для каждаго просвѣщеннаго филолога, занимающагося словенскими языками.—П. Кеппенъ».

1) См. Н. Барсуковъ—Жизнь и труды М. П. Погодина, I, стр. 4—9.

певскаго Кружка, Общества исторіи и древностей россійскихъ, а 1826 г. съ Кеппенемъ и Ходаковскимъ, Погодинъ могъ легко расширить свое знакомство съ этой частицей Русской Земли. Въ 1828 г. Погодинъ былъ уже настолько заинтересованъ нероссійской Русью, что передалъ своему другу угрорусину Венелину отдѣлъ о Карпатской Руси въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

Характеръ отношеній Погодина къ Карпатской Руси, до путешествія 1835 г., можно лучше всего опредѣлить его украинскими симпатіями, которыхъ онъ вовсе не скрывалъ. Такъ— въ 1829 г. Погодинъ посѣтилъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ Котляревскаго въ Полтавѣ, Квитку и Артемовскаго въ Харьковѣ¹⁾. Затѣмъ онъ вошелъ въ дружескія сношенія съ Максимовичемъ, Бодянскимъ и Срезневскимъ, лучшими представителями тогдашней Украины—Малороссіи. Малороссіей же, какъ сейчасъ увидимъ, Погодинъ считалъ и Галицкую Русь. Наконецъ нельзя забывать, что Погодинъ принадлежалъ уже въ то время къ историкамъ—патріотамъ школы Карамзина, преклонявшимся передъ древностью и величіемъ русской земли и мечтавшимъ о необходимости объединенія разьединенныхъ частей. Подобные объединительные планы—насчетъ славянскихъ племенъ—находимъ, независимо отъ русской исторической школы, и у дѣятелей славянскаго возрожденія, особенно чеховъ, словаковъ и сербовъ. Преданность официально провозглашеннымъ началамъ русской государственности—самодержавію, православію, народности—дополняетъ намъ эту бѣглую характеристику міровоззрѣнія Погодина въ періодъ его перваго путешествія по славянскимъ землямъ, т. е. въ періодъ практическаго изученія славянства.

Галицкую Русь Погодинъ посѣтилъ впервые осенью 1835 г. на обратномъ пути отъ чеховъ въ Россію. Съѣхавшись во Львовѣ съ русскими путешественниками Д. М. Княжевичемъ, Н. И. Надеждинымъ, П. В. Киреевскимъ и кн. Крапоткинымъ²⁾, онъ

1) Ibidem II, стр. 315—325.

2) См. «Матеріалы» (ст. 142, вып. 2).

посѣтилъ съ ними Василянскій монастырь и познакомился съ игуменомъ Компаневичемъ, который обѣщался ему доставить нѣкоторыя старопечатныя книги и древнія рукописи. Такъ какъ проф. Завадскій былъ главнымъ руководителемъ Погодина по обзорѣню Львова, Погодинъ перезнакомился въ этотъ разъ съ одними польскими учеными—Я. Н. Каминскимъ, Ю. Росцишевскимъ и К. Туровскимъ. И къ нимъ обратился Погодинъ съ просьбой доставлять ему древніе славянскіе памятники, рукописные и печатные, на чтѣ даже оставилъ у проф. Завадскаго извѣстную сумму дукатовъ¹⁾. Наконецъ въ Бродахъ Погодинъ завязалъ сношенія съ комисіонеромъ Гартенштейномъ.

Общее впечатлѣніе, вынесенное Погодинымъ изъ Галичины, было то, что «въ Галиціи есть множество любопытнаго и важнаго для русской исторіи»²⁾. Это «любопытное и важное» Погодинъ старался впослѣдствіе получить въ свое древнехранилище, какъ въ обмѣнъ за русскія книги, такъ и за деньги. Письма Завадскаго, Компаневича и Зубрицкаго, равно же случайно дошедшія до насъ письма Погодина къ Компаневичу и Вагилевичу даютъ намъ довольно цѣльную картину того, чтѣ перешло въ руки Погодина изъ Галичины. Такъ: сборникъ пѣсенъ Жеготы Паули (Завад.), Слова Ефрема Сирина XIII в., Іоанна Дамаскина — О священствѣ 1614 г. (?) [Комп.—Зубр.], Служебникъ 1702 г., Псалтирь 1704 г., Катавасія 1723 г., Апостолъ 1706 г., Евхологіонъ 1720 г., Служебникъ Стрят. 1604 г. (?), Купчая 1421 г., Собраніе автографовъ южнорусскихъ и польскихъ дѣятелей XVII в., письмо патр. Мелетія, Требникъ Сурят. 1606 г. (?) [Зубр.]—вотъ все то, чтѣ было послано или предположено послать (отмѣчено—?) Погодину изъ Львова. Изъ книгъ, посланныхъ Погодинымъ во Львовъ, слѣдуетъ отмѣтить: Исторію Карамзина въ 2-хъ экземплярахъ (Василянской бібліотекѣ и Зубриц.), Сводъ законовъ, русскія лѣтописи и цѣлый рядъ изда-

1) См. «Письма къ М. П. Погодину» 531—532 стр. (письмо А. Завадскаго).

2) См. Барсуковъ, IV, стр. 329.

ній по русской исторіи и литературѣ — Зубрицкому, коробъ книгъ черезъ Княжевича на руки Компаневичу въ Василянскую бібліотеку и К. Туровскому.

Судя по довольно пренебрежительному отношенію Компаневича и его наслѣдника Терлецкаго, бібліотекарей монастырской бібліотеки, къ старопечатной книгѣ¹⁾, и по естественному стремленію — какъ Зубрицкаго, такъ и его младшихъ современниковъ получить многосодержательную новую русскую книгу, этотъ обмѣнъ былъ совершенно цѣлесоотвѣтствующимъ. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ насъ еще болѣе то, что русская книга вызвала въ Галичинѣ оживленное умственное движеніе, древняя же книга, посланная Погодину, не только сохранилась до нашихъ дней и стала доступной широкимъ кругамъ ученыхъ, но и явилась живой связью культурныхъ интересовъ Карпатской Руси и Россіи.

Кромѣ полученія древней книги, Погодинъ желалъ еще познакомиться поближе съ умственной жизнью страны. Исполняя это желаніе, Вагилевичъ, Зубрицкій, Головацкій и кто-то изъ знакомыхъ поляковъ²⁾, доносятъ Погодину очень пространно о современномъ литературномъ движеніи въ Галичинѣ и сообщаютъ ему одну-другую статью по исторіи Карпатской Руси для напечатанія въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ. Погодинъ пользуется этими культурными услугами своихъ незнакомыхъ корреспондентовъ и печатаетъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Москвитянинѣ», «Чтеніяхъ» и Ж. М. Н. Пр. отрывки писемъ, статьи-пересказы и оригинальныя статьи русскихъ галичанъ³⁾, вводя ихъ такимъ способомъ въ ряды труженниковъ русской науки, и знакомя русское общество съ далекой частицей Руса. Участіе

1) См. Nawguło Rusyn — Zustände der Russinen.

2) «Матеріалы» стр. 142.

3) Вагилевича письма въ Ж. М. Н. Пр. 1836 г., ч. 9 и 1839 г. ч. 19; Моск. Наблюд. 1836 г., VII; Головацкаго Я.—«Вел. Хорватія» въ Москвитян. 1841; Зубрицкаго—«О типографіяхъ» въ Ж. М. Н. Пр. 1839 г., ч. 19 и 1846 г. ч. 58; «Крит.-истор. повѣсть» въ Чтеніяхъ 1845 и др.—см. «Матеріалы» 15—20 стр.

галичанъ въ русскихъ изданіяхъ принесло имъ, кажется, чуть-ли не первый гонораръ деньгами ¹⁾ и книгами. Наконецъ, Погодинъ не забывалъ освѣдомлять своихъ галицкихъ корреспондентовъ объ умственной жизни въ Россіи, что опять переходило на страницы львовскихъ «Rozmaitości» ²⁾).

Важнѣе всего, однако, явились заботы Погодина объ изученіи карпаторусскаго нарѣчія. Погодинъ, подобно Кеппену, обратилъ вниманіе Академія на необходимость изученія этого нарѣчія. Благодаря Академію за избраніе въ члены, Погодинъ писалъ Д. И. Языкову: «Познакомься коротко во время своего путешествія со многими славянскими учеными и находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ ними, я могу быть посредникомъ между ими и Академіей, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, кои по какимъ бы то ни было причинамъ не могутъ быть ведены сначала оффиціально. — 2) Славянскія нарѣчія, родныя намъ, столь мелкія къ изученію, и совершенно у насъ неизвѣстныя, даже между писателями, представляютъ обильную, непечатую еще руду для обогащенія языка русскаго. Если Академія пожелаетъ содѣйствовать распространенію ихъ въ Россіи, то я могу найти людей, которые возьмутся перевести разныя грамматикки и словари по указаніямъ и совѣтамъ туземцевъ. — 3) *Нѣкоторыя нарѣчія не имѣютъ еще совершенно словарей или грамматикъ, напримѣръ малороссійское у насъ и русское въ Галиціи. Я получилъ недавно извѣстіе изъ Лемберга, что г. Вагилевичъ занимается давно составленіемъ Словаря Последняго нарѣчія* ³⁾, а для перваго готовъ посвятить труды свои г. Бодянской, собравшій уже нѣсколько тысячъ словъ. Не благодудно ли Академіи, чтобъ я вошелъ въ переговоры съ сими учеными, вытребовалъ у нихъ планы ихъ трудовъ, и свидѣнія, не нуждаются ли они въ какомъ пособіи, чтобъ ускорить

1) Головацкому — 40 гульд., «Письма» 564 и 8 стр.; Вагилевичу — за колядки 60 гульд. «Пис.» 648 стр.; Зубрицкому — 100 руб., «Пис.» 596 стр.

2) Rozmaitości 1836 г., № 33 и 1837 г. №№ 28 и 41.

3) П—нъ говоритъ здѣсь, повидимому, о письмѣ Вагилевича отъ 8 березня 1836 г. (Моск. Наблюд. 1836 г., кн. VII и «Матер.» 145—152 ст.).

окончаніе ихъ столько нужныхъ сочиненій». — Академія приняла «съ благодарностью» это предложеніе Погодина и отвѣтила ему, что «будетъ ожидать отношеній, въ особенности по составленію г. Вагилевичемъ Словаря Русско-Галиційскаго»¹⁾.

Не станемъ входить въ мотивы заботъ Погодина-историка о грамматикахъ и словаряхъ славянскихъ нарѣчій. Помимо преемственности требованій современныхъ славяновѣдovъ (Кеппель, Бодянский), одну изъ причинъ слѣдуетъ видѣть въ извѣстномъ приключеніи Погодина, когда онъ — на вопросъ Шафарика о русскихъ нарѣчьяхъ долженъ былъ сознаться, что не имѣетъ понятія о нихъ. Къ тому же самъ Вагилевичъ первый обратилъ вниманіе Погодина на свой словарь еще въ мартовскомъ письмѣ 1836 г. Поощренный Академіей, Погодинъ переписывался съ Вагилевичемъ болѣе трехъ лѣтъ объ этомъ словарѣ. Словарь, однако не появился²⁾, такъ какъ Вагилевичъ задумалъ его слишкомъ широко, собирая матеріалы для «южнорусскаго словаря» вообще, не имѣя для этого ни подготовки, ни источниковъ, ни времени³⁾. Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что Погодинъ просилъ Вагилевича «послать извѣстіе къ Шафарику въ Прагу о карпатскихъ племенахъ и о нарѣчьи»⁴⁾, что Вагилевичъ исполнилъ въ величайшей радости Шафарика⁵⁾. — Не бесполезно будетъ прибавить, что Погодинъ хлопоталъ такъ же усердно и о славянскомъ словарѣ Линде, равно такъ же безъ особеннаго успѣха. (Р.Ф. Вѣст. 1905, III ст. 70—73, 78—79 статья В. А. Францева).

Во второе путешествіе по славянскимъ землямъ 1839 г. Погодинъ не былъ въ Галичинѣ, хотя первоначально думалъ заѣхать во Львовъ изъ Маріенбада. Возвратившись въ Москву,

1) См. Бумаги и дѣла импер. Акад. Наукъ 1835 г., № 85, л. 86—88: письмо М. П. Погодина отъ 2 іюля 1836 г. (Ркп. отдѣл. Библ. Ак. Наукъ).

2) Отдѣльные тетради этого словаря были посланы кан. А. С. Петрушевичемъ въ бібліотеку Академіи Наукъ вмѣстѣ съ его «Славянскимъ корнесловомъ».

3) См. «Письма» 628 и 630 стр.

4) Письмо Погодина къ Вагилевичу отъ 27 мая 1836 г. въ «Матеріалахъ».

5) См. «Письма» 624 и 627 стр.

Погодинъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уварову съ донесеніемъ о своемъ путешествіи, въ которомъ коснулся и до Карпатской Руси. Матеріаломъ для этого донесенія послужили 6 писемъ Вагилевича 1836 — 9 г. и первое письмо Зубрицкаго 1839 г., которыя Погодинъ соединилъ въ одну общую картину умственной жизни Галицкой Руси¹⁾, украсивъ ее рядомъ патетическихъ положеній, продиктованныхъ ему російскимъ патріотизмомъ. Вотъ главнѣйшія мѣста этого донесенія: «самые Русины, которые до сихъ поръ какъ будто не существовали, которыхъ имени не было слышно, особенно у насъ — Русины, угнетенные болѣе всѣхъ, потому что ближе къ намъ, подъ тройнымъ игомъ австрійцевъ, поляковъ, католицизма, провозглашаютъ теперь свое имя, занимаются своей исторіей, т. е. русской исторіей, записываютъ свои преданія, печатаютъ памятники, собираютъ пѣсни, изслѣдуютъ нарѣчіе, словомъ начинаютъ свою собственную, особенную литературу». . . «Во всѣхъ главныхъ славянскихъ городахъ есть корифеи. Кто внимательно изучалъ исторію, тотъ знаетъ безъ сомнѣнія, что такое движеніе бываетъ только предъ великими явленіями въ исторіи гражданскихъ обществъ, и славянамъ, кажется, настаетъ эпоха возрожденія, и Австрійская имперія, еще болѣе Турецкой, должна трепетать за свое существованіе. . . . Австрія, при пламенной ненависти 25-ти милліоновъ противъ 5-ти, какъ мозаическое цѣлое не можетъ удержаться долго. Она разорвется на составныя свои части въ первую войну. Австрія боится болѣе всего Россіи, которой безъ ея вѣдома симпатизируютъ всѣ славяне, вплоть до Адриатическаго моря. Славяне смотрятъ на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ востока. Туда летятъ ихъ сердца. Туда устремлены ихъ мысли и желанія. Тамъ видятъ ихъ надежды. Отъ нея чаютъ они себѣ спасенія. . . и ждуть съ нетерпѣніемъ, когда ударитъ желанный часъ. . . Она избавитъ насъ отъ нашихъ враговъ, чтобъ и мы явились нако-

---

1) См. Погодина—Истор. политич. письма и записки, М. 1874 г.

нецъ въ мірѣ и исполнили свое предназначеніе . . .» (20—22 ст.). Такъ-де говорили и о томъ-де мечтали австрійскіе славяне.

Перешедши затѣмъ къ изложенію возможности осуществленія этого плана, Погодинъ писалъ, что «возможность самая вожделѣнная для народа, самая пріятная, самая легкая для исполненія, какъ думаютъ славяне, подъ покровительствомъ Россіи, которой почти принадлежитъ уже по праву Галиція, какъ населенная чистыми русскими, исповѣдниками греческими, которые привержены къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, русскихъ униатовъ; за ними послѣдуютъ русины въ сѣверовосточной Венгріи, потомъ словаки, сербы австрійскіе, чехи и т. д. Тогда, говорятъ славяне, образуется славянское федеративное государство, Россія во главѣ, отъ восточнаго океана до Адриатическаго моря, государство, которому исторія не представляетъ подобнаго, которое будетъ повелѣвать всѣмъ остальнымъ міромъ» (24 стр.). Указавъ затѣмъ на священную обязанность и христіанскій долгъ русскаго государства «пособить своимъ злополучнымъ единоплеменникамъ, пособить, сколько позволяютъ на то политическія отношенія, пособить для религіи, для науки, для просвѣщенія, съ мирной цѣлью. Такъ младшій разбогатѣвшій братъ обязанъ помогать старшимъ разореннымъ братьямъ, быть покровителемъ и главою цѣлаго семейства, какъ бы по опредѣленію Божію» (25 стр.); Погодинъ предлагалъ открыть двери училищъ, университетовъ и духовныхъ академій для болгаръ и сербовъ, чтобы они послѣ разносили «русскій духъ». Но «второе, или лучше, другое первое право на русскую помощь принадлежитъ русинамъ. Другое первое, говорю я, ибо эти русины, жители Галиціи и сѣверовосточной Венгріи, нашего древяго, знаменитѣйшаго Галицкаго княженія, суть чистые русскіе, такіе же русскіе какихъ мы видимъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, наши родные братья, которые носятъ наше имя, говорятъ нашимъ языкомъ, исповѣдуютъ нашу вѣру, имѣютъ одну исторію съ нами, чистые русскіе, которые стонутъ подлѣ насъ подъ тройнымъ-четвернымъ игомъ вѣмцевъ, поляковъ, жидовъ

католицизма, и горько жалуются на наше невниманіе. Въ ожиданіи благопріятныхъ случаевъ необходимо поддерживать ихъ возникающую литературу, частнымъ образомъ, чрезъ вторыя, третья руки: доставлять пособіе авторамъ, печатать книги, назначать преміи на заданныя темы объ исторіи, языкѣ, посылать въ библіотеки русскія книги, содѣйствовать сочиненію лексикона, грамматики, собранію преданій, пѣсень (27 — 28 стр.) . . . назначить академическія, небольшія преміи за сочиненіе грамматикъ для тѣхъ нарѣчій, кои не имѣютъ еще оныхъ, какъ то: нашего малороссійскаго, галицкаго (39 стр.) . . . словари малороссійскій и галицкій (40 стр.) . . . снабдить русскими книгами по филологіи и исторіи главныя нѣмецкія библіотеки въ Австріи—въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пестѣ, Пресбургѣ, Аграмѣ, Брюннѣ, Львовѣ» (41 стр.).

Сравнивая предложенія Погодина съ требованіями Вагилевича и Зубрицкаго, бывшими въ то время въ перепискѣ съ нимъ, убѣждаемся, что Погодинъ правильно указалъ министру Уварову на необходимость русской книги во Львовѣ, на важность печатанья галицкорусскихъ сочиненій, прежде же всего словаря и грамматики, о чемъ хлопоталъ преимущественно Вагилевичъ. Остальное же, какъ — пособія авторамъ черезъ вторыя-третья руки, повсемѣстныя сознательныя племенно-религіозныя симпатіи широкихъ массъ карпаторусскаго населенія къ Россіи, мечты о распаденіи Австріи среди образованнаго общества — является уже исключительною собственностью самого Погодина. Объ этомъ не писали ему ни Вагилевичъ, письма котораго къ Погодину за время 1836 — 9 г. всѣ сохранились, ни Зубрицкій. Правда, Вагилевичъ называетъ Погодина «побратимомъ далеко-стороннимъ» (Письма, 627 и 633 стр.) и обратился къ нему съ первымъ письмомъ, какъ къ собрату сѣверно-русину, интересующемуся галицко-русскою словесностью, а Зубрицкій писалъ къ нему, какъ къ знатоку русской исторіи: но на основаніи этого еще нельзя было говорить объ общенародномъ чувствѣ. Чувство любви и, какъ мы выше убѣдились, даже надежда на

могущество Россіи были въ народѣ, только на другихъ основаніяхъ: желаніе платить меньше налоговъ, освободиться отъ непосильнаго рекрутскаго набора, уйти отъ панщиннаго произвола не имѣло и не имѣть ничего общаго съ племенными самосознаніемъ и симпатіями, на которыя Погодинъ возложилъ столь много надеждъ.

Если же обратить вниманіе на содержаніе карпаторусской литературы, особенно же на *юнимую* «Русалку Днѣстрову», такъ приходится недоумѣвать, на основаніи чего Погодинъ доносилъ гр. Уварову о столь яркой вѣрѣ карпаторусскихъ дѣятелей въ близкое распаденіе Австріи? Самихъ дѣятелей и литераторовъ Погодинъ не зналъ, исключая игумена Компаневича, который какъ по возрасту, такъ и по своимъ литературноисторическимъ работамъ вовсе не принадлежалъ къ живымъ дѣятелямъ-организаторамъ. Въ средѣ же самыхъ живыхъ дѣятелей возрожденія, І. Левицкаго, Лозинскаго, Зубрицкаго, Головацкаго, Шашкевича и Вагилевича созрѣвали совершенно другія идеи, въ родѣ созданія народной литературы русско-польскихъ отношеній, — *тръшаемыхъ и поддерживаемыхъ австрійскимъ прагмателствомъ!* Галицкорусское движеніе 1848 г. — лучшее доказательство несостоятельности добавочныхъ заявленій Погодина насчетъ Галицкой Руси 1839 г.

Больше всего однако приходится недоумѣвать историка карпаторусскаго возрожденія по поводу «приверженности къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, русскихъ униатовъ», которою Погодинъ старается обосновать право Россіи на Галичину. Историческіе факты говорятъ о совершенно противоположномъ, происходившемъ въ средѣ карпаторусской церковной іерархіи. Укажемъ только на сочиненіе угрорусина Базиловича (О фундаціи Коріатовичей), на заботы Львовской капитулы и ея представителей при папскомъ нунціѣ въ Варшавѣ (Widok przemosu, дѣятельность Левинскаго), направленныхъ къ сохраненію уни на всемъ пространствѣ бывшей Польской Рѣчи Посполитой и наконецъ на дѣятельность митрополита

Левицкаго, стремившихся какъ разъ къ усиленію своей церкви и власти, что ни въ коемъ случаѣ не могло содѣйствовать «приверженности къ православію». Этой приверженности въ данное время не было и среди галицкорусскаго духовенства: стоитъ только вспомнить сѣтованія передъ Кеппеномъ 1822 г. профессора богословія въ Львовскомъ университетѣ д-ра Модеста Гриневецкаго, по поводу слишкомъ пристрастнаго (!) отношенія къ униі историка Каменскаго¹⁾, и безпристрастные (?) выводы его современника каноника Гарасевича въ ркп. *Annales ecclesiae ruthenicae*, чтобы убѣдиться въ томъ, что и воспитанному ими простому духовенству православіе было не меньше чуждо, чѣмъ самимъ учителямъ. Вопросъ же объ обрядной сторонѣ, выступавшій въ то время на дневную очередь (Якимовича-Пасхалия), былъ слишкомъ зачаточнымъ явленіемъ, чтобы на его основаніи дѣлать какіе-нибудь болѣе серьезные выводы.

Мы нарочно отвели столько мѣста разсмотрѣнію донесенія Погодина и его отношеній къ галицкорусскимъ литераторамъ, чтобы хотя отчасти уловить «настоящую истину» и отдѣлать ее отъ легендарныхъ слуховъ, потревожившихъ первоначально нѣмецкую, а за ней и польскую печать 60-хъ годовъ XIX в. Раньше чѣмъ перейдемъ къ этимъ слухамъ, разсмотримъ еще сношенія Зубрицкаго и Вагилевича съ Погодинымъ въ періодъ 1840—2 гг. и остановимся вкратцѣ на второмъ донесеніи Погодина 1842 г.²⁾

Двойное ходатайство — передъ Академіей и министромъ — о литературно-денежной поддержкѣ ученыхъ предиріятій русскихъ галичанъ, особенно по составленію грамматики и словаря, кажется, внушило Погодину надежду на осуществленіе этихъ плановъ, о чемъ онъ и сообщилъ Вагилевичу. Послѣдній, сообщая Погодину въ октябрѣ 1840 г. о своихъ литературныхъ трудахъ, напомнилъ ему объ этомъ: «Вы минѣ такожь обѣщалися придбати

1) См. Матеріалы 181 ст.

2) См. Истор-полит. письма.

деяке пособие до совершенія моіхъ трудівъ. Ци е надѣжа?»¹⁾. Къ этому вопросу возвратился Вагилевичъ еще разъ въ январьскомъ письмѣ 1842 г., говоря: «Вы бысте мене дуже утѣшили, слыбысте мѣнѣ прислали пособие на изданіе переводівъ на южно-русскій языкъ тай на Символику—котри я би хотѣвъ печатати. Рівно якъ на гостину въ цѣля ученѣй»²⁾. Когда же Вагилевичу было отказано въ священіи, онъ обратился къ Погодину съ запросомъ, нельзя ли ему получить мѣсто въ одной изъ библиотекъ или даже профессуру, «до которой я съ хѣтью и учитися буду що потрібне». Въ тѣхъ же письмахъ Вагилевичъ просилъ и о присылкѣ украинскихъ изданій — Квитки, Котляревскаго, Илюмовскаго, Сепельникова, Артемовскаго, Шпигодкаго (Пис. 614 стр.), Шевченка и Довгоносенка (ibid. 643 стр.).

Письма Зубрицкаго этого времени содержатъ еще меньше интереснаго: извѣстія о книгахъ, обмѣнъ книгами, информациі объ умственномъ движеніи и объ ученыхъ заведеніяхъ во Львовѣ, статьи для «Чтеній» и «Москвитянина», посредничество между Погодинымъ и львовскими литераторами вообще,—вотъ все то, о чемъ писалъ старикъ. Предположивъ же, что онъ оставилъ самое главное до личнаго свиданія съ Погодинымъ, то и въ такомъ случаѣ намъ легко возстановитъ содержаніе предполагаемаго разговора. Первое письмо Зубрицкаго послѣ свиданія съ Погодинымъ, отъ 17 августа 1842 г. содержитъ довольно странное повтореніе этого разговора между обоими историками, учениками Карамзина и горячими поклонниками Древней Руси. Національный характеръ государства, православная вѣра, сильная власть князя — въ былое время, вотъ главныя основы ихъ міровоззрѣнія и поклоненія; пришлые элементы, наѣздники, угнетеніе православной вѣры и ея перемѣна, національный гнетъ — вотъ болѣе новыя явленія русской, особенно же югозападно-

1) Письма ст. 637.

2) «Письма» 639 стр.; Вагилевичъ говорилъ здѣсь о Несторовой лѣтописи и о Словѣ о полку.

русской исторіи, а тѣмъ самымъ самыя жизненныя темы разговора. О такомъ характерѣ разговора свидѣлствуютъ намъ путевыя воспоминанія Погодина изъ Малороссіи и Галичины 1842, его второе донесеніе министру и письма Зубрицкаго 1842—3 г. О Малороссіи Погодинъ писалъ въ «Москвитяинѣ» 1843 г.: «Поляки и жидаы оказали на ней все свое вліяніе... Замѣчательно, что русскіе крестьяне укрѣпились вполнѣ здѣсь за своими господами, т. е. поляками, только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи». Проѣздомъ черезъ Галичину Погодинъ занесъ въ свой дневникъ: «Поляки нахлынули потокомъ на Галицію въ XIV ст. и разорвали ее на части. Какія поляты выстроили они на трудахъ несчастныхъ малороссіянъ, подвергнувшихся сперва двойному игу католиковъ и жидовъ, а потомъ тройному съ придачею австрійцевъ! Народъ начинаетъ теперь сознать свое происхожденіе, и сердце его обращается невольнo къ Сѣверу. Духовные, купцы, ремесленники, не только поселяне, говорятъ: мы русскіе! Да они настоящіе русскіе, какъ въ Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ; говорятъ тѣмъ же языкомъ, исповѣдуютъ ту же вѣру. Объ этомъ въ Европѣ не имѣютъ понятія, да и у насъ мало!»¹⁾

На этотъ разъ Погодинъ пробылъ во Львовѣ всего 2—3 дня въ исключительномъ обществѣ Зубрицкаго: первый день въ гостинницѣ, такъ какъ ему нездоровилось, остальное же время, осматривая Львовъ. Православная церковь и ея небольшой архивъ, Ставропигійскій Институтъ и Василянскій монастырь— вотъ то, что привлекло къ себѣ вниманіе путешественника. Затѣмъ Погодину не хотѣлось оставаться во Львовѣ и дѣлать знакомства, «чтобы не возбудить попусту подозрѣній у мнительнаго мѣстнаго правительства, которое слѣдитъ за всякимъ шагомъ путешественниковъ, особенно русскихъ». (Барсуковъ, VII, стр. 19).

Послѣ этого посѣщенія Галичины Погодину больше уже не

---

1) См. Барсуковъ, VII стр. 15—17.

пришлось сношаться лично съ русскими галичанами въ Австріи, исключая 1853 г., когда онъ видѣлъ И. Ф. Головацкаго въ Вѣнѣ («Письма» 654 стр.). Одни письменныя сношенія не прекратились, обнявъ по 1850 г. 9 писемъ Зубрицкаго и 4 письма Вагилевича 1843—5 г. Предметы переписки остались прежнія—донесенія о ходѣ литературныхъ работъ, просьбы о присылкѣ книгъ, извѣстія о посылаемыхъ книгахъ, совѣтъ Зубрицкаго использовать и галицкорусскій словарь при составленіи русскаго (Пис. 570 стр.), его же радость по поводу предстоящихъ крестьянскихъ реформъ въ Галичинѣ (ibid. 581 стр.) и библиографическіе вопросы.

Со вторымъ посѣщеніемъ Галичины соединено и донесеніе Погодина министру народнаго просвѣщенія отъ 1842 г.; такъ какъ это донесеніе явилось почти исключительною собственностью славянофильскихъ теорій Погодина, то нѣтъ ничего удивительнаго, что оно не заключаетъ въ себѣ ровно ничего изъ переписки Зубрицкаго и Вагилевича съ Погодинымъ. Правда, личное свиданіе съ Зубрицкимъ могло повліять на «донесеніе» Погодина. Если, однако, обратимъ вниманіе на то, что все донесеніе проникнуто однимъ духомъ и одной мыслью—славяне-де любятъ Россію и православіе и видятъ въ Россіи единственную опору и надежду себѣ—такъ будетъ ближе къ правдѣ предположить, что мнѣнія Зубрицкаго сыграли въ немъ такую же незначительную роль, какъ и мнѣнія многихъ, несимпатизировавшихъ Россіи славянскихъ дѣятелей. Вотъ главнѣйшія мѣста этого донесенія: «Обстоятельства въ нашей несчастной Галиціи еще тяжеле. Словаки и иллиры находятъ еще какое-нибудь спасеніе подъ покровомъ венгерской конституціи, а русины въ Галиціи беззащитны и въ отношеніи къ Полякамъ. Прибавлю еще то, что они для австрійцевъ ненавистнѣе даже всѣхъ прочихъ славянъ, потому что ближе всѣхъ къ Россіи по своему родству, вѣрѣ, языку и исторіи. Каково же имъ жить несчастнымъ! Ненависть поляковъ подаетъ австрійцамъ самыя удобныя средства и благовидныя предлоги угнетать ихъ и душиать всякое націо-

нальное, т. е. русское движеніе, въ самомъ зародышѣ. Не смотря на то, оно есть и усиливается безпрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознають живѣе и живѣе свое русское происхожденіе и влекутся сердцемъ къ Россіи. Извѣстіе объ уничтоженіи униі ихъ обрадовало, и они готовы обратиться къ нашему православію, которое держалось у нихъ, какъ извѣстно, долѣе, чѣмъ у насъ, и только недавно, въ прошедшемъ столѣтіи, уничтожено. «Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ», говорятъ они всякому русскому путешественнику. «Вотъ эту церковь обратимъ мы въ православный соборъ», сказалъ мнѣ одинъ старецъ, когда вы придете къ намъ во Львовъ. Хоть бы вы промѣнили насъ на Польшу! Ну, что вамъ въ Польшѣ? тамъ васъ не любятъ, а мы вамъ преданы душою и тѣломъ». Русяны совѣтуютъ выводить польскій духъ изъ возвращенныхъ губерній, волынской, подольской и пр., скупая имѣнія хоть понемногу отъ польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на кіевскихъ контрактахъ, возвышая и освѣщая Кіевъ пребываніемъ царской фамиліи, привлекая туда русскихъ капиталистовъ, которые могутъ легко и выгодно приобрѣтать земли, обращая большее вниманіе на благосостояніе крестьянъ, которые стонутъ тамъ подъ игомъ польскихъ помѣщиковъ, католиковъ, жидовъ. Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. Многіе духовные лишились мѣстъ своихъ, студенты выгнаны, граждане изъ средняго сословія отданы подъ строжайшій присмотръ. Извѣстный почтенный адвокатъ ¹⁾ просилъ позволенія брать для прочтенія сводъ русскихъ законовъ, подаренный нашимъ правительствомъ публичной библиотекѣ, полиція отказала, несмотря на поруки и залого. . . » (52—53 стр.). Дальнѣйшая часть донесенія содержитъ изложеніе замысловъ австрійцевъ о Малороссіи: «Недавно получили они темное понятіе о томъ, что русское народонаселеніе Галиціи, вмѣстѣ со всею Малороссіею, отличается отъ жителей Москвы

---

1) Зубрицкій.

и прочихъ сѣвернорусскихъ губерній, и бросилось съ жадностью на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить въ народѣ, нанимаетъ ученыхъ писать диссертациі (?), надѣясь посредствомъ ихъ охладить приверженность галичанъ къ Россіи. Виды его простираются слишкомъ далеко, и оно намѣревается содѣйствовать раздѣленію даже самой Россіи и привлекать малороссіянъ къ себѣ, не говорю уже о польскихъ помѣщикахъ, ненавидящихъ Малороссію. Съ этою цѣлью оно хочетъ устроить центръ малороссійской литературы у себя и препоручить съ значительными выгодами издавать по своимъ видамъ журналъ на малороссійскомъ языкѣ въ Вѣнѣ! . . . Вотъ какъ дѣйствуетъ австрійское правительство! . . . Австрія слаба и при первой войнѣ разлетится на части, тѣмъ болѣе, что славяне уже созрѣли . . . Австрія поддерживаеетъ римскую церковь въ неистовствахъ противъ уничтоженія уніи, распространеніемъ между католическими славянами нелѣпыхъ сочиненій и статей о притѣсненіи католичества въ Россіи, возстановленіемъ духовенства противъ насъ . . . русиновъ отвращаетъ извѣстіями о состояніи крестьянъ въ Волини, Подоліи и проч. Для распространенія слуховъ ссть, кажется, особенные чиновники» (54—5 стр.).

Сравнивая оба донесенія Погодина министру, мы приходимъ къ двумъ выводамъ: Погодину желательно, чтобы славянская наука и умственная жизнь безпрпятственно развивалась во благо самихъ славянъ, освобождая ихъ отъ гнета иноплеменныхъ правительствъ. Такъ какъ славяне дѣйствительно проявляли въ этомъ отношеніи много успѣшной энергіи, несмотря на большіе недостатки въ средствахъ культурныхъ и матеріальныхъ — Погодину казалось естественнымъ поддержать это славянское движеніе. Эту мысль продиктовали ему славянофильское мировоззрѣніе и патріотическая гордость, твердившая патріотамъ-славянофиламъ о специальномъ призваніи Россіи пособлять нероссійскимъ славянамъ. Когда, однако, зашла рѣчь объ осуществленіи этихъ плановъ, т. е. о дѣятельной помощи, оказалось, что русскіе славянофилы располагали очень незначительными сред-

ствами, какъ книги и небольшіе гонорары за журнальныя статьи, чѣмъ не очень-то можно было пособить славянскому дѣлу. — И предъ нами второе явленіе. Россійское правительство провозгласило еще въ началѣ 30-хъ гг. извѣстное заявленіе о «самодержавіи—православіи—народности», что вѣдь и составляло основаніе погодинскаго славянофильства: отсюда выводъ — правительство должно исполнить то, что является патріотической обязанностью нашей, слѣдовательно и его. Чтобы достичь этого, нужно было представить славянское движеніе въ самомъ привлекательномъ для правительства видѣ. Это Погодинъ и сдѣлалъ, объединивъ, въ своемъ воображеніи все то, что подходило подъ его мѣрку и отвѣчало его желаніямъ.

Въ виду этого мы не въ состояніи понять, на какомъ основаніи многіе польскіе и галицкорусскіе изслѣдователи и обозрѣватели этого періода карпаторусскаго возрожденія утверждаютъ, что Погодинъ явился въ Галичину съ *цѣлю*—доказать русскимъ галичанамъ, что они «настоящіе москали», т. е. великорусы¹⁾. Мы уже выше указывали на украинскія симпатіи Погодина — онѣ не перемѣнились и въ 40 годы. Онъ по прежнему былъ въ дружбѣ въ украинцами Максимовичемъ и Бодянскимъ; не отрицалъ отличности южнорусовъ отъ сѣвернорусовъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ донесенія; продолжалъ въ «Москвитянинѣ» высказывать свои симпатіи къ украинской литературѣ — къ Квиткѣ, «Молодцу» Бецкаго и къ Кулишу²⁾, въ своихъ же историческихъ трудахъ отводилъ надлежащее мѣсто «малороссіянизму» Киевской Руси³⁾. Считаая же Карпатскую Русь частью Малороссіи, какъ могъ онъ примѣнять къ ней другія мѣры? И намъ кажется, что до 1856 г., т. е. до появленія его «Записки о древнемъ русскомъ языкѣ», Погодинъ нигдѣ и не выступалъ съ мнѣніемъ о сѣвернорусскомъ характерѣ древней Киевской

1) См. «Матеріалы» стр. 155 выдержки изъ «Pamiętnika» Г. Богданскаго стр. 155 и выше «Введеніе».

2) См. Барсуковъ VII, главы 22 и 23.

3) См. Погодина — Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи 1846, III стр. 357.

Руси; да и въ этой «Запискѣ» Карпатская Русь явилась колыбелью малорусовъ! Въ виду этого у насъ и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы Погодинъ доказывалъ карпаторусамъ ихъ тождественность съ сѣверорусами. Не менѣе невѣрнымъ оказывается мнѣніе, будто бы Погодинъ насаждалъ среди карпаторусовъ «москвофильство - русофильство» посредствомъ книги. Онъ посылалъ имъ новыя историческія изданія, о которыхъ галичане его просили; своимъ же «Москвитяиномъ» освѣдомлялъ ихъ объ украинской литературѣ: Вагилевичъ обращался даже два раза къ нему съ просьбой о присылкѣ цѣлаго ряда украинскихъ изданій!

Наконецъ, еще нѣсколько словъ о спеціальной миссиі Погодина, привлекать славянъ на сторону россійскаго правительства, что опять для многихъ является предметомъ «вѣры». У Погодина не было такой миссиі, только онъ создалъ себѣ планъ, что россійское правительство обязано поддержать стремленія славянъ, въ этомъ направленіи онъ и старался повліять на правительство. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій, далеко не полный, хронологическій перечень, какъ мнѣній правительственныхъ и частныхъ лицъ, такъ и нѣкоторыхъ дѣяній самого правительства. Такъ: Александръ I не разрѣшилъ Шипкову въ 1817 г. употребить въ рескриптѣ на имя гр. Остермана, выраженіе «соплеменные намъ славянскіе народы», чтобы подозрительные нѣмцы не подумали, что мы, сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды¹⁾. — Еще строже относился къ славянофильству Николай I. На слѣдственномъ дѣлѣ объ И. С. Аксаковѣ онъ поставилъ слѣдующую резолюцію: «Подъ видомъ участія къ мнимому утѣсенію словенскихъ племенъ въ другихъ государствахъ таится преступная мысль соединенія съ ними племенами, несмотря на подданство ихъ со сѣднимъ и частію союзнымъ государствамъ; а достиженія сего ожидали не отъ Божьяго опредѣленія, а отъ возмутительныхъ

1) См. Порфирьевъ—Ист. рус. словес. II³, изд. 2-е, стр. 80.

покушеній на гибель самой Россіи»¹⁾). Этотъ принципъ нашель себѣ лучшее выраженіе въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 30 мая 1847 г., въ которомъ — между прочимъ — было сказано, что мысль западныхъ славянъ (особенно богемцевъ) о будущемъ политическомъ сліянніи всѣхъ славянъ въ одно государство можетъ увлечь людей пылкихъ и не прозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній. Въ виду же того, что Русь развивалась одна безъ посторонней помощи — слѣдовательно, все что она имѣетъ, принадлежитъ ей одной, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ ней руки и молящихся о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по расчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма, московскому университету влагается въ обязанность: истребить вліяніемъ своимъ необдуманные порывы «нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, отдѣлившихъ себя отъ общихъ историческихъ мнѣній не столько по убѣжденію, сколько по легкомыслию и добродушной мечтательности. Не славнѣ-ли для насъ имя русскаго, то знаменитое наше имя, которое съ основанія государства нашего повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной? Да слышится въ университетахъ имя русскаго, какъ слышится оно въ Русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго словенства, сохранилъ вѣру отцевъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи, всю народность!»²⁾. — Еще рѣзче отзывался о славянахъ фельдмаршалъ Паскевичъ: «Вы вѣрите этимъ словенскимъ движеніямъ? — говоритъ онъ А. О. Смирновой — это все возмутители, бунтовщики; я этимъ всѣмъ воли не даю; у меня въ Варшавѣ не смѣютъ объ этомъ говорить: всѣхъ ихъ подальше!» — Какъ, и богемцы у васъ не въ милости? — спросила Смирнова. «Бунтуютъ противъ Австріи, все это непокорность!» отвѣтилъ генералъ³⁾). То же мнѣ-

1) См. Сухомлиновъ — Исслѣд. и статьи II, 505 и Францевъ — Очерки по ист. чешск. возрожд. 385 стр.

2) См. Барсуковъ IX, стр. 235 — 237.

3) См. Дневникъ А. О. Смирновой отъ 12 мар. 1845 г. — У Барсукова VIII, 425 стр.

ніе, что русское правительство не могло сочувствовать славянскому движению, разъ чехи затѣяли революцію и оказались въ-роломными зачинщиками козней—повторилъ въ 1848 г. Давыдовъ въ письмахъ къ Погодину¹⁾.

Если прибавимъ къ тому большую оппозицію, проявленную многими современниками—Н. А. Полевымъ (Библ. для чт.), А. Д. Газаховымъ (Отеч. Зап. 1844, авг.), Н. А. Мельгуновымъ—придавшими направление и исключительность погодинскаго патриотизма—то убѣдимся, что Погодину не такъ легко было получить «официальную миссію» проповѣдать русофильство. Да и что русофильство не было такъ повсемѣстно, какъ многимъ кажется—объ этомъ свидѣлствуютъ Надеждинъ и Княжевичъ. «Вчера обѣдалъ у Д. М. Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы—заноситъ Никитенко въ свой «Дневникъ» 24 окт. 1841 г.—Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ. Разговоръ шелъ о словенахъ Австріи. Я не ошибся, я всегда думалъ, что словенскій патриотизмъ, мечтающій о централизаціи Словенскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарика, Ганки, Погодина, но что народы Словенскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ Австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключение составляютъ только Венгерскіе Словене и Русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который однако самъ не изъ послѣднихъ словенофиловъ»²⁾.

Славянофильство русскаго правительства совпадало всегда съ чисто политическими вопросами, какъ русско-турецкимъ и русско-польскимъ, и нерѣдко не было чуждо «разсчетовъ не всегда безкорыстнаго эгоизма». Интереснѣе же всего, что впоследствии уже явно «славянофильствующее» правительство сочло возможнымъ предпринять множество глубоко антиславянскихъ

1) См. Барсуковъ, *ibidem*.

2) См. Русская Старина 1889, XI, стр. 331—2.

мѣръ по отношенію къ полякамъ, западнорусскимъ уніатамъ и южнорусамъ.

Осенью 1837 г. Галицкую Русь собирався посѣтить Бодянский—въ Бродахъ, однако, онъ былъ остановленъ для двухнедѣльнаго карантиннаго — по причинѣ чумы въ Одессѣ, въ виду чего онъ отправился на Варшаву въ Прагу¹⁾. Впослѣдствіи онъ думалъ побывать въ Галичинѣ вмѣстѣ съ Срезневскимъ, подъ конецъ своей командировки 1842 г., но этотъ планъ ему не удалось исполнить. Не смотря на это, Бодянский, какъ секретарь московскаго общества исторіи и древностей, вошелъ въ очень живыя сношенія съ Д. И. Зубрицкимъ и Я. О. Головацкимъ. Сношенія Бодянскаго съ Зубрицкимъ начались въ 1845 г. по дѣлу «Критико-историч. повѣсти Черв. Руси», переведенной Бодянскимъ съ польскаго на русскій языкъ для «Чтеній». Какъ долго продолжалась переписка Зубрицкаго съ Бодянскимъ, пока неизвѣстно²⁾, во всякомъ случаѣ можно предположить, что она совпадала съ участіемъ Зубрицкаго въ «Чтеніяхъ» 1845—8 г. Сношенія съ Головацкимъ начались около 1847 г., когда Бодянский получилъ для «Чтеній» его «Народныя гал. рус. пѣсни», а затѣмъ не прекращались все время печатанія 1863—1878 г. Въ обоихъ случаяхъ — характеръ этихъ сношеній былъ информаціонно-научный³⁾.

Изъ другихъ славистовъ и ученыхъ путешественниковъ Карпатскую Русь посѣтили: М. М. Кирьяковъ 1835 г. ⁴⁾, А. Тер-

1) См. «Письма» 4 стр.

2) Письма Зубрицкаго и Головацкаго къ Бодянскому находятся въ собраніи А. А. Титова №№ 1492 и 1502.

3) Въ бумагахъ Я. О. Головацкаго въ Библ. Народнаго Дома во Львовѣ хранится много писемъ Бодянскаго по поводу изданія «Народ. пѣсенъ».

4) См. Е. И. Соколовъ—Библ. о—ва истор. и древн. рос. Бумаги Бодянскаго №№ 234—6.

шенко 1840 г.¹⁾, Н. И. Надеждинъ вторично 1845 г.²⁾, бар. Шодуаръ 1842 г.³⁾, И. И. Срезневскій лѣтомъ 1842 г. и историкъ М. М. Лунинъ 1844⁴⁾). Изъ нихъ только Срезневскій вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ Головацкими и Вагилевичемъ и проявилъ много живого интереса къ карпаторусскому умственному движенію.

Послѣдній мѣсяць своего трехлѣтняго пребыванія въ славянскихъ земляхъ И. И. Срезневскій посвятилъ изученію Карпатской Руси⁵⁾. Въ іюлѣ 1842 г. онъ прибылъ въ Ужгородъ, гдѣ познакомился съ епископомъ Василиемъ Поповичемъ и «настоящимъ хохломъ», издателемъ славянорусской грамматики, М. Лучкаемъ. По пути въ Галичину онъ остановился въ Мукачевѣ и Верецку по одному дню, а затѣмъ на Сколе и Стрый прибылъ во Львовъ 19 іюля, гдѣ прожилъ 19 дней. К. В. Запъ познакомилъ его съ Я. Головацкимъ, Вагилевичемъ, Зубрицкимъ, І. Левицкимъ («плохой грамотѣй, хотя и написалъ грамматику»); а изъ поляковъ— съ Каминскимъ, Бѣлевскимъ и Залѣскимъ. Послѣдній, по наблюденію Срезневскаго, «сдѣлался совершеннымъ чиновникомъ, и о пѣсняхъ и литературѣ, о славянизмѣ и народности и слушать не хочетъ». Старикъ Росцишевскій посѣтилъ самъ Срезневскаго и навѣщалъ его почти ежедневно, что наконецъ путешественнику въ тяготу стало.

Личное знакомство съ молодыми галицкорусскими литераторами и общіе южнорусскіе литературные интересы явились удобной почвой для нѣскольکو лѣтней переписки галичанъ съ Срезнев-

1) См. «Сѣверная Пчела» 1840 г. 1072 стр., гдѣ Т—ко въ «Очеркѣ путешествія» говоритъ о любви львовскихъ семинаристовъ къ русской книгѣ и о дороговизнѣ оной. Замѣтка же его на 1075 стр. о симпатіяхъ славянъ къ Россіи вызвала негодованіе старика Зубрицкаго въ письмѣ къ Погодину противъ «Вертопраховъ» (Письма 562 стр.).

2) Надеждинъ посѣтилъ Львовъ въ первый разъ вмѣстѣ съ Княжевичемъ 1835 г., см. «Матеріалы». 142 ст.

3) См. д-ра Студинскаго—З кореспонд. Зубр. 85 стр.

4) См. письмо Запа къ Срезневскому 21 сент. 1844 г.—«Матеріалы» 162 стр.

5) См. Путевыя письма И. И. Срезневскаго, Спб. 1895, стр. 317—323.

скимъ¹⁾. Изъ этой переписки узнаемъ, что Срезневскій явился однимъ изъ лучшихъ литературныхъ руководителей для Головацкихъ и Вагилевича. Возрастомъ—ровесникъ, по убѣжденіямъ украинскій патріотъ, ученый славистъ не могъ не произвести самого живого и хорошаго впечатлѣнія на молодыхъ галицко-русскихъ патріотовъ-писателей.

Я. Головацкій и Вагилевичъ опредѣлили свое отношеніе къ Срезневскому въ стихахъ на память и запискахъ, называя его братомъ, и раскрывая предъ нимъ свою вѣру въ будущее (Гол.) и горькую тоску наболѣвшей души (Вагил.).—И. Головацкій былъ не менѣе плѣненъ личностью Срезневскаго, пославъ ему въ Словачину изъ Вѣны 1842 г. письмо, исполненное одной любви и благодарности за задушевныя рѣчи собрата о «русинахъ и словенахъ». Вторично благодарилъ И. Головацкій Срезневскаго въ письмѣ 1846 г., посланномъ съ «Вѣнкомъ», за всѣ науки, которыя «глубоко вкопались, росли въ душу и незабутными неодолеваемыми товарищами и руководителями остануть въ (его) стремленію; они бо возбудили (его) дѣятельность, они одушевили идею славянства».

Такимъ же руководителемъ можно назвать Срезневскаго и по отношенію къ Я. Головацкому и Вагилевичу. Переписываясь съ ними, онъ давалъ имъ рядъ порученій, чѣмъ и направлялъ на надлежащій путь ихъ занятія. Такъ—онъ обратился черезъ Вагилевича къ Я. Головацкому за пословицами, матеріалами о Хмельницкомъ, грамотами, пѣснями и библиографическими указаніями. Я. Головацкій снабдилъ его кое-чѣмъ: лично передалъ сборникъ колядокъ Бѣрецкаго, использованный въ 1843 г. Костомаровымъ²⁾; черезъ Запа послалъ приповѣдки, а съ Гавличкомъ грамоты и пѣсни для Бодянскаго въ Москву.—Занятія же Вагилевича галицкорусской этнографіей Срезневскій использовалъ для статей Сементовскаго («Молодикъ» 1843 г.). Самого же

1) «Матеріалы» 168—185 стр. 2 письма И. Головацкаго 1842 и 1846 годовъ, 1 письмо Я. Головацкаго 1844 г. и 3 письма И. Вагилевича 1842—44 г.

2) См. «Матеріалы» 192—193 стр.

Вагилевича поощрялъ дать обзоръ умственной жизни Галицкой Руси.

Въ благодарность за литературную помощь, оказанную ему галичанами, Срезневскій послалъ: Бѣрецкому за колядки — по экземпляру всѣхъ малорусскихъ изданій; Я. Головацкому — Запорожскую Старину, Украинскія Баллады Галки, Думки Могилы, Наталку Полтавку и Марусю. Получилъ-ли Вагилевичъ какія-либо книги отъ Срезневскаго не знаемъ, хотя онъ просилъ о многихъ русскихъ и украинскихъ изданіяхъ взаимѣнъ за свою грамматику. Кстати укажемъ на то, что Вагилевичъ, посылая свою грамматику Срезневскому, просилъ его передать по одному экземпляру Максимовичу, Костомарову и Метлинскому «для побратимства», а Востокову и Гречу, «яко учителямъ».

Эти кратковременныя сношенія русскихъ галичанъ съ Срезневскимъ прекратились послѣ 1844 г. Я Головацкій оставилъ Львовъ, Вагилевичъ поступилъ въ библіотеку Оссоленскихъ и былъ занятъ въ *Czasopismie*, а И. Головацкаго поглотили заботы о хлѣбѣ и по изданіи «Вѣнка». Да, и у Срезневскаго не оказалось столько времени, чтобы слѣдить за тихой галицкорусскою жизнью.

Срезневскій, подобно Кеппену и Погодину, не пропускалъ удобнаго случая, чтобы знакомить Россію съ Карпатскою Русью: въ «Донесеніи министру», напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. 1843 г. 37 ч., онъ далъ сжатую, но очень вѣрную картину карпаторусской умственной жизни, а на другомъ мѣстѣ извѣстіе о приповѣдкахъ Илькевича; въ «Вѣстникѣ русскаго географическаго общества», 1852, I, обстоятельную статью «Русь Угорская». — Въ бумагахъ же Срезневскаго находимъ рядъ изданныхъ и неизданныхъ произведеній карпаторусскихъ литераторовъ 40-выхъ годовъ, какъ Вагилевича, обоихъ Головацкихъ, Духновича и Шашкевича¹).

---

1) Матеріалы 194—199 ст.

Для полноты обзора сношеній галицкихъ писателей съ русскими учеными укажемъ еще на (2) письма Вагилевича къ Лукашевичу, письмо къ Кирѣевскому 1838 г. о колядкахъ и украинскихъ поднарѣчіяхъ¹⁾ и письмо къ Востокову²⁾, отправленное вмѣстѣ съ грамматикой 1845 г. — Зубрицкій же и Я. Головацкій переписывались съ Максимовичемъ³⁾.

Подводя общій итогъ сношеніямъ карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными въ 1-ую половину XIX в., мы вправѣ опредѣлить ихъ общимъ названіемъ—племенно-научныя. Источникомъ этихъ сношеній, какъ мы убѣдились, были обостренніе научные интересы, проявившіеся съ особенной силой въ періодъ 1835—1848 г., т. е. въ періодъ практическаго изученія славянства начинающими русскими славяновѣдами и изученія родины и славянства львовскимъ кружкомъ галичанъ.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ однородныхъ научныхъ интересовъ, вполнѣдствіи же и личнаго знакомства русскихъ галичанъ съ сѣверянами, явилась довольно оживленная, хотя и непродолжительная переписка. Предметомъ переписки были вопросы научно-информативнаго характера и обмѣнъ книгами. Книги получались во Львовѣ русскія историческія и украинскія беллетристическія. Съ помощью этихъ книгъ львовскій кружокъ получилъ возможность познакомиться—по ученымъ изданіямъ лѣтописей и литературныхъ памятниковъ—съ древнерусскою исторіей вообще и съ южнорусскою въ частности. Литературныя же украинскія произведенія являлись для львовской молодежи лучшими образцами зарождавшейся мѣстной литературы.

Въ виду того, однако, что во Львовѣ среди университетской

1) См. «Письма» 641 и 646 стр. «Матеріалы»—письмо Вагилевича къ Срезневскому, 28 іюня 1844 г. стр. 179.

2) См. Переписка А. Х. Востокова, Спб. 1873 г. 376 стр. № 295.

3) См. д-ра Студинскаго—3 кореспонд. Зубр., 25—36 стр. 5 писемъ Максимовича къ Зубрицкому 1840—43 г.

молодежи и младшихъ писателей оказалось немного живого и собственного къ литературно-ученому труду матеріала, нѣтъ ничего удивительнаго, что эти сношенія съ русскими учеными были довольно спорадически и непродолжительны. Кратковременность сношеній была обусловлена еще тѣмъ, что львовскіе литераторы — Зубрицкій, Головацкій и Вагилевичъ были все автодидакты, безъ надлежащей основной школы, слѣдовательно могли только пойти въ ученіе къ своимъ русскимъ знакомымъ, а никакъ не въ ихъ товарищи. Эту сторону своего автодидактизма и отмѣтили — Зубрицкій въ письмѣ къ Погодину, И. Головацкій въ обоихъ письмахъ къ Срезневскому. Я. Головацкій и Вагилевичъ не сдѣлали этого. Послѣдній же, создавши себѣ обширный планъ филологическихъ, историческихъ и этнографическихъ работъ и, не успѣвши сосредоточиться ни на одной изъ нихъ, старался готовые научные выводы другихъ примѣнить къ отдѣльнымъ случайнымъ явленіямъ (Розгорецкія надписи, Мечъ Бужскій), хотя для этого и не было основанія. Совершенно естественно, что въ такихъ условіяхъ переписка съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ и Лукашевичемъ не могла продолжаться; подобно тому, какъ и переписка каноника Лавровскаго съ Кеппеномъ и Востоковымъ должна была прекратиться уже вскорѣ послѣ того, какъ началась.

Итакъ, научные интересы сблизили обѣ стороны, но они же и отчуждали ихъ взаимно: одна сторона оказалась недостаточно подготовленной, чтобы выикнуть и углубиться въ нихъ; другая же проникала и углублялась въ нихъ все больше и больше, въ виду чего и удалялась отъ отставшихъ. Если одну изъ причинъ этого явленія видимъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находилась зарождавшаяся галицкорусская умственная и научная жизнь, такъ другую слѣдуетъ искать въ самихъ дѣятеляхъ. Отсутствие соотвѣтствующей научной подготовки, недостатокъ мѣстныхъ научныхъ изданій и умственныхъ средоточій, недоступность первоисточниковъ и естественная малочисленность интересующихся наукой въ Карпатской Руси не могли ни содѣйство-

вать развитію науки, ни дать выдающихся ученыхъ. Къ этимъ обстоятельствамъ присоединилось пылкое увлеченіе младшихъ галицкорусскихъ писателей, помимо массы научно-литературныхъ вопросовъ, и злободневной политикой. Это увлеченіе отразилось очень вредно на Вагилевичѣ и Головацкомъ, давшихъ до 1848 г. довольно незначительный вкладъ въ русскую науку, а затѣмъ смѣшавшихъ злобу дня съ наукой, что опять не повысило стѣпности ихъ литературныхъ занятій. Старикъ Зубрицкій, вошедши всецѣло въ исторію, далъ значительно тяжелѣе вкладъ въ научную сокровищницу Руси. То же замѣчаемъ и у русскихъ: ученая дѣятельность Погодина прерывается подъ конецъ 40-выхъ гг., когда онъ занялся исключительно политикой; Срезневскій же, Бодянский и Кеппенъ, удалившись отъ политики, продолжали развѣснять горизонты русской науки. — Вслѣдствіе всего этого карпато-русская наука и литература оказалась очень неглубокой, неполной, отсталой и мало интересной, между тѣмъ, какъ русская наука и литература, основываясь на незыблемыхъ, а малообразованнымъ карпаторусамъ недоступныхъ общечеловѣческихъ началахъ, развивалась все больше и выше. Вотъ причины, отчуждившія родоначальниковъ карпаторусской умственной жизни отъ лучшихъ представителей современной имъ Россіи.

Другой знаменательной чертой этихъ сношеній явились племенные симпатіи, проявленныя особенно галичанами при встрѣчѣ съ русскими, сѣверяниномъ Погодинымъ и южаниномъ Срезневскимъ. Оба имъ братья, только Срезневскій ближе и дороже. Эти симпатіи замѣчаемъ у обѣихъ сторонъ, у русскихъ путешественниковъ даже глубже, такъ какъ у нихъ онѣ были соединены съ чувствомъ состраданія къ притѣсняемымъ мадырами угрорусамъ (Кеппенъ, Надеждинъ) и эксплуатируемымъ нѣмцами галичанамъ (Кеппенъ, Погодинъ). Сознаніе племенного родства не соединялось, однако — въ этотъ періодъ сношеній, съ вопросомъ о политическомъ объединеніи, или же съ мыслью о превосходствѣ сѣвернорусскаго племени надъ южнорусскимъ.

Племенной разновидности и равноправности не отрицали и

сѣвернорусы. Кеппенъ, Надеждинъ и Погодинъ смотрѣли на зарождавшуюся карпаторусскую литературу, какъ на естественное и очень отрадное проявленіе умственной жизни отдаленной частицы русскаго народа. Мало того, принимая близко къ сердцу интересы русскаго народа, они старались обратить вниманіе, какъ ученыхъ учреждений, такъ и вѣдающихъ дѣлами русскаго просвѣщенія правительственныхъ сферъ, на важность всесторонняго изученія Карпатской Руси и на необходимость всесторонней поддержки ученыхъ предпріятій первыхъ галицкорусскихъ писателей. Кромѣ этого они же, посредствомъ своихъ статей и книжныхъ посылокъ, немало содѣйствовали ознакомленію галичанъ съ украинскою литературой.

Послѣдствіемъ этихъ заботъ явилось то, что въ широкіе круги русскаго читающаго общества проникли довольно обстоятельныя свѣдѣнія о Карпатской Руси и что ученые спеціалисты завесли изученіе этой страны въ кругъ своихъ занятій. Даже Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло необходимымъ поставить въ виду П. И. Прейсу, командированному 1839 г. с.-петербургскимъ университетомъ въ славянскія земли, что «въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе Русиновъ, столь важное по отношенію къ малороссійскому должно обратить особенное его—славянскаго ученаго—вниманіе»¹⁾. О подобной же командировкѣ въ Галицкую Русь, съ цѣлью обогатить ея словарнымъ матеріаломъ свой малороссійскій словарь, хлопоталъ въ 1839 г. передъ Академіей Наукъ и А. Метлинскій²⁾.

Указанное нами выше прекращеніе сношеній галичанъ съ русскими учеными явилось источникомъ новыхъ знакомствъ, связей и симпатій во 2-ую половину XIX в.—Дѣятели карпаторусскаго возрожденія, подъ вліяніемъ современнаго всеславянскаго

1) См. В. А. Францевъ.—Обзоръ изученій Угорской Руси, 156 стр.

2) См. *Бумаги и дѣла Имп. Акад. Наукъ* 1839 г. № 3, л. 22—23. Академія отвѣтила, что выдастъ пособіе послѣ напечатанія словаря.

умственного движенія, принялись за всестороннее изученіе родины и за посильный трудъ въ пользу родной литературы и національнаго самосознанія. Получивъ смутное понятіе о національной духовной жизни, они старались опредѣлить понятіе «сознательный народный дѣятель-патріотъ». До этого опредѣленія они дошли путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ соображеній—о географическомъ расположеніи и объ политической независимости Карпатской Руси въ старину, о вѣрѣ, объ языкѣ и о всѣхъ свѣтлыхъ явленіяхъ давно прошедшей бывальщины. Нынѣ оказалось не то: много земли было утеряно, и страна давнымъ давно подчинена власти другихъ, и вѣра другая, и языкъ перемѣнился, и свѣтлаго ничего нѣтъ. Это и вызвало у нихъ любовь къ старинѣ, мечты объ ея возвращеніи съ политическимъ и литературнымъ объединеніемъ отдѣльныхъ частей Руси. Съ другой же стороны они вознегодовали на настоящее и почувствовали горечь нераположенія къ виновникамъ паденія родины. Въ то же время нужно было случиться тому, что потомки древнихъ наѣздниковъ на родину стали выступать съ цѣлымъ рядомъ предложеній и даже нововведеній—какъ съ польскимъ абецадомъ на мѣсто кириллицы и гражданки, съ притязаніями на участіе галицкорусскаго народа въ возсозданіи польскаго королевства въ историческихъ предѣлахъ, съ объединеніемъ календарей, съ польскимъ происхожденіемъ южнорусовъ, словомъ съ желаніемъ обезличить Галицкую Русь. Неудивительно, что затаенная горечь все усиливалась, пока въ 1848 г. не вызвала въ Галичинѣ русско-польской-ненависти, вражды и братоубійственной борьбы.

Мечты о свѣтлой старинѣ, любовь внѣшняго блеска и строя государства, національная нетерпимость и самомяніе—вотъ общія черты міровоззрѣнія одной части карпаторусскаго общества и русскихъ славянофиловъ во 2-ую половину XIX в. Близкое родство міровоззрѣній и вызвало—сближеніе, первоначально идейное, а тамъ дружбу и взаимную поддержку обѣихъ сторонъ, и всю роковую цѣпь самыхъ непредвидѣнныхъ и нерѣдко очень вредныхъ для умственного развитія Карпатской и Юго-Запад-

ной Руси событій, составившихъ впоследствии исторію такъ называемой старорусской партіи.

ГЛАВА III.

(Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угрорусскихъ писателей. Отношеніе галицкорусскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство Карпатской Руси съ русской литературой. Заключение—связь рассмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ).

Карпатская Русь была соединена, какъ съ Россіей, такъ и съ православнымъ югославянствомъ, помимо самой церковной книги еще и вышедшимъ отъ нея книжнымъ славянскимъ языкомъ. Правда, этотъ «книжный языкъ» не отличался однообразной стройностью, такъ какъ основывался, несмотря на общепринятую славянами грамматику Смотрицкаго, на отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Но всетаки эти «книжные языки» были столь близки другъ къ другу, что Ломоносовъ могъ правильно заключить въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» (1757 г.), что задунайскіе славяне, «хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходѣе, нежели Польской». Внутреннее же развитіе такого «книжнаго языка» было того рода, что книжники конца XVIII и начала XIX вв. могли повторять за Ломоносовымъ: «По времени же рассуждая, видимъ, что Россійской языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было»¹⁾.

Традиція и современная карпаторусская письменность подтверждаютъ, что помянутые выводы Ломоносова были именно

1) Сочиненія М. В. Ломоносова, изд. Акад. Наукъ, т. IV, стр. 229.

Извѣстія II Отд. И. А. Н., т. XI (1906), кн. 3.

такъ, а не иначе поняты карпаторусами. Традиція передала карпаторусскимъ грамотеямъ славенскій языкъ съ букваремъ, по которому они научились проходить часословець и псалтырь, а за симъ апостолъ и библію; грамотен же лучше проходили послѣ псалтыри и «словенскую грамматику» — какъ этого требовалъ Смотрицкій. Итакъ грамотен знакомились по церковнымъ книгамъ и по словенскимъ грамматикамъ съ «книжнымъ» языкомъ, а не получая въ руки книги небожественной на народномъ языкѣ, за ея рѣдкостью, привыкали думать и другимъ передавать, что книгу слѣдуетъ составлять только «книжнымъ словенскимъ» языкомъ. Тоже предписывала имъ и высшая «грамматическія науки» — риторика, положившая ясно очерченные предѣлы «низкому — tenui, посредственному — mediocri и превыспреннему — sublimi» стилямъ¹⁾.

Слѣдуя этой традиціи, карпаторусская письменность сохранила почти до 30-тыхъ гг. XIX в. преимущественный характеръ славенороссійскаго грамотейства, какъ въ языкѣ, такъ и въ содержаніи. Можно бы, правда, указать на рядъ рукописныхъ поучительныхъ евангелій, церковныхъ гѣсенниковъ, на Катихизисъ еп. Винницкаго 1685 г. и на нѣкоторыя почаевскія изданія (Полѣтика свѣчка, Науки парохіальнія з'славенско-рускаго на простый и посполитый языкъ рускій преложенія), составленныхъ на болѣе или менѣе чистомъ народномъ языкѣ и содержавшихъ кромѣ правственно-богословскихъ элементовъ и гражданскіе. Но эти изданія, согласно духу времени, не должны были появляться въ другомъ «стилѣ», какъ «низкомъ»; они вѣдь предназначались для простонародныхъ массъ, къ которымъ по законамъ риторики на другомъ языкѣ нельзя было обращаться. Письменность для «высшихъ» круговъ и цер-

---

1) А. Мразовича — Руководство къ славенскому краснорѣчію, Будинъ 1821 г. 176—181 стр. — Среди карпаторусовъ было въ обращеніи 400 экз. Руководства: митр. Левицкій выписалъ для львовской митрополіи 200, а епископъ Поповичъ для мукачевской епархіи 200 экз. — См. въ «Руководствѣ» — «Пренумеранты».

ковная продолжала оставаться славенороссійской или же польской, а даже латинской, или нѣмецкой (языкъ дѣловодства консисторій, Ставропигійскаго института — на границѣ XVIII и XIX вв.).

Мало того, школьная традиція, столь рьяно оберегавшая правѣ «книжнаго» языка въ книгѣ, внушала исподволь и поддерживала среди карпаторусскаго «панскаго», т. е. чиновнаго и духовнаго сословія, идею о непригожести «хлопскаго» языка даже въ обиходномъ употребленіи, послѣдствіемъ чего явилось то, что многіе выдающіеся карпаторусы не знали роднаго языка и волей-неволей были принуждены употреблять въ своихъ сочиненіяхъ языки общества и школы — польскій, нѣмецкій и латинскій¹⁾ и вводить въ богослужебныя книги надстрочныя транскрипціи латинкою.

Такое отношеніе къ книжному и простонародному языкамъ нашло себѣ, уже подъ конецъ XVIII в., лучшее выраженіе въ предисловіяхъ къ переводамъ Захарьясевича и Лодія²⁾. По мнѣнію обоихъ переводчиковъ, ихъ славенорусскій языкъ и есть «матерній народный языкъ россійскаго народа» (понятно — Галичины, Лод.), или же «русскій языкъ русскаго народа Галиціи» (Зах.). Несмотря, однако, на это заявленіе о «матернемъ языкѣ», оба профессора-переводчика считали умѣстнымъ извиниться, что въ книгахъ, предназначенныхъ «къ пользѣ юношества Русскаго Галиціанскаго» (Зах.), или же «для пользы учащаго ея юношества Галиційскаго» (Лод.), употребили «выраженій простыхъ».

1) Укажемъ для примѣра на еписк. Бѣлянскаго, Ангеловича, Скородинскаго, каноника М. Гарасевича, д-ра Филиповича, Зубрицкаго (до 1836 г.); о состояніи карпаторусской письменности см. Головацкаго—Дополненіе къ біографіи Ундольскаго и И. Е. Левицкаго—Гал. русскую бібліографію 1772—1800 (Зап. наук. т-ва им. Шевченка 52 т.) и 1800—1861 г. отдѣльнымъ изданіемъ.

2) О. Захаріасевичъ—М. Данненмавра Наставленія історіи церковныя, Львовъ 1790 г. II-ая ч.; П. Лодій—Х. Баумейстера Наставленія любу мудрїа, Львовъ 1790 г.

Болѣе подробно высказались по вопросу о соотношеніи «книжнаго» и «простонароднаго» языковъ угрорусскіе писатели, занимавшіеся исторіей и языкомъ родины. Хотя только одинъ Лучкай, высказался печатно, выводы же Венелина и Бережанина дошли до насъ въ рукописяхъ¹⁾, мы все таки считаемъ возможнымъ объединить эти выводы, какъ по времени (1827—1836 г.), такъ и по ихъ внутреннему родству.

Раньше другихъ опредѣлилъ свое отношеніе къ народному языку въ литературѣ и общественной жизни, Иванъ Бережанинъ въ статьѣ, посланной 1827 г. изъ Вѣны въ Одессу Орлаю. Предпославъ своей статьѣ «Въ обще о различіи Славянскихъ нарѣчій, собственно же о мало ѣ Карпато или Угрорусскихъ краткій обзоръ историческихъ судебъ языка вообще, Бережанинъ говоритъ: «такъ ѣ славянскій съ в'веденіемъ христіанства ѣ обрядовъ церковныхъ изображаемъ, ѣ до той цвѣтущей степени приведенъ есть, въ которой въ большой странѣ Европы еще ѣ нынѣ сваходится» (Мат. 47 стр.). Славянскій языкъ однако, подобно другимъ, распадается на цѣлый рядъ нарѣчій, въ виду чего «инако велико ѣ малороссіан говорить, инако гадаеть и мовить ляхъ . . . ихъ же всѣхъ нарѣчія, на колико едино отъ другаго, и на колико отъ церковнаго ѣ русскаго яко основанія ѣ корене своего отдаленны и отличны суть?» Этими занимались различные ученые отъ Богорича (1584) до Геркеля (1826), онъ же «для показанія и доведенія того: которое съ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій паче иныхъ лучшимъ и изряднѣйшимъ есть? Слѣдующая ради основанія — полагаеть — ѣ убо: въ 1-ыхъ того славянскаго народа бесѣда или нарѣчіе паче иныхъ совершеннѣйшимъ, лучшимъ и изряднѣйшимъ, и церковному яко корени и основанію своему сходнѣйшимъ сказатъ можно, его же бесѣда: въ церкви или богочитаніи, въ гражданскомъ ѣ военскомъ Правительствѣ, ѣ въ пре-

1) М. Лучкай — *Slavo-ruthena grammatica*, Budae 1830 (1), Praefatio; Бережанина статья въ «Матеріалахъ» 46—56 стр.; Венелина статья въ «Матеріалахъ» 86—120 стр.

подавані наукъ въ общихъ училищахъ народныхъ въ употребленіи, слѣдовательно: егоже языкъ дипломатическій есть. По 2-ое паки егоже нарѣчіемъ или бесѣдою богопочитаніе цѣлое гражданское правительство и науки хотяи сочасти только отправляются. По 3-ое того егоже нарѣчіемъ хотяи съчасти набоженство только и науки отправляются. Прочія паки вся таковая нарѣчія и ниже набоженство отправляются, ниже гражданство управляется, ниже науки преподаются, нужно суть простая, грубая, и на- только погубленная, что слышащему я едва porozумить возможно; славянскія ли она, или паче: турско и нѣмецко талианская суть?»

Предоставивъ затѣмъ отдѣльнымъ славянскимъ народамъ испытать по указанному шаблону свои нарѣчія, авторъ «съ любви и ревности къ своему роду, въкратцѣ о мало и карпато или угрорусскомъ нарѣчіи (слѣдующая) преподавъ» спѣшится. Слѣдуетъ краткій обзоръ отличительныхъ чертъ малорусскаго отъ церковнаго и великорусскаго языковъ и отдѣльныхъ малорусскихъ говоровъ, образовавшихся подъ вліяніемъ польскимъ и румынскимъ (Мат. 48—52). Въ виду того, что у славянъ столько разныхъ нарѣчій, произшедшихъ «съ рознаго ползованія и прозношенія само и многласныхъ писмен ради соединенія или хотяи толко болшаго подобія и поразумѣнія, очень ползовало бы писать славянамъ тако подъ сократительными знаками, какъ тое въ церковныхъ книгахъ изобрѣтается, которымъ способомъ сталося бы, да тыяжде имена и слова кійлибѣ ровно писать, произносить же по своему нарѣчію, напримѣръ Бѣъ: Богъ, Бѣгъ, Бѣгъ, Бугъ, Беугъ» и пр. (Мат. 51 стр.). Представивъ затѣмъ образцы угрорусскаго нарѣчія, авторъ статьи говоритъ, что «въ Угросіи ученна и просвѣщенна его часть, юже чинъ духовный, благородны земляне (немешѣ) дяки и учителяе составляютъ писать и говорить чистымъ стариннымъ славянскимъ или руськимъ языкомъ, такъ совершенно и чисто, какъ и самыя великороссіане» (Мат. 54 стр.). На томъ же языкѣ отбывались до 1809 г. всѣ преподаванія во Львовѣ и Ужгородѣ, нынѣ же только нѣкоторыхъ

предметовъ. Въ виду чего «по помянутыхъ нарѣчіяхъ (яко напримеръ сербы по своему) новѣ издавать грамматикѣ, только бы значило, какъ тыя еще болѣе одинаго отъ другаго и кореннаго славянскаго или чистаго русскаго языка отдалять, и кому поспѣшествовать да русскія народы взаимъ себѣ еще мнѣе какъ днесь розумѣють, пишутъ же тако глѣюще; ниже русски, ниже славянски, по французско янгельски, нѣмецко китайски, татаро козатки (!), полско и угорско цигански» (Мат. 55 стр.). Принимая же наконецъ во вниманіе, что русскій языкъ распадается на множество нарѣчій, слѣдуетъ составить нарѣчевой корнесловъ, который и облегчилъ бы взаимопониманіе, какъ русскимъ, такъ и славянскимъ народамъ.

Не мѣсто здѣсь входить въ генезисъ выводовъ Бережанна, на которыхъ отразились, какъ современныя общеграмматическія правила, такъ и попытки славянскихъ грамматиковъ создать общеславянскій языкъ. Для насъ важно одно содержаніе ихъ, которое сводится къ слѣдующему: Славянскій (книжный) языкъ, образовавшійся со временъ введенія христіанства, достигъ нынѣ полнаго расцвѣта. Такъ какъ онъ раздѣлился — подобно другимъ языкамъ, на рядъ нарѣчій, слѣдуетъ опредѣлить, который изъ славянскихъ языковъ самый лучший и развитой. Понятно, что такимъ языкомъ окажется тотъ, который употребляется во всей культурно-общественной жизни народа. Нужно, слѣдовательно, подвергнуть надлежащей критикѣ состояніе отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Авторъ, какъ угроруссиянъ, рассматриваетъ только русскія нарѣчія, не забывая объ отдѣльности простонароднаго малорусскаго отъ великорусскаго и церковнаго языковъ, и приходитъ къ выводу, что нарѣчевыя особенности можно устранить путемъ графическихъ сокращеній, которыя внѣшнимъ образомъ и объединять русскія нарѣчія. Ввиду же того, что довольно многочисленное угрорусское ученое и просвѣщенное сословіе употребляетъ въ письмѣ и словѣ чистый старинный славянскій, т. е. русскій языкъ, слѣдуетъ позаботиться о сохраненіи этого чистаго русскаго языка — не изданіемъ нарѣчевыхъ грамматикъ,

что только удалить племена отъ настоящаго славянскаго (русскаго) языка, лишь изданіемъ полныхъ корнеслововъ.

Выводы Бережанина страдаютъ, повидимому, неполнотой, такъ какъ намъ приходится только изъ контекста заключать о томъ, что языкъ, которому Бережанинъ отдаетъ всякое предпочтеніе, и есть славенорусскій языкъ его статьи и сочиненій славенорусскихъ писателей. Ровнымъ образомъ только вскользь упоминаетъ онъ о томъ, что нарѣчія и говоры славянскихъ, особенно же русскихъ племенъ, являются подраздѣленіями этого книжнаго славенорусскаго языка. Указаніе же на гражданство славенорусскаго языка среди «ученаго и образованнаго» угрорусскаго сословія содержитъ косвенное предписаніе сохранять этотъ языкъ въ письменности. Ясно высказалъ Бережанинъ только требованіе господства одного книжнаго языка у всѣхъ русскихъ племенъ.

У автора славенорусской грамматики, М. Лучкая находимъ болѣе законченную картину соотношенія книжнаго и простонароднаго языковъ. Принявъ, что старославянскій языкъ является матерью славянскихъ языковъ вообще (Graef. VII), Лучкай пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: отдѣльныя нарѣчія, выбившись изъ общей массы родственныхъ («сестеръ») нарѣчій и вытѣснивъ ихъ, проникнули въ науку и общественную жизнь. Это наблюдаемъ въ Россіи, Франціи, Италіи и другихъ странахъ, съ различными нарѣчіями въ народѣ и однимъ господствующимъ нарѣчіемъ въ наукѣ и въ приговорахъ суда. Такое явленіе совершенно естественно: такъ какъ невозможно всѣмъ нарѣчіямъ быть совершенными; если бы, однако, кто-либо пожелалъ сдѣлать ихъ такими, то наконецъ не имѣлъ бы ни одного, или же вскрѣпилъ бы чужія. Подобное произошло у древнихъ славянъ, которые — не будучи литературно объединены — распались на глаголитовъ, уже въ XII в., и поляковъ, чеховъ, русскихъ, сербовъ и хорватовъ, старавшихся образовать свои нарѣчія, — вмѣсто того, чтобы развивать древнеславянскій языкъ. Нынѣ же дошло до того, что даже

незначительныя провинціи, какъ Моравія, Лужица, Каринтія и Карніолія думаютъ о своихъ особыхъ языкахъ. Ввиду этого можно опасаться, что такое отдѣленіе (*separatio*) создастъ много нарѣчій, которыя и будутъ поглощены другими. Вѣдь во многихъ мѣстахъ, гдѣ раньше процвѣталъ славянскій языкъ, нынѣ старшіе едва знаютъ родной языкъ.

Зато какимъ исполномъ среди языковъ явился бы прародитель всѣхъ (славянскихъ) языковъ, древнеславянскій, если бы только онъ одинъ сохранился въ качествѣ книжнаго. Это легко исправимо и достижимо: вѣдь нигдѣ нѣтъ образованнаго книжнаго языка, тождественнаго съ простонароднымъ (*cum plebe communiis*— VII). Будь это такъ, тогда слѣдовало бы заключить, что поселянину врождены тѣ же понятія и идеи, какія достались образованнымъ путемъ ученія и чтенія. Вездѣ нужно литературному языку учиться, только славяне одни стремятся слить литературный языкъ съ простымъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать этотъ языкъ понятнымъ и доступнымъ массѣ.

Авторъ и стоитъ за старославянскій языкъ, какъ литературный, тѣмъ болѣе, что онъ понятенъ его народу и употребляется образованными, ввиду чего онъ даетъ грамматику этого языка. Желая же показать, насколько карпаторусскій языкъ уклонился отъ старославянскаго, съ которымъ его нѣкоторые смѣшиваютъ, онъ обратилъ вниманіе и на карпаторусскія нарѣчевыя особенности. Слѣдуетъ добавить еще и то, что по мнѣнію Лучкая — карпаторусскій (*ruthenica*) языкъ не тождественъ съ русскимъ (*russica* — XII).

Дальше обонхъ земляковъ, Бережанина и Лучкая, пошелъ Венелинъ. И по его мнѣнію южнорусскій языкъ, къ которому принадлежитъ и карпаторусскій, отличается отъ сѣвернорусскаго, будучи съ нимъ равноправнымъ нарѣчіемъ русскаго (идеальнаго, кажется, а никакъ не нынѣшняго литературнаго). И ему не вралась раздробленность «кореннаго» народа на племена и нарѣчія,

создающія карантинны мысли и образованности, ввиду чего онъ и не одобрялъ такъ называемаго украинскаго правописанія и стоялъ за одиакъ литературный языкъ для всей Руси.

Дальнѣйшіе выводы Венелина отдѣлили его, однако, отъ Бережанина и Лучкая громадною пропастью. Послѣдніе стояли за литературное объединеніе на почвѣ давно отжившаго и видоизмѣнившагося старославянскаго искусственнаго языка, чѣмъ и присоединились къ школѣ славенороссійскихъ грамотеевъ, съ ихъ лучшимъ представителемъ А. С. Шишковымъ¹⁾ во главѣ. Венелинъ же, на основаніи хорошаго знакомства съ историческимъ развитіемъ русской литературы, понялъ сразу безуспѣшность и мертвенность подобнаго направленія и сталъ въ защиту живого литературнаго языка и правописанія. Но и здѣсь сказался въ немъ тонкій знатокъ: нынѣшній русскій литературный языкъ принадлежитъ особенно сѣвернорусамъ, ввиду чего и справедливо назвать его «русскимъ языкомъ *par excellence*. Но правописаніе принятое русскою литературою принадлежитъ не одной Сѣверной Руси, но и Южной: поэтому оно Русское не *по преимуществу*, но общерусское» (Мат. 111), будучи созданнымъ преимущественно южнорусскими писателями XVII—XVIII в. А такъ какъ правописанію предстоитъ сдѣлать отдѣльныя нарѣчія и племена въ одно цѣлое, оно и должно быть постоянно и повсемѣстно. Это поняли разные народы, которые, хотя «по несчастью разбиты на нарѣчія, но по щастью стремятся обобщить

---

1) См. его — *Разсужденіе о старомъ и новомъ словъ російскаго языка*. Спб. 1808 г. Вліяніе Шишкова можно замѣтить у Лучкая и Бережанина, выводы которыхъ напоминаютъ намъ слѣдующее мѣсто статьи Шишкова: «Древній славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало російскаго языка, который самъ собою всегда изобилень былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами заимствованными отъ сроднаго ему ελληνскаго языка, на коемъ витѣствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосеены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники» 2 стр. Очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ общимъ вліяніемъ статьи Ломоносова — «О пользѣ книгъ церковныхъ».

сплавить однимъ нарѣчіемъ свои разросшіеся члены и вѣтви. А это стремленіе происходитъ изъ чувства самосохраненія, усиленія себя, упроченія своей независимости, своего счастья. Въ подтвержденіе этого положенія Венелинъ ссылается на высокую степень культурнаго развитія французовъ съ однимъ литературнымъ языкомъ (7-ми миллионнымъ нарѣчіемъ) для всего народа (32 мил.) и на некультурность немногочисленныхъ чухонцевъ, разбитыхъ на нѣсколько нарѣчій. Сопоставивъ же цифры населенія съ цифрами нарѣчій отдѣльныхъ народовъ, Венелинъ пришелъ къ выводу, что «самый развитый есть Русскій народъ, который заключаетъ въ себѣ болѣе 42 миллионъ и только два нарѣчія», легко понятныя обоимъ племенамъ (Мат. 118).

Считалъ ли Венелинъ это требованіе литературнаго единенія южанъ съ сѣверянами обязательнымъ и для карпаторусовъ, трудно опредѣлить, такъ какъ въ относящихся сюда статьяхъ рѣчь идетъ преимущественно о Кіевской и Московской Руси, объединенныхъ и политически уже съ пол. XVII в., чему онъ придавалъ большое значеніе. Въ случаѣ, однако, если бы Венелинъ, несмотря на вѣковую политическую и культурно-общественную обособленность и исключительность Карпатской Руси, предписывалъ и ей — еще въ самомъ началѣ умственнаго движенія — примкнуть къ живой сѣвернорусской литературѣ и наукѣ, какъ къ общерусской, то это слѣдовало бы считать — по крайней мѣрѣ — естественнѣе, цѣлесоотвѣтственнѣе и легче осуществимымъ, чѣмъ уродливыя теоріи его земляковъ — современниковъ о «древнеславянскомъ» и «славенороссійскомъ» языкахъ.

Между тѣмъ послѣднія теоріи плѣнили многихъ карпаторусскихъ грамотеевъ начала XIX в. и поработили на долгое время свободную мысль, живое слово и умственное движеніе страны. И понятно, что иначе не могло быть, разъ часть трудоспособныхъ и одаренныхъ писателей замкнула умственную жизнь народа въ узенькія границы отжившаго и изуродованнаго «старославянскаго» языка и его письменности, вмѣсто того, чтобы пре-

доставить самой жизни законное право охватывать все болѣе и болѣе широкіе предѣлы¹⁾.

Среди галицкорусскихъ писателей первой полов. XIX в. не было двухъ мнѣній о соотношеніи галицкорусскаго — вмѣстѣ съ южнорусскимъ языкомъ — къ сѣвернорусскому. Всѣ они соглашались въ томъ, что это два отличныхъ народныхъ языка, объединенныхъ до XV в. общей письменностью, до настоящаго же времени однимъ письмомъ; вообще же сродненныхъ общимъ происхожденіемъ. О подчиненности одного языка другому въ то время и помину не было. Наоборотъ — мнѣніе Шевырева о галицкорусскомъ языкѣ, какъ «польско-русскомъ нарѣчій» (Москвит. 1841 г. 507 стр.), вызвало со стороны Іос. Левицкаго рѣшительное опроверженіе въ Jahrbücher Іордана 1844 г. (183 стр.). Къ извѣстной же теоріи Погодина о кievскихъ великорусахъ И. Я. Головацкій, несмотря на свое русофильство, отнесся въ письмахъ къ брату Якову довольно иронически²⁾.

Это единомысліе галицкихъ писателей насчетъ взаимоотношенія обоихъ русскихъ нарѣчій не объединило, однако, ихъ мнѣнія о значеніи народнаго языка въ культурномъ развитіи страны. Одна часть, о которой было выше упомянуто, стояла за строгое

1) Лучшую характеристику этихъ галицкорусскихъ «славенскихъ писаній» далъ Максимовичъ въ «Кіевлянинѣ» 1841 г. 134—141 стр.

2) Обращая вниманіе брата Якова на статью Погодина во 2-омъ вып. «Извѣстій Акад. Наукъ» 1856 г., И. Головацкій писалъ ему: «тотъ москвичъ дерзнулъ утверждать, будто до пришествія татаръ не было малороссіянъ въ Кіевѣ, и что нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія въ Несторовой и проч. лѣтописяхъ!! Но зато нашъ старикъ Максимовичъ рописался въ «Русской Бесѣдѣ» III кн. и рѣшительно опровергнулъ это литературное заблужденіе... Досталось тамъ Погодину хорошо на его долю, за его Ultraпатріотизмъ». — См. Студинскій—Кореспонд. Я. Головацкаго, 350—1 стр. Письмо И. Г.—аго отъ 26 апр. 1857 г. — На 354 стр. въ письмѣ отъ 4 мая 1857 г. И. Г.—ій доноситъ брату: «Погодинъ написалъ въ IV книгѣ (Рус. Бес. 1856 г.—авт.) реплика—но такъ слабо и ничтожно доводитъ свою догадку, что невольно вспомнишь пословицу: Не мавъ волкъ чинъ, та лыкомъ».

отдѣленіе книжнаго отъ простонароднаго—мужицкаго и, по вѣковой традиціи, предлагала въ качествѣ перваго доморощенный славенскій языкъ. Къ нимъ принадлежали такіе строгіе послѣдователи возвышеннаго стиля, какъ Семашъ, Лѣсенецкій, Іос. Левицкій въ переводахъ, цензоръ Вен. Левицкій и церковная іерархія.

Причина этому преклоненію предъ искусственнымъ «книжнымъ языкомъ» слѣдуетъ искать въ школьной традиціи, своеобразномъ аристократизмѣ галицкорусскаго общества и въ подобострастномъ почитаніи языка и буквы священныхъ церковныхъ книгъ. Школьная традиція и почитаніе церковной книги поддерживали дольшее время господство «книжнаго языка», а своеобразный аристократизмъ вложилъ въ уста галицкорусскому мелкому обществу польскую рѣчь шляхты, нѣмецкую чиновничества и латинскую богословія. Искусственность зарождавшейся галицкорусской письменности была обусловлена еще тѣмъ, что она образовалась преимущественно семинарской молодежью, находившейся—во всѣхъ отношеніяхъ—подъ бдительнымъ надзоромъ духовнаго начальства. Послѣднее же—въ силу присущихъ ему понятій—считало указаннымъ отнестись онекунски ко всякимъ «новымъ» начинаніямъ. Оно не одобряло и участія семинаристовъ въ тайныхъ галицкопольскихъ кружкахъ; возстало черезъ своего цензора В. Левицкаго и противъ задуманнаго Шашкевичемъ и товарищами 1835 г. альманаха «Зоря» за гражданку, народный языкъ и полуфонетическое правописаніе; конфисковало въ 1839 г. «Оду архика. Францу Карлу», напечатанную А. Могильницкимъ гражданкою и запретило въ 1844 г. перепечатанье «Маруси» Основяненка по причинѣ «правописанія та украинскихъ словъ галичанамъ, якобы, непонятныхъ ¹⁾».

1) См. письмо Я. Головацкаго къ И. Срезневскому отъ 8 авг. 1844 г. въ «Матеріалахъ» 174 стр.; его же воспоминанія въ «Наук. Сбор.» 1886 г.; Іос. Левицкаго — *das Schicksal d. gal.-ruthenischen Sprache* въ *Jahrbücher* Іордана 1844 г. и статью *Hawryła Rusyna* (Я. Г—аро) — *Zustände der Russinen in Galizien*, тамъ же 1846 г.

Мало того, то же духовное начальство, вмѣстѣ со старшимъ духовенствомъ конца XVIII и начала XIX в., не очень то одобряло употребленіе простаго слова на мѣсто польскаго въ церковной проповѣди, несмотря на то, что пѣтическія и риторическія предписанія XVIII в. ясно допускали «деревенскій мужицкій слогъ» въ комедію, низшій родъ літературы и въ рѣчи къ простонародью. Если же это неодобрительное отношеніе церковной іерархіи къ простонародному языку продолжалось и послѣ 1850 г., то одну изъ главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ видѣть въ нежеланіи наивысшей церковной власти вводить въ церковь «*plebeum sermonem*»¹⁾. Вотъ почему капеланъ митрополита Левицкаго — А. Петрушевичъ обратился, по его же порученію, къ Я. Головацкому въ апрѣлѣ 1855 г. съ предложеніемъ: перевести папскую буллу «нашею рѣчею, т. е. *благородною книжною*, но никакъ *мужицковскою*, чему сопротивляется уже сама важность предмета; подъ свободнымъ переводомъ надо понимать приличное соблюденіе отличительныхъ свойствъ русскаго языка и его словосочетанія, для избѣжанія латинизмовъ»²⁾.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что среди такихъ обстоятельствъ — у большинства защитниковъ правъ простонароднаго языка въ зарождавшейся галицкорусской літературѣ не могло появиться достаточно силъ, чтобы окончательно отвести ему надлежащее мѣсто. Вдобавокъ и познанія по языку были у начинавшихъ галицкорусскихъ писателей слишкомъ незначительны и случайны, чтобы можно было — на ихъ основаніи — заняться болѣе успѣшной літературно-филологической работой. Вотъ причины, почему Могильницкій, Левицкій, Вагилевичъ, Лозинскій и Головацкій³⁾ не успѣли дать своимъ современникамъ хорошую гра-

1) См. Die ruthenische Schrift- und Sprachfrage, Львовъ 1861 г. 50—1 стр. Письмо кардинала Франсои 1851 г. отъ имени папы Пія IX къ митрополиту Левицкому.

2) См. Студинскій — коресп. Я. Голов. 194 стр.

3) І. Могильницкаго — возраженіе львовской губерніи 1818 г. на замѣчаніе, будто въ гал.-русскихъ приходскихъ школахъ учатъ великорусскому (*gussisch*) языку, и доказательства, что гал.-рус. и малороссійскій языки независимы отъ

матику народнаго языка и надлежащее понятіе объ его значеніи въ новомъ умственномъ движеніи.

Такъ Могильницкій говорилъ въ одной и той же статьѣ о самобытности галицкорусскаго языка по отношенію къ старославянскому и сѣвернорусскому, но одновременно указывалъ на отличіе книжнаго языка отъ простонароднаго, считая южнорусскій книжный языкъ XVI—XVIII вв. почти тождественнымъ съ нынѣшнимъ живымъ. — По мнѣнію Левицкаго (Gram. X) литература южнорусовъ была обща и сѣвернорусамъ до XV в.; тогда то оба племени употребляли одинъ церковно-славянскій языкъ, какъ въ переводахъ съ греческаго, такъ и въ оригинальныхъ сочиненіяхъ — преимущественно религіознаго содержанія. Тотъ же граматикъ стоялъ за употребленіе книжныхъ формъ, общихъ церковно-славянскому и славяно-русскому языкамъ; за Максимовичемъ же онъ защищалъ одно общее правописаніе для обѣихъ вѣтвей русскаго народа.

Отношеніе Вагилевича къ сѣвернорусскому языку опредѣляется лучше всего его общерусскими симпатіями и идеями. Считая южанъ и сѣверянъ «сивами святой Руси» (Письма 627 стр.), галичанъ даже «внѣ Руси обитающими» (Переписка Восток. 376 стр.) и, видя въ трудѣ «про величіе прежнихъ вѣт-

церк.-слав. и великорусскаго языковъ—въ М. Nagaiewicz: *Annales ecclesiae ruthenae* 998 стр.; тѣ же выводы относительно самобытности гал.-русскаго языка были повторены Могильницкимъ въ отношеніи въ губернію по дѣлу слав.-русскаго посланія 1821 г. (*ibid.* 1000—1006 стр.) и въ *Rozprawie o języku ruskim* (Сзасорізм наук. 1829 г., Ж. М. Н. Пр. 1838 г. I в отдѣльной брошюрѣ во Львовѣ 1848 г.).

Іос. Левицкаго — *Grammatik der kleinrussischen Sprache* 1834 г.; Доля галицкорусскаго языка въ «Денницѣ» 1843 г. 45 стр. и въ *Jahrbücher* Юрдана 1844 г.

И. Вагилевичъ—*Gramatyka języka małoruskiego w Galicyi*, 1845 г.

І. Лозинскаго—*Gramatyka języka ruskiego*, 1846 г. и брошюра «О образованію языка русскаго», 1849 г.—См. объ этихъ граматикахъ работу д-ра О. Маковея — Три галицкіе грамматики, Льв. 1903 г. изъ 51-аго т. Записокъ наук. т.—ва ім. Шевченка.

Я. Головацкаго — *Zustände der Russinen*, 1846 г. и *Rozprawa o języku* южнорускомъ и его нарѣчіяхъ, Льв. 1849 г.

цѣв и своѣх сокраян» (Пис. 627) и на пользу «для русскихъ вообще» (Перепис. 376) — цѣль жизни, ввиду чего труды «Русина. . . тамъ (scil. Россія) появлятися повинни и хосень приносятъ» (Пис. 641), Вагилевичъ повидимому относился къ обоимъ русскимъ нарѣчіямъ, какъ равноправнымъ дѣтищамъ Руси. На основаніи этого онъ и оперъ свою малорусскую грамматику на великорусскія Греча и Востокова (Грамм. XXII), позаимствовавъ у нихъ много формъ склоненія и спряженія.

Хотя Лозинскій стоялъ за чистый народный языкъ въ галицкорусской литературѣ и устранялъ такимъ способомъ пеструю искусственность флексійныхъ формъ, замѣчаемую у Левицкаго и Вагилевича, онъ не могъ, однако, не признать за великорусскимъ языкомъ извѣстныхъ преимуществъ въ отношеніи къ южнорусскому. Итакъ — онъ ясно сознавалъ, что «самая большая часть Руси находится подъ вліяніемъ великорусскаго языка, какъ государственнаго. Въ силу чего этотъ языкъ со временемъ больше другихъ повліяетъ на южнорусскій» (Грамм. XXI), что, впрочемъ отчасти уже и сказалось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей и въ нарѣчійъ самыхъ восточныхъ малорусовъ, освободившихся отъ полонизмовъ (ibid. 126). Въ виду же того, что простонародный языкъ не изобилуетъ большимъ запасомъ словъ, писателю приходится создавать новыя слова изъ народнаго корня, или изъ самыхъ близкихъ южнорусамъ нарѣчій, великорусскаго и польскаго, болѣе близкихъ имъ, чѣмъ церковно-славянскій (ibid. XXXIV—V). Наконецъ, по мнѣнію Лозинскаго, южнорусамъ слѣдуетъ употреблять этимологическое правописаніе, дѣлающее «намъ великорусское письмо болѣе понятнымъ, чѣмъ ихъ языкъ, особенно окрестностей Москвы» (ibid. XL, выноска). — Такое отношеніе Лозинскаго къ сѣвернорусскому языку подсказало ему въ статьѣ «О образованіи языка русскаго» слѣдующее положеніе: «Кто вѣдразу з нашего языка радбы образованный мати, той подобный тому, щобы хотѣв овощи перед цвѣтемъ щибати. . . Едныи чипаються російскаго языка, но тим прислуги своему народови не дѣлаютъ. Наша лѣтература про то е

зубожила, же рускіи таланте в польским, россійским або нѣмецким писали и пишутъ языкѣ, а не в своим власным. Другіи берут и слова и формы будь з церковного, будь з россійского нарѣчія и без всякого примѣреня творятъ якійсь языкъ новыи, которымъ еще никто не говоривъ и мабуть никто говорить не буде. Така мѣшанина не пріймется в народѣ, и не поможетъ до образованя языка, ено затамуе поступъ его» (5 стр.).

Мнѣніе Я. Головацкаго въ этомъ отношеніи было еще болѣе опредѣленнымъ и категоричнымъ. Въ статьѣ «Zustände der Rusinen» онъ говоритъ, что сѣвернорусскій книжный языкъ понятенъ каждому образованному южнорусину постольку, поскольку опирается на церковно-славянскій и малорусскій языки; только разговорный славяно-русскій языкъ слѣдуетъ раньше изучить, чтобы его понимать (4 стр.). Пренебрежительное же, а подчасъ и враждебное отношеніе Россіи къ возникающей малорусской литературѣ, подвергнутой уже безъ этого слишкомъ сильному вліянію великорусской литературы (3 и 21 стр.) послужило Головацкому доказательствомъ тому, что Галицкая Русь не можетъ тяготѣть къ Россіи (20 стр.). Съ другой же стороны, Головацкій указалъ Австріи на ея прямую обязанность и выгоду поддерживать возникающую малорусскую литературу. Съ защитой полной самобытности южнорусскаго языка Головацкій выступилъ въ «Росправѣ». — Тѣ же политически-литературныя соображенія въ пользу самобытнаго развитія малорусскаго, относительно же галицкорусскаго языка, подѣ покровительствомъ Австріи высказали въ 1859 г. и члены азбучно-языковой комисіи Я. Головацкій, Куземскій, Литвиновичъ, Малиновскій и Яновскій¹⁾.

Чтобы уже разъ пресѣчь эту язычную путаницу, ознамено-

---

1) См. Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage, Льв. 1861 г. — Выводы этой книжки очень интересны: во-первыхъ, какъ свидѣтельство филологическихъ познаній у видѣйшихъ представителей «Галицко-русской Матицы»; во-вторыхъ же, какъ сводъ ясно сложившейся въ то время программы, такъ называемой старорусской партіи.

вавшую новое умственное движеніе Галицкой Руси, созывавшіе «Зъѣздъ ученыхъ русскихъ во Львовѣ» (12—26 окт. 1848 г.) вѣнчили ему въ главную задачу — «высвѣтити рѣжицу мовы нашой ѡдъ языка старославянського, такоже ѡдъ російского и ѡдъ польского»¹⁾. Филологическая комисія «Зъѣзда», исполняя это требованіе, поручила Я. Головацкому прочитати въ полномъ собраніи «Зъѣзда» извѣстную «Росправу», доказывавшую полную самостоятельность южнорусскаго народа и языка. — Несмотря однако на это мнѣніе о самобытности, «Зъѣздъ ученыхъ русскихъ» не отрицалъ и родства обоихъ русскихъ племенъ. Предсѣдатель исторической секціи А. С. Петрушевичъ указалъ на то, что «нельзя никогда пренебрегати тую тѣсную связь, которая насъ до половины XIV в. получала съ однокровными и одновѣрными нашими братьями, нельзя пренебрегати тое ѡтношеніе, въ якомъ Русь наша стояла до цѣлой еще самобытной Руси . . . а черезъ все наше Ляхолѣтіе. Конечно намъ есть неустанно передъ очима имѣти постепенное наше ѡтчужденіеся сперва политическое, послѣ же и религіиное ѡтъ прочей Руси . . . Такимъ то только образомъ розкрывается передъ нами все наше прошедшее и мы легко понимати станемъ положеніе наше теперешное и ѡтгадаемъ будущую нашу судьбу»²⁾. — На необходимость культурной связи съ Россіей указала и философски-естественная секціа «Зъѣзда», когда рѣшила выписати нужныя книги и сочиненія по своимъ предметамъ изъ Россіи³⁾. — Наконецъ, училищная комисія, опредѣливъ ввести преподаваніе «великорусскаго нарѣчія» во 2-ой классъ гимназій⁴⁾, этимъ самымъ отмѣтила громадное значеніе этого языка для Галицкой Руси.

1) Зоря Галицка, 1848 г. № 17: «Запрошенье ученыхъ русскихъ на зъѣздъ до Львова».

2) Я. Головацкаго — Историч. очеркъ основанія гал.-рус. Матицѣ, Льв 1850 г., LXXIV стр.

3) Ibidem LXVIII стр., 3 пунктъ.

4) Ibidem XCIV—V стр.

Умственное движеніе отдѣльныхъ славянскихъ племенъ начала XIX в., создавшее—въ силу племенного родства, культурно-исторической традиціи и общихъ культурно-національныхъ интересовъ—мощную струю славянскаго возрожденія, могло бы получить то же общее названіе и на основаніи однихъ внѣшнихъ чертъ. Думаемъ здѣсь о томъ: какъ многіе выдающіеся славянскіе дѣятели конца XVIII и начала XIX в., несмотря на свою горячую любовь къ народу, не вѣрили въ возможность созданія такъ называемой національной литературы, въ модерномъ значеніи; какъ тѣ же дѣятели своими славеносербскими, нѣмецкими и латинскими (Раичъ, Добровскій) сочиненіями клали прочныя основанія подъ величественное зданіе какъ разъ національныхъ литературъ; какъ другіе—въ заботѣ о свѣтломъ будущемъ родины—старались найти опору и вѣрный залогъ этому будущему въ славянофильствѣ, особенно же русофильствѣ, политическомъ и культурно-языковомъ. Последнее и было причиною, что вопросъ объ одномъ языкѣ, особенно же общеславянскомъ письмѣ (кирилскомъ, кирилско-латинскомъ и латинскомъ), волновалъ чуть-ли не до послѣднихъ дней славянскія земли. Съ другой опять стороны, почти одновременно съ этими центро-стремительными усиленіями славянъ, начинаютъ проявляться и центробѣжныя силы, стремившіяся создать независимую самостоятельную культуру не только цѣльныхъ народностей, но и ихъ мелкихъ разновидностей (словенцы, хорваты, сербы, словаки, чехи, обѣ Руси). Всѣ указанныя черты славянскаго возрожденія замѣчаемъ и у карпаторусовъ.

Такъ — Гарасевичъ, историкъ униатской церкви и Зубричкій, первый историкъ Карпатской Руси, писали, первый — по латыни, другой — по польски и нѣмецки; первый галицкій языковѣдъ Могильницкій писалъ по польски и нѣмецки. Всѣ карпаторусскія грамматики до 1846 г. появились не на народномъ языкѣ. Сами же грамматики народнаго языка, Лучкай и Левицкій, относились очень скептически къ его будущей роли въ литературѣ. Желая же сохранить вѣковую внѣшнюю связь юговосточныхъ

славянскихъ письменностей, они—вмѣстѣ съ рядомъ другихъ—выступили съ защитой церковно-славянскаго языка, какъ письменнаго.

Если мечты объ искусственномъ славенорусскомъ языкѣ въ литературѣ, несмотря даже на ихъ прозябаніе и по нынѣшній день, явились неосуществимыми и мало привлекательными, то движеніе въ пользу живого сѣвернорусскаго литературнаго языка, какъ одно изъ проявленій русской центростремительной силы, должно было завладѣть на долѣе время умами многихъ карпаторусскихъ дѣятелей. Въ обоихъ случаяхъ все дѣло заключалось въ желаніи найти прочную опору и основу культурному развитію небольшого уголка русской земли—Карпатской Руси. Выводы угрорусовъ, вся дѣятельность Зубрицкаго и его одномышленниковъ (обоихъ Головацкихъ послѣ 1850 г., Гупалевича, свщ. Синеводскаго, Сокульскаго, Раковскаго, Петрушевича¹⁾) свидѣтельствуютъ лучше всего о такомъ, а не другомъ зарожде-ніи общерусскихъ идей въ Карпатской Руси.

Идея объединенія русскихъ племенъ не была чуждой и защитникамъ полной самобытности южнорусовъ. Лозинскій, Вагилевичъ, члены «Зѣзда ученыхъ русскихъ во Львовѣ» не отри-

1) См. Корреспонденцію Я. Головацкаго, изъ которой слѣдуетъ, что одна часть галицкорусскаго общества оставалась подъ мощнымъ впечатлѣніемъ быстро развитія русской литературы, науки и государственности.

Д. И. Зубрицкаго считаютъ многіе главнымъ врагомъ народнаго языка въ литературѣ. Судя по письмамъ З—аго къ Погодину, начиная съ 1851 г., это казалось бы доказаннымъ, такъ какъ онъ выступалъ противъ «схоладкопольскаго» языка галицкорусской литературы (Письма 586, 608 стр.) и былъ противникомъ раздвоенія русскаго языка (idib. 612—14, 659—60 стр.). Здѣсь З—ій явился выразителемъ той центростремительной силы, о которой мы и говоримъ. Врагомъ языка роднаго народа онъ, однако, не былъ: въ письмѣ къ Я. Головацкому отъ 22 іюня 1847 г. онъ поощрялъ его заняться «составленіемъ идіотикона словъ и изреченій малорусскаго языка, не употребляемыхъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ... Это очень важный трудъ и славу сочинителю сулитъ». Въ письмѣ же отъ 2 марта 1848 г. старикъ писалъ, что согласенъ стать редакторомъ «журнала Галицкой Пчелы на нашемъ діалектѣ... хотя едва двѣ или три строки писалъ на малорусскомъ нарѣччіи» и принесетъ свое спокойствіе и старческое здоровье въ народную пользу.—См. Я. Головацкаго: Забѣтки и дополненія, 71—72 стр.

цали, ни родства и близости южанъ и сѣверянъ, и не сопротивлялись культурно-научной общности обоихъ племенъ, стояли за вѣдшее ореографическое единеніе южнорусской литературы съ сѣвернорусской и даже находили позволительнымъ и правильнымъ кое-чѣмъ позаимствоваться у сѣверянъ.

Однимъ словомъ—старославянщина, общерусскость и народничество, столкнувшіяся въ періодъ карпаторусскаго возрожденія и вошедшія въ основанія культурно-національной жизни страны, явились не только глухимъ отзвукомъ современнаго славянскаго возрожденія, но и естественнымъ послѣдствіемъ всей предыдущей жизни страны. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ и желаніе первыхъ галицкорусскихъ писателей освободить родную рѣчь отъ полонизмовъ, вошедшихъ и входящихъ въ нее. А такъ какъ, по современнымъ филологическимъ выводамъ Ломоносова, Греча и Шевырева, южнорусскій языкъ подвергся особенно сильной полонизаціи, ввиду чего Гречь и Шевыревъ считали его польско-русской смѣсью, нечему удивляться—что одни галичане (Зубрицкій) высказались за «чистый» русскій языкъ, другіе же за болѣе свободный отъ полонизмовъ языкъ украинскихъ писателей (Лозинскій). Если же прибавить къ этому общее всѣмъ галицкорусскимъ возрожденіямъ желаніе, оказать извѣстный отпоръ польскимъ притязаніямъ на южнорусовъ, какъ на польское племя, мы убѣдимся, что у нихъ было слишкомъ много причинъ мечтать о славянскомъ литературномъ единеніи, думать и пытаться создать одну русскую культуру и стремиться къ южнорусскому единству. О политическомъ объединеніи не могло быть и рѣчи, такъ какъ австрійское правительство слѣдило слишкомъ зорко за политическимъ славянофильствомъ, да и въ Россіи оно не пользовалось довѣріемъ правительства. Литературно-языковое единеніе было единственно возможнымъ и естественнымъ проявленіемъ общерусскихъ стремленій у галичанъ.

Наконецъ—восторженное преклоненіе первыхъ чешско-славянскихъ писателей, Добровскаго, Пухмаера, Юнгмана и Ганки передъ русскими языкомъ, литературой и письмомъ; изобиліе

русскихъ историческихъ, этнографическихъ и филологическихъ трудовъ первостепенной важности и для южнорусовъ; участіе такихъ выдающихся украинцевъ, какъ Максимовичъ, Гоголь, (Срезневскій), Бодянский и (Костомаровъ) въ русской наукѣ— были для карпаторусскихъ поклонниковъ славяно-русскаго языка лишнимъ стимуломъ, стоять за его права и въ карпаторусской литературѣ. Что и эти стремленія насадить въ Карпатской Русі славяно-русскій языкъ въ качествѣ общерусскаго литературнаго, не увѣнчались успѣхомъ — неудивительно, такъ какъ семья, школа, общество, политическая и вся культурно-національная жизнь не поддержали ихъ¹⁾.

Какъ ни мало доступна была русская книга австрійскимъ славянамъ²⁾, еще же менѣе галичанамъ³⁾, она все-таки попадала въ Карпатскую Русь и дѣлала свое дѣло.

Первоисточникомъ знакомства Карпатской Русі съ русской книгой нужно считать труды Добровскаго⁴⁾, содержавшіе луч-

1) Судьбы этого движенія послѣ 1848 г. до 1862 г. изобразилъ очень рельефно проф. К. Студинскій въ предисловіи къ «Корреспонденціи Я. Головацкаго»; общую характеристику галицкой азбучно-языковой распри находимъ въ сочиненіи О. Терлецкаго — Галицко-руське письменство 1848—1865 р., стр. 47—78.

2) См. А. Кочубинскаго—Нач. годы рус. слав. 220—2 стр.; кромѣ этого жалобы на громадныя затрудненія при полученіи и на дороговизну русской книги въ письмахъ Шафарика къ Бодянскому и Погодину, Колара къ Кешпену (Сазор. 1904 г. III—IV, стр. 245—6).

3) О торговлѣ русскими книгами въ Австріи и Галичинѣ сообщилъ очень интересныя данныя Ф. И. Свистунъ въ «Вѣстникѣ Народ. Дома» 1904 г. № 255—6, 1783—7 г. письма П. Княжевича «илирическаго и валахійскаго книжлаго лиферанта и города Землина Бургера» къ ректору львовской семинаріи Шавницкому; № 257—8 сношенія Я. Головацкаго съ книготорговцами Кіева и Сиб. послѣ 1848 г.

Дѣянна Добровскаго 1842 г. 256 стр.—жалобы І. Левицкаго; *Литератур. Сборникъ* а.-р. Мат. 1885 г.—въ воспоминаніяхъ Я. Головацкаго и въ автобіографіи І. Лозинскаго.

4) *Literarische Nachricht*... 1796 г. 100—115 стр., *Slavin* 1808 г., *Slovanka* 1814 и 1815 г., Предисловіе въ Пухмаера—*Lehrgebäude der russischen Sprache*, 1820 г.

шіе своды русскаго научнаго движенія. Затѣмъ — переводы, нѣмецкій исторіи Карамзина и польскій литературы Греча, Исторія славянскихъ литературъ Шафарика и довольно подробные обзоры русскаго ученаго движенія въ *Ramiętniku Warszawskim* и львовскихъ *Rozmaitościach*, что все было легко доступно первымъ представителямъ галицкорусскаго возрожденія, Лавровскому, Гарасевичу и Могильницкому.

Первыми русскими книгами, обратившими на себя ихъ вниманіе были труды митр. Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, Карамзина, Сопикова и Калайдовича. Когда же стали появляться *Satoris* (1831), *Денница* Дубровскаго (1842), *Jahrbücher* Йордана и *Кіевлянинъ* Максимовича — источниковъ знакомства галичанъ съ русскою книгой оказалось очень много. Такъ какъ цѣна на русскую книгу оказалась слишкомъ дорогою, галицкорусскіе писатели стали получать ее въ обмѣнъ на старинную славянскую и новую галицкую книгу, или же въ подарокъ отъ русскихъ ученыхъ — Погодина, Бодянскаго, Срезневскаго и Максимовича; пріобрѣтать пришлось имъ сначала очень немногое. И свои помнили о родинѣ — Орлай и Лодій снабдили русскими книгами львовскую и пряшевскую монастырскія бібліотеки.

Русская книга шла во Львовъ по почтѣ; со времени же посѣщенія Погодинымъ Галичины черезъ бродскаго комиссіонера Гартенштейна, черезъ проѣзжихъ русскихъ и на Прагу черезъ Шафарика¹⁾ и Ганку; наконецъ же — по свидѣтельству свщ. І. Яновича — и контрабанднымъ путемъ на Почаевъ²⁾.

Первое свидѣтельство о знакомствѣ галичанъ съ русскою

1) Отъ Бодянскаго — см. *Письма Шафарика* 62, 70, 74—6 стр.

2) См. д-ра К. Студинскаго — *Кореспонд. Я. Головац.* 257 стр. письмо свщ. Яновича изъ Бродовъ отъ 24 февр. 1856 г., въ которомъ читаемъ: «иои Парохіани которіи зпроваденіємъ книжокъ Почаевскихъ трудилися, одъ року прагѣ осѣли и боятса также удатися и преицтвомъ заниматися, а притомъ естъ родзан Лудей горшгъ Іевреіовъ, же собѣ цѣну поднесли за свои труды, бо теперь въ Россіи дуже остро берутъ; въ стичности будучи зъ Надзирателями мусятъ Імъ платити, и такъ жаденъ не хочеть затруднити ся, аби спровадити желемиі книжки».

книгой находимъ въ «Запискахъ» Кеппена (см. Матеріалы). Изъ нихъ узнаемъ, что намѣстникъ львовскихъ Василианъ Гриневецкій и каноникъ Гарасевичъ знали трудъ объ униі Бантышъ-Каменскаго и исторію Карамзина, а перемышльскій каноникъ Лавровскій зналъ Калайдовича — Іоанна экзарха болгарскаго и Сошкова — Опытъ библіографіи.

Непосредственныя свидѣтельства этого знакомства раскинуты по немногочисленнымъ трудамъ галичанъ. Такъ — въ Rozprawie Могильницкаго находимъ ссылки на Ломоносова, Карамзина и Греча, съ послѣднимъ даже полемику. — Лучкай упоминаетъ въ предисловіи къ Slavo-Ruthen. Grammatica (IX стр.) невѣрное мнѣніе «Сына Отечества» отъ 1828 г., будто хорватскій языкъ есть церковнославянскій, и полемизируетъ съ Карамзинымъ по поводу расселенія угрорусовъ (XIII стр.). — Антоній Добрянскій, по свидѣтельству его біографа Б. А. Дѣдицкаго, прочелъ Карамзина и Бантышъ-Каменскаго въ 30-тые годы въ Вѣнской императорской библіотекѣ. — І. Левицкій напечаталъ отрывки нѣкоторыхъ стихотвореній Карамзина въ своей грамматикѣ 1834 г., какъ образцы литературнаго языка. — Интересно, что молодой семинаристъ Н. Устіановичъ, получивши впервые 1841 г. русскую книжку — «Кіевлянина» въ руки, призналъ ея языкъ почти малорусскимъ¹⁾, что однако не препятствовало ему выступить въ 1848—9 г. лучшимъ защитникомъ народнаго галицко-русскаго языка въ мѣстной литературѣ²⁾. — Знакомство Головацкаго съ русской книгой относится къ 1835—6 г., когда онъ прошелъ русскую грамматику Геймъ-Гродзицкаго, прочиталъ нѣсколько одъ Державина въ польскомъ переводѣ и приобрѣлъ за 29 флориновъ Исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго (см. Наук. Сбор. 1885 г. 31 стр.). — По словамъ К. Горбала (1836—1904 г.) у тысменицкаго священника І. Недѣльскаго были въ 40-выхъ гг. «россійскія» книги, изъ

1) См. *Наук. Сборникъ* 1885 г., Воспоминанія Н. Устіановича 43 стр.

2) См. *Галичо-русскій Вѣстникъ* 1849 г. статьи Устіановича.

которыхъ онъ мальчикомъ читалъ по складамъ «Увѣщаніе уповающихъ на свою правду»¹⁾; самъ же Недѣльскій сталъ за пріятіе готовой «россійской» литературы.

Изъ русскихъ поэтовъ первое мѣсто, по времени и распространеніи въ Карпатской Руси, принадлежитъ Державину. Его ода «Богъ» появилась впервые въ изданіи Д. Зубрицкаго вмѣстѣ съ польскимъ и нѣмецкимъ переводами 1830 и 1846 г., а затѣмъ въ «Поздравленіи русинамъ на 1852 г.» съ одой «Безсмертіе души». — Отдѣльныя строфы изъ Державина, какъ мотто, появлялись цѣлый рядъ лѣтъ въ началѣ галицкорусскихъ одъ и гимновъ²⁾.

Мотто изъ Ломоносова находимъ въ «Звукѣ радостотворнаго гласа» М. Левицкому 1838 г.; изъ Пушкина³⁾ и Богдановича въ «Вѣнцѣ благодарной милости» митрополиту Левицкому» и въ «Мотилѣ» Рудольфа Моха 1841 г.; изъ Воейкова въ «Вѣнцѣ во честь Яхимовича» 1851 г., изъ Жуковскаго же въ сборникѣ стихотвореній И. Гушалевича п. з. «Цвѣты изъ надднѣстрианской левады» 1852 г.

Изъ прозаиковъ въ галицкорусскомъ переводѣ появились: Даля «Изъ солдатскихъ досуговъ» (Я. Голов.) въ «Вѣнку» 1847 г. 317—331 стр. и двѣ «Казки» въ «Галичо-русскомъ Вѣстникѣ» 1849 г.; въ немъ же появился рассказъ Солмогуба «Нечистая сила». — Петръ Головацкій перевелъ въ 1850 г. «Тараса Бульбу» Гоголя; свщ. І. Сокульскій цитируетъ въ письмѣ къ Головац-

1) См. Руслан 1904 г. № 233, воспоминанія К. Горбала; В. Коцовскій указываетъ въ трудѣ «Жите и значене М. Шашкевича» Льв. 1886 г. 47 стр. — выноски, на воспитанника вѣнской семинаріи І Недѣльскаго, какъ любителя ст.-русской книги, имѣвшаго нѣсколько номеровъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1806 г.

2) Укажемъ только на нѣкоторые: І. Левицкаго — Стихъ во честь М. Левицкаго 1837 и 1838 г., Стихъ во честь В. Поповича 1838 г.; С. Лисенецкаго — Возврътніе страшилища 1838 г.; І. Левицкаго — Стихъ во честь Г. Яхимовича 1849 г.; и въ «Слезѣ горести на могилѣ Яхимовича» (отъ львовскихъ гимназистовъ) 1864 г.

3) Пушкина читалъ свщ. І. Левицкій 1854 г. — см. Студ. — Коресп. 111 стр.; за то львовскій чиновникъ Блаимъ (не русинъ) просилъ Погодина уже 1838 г. о присылкѣ Пушкина (Письма 536 стр.).

кому 1854 г. одно мѣсто изъ разсказа Гоголя — «Какъ поссорились...» (см. Коресп. Я. Гол. 118 стр.). — Басни Крылова сыграли, кажется, довольно важную роль у галицкорусскихъ баснописцевъ; этотъ вопросъ, однако, пока еще не изслѣдованъ. Только М. Козановичъ напечаталъ въ «Зорѣ Галицкой» 1852 г. (46 №) басню «Волкъ и лисица» — «на подобіе Крыловой»; очень возможно, что его же басни въ «Отечеств. Сборникѣ» 1854 г. (27—8 №) будутъ тоже «на подобіе Крыловыхъ».

Для полноты этого краткаго обзора, особенно же для иллюстраціи вкуса галичанъ и ихъ знакомства съ русской литературой, приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ, по 1-ому тому «галицко-русской библіографіи» И. Е. Левицкаго всѣ названія переводовъ изъ русскаго, появившихся въ галицко-русскихъ изданіяхъ. Итакъ: Бенедиктова — «Могила» (Поздрав. рус. на 1852 г.), Глинки — «Горе и благодать, Судъ закона, Утѣшитель» (Зоря Гал. 1853 г.), Гребенки — «Мачиха и Панночка, Такъ иногда люди женятся, Чайковский, Факторъ» (ibid. 1853—1854 г.), а «Записки студента» въ передѣлкѣ Б. Дѣдицкаго въ «Семейной библіотекѣ» 1855 г.; Щербины — «Зеркало души» въ переводѣ Н. Устіановича (Отеч. Сбор. 1853); Хомякова — «На сонъ грядущій, Ночь» (Сем. библи. 1855—6 г.), «Гордыня и смиреніе» въ «Церковной Газетѣ» 1856 г.; Батюшкова — «Надежда» (ibid. 1856); о Лермонтовѣ упоминалъ Гушалевичъ 1856 г. въ письмѣ къ Я. Головацкому (Коресп. 260 стр.); Рылѣва — «Войнаровский, повѣсть изъ часовъ Петра Вел.» (Отеч. Сбор. 1857 г.) и Жуковскаго — «Сонетъ св. Терезы» (Церк. Газ. 1857 г.).

Если прибавить къ этому перечню Костомарова — «Символическія значенія цвѣтовъ деревъ и птыць въ поэзіи народной русской» (Перемышлянинъ 1850), Биографію кн. Меншикова (Зоря Гал. 1855 г.), Устрялова — «О переводахъ сочиненій св. Іоанна Златоуста на русскій языкъ» (Церк. газ. 1856 г.) и многочисленныя ссылки на исторію Карамзина у Зубрицкаго, І. Могильницкаго, Малиновскаго и Петрушевича — то больше намъ не найти до 1861 г. включительно.

Просматривая же первыя галицкорусскія газеты — Зорю Галицку 1848—1850 г., Галичо-рускій Вѣстникъ 1849 г., Пчелу и Новины Гушалевича, намъ приходится прямо недоумѣвать по поводу отсутствія хотя бы одного мало-мальски важнаго репортерскаго извѣстія о культурной и литературной жизни Россіи. Между тѣмъ совсѣмъ другое наблюдаемъ во львовскихъ *Rozmaitościach*, начиная съ 1820 г. и *Czasopismie zakładu Ossolińskiego*. Эти изданія не пропускали ни одного болѣе выдающагося явленія въ области литературы, науки и культурной жизни Россіи, чтобы не увѣдомить о немъ своего читателя. Еще больше интереса къ русской литературѣ проявила російская Польша, давшая своимъ землякамъ цѣлый рядъ переводовъ и информационных статей по русской духовной жизни.

Въ чемъ же причина этому странному явленію? Отчего карпаторусы, толковавшіе и мечтавшіе столь усердно о славянскомъ единеніи и племенномъ родствѣ съ сѣвернорусами, и думавшіе даже о необходимости принять готовую славяно-русскую литературу, проявили къ ней столь мало интереса? Отвѣтъ даютъ намъ выше приведенные статистическіе перечни.

Русской наукой интересовались въ Галичинѣ немногія единицы: Гарасевичъ, Гриневецкій, Лавровскій, Могильницкій, Зубрицкій, Левицкій и Лозинскій — изъ старшихъ, Вагилевичъ и Головацкій — изъ младшихъ. Они и были знакомы съ главнѣйшими произведеніями этой науки.

Литературой занимались только младшіе, преимущественно семинаристы — имъ же не были доступны изданія современныхъ русскихъ писателей, лишь старшихъ XVIII в. I. Левицкій поставилъ даже ихъ произведенія въ разрядъ образцовыхъ стихотвореній и для галичанъ. Къ тому же старшіе писатели приходились имъ по вкусу, какъ содержаніемъ и направленіемъ, такъ формой и языкомъ своихъ стихотвореній. Вопросы религіи, восхваленіе властелиновъ міра сего, преклоненіе предъ властью —

ода и гимнъ на книжномъ «россійскомъ» языкѣ, представляли для большинства семинаристовъ и священниковъ — писателей, составителей «благодарственныхъ», «радостотворныхъ» и «слезныхъ» стиховъ лучшее чтеніе и лучшіе образцы.

Когда же въ Галицкой Руси стало усиливаться національное сознание, когда здѣсь заговорили о русскомъ имени, русской славѣ и вѣрѣ, о русскомъ языкѣ и народѣ, объ его врагахъ отвѣчныхъ — то естественно: для галичанъ не были занятны и понятны ни Пушкинъ, ни Гоголь, кромѣ Тараса Бульбы, а также ни Тургеневъ, ни Некрасовъ, ни Достоевскій, ни Толстой, не пѣвшіе пеановъ древней и самодержавной Руси. Зато куда интереснѣе были статьи Шевырева о гніеніи запада (Москвит. 1841 г. № 1) и о превосходствѣ древнерусской письменности и исторіи, содержащихъ якобы всѣ идеалы нравственнаго развитія (Чтенія по ист. рус. словес. 1—2); патриотическія и религиозныя пѣнія славянофиловъ въ духѣ триединаго начала «русскаго міровоззрѣнія» — самодержавіе, православіе и народность! Вѣдь самобытность и древность русскаго востока и его культуры — въ сравненіи съ гнилымъ западомъ — являлись лучшей основой національной гордости для русскихъ галичанъ; тѣмъ болѣе, что они служили имъ доказательствами необоснованныхъ притязаній «ляховъ» на культурное первенство въ Галичинѣ. Славянофильскія же начала стѣило галичанамъ только перечислить на — «цѣсарь, вѣра — обрядъ, нашъ народъ», чтобы увидѣть въ статьяхъ московскихъ славянофиловъ собственныя мысли и убѣжденія. Романтическое увлеченіе идеей народности, преклоненіе передъ давнопрошедшимъ, традиціонный консерватизмъ и клерикализмъ — были слишкомъ благодатной почвой, чтобы не воспринять столь родственнаго галичанамъ московскаго славянофильства и не осѣнить впоследствии Карпатскую Русь выросшимъ «горушечнымъ кустомъ». Словомъ, въ Карпатской Руси было довольно подготовленной почвы для воспріятія славянофильски-націоналистическаго движенія 50-тыхъ и 60-тыхъ годовъ.

Наконецъ, нельзя забывать, что младшее галицкорусское поколѣніе, выступившее съ общественной дѣятельностью въ началѣ 50-тыхъ годовъ, знакомилось съ русской литературой по тѣмъ немногочисленнымъ изданіямъ русскихъ славянофиловъ, которыя — время отъ времени — попадали во Львовъ изъ Россіи, или же на Вѣну. Выписывать какія-либо русскія изданія никто не выписывалъ, исключая Я. Головацкаго, продолжавшаго довольно внимательно слѣдить за русской литературой. А такъ какъ русскіе галичане видѣли лучшее проявленіе своего патріотизма въ совершенномъ очищеніи своего національнаго облика отъ «всѣхъ» польскихъ наносныхъ элементовъ, замѣченныхъ ими и въ униатскомъ обрядѣ, и въ языкѣ, нечему удивляться, что они стали жадно прислушиваться къ случайно доходившимъ до нихъ кличамъ московскаго славянофильства. Въ этомъ отношеніи письма И. Головацкаго, Гушалевица, Дѣдицкаго, свщ. Сокульскаго, Синеводскаго и Раевского къ Я. Головацкому содержатъ обильнѣйшій матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о медленной эволюціи ихъ міровоззрѣнія въ сторону славянофильства, которое и вызвало въ 60-тые годы полный расцвѣтъ старорусской партіи въ Карпатской Руси. Въ то время именно были выдвинуты вопросы — объ очищеніи обряда отъ «латино-польскихъ» примѣсей, о племенномъ единствѣ русскаго народа отъ Карпатъ до Камчатки, объ языковомъ сближеніи, о политическомъ объединеніи Карпатской Руси съ Россіей, словомъ объ интеграціи всего русскаго міра подъ знаменемъ официальной Россіи.

Историку сношеній Карпатской Руси съ Россіей во 2-ую половину XIX в. придется ввиду этого говорить о совершенно другихъ предметахъ, чѣмъ до 1850 г. Мѣсто научныхъ вопросовъ заняли партійный интересъ съ его злобой дня — нареканіемъ на польско-іезуитскій гнетъ и на непригожесть конституціи, обрядомъ, языкомъ, правописаніемъ, гоненіями за патріотизмъ,

и т. п. Галичане не будутъ интересоваться русской литературой, только славянофильской журналистикой Аксакова, Хомякова, Погодина, Каткова и Данилевскаго. Они не будутъ обращать вниманія на русскій народъ и его нужды, только станутъ заниматься интересами россійскаго правительства и православной іерархіи съ ихъ сословно-бюрократическими стремленіями. Въ итогѣ получится то, что значительная часть карпаторусскаго общества выступитъ самымъ враждебнымъ образомъ противъ культурно-національнаго развитія родной страны, видя въ украинской и мѣстной литературѣ и южнорусскомъ умственномъ движеніи польскую интригу, направленную на раздробленіе и уничтоженіе понятія «одна великая и недѣлимая Русь». Формализмъ славянофиловъ и ихъ карпаторусскихъ единомышленниковъ не могъ дать другого результата, какъ борьбу въ защитѣ формъ и понятій на мѣсто живого народнаго труда.—Итакъ это міровоззрѣніе и стремленіе одной части карпаторусскаго общества не только не увѣнчается какимъ-либо выдающимся успѣхомъ, но и не явится даже прочнымъ звеномъ, которое соединило бы культурно-національныя стремленія обѣихъ Русей. Мало того, оно вызоветъ въ народной молодорусской, или такъ называемой украинно-фильской, партіи 60-тыхъ годовъ общую ненависть, какъ къ старорусамъ, такъ и къ Россіи вообще. Такимъ образомъ случится то, что «объединители» на дѣлѣ явятся рьянѣйшими «разъединителями» культурныхъ стремленій и интересовъ русскихъ племенъ.

Характеръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. можно опредѣлить інформаціонно-научными интересами обѣихъ сторонъ. Угрорусы попадаютъ въ Россію въ началѣ XIX в. въ качествѣ профессоровъ, владѣющихъ славено-россійскимъ языкомъ; ихъ земляки устремляются въ Россію для учительскихъ занятій и дальнѣйшаго русскаго образованія.

Русскіе путешественники посѣщаютъ Карпатскую Русь,

чтобы познакомиться съ самой западной частью Южной Руси. Галицкая Русь принимаетъ сѣверныхъ братьевъ очень охотно, такъ какъ ей интересно познакомиться съ сѣвернорусской наукой, обнявшей въ то время и Южную Русь. Благодаря сѣвернорусскимъ трудамъ по русской исторіи, этнографіи, древней письменности и филологіи, Карпатская Русь знакомится съ прошлымъ Южной Руси и принимается за аналогическій трудъ надъ своей бывальщиной. Карамзинъ — Погодинъ, Шишковъ — Востоковъ, Гречъ — Шевыревъ, этнографы южане и сѣверяне, играютъ не ничтожную роль въ трудахъ Головацкаго, Вагилевича, Левицкаго и Могильницкаго, являясь для нихъ учителями и образцами въ ихъ историческихъ, грамматическихъ и этнографическихъ занятіяхъ.

Государственное же и культурно-литературное величіе Россіи, съ одной стороны, и смутное сознаніе племенного родства — съ другой, вызываютъ у отдѣльныхъ карпаторусовъ мысль о необходимости единенія ихъ слабой родины — если не политическаго, такъ литературно-языковаго — съ Россіей. Это и есть первое проявленіе подлиннаго панрусизма на Карпатской Руси. Тѣ же сношенія, однако, даютъ возможность карпаторусамъ глубже изучить и украинское умственное движеніе и впоследствии примкнуть къ нему.

Стеченіе обстоятельствъ прекратило эти оживленныя сношенія около 1848 г.; они возобновились только въ 50-тые годы спорадически, съ 60-тыхъ же годовъ непрерывно. Въ этотъ періодъ сносятся уже не только ученые съ учеными, но и общественныя партіи съ партіями.

Такое отношеніе Карпатской Руси къ Россіи не принадлежитъ только ей одной: аналогическія явленія встрѣчаемъ, какъ у чеховъ и словаковъ, такъ и у сербовъ и болгаръ, у которыхъ сознаніе собственнаго слабосилія вызвало первоначально мысль объ одномъ славянскомъ языкѣ, а затѣмъ явное политическое русофильство. Разъ же литературное и политическое русофильство могло появиться у отдаленныхъ соплеменниковъ Великой

Руси, то тѣмъ болѣе оно должно быть оправдано у родныхъ братьевъ ея — карпаторусовъ.

Принимая все это во вниманіе, мы вправѣ заключить, что сношенія Карпатской Руси съ Россіей до 1850 г. явились однимъ изъ важныхъ рычаговъ возрожденія первой.

И. С. Свѣнцицкій.

Львовъ.

Древне-кіевскій говоръ.

I.

Въ I выпускѣ «Извѣстій» за 1905 годъ г. Соболевскій выступилъ со статьей: «Древне-кіевскій говоръ» (стр. 308—323), въ которой онъ старается увѣрить читателей, будто древне-кіевскій говоръ ближе стоялъ къ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ.

Я имѣю въ виду остановиться только на нѣкоторыхъ, именно—на болѣе новыхъ, частяхъ этой статьи, а не на всей, и на то есть причины. Оспаривать статью г. Соболевскаго въ цѣломъ была бы работа совершенно излишняя, совершенно ненужная и совершенно бесполезная, потому что г. Соболевскій почти сплошь повторяетъ въ ней все тѣ же соображенія, которыя онъ выставилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Неосновательность всѣхъ тогда имъ выставленныхъ соображеній была ужъ всесторонне обнаружена и выдающимися историками и филологами, причемъ среди именъ филологовъ, отвергшихъ мысль г. Соболевскаго, можно назвать два такихъ глубоко-авторитетныхъ имени въ дѣлѣ изученія славянорусской филологіи, какъ акад. Шахматовъ и акад. Ягичъ (патріархъ-глава всѣхъ современныхъ славяновѣдовъ). Г. Соболевскій, повторяя теперь въ «Извѣстіяхъ» свои старыя, ясно опровергнутыя наукою, соображенія, не только не постарался опровергнуть сперва доводы своихъ обличителей, — уче-

ныхъ, авторитетныхъ историковъ и филологовъ;—но напротивъ: онъ вновь повторяетъ все тѣ же старыя свои соображенія съ такимъ видомъ, какъ будто и не знаетъ, что они давно опровергнуты. Вотъ почему нѣтъ необходимости вторично ихъ оспаривать: лучше прямо отослать читателя къ литературѣ предмета ¹⁾.

Замѣчу развѣ, что г. Соболевскій по прежнему предлагаетъ изучать старо-кіевскій говоръ не по подлиннымъ кіевскимъ памятникамъ, а по такимъ недостовернымъ, какъ Мстиславова грамота ок. 1130 г., которую въ другомъ случаѣ самъ же г. Соболевскій признавалъ за «несомненно писанную въ Новгородѣ» ²⁾, или какъ Юрьевское Евангеліе, написанное въ Новгородѣ между 1119—1128 г. монахомъ *Новгородскаго* Юрьевскаго монастыря для монастырскаго употребленія, или какъ Триодь *новгородца* Моисея Кіянина XII—XIII в., полная явныхъ особенностей мѣстнаго *новгородскаго* нарѣчія, и т. п., и т. п. Включивши такую Триодь новгородца Моисея Кіянина въ число кіевскихъ памятниковъ, г. Соболевскій нарушилъ въ данномъ случаѣ даже свое собственное правило: «Для знакомства съ древне-кіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни *новгородскихъ*, ни галицко-волынскихъ особенностей» ³⁾. Впрочемъ и самое правило возбуждаетъ недоумѣнія: въ силу того шаткаго принципа, который выставленъ здѣсь г. Соболевскимъ, предоставляется искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, утверждать, что старо-кіевскій говоръ былъ не малорусскій!

Правда, г. Соболевскій въ «Извѣстіяхъ» касается и подлин-

1) Она указана у Пыпина въ соответствующемъ отдѣлѣ его «Исторіи русской литературы». Въ своей «Филологіи и Погодинской гипотезѣ» (Кіевъ, 1904, т. I) я тоже далъ обзоръ главнѣйшихъ работъ по этому вопросу.

2) А. Соболевскій: *Исслѣдованія въ области русской грамматики* (Варш. 1881), стр. 4.

3) Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, февр., стр. 356.

Извѣстія II Отд. И. А. П., т. XI (1906), кн. 3.

ныхъ старо-кіевскихъ памятниковъ, каковы Изборники Святослава 1073 и 1076 г.; но въ этомъ случаѣ онъ скрываетъ ихъ наиболѣе оригинальныя, типично-малорусскія особенности (сюда относится смѣшеніе *ѣ* съ *і*, параллельное со смѣшеніемъ *прежняго* и съ *ы*)¹⁾, а вмѣсто того онъ останавливается лишь на одной менѣ характерной ихъ особенности, причѣмъ голословно, мимоходомъ, пытается отвергнуть ея малорусскость, не называя даже именъ тѣхъ ученыхъ изслѣдователей, которые эту особенность указали какъ малоруссизмъ. Такою особенностью является смѣшеніе *ѳ* съ *у*; по ея поводу г. Соболевскій заявляетъ небрежно, даже не въ текстѣ, а въ петитной сноскѣ: «Видѣть замѣну *у* черезъ *ѳ* и наоборотъ въ такихъ обычныхъ ц.-слав. словахъ, какъ *ѳгоднѣ*, *уселеная*, *уселити*,—можно только при незнакомствѣ съ церк.-слав. языкомъ» (стр. 317). Это пренебрежительно произнесенное обвиненіе въ незнакомствѣ съ церковно-славянскимъ языкомъ направлено противъ кого же?—противъ акад. Ламанскаго²⁾, противъ акад. Срезневскаго³⁾ и

1) Само по себѣ смѣшеніе звука *ѣ* съ *і* не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе, и въ новгородскихъ рукописяхъ смѣшиваются буквы *ѣ* и *и*); но для кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года характерно то, что смѣшеніе звука *ѣ* съ *і* (т. е. буква *ѣ* и *и*) проявляется въ нихъ параллельно со смѣшеніемъ *и* съ *ы*. Вѣдь ясно, что, какъ-только предки малоруссовъ начали смѣшивать звукъ *ѣ* съ *і*, то звукъ *и* одновременно долженъ былъ у нихъ звучать потверже, чтобы отличаться отъ *і*, а не быть съ нимъ тождествену. Предположить же, что звуки *ѣ* и *и* могли въ какой-нибудь періодъ оказаться у малоруссовъ тождественны, нельзя потому, что въ такомъ случаѣ послѣ XIV-го вѣка, когда у малоруссовъ звуки *и* и *ы* окончательно слились въ одинъ твердый звукъ, тогда старинный звукъ *ѣ* тоже долженъ былъ бы обратиться въ такой же твердый звукъ, и малоруссы теперь говорили бы не «*літо*» (=гѣто), а «*лыто*». Вотъ почему, если писцомъ какой-нибудь рукописи, смѣшивающей букву *ѣ* съ *и*, мы предполагаемъ малорусса, то мы естественно можемъ ждать, что гдѣ-нибудь этотъ писецъ смѣшаетъ также буквы *и* и *ы*. Кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года какъ-разъ принадлежатъ къ памятникамъ такого типа.

2) В. Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ съ филологическими и историческими примѣчаніями, Спб. 1864, стр. 92 (=Приложеніе къ VI тому «Записокъ Императорской Акад. Наукъ»).

3) И. Срезневскій: Славяно-русская палеографія, Спб. 1885, стр. 115.

противъ акад. Ягича ¹⁾, т. е. какъ-разъ противъ главныхъ столповъ славяновѣдѣнія! Такой способъ г. Соболевскаго отвергать нежелательное ему утверженіе можетъ ли считаться опроверженіемъ?—отвѣтъ на это легко дастъ даже малоосвѣдомленный читатель. А болѣе освѣдомленный вспомнить, что провозглашенные г. Соболевскимъ за невѣждъ славяновѣды-авторитеты признавали старо-кіевское «въгодъникъ» и «ѹселеная» за звуковое смѣшеніе съ «ѹгодъникъ» и «въселеная» вовсе не по своему личному произволу и не по незнакомству съ церк.-славянскимъ языкомъ, но напротивъ — въ силу *чрезвычайно близкаго* своего знакомства съ церк.-слав. языкомъ. Они, разумѣется, очень и очень хорошо знали, что написаніе «въгодъникъ» и «ѹселеная» встрѣчается наряду съ «ѹгодъникъ» и «въселеная» не только въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, но и въ церковно-славянскихъ памятникахъ; — однако почему они не могли отнестись къ нему иначе, какъ къ результату смѣшенія *ѹ* и *ѹ*? Да потому, что и въ церк.-славянскихъ памятникахъ вообще констатируются случаи несомнѣннаго смѣшенія звуковъ *ѹ* и *ѹ*, такого же, какое было и у старыхъ кіевлянъ-малоруссовъ. Тѣмъ авторитетнымъ славяновѣдамъ, которыхъ свысока третируетъ г. Соболевскій, были очень хорошо извѣстны написанія «въгодъникъ» и «ѹселеная» напимѣръ въ Супрасльскоѣ рукописи, — извѣстны значительно раньше, чѣмъ ихъ узналъ г. Соболевскій ²⁾; но они знали также, что въ Супрасльскоѣ рукописи есть и написаніе «ѹостатъкы (321¹⁵), а потому понимали, что Супрасльское «въгодъникъ» есть результатъ звукового смѣшенія *ѹ* и *ѹ*³⁾. Оттого встрѣ-

1) И. Ягичъ: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 84 (изъ «Сборн. Акад. Н.»).

2) Срв. у В. Ламанскаго: О слав. рукоп., стр. 92 (1864 г.).

3) По этой же причинѣ и многіе другіе очень заслуженные слависты приходили къ такому же заключенію. Такъ, и А. Будимовичъ призналъ формы «ѹселеная» и «ѹгодъникъ» за результатъ звукового смѣшенія *ѹ* и *ѹ* («Исслѣд. языка XIII словъ Григ. Богослова по рукоп. XI вѣка», стр. 24), потому что въ томъ памятникѣ, который имъ изданъ, констатируются и другіе случаи смѣшенія *ѹ* и *ѹ* (Напр., на л. 148-мъ слова Пилата: «еже уписалъ есмь, ѹписалъ», quod scripsi, scripsi).

чая аналогичныя написанія въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., чередующіяся рядомъ въ двухъ сосѣднихъ строкахъ, эти авторитетныя славяновѣды не колебались видѣть въ нихъ проявленіе того самого звукового смѣшенія *ѡ* и *у*, какое свойственно, между прочимъ, и малорусской рѣчи. И это — тѣмъ правильнѣе, что въ Изборникахъ Святослава эти славяновѣды несомнѣнно знали и другіе случаи проявляющейся склонности смѣшивать звуки *ѡу* и *ѡѣ*, — случаи, о которыхъ г. Соболевскій совсѣмъ умалчиваетъ¹⁾. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ г. Соболевскій своей постановкой вопроса о старокіевскомъ смѣшеніи или несмѣшеніи звуковъ *ѡ* и *у* извратилъ основную мысль тѣхъ изслѣдователей старокіевского говора, которые за старокіевскимъ говоромъ признавали такое смѣшеніе. Вѣдь главную и характерную черту малорусскости кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 филологи видятъ вовсе не въ фактѣ смѣшенія звуковъ *ѡ* и *у*: для нихъ это одна изъ *побочныхъ* малорусскихъ чертъ²⁾; *главнымъ* же признакомъ старокіевской малорусскости XI вѣка—это тотъ, о которомъ, какъ я выше отмѣтилъ, г. Соболевскій совершенно умалчиваетъ въ своей статьѣ. Этотъ признакъ, повторяю, есть смѣшеніе буквъ *ѣ* и *и* (т. е. звуковъ *ѣ* и *и*), одновременное со смѣшеніемъ и *ы*. Упомянутая особенность есть тотъ *maximus* специально-малорусской фонетики, какого мы смѣемъ ждать отъ малорусской рѣчи XI вѣка; и разъ она проявляется въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., то надо признать,

---

1) Имя царя Навуходносора является въ Изборникѣ 1078 г. то въ видѣ «Наѡходоносора» (напр. л. 144), то тутъ же рядомъ въ видѣ «Наѡходоносораѡ» (л. 143 об., два раза; см. еще л. 97, л. 146). Можно указать подобное явленіе и въ нѣкоторыхъ другихъ начертаніяхъ этого Изборника. См. мою «Украинскую грамматику», § 13, г.

2) Про себя лично могу напомнить, что я назвалъ эту черту въ старокіевскомъ говорѣ даже лишь «зачаточной». См. «Филологія и Погодинская гипотеза» (Кіевъ 1904), стр. 60; «Украинская грамматика», § 13, г. Она и не могла быть иною, чѣмъ зачаточною, въ виду почти полной сохранности глухихъ звуковъ XI в.

что эти памятники *столмя* отразили тогдашнюю типичнѣйшую кіевскую малорусскость XI вѣка ¹⁾). Что касается самой важной

1) Отразились въ Изборникахъ Святослава, конечно, и другія черты тогдашней малорусской фонетики, но тѣ черты уже не такъ характерны, — хотя, разумеется, въ своей совокупности онѣ важны тѣмъ, что рельефнѣе очерчиваютъ старо-кіевскую малорусскость. Сверхъ оспариваемаго г. Соболевскимъ сгѣшенія звуковъ *е* и *у*, старые кіевляне знали растяженіе звука *е* въ *я* передъ мягкими слогами; — какъ нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ: «кришаникѣ», «шипо» и пр., такъ и въ Изборникѣ 1078 пишется: «кажаника» 262, «помяются» 212, «Елисаветѣ» 254 об. и пр. Замѣчалась у старыхъ кіевлянъ XI вѣка склонность къ усиленію корня *а* въ *оа*; нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ «доямати комуся», «дояляти комуся» (= досаждаютъ), «зюлобѣ» (= самый большой пунктъ раны, опухоли и т. п.), а въ Изборникѣ 1078 встрѣчаемъ: «зюлоба» 94, 106, 113 и пр. Послѣ шипящихъ и йоты передъ твердыми слогами звукъ *е* обращался въ Кіевѣ XI вѣка въ *о*; — какъ нынѣшніе кіевскіе малоруссы говорятъ «человѣкѣ», «жена», «з Майвова», такъ и кіевскіе Изборники писали: «человѣка» (Изборн. 1073 г., л. 179 д), «жена» (Изборн. 1076 г., л. 181 б), «Василиво», «Еуномневу» (Изб. 1073, л. 124 об., л. 243 об.). Неударное *о* по содѣйству съ *у* уподоблялось ему; — какъ теперь подъ Кіевомъ мы слышимъ «з добрую дѣвчинуо», такъ и въ Изборникѣ 1073 г. находимъ: «съ женою язычною и которивою» (л. 170), «божьскою силою» (л. 245), «сумьною мысляю» (л. 132); по этому же закону неударный суффиксъ *оа* (или *юа*) обращался въ *уа* (или *юа*), какъ и теперь въ Кіевщинѣ: срв. въ Изб. 1073 г. «по Ариюву» (л. 243 об.); по тому же закону Августинъ обращенъ въ Изб. 1073 въ «Оугустиа» (л. 127). Способность нынѣшней Кіевщины XX вѣка пропускать звукъ *г* въ глаголахъ «розгнѣвати», «загнѣти», «грѣшити» датируется и въ Святославныхъ Изборникахъ XI вѣка, гдѣ мы находимъ: «разнѣвався» (1073 г. л. 145 об., срв. еще л. 99), «звизветѣ» (Изб. 1076, л. 237), «сърѣшу» (л. 1 об., по чтенію Буслаева). Звукъ *г* кіевской рѣчи XI в. могъ служить дыхательнымъ призвукомъ, который способенъ былъ опять отпадать и, по аналогіи, увлекать за собою даже коренное начальное *г* и способенъ былъ также чередоваться съ привзвучами *й* и *в* (см. мою «Украинскую грамматику», § 14, б). О чередованіи заднеязычныхъ *с* и *к* съ зубными *д* и *т*, типичномъ какъ для кіевского нарѣчія XI в., такъ и для нынѣшняго нарѣчія Кіевщины, будетъ у насъ рѣчь ниже (гл. III); сюда же относится и специально-малорусская лѣтописная форма имени «Дюрѣй» вмѣсто «Георгій». Въ строѣ губныхъ звуковъ мы по Изборникамъ Святослава уже видимъ въ Кіевѣ XI вѣка нынѣшнее чередованіе звукосочетаній *м* и *он* и рядъ другихъ современныхъ кіевско-малорусскихъ явленій (см. «Украинск. грамм.», § 13). Видимъ мы по кіевскимъ Изборникамъ XI в. огромное совпаденіе съ фактами нынѣшней кіевской рѣчи такъ же въ строѣ плавныхъ («Украинск. грамм.», § 11), включая сюда восточно-малорусское отвердѣніе звука *р* въ однихъ случаяхъ и умягченіе его въ другихъ случаяхъ, причемъ и Навуходоносоръ (какъ и теперь въ Кіевщинѣ) обращается по Изборникамъ Святослава въ «Науходоносорѣ» (срв. Изб. 1073, л. 144). Можно бы

особенности нынѣшней малорусской рѣчи, а именно — замѣстительнаго удлиненія звуковъ о и є передъ слогами съ потерянными глухими и обращенія ихъ въ дифтонги или въ і (срв. кінь, шіст), то въ XI вѣкѣ этой малорусской черты еще быть не могло по той существенной причинѣ, что глухіе звуки ѣ и ѡ были тогда, какъ извѣстно, почти въ полной сохранности и еще не пали¹⁾; слѣдовательно слова конь и шесть произносились тогда у кievлянъ, въ XI вѣкѣ, не съ удлинненными гласными звуками о и є, а съ обыкновенными, и искать намъ въ кievскихъ Святославовыхъ Изборникахъ XI вѣка какіе-нибудь признаки существованія замѣстительной долготы, возникшей *позже* XI вѣка, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно.

Сдѣлавши оговорку по поводу способа обращенія г. Соболевскаго съ кievскими Изборниками Святослава 1073 и 1076 г. я вновь долженъ заявить, что *всплзъ* тѣхъ старыхъ, избитыхъ приемовъ г. Соболевскаго, которыми онъ опять желалъ бы поддерживать свою гипотезу о немалорусскости древняго Кіева, я рассматривать здѣсь не буду, разъ они уже всецѣло опровер-

---

и еще указать здѣсь огромный рядъ звуковыхъ діалектическихъ совпаденій кievской рѣчи XI в. съ нынѣшней кievской, но по недостатку мѣста я отсылаю читателя къ своей «Украинской грамматикѣ», особенно къ главамъ III—IV («Очеркъ звуковой системы лѣтописнаго кievско-черниговско-переевскаго нарѣчія XI вѣка»). Дополнительный матеріалъ ко всему этому, со множествомъ примѣровъ и со ссылками, см. у меня въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. 51—61, 68 и XV—XVI. Туда добавить можно тѣ печатные примѣры на употребленіе глагола «дозыяти» (внесеннаго, впрочемъ, и въ словарь Жемховскаго), которые можно прочесть, напр., въ кievскомъ юбилейномъ сборникѣ въ честь столѣтія Энеиды Котляревскаго (стр. 117) и въ кievскомъ журналѣ «Шершень» (1906, № 3, стр. 7). Повторяю однако, что все это черты мелкія, побочныя, не исключительно даже малорусскія; интересны онѣ только въ своей совокупности, какъ иллюстрація совпаденія нынѣшней фонетики Кіевщины съ фонетикой XI вѣка.

1) Съ особой обстоятельностью эта сохранность глухихъ XI вѣка показана въ статьѣ Н. Волкова: «Къ исторіи русскаго языка» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, янв., стр. 214—221). Изученіе ритмики «Слова о полку Игоревѣ», произведенное акад. Ѳ. Е. Коршемъ (лучшимъ авторитетомъ въ этой области), показываетъ, что даже въ концѣ XII-го вѣка глухіе гласные вост.-мр. нарѣчія были еще очень сохранны, и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ они ужъ пали.

гнуты многими солидными учеными. Въ нынѣшней статьѣ я имѣю въ виду одно: рассмотреть только тѣ соображенія г. Соболевскаго о мнимомъ великоруссизмѣ древнихъ кievлянъ, которыя онъ считаетъ возможнымъ почерпнуть изъ языка Начальной и Кievской лѣтописи, потому что эти доводы могутъ въ большей или меньшей степени считаться еще новыми, неразсмотрѣнными. Мы увидимъ, что и новые эти доводы г. Соболевскаго столь же малоцѣнны и фактически ложны, какъ и предыдущіе.

II.

Остановливаясь на языкѣ «Начальной Лѣтописи», г. Соболевскій говоритъ: «Прежде всего въ Начальной и Кievской лѣтописяхъ, при обиліи уменьшительныхъ собственныхъ именъ разнаго рода, мы замѣчаемъ отсутствіе уменьшительныхъ [NB. болѣе поздняго. А. Кр.] типа *Стец[ь]ко*, *Яц[ь]ко*, *Гриц[ь]ко*, *Гриць*, которыя обычны въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV вв. (на русскомъ и на латинскомъ языкахъ) и въ современныхъ малорусскихъ говорахъ»¹⁾.

Въ отвѣтъ на это надо сказать: такихъ уменьшительныхъ не было также и въ Галичинѣ до XIV—XV вѣка,—напримѣръ, ихъ нѣтъ въ Галицко-Волинской лѣтописи. И вполне понятно, почему это такъ: потому что малорусскія имена на *цько* появились у малоруссовъ лишь подъ польскимъ вліяніемъ, а польскаго вліянія не зналъ не только старый Кievъ, но и старая Галичина. Когда же Галичина попала во власть къ полякамъ, въ ней тогда и завелись имена вродѣ «*Стецько*», «*Яцько*» и т. п.: они представляютъ собою уменьшительныя польскаго (вѣрнѣе—вообще западно-славянскаго) типа «*Стець*», «*Яць*» и пр. съ при-

---

1) Извѣстія, 1905, кн. I, стр. 319.

бавленіемъ обычнаго малорусскаго (и общерусскаго) окончанія ко ¹⁾. Только съ XIV — XV вѣка они и появляются въ галицкихъ грамотахъ, — гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ и напелъ г. Соболевскій ²⁾.

III.

Далѣе г. Соболевскій продолжаетъ: «Затѣмъ въ Кіевской лѣтописи (какъ по Ипатскому, такъ и по другимъ спискамъ) собственное имя звучитъ *Дюрдь*, *Дюрдий*, *Дюръ*, изъ *Гюръ*, *Гюрый*, со смягченіемъ *ѣ* въ *д* (рядомъ книжная форма *Георгій* и старая народная *Люрый*)... Ни галицко-волинскіе памятники XII—XIV вѣка, ни галицкія грамоты XIV—XV вѣковъ, ни современные малорусскіе говоры [будто бы?! *А. Кр.*] не знаютъ смягченія *ѣ* въ *д*, какъ и *к* въ *т*, ни въ этомъ, ни въ однородныхъ словахъ. Новгородскіе, средне-русскіе, западно-русскіе памятники всѣхъ временъ не знаютъ имени *Георгій* ни въ одномъ изъ его вариантовъ со звукомъ *д*. То же можно сказать о современныхъ русскихъ говорахъ» ³⁾.

1) Процессъ соединенія малоруссами какого-нибудь чужого заимствованнаго уменьшительнаго имени со своимъ роднымъ малорусскимъ суффиксомъ *ко* всякій можетъ и сейчасъ свободно наблюдать. Каждому, конечно, случалось слышать, какъ разбогатѣвшій простой малорусъ начинаетъ титуловать своего сына, положимъ Георгія: «Жоржко», — на томъ основанія, что въ сосѣдней панской семьѣ паничъ-Георгій назывался уменьшительно «Жоржъ».

2) Имена польскаго типа «Яцъ», «Стецъ» могли безъ всякаго труда прійтись у галичанъ, а затѣмъ въ большей или меньшей степени и у всѣхъ прочихъ малоруссовъ (кіевлянъ и др.) потому, что отъ стариннѣйшихъ временъ у южноруссовъ ужъ имѣлась своя собственная склонность образовывать уменьшительныя именныя формы довольно сходнаго съ этимъ типа: на л. Такъ, въ старомъ Кіевѣ вмѣсто «Михалъ» говорилось «Михаль» (см. Лаврент. списокъ, стр. 185, 301; Ипат. сп., 134), вм. «Иванъ» — «Янь» (Лавр. 171; Ипат. 123; Лавр. 205, Ипат. 148). — Кстати будетъ вспомнить г. Соболевскому, что старо-кіевскіе «Михаль» и «Янь» сами по себѣ ужъ сравнительно типичныя малорусскія формы.

3) «Извѣстія», указ. м., стр. 319.

Въ дополненіе къ этой цитатѣ изъ статьи г. Соболевскаго мы приведемъ также одно мѣсто изъ его «Лекцій», гдѣ онъ, отмѣтивши между прочимъ въ описаніи Кіевскаго замка XVI вѣка форму «Овдутья» (см. «Овдокья»¹⁾), произноситъ слѣдующее со-всѣмъ невѣрное утвержденіе: «Изъ современныхъ русскихъ говоровъ лишь великорусскіе имѣютъ собственные имена съ переходнымъ смягченіемъ гортаннымъ: Овдотья, Мартьянъ (=Марціанъ) и т. д.»²⁾

Какъ я при самомъ цитированіи отмѣтилъ, всѣ эти утвержденія г. Соболевскаго сплошь не вѣрны. Въ отвѣтъ на его смѣлое заявленіе, будто «современные малорусскіе говоры не знаютъ смягченія *z* въ *d* ни въ «Дюрдйй», ни въ ѣднородныхъ словахъ», я ему укажу, что не далѣе какъ въ той же Кіевской губерніи, гдѣ гѣтописцы писали «Дюрдйй», особый родъ ожерелья и теперь называется: или «герданкй» (слово персидское), или «дѣорданкй»; это же слово, кстати сказать, извѣстно и въ Галичинѣ въ видѣ двухъ чередующихся фонемъ: «герданъ» и «дѣорданъ»³⁾. Что касается появленія звука *d* специально въ имени «Георгій», то сверхъ Кіева мы это имя со звукомъ *d* находимъ какъ разъ лишь въ Галичинѣ, и оно тамъ сохранялось никакъ не меньше, чѣмъ до конца XV-го столѣтія. По крайней мѣрѣ въ буковинской грамотѣ 1471 г. мы еще встрѣчаемъ: «Диорѣдья»⁴⁾.—Равнымъ образомъ, если г. Соболевскій полагаетъ, будто «Овдутья» и «Мартьянъ» — это не по-малорусски, то я ему могу сообщить, что эти имена, со звукомъ *m*, и сейчасъ продолжаютъ существовать какъ въ Кіевщинѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ малорусской территоріи, къ западу ли, къ востоку ли отъ Кіевщины. Про имя «Овдотія» мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ

1) Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, I.

2) «Лекція» (изд. 1908), стр. 181.

3) Отмѣчено в словаремъ Желеховскаго; см. т. I, стр. 198, б. См. еще I, 168, со ссылкой на «Рокисіе» Кольберга I, 38, 40.

4) Грамота 1471 г. надана А. Кочубинскимъ въ 32-мъ присужденіи награды гр. Уварова (СПБ. 1892), стр. 249.

оно было въ семьѣ волинско-подольскаго князя Андрея Владиміровича (Ольгердова внука) ¹⁾; въ южно-русскомъ Дубенскомъ (т. е. волинскомъ) Евангеліи XVI в. Румянц. музея есть, какъ случайно проговорился самъ г. Соболевскій ²⁾, начертаніе: «Оудотіи»; галичанинъ, чуждый всякаго русскаго вліянія, проф. Ом. Огоновскій, до такой степени свыкъся съ малорусскимъ именемъ «Авдоля», что считалъ его даже *исключительно* малорусскимъ (!), а не общерусскимъ ³⁾; укажу также, что пятнистая болотная рыбка, называемая въ южной Украинѣ «явдошкою», въ сѣверной Кіевщинѣ называется «овдютка» или «овдотка» (у галичанъ «авдотка») ⁴⁾. Также и по поводу имени «Мартьянъ» сообщу г. Соболевскому, что имя «Мартьянъ» (равно какъ и имя «Маркіянъ») онъ можетъ услышать на всемъ пространствѣ малорусской территоріи, — такъ же какъ и происходящую отсюда фамилію «Мартяненко».

Да и какъ можетъ быть иначе! Все это вѣдь — частичныя проявленія *общаго* фонетическаго малорусскаго закона, по которому мягкіе *т* и *д* (теперь во многихъ случаяхъ успѣвшіе у малоруссовъ ужъ и отвердѣть) смѣшиваются съ *к* и *г* ⁵⁾. Заслуженный славяновѣдъ В. И. Ламанскій еще сорокъ лѣтъ тому назадъ подчеркнулъ эту малорусскую фонетическую особенность и обратилъ вниманіе на такія малорусскія фонемы, какъ «жіло» (=гѣло),

1) Въ 1446 году онъ пріѣзжалъ на богомолье въ Кіевъ и составилъ тамъ свою духовную, которую издалъ и Я. Головацкій въ своихъ «Памяти. диплом. и судебно-дѣлов. яз. рус.» (Львовъ 1867), стр. 60—62. См. тамъ стр. 61: «дочць своей княжнѣ Овдотіи». Подлинникъ — въ Румянцевскомъ музеѣ.

2) «Лекціи» (1908), стр. 131.

3) Em. Ogonowski: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Львовъ 1880), стр. 65.

4) По крайней мѣрѣ въ такой формѣ (съ начальнымъ *а*) это названіе общено у Желеховскаго («Словарь», т. I, стр. 1).

5) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» § 14, в. Въ силу, быть можетъ, нефонетическихъ аналогій чередоваться могутъ и *твердые* зубные съ твердыми задненебными, по сосѣдству съ плавными. Срв. еще въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «гъргынъ» (л. 90), гдѣ впрочемъ сочетаніе *гн* могло быть и полумягкимъ, и въ Супрасльской рукописи: «когратъ» (89,7). Срв. еще въ полабскомъ языкѣ: *donða* (=джга).

«кісто» (= тѣсто), «к'яжко» (= тяжко) ¹⁾, — и, дѣйствительно, у многихъ малоруссовъ (не исключительно въ предѣлахъ Кіевщины, но и въ другихъ мѣстахъ) эта особенность до того сильно вѣдрилась въ произношеніе, что у нихъ, передъ мягкими гласными, совсѣмъ стерлась разница между *к* и *т*; даже когда нарочно просишь ихъ произнести появственнѣе, напримѣръ, «тісний», «тісто» и т. п., они невольно произносятъ только «кісний», «кісто» ²⁾. Заимствовавши отъ турокъ слово «тебійетъ» (= природныя способности; арабск. طبعیة), они его передѣляли въ «кебета» (что мы находимъ и у Шевченка). Въ Полтавщинѣ смѣшеніе заднебныхъ и зубныхъ распространено до того сильно, что авторъ новѣйшей полтавской «Короткой грамматики української мови» счелъ нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ употребленія такихъ «покрученихъ» словъ, какъ «кісто» (= тѣсто), «кісний» (= тісний), «кля» (= для) ³⁾. Полтавская поговорка гласитъ: «Голова знає, та руки не кягнуть (= тягнуть)» ⁴⁾. Городокъ Константиноградъ выговаривается полтавцами за «Косьмянтиноградъ». «Гаківниця» (родъ пушки) произносится ими за «гамівниця» ⁵⁾. Деревянный стулъ называется въ Полтавщинѣ, Черни-

1) Ламанскій: О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, стр. 89.

2) Явленіе это наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Каврай (по новому оно же—Троицкое) возлѣ м. Иркиѣва Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи. Это ужъ было мною своевременно указано въ «Филологіи и Погодинской гипотезѣ», стр. XIX. Извѣстный малорусскій писатель Б. Д. Гринченко сообщалъ мнѣ, что въ Богодуховскомъ и въ Харьковскомъ уѣздахъ Харьковщины онъ до того свылся съ мѣстнымъ произношеніемъ «кіло», «кісто» и т. п. (вм. «тіло», «тісто» и т. п.), что приходилось для контроля слѣдить и за своимъ собственнымъ произношеніемъ. Въ очень интересныхъ письмахъ крестьянъ къ нему, которыя онъ обнародовалъ недавно въ журналѣ «Нова Громада» 1906, VII, мы встрѣчаемся съ такими написаніями, какъ «запорожці прекісьняли» (стр. 56; = притѣсьняли).

3) П. Залозний: Кор. грам. укр. мови, Полтава 1906, стр. 15.

4) Записана въ с. Грунь Зѣньковского уѣзда. См. В. Василенко: «Опытъ толков. словаря народн. технич. терминологіи по Полт. губ.», Харьк. 1902 (отт. изъ 18-го т. «Сборн. Ист.-Филол. Общ.»), стр. 77.

5) Срв. начертаніе «гамівниця» изъ полтавской Переяславщины—«Кіевск. Стар.» 1906, май—июнь, стр. 200. Твердость звука *т* (вѣдъ слогъ «*тм*») надо читать здѣсь, какъ твердое *т* (объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мо-

говщинѣ и сѣв. Кіевщинѣ «дзѣіглик» (польск. *zedlik, zedel* = скамья, срв. нѣм. *Siedel*). Въ этомъ словѣ всегда слышится мгновенно-звонкое г', но въ другихъ словахъ можетъ вмѣсто ђ одинаково слышаться какъ звукъ г' (лат. *g*), такъ и звукъ і (= *h*); напр. предлогъ «для» обращается въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ Украины безразлично то въ «гля», то въ «ля», даже въ устахъ одного и того же лица. Подъ Звенигородкой Кіевской губ. неграмотные люди выражаютъ понятие «жалостный» черезъ «Граматичный» (= драматичный)¹⁾, произнося это слово только со звукомъ *g*; но мѣстныя фамиліи «Гізенко» и «Горіенко»²⁾, внесенныя съ буквою *і* даже въ официальные документы и, слѣдовательно, получившіе такой свой звуковой видъ давно уже, произносятся только съ *h*; обыкновенная же малорусская форма этихъ фамилій—«Діденко» и «Гордїенко». Тамъ же въ Звенигородкѣ Кіев. губ. очень извѣстная фамилія, пишущаяся «Маг-

---

нофтонгъ *і* (изъ удлинившагося *е*) выработался въ Переяславщинѣ очень недавно, а до того времени здѣсь произносили твердый дифтонгъ *ум*. По свидѣтельству Шафонскаго 1786 г. въ его «Топографич. описаніи Черниг. намѣстничества» (изд. въ Кіевѣ 1857, см. § 12 и § 5) оказывается, что даже въ концѣ XVIII вѣка переяславцы еще не успѣли выработать звука *і*, а произносили удлинное *е* близко къ *у*. (Западные же малорусы, какъ извѣстно изъ памятниковъ, успѣли переработать дифтонгъ *уо*, *уи* въ монофтонгическое *е* еще въ XVI в. Кстати сказать,—въ противность утвержденію г. Соболевскаго, высказанному на стр. 313-ой «Извѣстій»,—всякій, кто знаетъ малорусскую діалектологию и исторію малорусскаго языка, *обязанъ* признать, что звукъ *і* выработывался въ западномъ и въ восточномъ малорусскомъ нарѣчїи (въ Львовѣ и въ Кіевѣ) самостоятельно, независимо другъ отъ друга (поскольку можно говорить о полной взаимной независимости при постоянныхъ сношенїяхъ Львова съ Кіевомъ) и въ разное время въ разныхъ говорахъ. Правда, филологовъ, которые подумаютъ такъ, г. Соболевскій заранѣе исключаетъ изъ числа «скольконбудь образованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ» (стр. 313, сноска);—но я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ *стѣну* войти въ разрядъ этихъ (по г. Соболевскому) «совсѣмъ необразованныхъ лингвистовъ-діалектологовъ», что уже нахожу въ ихъ числѣ незабвеннаго акад. Потебнию, создателя исторїи русскаго языка, и акад. Ѳ. Е. Корша, всемірное свѣтло лингвистики.

1) Записано мною между прочимъ отъ пастушки Свистланчички, живущей въ предмѣстїи «Червоной». Однако «граматка» она произноситъ съ *h*, а не съ *g*. По ея объясненію: «Граматичный—жалісливий».

2) Родомъ онѣ изъ средней Кіевщины.

денко», сплошь да рядомъ произносится за «Мадьдэнко» (съ та-кимъ дъ, которое приближается къ *й*, но не есть *й*). Въ сѣвер-ной и средней Украинѣ особая сумка называется какъ «сайстра» (=лат. *sapistrum*), такъ и «тайстра», — въ особенности на Полѣсьи. Вообще на Полѣсьи это явленіе—одно изъ самыхъ обыч-ныхъ ¹⁾. Тамъ же на Полѣсьи вмѣсто «ковтни», «ковтнѣть» вы-говариваютъ «ковкни», «ковкнѣть» (= повел. н-ніе отъ глагола «ковнуть»—«проглотить») ²⁾. Тамъ же на Полѣсьи, да и вообще во всей сѣверо-восточной Волини, спутались по этой причинѣ энклитическія частицы (союзы) «-ке» и «-те»; а такъ какъ онѣ, кстати сказать, часто произносятся тамъ съ расширеніемъ (*ка* и *та*), то съ ними смѣшался еще и соединительный неэнклитическій союзъ *та* (= да, и) ³⁾. Имя одного мѣстечка въ Черниговщинѣ подъ Нѣжиномъ выговаривается и «Вертѣвка» и «Веркѣвка ⁴⁾. Очень распространены и въ Киевщинѣ и въ Черниговщинѣ формы «дѣкіл» и «ѣкіл» вм. «дѣтл» (= дятель) и уменьшительныя «дѣклик»

1) Извѣстная украинская литературная семья Косачей (Леся Украинка, Олена Пчілка и др.) обратила мое вниманіе на то, что произношеніе типа «кіло», «кісто» слышится и у нихъ въ Новоградъ-Волинскомъ уѣздѣ,—напр., въ ихъ родномъ селѣ Колодяжномъ возлѣ мѣстечка Мирополье.

2) См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ «Спльотни» полѣшука М. Семенюка (Житомиръ, 1872), стр. 22: «ковкни слинку».

3) Тамъ, напримѣръ, вмѣсто «йдѣть і ви-ке додому» говорятъ: «йдѣть і ви-те додому», чему, конечно, содѣйствуетъ и вліяніе глагольной аналогіи. (См. много примѣровъ на такое *те* въ рассказѣ Леси Украинки: «Приязнь» — въ «Кіевской Старинѣ» 1906, окт., стр. 13, 14, 15 и т. д.). Вмѣсто обычного *ся та він* можно на Волини услышать: «я ке він» (черезъ промежуточную стадію: «я та він»),—явленіе, которое было отмѣчено (помнится, г. Коробкою) въ одномъ изъ первыхъ томовъ «Живой Старины». — Замѣчу мимоходомъ, что общемало-русское чередованіе эфемизма для *repis virilis*: «сабака» и «табака» обязаю своимъ появленіемъ повидимому не столько вліяніемъ семасіологическимъ, сколько фонетическому чередованію *ка* и *та*. (Срв. и въ великорусскомъ нарѣчьи произношеніе этого слова со звукомъ *е*, а не только со звукомъ *а*. Даль: «Толковый словарь», т. IV, М. 1866, стр. 361).

4) См. корреспонденцію въ кіевской малорусской газетѣ «Громадська Думка», 1906, № 86, стр. 4, гдѣ оказываются параллельно обѣ формы. Еще ср. форму «Веркѣвка» (съ *т*) въ «Громадській Думці» 1906, № 108 и № 159, и «Веркѣвна» (съ *к*)—въ ней же, № 190 и въ «Шершені» 1906, № 24.

и «яяликъ» вм. «дѣяликъ»; а глаголь, означающій «назойливо ка-
нючитьъ», «долбитьъ», произносится сплошь да рядомъ «яялѣти»
(вм. «яятлѣти», «дѣятлѣти») ¹⁾. Да и начальный слогъ этихъ суще-
ствительныхъ и этого глагола (*ja* вм. *дѣя*) выразительно говорятъ
о существованіи, прежде, промежуточной стадіи: *яя*. Череду-
ющаяся форма имени «Келимонъ» и «Телимонъ» (Пантелеймонъ) из-
вѣстна, съ обычной перегласовкой *e* на *a*, отъ Кіевщины до край-
няго сѣверо-востока Слободской Украины (срв. какъ «Калимонъ»,
такъ и «Талимонъ» — у Квитки). Другой такой общеизвѣстный
примѣръ чередованія *m* и *k* — «стирта» и «скирта». Въ Кіевщинѣ
существуетъ ругательство: «люкре!» (въ смыслѣ «безбожный»,
«безсовѣстный»), которому соотвѣтствуетъ западно-малорусское
лютре» ²⁾. — Въ судьбѣ звука *d*, обращающагося у малорус-
совъ въ звукъ *g*, можно отмѣтить даже кое-какое дальнѣйшее
развитіе, а именно: въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
Кіевщины (и вообще восточной Украины) звукъ *g* произносится
уже съ трудомъ, тамъ мы для замѣны звука *d* не разъ слышимъ
уже не звукъ *g*, а близкій къ нему звукъ *k*; такъ, въ Кіевщинѣ
вмѣсто «на-Дмѣтра» (т. е. «въ день св. Димитрія» = «на-Дьмѣтра»)
говорятъ теперь: «на-Кмитра», а вмѣсто «маю на предметѣ»
(тамъ на przedmiecie) произносятъ: «маю на прекметѣ» ³⁾. — Что
этотъ законъ о смѣшеніи мягкихъ *m* и *d* съ *k* и *z* есть вполнѣ
малорусская черта, не навѣянная изъ Великороссіи, это лучше
всего доказывается рѣчью галицкихъ горцевъ-гуцуловъ, никогда

1) Фонема «яяіа» печатно засвидѣтельствована черниговскими «Этнографиче-
скими матеріалами» Б. Д. Гринченка, на что онъ самъ любезно обратил мое
вниманіе. Глаголь «яялѣти» употребленъ черниговцемъ Номисомъ при объясне-
ніи къ пословицѣ № 12.158 его сборника: «Українські приказки, прислів'я і
таке инше» (Спб. 1864, стр. 238).

2) Это есть, собственно, звательный падежъ отъ «люторъ» (р. п. «лютра»),
первоначальный смыслъ котораго — «лютеранинъ» (срв. зап.-мр. «перейти на
лютра» = перейти въ лютеранство).

3) Такъ какъ параллельно съ этимъ выраженіемъ имѣется равносильное
ему другое: «маю на примѣті» (= на примѣтѣ), то взаимодействие обоихъ выра-
женій привело къ образованію новаго существительнаго женск. р.: «прекметъ»
(или «прикметъ»), со значеніемъ «примѣта». Это новое существительное ж. р.
вошло даже въ литературную рѣчь.

не знавшихъ великорусскаго вліянія. Такъ наз. «покутскій» галицкій говоръ систематически замѣняетъ каждое мягкое *д* на *г* (гѣд, гѣвка=дѣдъ, дѣвка), а каждое мягкое *т* на *к* (кѣсто, в хакѣ=тѣсто, въ хатѣ) ¹⁾.

Относительно звука *т* въ имени «Мартьянъ» надо впрочемъ оговориться, что онъ (въ противность категорическому утвержденію г. Соболевскаго) можетъ объясняться вовсе не чередованіемъ звуковъ *к* и *т*. У насъ нѣтъ твердыхъ основаній думать, что имя «Мартьянъ» равносильно имени «Маркіанъ», а напротивъ есть основанія думать, что «Мартьянъ» есть сокращеніе имени «Мартиніанъ». По крайней мѣрѣ, въ февральской книжѣ XV вѣка (хранящейся въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи № 584) подъ 13-мъ февраля (л. 130) оказывается житіе преподобнаго «Мартіана черноризьца», въ этотъ день празднуется память св. Мартиніана, не Маркіана, и все помѣщенное тамъ житіе есть житіе именно св. Мартиніана.

IV.

«Затѣмъ», продолжаетъ г. Соболевскій свою статью, «въ Начальной лѣтописи (по западно-русскимъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ) названіе рѣки въ Переяславской области, хорошо извѣстное въ Кіевѣ, звучитъ «Ольто», несомнѣнно изъ «Льто» (что сохранено Лаврентьевскимъ и Ипатскимъ списками). Въ немъ мы имѣемъ неорганическое *о*, появляющееся въ подобныхъ случаяхъ въ великорусскихъ и отчасти въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ и не встрѣчающееся въ малорусскомъ [это неправда. *А. Кр.*]. Оно могло войти въ старшіе списки лѣто-

---

1) Огоновскій: Studien, стр. 77. Множество примѣровъ можно найти въ матеріалахъ, издаваемыхъ Ученымъ Обществомъ имени Шевченка въ его «Етнографічному Збірняку».

писи, кіевскіе, лишь подъ вліяніемъ живого произношенія, также кіевскаго, и изъ нихъ уже перейти въ списки не кіевскаго происхожденія»¹⁾.

Что «Ольто», съ призвукомъ *o*, есть очевидная черта старокіевскаго говора, въ этомъ г. Соболевскій, конечно, правъ. Но только ничего противомалорусскаго въ этой чертѣ нѣтъ. Г. Соболевскій долженъ былъ бы вспомнить, что и Волянь, малорусизмъ которой онъ ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній, тоже передѣлала свой лѣтописный городъ «Вручий» (подъ 6485—977 г. и сл.) на «Овручъ»²⁾. Дѣло въ томъ, что неорганическій призвукъ *o* вполне свойственъ малорусской рѣчи, что должно быть извѣстно каждому великоруссу, читавшему Гоголя и встрѣчавшему тамъ имена «Оксана» (= Ксенія) и «Одарка» (= Дарья). Объ этомъ г. Соболевскій могъ бы справиться въ популярной школьной грамматикѣ малорусскаго языка проф. Ом. Огоновскаго, гдѣ напелъ бы приведенное, въ видѣ примѣра, «олжа» (=лжа, ложь)³⁾, а кромѣ того г. Соболевскій напелъ бы объ этомъ свѣдѣнія въ общеизвѣстной книгѣ того же проф. Огоновскаго, знакомство съ которой безусловно обязательно для всякаго, кто поднимаетъ діалектологическіе вопросы: *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache* (Львовъ 1880). Въ этой книгѣ малорусскій при-

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 319—320.

2) Теперь употребляется только форма «Овручъ» (съ призвукомъ). Но еще къ началу XVI вѣка свободно чередовались обѣ формы: съ призвукомъ *o*, и безъ призвука. Такъ, въ жалов. грам. 1496 г. великаго князя Александра на мѣстникамъ Овруцкому и Звягольскому мы параллельно находимъ: «на мѣстнику Вруцкому», «Вручей» — и «въ Овруцкомъ повѣте». То же въ спискѣ грамоты его же 1498 г., входящемъ въ кіевскую книгу кгородскую 1736 г. (№ 47, л. 308): «земенынъ Вруцкий» — и «въ Овруцкомъ месте». Польская копия съ жалованной грамоты Александра 1608 г., внесенная въ Овруцкую книгу кгородскую 1717 г. (№ 3224, л. 93), содержитъ въ себѣ: «starciu Wtuckemu» — и «rod miastem Owrczuzum».

3) Ом. Огоновскій: Грамматика [мало]-русского языка для школъ средних (Львовъ 1889), стр. 26, § 72. Слово «олжа» вовсе не специально-галицкое: оно очень обычно у Кулиша. Глаголь «олгати» (несов. вида, им. «лгати») фигурируетъ и въ думѣ про Азовскихъ братьевъ: «А будемо ми, брате, перед отца, перед маткою олгати» (Антоновичъ и Драгомановъ, т. I, стр. 119).

звукъ *О* отмѣченъ въ рубрикѣ: *Vorgschlag von Vocalen* (стр. 54—55, § 14), причѣмъ приведены и кое-какія свидѣтельства памятниковъ (напр., овшейкы=вшейкы, укр. *всенькі*, — изъ галиц. грамоты 1457 г.), и подчеркнуты также такіе малорусскіе приѣмры, какъ «оборігъ» (=польск. *bróg*), «ожеледь, ожеледипя» (=жлѣдница), «оселедець» (*śledź*) и др. Кроме того, стоило бы г. Соболевскому лишь слегка перелистать общедоступный «Малорусско-німецкий словарь» Желеховскаго (Львовъ 1886) въ отдѣлѣ буквы *О*, — и передъ нимъ воочию предсталъ бы длинный рядъ такихъ типичныхъ малорусскихъ формъ (типа «олжа»), какъ «ортутъ» (=ртуть); горно-гал. «об^рва» (=брва, брова; бровь); гал. «орів» (=рив; очевидно при родительномъ «орва», украин. «рѣва»); «омшѣр» (=мшар; мѣсто, поросшее мхомъ); «орханці» (особыя желѣзные колечки, — тоже, что «р^хханці», «рихванці»); «ождиган» (кій; = персидско-тюрк. *джиган*, *джуган*, *چوگان*); «овпило» (=кпило; насмѣшливый обманщикъ); «ограшка» (иронич. названіе для лихорадки; =грашка, вграшка), «ореля» (качель=реля) и множ. др.; заслуживаютъ вниманія названія двухъ горъ: «Опчина» (=бъчина, бочка) и «Остих» (=нѣм. *Stich*; у Желех. «Гостих») ¹⁾. Полагаю, что всѣ эти выписки изъ школьныхъ руководствъ и настольнаго словаря ²⁾ избавляютъ меня отъ необхо-

1) Придыханіе *h* есть, какъ извѣстно, вещь въ малорусскомъ языкѣ обычная, и она свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что неорганической гласный призывъ *o* въ томъ или другомъ словѣ появился давно. Срв. примѣры изъ Киевщины: «У пана він юправа рука» (=правая рука), и тамъ же, въ извѣстной лупальской пѣснѣ: «...Іванко лежить, в юправій рупці Марійку держить» (=въ правой рукѣ). Иногда вмѣсто *h* призывъ *o* снабжается призывкомъ *e*, какъ, напр., въ словѣ «орвилъ» (нарывъ), которое отмѣчено и у Желеховскаго.

2) Предлагаю также раскрыть какой-нибудь номеръ киевской малорусской газеты, чтобы найти соответствующіе примѣры. Напр. въ одномъ изъ послѣднихъ №-овъ «Громадської Думки» (№ 69, стр. 3, столб. 3) находимъ вмѣсто «блискавку» (=молнію) форму съ призывкомъ: «облискавку», а въ другомъ номерѣ три раза находимъ «отрунокъ» вм. «трунокъ» (=животъ). См. № 90, стр. 2. Вмѣсто обычнаго «блакить» (=синевя, польск. *blękit*) мы тамъ читаемъ «облалять» (№ 158, стр. 1, въ фельетонѣ). Въ одной изъ послѣднихъ книгъ журнала «Нова Громада» встрѣчаемъ, локально-полтавское «опорѣкъ» вм. «порѣкъ» (въ послоняцѣ: «Бідність не опорѣкъ, 1906, июль, стр. 72). И т. п., и т. п.

димости засыпать г. Соболевскаго тою *массою* примѣровъ на малорусскій призывукъ *о*, которые я могъ бы предложить ему изъ своихъ личныхъ записей, собранныхъ въ Кіевщинѣ³⁾.

V.

Покончивши съ якобы-великорусскими фонетическими особенностями Кіевской лѣтописи (сплошь и сугубо малорусскими, какъ мы видѣли!), г. Соболевскій рѣшается усмотрѣть великоруссизмы въ словарномъ запасѣ Кіевской лѣтописи. Такихъ будто бы немалорусскихъ словъ онъ находитъ три. Онъ говоритъ:

«Начальная и Кіевская лѣтописи пользуются: словомъ *старшійшина* съ позднѣйшимъ значеніемъ одного человѣка, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры [въ видѣ «старшина»] употребляютъ его лишь въ древнѣйшемъ значеніи собирательномъ [это не такъ. *А. Кр.*]; — *зоря* въ значеніи: заря, между тѣмъ какъ малорусскіе говоры знаютъ его только [нѣтъ! *А. Кр.*] въ значеніи: звѣзда; — словомъ *лошадь*, чуждымъ [и это не такъ. *А. Кр.*] малорусскому нарѣчію¹⁾».

Изъ помѣтокъ, сдѣланныхъ мною въ скобкахъ, читатель уже видитъ, что утвержденія г. Соболевскаго не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Они свидѣтельствуютъ только о практическомъ незнакомствѣ г. Соболевскаго съ самыми обыденными и частыми словами малорусскаго языка, а кромѣ того заставляютъ пожалѣть, что филологъ способенъ съ необыкновенной смѣлостью компрометтировать себя фактически-невѣрными утвержденіями, тогда какъ двѣ-три минуты справокъ, хотя бы просто по сло-

3) Въ моей «Украинской грамматикѣ» о неорганическомъ призывкѣ *о*, см. отдѣльную рубрику въ главѣ: «Приемы малорусскаго благозвучія», § 42 и слѣд.

1) Извѣстія, указ. статья, стр. 320.

варю, могли бы его избавить отъ неприятности компрометтировать себя.

Всякій малоруссъ знаетъ, что малорусское слово «старшина» *всцѣло* соответствуетъ кievскому лѣтописному «старѣйшина»; во *всѣхъ* его значенiяхъ. Подобно тому, какъ въ языкѣ Киевской лѣтописи слово «старѣйшина» значитъ: и начальство въ собирательномъ смыслѣ (срв. Лавр. сп., стр. 16: «рѣша старѣйшина»), и *одинъ* начальникъ (срв. Лавр. сп., стр. 38: «призва старейшину конюхомъ, — онъ же рече»), — такъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ *всѣхъ* мѣстностей слово «старшина» имѣетъ и собирательный смыслъ («уся старшина», — въ этомъ случаѣ оно ж. р.) и *единичный* смыслъ ¹⁾. Беремъ, для примѣра, малорусскiй переводъ ветхозавѣтной Библии ²⁾, раскрываемъ его гдѣ-нибудь наудачу въ тѣхъ частяхъ, которыя переведены уроженцемъ коренной Киевщины, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ и великимъ сторонникомъ своего родного среднекiевского говора Ив. Сем. Левицкимъ, — ну, хоть «Другу книгу Паралипоменон» на стр. 415-ой, — и сейчасъ же найдемъ: «зiбрав Соломон старшини Израйлеви» (V, 2), «прийшли *всi* старшини Израйлеви» (V, 4). Посмотримъ книгу Эзры, въ переводѣ опять-таки Ив. Сем. Левицкаго, на стр. 455—456: «приступили до мене старшини» (IX, 1), «i встав Ездра й звелiв старшинамъ поклятись» (X, 5), «присудом старшин та начальникiв» (X, 8), «вашi старшини (X, 14), «нехай приходять з ними старшини з кожного мiста» (ibid.). Посмотримъ переводъ Евангелiя — черниговца Кулиша, — и тамъ то же: «Ось приходить *один* iз школьник старшин, на iмя Яiр» (отъ Марка, V, 22), «приходять вiд школьного старшини» (ib., V, 35), «школьному старшинi» (ib., V, 36), «до школьного старшини» (V, 38), «сеi був старшиною» (Луки, VIII, 41), «вiд шкiльного старшини» (ib.,

1) См. въ моей «Украинской грамматикѣ» главу: «Родъ именъ существительныхъ», рубр. 8-ую.

2) Пользуюсь Вѣнскимъ изданiемъ 1908 г.

VIII, 49). Совершенно то же найдемъ и въ переводѣ волянянки Леси Украинки: «дочку *одного* старшини»¹⁾. У полтавца Гр. Коваленка въ его «Оповіданняхъ з української старовини» мы множество разъ встрѣчаемъ: «козацькі старшини» (= им. множ.), «козацький старшина» (ед. ч. для *одного* лица), «обрати нових старшин», «на новий рік вибіралися наново старшини, а старих судили, а як вони були винні, то й карали», — наряду, конечно, съ «козацька старшина» (= собирает.)²⁾. Итакъ ясно, что «старшина» можетъ означать по-малорусски и одного человѣка. Да достаточно было бы г. Соболевскому раскрыть «Малоруско-німецкий словарь» галичаннина Желеховскаго, т. II, стр. 916, и прочитать: «Старшина — der Aelteste, Senior».

И слово «зоря», въ противоположность утверженію г. Соболевскаго, значить по-малорусски не только «звѣзда», но и «заря». Примѣровъ на это могъ бы найти г. Соболевскій сколько угодно, въ области ли народной думы («Безпечно спать полягали—свѣтової зорі дожидали; став божий свѣт свѣтати—стали вони на ковї сідати»—въ думѣ о побѣгѣ трехъ Азовскихъ братьевъ)³⁾, въ области ли народной пѣсни («Вийшли в поле косарі — косить рано до зорі»), въ области ли народной поговорки («ні свѣт, ні зоря»), въ области ли стихотворной литературной рѣчи (срв. «Блиснула зоря—біліють поля»—у Кулиша въ «Досвѣткахъ»⁴⁾, въ области ли беллетристики («А стала зоря розсвѣтати... Катря ї каже: Вже сонце, день»—у Марка-Вовчка въ «Трьох доляхъ»⁵⁾); наконецъ г. Соболевскій могъ бы узнать, что значить по-малорусски «зоря» просто даже изъ нагляднаго разсмотрѣнія заглавной виньетки съ *восходящимъ солнцемъ* на извѣстномъ львовскомъ

1) Моріс Вері: Евангеліє, переклала з французького Л. У. (Львів 1906), стр. 8,—въ серіи «Літературно-Наукова Бібліотека», ч. 111.

2) См. журналъ «Рідний Край», 1906, № 29 (стр. 4—5) и слѣд.

3) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. I (Кіевъ 1874), стр. 119.

4) См. по изданію 1876 г. (въ Кіевѣ), стр. 196, въ поэмѣ «Великі проводи», пѣсня 5-я, I.

5) По петербургскому изданію 1862 г., см. т. II, стр. 149.

журналѣ «Зоря»¹⁾, который издавался «Науковим Товариством имени Шевченка» и довольно долго былъ литературнымъ средоточіемъ всей малорусской литературы, или изъ виньетки тоже съ восходящимъ солнцемъ на журналѣ «Зоря», который сталъ издаваться въ Россіи съ 1906 года послѣ отиѣны тридцатилѣтнихъ неслыханныхъ стѣсненій, давившихъ малорусскую литературу. Интересно, что виньетка на галицкомъ журналѣ «Зоря», согласно двойному значенію слова «зоря» въ малорусскомъ языкѣ, чередовалась: иногда это было восходящее солнце, иногда яркая звезда. Въ Львовѣ существуетъ ассоціація малорусскихъ ремесленниковъ, подъ наименованіемъ «Зоря»; по нѣмецки имя этой ассоціаціи переводится «die Morgendämmerung». Въ словарѣ Желеховскаго «зоря» переведено (сверхъ Stern): «Morgenröthe, Tagesanbruch, Аугога» (т. I, стр. 314).

Что касается третьяго слова: *лошадь*, употребленнаго въ Кіевской лѣтописи, то и здѣсь г. Соболевскій не имѣлъ бы ни малѣйшаго основанія видѣть великоруссизмъ, если бы зналъ отѣнки малорусской синонимики. Какъ разъ вѣдь дѣло стоитъ на оборотъ утвержденію г. Соболевскаго, и именно въ способѣ употребленія *этого* слова проявляется тонкая малорусскость Кіевской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что для обозначенія тѣхъ животныхъ, которыя у великоруссовъ огульно называются общимъ именемъ «лошадей», есть въ Кіевской лѣтописи не одно, а *два* слова: славянское «кони» и монгольское «лошади» (это послѣднее слово вложено въ уста Владимиру Мономаху подъ 6611—1103 г. на Долобскомъ сѣздѣ по поводу лошадей смердовъ), причемъ оба слова означаютъ въ кіевской лѣтописи неодинаковыя понятія. Разница между кіевско-лѣтописнымъ «кони» и кіевско-лѣтописнымъ «лошади»—какъ разъ такая, которой нѣтъ у великоруссовъ и которая, напротивъ, и теперь сохраняется въ живой рѣчи той же сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины, гдѣ совершались лѣтописныя событія. Вѣдь въ великорусскомъ

1) Онъ былъ иллюстрированъ съ 1891 года.

нарѣчи лошадыми могутъ называться всѣ equi, всякаго достоинства, — отъ жалкой клячи до молодцоватой кавалерійской лошади, до породистыхъ заводскихъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. Не то въ Кіевской лѣтописи. Хорошія и обыкновенныя лошади называются тамъ исключительно «кони», «конѣ» (какъ и у современныхъ малоруссовъ «коні»), а вотъ заморенная лошадь *смерда* называется монгольскимъ терминомъ «лошадь». Это жъ и есть малоруссизмъ, потому-что ирѣчь современныхъ малоруссовъ строго сохранила упомянутую лѣтописную разницу между славянскимъ и монгольскимъ словомъ. Примѣняя терминъ монгольскій, современный малоруссъ, подобно Владиміру Мономаху, влагаеть въ него извѣстный оттѣнокъ пренебреженія или снисхожденія, указывающій на нѣчто мелкорослое, слабое. Въ виду представленія о мелкорослости и слабости, включеннаго въ смыслъ этого слова, оно (т. е. монгольское «лошадь» съ родительнымъ «лошади») успѣло приурочиться у малоруссовъ къ формѣ уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ «ятъ»: жеребенокъ называется по-малорусски всюду «лоша» (род. п. «лошати»), — лучшее доказательство малорусской исконности этого слова! Тотъ же оттѣнокъ мелкорослости и слабосильности вложенъ и въ смыслъ другихъ родственныхъ малорусскихъ словъ этого корня: «лошунъ», «лошиця» (=лошаденка) и т. п.¹⁾ Въ Полтавщинѣ слово «лошиця» есть даже спеціальнѣ terminus technicus: такъ называютъ полтавцы кобылу по второму и третьему году, т. е. не совсѣмъ еще окрѣпшую. Въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Кіевщинѣ и на Волини) слово «лошиця», «лошичка» значить (сколько я наблюдалъ) просто лишь «лошаденка»²⁾. Замѣтимъ, что эти слова употребляются и въ Австрійской Украинѣ, въ закоулкахъ Карпатскихъ горъ³⁾, свидѣтельствуя этимъ фак-

1) См. перечень въ словарѣ Желеховскаго, т. I, стр. 414.

2) Срв., между прочимъ, употребленіе словъ «лошиця» и «лошичка» въ недавнемъ разказѣ «Зажинки» Ворона-Вильчинскаго, изъ пограничья Волини и Подолія (Громад. Думка» 1906, № 155).

3) Сверхъ Желеховскаго см. буковинскій словарь О. Поповича (Чернівці, 1904), стр. 130.

томъ о своей глубокой малорусской архаичности. Въ архаичныхъ говорахъ нынѣшнихъ «смердовъ» Черниговщины, «лошадя» которой попали благодаря рѣчи Владиміра Мономаха въ лѣтопись, можно услышать и ласкательно-увеличительное слово: «лошадюга».

Сверхъ этихъ трехъ словъ: «старѣйшина» (м. р.), «зоря» и «лошадя», г. Соболевскій не указываетъ больше ни одного якобы «великоруссизма» въ Начальной и Кіевской лѣтописи, но зато дѣлаетъ голословное подстрочное замѣчаніе: «Читающій Начальную и Кіевскую лѣтописи поражается близостью ихъ синтаксиса и словаря къ великорусскому матеріалу»¹⁾.

О какомъ «читающемъ» идетъ рѣчь? О какомъ ли, который подобно г. Соболевскому знаетъ только великорусское нарѣчіе, а малорусскаго *не знаетъ*?.. Или о какомъ, который основательно знаетъ *оба* нарѣчія? — Если рѣчь идетъ о второмъ, то я (природный малоруссъ изъ Кіевщины, безукоризненно знающій свою родную рѣчь, и притомъ филологъ, кропотливо изучившій исторію малорусскаго языка) могу заявить, что близость кіевско-лѣтописнаго синтаксиса и кіевско-лѣтописнаго словарнаго запаса къ великорусскому матеріалу можетъ быть усмотрѣна *лишь* такая, какая вообще можетъ существовать между малорусскимъ и великорусскимъ синтаксисомъ и словаремъ.

Въ особенности поразительна первая половина утвержденія г. Соболевскаго: про синтаксисъ. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы г. Соболевскій хотѣлъ своими словами сказать, будто въ кіевской лѣтописи онъ нашелъ *специально-великорусскій* синтаксисъ. Такое заявленіе никогда не могло бы быть поддержано со стороны г. Соболевскаго реальными доказательствами. Повторяю, что, зная очень твердо, какъ современный, такъ и старшій малорусскій языкъ, а въ частности рѣчь моей родной Кіевщины, я рѣшительно заявляю г. Соболевскому въ этомъ органѣ Академіи Наукъ, передъ лицомъ всего ученаго славянскаго міра, что

1) Извѣстія, указ. мѣсто, стр. 320.

г. Соболевскій не въ состояніи будетъ указать во всей Начальной и Кіевской лѣтописи *ни одною* синтактическаго оборота, который былъ бы *спеціально* великорусскимъ и отсутствовалъ бы или въ современной или въ старинной малорусской рѣчи. А кто не помнитъ замѣчательной характеристики *стиля* кіевской лѣтописи великорусса Соловьева, который такъ рельефно отличается живой малорусско-сангвиническій стиль кіевской лѣтописи отъ сухого, дѣловитаго стиля великорусскихъ лѣтописей?!

Точно также, что касается словарнаго запаса старокіевской лѣтописи, то, какъ мы видѣли, г. Соболевскій могъ выудить въ лѣтописи только три якобы великорусскихъ слова, и тѣ при провѣркѣ оказались сугубо-малорусскими. Если же онъ ощущаетъ сходство отдѣльныхъ (малорусскихъ) словъ кіевской лѣтописи съ отдѣльными словами, выхваченными въ раздробъ изъ того или другого великорусскаго нарѣчія, то не мѣшало бы г. Соболевскому имѣть въ виду, что *нѣтъ* такого великорусскаго нарѣчія, въ которомъ кіевско-лѣтописныя слова констатированы были бы въ большей или меньшей *совокупности*. Я же, малоруссъ, наоборотъ поражаюсь замѣчательной *совокупной* близостью старокіевской рѣчи къ современной рѣчи сѣверной и средней Кіевщины. Множество предметовъ и понятій въ нынѣшней сѣверной и средней Кіевщинѣ XX вѣка до сихъ поръ сохранили огромной массой то же свое старинное названіе, какое они имѣли въ кіевской лѣтописи XI—XIII вѣка, — тогда какъ въ Великороссіи эти же слова (да и то далеко не всѣ) если и можно разыскать, то развѣ по одиночкѣ, въ раздробъ: одно слово найдется въ одномъ великорусскомъ говорѣ, другое — въ другомъ; найдутся они въ говорахъ разнаго типа, въ отдаленныхъ другъ отъ друга говорахъ и употребляются въ совсѣмъ разныхъ концахъ Великороссіи, а никакъ не суммарно и цѣльно въ одномъ какомъ-нибудь великорусскомъ говорѣ¹⁾. И вполне очевидно для всякаго

1) При помощи *сборнаю* «Толковаго словаря живого великорусскаго языка (со включеніемъ бѣлорусскаго)» Даля, очень не трудно натаскать изъ разныхъ великорусскихъ закоулковъ великорусскія (— бѣлорусскія!) слова, сходныя на

безсторонняго судьи, что близость между лѣтописно-кіевскимъ словаремъ и тою великорусскою аггломератною словарной кучкой, которая *мозаично и разрозненно* будетъ надергана изъ совершенно неблизкихъ другъ къ другу разныхъ великорусскихъ говоровъ, не можетъ быть равной по цѣнѣ съ *массовою* близостью малорусскаго словарнаго матеріала современно-кіевскаго (сѣверной и средней Кіевщины) со словарнымъ матеріаломъ кіевско-лѣтописнымъ. Это надо сказать даже про категорію словъ, наиболѣе склонныхъ къ измѣненію: про названія домашнихъ предметовъ, названія животныхъ, растеній, цвѣтовъ и т. п., которыя такъ поразительно сходны въ домонгольской Кіевщинѣ лѣтописной и въ малорусской Кіевщинѣ нынѣшней¹⁾. И я сомнѣваюсь, чтобы *непредупрежденный* великоруссъ, видя съ одной стороны—*суммарную* близость старо-кіевскую и *нынѣшне-кіевскую* (поразительную суммарную словарную близость!), а съ другой стороны—видя лишь *искусственно составленную* близость съ *великорусскимъ* словаремъ, достигнутую при помощи *мозаичныхъ* надергиваній изъ Даля или изъ старорусскихъ «Матеріаловъ» Срезневскаго, согласился признать въ старо-кіевскомъ словарѣ свое великорусское достояніе. Я убѣжденъ, что, въ виду такого положенія дѣлъ, кака-нибудь кіевско-лѣтописная «котзка», сидящая на «присѣнѣ» и умильно глядящая на «олубыньки», пока не будетъ облита *укропомъ* изъ *галька*, или вспугнута «хыртъ»-омъ, покажется для безтенденціознаго великорусса не великорусской кошкой, а предкомъ нынѣшней кіевской «кітки», сидящей на

только съ малорусскими, но и съ другими славянскими, — скажемъ, даже болгарскими. Гдѣ-нибудь на холодномъ сѣверѣ можно выудить даже такое, казалось бы, типично-болгарское слово, какъ «гольмъ» (=большой); срв. вятское «гольмый» (=высокорослый, верзило).

1) Я имѣю въ виду главнымъ образомъ только то пространство нынѣшней Кіевской губерніи, которое тянется лишь до р. Роси, служившей и въ старину южнымъ предѣломъ Кіевскаго Полянскаго княжества. Южнѣе же р. Роси нынѣшнее малорусское населеніе — ужъ пришлое, происходящее не только изъ средней и сѣверной Кіевщины, но и съ запада. Самое нарѣчіе къ югу отъ р. Роси кое-въ-чемъ ужъ отлчается отъ нарѣчія средней и сѣверной Кіевщины, являющагося чистымъ потомкомъ стараго полянскаго.

«приспѣ» и глядящей на «голубникъ» (=голубятникъ). «Гъльктъ»¹⁾ окажется современнымъ кievскимъ «глекомъ» (=кувшинномъ) и «сукропъ» — не огороднымъ растеніемъ (какъ прежде всего склоненъ былъ бы подумать нынѣшній великоруссъ), но просто кпяптомъ (что легко можетъ разъяснить любая сельская баба изъ Кіевщины); а кievско-лѣтописный «хъртъ» будетъ для безтенденціознаго великорусса несомнѣннымъ предкомъ нынѣшнихъ кievскихъ «хортівъ» (=охотничьихъ собакъ), который и въ X—XII вѣкѣ, какъ и его малорусскій потомокъ-«хортъ» теперь, устраивалъ «ловы» (=мр. «лѣвы», т. е. охоту) на «погану котьку» (=мр. «погану кітку»), словно на «сѣверицю» (=мр. «вивірицю», т. е. бѣлку). Пусть великоруссъ посмотритъ и на вѣтшій обликъ «мостодаря» (мр. «господаръ» = хозяинъ) этого лѣтописнаго «хорта»: пусть посмотритъ на старокievскаго княжескаго «меченошу» (мр. «меченѣша» = меченосецъ), въ роскошной «лудѣ» (мр. «луда» = Deckmantel, или мр. «луданъ» = mit Gold reich gesticktes Unterkleid); у такого «меченоши» за спиной или у бока найдется, пожалуй, и «топоръ» (мр. «топиръ» — особое оружіе, оплетенный у рукояти для удобства «паворозами» (мр. «павороза», «повороза» = шнурокъ)²⁾. А что это за лѣтописный «топоръ», объ этомъ могутъ рассказать даже нынѣшніе обезоруженные малоруссы «козацкаго сословія» съ сѣверной стороны Кіева, но еще лучше будетъ справиться у горца-гуцула, который вамъ съ полной точностью и наглядностью объяснитъ, какое это оружіе — лѣтописный «топоръ» и нынѣшній малорусскій «топиръ» (персид. تبر): какъ ни какъ, его надо всежъ отличать отъ дровосѣцкаго оружія «сокири» (лѣтоп. «сѣкыра», «секыра»), которой *тялися* лѣтописныя «трѣскы» и рубятся (мр. «тнуться») соврем. малорусскія «тріски» (=щепки). Про послѣднія (лѣтописныя «трѣскы») можно было бы навѣрное справиться вонъ-тамъ за кievской лѣтописной

1) Беру это слово изъ Несторова «Житія Θεодосія Печерскаго».

2) Интересно, что и по-малорусски и по лѣтописно-кievски слово «павороза» есть женскаго рода, тогда какъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ оно падаетъ, сколько извѣстно по словарямъ, лишь въ мужескомъ родѣ.

«рѣню» (мр. «рѣнь» = отмель), возлѣ лѣтописной «ати» (мр. «ать» = плотина, запруда), гдѣ и въ лѣтописный періодъ работаютъ съ «сѣкырами» и «мыскарями» (мр. «лискар, рискаль» = заступъ) кіевско-лѣтописные «паробѣжы», предки нынѣшнихъ кіевскихъ «паробкѣв», одѣтые такъ же, какъ и нынѣшніе «паробки», зимою въ «кожухы» (мр. «кожух» = тулупъ), а лѣтомъ — въ свои типичныя «свиты» (мр. «свита» = сермяга) изъ «овлы» (мр. «з вонни» = шерстяныя)...

Сколькихъ нынѣшнихъ великоруссовъ изъ разъединенныхъ провинціальныхъ захолустій, изъ-за три-девяти земель отъ Кіевщины, пришлось бы вмѣстѣ собрать для того, чтобы они совмѣстными силами сѣумѣли объяснить на основаніи живого великорусскаго языка если не всѣ, то хоть нѣкоторыя изъ этихъ кіевскихъ лѣтописныхъ словъ, свободно объясняемыхъ изъ нынѣшней кіевской малорусской рѣчи! А подобныхъ словъ можно набрать изъ Кіевской лѣтописи цѣлую гору, — и нефилологи-великоруссы, обыкновенная публика, будутъ чувствовать себя передъ этимъ старо-кіевскимъ словаремъ, выражаясь по лѣтописному, «невѣдасами» (мр. «невіглас» = невѣжда). Только по капелькамъ, одно по одному, эти слова (я то не всѣ) могутъ быть высканы въ разрозненныхъ великорусскихъ говорахъ или въ старыхъ великорусскихъ рукописяхъ, — да и тамъ часто подъ сомнѣніемъ, не заимствованы ли они изъ южнорусскихъ оригиналовъ. И все же въ концѣ концовъ окажутся и въ Кіевской лѣтописи, и въ другихъ спискахъ кіевскихъ памятниковъ *исключительно-малорусскія* слова и обороты, извѣстные *только* у малоруссовъ ¹⁾, совершенно чуждые великоруссамъ. Да ужъ передъ однимъ союзомъ *та* (въ смыслѣ «и»), который мы знаемъ въ лѣтописной рѣчи Бориса и Глѣба и Владиміра Мономаха и въ рѣчи нынѣшнихъ малоруссовъ, великоруссъ, остановится въ

1) Въ лучшемъ случаѣ — и у бѣлоруссовъ, потому что бѣлорусскій словарный запасъ близокъ къ малорусскому. Извѣстно, что Миклошичъ и другіе считаютъ бѣлорусское нарѣчіе вѣтвью малорусскаго, а не великорусскаго.

недоумѣніи; и старые великорусскіе памятники, не знаютъ союза та въ смыслѣ «и»¹⁾, въ противность старымъ памятникамъ малорусскимъ, въ томъ числѣ и западнымъ, исконную малорусскость которыхъ признаетъ и г. Соболевскій²⁾. Гдѣ, кромѣ Малороссіи, «горсть» называется «пригорща»? А вѣдь такъ («*пригорща*») оно называется въ Несторовомъ «Житіи Феодосія»³⁾. Можетъ ли какой-нибудь великорусскій говоръ похвалиться, что «*ничить трава жалощами*» въ Словѣ о полку Игоревѣ (оно составлено или въ Кіевѣ, или въ Черниговѣ) есть для него буквально-родная великорусская фраза? А современный малорусъ Кіевщины и Черниговщины и сейчасъ буквально такъ скажетъ⁴⁾. Но особенно интересно посмотрѣть на кіевско-гѣтописное слово «*лмокъ*» и связанное съ нимъ сказаніе.

Дѣло происходитъ въ новооснованномъ Печерскомъ «манастырѣ» (=манастирі), гдѣ святые подвижники, набожно спаясь каждый въ своей «печерѣ» (=печері) и съѣдая въ день лишь по скудной «единой проскурѣ» (=по единій проскури), приготовленной часто даже изъ «жита» (=изъ жита, т. е. изъ ржи), а не изъ бѣлаго «борошна» (=мр. «борошна», т. е. муки), достигали дара чудесъ. Старецъ Матвѣй получилъ тамъ даръ прозорливости. И одинъ разъ, стоя на всеобщемъ богослуженіи въ церкви «среди зорями» (=перед зорями), старецъ увидѣлъ, какъ по церкви ходитъ бѣсъ-служитель въ образѣ ряженнаго ляха, «въ лудѣ» (=въ луді, — или быть можетъ, = въ жупані-лудані), и онъ носитъ «въ приполѣ» (=въ приполі) цвѣтки, «иже глаголется *лмокъ*». На кого изъ молящейся братіи бѣсъ-ляхъ броситъ цвѣтокъ-«лѣпокъ» и къ кому этотъ цвѣтокъ при-

1) См. матеріалъ, сопоставленный въ древне-русскомъ словарѣ Срезневскаго, III, стр. 909.

2) Между прочимъ укажемъ употребленіе та (въ смыслѣ «и») въ буквенскихъ грамотахъ XV в. (см. Уляницк. № 95, № 105 и др.).

3) По изд. Поповымъ списку XII—XIII в., л. 29 б. См. у меня «Филологія и Погодинская гипотеза», стр. 66—69. Ср. еще словарь Срезневскаго, т. II, стр. 1897.

4) Срв. у Кулиша въ «Досвѣткахъ» (по изд. 1876 г.), стр. 20 (=Кумейка, VI).

станеть, тотъ сейчасъ начинаетъ дремать и уходитъ изъ церкви въ келью. Этотъ лѣтописный разсказъ¹⁾ общезвѣстенъ, но никто до сихъ поръ изъ русскихъ ученыхъ не далъ разъясненія, что это за «лѣпокъ»²⁾, потому-что никакой цвѣтокъ нигдѣ въ Великороссіи, ни въ одномъ великорусскомъ нарѣчій, не называется «лѣпожъ», а къ рѣчи современныхъ кіевскихъ малоруссовъ обратиться не догадались. Въ современной же Кіевщинѣ (какъ впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Украины) «лѣпокъ» — это *Asperula* (растеніе изъ семьи Rubiaceae, научно переводимое по русской книжной ботанической терминологіи словомъ «шершница»). «Лѣпокомъ» въ Кіевщинѣ называется — какъ грубая *Asperula Aragine* (по-великорусски «сеплюга», по-польски *ost-gyca*), такъ и пріятная *Asperula odorata* (по-великорусски «ясенникъ», или «есмянникъ», по-польски *magzanka wonna*)³⁾. Судя по лѣтописному контексту, обаятельный «лѣпокъ», находившійся у Бѣсовскаго ляха «в приполі», былъ *Asperula odorata*, т. е. ясенникъ.

1) См. въ Лаврент. сп. стр. 184—185 (подъ 6582 г. = 1074); въ Ипат. сп., стр. 184. Въ Печерскомъ Патерикѣ, по изданію В. Яковлева (1872), см. стр. 77—78.

2) Такъ, словарный указатель предметовъ, приложенный къ археологическому изданію Лаврентьевскаго списка (подъ ред. акад. Бычкова), объясняетъ: «Лѣпки—приворотное зелье» (стр. 53). — Такой же указатель къ изданному той же Археологической комиссіей Ипатьевскому списку гласитъ: «лѣпокъ—цвѣтокъ» (стр. 6). — Неподписанное московское переизданіе: «Лѣтописи преп. Нестора по Лаврентьевскому списку съ приложеніемъ словаря древнихъ русскихъ словъ» (М. 1864) совсѣмъ пропускаетъ въ словарѣ (на стр. 168) слово «лѣпокъ», какъ неподдающееся точному разъясненію. — Очевидно по той же причинѣ не вошло оно и въ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» А. Дювернуа (М. 1894), срв. стр. 92. Въ «Матеріалахъ» для словаря древнерусскаго языка И. Срезневскаго находимъ то же недоумѣніе: «Лѣпкъ—название цвѣтка... можетъ быть, репей»; т. II (Спб. 1902), стр. 74.

3) Въ «Малорусско-німецкѣмъ словарі» галичанина Желеховскаго слово «лѣпокъ» переведено только: *Asperula odorata*. Но я изъ личнаго опыта знаю, что въ Кіевщинѣ «лѣпокомъ» называется не только *Asperula odorata*, но и *Asperula Aragine*, въ особенности чѣмъ дальше къ югу, къ степямъ. (А начиная съ границы Херсонской губерніи и далѣе по южной степи душистая *Asperula odorata* перестаетъ даже называться «лѣпокомъ», и называется тамъ она ужъ «остудникъ» (такъ же «смілка»); подъ «лѣпокомъ» тамъ понимаютъ ужъ одну грубую *Asperula Aragine*).

VI.

Свои замѣтки о мнимой немалорусскости Начальной и Киевской лѣтописей г. Соболевскій заканчиваетъ заявленіемъ, что имъ «чужды обычныя малорусскія слова, какъ *кохати*, *кайтъ*, *кайтъ* (съ к)».

Но вѣдь словъ *кохати* и *кайтъ* нѣтъ также ни въ галицко-волинской лѣтописи, ни въ галицкихъ и волинскихъ грамотахъ и ни въ одномъ удостовѣренномъ старо-галицкомъ или старо-волинскомъ памятникѣ, — и однако даже г. Соболевскій не рѣшается сдѣлать отсюда выводъ о непринадлежности старыхъ галичанъ и волянчанъ къ малоруссамъ. Надо, конечно, полагать, что и *кохати* и *кайтъ* издавна существовали какъ въ старомъ Киевѣ, такъ и на Волини съ Галичиною, но они не попали въ лѣтописи, въ грамоты и вообще на письмо въ силу чисто случайныхъ причинъ. Вѣдь не весь словарный домонгольскій матеріалъ старой Киевщины съ Черниговщиною, Волини и Червонной Руси переданъ намъ тѣми немногочисленными письменными памятниками, которые до насъ дошли.

Намекъ на слово *кохати*, отсутствующее въ подлинныхъ галицкихъ и волинскихъ памятникахъ, г. Соболевскій видитъ въ собственномъ имени *Коханъ* писца «Житія Савы Освященнаго» XIII в. и произвольно называетъ рукопись этого житія «галицко-волинской». Если мы даже согласимся съ г. Соболевскимъ, что собственное имя писца есть въ самомъ дѣлѣ, страдательное причастіе отъ «кохати»¹⁾ и притомъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ именъ, которыя усвоены отъ поляковъ, то и тогда г. Соболевскій долженъ будетъ сперва доказать, что переписчикъ «Житія Савы Освященнаго» былъ галичанинъ или волянчанинъ. Ру-

1) «Извѣстія», 1905, кн. 1, стр. 320.

2) Это имя легко можетъ быть простой передѣлкой общезвѣстнаго тюрко-хазарскаго *خاقان* или *قاقان*, извѣстнаго еще въ орхонскихъ надписяхъ.

копись эта найдена въ Палестинѣ, и въ ней ни слова не сказано о томъ, кто и откуда былъ ея писецъ. Всѣ филологи, кому приходилось имѣть дѣло съ нею, въ одинъ голосъ заявляютъ, что это не можетъ быть памятникъ ни галицкій, ни волынскій¹⁾. Пока г. Соболевскій не докажетъ противнаго, ссылаться на этотъ спорный памятникъ для рѣшенія какого бы то ни было спеціальнаго вопроса о рѣчи галичанъ и волянчанъ—не приходится.

Но если для слова «кохати» г. Соболевскій сумѣлъ предложить ссылку хоть на какой-нибудь сомнительный документъ, представляющій хоть нѣкое отдаленное подобіе аргумента, то по отношенію къ слову *кѣтъз* онъ даже и этого сдѣлать не могъ: нѣтъ такихъ старыхъ галицкихъ или волинскихъ памятниковъ, гдѣ бы попадалось это слово съ буквою *к*. Мы впрочемъ не понимаемъ, почему слово *кѣтъз*, присущее и нарѣчию бѣлорусскому²⁾ и великорусскому (псковск., тульск., смоленск., курск., воронеж.)³⁾, въ данномъ случаѣ снисходительно признается г. Соболевскимъ за достаточную мѣрку для установленія немалорусскости той рѣчи (= кievской), въ памятникахъ которой это слово не окажется (хотя бы случайно). Когда дѣло касается личныхъ малоруссизмовъ стараго Кіева, г. Соболевскій не бываетъ такимъ уступчивымъ. Или, быть можетъ, онъ не зналъ, что слово *кѣтъз* существуетъ въ великорусскихъ говорахъ?

Еще большее недоумѣніе возникаетъ у насъ по поводу той рѣшающе-діалектологической роли, которую г. Соболевскій придаетъ слову *ай*. Оно извѣстно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ, и великорусскому въ томъ числѣ⁴⁾. Микло-

1) Они готовы отнести его къ Кіеву, но это невозможно, потому что «Житіе Савы Освященнаго» содержитъ въ себѣ черты, рѣзко противорѣчащія языку безспорныхъ кievскихъ памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. Тщательное изученіе «Житія Савы» не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшихъ сомнѣній, что переписчикъ былъ бѣлорусъ.

2) Старѣйшій бѣлорусскій документальный примѣръ—вѣроятно, тотъ, который имѣется въ спискѣ «Привилея 1499 г. мѣсту Менскому». (= № 68 въ Мухомовскомъ сборникѣ, М. 1836): «квѣтъ мушкатовыи» (стр. 96).

3) Толковый словарь Даля, 1865, т. II, стр. 719.

4) Словарь Даля, т. I, стр. 301 (1863 г.).

шичь въ своемъ этимологическомъ словарѣ съ полнымъ основаніемъ называетъ это слово старо-славянскимъ¹⁾. Къ нему есть параллель и въ литовскомъ *gojus*, и во многихъ европейскихъ языкахъ, и въ средневѣковой латыни²⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что это праславянское слово, донинѣ распространенное отъ Адриатическаго моря до Тамбова, было извѣстно и старому Кіеву. Но, только, какую же рѣшающую силу для выясненія этнологіи древняго Кіева можетъ оно имѣть?

VII.

Собственно вотъ и все, что я долженъ былъ указать г. Соболевскому по поводу его сомнѣній на счетъ малорусскости старокіевскаго *домонгольскаго* говора. Но въ статьѣ г. Соболевскаго есть еще одна, небольшая глава, посвященная двумъ кіевскимъ монастырскимъ помянникамъ періода ужъ не домонгольскаго, а гораздо болѣе поздняго: конца XVI вѣка. Суть этой главы—въ томъ, что на спорадическихъ формахъ нѣсколькихъ именъ какъ-бы великорусскаго и бѣлорусскаго типа, внесенныхъ въ помянники какимъ-то монахомъ или богомольцами, которые могли приходить въ Кіевъ на поклонъ отовсюду и которые, въ томъ числѣ, могли конечно приходить и изъ Бѣлоруссіи и изъ Великоруссіи, г. Соболевскій хочетъ построить доказательство, будто даже въ концѣ XVI вѣка Кіевъ не былъ еще малорусскимъ. Между тѣмъ общій фонъ кіевскихъ помянниковъ—рѣзко малорусскій, и кашать они специально малорусскими именами.

Ужъ просто съ методологической стороны этотъ приемъ г. Соболевскаго не выдерживаетъ критики. Мало ли вѣдь изъ

1) *Etymologisches Wörterbuch*, стр. 59.

2) Срв. *Leges Langobard.*, *Bothar.* CCCXXV: «*Si quis accipitres de silva alterius tulerit, excepto de gajo regis, habet sibi*». См. у Срезневскаго: «*Материалы для древне-русс. слов.*», т. I, стр. 508.

какихъ концовъ православнаго міра могли приходять богомольцы на поклонъ славнымъ кіевскимъ святынямъ и даже поступать въ монастыри¹⁾! И можно ли по именамъ пришлыхъ богомольцевъ, записывающихся въ помянникъ или по записямъ монаховъ «зъ Москви» (какъ они титулуются въ кіевскихъ помянникахъ) заключать объ этнографической принадлежности кореннаго кіевского населенія? А на какомъ языкѣ говорило тогдашнее коренное кіевское населеніе, объ этомъ мы легко можемъ судить по подлиннымъ тогдашнимъ памятникамъ изъ Кіевщины: они—малорусскаго характера. Достаточно вспомнить грамоту кіевского князя Семена Олельковича, писанную въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459 году²⁾. Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для «зоставленья» его при «всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его», «которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойно держали и заживали». Грамота эта полна типичныхъ малоруссизмовъ, такихъ какъ замѣстительная долгота («при всюи», «при томъ всеумъ», «ѣнъ» (=онъ), смѣшеніе ы и и («оними», «малими», «дидизни» = дѣдизны), смѣшеніе ѣ и и («дидизнѣ», «завишенъемъ»), смѣшеніе в и оу («оупадаеть» вмѣсто «епадаеть»), протетическій призвукъ и («изъ лѣсомъ», «изъ головою», «изъ стѣнъками»), такія формы, какъ «боудеть хотѣвъ», «ознаймемо», «дали есмо», «съ обудвухъ», «зо всѣмъ тымъ» и т. п. Какъ видимъ, вокругъ Кіева жили тогда чистѣйшіе малоруссы.

Располагая такими достовѣрными памятниками, какъ грамоты, которыя свидѣтельствуютъ о малорусскости тогдашней Кіевщины³⁾, мы могли бы не придавать ни малѣйшаго значенія

1) Мы очень часто находимъ въ этихъ кіевскихъ помянникахъ совершенно ясныя обозначенія: «Анисіи з Москвы», «Агрипины Московки», «Евдоксіи, иноки з Москвы, з столицы», «Соеіи инокини з Москвы», «Аванасіи, иноки з Москвы», Семиона *Москаля*, «іеромонаха Аванасія (Лексей Московскій)» и пр., и пр.

2) Срв. о ней у меня въ «Филологіи и погодняской гипотезѣ», стр. 82.

3) Перечень ихъ см. въ моей «Украинской грамматикѣ», § 7, в и слѣд., въ главѣ: «Источники».

богомольческимъ помянникамъ XVI вѣка, содержи они въ себѣ даже наполовину имена немалорусскія. На самомъ дѣлѣ однако помянники вовсе не изобилуютъ антимапоруссизмами. Самъ г. Соболевскій не оспариваетъ того, что *общій* фонъ кievскихъ помянниковъ есть малорусскій. И даже тотъ коротенькій переченьъ именъ, который выуженъ изъ него г. Соболевскимъ въ качествѣ именъ типа великорусскаго или бѣлорусскаго, составленъ имъ ошибочно: плохо зная малорусскую рѣчь и ея фонетику, г. Соболевскій отнесъ къ немалорусскимъ имена, являющіяся вполнѣ обычными вообще у малоруссовъ, а въ частности — очень употребительными и въ Галичинѣ (съ Подоліей), исконную малорусскость которой никогда и г. Соболевскій не рѣшался оспаривать. Такими вполнѣ малорусскими именами (а не бѣлорусскими и не великорусскими, какъ того желалъ бы г. Соболевскій) оказываются:

а) Алексей — со звукомъ *с*. Прошу взять любую галицкую малорусскую газету — и убѣдиться, до чего имя «Алексей» обычно у галицкихъ малоруссовъ. Для примѣра беремъ какіе-нибудь номера газеты «Руслан» за нынѣшній 1906 годъ; въ № 31-омъ читаемъ: «Алексей Лебедович — в с. Манастирі, Ярославскаго деканату» (стр. 4); въ № 58-омъ: «Ходитъ чутка, що Алексей тяжко занедужав» (стр. 4). Объ аналогичномъ малорусскомъ имени «Макей» (=Мокий) мы скажемъ ниже. То же легко найти въ «галицко-волинскихъ» рукописяхъ. Напр., въ волинской записи 1740 г. изъ-подъ Острога, типично-простонародной малорусской (*б* изображается черезъ *ѣ*!), сдѣланной на Язловецкомъ евангеліи Волинскаго епарх. музея, мы читаемъ: «при Алексю Мандзюкови» (л. 113 об.).

б) Имена со звукомъ *л* вмѣсто *с*, — такія, какъ «Елтухъ» вмѣсто «Естухъ» и «Елхимъ» вмѣсто «Есхимъ». Въ кievскомъ помянникѣ XVI в. оказываются записи: «Елтуфій», «Елхимъ» и «Елфимія», — и г. Соболевскій вспоминаетъ при этомъ, что «это *л* изъ *с* нерѣдкость въ южно-великорусскихъ говорахъ Орловской

и Курской губерніи, гдѣ говорятъ: Алдотья, Алдакея, Алдакимъ¹⁾). Не къ чему вспоминать *аналогичныя* великорусскія имена со звукомъ *л*, если мы находимъ у малоруссовъ со звукомъ *л* *тѣ самыя* имена, которыя приведены въ кievскомъ помянникѣ. Достаточно было бы г. Соболевскому вспомнить мѣстечко «Ялтушкiв» Подольской губерніи недалеко отъ г. Бара, чтобы убѣдиться въ полной малорусскости именъ со звукомъ *л* изъ *с*. По грамотамъ имя «Елтухъ» можно констатировать впервые въ перемышльской (галицкой) жалованной грамотѣ якобы кн. Льва 1302 г., поддѣланной въ Перемышлѣ не позже XV вѣка (когда эта грамота была официально подтверждена польскимъ правительствомъ): «до Юлѣтуховы росохы», «отъ Юлѣтуховы». Имя «Елхимъ» впервые попадаетъ (сколько помню) въ малорусской Кобринской грамотѣ 1465 г.²⁾ Появленіе у малоруссовъ XV—XVI в. звука *л* вм. *в* мы по документамъ можемъ констатировать не только въ этихъ двухъ именахъ собственныхъ, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Луцкомъ (=зап.-волинск.) актѣ 1583 года³⁾ вторникъ названъ «волторокъ» (=соврем. «вівторок»). Мы ужъ и не говоримъ о нефонетическихъ случаяхъ появленія звука *л* въ причастіяхъ и дѣепричастіяхъ прош. вр. въ малорусскихъ памятникахъ XVI вѣка. Такъ, въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Язловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волинскомъ епарх. музеѣ, очень нерѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: «послѣди же приступилше два лѣжасвѣдитель рѣша», «приступилше стоящія рѣша», «они же приступилше», «и оставилша его отидоша», «тогда ученици оставилше его бѣжаше», «многымъ лѣжесвѣдителямъ приступилшимъ» и пр., и пр.

в) Имя «Малафей», или «Малюфей» (=Малахія), съ написаніемъ *ф* вмѣсто *х*. По мнѣнію г. Соболевскаго, это—великорус-

1) «Извѣстія», стр. 321.

2) Кобринская грамота 1465 г. изд. въ «Актахъ, относ. до исторіи Южн. и Зап. Росс.», т. I, № 226, въ копіи XVI вѣка.

3) «Русская Бесѣда», 1857, т. III, 87.

сизмъ и антимальоруссизмъ. Но вѣдь такую же орфографію мы находимъ и въ галицкихъ грамотахъ: «Малюфѣй» — въ запродажной грамотѣ 1409 г., «Малюфѣй» — въ Зудечовской грамотѣ 1421—1430 г. Обѣ грамоты изданы печатно¹⁾, и познакомиться съ ними было бы не трудно. Вообще малоруссы, какъ въ старину, такъ и теперь — часто пишутъ въ иностранныхъ словахъ букву *ѣ* вмѣсто *х* въ силу стремленія писать якобы этимологично и изъ страха впасть въ вульгаризмъ. Писецъ-священникъ Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. обратилъ на письмѣ г. Іерихонъ въ «Ерифонъ» (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія — въ «Амфилофья» (л. 156). Въ рукописи XVII вѣка кievскаго Софійскаго собора (№ 130) боязнь вульгаризма заставила писца написать *ѣ* даже въ своемъ родномъ корнѣ «страхъ»: «велми грозно страфовалъ» (л. 158; = запугивалъ).

г) «Саламонъ» и «Саламія». Звукъ *а* (вмѣсто *о*) въ этихъ именахъ чрезвычайно употребителенъ въ малорусскомъ произношеніи въ силу уподобленія предыдущему слогу, а вовсе не есть признакъ аканья, какъ думаетъ г. Соболевскій. Срв. въ рукописномъ галицкомъ сборникѣ виршей около 1780-го года, принадлежащемъ Ив. Франку: «Саламона-князя»²⁾. До настоящаго времени въ Галичинѣ преобладаетъ въ этомъ имени употребленіе звука *а*, а не *о*. Извѣстенъ недавній галицкій церковный дѣятель Саламонъ Щасный. — Не есть результатъ аканья также присутствіе буквы *а* въ записи помянника: «Евдакимъ» и «Евдакѣя», потому что въ самыхъ чистыхъ малорусскихъ говорахъ мы можемъ донинѣ услышать не только «Явдокімъ», но и «Явдакімъ» (по ассимиляціи второго слога съ начальнымъ слогомъ), причемъ имѣется также уменьшительная форма съ ударнымъ звукомъ *а* (Евдѣакъ, Явдѣакъ)³⁾, устраняющая всякую мысль объ аканьи.

1) См. по изд. Головацкаго № 30 и № 40.

2) См. «Жите і Слово» 1894, кн. I, стр. 47.

3) См. «Рідний Край», 1906, № 44, стр. 14.

д) «Сафонъ», «Макей», «Радионъ», «Фатіанъ». Буква *а*, написанная помянниками въ этихъ именахъ, тоже не есть признакъ аканья, въ противность мнѣнію г. Соболевскаго. Первое имя сближено съ «Іоасафъ», второе—приурочено къ словамъ «макъ» и «Маковей», третье —къ словамъ «радъ», «радѣти», четвертое—къ корню «хватъ», — и въ нихъ самые чистые малоруссы донынѣ произносятъ *а*. Отъ «Макей» существуетъ даже особая типичная уменьшительная форма «Макейша» и, извѣстная на Подольи, фамилія «Макейшенко»; срв. документъ крестьянина-собственника Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи Ковалѣвской волости — Ивана Макейшенко ¹⁾; звукъ *е* въ этомъ имени, представляющійся г. Соболевскому немалорусскимъ, какъ видимъ, оказывается тоже вполне малорусскимъ ²⁾. Написаніе «Фатіанъ» съ буквою *а* можемъ указать въ галицкомъ сборникѣ апокрифовъ XVII вѣка изъ коллекціи И. Франка ³⁾. Въ имени «Радивонъ» употребленіе малоруссами звука *а* можетъ считаться даже всецѣло господствующей нормою, и, напримѣръ, село Чигиринскаго уѣзда, оффиціально пишущееся «Родіоновка», называется жителями «Радивонівка». Со звукомъ *а*, а не съ *о*, это имя фигурируетъ ужъ и въ наиболѣе старыхъ дошедшихъ до насъ галицкихъ грамотахъ. Такъ, въ Перемышльской купчей грамотѣ 1359 года читаемъ: «Купилъ панъ Петрашъ дѣдицтво паньны Радивоньковоѣ» ⁴⁾. — Что звукъ *а* въ этомъ имени (и въ

1) Изданъ П. Чубинскимъ въ VI томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Спб. 1872 г., стр. 312—313.

2) Да и вообще многія малорусскія имена (и слова) обладаютъ двумя параллельными формами: на *й* и *ей*. Сверхъ упомянутыхъ здѣсь «Макей» и «Олексей» напомнимъ такія общезвѣстныя имена, какъ «Андрій» (род. «Андрія») параллельно съ «Андрей» (род. «Андрея»), «Маковій» (род. «Маковія») параллельно съ «Маковей» (род. «Маковея») и пр.

3) См. по изданію И. Франка: «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 276.

4) Грамота и печатно издана,—плоховато впрочемъ,—у Як. Головацкаго: Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго (Львовъ 1867), № II, стр. 5, и у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), стр. 353.

аналогичныхъ) не есть результатъ аканья, видно также изъ памятниковъ ѡкающихъ нарѣчій великорусскихъ; «Радивонъ» и прочія подобныя имена встрѣчаются въ Новгородскихъ и Двинскихъ грамотахъ XIV вѣка¹⁾.

е) Ничего противомалорусскаго не содержатъ въ себѣ также имена кievскихъ поминиковъ, начинающіяся на А: Аксенья (или Аксинья), Авдотья, Алиферій (и специальнѣе — «Алеоерь зъ Остря»), Анофрей, Анисимъ, Анисифоръ и тому подобныя имена, въ которыхъ начальный звукъ А или оказывается эфоническимъ протезисомъ (срв. Аксенія — Ξενία), или соотвѣтствуетъ греческимъ Е и О (срв. Алеоерь — Ἐλευθέριος, Анисимъ — Ὀνήσιμος). Г. Соболевскій многократно повторяетъ²⁾, будто бы начальное А этихъ именъ есть результатъ великорусскаго аканья. Аканьемъ это не могло бы быть ужъ просто потому, что аканье, какъ признаетъ самъ г. Соболевскій³⁾, возникло лишь въ XIV вѣкѣ, — между тѣмъ вышеотмѣченное появленіе начальнаго А мы можемъ наблюдать еще въ памятникахъ XI вѣка. Такъ, въ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка греческое Ὀλύμπιος передано черезъ «Алюмпьскѣи» (л. 284, об.), а греческое Ναδάβ — черезъ «Нададавъ» (л. 256)⁴⁾, затѣмъ имя «Алимпій», «Алимпіада» часто попадаетъ въ галицкихъ памятникахъ, — между прочимъ въ недавно изданномъ апокрифическомъ сборникѣ XVII вѣка⁵⁾, почти одновременномъ съ кievскими помянниками. Имя «Алиферій» (съ А) укажемъ въ галицкомъ апокрифѣ XVIII вѣка Ивана Кузичевича⁶⁾. Галицкое начертаніе «Ануфрій» встрѣчается въ т. н.

1) См. напр. тотъ матеріалъ, который представляетъ собою коллекція Румянцевскаго музея № 67.

2) Извѣстія, стр. 328; Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, май, стр. 49; Лекціи, 1903, стр. 79.

3) Лекціи, 1903, стр. 75.

4) «Слова Григорія Богослова» XI в., кстати сказать, почти навѣрное писаны въ Червоной Руси. Срв. мою «Украинскую грамматику», § 6.

5) «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури», т. IV (Львів 1906), стр. 275, 285.

6) «Пам'ятки», т. IV, стр. 84.

грамотѣ князя Льва Галицкаго Лавровскому монастырю якобы ,80 года, поддѣланной не позже 1448 года¹⁾. Буква *А* въ имени «*Анисимъ*» (и притомъ въ специально-малорусской формѣ «*Ганусъ*», съ несомнѣннымъ удареніемъ на *А*) есть естественное общемалорусское начертаніе и встрѣчается по памятникамъ очень часто, будутъ ли это памятники кіевскіе (срв. купчую грамоту Станислава Ганусовича ок. 1467 г., бывшаго ок. 1471 года кіевскимъ воеводой)²⁾, или будутъ ли это памятники западно-малорусскіе (срв. пана Шимка Ганусовича въ ровенской волинской грамотѣ 1488 г., внесенной въ Луцкую кгородскую книгу 1569 г. № 2043, л. 81). Что касается XVI вѣка, то букву *А* въ этихъ именахъ мы легко можемъ найти не только въ помянникахъ кіевскихъ монастырей, но и въ помянникахъ западно-малорусскихъ. Срв. начертаніе «*Аксенія*» на первомъ же листѣ помянника при галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI вѣка, хранящемся теперь въ Волинскомъ епарх. музеѣ³⁾. Ту же особенность этихъ именъ мы наблюдаемъ и въ современномъ малорусскомъ языкѣ всѣхъ нарѣчій: и теперь эти имена начинаются то съ *О*, то съ *А*. Всегда ли преобладаетъ въ нихъ *О*, сказать трудно. Конечно, форму «*Ониско*» мы встрѣчаемъ несравненно чаще, чѣмъ торжественное «*Анисимъ*», и даже, чаще, чѣмъ простое неторжественное «*Ганусъ*», но «*Арехвиръ*» не болѣе рѣдко, чѣмъ и «*Олехвиръ*»; «*Авдотя*» едва ли можетъ считаться болѣе рѣдкимъ именемъ, чѣмъ «*Видя*» (изъ «*Овдыя*»); если «*Аксенія*» не столь обычно, какъ «*Оксана*», то производная фамилія «*Аксюк*» (=сынъ *Ксенія*) слы-

1) Въ 1448 году эта грамота была ужъ подтверждена королемъ Казимиромъ. Списокъ имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ, № 68 л. 5.

2) См. коллекцію Румянцовскаго музея, № 68, л. 5.

3) Какъ этотъ галицкій Язловецкій помянникъ, такъ и другіе старинныя зап.-вр. помянники вообще изобилуютъ и другими тѣми же формами личныхъ именъ, которыя г. Соболевскій отмѣчаетъ въ помянникахъ кіевскихъ въ качествѣ, яко бы, великоруссизмовъ. Тутъ же на 1-ой стр. Язловецкаго помянника г. Соболевскій могъ бы найти и «*Парасковію*» (а въ дарственной записи послѣ л. 15 даже «*Парасковю*»), и «*Еремея*» и т. п. формы, которыя онъ считаетъ антимапорусскими. Последнее имя (Еремей) встрѣчается, кстати сказать, и въ буковинской грамотѣ 1442 и 1444 года. (=Улян. № 56 и № 58).

шится теперь вездѣ только съ *А*, поскольку я могъ это прослѣдить¹⁾; фамилія «Оксаненко» чередуется съ «Аксаненко» (срв. газету «Рада» 1906, № 66, стр. 3; № 67, стр. 3).

Итакъ о немалорусскости этихъ именъ (съ начальнымъ *А*) не можетъ быть и рѣчи. Но для исторіи малорусскаго языка вообще, и кievскаго нарѣчія въ частности, можетъ быть не лишнимъ обсужденіе причинъ, вызвавшихъ здѣсь появленіе звука *А*. Фонетически или не фонетически онъ здѣсь развился?

Быть можетъ, отчасти дѣйствовали тутъ и нѣкоторые законы фонетическіе. По поводу возникновенія формы «Аксенія» вмѣсто «Ксенія» можно вспомнить, что малорусскому языку вѣдь присущъ эфоническій протезисъ *А*, — положимъ, гораздо менѣе обычный, чѣмъ протезисъ *О* и *И*, но все же констатируемый; срв. галицк. «аврукати» (= томно ворковать) вмѣсто «врукати». Въ параллель къ старинной передѣлкѣ «Элевѣрія» въ «Алиферія» и въ «Арехвіра» и «Онисима» въ «Анисіма» и «Гѣнуса» можно вспомнить нынѣшнее малорусское вульгарное произношеніе «агоїзмъ» (чит. «аhоjizm») вмѣсто «эгоизмъ» и систематическое произношеніе «Адѣс» вмѣсто «Одесса».

Повидимому, однако, главной причиной появленія звука *А* въ именахъ вышеотмѣченнаго типа были вліянія нефонетическія: аналогія другихъ именъ. Мы знаемъ, что греческія имена, начинавшіяся съ *А* (напр. Ἀλέξανδρος), переходили на Русь какъ въ книжно-церковной формѣ «Александръ», такъ и въ болѣе народной формѣ «Олександръ»; срв. въ кievскомъ Изборникѣ 1073 г.: «Ольксандръ Македонъ» (л. 258 а, наряду съ «Александръ»). Обѣ формы такихъ именъ одинаково усваивались древними русинами, и тѣ пріучались къ мысли, что каждое подобное имя можетъ одновременно имѣть два вида: и болѣе про-

1) Въ фамиліи «Оксеновичъ», напротивъ, повидимому, всецѣло возобладаетъ звукъ *О*. Съ буквою *О* пишется эта фамилія и въ кievскихъ памятникахъ XVII в. (извѣстенъ ректоръ кievской Могилянскои коллегіи Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, ученикъ Петра Могилы).

стую» форму—съ начальнымъ *O*, и болѣе торжественную, болѣе «правильную» форму—съ начальнымъ *A*. Такое свое воззрѣніе о «правильности» начального *A* и о вульгарности начального *O* они невольно примѣняли и ко всѣмъ прочимъ именамъ съ начальнымъ *O*, каково бы ужь ни было происхождение того зачинаго *O*. Этимъ проще всего и объясняется то обстоятельство, что «Ксенія» (Ξενία), обратившись на древнерусской почвѣ сперва въ «Оксенію» (съ эвфоническимъ протезисомъ *O*), немедленно приобрѣла себѣ и параллельную, якобы «правильную» форму: «Аксенія»; по той же причинѣ къ формѣ «Ов[в]дотья» (Εὐδοχία) была создана параллельная мнимо-правильная форма «Авдотья». Въ особенности трудно было устоять отъ образованія подобной лжеправильной «акающей» формы тогда, когда святцы содержали въ себѣ сверхъ какого-нибудь имени, писавшагося съ *O*, подобозвучное другое имя, писавшееся (вполнѣ этимологически) съ *A*. Такъ, въ женскомъ имени «Анисія» начальное *A*—этимологически вполнѣ правильно (происходитъ оно отъ греческаго глагола ἀνύω, = «совершаю» откуда существительное ἀνυσίς), а между тѣмъ это имя въ высшей степени напрашивается на то, чтобы его сочли за женскій родъ отъ «Онисимъ» (греч. Ὀνήσιμος, отъ глагола ὀνύημι) и чтобы Онисима обратили въ Анисима,—равно какъ Онисифора въ Анисифора. Возможно даже, что звукъ *A* въ имени Анисимъ появился еще на почвѣ греческой, гдѣ нарицательныя прилагательныя разныхъ корней, но одинаковаго значенія,—«ὀνήσιμος» и «ἀνύσιμος» (=пригодный),—смѣшались въ живомъ словоупотребленіи грековъ¹⁾.—Къ тому же звукъ *A* въ имени «Анисимъ» (оно же «Гáнус», съ удареніемъ на *Гá*) долженъ былъ укрѣпиться у малоруссовъ не безъ вліянія имени прянаго растенія *Anysum stellatum*, которое по-русски называется «анисъ», по-малорусски «гáнус», и изъ котораго до-

1) Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить довольно обычная православно-арабская форма انیسیموس (чит. «Анисімос») этого имени, усвоеннаго арабами отъ православныхъ грековъ. Другая арабская форма—اونیسیموس (чит. Онісімос).

нынѣ готовится знаменитая «ганускѡва горілка» (= анисовка).—Въ имени «Анисифоръ» (по-простонародному «Анциѣпер») звукъ *А* могъ у малоруссовъ укрѣпиться еще по одной добавочной причинѣ. Въ вульгарномъ произношеніи первоначально-правильная форма имени «Анисифоръ» изстари обратилась въ «Анципоръ» (срв., напр., въ Скиргайловой грамотѣ 1390 года)¹⁾,— и вотъ эту начальную половину имени: «Анци . . .» малоруссы смѣшали съ тѣмъ начальнымъ «Анци», которое у нихъ звучало и звучитъ въ цѣломъ рядѣ словъ (срв. «анціхристъ»=антихристъ, «анціболотъ»=болотный духъ).—Имя «Арехвіръ» (обратимъ вниманіе на присутствіе звука *р* послѣ *А*), параллельное съ «Орехвіръ» и съ «Олехвіръ», возникло, надо полагать, не безъ вліянія имени «Ареѡа» (Ἀρέας), слишкомъ достопамятнаго для южно-руссовъ по Печерскому Патерику²⁾. А ужъ и подавно могъ вспомнить чернеца Ареѡу и букву *А* въ его имени тотъ кievскій чернецъ XVI вѣка, который внесъ въ помянникъ имя «Алеѡера зъ Остря». Разумѣется, однако, что онъ могъ бы это сдѣлать и помимо вліянія аналогіи имени «Ареѡа»: просто, привыкнувши обращать на письмѣ каждого просто «Олексу» въ торжественнаго «Алексѣя» и каждого простого «Олександра» въ торжественнаго «Александра», могъ онъ и «Олехвіра» записать въ священный помянникъ «Алеферемъ», или «Алеферіемъ», даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ въ началѣ этого имени произносилъ не звукъ *А* (какъ другіе малоруссы), по звукъ *О*.

Впрочемъ, какъ бы ни объяснять, фонетически или нефонетически, присутствіе звука *А* въ именахъ «Авдотья», «Аксенія» и пр.,—остается непоколебимымъ тотъ фактъ, что ихъ зачинное *А* не стоитъ ни въ какой связи съ великорусскимъ или бѣлорусскимъ «ѡканьемъ» и вполне присуще малорусскому языку, въ томъ числѣ галицкимъ и волынскимъ говорамъ.

1) Изд. въ «Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи» (СПБ. 1863), т. I, стр. 2.

2) См. Кіево-Печ. Патерикъ по изд. Яковлева, стр. 107 и слѣд.

VIII.

Мы разсмотрѣли всѣ аргументы г. Соболевскаго, сколько-нибудь носящіе характеръ новизны. Это разсмотрѣніе лишній разъ подтвердило, что старо-кіевскій говоръ есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья.

А. Крымскій.

Звенигородка, Кіевской губерніи
27 апрѣля 1906 года.

Помѣщая статью А. Е. Крымскаго, касающуюся одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи русской народности, мы надѣемся, что почтенный товарищъ нашъ А. И. Соболевскій, своими «Очерками изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884) пролившій яркій свѣтъ на исторію языка малорусскаго, дастъ намъ возможность напечатать тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ настоящее время относительно говоромъ тѣхъ древнерусскихъ племенъ, которыя жили въ предѣлахъ нынѣшней малорусской территоріи.

Ред.

Отрывокъ слова митр. Иларіона „О законѣ и благодати“ въ списокѣ XII—XIII в.

Печатаемый отрывокъ приписываемаго митр. Иларіону слова «О законѣ и благодати» находится въ № 37 Финляндскихъ отрывковъ (хранящихся въ Библиотекѣ Академіи Наукъ) и занимаетъ 2-й его листъ. Въ описаніи И. И. Срезневскаго¹⁾ онъ названъ словомъ «о богочеловѣкѣ». Нѣсколько строкъ изъ него напечатано И. И. Срезневскимъ²⁾ вслѣдъ за отрывкомъ изъ слова «О твари и о дни рекомѣмъ недѣля», безъ отмѣтки, что это — часть слова «О законѣ и благодати». Последнее обстоятельство до сихъ поръ никѣмъ, повидимому, не было отмѣчено.

Изъ существующихъ списковъ слова «О законѣ и благодати» отрывокъ этотъ самый древній. Относя его къ XIII вѣку, И. И. Срезневскій говоритъ³⁾: «По начертанію нѣкоторыхъ буквъ, между прочимъ ж, з, ч, это письмо можетъ быть отнесено и къ XII в. Оно любопытно особенно тѣмъ, что, какъ кажется, сдѣлано не перомъ, а тростию».

Весь отрывокъ № 37 состоитъ изъ 2-хъ пергаменныхъ листовъ, представляющихъ одинъ, сложенный на двое, кусокъ пер-

---

1) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, LXVI—LXXX, стр. 14.

2) Тамъ же, стр. 32.

3) Тамъ же, стр. 6.

гамена. Кусокъ этотъ — не средній въ тетради; изъ сколькихъ листовъ состояла послѣдняя, — не видно, такъ что неизвѣстно, сколько листовъ въ срединѣ утрачено. На первомъ листѣ находится: конецъ неизвѣстнаго слова о воскресеніи Хр. и начало слова «О твари и о дни рекомѣмъ недѣля». Рукопись писана въ 2 столбца по 33 строки. Заглавныя буквы писаны кинноварью. На нижнемъ полѣ л. 2-го шведская надпись.

Отрывокъ печатается столбецъ въ столбецъ, строка въ строку. Смытыя буквы поставлены по списку копій Мусинъ-Пушкинскаго сборника 1414 г. и заключены въ скобки. Варіанты указаны по Мусинъ-Пушкинскому списку¹⁾ и по изданному Бодянскимъ²⁾ списку сборника № 362 XV в. биб. Царскаго.

---

1) Вс. И. Срезневскій. Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г. въ копіи начала XIX в. Спб. 1893 г.

2) Читенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1848 г., № 7.

и ꙗко бѣ запрѣти въ
 тромъ и¹ морю и послѣу
 шаша² ꙗко. ꙗко члѣкъ
 по лазори³ просльзиса.
 и ꙗко бѣ въскрси и Ѡ⁴ мь
 ртеухъ. ꙗко члѣкъ
 на осла вѣсѣде. и ꙗко
 боу звахоу банъ грады
 и⁵ во има гнѣ. ꙗко чло
 вѣкъ распатъ въ. и ꙗ
 ко бѣ своію властію. съ
 распатаго⁶ с нимъ въ
 поусти в рай. ꙗко члѣкъ
 оцта⁷ вѣкоу си. и испоу
 сти дхъ. и ꙗко бѣ слѣце
 помрачи. и землею⁸ по
 трасе. ꙗко члѣкъ въ
 гробѣ положенъ въ. и
 ꙗко бѣ ада раздроуши.
 и дша своводи. ꙗко
 члѣка печатаѣша въ
 гробѣ. и ꙗко бѣ ѡзиде⁹
 печати цѣлы съхранъ.¹⁰ ꙗ)
 ꙗко члѣка тцахоу са¹¹ ию
 дѣи. оутайти въскрнне.⁶⁾
 мьздаше стѣжа.¹² нъ ꙗ
 ко бѣ¹³ оуѣдѣса. и позн⁶
 нъ въ всѣми конци¹⁴ зе
 мля. По истинѣ кто
 бѣ¹⁵ велии. ꙗко бѣ нашъ.⁷⁾
 ты ꙗси¹⁶ бѣ творай чюдса.
 сдѣла спсєннѣ¹⁷ посредѣ
 земля. кртмъ¹⁸ и моуко

ю своію.¹ на мѣстѣ лъ
 внѣмь.² вѣкоу си въ (Ѡ)
 цта³ и зелчи.⁴ да иже⁵ Ѡ
 древа престоуплени(Ѡ).⁶
 и грѣхы. грѣхы же⁷ в(ку)
 шеннѣмъ горести Ѡже
 нетъ. Ѡи⁸ же ст(воршен)
 ꙗмоу претѣк(ноуша)са.
 ꙗки⁹ Ѡ камень. и с(кр)оу
 шиншаса. ꙗкоже (гѣ) глѣше.¹⁰
 падѣни на камени семь¹¹
 скроушитса. а на немъ
 же падеть сътрети и¹².
 Приде¹³ во к нимъ исполна
 ꙗ пррѣства проречена ꙗ
 Ѡ немъ.¹⁴ ꙗкоже и глѣше.¹⁵
 нѣсмь посланъ. токмо
 къ ѡвчамъ¹⁶ погыбшимъ¹⁷
 домѣ ѡзѣва. и пакты не
 придохъ¹⁸ разоритъ¹⁹ зако
 на нѣ исполнитъ.²⁰ ꙗ) къ
 хананѣи иноуязычни
 цѣ.²¹ просаши ицѣлени²²
 дщери своіи. глѣше²³ нѣ до
 вро ѡтати хлѣва Ѡ ча²⁴ и
 поверѣци ꙗко²⁵ псомъ. ѡни
 же²⁶ нарекоша и льстыца.
 и²⁷ Ѡ блѣуда рожена.²⁸ и Ѡ ве
 льдаоуль вѣсы ѡзона
 ца.²⁹ Хсѣ²⁹ слѣпыи ихъ
 просвѣти. прокажены
 ꙗ ѡцѣсти.³⁰ слоукыи.³¹
 исправи. вѣснѣи ицѣ³²

ли.:

раславленый оубрѣ
 пи. мъртвѣи въскрѣ. ¹
 они же яко злодѣи мучи-
 чивше ² на крѣ прѣго
 занша. ³ сего ради приде
 на нѣ ⁴ гнѣвъ бѣи конь
 чини. ⁵ якоже и сами ⁶ по
 слоушьствоваша ⁷ свое
 и погубѣли. Рекшю ⁸
 (сп)оу притчу о виногра-
 дѣ и о дѣлательхъ. ⁹ что
 (оу)во створить ¹⁰ дѣла-
 телемъ тѣмъ. ¹¹ и оубѣ-
 ша зѣмь злѣ погуби-
 ть е. и ¹² виноградъ инѣ
 мѣ дѣлательемъ прѣ-
 дастъ. ¹³ иже въздадѣтъ
 кмоу плоды въ врѣмѣ
 свое. ¹⁴ И сами ¹⁵ свои по-
 губели ¹⁶ прѣрици вышѣ.
 приде ¹⁷ на зѣмлю посѣти-
 ть ихъ. и не приѣша е-
 го. понеже дѣла ихъ тѣ-
 мна бѣша. ¹⁸ не възлюби-
 ша свѣ. да не ѣвѣтса
 дѣла ихъ яко тѣмна ¹⁹ су-
 ть. сего ради прихода
 ісѣ къ иѣрсѣмоу. И ²⁰ ви-
 дѣвъ грѣ просальзисѣ ²¹ о
 немъ глѣ. яко аще бы
 разоумѣлъ ты въ днѣ
 твой съ. иже ²² къ миру
 твоюмоу. нына ²³ скрѣ

са ¹ ѿ очию твою. ² и
 ко придоуть на тѣ днѣ
 іе. ³ и обложатъ крази тво
 и о тебе острогъ. и ови-
 доуть ⁴ тѣ всюдоу. и разъ-
 вѣютъ тѣ. и чада тво
 ѣ въ тебе. ⁵ понеже не ра-
 зоумѣ посѣщеніѣ тво
 іе. И пакы иѣрѣлме и
 иѣрѣлме. ⁷ и збѣвѣи ⁸ прѣрѣ-
 и каменіемъ ⁹ побива
 ѣ ¹⁰ посланныи к тебе. ко-
 лишь ¹¹ възсхотѣхъ совра-
 ти чѣ ¹² твоѣ. якоже ко-
 кошъ събираетъ птень
 ца своѣ по крилѣ ¹³ свои
 и не късхотѣсте. Се о-
 ставлетса ¹⁴ домъ кашъ
 поустъ. якоже и въ. при-
 шедше ¹⁵ во римляне. по-
 лониша ¹⁶ иѣрѣлмѣ. и разви-
 ша и до основаніи кго.
 и ¹⁷ иудѣиство ѿтолѣ по-
 губѣ. и законъ посемь. ¹⁸
 яко вѣрнай зора ¹⁹ погасе.
 и расѣяни ²⁰ вышѣ по стра-
 намъ иудѣи. ²¹ да не въку-
 пь ²² пробоудуть. ²³ приде ²⁴ во
 спѣсъ и не приѣтъ въистъ
 ѿ иѣла. и по іѣудѣискому
 словоу. Въ своѣ приде ²⁵ и
 свой ²⁶ іе не приѣша. ѿ
 ѣзъкъ же приѣ въистъ.:

Примѣчанія.

а) Срав. въ житіи Варлаама и Иосафа рѣчь Иосафа къ Февдѣ: ꙗкоже оубо члѣвкъ распинаѣтсѧ. и ꙗко бѣ помрачаѣтъ слѣнце и трасѣ землю. и многа оусопши въскршаѣ телеса. па ꙗко члѣкъ оумираѣ. и ꙗкоже бѣ встаѣ. испровергы ада... встаѣ оубо ꙗко бѣ. и въсходи на нбѣа (пергам. рукоп. к. XIV в. Соф. биб. Петерб. дух. Акад. № 1365, л. 115). б) ни *литатура*. в) По истинѣ... нашъ *напечатано въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ*. г) *Далѣе, кончая словами послушествоваша своиѣ погѣбели, было напечатано въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ*. д) *Далѣе, кончая словами не ѡватсѧ дѣла ихъ, напечатано въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ*.

Варианты.

Столб. 1. 1. и въ МП. *вставлено*. 2. послушаше Ц. 3. лазорѣ МП; лазари Ц. 4. его (*вставка*) ѡм. и МП; въскрѣи и из Ц. 5. грады Ц. 6. распятаго МП; спрѡпатаго Ц. 7. ѡчта МП. 8. землю МП. 9. изыде Ц. 10. скранивъ МП. 11. тѣщ^ахутсѧ МП; тшаахуса Ц. 12. и стражеи Ц. 13. бѣ *вставлено въ* МП. 14. всмиковъци МП; *далѣе, послѣ слова земля въ МП вставлено Пророчество изъ рѣчи философа*. 15. бѣ *опущено въ* Ц. 16. то ѣ Ц. 17. спяѣе МП. 18. крѣомъ МП.

Столб. 2. 1. своєю *опущено въ* МП. Ц. 2. лобнемъ МП; лобнѣ Ц. 3. ѡчта МП. 4. зючи МП; жлѣчи Ц. 5. еже Ц. 6) преступленье МП. 7. грѣхы же *опущено въ* Ц. 8. тѣ МП. 9. акы МП. 10. глааше Ц. 11. семъ МП. 12. и скрушить и МП; скруши и Ц. 13. прии Ц. 14. немъ МП. 15. и *вставлено въ* МП; ꙗкоже глааше Ц. 16. ко ѡвца^а Ц. 17. погибшимъ МП; заблужшимъ Ц. 18. излѣву и паки не приидѣ Ц. 19. разорить съ *поправкою на ѣ* въ МП; разорити Ц. 20. исполнить(ъ) МП. 21. иноязычници МП; иноязычници Ц. 22. просящюи испѣленъи Ц. 23. гѣше *опущено въ* Ц. 24. чада(ъ) МП. 25. ѡго *опущено въ* МП. Ц. 26. *вставлено и; далѣе* лсца МП. 27. и въ МП.—*вставка*. 28. роженѣа Ц. 29. ѡбъ МП. 30. очистѣ МП; ѡчѣти Ц. 31. сълоукныи Ц. 32. испѣли Ц.

Столб. 3. 1. въскрси МП; воскрѣи Ц. 2. мучивши МП. 3. пригвоздыше(а) МП. 4. на ня приде МП; прииде на на Ц. 5. конечнимъ МП; конечный Ц. 6. самѣ МП. 7. *вставлено ѡ въ* МП. 8. рекшу Ц. 9. дѣлательхъ МП. 10. створи МП; твори Ц. 11. тѣмъ Ц. 12. погнбнуть(я) МП. 13. виноградъ предасть дѣлательмъ нѣмъ МП; виноградъ преда дѣлательѣ Ц. 14. самѣ МП. 15. погнбелѣи Ц. 16. *вставлено бо въ* МП; прииде бо Ц. 17. понеже темна бѣаху дѣла ихъ МП; бѣаху Ц. 18. темна МП. 19. и *опущено въ* Ц. 20. прослезисѧ МП. 21. ꙗкоже МП. 22. вѣнѣ (же) МП; нѣѣ же Ц.

Столб. 4. 1. скрѣпюся МП. 2. моѣю Ц. 3. дѣбе на тя МП; прииду дѣбе на та Ц. 4. ѡстрогъ ѡ тебѣ и ѡбниду Ц. 5. тобѣ МП. Ц. 6. посѣщенъи МП. 7. іерлѣмъ іерлѣмъ Ц. 8. избивая МП; избиваѣи Ц.

9. камень МП. 10. побивай; *дале послантым отущено съ Ц.* 11. коллжды МП; кълнжы Ц. 12. чада МП. 13. шкоже събираеть кокошь птенца подъ крилѣ МП; собираеть кокошь птенца своимъ пб крилѣ Ц.
 14. оставлае Ц. 15. пришедши (ю) МП; пришѣ Ц. 16. плѣниша МП. Ц.
 17. ѡ съ МП.—*остаха.* 18. и по семь законъ МП. 19. зарѣ МП. Ц.
 20. росѣяне МП; разсѣяни Ц. 21. иудеи по странамъ МП; иудеи по странѣ Ц. 22. (зло)е пребываю(ю)тъ МП; злое пребываетъ Ц. 24 и 24. прииде Ц.
 25. своя(и) МП.

Ө. Покровскій.

Редакціи Толковой Палеи *).

IV.

Общіе выводы.

Какимъ же матеріаломъ обладалъ авторъ полной Палеи, составляя послѣднюю? Задавая этотъ вопросъ, я долженъ отрѣшиться отъ мысли, что это есть, дѣйствительно, Толковая Палея, какъ таковая, только лишь распространенная. Въ началѣ первой главы я сказалъ, что по нѣкоторымъ основаніямъ мы можемъ оставить за ней названіе Толковой Палеи, но что это не будетъ являться ея специфическимъ свойствомъ, какъ напр. въ Коломенской Палеѣ. Это былъ своеобразный историческій сборникъ, въ которомъ Толковая Палея являлась лишь одной изъ составныхъ частей. Если я въ своемъ изслѣдованіи первой ея части исходилъ изъ Коломенской Палеи, то просто потому, что надо же было изъ чего нибудь исходить, Коломенская же Палея являлась въ данномъ случаѣ наиболѣе удобнымъ исходнымъ пунктомъ. Поэтому, теперь, приводя къ итогу всѣ источники полной Палеи, я во избѣжаніе неправильнаго толкованія со стороны иныхъ изслѣдователей, долженъ сказать, что я вовсе не намѣренъ представлять дѣло такъ, что въ основаніи полной Палеи положена авторомъ Коломенская (первая редакція) Палея, а все остальное было лишь къ ней дополненіемъ. Палея первоначальной редакціи была однимъ изъ источниковъ для первой части обширнаго труда, хотя и самымъ главнымъ; вторымъ по количеству выписокъ былъ библейскій текстъ.

*) См. Извѣстія, т. XI, кн. 2, стр. 20—61.

Если бы взять за основаніе первоначальную (Коломенскую) Палею, то, конечно, полную редакцію слѣдовало бы раздѣлить на двѣ части, и первая часть могла бы разсматриваться какъ переработанная редакція Толковой Палеи, вторая — какъ ея продолженіе. Но это было бы нѣсколько искусственно, и мы раздѣлимъ Палею такъ, какъ ее раздѣлилъ самъ авторъ указаніемъ новаго своего источника, т. е. «Хронографа по великому изложенію». Это будетъ тѣмъ естественнѣе, что тѣ источники, которые шли параллельно съ Коломенской Палеей, продолжаютъ и по окончаніи ея, и только лишь спустя нѣкоторое время, къ концу книги Царствъ является на сцену новый источникъ, который и будетъ уже доминирующимъ до конца.

Итакъ, источниками полной редакціи Палеи въ предѣлахъ до «Хронографа по великому изложенію» будутъ:

I. Первая редакція Толковой Палеи въ спискѣ, близкомъ къ списку Кирилло-Бѣлозерскому.

II. Библейскія книги: 1) Бытіе, 2) Исходъ, 3) Числа, 4) Второзаконіе, 5) кн. Судей, 6) Исуса Навина, 7) Руфь, 8) четыре книги Царствъ.

III. Ефрема Сирина исторія объ Іосифѣ Прекрасномъ.

IV. Особая исторія Моисея.

V. Историческія статьи (хроники): 1) «Невротова Повѣсть», 2) Малала.

VI. Апокрифы: 1) Мельхиседекъ, 2) Афанасія о Мельхиседекѣ, 3) Загадка къ Лоту, 4) Откровеніе Авраама, 5) Смерть Авраама, 6) Лѣствица Іакова, 7) Іаковъ и Исавъ, 8) Завѣтъ патріарховъ, 9) Житіе Моисея, 10) Давидъ и Нафанъ, 11) «Дробное Житіе», 12) Суды Соломона, 13) Откровеніе Мефодія Патарскаго¹⁾.

---

1) Изъ Откровенія заимствованы имена дочерей Адама, упоминаемыя въ Синодальн. Румянц. Палеѣ (Каломана и Девера), послѣ Колом. 195,30; такъ надо исправить сказанное выше въ I главѣ.

Здѣсь можетъ быть вопросъ, въ какомъ видѣ были всѣ эти источники у автора Пален — въ видѣ ли сборника или въ отдѣльномъ видѣ. Этотъ вопросъ, правда, касается только нѣкоторыхъ апокрифовъ, такъ какъ напр. библейскія книги существовали, конечно, отдѣльно отъ послѣднихъ. Относительно Судовъ Соломона нужно сказать то же самое, имѣя въ виду ихъ отдѣльное существованіе при Палей Кирилло-Бѣлозерской; то же и о такихъ апокрифахъ, какъ Сказаніе о Мельхиседекѣ, Лѣствица, Откровеніе, Забѣты Патріарховъ и, наконецъ, «Дробное Житіе». Остальные могли существовать и въ какихъ-нибудь компиляціяхъ. Ихъ могъ содержать тотъ хронографъ, который былъ у автора при составленіи имъ второй части. Выше было указано, что въ исторіи Моисея встрѣчается тотъ же отрывокъ изъ хроники Малалы, что и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ первой редакціи. Очень возможно, что данный отрывокъ читался въ возстановляемомъ хронографѣ.

Источникомъ второй части Пален служилъ, прежде всего, «Хронографъ по великому изложенію». Кроме его, таковыми были библейскія книги, именно, книги пророковъ Іереміи и Даніила и нѣкоторые рассказы церковнаго, историческаго и апокрифическаго характера, а именно:

1. Апокрифы: 1) Мученіе Даніила, 2) Сказаніе объ Авимелехѣ.
2. Сказаніе о пророкахъ.
3. Александрія второй редакціи.
4. Сказаніе Епифанія о пророкѣ Іереміи.
5. Переписка Пилата съ Тиверіемъ.
6. Столкновеніе Юліана съ Васиціемъ Великимъ.
7. Сказаніе о Петрѣ Гугнвомъ.
8. Хроники Іоанна Малалы и Амартола.

И здѣсь также возможенъ вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ находились всѣ эти источники — въ отдѣльномъ или уже въ компиляціяхъ. Апокрифы, какъ Мученіе Даніила, Сказаніе объ Авимелехѣ,

мелехъ, существовали отдѣльно, въ такомъ видѣ могъ пользоваться ими и авторъ Палеи. Александрія также существовала въ отдѣльномъ видѣ и послѣ лишь соединилась съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ второй редакціи, а всѣ предшествующія разсужденія привели, конечно, къ тому выводу, что авторъ второй редакціи Палеи не могъ взять Александрію изъ Еллинскаго Лѣтописца. Переписка Тиверія съ Пилатомъ существуетъ также въ отдѣльномъ видѣ. Что же касается хроникъ Малалы и Амартола, то возможно, что выдержки изъ нихъ взяты изъ раньше составленныхъ хронографовъ; по крайней мѣрѣ, это можно утверждать относительно заимствованій изъ Малалы—въ исторіи Моисея, въ сказаніи о созданіи Рима и др., что отмѣчено и выше. Если это была хронографическая компиляція, то очевидно такая, которой пользовался въ соответствующихъ мѣстахъ и Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи.

Что касается хроники Амартола, то она перешла въ полную Палею, главнымъ образомъ, чрезъ посредство «Хронографа по великому изложенію». Въ разныхъ мѣстахъ, въ зависимости отъ матеріала, мнѣ приходилось останавливаться на составѣ этого Хронографа и возстановлять его то при помощи краткой, то при помощи полной Палеи. Указанные въ большомъ количествѣ случаи совпаденія полной и краткой Палеи, дающіе намъ возможность возстановлять составъ Хронографа, даютъ намъ основаніе возстановлять его и тамъ, гдѣ такого совпаденія обѣихъ Палеи не встрѣчается. Такъ напр., въ полной Палеѣ царствованія Азаріи, Осіи, Іосіи разсказаны, главнымъ образомъ, по четвертой книгѣ Царствъ и выдержкамъ изъ хроники Амартола (см. выше). Анализъ царствованія Манассіи въ обѣихъ Палеяхъ въ достаточной степени показалъ, что источникомъ его былъ «Хронографъ по великому изложенію». Несомнѣнно, и въ указанныхъ трехъ царствованіяхъ, отъ которыхъ въ краткой Палеѣ не сохранилось ничего, Амартоль взялъ изъ того же «Хронографа по вел. излож.», что вполне соответствуетъ общему представленію о способѣ составленія второй части Палеи: библейскія книги и Хро-

нографъ. Самое состояніе выдержекъ изъ Амартола вполне соотвѣтствуетъ тому, что выводится изъ анализа текста, несомнѣнно, взятаго изъ Хронографа. Мы и въ данныхъ случаяхъ видимъ нѣкоторую, хотя и небольшую, обработку текста Амартола. Такъ, къ выдержкѣ о царствованіи Озіи (Боор. 221, 4—16, Мур. 157, 15—27) прибавлено нѣсколько вступительныхъ строкъ, причемъ какъ въ послѣднихъ такъ и въ текстѣ Амартола имя Озіи переименовано на Азарія. То же должно сказать и о выдержкахъ въ царствованіи Осін, царя Израильскаго (Бооръ 263,23—264,16, Мур. 191,1—16), гдѣ, какъ указано, противъ оригинала допущено не мало отиѣнъ. То же самое мы видимъ и въ выдержкѣ въ царствованіи Іосіа, сына Амоса, которая, хотя сама по себѣ и даетъ буквальный текстъ славянскаго Амартола (Бооръ 241, 21—242,12, Мур. 172,15—173,2), однако имѣетъ вступленіе и заключеніе; см. выше.

Отсюда мы съ полнымъ правомъ можемъ заключать, что все, что въ полной Палей является въ исторіи царей заимствованнымъ изъ хроники Амартола до царствованія Іоакима, взято непосредственно изъ «Хронографа по великому изложенію».

Я уже отиѣтилъ выше, что передъ царствованіемъ Іоакима, сына Іосіа, авторъ полной Палей дѣлаетъ отъ себя замѣчаніе, которое находится въ соответствіи съ тѣмъ фактомъ, что съ этого же царствованія авторъ начинаетъ пользоваться еще новыми источниками, кромѣ доселѣ у него бывшихъ — библейскихъ книгъ и «Хронографа по вел. изложенію». Собственно, библейскія книги могутъ въ счетъ и не идти, такъ какъ доселѣ разумѣлись подъ ними историческія книги (по указанію самого автора)—Тетравасиліонъ, и на смѣну ихъ являются книги пророческія—Даніила и Іереміа. Но выше изъ анализа царствованія Навуходносора видно было, что «Хронографъ по вел. изл.» и теперь продолжаетъ оставаться источникомъ и изъ него взято все то, что относится къ Амартолу.

Слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія:
1) въ исторіи еврейскихъ царствъ текстъ Амартола перешелъ

въ полную Палею изъ «Хронографа по великому изложенію»; 2) краткая Палея сильно сократила единственный свой источникъ — «Хронографъ по вел. изл.», оставивъ только лишь указанія на царствованія и 3) «Хронографъ по вел. изл.» едва ли содержалъ въ себѣ текстъ Амартола въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ мы имѣемъ въ только что указанныхъ случаяхъ въ полной Палеѣ.

Затруднительнѣе рѣшить, откуда вошли въ полную Палею выдержки изъ Малалы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «Хронографъ по вел. изл.» не заключалъ въ себѣ изъ нея выдержекъ; съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ соединеніи съ разными источниками встрѣчаются выдержки изъ Малалы, мы замѣчаемъ большую близость съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ второй редакціи. Но мы можемъ уже изъ настоящаго изслѣдованія видѣть, что извѣстный намъ типъ второй ред. Еллинскаго Лѣтописца не могъ быть источникомъ для полной Палеи. Остается пока остановиться на напрашивающемся само собой заключеніи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оба автора — и полной Палеи и Еллинскаго Лѣтописца — имѣли въ рукахъ, кромѣ «Хронографа по вел. изл.» еще по какому-то одинаковому сборнику, которымъ и воспользовались. Детальное разрѣшеніе этого вопроса я оставляю на будущее время до разработки редакцій Еллинскаго Лѣтописца.

Время происхожденія второй (полной) редакціи Палеи Тихонравовымъ приурочивалось къ ереси жидовствующихъ. Съ его словъ держалось мнѣніе, что ересь жидовствующихъ оказала вліяніе на составленіе второй редакціи въ томъ именно смыслѣ, что Палея пополнилась талмудическими легендами, но что первоначальная идея Палеи — представить ветхій завѣтъ какъ прообразъ новаго и обличить тѣмъ евреевъ — уже затемнилась, вслѣдствіе чего Палея и распространена была нѣкоторыми вставками, нисколько не отвѣчающими первоначальной идеѣ. Затѣмъ, по мнѣнію Тихонравова, Палея окончательно потеряла свое первоначальное значеніе и была присоединена къ хронографу, обратившись тѣмъ самымъ въ обыкновенный хронографическій сборникъ.

Мы видимъ теперь, что необходимо внести поправку въ такую исторію Палеи въ томъ смыслѣ, что мы не имѣемъ основаній различать двѣ стадіи второй редакціи Палеи — талмудическую и хронографическую. Вторая редакція и есть въ одно и то же время и талмудическая и хронографическая: кто наполнялъ ее талмудическими легендами, тотъ преобразовывалъ ее и въ хронографъ.

Остается вопросъ о талмудическомъ элементѣ, который давалъ Тихонравову основаніе связывать Палею съ ересью жидовствующихъ. Вѣроятно, Тихонравовъ разумѣлъ здѣсь Суды Соломона, отзываются, дѣйствительно, Талмудомъ, такъ какъ всѣ остальные апокрифы и легенды не выходятъ изъ круга обычной славянорусской литературы. Но и тутъ возникаетъ сомнѣніе, безусловно ли необходимо связывать составленіе второй редакціи Палеи съ ересью жидовствующихъ. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно точнѣе опредѣлить вліяніе ереси на вторую редакцію Палеи. Составилась ли она благодаря вспыхнувшему интересу къ жидовству, или мы имѣемъ дѣло съ простымъ совпаденіемъ по времени, когда, благодаря ереси жидовствующихъ, распространились и талмудическія легенды, попавшія, поэтому, и въ Палею. Но я затруднился бы, прежде всего, видѣть въ появленіи Судовъ Соломона вліяніе ереси жидовствующихъ; развѣ только это понимать въ томъ смыслѣ, что въ данный періодъ они были болѣе распространены, чѣмъ прежде. Но ихъ содержаніе таково, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы жидовствующие могли пользоваться ими для своихъ цѣлей; произведенія послѣдняго характера совершенно отличаются отъ Судовъ Соломона. Не менѣе проблематичнымъ является признаніе связи второй редакціи Палеи съ ересью жидовствующихъ и по духу, въ смыслѣ, конечно, полемики съ еврействомъ. Основаніемъ къ тому могло бы служить обширное пользованіе со стороны автора второй редакціи толковательнымъ элементомъ Палеи въ противоположность напр. краткой Палеѣ. Но не будемъ ли мы въ данномъ случаѣ имѣть дѣло съ манерой автора и — только? Анализъ

второй редакціи достаточно свидѣтельствуешь, что ея авторъ относился къ своимъ источникамъ довольно механически, и потому, взявъ въ первой части источникомъ, между прочимъ, Толковую Палею, онъ выписывалъ изъ нея все, что читалось, т. е. и исторію и толкованія. Къ тому же, Толковая Палея была лишь однимъ изъ источниковъ. Можемъ ли мы при такихъ условіяхъ утверждать, что авторъ имѣлъ въ виду полемику съ евреями? Конечно, нѣтъ, какъ это отчасти признавалъ и Тихонравовъ. А если такъ, то указанныхъ основаній еще недостаточно, чтобы приводить вторую редакцію въ связь съ ересью жидовствующихъ по духу или направленію.

Но можетъ быть, мы имѣемъ, во всякомъ случаѣ, совпаденіе второй редакціи съ ересью хотя бы по времени?

Большинство списковъ полной Палеи принадлежитъ приблизительно къ одному времени, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ опредѣленные даты. Такъ Палея Синодальная № 211 имѣетъ такую запись: В лѣто 7283 (1473) мѣца септевриа кѣ на памѣ стѣо сѣнномчника Фоки кончена въ книга сия нарицаемая Палея при княженіи великыи княземъ Московскыи Иване Басильевичи и Иване Ивановичи при митрополите Московскомъ Гороньтеи всей Русси, при архимѣе Новгородскомъ, при Фешѣилѣ и при князи Псковскомъ Басильи Басильевичи. . . Палея писана въ Псковѣ: вдетъ нѣсколько извѣстій о Псковскихъ событіяхъ того года, и заключеніе: Я писалъ сию книгу хожѣи в дѣцѣ Нестерь дѣлкъ стѣо вѣолаѣпнаго рѣтѣа Га нѣго іс хѣа.—Румянцевская Палея написана въ 1494 г. Остальные списки относятся уже къ болѣе позднему времени. Отмѣченные годами списки суть самые ранніе, и по времени написанія, дѣйствительно, совпадаютъ съ ересью жидовствующихъ. Конечно, этого недостаточно, чтобы видѣть здѣсь что либо положительное въ смыслѣ указанія времени составленія памятника. Но обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Во-первыхъ, въ рукописяхъ разсматриваемый памятникъ называется «Палеей», но безъ прибавленія слова «толковая». Зна-

читать, самъ авторъ, отъ котораго и идетъ, конечно, это названіе, съ одной стороны, приравнивалъ свой трудъ къ известной Толковой Палее, съ другой — отдѣлялъ его отъ нея: составленный имъ памятникъ былъ для него тоже «Палеей», но уже не — «толковой». Дѣйствительно, толкованія для него уже не играли никакой самостоятельной роли: кромѣ тѣхъ толкованій, которыя онъ переписывалъ изъ одного своего источника — Палеи Коломенскаго типа — онъ не вставлялъ уже ни одного толкованія. Но въ то же время этотъ трудъ былъ для него не хронографомъ, а именно Палеей, т. е. исторіей ветхаго заветъа или иначе — исторіей еврейскаго народа. Это не можетъ быть безъ значенія, такъ какъ ни одинъ хронографъ — Еллинскій ли Лѣтописецъ или хронографъ въ собственномъ смыслѣ — никогда въ рукописяхъ не называется Палеей, ни Палея — хронографомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно обратить вниманіе на объемъ различныхъ частей полной Палеи. Напр. Румянцевскій списокъ на 405 листахъ содержитъ ветхозавѣтную исторію и только на 40 — всю новозавѣтную. Мы и видимъ, дѣйствительно, что послѣдняя состоитъ изъ ничтожныхъ выписокъ изъ Амартола съ прибавленіемъ также немногихъ добавочныхъ свѣдѣній. Очевидно, новозавѣтная исторія для автора не играла уже существенной роли, и онъ охотно воспользовался «Хронографомъ по великому изложению» именно потому, что послѣдній какъ разъ соответствовалъ его цѣлямъ: было гораздо легче его переписать, нежели самому дѣлать выборку. Если мы поставимъ рядомъ Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи, то увидимъ рѣзкую разницу: въ послѣднемъ новозавѣтная часть занимаетъ почти $\frac{2}{3}$ памятника; следовательно, онъ есть въ полномъ смыслѣ «Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ». Вышесказанныя особенности заставляютъ отдѣлять вторую редакцію (полную) Палеи отъ Еллинскаго Лѣтописца и скорѣе приравнивать ее къ Архивскому хронографу, названному мною на основаніи характерныхъ его особенностей «Иудейскимъ хронографомъ».

Итакъ, вторая редакція Палеи есть въ собственномъ смыслѣ

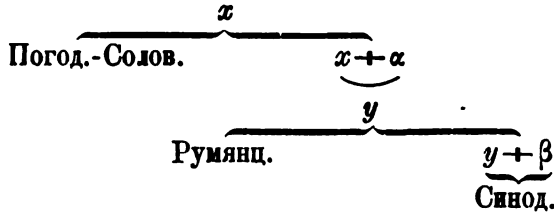
исторія ветхаго завѣта, т. е. исторія еврейскаго похода. Составленіе такой довольно своеобразной исторіи съ этой точки зрѣнія можетъ, конечно, соединяться съ ересью жидовствующихъ, когда интересъ къ еврейству долженъ былъ оживиться.

Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, спрашивается, нужно было автору пробѣгать, хотя и кратко, новозавѣтную исторію? Кажется, на нѣкоторыя соображенія можетъ навести послѣдняя статья второй редакціи, которая, будучи навѣяна старыми еще памятниками, содержитъ прославленіе и русской земли, и русскаго языка, и князя Владиміра, послѣдняго за то, что онъ просвѣтилъ святымъ крещеніемъ русскую землю. Съ одной стороны, къ концу XV вѣка теорія третьяго Рима имѣла уже большое значеніе, а съ другой—еретики жидовствующие выставили свое еврейство какъ нѣчто высшее сравнительно съ христіанствомъ. Но христіанство въ концѣ XV вѣка воплощалось въ русской землѣ. Авторъ, рассказавъ подробно исторію евреевъ и зная, быть можетъ, лично образъ дѣйствій еретиковъ и переписывая Толковую Палею, волей-неволей проникался и самъ полемикой, которая сводилась у него къ сознанію значенія русскаго языка и русской вѣры. Нужно было возвеличить того, кто ввелъ христіанскую вѣру на Русь, но чтобы имѣть право назвать Владиміра вторымъ Константиномъ, какъ это дѣлаетъ онъ въ заключеніи, нужно было, хотя бы кратко, дать обзоръ византійской исторіи и связать послѣднюю съ русской исторіей. Авторъ такъ и сдѣлалъ.

Крайній предѣлъ, глубже котораго полная Палея не можетъ восходить, опредѣляется второй редакціей Александріи, бывшей въ пользованіи автора. Такъ какъ вторая редакція Александріи составлена въ первой половинѣ XIII вѣка (ранѣе самаго конца XII она не могла быть составлена уже потому, что въ ней читается Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ), то отсюда выводъ тотъ, что полная Палея составлена не ранѣе половины XIII вѣка.

Что касается взаимоотношенія списковъ полной Палеи, то всѣ они составляютъ одну редакцію, и никакого подраздѣленія

между ними сдѣлать нельзя. Однако, они не являются безусловно тождественными между собой, и можно усмотрѣть между ними нѣкоторую градацію. Мною выше были указаны случаи отдѣльных особенностей отдѣльных списковъ; не мало отличій Синодальнаго списка отъ Погодинскаго указалъ г. Истомина, хотя и объяснилъ ихъ неправильно, исходя изъ неправильной точки зрѣнія. Наиболее полно и лучше представляетъ полную Палею списокъ Погодинскій, съ которымъ сходится списокъ Соловецкій. Списки же Синодальный и Румянцевскій составляютъ, какъ выше указано, одну группу, хотя Синодальный сравнительно съ Румянцевскимъ представляетъ уже дальнѣйшій видъ. Разумѣется, все это относится къ незначительнымъ отдѣльнымъ мѣстамъ, если не считать исторіи Авраама, гдѣ Синодальный списокъ является очень сокращеннымъ. Рядомъ съ сокращеніями, однако, въ Синод. встрѣчаются и дополненія. Указанные мною и г. Истинымъ отдѣльные случаи даютъ основаніе представить слѣдующую схему, если обозначимъ чрезъ α дополненія противъ оригинала (протографа, обозначаемого чрезъ x), а чрезъ β — измѣненія:

Подведемъ теперь итоги анализу краткой Палеи. Источники опредѣлились въ достаточной степени. Это, во-первыхъ, первоначальная редакція Палеи Коломенскаго типа въ первой части и хроники Амартола — во второй. Вмѣстѣ съ первоначальной Палеей авторъ имѣлъ еще и другіе источники, именно:

1) Библейскія книги, изъ которыхъ онъ воспользовался книгой Бытія.

2) Нѣкоторые библейскія сказанія, имѣющія характеръ частію апокрифическій, но главнымъ образомъ напоминающій характеръ такихъ же сказаній, внесенныхъ въ разнообразныя греческія хроники, какъ сказаніе объ Измаилѣ, о столкновеніи Исава и Иакова, о пророкѣ Нафанѣ, о Моисеѣ.

3) Апокрифы въ собственномъ смыслѣ; сюда принадлежитъ Откровеніе Авраама.

4) Хроники: 1) Георгія Амартола, 2) соответствующая греческой Парижской 1436, которую можно называть хроникой Синкелла и 3) особая какая-то хроника.

Во второй части источникомъ была почти исключительно хроника Амартола, перешедшая изъ «Хронографа по великому изложению», гдѣ она была соединена съ нѣкоторыми дополненіями. Къ этому источнику авторъ почти ничего не прибавилъ, но кое-гдѣ замѣнялъ его другимъ. Такъ, несомнѣнно, онъ поступилъ съ Амартоломъ въ исторіи третьяго собора, замѣнивъ Бооръ 606,5—21 другимъ источникомъ; см. выше. Доказательствомъ служитъ то, что отъ выкинутаго отрывка Амартола удержалась послѣдняя фраза — *Несторѣи же ѡзємѣствованѣ въ Сѡсини* = Бр. 606,22.

Разсматривая вторую часть, мы видимъ, что она начинается собственно съ исторіи Ровоама, т. е. именно тамъ, гдѣ кончается первоначальная редакція Пален (Коломенскій списокъ); отсюда источникомъ является, какъ видѣли, почти исключительно хроника Амартола въ краткихъ выдержкахъ. Слѣдовательно, авторъ поступилъ иначе, чѣмъ авторъ полной Пален (второй редакціи): послѣдній за окончаніемъ первоначальной редакціи Пален продолжалъ пользоваться тѣми же источниками, какіе были у него и во время пользованія Палеей и среди которыхъ не было хроники Амартола, и только лишь чрезъ нѣкоторое время приступилъ къ пользованію и послѣдней чрезъ посредство «Хронографа по великому изложению». Авторъ же краткой Пален тотчасъ же послѣ окончанія Пален продолжаетъ свой трудъ по Амартолу,

не пользуясь ни однимъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ авторъ Палея полной. Нельзя, конечно, думать, что этихъ источниковъ у него не было: если не Суды Соломона, то библейскія книги у него, конечно, могли быть. Стало быть, авторъ просто не хотѣлъ ими пользоваться, находя достаточнымъ для своего труда хроники Амартола. Дѣйствительно, характеръ обѣихъ частей краткой редакціи Палея совершенно одинаковъ: особенность той и другой—краткость. Авторъ, слѣд. составлялъ свой трудъ сознательно, съ опредѣленной цѣлью. Сравнивая, теперь, выдержки изъ хроники Амартола вслѣдъ за царствованіемъ Соломона съ тѣми, которые мы можемъ уже возводить къ «Хронографу по великому изложенію», мы видимъ, что характеръ тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же. Отсюда мы уже съ полнымъ правомъ можемъ говорить, что «Хронографъ по великому изложенію» начинался не тамъ, гдѣ онъ указывается въ полной Палеѣ, т. е. не съ царствованія Асафа сына Осія, но раньше, во всякомъ случаѣ—съ царствованія Ровоама. Но какъ онъ простирался еще? раньше? На это отвѣтить трудно, но есть основаніе думать, что и царствованіе Соломона было составлено по Амартолу. Я указалъ выше, что въ краткой Палеѣ есть заимствованія изъ Амартола въ исторіи Соломона, причемъ въ Палеѣ сравнительно съ полнымъ переводомъ Амартола нѣтъ нѣсколькихъ строкъ, а мы видѣли, что выдержки изъ послѣдняго въ «Хронографѣ по вел. изл.» характеризуются именно пропусками по нѣсколькимъ фразъ. Вести дальше у насъ нѣтъ прямыхъ документальныхъ данныхъ.

Однако, вопросъ о составѣ Хронографа въ первой его части возникаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивается, какъ пользовался авторъ краткой Палея своими непалеянскими источниками въ первой части своего труда — имѣлъ ли онъ ихъ всѣ въ отдѣльномъ видѣ, или нашелъ ихъ всѣ соединенными въ одномъ памятникѣ, откуда и выписывалъ, что ему было нужно. Я не стану утверждать, что, такъ какъ «Хронографъ по великому изложенію» послужилъ источникомъ для второй части Палея, то онъ служилъ

источникомъ и для первой; не стану такъ утверждать на только-что приведенномъ основаніи потому, что такое утверженіе, будучи только предположеніемъ, не давало бы никакихъ новыхъ научныхъ данныхъ, и потому нисколько бы не увеличивало суммы нашихъ знаній. Но я обращаю вниманіе на одно обстоятельство. Я выше пришелъ къ заключенію, что у авторовъ трехъ памятниковъ—полной и краткой Палей и Тихонравовскаго хронографа была въ рукахъ составная исторія Моисея, которой каждый изъ нихъ воспользовался по своему, и что эта составная исторія была въ рукахъ и того, кто составлялъ соответствующую часть Рѣчи Философа въ нашей Лѣтописи. Эта часть рѣчи Философа принадлежитъ, очевидно, тому, который преподавалъ Владимиру свѣдѣнія и по византійской исторіи, а мы видѣли, что послѣднія взяты или изъ самого «Хронографа по великому изложенію», какъ онъ выясняется намъ изъ анализа краткой и полной Палей и Еллинскаго Лѣтописца второй редакціи, или изъ хронографа, близко къ нему стоящаго. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, съ большею возможностью можно заключать, что разсмотрѣнная выше исторія Моисея была въ томъ же «Хронографѣ по великому изложенію» или тождественномъ съ нимъ, и изъ него же взята авторомъ Рѣчи.

Но какъ теперь смотрѣть на выдержки краткой Палей изъ хроники, соответствующей греческой Парижской? Изъ нея взяты свѣдѣнія въ исторіи Моисея, Давида и Соломона, и конечно, не было бы нисколько удивительнымъ, если бы эти выдержки оказались соединенными съ хроникой Амартола и съ другими свѣдѣніями, какъ напр. эпизодъ съ Нафаномъ, въ томъ же «Хронографѣ по великому изложенію». На основаніи только что сдѣланнаго вывода, а именно, что исторія Моисея въ Рѣчи Философа могла быть взята изъ «Хронографа по вел. изл.», — съ одной стороны, и на основаніи того, что эта исторія соприкасается съ той, которая читается въ греческой Парижской хроникѣ Синкелла — съ другой, на основаніи этого можно думать, что исторія Моисея, составленная, между прочимъ, по греческому Па-

рижскому тексту Синкелла и сохранившая послѣдній частію въ Лѣтописцѣ и почти весь въ краткой Палее, читалась въ такомъ же видѣ въ «Хронографѣ по велик. излож.», куда она попала, пройдя уже нѣсколько стадій, по крайней мѣрѣ стадію соединенія хроники Синкелла съ нѣкоторыми другими свѣдѣніями, подобно хроникѣ Амартола. Если бы это было такъ, то отсюда естественно было бы заключать, что и въ исторіи Давида и Соломона выдержки изъ хроники Синкелла взяты изъ того же Хронографа ¹⁾. Такимъ образомъ, послѣдній представлялся бы намъ какъ компиляція изъ двухъ хроникъ: Синкелла (разумѣя подъ этимъ греческій Парижскій текстъ) и Амартола, въ небольшихъ выдержкахъ изъ нихъ и въ соединеніи той и другой съ небольшими добавленіями изъ другихъ источниковъ. Болѣе полное возстановленіе «Хронографа по великому изложенію» принадлежитъ, конечно, будущему. Въ силу же высказанныхъ мною соображеній, краткая Палея представлялась бы составленной пока на основаніи двухъ памятниковъ: первоначальной Палеи и «Хронографа по великому изложенію».

Способъ пользованія со стороны автора обоими памятниками даетъ возможность опредѣлить общій характеръ разсматриваемаго памятника и рѣшить, въ какомъ смыслѣ можно его называть Палеей извѣстной редакціи. Въ свое время я высказалъ, что въ славянорусской письменности Толковой Палеей называлось собраніе толкованій Феодорита на библейскія книги. Настаиваю на этомъ и теперь, ибо этому можно привести и подтвержденія. Наша извѣстная Толковая Палея получила свое названіе отъ этого именно сборника толкованій какъ потому, что она давала тѣ же толкованія на библейскія книги, такъ и потому, что она пользовалась, между прочимъ, данными толкованіями.

1) За то же можетъ говорить и тотъ фактъ, что въ заимствованномъ текстѣ изъ Амартола въ исторіи Соломона (Бооръ 189,а—190,а) пропущены строки 7—11, читающіяся въ полномъ славянскомъ переводѣ, а это соответствуетъ общему способу пользованія Амартоломъ. Не безъ значенія можетъ быть и то, что описаніе построекъ Соломона, взятое изъ Парижской хроники, также короче послѣдней; см. выше, II гл.

Но она была направлена противъ Иудеевъ, поэтому, авторъ ея и далъ ей заглавіе «Толковая Палея яже на Иудея». Если мы будемъ исходить изъ этой точки зрѣнія, то рассматриваемый нами памятникъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названъ Толковой Палеей извѣстной редакціи. Какъ разъ именно толкованія-то и выпускались авторомъ. Отъ старой Толковой Палеи осталась одна лишь историческая часть, къ которой были присоединены хронографическіе источники. Нашъ памятникъ не можетъ быть названъ и просто Палеей, такъ какъ послѣднимъ именемъ назывались только библейскія книги. Слѣдовательно, нашъ памятникъ представляетъ собой въ чистѣйшемъ видѣ историческій сборникъ, въ родѣ любого Еллинскаго Лѣтописца, только лишь очень сокращенный сравнительно съ послѣднимъ. Если же мы называемъ его Палеей, то, конечно, условно.

Вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что авторъ нашей редакціи, составляя свой въ собственномъ смыслѣ историческій трудъ, производитъ, собственно говоря, странную и непонятную для насъ работу. Въмѣсто того, чтобы просто на-просто взять библейскій текстъ и сдѣлать изъ него соотвѣтствующія выписки, авторъ беретъ Толковую Палею и продѣлываетъ надъ ней внимательную работу, получая съ трудомъ то, чего онъ могъ бы достичь безъ труда. Я не хочу входить въ объясненіе такого факта, ибо всѣ догадки будутъ бесплодны. Я указываю не него только для того, чтобы обратить на него вниманіе изслѣдователей, которые склонны бываютъ слишкомъ преувеличивать свою прозорливость и способность читать въ сердца дреннерусскаго книжника. Разумѣется, безъ послѣдняго элемента нельзя обойтись совершенно, какъ нельзя обойтись безъ гипотезъ: но изучая способы составленія славянорусскихъ памятниковъ, мы нерѣдко становимся втупикъ передъ вопросомъ: почему и зачѣмъ авторъ поступалъ въ своей работѣ такъ, что только лишь непроизводительно затруднялъ свое дѣло? Поэтому, не отрицая безусловно возможности догадокъ, полагаю все таки, что слѣдуетъ въ этомъ отношеніи быть очень осторожнымъ.

Пользованіе со стороны автора краткой Палеи первой редакціей Палеи достаточно свидѣтельствуесть, что въ «Хронографѣ по вел. изл.» первая часть была для автора слишкомъ неудовлетворительна. Мы замѣчаемъ во многихъ памятникахъ историческаго характера пользованіе для ветхозавѣтной исторіи библейскими книгами, какъ напр. въ томъ же Еллинскомъ Лѣтописцѣ разныхъ видовъ. Очевидно, составители различныхъ историческихъ сборниковъ не рѣшались передавать ветхозавѣтную исторію на основаніи лишь хроникъ, особенно древнѣйшую, и пользовались для этой цѣли библейскими книгами, или помѣщая ихъ цѣликомъ, безъ примѣся постороннихъ источниковъ, или распространяя ихъ послѣдними. Исходя изъ этого, можно думать, что «Хронографъ по великому изложенію» древнѣйшую ветхозавѣтную исторію излагалъ также по Амартолу и также кратко, почему авторъ краткой Палеи и замѣнилъ его палейнымъ текстомъ. Но, конечно, это высказывается только предположительно.

Часть еврейской исторіи въ краткой Палеѣ передана очень кратко, въ однихъ указаніяхъ на царствованіе того или другого царя: но на основаніи соотвѣтствующаго изложенія въ Полной Палеѣ нужно признать, что въ данныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ сокращеніемъ Амартоловскаго текста «Хронографа по великому изложенію», текста, удержавшагося безъ сокращенія въ полной Палеѣ; см. объ этомъ выше.

Опредѣлить точно время составленія краткой Палеи у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Древнѣйшіе списки ея относятся къ концу XV или къ началу XVI вѣка. Признавая, что первоначальная редакція Палеи составлена въ первой половинѣ XIII вѣка¹⁾, мы можемъ опредѣлить время появленія краткой Па-

---

1) А. И. Соболевскій въ критической статьѣ по поводу моихъ «Исгдѣваній въ областѣ др. русской литературы» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1906 г., июль), указывая на то, что въ Коломенской Палеѣ идетъ рѣчь, между прочимъ, о нашихъ сѣверныхъ свѣтлыхъ нощахъ (Кол., стр. 14), заключаетъ, что редакторъ жилъ или въ Новгородѣ, или вообще въ сѣверовосточной Россіи. Послѣднее опредѣленіе не вполне ясно: что нужно разумѣть подъ сѣверовосточной Россіей? Но помимо этого, указанная А. И. Соболевскимъ вставка не

леи промежуткомъ отъ второй половины XIII вѣка по XV вѣкъ включительно.

Выводы изъ изслѣдованія редакцій Толковой Палеи будутъ слѣдующіе ¹⁾:

1. Толковая Палея, представляемая списками Коломенскимъ и сходными съ нимъ, есть первоначальная редакція.

2. Первоначальная редакція Толковой Палеи имѣла издавна тотъ объемъ, какой она имѣетъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ, хотя у автора ея и былъ замыселъ продолжить ее далѣе, т. е. довести ее, по крайней мѣрѣ, до новозавѣтныхъ событій.

3. Никакой не дошедшей до насъ хронографической Палеи не существовало, и Палея сп. Срезневскаго и Погод. 1434 не можетъ считаться сокращеніемъ этой недошедшей до насъ хронографической Палеи.

4. Палея, представляемая списками Синодальнымъ и другими, есть редакція позднѣйшая.

5. Эта позднѣйшая редакція Палеи не должна бы называться «Толковой Палеей» въ собственномъ смыслѣ: это есть историческій сборникъ, и первоначальная редакція Толковой Палеи была лишь однимъ изъ многихъ источниковъ сборника.

6. Другимъ главнымъ источникомъ въ первой части этого сборника (второй редакціи Палеи) были библейскія книги—историческія и пророческія; вмѣстѣ съ тѣмъ, источниками служили многіе апокрифы, изъ которыхъ нѣкоторые были тѣми же самими, какими пользовался и авторъ первой редакціи Палеи. Поэтому, во второй ред. Палеи нужно различать двоякое пользованіе одними и тѣми же источниками: болѣе древнее, перешедшее

можетъ служить указаніемъ на мѣсто возникновенія Палеи первой редакціи: редакторъ могъ быть родомъ, дѣйствительно, изъ Новгорода или вообще изъ сѣверовосточной Россіи, но трудъ свой съ одинаковымъ правомъ могъ написать хотя бы въ той же Коломенѣ.

1) Эти выводы уже напечатаны въ моихъ «Изслѣдованіяхъ въ области древней русской литературы».

во вторую редакцію Палея чрезъ посредство первоначальной редакціи (типъ Коломенской), и болѣе новое, принадлежащее уже самому автору второй редакціи.

7. Отношеніе авторовъ обѣихъ редакцій Палея къ своимъ источникамъ было различное. Авторъ первой редакціи перерабатывалъ свои источники, авторъ же второй редакціи выписывалъ ихъ буквально. Поэтому, наслоенія во второй редакціи легко отличить: различныя части одной и той же статьи, вошедшія во вторую редакцію различнымъ путемъ, различаются и по отношенію своему къ первоначальному оригиналу данной статьи.

8. Дошедшіе до насъ списки второй редакціи въ общемъ довольно точно передаютъ оригиналъ, хотя и можно замѣтить среди нихъ нѣкоторую послѣдовательность: нѣкоторые списки представляютъ уже легкое послѣдующее уклоненіе отъ своего оригинала; таковы списки Синодальный и Румянцевскій.

9. Списокъ первоначальной редакціи Палея, которымъ пользовался авторъ второй редакціи, принадлежалъ къ разряду, обозначаемому въ вариантахъ къ Коломенской Палеѣ буквами А. К. С. Я, т. е. къ спискамъ Александро-Невскому, Кирилло-Бѣлозерскому, Силянскому и Якушкинскому; изъ нихъ же непосредственно былъ у автора списокъ, тождественный съ Кир. Бѣлозерскимъ.

10. Съ окончаніемъ первоначальной редакціи Палея у автора оказалось однимъ источникомъ меньше; но онъ продолжалъ пользоваться оставшимися такимъ же способомъ, какъ и раньше.

11. Вскорѣ послѣ окончанія первоначальной редакціи Палея у автора является новый источникъ, который онъ называетъ «Хронографомъ по великому изложенію» и которымъ онъ начинаетъ пользоваться вмѣстѣ съ другими источниками, бывшими у него подъ руками.

12. Въ виду того, что авторъ рѣзко указываетъ на «Хронографъ по великому изложенію» какъ на новый источникъ, нужно думать, что тѣ хронографическія сказанія, которыя встрѣчаются

во второй редакціи въ ветхозавѣтной части, заимствованы изъ другого какого-то источника.

13. Въ ветхозавѣтной исторіи «Хронографъ по великому изложенію», какъ источникъ, игралъ ту же роль, что и другіе памятники, какъ напр. библейскія пророческія книги, Видѣнія Давида и пр.; въ новозавѣтной же исторіи «Хронографъ по великому изложенію» являлся для автора второй редакціи Палеи уже главнымъ источникомъ.

14. Пользуясь въ изложеніи новозавѣтной исторіи «Хронографомъ по великому изложенію», авторъ частію его сокращалъ (впрочемъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ), частію распространялъ его посторонними вставками изъ другихъ источниковъ; но такими не были ни хроника Малалы ни хроника Амартола.

15. Повидимому, въ распоряженіи автора второй ред. (полной) Палеи была еще какая-то хронографическая компиляція, чрезъ посредство которой перешли выдержки изъ хроники Малалы; эта же компиляція была въ рукахъ и автора второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца.

16. Независимо отъ второй редакціи Палеи, образовалась третья редакція, краткая, представленная списками — Срезневскаго и Погодинскимъ 1434. Въ собственномъ смыслѣ и эта редакція должна бы называться не Палеей, но историческимъ сборникомъ: Толковая Палея была и здѣсь лишь однимъ изъ источниковъ.

17. Въ первой части третьей редакціи основаніемъ была первоначальная редакція Палеи (Коломенскаго типа).

18. Пользованіе первоначальной редакціей Палеи было своеобразное: выписывались только историческія мѣста, толковательныя же тщательно выпускались и удержались въ ничтожныхъ случаяхъ лишь по ошибкѣ автора.

19. Кромѣ первоначальной редакціи Палеи, въ распоряженіи автора были и другіе матеріалы (въ первой части), изъ которыхъ нѣкоторые совпадали съ тѣми, которыми пользовался авторъ второй редакціи.

20. Съ половины ветхозавѣтной исторіи источникомъ является тотъ же «Хронографъ по великому изложенію»; послѣдній авторомъ переписывался почти безъ перемѣнъ: лишь въ очень немногихъ случаяхъ сокращался и еще менѣе—дополнялся. Наибольшія сокращенія имѣли мѣсто въ изложеніи исторіи еврейскихъ царствованій.

21. Третья редакція Палей не можетъ считаться сокращеніемъ какой-либо болѣе древней редакціи Палей; она дошла до насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была составлена. Ея краткій видъ объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, авторъ ея самъ сокращалъ свои главные источники — въ первой части первоначальную Палею, во второй — «Хронографъ по великому изложенію»; а съ другой — авторъ второй редакціи распространялъ свой источникъ во второй части (библейскія книги и «Хронографъ по великому изложенію»).

22. Благодаря пользованію авторами второй и третьей (полной и краткой) редакцій Палей одними источниками (Палея въ первоначальной редакціи и Хронографъ по великому изложенію, а также кое-что иное), получается кажущаяся связь ихъ въ генетическомъ отношеніи. Но непосредственнаго соприкосновенія между ними не было.

23. «Хронографъ по великому изложенію» можетъ быть восстановленъ болѣе или менѣе точно только начиная съ конца ветхозавѣтной исторіи. Средствами для восстановленія служатъ вторая и третья редакціи Палей и извѣстная намъ вторая редакція Еллинскаго Лѣтописца.

24. Начальная часть «Хронографа по великому изложенію» пока не можетъ быть восстановлена съ достовѣрностью. Предположительно выдержки изъ Амартола начинались съ исторіи Моисея, но съ хроникой Амартола была соединена въ выдержкахъ другая хроника, оригиналъ которой находится въ части Парижской греческой хроники № 1336.

25. Главное содержаніе «Хронографа по вел. изл.» состояло въ выдержкахъ изъ хроники Амартола; послѣдній взятъ въ ста-

ромъ обычномъ переводѣ; текстъ взятыхъ отрывковъ подвергся частію сокращенію и переработкѣ; Хронографъ былъ снабженъ хронологіей отъ сотворенія міра.

26. Къ тексту Амартола были присоединены въ небольшомъ количествѣ и другіе источники — церковноисторическаго содержанія, напр. перечисленія мучениковъ.

27. Названіе «Хронографа по великому изложенію» надо понимать въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ на основаніи «великаго» изложенія, т. е. — хроники Амартола.

28. Этотъ Хронографъ былъ переписанъ авторомъ третьей редакціи безъ большихъ измѣненій; сообразно общей манерѣ, введены были въ текстъ однообразныя хронологическія указанія.

29. Большимъ сравнительно измѣненіямъ подвергся Хронографъ въ рукахъ автора второй редакціи, хотя текстъ внутренней переработкѣ не подвергался; авторъ соединялъ Хронографъ съ другими источниками и дѣлалъ нѣкоторыя сокращенія.

30. Тѣмъ же «Хронографомъ по великому изложенію» воспользовался и авторъ второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца; но при составленіи послѣдняго Хронографъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ источниковъ: главными источниками были хроники Малалы и Амартола. Авторъ Еллинскаго Лѣтописца по большей части замѣнялъ сокращенный текстъ Амартола, бывшій въ «Хронографѣ по велик. излож.», полными выписками изъ хроникъ Малалы и Амартола, оставляя тѣ прибавленія, которыя были сдѣланы въ Хронографѣ къ Амартолу.

31. Лѣтопись—будетъ ли то Начальный сводъ или Повѣсть временныхъ лѣтъ—брала свои свѣдѣнія по византійской исторіи (въ Рѣчи философа) не изъ Толковой Палеи въ той или другой ея редакціи, но изъ «Хронографа по великому изложенію»; пока можно утверждать лишь то, что редакція послѣдняго была очень близка къ тому, который легъ въ основаніе полной и краткой (второй и третьей ред.) Палеи. Кромѣ того, въ распоряженіи автора лѣтописнаго разсказа были и другіе источники, которыми,

въ свою очередь, воспользовался авторъ полной Палеи (второй ред. Вѣроятно, что и другія свѣдѣнія, какъ напр. по ветхозавѣтной исторіи брались также изъ того же Хронографа.

32. Ни хронографическія редакціи Палеи (вторая и третья), ни «Хронографъ по великому изложенію» ни Еллинскій Лѣтописецъ второй редакціи съ одной стороны, и ни Архивскій Хронографъ, ни Софійскій 1454, ни ихъ общій протографъ, съ другой, не находятся между собой въ генетической связи: первая и вторая группы памятниковъ составлены совершенно независимо другъ отъ друга.

33. Вторая редакція Палеи составлена, во всякомъ случаѣ, не раньше второй половины XIII вѣка.

34. Документальныхъ основаній для приведенія составленія второй редакціи Палеи въ связь съ ересью жидовствующихъ нѣтъ, хотя ея распространеніе и совпадало съ появленіемъ послѣдней. Однако, ея составъ, подборъ матеріала и направленіе не противорѣчатъ такому сопоставленію.

35. По своему составу вторая редакція Палеи есть исторія еврейскаго народа (ветхаго завѣта), но она имѣетъ тенденцію поставить русскую исторію (вѣру и пр.) выше всѣхъ другихъ.

36. Относительно «Хронографа по великому изложенію» можно сказать лишь только то, что въ половинѣ XIII вѣка онъ существовалъ.

ТАБЛИЦЫ.

I.

*Текст Коломенской Пален, вошедший в Паленю полную
(Синод. Румянц. и др.).*

1 —127,11	340,22—342,22	484,24—486,4	577, 5—580, 4
128,24—194, 3	342,22—343,5; 8—11	491,16—25	580, 5—587,25
194, 3—195,20	343,12—14	494,16—495,3	587,26—638,22
195,20—196,17	343, 5—8; 14—19	495,22—496,3	638,24—647,21
196,17—198,22	343,19—22	496, 5—25	648, 5—9
198,22—259,22	344, 2—10	496,26—497, 5	648,22—649,21
259,22—262, 2	344,11—16	497, 6—498,17	650, 9—20
262, 9—272, 9	344,17—20	499, 8—15	652, 9—654,17
273, 2—275,14	344,22—346,7	502,18—22	655, 8—656, 6
276, 2—278,27	348,10—13	510,27—511,3	656,12—659,26
279, 2—283,22	350, 4—356, 2	511,11—516,6	660,26—662, 2
283,24—289,22	357,15—21	516, 6—15	662,25—663,24
290, 9—14	358,20—359,18	516,20—518,1	664, 9—15
290,27—291,17	359,18—360,26	518, 1—2	668,14—669,12
291,18—306,14	361, 1—22	518, 2—9	672,24—673,19
306,14—307,22	361,22—362, 3	518, 9—19	674, 2—677,16
307,22—309,24	364,20—366, 7	518,24—521,24	678, 5—679, 4
309,26—310,16	367,12—368, 7	522, 9—524,4; 6	679,19—680,21
310,16—22	366, 8—367,12	524,22—530,12	680,22—681,20
314, 2—332,12	368, 2—9; 26—369,7	530,12—542, 2	682, 7—686, 7
332,14—333,20	368, 9—26	542, 2—545, 1	686,10—688, 4
333,21—334, 7	369, 7—385,14	545, 2—557, 2	688,15—689,24
334, 7— 9	386,12—389,27	557, 2—562,17	690,22—693,10
334,12—14	389,27—475,26	562,22—563,10	693,10—14
334,14—25	475,26—476, 2	563,17—24	698,22—697, 2
334,26—335,2	477,11—25	564, 2—573, 6	697,15—699,19
335, 2—17	478, 2—7	573,14—16	700,25—22
335,17—22	478, 2—480,22	573,16—21	702,25—705,12
335,26—22	480,26—481, 5	574, 2—16	720,26—27
336, 1—340,9	481, 5—15	574,20—575,26	722,16—22
340,10—11	481,15—482,24	576, 6—577, 2	722,27—723, 9

724,10—11	749, 9—750,9	772,26—806,11	814,15—27
729, 5—20	753, 1—754,2	806,11—19	814,27—815,18
734, 6—24	754, 3—4	806,25—807, 5	815,12—16
737, 1—19	754, 5	806,21—809, 6	815,22—822,17
737,22—738,14	754,10—11	810,17—26	823,14—829, 7
738,14—18	762, 8—13	810,27—813,25	829, 7—20
739, 1—745, 2	762,14—18	813,25—814,11	
747,19—749, 9	766, 6—770,2	814,12—18	

II.

Текст Коломенской Палеи, пропущенный въ полной Палеи.

127,11—128,24	482,25—484,22	650,21—652, 2	705,19—720,25
262, 2—263, 9	486, 5—491,15	654,12—655, 9	720,22—722,15
272, 9—273, 2	491,26—494,15	656, 7—12	722,22—23
275,14—276, 2	495, 4—22	659,27—660,25	723,10—724, 9
278,27—279, 2	498,16—499, 7	662, 9—662,24	737,20—25
289,22—290, 9	499,16—502,17	663,25—664, 2	738,19—22
290,14—27	503, 1—510,26	664,16—668,12	745, 2—747,12
309,25 (чит. иначе)	511, 9—10	669,12—672,24	750,10—753,22
310,22—314, 7	516,16—19	673,20—674, 1	754, 6—9
334, 9—12	518,26—22	647,22—648, 4	754,12—762, 7
340,14—22	521,25—522, 2	648,10—27	762,19—766, 5
344,20—345, 6	524, 7—21	677,17—678, 4	770, 2—772,25
346, 2—348,10	562,12—22	679, 5—12	806,20—24
348,14—350, 4	563,11—16	681,21—683, 6	807, 6—808,20
356, 2—357, 1	463,25—564, 1	686, 2—9	809, 7—810,12
357,22—358,19	573, 7—12	688, 5—14	814,12—14
362, 4—364,19	573,22—574, 1	689,25—690,21	815,17—21
385,15—386,12	574,17—19	693,15—22	822,12—823,12
476, 9—477,10	675,27—576, 5	697, 2—14	
477,26—478, 4	577, 2—5	699,20—700,24	
480,22—25	649,22—650, 2	701, 1—703,24	

III.

Библейскій текстъ, вошедшій въ полную Палею (въ замяну Коломенскаго текста и независимо отъ послѣдняго).

Бытіе:	Бытіе:	Бытіе:	Бытіе:
16, 1—17,22	23, 2— 9	33, 1—15	41, 1—27
19, 1—23	24, 2—27	37, 2—20	42, 1—22
20, 1—12	32, 9—12	38, 1—20	43, 1—22
21, 1—12	32,14—24	39,19—22	43,24—44,24
21,14—24	32,26—22	40, 1—22	45, 2—24

Бытiе:	I. Назвiе:	I Царствъ:	III Царствъ:
45,20-23	1, 1-9	17,54	15, 1-3; 9-22; 25-31
46, 1-7	1,10- 2, 3	18, 6- 7	15,23-16,10
46,23-23	2, 6- 4,18	18, 8-16	16,15-20
47, 2- 6	4,19- 5, 8	18,20-31,13	22,43-50
47, 9-27	5, 9-12		16,30-33
47, 3-43,22	5,16	II Царствъ:	17, 1-19,21
	6, 5-19	1, 1-10,19	21, 1-29
Исходъ:	6,19-25	11, 1- 3; 4	20, 1-43
3, 7- 8; 10	6,26- 7,15	11, 4-27	22, 1-40
3,12-15; 18-22	7,16-10,16	12, 1-12	
4, 1- 3; 4- 5	10,20-19,31	12,15-23	IV Царствъ:
7,20-12,26	20, 1- 6	12,24-31	
13,17-18	20, 7-21,27	13, 1-23,7	1, 1-13
13,20-14, 3	22, 1-24	23, 8-23	3, 1- 3
16, 4-10	23,14-24,21	23,24-29	2, 1-25
16,12-14	24,22-29	24, 1-25	3, 1-27
16,16-18; 23			3, 1-10,26
16,23-26	Судьи:	III Царствъ:	11, 1-21
16,28-30; 32-36	1, 9-26	1, 1-53	12, 1-21
17, 1	3, 1- 4	2, 5- 9	14, 1- 7
17, 5- 6	3,20-30	2,12-25	13, 1- 9
17,12	4, 9-24	2,26-46	13,10-14,3; 8-20
17,14-18,27	5, 6-21	3,20-26	14,22-23
19, 2	6, 1- 6	4, 2- 5	15, 1-23
19,11-26	6,11; 16	3, 4	16, 1-20
20,12-21	6,21-23	3, 8	17, 1-41
22, 1- 6	7, 1-22	3, 9	18, 1-12
24,10-17	7,22-11,40	5,12-18	18,12-27
24,24	12, 1-14,20	5,19-26	19, 1-20,21
	15, 1-19	4, 1-19; 27-34	21, 1-26
Числа:	16, 1	5,12	22, 1-23,23
22, 9-22	16, 2- 3	5,12-17	23,21-24
22,22-26	16, 5-21	6, 1-7,51	25, 8-21
22,28-22	16,24-21	8, 1-53	
22,26-23	17, 1-21,26	9,11-14; 26-28	Кн. Иеремiя:
23,12-16		10, 1-10	
23,27-30	I Царствъ:	10,11-12; 16-22	26, 1-24
24,12-25	1, 2-10	10,23-29	35, 1-19
26, 1	1,14-16	11, 1- 3	36, 1-24
	1,18-27	11, 4- 6	36,26-33
Второзак.:	2,11- 8,22	11, 7-43	27, 1- 3
13, 1- 5	9, 1-15,25	12, 1-11	27, 4-20
19,16-20	16, 1-12	12,11-16	28, 1-17
21,12-21	16,15-23	12,12-24	29, 1-13
22,23-29	17, 1-10; 22-52	12,25-13,24	29,21-24
27,15-26	17,52	14,21-26; 30-31	29,25-23

Кн. Геремія:	Кн. Геремія:	Кн. Геремія:	Кн. Давида:
84, 2-9	40, 2-8	43, 1-7	18, 1-22
84, 12-17	40, 12-14	44, 11-17	7, 1-22
87, 4-38, 22	41, 1-2		5, 1-22; 5, 22
89, 1-7	41, 10	Кн. Давида:	6, 12-24
89, 14	41, 16-18	1, 2	14, 2-22
22, 24-30	42, 1-22	1, 4-16	

IV.

а)

Текст Коломенской Палаты, замѣненный въ полной Палатѣ другимъ какимъ-либо текстомъ.

Коломенская Палата.	Полная Палата.
262, 2-263, 9	Бытія 16, 1-17, 22
272, 9-273, 2	19, 1-22
275, 14-276, 2	21, 1-12
278, 27-279, 2	21, 14-24
289, 22-290, 9	24, 2-27
324, 9-12	1) 32, 14-16, 2) вставка, 3) 32, 17-24
340, 14-22	37, 2-22
344, 20-345, 6	38, 1-20
346, 2-348, 10	1) вставка, 2) Б. 39, 19-22; 40, 1-12, 3) вставка; 4) Б. 40, 20-22; 41, 1-2; 5) вставка, 6) Б. 41, 2-42, 7) вставка, 8) Б. 41, 42-37.
348, 14-350, 4	42, 1-22; 43, 1-12; 43, 16-22; 43-44, 12; 44, 14-24
356, 2-357, 1	45, 2-2
357, 22-358, 19	45, 4-24
362, 4-364, 19	46, 21-22; 47, 2-2; 46, 2-27; 47, 5-48, 22
476, 9-477, 10	Апокриф. Житіе Моисея.
480, 22-25	1) Исх. 3, 7-2, 10, 2) Апокриф. Житіе.
482, 22-484, 22	Апокриф. Житіе.
486, 5-491, 15	Апокриф. Житіе.
491, 22-494, 15	1) Апокриф. Житіе, 2) Исх. 7, 20-12, 22
495, 4-22	Малала.
516, 16-19	Исх. 16, 12-14
518, 20-22	17, 5-6
521, 22-522, 2	17, 14-18, 27
524, 7-21	19, 11-22; 20, 12-21
573, 7-12	Числа 22, 9-22
573, 22-574, 1	22, 22-22
574, 17-19	22, 22-22
575, 27-576, 2	23, 12-16
577, 2-2	23, 27-22

Коломенская Палея.

Полная Палея.

648,10—27	I. Навина	1, 1—9
649,22—650, 8		1,10—2, 3
650,21—652, 8		2, 6—4,18
654,18—655, 9		4,19—5, 8
656, 7—12		5, 9—12
659,27—660,25		6, 5—19
662, 9—662,24		6,19—25
663,25—664, 8		6,26—7,15
664,16—668,12		7,16—10,16
669,12—672,24		10,20—20,6
673,20—674, 1		20, 7—21; 27; 22,1—24
677,17—678, 4		23,14—24,21
679, 5—18		24,22—29
681,21—683, 6	Судей	1,17—26
686, 8— 9		3, 1— 4
688, 5—14		3,20—20
689,25—690,21		4, 9—24
693,15—22		6, 1— 6
697, 8—14		6,21—22
699,20—700,24		7, 1—22
701, 1—703,24		7,23—11,20
705,19—720,25		12, 1—13, 1
720,28—722,15		15, 1—19; 16,2—3
722,28—26		16, 5—21
723,10—724, 9		16,24—21
737,20—25	I Царствъ	1, 8—10
738,19—23		1,18—27
745, 3—747,18		2,11—8,22; 16,1—13
750,10—753,28		17, 1—10; 22—22
754, 6— 9		18, 6— 7
754,12—762, 7		18, 8—16; 18,20—31,12; II Цар. 1,1—11,2
762,19—766, 5		1) Нафанъ; 2) II Ц., 1—12; 3) Нафанъ; 4) II Ц. 12,14—22
770, 2—772,25	II Царствъ	12,24—23,7
807, 6—808,20		23,24—29
809, 7—810,16		24, 1—25
814,12—14	III Царствъ	2,12—46; 4,20—26; 4,2—5
815,17—21		3,11—19
822,18—823,18		3,15—18; 4,1—19; 27—24; 5,1—12; 5,12—17 6, 1—7,21; 8,1—22

b)

Коломенскій текстъ, оставшійся въ полной Палеи незамѣненнымъ.

127,11—128,24

885,15—886,12

810,22—814, 7

477,26—478, 4

498,16—499, 7
499,16—502,17
503, 1—510,26
511, 9—10

562,19—22
563,11—16
563,25—564,1
806,20—24

с)

*Библейскій текстъ, вошедшій въ полную Палею не въ заголовку
Коломенскаго (см. то же выше):*

Бытіе:	20, 1—18	Исходъ:	3,18—15
	23, 2—20		3,18—22
	24, 2— 9		4, 1— 2
	32, 9—12		4, 4— 5
	32,26—32		13,17—18
	33, 1— 2		13,20—14,2
	33, 4—15		16, 4—10
	37,29—30		16,16—18
	45,26—28		16,23—26
	46, 1— 7; 28		16,28—30
	46,28—30		16,32—26
Числа:	22,23—26		17, 1
	24,18—25		19, 2
	27, 1—11		32, 1— 6
Второзак.:	18, 1— 5		34,10—17
	19,16—20		35,13—16, 23
	21,18—21	Ис. Нав.	5,16
	22,23—29	Судей:	5, 6—21
	27,15—26		13, 1—14,20
I Царствъ:	1,14—16	III Царствъ:	1, 1—52
	16,15—23		2, 5— 9
II Царствъ:	23, 2—23		

V.

*Сравнительная таблица взятаго въ полную Палею текста
Амартола по изданіямъ Муралята и Боора:*

Муралятъ.	Бооръ.	Муралятъ.	Бооръ.
14, 2—11	19,12—20, 5	191, 1—16	263,23—264,16
18,10—22,20	25,16—32,12	167,26—168,2	235,14—21
23,13—17	33, 6—12	168,17—22	236,13—19
24,27—29	35, 6— 7	172,15—173,2	241,21—242,12
25,2	35,12—18	174,24—175,1	245, 1— 3
25,14—26,20	36, 1—37,22	175, 1— 2	245, 2— 5
157,15—27	221, 4—16	175, 2— 3	245, 5—10

Мурашьгь.	Бооръ.	Мурашьгь.	Бооръ.
175,13-23	245,17-246, 1	347, 9-10	454,20-455, 5
195, 1- 5	269,16-21	347,23-348, 4	455,12-22
175,22-25	246, 2- 4	348,17-349, 4	456,15-457, 6
176, 1- 3	246,10-13	359,22-23; 360,12-17	466,21-467, 2
176, 7-19	246,15-247, 2	362, 6-14	467,20-468, 7
177, 4- 5	247,16-17	362,16-29	468,11-469, 2
177,18-27	248,10-16	363,13-19	469,11-18
179, 2- 5	250, 9-12	364, 5- 8	470,10-14
179,14-23	250,19-251, 9	364,16-26	470,21-471, 3
191,19-193,2	264,19-266,12	365,17-18	471,25-26
194,22-24	269, 8-10	366, 1- 2	472,11-12
195, 4	269,19	366,14-17	472,24-473, 2
195,10-13	270, 4- 7	371,14-18; 372,13-15	477,10-17
196,22-24	271,29-272, 2	376, 6- 9	481,12-15
197, 9-11	272,17-273, 2	382, 2- 6	485, 2- 7
14, 2-11	19,18- 20, 5	387,16-23	487,12-488, 5
198,12-199,23	273, 6-274,17	388, 8-12	488,12-489, 2
200, 4-201, 9	276,16-278, 2	389, 5- 9	489,22-490, 2
201, 9-205, 8	278, 2-284, 4	389,13-390, 1	490, 5- 9
206,17-28	285,15-286, 7	390, 5-12	490,14-17
207,22-23	287,10-15	398,19-400,12	499, 2-500,16
208, 1-212,12	287,15-292,26	400,17-401, 2; 2-12	501, 1-10
214,16-17	294, 2- 4	401,13-404, 9	501,10-503, 2
215, 6- 8	294,15-17	404,11-408, 2	503, 9-507,15
215,11-14	294,20-23	408,15-16	507,22
219, 5-221,22	300, 2-301,20	408,19-20	508, 1- 2
227,14-229,14	308, 9-311,12	408,22-409,11	508, 4-15
229,16, 12-19	311,15-16, 12	409,13-17	508,20-509, 2
242, 2- 7	327,10-11	414,12-415,12	509,15-510,12
281, 1-282,12	379,11-380,22	415,15-16	510,16-17
283, 2-14	381,19-382, 5	422, 2-429, 6	525,11-19
285, 9-14	383, 2- 5	429,17-430, 2	526, 7-11
285,16-288,21	383, 5-387, 6	436,15-437,11	528,22-524,20
325, 5- 9	433,22-27	437,12-438,16	535, 1-536,11
327,12-328, 6	437, 4- 9, 11, 12-18	438,19-21	536,12-16
	438, 5-12	439, 1- 5	537, 1- 5
333, 1-15	443,12-444, 5, 12-18	443, 5	539,11-12
335,26-336, 2	447, 2- 4; 5-6	443,12-18	539,14-17
338,21-339, 2	450, 6-14	444, 7-14	540, 2- 8
340, 6-20	450,16-451, 5	445, 4-11	540,19-541, 7
341,16	451,10	445,17-24	541,12-19
342,12; 12-17; 343,2-4	451,17-19	447,11-448, 2	543,15-544,14
343,20-22	452, 2- 4	448,14-449, 7	544,20-545,20
344, 14; 17	452, 2- 9	451,12	543,14
344,21-22	452,12-14	452,22-23	550, 4- 5
345, 7-9; 20-347,2	452,16-454,12	453, 7- 9	550, 7-10

Муральтъ.	Бооръ.	Муральтъ.	Бооръ.
474,11-18	575, 8-15	599,28-600,19	709,19-710,18
474,19-475, 2	575,15-576, 2	611, 1-21	725,12-726,21
481, 6-18	582,15-583, 4	629, 4- 5	735,12-14
489, 7	592,21	630, 7-631,14	736,20-736, 4
489,12-14	593, 1- 2	631,28-632, 1	738,10-14
493,10-12	604, 9-11	633, 9-20	740,16-741, 7
498,18-499,10	604,14-605, 6	633,29-634, 8	741,16-20
499, 2-500,28	605,16-606,22	635, 2-636, 2	743, 4-744, 4
504,14-22	610, 8-16	636, 8-15	744, 5-18
506,22-22	611,17-18	643, 2- 3	750,15-18
507, 5-25	612, 5-24	643, 8- 9	750,19-20
510, 1- 2	616, 5	643,15-21	751, 3-10
511, 6- 7	616, 6- 7	652, 2-12	753,11-759, 3
511,11-12	616,10-12	652,18-21	759, 8-11
514,18-515, 2	618,10-21	653, 6- 9	759,19-22
524,22-525,10	626, 7-18	653,12	760, 1
526,19-24	627, 2-628, 8	653,16-20	760, 5- 9
527, 9-26	527, 7-528, 8	658,26-27	765, 7-10
528,17-529,15	629, 1-630, 5	661,16-20; 662,8-12	766,12-20
538, 2-549, 7	641, 1-643,16	665,17-666, 7	769,10-770, 9
550,12-16	654,16-19	670,22	771, 9-10
551, 3	655,12	672,10	772, 6
554,21-556,16	656,17-658,15	694,15-16	792, 7- 8
591, 6-594,10	697,12-702, 4	699,27-670, 2	797,17-20
597,21-598, 8	703,21-707,14	717,12-14	801, 5- 7
599,14-18	709, 4- 7		

VI.

Текст Амартла въ полной Палеръ, находящій соотвѣтствіе только у Муральта.

345,10	359, 8- 9
345,18-19	361, 5- 9
351,22-22	361,20-21
352,12-15	362, 6
353, 2- 6	369,11-19
353,11	373,10-12
353,14-15	381,12-17
353,19-21	717,12
354,11-12 и прим. 6 и 10.	718, 5- 9
355, 1- 4	736, 4-737, 8
358 прим. 3.	841,12-842, 7
358,11-12	843, 4-15
358,22-22	

VII.

Текст хроники Малалы, вошедший в полную Палею.

III 65,13—66, 8 876,20	VII 215,23
VII 178,17—180,12; 171,1—2; 171,8—10	217, 5—17
172, 1—173, 6; 175,18—22	218, 8—220,16
174, 4—14	224,14—18
176,18—177, 3	225,12—17
214, 1— 5	226, 1— 6

VIII.

*Текст Коломенской Палеи, взятый в краткую Палею
(Полодин., Срезневск.).*

199,25—200,21	296,24—297, 2	346,13—15	392,15—27
201,19—202, 8	297, 6—300, 7	346,24—347, 2	395, 9—15
206,21—	305,21—306,24	347,18—19	395,20—21
228,16—229,22	307, 2— 4	347,22—23	395,25—27
229,28—230,27	307,24—308, 2	348, 1— 3	475,14—18
231—243	308, 7—309, 2	348,10—13	475,19—24
243,22—26	332,15—20	348,17—19	476, 8— 9
245,10—246,19	333,20—25	348,25—26	476,12—20
258, 3—22	333,26—334, 7	349, 3— 7	476,23—477,11
259,22—260, 3	334, 7—10	349, 9—10	477,26—28
260, 9—17	334,10—335, 4	349,16—19	478, 2— 4
262,14—23	336, 1—23	350, 2—351, 9	478, 5— 7
263, 5— 9	337,11—13	351,15—16	478, 8—17
264, 2— 6	337,17—20	351,26—352,12	478,27—479,10
264, 6—17	338, 8—11	353, 1— 5	479,22—25
264,21—265,24	338,15—24	353,14—355,18	480, 3— 6
266, 9—23	339, 7—14	355,27—357,16	480,12—16
269,22—26	340,10—11	357,21—358,19	480,23—481,15
270,16—271,18	340,14—22	358,26—359,27	482, 7—18
275,14—276, 6	341,22	360,28—361,19	484,14
278,27—281, 6	342, 4— 9	362, 5— 9	485,13
283,28—285, 6	342,23—343, 5	363, 6— 8	491, 2—16
286,26—287,13	343, 8—344,20	363,10—15	491,27—28
287,28—288, 6	344,20—22	363,15—364,10	492,11—12
288,12—13	344,26—28	364,15—20	492,28—493, 2
288,20—23	345, 3— 5	364,20—365,23	493,26—494,15
289,15—290, 9	345,15—19	366, 8—18	495, 3— 5
290, 9—14	345,25—27	367, 5— 7	495, 9
290,27—291,17	346, 3— 4	367, 8—26	495,12—496, 5
293,21—294,16	346, 5— 7	389,27—392, 7	497, 3—498,17

499, 8-15	559, 1-560, 16	590, 1-22	669, 1-672, 24
502, 18-503, 5	561, 4-15	592, 23-593, 1	673, 20-674, 10
510, 27-511, 8	561, 26-562, 5	593, 23-594, 26	674, 20-678, 4
511, 11-513, 18	562, 9-16	595, 6-597, 8	678, 23-680, 14
515, 21-517, 2	562, 23-563, 10	606, 26-609, 14	680, 23-684, 4
517, 15-518, 24	563, 17-21	609, 21-28	684, 10-687, 22
519, 21-520, 11	564, 2-9	610, 5-613, 12	693, 24-694, 26
520, 26-521, 18	565, 10-566, 1	619, 3-620, 4	695, 23-698, 6
521, 25-522, 8	566, 11-567, 6	620, 19-621, 17	698, 21-28
522, 17-523, 25	567, 16-568, 27	621, 21-622, 21	699, 12-701, 14
524, 4-525, 16	569, 5-571, 17	638, 24-646, 12	719, 13-759, 24
526, 12-527, 18	572, 14-573, 1	646, 15-648, 9	761, 21-774, 25
527, 21-531, 13	573, 13-574, 7	651, 10-656, 11	805, 19-809, 6
533, 20-534, 21	574, 17-578, 7	657, 1-15	809, 6-810, 14
535, 3-20	579, 3-580, 5	658, 11-28	810, 27-812, 13
536, 18-537, 4	581, 12-582, 16	659, 15-660, 26	812, 25-813, 3
541, 15-542, 19	582, 23-583, 23	662, 3-664, 8	814, 12-17
543, 18-556, 7	585, 12-588, 21	664, 14-668, 14	

В. Истринъ.

Библиографія.

Новѣйшіе нѣмецкіе труды по исторіи русской литературы.

(Критико-библиографическія замѣтки).

I.

Труды Laixner'a, Norrenberg'a и Karpeles'a.

Изъ всѣхъ проявленій русскаго духа, кажется, наибольшимъ признаніемъ и уваженіемъ пользуется на Западѣ русская литература; какъ художественная, такъ особенно идейная сторона послѣдней, ея общественно-реалистическое самобытное направленіе въ XIX в. обращали на себя вниманіе французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, западно- и южно-славянскихъ критиковъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія отзывы западно-европейской критики касались обыкновенно отдѣльныхъ явленій русской литературы, отдѣльныхъ ея представителей, и были разсѣяны, преимущественно, по періодическимъ изданіямъ. Опыта систематическаго обзорѣнія русской литературы на Западѣ не было, насколько намъ извѣстно, вплоть до появленія на русскомъ языкѣ въ 1822 г. «Опыта исторіи русской литературы» Н. Греча. Появленіе этой далекой отъ совершенства, но важной для своего времени книги дало толчекъ къ возникновенію обзоровъ русской литературы прежде всего у нѣмцевъ, а затѣмъ и другихъ народовъ Европы. Что касается нѣмцевъ, о которыхъ исключительно и будетъ идти рѣчь въ настоящихъ нашихъ замѣткахъ, то у нихъ старѣйшимъ опытомъ историческаго обзорѣнія русской литературы долженъ быть признанъ трудъ König, Literarische Bilder aus Russland, Stutgardt, 1837. Не задаваясь въ своихъ настоящихъ замѣткахъ цѣлью обзорѣнія всѣхъ старѣйшихъ нѣмецкихъ трудовъ по исторіи русской литературы, такъ какъ

рѣчь объ этомъ идетъ у насъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, мы ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ, подготовлявшихъ почву для появленія спеціально разсматриваемыхъ нами новѣйшихъ нѣмецкихъ трудовъ по исторіи русской литературы. Упомянутый трудъ Кенига появился на нѣмецкой почвѣ не безъ русскаго участія: въ немъ, какъ видно изъ предисловія, принималъ дѣятельное участіе г. Мельгуновъ, который въ свою очередь, какъ показываетъ весьма интересная полемика Греча и Мельгунова, исходилъ въ своей работѣ изъ труда Греча. Правда направленіе, подборъ и группировка фактовъ и самый способъ изложенія у Греча и у Кенига-Мельгунова сильно расходились между собой, но о самостоятельности перваго нѣмецкаго обзрѣнія русской литературы, конечно, не можетъ быть рѣчи. Книга Кенига была не только сочувственно принята въ Германіи, но и въ Англіи, Франціи и Голландіи, на языки которыхъ она была переведена.

Трудъ Кенига не долго остается одинокимъ и у себя на родинѣ; вскорѣ за нимъ появляется на нѣмецкомъ языкѣ «I. Jordan. Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1846 г.» трудъ, по словамъ автора, «обработанный по русскимъ источникамъ», но въ сущности представляющій частью переводъ, частью пересказъ критико-литературныхъ статей Отечественныхъ Записокъ за 1843 г. Послѣ появленія указанныхъ трудовъ Кенига и Иордана нѣмецкое общество долгое время должно было довольствоваться ими: вниманіе знатоковъ русской литературы среди нѣмцевъ сосредоточивалось главнымъ образомъ на переводахъ съ русскаго, восполняемыхъ порой не только вполне удачно, но и въ системѣ, напр. у «Minzloff'a» въ его «Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Litteratur Russlands, Berl. 1854», у извѣстнаго Боденштедта, переведившаго Пушкина (1854—5), Лермонтова (1852), Тургенева (1864) и др. Подвергались серьезному и часто самостоятельному изслѣдованію различныя явленія и общій укладъ русской жизни и русской исторіи въ трудахъ преемниковъ въ этомъ отношеніи знаменитаго Гердера, какъ напр. у «Naxthausen, Studien über die innere zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands (1846—52), у того же Боденштедта «Russ. Fragmente» и др. Явленія русской литературы оцѣнивались порой и са-

---

1) Въ статьяхъ изъ «Отчета о заграничной командировкѣ», предназначенныхъ къ печатанію въ Ж. М. Н. Пр.

мостоятельно, и мастерски, но не въ системѣ Варнгагеномъ-фонъ-Энзе, Минцлофомъ, Боденштедтомъ, Вольфсономъ и др. Въ общемъ изложеніи исторіи всемірной литературы I. Шерра отводится русской литературѣ сжатый и мало оригинальный очеркъ, да въ 80 годахъ появляются два спеціальныхъ, но не заслуживающихъ серьезнаго вниманія труда, именно: «Honegger, Russische Literatur und Kultur, Leipz. 1880» и «Haller, Geschichte der Russischen Literatur, Riga 1882». Первый съ большими претензіями и съ крайне легковѣснымъ содержаніемъ трудъ возымѣлъ однако успѣхъ у своихъ соотечественниковъ и не мало содѣйствовалъ развитію отрицательныхъ взглядовъ на Россію какъ бы въ противовѣсъ взглядамъ Гердера, Варнгагена, Гакстхаузена, Боденштедта и др. Второй трудъ, составленный русскимъ нѣмцемъ, представляетъ собою извлечение и отчасти обработку изъ «Курса исторіи русской литературы Петрова», достоинства и недостатки котораго раздѣляетъ и онъ.

Крупнымъ и первымъ цѣннымъ, а потому и пользующимся у насъ достаточною извѣстностью нѣмецкимъ трудомъ по исторіи русской литературы является «Reinholdt, Geschichte der russische Literatur, Leipz. 1886». Основательное знакомство съ русской научной литературой, широкое знакомство съ нѣмецкими пособиями, серьезность тона и обстоятельность изложенія являются неотъемлемыми достоинствами этого уже не разъ рецензированнаго труда. Въ настоящее время онъ, конечно, является недостаточнымъ, такъ какъ доведенъ лишь до 80 годовъ. Что дали нѣмецкіе труды по исторіи русской литературы въ позднѣйшее время, постараемся рѣшить путемъ ихъ разсмотрѣнія.

Въ послѣдніе годы XIX столѣтія появилось два новыхъ нѣмецкихъ труда по исторіи всеобщей литературы, на страницахъ которыхъ отведено мѣсто и литературамъ славянства и главнымъ образомъ русской; это — труды «*Otto Laizner, Geschichte der fremden Literaturen*», Leipz. 1898 г. и «*Norrenberg, Allgemeine Literaturgeschichte*», Münster, 1899. Въ первомъ изъ указанныхъ трудовъ спеціально русской литературѣ посвящены стр. 437—477 во II томѣ, но и при общихъ замѣчаніяхъ о славянствѣ и славянской народной поэзіи (стр. 421—37) мы встрѣчаемся съ упоминаніями о Россіи.

Такъ, изложивъ не безъ тенденціознаго сгущенія красокъ первоначальную исторію всѣхъ славянскихъ племенъ, вышедшихъ на арену исторіи раньше русскихъ, авторъ говоритъ объ основаніи въ 864 г. пришельцами-варягами русско-славянскаго государства

при чемъ, по его словамъ, германскіе побѣдители «лишь мало-помалу приняли языкъ и нравы побѣжденныхъ славянъ». Послѣ сообщенія свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ древнихъ славянъ по Прокопію и общихъ замѣчаній о славянскихъ языкахъ, которые въ силу обилія особенностей «не могли выработать общаго языка письменности», начинается характеристика славянской лирической и эпической поэзіи, и не безынтересной является фраза, сопровождающая сужденіе о пѣвучести славянъ «an Singenlust können sich die Slaven mit jedem Volke des Erde, *selbst mit uns* messen». Даже съ нѣмцами допускается въ данномъ случаѣ сравненіе славянъ! Мало того, авторъ не забываетъ отмѣтить жизненность народной лирической пѣсни у славянъ и до сихъ поръ, указывая на сербовъ, но забывая упомянуть русскихъ; указывается и преимущество славянской народной поэзіи передъ французской и нѣмецкой, о чемъ говорится слѣдующими словами: *ihre* (слав. пѣсни) *Erothik, nur selten derb, kennt nicht jene Obscönitäten, die das französische und das deutsche so oft entstellen*. Правда, еслибы авторъ ознакомился съ характеромъ эротика народной русской пѣсни по полному изданію Кириши Данилова или по народнымъ картинкамъ въ изданіи Ровинскаго, то, быть можетъ, увидѣлъ бы, что эротика остается эротикой.

При разсмотрѣніи эпической поэзіи славянъ, начатомъ съ Чешскихъ Зеленогорской и Краледворской рукописей, отмѣчается и русскій памятникъ XII вѣка «Слово о полку Игоревѣ», о которомъ однако говорится: «нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и здѣсь (какъ съ чешскими рукописями) дѣло не обошлось безъ благочестиваго обмана (*ein frommer Betrug*).

Русскія былины, названныя «Historische Romanzen der Russen», сопоставляются съ нѣмецкими пѣснями объ Артурѣ и Карлѣ, и какъ изъ «Слова о Полку Игоревѣ», такъ и изъ нихъ приводятся образцы въ переводѣ; даются и образцы лирическихъ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ въ переводахъ Боденштедта, Венцига и Гетце, во объ остальныхъ видахъ народнаго поэтическаго творчества, какъ то историческихъ пѣсняхъ, духовныхъ стихахъ, легендахъ, сказкахъ, загадкахъ, пословицахъ и т. д. упоминаній не находимъ.

Приступая къ обзорѣ русской литературы, авторъ опровергаетъ ходячее мнѣніе о духовномъ мракѣ на Руси до XVIII в. и начинаетъ съ разсмотрѣнія древнерусскихъ языка, литературы и культуры. Уже въ этомъ признаніи наличности корней у русскаго культурнаго развитія нельзя не видѣть преимущества автора пе-

редъ многими позднѣйшими нѣмецкими историками русской литературы, отрицавшими всю духовную работу до-Петровской Руси частью въ силу тенденціозности, частью въ силу неосвѣдомленности въ этой области. Основательно выяснивъ значеніе христіанства, славянскаго богослуженія и просвѣщенія въ до-Монгольской Руси, отмѣтивши роль духовенства въ дѣлѣ просвѣщенія, поднятія нравственности, въ проповѣдничествѣ, историографіи и т. д., авторъ допускаетъ однако странный промахъ, говоря объ окончаніи указанной эпохи слѣдующими словами: «Mit Konstantin am Anfange des XIII Jahrhunderts endete diese erste Epoche». Кого разумѣетъ онъ подъ этимъ Константиномъ? Если нѣтъ особаго труда разобраться въ такихъ искаженіяхъ именъ, какъ Лука *Idiata* вм. Лука Жидята и т. п., съ которыми мы встрѣчаемся въ книгѣ О. Лейкснера, то разрѣшить, кто скрывается подъ этимъ Константиномъ XIII вѣка, не такъ то легко.

Озаглавивъ слѣдующій отдѣлъ «Tataren- und Mongolen Herrschaft», авторъ допускаетъ странность уже въ самомъ заглавіи, а затѣмъ и содержаніе этого отдѣла не соотвѣтствуетъ заглавію, такъ какъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ идетъ рѣчь о періодѣ отъ XIII в. до самаго Петра I.

Отмѣтивши печальныя послѣдствія монгольскаго ига, задержавшаго культурное развитіе народа и привившаго русскимъ несвойственныя имъ раньше черты, авторъ вполне научно слѣдитъ постепенное развитіе западной струи въ русской жизни и литературѣ, начиная съ половины XVI в. и до Петра Великаго. Проблѣмъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ долженъ быть признанъ пропускъ авторомъ такихъ далеко не безразличныхъ съ культурно-исторической и литературной точекъ зрѣнія произведеній, какъ, проповѣди Серапіона, сочиненія Ив. Грознаго и кн. Курбскаго, Стоглавъ, Домострой и «Записки» Котошихина, колы скоро съ достаточною подробностью идетъ рѣчь о школьной драмѣ, польскомъ вліяніи, духовныхъ писателяхъ и т. д.

Литература Петровской и послѣдующей эпохъ разсматривается авторомъ достаточно подробно; такъ, характеризуются Ѳ. Прокоповичъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Фонвизинъ, Державинъ, Капнистъ изъ писателей XVIII в. и дается общая характеристика ложноклассическаго направленія въ русской литературѣ; приводятся попутно съ изложеніемъ и образцы изъ произведеній упоминаемыхъ поэтовъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Нѣсколько словъ посвящается и вопросу о возникновеніи русскаго театра. Встрѣ-

чается однако при обзорѣни литературы XVIII в. и рядъ крупныхъ недочетовъ: такъ, при характеристикѣ ложноклассицизма въ русской литературѣ совершенно оставлены безъ вниманія попытки созданія ложноклассическаго эпоса; не отмѣчена литературная дѣятельность Озерова и классиковъ съ Муравьевымъ во главѣ, и совершенно упущены изъ виду такія крупныя явленія, какъ дѣятельность Новикова, Радищева и сатирическая литература XVIII в. Не мало и обычныхъ въ нѣмецкихъ трудахъ ошибокъ при передачѣ русскихъ фамилій и собственныхъ именъ, такъ напр. Фонвизинъ называется «Iwanowitsch von Wizin», Аблесимовъ — Ablosinow и т. д.

При характеристикѣ сентиментализма и романтизма разсматривается дѣятельность Карамзина и Жуковскаго съ достаточной полнотой и удовлетворительностью; не забывается споръ карамзинистовъ и шишковистовъ, и путемъ изображенія борьбы старшаго и младшаго поколѣній дѣлается переходъ къ характеристикѣ литературной дѣятельности Грибоѣдова и его «Горе отъ ума» (*Verstand schafft Leiden*), которое разсматривается, какъ «eine lebendige Gegenklärung den herrschenden Gewalten gegenüber». Изъ пробѣловъ при характеристикѣ дѣятельности указанныхъ писателей наиболѣе бросаются въ глаза: отсутствіе упоминаній о «Свѣтланѣ» Жуковскаго при обзорѣни его оригинальныхъ произведеній, недостаточная отчетливость въ характеристикѣ «Арзамаса», неполнота характеристики героевъ «Горе отъ ума» и т. д. Литературная дѣятельность А. С. Пушкина разсматривается въ связи съ его біографіей довольно обстоятельно. «Русланъ и Людмила» признается однако «первымъ мировымъ произведеніемъ русской литературы» (*das erste weltlitterarische Werk der russischen Poesie*), произведеніемъ національнымъ и по матеріалу, и по изображенію. Упоминаются сатирическія, политическія, эпиграмматическія произведенія Пушкина, за которыя ему пришлось поплатиться; отмѣчаются основныя черты его творчества и разсматриваются «Борисъ Годуновъ», сравниваемый съ Гетевскимъ «*Götze von Berlichingen*», лирика и эпосъ, Евгенийъ Онегинъ, сопоставляемый съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона, но признаваемый совершенно оригинальнымъ произведеніемъ «памятникомъ въ изображеніи нравовъ (*sittengeschichtliches Denkmal*)». Въ особенную заслугу автору слѣдуетъ поставить обстоятельность въ указаніи переводовъ Пушкинскихъ произведеній на нѣмецкій языкъ, а равно и обиліе удачно переведенныхъ образцовъ Пушкинской поэзіи.

На основаніи писемъ и лирическихъ произведеній характери-

зается дагѣ личность Лермонтова и рассматриваются его «Демонъ», «Пѣснь о царѣ Иванѣ Васильевичѣ» и «Герой нашего времени», при чемъ особенно высоко ставятся его «полный силы и жизни языкъ» и произведенія на темы, навѣянные Кавказомъ.

Нельзя дагѣ не отмѣтить пробѣла въ обрисовкѣ Пушкинской школы поэтовъ и слѣдуетъ признать одной изъ наиболѣ слабыхъ частей рассматриваемаго труда характеристику Гоголя; правда, авторъ признаетъ глубину Гоголевскаго изображенія русской жизни, отдаетъ должное его юмору, реализму и общественному направленію, ярко выразившемуся въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ»; не можетъ вызывать возраженій и установленіе связи Гоголя съ школой романтической, съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, а равно сопоставленіе его первыхъ произведеній съ произведеніями Гофмана, но недостаточное знакомство автора съ біографическими данными о Гоголѣ, незнаніе постепеннаго развитія Гоголевскаго міровоззрѣнія вызываютъ у автора цѣлый рядъ совершенно неосновательныхъ сужденій о личности Гоголя и объ его литературной дѣятельности послѣдняго періода. Гоголевскій поворотъ съ пути обличенія общественныхъ пороковъ къ проповѣди нравственнаго усовершенствованія, а равно стремленіе Гоголя отыскать въ русской жизни свѣтлыя стороны авторъ наивно приписываетъ желанію угодить императору Николаю I и выпросить у него пенсію. Всякій серьезно изучавшій творчество и переписку Гоголя можетъ, конечно, по достоинству оцѣнить подобныя сужденія, равно какъ приписываніе Гоголю идеи объ «образованіи изъ Россіи всемірной православной монархіи» или сообщенія въ родѣ такихъ, что «Гоголь былъ найденъ въ своей комнатѣ умершимъ отъ голода, вѣроятно, какъ сообщаютъ, отъ продолжительнаго поста» и т. п. Но если у знакомыхъ съ Гоголевскимъ вопросомъ, да и вообще у большинства русскихъ читателей часто будетъ появляться или улыбка, или выраженіе недоумѣнія при чтеніи сообщеній о Гоголѣ въ книгѣ Лайкснера, то западно-европейскіе читатели, для которыхъ, собственно, и предназначена книга легко могутъ быть введены въ заблужденіе и составить себѣ превратное представленіе о виднѣйшемъ представителѣ художественнаго реализма и общественнаго направленія въ русской литературѣ.

Значительно удачнѣе характеризуетъ авторъ личность и творчество критика Гоголевскаго періода В. Г. Бѣлинскаго, какъ «пророка реализма» и какъ горячаго общественнаго борца, «который, говоритъ авторъ, познакомился бы съ Сибирью, еслибы смерть не

унесла его въ преждевременную могилу». Послѣ сопоставленія реализма въ русской литературѣ съ реализмомъ въ творествѣ Диккенса, Теккерея и Ж. Зандъ, авторъ приступаетъ къ характеристикѣ личности и творчества Тургенева; отмѣчается важное значеніе Записокъ Охотника и производится оцѣнка общественныхъ романовъ Тургенева; выясненіемъ причинъ разлада Тургенева съ русскимъ обществомъ и характеристикой Тургенева, какъ типичнаго «русскаго славянина, который легко воспламеняется, но и быстро устаетъ, какъ почти всѣ славяне» заканчивается посвященный Тургеневу отдѣлъ. Врядъ ли однако могутъ быть оправданы и подтверждены фактами многія изъ высказываемыхъ авторомъ взглядовъ и изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о Тургеневѣ. Невзвѣстно, напр., откуда почерпнулъ авторъ свѣдѣнія о необыкновенномъ вниманіи къ Тургеневу имп. Николая («Väterchen Nikolaus», какъ называетъ его авторъ) и о намѣреніи при первомъ же удобномъ случаѣ его засадить въ тюрьму; если тутъ имѣется въ виду заключеніе Тургенева за статью по поводу смерти Гоголя, то было бы слишкомъ смѣло приписывать это подозрительному вниманію къ начинающему писателю самого императора Николая. Не достаточно основательными являются и разсужденія автора объ отличительныхъ чертахъ русской природы вообще при характеристикѣ личности и творчества Тургенева.

Послѣ выясненія тѣсной связи русской литературы съ общественной жизнью и указанія безуспѣшности въ Россіи теоріи искусства для искусства, авторомъ разсматривается развитіе русскаго романа подъ перомъ Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго и гр. Л. Толстого, при чемъ дѣятельность указанныхъ писателей выясняется удовлетворительно; цѣнными должны быть признаны указанія вліянія Достоевскаго на молодыхъ писателей Германіи, Франціи, Скандинавіи и Голландіи, а равно выясненіе мирового значенія творчества «великаго писателя земли русской». Внимательно относится авторъ и къ философіи, и къ педагогической дѣятельности гр. Л. Толстого. Помимо указанныхъ корифеевъ русскаго романа, характеризуются гр. А. Толстой, какъ авторъ историческаго романа «Князь Серебряный», и В. М. Гаршинъ, какъ даровитый послѣдователь Достоевскаго; вліяніе французскаго натурализма усматривается авторомъ въ творествѣ Боборыкина.

Послѣдніе отдѣлы своего труда авторъ посвящаетъ вопросамъ о развитіи русской драмы и лирики. По отношенію къ первой онъ высказываетъ мнѣніе, что драматическое творчество менѣе свой-

ственно русскому духу, чѣмъ романо-повѣствовательное; какъ авторъ трагедій упоминается лишь гр. А. Толстой, при чемъ объ осведомленности автора въ трактуемомъ имъ вопросѣ можетъ свидѣтельствовать хотя бы то, что извѣстная трилогія гр. А. Толстого подраздѣляется въ его изложеніи на такія части: 1) *Joann. IV Tod*, 2) *Don Joan*, 3) *Czar Boris*. При характеристикѣ сатирической комедіи, послѣ бѣлаго упоминанія о Грибоѣдовѣ и Гоголѣ, подробнѣе разсматривается комедія Островскаго. Драматическія произведенія современниковъ и преемниковъ Островскаго оставляются безъ вниманія.

При разсмотрѣніи вопроса о русской лирической поэзіи авторъ останавливается на творествѣ Кольцова и Никитина, какъ народныхъ поэтовъ, Некрасова, какъ поэта реалиста и сатирика, борца за бѣдныхъ и обиженныхъ, Ив. Аксакова, какъ вождя панславистовъ, отличающагося серьезностью (*Ernst der Gesinnung*), Фета, какъ поэта чистаго искусства, и А. Майкова, какъ поэта «тенденціознаго и представителя узкаго руссизма» (?) (*tendenziöse Dichtung, engste Russentum*). Оставляя безъ вниманія творчество такихъ далеко не безразличныхъ въ идейномъ или же художественномъ отношеніи поэтовъ, какъ Плещеевъ, Надсонъ, Полонскій, Жемчужниковъ, К. Р., Голенищевъ-Кутузовъ, авторъ неудачно съ точки зрѣнія послѣдовательности заканчиваетъ свой трудъ о русской литературѣ краткимъ упоминаніемъ о литературной дѣятельности баснописца И. А. Крылова и сатирика Салтыкова-Щедрина. Школа народническая съ такими представителями, какъ Г. Успенскій, Златоврацкій, Рѣшетниковъ, крупная по своему значенію, хотя и не продолжительная литературная дѣятельность Помяловскаго, творчество важныхъ съ исторической и этнографической точекъ зрѣнія писателей, какъ Данилевскій, Лѣсковъ, Мельниковъ, Максимовъ, Мордовцевъ и др. все это оставлено авторомъ безъ упоминанія; крупный пробѣлъ наблюдается и въ сообщеніяхъ о русскихъ критикахъ, изъ которыхъ отмѣчаются лишь Бѣлинскій и Чернышевскій, но напр. ни о Добролюбовѣ, ни о Писаревѣ, не говоря уже о болѣе новыхъ, не сказано ни слова.

Новѣйшей русской литературы авторъ не касается, объясняя это слѣдующимъ образомъ: «Не стоитъ называть пмень изъ новѣйшаго времени. Духовная жизнь Россіи стоитъ на поворотѣ. Приведетъ ли оныя творчество къ новому разсвѣту, опредѣлить едва ли можно». Такими довольно странными словами заканчивается въ книгѣ О. Лайкснера отдѣлъ о русской литературѣ,

давшей въ новѣйшее время А. П. Чехова, Короленко, Горькаго и др.

Не мало, какъ мы видѣли, и крупныхъ пробѣловъ и мелкихъ недочетовъ въ трудѣ О. Лайкснера. Но безусловно придется признать, что трудъ г. Лайкснера, поскольку въ немъ идетъ рѣчь о русской литературѣ, стоитъ неизмѣримо выше второго изъ упомянутыхъ нами трудовъ и по обстоятельности, и по освѣдомленности автора въ трактуемомъ имъ вопросѣ, а равно по отсутствію тѣхъ явныхъ негѣпостей, съ которыми мы встрѣчаемся у г. Норренберга.

Въ этомъ долженствующемъ быть ученымъ трудѣ рѣчь о русской литературѣ идетъ въ III томѣ (стр. 492 и слѣд.).

Закончивши въ отдѣлѣ о славянскихъ литературахъ свой болѣе чѣмъ поверхностный обзоръ чешской литературы, авторъ говоритъ, переходя къ обзорѣннѣ русской литературы:

«Если мы назвали чеховъ авангардомъ панславизма, то русскіе— сильная, желѣзная опора славянства (*der gewaltige, eiserne Bestand des Slaventhums*).

Послѣ общихъ неосновательныхъ, какъ мы увидимъ дальше, разсужденій о *зубомъ*, но якобы *неизбѣжномъ и единственно возможномъ и природномъ для Россіи ея стропѣ*, авторъ посвящаетъ по нѣскольку словъ вопросамъ о русскомъ языкѣ, о народной поэзіи, о Словѣ о Полку Игоревѣ, изъ котораго дѣлается небольшое извлечение въ нѣмецкомъ переводѣ, говорится затѣмъ нѣсколько словъ о церковной литературѣ и лѣтописяхъ и отмѣчается: «за исключеніемъ народныхъ пѣсенъ и цикла эпическихъ сказаній, русская литература имѣла въ себѣ мало славянскаго; она является чисто иноземнымъ растеніемъ — да и не могло быть, чтобы подъ кнутомъ и цензурой возникла болѣе или менѣе свободная отечественная литература, въ особенности при томъ глубокомъ погруженіи въ варварство, которое имѣло мѣсто у большаго числа самодержцевъ, какъ и у самого Петра Великаго, съ царствованія котораго возникаетъ русская литература и великорусскій диалектъ одерживаетъ побѣду». Какая масса неправильностей, чтобы не сказать больше, и противорѣчій заключается въ этомъ приговорѣ, ясно само собою. Но это еще пока, какъ говорится, цвѣточки, а ягоды впереди: послѣ двухъ-трехъ словъ о Кантемирѣ, какъ писателѣ, и разсказа о встрѣчѣ его съ Ст. Конарскимъ въ французскомъ салонѣ, строгій къ національной варварской русской литературѣ авторъ находитъ національнаго поэта; это — В. Тредіаковскій, который, по

словамъ автора, «nur der einzige betonte das Nationale und suchte die altslavische Sprache zur Herrschaft bringen». Послѣ награжденія именъ Ломоносова, Поповскаго, Сумарокова, Княжнина, Фонвизина, Державина, «автора «Felicia», писавшаго въ стилѣ Руссо», Карамзина, Димитріева, Жуковскаго, Батюшкова, доходимъ мы до «наслѣдника Державина, Жуковскаго и Батюшкова *графъ А. С. Мусинъ-Пушкина* (Al. S. Graf Musin-Puschkin, der Erbe Derschavins, Schukowskij's, Batjuskow's). Изложеніе жизни и литературной дѣятельности этого «графа» начинается съ описанія «встрѣчи поэта-якобинца на пути при вступленіи на престолъ Николая» (bei der Thronbesteigung Nikolaus) съ зайцемъ, старой женщиной и собакой и о возвращеніи суевѣрнаго якобинца домой изъ боязни несчастія.

Узнаемъ затѣмъ о ссылкѣ Пушкина послѣ появленія его оды «Къ свободѣ» въ Бессарабію, гдѣ онъ «въ 1820 г. пишетъ свой эпосъ Русланъ и Людмила и другія произведенія въ романтическомъ духѣ». Сообщается затѣмъ, какъ, «по полученіи въ 1825 г. благоволенія царя» и по назначеніи «государственнымъ историографомъ», Пушкинъ возвращается въ Петербургъ и «съ тѣхъ поръ творчество Пушкина было подѣ Байроновскимъ вліяніемъ» (seitdem war Puschkins Dichtung von Byron beeinflusst)... Нарочно приводимъ и нѣмецкій текстъ, такъ какъ съ трудомъ вѣрится, чтобы можно было писать такія негѣпости, какъ вышеприведенныя. Врядъ ли стоитъ распространяться о научныхъ достоинствахъ разсматриваемаго труда и объ основательности того знакомства съ русской литературой, которое можетъ вынести нѣмецкій читатель изъ чтенія труда Норренберга. Для примѣра освѣдомленности автора въ тѣхъ вопросахъ, рѣшать которые онъ берется, приведемъ еще хотя бы слѣдующее мѣсто его произведенія: «къ славянофиламъ принадлежатъ Ив. Аксаковъ, Ив. Никитинъ и Н. Некрасовъ, самый ярый нигилистическій поэтъ самаго реалистическаго — да простятъ мнѣ «еуфоническій суперлативъ» — направленія, девизомъ котораго было: «кусокъ сыра цѣннѣе всего Пушкина» (N. Nekrasow, ein verbitterster nihilistischer Dichter realistischster — man verzeihe den euphonischen Superlativ—Richtung, dessen Credo in dem Bekennniss gipfelt «Ein Stück Käse ist mehr wert, als der ganze Puschkin»).

Послѣ далекихъ отъ обстоятельности и серьезности характеристикъ русскихъ писателей 40 и 60 годовъ, авторъ замѣчаетъ: «болѣе свободнаго поэтическаго духа не могло развиваться на святой Руси, въ чемъ виноваты извѣстныя отношенія и старыя традиции,

которыя въ краткихъ словахъ можно выразить «Петропавловская крѣпость» и «Сибирь».

Неоднократно характеризуя самыми мрачными красками политическій и общественный строй Россіи, авторъ допускаетъ сплошь и рядомъ смѣшеніе понятій, нелогичность и тому подобныя промахи. Какъ одинъ изъ образцовъ приведемъ его характеристику единойдержавія въ Россіи и разсужденія о неспособности русскаго народа къ политической свободѣ. Вотъ что читаемъ мы у г. Норренберга:

«Единая воля властвуетъ надъ этимъ насильственнымъ деспотическимъ государствомъ отъ Балтійскаго моря до восточно-азійскихъ береговъ, отъ Крыма до Ледовитаго океана, и этотъ насильственный колоссъ все еще помышляетъ о дальнѣйшемъ распространеніи. Напрасно бы мы искали на святой Руси государственной жизни, въ которой бы принималъ участіе народъ, участвовавшій въ строеніи этого колоссальнаго государства; воля царя — все (*der Wille des Zaren ist Eins und Alles*)... И вѣдь это для русскаго государства, при доброй волѣ его правителей, единственная возможная форма правленія, такъ какъ народы его не созрѣли даже для ограниченной свободы. Свою культурную миссію Россія можетъ выполнять только такимъ образомъ, какъ она есть, или ей нужно отъ этой миссіи отказаться».

Говоря безпрестанно о томъ, что въ Россіи «мысль связана, скована» и т. д., что «плата за свободную мысль — свобода», не стѣсняясь стучать краски до *plus ultra*, г. Норренбергъ въ то же время признаетъ, что лишь при такихъ условіяхъ и возможна «культурная миссіа Россіи».

Непонятно послѣ всѣхъ подобныхъ разсужденій, о какомъ же «*Auferstehung*» онъ говоритъ, заканчивая свой обзоръ русской литературы. При этомъ заключеніи своего произведенія г. Норренбергъ говоритъ объ отсутствіи у русскихъ религіозной поэзіи, обнаруживая какъ свою неосвѣдомленность въ дѣлѣ, о которомъ судить, такъ и неосновательность причинъ, которыя приводитъ, когда заявляетъ: «Въ закостенѣлой русской церковницѣ, въ кругахъ поповъ, не могло, конечно, развиваться никакое религіозное поэзіе — а какая полнота поэзіи дремлетъ въ русскомъ народѣ! быть можетъ воскреснетъ она въ будущія времена».....

Такъ полонъ различныхъ недостатковъ одинъ изъ новыхъ нѣмецкихъ трудовъ, по которому заграничное общество знакомится съ Россіей!

Проходить нѣсколько лѣтъ послѣ появленія вышеуказанныхъ нѣмецкихъ трудовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о русской литературѣ, и появляется въ 1901 г. новый трудъ «*Karpeles. Allgemeine Geschichte der Litteratur, Berlin*».

Въ этомъ трудѣ, отличающемся отъ раньше упомянутыхъ между прочимъ тѣмъ, что онъ является иллюстрированнымъ, русской литературѣ отведены стр. 789—811 во 2-мъ отдѣлѣ второго тома.

Авторъ этого труда начинаетъ обзоръ русской литературы съ указанія, что «первое мѣсто среди всѣхъ славянскихъ племенъ занимаетъ, какъ по своей величинѣ, такъ и по политическому значенію русскій народъ».

Обрисовавши обширность границъ русскаго племени, вдохновляющую, какъ извѣстно, многихъ славянскихъ и русскихъ поэтовъ, авторъ говоритъ, что «русскій народъ, вступивши въ исторію послѣднимъ изъ славянскихъ народовъ, далеко превзошелъ всѣ славянскія племена благодаря своему развитію со времени Петра Великаго до нашихъ дней».

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній дѣлается характеристика 3 вѣтвей русскаго языка: великорусской, которой суждено было, по несовсѣмъ правильному мнѣнію автора, сдѣлаться «литературнымъ языкомъ всей страны», малорусской и бѣлорусской. О малорусской вѣтви русскаго языка авторъ замѣчаетъ, что ученые до сихъ поръ еще не пришли къ заключенію, считать ли малорусскій языкъ особымъ языкомъ или нарѣчіемъ (Mundart) общерусскаго языка; бѣлорусское нарѣчіе признается «правительственнымъ языкомъ Литвы». Въ борьбѣ народной стихіи языка съ языкомъ церковно-славянскимъ и въ выработкѣ на почвѣ этой борьбы литературнаго языка г. Карпелесъ видитъ главнѣйшій смыслъ древняго періода русской литературы и отдаетъ полную справедливость достигнутымъ въ концѣ концовъ результатамъ. «Русскій языкъ, говоритъ онъ, является однимъ изъ благозвучнѣйшихъ славянскихъ языковъ. Онъ мягокъ, гибокъ и сглаживаетъ гласными звуками жесткость согласныхъ. Трудami новѣйшихъ русскихъ писателей русскій языкъ возстановилъ свои древнія жизненные силы».

Всгдѣ за сочувственной характеристикой русскаго языка идетъ довольно обстоятельный обзоръ русской народной поэзіи; съ ббльшей подробностью и серьезностью, чѣмъ у Лайкснера и Норенберга, оцѣниваются различные виды народно-поэтическаго творчества, при чемъ у автора наблюдается страсть къ сопоставленіямъ, такъ напр. кн. Владимиръ русскихъ былинъ сопоставляется съ Артуромъ

и Карломъ нѣмецкихъ сагъ, циклъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ сопоставляется съ Илиадою и т. д.

Вполнѣ удовлетворительной является характеристика древнерусской письменности; подробности, мало интересныя нѣмецкому читателю, конечно, опущены, но все наиболѣе существенное отмѣчено; страннымъ является только нагроможденіе подъ общее названіе «kirchliche Schriftwerke» и «Моленіе Данила Заточника», и «Хожденіе игумена Данила» и «Поученіе Владимира Мономаха».

Отъ Петра Великаго ведетъ авторъ начало современной національной русской литературы. Изложеніе новой русской литературы страдает калейдоскопичностью, объясняемой, вѣроятно, желаніемъ автора упомянуть имена всѣхъ не только виднѣйшихъ, но и второстепенныхъ ея дѣятелей въ ущербъ обстоятельности при характеристикѣ творчества главныхъ представителей русской литературы. Правда, у г. Карпелеса читатель встрѣчаетъ цѣлый рядъ совершенно упущенныхъ изъ виду гг. Лайкснеромъ и Норенбергомъ видныхъ дѣятелей русской литературы и мысли, каковы Новиковъ, Радищевъ, кн. Дашкова, В. Майковъ, Огаревъ, Языковъ, Хомяковъ и др. но, къ сожалѣнію, упоминанія о русскихъ писателяхъ XVIII—XIX в. настолько сжаты и кратки, что разсматриваемый отдѣлъ труда г. Карпелеса имѣетъ скорѣе библиографическо-справочную, чѣмъ историко-литературную цѣнность.

Не обходится, конечно, дѣло и безъ болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ въ характеристикѣ дѣятелей новой русской литературы.

Князь А. Д. Кантемиръ называется «А. Kantemir aus Konstantinopel»; при характеристикѣ поэтической дѣятельности Ломоносова авторъ называетъ его стихи «klangvolle»; Княжнинъ, нѣсколько смѣло, именуется «русскимъ Расиномъ»; отсутствуетъ характеристика литературныхъ направленій XVIII в. и не выясняется связь историко-литературныхъ явленій съ историко-культурными. Особенно неудачной, какъ и въ изложеніи г. Норенберга, является характеристика Н. А. Некрасова, признаваемаго представителемъ нигилизма въ русской поэзіи, ставящимъ «кусочъ сыра выше всего Пушкина, чуждымъ понятій о красотѣ формы» и т. д.

Наиболѣе удачными въ изложеніи г. Карпелеса являются: 1) характеристика славянофильской школы русскихъ поэтовъ, которой, вопреки мнѣніямъ многихъ заграничныхъ и русскихъ изслѣдователей, авторъ отдаетъ справедливость за ея горячій патриотическій тонъ, за ея нравственную энергію, юношескій пылъ, отсутствіе

страха даже передъ Сибирью при высказываніи своихъ убѣжденій и правды народу и абсолютному царю. Славянофильская поэзія, по мнѣнію автора, была «harte Wahrheiten in poetischen Form». Интересно, что съ мнѣніемъ г. Карпелеса вполне сходятся относительно русскихъ славянофиловъ старшаго поколѣнія такіе солидные знатоки русской жизни и литературы изъ нѣмцевъ, какъ Naxthausen, Bodenstedt и др., лично знавшіе Аксаковыхъ, Хомякова и т. д.; 2) удачно выясняется роль русскихъ поэтовъ изъ евреевъ въ общемъ ходѣ литературы, при чемъ отмѣчаются заслуги Минскаго, Фруга и относимаго также къ евреямъ-поэтамъ С. Я. Надсона. Признавая русскую новѣйшую литературу «зеркаломъ жизни и времени» и признавая задачей будущаго ея развитія «сглаженіе романтическаго идеализма и нигилистическаго пессимизма», г. Карпелесъ слѣдующими не чуждыми напыщенности словами заканчиваетъ разсмотрѣніе русской литературы: «Русалка (?), муза русскаго Парнаса, подарить еще безъ числа пламенныхъ поцѣлуетъ и взмахи крыльевъ вѣчной поэзіи обвѣютъ степь такъ же хорошо, какъ прославленную страну красоты».

Послѣ разсмотрѣнія вышеуказанныхъ нѣмецкихъ трудовъ, въ которыхъ русской литературѣ отводится мѣсто между прочимъ, нашей ближайшей задачей явится болѣе подробное разсмотрѣніе нѣмецкихъ трудовъ, которые рассматриваютъ исторію русской литературы не между прочимъ, какъ это дѣлается въ трудахъ Leixner'a, Norgenberg'a и Karpeles'a, а специально на ней сосредоточиваютъ свое вниманіе. Такими трудами являются увидѣвшій уже свѣтъ трудъ д-ра Полонскаго: G. Polonskij. «Geschichte der russischen Literatur, Leipzig, 1902» и готовящійся ¹⁾ къ изданію трудъ извѣстнаго профессора Берлинскаго университета, д-ра А. Брикнера, выпустившаго уже одинъ изъ лучшихъ въ настоящее время трудовъ по исторіи польской литературы «Geschichte der polnischen Literatur».

1) Въ настоящее время этотъ трудъ уже вышелъ и рецензія о немъ помѣщена въ Извѣст. русск. яз. и словесн. Акад. Наукъ, 1906 г.

II.

G. Polonskij. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1902. (Sammlung Götschen).

Къ новѣйшимъ нѣмецкимъ руководствамъ по исторіи русской литературы относится «Geschichte der russischen Literatur von Dr Georg Polonskij».

Представляя собою 166 выпускъ извѣстнаго научно-популярнаго изданія «Götschen'a», работа д-ра Полонскаго должна была бы удовлетворять слѣдующимъ главнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ изданіямъ такого рода: 1) предметъ, хорошо и всесторонне извѣстный автору, долженъ излагаться съ научною объективностью; 2) при возможно ббльшей сжатости и вмѣстѣ съ тѣмъ ясности изложенія должна быть дана полная картина обрисовываемаго явленія. Кромѣ этихъ основныхъ, на нашъ взглядъ, требованій, къ разсматриваемому труду, какъ части цѣлаго собранія научно-популярныхъ изслѣдованій, должно быть предъявлено и требованіе соотвѣтствія общаго характера труда г. Полонскаго съ характеромъ трудовъ его коллегъ, составителей руководствъ по исторіи иныхъ европейскихъ литературъ, какъ-то нѣмецкой, французской, англійской и т. д.

Отвѣчаетъ ли работа г. Полонскаго указаннымъ требованіямъ, покажетъ разсмотрѣніе его труда.

Всѣхъ главъ въ разсматриваемомъ трудѣ 34 и изъ нихъ 27 посвящены обзору литературы XIX вѣка, а остальные 7 главъ должны познакомить читателя съ вопросами и о русскомъ языкѣ, и о народной поэзіи, и о древнемъ и среднихъ періодахъ русской литературы и о литературѣ XVIII вѣка, и вотъ на 45 страницахъ авторъ старается разсмотрѣть всѣ эти вопросы.

Не предпосылая изложенію никакого предисловія, составитель руководства помѣщаетъ однако въ началѣ «обзоръ литературы» (Literatur-Verzeichnis), но изъ чтенія его труда остается недостаточно яснымъ, пользовался ли авторъ всѣми указанными пособіями или просто привелъ перечень руководствъ, такъ какъ это принято дѣлать; упоминаетъ онъ въ перечнѣ и исторію литературы Гала-

хова, Пыпина, Тихонравова (очевидно, имѣется въ виду собраніе сочиненій проф. Тихонравова, названное «Geschichte der russischen Literatur»), Скабичевского, и труды Буслаева, Ал. Веселовскаго, Венгерова, Волконскаго, Милюкова и Рейнгольда, но, судя по изложенію «исторіи русской литературы» г. Полонскимъ, можно съ большою долей увѣренности сказать, что авторъ ограничился по крайней мѣрѣ для настоящаго труда лишь трудомъ Рейнгольда, сильно урѣзаннымъ и разбавленнымъ въ иныхъ мѣстахъ выдержками изъ русскихъ руководствъ. Того знакомства съ литературой каждаго отдѣльнаго вопроса изъ исторіи русской литературы и той обстоятельности, которая сразу бросается въ глаза читателю при чтеніи труда Рейнгольда, мы отнюдь не найдемъ у г. Полонскаго; обильный фактическій матеріалъ, заключающійся въ работѣ Рейнгольда, имѣлъ, вѣроятно, не малое вліяніе на разсматриваемое руководство, но о вліяніи духа перваго труда на духъ втораго, говорить врядъ ли приходится.

Двѣ первыхъ странички работы г. Полонскаго или иначе говоря 1-я глава посвящена вопросу о русскомъ языкѣ (Die russische Sprache).

Авторъ держится мнѣнія объ единствѣ русскаго языка, какъ восточной вѣтви славянскихъ языковъ, имѣющей свои типичныя, ей одной присущія особенности, и указываетъ на народную поэзію, какъ хранительницу этихъ основныхъ древнихъ чертъ (ostslavische Idiom, das in der traditionellen Volkspoesie erhalten geblieben und als die natürliche Grundlage der eigentlichen russischen Sprache zu betrachten ist). Отнюдь не оспаривая мнѣнія объ единствѣ русскаго языка, мы должны однако признать, что доказательство, приводимое авторомъ, далеко не убѣдительно, такъ какъ народная поэзія и съ точки зрѣнія языка, и съ точки зрѣнія содержанія не можетъ быть разсматриваема, какъ прямое достояніе сѣдой старины. Доказательства, добытыя изслѣдователями исторіи русскаго языка, были бы несомнѣнно убѣдительнѣе, и искусно подобранныя изъ изслѣдованій такихъ ученыхъ, какъ академики Соболевскій, Шахматовъ и др. данныя могли бы, при умѣломъ пользованіи ими, не погнѣшать и популярности изложенія; во всякомъ же случаѣ принести научность изложенія въ жертву популярности—недопустимая вещь и въ популярно-научномъ трудѣ.

Говоря о созданіи русскаго литературнаго языка, г. Полонскій отмѣчаетъ роль «староболгарскаго», какъ онъ называетъ, языка, и къ XI—XII в. относитъ начало дифференціаціи русскаго языка, а

до того времени, по мнѣнію автора, «народный праязыкъ (естественная основа русскаго языка), равно какъ старо-болгарскій (языкъ образованности и письма) оставались общимъ достояніемъ восточныхъ славянъ». [Bis zum 11—12 Jahrhundert blieb die volkstümliche Ursprache (die natürliche Grundlage der russischen Sprache), ebenso wie das Altbulgarische (die Sprache der Bildung und Schrift) das gemeinsame Eigentum der Ostslaven]. Доказательствъ своего положенія авторъ не приводитъ никакихъ, а сразу переходитъ къ указанію причинъ дифференціаціи, какъ-то колонизація, климатическія условія, политическія и историческія событія, новые сосѣди — какъ будто бы этихъ причинъ для дифференціаціи не могло быть до XI—XII вѣка!

Сохраненіе чертъ русскаго праязыка авторъ отмѣчаетъ у той части русскаго народа, которая осталась вдали отъ исторической жизни, тогда какъ тѣ русскія племена, которыя стояли въ центрѣ исторической жизни, измѣнили, по мнѣнію автора, до неузнаваемости традиціонныя формы языка. Этотъ взглядъ автора, конечно, является послѣдовательнымъ въ связи съ признаніемъ имъ за народной поэзіей, сохранившейся вдали отъ культурныхъ центровъ, первобытности языка и содержанія.

Упомянувши затѣмъ лишь названіе 3 главныхъ вѣтвей русскаго языка и не указавши ни мѣста ихъ распространенія (что для нѣмецкаго читателя было бы не бесполезно), ни самыхъ хотя бы основныхъ чертъ различія, г. Полонскій заканчиваетъ 1-ю главу слѣдующими словами: «Господствующую роль получило великорусское нарѣчіе. Развитіе русскаго духа и русской литературы можно прослѣдить только по произведеніямъ этого нарѣчія». Не упомянувши, что русскій литературный языкъ не есть исключительно продуктъ великорусскаго племени, не отмѣтивши, что помимо старославянской и великорусской стихій въ созданіи этого языка приняли, кромѣ восточныхъ, долю участія и стихіи малороссійская, польская, нѣмецкая и французская, авторъ при своей чрезмѣрной сжатости изложенія рискуетъ вызвать у читателей неправильное представленіе о вещахъ.

Вторая, довольно обширная глава (9—24 стр.), посвящена вопросу о народной поэзіи. Отличительной чертой русской народной поэзіи вообще авторъ считаетъ сохраненіе ея своего первоначальнаго вида и отсутствіе у русскихъ такого стремленія къ объединенію народно-поэтическаго матеріала, каковое отличаетъ поэзію греческую, индусскую, нѣмецкую, скандинавскую. Корни русской на-

родной поэзіи усматриваются въ общеславянскихъ сказаніяхъ, которыя, получивши специально русскую окраску, вылились въ различные формы народно-поэтического творчества. Такихъ формъ авторъ насчитываетъ четыре: 1) пѣсни мифологическаго происхожденія, 2) сказочный эпосъ (*Märchen, die sich auf die Natur beziehende Ueberreste eines Tiereros*), 3) народныя пѣсни, пословицы, поговорки, загадки, касающіяся семейной жизни, нравовъ и жизненной судьбы и 4) героическія сказанія или былины. Насколько безпринципна и не полна подобная классификація ясно, конечно, само собой.

Отводя болѣе чѣмъ достаточное (по сравненію съ общимъ объемомъ книжки) мѣсто разсужденіямъ на тему объ отраженіи въ народной поэзіи идеи борьбы свѣта съ тьмою, зимы съ лѣтомъ, г. Полонскій приступаетъ къ объясненію такъ называемыхъ обрядовыхъ пѣсенъ съ точки зрѣнія отраженія въ нихъ указанной идеи; упоминаются при этомъ колядки, веснянки, семицкія пѣсни, купальскія и отмѣчается видоизмѣненіе ихъ подъ вліяніемъ христіанства. Странно только, почему, трактуя о народной поэзіи, въ которой можно видѣть отголоски языческой старины, авторъ ни словомъ не упоминаетъ о заговорахъ, литература о которыхъ не можетъ быть признана у насъ бѣдной. Говоря о животномъ эпосѣ, авторъ отмѣчаетъ 3 ступени въ его развитіи: страхъ передъ животнымъ міромъ, спокойное созерцаніе животнаго міра и наконецъ насмѣшливое, комическое отношеніе къ нему; отраженіе всѣхъ этихъ ступеней видитъ авторъ и въ нашемъ животномъ эпосѣ, но доказательствъ правильности своего мнѣнія путемъ ссылки на тѣ или иныя произведенія не приводитъ. При характеристикѣ народно-поэтическихъ произведеній 3-ей изъ указанныхъ выше группъ мы имѣемъ дѣло съ обрисовкой авторомъ основныхъ чертъ русской народной души, каковы: исканіе правды (*der instinctive Hang an eine allumfassende Gerechtigkeit, an die «Prawda»*), наивность въ пониманіи жизни (*träumerische Naivität der Lebensweisheit*) и вытекающія изъ этихъ чертъ горькія жалобы на судьбу. Отраженіе всѣхъ этихъ чертъ и старается усмотрѣть авторъ въ пѣсняхъ свадебныхъ (другія пѣсни бытового характера игнорируются), въ сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ, при чемъ послѣднія (пословицы и загадки) дѣлятся на «языческія», «бытовыя» и «историческія». Опять нарушеніе системы въ классификаціи и стремленіе идти не отъ фактовъ къ выводамъ, а отъ извѣстной теоріи къ подтасовкѣ фактовъ невыгодно отличаютъ научныя приемы автора.

Говоря о былинахъ, г. Полонскій подчеркиваетъ именно по отно-

шенію къ нимъ то отсутствіе объединенія въ эпическую пѣснь, подобную Илиадѣ, Нибелунгамъ и т. д., о которомъ уже была рѣчь. Разсмотрѣніе былинъ ведется по цикламъ: богатыри старшіе, богатыри кіевскіе, богатыри новгородскіе, и надо признать, что эту часть главы г. Полонскій выполнилъ съ достаточною тщательностью и полнотой. «Народный героическій эпосъ, заканчиваетъ онъ 2-ую главу, въ связи съ историческими легендами, которыя создала народная фантазія по поводу историческихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ былъ народъ, являются въ высшей степени характерной неписанной исторіей русской народной души»¹⁾).

Имѣя въ виду, что второй главой исчерпывается весь вопросъ о русской народной поэзіи, необходимо отмѣтить, что составитель нѣмецкаго руководства по исторіи русской литературы совсѣмъ пропустилъ цѣлыя отдѣлы народной поэзіи, какъ то историческія пѣсни, въ томъ числѣ и украинскія думы; легенды и апокрифы, а также, какъ упомянуто выше, заговоры. Нельзя однако не признать, что всѣ эти позабытые авторомъ виды народно-поэтическаго творчества имѣютъ видное значеніе и для характеристики народныхъ воззрѣній, и для полноты рисуемой авторомъ картины; наконецъ, безъ знанія и даже безъ упоминанія указанныхъ отдѣловъ народной поэзіи трудно понять многія явленія искусственной литературы, къ которой авторъ переходитъ въ III главѣ. Не лишнимъ считаемъ отмѣтить и полное отсутствіе у автора упоминаній о носителяхъ и хранителяхъ народно-поэтическаго творчества на Руси. Ознакомленіе съ этимъ вопросомъ нѣмецкихъ читателей научно-популярной Гешеновской бібліотеки представлялось бы намъ и не безынтереснымъ, и не бесполезнымъ.

«Начала русской образованности и литература домонгольскаго періода, IX—XIV вв.» таково заглавіе 3 главы, въ началѣ которой отмѣчается византійское, болгарское и сербское вліянія при первыхъ шагахъ русскаго просвѣщенія; указывается церковно-религіозный по преимуществу характеръ литературы разсматриваемаго періода и упоминаются «Остромирово Евангеліе и переводные съ греческаго и болгарскаго языка поученія, житія святыхъ, книги для чтенія смѣшаннаго содержанія, церковныя легенды, книги таинственнаго содержанія (Geheimbücher-Taubenbuch) и пѣсни о кончинѣ міра.

---

1) Стр. 24.

Опять, какъ мы видимъ, перечень литературныхъ произведеній совершенно безсистемный и очень далекий отъ полноты. Отсутствие знакомства автора съ старо-русской литературой во всемъ ея объемѣ, поскольку онъ выясненъ въ настоящее время цѣнными изслѣдованіями А. Н. Пыпина, И. В. Ягича А. Н. Веселовскаго, М. Н. Сперанскаго, М. И. Соколова, В. М. Истрина, Е. В. Пѣтухова и т. д., и т. д., заставляетъ г. Полонскаго придти къ недостаточно основательному выводу: «въ историческомъ отношеніи всѣ эти произведенія имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они представляютъ основу старо-русской учености, прежде же всего съ точки зрѣнія языка»¹⁾.

Историко-культурное значеніе поученій напр. Кирилла, Серапіона и др., значеніе «хожденій», особенно «Хожденія Данила» съ точки зрѣнія топографіи Палестины, съ точки зрѣнія исторіи легенды и апокрифа и т. д. все это игнорируется авторомъ.

Правда, далѣе авторъ, упоминая о «Хожденіи Данила», употребляетъ такое осторожное выраженіе: «по свидѣтельству новѣйшихъ изслѣдованій это описаніе занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди средневѣковыхъ произведеній, посвященныхъ св. мѣстамъ»²⁾. Впрочемъ, освѣдомленность автора относительно упомянутаго произведенія лучше всего видна изъ фразъ: «zur selben Zeit (Ende des 16 Jahrh. ?) lebte und wirkte der Abt Daniel». Безъ всякой системы нагромождается далѣе перечень произведеній, какъ «Поченіе Владимира Мономаха», «Русская Правда», «Слово о Полку Игоревѣ» и «Лѣтопись Нестора».

Интересно и то, что, вопреки не только мнѣнію серьезныхъ русскихъ ученыхъ, но и вопреки мнѣнію серьезныхъ ученыхъ иностранцевъ, авторъ признаетъ за 2 послѣдними вышперечисленными произведеніями исключительно мѣстное значеніе (von ganz autochtoner Bedeutung). Извѣстно, что при высокомъ мнѣніи о такихъ произведеніяхъ, какъ «Лѣтопись Нестора», «Слово о полку Игоревѣ», «Русская Правда» и «Хожденіе Данила» русскіе и заграничные безпристрастные ученые стояли на сравнительной точкѣ зрѣнія, оцѣнивая всѣ эти произведенія съ точки зрѣнія ихъ эпохи и по сравненію съ хрониками, хожденіями, «правдами» Запада. Г-ну же Полонскому эта точка зрѣнія совершенно чужда; впрочемъ, быть можетъ, въ хронологіи произведеній русской литературы онъ вообще такъ же силенъ, какъ по отношенію къ игум. Данилу, а о точности

1) Стр. 25.

2) Стр. 27.

вообще заботится такъ серьезно, что называетъ Игоря Святославича Igorj Serjatoslawowitsch», половцевъ «Die Plowzer» и т. д.

Сочиненія полемическія, какъ Георгія, Іоанна II, Леонтія, Теодосія, Никифора, «Даніила Заточника моленіе», какъ первый русскій сатирической памятникъ, «Слово о погибели земли русской» не упоминаются авторомъ совершенно.

Посвящая слѣдующую главу «Первому московскому періоду древне-русской литературы», обнимающему XIV—XVI вѣка, авторъ отмѣчаетъ паденіе образованности подъ вліяніемъ татарскаго ига и сосредоточеніе ея исключительно въ рукахъ духовенства, при чемъ послѣднее положительно чернится авторомъ. Забывая съ одной стороны высокую культурную миссію и важное историческое значеніе русскихъ монастырей, не упоминая ни словомъ ни о Сергіи, ни о Стефанѣ, ни о Петрѣ, ни объ Алексіи, забывая Кирилла Бѣлозерскаго, Кипріяна и др., авторъ ограничивается лишь такими фразами: «чтобы подъ властью хана сохранить власть надъ русскимъ народомъ, духовенство примѣнялось къ возрѣніямъ и произволу восточнаго варварства и въ концѣ концовъ должно было оварвариться»... «татарскіе элементы привели церковь и церковные нравы къ полному паденію»... «лицемѣры, которые подъ маской благочестія обманывали народъ, монастыри, которые сдѣлались гнѣздомъ безчинія и порока,—типическія явленія этого времени»¹⁾. Такими красками рисуетъ рассматриваемую эпоху изслѣдователь, не упоминая ни словомъ о работахъ надъ сводомъ библіи, о нравственномъ и патріотическомъ вліяніи проповѣдниковъ, подвижниковъ, распространителей христіанства въ тяжелую татарскую эпоху; забывается авторомъ и стремленіе къ основанію школы, и къ реформамъ въ церкви; не думаетъ онъ стать и на сравнительную точку зрѣнія съ ролью духовенства и монастырей въ средніе вѣка на Западѣ, когда костры не погасали отъ сожженія произведеній и тѣлъ еретиковъ. Обрисовавши всю глубину паденія русской церкви въ XIV—XVI вв., авторъ представляетъ на этомъ фонѣ развитіе сектъ стригильниковъ, жидовствующихъ и т. д., объясняя ихъ успѣхъ не исканіями пытливаго человѣческаго духа, а «варварскими нравами монашества», «эпидемическимъ невѣріемъ» и т. д.

Въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, г. Полонскій упоминаетъ лишь Геннадія Новгородскаго и Іосифа Волоцкаго, но объ

1) Стр. 31.

ихъ дѣятельности говорить въ самыхъ общихъ чертахъ и, посвятивши нѣсколько словъ «Стоглаву», «Домострою» и «Перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ», переходитъ къ вопросу «о вліяніи польской культуры и подготовленіи второго московскаго періода русской литературы въ XVI—XVII вѣкахъ».

Двѣ послѣдующихъ коротенькихъ, но далеко не ясныхъ и не основательныхъ главы имѣютъ цѣлью обрисовать подготовленіе и наступленіе второго московскаго періода древне-русской литературы; сгущая, какъ и раньше, краски при обрисовкѣ московской грубости, невѣжества, безнравственности, застоя, авторъ говоритъ, что «безъ прилива образовательныхъ элементовъ и образовательныхъ средствъ извнѣ московская литература пала бы жертвой собственного безплодія и ужаснаго смятенія, которое развилось во всѣхъ областяхъ тогдашней русской жизни»¹⁾.

Такимъ то свѣтлымъ вліяніемъ извнѣ, спасшимъ Россію, явилось, по мнѣнію автора, то теченіе, которое развилось въ юго-западной Руси подъ вліяніемъ борьбы южно-руссовъ съ поляками въ сферѣ школы, образованности и главнымъ образомъ въ сферѣ религіозной. Упомянувши южно-русскихъ проповѣдниковъ Голятовскаго, Радзивилловскаго и Барановича, авторъ отмѣчаетъ притокъ легендъ, мистерій, романовъ и т. п. произведеній съ Запада въ Россію и замѣчаетъ, что «на Западѣ, гдѣ было въ разгарѣ время реформациі вся эта литература и схоластика являлись анахронизмомъ, но въ Россіи XVII в. онѣ дѣйствовали, какъ откровеніе»²⁾. Предвзятость автора, манера замалчиванія съ одной стороны и сгущенія красокъ съ другой слишкомъ ясно бросаются въ глаза читателю. Замолчавши развивавшееся въ московской средѣ самостоятельное стремленіе къ реформированію своей жизни, сказавшееся въ заботахъ о школахъ, объ исправности церковныхъ книгъ, о нормировкѣ языка, не упомянувши о непрерывномъ развитіи въ народной средѣ какъ своей родной поэзіи, такъ и занесенной паломниками, скоморохами и т. д. поэзіи Востока, поставивши однимъ взмахомъ пера крестъ надъ всей политической и духовной жизнью Руси въ эпохи Іоанновъ, Бориса Годунова, Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича, авторъ не упомянулъ ни имени, ни работы Максима Грека, митр. Макарія, замолчалъ развитіе русскаго театра и далъ крайне мрачную и одностороннюю картину эпохи. Прибѣгнувши къ

1) Стр. 34.

2) Стр. 36.

сопоставленію Руси съ Западомъ, г. Полонскій опять-таки поступилъ односторонне, взявши лишь передовое реформаціонное теченіе и замолчавши то, чѣмъ жили и питались народныя массы и что представлялось массамъ въ школахъ и церквахъ католическихъ земель; надо было сопоставлять вещи сопоставимыя и протестантское движеніе на Западѣ сопоставлять съ реформаціоннымъ же движеніемъ въ Россіи, сказавшимся и въ политической, и въ религіозной, и въ литературной средѣ совсѣмъ не въ той формѣ, какъ думаетъ авторъ; надо бы только ему повнимательнѣе почитать приводимыя имъ въ перечнѣ пособія и, разъ онъ взялся писать серьезную, а не предвзято-диллетантскую книгу, не оставлять безъ вниманія трудовъ по исторіи русскаго сектантства, по исторіи легендъ, апокрифовъ, романовъ и повѣстей, а также и по исторіи театра.

Но стоило ли для «исторіи русской литературы» серьезно и тщательно изучать предметъ, о которомъ надо было написать книжку для поученія широкихъ массъ нѣмецкой публики, да, пожалуй, и не только нѣмецкой? Стоило ли заниматься изученіемъ того періода, когда, по рѣшительному утвержденію автора, «смѣненіе въ средѣ православной церкви, обскурантизмъ массъ и невѣжество духовенства были причинами духовной отсталости Московіи»?¹⁾ Заявленія автора о полной разобщенности духовенства и народа въ эпоху Палицына, Гермогена и т. д., его полное незнакомство какъ съ духомъ, такъ и съ исторіей русской церкви, съ которыми онъ легко бы могъ познакомиться хотя бы по такому солидному и безпристрастному труду, какъ проф. Голубинскаго, наконецъ всѣ разсужденія автора о роли легендарно-апокрифической литературы, обнаруживающія незнакомство съ изслѣдованіями цѣлой школы ученыхъ, какъ И. В. Ягича, Н. С. Тихонравова, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина, М. И. Сперанскаго, проф. Владимірова и др., а равно и отрицательный приговоръ, подписываемый имъ съ поразительной легкостью всей византійской культурѣ, которой однако занимались же и занимаются еще такіе ученые, какъ Крумбахеръ, Васильевскій, Покровскій, Успенскій, Станоевичъ, Радоницъ и др. — всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для опредѣленія научной цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для характеристики тенденціи труда д-ра Полонскаго по отношенію къ древне-русской литературѣ.

Съ седьмой главы начинается уже обзоръ литературы XVIII в.,

---

1) Стр. 36.

которой посвящается однако всего одна глава: «Время Петра Великаго и вѣкъ Екатерины. XVIII вѣкъ».

На реформу Петра Великаго авторъ смотритъ, какъ на «насильственное европеизированіе старой Россіи», какъ на «революцію съ трона», выдвинувшую начала, «діаметрально противоположныя византійскому духу и преобладанію церкви надъ государствомъ»¹⁾. Крайность и односторонность такого взгляда ясна всякому, знакому съ историческимъ ходомъ русской жизни, съ подготовленіемъ Петровской эпохи эпохами Іоанновъ, Бориса Годунова, Алексѣя Михайловича. Тотъ же трудъ покойнаго А. Н. Пыпина, который упоминается авторомъ въ его перечнѣ, могъ при внимательномъ и серьезномъ чтеніи дать ему иное представленіе о связи Петровской эпохи съ предшествующими. Признавая, что русская жизнь при Петрѣ Великомъ и послѣ него приняла по преимуществу практическое направленіе, авторъ за всей литературной дѣятельностью XVIII в. признаетъ лишь одну заслугу — выработку литературнаго языка; идейная же сторона дѣятельности Ломоносова и Державина, Фонвизина и сатирической литературы, Новикова и типографской компаніи, Радищева и др. остается недоступной автору.

Говоря о созданіи литературнаго языка, онъ видитъ въ немъ 3 элемента: 1) церковно-славянскій, который по совершенно неправильному мнѣнію автора, «совершенно чуждъ и изолированъ отъ народнаго языка», 2) канцелярскій языкъ и 3) народный языкъ, «который независимо отъ первыхъ двухъ развивался исключительно на почвѣ опыта»²⁾. Къ этимъ элементамъ присоединились съ эпохи Петра Великаго галицизмы и германизмы, и изъ этого то конгломерата и вырабатывался литературный языкъ въ XVIII в.

Держась своей основной точки зрѣнія, авторъ рассматриваетъ литературу XVIII в. не съ историко-культурной, не съ идейно-общественной, а исключительно съ формальной точки зрѣнія, дробя ее по формамъ творчества на: 1) сатиру, 2) лирику, 3) драму, 4) комедию, 5) трагедию, 6) искусственный эпосъ, 6) басню, 7) романъ. Невыдержанность классификаціи сопровождается такими странностями, какъ слѣдующія: въ отдѣлѣ «сатира» упоминаются лишь Кантемиръ и Тредіаковскій (?); въ отдѣлѣ «лирика» говорится лишь объ одномъ Ломоносовѣ, а Державинъ почему то помѣщенъ между рубриками «Tragödie» и «Kunstepos»; произведенія Сумарокова носятъ заглавія

1) Стр. 89.

2) Стр. 40.

«Sineus und Trawor», «Semira und Mastislav» и отнесены къ отдѣлу «драма», тогда какъ произведенія Княжнина, однако не поименованныя, отнесены къ рубрикѣ «Трагедія»; оригинально и признаніе Княжнина предшественникомъ Гоголя, изобразившимъ въ своихъ комедіяхъ типы, вполнѣдствіи лишь «углубленные» Гоголемъ. Сатирическіе журналы и «Ябеда» Капниста не упоминаются совсѣмъ. Развитие и характеръ ложноклассицизма и сентиментализма на русской почвѣ являются совершенно не выясненными.

Что касается литературы XIX вѣка, то относительно нея авторъ является значительно болѣе освѣдомленнымъ, чѣмъ о литературѣ предыдущихъ эпохъ; въ рядѣ главъ 8—13 говоритъ онъ о литературѣ 20-хъ годовъ, какъ предшественницѣ романтизма, съ Карамзиннымъ и его школой во главѣ (VIII), о русскомъ романтизмѣ и Жуковскомъ, какъ его представителѣ (IX), о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, какъ соединившихъ въ своемъ творчествѣ романтизмъ, байронизмъ и реализмъ (X), о Гоголѣ, какъ представителѣ реализма (XI), о критикѣ Бѣлинскаго, славянофильствѣ и западничествѣ (XII). Этимъ онъ заканчиваетъ отдѣлъ новой и съ 13 главы переходитъ къ обзору новѣйшей русской литературы.

Отношеніе автора къ дѣятельности Карамзина, является болѣе или менѣе безпристрастнымъ и справедливымъ, хотя, къ сожалѣнію, г. Полонскій слишкомъ мало удѣлилъ мѣста характеристикѣ идейной сторонѣ его работы, остановившись преимущественно на его заслугахъ, какъ создателя литературнаго языка и создателя читающей публики; его журнальной дѣятельности, его политическимъ, этическимъ и литературнымъ воззрѣніямъ не удѣляется вниманія. Послѣ перечисленія писателей Карамзинской школы авторъ подчеркиваетъ дѣятельность И. А. Крылова, какъ закрѣпителя Карамзинской реформы въ области языка и какъ баснописца, внесшаго народный духъ въ свое творчество. Стоящимъ изолированно отъ современныхъ ему литературныхъ теченій признаетъ авторъ Грибоѣдова, о произведеніи котораго онъ отзывается восторженно. Жаль, что, не слѣдя за идейнымъ развитіемъ русской литературы въ связи съ культурно-историческимъ развитіемъ русскаго народа, авторъ принужденъ то того, то другого писателя ставить изолировано, тогда какъ при иномъ методѣ изложенія никакого бы изолированія не получилось. Надо замѣтить, что біографической части, а тѣмъ болѣе характеристикѣ эпохи авторъ отводитъ очень мало мѣста, а потому, естественно многія упоминаемыя имъ явленія останутся мало понятными читателю, не спе-

ціалісту. Въ главѣ о русской романтикѣ г. Полонскій отмѣчаетъ, что въ сущности русской романтики не было, а была заносная, выразителемъ которой явился В. А. Жуковскій, больше переводчикъ, чѣмъ оригинальный поэтъ. Дальше однако авторъ впадаетъ въ противорѣчіе, говоря о романтизмѣ Пушкина, носящемъ уже чисто русскія черты. Интереснымъ является объясненіе авторомъ вліянія идей романтизма на измѣненіе взглядовъ на поэзію, а равно на выработку у поэтовъ разочарованія и недовольства; врядь ли однако возможно признать состоятельнымъ объясненіе указаннаго явленія исключительно вліяніемъ идей романтизма, а не общимъ подъемомъ самосознанія подѣ вліяніемъ историческихъ условій европейской и спеціально русской жизни въ разсматриваемую эпоху. Говоря о Пушкинѣ, г. Полонскій отмѣчаетъ 3 періода въ его дѣятельности: романтическій, байроническій и реалистическій, но характеризуетъ подробнѣе лишь послѣдній; отмѣчая универсальность Пушкина, самъ авторъ поступаетъ однако одностороннѣе, становясь исключительно на точку зрѣнія теоріи поэзіи и отмѣчая лишь важность у Пушкина образцовъ всѣхъ формъ поэтическаго творчества; здѣсь авторъ впадаетъ и въ нѣкоторое преувеличеніе, говоря, что въ лирикѣ, эпикѣ, драмѣ и новеллистикѣ Пушкинъ остался до сихъ поръ не превзойденнымъ ¹⁾; что касается новеллистики, то здѣсь преувеличеніе слишкомъ ужъ очевидно. Съ особой похвалой отзывается г. Полонскій о «Полтавѣ» и «Евгеніи Онѣгинѣ», видя въ послѣднемъ «энциклопедію русской жизни» и «чистѣйшую поэзію» ²⁾. Болѣе одностороннимъ и субъективнымъ считаетъ авторъ Лермонтова и старается объяснить его личный характеръ и направленіе поэзіи реакціонной эпохой 30 годовъ, но надо признать, что какъ характеристика эпохи, такъ и выясненіе вліянія ея на Лермонтова заставляють желать многого въ смыслѣ полноты и ясности. Разсмотрѣніе литературной дѣятельности Лермонтова ведется отчасти по видамъ поэтическаго творчества, отчасти по мѣсту произведенія его произведеній. Съ большей похвалой отзывается авторъ о «Демонѣ», въ которомъ «проявляется инстинктивное тяготѣніе поэта ко всему мощному, великому, сильному, богатство красокъ, стальная мощь музыкально-благороднаго стиха» ³⁾. Послѣ нѣсколькихъ словъ о Кольцовѣ, какъ поэтѣ-лирикѣ изъ народа, слѣдуетъ

---

1) Стр. 52.

2) Стр. 53.

3) Стр. 55.

характеристика Гоголя, какъ типичнаго представителя реализма и какъ писателя-малоросса, внеспаго въ русскую литературу типичныя черты малороссійскія, юморъ и лиризмъ. Отмѣчается и общественное значеніе Гоголевскаго творчества и дѣлается попытка, но односторонняя, объясненія Гоголевскаго мистицизма. Отсутствие біографической и историко-культурной подкладки даетъ себя особенно сильно чувствовать при объясненіи Гоголевскаго творчества. Выясненіемъ заслуги «неистоваго Виссаріона», «русскаго Лессинга» заканчиваетъ авторъ отдѣлъ о новой русской литературѣ, при чемъ, характеризуя 3 стадіи въ развитіи міровоззрѣнія Бѣлинскаго, кратко и поверхностно затрогиваетъ вопросъ о «западничествѣ» и «славянофильствѣ» въ русской литературѣ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего труда авторъ даетъ характеристики литературной дѣятельности Тургенева (14 гл.), Гончарова (15), гр. Л. Толстова (16), Достоевскаго (17), Аксакова, Григоровича и Писемскаго (18), Щедрина (19), Островскаго (20), Рѣшетникова и Левитова (22), Гл. Успенскаго и Златовратскаго (23), Чехова и Горькаго (34). Промежуточныя главы посвящены общей характеристикѣ школъ и направленій въ разсматриваемыя эпохи.

Посвящая 13-ю главу общей характеристикѣ новѣйшей русской литературы, начало которой авторъ относитъ къ половинѣ 40 годовъ, г. Полонскій между прочимъ говоритъ, что «въ новѣйшей литературѣ соединились гармонично-художественная объективность Пушкина, реализмъ и смѣлость отрицанія Гоголя, нравственная строгость и идеализмъ Бѣлинскаго, космополитизмъ и народничество западниковъ и славянофиловъ съ тѣмъ богатымъ соціальнымъ и психологическимъ матеріаломъ, который представляетъ русская исторія новаго времени, и такимъ образомъ созданъ новый типъ литературы»¹⁾. Разсмотрѣніе новѣйшей русской литературы авторъ считаетъ возможнымъ лишь въ связи съ исторіей русской жизни.

Вполнѣ соглашаясь съ этими его воззрѣніями, мы признаемъ ихъ правильность въ такой же степени и по отношенію къ старѣйшимъ періодамъ литературы, чего однако у автора не наблюдается. Послѣ обрисовки культурнаго состоянія крѣпостной Руси, авторъ вполнѣ удачно выясняетъ роль литературы въ борьбѣ съ крѣпостничествомъ, и, имѣя въ виду затѣмъ имѣющій универсальное значеніе русской романъ, дѣлать представителей литера-

1) Стр. 66.

туры на 2 группы: изобразители культурнаго человѣка и изобразители простаго народа.

Въ главѣ о Тургеневѣ г. Полонскій отмѣчаетъ, что этотъ писатель произвелъ цѣлую эпоху своими «Записками Охотника»; за исключеніемъ Григоровича, написавшаго въ 1848 г. «Антоня Горемыку», Тургеневъ первый обратился къ изображенію простаго народа. Своимъ гуманнымъ образомъ мыслей и теплымъ человѣчнымъ чувствомъ по отношенію къ мужику, своими изображеніями крестьянскихъ типовъ авторъ, по словамъ г. Полонскаго «произвелъ переворотъ во взглядахъ общества на крестьянъ, считаеваемыхъ раньше «черною костью» (schwarzes Knochen) ¹⁾. Соглашаясь, что, дѣйствительно, Тургеневъ очень много содѣйствовалъ измѣненію взглядовъ общества на крестьянъ и считая его однимъ изъ виднѣйшихъ подготовителей великой реформы 1861 г., мы далеки однако отъ преувеличеній г. Полонскаго. Разбирая произведенія, въ которыхъ Тургеневъ изображаетъ «культурнаго человѣка», авторъ останавливается съ одной стороны на произведеніяхъ, рисующихъ «лишняго человѣка», съ другой стороны на романахъ, изображающихъ «центральные типы различныхъ эпохъ русской жизни», какъ то «Рудина, типъ культурнаго человѣка конца 40 и начала 50 годовъ; Лаврецкаго, типъ благороднаго отпрыска лучшей части помѣщичьяго общества въ эпоху паденія крѣпостнаго права; Елену, типъ дѣвушки переходной эпохи; Кирсанова и Базарова, представители двухъ поколѣній въ по-реформенную эпоху и т. д. ²⁾. Относительно романовъ «Дымъ» и «Новь», имѣющихъ, по мнѣнію автора, цѣль изобразить различныя фазы революціоннаго теченія въ Россіи, высказывается мнѣніе, что эти романы дали изображеніе лишь случайныхъ эпизодовъ и случайныхъ характеровъ; потому, говоритъ г. Полонскій, «слава Тургенева, какъ изобразителя различныхъ фазъ развитія русскаго культурнаго человѣка должна быть ограничена исключеніемъ двухъ вышеуказанныхъ произведеній» ³⁾. Соглашаясь съ общимъ взглядомъ г. Полонскаго при его постановкѣ вопроса, мы считаемъ однако же, что въ приимѣненіи особенно къ «Дыму» вопросъ постановленъ авторомъ неправильно. Необходимо бы было, на нашъ взглядъ, остановиться въ книжкѣ, написанной для иностранцевъ, и на вопросахъ объ языкѣ Турге-

1) Стр. 70.

2) Стр. 71.

3) Стр. 73.

нева и объ отношеніяхъ къ нему западныхъ писателей и критиковъ; не говоримъ уже о сторонѣ біографической, которая у г. Полонскаго всюду оставляется безъ вниманія.

Противопоставляя «пластически-объективнаго Гончарова субъективнорефлексивному Тургеневу», авторъ отмѣчаетъ поразительную у Гончарова обработку деталей и, останавливаясь на романахъ «Обыкновенная исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ», характеризуетъ первый романъ, какъ изображающій «лишняго человѣка», второй, какъ «важнѣйшее и лучшее Гончаровское произведеніе, въ которомъ, помимо главнаго, ярко изображеннаго и типичнаго характера, дается «цѣлая картина крѣпостной Руси съ необычайной еще до сихъ поръ законченностью и живостью. Поэзія смерти, тѣнныя, глубокаго сна вѣетъ отъ каждой строки гениальнаго творенія»¹⁾; самымъ слабымъ произведеніемъ считаетъ авторъ 3-й романъ Гончарова, страдающій, по его мнѣнію, карикатурностью и обнаруживающій «консервативную привязанность поэта къ старо-русскимъ традиціямъ». Вообще, ненависть автора ко всему старо-русскому и нежеланіе видѣть въ немъ хоть что-либо хорошее, чего требуетъ восхваляемая самимъ же г. Полонскимъ объективность, видны на каждомъ шагѣ. Высоко ставя формальныя достоинства произведеній Гончарова, проявившіяся особенно въ «Фрегатъ Паллада», авторъ заканчиваетъ главу о Гончаровѣ указаніемъ отличительныхъ чертъ его творчества, каковы «объективная наблюдательность, удивительная пластика и пышное богатство красокъ языка»²⁾. Тѣмъ болѣе является страннымъ, что авторъ умолчалъ о вѣдшихъ достоинствахъ и объ языкѣ произведеній Тургенева.

Въ главѣ о «великомъ писателѣ земли русской» авторъ говоритъ, какъ, начавши съ изображенія культурнаго человѣка и культурнаго общества 50 и 60 годовъ, Л. Н. Толстой перешелъ къ «раскрытію психическихъ, моральныхъ, духовныхъ и физическихъ основъ существованія культурнаго человѣчества вообще». «И никто, говоритъ г. Полонскій, не выполнилъ этой задачи такъ универсально, никто не наточилъ такъ операціоннаго ножа анализа и никто не пришелъ такъ рѣшительно къ радикальнымъ результатамъ, во всей ихъ потрясающей истинѣ и безугѣшности, какъ Толстой»³⁾. Сказано сильно, но не достаточно ясно и не вполне справедливо,

---

1) Стр. 75.

2) Стр. 76.

3) Стр. 75.

такъ какъ говорить о «*Trostlosigkeit*» у Толстого врядъ ли возможно. Изъ произведеній Толстого разсматриваются, но очень бѣгло, «Дѣтство, отрочество, юность», «Казакъ», «Война и миръ» и «Анна Каренина»; остальные произведенія повѣствовательнаго характера лишь упоминаются. О драматическихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого мы находимъ упоминаніе въ гл. 20 (драма), о философско-религіозной и педагогической его дѣятельности совсѣмъ не говорится, несмотря на ихъ тѣсную связь съ міровозрѣніемъ и дѣятельностью его вообще. Въ заключеніе главы о гр. Толстомъ авторъ говоритъ объ его неизмѣримомъ значеніи для русской литературы и необыкновенной широтѣ захвата при изображеніи имъ русской жизни.

Съ значеніемъ гр. Л. Н. Толстого, какъ изобразителя и аналитика индивидуальныхъ и социальныхъ явленій, сопоставляется въ 17 главѣ значеніе Ѳ. М. Достоевскаго, какъ аналитика явленій психологическихъ и патологическихъ. Изобразивши начало писательской дѣятельности Достоевскаго, какъ поэта униженныхъ и оскорбленныхъ, авторъ даетъ оцѣнку «его значительныхъ произведеній «Записки изъ мертваго дома» и «Преступленіе и наказаніе», въ которыхъ писатель проникаетъ въ интимнѣйшіе уголки человѣческой души, изображая однако частныхъ лицъ въ органической связи съ психикой окружающаго общества»¹⁾. Охарактеризовавши затѣмъ романы «Идіотъ», «Бѣсы» и «Подростокъ», какъ памфлеты на нелюбимую Достоевскимъ интеллигенцію его времени, г. Полонскій считаетъ главною мыслью всѣхъ этихъ произведеній «мистическую вѣру въ міровую искупительную роль панславизма». «Братья Карамазовы» разсматриваются, какъ романъ, въ 4 герояхъ котораго изъ семьи Карамазовыхъ должны были воплотиться главнѣйшія особенности русскаго народа. Основная мысль этого произведенія, говоритъ г. Полонскій, та, что «культурная задача русскаго народа заключается въ необходимости проникновенія духомъ первоначальнаго христіанства всѣхъ отношеній индивидуальной и социальной жизни»²⁾. Въ окончательномъ своемъ мнѣніи о Достоевскомъ авторъ признаетъ Достоевскаго и гр. Л. Толстого «величайшими писателями своего народа, поднявшимися въ высшихъ областяхъ своего творчества надъ временными отношеніями своей эпохи»³⁾.

1) Стр. 79.

2) Стр. 80.

3) Тамъ же.

Дѣятельностью С. Аксакова, Григоровича и Писемскаго заканчивается, говоритъ авторъ въ 18 главѣ, замѣчательнѣйшая эпоха русскаго романа. Изъ произведеній Аксакова упоминаются и характеризуются въ самыхъ общихъ чертахъ «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Вагрова внука», какъ историческіе документы своей эпохи; главная же заслуга Аксакова усматривается въ жанровыхъ картинкахъ и въ созданіи несуществующаго въ другихъ литературныхъ искусственнаго животнаго эпоса. Григоровичу посвящено лишь нѣсколько словъ, въ которыхъ отмѣчается его заслуга, какъ перваго изобразителя крестьянскаго быта въ довольно оригинально называемомъ г. Полонскимъ сочиненіи «Anton Unglücksvogel»; въ остальныхъ произведеніяхъ Григоровича авторъ находитъ лишь формальныя достоинства, не придавая имъ серьезнаго значенія. Писемскій разсматривается, какъ натуралистъ своей эпохи, который въ произведеніяхъ «1000 душъ», «Взбаламученное море», и драмѣ «Горькая судьба» достигъ художественнаго величія. Высоко ставя реализмъ Писемскаго, авторъ, совершенно невнимательный вообще къ біографическому элементу, отмѣчаетъ въ данномъ случаѣ противорѣчіе, въ которое сталъ Писемскій съ лучшею частью своихъ современниковъ.

Въ главѣ, посвященной характеристикѣ литературной дѣятельности Салтыкова, авторъ говоритъ о склонности къ сатирѣ, какъ отличительной чертѣ русскихъ людей и русскихъ писателей и отмѣчаетъ благоприятную почву для сатиры въ эпоху Салтыкова. Раздѣляя литературную дѣятельность Салтыкова на 3 періода: 1) до освобожденія крестьянъ; 2) въ эпоху реформъ; 3) въ пореформенную эпоху, авторъ разсматриваетъ произведенія этихъ 3 группъ, относя къ первой группѣ «Талантливыя натуры» и «Губернскіе очерки», гдѣ дается общая картина русской провинціальной жизни въ до-реформенную эпоху и гдѣ рисуются рядъ жестокихъ и смѣшныхъ фигуръ изъ помѣщичьяго класса и народное терпѣніе. Ко второй группѣ причисляются: «Сатиры въ прозѣ», «Современныя идилліи», «Исторія одного города», «Въ средѣ уиренности и аккуратности» и др., въ которыхъ авторъ изображаетъ отсутствіе проникновенія въ общественное сознаніе духа реформъ и порицаетъ отсутствіе у простыхъ массъ стремленія къ выходу изъ угнетеннаго, приниженаго состоянія. Наконецъ въ 3 группѣ приурочиваются «Господа Ташкентцы», «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ», «Господа Головлевы» и др. сатиры, въ которыхъ выводятся типы людей, изыскивающихъ новыя средства продолжать

свой паразитизмъ, которому нанесла ударъ реформа, но духа котораго искоренить не могла. Такія произведенія, какъ «Мелочи жизни» и «Сказки» признаются авторомъ имѣющими не спеціально-русское значеніе, но всеобщую цѣнность. Въ «Пошехонскихъ разсказахъ» съ эпическимъ спокойствіемъ рисуется Салтыковъ старую Русь. Въ общемъ, г. Полонскій даетъ очень сочувственную характеристику Салтыкова, какъ знатока человѣческаго сердца, какъ передового и гуманнаго человѣка, какъ писателя-сатирика, «въ произведеніяхъ котораго есть и шутка, и гнѣвъ, и ненависть, и любовь»¹⁾.

Блестящую плеяду писателей 40-хъ годовъ завершаетъ, какъ говоритъ авторъ, Островскій—настоящій основатель русскаго театра и русскаго драмы.

Отдавая должное достоинствамъ драматическихъ произведеній Фонвизина, Гоголя, Грибоѣдова и Пушкина, г. Полонскій отмѣчаетъ случайность ихъ драматическихъ произведеній, тогда какъ драматическія произведенія Островскаго идутъ сплошной непрерывной струей. Характеризуя творчество Островскаго, авторъ высоко ставитъ реализмъ и поразительную простоту его произведеній, производящихъ однако въ концѣ концовъ потрясающее дѣйствіе; съ похвалой отмѣчается необыкновенная способность поэта проникать въ суть русской жизни прошлаго и настоящаго и поразительная широта захвата при изображеніи самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Особенно выдающимися признаетъ критикъ комедіи «Бѣдность—не порокъ», «Доходное мѣсто», «Гроза», «Лѣсъ» и «Безъ вины виноватые» и изъ историческихъ драмъ: «Воевода», «Димитрій Самозванецъ» и «Василиса Мелентьева».

Высоко ставится г. Полонскимъ и поразительное богатство народнаго и картиннаго языка Островскаго. Изъ драматическихъ произведеній другихъ русскихъ писателей отмѣчаются авторомъ «Власть тьмы» и «Плоды просвѣщенія» гр. Л. Толстого, «Горькая доля» Писемскаго, драматическіе опыты Тургенева (изъ которыхъ однако ни одинъ не называется), трилогія гр. А. Толстого; говорится затѣмъ о Потѣкинѣ и Соловьевѣ, какъ преемникахъ Островскаго, и упоминаемъ о драматическихъ произведеніяхъ Чехова и Горькаго заканчивается 20-я глава.

Одной изъ болѣе удачныхъ, по нашему мнѣнію главъ является 21-я, посвященная общей характеристикѣ возникновенія въ писа-

1) Стр. 85.

тельской средѣ со времени паденія крѣпостного права народническаго направленія, результатомъ котораго явилась русская народническая беллетристика писателей-разночинцевъ, при чемъ авторъ говоритъ: «die russische Volksbelletristik konnte sich zu einem wahren Schatz des individuellen und socialen Lebens, der in der Weltliteratur seinesgleichen sucht, gestalten»¹⁾). Въ направленіи, которое приняла эта беллетристика, различается цѣлый рядъ теченій; во главѣ сентиментально-народническаго ставится Марко-Вовчокъ; представителями народничества, имѣющаго цѣлью заинтересовать народомъ и склонить на его сторону администрацію и бюрократію, признаются Максимовъ, Данилевскій и Мельниковъ; въ главѣ народниковъ, преслѣдовавшихъ, помимо художественныхъ, и научныя цѣли, стоитъ Якушкинъ; народниками въ «собственномъ смыслѣ» признаетъ авторъ Н. Успенскаго и Слѣпцова; представителями народническаго реализма являются Рѣшетниковъ и Левитовъ, литературной дѣятельности которыхъ посвящена 22 глава, и представителями народнической беллетристики, граничащей съ публицистикой, признаются Г. Успенскій и Златовратскій, о которыхъ подробно говорится въ 23 гл. Существованіе хорошей монографіи Скабичевскаго «Беллетристы-народники», несомнѣнно, могло облегчить автору трудъ надъ этими главами, хотя упоминанія указанной монографіи въ перечнѣ мы не находимъ.

Въ 5 слѣдующихъ главахъ г. Полонскій говоритъ о развитіи русской беллетристики въ эпоху по-реформенную, отмѣчаетъ появленіе новыхъ типовъ, созданныхъ измѣнившейся житейской обстановкой, каковы типы разночинцевъ, «передовыхъ людей», «кающихся дворянъ» и т. д. Останавливаясь сначала на писателяхъ, рѣшившихся изображать разночинцевъ и передовыхъ людей, авторъ устанавливаетъ 2 группы: писателей, не сочувствующихъ указанному типу и сочувствующихъ; къ первому разряду писателей причисляются Клюшниковъ и Лѣсковъ, ко второму—Шеллеръ (Михайловъ), Засодимскій, Башинъ и Федоровъ, литературная дѣятельность которыхъ характеризуется въ 24 главѣ.

Въ зависимости отъ отношеній къ реформамъ 60-хъ годовъ и къ изображенію идеаловъ старой и новой Руси авторъ намѣчаетъ также 2 группы писателей: представители либеральной тенденціозной беллетристики и представители реакціонной. Къ первому лагерю причисляются Боборыкинъ, характеризуемый какъ писатель плодо-

1) Стр. 91.

витый, склонный къ фотографическому изображенію дѣйствительности и дающій въ своихъ произведеніяхъ какъ бы документъ соціальнаго и духовнаго развитія русскаго народа; Терпигоревъ, оцѣниваемый, какъ изобразитель русскаго дворянства и безпомощности послѣдняго въ по-реформенную эпоху, когда нельзя уже стало жить трудами чужихъ рукъ; Станюковичъ, какъ изобразитель морской жизни; Немировичъ-Данченко, какъ авторъ путеописаній и Саловъ, какъ знатокъ сельской жизни. Надо замѣтить однако, что изъ изложенія г. Полонскаго не ясно, почему онъ отнесъ всѣхъ перечисленныхъ писателей, кромѣ Терпигорева (о немъ ясно), къ указанной группѣ.

Характеризуя реакціонную беллетристику, авторъ рисуетъ тотъ шаблонный типъ добродѣтельнаго дворянина и типъ неистоваго инглиста, а равно и обычныя фабулы, къ которымъ обращались, обыкновенно, представители указаннаго рода беллетристики; такими онъ считаетъ Крестовскаго и Авсѣенко, при чемъ относительно перваго, какъ и естественно, считаетъ нужнымъ сдѣлать оговорку.

Не выдерживая далѣе принципа принятаго дѣленія, г. Полонскій говоритъ объ историческомъ романѣ; намѣтивъ 3 группы, авторъ относитъ къ первой писателей историческихъ романовъ 30-хъ годовъ Лажечникова, Загоскина и Кукольника, писателей-романтиковъ; ко второй группѣ, писателей, исходившихъ изъ научной почвы, онъ причисляетъ Костомарова, оцѣнивая при случаѣ и его историческіе труды; къ 2-й группѣ относятся и историческія повѣсти и романы Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого; къ группѣ, изображающей извѣстныя историческія эпохи, относятся авторомъ историческіе романы А. Толстого, Мордовцева и Данилевскаго и къ группѣ писателей тенденціозныхъ въ духѣ реакціонномъ причисляется гр. Саліасъ. Какой у автора въ данной 27 главѣ принципъ дѣленія, гдѣ здѣсь 3 фазы развитія, о которыхъ онъ говоритъ въ началѣ главы, наконецъ почему напр. пропущены П. Кулишъ (разъ говорится о Костомаровѣ), В. Соловьевъ — все это совершенно неясно.

Вѣтъ систематической классификаціи стоитъ и 28-я глава, посвященная характеристикѣ школы, называемой у автора: «isolirte belletristische Schule» и занимающейся изображеніемъ типа «кающагося интеллигента»; характеристика причисляемыхъ къ этой группѣ писателей, Новодворскаго и Гаршина, сдѣлана довольно подробно и удачно.

Послѣднія главы разсматриваемаго труда г. Полонскаго посвящены характеристикѣ русской поэзіи и беллетристики послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка и оцѣнкѣ литературной дѣятельности Чехова и Горькаго, литература о которыхъ на нѣмецкомъ языкѣ является, какъ извѣстно, довольно обширной. Главы 28—34 «Исторіи русской литературы» д-ра Полонскаго отличаются сжатостью изложенія, но обнаруживаютъ, что новѣйшая русская литература извѣстна автору болѣе или менѣе основательно, и сужденія о ней не безынтересны и для русскаго читателя, которому, по нашему мнѣнію, лишь эти послѣднія главы и можно рекомендовать для чтенія.

Общее прогрессивное направленіе автора, сказывающееся во всемъ его трудѣ, является, несомнѣнно, выгодной стороной его работы, но, конечно, лишь постольку, поскольку не нарушается объективная научная истина: намѣренное или вытекающее изъ незнанія замалчиваніе важныхъ литературныхъ явленій особенно въ древнемъ и среднемъ періодахъ русской литературы, сгущеніе красокъ и подтасовка фактовъ при оцѣнкѣ новой литературы оправданы быть не могутъ.

Что касается главной своей цѣли, т. е. ознакомленія нѣмецкаго общества съ русской литературой, то въ данномъ случаѣ цѣль достигается авторомъ лишь отчасти: его трудъ можетъ заинтересовать читателя тѣми или иными явленіями русской литературы, познакомить съ общими характеромъ дѣятельности отдѣльныхъ писателей главнымъ образомъ XIX в., но ни прочныхъ фактическихъ знаній, ни общей вѣрной картины развитія русской литературы въ связи съ развитіемъ историко-культурной жизни трудъ г. Полонскаго не даетъ.

Особенно же неудовлетворительность труда г. Полонскаго сказывается при сравненіи его работы съ обстоятельными, серьезно задуманными и тщательно выполненными работами его коллегъ по обрисовкѣ историческаго развитія литературъ другихъ европейскихъ народовъ въ научно-популярныхъ изданіяхъ «Götschen'a», какъ-то:

Prof. Koch, Deutsche Literaturgeschichte (№ 31).

Prof. Weitbrecht, Deutsche Literaturgeschichte der Klassikerzeit (161).

Его же, Deutsche Literaturgeschichte des XIX Jahrhundert. (134, 135).

D-r K. Weiser, Englische Literaturgeschichte (№ 69).

D-r R. Beer, Spanische Literaturgeschichte (№№ 167, 168).

D-r J. Karásek. Slavische Literaturgeschichte (277, 278).

Не безынтересно отмѣтить и то, что тогда какъ напр. на обрисовку развитія испанской литературы г-ну Бееру оказалось необходимо 2 томика, а историкамъ нѣмецкой литературы 4 томика, г. Полонскій умѣстилъ всю русскую литературу въ одномъ томикѣ. Правда, дѣло не въ количествѣ страницъ и томовъ, а въ качествѣ написаннаго, но и послѣднее у г. Полонскаго не особенно высокой пробы.

Отсутствіе цитатъ изъ произведеній, полное невниманіе къ біографическому элементу и пренебреженіе бібліографическими указаніями если не русскихъ изданій, пособій, изслѣдованій, монографій и т. д., то по крайней мѣрѣ имѣющихся на нѣмецкомъ языкѣ, все это—не можетъ быть не поставлено въ вину автору, разсмотрѣнный трудъ котораго долженъ быть признанъ стоящимъ гораздо выше труда «Reinholdt, Geschichte der russischen Litteratur».

П. Заболотскій.

Лейпцигъ.

Цонев Б. Общославянски език.

Авторъ статьи касается вопроса о томъ языкѣ, который можетъ быть принятъ всѣми славянами въ качествѣ объединяющаго органа междуславянскихъ сношеній научныхъ, торговыхъ, общественныхъ. На такомъ языкѣ должны были бы вестись всѣ славянскіе конгрессы и конференціи, на которые собираются представители разныхъ славянскихъ народностей. Такой языкъ долженъ быть общимъ научнымъ органомъ, на которомъ всѣ славянскіе ученые обнародовали бы свои ученые труды, чтобы ими могли пользоваться не только братья славяне, но и иностранные ученые вмѣсто того, чтобы изучать нѣсколько отдѣльных славянскихъ языковъ. Но, разумѣется, такой языкъ не мѣшалъ бы развитію другихъ славянскихъ языковъ, ихъ мѣстной литературы. Авторъ напоминаетъ, что такую роль непродолжительное время игралъ древне-болгарскій языкъ, какъ языкъ славянскаго богослуженія и славянской церкви у всѣхъ славянъ, не только восточныхъ, но и западныхъ. У русскихъ, болгаръ и сербовъ онъ сохраняетъ это значеніе какъ языкъ богослужебный и до сихъ поръ съ видоизмѣненіемъ, разумѣется,

редакціи и въ зависимости отъ вліянія живого языка каждаго изъ этихъ народовъ въ отдѣльности.

Отстаивая ту мысль, что такой языкъ не можетъ быть ни языкомъ мертвымъ, ни искусственнымъ, г. Цоневъ находитъ, что эту роль долженъ будетъ играть непремѣнно живой языкъ того славянскаго племени, которое могло бы импонировать другимъ славянскимъ народамъ своимъ культурнымъ перевѣсомъ.

Оглядываясь назадъ авторъ статьи указываетъ, что въ исторіи славянской бывали времена, когда отдѣльные славянскіе языки распространялись за предѣлами своей территоріи и такіе моменты совпадали обычно съ моментами высшаго культурнаго и политическаго развитія отдѣльныхъ народовъ.

Такъ въ XIV—XV в. сербскій языкъ употреблялся не только въ Сербіи, но и въ Македоніи, Албаніи, Западной Болгаріи, Босніи, Далмаціи, Хорватіи, соперничалъ съ болгарскимъ въ Валахіи.

Чешскій языкъ послѣ гуситскихъ войнъ былъ литературнымъ языкомъ не только у словаковъ и лужичанъ, но и въ Польшѣ и даже въ югозападной Руси оставилъ слѣды своего вліянія въ XV—XVI вв.

Съ конца XVI в. и въ XVII в. польскій языкъ получилъ широкое распространеніе не только въ Силезіи, западной Руси, Буковинѣ и Моравіи, но и въ Литвѣ.

Съ возвышеніемъ московскаго государства въ связи съ войнами русскихъ противъ турокъ, взоры южныхъ славянъ стали обращаться на сѣверъ, почерпая здѣсь не только духовную пищу, но и сладкія надежды на освобожденіе отъ Полумѣсяца съ русскою помощью. Болгарскіе и сербскіе монахи, приходившіе въ Россію за сборомъ милостыни, возвращались съ русскими церковными книгами.

Съ того времени русско-славянскій языкъ проникъ къ южнымъ славянамъ, удержавшись у нихъ и до сихъ поръ. А съ развитіемъ русской литературы русскій языкъ на славянскомъ югѣ занялъ не только первое мѣсто сравнительно съ другими славянскими, но даже и сравнительно съ другими европейскими языками.

Вспоминая опытъ Крижанича, г. Цоневъ находитъ, что созданный имъ искусственный литературный языкъ не имѣлъ бы успѣха и въ томъ случаѣ, если бы политическія условія для дѣятельности Крижанича были вполне благоприятны.

Не имѣли успѣха и попытки Геркеля, который думалъ, что общеславянскій языкъ можетъ заимствовать по немногу изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, или Маяра-Зильскаго, который предлагалъ

каждому славянскому писателю приближать свой родной языкъ къ другимъ славянскимъ языкамъ. Геркель для такого языка предлагалъ латинскій алфавитъ, дополненный кирилловскими буквами, Маляръ-Зильскій—кириллицу. Колларъ допускалъ смѣшанный языкъ изъ 4-хъ языковъ русскаго, югославянскаго, чешскаго и польскаго, что Цоневъ справедливо считаетъ неприемлемымъ.

Но были и предложенія принять одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ.

Пухмайеръ и Юнгманъ предлагали для этого русскій языкъ, Гаттала сербско-хорватскій.

Всѣ эти попытки не привели до сихъ поръ къ желанному результату и общеславянскій языкъ и до сихъ поръ остается сладкой мечтой славянскихъ патриотовъ; но болгарскій профессоръ вѣритъ, что настанетъ время, когда эта мечта осуществится. Чѣмъ болѣе растутъ у славянъ сознание племеннаго единства, тѣмъ болѣе развиваются между ними взаимныя сношенія, тѣмъ очевиднѣе сказывается необходимость въ общемъ славянскомъ языкѣ. Нельзя утверждать, что славяне могутъ обойтись безъ такого языка благодаря близости своихъ языковъ. Правда славянскіе языки ближе другъ къ другу, чѣмъ языки германскіе, или романскіе, но, не учась, все-таки одинъ славянинъ не пойметъ другого. Пожалуй съ грѣхомъ пополамъ еще могли бы понимать другъ друга ближайшіе сосѣди, напр. русскіе и болгары, болгары и сербы, сербы и словинцы, чехи и поляки, но уже не такъ легко это напр. болгарамъ и чехамъ, или сербамъ и полякамъ. Изучать нѣсколько славянскихъ языковъ вмѣсто одного непрактично. Искусственные языки не имѣли успѣха, принять какой-либо изъ иностранныхъ языковъ французскій, нѣмецкій или англійскій, было бы по мнѣнію г. Цонева несоответственно достоинству славянъ. Остается одинъ выходъ принять какъ общеславянскій языкъ одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ. Какой же въ такомъ случаѣ?

Съ формальной стороны трудно отдать предпочтеніе одному языку передъ другимъ.

Единственно, съ чѣмъ нельзя не считаться, это съ численностью отдѣльнаго народа и въ связи съ тѣмъ съ ожидаемымъ его будущимъ и культурнымъ значеніемъ въ настоящемъ и будущемъ.

«Исходя изъ этой точки зрѣнія, едва ли можно сомнѣваться, которому изъ славянскихъ народовъ отдать предпочтеніе. Сколько бы мы ни признавали славное прошлое и еще болѣе славное будущее всѣхъ славянскихъ народовъ, все-таки есть одинъ славянскій на-

родъ, который можетъ гордиться и блестящимъ прошлымъ и которому все предвѣщаетъ еще болѣе блестящее будущее, какъ самому многочисленному славянскому народу, какъ обладателю обширнѣйшей территоріи. Этотъ народъ русскій, народъ въ русскомъ царствѣ, ему предстоитъ играть роль солнца между мелкими планетами, другими славянскими народами».

Очевидность этого преимущества подтверждается по взгляду профессора Цонева слѣдующими пунктами:

1) Русскихъ всѣхъ вмѣстѣ, великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ 70 милліоновъ. Такая масса имѣетъ право и силу свой языкъ распространить и на другихъ славянъ, если только другіе славяне не откажутся отъ своего славянства.

2) Русскіе располагаютъ и въ настоящее время огромной литературой, которая постепенно получаетъ міровое значеніе на ряду со старшими европейскими литературами. Не вполнѣ ли естественно, чтобы эта литература, которая оказываетъ вліяніе даже на неславянскихъ писателей, была принята и славянами, которые по этому самому могутъ интересоваться и ея языкомъ.

3) Современный русскій литературный языкъ по своему историческому развитію стоитъ очень близко къ древне-болгарскому, потому что у него заимствовагъ много элементовъ и благодаря этому является продолженіемъ того языка, который тысячу лѣтъ назадъ былъ на пути, чтобы стать общеславянскимъ.

4) Съ болгарской точки зрѣнія ни одинъ славянскій языкъ не пользуется такимъ знакомствомъ и такими симпатіями болгарскихъ писателей, какъ русскій, который уже цѣлый вѣкъ питаетъ нашъ языкъ какъ свое дитя и наиболѣе приближаетъ его къ себѣ. Русская книга была и будетъ обильнымъ источникомъ для болгарскихъ писателей. Не трудно убѣдиться, что начиная съ Паисія и оканчивая любимымъ изъ современныхъ писателей всѣ черпаютъ науку и поэзію изъ русской литературы. И бѣда тому нашему писателю, который пройдетъ мимо этого животворнаго источника.

5) Русское народное государственное могущество неотразимо дѣйствуетъ на другихъ славянъ и они съ благоговѣніемъ смотрятъ на все русское; русская литература распространяется по славянскимъ землямъ не только въ переводѣ, но и въ оригиналѣ, а русскій языкъ является учебнымъ предметомъ во многихъ славянскихъ школахъ, во многихъ славянскихъ обществахъ и клубахъ.

Между славянской интеллигенціей обнаруживается движеніе въ пользу русскаго языка и не долго остается ждать того времени,

когда вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ будетъ рѣшенъ именно въ указанномъ смыслѣ.

Изъ послѣднихъ строкъ разбираемой статьи, которыя мы приведемъ вполнѣ, видно, что въ душѣ автора остается непоколебимой вѣра въ ожидающее русскій народъ мировое предназначеніе: «Я пишу эти строки какъ разъ въ тѣ дни, когда по всей братской намъ русской землѣ разыгрываются многозначительныя событія. Я и теперь пишу такъ, какъ писалъ бы и прежде, потому что твердо вѣрю въ будущее величіе русскаго народа. Переживаемыя имъ социальныя потрясенія, какъ бы страшны они ни были, не нанесутъ ущерба цѣлости русскаго государства, не сокрушатъ единство русскаго народа, не погубятъ его культурныхъ пріобрѣтеній, добытыхъ въ теченіе столькихъ вѣковъ. Послѣ бури настанетъ снова миръ, еще яснѣе засвѣтитъ солнце, и русскій народъ все равно при томъ или другомъ правленіи пойдетъ еще смѣлѣе впередъ по пути къ своему мировому предназначенію».

Пусть одушевляющія болгарина чувства къ русскому языку и народу заставятъ призадуматься прежде всего тѣхъ, которые, судя по всему, недостаточно дорожатъ до сихъ поръ всѣхъ русскихъ скрѣпившимъ единствомъ литературнаго языка.

Мы привѣтствуемъ полную свободу литературнаго развитія малорусскаго нарѣчія. Вполнѣ допустимо начальное обученіе на родномъ языкѣ, имъ могутъ пользоваться поэты и писатели, твореніямъ которыхъ родной языкъ даетъ чарующую силу, намъ лично доставляло наслажденіе слушать на сценѣ малорусскія бытовыя пьесы, было прискорбно запрещеніе изданія на малорусскомъ нарѣчій новаго завѣта. Но съ другой стороны нельзя желать въ интересѣ нашего общаго прогресса отдѣленія малороссовъ въ ученой и политической литературѣ. И намъ думается, что устраненіе обидныхъ стѣсненій мѣстныхъ языковъ въ нашей новой политической и культурной жизни не ослабитъ въ русскихъ гражданахъ уваженія и любви къ русскому литературному языку, который болѣе, чѣмъ другія русскія нарѣчія, обогащенный наслѣдіемъ славянскаго языка, благодаря непрерывному многовѣковому и разностороннему развитію, занялъ между ними господствующее мѣсто.

Такія предпріятія послѣдняго времени, какъ задуманное нашей Академіей изданіе славянской энциклопедіи, языкомъ которой будетъ русскій и осуществленію которой уже положено начало, благодаря энергичному участию проф. Ягича, являются прекраснымъ опытомъ объединенія все-славянскихъ интересовъ. Да совпадутъ же

они съ грядущимъ обновленіемъ русской, а съ ней вмѣстѣ и все-славянской жизни.

Мы могли бы кончить нашу замѣтку, если бы не было важно обратить вниманіе на тѣ заявленія, которыя г. Цоневъ обращаетъ къ русскимъ въ интересѣ скорѣйшаго успѣха въ осуществленіи защищаемой имъ мысли объ общеславянской роли русскаго языка.

Прежде всего, по его мнѣнію, должно быть упрощено русское правописаніе. На первомъ мѣстѣ поставлено исключеніе совсѣмъ лишннихъ буквъ, каковы ѣ и з; далѣе предлагается замѣна я и ю начертаніями ја, ју, или же по крайней мѣрѣ іа, іу. Вполнѣ справедливо г. Цоневъ считаетъ букву ј, которую имѣютъ всѣ славяне, исключая русскихъ и болгаръ, необходимой для ясности письма при помощи ј, написаніе которой указываетъ, что въ я и ю скрываются два звука согласный ј и гласные а и у. Что касается выбора между ј и і, то по нашему мнѣнію предпочтеніе въ этомъ случаѣ слѣдовало бы отдать ј. Съ і у насъ соединяется представленіе о гласной и оно могло бы мѣшать принятію этой буквы въ значеніи ј. У болгаръ дѣлались попытки замѣнить, і ј но только при изданіи образцовъ народной словесности. Нужно вообще замѣтить, что болгаре, какъ и русскіе, оказались весьма консервативны въ вопросѣ объ алфавитѣ. Попытка измѣненій въ немъ, предложенная болгарскими филологами, какъ извѣстно, потерѣла фіаско. И у насъ даже незначительныя измѣненія въ правописаніи, предложенныя такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ Академія Наукъ, не вошли еще въ жизнь, задержаны стеченіемъ быть можетъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ нашей жизни за послѣднее время.

Затронутый проф. Цоневымъ вопросъ быть можетъ дастъ толчекъ въ этомъ дѣлѣ, которое и само по себѣ заслуживаетъ вниманія и въ возможномъ, хотя и не близкомъ еще будущемъ можетъ сыграть важную роль въ интересахъ общеславянскаго сближенія.

Другимъ условіемъ, при которомъ, по мнѣнію проф. Цонева, можетъ быть осуществлена идея общеславянскаго языка, должно быть согласіе всѣхъ славянъ принять одинъ алфавитъ. Иначе всякая мысль объ общеславянскомъ языкѣ будетъ праздною мечтой.

Къ сожалѣнію г. Цоневъ не высказался по этому пункту болѣе подробно и опредѣленно.

Разумѣется, признаніе русскаго языка общеславянскимъ само собою должно предполагать и принятіе кирилловскаго письма западными славянами съ измѣненіями въ смыслѣ указаннаго упрощенія русскаго правописанія.

Намъ думается, что при этомъ кирилловскимъ алфавитомъ и можно было бы ограничиться на первое время лишь для тѣхъ нуждъ, которымъ будетъ удовлетворять общеславянскій языкъ. Вся остальная литература могла бы пользоваться привычнымъ письмомъ. Это будетъ такъ, какъ латинскій алфавитъ ученыхъ изданій у нѣмцевъ уживается съ готическимъ. Нельзя скрывать, что переѣзна алфавита дѣло не легкое и оттого трудно разсчитывать, чтобы широкая публика каждой отдѣльной народности поступилась своимъ письмомъ. Достаточно привести примѣръ сербовъ и хорватовъ. При одномъ литературномъ языкѣ книги, напечатанныя латинскими буквами, не читаются въ Бѣлградѣ, а печатаемыя кириллицей Вука Караджича не читаются въ Загребѣ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Предполагаемое г. Цоневымъ осуществленіе идеи о принятіи всеми славянами русскаго языка какъ общеславянскаго сразу бы выиграло, если бы по крайней мѣрѣ южные славяне—болгаре и сербы пришли къ согласному рѣшенію. Югославянскіе языки вмѣстѣ съ русскимъ пользуются однимъ алфавитомъ, русскій языкъ ближе къ югославянскимъ, чѣмъ къ западнославянскимъ, онъ болѣе распространенъ на славянскомъ югѣ. Въ силу этого южнымъ славянамъ легче сдѣлать починъ, результатомъ котораго по всей вѣроятности будетъ присоединеніе Чеховъ и Поляковъ.

П. Лавровъ.

Н. Поповъ. Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) бібліотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. Москва, в. а. (1905), VII + 189, 8°, съ тремя снимками. Ц. 2 р.

Предметомъ настоящаго описанія является небольшая (всего 18 №№) коллекція рукописей Новоспаскаго монастыря (въ Москвѣ), поступившая въ 1903 году въ Московскую Синодальную бібліотеку. Хронологически это первое описаніе синодальныхъ славянскихъ рукописей, появляющееся въ печати послѣ 1869 года, когда вышелъ послѣдній томъ неоконченнаго труда А. В. Горскаго и К. И. Невоструева.

Н. П. Поповъ, авторъ настоящаго описанія, отнесся къ своему дѣлу весьма внимательно, воспользовавшись почти всѣмъ, что

только могло служить къ уясненію состава Новоспаскаго собранія. Но онъ не увлекся примѣромъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ по весьма понятной причинѣ: цѣлью его была работа прежде всего библиографическая, долженствующая служить лишь пособіемъ для специалистовъ; онъ не желалъ въ виду этого превращать указатель въ рядъ научныхъ изслѣдованій: этого не заслуживалъ и матеріалъ, представляемый Новоспаскимъ собраніемъ. Но, что Н. П. Поповъ, описывая эти рукописи, оцѣнилъ въ нихъ то, что заслуживало съ литературно-исторической точки зрѣнія вниманія, видно изъ «Приложенія» I (стр. 117—157), представляющаго цѣлый научный экскурсъ по поводу дѣйствительно важнаго и цѣннаго текста одной изъ толковыхъ псалтырей (№ I) Новоспаскаго собранія; тоже до известной степени слѣдуетъ сказать объ описаніи рукописи № XI, содержащей древній (XIV в., бумага) текстъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ — древнѣйшей рукописи собранія.

Что касается достоинствъ даннаго описанія, то самъ авторъ выполнилъ правильно оцѣнилъ свой трудъ: «Лингвистъ не найдетъ въ описаніи подробной характеристики рукописей со стороны языка, а историкъ и археологъ — нѣкоторыхъ указаній на источники, возможныхъ при другихъ условіяхъ¹⁾. ...Но и при всемъ томъ, авторъ надѣется, что не оставилъ безъ вниманія фактовъ и свѣдѣній, интересныхъ въ историко-литературномъ отношеніи и содержащихся въ Новоспасскомъ собраніи рукописей» (стр. V). Дѣйствительно, описаніе производитъ весьма выгодное впечатлѣніе своей полнотою, обстоятельностью: видно, авторъ не только ознакомился съ составомъ рукописей, но и изучилъ содержимое въ нихъ, почему совершенно отчетливо характеризуетъ каждую статью рукописи, иллюстрируя эту характеристику удачно выбранными сравненіями, выписками. Внешнее описаніе рукописей (съ археологической точки зрѣнія) очень тщательно; но палеографическое вышло у автора нѣсколько слабѣе: хотя рукописи Новоспаскаго собранія большой древностью не отличаются, однако между ними есть не только упомянутая рукопись XIV вѣка, но и тексты XV—XVI вѣковъ, какъ разъ того времени, которое, какъ известно, труднѣе всего поддается опредѣленію, чему причиной съ одной стороны масса текстовъ, которые могутъ быть относимы къ этимъ

---

1) Составитель не имѣлъ подъ рукой хорошо составленной спеціальной библиотеки, ему приходилось дѣлать ссылки на устарѣлыя изданія и даже на рукописи вмѣсто печатныхъ книгъ.

вѣкамъ, съ другой недостаточность собраннаго палеографическаго матеріала, а таковой прежде всего долженъ быть добытъ и сообщенъ составителями описаній рукописей... Правда, къ описанію Н. П. Попова приложены снимки (изъ сербской рукописи XIV в., изъ Миней 1553 (№ XII) и югозападной псалтыри XVI в. (№ I); но снимки эти даютъ недостаточно: ихъ не только мало (всего два, относящихся къ XVI в.), но и даны они въ уменьшенномъ значительно форматѣ; а это послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, значительно вліяетъ на наше, хотя бы общее, впечатлѣніе о рукописи, не говоря о томъ, что размѣръ буквъ играетъ извѣстную роль и при опредѣленіи времени; особенно это было бы важно для рукописи № XII — писанной въ малый листъ (26,8×19,3 с.) скорописью 1553 года: снимокъ въ $\frac{1}{6}$ нат. велич. производитъ впечатлѣніе характерной рукописи XVII вѣка, особенно если сосредоточить вниманіе на самомъ письмѣ. Кажется, было бы предпочтительнѣе дать въ снимкѣ хотя бы часть страницы (сколько умѣстится на таблицѣ книжнаго формата въ 8 д. л.), но въ натуральную величину этой части страницы. При всемъ томъ, конечно, болѣе подробное описаніе графики рукописей было бы далеко не лишнимъ. Возьмемъ для примѣра рукопись № I — южно-русскаго письма: въ ней заставляеть думать о югѣ Руси не только то, что «очертанія буквъ приближаются къ острожскимъ и кievскимъ изданіямъ, отличнымъ отъ московскихъ съ перваго взгляда» (стр. 1, прим.): въ ней есть свои излюбленныя начертанія, каковы: 3 размѣромъ превосходящее остальныхъ буквы, ов — преобладающее надъ оу, д — съ длинными ножками надстрочное округлое в (ѣ), при сѣверномъ квадратномъ, для рукописи XVI в. — характерное ж в. ов и т. д. ¹⁾; есть довольно ясно выраженные слѣды вліянія молдавскаго пошиба письма, которые были бы еще виднѣе, будь приложенный снимокъ въ натуральную величину, а не уменьшенный на $\frac{1}{6}$ (при размѣрахъ рукописи 30,7×19,7 с.) ²⁾.

Что касается опредѣленія рукописей со стороны языка ихъ, то, если составитель и не общалъ «подробной характеристики» ихъ

1) Ср. А. И. Соболевскій, Славяно-русская палеографія, I (Спб. 1901), 41.

2) Какъ извѣстно, молдавскія славянскія рукописи отличаются своеобразнымъ, крупнымъ въ большинствѣ случаевъ, полууставомъ. Старшей русской рукописью, въ графикѣ отразившей это вліяніе, кажется, можно считать Триодъ 1466 года (Имп. Публ. Библ.); см. А. Соболевскій «Палеогр. снимки, изд. Археол. Инст.» (Спб. 1901, табл. XVI).

съ этой стороны, во всякомъ случаѣ вопросъ о языкѣ рукописи обходить молчаніемъ онъ себя не счелъ въ правѣ, почему и находимъ у него при описаніи древнѣйшей рукописи собранія кое-какія замѣтки о языкѣ; при остальныхъ рукописяхъ такихъ замѣтокъ нѣтъ: видимо, съ точки зрѣнія составителя описанія, рукописи эти интереса не представляли въ этомъ отношеніи. Остановившаяся на языкѣ списка XIV в. (№ XI), составитель описанія считаетъ его «въ своей основѣ старо-славянскимъ сербскаго извода» (стр. 74), даетъ образцы архаическихъ формъ склоненій (исключительно формы род. пад., которыя, едва ли характерны въ качествѣ остатковъ старины для сербскаго списка), спряженій (опять таки только imperfect'a), образцы сербизмовъ и наконецъ кое-какихъ еще особенностей, кажется, не относимыхъ ни къ архаизмамъ, ни къ сербизмамъ. Эти то послѣднія особенности могли бы помочь автору точнѣе характеризовать языкъ рукописи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя; такъ смѣна *и* и *ѣ* (повѣлнїе, гнївъ) прямо заставляютъ подозрѣвать присутствіе въ числѣ предшественниковъ нашего списка болгарскаго текста; съ этимъ совпадаютъ и другія особенности языка и графики текста, насколько можно судить даже по небольшой выпискѣ изъ начала рукописи (стр. 78) и по приложенному снимку; сюда слѣдуетъ отнести пропашу ютаціи (къ которой, какъ извѣстно, сербскій языкъ весьма чувствителенъ): нѣкаа цѣтвїа, Ѡкааньн, плѣненїа, таковаа (снимокъ), бѢовидѣнїа (выписка), сѣщаа, вѣремен'наа (цитата на стр. 73); тоже и по отношенію къ разницѣ между *к* (*в*) и *ѣ*, гѣмъ строже соблюдаемой, чѣмъ рукопись старше (а XIV в. для сербской рукописи — старина почтенная): рядомъ съ правильнымъ различіемъ этихъ звуковъ и начертаній находимъ: коншпскые (цит. на стр. 72), подгризаемое, оцещае, повѣлнїе, моее (цитаты, стр. 74—75), коньчїне, дѣланиемъ, изволнїемъ (выписка), прѣднее свобоженїе, прѣслошанїемъ, прьвьїе (снимокъ).

Если формы: всака, всоу, скрозѣ, кгово (стр. 74, 75), слѣдуетъ отнести къ сербскимъ, то форма: сичевω = сичево (тамъ же), при другихъ признакахъ, указанныхъ выше, должна также указывать на болгарскій оригиналъ нашего текста ¹⁾. Аналогичный недосмотръ обнаруживается и въ опредѣленіи приписки на л. 70 об. этой рукописи (стр. 73—74): писанная тайнописью (такъ называемой «простой литореей») и раскрытая въ описаніи запись аполлага о че-

1) Ср. П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и форм. особ. болгарскаго языка (М. 1893), стр. 95—96.

ловѣкъ и верблюдѣ охарактеризована Н. П. Поповымъ, какъ, «повидному, привнесенная въ сербскую рукопись изъ среднеболгарской». Съ этимъ согласиться нельзя: ничего среднеболгарскаго въ этой записи нѣтъ¹⁾, а слѣдуетъ признать ее за русскую: на это указываютъ формы: терпа, держашеса, оутвердивъ, твердыни, чернѣ, непрестанно, пожрети, древо (bis), вопла (gen. sg.) мншеса, змига (accus. sg.), но, посмотривъ (=ѣ) и т. д., словомъ—типичное русское письмо; наоборотъ, характерныя болгарскія черты (ж=л, отсутствіе юатаціи и т. д.) отсутствуютъ. Чтобы покончить съ этой рукописью, укажу кстати еще на одинъ недочетъ въ ея описаніи: отсутствіе палеографическаго описанія (напр., указанія на «очное» ѿ, характерное ѡѣ въ род. мн. ж. р.); отсутствіе подробнаго описанія тѣмъ болѣе опутительно, что бумажная рукопись XIV в. даже въ югославянскихъ текстахъ явленіе не частое, и грань между XIV-мъ и XV в. въ сербской письменности устанавливается такъ же трудно, какъ у насъ между XV-мъ и XVI-мъ.

Если авторъ описанія тщательно описывалъ статью за статью во всѣхъ рукописи, кропотливо подбирая справки и параллели изъ другихъ текстовъ и изданій (а это—крупное, несомнѣнно, достоинство его труда), то и тутъ иногда приходится наткнуться на невѣщности, извинительныя для составителя, не имѣвшаго часто подъ рукой подходящаго справочнаго матеріала (ср. предисловіе, стр. V); впрочемъ, ихъ очень немного; напр., статья о воздвиженіи хлѣба (рукоп. № XII, л. 326) считается въ описаніи апокрифической и взятой, вѣроятно, изъ патерика (какого?): статья эта въ той же редакціи обычно встрѣчается въ хронографахъ (см. А. Поповъ, Обзоръ, I, 85, 139), куда она попала изъ сборника въ родѣ Кирилловскаго, отмѣченнаго у А. Попова, откуда она могла попасть и въ рукопись № XII. Въ той же рукописи слѣдующая статья (л. 326 об.)—Слово Св. (стго?) Серапѣйна—опредѣлена, какъ «собраніе нравоученій, обычно входящихъ въ пчелы («Пчелы?»), съ повѣстью о знаменитыхъ сиракузскихъ друзьяхъ». Жаль, что составитель описанія не привелъ въ данномъ случаѣ хотя бы начала статейки (что онъ неукоснительно дѣлаетъ вездѣ); не зная статейки, не имѣя возможности судить и объ ея текстѣ (въ которомъ есть отличія, по словамъ описателя, отъ Синод. рукоп. Пчелы № 579, на описаніе

1) Можетъ быть, составителя описанія смутило присутствіе л въ сербской рукописи?

которой и ссылка) ¹⁾, нельзя опредѣлить отношеніе ея къ 6-й главѣ «Пчелы» (изд. подъ ред. Семенова, Спб. 1893, стр. 58 сл.): просто ли это выписка изъ готоваго текста русской «Пчелы», или же что либо независимое, лишь восходящее къ одному съ Пчелой источнику? Имя св. Серапіона также увеличиваетъ недоумѣніе: въ «Пчелѣ» этого имени не встрѣчается въ означенной главѣ ²⁾.

Во всякомъ случаѣ, неточности въ родѣ указанныхъ въ описаніи Новоспасскаго собранія рѣдки, и мы можемъ, руководясь указаніями составителя вполне точно оцѣнить научное значеніе не только всякой рукописи, но и почти каждой статьи, входящей въ составъ ея, а стало быть оцѣнить и все собраніе, недавно только ставшее доступнымъ для изслѣдователей.

Собраніе это, какъ было сказано, не велико по числу номеровъ— всего 18 рукописей; но между ними достаточно не только интересныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, но и важныхъ, какъ дающихъ новые факты въ этомъ отношеніи. На первомъ мѣстѣ несомнѣнно слѣдуетъ поставить № I—Псалтирь съ толкованіями—XVI в.: естественно, что и описана эта рукопись подробнѣе другихъ (см., напр., списокъ толковниковъ, вошедшихъ въ толкованіе, стр. 5—8), что ей посвященъ отдѣльный экскурсъ въ концѣ всего описанія рукописей. № II—III—Толкованіе на псалтырь Максима Грека въ списокъ XVI вѣка; № IV—Евангеліе съ толкованіями Θεοφιλάта, XV—XVI в.; здѣсь отмѣчено соотношеніе между рукописнымъ текстомъ и печатнымъ (1648 г.); № V—VI—Трефолой XVI—XVII в.; № VII—Служебная миная за январь XVI в.; № VIII—Триодъ XVI в.—всѣ описаны подробно съ указаніемъ даже мелкихъ отличій въ службахъ отъ нынѣшняго порядка; № IX—X—два Синодика-помянника, одинъ XVII, другой XVIII в. въ древнѣйшей части: тщательно извлеченъ въ описаніи историческій матеріалъ, указаны роды вкладчиковъ (алфавиты этихъ родовъ и лицъ отдѣльно—приложеніе 2-е, стр. 159—178); № XI—Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ: въ описаніи отмѣчены особенности перевода и отношеніе его къ изданію 1681 г., причемъ наглядно, путемъ сравненія съ Синод.

1) Горскій и Невоструевъ, II, 3, стр. 531 (а не 881, какъ напечатано у Н. П. Попова); а «Пчела» эта — одной редакціи по чтеніямъ и составу съ изданной (см. мои «Переводные сборники . . .», М. 1904, стр. 267).

2) Оно встрѣтилось въ одной поздней сербской передѣлкѣ выборки изъ «Пчелы», но по темъ изреченіе нѣбе, нежели годилось бы въ 6-ю главу; см. Новаковичъ, Примери, изд. 2-е (1889), стр. 458.

рук. № 114 (съ поправками Симеона Полоцкаго), доказано вліяніе на переработку стараго текста латинскаго наданія и кутенскаго (1637 г.). № XII—рукопись весьма цѣнная: это—мартовская минея-четырь до-макаръевскаго состава, 1553 года: отношеніе ея къ су-прасльскаго, къ греческимъ текстамъ (подобранымъ въ статьѣ Абихта—въ Arch. f. sl. Ph. XV, XVI, XVIII) и къ макаръевскаго установлено совершенно точно, при чемъ автору описанія удалось на основаніи греческихъ текстовъ Синод. библ. исправить и дополнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ работу Абихта (напр., на 3-е, 4-е, 22-е числа); въ концѣ рукописи очень важный текстъ—синодикъ въ недѣлю православія. № XIII—Кормовая книга Новоспасскаго монастыря первой половины XVII в., № XIV—Сказаніе о нерукотворномъ образѣ—въ позднемъ (XVIII—XIX в.) спискѣ, № XV—Соборныя дѣянія 1666—1667 гг. въ спискѣ XVIII в., № XVI—копія съ объявленій о чудесахъ Иннокентія Иркутскаго (перв. четв. XIX в.), № XVII—повѣсть объ Иларіонѣ Суздальскомъ въ сп. 1806 г., и № XVIII—сборникъ XVII в.: Богословіе Іоанна Дамаскаго въ переводѣ І. Экзарха, прѣвіе Аванасія съ Аріемъ, пасхалія, астрономическія статьи, отрывки изъ Фізіолога, азбуковника, статьи грамматическаго характера (всѣ извѣстны въ изданіи И. В. Ягича: «Изслѣдованія по русскому языку»).

Вотъ составъ собранія: оно, какъ видимъ, не велико. По справкамъ, тщательно наведеннымъ авторомъ описанія, не велико было оно и въ старину, въ половинѣ XVIII вѣка, но всетаки доходило до четырехъ десятковъ; отъ нихъ осталось до нашего времени (не считая позднѣйшія поступленія) лишь 8. Произведя подробное обследованіе описи книгъ степенныхъ монастырей (сост. въ 1653 г., напеч. въ «Чтеніяхъ О. И. и Др.» 1848), Н. П. Поповъ склоненъ думать, что значительная часть и при томъ лучшая (рукописи пергаминныя, богато переплетенныя) сдѣлалась жертвой хищеній, можетъ быть, даже ученыхъ хищеній. Можетъ быть, нѣкоторымъ дополненіемъ къ предположеніямъ Н. П. Попова можетъ послужить еще соображеніе, имъ не приводимое: опись книгамъ, составленная по указу Никона въ началѣ 1653 года, имѣла цѣлю не только привести въ извѣстность рукописный матеріалъ монастырей, но и воспользоваться этимъ матеріаломъ: книги, какія понадобились, могли быть вытребованы и не возвращены, а остаться въ патриаршей библіотекѣ или библіотекѣ печатнаго двора, или справной палаты. Это, помимо приведеннаго Н. П. Поповымъ, можетъ уяснить постепенное умаленіе собранія Новоспасскаго монастыря.

Обращаюсь, наконецъ, къ упомянутому экскурсу о толковой псалтири № 1. Присматриваясь къ характеру (полемическому) толкованій, сопровождающихъ псалмы, изслѣдователь находитъ въ однихъ изъ нихъ прежде всего антиюдаистическую тенденцію, имѣющую въ виду ересь жидовствующихъ; въ другихъ вскрывается полемика противъ антитринитаріевъ-социніанъ. Въ связи съ этимъ объясняется и составъ толкованій: это—древняя по переводу Θεодоритова псалтирь, осложненная (въ интересахъ перваго сорта тенденціи) древней же, такъ называемой Аѳинасіевской, а затѣмъ дѣлымъ рядомъ толкованій, подобранныхъ (въ интересахъ тенденціи втораго сорта) изъ разнообразныхъ источниковъ, среди коихъ видное мѣсто занимаютъ сочиненія Максима Грека, труды, возникшіе при его участіи (напр., слова Златоуста и Василія въ томъ переводѣ, какой читается въ Синод. рук. 238), наконецъ, переводъ «Новаго Маргарита», сдѣланный кн. Андреемъ Курбскимъ. Соображенія относительно содержанія толкованій въ связи съ исторіей религиозныхъ движеній въ югозападной Руси XVI в. съ одной стороны, сопоставленіе литературныхъ взглядовъ и приемовъ кн. Курбскаго съ содержаніемъ и стилистическими приемами толкованій въ псалтири съ другой приводятъ автора къ выводу, что Новоспасская псалтирь писана на югѣ Россіи—за рубежомъ,—составлена самимъ княземъ Курбскимъ и его сотрудниками, а киноарныя замѣтки (которыя покрыты поля рукописи) самого Курбскаго (стр. 143)¹⁾. Возможно, по изслѣдованію автора, опредѣлить и время составленія псалтири: это—60-е годы XVI ст. (150 стр.). Наконецъ, чтобы возможно полнѣе освѣтить важный фактъ—открытіе новаго труда кн. А. Курбскаго,—Н. П. Поповъ задается вопросомъ: для какого общественнаго круга назначался трудъ Курбскаго? Такимъ кругомъ авторъ склоненъ счесть братство южно-русское, въ частности братство Слуцкое, имѣвшее свою школу и типографію, игравшее видную роль въ защитѣ православія, кромѣ того, извѣстное по дѣятельности старца Артемія, этого стараго друга и учителя А. Курбскаго (153 стр.), съ чѣмъ согласенъ и учебно-полемиическій тонъ, присушій нашей псалтири, особенно въ ея началѣ.

Таковы выводы автора: они подкупаютъ своей новизной; обстоятельность, стройность и наглядность всей его діэгезы оставляютъ въ читателѣ вполне удовлетворительное впечатлѣніе: всѣ мелочи, оригинальныя черты такъ хорошо укладываются въ картину лито-

1) Хотя признать ихъ автографомъ Курбскаго и нѣтъ основаній.

ратурнаго и общественнаго настроеній югозападной Руси XVI ст. ¹⁾ и ея дѣятеля— Андрея Курбскаго. Исслѣдованіемъ этой псалтири въ Новоспасской рукописи опредѣляется значеніе и рукоп. Арх. Мин. Ин. дѣлъ № 286, содержащей тотъ же текстъ, но только съ большимъ количествомъ приписокъ на поляхъ: лишнее противъ Спасской рукописи— дальнѣйшія замѣтки того же Курбскаго, постепенно заносившіяся имъ въ рукопись (стр. 151).

Сводя вмѣстѣ все сказанное о трудѣ Н. П. Попова, нельзя не признать его цѣннымъ не только въ смыслѣ библиографическаго пособия для исслѣдователей древней нашей письменности, но и научнаго вклада вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы авторъ описанія Новоспасскихъ рукописей, освободившись отъ нѣкоторыхъ недочетовъ, мною указанных ²⁾, взялся за другой трудъ, давно уже стоящій на очереди: это—окончаніе описанія собственно-синодальныхъ рукописей, оборвавшася за смертью Горскаго и Невоструева: часть рукописей еще вовсе не описана, а все собраніе не имѣетъ указателя (указатель архим. Саввы и кратокъ и устарѣлъ); нѣтъ даже указателя къ труду Горскаго и Невоструева. Ожидать этого мы въ правѣ прежде всего отъ завѣдующаго синодальной библіотекой, а настоящее описаніе Новоспасскихъ рукописей ручается за то, что трудъ этотъ будетъ выполненъ отчетливо и научно.

М. Сперанскій.

---

1) Можно только пожалѣть, что сравнительно слабо разработанной вышла та часть разсужденій автора, гдѣ ему пришлось говорить о жидовствующихъ на юго-западѣ Руси и отношеніи ихъ къ соцініанамъ, между тѣмъ какъ самый фактъ—что составитель въ основу своего труда положилъ именно анти-іудейское толкованіе псалтири, при томъ осложнилъ его такимъ же анти-іудейскимъ инымъ толкованіемъ—такой фактъ долженъ былъ обратить особое вниманіе на себя исслѣдователя.

2) Сюда можно, пожалуй, прибавить довольно большое количество, иногда довольно досадныхъ опечатокъ, особенно въ славянскихъ текстахъ (часто, напр., еѣ вм. еѣ ѣѣ), неудачное, во всякомъ случаѣ излишнее въ описаніи рукописей, стремленіе сохранить рукописное раздѣленіе словъ въ цитатахъ. Можетъ быть, его соблазнилъ примѣръ В. В. Сиповскаго (срв. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., Спб. 1906, стр. LXIV)?

Евсѣевъ, И. Е. Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. Вып. I, 8^о, VII—172 стр. Орель 1905. Цѣна 1 р.

Въ настоящій выпускъ вошло описаніе рукописей и документовъ архивнаго характера изъ двухъ собраній: мѣстной, орловской, духовной семинаріи (108 №№) и церковно-археологическаго музея въ Орлѣ же (98 №№). Какъ всѣ сравнительно недавно возникшія собранія ¹⁾, оба собранія носятъ характеръ случайный по составу сгруппированнаго въ нихъ рукописнаго матеріала, а потому и отличаются большой пестротой и разнообразіемъ содержанія. По той же самой причинѣ, какъ въ семинарскомъ, такъ и музейскомъ собраніяхъ преобладаютъ рукописи поздняго и даже довольно поздняго времени: изъ числа 206 рукописей этихъ собраній на долю XV—XVII вв. приходится лишь около 40, изъ коихъ лишь двѣ (евангеліе сем. собр. № 1 и Миней служебная № 14 муз.) относятся къ XV в. ²⁾, восемь (№ 2, 3, 10, 11, 45 сем. и 1, 15, 16 муз.)—къ XVI, пять (№ 4, 13, 62, 65 сем. и 23 муз.) къ XVI—XVII-му, остальные (включая сюда и 17 грамотъ) къ XVII-му вѣку. Такимъ образомъ около 160 рукописей, исключая указанныхъ, относятся къ XVIII и XIX вѣкамъ.

Но это сравнительно позднее время, къ которому относятся рукописи описанныхъ собраній, не лишаетъ ихъ научнаго интереса: этотъ интересъ, по вѣрному замѣчанію составителя описанія, прежде всего *мѣстный*, въ силу чего мы можемъ довольно ясно представить себѣ мѣстные литературные и книжные интересы молодого въ исторіи Орловскаго края ³⁾; а затѣмъ, собранія не лишены и общенаучнаго значенія. Въ первомъ отношеніи собранія даютъ достаточно: здѣсь мы находимъ вѣсколько синодиковъ мѣстнаго происхожденія, начиная съ конца XVII вѣка (№ 32—37 сем., 20, 21 муз.), писцовую книгу Брянскаго уѣзда (№ 93 сем.), статистическое и историческое описаніе Орла и его уѣзда (№ 31 муз.), цѣлый рядъ

1) Семинарское образовалось лишь въ 1898 г., а музейское въ 1900 году.

2) И то первая изъ названныхъ рукописей въ предисловіи (стр. IV) отмечена уже къ XV—XVI в.

3) Начало письменности, т. е. участія мѣстныхъ орловцевъ въ общерусскомъ литературномъ движеніи, И. Е. Евсѣевъ относитъ къ концу XVII в.

учебниковъ и произведеній (преимуц. стихотвореній) мѣстныхъ семинарій и т. д. Въ томъ же отношеніи не лишены значенія и рукописи старообрядческія и раскольничьи (№ 53—59 и др.), какъ связанныя съ исторіей мѣстнаго раскола и сектантства; въ этомъ же отношеніи не безынтересны и многія семинарскія рукописи, попавшія въ собраніе путемъ конфискаціи ихъ у раскольниковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ печати судебныхъ властей на самихъ рукописяхъ¹⁾; не лишены для мѣстной исторіи № 6—8 сем. собр., содержащія учебники переяславской (южной) семинаріи, какъ показатели вліянія южнаго на просвѣщеніе орловскаго края и т. д. Богѣ широкое значеніе, для изученія старинной русской литературы, имѣютъ въ орловскихъ собраніяхъ довольно многія рукописи; такъ, тамъ находимъ нѣсколько оригинальныхъ памятниковъ, каковы: сочиненія Нила Сорскаго (№ 62 сем.), посланія Федора Карпова (№ 77), путешествіе Трифона Коробейникова (№ 65, списокъ XVI—XVII в.), сборникъ кантовъ (№ 30 муз.); изъ переводныхъ: апокрифы (Меодій Патарскій 63, Откровеніе Исаи 65, 76, Хожденіе Богородицы по мукамъ 65, 72, мученіе Никиты, 12 пятницъ 76 и т. д.), сборники фаяцѣй (79 сем., 28 муз.), житіе Езопъ (27 муз.), Петръ—Золотые ключи (81), Брунцвикъ (53), выписки изъ Зеркала (70, 76) и др.; есть кое-что и по житійной литературѣ: Прологъ (46), Макарій желтоводскій и др.; наконецъ, есть хорошій списокъ Златоустника (23 муз.), нѣсколько интересныхъ сборниковъ (напр. XVI—XVII в., такъ называемый «Кромскій» № 65, затѣмъ 72, 76).

Что касается самого описанія рукописей, то оно выполнено по обыкновенному плану краткихъ справочныхъ каталоговъ, давая точное описаніе внѣшней стороны рукописи и точное ея содержаніе съ перечисленіемъ, гдѣ слѣдуетъ (напр. въ сборникахъ), всѣхъ статей, входящихъ въ составъ той или другой рукописи, при чемъ даются, гдѣ необходимо, и свѣдѣнія объ особенностяхъ языка рукописи (преимущественно при описаніи старѣйшихъ текстовъ). Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить нѣсколько недостатковъ и неточностей. Такъ, рук. № 1 сем. собр. (служебное Евангеліе) опредѣлено устарѣвшимъ терминомъ «юсовой»; подъ этимъ названіемъ, введеннымъ покойнымъ И. И. Срезневскимъ, подразумѣвается обычно языкъ и правописаніе болгарское; такъ, повидимому, принимаетъ это обозначеніе и И. Е. Евсѣевъ, приводя выписку текста (въ словахъ: горѣ высжжж, галилеа(ж); но дальнѣйшая выписка

1) Такихъ рукописей мною насчитано около 20 штукъ.

изъ начала евангелія Луки какъ будто бы не позволяетъ видѣть въ № 1 обычнаго среднеболгарскаго типа: лѣка, антиохянннѣ, начаша — подѣ этотъ типъ языка не подходятъ. Счестъ же его «юсовымъ» въ смыслѣ русскомъ, т. е. лишь подражающимъ болгарскому, также неудобно: этому противорѣчатъ указанныя формы — высѣжж и галилеа. Во всякомъ случаѣ желательно было бы болѣе точности въ опредѣленіи языка текста. Въ толковомъ Евангеліи № 3 сем. не достааетъ опредѣленія языка; судя по приведенной выпискѣ, его надо признать русскимъ и, можетъ быть, даже южно-русскимъ. Но за то въ № 4 (четвероевангеліе) опредѣленіе совершенно отсутствуетъ: нѣтъ даже образчика языка.

Приводя содержаніе рукописей, авторъ описанія кое-гдѣ дѣлаетъ ссылки на литературу и изслѣдованія, но ссылки эти носятъ характеръ случайный; въ этомъ отношеніи желательно было бы больше послѣдовательности; напр., если въ любопытномъ сборникѣ № 76 сем. находимъ довольно точное указаніе на соотвѣтствіе текста объ Аггѣѣ съ текстомъ, изданнымъ А. Н. Веселовскимъ, и текста Никитина мученія съ изданіемъ А. Н. Пыпина, то мы въ правѣ ожидать подобныхъ же указаній при сказаніи о чудѣ Георгія о змѣи, или Николы о Дмитріи, или 12 пятницахъ, изъ того же сборника, не говоря уже о такихъ рукописяхъ, какъ житіе Макарія желтоводскаго (№ 46 сем.), гдѣ мы ожидали бы болѣе подробнаго указанія на существующую агиологическую литературу (напр. Ключевскаго или Барсукова) и т. д. ¹⁾

Самое описаніе разбито составителемъ на довольно большое число отдѣловъ, именно; цѣлыхъ десять; тоже дробленіе, если и помогаетъ отчасти ориентироваться въ описаніи, съ другой стороны едва-ли, какъ извѣстно по ряду другихъ описаній подобныхъ сбораній, вполне достигаетъ своей цѣли и безусловной точности въ виду смѣшаннаго характера содержанія многихъ рукописей: куда, напр., отнести синодикъ № 32 сем.? Съ одинаковымъ правомъ его можно относить и къ «богослужебнымъ книгамъ» (какъ сдѣлаво И. Е. Евсѣевымъ), и къ «исторіи», ибо главное его значеніе и содержаніе — перечни родовъ, въ него занесенныхъ. Подѣ «Богословскія системы» отнесены сочиненія еп. Іереміи Нижегородскаго (№ 44 сем.), въ числѣ коихъ находимъ не только богословскій сю-

---

1) Въ тоже время, по недосмотру составителя, при описаніи № 19 муз. оказалось ненужное повтореніе.

варь, но и «Келейное путешествіе въ Іерусалимъ», и поученія на дни св. четыредесятницы, которымъ мѣсто въ отдѣлѣ «Поученій, житій и сказаній». А сборники (ихъ довольно много въ собраніяхъ орловскихъ) еще труднѣе поддаются подобной классификаціи. Можетъ быть, предпочтительнѣе былъ бы иной порядокъ, напр., «востокоскій» — алфавитный, который, не говоря уже о внѣшнемъ удобствѣ, отчасти группируетъ рукописи и по содержанию.

Указанные недочеты, спѣшу оговориться, отнюдь не лишаютъ труда И. Е. Евсеѣва достоинствъ неотъемлемыхъ, дѣлающихъ описаніе полезнымъ и даже необходимымъ пособіемъ для изслѣдователя: точность, полнота въ выясненіи матеріала остаются достоинствомъ описанія въ общемъ.

Не малый интересъ представляютъ приложенія къ описанію (стр. 130—172): здѣсь находимъ любопытные по содержанию образчики семинарской музыки XVIII столѣтія, малорусскую поздравительную пѣсню и др.

При той пестротѣ, которую, какъ видимъ, представляютъ по составу оба описанныя орловскія собранія, особенно желателенъ былъ бы возможно подробный алфавитный указатель, который бы облегчилъ трудъ оріентировки въ собранномъ матеріалѣ. Надо надѣяться, что такой указатель мы найдемъ при второмъ выпускѣ описанія орловскихъ собраній вмѣстѣ съ указателемъ къ первому¹⁾.

М. Сперанскій.

1) Въ этотъ второй выпускъ (онъ же, повидному, и послѣдній) должны войти еще три орловскихъ собранія: рукописи Свѣнскаго монастыря (до 100 №№, теперь въ орловскомъ ц. арх. музеѣ), рукописи И. В. Ливанскаго (около того же количества) и рукописи Г. Н. Воронкова (10 №№).

ПОПРАВКА.

Къ стр. 489.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у Цонева рѣчь о Колларѣ, слѣдуетъ внести поправку. Цоневъ говоритъ: «Не по-приемлива е и мисльта на чешко-славянскія поетъ Jan Kollar-a, който пѣкъ прѣдлагаше на врѣмето си общо-славянски езикъ въ видъ на смѣсъ отъ четири главни славянски езици: русски, илирски (юго-славянски), чешки и полски». На самомъ же дѣлѣ Колларъ требовалъ отъ славянина знанія четырехъ славянскихъ языковъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Die allmähliche Beseitigung fremdnationaler Wörter und Formen, Annahme echter und reinslawischer und dadurch bedingte Annäherung zum Ideale einer allslavischen Sprache, d. i. einer Sprache, die jeder Slave von welchem immer Stamme, leicht verstehe.* Если Цоневъ имѣлъ въ виду это мѣсто, то во всякомъ случаѣ и оно не даетъ основанія такъ понимать предложеніе Коллара. Кстати прибавимъ еще, что рецензируемая статья есть оттискъ изъ юбилейнаго сборника Слав. Бесѣды 1880—1905.

П. Лавровъ.

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

Поправки къ ст. Г. З. Кунцевича: „Ябеда“, комедія
В. В. Капниста.

<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>	
стр. 207,	строка 15 снизу:	с. 62	с. 253.
» 215,	» 1 »	стр. 27; 32	стр. 217; 222.
» 217,	» 1 »	» 55	» 245.
» 222,	» 5 »	» 16	» 206.
» 224,	» 1 »	» 52 — 53.	» 242 — 243.
» 226,	» 9 »	» 37	» 227.
» 236,	» 7 »	» 47	» 237.
» 238,	» 7 »	» 51	» 241.
» 238,	» 4 »	» 49	» 239.
» 239,	» 3 »	» 48	» 238.
» 241,	» 1 »	» 50	» 240.
» 243,	» 7 »	» 43 — 45.	» 233 — 235.
» 243,	» 6 »	» 34	» 224.
» 243,	» 5 »	» 48	» 238.
» 243,	» 2 »	» 47	» 237.
» 243,	» 1 »	» 39	» 229.
» 244,	» 7 »	» 19	» 209.
» 252,	» 14 »	» 16	» 206.

Цена этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

ПОПРАВКА.

Къ стр. 489.

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1906 г.

ТОМА XI-го КНИЖКА 4-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

М. М. Глазунова и Н. Л. Риннера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Нарбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглобина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; М. В. Ключинна въ Москвѣ; Е. П. Располова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Цейцигѣ; Лозакъ и Номп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цена этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Содержаніе IV-й книжки.

	СТРАИ.
I. В. И. Чернышевъ. — Изъ исторіи русскаго правописанія. I—VI.	1— 48
II. Н. К. Писановъ. — Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ.	49— 78
III. В. И. Срезневскій. — Сказаніе о молодцѣ и о дѣввицѣ по сп. XVII в. библіотеки Академіи Наукъ.	79— 90
IV. Н. Ѳ. Радченко. — Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной Библіотеки.	91—108
V. В. Н. Добровольскій. — Культъ зернового хлѣба въ повѣрьяхъ крестьянъ Рязанской губерніи.	109—128
VI. А. И. Соболевскій. — Изъ области древней церковно-славянскаго проповѣди. XIV—XVI.	129—143
VII. Г. А. Мильнскій. — Patronymica на ово въ русскомъ языкѣ.	144—156
VIII. Н. К. Грунскій. — Охридское Евангеліе.	157—164
IX. В. И. Рѣзановъ. — Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. I.	165—244
X. С. М. Кульбакинъ. — Замѣтки о славянскомъ количествѣ и удареніи. (Посвящается Владимиру Ивановичу Ламанскому по поводу 50-лѣтія его научно-литературной дѣятельности).	245—317
XI. Е. В. Бобровъ. — Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій.	318—371
<p style="margin-left: 2em;">I. Сатира И. С. Баркова на Самохвала (с. 318). II. Г. П. Каменевъ и В. А. Жуковскій (с. 320). III. Предсмертное стихотвореніе Г. П. Каменева (с. 335). IV. Полемика Н. М. Шатрова съ И. И. Дмитріевымъ (с. 340). V. Пародія С. Н. Марина на оду Ломоносова (с. 342). VI. Вражда къ Наполеону (с. 353). VII. Пѣсня Н. М. Ибрагимова (с. 355). VIII. Барокъ А. А. Дельвигъ о Н. А. Полевомъ (с. 357). IX. А. В. Тимоеевъ и С. П. Шевыревъ (с. 362). X. И. А. Гончаровъ и его зоицы (с. 369).</p>	
XII. А. И. Яцмирскій. — «Черная шаль» А. С. Пушкина и румынская пѣсня.	372—378
XIII. В. В. Каллашъ. — «Записки путешествія въ Сибирь» А. Н. Радищева.	379—399
<p>XIV. Библіографія:</p>	
1) А. И. Соболевскій. — Dr Jan Leciejewski. Runy i runiczne pomniki słowianskie. Lwów, 1906.	400—401

[Продолженіе см. на 3-ей страницѣ обложки].

Изъ исторіи русскаго правописанія.

Характеръ русскаго правописанія. Правописаніе первой напечатанной въ Россіи книги: «Апостола» 7071—72 года, «Уложенія» Алексѣя Михайловича и «Вѣдомостей» Петровскаго времени. Какъ писали установители нашей орфографіи: Ломоносовъ и Карамзинъ. Правописаніе Пушкина по печатнымъ текстамъ его сочиненій, изданныхъ при его жизни. Заключение.

I.

Русское правописаніе основано на двухъ различныхъ началахъ: церковно-славянской книжности и русской живой рѣчи. Благодаря церковнымъ книгамъ, мы сохранили буквы ѣ, з, ъ, окончанія прилагательныхъ *ый, ій, аю, яю*, форму *ея* для родительнаго падежа женскаго рода мѣстоименія *она* и нѣкоторыя другія. Живая русская рѣчь отразилась, напр., на тѣхъ же окончаніяхъ подъ удареніемъ, гдѣ мы пишемъ уже не по церковной графикѣ, но по современному произношенію: *слѣпой, такой, глухою* и подобныя.

Въ современномъ письмѣ есть и такія начертанія, которыя основаны на произвольныхъ правилахъ, составленныхъ старыми грамматистами. Это, напр., различіе въ употребленіи буквъ *і* и *и* и окончаній *ые, ыя*, формъ *онъ* и *они*, *однѣ* и *одни*.

Наконецъ, современное письмо рядомъ съ приведенными написаніями строго сохраняетъ, какъ обязательныя, и тѣ неправильныя, которыя введены составителями прежнихъ грамматикъ по принадлежащей имъ лично ошибкѣ, какъ напр., *e* въ *мелкій*, *нестъ* и другихъ словахъ, или *ъ* въ *сѣдло*, *цѣль*.

Нѣкоторыя черты нашего правописанія установились очень давно. Самая главная: сохраненіе традиціонныхъ книжныхъ написаній имѣеть за собою давность въ нѣсколько столѣтій. Изъ исторіи русскаго языка извѣстно, что въ московской области въ живомъ говорѣ установилось аканье уже въ XIV, XV вѣкахъ, но памятники, писанные въ этой области, обыкновенно держатся правописанія стараго, безъ *a* на мѣстѣ *o*, и выдаютъ особенность своего говора только въ немногихъ сравнительно случаяхъ. Другіе случаи русскаго правописанія установлены очень недавно и еще не приняты всѣми. Такъ окончаніе *ою* подъ удареніемъ установлено, можно сказать, на нашихъ глазахъ академикомъ Я. К. Гротомъ, который и самъ первоначально держался стараго правописанія: *ою* во всѣхъ случаяхъ.

Для исторіи правописанія является чрезвычайно важнымъ изслѣдованіе текста печатныхъ книгъ отъ перваго ихъ появленія до настоящаго времени. Такая полная исторія русскаго правописанія, несмотря на прекрасное начало, положенное трудами покойнаго Я. К. Грота, никѣмъ еще не составлена, но пересмотръ нѣсколькихъ болѣе замѣчательныхъ книгъ даетъ достаточно матеріала для заключеній о томъ: 1) каковъ былъ характеръ стараго русскаго правописанія, 2) въ какомъ направленіи оно развивалось, 3) какова была роль замѣчательныхъ писателей въ установленіи его, 4) кто былъ его законодателемъ.

Изъ подобныхъ наблюденій мы легко убѣдимся, что въ послѣдовательномъ развитіи русской орфографіи перевѣсъ оказался во многихъ случаяхъ на сторонѣ книжныхъ церковно-славянскихъ формъ, несмотря на то, что лучшіе писатели, до XIX вѣка включительно, болѣе или менѣе свободно допускали въ своемъ

письмѣ формы живой русской рѣчи. Приведемъ и рассмотримъ относящіяся сюда факты ¹⁾).

I — II.

Первопечатный русскій Апостолъ 7071—7072 года является уже довольно исправнымъ по орфографіи, которая имѣетъ въ немъ вообще славянскій характеръ, но съ русскими примѣсами въ письмѣ и языкѣ. Въ качествѣ послѣднихъ можно указать: прежде 4 ²⁾, сужу 12 об., ражаетъ 56 об. и т. п.

Много отличій отъ современнаго письма только въ пунктуаци.

Вотъ главныя особенности правописанія этого Апостола:

1) Въ немъ не обозначаются большими буквами собственныя имена;

2) часто пропускается *з* въ предлогахъ: снимъ 3 об., кварнавѣ 4 и мн. др. т. п.; зато видимъ иногда *з* въ префиксахъ: взетани 7;

3) буква *ъ* употребляется довольно правильно, но встрѣчаются и ошибки: зело (заключеніе), белѣ 3 об., исцелѣвшему 7, премененіе 56 об., втемницы 1; особенно часто въ числѣ ошибокъ видимъ *е* въ предложномъ падежѣ: мѣсте (заключеніе), приархіепископе афанасіе (тамъ же), митрополите (тамъ же), о вѣре 7 об.;

4) буквы *і* десятиричное и *и* восьмеричное не всегда ставятся согласно съ принятымъ теперь правиломъ: первая встрѣчается

---

1) При этомъ мы не имѣемъ въ виду строго отличать факты правописанія отъ связанныхъ съ ними другихъ фактовъ языка. Кромѣ желанія отмѣтить побольше мало извѣстныхъ данныхъ, оправданіемъ для этого могутъ быть практическія задачи письма, а также и нѣкоторыя трудности дѣла.

2) Въ выпискахъ я не передаю титла тамъ, гдѣ оно встрѣчается.

передъ согласными, вторая — передъ гласными буквами и въ словѣ *міръ* въ значеніи «вселенная» (мира 57);

5) послѣ ч пишется иногда ю: чюдеса 1, чюда 7;

6) въ именахъ мужскаго рода послѣ ч пишется ъ: василіевичь (заключеніе), плачь 15 об.;

7) предложный падежъ именъ на *іе* видимъ съ окончаніемъ *іи*: соединеніи и общеніи 2, оприложеніи 2, о запрещеніи 2 об.;

8) родительный падежъ прилагательныхъ мужскаго рода при обыкновенномъ славянскомъ окончаніи *аю* имѣеть и русское *ою* (*ею*): всякого 1, гостуньскаго (заключеніе), единого 4, единого 4 об., инбго 8 об., наносящего 57;

9) префиксы, оканчивающіеся на з, часто пишутся по произношенію: испѣлѣвшемъ 4, бесчыннїи 4, востанїе 2 об., истемницы 3 об., 4, исподѣ 4 об., исполнени 5, восхожаста 6 об., бесчестїе 11 об.; встрѣчаются формы и съ з: изшедшу 1 об. и подобн.;

10) буква ъ для обозначенія мягкаго л иногда не ставится: начѣлника 14, даже: хульны 12;

11) какъ современный языкъ въ живомъ произношеніи безразлично употребляетъ форму *еѣ* для родительнаго и винительнаго падежей, такъ тогдашнїй письменный языкъ употребляетъ форму *ея* безъ различїя падежей: землю, ея же аще ти покажу 12 об.

«Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» въ первомъ изданїи (1645 года) во множествѣ случаевъ примѣшиваетъ къ книжнымъ церковнославянскимъ написанїямъ русскїя. Уже на первыхъ листахъ «Уложенїя» находится рядъ подобныхъ примѣровъ. Такъ буква *ь*, не отличаемая въ тогдашнемъ произношенїи Москвы, хотя и сохраняется по традиціи — иногда даже лучше, чѣмъ въ современномъ письмѣ (нѣчего 11, нѣчемъ 18, 19 об., 21 и др., нѣкому 17 об.) — очень часто замѣняется *е*: стрелять 2 об., мешати 3 об., ценою 4, стрелець 4 об., разбегутся 5 об., отвечати 7 об., стенѣ 22, после 1 об., въ роздѣле 1 об., вызмѣне 2, и др. Писцы и печатники «Уложенїя» такъ мало при-

даютъ значенія буквѣ *ь*, что у нихъ нерѣдко съ «естемъ» стоитъ слово, которое рядомъ имѣеть правильно «ять» (лѣсу 5, лесѣ 5 и подобн.).

Согласныя буквы предлоговъ и префиксовъ часто изображаются по произношенію, а не по этимологiи (глухой + глухой, звучный + звучный): обесчестить 1, 2 об., бесчiнства 2 об., беспрѣзжихъ 3 об.; искоторого гѣрода и исполковъ 2 об., беспомѣсной и безвѣтчинной инозѣмецъ 14, збирать 1 об., здасть 1 об., здѣлаеть 3, здѣланы 3, збѣгутъ 4, збоу збѣжитъ 5, зыгосударевы службы 5 об. и т. п.

Такое письмо по произношенію проникаеть отчасти и въ средину словъ: блiско 22, нискиѣ 22.

Нашъ ореографическiй префиксъ *раз* обыкновенно имѣеть въ «Уложеніи» русскую форму *роз*: въ роздѣле 1 об., порозбору 4, роспускаѣи 4 об., розбегутъ 5 об. и т. п.

Передъ гласной въ префиксахъ часто пишеться фонетическое *ь* вмѣсто этимологическаго *з*: объявятъ 3, 3 об., съѣхатъ 13, съѣдетъ 13, съѣдутъ 13 об., объявятъ 17 об. Такое правописаніе встрѣчаемъ даже въ предлогѣ: съихъ людѣй 6.

Послѣ шипящихъ *ц* въ слогахъ ударяемыхъ пишеться то традиціонное *е*, то фонетическое *о*: чужею, стрѣлцовъ и подобн.

Есть и другія уступки произношенію, которыя иногда идутъ очень далеко: старцовъ 9 об., Чюдова 9 об., чюжіѣ 19, порутчикъ 17 (= кто поручаетъ), вызимѣне 2.

Прилагательныя мужескаго рода въ именительномъ и родительномъ падежахъ множественнаго числа обыкновенно являются съ русскими окончаніями: *ой, ей, ою, ею* подъ удареніемъ и безъ него: котѣрой измѣнникъ 2, дѣточной человѣкъ 4 об., сѣтвенной голова 4 об., служилѣй человѣкъ 5, ичоческой чияъ 9, околнiчей 7 об., 9, подьячей 8, стрѣпчей 9, 11, трѣтей день 17, иной какѣй злой умыслъ 2, царьскаго 1 об., 2 об., 3, котѣрого 2 об., московскаго 3 об., 4, какаго 2 об. (нерѣдко встрѣчаются и формы на *аю*), подьячѣго 8, Изнижнего 9 об. и мн. др. т. п.

Именительный падежъ прилагательныхъ множественнаго числа чаще всего имѣетъ окончаніе *ые*, независимо отъ рода. Встрѣчается и окончаніе *ыя*, но тоже въ разныхъ родахъ. Поэтому, несогласно съ нынѣшнимъ, находимъ: вынѣе государства 3 об., людскія и конскія кормы 4, новые дороги 7, судные дѣла 8, какія убытки 18 об., и т. п.

Книжная мѣстоименная форма *ея* очевидно употреблялась безразлично для родительнаго и винительнаго падежа. Такъ, находимъ ее вмѣсто винительнаго въ слѣдующемъ примѣрѣ: Будеть кто похочеть чужую землю, завладѣть и посѣть ея хлѣбомъ 18 об.¹⁾

Въ изданіи 1779 года²⁾ тоже «Уложеніе» характеризуется обиліемъ чисто русскихъ написаній и формъ (хотя большинство

1) Позднѣе такъ находимъ у Фонвизина: взялъ *ея*, на *ея* взойти (См. «Словарь» къ Фонвизину Петрова, слово «онъ»). Отмѣтимъ еще нѣсколько своеобразныхъ особенностей въ правописаніи «Уложенія». Мягкое *л* передъ согласной не обозначается: стрѣльцовъ и т. п. *Не съ глаголомъ* часто пишется вмѣстѣ. Впрочемъ, вообще правописаніе предлоговъ и префиксовъ слитно или отдѣльно отличается непоследовательностью.

Ти въ неопредѣленномъ склоненіи здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, ореографическое.

Любопытно, что необозначеніе мягкости *л* является здѣсь слѣдованіемъ очень старой ореографической традиціи. Академикъ А. И. Соболевскій указываетъ, что писецъ «Чудовскаго списка» Новаго Завѣта, соблюдавшій правила грамматики и последовательный въ ореографіи, очень рѣдко ставилъ *е* между согласными: болши, колия, болна, горко и т. п. в. (Южно-славянское вліяніе на русскую письменность, стр. 25).

Разстановка знаковъ препинанія имѣетъ мало общаго съ современной. Любопытна запятая между подлежащимъ и сказуемымъ, какъ знакъ остановки въ прозвищеніи: которые денежныя мастера, учнутъ дѣлать воровски мѣдныя, или оловяныя или укладныя денги 3.

Подобная пунктуация держалась до XVIII вѣка. Примѣры можемъ указать въ «Путешествіи» Радищева по изданію 1905 года (Сильванскаго и Щеголева): «Ибо горячность родителя, ускоряла во младшемъ разверженіе ума, а любовь братни, умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ» (90); «Мать ваша, равнаго со мною была мѣтнія» (93); «Сколько вкусенъ намъ казался тогда, хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской» (96) и др.

2) Это изданіе, вышедшее въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ появленія грамматики Ломоносова, могло бы быть согласовано съ ореографіей, которая ей устанавливается, но этого не замѣчается.

начертаній и принадлежитъ славянскому языку). Такъ, въ немъ часто видимъ русскую форму префикса *роз*, *рос*: росправа 30 (цифра означаетъ страницу по изданію 1779 года), роспрашивати 32, (ср. рознымъ 52) и др.; буквы *з* и *с* въ предлогахъ и префиксахъ пишутся очень часто по произношенію: бесчестье 32, 34, обесчестить 39, бескабальныхъ 53, ись тѣхъ 48, зъ головы 33, здѣлать 34, здѣлку 47, збѣжить 54 и подобн., такъ что правописаніе «Уложенія» въ данномъ случаѣ нужно признать болѣе рациональнымъ, чѣмъ непоследовательныя современныя правила объ употребленіи буквы *с* въ извѣстныхъ префиксахъ;

по произношенію же пишется и *ь* вмѣсто этимологическаго *з* въ такихъ случаяхъ, какъ: съѣхать, съѣдетъ 56 (при обыкновенномъ графическомъ *з*),

также: иноземцовъ 31, исцу 31, сыскивати 32, доведетца 37, субботы 38, трицать 41, пятнадцати 41, поручики 56, итти 54, Чюдова монастыря 40;

сюда же, можетъ быть, нужно отнести сравнительную степень на ши, которая здѣсь является нерѣдко: меньши 35, и др.;

окончанія именительнаго падежа единственнаго числа *ой* и *ей* безъ ударенія являются во множествѣ случаевъ:

которой судья 31, третьей день 56, Окольниковъ, или Думной человекъ 31, 37, 39, подьячей 33, 34, Стряпчей 39, и мн. др.;

родительный падежъ часто оканчивается на *ою*, *ею*, *ово*, *ова*:

Московского 30, которого 34, поклепного иску 35, судного 36, виноватого 52 (рядомъ случаи съ *аю*), Окольниковъ 32, 34, подьячего 33, 34, лишнего 35, большово собору 47, нѣково 54, больново 54, доброво 54, какова 34, 38, 40, 49, 50, 51 и др., такова 53 и тому подоб.;

родительный единственнаго числа женскаго рода мѣстоименій и прилагательныхъ имѣетъ тоже нерѣдко чисто русскую форму: отъ тое раны 53, тое указные недѣли 55;

именительный множественнаго обыкновенно видимъ на *ые* безъ различія рода, и т. п.

Даже въ книгахъ съ церковнымъ языкомъ и правописаніемъ, какъ «Духовный Регламентъ», мы изрѣдка встрѣтимъ русскія формы письма и языка. Такъ, въ немъ находимъ: розыскать 23 (цифры обозначаютъ страницу по изданію 1820 года), розыскивать 23, расходовъ 36, расходахъ 36, салдать 55, канторѣ 63, Руское 59, пловуть 60, префиксъ *вос* и подобные передъ глухими; формы: въ церкви 26, 40, другой годъ 59, иного 30, такого 41 и тому подобныя, которыя объясняются вліяніемъ живого русскаго языка.

Въ «Вѣдомостяхъ времени Петра Великаго» правописаніе не слишкомъ далеко отъ современнаго¹⁾. Но какъ въ ихъ искусственный церковнославянскій языкъ врываются формы языка живого, такъ и ихъ славянское правописаніе имѣетъ достаточную примѣсь русскихъ формъ. Такъ именительный падежъ прилагательныхъ мужескаго рода весьма часто оканчивается на *ой*, *ей* безъ ударенія: литовской польной гетманъ 4, пушечной снарядъ 4, аглинской вице адмиралъ 6, всякой мѣсяць 7, ны-

---

1) Правописаніе этихъ «Вѣдомостей» церковнославянское, книжное и вообще довольно послѣдовательное. Буква *ѣ* употребляется сходно съ современнымъ, иногда болѣе правильно (нѣчего 4, мѣль 5, корѣлы и подобн.), иногда своеобразно (напр., въ словахъ иностранныхъ: гольстѣйскую 9, картѣта и др.). Случайность написаній вродѣ: въ обозе 4, рекѣ 5 видна изъ другихъ послѣдовательно правильныхъ написаній. Въ числѣ другихъ особенностей обращаетъ на себя вниманіе необозначеніе мягкаго *л* передъ согласной (дѣлномъ 7, достальные и т. п.), многочисленные случаи слитнаго написанія *не* съ глаголами, крайне рѣдкое употребленіе прописныхъ буквъ, которыя ставятся обыкновенно только въ началѣ статей. Собственные имена лицъ, мѣстъ и др., не отличаются большою буквою (шемахи 3, казани 3, сибиря 3, москвѣ 3, персиды 3 и т. д.). Разстановка знаковъ препинанія (запятыхъ) имѣетъ въ своей основѣ не раздѣленіе синтаксическихъ частей, какъ у насъ, но также и остановки въ произношеніи (напримѣръ, запятая между подлежащимъ и сказуемымъ). Повидимому, примѣнялись и нѣкоторыя искусственныя правила; напримѣръ, часто видимъ запятую передъ союзомъ *и*.

Мы дѣлаемъ ссылки на орфографію этихъ «Вѣдомостей» по превосходному изданію: «Вѣдомости времени Петра Великаго. Выпускъ первый. 1703—1707 гг. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Изданіе Московской Синодальной Типографіи». М. 1903. Въ точной передачѣ орфографіи подлинника удостоверяютъ при этомъ изданіи снимки съ оригиналовъ.

нѣшней походъ 6, нынѣшней годъ 7, шведской генералъ мей-
дель при выборкѣ стоящей 281, околичей и воевода 224 и т. п.

Рядомъ съ этимъ славянское правописаніе настолько харак-
теризуетъ эти «Вѣдомости», что окончанія *ыи*, *йи* являются даже
подъ удареніемъ: полевый гетманъ 12, 18, 21, 24, осмыйъ день
26, достальнѣй 117, другій полкъ 19, такіи 401 (при: какойъ
отвѣтъ 7, другой караванъ 95) и подобн.

Тоже находимъ и въ родительномъ падежѣ: смѣшеніе рус-
скихъ формъ на *ою*, *ею* съ славянскими на *аю*, *яю*; напр.: гиш-
панского серебряного каравана 6, казацкаго 12, саксонскаго 12,
огинскаго 17, единого 18—19, крайчаго короннаго 12, стоя-
щаго 273, 276, лутчаго морскаго ходу 131, одново 12, ника-
кова (удареніе такъ!) 16, 17, 20, 24, никакова 26, такова доб-
раго желѣза 62, какова 255¹⁾, рядомъ съ городоваго 7, дру-
гаго 22, меншаго полеваго 27 и т. п.

Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа обыкно-
венно пишется окончаніе *ые*, *іе* безъ различія рода:

московскіе войска 4, войска добрые 4, зимовые становища 5,
которые крѣпостные строенія 8 и ин. др. *Бля* находимъ гораздо
рѣже и тоже не для обозначенія рода: съ 6000 человекъ кото-
рыя 20, дворы каменные 20, многіе злыя хитрости 11, погра-
ничные украинскія мѣста 5. Еще рѣже окончанія *им*: належа-
щія московскіе войска 25 (если я не сдѣлалъ недосмотра, одинъ
разъ на 25 страницахъ).

Также не различаются по родамъ формы *они* и *онѣ*. Вторая
употребляется очень рѣдко и между прочимъ вмѣсто существи-
тельнаго мужскаго рода: *онѣ* (москвичи) 10.

Единственный случай родительнаго падежа мѣстоименія она,
который мы отмѣтили, вмѣстѣ русское правописаніе: набрано
*ей*²⁾ (мѣди) многое число 17. На это правописаніе нужно обра-

1) Здѣсь, намъ казалось, вездѣ должны бы были стоять формы мѣстоименія
какой, не *какоѣ*.

2) Можетъ быть, здѣсь ѣ произносилось какъ ѣ. Сравните: въ *немъ* посадить
276, которое, впрочемъ, тоже могло произноситься съ *е*.

титъ особое вниманіе, такъ какъ рядомъ находимъ славянскія окончанія родительнаго падежа: своея артилеріи 8, сея рѣчи 10 и подобн.

Рядомъ съ сохраненіемъ традиціонной книжной славянской орфографіи видимъ много примѣровъ, гдѣ славянская традиція уступаетъ русской или живому произношенію.

Таковы многочисленные случаи съ префиксомъ *роз*: розбилъ 6, 22, розставляють 6, розглашаютъ 7, розстрѣляны 22, на розговорѣ 23, розмѣну 24, разлилась 26 и т. п.

Таковъ ѣ на мѣстѣ з въ префиксѣ *объ*: объявить 17, объявить 27, объятая.

Таково правописаніе по произношенію согласныхъ въ префиксахъ и отчасти въ корняхъ: здался 6, здати 10, о здачѣ 28, збираеть 6, згорѣли 22, збѣлогородскимъ 16, здѣланныхъ 62, зжегъ 7, изъ барабаннымъ битьемъ 8, скаскѣ 3, 4, лотками 348, исчезать 22, превосходили 247, воспріялъ 288, воспріяли 291, рядомъ съ этимологическими: изходитъ 17, разпущевными 8, сжечь 8, изперва 33 и подобн.

Не условными грамматическими правилами или орфографическими требованіями, но живымъ языкомъ опредѣляются и многія другія написанія, какъ: тысячу 3, кочюють 27; трубачъ 400, даниловичъ 397, тысячь 6 (и: тысячь 7); садитца 19, чинитца 25; дватцать 15, тритцать 18, двенадцать; лутчи 17; нещастіе 22 (и: счастье); швецкой 3; лѣсниць 20.

Орфографія церковныхъ книгъ сохраняется въ написаніяхъ, подобныхъ: жегъ, пришелъ, но и здѣсь изрѣдка встрѣчаемъ уступки произношенію: пошогъ 18.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимологическое письмо идетъ дальше нашего. Встрѣчаемъ, напр., написаніе: вѣступить 7. Вспомнимъ, какъ у насъ долго и упорно защищался з въ начертаніяхъ вродѣ: съумѣлъ, съузиль.

III.

Въ XVIII вѣкѣ главнымъ законодателемъ русскаго правописанія является Ломоносовъ. Поставивъ основаніемъ для правописанія текстъ церковныхъ книгъ, онъ сообщилъ ему церковно-славянскую окраску. Впрочемъ, и въ теоріи—въ своей грамматикѣ, и на практикѣ—въ своемъ письмѣ, онъ признавалъ права живого языка и часто ему слѣдовалъ въ своихъ написаніяхъ, неособенно стѣсняясь ихъ непослѣдовательностью; иногда же, наоборотъ, проводилъ нѣкоторыя правила письма съ такой послѣдовательностью, которая у насъ не сохранилась.

Если нынѣшнее правописаніе можно признать Ломоносовскимъ, то только по тому источнику, на которомъ оно основано: письмо церковныхъ книгъ. Во многихъ случаяхъ мы исправили, а иногда и испортили орфографію Ломоносова. Кромѣ вліянія позднѣйшихъ писателей и грамматистовъ, это отступленіе отъ его правописанія объясняется еще и тѣмъ, что Ломоносовъ не далъ кодекса орфографическихъ правилъ, которымъ онъ слѣдовалъ, и писать по его орфографіи никогда не было легкимъ дѣломъ: эту орфографію нужно опредѣлять изъ напечатанныхъ имъ текстовъ его сочиненій.

Вотъ нѣсколько образцовъ правописанія Ломоносова изъ «Россійской Грамматики», Спб. 1755 года, «Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ... Книга первая. М. 1757 г., Книга вторая... Второе изданіе съ сочинительными исправленіями. М. 1759 г.». Въ ссылкахъ я буду обозначать ихъ сокращенно: первое—Р. Г., второе—С. С. I, третье—С. С. II.

Ломоносовъ писалъ ѣ въ словахъ: прилѣжаніе Р. Г. 6, прилѣжно С. С. II. 1, мѣлкій Р. Г. 14, лѣтаніе С. С. II. 16, 17, лѣтящій С. С. I. 45, сѣдящая С. С. II. 11 и е въ словахъ: двенадцать Р. Г. 102, С. С. II. 18, при двѣсти Р. Г. 103, Днепръ С. С. I. 44, тележный Р. Г. 14.

Онъ писалъ по произношенію *тч*, въ словахъ: лутче Р. Г. 7, лутчаго С. С. II. 17, лутчія правила С. С. II. 2, протчихъ Р. Г. 11, 12, протчія С. С. II. 7, в *ти* въ числительныхъ: двенатцать Р. Г. 102 и др. вмѣсто нашихъ *лучше* (слово другого образованія, чѣмъ то, которое въ живомъ языкѣ звучитъ такъ, что его нужно передавать однимъ изъ трехъ написаній: *луче*, *лучче*, *лутче*) и современнаго *ди* въ числительныхъ, едва ли правильнаго; также *и* въ щастіе С. С. II. 8.

Ломоносовъ писалъ фонетическое *с* вмѣсто этимологическаго *з* не только въ извѣстныхъ префиксахъ *воз*, *из*. . . въ случаяхъ какъ: воспаленный С. С. I. 49, вспоможенія С. С. II. 9, восхождение С. С. II. 10, происхождение С. С. II. 10, истолкованія С. С. II. 12, расплодиться С. С. II. 13 и т. п., но проводилъ послѣдовательно эту мѣну *з* на *с* во всѣхъ приставкахъ передъ всѣми глухими, какъ показываютъ многочисленныя его написанія, подобныя слѣдующимъ: восставить С. С. I. 52, рассудимъ Р. Г. 12, рассудительный степень Р. Г. 14, рассыплеть С. С. I. 54, рассматривалъ С. С. II. 1, расстоянія С. С. II. 14, расфлины С. С. II. 16, бесконечному Р. Г. 12, бесчисленны С. С. I. 42, беспрестаннаго С. С. II. 2, бесславіе С. С. II. 8, 7, 10 и т. д. При этомъ фонетическій принципъ правописанія проводился Ломоносовымъ еще и дальше, въ написанія, какъ: Французскимъ Р. Г. 6, Французскаго Р. Г. 6, дерскій С. С. I. 43, збирають С. С. I. 44, згущенный С. С. I. 45 и т. п.

Въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ мужскаго рода Ломоносовъ писалъ то *ый*, то *ой*, въ родительномъ женскаго то *ья*, *ія*, то *ой*, *ей*, но въ родительномъ мужскаго рода предпочиталъ *аго* и подъ удареніемъ: каждой человѣкъ Р. Г. 11, каждой членъ Р. Г. 12, тонкой прахъ С. С. I. 34, цѣлой свѣтъ С. С. I. 48, громкой и пріятной голось, долгой духъ и крѣпкая грудь С. С. I. 1., сановитой видъ С. С. II. 2, подлинной путь С. С. II. 2 и мн. др., другаго Р. Г. 6, С. С. II. 6, втораго С. С. II. 11, но: какаго С. С. II. 14, одного С. С. II. 18 (такъ пишется Ломоносовымъ послѣднее слово обыкновенно).

Сочетанія *же, ше, це* Ломоносовъ обыкновенно писалъ по традиціи, а не по произношенію, т. е. съ буквою *е*, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они стояли подь удареніемъ: воображенныя Р. Г. 11, лице Р. Г. 13, С. С. I. 34, С. С. II. 10, сопряженныя С. С. II. 13, лишеныя С. С. II. 18 и подобн.

Въ раздѣленія и соединенія словъ Ломоносовъ явно держался иногда этимологическаго начала, и у него нерѣдко находятся раздѣленными слова, которыя мы соединяемъ или пишемъ двояко въ зависимости отъ разныхъ значеній или произношенія. Примѣры: то есть Р. Г. 11, С. С. II. 3, не сносно здорять Р. Г. 13, что бы (союзъ) С. С. II. 2, 10, 14 и др., не лзя С. С. II. 2, по Россійски С. С. II. 8, по тому (союзъ) С. С. II. 10, по сему (союзъ) С. С. II. 10, какъ нибудь С. С. II. 13, не сходственнаго С. С. II. 15, какой либо Р. Г. 11.

Непоследовательности въ правописаніи Ломоносова встрѣчаются очень часто, и хорошей орфографіей не отличается даже второе и послѣднее, вышедшее при его жизни, собраніе его сочиненій, явившееся съ «сочинителевыми исправленіями». Мы находимъ, на примѣръ, рядомъ на одной страницѣ или на двухъ со-сѣднихъ различныя написанія, подобныя слѣдующимъ: промыслъ Р. Г. 9, о божественномъ Промыслѣ Р. Г. 9; естли Р. Г. 6, есть ли-бы Р. Г. 7; есть ли бы Р. Г. 11, естли бы Р. Г. 12; возрѣтъ С. С. I. 32, возрѣвѣтъ С. С. I. 43; протчихъ Р. Г. 11, 12, прочія искусства С. С. II. 2; раззоренія С. С. II. 16, раззоре-ние С. С. II. 18, раззоренныхъ С. С. II. 18; неусыпный трудъ С. С. II. 13, неусыпной человекъ С. С. II. 14.

При обыкновенномъ правописаніи Ломоносова съ мѣной *з* на *с* въ префиксахъ, оканчивающихся на эти звуки, мы встрѣчаемъ много случаевъ, гдѣ данные префиксы написаны по этимологіи: разсыпанныхъ Р. Г. 12, безсмертный С. С. I. 33, разсыпъ С. С. I. 43, разсѣкаетъ С. С. I. 47, исчезаютъ С. С. I. 47, изсы-хаютъ С. С. I. 47, возпослѣдованіе С. С. II. 9, произшедшихъ С. С. II. 12 и др.

Рядомъ съ «лице» находимъ: чорна С. С. I. 34; при многихъ

случаяхъ съ ъ въ словѣ первый находится много и безъ этой буквы (см., напр. С. С. II, стр. 14, гдѣ данное слово пишется безъ ъ, и слѣдующую 15 стр., гдѣ оно же пишется съ ъ); при послѣдовательномъ вообще употребленіи окончаній *кій, іій, зій*, находимъ иногда формы съ о.

Онъ несогласно съ нами ставилъ з и ъ, употребляя написанія: лучъ С. С. I. 35, мечъ С. С. I. 43 и др., бичъ С. С. II. 8, тучъ С. С. I. 35, тмою С. С. I. 33, писменъ С. С. II. 8, предъидущихъ Р. Г. 12, предъидущее С. С. II. 6, 10, естли Р. Г. 6, С. С. I. 46, поверхъ С. С. I. 48, сверхъ Р. Г. 6, С. С. II. 8, верхи С. С. I. 35, вершинѣ С. С. I. 45, серпы С. С. I. 54, первыимъ С. С. II. 4, вопервыихъ С. С. II. 4, первыя С. С. II. 5 и другіе подобные случаи послѣдовательно.

Кромѣ непослѣдовательности, встрѣчаются и просто ошибки, какъ: река С. С. I. 45, подъденная С. С. II. 11, склоняешъ С. С. I. 44, возжжена С. С. I. 33, такіа рѣчи безъ приготовленія передъ народомъ произнесенные С. С. II. 3.

Эти несогласныя одно съ другимъ или ошибочныя написанія, которыя теперь легко замѣтить и выдѣлить изъ общей послѣдовательной и рациональной системы Ломоносовскаго письма, въ то время должны были немало затруднять тѣхъ, кто хотѣлъ слѣдовать его орфографіи.

Приведенные примѣры показываютъ, что Ломоносовъ во многихъ случаяхъ не держался опредѣленной орфографіи: онъ колебался между формами русскими и славянскими и не давалъ послѣднимъ такого явнаго преобладанія, которое замѣчается въ принятомъ нынѣ правописаніи.

При этомъ непослѣдовательность Ломоносовскаго правописанія объясняется не только тѣмъ, что онъ не установилъ для себя всѣхъ случаевъ правописанія формъ и словъ, но еще и тѣмъ, что въ письмѣ, какъ и въ языкѣ, онъ различалъ стили: напр., славянскія окончанія прилагательныхъ на *ый* (м. р., ям. п., ед. ч.), *ыя* (ж. р., р. п., ед. ч.) считалъ приличными для высшаго стили, русскія соотвѣтственныя формы на *ой*—для простаго. Такъ-какъ

ясной границы между тѣмъ и другимъ стилемъ провести невозможно, то необходимо должна была явиться нѣкоторая пестрота въ правописаніи, подобно тому какъ это было и въ самомъ языкѣ Ломоносова, охотно допускавшемъ народныя формы и слова какъ: блекляе, свѣтляе Р. Г. 92, скоряе С. С. I. 40; дому Петрова Р. Г. 9, для выговору Р. Г. 14, мужескаго полу Р. Г. 64; въ двенадцатомъ вѣку С. С. II. 18; отъ ней С. С. II. 11; усумнѣлся Р. Г. 8; скрыпу Р. Г. 14; убивства С. С. II. 10; Михайло Р. Г. 10; о многолѣтномъ Р. Г. 9, и т. п., рядомъ съ книжными: непріятельми Р. Г. 6, землй (пр. п.) Р. Г. 13, С. С. II. 1, С. С. II. 10, дома С. С. II. 7, лѣсы С. С. II. 17, въ третіей части С. С. II. 12 и подобн.

IV.

Карамзинъ, какъ и Ломоносовъ, считается тоже установителемъ русской орфографіи. Такъ, Я. К. Гротъ, въ «Филологическихъ разысканіяхъ» (Спб. 1876, т. II, стр. 205) говоритъ слѣдующее: «Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на орфографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Такимъ образомъ ему должно быть приписано установленіе не только литературнаго языка, но и правописанія русскаго».

Если мы присмотримся къ орфографіи Карамзина въ то время, когда она уже должна была сложиться, то убѣдимся, что она дѣйствительно имѣетъ большія достоинства, такъ какъ: 1) отличается послѣдовательностью и простотою, 2) въ общемъ сохраняетъ традиціонныя начертанія, 3) до нѣкоторой степени близка къ живому языку.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ правописанія Карамзина изъ журнала: 1) «*Вѣстникъ Европы*», издаваемый Николаемъ Карамзинымъ. Часть I. Москва, 1802; 2) Часть IV; 3) Часть V, обозначая въ ссылкахъ часть и страницу и замѣтивъ, что въ первой части примѣры выписаны изъ статьи: «О любви къ отечеству и народной гордости», а въ четвертой и пятой изъ неоконченной повѣсти: «Рыцарь нашего времени».

Примѣры сохраненія традиционныхъ написаній: 1) по этимологiи: естля I. 60, 66, то есть I. 68, по тому (союзъ) IV. 40, I. 59, кого нибудь IV. 44, на примѣръ IV. 45 (чаще, впрочемъ, пишется вмѣстѣ), отъ чего (союзъ) V. 112, на встрѣчу V. 121, не рѣдко IV. 47, не смотря I. 56; смѣшнаго IV. 37, земнаго IV. 38, винаго V. 112, мiрскаго V. 114, густаго V. 119, больнаго V. 125 (вообще находится послѣдовательно *ою* подъ ударенiемъ; *ою* мы отмѣтили лишь въ: какого V. 119, никакого I. 57); душею IV. 39, карандашемъ IV. 42, дьячекъ V. 111, желтаго V. 112, лжетъ V. 124;

2) по произношенiю: щастiе I. 56, щастливую I. 56 и подобн., ключъ V. 112, товарищъ V. 123, лучъ IV. 38, тысячь IV. 46, итти IV. 43 и др.

Слѣдуя живому языку, Карамзинъ допускалъ множество случаевъ именит. падежа прилагательныхъ на ой: дикой Унтервальденъ I. 57, суровой Гларисъ I. 57, прекрасной домикъ I. 59, физической кабинетъ I. 59, Руской I. 61, Славянской языкъ I. 62, умной человѣкъ I. 67, самой худой Французской переводъ I. 67 и т. п.; родительный иногда оканчивалъ на *ова*: никакова IV. 43, больнова IV. 48; въ родительномъ падежѣ мѣстоименiя она послѣ предлоговъ ставилъ русскую форму: у нее IV. 46, подлѣ нее IV. 48, отъ нее I. 104; писалъ по произношенiю отдѣльные слова: Лапланецъ I. 56, мущины I. 67, филяку IV. 39, наизусть V. 112, дожжикъ V. 119, провинциялы V. 121, бесѣду словохотную V. 125.

Уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Карамзинъ

обладаетъ орѳографіей очень послѣдовательной и даже довольно близкой къ нашему времени. Такова орѳографія перевода «Поэмы великаго Галлера»: «О происхожденіи зла» (М. 1786).

Особенности правописанія здѣсь: болѣе послѣдовательное с въ префиксахъ: *беспокойной* 16, *беспокойныя мысли* 19, *беспременнаго* 53, *бесконечно* 77, и т. п.; *ый* въ именит. (исключеній не отмѣчено); *аю* въ родительномъ падежѣ почти безъ исключеній, такъ что: *неудовольствіе на самаю себя* 20, *открыть Самаю Себя (о Богѣ)* 32, *такаю* 28, *никакаю* 29, *но: одною* 64 (*съ ою* отмѣченъ у насъ только этотъ случай); старинныя книжныя формы и написанія: *временемъ* 5, *пламянный* 8, *мль* 18, *угнѣтаетъ* 64, *тмы* 68, *жизни моя* 5, *увѣнчиваетъ* 8, *затмѣвается* 25, *раждаетъ* 27, 42, *измождить*; живой языкъ отразился въ немногихъ написаніяхъ: (*овцы*) *блягутъ* 9 (такъ говорятъ и во Владим. губ.), *верхъ* 12 (при: *вверхъ* 27), *отъ нее* 43, 67, *младенцовъ* 44, 64, *чудовищи (им. п.)* 58, *сокровищи (им. п.)* 61.

Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ, какъ «Историческое похвальное слово Екатерины Второй» (М. 1802) правописаніе является даже менѣе строгимъ, такъ какъ дѣлаетъ большія, но неокончательныя уступки живому языку. То же и въ «Сочиненіяхъ»: напр., во II томѣ (М. 1803) находимъ въ общемъ прекрасное правописаніе, близкое къ намъ, лишь съ нѣкоторыми мелкими, а иногда и значительными непослѣдовательностями. Напримѣръ, именительный обыкновенно на *ой* (*желаемой день, первой разъ*), а родительный на *аю* (*молодаю, втораю*), а иногда на *ова* (*другова, этого*).

Въ «Исторіи Государства Россійскаго» правописаніе отличается строгой послѣдовательностью и тщательностью, но имѣетъ очень книжный характеръ.

Вотъ списокъ особыхъ и замѣчательныхъ написаній I-го тома «Исторіи» по первому изданію: однакожь XIII, Междоцарствія XIV, тмѣ XV, тма 71, Дому (р. п.) XVI, не лзя XIX,

излишно XXIII, вѣки (в. п. м. ч.) XXIV, физиогномією XXIV, прилѣжно XXIV, на примѣръ XXXI, XXXII и др., безыменными XXXI, новой (слогъ) XXX (сноска), предъидущее XXXII, употреб—ялась XXXIII, Царя Алексія XXXIV, для нее XXXV (въ сноскѣ, гдѣ вообще орфографія менѣе строга), полуночныхъ 3, Боспоръ 4, приблизились 14, Балтійскаго (моря) 14, дома (им. мн.) 16, съ 474 году 19, съ 527 году 20 и: около 580 года 24, театръ Исторіи 19, Алтайскихъ 22, между ими 43, 63 и мн. др., то есть 45, Колумба 45, и: однакожь 49, Нѣмень 50 (=Нѣманъ), покляся 56, Козаковъ 43, загарая 56, во многочисленномъ собраніи 56, долголѣтнымъ 56, всякой (имен. пад. м. р. ед. ч.) 60, 72, 73, 75, Козма 338, спастися 64 (подобныхъ случаевъ на ся много), ко многосложному счисленію 71, и такъ (союзъ) 77, 111, не рѣдко (нарѣчіе) 77, поклонялися 81, Богу вселенныя 81, въ гостинницахъ 90, на канунѣ 91, Святошныя ягрища 91, и: поклонялися 93, олтарей 95, и: тьму 95, четырма 95, граж—данъ 98, соломенную чучелу 101, стекляныя 102, лѣсницы 103, и: нерѣдко 105, покаряемыя 105, писмена 111 и: письмена 120, маленькой городокъ 117, малолѣтнаго 122, знаменитаго роду 124, вопервыхъ 125 и: во вторыхъ 125 (оба случая въ одномъ предложеніи), вежи или шатры Угровъ 127, землею Воложскою 128 (=землею волоховъ), и: рода 129, парусы 131, якори 131, чего они купцамъ стояли 139 (=стоили), заростшія 146, купѣли 166, осмнадцать 168, Тмутороканскимъ 172, на встрѣчу 174, возмите 182, ко трону 182, отъ нее 189 (исключеніе), раненныхъ 190, возмемъ 190, клокъ волосовъ 192, въ тоже время 192, съ мосту 195, и: возьму 198, возьметъ 214, безыменный 208, не смотря (союзъ) 213, изъ боку 221, и: въ то же самое время 229, и: напрямѣръ 236, гостинницы 237, ярмонки 243, селянинъ Русской 251, сѣньми 252. Изрѣдка встрѣчается также *не* съ глаголомъ слитно: нестанетъ 197, немогъ 215 и др.

Въ этомъ списокѣ отмѣчены: 1) всѣ найденныя нами колебанія въ правописаніи текста перваго тома «Исторіи», 2) всѣ написа-

нія и (формы), которыя теперь не приняты, отчасти по ихъ неудачности, отчасти по деспотическому требованію школы ¹⁾.

При объясненіи особенностей и колебаній такого правописанія нужно имѣть въ виду и тогдашнее состояніе литературнаго языка, въ которомъ очень свободно еще сталкивалась книжная стихія съ народнымъ произношеніемъ. Поэтому у Карамзина находимъ съ одной стороны чисто книжныя написанія, какъ: сѣдящихъ на тронѣ («Истор. похв. слово», 65), Великія (род. п. ед. ч. ж. р.; тамъ же, 30; подобныя формы у него не рѣдки), не успѣлъ я окончать письма («Сочиненія» II. 20), спутникомъ (тамъ же, 50), 26 Маія (тамъ же, 6), роскошію («Исторія» I. 12), съ другой стороны видимъ выраженіе формъ и словъ живого языка, каковы: войны одного полку («Истор. похв. слово», 62), никакой розницы («Сочиненія», II. 14), постеля (тамъ же, 25 и др.), Нѣмцовъ (тамъ же, 30), Италіянцовъ (тамъ же, 41), картеча раздробила ногу (тамъ же, 126), передражнивая (тамъ же, 249).

Вообще правописаніе «Исторія» отличается отъ нынѣшняго послѣдовательными окончаніями *ый* (седьмый VIII. 47, юный VIII. 7), *аго* (злаго VIII. 14, ввучатнаго VIII. 16, но: такого VIII. 61), *ь* послѣ *ч* (мечь VIII. 15, Василюевичъ VIII. 5, тысячъ VIII. 20); *е* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* подъ удареніемъ; *е* въ: лекаръ VIII. 14, спесь VIII. 51, телегѣ 65, копейка (VIII. 43. Здѣсь

---

1) Отмѣтимъ подобныя, непринятая или неодобряемая, но правильныя написанія, вполнѣ допустимыя и теперь, въ «Историческомъ похвальномъ словѣ»: раждаетъ 15, Полотскъ 27, чтожь 60, Олтарей 60, сравнялись 108, на встрѣчу 156, вышшимъ знаніямъ 151; въ «Сочиненіяхъ» (т. II. М. 1808): однако жь 7, 14, 16, на верьху 18, мущины 18, ворота 21 (=ворота), сверьхъ 36, близъ 63, верьхи (горь) 79, верьхомъ 159.

Въ числѣ рѣдкихъ ошибочныхъ написаній Карамзина можно назвать въ «Историч. похв. словѣ»: Днестра 39, растѣнія 96, 161 (это слово Карамзинимъ упорно писалось тогда черезъ *н*), заростшее 100, лекарствъ 149; въ «Сочиненіяхъ» (т. II. М. 1808): ширѣ 50, лекаремъ 60 (подобное написаніе у Карамзина обыкновенно, но встрѣчается и съ *н*; такъ, въ «Исторіи», т. I: гѣкари 237), она есть ничто иное 66, прѣнія и вражда («Исторія», VIII, 62) и нѣкоторыя другія. Не относимъ сюда случаевъ, въ которыхъ Карамзинъ, очевидно, опирался на произношеніе, какъ написанія: селы, вѣрющаго, ма-чиха, молошница, яшница и подобныя.

Карамзинъ объяснилъ, на основаніи текстовъ лѣтописи, происхожденіе этого слова отъ *коже* и привелъ самую выписку оттуда). Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать въ VIII томѣ: излишно 8, снеслися 11, не уже ли 14, не смотря 15, разорять 19, однакожь 19, 28, на примѣръ 20, сверхъ 20, тьмѣ 23, тоже время 23, дома 29, два дни 29, уменьшилось 46, но: уменьшить 65, тюрьмою 49, ятти 58, истинѣ 60, близъ 60.

V.

О правописаніи печатныхъ текстовъ А. С. Пушкина мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по слѣдующимъ изданіямъ: 1) *Кавказскій плытникъ*, повѣсть. Соч. А. Пушкина. Спб. 1822. 2-е изд. 1828. 2) *Евгеній Онтюинъ*. Глава I. Спб. 1825. Гл. II. Спб. 1826. 3) *Цыганы*. М. 1827. 4) *Братья разбойники*. М. 1827. 5) *Графъ Нулинъ*. Сочиненіе Александра Пушкина. Спб. 1827 (въ типографіи Департамента народнаго просвѣщенія). 6) *Русланъ и Людмила*. Поэма Александра Пушкина. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Спб. 1828. 7) *Полтава*. Спб. 1829. 8) *Поэты покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина*. Спб. 1831. 9) *Борисъ Годуновъ*. Спб. 1831. 10) *Современникъ*, литературный журналъ, издаваемый Александромъ Пушкинымъ. Первый и четвертый томъ. Спб. 1836¹⁾.

Обратившись, ради точности, не къ современнымъ изданіямъ Пушкина, въ которыхъ орфографія исправляется издателями, а къ первопечатнымъ текстамъ сочиненій поэта, мы имѣли много случаевъ убѣдиться въ печальной истинѣ, что правщики Пуш-

---

1) Здѣсь отиѣтки сдѣланы изъ статей: «Путешествіе въ Арзрумъ» (Извѣстно, что корректуру «Путешествія» Пушкинъ просилъ прислать себѣ для исправленія. См. Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому въ мартѣ 1836 года), «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка». — Въ ссылкахъ первый томъ не обозначается а четвертый имѣетъ: IV.

кинскихъ текстовъ очень часто дѣлали совершенно не нужныя или даже крайне неудачныя поправки, а также во множествѣ случаевъ подѣ видомъ правописанія исправляли языкъ и слогъ великаго поэта ¹⁾).

1) Вотъ для примѣра немалый, но очень неполный списокъ подобныхъ поправокъ, допущенныхъ въ одномъ изъ лучшихъ изданій Пушкина—литературнаго фонда, подѣ редакцію Морозова.

Первопечатный текстъ:

затмевались (Кавк. пл. 2 изд. 40)
 въ шатрахъ изодранныхъ (Цыг. 3)
 полу-завѣшанныхъ коврами (Цыг. 3)
 дальній градъ (Цыг. 16)
 пламя позднее (Русл. и Людм. 82)
 приблизилась (тамъ же, 49)
 раждался (тамъ же, 53, 150)
 близъ (тамъ же, 61)
 копытомъ мочнымъ (тамъ же, 110)
 два дня (тамъ же, 113)
 дальней цѣпью (тамъ же, 144)
 окрыленный (тамъ же, 152)
 безстыдностью неожиданой (Бор. Г. 4)
 безымянный (тамъ же, 14, 86)
 море—окіанъ (тамъ же, 14)
 содрагалась (тамъ же, 78)
 неожиданую (тамъ же, 102)
 обвѣшенный веригами (тамъ же, 109)
 разбитый впрахъ (тамъ же, 121)
 неожиданый (Полтава, 10)
 козачей сабли (тамъ же, 15)
 Цареградскаго Салтана (тамъ же, 24)
 затмеваетъ (тамъ же, 27)
 у брега Днѣпра (тамъ же, 81)
 генеральный Судія (тамъ же, 85)
 1830 году (Пов. Бѣл. XVIII)
 вытти (тамъ же, 6)
 изо рта (тамъ же, 12)
 сосѣды (тамъ же, 40)
 тряслися (тамъ же, 46)
 выдетъ (рѣчь крестьянина; тамъ же, 58)
 Марія (тамъ же, 56)
 офицеры, обвѣшенные крестами (тамъ же, 60)
 какого рода (тамъ же, 65)
 счастье (тамъ же, 68)
 сюртукъ (тамъ же, 107)

Изданіе Морозова 1887 года:

затмѣвались
 въ шатрахъ изодранныхъ
 полузавѣшенныхъ коврами
 дальній градъ
 пламя позднее
 приблизилась
 рождался
 близъ
 мощнымъ
 два дня
 дальней цѣпью
 окрыленный
 безстыдностью неожиданой
 безымянный
 море—окіанъ
 содрагалась
 неожиданую
 обвѣшенный веригами
 разбитый въ прахъ
 неожиданый
 казачьей сабли
 цареградскаго султана
 затмѣваетъ
 у брега
 генеральный судья
 1830 года
 выйти
 изъ рта
 сосѣди
 тряслися
 выйдетъ
 Марья
 офицеры, обвѣшенные крестами
 какого рода
 счастье
 сюртукъ

Прежде всего нужно разрѣшить общій вопросъ: имѣемъ ли мы право, говоря о печатныхъ текстахъ Пушкина, называть ореографію книги ореографіей поэта. Книга печатается не всегда съ подлинной рукописи, набранная въ печати она не всегда корректируется самимъ авторомъ. Свѣдѣнія, которыя имѣются о печатныхъ Пушкинскихъ текстахъ, можно признать почти достаточными для положительнаго рѣшенія этого вопроса.

Выраженіе: «такъ писалъ Пушкинъ» вмѣсто: «такъ напеча-

на колѣнахъ (тамъ же, 106)	на колѣннѣхъ
по вѣтрености (тамъ же, 117)	по вѣтренности
этакаго (тамъ же, 147)	эдакого
свиданія (Совр. 120)	свиданья
ущеліе (Совр. 20)	ущелье
великолѣпныя ванны и дома (Совр. 22)	великолѣпныя ванны и дома
двуколесныхъ (Совр. 24)	двухколесныхъ
татарѣ (Совр. 24, 62)	татары
бѣдѣе и нечище (Совр. 31)	бѣдѣе и не чище
бранію (Совр. 53)	бранью
меньшій братъ (Совр. 54)	меньшой братъ
глава третія (Совр. 56)	глава третья
на колѣни (Совр. IV. 122)	на колѣна
Памфиловна (Совр. IV. 107)	Панфиловна

Вотъ какую работу разумѣли издатели сочиненій Пушкина подъ «исправленіемъ» его правописанія!

Въ болѣе тщательномъ изданіи П. А. Ефремова мы тоже находимъ изрѣдка ненужныя или неудачныя поправки. Предлагаемъ небольшой списокъ ихъ по Пушкинскому изданію «Исторіи Пугачевского бунта» (Спб. 1834) и 6-му тому послѣдняго Суворинскаго изданія сочиненій Пушкина.

Изданіе Пушкина:

чтобъ 3
Коммисія 8 и др. послѣдовательно
итти 19
местію 21
баттарею 38
карре 40
мятель 42
безъ барабаннаго бою 53

Изданіе Суворина-Ефремова:

чтобы
коммисіа
идти
местью
батарею
каре
метель

безъ барабаннаго боя

Издатель, кромѣ того, раздѣляетъ нарѣчныя выраженія, какъ: *часъ-отъ-часу*, *мало-по-малу*, *на-встрѣчу*, которыя Пушкинъ соединяетъ черточкой; оставляя ударяемыя *же*, *ше*, ударяемое *и* онъ передѣлываетъ на *ио* (кущень 18—у Ефремова: купцомъ).

тано въ такомъ-то изданіи сочиненій Пушкина», можно понимать въ крайнемъ случаѣ какъ условный словесный оборотъ, стоящій на мѣстѣ другого болѣе точнаго.

Конечно для изученія должно брать преимущественно тѣ изданія, которыя дѣлались по порученію поэта по его оригиналамъ и еще лучше тѣ, за которыми слѣдилъ самъ Пушкинъ, и пельзя брать тѣхъ, которыми онъ оставался не доволенъ или которые признаны небрежными. Поэтому, напр., мы не взяли для изслѣдованія перваго собранія его стихотвореній, изданныхъ въ 1826 году, такъ какъ его издатели въ предисловіи извиняются передъ поэтомъ и передъ публикою въ томъ, что «по недосмотрѣнію корректора» въ книгѣ допущены «значительныя типографическія ошибки». Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Пушкинъ слѣдилъ за текстомъ отпечатанныхъ друзьями сочиненій, провѣрялъ его, указывалъ ошибки, а нѣкоторыя произведенія корректировалъ самъ. Затѣмъ, онъ не дѣлалъ замѣчаній противъ орфографіи своихъ печатныхъ текстовъ. Значить, онъ ей удовлетворялся, и мы имѣемъ право относить орфографію книгъ самому автору ¹⁾.

---

1) Въ перепискѣ Пушкина есть нѣсколько любопытныхъ и точныхъ указаній, касающихся орфографіи его печатныхъ текстовъ. Эти указанія тѣмъ болѣе цѣнны, что ихъ немного и что они не всегда ясны. Во всякомъ случаѣ подъ «ошибками» въ его перепискѣ большею частію разумѣются неточности и измѣненія стилистическія, относящіяся къ смыслу произведенія, а не къ его орфографіи.

Обратимся сначала къ I тому переписки, изданной Академіею Наукъ (Спб. 1906), а потомъ къ письмамъ, напечатаннымъ Морозовымъ. Въ письмѣ къ Гидичу отъ 4 декабря 1820 года говорится, что поэма «Русланъ и Людмила» напечатана подъ его «отеческимъ надзоромъ». Въ письмѣ къ брату и сестрѣ отъ 27 июня 1821 года Пушкинъ говоритъ, что «Черную шаль» «чортъ знаетъ какъ напечатали» (въ «Сынѣ Отечества», № 15). Въ письмѣ къ брату отъ 24 января 1822 года Пушкинъ проситъ напечатать посылаемые ему стихи въ «Сынѣ Отечества» «безъ подписи и безъ ошибокъ». Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 14 октября 1823 года говорится, что «Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ кромѣ *сможій сонъ* въ самомъ концѣ... К. Пѣвникъ иное дѣло». Кромѣ стилистическихъ исправленій послѣдняго, Пушкинъ дѣлаетъ еще «замѣчаніе типографическое», указывая послѣ словъ: *Все помалъ онъ* многоточіе и черту. Въ письмахъ къ кн. Вяземскому отъ 4 ноября и отъ 20 декабря

Тогда выходитъ, что мы довольствуемся относительной Пушкинскою орфографіей, косвенными соображеніями виѣсто прямыхъ и точныхъ доводовъ? Нѣтъ, для исторіи установившейся у насъ орфографіи собственно не такъ нужно знать, какъ писалъ самъ

1823 года Пушкинъ поручаетъ ему изданіе «Бахчисарайскаго фонтана». Въ письмахъ къ Бестужеву (12 января 1824 года) Пушкинъ говоритъ, что давно уже не сердится за опечатки. Въ письмѣ къ Булгарину (1 февраля 1824 года) проситъ перепечатать въ его «Листкахъ» стихи, напечатанные съ ошибками въ «Полярной Звѣздѣ». Въ письмѣ къ Плетневу (сентябрь—октябрь 1824 года) поручаетъ ему, виѣстѣ съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и Дельвигомъ, изданіе «Онѣгина». Въ письмѣ къ брату и сестрѣ 4 декабря 1824 года поэтъ высказываетъ неудовольствіе на Кюхельбекера, напечатавшаго «ошибочно» его «Демона» и не велитъ ему давать «ни капли» своихъ стиховъ. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому 25 января 1825 года говорится, что «Онѣгинъ» печатается подъ присмотромъ брата и Плетнева. Въ письмѣ къ брату и Плетневу отъ 15 марта 1825 года Пушкинъ, посылая имъ свои стихи, пишетъ: «Ошибки правописанія, знаки препинанія, описки, бессмыслицы—прошу самими исправить — у меня на то глазъ не достанетъ». Въ письмѣ Плетнева къ Пушкину отъ 6 февраля 1826 года находимъ, что онъ оправдывается отъ упрека Пушкина за ошибки въ разстановкѣ знаковъ препинанія въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина»: «Рукопись прислалъ ты очень неисправную, а ее переписывалъ какой-то писарь; и такъ еще болѣе испортилъ. Послѣ того трудно добиться вездѣ аккуратно до настоящаго смысла. Совѣтую тебѣ впередъ отдавать кому нибудь переписывать у себя, да послѣ просматривать». Изъ писемъ Плетнева отъ 27 февраля и 14 апрѣля 1826 года видно, что Пушкинъ подчиняется этому совѣту, даетъ Плетневу черновую рукопись Цыгановъ и получаетъ ее переписанную для поправокъ. Письмо Пушкина къ Погодину отъ 19 февраля 1828 года показываетъ, что поэтъ смотрѣлъ иногда корректуру Булгаринской «Сѣверной Пчелы». Здѣсь же онъ проситъ Погодина не обижать его «сиротъ-стишковковъ опечатками». Изъ писемъ Пушкина къ Плетневу отъ 3-го іюля и 25 августа 1831 года видно, что «Повѣсти Бѣлкина» были переписаны для печати самими Пушкиными, а печатались подъ присмотромъ Плетнева. Указаніе на чтеніе корректуръ «Исторіи Пугачевского Бунта» сдѣланы нами дальше, на стр. 42, гдѣ можно прибавить еще письмо къ Яковлеву въ августѣ 1834 года. Въ заявленіи въ Главный комитетъ цензуры въ 1836 году (у Морозова № 493) Пушкинъ говоритъ, что первое изданіе «Аджело» напечатано книгопродавцемъ Смирдинымъ «неисправно и съ своевольными поправками». Въ письмѣ къ Одоевскому въ мартѣ 1836 года Пушкинъ проситъ прислать ему корректуру «Путешествія въ Арзрумъ», потому что въ рукописи много ошибокъ.—Вотъ все главное по занимающему насъ вопросу въ письмахъ Пушкина, гдѣ особенно важно указаніе, что въ средній его литературной дѣятельности у него еще встрѣчаются орфографическіе недосмотры, которые исправляютъ друзья. Въ концѣ своей дѣятельности, какъ мы увидимъ дальше, онъ прекрасно корректируетъ самъ.

Пушкинъ—это имѣть свой интересъ, но для другихъ цѣлей—но именно важно изслѣдовать орфографію печатныхъ текстовъ его сочиненій. Рукописи Пушкина не могли оказать вліяніе на утвержденіе той или другой орфографической системы, а печатные его тексты, расхившіеся въ громадномъ для того времени числѣ экземпляровъ, вполне могли это сдѣлать. Поэтому они и имѣютъ въ данномъ случаѣ первостепенную важность.

Эти тексты мы видимъ обыкновенно съ сравнительно хорошей, послѣдовательной и внимательной корректурой и орфографіей. Друзья, Гнѣдичъ, Вяземскій, Соболевскій, Плетневъ, зорко слѣдили за изданіемъ и, придавая свободной орфографіи поэта болѣе послѣдовательный и книжный видъ, обращались съ ней вообще довольно осторожно, умѣя цѣнить ея своеобразныя достоинства.

Послѣ *ж, ш, ч, щ* Пушкинъ обыкновенно ставилъ *е* въ словахъ ударяемыхъ, согласно съ славянскою графикою: жеть (Гр. Нул. 19), развлечень (Гр. Нул. 20), смущенный (Гр. Нул. 28), ковшемъ (Русл. и Л. 10), сраженный (Русл. и Л. 14), погруженный (Бор. Год. 15), тяжелою (Кавк. пл. 10), лучемъ (Кавк. пл. 11), тяжелой (Кавк. пл. 12), возвышенныхъ (Кавк. пл. 23; удареніе здѣсь на *е*), погруженный (Кавк. пл. 25), окруженный (Кавк. пл. 26), шелъ (Кавк. пл. 44), въ I-ой гл. *Оньма*: отецъ 26, рожекъ 38, въ *Цыганахъ*: ножемъ 41, лицомъ 41 (въ римѣ съ: гробовомъ), рѣсетки (Бр. разб. 12), сушеной (Совр. 22), окруженная (Совр. 23), зараженнымъ (Совр. 25), пораженный (Совр. 28), нашель (Совр. 29), перечель (Совр. 29) и т. п.

О мы отмѣтили въ слѣдующихъ случаяхъ: шель (Кавк. пл., 2 изд. 47), смѣшонъ (Цыг. 34), пришель (Цыг. 35, въ римѣ съ: золь), душою (Цыг. 35, рима съ: тобою), онъ—пораженъ (Русл. и Л. 110, рима), черной (Кавк. пл. 20), клочокъ (Совр. 30), старичокъ (Совр. 117).

Въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ Пушкинъ употреблялъ подъ удареніемъ славянское окончаніе *аю*: лихаго (Кавк. пл. 17), сѣдаго (Кавк. пл. 20), любаго (Бор. Год. 7),

мірскаго (Бор. Год. 24), другаго (Бор. Год. 35, 36; здѣсь славянское окончаніе даже въ просторѣчїи, въ разговорѣ въ корчмѣ), младаго (Кавк. пл. 10, 12), другаго (Кавк. пл. 31), инаго (Совр. 29), живаго (Совр. 27), роднаго (Совр. 119). Встрѣчается даже: какаго змія (Пол. 25). Такое правописаніе обыкновенно во всѣхъ разсматриваемыхъ нами печатныхъ Пушкинскихъ текстахъ. Мы находимъ *аю* даже въ рѣчахъ съ словами на *ова*: снова—роковаго (Русл. и Л. 111), младаго—слова (Русл. и Л. 99), снова—младаго (Русл. и Л. 139) и въ такихъ случаяхъ, какъ: однаго (Пов. Бѣл. 29), самаго хозяина (Пов. Бѣл. 107, вм. самого), этаго (Совр. 119, Бор. Год. 117 и др. тексты), изъ чего можно заключить, что Пушкинъ стремился писать въ родительномъ падежѣ одно окончаніе *аю*.

Иногда, однако, мы находимъ у него и *ою*, но только не прилагательныхъ: такого (Бор. Год. 21), какаго (Бор. Год. 25), никакаго (Совр. 26), какаго-то (Совр. 29), этого (Бор. Год. 60 и др.), одного (Бор. Год. 80, 117) и другія мѣста съ этими словами.

На окончаніе *ою* подъ удареніемъ въ именахъ прилагательныхъ мы не нашли у Пушкина ни одного примѣра.

Въ рѣчахъ Пушкинъ допускалъ еще окончаніе *ова*, какъ нерѣдко писали въ XVIII столѣтіи: гнѣдова (Совр. 113). Издатели сочиненій Пушкина удержали это правописаніе до нашего времени.

Иногда Пушкинъ писалъ совсѣмъ не порусски, но пославынски или по книжному: окриленный (Русл. и Л. 152), змій (тамъ же, 67), змія (рѣча: Марія; Пол. 25), генеральный Судія (Пол. 85), костыи (Совр. 124), приближилась (Русл. и Л. 49), полнощныхъ (Русл. и Л. 20), могущему (Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ). Вспомнимъ въ его болѣе раннихъ стихотвореніяхъ такія рѣчмы, какъ *нощи* и *рощи*, гдѣ славянская форма навсегда упрочена имъ уже не только въ письмѣ, но и въ произношеніи. Отмѣтимъ также книжное написаніе: противурѣчїя (Кавк. пл., Посвященіе).

Пушкинъ любилъ писать по этимологіи префиксы *раз*, *воз*, *низ*, *из*: *разкупилъ* (Евг. О. гл. I, стр. XVI), *изключеній* (тамъ же, XVIII), *разправилъ* (тамъ же, 23), *возходитъ* (тамъ же, 30), *разширялъ* (Евг. О. гл. II, 8), *разчетливый* (тамъ же, 10), *снизходительный* (тамъ же, 21), *визходитъ* (Цыг. 4), *изтолковать* (Цыг. 9), *разтащили* (Пов. Бѣл. 17), *разхаживалъ* (тамъ же, 46), *разкалено* (Пол. 5), *разпоряженіямъ* (тамъ же, 90), *разкуривали* (Совр. 24), *разтопыря* (Совр. 31), *разточитель* (Совр. 123), *разточить* (Совр. 123), *разточать* (Совр. 124), *разпалась* (Русл. и Л. 14), *разходится* (Бор. Год. 9), *низпошли* (Бор. Год. 10), *разцвѣли* (Кавк. пл., Посвященіе), *низпослала* (Кавк. пл. 35), *изчезла* (Кавк. пл. 41), *изчезаетъ* (Кавк. пл. 43) и мн. др.

Но часто встрѣчаемъ и фонетическое письмо данныхъ приставокъ: *исчезнувшего* (Совр. 25), *вспоминали* (Совр. 29), *источниками* (Совр. 36), *испытать* (Бор. Год. 12), *восторжествуетъ* (Бор. Год. 30), *вспоминаютъ* (Кавк. пл. 9) и т. д.

Совершенно послѣдовательнаго правописанія префиксовъ, этимологическаго или фонетическаго, мы не найдемъ въ печатныхъ Пушкинскихъ текстахъ, но чѣмъ позднѣе печатный текстъ, тѣмъ меньше въ немъ этимологическихъ написаній. Въ позднихъ текстахъ они очень рѣдки.

Тамъ, гдѣ представлялся вопросъ: писать слова слитно или отдѣльно, Пушкинъ чаще держался этимологіи, т. е. обыкновенно писалъ отдѣльно: *сей часъ* (нарѣчіе; Гр. Нул. 12, Русл. и Л. 15, 69; Бор. Год. 37, 40), *ни что* (Кавк. пл. 20, 21), *ни кто* (Кавк. пл. 30), *ни гдѣ* (Кавк. пл. 41), *въ дали* *раздался шумный гулъ* (Кавк. пл. 14), *въ дали сверкаетъ горный ключъ* (Кавк. пл. 14), *на примѣръ* (Совр. 19), *не смотря* (Совр. 18), *въ старину* (Совр. 24), *не рѣдко* (Кавк. пл. 25), *когда нибудь* (Бор. Год. 13; Кавк. пл. 35), *что нибудь* (Совр. 22), *не лъзя* (Евг. О. гл. I, стр. XII, 53, Бор. Год. 87)¹⁾, *тоть часъ* (Евг. О. гл. II, 33),

1) Въ языкѣ того времени, допускавшемъ отдѣльное «лъзя» (ср. у Крылова: Про нынѣшнихъ друзей лъзя молвить не грѣша...), такое правописаніе

сего дня (тамъ же, 35; Пов. Б. 66), Въ слѣдствіе сего (тамъ же, 103), возможно ль (Бор. Год. 15), уже ль (Кавк. пл. 35), могъ бы (Кавк. пл. 35), хотя бь (Кавк. пл. 35), услаждала бь (Кавк. пл. 35), стерегла бь (Кавк. пл. 35), по Нѣмецки и по Русски (Пов. Б. 115), на силу (=съ трудомъ; Пов. Б. 117), по Англійски (тамъ же, 138), съ нову... съ молоду (Совр. IV. 48), въ право (тамъ же, 59), не бось (тамъ же, 59, 76), въ слухъ (тамъ же, 143), въ полголоса (тамъ же, 89), то есть (Евг. О. гл. I. 7).

Онъ стремится раздѣлять даже слова: Не ужъ-то (Гр. Нул. 20), не ужели (Пов. Б. 8), стремъ-главъ (Бор. Год. 16).

Рядомъ съ этимъ находимъ и слитныя написанія: неразъ (Кавк. пл. 20, 21), невпримѣръ... веселѣе (Пов. Б. 16), под-руки (Пов. Б. 86), заворотъ (тамъ же, 126), встарину (Русл. и Л. 30), ничего (Кавк. пл. 13), никто (Кавк. пл. 41), поутру (Совр. 30), Навремя рокъ тебя постигъ (Русл. и Л. 19), вовѣки (Бор. Год. 16), ябъ (Совр. 127).

Иногда почти рядомъ видимъ различныя написанія однихъ и тѣхъ же случаевъ: однако жь (Совр. 26) и: однакожь (Совр. 28), кто жь (Кавк. пл. 35), простижь (Кавк. пл. 35), о чемъ-же (Кавк. пл. 42).

Соединительная черточка при частицахъ ставится у Пушкина рѣдко: придуть-ли (Кавк. пл. 35). При нарѣчныхъ и глагольныхъ сочетаніяхъ, какъ: мало-по-малу, пошелъ-было, черточка встрѣчается часто.

Этимологія Пушкина иногда совпадала съ нашей: выдти (Пов. Б. 43), гостиную (тамъ же, 54), извозчикъ (Совр. 34), стклянкоь (Совр. 118), стклянку (Совр. 118), росписку (Совр. 119), ужь (Кавк. пл. 10, 12, 19), башень (Пол. 39), жь (Евг.

было вполне естественно. Тогда изрѣдка еще отдѣлялись сочетанія, которыя теперь неразрывны. Такъ, у Карамзина находимъ: «Удивляюсь еще, какъ я съ такими торопягъ ничего не забылъ въ трактирѣ». («Сочиненія». II. М. 1808, стр. 21). Поэтому и тогдашняя грамматика (Востоковъ) предпочитала писать: съ торопягъ.

О. гл. I, послѣдовательно), пѣсень (Кавк. пл. 45; Совр. 1, и мн. др.), старая (Кавк. пл. 2 изд. 33), содрагаюсь, содраганьемъ (Евг. О. гл. I, стр. XVIII, XIX), раждаетъ (тамъ же, 33), дышуть (Русл. и Л. 53), болевъ (Русл. и Л. 21), Екатерининскаго (Евг. О. гл. I. 69), не что иное (тамъ же, 51, 55). Рядомъ: содроганье (Русл. и Л. 122), слогаль (Полт. 9), ровняются (Полт. 52), уровняль (Пов. Б. 6). Впрочемъ, подобные случаи рѣдки; чаще и послѣдовательнѣе написанія съ *а*. Въ этихъ случаяхъ мы не всегда слѣдуемъ за Пушкинымъ въ письмѣ, но можемъ раздѣлять его этимологическіе взгляды.

Въ другихъ случаяхъ мы не раздѣляемъ этимологическихъ взглядовъ Пушкина и обыкновенно не слѣдуемъ его примѣру, но должны признать, что онъ слѣдовалъ правиламъ словопроизводства, распространеннымъ въ его время. Напр., онъ писалъ имянница (Совр. 2), стремянъ (Совр. 111), производя данныя формы непосредственно отъ имя, стремя; писалъ подчивать (Бор. Год. 31), очевидно предполагая въ первой части слова префиксъ *под*; боля (Русл. и Л. 16), конечно, сближая съ формою болѣе.

Въ именахъ мужскаго рода Пушкинъ послѣ буквы *ч* ставилъ *ь*, согласно съ обычаемъ тогдашней орфографіи. Такое правописание, основанное на произношеніи и отчасти этимологіи, держалось еще долго и послѣ. Оно отстаивалось между прочимъ И. И. Срезневскимъ, указывавшимъ на то, что данныя слова имѣютъ характерные признаки мягкаго склоненія, но было вытѣснено школьными грамматиками.

Приведемъ изъ множества случаевъ лишь нѣсколько примѣровъ такого письма текстовъ Пушкина: мечь (Русл. и Л. 16, 26; Совр. 126, 130), ключь (Кавк. пл. 14), бичь (Кавк. пл. 46), Паскевичь (Совр. 18), но также: мечь (Совр. 122), ключь (Совр. 122).

Подобно этому и родительный множественнаго женскаго рода имѣеть *ь*: тучь (Кавк. пл. 14, 19), тысячь (Совр. 25); рядомъ съ этимъ находимъ: пастбищъ (Совр. 25).

Въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ мужскаго рода

Пушкинъ то сравнительно часто, то рѣже, но во всѣхъ нашихъ текстахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, писалъ окончаніе *ой*: Русской (Кавк. пл. 10, 14), Руской (Кавк. пл. 17, 25, 34, 37 и др.; при другихъ словахъ на *ый* въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» это слово, въ видѣ исключенія, оканчивается на *ой*), Романъ классической, старинной, Отмѣнно длинной, длинной, длинной, Правоучительной и чинной (Гр. Нул. 9), серебряной стаканъ (Гр. Нул. 20), бронзовой свѣтильникъ (Гр. Нул. 20), пылкой нашъ герой (Гр. Нул. 20), неловкой стыдъ и тайный гнѣвъ (Гр. Нул. 27) ¹⁾, пѣхотной, егерской полкъ (Пов. Б. IX), строгой порядокъ, заведенный . . . родителемъ (тамъ же, IX), Графской кабинетъ (тамъ же, 24), всякой день (тамъ же, 41), Гусарской Полковникъ (тамъ же, 62), добрый малой (Совр. IV. 43), первой разъ (Совр. IV. 116), почтовой трактъ (Совр. 23), на всякой случай (Совр. 33) и т. п. Для окончанія *ей* во всѣхъ текстахъ мы нашли единственный примѣръ: Приказъ Холопей (Бор. Год. 51). Вездѣ при этомъ встрѣчается много случаевъ съ окончаніемъ *ый*, которое можемъ встрѣтить у Пушкина даже подъ удареніемъ: роковой отвѣтъ (Русл. и Л. 29), Младый Ратмиръ (тамъ же, 91), хромый кузнецъ (тамъ же, 103), Гостей, купцѣвъ — и весь честный народъ (Бор. Год. 138; весьма неудачное употребленіе окончанія *ый!*), Ночный ауловъ разоритель (Кавк. пл. 37).

Не говоримъ о приемахъ, гдѣ окончаніе именительнаго падежа *ой* является у Пушкина чрезвычайно часто въ сопоставленіи съ родительнымъ, творительнымъ и предложнымъ падежами женскаго рода, съ которыми и пишется одинаково. Подобныхъ примѣровъ встрѣчается множество во всѣхъ стихотворныхъ текстахъ Пушкина. Такъ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» имѣемъ: шумъ нестройной — нѣгою спокойной 14, кумысь прохладной — жалости отрадной 15, онъ . . . покорной — чашей благотворной

1) Здѣсь употребленіе рядомъ двухъ разныхъ окончаній, можетъ быть, показываетъ, что Пушкинъ послѣ * предпочиталъ писать окончаніе *ой*.

15, соть душистой—тропой тѣнистой 16, черкесь проворной— въ буркѣ черной 21, хозяинъ благосклонной — въ чашѣ благо-
вонной 24, и мн. др. тому подобные случаи.

И тутъ же видимъ окончаніе *ый*, если слова не рѣшуются съ формами женскаго рода: цѣлебный—волшебный 15; конь ретивый — товарищъ терпѣливый 21, плѣнникъ безнадежный — жарь мятежный и мн. др. т. п., тяжкій сонъ (Евг. О. гл. I, стр. XIX), глубокой экономъ (тамъ же, 7), вѣкъ блестящій и мятежной (рѣша: вѣжной; тамъ же, 8), великій, сраженный (Русл. и Л. 14).

Даже и въ рѣшахъ, гдѣ удобно и можно, встрѣчаются эти окончанія: Ленскій — деревенскій (Евг. О. гл. II. 17), вѣтеръ майскій — соловей Китайскій (Русл. и Л. 52), бой жестокой — доль широкій (тамъ же, 72), умыселъ ужасный — взоръ опасный (Полт. 15), здравый — дубравы (Русл. и Л. 148), суровый — оковы (Полт. 33—34), нивы—игривый (Полт. 48) и т. п.

Встрѣчаются и такія явныя уступки книжному правописанію, какъ: кладъ невозвратимый—(дочери) любимой (Полт. 43), въ схваткѣ смѣлой — кровью опьянѣлый (Полт. 65), герой безумной—приступъ шумный (Полт. 83). И наоборотъ: бунтъ осиротѣлой — Чечель смѣлой (Полт. 64), промахъ важной — мальчикъ бойкій и отважной (Полт. 66).

При томъ Пушкинъ различаетъ формы на *ой* и *ый* стилистически. Такъ, въ «Борисѣ Годуновѣ» въ словахъ народа формы на *ой*: Дьякъ Думной говоритъ 9, также въ словахъ хозяйки въ корчмѣ: всякой мальчишка 35, но въ разговорѣ монаховъ въ кельяхъ видимъ окончаніе *ый* и подъ удареніемъ (высшій стиль): честный отецъ 16, 21, святой отецъ 20, святой Владыка 21, 25.

Перевѣсъ во всякомъ случаѣ остается на сторонѣ книжнаго окончанія. Преобладаніе его наглядно указываетъ такими примѣрами, гдѣ изъ двухъ сосѣднихъ прилагательныхъ, стоящихъ въ концѣ строки, первое имѣетъ *ый*, а второе, ради рѣшмы, *ой*: чести безпощадной — твердый, хладной (Кавк. пл. 2 изд. 29),

княжны прекрасной — неистовый, ужасной (Русл. и Л. 115), главою бранной — недвижимый, бездыханной (тамъ же, 134) и т. п.

Пушкинъ писалъ по произношенію: анбаръ (Гр. Нул. 7; народное произношеніе), вытрехнулъ (Совр. IV. 153), лахмотьевъ (Цыг. 7), клюшница (Пов. Б. 22), женидьба (Совр. IV. 192), кануры (Совр. 28), кануръ (Совр. 117), покамѣсть (Евг. О. гл. II. 40; Совр. IV. 106; Цыг. 35), верхомъ (Евг. О. гл. II. 18), сверхъестественная (Русл. и Л. 86), близь (Евг. О. гл. I. 48; Цыг. 19, 32), вылѣсть (Совр. IV. 178), щастливъ (Бор. Год. 16), искренно (Пов. Б. XIII), околodka (Пов. Б. XVI), сумазброда (Пов. Б. 13), несчастнаго (Бор. Год. 24) и: несчастнаго (Бор. Год. 29), шастья (Бор. Год. 28), ошастливить (Бор. Год. 29), считаеть (Русл. и Л. 10), разнощикъ, извощикъ (Евг. О. гл. I. 29), мушины (Русл. и Л. 32), щедушный (Совр. IV. 166), свисну (Совр. 121), свиснеть (Русл. и Л. 21), блеснеть (Кавк. пл. 16), блеснула (Русл. и Л. 26), искуству (Бор. Год. 13), расказъ (Евг. О. гл. II. 24), раскази (Пов. Б. 145), Черкеская (Кавк. пл. 38), Рускіе (Кавк. пл. 44), Рускихъ (Кавк. пл. 45), разинеть (Гр. Нул. 23), миліонами (Совр. 23), паралельными (Совр. 30); если (Гр. Нул. 23); даже: явилась (Евг. О. гл. I. 47), клянусь (Совр. 114, 115); маминьки (Евг. О. гл. I. 24, гл. II. 30), кусочикъ (Совр. 22); очень замѣчательны, хотя и рѣдки, написанія: отъ нее (Пов. Б. 21), у нее (тамъ же, 124), подлѣ нее (Совр. 21), для нее (Совр. 41), противъ нее (Совр. 62), подлѣ нее (Совр. 21)¹).

(Мы должны оговориться, что во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ написаніями послѣдовательными или, по крайней мѣрѣ, повторяющимися. Мы не приводили только многихъ ссылокъ ради сохраненія мѣста).

1) Форму съ конечнымъ *e* послѣ предлоговъ употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ еще Карамзинъ. См., кромѣ примѣровъ, приведенныхъ у него раньше, «Сочиненія» Спб., 1848 (извѣстное «Смирдинское» изданіе, весьма точно передающее правописаніе первопечатныхъ текстовъ) т. I, стр. 81: я списалъ для нее; стр. 91: подлѣ нее. Также: «Сочиненія», М. 1804, т. VIII, стр. 306: подлѣ нее.

Въ «Русланъ и Людмила» по данному изданію находимъ у Пушкина обыкновенно ѣ въ предлогахъ, слитыхъ съ словами, начинающимися на е, ѣ, я: объемятъ 11, 33, изьѣздитъ 15, подьемятъ 17, разьѣдемся 17, объятія 27, 31, и мн. др. Въ другихъ изданіяхъ такое правописаніе рѣже, но встрѣчается; напр., въ «Графъ Нулина»: въ отьѣземъ полъ 7; въ «Кавк. пл.» (2 изд.): въ объятіяхъ 10, 36, объято 18, объемятъ 47, подьемятъ 53, подьѣдетъ 54, подьялся 52; въ I-ой главѣ «Онѣгина»: неизьяснимою XII, изьяснятъся 4, подьѣзда 18, подьѣхаль 23, съѣзжались 42, на съѣдене 49. Очевидно здѣсь Пушкинъ приближалъ правописаніе къ своему мягкому произношенію данныхъ согласныхъ. Въ произведеніяхъ, написанныхъ позднѣе, Пушкинъ рѣшительно отказывается отъ такой орфографіи. Во всѣхъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ мы не отмѣтили ни одного примѣра подобныхъ написаній.

Иногда Пушкинъ писалъ и выражался совсѣмъ по народному, такъ сказать, вульгарно. Такъ, у него мы найдемъ: черезвычайно весела (Гр. Нул. 17), въ постелю (Евг. О. гл. I. 29), также я: постель (Русл. и Л. 70), въ постелѣ (Гр. Нул. 10), къ моей постелѣ (Кавк. пл. 30), два дни (Русл. и Л. 113), три дни (Бор. Год. 38), татаре (Совр. 24)¹⁾, окіанъ (Бор. Год. 14), провинціаломъ (Пов. Б. 139), на Чекапскомъ ручью (Бор. Год. 35), мочнымъ (Русл. и Л. 110), козачей сабли (Полт. 15), пламя позднее (Русл. и Л. 32), дальный путь (Кавк. пл. 12), дальныхъ странъ (Кавк. пл. 2 изд. 52), насыпи (Совр. 115), наслажусь (Евг. О. гл. I. 39), палуеть (Бор. Год. 53), палуемъ (тамъ же, 76), попаловались (Пов. Б. 20 и во мн. др. случаяхъ), межъ ими (Евг. О. гл. II. 20), на четверинкахъ (Совр. IV. 49; два раза).

Нужно обратить вниманіе на то, что подобныя формы встрѣчаются у Пушкина не только для характеристики говора дѣйствующихъ лицъ изъ народа—что было бы вполне понятно лю-

1) Для этого написанія Пушкинъ руководился грамматическимъ правиломъ (См. Сочиненія. V. 127, по Морозовскому изданію).

Извѣстія II Отд. Н. А. Н., т. XI (1906), кн. 4.

дямъ, смотрящимъ на языкъ и письмо поэтовъ съ точки зрѣнія определенной и строгой педантической школьной грамматики— но и во многихъ другихъ случаяхъ.

По обычаю того времени Пушкинъ писалъ большія буквы во многихъ несобственныхъ именахъ, напр.: Лѣтопись (Бор. Год. 13), Европейца (Кавк. пл. 19), Горцевъ (Кавк. пл. 19), Финъ (Русл. и Л. 22), Финскихъ береговъ (Русл. и Л. 25), Патріархомъ (Бор. Год. 1), Думные Бояре (Бор. Год. 2), Великаго Собора (Бор. Год. 2), Монахиня-Царица (Бор. Год. 2), Правитель (Бор. Год. 3), Татаринъ (Бор. Год. 3) и т. п. Даже Ломбардъ и Аптекарь у него находимъ съ большими буквами.

Примѣры колебанія въ правописаніи различныхъ формъ и словъ у Пушкина многочислены. Кое-что мы уже привели; но это была лишь незначительная часть подобныхъ колебаній.

Такъ, въ предложномъ падежѣ существительныхъ послѣ *ъ* у него находимъ то *ь*, то *и*: въ воображеньѣ (Русл. и Л. 12), въ упоеньѣ (Русл. и Л. 12), въ подпольѣ (Совр. 120), въ уныньи (Русл. и Л. 10), въ его гѣтахъ и званьи (Совр. 127).

Въ причастіяхъ на *мый*, близкихъ по значенію къ именамъ прилагательнымъ, онъ ставилъ то два *и*, то одно: раненный (Гр. Нул. 12), незванный гость (Совр. 124).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ писалъ то такъ, то этакъ: счастье (Русл. и Л. 127) и: щастья (Цыг. 47), телеги (Русл. и Л. 144) и: телѣга (Цыг.), Рускіе (Бор. Год. 107) и: Русскую (Бор. Год. 107), покамѣсть (Евг. О. гл. I. 48) и: покамѣсть (Евг. О. гл. II. 40), ножъ (Бр. разб. 7) и: ножъ (Бр. разб. 2 изд. 7), тюрьмѣ (Бр. разб. 15) и: тюрьму (тамъ же, 11), вослѣдъ (Русл. и Л. 33) и: во слѣдъ (тамъ же, 39), метель (Пов. Б. 39 и вездѣ) и: мятель (Совр. IV. 58), поцѣлуй (Русл. и Л. 96) и: поцалуи (обыкновенно), заскрипитъ (Гр. Нул. 23) и: заскрыпѣлъ (Совр. 24), скрыпъ (Совр. 24); возьми (Кавк. пл. 41) и: возметь (Бор. Год. 5), итти (Гр. Нул. 10), вытти (Гр. Нул. 19) и: придти (Совр. 124), литературный (Совр., обложка) и: литературная (Совр. 19), межь (Кавк. пл. 12, 18, 19) и: межъ (Кавк. пл.

37, 40), Козакъ (Кавк. пл. 23, 37, 38 и мн. др.) и: казакъ (Совр. 26).

Эти колебанія происходятъ то отъ неустановленности самого русскаго правописанія, то отъ неустойчивости личной орфографіи поэта, окрѣпшей и опредѣлившейся лишь къ послѣднимъ годамъ его жизни, то отъ вліянія друзей-корректоровъ, дѣлавшихъ частныя поправки, но не рѣшавшихся уничтожить всѣ орфографическія особенности текстовъ Пушкина.

Немало у Пушкина найдется такихъ написаній, для которыхъ невозможно придумать никакого объясненія. Мы не должны, конечно, сюда относить такіе случаи, гдѣ ясна описка или опечатка, какъ Владиміръ (Евг. О. гл. II. 39), въ когтяхъ (Русл. и Л. 46), бльзобразный сонъ (Русл. и Л. 146), до самой кончины (Пов. Б. XIII), какіе похороны (тамъ же, 94), оченъ (Совр. IV. 43), перебѣзщиковъ (тамъ же, 203) и нѣкоторые другіе подобные случаи, встрѣчающіеся въ печатныхъ текстахъ Пушкина, корректурованныхъ въ общемъ хорошо, однако имѣющихъ ошибки; но мы можемъ сюда отнести случаи, гдѣ Пушкинъ могъ бы ошибиться противъ какого-либо мелочнаго орфографическаго правила или гдѣ могъ сдѣлать невѣрный грамматическій анализъ слова¹⁾ или написать неудачно по недостаточному орфографическому вниманію и навыку. Таковы написанія: Впервыя грянулъ битвы громъ (Кавк. пл. 45), Татарскіе шаровары (Совр. IV. 63; можетъ быть, Пушкинъ произносилъ род. п. мн. числа: шароваро~~въ~~, какъ говорятъ во Владим. губерніи), однихъ сутокъ (Совр. 19), одни . . . стѣны (Пов. Б. 11), къ вечерни (Совр. IV. 63), изъѣзжана (тамъ же, 59), (звѣрь) скребящій (Совр. 124), разматовала (Совр. IV. 71), оклеяны (тамъ же, 165), семь-

---

1) Что такіе неудачные грамматическіе анализы онъ могъ производить показываетъ его мнѣніе о томъ, что при глаголѣ *рѣшить* нельзя допускать образованіе *рѣшатъ* (См. «Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Спб. 1837, т. V, стр. 185), что нужно писать двенадцать, потому что здѣсь *две* получены изъ *двое* (тамъ же, 186), что надо писать *телеги*, потому что это слово происходитъ отъ *телець* (тамъ же, 186).

десять (Русл. и Л. 29), кусочикъ (Совр. 22), баишь (Пов. Б. 154), раскаиця (Совр. IV. 95), кавказкія (Совр. 23), Въ Питербургъ-городкѣ (Совр. 2, 3; и написано, можетъ быть, по сопоставленію съ народнымъ *Питеръ*), бѣлялы (Пов. Б. 174), изрѣдко (Совр. IV. 46) и: изрѣдка (тамъ же, 56, 58), палуеть (Совр. 3; здѣсь, если бы Пушкинъ даже считалъ нужнымъ написать по произношенію, то и то долженъ бы былъ поставить букву *о*, которая слышится въ сѣверномъ народномъ говорѣ); лишъ (Кавк. пл. 2 изд. 41, Цыг. 42) и: лишъ (Кавк. пл., 47), впрямъ (Е. О. гл. I. стрн. XVI), поперегъ (Совр. 59, 63), предметами, ея окружавшими (Пов. Б. 45; подобная ошибка — рѣдкость: обыкновенно *ея* и *ее* въ нашихъ текстахъ строго различаются), тебѣ *ея* надобно (тамъ же, 124), *ее самую* (см. самое; Совр. IV. 203; вѣроятно, описка или опечатка).

Разумѣется, мы не можемъ отнести къ числу недочетовъ Пушкинской орфографіи какъ тѣ формы письма, которыя теперь являются архаизмами правописанія, но въ свое время были укаконены, напр. переносы: *о-днажды*, *у-знаете*, *э-томъ*, послѣдовательное письмо префикса *при* черезъ *и* передъ гласными буквами (приялъ (Евг. О. гл. I. 38), приучень (Цыг. 15) и т. п.), горы *этъ* (Совр. 70), такъ и тѣ случаи, гдѣ ошибка является лишь кажущейся для педантической школьной грамматики. Такковы, напр., случаи употребленія винит. пад. при глаголахъ съ отрицаніемъ, что и теоретически отстаивалъ Пушкинъ (см. «Сочиненія», ред. Морозова, 1887, IV. 387, V. 16. 127). Вотъ нѣсколько фактовъ такого рода: бранчать (Евг. О. гл. I. 23) при: брэнчу (Русл. и Л. 138), Кашей (Русл. и Л. 8), оставъ тамъ же, 73, 86), подъ Азовымъ (Полт. 67; риема съ: суровымъ), подъ Бородинымъ (Пов. Б. 58), въ теченіи (тамъ же, 102; ср. при обыкновенномъ винительномъ: *съ ночь* и предложный: *съ ночи*), въ продолженіи своего повѣствованія (тамъ же, 127), прождавъ ея напрасно (тамъ же, 158), итти (тамъ же, 158; позднѣйшіе издатели исправили на: ийти) при: приидти (Совр. 114), почтовой трактъ (Совр. 23; изъ стиховъ Пушкина

видно, что онъ произносилъ это слово съ удареніемъ на концѣ: издатели неосмотрительно исправляли здѣсь окончаніе *ой* на *ый*), видѣнъ былъ (Совр. 65), безо всякаго (тамъ же, IV. 94. 112; въ позднѣйшихъ текстахъ исправлено издателями на: безъ всякаго), между ими (Совр. IV. 121. 134. 142. 164), около его (тамъ же, 194), Ничего ея бы не спасло (тамъ же, 183; въ Морозовскомъ текстѣ читаемъ: *Ничто бы ее* не спасло), не отрывала ее (тамъ же, 94), въ тайнѣ (тамъ же, 106; издатели исправили на: втайнѣ, не обративъ вниманіе на то, что у Пушкина на той же страницѣ находится: содержитъ въ великой тайнѣ), увѣщевалъ (тамъ же, 111), не очень понимая значенія этого слова (тамъ же, 43; едва ли, впрочемъ, правильно).

Не говоримъ о многихъ существительныхъ съ формами на *іе*, какъ ущеліе, свиданіе, топаніемъ, которыя предпочитаютъ Пушкинымъ, но его позднѣйшими издателями переправляются на *ье*.

Нѣкоторыя правила орфографіи не были еще прочно установлены, и несоблюденіе ихъ нельзя поставить въ вину Пушкину. Сюда относятся, между прочимъ, примѣры слитныхъ написаній: и завтра *тоже*, что вчера (Евг. О. гл. I. 30), и въ деревнѣ скука *таже* (тамъ же, 44), *туже* ночь (Совр. 59), *также* ли смѣла, какъ и вы (Совр. IV. 77).

Пушкинъ погрѣшалъ иногда и въ употребленіи буквъ *ъ* и *е*. Впрочемъ, умѣнье ставить эти буквы очень дорого цѣнится только теперь. Въ тѣ времена легко мирились съ письмомъ и даже книгой, гдѣ эти буквы были поставлены иногда и не на своемъ мѣстѣ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи правописаніе Пушкина является заслуживающимъ упрека въ большинствѣ случаевъ лишь сравнительно съ современнымъ письмомъ, большая же часть написаній оправдывается обычаями стараго времени. Такъ, онъ болѣе или менѣе послѣдовательно (всѣхъ примѣровъ и ссылокъ мы не приводимъ) писалъ: индѣйки (Гр. Нул. 10), мѣльницы (Гр. Нул. 11), мѣльницъ (Совр. 28), на мѣльницѣ (Совр. 30), вѣтхими (Совр. 54), трѣзвое (Совр. IV. 43), цѣхъ (Е. О. гл. I.

34), спѣсь (Б. Г. 122), спѣсиво (Р. и Л. 16), спѣсивится (Бор. Год. 34), смѣкая (тамъ же, 85), хмѣлю (Пов. Б. 56), вымѣщаетъ (тамъ же, 100), пѣни (Кавк. пл. 35), хмѣльна (Совр. 1), затмѣвались (Кавк. пл. 36), грамотѣи (Бор. Год. 26), мѣлкій (Гр. Нул. 7), непригѣжно (Гр. Нул. 27), телегу (Совр. 34)¹⁾, зеницу (Совр. 116), кромешники (Бор. Год. 19), сметливость (Совр. IV. 151), меткость (Кавк. пл. 9), зевать (Е. О. гл. I. 16), зевнулъ (тамъ же, 17), лечился (Б. Г. 98), лелеялъ (Пов. Б. 112). Замѣтимъ еще, что слова: «поцѣлуй», «цѣловать», въ ихъ разнообразныхъ измѣненіяхъ, Пушкинъ пишетъ очень послѣдовательно съ *a* вмѣсто *ъ*: «поцалууй», «цаловать» (согласно съ свѣрнымъ говоромъ: цолуй, цолуетъ).

Замѣчательны также въ письмѣ Пушкина пропуски *ъ*: во тмѣ (Русл. и Л. 13, 28; Кавк. пл. 29, 39), затмилась (Кавк. пл. 11), тюрьмѣ (Бор. Год. 5), возми (Кавк. пл. 2 изд. 45), осмнадцать (Е. О. гл. I. 19), меньше (тамъ же, 22), кутерма (Б. Г. 49), Кузмичь (Совр. IV. 88).

Все это случаи съ послѣдовательнымъ правописаніемъ, встрѣчающіеся во многихъ мѣстахъ разныхъ текстовъ, въ разнообразныхъ формахъ, только взятые нами въ единичныхъ примѣрахъ въ качествѣ образцовъ. Происхожденіе ихъ нужно объяснить распространеннымъ издавна орфографическимъ обычаемъ, по которому не обозначается мягкость согласнаго передъ согласнымъ (ср. стр. 76). Это правило въ печатныхъ текстахъ Пушкина проводится такъ далеко, что встрѣчаются, впрочемъ, какъ рѣдкость, даже такіе примѣры, какъ: назначте (Е. О. гл. I. стрн. XI), или хорошенко (Совр. IV. 191).

Въ правописаніи иностранныхъ словъ Пушкинъ то приближался къ чуждому оригиналу, то — къ родному произношенію: музульманскій (Кавк. пл. 2 изд. 60), акуратный (Евг. О. гл. I. 30), Стразбургскій (тамъ же, 31), Чельдъ—Гарольда (тамъ же, 52), Лудовика XIV (тамъ же, 55; повидимому, книжное напи-

1) Припомнимъ такое правописаніе этого слова у Ломоносова. См. стр. 11.

савіе), Звала Полиной Парасковью (Евг. О. гл. II. 35; впоследствии передѣлано: . . . —ю Прасковью), кристалла (Русл. и Л. 54; въ рѣмѣ съ: заиграла), юпкою (Русл. и Л. 109), Финна (тамъ же, 117; рѣма съ: кручина), мелодраммѣ (Полт. VII), Шлипенбахъ (тамъ же, 69), Салтана (тамъ же, 24), Езуитъ (тамъ же, 87), Секундъ — Маіоръ (Пов. Б. VIII), газръ (тамъ же, 86), Самсонъ (тамъ же, 109), олтаря (тамъ же, 117), канурѣ (Совр. 117; удареніе на *y*), попахѣ (бараньей шапкѣ; тамъ же, 33), кофію (тамъ же, 67, 79), эскадрономъ тамъ же, 68; опечатка или описка, связанная съ произношеніемъ: во Владим. губ. (Покровск. и Юрьевск. уѣзды) говорятъ «эскадрѣнъ»), бельмесъ по-русски не разумѣешь (Совр. IV. 113; позднѣйшіе издатели переправили на: бельмеса), майоръ (тамъ же, 190), камеръ — лакей (тамъ же, 212, 213), баталья (тамъ же, 120), чахарду (тамъ же, 45), Гарасимовна (тамъ же, 46) и: Герасимъ (тамъ же, 88), голунами (тамъ же, 124), келлы (тамъ же, 129)¹⁾.

Зато необыкновенное знаніе и чутье живого русскаго языка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, рѣдкая сообразительность давали возможность Пушкину писать правильно въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, которые при немъ и послѣ него были предметомъ споровъ между грамматистами. Такую, можно сказать, изящную орфографію мы находимъ у Пушкина въ написаніяхъ: разореннаго (Совр. 25), разорены (Совр. 25), галстукъ (Гр. Нул. 27), дышитъ (Кавк. пл. 2 изд. 14), дыштъ (Русл. и Л. 32), выставь-ко (Бор. Год. 37), подай-ко (Бор. Год. 39), разспрашивалъ (Бор. Год. 4), истиямѣ (Е. О. гл. I. стрн. XXI), гостиныхъ (тамъ же, 32), стремглавъ (тамъ же, 42), збруя (Русл. и Л. 72), сидитъ за браыми столами (Русл. и Л. 31),

1) Забѣтѣтъ, что и здѣсь позднѣйшіе издатели допускали или совсѣмъ необходимыя поправки, вродѣ передѣлки «баталья» на «баталія» или нивелировали текстъ, не обращая вниманія на тонкія стилистическія различія формъ. Такъ, у Пушкина «Гарасимовна» въ разговорѣ, а въ языкѣ автора-мемуариста «Герасимъ».

виднѣнь (Пол. 7), расчетъ (Пол. 65), не равнѣнь часъ (Совр. IV. 160), приобрѣтшей (Пов. Б. X), раскаиивалась (тамъ же, 159).

Риѣма, «звонкая подруга» поэта, во многихъ случаяхъ объясняетъ колебанія и даже неправильности его правописанія. Такъ, въ предложномъ падежѣ именъ на *ѣ* онъ обыкновенно пишетъ окончаніе *и*, но въ риѣмахъ на *е* ставитъ уже *ъ*. Прямѣровъ на *ы*, вродѣ: въ молчалыи (Кавк. пл. 2 изд. 30), въ забвеньи (тамъ же, 38), въ большомъ разсѣяньи (Евг. О. гл. I. 17), въ сомнѣньи (Русл. и Л. 29) — множество; исключеній на *ь* очень мало; напр.: въ изгнань (Бор. Год. 51), въ своемъ помѣсть (Пов. Б. 40). Но въ риѣмахъ мы видимъ обыкновенно *ъ*: (въ) уединень — утѣшень (Русл. и Л. 32), (въ) мечтань — желань (тамъ же, 119), смятень — въ размышлень (Пол. 39). Къ двумъ предложнымъ падежамъ Пушкинъ относится свободно, допуская и то и другое окончаніе: въ упоень — въ воображень (Русл. и Л. 12), (въ) ожиданьи — въ молчаньи (тамъ же, 141).

Стремясь не только къ звуковой, но и къ графической риѣмѣ, Пушкинъ, какъ извѣстно, допускалъ иногда въ этомъ случаѣ и орфографическія погрѣшности. Мы отмѣтили риѣмы: не нада — Шехеразада (Русл. и Л. 48), доспѣхи брани — (къ) Руской бани (тамъ же, 94), желѣзы — слезы (Кавк. пл. 2 изд. 37), полатынь — нынѣ (Евг. О. гл. I. 6).

Что касается риѣмъ: кудря золотыя — плечи молодыя (Русл. и Л. 49) и: кудри золотыя — волосы густыя (тамъ же, 70) — то оба написанія Пушкина оправдываются народнымъ языкомъ, въ которомъ извѣстны, какъ «күдерь» (въ пѣсняхъ: «күдерь, күдерчѣйкѣ»), такъ и «кудря» (Покровский, Юрьевскій уѣзды).

Замѣтимъ, что всѣ приведенныя здѣсь риѣмы могутъ быть исправлены въ орфографіи безъ всякаго поврежденія языка. Но у Пушкина былъ одинъ случай, въ которомъ, ради риѣмы, онъ допустилъ явную морфологическую и орфографическую неправильность. Именно, въ 3-ей главѣ «Онѣгина», строфа V, стихъ 9-ый читался: «Какъ у Вандиковой Мадонъ». Ошибку, въ числѣ

другихъ неточностей, указали князь Шаликовъ («Дамскій Журналъ» 1827, № 21) и Булгаринъ («Сѣверная Пчела» 1827, № 124). Этотъ стихъ поэтъ передѣлалъ на: «Точь-въ-точь въ Вавдиковой Мадонѣ» (риѣма съ: небосклонѣ).

Стилистическое замѣчаніе критиковъ, направленное противъ стиховъ XXVIII строфы:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой *шамѣ*...

— гдѣ неточность только графическая — Пушкинъ не принялъ во вниманіе.

Обзоръ данныхъ Пушкинскаго правописанія показываетъ, что поэтъ нескоро овладѣлъ строго опредѣленной орѳографіей, что онъ не руководствовался какой-либо избранной имъ грамматикой или примѣромъ какого-либо писателя, котораго призналъ бы въ этомъ случаѣ образцомъ для себя. Впрочемъ, такого писателя и трудно было найти. Онъ руководствовался памятью и нѣкоторой сложившейся довольно, впрочемъ, некрѣпкой привычкою. Превосходная вообще память поэта, въ частности, въ отношеніи орѳографическихъ написаній, часто не приводила его къ точности и послѣдовательности. Она измѣняла ему очевидно потому, что онъ не стремился прибѣгнуть къ ея услугамъ, не особенно старался запомнить, какъ писать то или другое слово, какихъ правилъ держаться въ томъ или другомъ случаѣ. Вопросы правописанія несомнѣнно онъ считалъ вопросами слишкомъ второстепенными, надъ которыми не стоитъ много задумываться. Орѳографія — дѣло внѣшнее: «геральдика языка», какъ онъ однажды выразился. Нужно ли вдаваться въ орѳографическія и геральдическія мелочи?

Онъ просматривалъ и исправлялъ ошибки, но не имѣлъ въ виду придать своему правописанію точность и послѣдовательность, которой держались другіе, Гречъ, напримѣръ. Пушкинъ исправлялъ лишь значительныя орѳографическія погрѣшности, грубя

ошибки, то, что бросается въ глаза. Крайне ревнивый къ своему тексту, ошибки правописанія онъ позволяетъ исправлять друзьямъ.

Школа несомнѣнно не дала поэту исполнѣ сложившихся хорошихъ ореографическихъ привычекъ. Послѣ школы онъ не думалъ заняться ореографическимъ буквобдствомъ. Онъ работалъ, «жилъ и мыслилъ». Съ великой любовью къ знанію онъ соединялъ великую критическую силу и самостоятельность ума. Учасъ у Байрона и Шекспира, онъ не хотѣлъ идти подъ указку неважныхъ доморощенныхъ грамматистовъ, хотя интересовался грамматикою и даже считалъ себя въ правѣ и находилъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы имѣть свое собственное сужденіе между прочимъ и о вопросахъ правописанія.

Ореографія приходитъ къ Пушкину сама собою. Къ концу своей литературной дѣятельности, поэтъ, всегда много занимавшійся письмомъ и чтеніемъ, интересовавшійся даже славянскою грамматикою (выписывалъ черезъ Плетнева славянскую грамматику Пенинскаго, какъ она появилась; см. письмо Плетнева къ нему отъ 5 авг. 1825 года), овладѣваетъ прекрасной, почти безукоризненной ореографіей, замѣчательной по своей послѣдовательности и многимъ частностямъ. Въ «Исторіи Пугачевского бунта», корректуры котораго читались самимъ поэтомъ, и очень усердно, какъ это видно изъ его писемъ къ женѣ 1834 года (см. письма отъ 11 іюля, 25 іюля, 30 іюля, 3 августа) ореографія по своей тщательности и достоинству мало уступаетъ ореографіи «Исторіи» Карамзина¹⁾. Такой же почти превосходной является въ общемъ и ореографія «Современника», несмотря на ея маленькія шероховатости. Хотя Пушкинъ и заявлялъ, что «обстоятельства не позволили» ему «лично заняться печатаніемъ двухъ первыхъ нумеровъ» его журнала, но Плетневъ впослед-

1) Въ этой ореографіи: *же, шс, че, че* подъ удареніемъ; *рас, вос, нис, ис* по нынѣшнему (хотя: *нитопили* 42), *нзрѣдка ой* въ им. пад. (Оренбургской Губернаторъ 14, Уфимской уѣздъ 41, цѣлой день 42 и др. подобн.); *аю* въ родительномъ послѣдовательно и подъ удареніемъ (*отставнаю* 15, *городскаю* 40, и т. п.).

ствіи увѣрялъ Я. К. Грота, что въ заявленіи этомъ рѣчь идетъ лишь о кратковременномъ отсутствіи Пушкина изъ Петербурга (на похороны матери)¹⁾. Замѣчательно, что эта ореографія отличается не оригинальными написаніями молодыхъ лѣтъ, а уступчивостью обычаю.

VI.

Бросивъ общій взглядъ на приведенные факты изъ исторіи русскаго правописанія, мы видимъ, что современное письмо очень часто не слѣдуетъ примѣру великихъ писателей и не является также системой хорошо упорядочивающей ихъ ореографію. Правда, что и классическіе авторы не слишкомъ строги въ правописаніи, что они дѣлаютъ ошибки, но, вмѣсто критическаго, разборчиваго синтеза ихъ письма, наша ореографія нерѣдко какъ разъ подражаетъ именно ихъ ошибкамъ и не принимаетъ вполне вѣрныхъ начертаній, встрѣчающихся у нихъ. Причина этого лежитъ въ плохихъ школьныхъ грамматикахъ, въ дѣятельности руководствующихся ими корректоровъ распространенныхъ изданій, вообще въ худомъ, малосознательномъ ореографическомъ обычаѣ, захватывающемъ пишущія и читающія массы.

Распространеніе и вліяніе популярныхъ школьныхъ учебниковъ громадно. Булгаринъ свидѣтельствуетъ, что «Краткой Русской Грамматики» Греча отъ 1830 года до 1838 разошлось болѣе сорока тысячъ экземпляровъ. На неблагоприятное значеніе для существующей ореографіи неудовлетворительныхъ учебниковъ и невѣжественныхъ корректоровъ обратилъ вниманіе еще И. И. Срезневскій, который въ «Замѣчаніяхъ объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (стр. 10—11), говоря о ненаучныхъ учебникахъ, писалъ: «Тѣ учителя, которые по своимъ знаніямъ стоятъ гораздо выше та-

---

1) См. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II стр. 526.

кихъ учебниковъ, безъ сомнѣнія, умѣютъ сдѣлать ихъ для учениковъ безвредными; но они должны брать это на свою совѣсть, которая и въ нихъ можетъ быть иногда задавливаема какою нибудь силою надъ ними тяготящей. Такова на примѣръ сила корректоровъ, которая звать не хочетъ ни о какой наукѣ, ни о какихъ доказательствахъ, ни о чемъ, кромѣ своего навыка и произвола, и своимъ упорствомъ побѣждаетъ и убѣжденія писателей, и настойчивость ученыхъ — не только по одиночкѣ взятыхъ, но и въ цѣлыхъ конклавахъ. Гдѣ съ такою силою борются учителю, когда ею былъ пораженъ и Востоковъ¹⁾.

Дѣйствительно, малая грамотность большинства пишущихъ и печатающихъ, создававшихъ орфографическій обычай, осиливала иногда даже и тѣ требованія школьныхъ грамматикъ, которыя оправдываются вмѣстѣ и исторіей языка, и современнымъ произношеніемъ. Напримѣръ, грамматика «Россійской Академіи» (см. 2-е изд. 1809 г.) и Востокова (см. 1-е изд. 1831 г.) совершенно правильно указываютъ писать ѣ въ словахъ: *брѣдитъ, стѣдро, стѣкша, желѣза, тѣса* (веревка у уды), *тѣлкій, прилѣжный, тѣстѣ, тѣшня*, но обычай отвергаетъ это указаніе, очевидно потому, что пишущіе упрощаютъ свою орфо-

1) Нелишнимъ счѣтаю указать нѣсколько примѣровъ вліянія корректоровъ. Нѣкоторые корректоры, вѣроятно, никогда не имѣя нужды вникать въ разницу значенія словъ *adverbium* и *adverbialiter* и т. п., поставили себѣ правиломъ всѣ выраженія, употребляемая въ значеніи нарѣчій, союзовъ, предлоговъ, писать слитно какъ одно слово (впослѣдствіи, *безсомнѣнія, поутру*, и пр.), — и теперь учителя должны стараться объяснить ученикамъ и ученики должны стараться понять всѣ эти открытія корректоровъ, какъ достояніе правильнаго правописанія. Нашли корректоры, что при переносѣ съ одной строки въ другую надо оставлять одну изъ согласныхъ, слѣдующихъ за гласною, при ней какъ части слога ею образуемаго, а слѣдующія присоединять къ слѣдующему слогу, и дагѣе ни о чемъ не думаютъ (воп-реки, сомнительный, рож-деніе и пр.); — прочли гдѣ то лекарь, леченіе и пр. съ *e* простымъ, и, ужъ не заглядывая въ словарь, опредѣлили, что такъ надо писать, а не лѣкарь, лѣченіе и пр. какъ бы слѣдовало; — придумали, что существительныхъ мягкаго окончанія мужескаго рода *ж, ч, ш, щ* нѣтъ, а есть только женскаго рода, и дѣло рѣшено: учителя и ученики должны слушаться и даже понимать и объяснять, почему все это должно быть такъ, а не иначе. Они же пишутъ: «хлопочать, мучіють» и пр., учителя и ученики и это должны объяснять грамматикой.

Примчаніе И. И. Срезневскаго.

графію, освобождаясь отъ нѣсколькихъ случаевъ употребленія затрудняющей ихъ буквы.

По превосходному знанію и чуткости языка писатели являлись, конечно, первыми авторитетами и во многихъ вопросахъ орфографіи, но недалекая школьная теорія часто не умѣла попятъ и оцѣнить ихъ знаній и соображеній (въ тѣхъ случаяхъ, когда съ писателями хотѣли справляться, что не всегда дѣлалось).

Школьная грамматика требовала, чтобы писали: *близъ*, *всклочена*, *наизустъ*, а поэты писали *близъ* (Пушкинъ), *всклочена* (Крыловъ), *наизустъ* (Лермонтовъ; рижоваль *зрусть*—*наизустъ* въ «Молитвѣ»), и мы знаемъ теперь, что правда была на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ Греча. Основой для самостоятельнаго разрѣшенія вопросовъ правописанія для лучшихъ писателей служило знаніе живого русскаго языка, точно также, какъ и знаніе книжнаго языка. И если бы въ основѣ нашей орфографіи лежала система правописанія, которой они держались—только болѣе послѣдовательно проведенная,—то, конечно, она была бы не хуже существующей, считаемой у насъ многими альфой и омегой человѣческаго знанія. Тогда мы писали бы, напр., по славянской традиціи всегда окончаніе *аю*, всегда *воз-*, *низ-*, *раз-*, *из*, или предо всѣми глухими во всѣхъ префиксахъ мѣняли въ письмѣ *з* на *с*; писали бы всегда *же*, *че*, *це*, *ше*, *ще*; держась этимологій въ вопросѣ о слитномъ или отдѣльномъ написаніи словъ, мы очень мало бы затруднялись этими случаями правописанія, правила о которыхъ въ современныхъ грамматикахъ считаются десятками; по примѣру Ломоносова, Карамзина, Пушкина мы могли бы писать всегда окончаніе *ой* и т. п.

Но наша орфографія произошла не отъ этихъ авторовъ. Путемъ школы мы получили ту орфографическую систему, которой великіе писатели не держались, которую, можно сказать, они не одобряли.

Писатели позднѣйшаго поколѣнія были не болѣе внимательны къ мелочамъ условнаго правописанія. Извѣстно, какъ далека была отъ совершенства орфографія Гоголя.

Эту ореографію, насколько она проявилась, напимѣрь, въ первомъ изданіи его книги: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». (Спб. 1831 г. ¹⁾) — было бы трудно признать хорошей. Не говоримъ о такихъ случаяхъ, гдѣ Гоголь писалъ не такъ, какъ пишутъ теперь, слѣдуя принятому въ его время ореографическому обычаю.

Такъ, употребляя въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ обыкновенно окончаніе *ый*, онъ допускаетъ и *ой*: свѣтъ великой VI, всякой случай XIX, Антихристъ проклятой 10 и подобн. съ окончаніемъ *ой*, которое встрѣчается у него даже въ словахъ Малороссійки. Онъ пишетъ также: росписанная 3; нѣчего XIII, XV, мѣлкія XIX, мѣльницъ 8, мѣльницы 9; имянно VII; скрыпка VII; тысячь 5; проишествіе 12; щеть XI, шастью XIII; извошки XXII; у нее 11. Все это относительно вѣрно, т. е. соотвѣтствуетъ грамматикѣ и ореографическому обычаю того времени.

Но въ ореографіи Гоголя встрѣчаются такія особенности, которыя нельзя назвать иначе, какъ ошибками. Напимѣрь, у него находимъ: чемъ VI, VIII, зачемъ VI (хотя такъ и писалъ Ломоносовъ, но его ореографія этого слова не поддерживалась), слышило V, зброду V, пальцомъ XV, этаго 14 (это, впрочемъ, можно и не считать ошибкой), рассказать VIII, бьются XII; *не* съ глаголами часто пишется вмѣстѣ и др. подобн. случаи. Попадаются совсѣмъ странныя написанія, напр.: дванадцатую долю X.

Значительный недостатокъ ореографіи Гоголя еще ея непоследовательность. Онъ пишетъ: какого X и: какого XI, первый разъ 6 и тотчасъ же: первой разъ 6 и т. подобн.

Если и имѣть въ виду, что подобныя написанія можно было иногда встрѣтить въ то время въ книгахъ, то нельзя забывать, что Гоголь былъ не начетчикъ, а образованный человекъ, прошедшій «высшія науки», самъ преподаватель и черезъ недолгое

1) Печатано въ Типографіи Департамента народнаго просвѣщенія. Поэтому ореографія сравнительно очень исправна.

время профессоръ университета; что ореографія болѣе или менѣе опредѣлилась и утвердилась въ то время, и подобное письмо могли основательно назвать «неграмотнымъ». Стоитъ посмотрѣть, въ какой безукоризненной ореографіи являлись передъ публикой посредственные, но грамматически вышколенные писатели, какъ Гречъ и Булгаринъ, чтобы убѣдиться, что ореографія Гоголя оставляла желать очень многаго.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ много работали надъ своими произведеніями Пушкинъ и Гоголь. Но очевидно, что ихъ обработка вовсе не направлялась въ сторону ореографіи. Если бы они придавали ей такое значеніе, какъ недавніе поборники ореографической неподвижности, усматривающіе какимъ-то образомъ въ теперешней ореографіи наслѣдіе великихъ писателей, то, можно надѣяться, достигли бы въ ней той высоты, на которой стояли Гречъ и Булгаринъ.

Чтобы убѣдиться, что наша ореографія не связана съ именемъ знаменитыхъ писателей, нужно бы только посмотрѣть, какъ, напр., справлялся съ буквами *е* и *ъ* И. А. Крыловъ въ первомъ изданіи своей «Почты духовъ» (Спб. 1789 г., часть II). Онъ писалъ: вертелся 2, надеть 3 (и здѣсь же: надѣтъ), со всемъ (нарѣчіе) 4, зеваютъ 5, чемъ 8, о презреніи 8, совсемъ 10, 11, перелѣтель 12, со всемъ тѣмъ 13, пешеходцы 15, проезжая 15, Вся искусство Докторовъ 2, одѣждѣ 4, предметы 5, крестьянъ 9, выводятъ войска въ поле 10. Эти случаи только на 15 первыхъ страницахъ книги.

Въ ореографію даннаго текста даже ненужно долго всматриваться. Изъ перваго ознакомленія съ ней видно, что писатель игнорировалъ не только букву *ъ*, но и многія другія безспорныя правила правописанія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ это.

1) Вотъ особенности Крыловской ореографіи въ употребленіи буквъ: етой 8, ето 9, на однихъ только догадкахъ 10, нужнѣя 11, важнѣя 11, шездесять 15, 143, скорѣя 15, рабенка 18 (впрочемъ, здѣсь Крыловъ могъ слѣдовать Сумарокову, который

требовалъ именно такого письма для даннаго слова, производя его отъ «рабъ»), сихъ Баярь 20, па него на самага 24, здѣлалъ 25, прозьбъ 26, присудствіемъ 33.

2) Особенности въ употребленіи формъ и словъ: приколонна ленточка 3, одного на *нея* взгляда довольно 3, ничего не значущихъ разговоровъ 5 (см. также 23 стр.), купецъ сдѣлался бавк рупомъ 10, съ ѣзжаться 17, многочисленное общество здоровыхъ и изуродованныхъ бѣдняковъ *наполняли* переднюю комнату 17 (не литературный, но народный оборотъ), держуть 24, поднести на него на самага три тома Сатиръ 24.

Не мѣшаетъ еще замѣтить, что самъ Крыловъ вполне удовлетворялся такой орфографіей и не прочь былъ поиздѣваться надъ «безграмотностью» подьячихъ. Такъ, на стр. 129 отецъ пишетъ у него своему сыну: «Радуюсь, что ты въ приказѣ набилъ руку, такъ твердо, что своимъ чоткимъ письмомъ и самому слѣпому Судьѣ можешь понравиться: только замѣтилъ я, что ты *Ять* пишешь очень часто, и ставишь двоеточіи, запятыя, и точки. Пожалуй повоздержись, *Льмтулушка*, а то еще скажутъ, что ты не встатѣ умничаешь. Замѣть, мой другъ, что Судья, которой не употребляетъ *Ятей* и за пятыхъ, никогда не бываетъ друженъ съ секретаремъ, которой пишетъ по фородрафіи» . . .

Но и писатели болѣе поздней эпохи, когда орфографія установилась прочнѣе, не обнаруживаютъ стремленія къ безусловной ея правильности. Напримѣръ, Л. Н. Толстой въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» (Спб. 1856) пишетъ: самага себя (= самого) 3, прозженномъ 5, на ципочкахъ 7, прокрадешься наверхъ, въ класную 7, всегда приласкаеть и видно, что разстроганъ 7, ее каріе глаза 10, цаловалъ 10, 11, одиннадцать 11, сметливости 16, и др. подобн. — Замѣтимъ, что Толстой выступилъ въ литературѣ не юношей, какъ Пушкинъ, или Гоголь, но человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, когда у него уже долженъ былъ сложиться прочный навыкъ въ письмѣ.

В. Чернышевъ.

Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ.

На отношенія Александра Александровича Бестужева къ Грибоѣдову была наброшена нѣкоторая тѣнь. Въ семидесятихъ годахъ декабристъ Завалишинъ заявилъ печатно, что въ силу показанія Бестужева Грибоѣдовъ былъ арестованъ въ 1826 г. и привлечень къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ. Десять лѣтъ спустя, издатель и комментаторъ Грибоѣдова, проф. Шляпкинъ, выразилъ подозрѣніе, что отношенія Бестужева къ Грибоѣдову, по внѣшности дружественныя, были лицемѣрны.

Снять съ памяти Бестужева эти несправедливыя нареканія и собрать разсѣянные въ біографической литературѣ данныя о дружбѣ Грибоѣдова съ Бестужевымъ—будеть задачей предлагаемаго очерка.

Знакомство автора «Горя отъ ума» съ Бестужевымъ относится къ одному изъ самыхъ богатыхъ содержаніемъ періодовъ въ жизни Грибоѣдова, какъ, впрочемъ, и всего александровскаго общества. Послѣ томительнаго пребыванія въ «почетной ссылкѣ» въ Персіи и на Кавказѣ, Грибоѣдовъ получилъ въ мартѣ 1823 г. четырехмѣсячный отпускъ, растянутый потомъ на два года. Съ чуждаго востока Грибоѣдовъ везъ на родной сѣверъ первые опыты «Горя отъ ума». Зимній сезонъ 1823—1824 г. онъ провелъ въ Москвѣ, усердно посѣщая общество, собирая новыя наблюденія и обрабатывая свою пьесу, а лѣтомъ 1824 г. переехалъ въ Петербургъ, имѣя уже въ портфель всѣ четыре акта

«Горя отъ ума», конимъ, однако, въ сѣверной столицѣ предстояли новыя дополненія и измѣненія. Съ юня 1824 г. по май 1825-го Грибоѣдовъ прожилъ въ Петербургѣ безвыѣздно (если не считать поѣздокъ въ окрестности), и этотъ годъ былъ полонъ для него богатыхъ впечатлѣній и кипучей дѣятельности.

По приѣздѣ въ Петербургъ Грибоѣдовъ легко возобновилъ старыя знакомства и связи, оставшіяся еще отъ 1815—1818 гг., а его извѣстность какъ выдающагося писателя, видное служебное положеніе и аристократическое родство быстро ввели его въ широкій кругъ новыхъ знакомствъ, чиновныхъ, свѣтскихъ, литературныхъ и артистическихъ. Уже вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ Грибоѣдовъ писалъ своему близкому другу, С. Н. Бѣгичеву: «здѣсь я уже восемь дней гуляю, коли дома, то вѣрно одинъ другого смѣняетъ въ моей комнатѣ, когда же со двора выхожу, то всюду разсыпаюсь, — досугъ и воля. . . Никита, братъ Александра Всеволожскаго, Александръ, братъ Володи Одоевскаго, журналистъ Булгаринъ, Мухановъ и сотня другихъ лицъ, — всѣ у меня передъ глазами. Прошай, голова вихремъ идетъ»¹⁾. Въ театальной и литературной средѣ съ Грибоѣдовымъ вели близкое знакомство: писатели-драматурги кн. А. А. Шаховской, Н. И. Хмѣльницкій, А. А. Жандръ; артисты В. А. и П. А. Каратыгины, Григорьевъ, Сосницкій, А. М. Колосова, Валберхова-старшая; журналисты Н. И. Гречъ, Ф. В. Булгаринъ, Орестъ Сомовъ; писатели-декабристы; Крыловъ, Гвѣдичъ, С. Н. Глинка, В. С. Миклашевичева и, конечно, многіе другіе. Грибоѣдовъ охотно посѣщалъ театры и литературныя собранія. На литературныхъ вечерахъ онъ читалъ свою комедію, и «Горе отъ ума» быстро сдѣлалось злобою дня. Проживъ недолгое время въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ уже пишетъ С. Н. Бѣгичеву, что успѣлъ прочесть свое произведеніе «Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гр. (Гречу) и Булг. (Булгарину), Коло-

---

1) Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шапкина, 1889, т. I, стр. 184, 185.

совой, Каратыгину, дай счесть—*8 чтеній*, нѣтъ, объелся,—двѣ-надцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ»¹⁾). Рукописныя копія «Горя отъ ума» быстро распространились по городу, возбуждая оживленные толки за и противъ. Наконецъ, появленіе отрывковъ комедіи въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія» (на 1825 г.) развязало языкъ и журналистамъ, петербургскимъ и московскимъ, и въ «Сынѣ Отечества», «Московскомъ Телеграфѣ», «Вѣстникѣ Европы» 1825 г. разгорѣлась запальчивая полемика за и противъ комедіи, сразу ставшей литературнымъ событіемъ первой степени.

Въ правящихъ сферахъ Петербурга Грибоѣдовъ также имѣлъ большія знакомства. Въ первомъ письмѣ къ Бѣгичеву изъ столицы онъ уже перечисляетъ не мало своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ: «Теперь о важныхъ лицахъ кстати: Василій Серг. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго цензура зависитъ, мнѣ по старому знакомству вѣроятно окажется благопріятенъ. Алек. Семсн.²⁾ тоже. Частію это³⁾ зависитъ отъ гр. Милорадовича⁴⁾; на дняхъ онъ меня угощалъ обѣдомъ въ Екатерингофѣ. Вчера я нашель у Паскевича Вел. Князя Никол. Павл.; это до цензуры не касается, но чтобъ дать понятіе, гдѣ бываю и кого вижу»⁵⁾). Были и другія подобныя знакомства, напр. съ гр. Н. С. Мордвиновымъ⁶⁾, кн. Мадатовымъ и др.

Были у Грибоѣдова еще знакомства въ иной средѣ. Въ кругу декабристовъ поэтъ издавна имѣлъ многихъ знакомыхъ и добрыхъ друзей; съ другими не замедлил познакомиться по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1824 г.: Рылѣвъ, князя А. И. Одоевскій,

1) Соч. Грибоѣдова, т. I, 186.

2) Шишковъ, новый министръ народнаго просвѣщенія.

3) Рѣчь шла о цензурномъ разрѣшеніи отдѣльнаго изданія «Горя отъ ума».

4) Петербургскій генералъ-губернаторъ.

5) Соч., т. I, 185.

6) I, 200—201.

Волковскій, Оболенскій; В. Кюхельбекеръ, Якубовичъ, П. А. Каховскій, Мухановъ, Завалишинъ, Оржицкій, Муравьевы, М. Бестужевъ-Рюминъ, несомнѣнно—и многіе другіе.

Александръ Александровичъ Бестужевъ вращался въ тѣхъ же кругахъ, что и Грибоѣдовъ. Они легко могли встрѣтиться и познакомиться. Былъ и личный, благоприятный сближенію, поводъ. Еще въ 1823 г. Бестужевъ очень лестно отозвался въ «Полярной Звѣздѣ» о литературныхъ опытахъ Грибоѣдова, обозрѣвая русскую драматическую литературу: «Грибоѣдовъ весьма удачно передѣлалъ съ французскаго комедію *Молодые Супруги* (*Le vescret du ménage*); стихи его живы; хорошій ихъ тонъ ручается за вкусъ его, и вообще въ немъ видно большое дарованіе для театра»¹⁾. Однако, сближеніе произошло не такъ просто и не сразу. Зависѣло это отъ Бестужева.

Въ бумагахъ Александра Александровича сохранилась статья, написанная на Кавказѣ, очевидно подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Грибоѣдова: «Знакомство мое съ Грибоѣдовымъ»²⁾. Положенная на бумагу въ 1829 г., т. е. не позже какъ четыре года спустя послѣ разлуки писателей, воспоминанія Бестужева (одно изъ немногихъ, къ великому сожалѣнію, свидѣтельство о Грибоѣдовѣ современниковъ-друзей) и по искренности тона, и по несомнѣнной правдивости въ передачѣ фактовъ, которые были еще свѣжи въ памяти, весьма цѣнны какъ біографическій матеріалъ. Здѣсь Бестужевъ признается, что долго самъ намѣренно избѣгалъ знакомства съ Грибоѣдовымъ. «Я былъ предубѣжденъ противъ Александра Сергѣевича. Разказы объ извѣстной дуэли, въ которой онъ былъ секундантомъ, мнѣ переданы были его противниками въ черномъ видѣ». Рѣчь идетъ объ извѣстной дуэли

1) «Полярная Звѣзда» на 1823 г., ст. А. А. Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», стр. 301; перепеч. въ собр. соч. Марлинскаго, 1847, т. IV, ч. XI, стр. 152.

2) Она опубликована М. И. Семева въ Отечественныхъ Запискахъ 1860 г., Октябрь, стр. 633—640; перепечатана, съ нѣкоторыми пропусками, проф. Шляпкинымъ въ собр. соч. Грибоѣдова, 1889, т. I, Канва, стр. XXI—XXVI.

гр. А. П. Завадовскаго съ В. В. Шереметевымъ, 12 ноября 1817 г., изъ-за танцовщицы Истоминой, при чемъ былъ убитъ Шереметевъ¹⁾). Поясняя нежеланіе Бестужева знакомиться съ Грибоѣдовымъ, И. А. Шляпкинь говоритъ: «Разсказывали, что А. П. Завадовскій предлагалъ Шереметеву помириться, и тотъ колебался, но А. С. Грибоѣдовъ, настаивая на дуэли въ виду честнаго слова, будто и былъ такимъ образомъ виною смерти Шереметева»²⁾). Если сообщаемый фактъ и вѣренъ, врядъ ли онъ былъ мотивомъ нерасположенія Бестужева къ Грибоѣдову: Александръ Александровичъ самъ былъ записной дуэлистъ и забіяка. Скорѣе, причина нерасположенія кроется въ подробностяхъ интриги гр. Завадовскаго съ Истоминой³⁾, гдѣ Грибоѣдовъ игралъ дѣятельную—и не весьма почтенную—роль. Смерть Шереметева произвела на Грибоѣдова потрясающее впечатлѣніе; онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что «на него нашла ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собой умирающаго Шереметева, и пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось ему невыносимо»⁴⁾). Кажется, къ этому же событію относятся и слова Пушкина въ «Путешествіи въ Эрзерумъ»: «Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться однажды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію». Въ обществѣ, конечно, много говорили о несчастной дуэли, и немудрено, что Бестужевъ зналъ подробности исторіи, не очень благопріятныя доброй славѣ Грибоѣдова. «Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ Петер-

1) Исторія этой дуэли разсказана С. Н. Шубинскимъ въ его Историческихъ очеркахъ (4-е изд. 1903 г.); ср. также документы, опубликованные С. А. Бѣлокуровымъ въ Рус. Обозрѣніи, 1894, № 3. Отголоскомъ дуэли былъ поединокъ секундантовъ, Грибоѣдова и Якубовича, состоявшійся на Кавказѣ.

2) Соч. Грибоѣдова, I, Кавва, XX.

3) Подробности эти частію изложены г. Шубинскимъ, частію остались неоглашенными, въ полицейскихъ протоколахъ.

4) Бесѣды Общ. Люб. Рос. Словесности, 1864, т. II, стр. 17.

бургѣ, продолжастъ Бестужевъ, а я не думалъ съ нимъ сойтись, хотя имѣлъ къ тому не мало предлоговъ и много случаевъ. Уважая Грибоѣдова, какъ автора, я еще не уважалъ его какъ человѣка. „Это необыкновенное существо, это гений!“, говорили мнѣ нѣкоторые изъ моихъ пріятелей. Я не вѣрилъ. . . Знаки восклицанія въ преувеличенныхъ письмахъ о немъ не болѣе убѣждали меня, какъ двоеточія и многоточія,—словомъ я хотѣлъ имѣть свое мнѣніе и безъ достаточной причины не мѣнять стараго на новое».

Однако, какъ Бестужевъ ни «упирался встрѣтиться» съ Грибоѣдовымъ, встрѣча была неизбежна въ кругу однихъ и тѣхъ же общихъ знакомыхъ. «Я сидѣлъ, рассказываетъ Александръ Александровичъ, у больного пріятеля моего, гвардейскаго офицера Н. А. М—ва, страстнаго любителя всего изящнаго. Это было утромъ, въ августѣ 1824 года. Вдругъ дверь распахнулась; вошелъ человѣкъ благородной наружности, средняго роста, въ черномъ фракѣ, съ очками на глазахъ.

— Я зашелъ навѣстить васъ,—сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ моему пріятелю: — поправляетесь ли вы?

И въ лицѣ его видно было столь же искренняго участія, какъ въ его пріемахъ умѣнья жить въ хорошемъ обществѣ, но безъ всякаго жеманства, безъ всякой формальности; можно сказать даже, что движенія его были какъ-то странны и отрывисты и со всѣмъ тѣмъ приличны, какъ нельзя болѣе. Оригинальность кладетъ свою печать даже и на привычки подражанія. Это былъ Грибоѣдовъ. Обрадованный хозяинъ поспѣшилъ познакомить насъ. Оба имени прозвучали весьма внятно, но мы привѣтствовали другъ друга очень холодно, даже не подали другъ другу руки». Завязавшійся разговоръ скоро «склонился на словесность», на Байрона, Гёте, Шекспира. Но Бестужевъ, очевидно, не умѣлъ скрыть своего настроенія (даже въ позднѣйшей передачѣ этого разговора, въ воспоминаніяхъ Александра Александровича, сохранился будирующій тонъ его рѣчей), Грибоѣдовъ держался насторожѣ (потомъ онъ признавался Бестужеву: «холодность ваша

при первой встрѣчѣ, какая-то осторожность въ рѣчахъ, отбили у меня охоту быть съ вами покороче), и сближенія не послѣдовало. Писатели разстались «съ меньшею холодною, правда, но безъ всякихъ привѣтовъ и приглашеній». Послѣ того Грибодовъ и Бестужевъ не встрѣчались около трехъ мѣсяцевъ.

Потомъ посредникомъ между писателями оказалось литературное произведеніе — рукописная комедія «Горе отъ ума». «Вскорѣ послѣ ужаснаго наводненія въ Петербургѣ, Ѳ. В. Булгаринъ, у котораго сидѣлъ я, далъ мнѣ прочесть нѣсколько отрывковъ изъ Грибодовской комедіи «Горе отъ ума». Я уже не разъ слышалъ о ней; но изувѣченные изустными преданіями стихи не подали мнѣ о ней никакого яснаго понятія. Я поглотилъ эти отрывки, я трижды перечиталъ ихъ. Вольность русскаго разговорнаго языка, пронзительное остроуміе, оригинальность характеровъ и это благородное негодованіе ко всему низкому, эта гордая смѣлость въ лицѣ Чацкаго проникла въ меня до глубины души. „Нѣтъ“, сказалъ я самъ себѣ, „тотъ, кто написалъ эти строки, не можетъ и не могъ быть иначе, какъ благородное существо“!

Взялъ шляпу и поскакалъ къ Грибодову.

— Дома-ли?

— У себя-съ.

Вхожу въ кабинетъ его. Онъ былъ одѣтъ не подомашнему, кажется куда-то собирался.

— Александръ Сергѣичъ, я пріѣхалъ просить вашего знакомства. Я бы давно это сдѣлалъ, еслибъ не былъ предубѣжденъ противъ васъ. . . Всѣ навѣты, однакожъ, упали предъ многими стихами вашей комедіи. Сердце, которое диктовало ихъ, не могло быть тускло и холодно. Я подалъ руку, и онъ, дружески сжимая ее, сказалъ:

— Очень радъ вамъ, очень радъ! Такъ должны знакомиться люди, которые поняли другъ друга». Итакъ, ледъ былъ сломанъ. Не желая задерживать Грибодова, Бестужевъ сократилъ свой визитъ и, прощаясь, просилъ у автора полную рукопись «Горя

отъ ума» для прочтенія. Но манускрипта дома не оказалось, онъ ходилъ по рукамъ, и Грибоѣдовъ пригласилъ Бестужева на-завтра обѣдать къ одному общему знакомому, гдѣ предполагалъ самъ читать свою комедію. «Разумѣется, я не замедлилъ на другой день явиться по приглашенію. . . Часовъ въ шесть началось чтеніе. Грибоѣдовъ былъ отличный чтець; безъ фарсовъ, безъ поддѣлокъ онъ умѣлъ дать разнообразіе каждому лицу и отдѣлять каждое счастливое выраженіе. . . Чтеніе кончилось. Всѣ обступили автора съ поздравленіями и комплиментами, которыя принималъ онъ очень сухо. Видно было, что онъ взялся читать не для жатвы похвалъ, а только чтобы отдѣлаться отъ неотступныхъ просьбъ любопытныхъ. Я только сжалъ ему руку, и онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же. Съ этихъ поръ мы были уже нечужды другъ другу». . .

Проф. И. А. Шляпкинъ, въ своихъ комментаріяхъ къ сочиненіямъ Грибоѣдова, сомнѣвается въ искренности сближенія Бестужева съ Грибоѣдовымъ. Ему казалось, что «отношенія Бестужева къ А. С. Грибоѣдову, не смотря на состоявшееся примиреніе, были лицемерны. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ изъ письма нѣкоего А. П. Бочкова къ Бестужеву, на-мѣревающемуся (въ 1826), „не въ шутку перевѣдаться съ А. С. Грибоѣдовымъ“ (Рус. Стар., 1889, VII, стр. 117)».

Здѣсь вышло простое недоразумѣніе. Во-первыхъ, указанное письмо А. П. Бочковъ писалъ не къ Бестужеву, а къ А. А. Ивановскому; во-вторыхъ, перевѣдаться съ Грибоѣдовымъ собирался не Бестужевъ (который въ 1826 г. сидѣлъ уже въ фортѣ Слава, въ Финляндіи), а самъ Бочковъ; въ-третьихъ изъ самого текста письма Бочкова еще нельзя заключить о враждебныхъ отношеніяхъ его къ Грибоѣдову.

Бочковъ писалъ Ивановскому, пріятелю Грибоѣдова: «Желая не въ шутку перевѣдаться съ Грибоѣдовымъ, я хочу на всякій случай (въ удачѣ и неудачѣ Богъ воленъ) исповѣдаться и вась выбираю отцомъ духовнымъ. Вчера я сотворилъ хотя нечаянный,

но смертный грѣхъ: похулилъ 4 прекраснѣйшихъ стиха изъ Ермака Дмитріева». Смыслъ этихъ словъ неясенъ; очень можетъ быть, что Бочковъ собирался перевѣдаться съ Грибоѣдовымъ въ литературномъ турнирѣ, критикуя, напр., «Горе отъ ума»¹⁾. Итакъ, во всемъ этомъ эпизодѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на лицемѣрность отношеній Бестужева къ Грибоѣдову.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Александръ Александровичъ не рассказываетъ дальнѣйшей исторіи своего сближенія съ Грибоѣдовымъ. Несомнѣнно, однако, что сближеніе пошло очень быстро и закончилось тѣснѣйшей дружбой. Помимо общности литературныхъ интересовъ и общественно-политическихъ взглядовъ, о чемъ рѣчь ниже, двухъ поэтовъ сближало еще и сходство характеровъ. Прямой, горячій, смѣлый и рыцарскій характеръ Бестужева, несомнѣнно, былъ достоинъ характера Грибоѣдова. Бестужевъ скоро разгадалъ тѣ же благородныя черты и въ своемъ новомъ другѣ и оставилъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ вѣрную — и одну изъ самыхъ цѣнныхъ въ грибоѣдовской біографической литературѣ — характеристику Александра Сергѣевича. «Обладая всѣми свѣтскими выгодами, Грибоѣдовъ не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни

---

1) Въ другомъ письмѣ къ А. А. Ивановскому (ноябрь того же 1826 г.) Бочковъ пишетъ: «Очень радъ, что мои замѣчанія заслужили одобреніе ваше. Я знаю, что вы любите критику, и если моя вамъ нравится, то я сообщу еще нѣсколько на лету схваченныхъ мыслей о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ и Алекс. Бестужевѣ». Рус. Старина, 1889, VII, 115. Личность Алексѣя Поликарповича Бочкова не лишена интереса. Блестящій и жизнерадостный свѣтскій человекъ, любитель литературы, высоко и правильно цѣнившій литературныя и общественныя заслуги писателей-декабристовъ: Бестужева, Рылѣева, Кюхельбекера, Корниловича, потомъ искренне оплакавшій ихъ судьбу, Бочковъ впоследствии круто повернулъ свою жизнь и умеръ монахомъ. Его Путешествіе въ Палестину и на Афонъ напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос.; «Письма къ разнымъ лицамъ» изданы въ 1869 г. отдѣльно, какъ и книга «Русскіе поклонники въ Иерусалимѣ» (Москва, 1875). О немъ см. 1) Запѣтки А. А. Ивановскаго, Рус. Стар., 1874, II, 395—396; 2) А. А. Чумикова, тамъ же, 1874, III, 666; 1889, II, 377—380; 3) кн. Н. С. Голицына: «Иеромонахъ Антоній Бочковъ», тамъ же, 1889, XI, 372—374; 4) Четыре письма А. П. Бочкова къ А. А. Ивановскому, тамъ же, 1889, VII, 118—119.

блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества ¹⁾). Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому даже, что онъ узы. Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ. Никто не похваляется его лестью; никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать—никогда. Твердость, съ которою онъ обличалъ порочныя привычки, не смотря на знатность особы, показала бы инымъ катановскою суровостью, даже дерзостью; но такъ какъ видно было при этомъ, что онъ хотѣлъ только извинить, а не уколоть, то нравоученіе его, если не производило исправленія, по крайней мѣрѣ не возбуждало и гнѣва.

Вскорѣ новые друзья стали часто встрѣчаться, бывали другъ у друга и вмѣстѣ появлялись въ обществѣ. Современникъ, хорошо знавшій обоихъ писателей, П. А. Каратыгинъ рассказываетъ, что Грибоѣдовъ любилъ посѣщать ученическіе спектакли въ театральномъ училищѣ, при чемъ иногда вмѣстѣ съ нимъ бывалъ и Бестужевъ. Ученики задумали даже поставить тогда на школьномъ театрѣ «Горе отъ ума»; репетовкой руководилъ Грибоѣдовъ. «На одну изъ репетицій онъ привезъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера», которые, какъ и

---

1) Эта черта характера Грибоѣдова, какъ онъ сложился ко времени знакомства съ Бестужевымъ, вѣрно отмѣчена Александромъ Александровичемъ и подтверждается другими біографическими источниками. Нѣкогда, въ своей первый приѣздъ въ Петербургъ въ 1815—1818 гг., Грибоѣдовъ очень увлекался свѣтскимъ обществомъ и его развлеченіями; потомъ онъ сильно переѣнился; въ 1824 г. онъ приѣхалъ въ Петербургъ челоѣкомъ зрѣлымъ, предъявлявшимъ обществу строгія требованія. Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 10-го іюня 1824 г. Грибоѣдовъ рассказываетъ, что въ день именинъ графини Бобринской онъ былъ у нея на дачѣ: «музыка, дамы, шампанское, и въ старые годы меня бы отсюда не скоро вытащили, теперь—другая пора, выдаюсъ по необходимости». I, 184; ср. 193, 194, 199. Въ Петербургѣ, въ самый разгаръ своей литературной популярности, Грибоѣдовъ изучалъ восточные языки подъ руководствомъ пр. Казимбека и Музы Джафара, также правовѣдѣніе, философію, исторію и политическую экономію. Рус. Стар., 1874, VI, 276.

самъ авторъ, остались довольны первыми исполнителями славной комедіи ¹⁾). Въ воспоминавіяхъ декабриста Завалишина сохранилось другое свидѣтельство о томъ же. «Исполняя желаніе Грибоѣдова, его познакомилъ со мною одинъ изъ его почитателей, Орестъ Михайловичъ Сомовъ, у котораго онъ часто бывалъ между прочимъ и потому, что у Сомова жилъ тогда Александръ Бестужевъ, писавшій въ то время литературныя обозрѣнія, съ которымъ поэтому и Грибоѣдовъ былъ въ частыхъ литературныхъ сношеніяхъ» ²⁾). «Литературныя сношенія» касались, между прочимъ, и личнаго участія Грибоѣдова въ изданіи Бестужева — Рылѣва. Въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г. появился «Отрывокъ изъ Гёте» (Прологъ Фауста), переведенный Грибоѣдовымъ. И въ той же книжкѣ «Полярной Звѣзды» помѣщенъ отзывъ Бестужева о «Горѣ отъ ума». Въ своемъ «Взглядѣ на русскую словесность въ теченіе 1824 и нач. 1825 годовъ» критикъ, бѣгло упомянувъ о драматическихъ новинкахъ кн. Шаховскаго, Кокшкіна, Ѳедорова, Дмитріева и отмѣтивъ, что русскій театръ обѣднѣлъ оригинальными пьесами, говоритъ далѣе: «Но все это выкупила рукописная комедія г. Грибоѣдова: *Горе отъ ума*, феноменъ, какого не видали мы отъ временъ Недоросля. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ — все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтеть ее, не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди привычные даже забавляются по французской систематикѣ или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязи, что авторъ не по правиламъ нравится, но пусть они говорятъ что имъ угодно: предразсудки разсѣются и будущее оцѣнить достойно

1) П. А. Каратыгинъ, Записки, изд. 1880, стр. 130. Последній визитъ, съ В. К. Кюхельбекеромъ, надо отнести къ апрѣлю 1824 г., когда Кюхельбекеръ снова пріѣхалъ въ Петербургъ.

2) Д. Завалишинъ, Воспоминаніе о Грибоѣдовѣ. Древн. и нов. Россія, 1879, IV, 212.

сію комедію и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ»¹⁾). Этотъ горячій отзывъ, лучшій изъ всѣхъ современныхъ критикъ на грибоѣдовскую комедію, оказался и пророческимъ, поскольку будущее, дѣйствительно, поставило «Горе отъ ума» «въ число первыхъ твореній народныхъ». Насколько искрененъ былъ Бестужевъ въ своемъ сближеніи съ Грибоѣдовымъ и въ печатныхъ отзывахъ о «Горѣ отъ ума», можно видѣть изъ его частнаго, вовсе не рассчитаннаго на оглашеніе, письма къ В. И. Туманскому, изъ Петербурга въ Кіевъ, отъ 15-го января 1826 г.: «Здѣсь шумитъ и по достоинству Грибоѣдова комедія. Это—диво, и онъ самъ пресвѣжая душа»²⁾).

«Пресвѣжая душа»—это относилось, конечно, не только къ личному характеру Грибоѣдова, но и къ его передовымъ взглядамъ. Быстро сблизившись, новые друзья въ свое недолгое знакомство успѣли, разумѣется, переговорить о многомъ и раскрыть въ бесѣдахъ свои взгляды и убѣжденія. Къ сожалѣнію, въ воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ Бестужевъ не изложилъ тѣхъ дружескихъ бесѣдъ сколько нибудь обстоятельно. Указавъ, что послѣ публичнаго чтенія «Горя отъ ума», гдѣ присутствовалъ и Бестужевъ, оба писателя стали «уже нечужды другъ другу», авторъ воспоминаній заполняетъ цѣлую строку точками, хороня подъ ними подробности дальнѣйшаго сближенія и задушевныхъ бесѣдъ. Подробности эти, очевидно, были бы неумѣстны въ 1829 году на Кавказѣ, въ бумагахъ разжалованнаго въ солдаты государственнаго преступника, всегда опасавшагося непрошенныхъ ночныхъ визитовъ³⁾). Изъ всей вереницы бесѣдъ съ Грибоѣдовымъ Бестужевъ довѣрилъ бумагѣ только двѣ темы, нейтральнаго характера. Одна изъ нихъ была изъ области, кровно близкой обимъ собесѣдникамъ,—литературы. При первой же встрѣчѣ

1) Полярная Звѣзда на 1825 г., стр. 17; перепеч. въ собр. соч. Марлинскаго, 1847, т. IV, часть XI, стр. 130; 131.

2) Кіевская Старина, 1899, III, 300.

3) См. А. П. Берже, А. А. Бестужевъ въ Пятигорскѣ. Рус. Стар., 1880, X, 417—422; Воспоминанія о Бестужевѣ Я. И. Костенецкаго, тамъ же, 1900, XI.

Бестужевъ и ГрибоѢдовъ разговорились о «властителѣ думъ» Байронѣ, о Шекспирѣ и Гёте. Бестужевъ былъ горячій поклонникъ Байрона (и байронистъ въ своей литературной дѣятельности), ГрибоѢдовъ тоже, въ извѣстной мѣрѣ, раздѣляя его увлеченія¹⁾. Оба высоко цѣнили Гёте и Шекспира (какъ разъ около времени этой встрѣчи ГрибоѢдовъ задумывалъ переводить «Ромео и Юлію»²⁾) и трудился надъ переводомъ отрывка изъ «Фауста»: *Vogelpiel auf dem Theater*), и ихъ бесѣда для насъ могла бы быть очень интересной и въ біографическомъ, и въ литературномъ отношеніи. Но разговоръ велся, какъ отмѣчено выше, въ будирующемъ и сторожкомъ тонѣ и распался на нѣсколько отрывочныхъ афоризмовъ.

Другая тема, обсуждавшаяся друзьями и отмѣченная въ воспоминаніяхъ Бестужева, касалась предмета, занимавшаго въ жизни обоихъ собесѣдниковъ большое мѣсто,—женщинъ. Въ изложеніи Бестужева взгляды ГрибоѢдова оказываются мало благоприятными «женскому вопросу». «Онъ не любилъ женщинъ. . . ,Женщина есть мужчина-ребенокъ» было его мнѣніе. Слова Байрона: «дайте имъ прятникъ да зеркало и онѣ будутъ совершенно довольны» ему казались весьма справедливыми. . . ,Чему отъ нихъ можно научиться?» говаривалъ онъ. «Онѣ не могутъ быть ни просвѣщены безъ педантизма, ни чувствительны безъ жеманства. . . Онѣ чувствуютъ живо, но не глубоко. Судятъ остроумно, только безъ основанія» . . . ,Онѣ предназначены самой природой для мелочей домашней жизни, равно по силамъ тѣлеснымъ, какъ и умственнымъ. . . Сохрани меня Богъ, чтобы я желалъ лишить дѣвицъ воспитанія, напротивъ, заключивъ ихъ въ кругъ тѣснѣйшемъ, я бы желалъ дать имъ познанія о вещахъ, гораздо основательнѣе нынѣшнихъ» и т. д. Такіе взгляды Гри-

1) О симпатіяхъ ГрибоѢдова къ литературному романтизму есть нѣсколько свидѣтельствъ; см. Бесѣды Общ. Люб. Рос. Слов., 1868, II, 14; Р. Зотовъ, Театральныя воспоминанія, 1859, 88; И. Розановъ, ГрибоѢдовъ и Пушкинъ, въ Пушкинскомъ Сборникѣ, Москва, 1900, 100—135.

2) I, 187.

боѣдова, которые онъ врядъ ли проводилъ послѣдовательно¹⁾, раздѣлялъ и Бестужевъ²⁾.

Были, однако, въ дружескихъ бесѣдахъ Грибоѣдова и Бестужева и другія темы—не столь невинныя, такъ что въ 1829 году ихъ приходилось скрывать подъ многоточіемъ.

Возстановить эти темы не трудно. Знакомство нашихъ писателей началось и продолжалось въ трудное, неблагополучное для русскаго общества время. Длившаяся уже не одинъ годъ реакція достигла въ 1824 г., кажется, до высшаго напряженія. Дѣятельность Аракчеева, Магницкаго, Рунича, Фотія, министра Шишкова, ученаго комитета при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, цензора Красовскаго; «неправда черная въ судахъ», продажное и мертвящее чиновничество; ужасы крѣпостного права и военныхъ поселеній; тройная система шпионства и огульные доносы; насилія надъ просвѣщеніемъ и литературой,—достаточно перечисленія этихъ дѣятелей и силъ тогдашней реакціи, чтобы ясно представить, какъ она отражалась въ сознаніи и рѣчахъ передовыхъ людей общества. Какъ заклеилъ крѣпостничество, раболѣпство и мракобѣсіе Грибоѣдовъ,—извѣстно изъ «Горя отъ ума»; какъ отзывался на тѣ же явленія Бестужевъ, — объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ недавно

---

1) Въ перепискѣ Грибоѣдова, правда, можно найти отзвуки такого невысокаго мнѣнія о женщинахъ; въ письмѣ къ Бѣгичеву (августъ, 1824): «*Я часто крикливаю пола, но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра*», I, 187; ср. 183. Однако, самъ Грибоѣдовъ «во всѣ безъ исключенія близкіе ему интересы посвящаетъ свою молоденькую жену». К. Бороздинъ, Н. А. Грибоѣдова. С.-Петербургскія Вѣдом., 1879, №№ 31, 33 и 34.

2) Возможно даже, что въ характеристику чужого взгляда Бестужевъ внесъ и личные элементы. Думать такъ даетъ основаніе длинная обличительная по адресу женщинъ тирада въ письмѣ Бестужева къ Н. А. Полевому (Дербентъ, 24 февр. 1832 г.); говоря о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, Бестужевъ, напр., пишетъ: «Мало есть людей, которые бы такъ любили женщинъ, такъ близко узнали ихъ (какъ онъ) и такъ мало въ нихъ нашимъ. „Give them a Sagar-plum and a locking-glass, and they wuld be perfectly glad“, сказалъ Байронъ. Я не совсѣмъ съ этимъ согласенъ, но убѣжденъ опытомъ, что въ ихъ душѣ недостаетъ нѣсколькихъ октавъ, равно для понятія, какъ для чувства». Рус. Обзорніе, 1894, X, 820—821.

опубликованное смѣлое его показаніе предъ слѣдственной комиссіей по дѣлу декабристовъ. «Всѣ элементы были въ броженіи! Одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ дошло до неслыханной степени безстыдства. . . Въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ. . . Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. . . Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ комиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генераль-губернаторовъ — вездѣ, гдѣ замѣшивался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ — тотъ кралъ»¹⁾. Такъ писалъ Бестужевъ въ тюрьмѣ; на свободѣ онъ высказывался, конечно, еще прямѣе, добираясь до корней государственныхъ неурядищъ. Правительственная реакція сама сгнѣтала передовыхъ людей въ ряды оппозиціи и тайныхъ обществъ, и на встрѣчу насиліямъ росла волна общественнаго движенія. Одинъ современникъ пишетъ: «И старики, и люди зрѣлаго общества, и въ особенності молодежи, словомъ чуть-чуть не всѣ, безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія

---

1) Н. Дубровинъ. Послѣ отечественной войны. Рус. Стар., 1903, XII, 513. Вотъ еще сходная оцѣнка, данная обоими писателями положенію крѣпостныхъ послѣ 1812 г. Въ дошедшемъ до насъ планѣ драмы «1812 годъ» Грибоѣдовъ беретъ своимъ героемъ ополченца М*, крѣпостного. М* совершаетъ въ отечественную войну высокіе подвиги, но остается «въ пренебреженіи у военачальниковъ». Въ эпилогѣ, ополченецъ М* «отпускается во-своихъ съ отеческимъ наставленіемъ къ покорности и послушанію». Далѣе въ планѣ: «Село, или развалины Москвы.—Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе. . . Самоубійство». II, 214—217. Противорѣчіе въ судьбѣ освободителя отечества, возвращаемаго «подъ палку господина» и въ «прежнія мерзости» крѣпостничества, занимало и мысль А. А. Бестужева. Недавно опубликованы выдержки изъ письма Бестужева къ Николаю I, гдѣ онъ указываетъ, какъ негодовали крестьяне на то, что въ пользу ихъ не было предпринято никакихъ мѣръ послѣ 1812 г. «Еще война длилась, когда ратники, возвращаясь въ домъ, первые разнесли ропотъ. . . Мы проливали кровь, говорили они, а насъ заставляютъ опять потѣть на барщинѣ! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа»; см. и дальнѣйшія строки, посвященныя обличенію крѣпостничества. В. И. Семеновскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, въ сборн. «Крестьянскій строй», т. I, 1905, стр. 239.

правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ее желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-тилѣтнимъ юношею, у внучатаго моего брата М. М. Нарышкина; это было въ февралѣ или мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: Рылѣвъ, кн. Оболенскій, Пущинъ и нѣкоторые другіе, впоследствии сосланные въ Сибирь. Рылѣвъ читалъ свои патріотическія думы, а всѣ свободно говорили о необходимости — *d'en finir avec ce gouvernement*¹⁾. Политическія и общественныя неустройства и государственныя преобразованія, о коихъ настойчиво и горячо говорилось тогда въ передовыхъ кругахъ легальнаго общества и въ тайной организаціи будущихъ декабристовъ; мысли «о камерахъ²⁾, присяжныхъ», о самоуправленіи, о широкомъ развитіи просвѣщенія,—все это, конечно, становилось неизбѣжно темой разговоровъ Грибоѣдова—«свободомыслящаго человѣка» и Бестужева, уже охваченнаго агитаціонной горячкой.

Біографическіе матеріалы даютъ возможность намѣтить и нѣкоторыя другія темы, болѣе частнаго характера, интересовавшія обоихъ собесѣдниковъ и навѣрно бывавшія предметами ихъ совмѣстнаго обсужденія. Такой темой была, напр., свобода печати. Ободренный успѣхомъ своей комедіи въ обществѣ, Грибоѣдовъ задумалъ провести ее въ печать. Онъ, конечно, предвидѣлъ, что это будетъ не легко и, скрѣпя сердце, самъ шелъ на уступки, вымарывая въ рукописи неблагонадежныя мѣста. «Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, . . . сержусь и восстанавливаю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ», писалъ онъ тогда объ этомъ самоистязаніи³⁾. Однако, ни эти урѣзки, ни личное знакомство съ двумя министрами и генералъ-губернаторомъ не помогли въ тѣ жуткія времена. Грибо-

1) Записки А. И. Кошелева, Берлинъ. 1884, стр. 18; цитовано у Н. К. Шильдера, Имп. Николай I, т. I, стр. 163.

2) По тогдашнему—палатахъ депутатовъ.

3) I, 185—186.

ѣдову не довелось при жизни видѣть «Горе отъ ума» ни въ печати, ни на сценѣ. Эта личная обида не могла не отразиться въ рѣчахъ Грибоѣдова. Впослѣдствіи Бестужевъ отмѣтилъ это въ своемъ показаніи о Грибоѣдовѣ; говоря, что онъ самъ нерѣдко бесѣдовалъ о желательныхъ для Россіи реформахъ съ Грибоѣдовымъ, Бестужевъ добавляетъ: «да и онъ какъ поэтъ желалъ этого для свободы книгопечатанія».

Другимъ вопросомъ, сильно занимавшимъ мысль обоихъ собесѣдниковъ, былъ вопросъ о народности и національномъ прошломъ. Извѣстна любовь Грибоѣдова къ русской «святой старинѣ» (которую онъ такъ усердно и широко изучалъ по историческимъ памятникамъ и изслѣдованіямъ), къ народнымъ обычаямъ и творчеству. Онъ высоко цѣнилъ народныя пѣсни и скорбѣлъ, что онѣ, какъ и весь народный духъ, становятся чужды «тому поврежденному классу полу-европейцевъ», какииъ онъ считалъ образованное русское общество¹). Свою нелюбовь къ «рабскому, слѣпому подражанью» и пристрастіе къ старинѣ Грибоѣдовъ доводилъ до проповѣди стараго русскаго платья²). Симпатіи къ національной старинѣ, быту и творчеству, рѣзко и оригинально заявленныя Грибоѣдовымъ; были близки и кругу будущихъ де-

1) «Родныя пѣсни! Куда вы занесены съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?... Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свела глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невяжны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими!.. Народъ единокровный, нашъ народъ разрознень съ нами, и навѣки!..» См. отрывокъ «Загородная поѣздка» (1826), I, 107—109.

2) Теперь уже несомнѣнно, что въ обличительныя рѣчи Чацкого противъ «чужезащастья моды» и чужестранной одежды «по шутовскому образцу» Грибоѣдовъ вложилъ свои собственные мысли и настроенія. Бестужевъ, въ своемъ показаніи слѣдственной комиссіи, упоминаетъ, что Грибоѣдовъ желалъ политическихъ реформъ «для свободы книгопечатанія и русскаго платья». А самъ Грибоѣдовъ заявилъ комиссіи: «Русскаго платья желалъ я потому, что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ».

кабристовъ ¹⁾). Онѣ были весьма нечужды и А. А. Бестужеву. Онѣ живо интересовались русскою исторіей и съ любовью воспроизводилъ ее, въ мѣру своихъ знаній и пониманія, въ своихъ историческихъ повѣстяхъ. Весьма сочувственно высказывался Бестужевъ и о народной поэзіи. Еще въ 1828 г. онъ писалъ въ «Полярной Звѣздѣ»: «Народныя пѣсни измѣнены преданіемъ и едва ли древнѣе трехъ-сотъ лѣтъ. Русскій поэтъ за трудомъ и на досугѣ, въ печали и въ радости, и многія пѣсни его отличаются свѣжестью чувствъ, сердечной теплотой, нѣжностью оборотовъ» ²⁾. Въ позднѣйшей критической статьѣ (1833 г.) Бестужевъ изложилъ свой взглядъ подробнѣе. «Простой народъ почти всегда сохранялъ эту поэзію (пѣсенъ и сказокъ), но мыкъ ней только что возвращаемся, и слава Богу! Лучше потолкаться у горъ на масляницѣ, чѣмъ зѣвать въ обществѣ греческихъ боговъ или съ портретами своихъ напудренныхъ предковъ. . . Да, пѣсня и сказка душа русскаго народа». Съ такою же симпатіей высказывался Бестужевъ о народномъ характерѣ, обычаяхъ, языкѣ. «Садитесь на лихую тройку и проѣзжайте по святой Руси: у воротъ каждаго города старина встрѣтитъ васъ съ хлѣбомъ и солью, съ привѣтливымъ словомъ, напоитъ васъ медомъ и брагой, смочетъ, спаритъ долой всѣ ваши заморскія притиранья и ударитъ челомъ въ напутье какимъ-нибудь преданьемъ, былью, пѣсенкой. До сихъ поръ вы видѣли только разнощиковъ, говорили только съ нивощиками; теперь увидите бодрый, свѣжій, разноязычный, разнообразный, судя по областямъ, народъ, который

1) Еще въ устахъ Союза Благоденствія встрѣчается указаніе, что члены одного изъ отдѣловъ Союза «должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юности любовь ко всему отечественному, пренебрегая по возможности, воспитанію за границей и всякому иностранному вліянію». А. Н. Пышнинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, 3-е изд., стр. 272. Вопросъ о національной самобытности интересовалъ, напр., М. А. Фоминина, оставившаго статью «о подражаніи русскихъ европеизмъ»; тамъ же, 267.

2) Полярная Звѣзда на 1828 г., «Взглядъ на старую и новую словесность, въ Россіи»; перевед. въ соч. Марлинскаго, 1847, т. IV, ч. XI; см. стр. 27; на стр. 166—великія похвалы «всезамечательнымъ красотою» Слова о Иосифѣ Игоровѣ.

мало измѣнился со времянь Святослава, ибо татары и поляки мало имѣли дѣла съ простолюдинами». «Народъ рѣдко видывалъ и баръ своихъ, всегда собранныхъ около князей или царя, и оттого до сихъ поръ сохранилъ свою поступь, поговорку, свой обычай, обликъ, свой оригинальный характеръ, . . . свой языкъ, столь живописный, богатый, ломкій. . . Но гдѣ мнѣ исчислить всё дѣвственные ключи, которые таятся доселѣ въ краяхъ русскомъ»¹⁾! Отмѣтимъ здѣсь кстати, что солдатская служба на Кавказѣ сблизила Бестужева съ русскимъ народомъ и обогатила его мысль замѣчательными впечатлѣніями, усилившими и углубившими его раннее народолюбіе. Вотъ отрывки изъ замѣчательнаго письма Бестужева къ Н. А. Полевому (Дербентъ, 1-го января 1832 г.). Указавъ, что современные русскіе романисты крадутъ свои сюжеты изъ иностранныхъ романовъ, наряжая «какого-нибудь лорда въ нагольный тулупъ», и потому грѣшатъ «въ отношеніи характера народнаго», — авторъ продолжаетъ: «Чтобы узнать добрый, смышленный народъ нашъ, надо жизнью пожить съ нимъ, надо его языкомъ заставить его разговориться, . . . быть съ нимъ въ рохмѣль на престольномъ праздникѣ, ѣздить съ нимъ въ лѣсъ на медвѣдя, въ озеро за рыбой, тянуться съ нимъ въ обозѣ, драться вмѣстѣ стѣна на стѣну. А солдатъ нашъ? какое оригинальное существо, какое святое существо, и какой чудный, дикій звѣрь съ этимъ вмѣстѣ! Какъ многогранна его дѣятельность, но какъ отличны его понятія отъ тѣхъ, подъ которыми по фориѣ привыкли его рисовать! Этотъ газетный мундиръ вовсе ему не впору. . . Кто видѣлъ солдатъ только на разводѣ, тотъ ихъ не знаетъ. . . Надо спать съ ними на одной доскѣ въ караулѣ, лежать въ морозную ночь въ секретѣ, идти грудь съ грудью на заваль, на батарею, лежать подъ пулями въ траншеѣ, подъ перевязкой въ лазаретѣ; да, бездѣлица: ко всему этому надо гениальный взоръ, чтобы отличить перлы въ кучѣ всякаго хламу, и потомъ даръ, чтобы снизять изъ

1) «Ф романъ Н. Полевого: Клятва при гробѣ Господнемъ; тамъ же стр. 184, 211, 218.

этихъ перлъ ожерелье! О, сколько разъ проклиналъ я бесплодное мое воображеніе за то, что изъ столькихъ матеріаловъ, подъ рукою моею разсыпанныхъ, не могъ я соорудить ничего досель»¹⁾!

Умный, добрый, бодрый, смысленный народъ—эти опредѣленія, какъ и всѣ рѣчи о народѣ и національномъ достоинствѣ, близко напоминають Чацкого и самого Грибоѣдова²⁾.

Изъ обстоятельствъ недавняго прошлаго одинъ фактъ также вызывалъ одинаковую оцѣнку у обоихъ писателей: роль дворянства въ отечественную войну 1812 года. Въ планѣ драмы «1812 годъ», противопоставляя подвиги ополченца-крѣпостного искательства и своекорыстію его начальства, Грибоѣдовъ отмѣчаетъ характерную черту: «Всеобщее ополченіе *безъ дворянъ. Трусость служителей правительства*—выставлена или нѣтъ, какъ случится»³⁾. А Бестужевъ, въ письмѣ къ Н. А. Полевому, говоря о романѣ Булгарина, «безконечномъ Выжигниѣ», пишетъ: «Я увѣренъ, что Булгаринъ не пожалеетъ ладону русскому дворянству, хотя оно, право, не такъ было безкорыстно и великодушно, и я многихъ видѣлъ вздыхающихъ въ 12 году о своихъ жертвахъ»⁴⁾.

Дружескія бесѣды, какъ и все знакомство нашихъ писателей, продолжались недолго. Познакомившись въ августѣ 1824 г.

1) Рус. Вѣстникъ, 1861, III, 319—320.

2) Въ первой редакціи «Горя отъ ума» Чацкій говорилъ:

«Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ».

Потомъ «бодрый» было замѣнено «добрымъ».

3) II, 216.

4) Письмо изъ Дербента, 29 января 1831 г. Рус. Вѣст., 1861, III, 291. Отзывъ Грибоѣдова и Бестужева совпадаютъ съ рѣзкой характеристикой роли дворянства въ 1812 г., данной въ замѣчательномъ письмѣ неизвѣстнаго современника, опубликованномъ въ Вѣст. Европы, 1867, т. II, 193—199. Позднѣйшее историческое изслѣдованіе подтвердило справедливость такихъ отзывовъ. См. ст. Н. Н. Оглобина: Къ характеристекѣ русскаго общества въ 1812 году, въ Читеніяхъ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XVI.

Изъ эпизодовъ старой русской исторіи сходную оцѣнку у Грибоѣдова и Бестужева вызывало упрядненіе стрѣлецкаго войска. Соч. Грибоѣдова, I, 74—75; ср. письмо Бестужева къ Полевому, Русск. Вѣст., 1861, III, 819—820.

и ближе сдружившись къ концу этого года, ГрибоѢдовъ и Бестужевъ встрѣчались въ Петербургѣ только до конца апрѣля 1825 г., когда имъ пришлось разстаться—и навсегда. Въ концѣ апрѣля Бестужевъ уѣхалъ въ Москву¹⁾. Надо полагать, ГрибоѢдовъ снабдилъ отъѣзжающаго друга рекомендательными письмами къ своей матери.

Впослѣдствіи, получивъ извѣстіе о смерти ГрибоѢдова, Бестужевъ писалъ: «Воображаю печаль почтенной матушки и сестры Александра Сергѣевича! Въ ихъ домѣ, въ Москвѣ, я былъ какъ родной»²⁾).

Въ концѣ мая тронулся изъ Петербурга и ГрибоѢдовъ. Какую искреннюю и глубокую симпатію вынесъ поэтъ изъ знакомства съ Бестужевымъ, видно изъ его письма къ Александру Александровичу (единственнаго во всей перепискѣ ГрибоѢдова, какое дошло до насъ), посланнаго уже по прибытіи на Кавказъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ него: «Повѣришь ли, любезный мой теска, что я только нынче получилъ письмо твое³⁾? А доказательствомъ, что я боюсь остаться въ долгу, пусть будетъ тебѣ поспѣшность, съ которой отвѣчаю. . . На Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по крайней мѣрѣ, самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остылъ, но при первой благопріятной переиѣнѣ снова завьюсь въ эфиръ⁴⁾. Что ты пишешь? Скажи мнѣ; одно знаю, что оргіи Юсупова срисовалъ мастерскою кистью,

1) Время поѣздки опредѣляемъ на основаніи переписки Бестужева съ братьями Полевыми и примѣчаній къ ней Кс. Полевого (Рус. Вѣст., 1861), гдѣ встрѣчаются указанія, что 1-го мая 1825 г. Бестужевъ уже былъ въ Москвѣ и посѣтилъ какое то народное гулянье. Продолжительность поѣздки и ея цѣль опредѣлить затрудняемся. Не ѣздилъ ли Бестужевъ въ Москву по дѣламъ Сѣвернаго Общества? Отмѣтимъ, что это—не первая поѣздка Александра Александровича въ Москву. М. Т. Каченовскій, въ письмѣ къ Булгарину въ 1828 г., упоминаетъ, что Бестужевъ былъ въ этомъ (или предыдущемъ) году въ Москвѣ, при чемъ московскіе литераторы «давали для него праздники». Рус. Стар., 1903, XII, 606, стр. 608.

2) Рус. Вѣстникъ, 1870, V, 263.

3) Это письмо Бестужева, къ сожалѣнію, неизвѣстно въ біографической литературѣ.

4) Рѣчь идетъ о стих. «Хищники на Чегемѣ».

сдѣлай одолженіе, внеси въ повѣсть, нарочно составь для нихъ какую-нибудь рамку. Я это еще не разъ перечитаю себѣ и другимъ порядочнымъ людямъ въ утѣшеніе. Этакій старый придворный подлецъ!.. Оржицкій¹⁾ передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспомнилъ о тебѣ и о Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренне, по республикански. Зовутъ меня. Прощай. Не пейай, что мало, не пейай, что толку немного, но ей-ей! я сегодня въ викрахъ ужасныхъ. P. S. Любезнѣйшій Александръ, не полѣнись, напиши мнѣ еще разъ и побольше, что въ голову взойдетъ; не повѣришь, какимъ веселымъ расположеніемъ духа я тебѣ нынче обязанъ, а со мною это рѣдко случается»²⁾. Въ этомъ же письмѣ Грибоѣдовъ описываетъ своему другу красоты кавказскихъ горъ, не предчувствуя, что черезъ нѣсколько лѣтъ Бестужеву самому придется по-неволѣ любоваться тѣми же картинами. . . .

Между тѣмъ, надвигалась декабрьская гроза. Ея предвѣстники—слухи долетали до Грибоѣдова въ письмахъ друзей и волновали его³⁾, а Бестужевъ, увлекаемый повстанческимъ движеніемъ, смѣло стремился къ ней навстрѣчу. Скоря она приняла и разметала по тюрьмамъ лучшихъ друзей Грибоѣдова и лучшихъ надежды русскаго общества. Бестужевъ былъ арестованъ 15-го декабря. До Грибоѣдова очередь дошла только въ январѣ; 22-го января 1826 года онъ былъ взятъ въ крѣпости Грозной на Кавказѣ, а 11-го февраля привезенъ въ Петербургъ и посаженъ подъ арестъ въ Главной Гаутвахтѣ (при Главномъ Штабѣ).

Какъ упомянуто выше, въ біографической литературѣ существуетъ обвиненіе, гласящее, что Грибоѣдовъ былъ арестованъ и привлеченъ къ дѣлу по указанію Бестужева. Вотъ относящееся сюда извлеченіе изъ воспоминаній о Грибоѣдовѣ декабриста Завалишина. Заявивъ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ, Завалишинъ говорить: «Особенно важно было

1) Декабристъ, членъ Сѣвернаго Общества.

2) I, 209—210, письмо отъ 22-го ноября.

3) См. I, 176, 177.

предостеречь Грибоѣдова отъ слишкомъ открытыхъ политическихъ разсужденій съ тѣми изъ членовъ тайнаго общества, которые не славилась ни скромностію, ни твердостію характера, но съ которыми Грибоѣдову приходилось часто видѣться по литературнымъ отношеніямъ, какъ напр. съ А. Б. ¹⁾ А. Б. . . при первомъ же спросѣ ген. Левашовымъ написалъ цѣлый списокъ именъ, включивъ въ число членовъ тайнаго общества даже и такихъ лицъ, которыхъ считалъ членами только по догадкѣ, хотя они и не были ими. По такому валовому списку и были именно арестованы и я, какъ сказалъ мнѣ самъ ген. Левашовъ (при первомъ арестованіи меня), и Грибоѣдовъ: но относительно его А. Б. . . не могъ ничего представить кромѣ догадокъ ²⁾. До самаго послѣдняго времени не было достаточныхъ данныхъ, чтобы опровергнуть это тяжелое обвиненіе, и оно темнымъ пятномъ лежало на чистой памяти Бестужева. Только съ обнаруженіемъ «дѣла» по обвиненію Грибоѣдова въ принадлежности къ обществу декабристовъ ³⁾ эта тѣнь снимается съ добраго имени Бестужева и ложится на добросовѣстность его обвинителя. Изъ слѣдственнаго дѣла о Грибоѣдовѣ теперь оказывается, что основаніемъ для ареста и потомъ обвиненія его въ принадлежности къ тайному обществу были показанія кн. Трубецкого и кн. Оболенскаго, прямо назвавшихъ Грибоѣдова членомъ тайнаго общества. Новую пищу для подозрѣній слѣдователей дали нѣкоторыя подробности показаній Рылѣва и Муравьевыхъ, отрицавшихъ, впрочемъ, прикосновенность Грибоѣдова. Самъ Бестужевъ, правда, далъ списокъ членовъ тайнаго общества, но, по свидѣтельству г. Щеголева, тамъ отмѣчено всего нѣсколько человекъ,

1) Т. е. Александромъ Бестужевымъ.

2) Д. Завалишинъ, Воспоминаніе о Грибоѣдовѣ. Древняя и Нов. Россія, 1879, IV, 313, 314.

3) Оно полностью обнаружено П. Е. Щеголевымъ въ Литературномъ Вѣстникѣ, 1904, кн. 2, стр. 1—42 (вторая пагинація; потомъ—отдѣльно, въ роскошномъ изданіи А. С. Суворина, Спб., 1905 г. Другая публикація, едѣланная С. А. Панчулидзевымъ (Рус. Архивъ, 1904, III), неудовлетворительна: документы приводятся въ извлеченіяхъ и пересказахъ.

«которые и безъ того были бы взяты», а Грибоѣдова и въ спискѣ *итъ*¹⁾. Что же касается до показанія Бестужева о Грибоѣдовѣ, то вотъ оно цѣликомъ: «Съ Грибоѣдовымъ, какъ съ человѣкомъ свободомыслящимъ, я нерѣдко мечталъ о желаніи преобразованіи Россіи. Говорилъ даже, что есть люди, которые стремятся къ этому—но прямо объ обществѣ и его средствахъ никакъ не припомню, чтобы упоминалъ. Да и онъ какъ поэтъ желалъ этого для свободы книгопечатанія и русскаго платья. Въ члены же его не принималъ я во-первыхъ потому, что онъ меня и старѣе и умнѣе, а во-вторыхъ потому, что жалѣлъ подвергнуть опасности такой талантъ; въ чемъ и Рылѣевъ былъ согласенъ. Притомъ же прошедшаго 1825 г. зимою, въ которое время я былъ знакомъ съ нимъ, ничего положительнаго и у насъ не было. Уѣхалъ онъ въ мою бытность въ Москвѣ, въ началѣ мая, и Рылѣевъ, говоря о немъ, ни о какихъ порученіяхъ не упоминалъ. Что же касается до распространенія членовъ въ корпусѣ генерала Ермолова, я весьма въ томъ сомнѣваюсь, ибо онъ, находясь внѣ круга дѣйствія, ни къ чему бы намъ служить не могъ»²⁾. Въ этомъ показаніи замѣчательны какъ желаніе Бестужева выродить своего друга, такъ и высокая оцѣнка ума и таланта Грибоѣдова.

Видѣлись ли друзья въ теченіе слѣдствія? Едва ли. Бестужевъ сидѣлъ въ крѣпости, а Грибоѣдовъ—въ Главномъ Штабѣ; объ очныхъ ставкахъ между ними извѣстные доселѣ документы по дѣлу декабристовъ не упоминаютъ.

Большинство опрошенныхъ о Грибоѣдовѣ декабристовъ дружно отрицали его причастность къ заговору. Благодаря этому, а можетъ быть—и другимъ воздѣйствіямъ, подозрѣнія слѣдственной комиссіи были усыплены. 4-го іюня Грибоѣдова освободили, послѣ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ ареста.

1) П. Е. Щеголевъ, А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. (По архивнымъ матеріаламъ). Спб., 1905, стр. 22.

2) Тамъ же, 9. Слѣдственная комиссія подозрѣвала, что Грибоѣдову дано было порученіе вербовать членовъ въ тайное общество на Кавказѣ.

Юнь—юль мрачнаго 1826 г. ГрибоѢдовъ еще прожилъ въ Петербургѣ; въ августѣ онъ уже былъ на Кавказѣ.

Въ это время Бестужева, послѣ восьмимѣсячнаго заключенія въ крѣпости, перевели въ Финляндію, въ фортъ Слава. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1827 г. онъ былъ перевезенъ въ Сибирь, и съ декабря 1827 г. по юль 1829 прожилъ въ Якутскѣ. Изъ Якутска Бестужевъ велъ оживленную переписку съ родными, но вряд ли сносился съ ГрибоѢдовымъ. По крайней мѣрѣ, въ своей обширной перепискѣ 1827—1837 гг., неоднократно вспоминая ГрибоѢдова, Бестужевъ ни разу не отмѣчаетъ этого обстоятельства. Однако, ГрибоѢдовъ помнилъ пострадавшаго друга и слѣдилъ за его судьбой. На Кавказѣ къ концу 1826 г. произошла перемѣна въ высшемъ управленіи: мѣсто А. П. Ермолова занялъ гр. И. Ѳ. Паскевичъ. Онъ былъ родственникъ ГрибоѢдову¹⁾ и находился съ нимъ въ дружескихъ личныхъ отношеніяхъ²⁾. Этимъ обстоятельствомъ Александръ Сергѣевичъ воспользовался, чтобы попытаться смягчить суровую участь ссыльнаго Бестужева. Планъ ГрибоѢдова, очевидно, заключался въ томъ, чтобы «выпросить» Бестужева изъ Якутска на Кавказъ, въ армію, и дать ему возможность выслужиться до офицерскаго чина. Впослѣдствіи, уже по смерти ГрибоѢдова, Александръ Александровичъ вспоминалъ объ этихъ хлопотахъ въ одномъ своемъ письмѣ: «ГрибоѢдовъ взялъ слово съ Паскевича мнѣ благодѣтельствовать, даже выпросить меня изъ Сибири у государя. Я видѣлъ на сей счетъ сдѣланную покойникомъ записку. . . благороднѣйшая душа! Свѣтъ не стоилъ тебя. . . по крайней мѣрѣ я стоилъ этой дружбы и горжусь этимъ»³⁾. Записка ГрибоѢдова о Бестужевѣ, къ великому сожалѣнію, осталась неопубликованной, но съ какимъ чувствомъ и въ какихъ выраженіяхъ писалъ ее Александръ

1) Женатъ на Елисаветѣ Алексѣевнѣ, урожденной ГрибоѢдовой, двоюродной сестрѣ Александра Сергѣевича.

2) См., напр., I, 184.

3) Изъ письма къ Н. А. Полевому, Дербентъ, 1832, 4-го февраля. Рус. Вѣст., 1861, мартъ, 321.

Сергѣевичъ, мы можемъ представить по аналогичной запискѣ его о кн. А. И. Одоевскомъ, вложенной въ письмо къ гр. Паскевичу отъ 3-го декабря 1828 г. Приведемъ отсюда нѣсколько отрывковъ: «*Гласное*. Благодаритель мой безцѣнный. Теперь безъ дальнѣйшихъ предисловій, просто бросаюсь къ вамъ въ ноги, и если бы съ вами былъ вмѣстѣ, сдѣлалъ бы это и осыпалъ бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи въ Тюркменчаѣ передъ моимъ отъѣздомъ. Помогите, выручите несчастнаго Александра Одоевскаго. Вспомните, на какую высокую степень поставилъ васъ Господь Богъ. . . Можетъ ли вамъ Государь отказать въ помилованіи двоюроднаго брата вашей жены, когда двадцатилѣтній преступникъ уже довольно повесѣ страданій за свою вину, вамъ близкій родственникъ, а вы первая нынѣше опора Царя и Отечества. . . Графъ Иванъ Федоровичъ, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца»¹⁾. Горьчее заступничество Грибоѣдова не оказало желаннаго вліянія на судьбу его родственника и друга: только восемь лѣтъ спустя, въ 1836 году, бѣдный поэтъ выбрался изъ Сибири на Кавказъ въ рядовые для выслуги. Такая же неудача постигла и ходатайство Грибоѣдова за Бестужева. Въ письмѣ къ Булгарину отъ 15-го марта 1832 г., Бестужевъ пишетъ о Грибоѣдовѣ: «Что этотъ человѣкъ хотѣлъ сдѣлать для меня! . . . онъ умеръ, и все пошло прахомъ»²⁾. Правда, изъ Якутска Бестужевъ вырвался таки на Кавказъ въ 1829 г., но благодаря личному своему ходатайству передъ Николаемъ I³⁾. Быть можетъ, именно неожиданная смерть

1) А. П. Мальшинскій. Изъ жизни и отношеній А. С. Грибоѣдова. (По неизданнымъ источникамъ). Рус. Вѣст., 1894, III, 198—208. Объ этомъ ходатайствѣ Грибоѣдовъ въ тотъ же день писалъ В. С. Миклашевичевой въ Петербургъ: «Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчас пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всѣ его отличія, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ забавленія отъ гибели одного несчастнаго, и кого же! Боже мой! Пути твои неислѣдимы!» I, 380.

2) Рус. Стар., 1901, II, 401.

3) В. Богучарскій даже то обстоятельство, что Бестужевъ, вмѣсто казенныхъ работъ, былъ сосланъ на поселеніе, склоненъ принимать заступничеству Грибоѣдова («Изъ прошлаго русскаго общества», 56—59). Это сви-

Грибоѣдова помѣшала осуществиться его ходатайству за писателей—декабристовъ: 3-го декабря 1828 г. Грибоѣдовъ умолялъ Паскевича о спасеніи Одоевскаго, а 30-го января 1829 г. самого Грибоѣдова уже не стало (время ходатайства за Бестужева трудно точно установить, но, несомнѣнно, оно относится къ тому же 1828 г.: Грибоѣдовъ запрашивалъ Бестужева изъ Сибири, а въ Якутскъ Бестужевъ попалъ только въ декабрѣ 1827 г.). Врядъ ли, однако, просьбы Грибоѣдова были приняты гр. Паскевичемъ благосклонно. Уступая горячему ходатайству и настояніямъ уважаемаго родственника-сослуживца, Паскевичъ могъ, конечно, сдѣлать кое-что для смягченія участи пострадавшихъ, но самъ лично онъ сурово относился къ сосланнымъ на Кавказъ декабристамъ, и именно по его хлопотамъ «были даны предписанія командирамъ полковъ строго смотрѣть за декабристами, употреблять ихъ на дѣйствительную службу, не позволять имъ имѣть никакихъ сношеній съ офицерами . . .»¹⁾. Все же, при жизни Грибоѣдова, Паскевичъ, вѣроятно, не позволилъ бы себѣ тѣхъ притѣсненій, на которыя возмущенно жаловался потомъ Бестужевъ въ письмѣ къ Булгарину: «Чѣмъ былъ награжденъ я за то, что въ числѣ первыхъ трехъ человекъ вскочилъ на оконы Байбурта. Ужасно вспомнить. Богъ судья Паскевичу, который положилъ представленіе обо мнѣ подъ сукно и потомъ преслѣдовалъ меня какъ лютой звѣрь и какъ лютаго звѣря . . .»²⁾.

Не суждено было друзьямъ-писателямъ встрѣтиться на Кавказѣ, всего полгода раздѣлило ихъ: 30 января 1829 г. поглыбъ Грибоѣдовъ, а въ августъ того же года прибылъ на Кав-

---

бочно. На приговоръ о Бестужевѣ Верховнаго суда Грибоѣдовъ, только что освобожденный арестантъ, не могъ имѣть вліянія, а въ письмѣ Бестужева, на которое ссылается г. Богучарскій, говорится, что Грибоѣдовъ хлопоталъ о переводѣ Бестужева уже изъ Сибири на Кавказъ.

1) Подробности этихъ гоненій см. въ Воспоминаніяхъ объ А. А. Бестужевѣ Я. И. Костенецкаго Рус. Стар., 1900, XI; также Воспоминанія А. С. Гангелова, Рус. Арх., 1886, II, 259—262; Воспоминанія Т. о Кавказѣ и Грузіи, Рус. Вѣст., 1869, IV, 701.

2) Рус. Стар., 1901, II, 400.

казъ Бестужевъ. Вѣсть о трагической кончинѣ Грибоѣдова за-стала Бестужева еще въ Якутскѣ. Горе, причиненное ею, Бестужевъ излилъ въ письмѣ къ матери, отъ 25-го мая 1829 г. «Открывшаяся Лена принесла на хребтѣ своемъ вмѣстѣ со льдами и посылку, за которую благодарю, цѣлуя заботливую руку вашу, любезная матушка. . . Жаль только, что эта почта не привезла о васъ вѣсточку и, что еще печальнѣе, привезла ужасную вѣсть объ убійствѣ при персидскомъ дворѣ посланника. Не говорю уже, какую горестъ почувствовалъ я о потерѣ чело-вѣка, котораго пріязнею имѣлъ счастье пользоваться, но просто какъ чело-вѣкъ, но просто какъ русскій, могу ли не горевать о такой безвременной кончинѣ чело-вѣка, которому счастье обѣщало все въ будущемъ, и который столько обѣщалъ отечеству своими познаніями и талантами! Вотъ судьба: одного градъ пуль минуетъ, другой пораженъ желѣзомъ въ лонѣ мира, подъ кровомъ народ-ныхъ правъ и за стѣнами гостепрѣимства. Сколько людей завидовали его возвышенію, не имѣя и сотой доли его достоинствъ, кто позавидуетъ теперь его паденію? Молнія не свергается на мураву, но на высоту башенъ и на главы горъ. Вьсь души, кажется, манить къ себѣ ударъ жребія»¹⁾. Скоро Бестужеву пришлось тронуться въ дальній путь, и въ томъ же 1829 году онъ уже могъ посѣтить могилу Грибоѣдова на горѣ св. Давида въ Тифлисѣ. Позднѣе онъ писалъ объ этомъ жуткомъ посѣщеніи: «Въ 1829 году я былъ на могилѣ нашего незабвеннаго Грибоѣдова и плакалъ какъ дитя—я былъ одинъ»²⁾.

На Кавказѣ воспоминавія о Грибоѣдовѣ должны были постоянно тревожить его осиротѣвшаго друга. Здѣсь Бестужевъ жилъ въ тѣхъ же городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ живалъ прежде, и еще такъ недавно, Грибоѣдовъ, и гдѣ тотъ оставилъ столько знакомыхъ и друзей; разговоры о Грибоѣдовѣ, вѣроятно, были часты въ средѣ собравшихся на Кавказъ декабристовъ; послѣ унылаго Якутска Бестужевъ могъ теперь любоваться красотой

1) Рус. Вѣст., 1870, V, 261—262.

2) Письмо къ Ѳ. В. Булгарину, 1832 г. Рус. Стар., 1901, II, 401.

кавказскихъ горъ, которую восторженно описывалъ ему Грибоѣдовъ въ цитованномъ выше письмѣ¹⁾ и, навѣрное, въ личныхъ бесѣдахъ въ Петербургѣ; на Кавказѣ неутомимый Бестужевъ сталъ изучать восточные языки, которыми такъ интересовался Грибоѣдовъ; наконецъ, здѣсь же Бестужевъ наблюдалъ тѣ восточные нравы и порядки, которые давали Грибоѣдову материалъ для аналогій, столь неелстныхъ русскимъ сардарамъ-администраторамъ²⁾. Въ своихъ письмахъ съ Кавказа Бестужевъ не разъ вспоминаетъ о Грибоѣдовѣ³⁾, какъ не разъ бывалъ онъ и на могилѣ почившаго поэта.

Одно изъ этихъ посѣщеній—послѣднее—было особенно знаменательно. Опальному поэту-рядовому пришлось пережить еще одно извѣстie о смерти друга: Александра Сергѣевича Пушкина. Глубоко-трогательный эпизодъ, связанный съ извѣстiемъ о смерти великаго поэта, рассказанъ самимъ Бестужевымъ въ письмѣ къ брату Павлу, отъ 23-го февраля 1836 г., изъ Тифлиса: «J'étais profondément affecté de la fin tragique de Poushkinе, cher Paul. . . Je n'avais pas clos la paupière durant la nuit, et à l'aube du jour j'étais déjà sur le chemin escarpé, qui conduit au couvent de St.-David, que vous savez. Arrivé là j'appelle un священникъ et fais dire le service funèbre sur la tombe de Griboyedoff, tombe d'un poète foulé par des pieds profanes, sans une pierre, sans inscription dessus! J'ai pleuré alors, comme je pleure maintenant, à chaudes larmes, pleuré sur un ami et un camarade d'armes, sur moi même: et quand le prêtre chanta: ,за убиенныхъ бояръ Александра и Александра'—j'ai sanglotté au point de me suffoquer—elle m'a parut cette phrase non seulement un souvenir, mais une

1) I, 209.

2) Ср., напр., замѣчанiя Бестужева о Нуцухъ-Агѣ (въ письмѣ къ брату Павлу, 1838; Отечест. Зап., 1860, июнь, 313—314) съ замѣтками Грибоѣдова о Мегмедъ-Бекѣ (въ Путевыхъ письмахъ, I, 41); см. также I, 45, 47, 55, 62.

3) Вотъ еще одно такое припоминанiе: «Я плакалъ на могилѣ Грибоѣдова—дай Богъ, чтобъ поплакать когда-нибудь на плечѣ стараго прiятеля». Письмо къ Булгарину, 21 февр. 1834 г., Рус. Стар., 1901, II, 404.

prédiction . . . Oui, je sens, moi, que ma mort aussi sera violente, et extraordinaire, et peu éloignée» ¹⁾).

Предчувствіе не обмануло Бестужева: вскорѣ, въ битвѣ съ черкесами при мысѣ Адлеръ (7-го іюня 1837 г.) погибъ и третій Александръ, въ тщетной погонѣ за военной выслугою и гражданской реабилитаціей . . .

Здѣсь мы и закончимъ характеристику дружбы Грибоѣдова и Бестужева. Благородный характеръ обоихъ поэтовъ, ихъ высокая интеллигенція, любовь къ «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ», общность возрѣній — быстро сплотивъ ихъ дружескій союзъ; онъ съ честью выдержалъ житейское испытаніе и оборвался только со смертью одного изъ друзей. Въ силу вѣйшихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его зарожденіе и быстрый расцвѣтъ и скоро оборвавшихъ его, онъ былъ запечатлѣнъ мрачнымъ, трагическимъ оттѣнкомъ. Однако, знакомство съ фактами этой дружбы, въ концѣ концовъ, оставляетъ отрадное впечатлѣніе: личныя отношенія двухъ писателей были достойны ихъ литературной и общественно-политической дѣятельности.

Н. Пиксановъ.

Май 1906 г.

---

1) Отечествен. Зап., 1860, іюнь, 71. Переводъ В. Богучарскаго: «Меня глубоко огорчила трагическая смерть Пушкина, дорогой Павелъ . . . Я не смыкалъ глазъ всю ночь, а на зарѣ я ужъ ѣхалъ по скверной дорогѣ въ монастырь св. Давида, который ты знаешь. Пріѣхавъ туда, я зову священника и прошу его отслужить панихиду на могилѣ Грибоѣдова, могилѣ поэта, поиграемой ногами толпы, безъ камня, безъ надписи. Я плакалъ тогда горькими слезами, какъ плачу теперь, надъ другомъ, надъ товарищемъ по оружію, надъ самимъ собой. И когда священникъ произнесъ слова: «за убитыхъ бояръ Александра и Александра», я задыхался отъ рыданій—эта фраза показалась мнѣ не только воспоминаніемъ, но и предказаніемъ . . . Да, я чувствую это, моя смерть тоже будетъ насильственной, необычайной и близкой» . . . (Изъ прензлаго русскаго общества, 67—68).

Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ

по сп. XVII в. бібліотеки Академіи наукъ.

(83. 4. 82).

Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ въ первый разъ было напечатано въ 1878 г. въ сборникѣ П. С. Ефименка «Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи» (Извѣстія общ. любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, т. 30; вып. 2, стр. 225—226); издатель не указываетъ источника, откуда онъ почерпнулъ сказаніе, а также не сообщаетъ, по записи ли съ изустной рѣчи оно напечатано или по какой-нибудь старинной рукописи; сказаніе введено въ отдѣлъ сказокъ и озаглавлено такъ: «О молодцѣ и прекрасной дѣвицѣ Величавой души». Оригиналъ его очень не полонъ: въ печатный текстъ вошло только начало. Наполненный варваризмами языкъ сказанія (напр. о молодцѣ говорится, что онъ «чуднѣ блистался корпусомъ, политическими науками паче германскихъ бывателей»), заимствование нѣкоторыхъ сравненій изъ не-русской жизни, упоминанія о премудрой Франціи, о прекрасной Гиппаніи, бодрой Итали, Еленѣ Троянской, Венерѣ и пр.—все это производитъ впечатлѣніе того, что сказаніе — простой переводъ съ чужого западнаго языка, сдѣланный, повидимому, не ранѣе XVIII в. Это обстоятельство, конечно, явилось причиной того, что на наданіе Ефименка мало обратили вниманія и что, когда въ 1894 году Х. М. Лопареву въ одной рукописи XVIII в. встрѣтилось то же сказаніе, и онъ

самъ, и всѣ слушавшіе его докладъ о сказаніи въ обществѣ любителей древней письменности, потомъ напечатанный подъ заглавіемъ «Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ» (Памятники др. письм., 1894, № ХСІХ), думали, что это нѣчто совсѣмъ новое. «Вновь найденная эротическая повѣсть народной литературы», какъ называлъ Лопаревъ сказаніе, дѣйствительно оставляетъ далеко за собой текстъ собранія Ефименка и по полнотѣ и особенно по языку, часто блестящему древними реченіями, хотя нерѣдко и съ слѣдами подновленій. Х. М. Лопаревъ высказываетъ двоякое предположеніе относительно происхожденія сказанія: или что «это памятникъ, быть можетъ, XVII вѣка, но авторъ его пользовался старымъ лексическимъ матеріаломъ» или что «это памятникъ вообще древній, но подвергшійся обработкѣ и передѣлкѣ въ XVIII вѣкѣ, причемъ онъ уже во многомъ утратилъ чистоту языка оригинала» (стр. 7), и въ концѣ концовъ склоняется къ мысли, что изданный имъ списокъ сказанія — неудачная обработка стараго памятника примѣнительно ко вкусамъ народной литературы XVIII в. Предположеніе о русскомъ происхожденіи сказанія рѣшительно отвергаетъ А. В. Марковъ въ замѣткѣ «Къ вопросу о націонализаціи иноземныхъ поэтическихъ сюжетовъ» (Этнографическое обозр., 1904, № 2, стр. 167 — 169), главнымъ образомъ, на основаніи упомянутаго архангельскаго отрывка этой повѣсти.

Въ недавнее время отыскался новый списокъ сказанія; старшій по времени, болѣе полный по содержанію, онъ, думаемъ, снова долженъ поднять вопросъ о происхожденіи памятника и помочь опредѣленію времени его появленія въ русской литературѣ. Найденный нами списокъ сказанія сохранился въ одномъ сборникѣ; недавно принесенномъ въ даръ библіотекѣ Академіи наукъ о. протоіер. В. С. Ржановскимъ, свящ. Сѣнногубскаго прихода Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губ. (въ Заонежьѣ). Сборникъ (въ 8-ую долю) составленъ, вѣроятно, въ исходѣ XVIII в. изъ тринадцати отдѣльныхъ рукописныхъ тетрадокъ XVII и XVIII в. и тогда же переплетенъ въ простой черный кожаный переплетъ.

Число листовъ 266; между лл. 265 и 266 шесть листовъ вырѣзано. Письмо—скоропись пятнадцати почерковъ. На л. 178 об. есть записъ владѣльца—жителя Кижскаго погоста (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сѣнной губы) съ датой 1729 г.; та же годовая отмѣтка среди текста на л. 260; на лл. 54 и 194—196 двѣ самостоятельныя записи дьячка Митрофана Алексѣева Попова Сѣнногубской волости (надо думать, тоже Кижскаго погоста); первая записъ Попова помѣчена 1772 годомъ; повидимому, онѣ сдѣланы тогда еще, когда сборникъ представлялъ собою отдѣльныя тетради; лл. 151, 152, 153 и 266 не имѣютъ отношенія къ сборнику—это обрѣзки столбцовъ, вклеенныя въ рукопись при переплетаніи. Содержаніе сборника чрезвычайно разнообразно; по характеру можетъ быть приближено къ сказанію «Слово о старомъ мужѣ, какъ сватался на прекрасной дѣвицѣ», писанное почеркомъ пол. XVIII в. (лл. 55—62); по сп. общ. люб. др. письм. оно напечатано Х. М. Лопаревымъ въ приложеніи къ Сказанію о молодцѣ и о дѣвицѣ. Кромѣ того въ сборникѣ¹⁾ находятся повѣсти о Динарѣ царицѣ, о Дмитріи купцѣ, о Самсонѣ и Далигѣ, сказанія о злыхъ женахъ и о добрыхъ, о пьянствѣ, о хмѣльномъ питіи, о нѣкоемъ челоувѣкѣ богобоязливѣ, яритча о годовомъ обхожденіи и о семи седмицахъ житія челоувѣческаго; далѣе—рядъ выписокъ изъ церковныхъ правилъ и устава церковнаго, изъ «книги чиновной, по чему приводить въ искovýchъ дѣлѣхъ къ вѣрѣ», указы о епитиміяхъ, статьи изъ иконописнаго подлинника—указанія иконописцамъ и книжнымъ писцамъ²⁾).

Повѣсть наша занимаетъ листы 258—265. На бумагѣ филигрань—шуть съ пятью бубенцами. Тетрадь съ спискомъ повѣсти по формату своему была немного крупнѣе другихъ тетрадокъ, составившихъ нашъ сборникъ; поэтому при переплета-

1) Описаніе сборника будетъ представлено въ отчетѣ о поѣздкѣ въ Олонецкую губ. 1903 г.

2) Напечатано П. К. Симономъ въ его книгѣ «Къ исторіи обихода книгописца, переплетчика и иконнаго писца» (1906), стр. 157—167.

Известія II Отд. И. А. Н., т. XI (1906), кн. 4.

ни низы листовъ тетради съ были срѣзаны и на нѣсколькихъ листахъ исчезли послѣднія строки. Какъ почеркъ тетради, не повторяющійся въ другихъ частяхъ сборника, такъ и филигрань, позволяютъ отнести рукопись къ концу XVII в. Такимъ образомъ, нашъ списокъ старше обоихъ извѣстныхъ доселѣ; но это старшинство его, являясь важнымъ преимуществомъ передъ другими списками, отступаетъ на задній планъ при сопоставленіи его съ внутренними достоинствами списка — сравнительной его полнотой и вслѣдствіе этого цѣльностью пьесы и значительной свѣжестью стариннаго языка, нерѣдко сохранившагося почти неприкосновеннымъ. Что касается до полноты, то въ этомъ отношеніи академическій списокъ важнѣе тѣмъ, что исправляетъ логическую непослѣдовательность въ ходѣ пьесы, какъ она записана въ списокѣ общества любителей древней письменности (по которому напечатана Х. М. Лопаревымъ), очевидно списанномъ съ неполнаго оригинала; въ списокѣ общ. люб. др. писм. бранныя рѣчи дѣвицы сразу обрываются послѣ нѣсколькихъ возраженій молодца, и дѣвица отдается молодцу, ничѣмъ не объясняя своего поступка; въ списокѣ академическомъ разговоръ съ молодцомъ кончается какъ бы разрывомъ; молодецъ, повидимому, рѣшается уйти отъ дѣвицы; это заставляетъ дѣвицу обратиться за совѣтомъ къ мамушкамъ и нянюшкамъ, какъ быть ей съ дворянinemъ сыномъ отецкимъ: «отгѣдетъ онъ прочь на чужую дальнюю сторону и станетъ онъ меня поминать и мою злобу и досаду прежнюю». И мамушки и нянюшки говорятъ: «думай, государыня, сама, красная дѣвица, да не продумай, будетъ тебѣ жаль дворянина сына отецкаго, и ты стань передъ дородного молодца и поклонися за вину молодцу, челомъ добей; легко есть сердце молодецкое, а не такъ какъ наше злое жидовское сердце женское, забудетъ молодецъ всю злобу и досаду твою прежнюю». Вслѣдъ за этимъ начинается новый разговоръ съ молодцемъ, но уже совсѣмъ иного тона, чѣмъ предыдущій, въ которомъ дѣвица сознается, что когда только въ первый разъ увидѣла молодца изъ своего высокаго терема златоверхаго, какъ онъ ѣздитъ на своемъ

добромъ конѣ, мечеть своимъ яснымъ соколомъ гуси и лебедки и сѣрыя утицы, подрожало ея сердце и разступились суставы и попеклися сахарныя уста, и подогнулись рѣзвыя ножки и пока- тились горячія слезы, какъ скатенъ жемчугъ. Такимъ образомъ, въ спискѣ нашемъ возстановляется полнота повѣсти, можетъ быть, только за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ въ концѣ перваго разговора, гдѣ, повидимому, пропущено указаніе объ уходѣ мо- лодца отъ дѣвицы, заставившемъ ее обратиться за совѣтомъ къ мамушкамъ и нянюшкамъ. Эти дополненія даютъ иную характе- ристику дѣвицѣ, изображая всѣ ея первоначальныя рѣчи улов- ками грубаго кокетства, имѣвшими цѣлю съ большей силой раз- жечь страсть молодца, но перешедшими край терпѣнія молодца и противъ ожиданія говорившей чуть не кончившимися неудачей. Недостааетъ въ нашемъ спискѣ заглавія и нѣсколькихъ началь- ныхъ фразъ (вступленія, первой рѣчи молодца и перваго отвѣта дѣвицы).

По странной случайности недостающее начало почти цѣ- ликомъ восполняется отрывкомъ той же повѣсти, весною ми- нушаго года приобрѣтеннымъ бібліотекой Академіи наукъ въ числѣ другихъ рукописей, доставленныхъ изъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губ. (№ 33. 15. 138). Отрывокъ этотъ отно- сится къ концу XVIII — нач. XIX в. Заглавіе повѣсти пред- ставлено въ чрезвычайно распространенномъ видѣ сравнительно со спискомъ общ. любителей древней письмен.; рѣчь молодца срав- нительно съ тѣмъ же спискомъ также очень удлинена перечнемъ тѣхъ странъ и городовъ, которые видѣлъ молодецъ; здѣсь инте- ресно отмѣтить мѣстный сѣверный колоритъ: молодецъ говоритъ о посѣщеніи преимущественно сѣверныхъ мѣстностей — по- морской украины, Колы, города Архангельскаго, славнаго го- рода Каргополя, Ростова, Ярославля. Слогъ этого отрывка очень подновленный.

Эта послѣдняя находка, полученная изъ первыхъ рукъ, даетъ право думать, что повѣсть наша не такая рѣдкая вещь, какъ думали до сихъ поръ, и что списки ея еще ходятъ по ру-

камъ и, вѣроятно, еще попадутъ въ книгохранилища. Интересно отмѣтить, что три изъ четырехъ извѣстныхъ списковъ повѣсти сѣвернаго происхожденія.

Основной текстъ повѣсти (XVII в.) печатается съ буквальной точностью. Недостающее начало восполнено по сп. общества люб. др. писъм. въ чтеніи (набрано болѣе мелкимъ шрифтомъ и заключено въ скобки). Отрывокъ XVIII — XIX в. помѣщенъ въ приложеніи.

< Сказаніе о молотце и о девице.

Бысть нѣкій юноша, сынъ боярской, княжей племянникъ, великаго роду, дивень удалецъ, дѣяше бѣседи зъ гордою, щепливою с великою зъ девицею.

Сиде рече младый отрокъ к прекрасной: Душечка еси ты, прекрасная девица, ходилъ есмь по многимъ городамъ, служилъ есмь царю в орде, королю в Литве, не нашель таковы прекрасныя девицы, какъ ты, прекрасная девица; и ты меня присвой и примолвь; хоцю тебя поставити во многихъ людехъ, сопротивъ тебя служити, какъ верный слуга противъ своего господина.

Сиде рече прекрасная девица ко младому отроку: А се познаю, дворянинъ, довереньская щоголина, чево ты у насъ хочешь, или чемъ хочешь весель быти: с соколы у меня не ѣздять, не держю я у себя девица гутцовъ, ни на зверя ловьцовъ, ни борьцовъ, какъ вась, матерныхъ гнѣтцовъ.

Сиде рече младый отрокъ к прекрасной девице: Душечка еси ты, прекрасная девица, есть у тебя красное >
 л. 256 золото аравійское, да всади бы я сво бѣлѣное кде в твое товожаное ратовище і утеши бы я, молоде, свою мѣль молодецкю, а твое сеце дѣвче

И рече ему краная дѣвца: Сороко ѡцѣ еси снѣ, рогозинная свита, хощевы поуты, мочаная покрѣпа, волучная шака, глиняно шоломъ, соломяно дѡпѣ. У ѡца еси бы не в жаловаі, у матери не в люви, бегдѣрно еси челове, вси друзи тво неправду тебѣ дѣю са твою великю глѣпѣть.

И рече е' мла̃ ѡрокъ удало' молодец': Дѣша еси моя, милая красная дѣца, пелепеле'ныя тво' кости, бумѣное твоє тѣло, сахар'ные уста, мѣ'раа мѣль, тихая беседа, черново соболя брови, я'ново сокола очи, мѣрепово зрѣе, белово го'нѡтала скакае, хие¹⁾ твоє слово, нег'реченая твоа до'рота, неісповѣдимая во̃л мудрѡтъ. Во'мо'вѣи ты, утешѣи. Какъ асѣ соко', ка̃ белъ кречѣ бе' матери не можѣ ѡг'ѣ'тъти ѡ белы' лебеде', і та̃ і мнѣ мо'кло'щю не мѡно ѡехѣ ѡ твоє' дѣвче' красоты, вѣдячи таковѡю красоту і доброту. Говорѣи ты, г'рни, аки соловѣи щекочѣ в зеленѡ. . . . .²⁾

И рече ему красная дѣца: Сме'же' ты сѣнъ, неколо'ста) по- л. 257
тылица, деревяная рогатина, хлѣвно' пѡпо', во' еси і дурѣ, сеіко' пса'. Не̃ ѡ тебѣ ни ума, ни памѣ, молодец', свиное ѡзорчье; ка' бы у тебѣ не было уше', і ты бы бы' цѣлаа ворогуша. Тряцею опѡя'шѣ, бедою ѡбѣга̃, пѡпо'но' звѣрь, запечно' торока̃, поберженное лицѣ, жаренное вѣдѣе. Овѣи тебѣ добыль, мякнѣница³⁾, ѡтоє здоро'е, бе'г'дрноі еси члѣвкъ, нито тебѣ не примѣтъ за твою великѡю глупѡтъ.

И рече е' мла̃ ѡрокъ удало' молодец': Дѣша еси моя, милая красная дѣца, то тебѣ не вѣдомо, како' я ест' . . . . .⁴⁾ г'дрь, а ты мнѣ будѣ і животу мое' г'рни.

И рече ему красная дѣца с кручиною: Коша'е вѣдѣе, упи'а рожа, мѣвѣже' выглѣ, волчья сѣи, щѡ'и' зѡбы, лыневые глаза, намило⁵⁾ во'глѣ, свиные брови, овѣчья дѣша, строѣ сѣнъ. Жы' бы ты дома да пле' бы ты лѣти, да е' бы ты крошки, пи' бы болѡнѡю воду. Лѡжынаа жаба, мѣи, торока̃, лихая образина, овѣче' дѣ', латыцкая вѣра. Онѣе тебѣ палѣи, скобе'ю тебѣ скобѣи, топоромъ тебѣ тесѣ, нѡ у тебѣ ѡкусѣи, голова тебѣ ѡсечь. Черти ли тебѣ і 'наѡ! Жы' бы ты, что крѡ в земли, что же' в дѣле, | что л. 258
мышь пѡ кро'лею.

1) Вм. тихое?

2) Одна строка срѣзана.

3) Въ сп. общ. люб. др. письм. мякнѣница ли тебѣ родила.

4) Конецъ строки срѣзанъ.

5) Слѣд. чит. «налимни» (?).

И рече е' мла̃ брѣкъ удало' молоде^а: Дѣа еси моя, милая крѣнаа дѣца, етъ у тебя чѣто' крѣно' лѣ, а в немъ етъ лѣкая трава; і Пути бы я сво' добро' ко' нѣтупчиво' в тво' чѣто<и> крѣно<и> лѣгъ.

И рече ем^в крѣнаа дѣца: Ежовая кожа, сомовая рожа, мѣе вѣдѣнѣе, стерляже' нѣ, осѣриная¹⁾ спина, глѣ глѣпе^а. Вѣтъ я 'наю: хѣ удави, хѣ утопи, нѣто по тебѣ не потѣжѣи, ни плачѣ за твою великѣю глѣпѣтъ.

И рече е' мла̃ брѣ^а: Дѣа еси моя, милая крѣнаа дѣца, кѣ бы мо' в лѣгу 'воѣ лѣтовалъ, а я' бы, молоде^а, опочинулъ ѣ тебя, крѣнаа дѣца, на 'воѣ крутыѣ бѣрахъ.

И рече ему красная дѣца: Что васъ безумныѣ ни сѣютъ, ни орѣтъ дѣрако^а, сами ражаѣца ѣ глупыѣ ѣцо^а, ѣ безумныѣ матери' і ѣ мѣкѣскѣ рабъ^{в)} сбѣни^{а, в)}.

И рече еі̃ мла̃ брѣкъ ѣдало' молоде^а: Дѣа еси моя, милаа крѣнаа дѣца, хотя ты меня много хули і лаѣ і бѣчѣти і соромотѣ, а я на тебя не могу 'лобы, ни досады де'жа^а; а ѣже доброта твоя лѣшана і жаловѣе твое вижено, в люди ети не по л. 259 што, | а 'десъ жѣ не мощно, тѣко ѣ тебѣ заехѣ прочъ на чюжѣю да'нѣю тѣронѣ, тамъ срамоты и'быть.

И рече к нему крѣа дѣца с кручиною: Бешено' ты бѣ, воронья дѣа, слепого похѣка, кѣда ты брести думаешъ, кому надѣе опричь меня? А вѣдаѣ ты і самъ: холопа мнѣ не купи, а бѣ холопа мнѣ не жѣи, а бѣ дрѣга не быть, а бѣ милово не жѣи, а нищего ко'мѣи; і ты живи у нѣ да не буди глѣ, не рыци по многимъ ѣлицамъ, болши здѣсь пребыва', въ чюжые дворы не ходи, по щѣламъ не ѣотри, соба не 'ра'ни, а на меня са щѣ пѣляди, а я за тобою вслѣ пѣмѣрю; а коли бѣдешъ ѣнъ, ты лягъ да ѣни, а в ѣрѣ ста да ѣ нѣ побыва', а мило^а свое^а челѣ добываѣ.

1) Въ подл. осѣриноная (ранѣе было осѣрино' нѣ).

2) Вм. бабъ?

3) Вм. сводницъ?

И рече ея млада ѡрокъ удаю' молоде^н: Дѣша моя еси милаа краѣная двѣца, ѡже еси, гдѣрни, накомѣла саха^нною ѣтвою і на-пола ѣакимъ медомъ і селенѣ виномъ, тако еси і ты меня утешила своими умѣными словесы поѣвѣними, какъ тихаа туча во обѣ^нные времена шущаѣ мѣвѣные росы на всякия ро^нные цвѣты в чѣтомъ поле. Коли гдѣрни я^н тебя прежде сего виделъ в твоємъ высокомъ тереме, а ты сдѣй краше всякого цвѣту, | аки краѣное л. 260 сѣце сияешь, і ты, гдѣрни, пе^нвымъ женамъ ѡподобися Натѣи Даниловы жены Во^нчева, а смиренне ѡе аки Одо^н і Семеновы жены Коромышева, а муротъ твоя аки Василѣты Ста^нровы жены Годунова¹⁾, а любо^н твоя и решѣе аки <Раксаны царицы>²⁾ Александрѣ цѣря Макидонскаго.

тѣ краѣ двѣца умолкла, не могла проти^н дворянина ѡвѣчѣ.

И рече ея млады' ѡрокъ удаю' молоде^н: Дѣша еси моя, милая краѣная двѣца, притупилася ея^н), какъ каленая стрела, прибилася, какъ краѣная лисица пре^н выжлецо, утомилася | ⁴⁾ какъ бѣлая л. 261 лѣбе пре^н янымъ соколомъ.

І тѣ краѣная двѣца сатужила, ѡчала домышлѣцѣ, какъ бы^н дворянинномъ помирѣца. І^н говорѣ краѣная двѣца своимъ на^нюшкамъ і мам^нуш^нкамъ: Свѣтъ моѣ нянюшки, мамуки, двѣма^н те^н вы думу і придѣма^н те, принѣ ли мнѣ дворянина сѣна ѡтѣскаго; жа^н мнѣ дворянина сѣна ѡтѣскаго ѡдѣтъ о^н про^н на чюжбю да^ннбю сторовѣ і станѣ о^н меня поминѣ і мою злобу і досадѣ пре^ннбю.

І^н говорѣ ея нянюшки і мамушки: Дѣма^н, гдѣрни, сама, краѣная двѣца, да не продумаѣ; ѡдѣ тебѣ жа^н дворянина сѣна ѡтѣскаго; і ты ста^н пере дорѣнаго молѣца и поклонися за вину молѣцѣ, челомъ добе^н; леко ѣтъ се^ндце молоде^нское, а не такъ какъ наше

1) Василиса Никулична—жена Ставра Годиновича—былицѣ.

2) Заимствуемъ изъ списка общ. люб. др. писемъ.

3) Въ подл. «ѣми».

4) Съ лицевой стороны л. 260 текстъ переходитъ на л. 261, минуя об. л. 260-го; на об. этого листа ошибочно написано приблизительно то же, что находится внизу л. 261 об. и на верху л. 262.

люе жидо^еское се^рдцѣ же^еское, забудѣ молоде^а всю ^{лю}бѣ і досадѣ твою пре^ннюю.

И рече ему крѣная дѣца, холѣто^м молѣцу неженатомъ: Уже еси ^{меня}, гдѣрь, ты угоня^т аки белого заеца бо^зымъ кобелемъ. Доселе еси, гдѣрь, да^{но} дворяи^и, добро^е молоде^а блг^чтивы і лазо-
 x. 262 рево^е цвѣтъ, | драги^и прияте^а, до тебя, гдѣрь, прие^жали кн^изи і бояря і де^и боярские, ѿ все^е моя голова ѡговорила, а ѿ тебя, гдѣрь, ѡговорицѣ не мѣно; воля твоя, гдѣрь, буди надо мною во вѣки ѿ ннѣ і до вѣка і до мое^е сме^рти, а до твоего жалова^на. А коли, гдѣрь, я^е пре^е сего видела тебя и^е высоко^е терема с высока ^{латове}хово, сидячи на ру^дучьке пѣ стеко^чаты^и окоше^кѣ, а ты, гдѣрь, е^ди на свое^е на добро^е коне, а мечѣ свой^и ѡнымъ сокола^а гуси і гбѣдки і серыя утицы¹), і тогда, гдѣрь, се^рдце мое пѣрожало і рѣтѣшил^и во нѣ сѣставы і понеклися мои саха^ные уста і вѣтрепетало мое ретивое се^рдце і пѣрожали мо^и белыя ручки, приложила к ретиво^му се^рдцу, і подѣнул^и мои ре^выа нѣки, смотрячи на твою неи^рече^нн^ю красоту і, ^{ря} на лицѣ твое, покати^ли мо^и горячие слѣзы по белому лицу, аки скатѣ жѣчѣ.

И рече е^е холѣты^е молоде^а прекрѣные дѣцы: Дѣа еси моя
 x. 263 милая | крѣная дѣца, чтобы я^е тебя виде^а у себя в высокѣ тереме ѣ тесовы кровѣки слоновы^и косте^е и лѣ бы ѡ крѣкимъ лѣкѣ китаевы^и и стяну^а бы ѡ ше^ково^е тяти^кою і све^е бы ѡ ^{горы} горы в место и ладн^есе бы ѡ твоеа доброты.

И рече ему крѣная дѣца: Свѣтъ гдѣрь мо^е, холѣты^е молоде^а неженато^е, где будѣ твоя до^брота, а я^е о^бворочюсе ѡны^и соколомъ и паду прѣ тобою, і ты, гдѣрь, где меня ѣр^и, і тѣ^е бы ты в меня вложи^а свою каленую стрелу і вложи^а бы ты в свое^е слато^е ко^ччанъ.

И рече е^е млѣ ѡро^е: Дѣа еси моя, милая крѣная дѣца, стани ты крутыми берегами, а я^е протеку тихи^и дунаемъ і спущѣ малыя речки в тво^и крутые береги.

1) Повторено: «я утицы».

И рече ему кра́ная дѣ́ца: Коли, гдѣрь¹⁾, у тебя было много гусятины и лебедятины, а нѣ́тъ ты дове²⁾ молодые голубятины, і ты, гдѣрь, самъ стережи, а стороны береги.

И взялися за бѣлыя ручки і поцеловалися в саха³⁾ны в уста і пошли на высоко' теремъ и лѣли на тисову кровѣку і учили те- шѣцѣ до свое' любѣви.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Дивное сказаніе повести младаго штрока и храбраго дворянина и ш прекрасной девице.

Бе некоторыи штрокъ велика рода княжни племяникъ и царева двора любовникъ, имелъ утеху с красною девицею зъ горливою и с щаливою и величавою, и говорилъ ей многія умильныя речи:

Послушай, душе моя и госпоже, красная девице, и какъ тебе, государыни, про меня молодца не недомо³⁾, а я, молодець, былъ в Кіеве и былъ по всемъ землямъ и по всемъ шрдамъ и былъ я, душа красная девица и прекрасная госпоже, в Агліи и в Цысарии, в Турцыи, в Гишпании, в Галандии, и в Прусии и былъ я, добрый молодець у царя в Москве и у короля в Литве и въ Ерославе и Переяславе, в Ростове и Володимере и в Угличе и во всей поморской украины, в Колы, и у города Архангельскаго, и славномъ городе Каргополе, и нигде такія красавицы не видано и такія доброты не слыхано, а теперече,

---

1) «коли гдѣрь» надъ строкой.

2) Слѣд. чит. «вѣдомо».

красная девица сама св(он) очи вержеши, аки маковъ цвѣтъ
сияеть. Веселообразная штроковица, присвои меня с любовью
в свои высокии теремъ, и я бы любезно, аки верный слуга го-
сподина своего послушалъ и повиновался и смотря на тебя...

В. Срезневскій.

Апокрифическое житіе Самарянки по Прологамъ Бѣлградской Народной Библиотеки.

Разсматривая въ бытность мою въ Бѣлградѣ весной 1899 года въ ряду другихъ рукописей Народной Библиотеки стишные Прологи (№ 576, 20 и 157 по старой нумераціи), я обратилъ вниманіе на помѣщенное въ нихъ апокрифическое житіе Самарянки. Житіе это помѣщено подь 25 февраля и представляетъ интересъ по характеру своего содержанія, напоминающему апокрифическія дѣянія апостоловъ.

Содержаніе житія слѣдующее. Во времена царя Нерона было поднято великое гоненіе на христіанъ. Послѣ того какъ святые апостолы Петръ и Павелъ скончались мученическою смертью, принялись тщательно разыскивать ихъ учениковъ. Тогда святая Фотинія (Самарянка) со своимъ сыномъ Іосіемъ пребывала въ Кареагенѣ и неустрашимо проповѣдывала Евангеліе. Старшій же ея сынъ Викторъ, отличившійся въ войнѣ съ аварами (вар. варварами), былъ потомъ назначенъ царемъ воеводой въ Италію съ тою цѣлью, чтобы мучить тамошнихъ христіанъ. Узнавъ о назначеніи Виктора, дуксъ Севастіанъ сказалъ послѣдному: «я знаю хорошо, что ты христіанинъ, да и твоя мать съ братомъ Іосіемъ христіане. Но совѣтую тебѣ выполнить царское повелѣніе, чтобы не погибнуть». Викторъ отвѣтилъ, что онъ предпочитаетъ исполнять волю небеснаго и безсмертнаго царя. О повелѣніи же Нерона не заботится. Дуксъ отвѣтилъ, что совѣтуетъ ему, какъ своему другу. Если Викторъ будетъ мучить христіанъ, то и царю угодить и присвоить себѣ имущество христіанъ. Но, если не хочетъ самъ пострадать, пусть объявитъ

матери и брату, чтобы не осмѣливались открыто отклонять еллиновъ отъ прагѣдовской вѣры. Въ тайнѣ же пусть вѣруютъ въ своего Христа. Въ отвѣтъ на это, Викторъ заявилъ, что ни за что не станетъ мучить христіанъ и не воспользуется чѣмъ-либо принадлежащимъ послѣднимъ. Не станетъ онъ и совѣтовать матери и брату перестать проповѣдывать, что Христосъ есть Богъ. Онъ и самъ, не смотря ни на что, останется проповѣдникомъ Христовымъ. Дуксъ отвѣтилъ: «Я тебѣ совѣтовалъ, что могло быть тебѣ полезнымъ; самъ же увидишь, что будетъ». Въ эту минуту разгорѣлось лице Севастіана, и отъ страшной боли глазъ онъ упалъ на землю и не испускалъ звука. Присутствовавшіе взяли его и положили на постель. Такъ, не проговоривъ слова, онъ пробылъ три дня. По истеченіи же этого времени онъ громко воскликнулъ: «Единъ Богъ Христіанскій!» Когда Викторъ, войдя къ Севастіану, выразилъ свое удивленіе по поводу перемены, происшедшей въ послѣднемъ, дуксъ сказалъ, что его призываетъ Христосъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ окрещенъ Викторомъ, и во время крещенія внезапно прозрѣлъ. Видѣвъ это, окружающіе, боясь, чтобы не пострадать подобно Севастіану, также крестились. Вскорѣ дошло до Нерона, что италійскій воевода Викторъ и дуксъ того же города (sic!) проповѣдуютъ ученіе Петра и Павла и всѣхъ обращаютъ ко Христу. Тоже дѣлаютъ въ Кароагенѣ сосланная туда Фотинія съ сыномъ Іосіемъ. Царь пришелъ въ ярость и велѣлъ воинамъ отправиться и привести христіанъ. Вѣрующимъ является Христосъ, говоря: «Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ; Я съ вами, и будетъ побѣжденъ Неронъ и его соумышленники». Обратившись же къ Виктору, Христосъ сказалъ: «Съ этихъ поръ твое имя будетъ Фотинъ, ибо многіе прійдутъ ко Мнѣ, просвѣщенные тобою; Севастіана же укрѣпили твои слова на мученіе, и блаженъ тотъ, кто до конца подвигнется». Сказавъ это, Христосъ возшелъ на небеса. Было открыто и Фотиніи, что ее ожидаетъ. Фотинія вмѣстѣ съ сыномъ и множествомъ христіанъ отправилась въ Римъ. Весь городъ пришелъ въ движеніе.

Всѣ спрашивали другъ друга, кто такая Фотинія (и потрясесе весь гра̃ глѹще. кто ѿ сѧ л. 313). Фотинія же неустрашимо проповѣдывала евангеліе. Между тѣмъ были приведены воинами Севастіанъ и Фотинъ. Святая Фотинія предупредила ихъ и предстала предъ Нерономъ съ Іосіемъ и съ бывшими съ ней. Неронъ спросилъ, зачѣмъ они пришли. Фотинія отвѣтила: «Научить тебя почитать Христа». Въ это время сказали царю, что пришли Севастіанъ и Викторъ, которые не вѣруютъ богамъ. Царь велѣлъ привести ихъ. Святыхъ привели. Неронъ спросилъ ихъ, правда ли то, что онъ о нихъ слышалъ. Святые отвѣчали утвердительно. Тогда Неронъ, обратившись къ женщинамъ, предложилъ на выборъ: или отречься отъ Христа, или умереть злою смертью. Святые отвѣтили единогласно, что предпочитаютъ умереть за Христа. Царь спросилъ о ихъ именахъ. Фотинія отвѣчала, что она называется Фотиніей, сестры же ея Анатолія, Фото, Фотисъ, Параскева, Киріака (любопытный подборъ именъ). Сказала, какъ называются и сыновья. Тогда Неронъ спросилъ: всѣ ли они рѣшились умереть за назарянина Христа. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ сокрушить желѣзными молотами святымъ суставы пальцевъ. Положили руки святыхъ на наковальню, и слуги били молотами отъ третьяго часа до девятаго, при чемъ трижды смѣнялись. Но святые «всма не вмениахоу моукъ». Царь пришелъ въ замѣшательство (смѣте се), видя мужество святыхъ, и приказалъ отсѣчь имъ руки. Тогда связали руки святымъ и положили на наковальню, и принялись рубить. Семь разъ ударили три мучителя и безуспѣшно. Отъ изнеможенія сами пали на землю, какъ мертвые. Царь въ недоумѣніи сталъ обдумывать, какимъ бы мученіямъ еще подвергнуть святыхъ. Онъ велѣлъ бросить святыхъ въ глубокую темницу, а Фотинію съ сестрами отвезть въ свой златой кувуклій, поставить тамъ 7 золотыхъ одровъ, 7 свѣтильниковъ и трапезу. Своей дочери Домнинѣ царь приказалъ оставаться вмѣстѣ съ рабынями возлѣ святыхъ женъ. Въ то же время онъ приказалъ положить тамъ «бѣгство мнѣго. и знаменія злата ризи и

поиски злати». Увидѣвъ Домнину, Фотинія сказала ей: «Радуйся, Христова невѣста». Домнина отвѣтила: «Радуйся и ты, моя госпожа, свѣча Христова!». Наставленная въ вѣрѣ Фотиніей Домнина крестилась со своими рабынями, и была наречена Аноусой. Блаженная Аноуса велѣла Стефанидѣ, начальницѣ рабынь, раздать все золото въ кувукліи нищимъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, царь разъярился и велѣлъ бросить въ разжигаемую въ теченіе семи дней печь Фотинію съ тремя тысячами (sic) женщинъ и мужчинъ. По прошествіи трехъ дней царь велѣлъ отворить печь и выбросить кости святыхъ въ рѣку. Но святыхъ нашли живыми и славящими Бога, и ужаснулись. Узнавъ объ этомъ, всѣ граждане Рима прославили Бога. Царь же приказалъ дать святымъ ядъ. Призванъ былъ волхвъ, именемъ Лампадій, и онъ далъ прежде всего ядъ Фотиніи. Святая заклала смертное зелье, чтобы позналъ его составитель силу Христа. Всѣ выпили ядъ и остались невредимы. Волхвъ весьма удивился и сказалъ, что имѣетъ еще «бѣлье ѿскоусно сѣло». Если Фотинія вкуситъ его и останется жива, то и онъ увѣруетъ въ Христа. Было принесено это зелье, всѣ вкусили, и никто не пострадалъ. Тогда волхвъ собралъ свои волшебныя книги и предалъ ихъ огню, крестился и былъ названъ Христодуломъ. Царь велѣлъ новообращенному отсѣчь голову. Такимъ образомъ Христодулъ ранѣе всѣхъ совершилъ свой мученическій подвигъ и возшелъ на небеса. Святымъ же царь повелѣлъ изрѣзать жилы. Святые во время мученія насмѣхались надъ царемъ и бранили его и его боговъ. Тогда царь приказалъ напоить Фотинію расплавленнымъ оловомъ съ сѣрою, а остальнымъ святымъ вылить олово на плечи. Святые единогласно возблагодарили Бога, что онъ оросилъ расплавленнымъ оловомъ сердца ихъ, жаждущія и расплавленные, какъ отъ солнечнаго зноя. Царь пришелъ въ изумленіе и повелѣлъ повѣсить святыхъ, стругать по всему тѣлу и жечь горящими свѣчами. Но святые съ помощью Божіей выдержали и это мученіе. Неронъ разъярился и повелѣлъ смѣшать пепелъ съ крѣпкимъ уксусомъ и влить въ ноздри святымъ. Но святымъ

показался вкусъ слаще меда и сота. Послѣ этого святыхъ по приказанію Нерона ослѣпили и бросили въ темную и смрадную темницу, полную лютыхъ змѣй и скорпионовъ. Святые въ темницѣ пѣли и славили Бога. Тогда всѣ ядовитые гады издохли, а темница наполнилась неизреченнымъ благоуханіемъ; мракъ смѣнился пресвѣтлымъ свѣтомъ; сталъ Христосъ посредѣ святыхъ и сказалъ: «миръ вамъ!». Онъ поднялъ святыхъ и сказалъ: «Радуйтесь, потому что Я съ вами, и всегда и нынѣ, радуйтесь!». Тогда прозрѣли ихъ глаза, и святые увидѣли Господа. Господь, знаменавъ ихъ, сказалъ: «мужайтесь и крѣпитесь!» и взошелъ на небеса. Отъ тѣлъ же святыхъ какъ бы отпала шелуха, и тѣла стали здоровыми, какъ и прежде. Въ темницѣ святые оставались три года. Былъ въ темницѣ рабъ изъ царевой палаты. Этого раба царь приказалъ выпустить. Посланные въ темницу съ этой цѣлью увидѣли святыхъ здоровыми и невредимыми и доложили объ этомъ царю, при чемъ сообщили, что темница стала свѣтлой и исполнилась благоуханія, превратившись въ славу Божию и въ домъ святой, и среди темницы кипитъ богатство (вар. истекаетъ изобиліе исцѣленій), туда сходятся люди и крещаются заключенными. Царь ужаснулся и велѣлъ привести святыхъ. Когда они предстали предъ царемъ, онъ сказалъ имъ: «Не предписалъ ли я вамъ царскимъ повелѣніемъ не проповѣдывать о Христѣ въ городѣ Римѣ? Какъ вы, находясь въ темницѣ, дѣлаете это? За это я васъ предамъ великимъ мукамъ». Святые изъявили полную готовность страдать. Тогда царь приказалъ распять ихъ стремглавъ и въ теченіе трехъ дней бичевать воловьими жилами, пока не распадутся составы ихъ тѣла. Въ то же время приказалъ стражѣ стеречь ихъ въ теченіе четырехъ дней. На четвертый день пришли слуги осведомиться, живы ли еще святые. Внезапно слуги ослѣпли. Сошелъ съ неба ангелъ, отрѣшивъ святыхъ и своимъ поцѣлуемъ исцѣлялъ ихъ. Сжалившись надъ слугами, святая Фотинія помолилась Богу, и они прозрѣли и крестились. Разгнѣванный Неронъ приказалъ содрать кожу со святой Фотиніи. Между тѣмъ какъ со святой сдирали кожу,

она пѣла: «Искусилъ мя еси и позналъ мя еси». Кожу бросили въ рѣку, а святую въ сухой колодезь. У Севастіана, Фотива и Іосія отрѣзали подкожные жилы и дѣтородные члены и бросили псамъ. Затѣмъ содрали кожу съ головы, которую бросили въ рѣку, а самихъ заключили въ ветхой банѣ. У сестеръ Фотиніи отрѣзали сосцы, содрали и съ нихъ кожу. Когда же пришла очередь на святую Фотисъ, она не допустила никого прикоснуться къ ней, но сама содрала свою кожу и бросила въ лицо Нерону. Даже царь удивился ея мужеству. Между тѣмъ, онъ измыслилъ новую лютую муку. Онъ велѣлъ пригнуть къ землѣ два дерева въ своемъ саду, привязать къ нимъ святую Фотисъ и потомъ пустить деревья, что и было выполнено. Тѣло святой было расторгнуто, и она такимъ образомъ предала душу Богу. Остальныхъ, за исключеніемъ Фотиніи, Неронъ велѣлъ постѣчь мечемъ. А Фотинію, по приказанію царя, извлекли изъ колодезя и посадили въ темницу, гдѣ она пребыла двадцать дней. По истеченіи этого времени ее опять представили царю, и онъ спросилъ, раскаялась ли она въ своемъ упорствѣ и согласна ли принести жертву богамъ. Святая плюнула царю въ лице и посмѣялась его глупости. «Всескверный слѣпецъ!» воскликнула она: «неужели ты меня считаешь столь глупой, лстець и безумецъ, чтобы отречься отъ своего владыки и поклониться подобнымъ тебѣ слѣпыми богамъ». Царь повелѣлъ святую бросить въ колодезь, и святая предала душу Богу. (По другой версіи святая, оставшись одна въ темницѣ, принялась молиться. Господь явился ей и, знаменавъ ее трижды, исцѣлилъ. По прошествіи многихъ дней она, прославляя Бога, предала Ему свою душу).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша легенда переводъ съ греческаго языка. Возникла же она въ позднее время и составлена лицомъ, не обладавшимъ большимъ образованіемъ. Въ легендѣ упоминается о аварахъ. Но авары впервые появились вблизи предѣловъ Византійской имперіи въ концѣ царствованія Юстиніана. О Италіи авторъ легенды имѣетъ самыя смутныя представленія. Именно онъ считаетъ Италію городомъ. Не больше онъ знаетъ

и объ Африкѣ. По его представленію Карагенъ находился гдѣ то въблизи Италіи. Неронъ — фантастическій царь мучитель съ не менѣе фантастической дочерью и окруженъ фантастической обстановкой. Что касается литературной стороны, то легенда не обличаетъ въ ея составителѣ мастера своего дѣла. Она не только страдаетъ отсутствіемъ логичности, но и полна противорѣчій, нескладицъ, необузданной фантазіи. Авторъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ апокрифическихъ дѣяній апостоловъ. Между прочимъ, манерой изложенія она напоминаетъ изданное мною уже въ «Извѣстіяхъ» апокрифическое житіе Петра и, пожалуй, апокрифическое житіе Георгія Побѣдоносца. Нѣкоторые же эпизоды находятся въ связи съ евангельскимъ повѣствованіемъ о самарянкѣ (такъ рассказъ о томъ, что Неронъ приказалъ бросить Фотинію въ *сухой колодезь*). Легенда не могла быть написана ранѣе VIII-го столѣтія.

Замѣчу еще, что, хотя всѣ мнѣ извѣстные списки легенды о Самарянкѣ сербскаго правописанія, но имѣютъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ болгаризмы, что указываетъ на то, что наша легенда, какъ и Прологи, въ которыхъ она помѣщена, была переведена первоначально на болгарскій языкъ.

Ту же легенду, но въ сокращенномъ видѣ, находимъ въ пергаменномъ Прологѣ № 19 сербской редакціи. Указанная версія заключаетъ любопытные варианты. Виктору было приказано убивать христіанъ въ *Галилеѣ*, но онъ, напротивъ, покровительствуетъ имъ и обращаетъ самого дукса Севастіана. Виктора и Севастіана связанными вмѣстѣ съ другими христіанами представили царю, который велѣлъ мучить ихъ различно: «*ѡвѣма оубо ѡчи ізврътъше. друѓинѣ же въ тьмѣцоу вьвргоше. гадъ ѡдовитихъ исплнь соущоу*» (очевидно, авторъ сокращенія путаетъ здѣсь). Христосъ является въ темницѣ съ Петромъ и Павломъ (№ 19, л. 12—13).

К. Радченко.

Прологъ № 576, л. 312*). Днѣ пámѣ стѣмѣ мѣнцѣ х̄о фотини самаранини. ꙗже весѣдова х̄с на стоуденѣци. и ꙗже съ нкѣю мнѣшнх̄се. Стихи. Бодоу възети прїидѣ тлѣвнѣноу юженѣ. живѣоу ю прїемѣши ѡю же скверны дшевнѣтѣ Ѡмнѣшнѣ.

Въ днѣн нѣрона цара римскаа. гонкнѣ¹⁾ пѣнже се вѣлнкѣе²⁾ на х̄ртїанѣ. по мнѣ же³⁾ стѣнѣ и⁴⁾ вѣрхѣвнѣнѣ аплѣ петра и павла. прїлѣжнѣо⁵⁾ нскаах̄оу снѣ оучѣннкѣ. ⁶⁾ тога стѣа фотини съ нсѣомѣ⁷⁾ снѣомѣ своѣ, въ кардагнѣнѣ⁸⁾ африкнѣнцѣ соуцїа. прѣповѣдаше ѣулѣ х̄во съ дрѣзновеннѣ. внкѣторѣже⁹⁾ снѣ ккѣ¹⁰⁾ старѣшнѣ вѣлми моужѣствовае¹¹⁾ въ рати аваромѣ моужѣствовавшнѣ (sic) на римлїаннѣ. ¹²⁾ по сѣ въ итаалїѣ. воѣвода посланѣ въѣвъ црѣмѣ. ¹³⁾ вѣсе талѣо соуцїек х̄ртїанѣ мѣтнѣ. ¹⁴⁾ сѣвастїанѣ же доуѣ¹⁵⁾ слншавѣ ¹⁶⁾ сѣа рѣ. вѣмѣ азѣ¹⁷⁾ нзѣвѣстнѣ Ѡ воѣводѣ х̄ртїанннѣ тѣвѣ выгнѣ. ¹⁸⁾ и твоа¹⁹⁾ мѣтрѣ съ іѣснѣмѣ братѣмѣ твоѣмѣ петроу-послѣдоуѣщнѣ. ²⁰⁾ нѣ повѣлѣвнѣе тѣвѣ Ѡ цара творнѣ. ²¹⁾ да не дшевнѣо²²⁾ по л. 312 гыбнѣшнѣ. и рѣ внкѣторѣ²³⁾ азѣ нѣнлѣа цра и вѣсѣмрѣтнѣ бѣ²⁴⁾ воакїѣ²⁵⁾ твѣорнѣ х̄цоуѣ. нѣрона же

*) Разночтенїя приводятся по Прологу № 20 той же библиотеки (писанъ въ 1578 году). Наша легенда встрѣчается и въ Прологѣ № 157, но существенныхъ отличїй отъ нашего текста не имѣетъ. Впрочемъ, болѣе крупныя отступленїя будутъ указаны.

1) влкѣ	2) нѣтъ	3) ко	4) нѣтъ	5) съ слѣдѣннѣмѣ
6) — нѣ л. 359 об.	7) іѣснѣмѣ. № 157 ѡсѣомѣ	8) картаганѣ градѣ № 117	9) дрѣгын	10) ꙗже старѣшнѣнѣ кѣ
картаганѣ	11) доваѣствовае	12) на брнѣнѣ аѣврѣсцїнѣ, ꙗже на римлїаннѣ пѣннѣшнѣсѣ. № 157 — варѣваромѣ воѣвавшнѣмѣ —	13) Ѡ цара кѣ —	14) — влѣд х̄ртїаннѣ ꙗже въ итаалїнѣ ннѣрїднѣтѣ —
15) доуѣ	16) вслншавѣ	17) вѣдѣтѣ азѣ — воѣводѣ рѣ	18) соуцїа л. 360	19) — ѡ
20) влѣслѣдѣющнѣ	21) — не ѡвннѣоуѣмѣтѣ	22) — кѣко дшнѣю	23) 2. 1	
24) нѣтъ	25) вѣлоу			

цара 1) повѣдѣніе ѡанко ѡ сѣ ѡже хрѣтіани ѡмѣти 2) невѣрѣгоу. 3) дѡдѣ же 4) ѡвѣща 5) ѡко ѡскрѣпнѣмоу 6) доутоу своѣмоу съвѣщаваяю ти. 7) ѡще во прѣ поутѣ начнешѣ прѣсѣвѣти ѡ по нахаждемѣ хрѣтіани ѡпитоуешѣи ѡ ѡмѣти. ѡ царѣ оугодитѣ ѡмашѣи ѡ хрѣтіанскаѣ ѡменѣ прѣтежиши съвѣ. 8) нѣ ѡ мѣри ѡ вратоу твоѣмоу ѡвѣнѣн 9) своѣи 10) пѣсанѣ да не дрѣзновѣнно 11) оуѣице ѡланни. ѡческѣи ѡметати се слоуженѣи 12) ѡ тѣ тѣ рѣ" постраженѣи съ нимѣ равнѣ 13) нѣ ѡтан ѡменѣе ѡже въ хѣ вѣшоу вѣроу. 14) ѡко же вѣолѣте. 15) ѡ вѣкторѣ рѣ не вѣуди мнѣ сѣго 16) сътворитѣ 17) да ѡзѣ моуѣоу хрѣтіанина ѡлѣи вѣзмоу 18) чѣтѣ ѡ него. ѡан съвѣтовати мѣри ѡлѣи вратоу 19) своѣмѣ, ѡже 20) не проповѣдати. ѡко хѣ бѣ 21) ѡ. нѣ ѡ 22) ѡзѣ пачѣ проповѣдѣникѣ 23) хѣвѣ, ѡ ѡсѣ ѡко же ѡ 24) вѣоу. ѡкоже ѡ ѡмѣти, ѡ всѣи познаваѣ ѡзѣ. 25) ѡже ѡмѣ 26) вѣитѣ. 27) доуѣ же 28) рѣ ѡзѣ 29) полазнаѣ рѣкоу" ти. 30) самѣ же оуѣриши чѣтѣ ѡмѣ вѣитѣ 31) ѡ сѣ 32) рѣкѣ ражѣже се ѡлицѣ 33) ѡ паѣ на земаю ѡ зѣлѣи ѡ вѣланкѣ 34) ѡ 35) ѡлѣи вѣлѣзѣни. ѡчѣи своѣи. 36) ѡ 37) вѣзѣглѣнѣ прѣвѣи. похвѣтивѣше 38) же ѡго 39) прѣстоѣицеи ѡ 40) положѣше ѡго 41) на ѡдрѣ ѡ прѣвѣи трѣ днѣи вѣсма 42) не проглѣвѣ 43) по трѣхѣ же днѣхѣ 44) вѣзѣ пѣ глѣомѣ вѣлѣбѣ глѣѣ ѡднѣи бѣ хрѣтіанскѣи. вѣшѣ же вѣкѣторѣ къ нѣмоу рѣ. чѣтѣ тѣко 45) напраснѣ прѣложѣлѣ се ѡсн. 46) ѡн же рѣ 47) прѣзѣивѣет ѣе 48) хѣ сѣ сѣлаѣ чайшѣи 49) вѣкѣ-

1) нѣтъ 2) — на хрѣтіани — повѣдѣніе 3) ни оуслышати хѣощѣ.
 4) доуѣ же 5) нѣтъ № 157—рѣ 6) вѣрѣмоу 7) съвѣщавая ти рѣчи.
 № 157—съвѣтовая ти 8) вѣ. прѣ поутѣ etc.—ѡко на прѣкѣсѣтѣи сѣдѣ. прѣхѣ-
 лѣи хрѣтіани ѡсоуждѣвшѣи ѡ моуѣиши ѡ царѣи оугажѣиши. ѡ хрѣтіанскаѣ стѣжани
 прѣтежѣвшѣи 9) ѡзѣсти 10) нѣтъ 11) ѡвѣдѣи чѣтѣ сѣи
 12) ѡческѣи ѡметати се сѣжѣи. № 157 вѣ. слоуженѣи—оуѣиши ѡ сѣжѣи. 18) вѣ-
 гѣиши сѣ радѣи 14) вѣ. нѣ ѡтан etc.— не ѡскоудѣ ѡмѣте вѣрѣ ѡже въ хѣ
 ѡмѣго 15) хѣщѣте 16) да не коудѣте сѣ 17) ѡко— 18) вѣрѣмоу
 19) съвѣщавая мѣри ѡлѣи вратѣ 20) нѣтъ 21) ѡстѣнѣи— 22) нѣтъ
 23) проповѣдѣтелѣ вѣчи 24) ѡ ѡще 25) вѣ. ѡ всѣи etc. ѡ глѣѣ вѣлѣи
 26) хѣщѣтѣ 27) —зѣлѣ 28) ѡ доуѣ 29) оуѣѣ 30) съвѣщавая
 ти рѣ 31) коудѣтѣ 32) сѣ 33) вѣ. ражѣже се etc.—гѣлѣ ѡслѣи ѡчѣи
 34) 2. 1 35) нѣтъ 36) своѣю 37) нѣтъ 38) поѣмѣи
 39) сѣго 40) нѣтъ 41) нѣтъ 42) нѣмѣлѣ 43) глѣѣ
 44) во трѣтѣи же днѣи вѣзоуѣи л. 860 45) сѣи ан 46) вѣрѣожѣи сѣ
 47) нѣтъ 48) —рѣ 49) сѣлѣкѣи

торе. и двѣ поочень ¹⁾ викторѣ л. 312 об. крѣти се. и възидѣ ²⁾ ѿ воды и ³⁾ вънезапад ⁴⁾ прѣзрѣ и прослави ⁵⁾ ба. видѣвше же народи ⁶⁾ прѣславиное чѣ ⁷⁾ оубоивше се еда ⁸⁾ како и ты тако-важѣ ⁹⁾ постраждоуть невѣровающеи. ¹⁰⁾ и пришѣшеи ¹¹⁾ крѣтише се. по си же доидѣ въ слоу нероноу. ¹²⁾ яко викторѣ воєвода ита-линскы и севастианъ тогоже гра доуѣ ¹³⁾ и ¹⁴⁾ проповѣдоуто ¹⁵⁾ проповѣданіе петра и павла. и все приводе къ хѣоу. на и стратилатова ¹⁶⁾ мти фѣтнини ¹⁷⁾ съ іуѣсѣ ¹⁸⁾ сномъ своимъ, въ кардагичѣ ¹⁹⁾ послани ²⁰⁾ таковажѣ творѣ. ²¹⁾ и ²²⁾ сѣа' сншавъ ²³⁾ црѣ и ²⁴⁾ іаростію ражѣгсе ²⁵⁾ посла воини въ италю. въ бже ²⁶⁾ привѣсти тамо ²⁷⁾ соуше хрѣтиани моуѣ же и жени. івн же се въсе хрѣ ²⁸⁾ глѣ. приидѣте къ мнѣ в'си ²⁹⁾ троужающеи се и ѿвѣрѣменинн и азъ покою вни. ³⁰⁾ азъ съ вами всамъ. и побѣжѣнъ воудѣ ³¹⁾ нерѣу, и иже ³²⁾ съ ни. и къ викторѣ рѣ. ѿселѣ фѣтнини ³³⁾ воудѣ ³⁴⁾ име твоѣ. мнози во просѣвтивше се тобою. ³⁵⁾ придоу къ мнѣ. ³⁶⁾ севастиана же в'анко о'крѣпннть слово ³⁷⁾ на мнѣ. и влѣженн же ³⁸⁾ до конѣца пѣвигнет се. ³⁹⁾ сѣа рекшоу гѣы ⁴⁰⁾ възиде на нѣа. ѿвѣивн же се и ⁴¹⁾ стѣн ⁴²⁾ фѣтнини. ѿ хотѣци ⁴³⁾ кнѣ съвити се. ⁴⁴⁾ и възвѣгши се ⁴⁵⁾ ѿ кар'дагича ⁴⁶⁾ съ многым хрѣтн ⁴⁷⁾ доидѣ ⁴⁸⁾ въ в'ланкы ⁴⁹⁾ рымъ. и потресе се въ гра глѣоуше ⁵⁰⁾ ктѣ кѣ сѣа. ѿна же съ дрѣзновѣннѣ проповѣдаше в'але хѣо. привѣнн же въе ⁵¹⁾ и фѣтнинъ снѣ кѣ съ севастианѣ воинн. стѣа же фѣтнини прѣварив'ши прѣста неронѣ съ іуѣсѣ ⁵²⁾ и иже ⁵³⁾ съ нкѣ

1) италинскы елика	2) в'анкы	3) ѣсе	4) вѣтъ	5) сѣа
6) сѣе	7) и	8) да не	9) сн влѣжнн	10) нивоиннѣтѣрсеа
11) —	12) приисл се въ ѣши неронѣтѣ	13) доуѣа градскы	14) нѣтъ	
15) проповѣдають	16) воєводина	17) фѣтнини	18) іуѣсѣма	19) къ кар'дагичны афанкисѣнн
20) — елика	21) пѣмаа сѣдѣають	22) мнѣ	23) оуѣсѣшавъ	24) нѣтъ
25) испаичнѣ'се	26) нѣтъ	27) тѣ	28) гѣ	29) 2. 1
30) и не конѣ са	31) посрѣмнт се	32) сѣ бже	33) и фѣтнинъ	34) — ѿ нинн
35) тобож просѣвнше се	36) приидѣнн	37) твоѣ слово оу'крѣпнн	38) елѣжнѣ иже	39) подѣвѣал'т са
40) рекъ гѣ	41) ѿкры же се	42) стѣн	43) хотѣцаа	44) прикаючѣти се
45) пѣвн'шин се	46) ѿ кар'дагичны	47) мнѣжѣствѣ хрѣтианъ	48) прииде	49) гра л. 360 об.
50) глѣ	51) и вѣдѣм'же вѣ	52) іуѣсѣма	53) бже	

рѣ же нерѡ къ нѣи что прїдосте¹⁾ къ нѣ стаа же²⁾ рѣ за ѡже наоучити тебѣ хѣ части.³⁾ прѣстоѡце л. 313 рекоше⁴⁾ црѡу.⁵⁾ севастіана доуѣ⁶⁾ и виѣтора воѡвода ѡже боу не вѣроуѡ.⁷⁾ прїдоше же⁸⁾ ѡ италїе, и рѣ царь.⁹⁾ да прїеѣ ни воудоуѣ.¹⁰⁾ прїеѣ ном' же ѡма¹¹⁾ рѣ къ нѣ. что ѡже ѡ ба сншлѣ.¹²⁾ стын рѣкоше¹³⁾ ѡма къ сншлѣ всн ѡ¹⁴⁾ црѣ истина соуѣ. и¹⁵⁾ възрѣвъ на стын жѣнїи¹⁶⁾ неронѣ рече къ нѣ.¹⁷⁾ ѡрїчете¹⁸⁾ ли се и въ хѣ.¹⁹⁾ илн глѣте за²⁰⁾ оуѣрѣти. что ли и како нарїчете се.²¹⁾ стаа же²²⁾ рѣ, азъ ѡ хѣ ба моѡго²³⁾ фѡтїни нарѣна въ²⁴⁾ сестри²⁵⁾ же моѡ ѡже съ мною²⁶⁾ прѣвѣже²⁷⁾ нарїчет се²⁸⁾ ѡматїи. вѣтора же²⁹⁾ фѡтѡ, третїа фѡтїси. четвѣртѣ параскеїи.³⁰⁾ петѣа курїакѣ.³¹⁾ стѡе же моѡ правѣ виѣтора. ѡже и гѣма фѡтїни нарѣна въ.³²⁾ вторѣ³³⁾ іѡсїсѣ³⁴⁾ и рѣ³⁵⁾ неронѣ вѣси³⁶⁾ стѣкцѣсте се мнїи вѣти³⁷⁾ и ѡ назорїи хѣ оуѣрѣти,³⁸⁾ стаа рѣ. ѡго радн оуѣрѣти вѣн раѣюще се и веселеще се оуѣвѣдїхѡм' се.³⁹⁾ тогѣа поѣклѣ црѣ ѡматїи⁴⁰⁾ желѣзными стѣкроушїти стѣстави прѣстѡ и⁴¹⁾ прїнесене же⁴²⁾ въѣшїи наковал'не, положише роуцѣ стїи⁴³⁾ своїи и начеше слоуѣтѣ вѣти⁴⁴⁾ ѡ третїаго часа⁴⁵⁾ да⁴⁶⁾ и⁴⁷⁾ до д-го.⁴⁷⁾ трици⁴⁸⁾ ѡзменише вїющеї. стїи же вѣсма⁴⁹⁾ не въменихѡу моуѣ. и сншавѣ неронѣ смѣте се⁵⁰⁾ и повѣлѣ ѡма роуцѣ ѡсѣци.⁵¹⁾ и двѣ ѡм'ше⁵²⁾ стѣю и рѣцѣ ки⁵³⁾ свѣзавѣшїи, и на наковал'нѣ възложише.⁵⁴⁾ и сѣчїеѣ поѡм'ше⁵⁵⁾ и на рѣцѣ

1) прїш'ли ѡста	2) нѣтъ	3) те слоужити хоуѣ	4) рѣши
5) нѣтъ	6) доуѣка	7) ѡбогѡмъ твоѡмъ ии поѡнїоуѡт се	8) нѣтъ
9) 1. 2	10) прївѣдѣте	11) прївѣдїи же въѣш'ше	12) что сншлѣ ѡ вѣ
13) рѣши	14) нѣтъ	15) ѡма же	16) — и къ —
17) нѣтъ	18) ѡрїчѣтїи се	19) хѣ вѣи	20) коѣте за нѣ
21) стїи рѣши, по хѣ и вѣт' нѣшѣма вѣи оуѣрѣдїт' коѡїма ѡмрѣти. неронѣ рече, како нарїчѣтїи се въ	22) нѣтъ л. 361	23) оуѣдѣ хѣма и гѣма моѡма	24) ѡсма
25) —	26) нѣтъ	27) оуѣво. ѡже съ мною родїла се ѡ	28) нарїчѣт' се
29) нѣтъ	30) вѣтка	31) нѣ ли	32) 3. 1. 2.
33) —	34) іѡсїсїи	35) нѣтъ	36) — ли
37) моуѣнтїи се	38) оуѣрѣтїи по назорїи	39) вѣи по нѣма раѣющи се — оуѣмїравѣма	40) млатїи
41) став'шїи прѣста и	42) нѣтъ	43) 2. 1	44) — моуѣнтїи. и. . .
45) 2. 1	46) да ⁴⁶⁾ и — нѣтъ	47) шѣстїаго	48) трїи крїтїи
49) нѣма	50) слоуѣтїи се	51) ѡсѣци — и л. 361	52) поѡм'ше же
53) нѣтъ	54) поѡжїши	55) поѡм'ше мѣче	

сѣтѣи¹⁾ фѳотинѣ²⁾ седмницею³⁾ трѣе слогѣи ѡземагающе сѣ.⁴⁾ оукарахоу⁵⁾ сѣкоуще и не ѡспѣше ничтѣ нѣ ѡзнемогше⁶⁾ падоше ѡко и⁷⁾ мрътви. сѣта же неврѣдима⁸⁾ съвлодѣна выешин⁹⁾ хѣвою¹⁰⁾ влѣтѣю. млѣше сѣ глѣощин гѣ мнѣ помощникъ л. 313 об. и не оубою сѣ чтѣ сътвори мнѣ чѣи. начет¹¹⁾ же¹²⁾ црѣ ѡ нѣдоудмѣна¹³⁾ тоужити.¹⁴⁾ ѡко да ви казан'м^{*}) некими сѣтѣи мѣи¹⁵⁾ и сѣи¹⁶⁾ въ галвокою¹⁷⁾ тѣмнинцѣ ѡвѣсти повѣлѣ.¹⁸⁾ сѣоую же фѳотиню¹⁹⁾ съ пѣтими сѣстрами кѣ, ѡвѣсти въ злато коужоукалие свое.²⁰⁾ и положити, зѣ ѡдровѣ златѣи.²¹⁾ и, зѣ сѣщиникъ²²⁾ и трапѣзоу. и повѣлѣ дѣщери своей доминиѣ²³⁾ влѣити и прѣвивати²⁴⁾ съ ними и съ своимъ равнинѣми.²⁵⁾ и положити²⁶⁾ богаство много.²⁷⁾ и знаменѣа злата²⁸⁾ рѣзи и поѣси златѣи.²⁹⁾ видѣвѣши же сѣта фѳотини³⁰⁾ ѡтроковницѣ³¹⁾ домининоу³²⁾ рѣ. рауисе хѣа неѣсто. ѡна же рауисе и тѣ госпложѣ моѣ сѣще хѣа.³³⁾ и побѣна³⁴⁾ выешин дѣщин цѣрева ѡ сѣтѣ,³⁵⁾ със токе равнинѣми³⁶⁾ и³⁷⁾ крѣтисе сѣ.³⁷⁾ и нарѣ домининоу дѣщери цѣревѣ, ѡндоусоу. и влѣе повѣлѣ влѣженѣа ѡндоуса, ѡже³⁸⁾ злато кѣ.³⁹⁾ и вса⁴⁰⁾ ѡже, въ златѣ кѣ коужоукалин⁴¹⁾ разѣти сѣ⁴²⁾ нищѣи. роукою⁴³⁾ стефанѣа и⁴⁴⁾ старѣишиноу⁴⁵⁾ равнинѣ.⁴⁶⁾ оубѣвѣ же сѣа црѣ разѣри сѣ.⁴⁷⁾ повѣлѣ пѣщѣ съвѣжещѣи⁴⁸⁾ за зѣ дѣни. и въ инѣ⁴⁹⁾ вѣрѣщѣи⁵⁰⁾ сѣоую

1) — ѡс 2) — ѡс 3) № 157 ѡзмѣниющѣи сѣ 4) № 157 — ѡ оубѣрауѣ
 5) сѣд'ма крѣтъ млѣе сѣнѣнѣи, трѣе мѣчѣтѣае не оубѣвѣе ничѣеже 6) ѡвѣд'ши же
 7) нѣтъ 8) неврѣдѣнна 9) съхранѣнѣи сѣ 10) ѡко
 11) тѣма и — 12) нѣтъ 13) 2. 1 14) размышѣити и мѣудрити
 *) № 157 казан'мѣи 15) да хѣтрѣстѣи некими и ѡтѣрѣи, дрѣжѣтѣа и госпѣдѣи
 сѣтѣи оубѣдѣа 16) ѡтѣ оубѣдѣ 17) въ галвокѣишѣ 18) повѣлѣ влѣсти
 19) фѳотинѣ 20) — оую своеѣ ѡбжѣницѣ 21) златѣ 22) нѣтъ
 23) 4. 1. 2. 3. 24) влѣти съ ѡтѣрокѣицѣми своимъ 25) съ ними етѣ. нѣтъ
 26) — сѣ прѣ нимѣ 27) стѣжанѣа мнѣгѣа 28) оубѣкѣиѣа златѣа; № 157
 влѣтѣи златѣи 29) ѡдѣиѣа златѣ и поѣси 30) нѣтъ 31) — сѣтѣи'
 ниѣа хѣа 32) нѣтъ 33) нѣтъ начинаѣа отѣ слова: рѣче 34) ѡтѣлѣ'
 шѣи же 35) сѣою 36) съ ѡтѣрокѣицѣми своимъ чѣлѣмъ р 37) нѣтъ
 38) — сѣою фѳотинѣиѣ. 39) нѣтъ 40) своеѣ 41) нѣтъ 42) сѣ
 влѣтон ѡбжѣницѣ своей соуѣа стѣжанѣа 43) влѣдѣтѣи 44) — ѡма
 45) — ою 45) нѣчѣлѣниѣю 46) сѣою ѡтѣрокѣицѣми 47) и разѣгѣ'
 влѣсѣ; № 157 — разѣрѣнѣе 48) разѣщѣи пѣщѣ 49) сѣ нѣ 50) влѣожити

фѳотинію. ѿ все ниже съ нѣю мужь кѣ¹⁾ ѿ жени *) до три ти-
сѣце. ²⁾ ѿ сѣмоу внишѣ сътвори ³⁾ срѣкѣ пѣщи три дни. по трехъ
же днѣхъ мнѣ въ погывшій выти стѣи ѿ ѿгнѣ. ⁴⁾ повѣлъ
ѿверѣсти пѣщи ѿ кости ѿ въ рѣкѣ въ метноути **) ѿ ⁵⁾ ѿверѣше
ѿверѣтоше въ сѣ стѣе ⁶⁾ славещій ѿ хвалещій ⁷⁾ ба, ѿ оужасоше
се. ⁸⁾ не косноу ⁹⁾ се нѣхъ нѣ въсма ѿгна. ¹⁰⁾ да ¹¹⁾ ѿкоже сли-
шаше ѿ видѣше въсѣ. рѣма гра лѣе ¹²⁾ прѣславнов ¹³⁾ чюдѣ,
оуденишѣ ѿ тѣ ¹⁴⁾ славеце ¹⁵⁾ ба л. 314 царѣ же таковоу чюдѣ
самовидѣца въсѣ. ¹⁶⁾ оувѣнставнаа ¹⁷⁾ вѣла ¹⁸⁾ дати тѣ ¹⁹⁾ повѣлъ.
ѿ призванѣ въешоу лампадю ²⁰⁾ вѣхѣ. ѿ налѣешоу ²¹⁾ вѣ-
лѣ ²²⁾ дѣдѣ ²³⁾ прѣвѣ стѣи фѳотини. ѿна же прѣемшій таково ²⁴⁾
рѣ. ²⁵⁾ тѣвѣ же ²⁶⁾ вѣлѣ ²⁷⁾ нечистоу ѿвѣщій въешоу ²⁸⁾ не
прѣжѣаше ²⁹⁾ на тѣвѣ въсма косноути се. ³⁰⁾ на да познаѣ ³¹⁾
слани тѣ. ѿ тѣ сѣлѣ хѣ ѿ ба моѣго. ³²⁾ сѣ дѣ прѣвѣ ³³⁾ въсѣ ³⁴⁾
сѣ испѣ ³⁵⁾ въ ѿме самого истинна ба ѿ спа нашѣ ѿ хѣ. ³⁶⁾ та
ѿ соущѣ ³⁷⁾ съ мноу въсѣ. ѿ въсѣ испѣшій ³⁸⁾ ѿ неверѣдимѣ ³⁹⁾
съхраншій се. ⁴⁰⁾ видѣвъ вѣхѣ оудени се. ѿ ⁴¹⁾ възрѣвъ на
стоу рѣ, ѿмама ѿ вѣе вѣлѣ ѿкоусно. сѣлѣ. ⁴²⁾ ѿ ѿ того дѣе ⁴³⁾
въкѣснѣшій ѿ ⁴⁴⁾ не оумреші ⁴⁵⁾ въскорѣ. вѣроуѣ ѿ дѣ хѣ ѿ
вашемоу. ⁴⁶⁾ ѿ ⁴⁷⁾ принесенѣ въешоу вѣлѣ. ⁴⁸⁾ ѿ въсѣ ѿ нѣго ⁴⁹⁾
въкоуспѣшій, ѿ нѣкого зла ⁵⁰⁾ постраѣшій. ѿ ⁵¹⁾ съвраѣ ⁵²⁾ въсѣ

1) м.лж. въкоуспѣ; № 157—мужь же   *) даже—№ 157   2) этихъ словъ
нѣтъ   3) —ше   4) стѣе ѿко снѣдѣ въше ѿгнѣши   **) —рѣшѣти № 157
5) ѿ кости стѣи славеши повѣрѣти въ рѣкѣ   6) только—въсѣхѣ   7) вѣла-
щійхъ   8) оуденишѣ   9) прѣкѣстоу во се   10) ѿгнѣ ѿ нѣмаа   11) нѣтъ
12) гражани рѣмѣсѣи   13) сѣ   14) нѣтъ   15) — ѿ ѿни   16) ѿкоже
ѿ царѣ въ оуѣслѣшаніе сѣ чюдѣ прѣтъ   17) съмрѣтнаа   18) нѣтъ
19) вѣдѣти се ѿма   20) лампадю   21) растѣорнѣшѣ   22) нѣтъ
23) вѣласть   24) сѣ   25) нѣтъ   26) оудѣ   27) —рѣ   28) не-
чѣстѣ соущѣ нѣтъ   29) поклѣ   30) въкоуспѣти сѣ   31) ѿко да оуѣсѣи
32) тѣ сѣлѣ хѣ—   33) —ла   34) ѿ прѣжѣ днѣшнѣхъ   35) шѣ сѣ
36) Та ѿ хѣ истиннаго ба моѣго   37) ѿже   38) нѣвшіа   39) неверѣжѣн-
нѣа   40) прѣвѣшнѣа   41) нѣтъ   42) ѿма нѣтъ рѣе вѣла ѿкоу-
спѣи   43) вѣ. ѿ того дѣе—сѣ   44) дѣе   45) испѣшнѣи   46) въ
хѣ вѣшего   47) ѿмоужѣ ѿ   48) нѣтъ   49) нѣтъ   50) ничѣможе зла
51) прѣемшнѣа   52) нѣтъ

своѣ¹⁾ книгы²⁾ вѣшавѣнне³⁾ вѣхове ѡгно⁴⁾ прѣдадѣ⁵⁾ и вѣрова въ х⁶⁾ крѣти се нарѣнъ хрѣтодоуль⁷⁾ сѣ⁸⁾ оуѣвѣ царь повѣлѣ вѣсхитити єго⁹⁾ ѡ срѣ¹⁰⁾ нхъ.¹¹⁾ и¹¹⁾ и¹¹⁾ изъва¹²⁾ гра¹³⁾ того посещи. ⁴⁾ и тако¹⁵⁾ прѣвѣ¹⁶⁾ вѣсѣ¹⁷⁾ свѣрши¹⁸⁾ ѡнѣ хрѣтодоуль.¹⁹⁾ х¹⁹⁾ ради посеченъ²⁰⁾ и вѣвичанъ вѣвѣ. вѣздѣ на нѣа.²¹⁾ стѣе же вѣсѣ²⁰⁾ съ вѣлнкою мѣнцѣю²²⁾ фотинѣю. повѣлѣ вѣзаконѣнн нерѣ²⁴⁾ жиан ѡмь²⁵⁾ нѣрѣзати. и сѣлѣ²⁶⁾ вѣвѣшѣ и стѣи роуѣающимѣ и оукарающѣи²⁷⁾ цара и вогы єго. ѡлово вѣроуцекъ съ серою. стѣоуѣ напоити повѣлѣ²⁸⁾ стѣи²⁹⁾ же³⁰⁾ по пѣцима вѣлѣити³¹⁾ и сѣмоу вѣвѣшѣ³²⁾ єко єдинѣмн оуѣсти вѣсѣ стѣи³³⁾ л. 314 об. вѣгодаримѣ ги³⁴⁾ бѣ нѣашъ рѣкоше³⁵⁾ єко³⁶⁾ вѣроуци ѡлово порѣсиль³⁷⁾ єси срѣца нѣаша єко вѣрѣ сѣлнчнѣи³⁸⁾ жежоуцаѣ и распалѣмаѣ³⁹⁾ тога нерѣ прѣоуднвн сѣ.⁴⁰⁾ повѣлѣ повѣснн⁴¹⁾ стѣе,⁴²⁾ и стрѣгати нхъ вѣлѣми⁴³⁾ по вѣсѣмоу тѣлоу. и свѣщамн полѣщнмн⁴⁴⁾ пѣжигати.⁴⁵⁾ сѣмоу же⁴⁶⁾ вѣвѣшѣ и стѣи мѣвщнмѣсѣ. и вѣжтеноѣ вѣгтѣю вѣзмагающѣи.⁴⁷⁾ разѣрнѣсѣ⁴⁸⁾ ѡкѣанѣнн неронъ. жѣратакѣ⁴⁹⁾ съ лѣотѣи ѡцѣ⁵⁰⁾ смѣсннн повѣлѣ.⁵¹⁾ и вѣ нѣзрн стѣи⁵²⁾ вѣлѣати. таковомоу же дѣлѣ стѣи свѣвѣшоу сѣ.⁵³⁾ мѣдѣ и сѣта нѣамъ вѣлѣнѣсѣ гѣлахоу.⁵⁴⁾ и воашѣ оуѣво разѣрнѣсѣ⁵⁵⁾ мѣгѣлѣ.⁵⁶⁾ повѣлѣ стѣи ѡчѣса⁵⁷⁾ нѣзѣтн и смѣи ѡслѣпнѣ⁵⁸⁾ вѣвѣрѣже вѣ тѣм-

1) —ѣсе	2) 2. 1	3) нѣтъ	4) ѡгноен	5) прѣдѣ
6) нѣтъ	7) ѡмѣнѣнн вѣма дѣвѣнтѣ	8) сѣ	9) вѣсхитити сѣго	
10) стѣи	11) вѣтъ	12) вѣнк стѣи	13) нѣтъ	14) оуѣвѣннн
15) нѣтъ	16) прѣжѣ	17) ѡнѣи	18) свѣча	
19) дѣвѣнтѣ	20) во х ¹⁹⁾ гѣлѣю бѣснѣннн	21) и вѣщамн etc. нѣтъ		
22) —нѣ—вѣсѣ	23) съ вѣлнко—	24) нѣтъ	25) нѣтъ	
26) ємоу же и	27) понѣающѣи	28) свѣщѣмъ съ ѡлѣвѣи напоити стѣоуѣ		
29) ѡнѣмѣи	30) вѣсѣ	31) вѣлѣити	32) —вѣсѣ	
33) вѣвѣшѣ	34) —ѣ х ¹⁹⁾	35) нѣтъ	36) —сѣгѣ рѣдн	37) вѣроуцѣаго ѡлово ѣрѣсиль
38) вѣнѣннн	39) вѣ. этихъ двѣхъ словѣ—ѡ вѣра	39) жѣрѣмаѣ		
40) дѣнн сѣ и оуѣсѣлѣ сѣ	41) ѡчѣснн	42) —нхъ	43) вѣлѣ	
44) разѣрнѣнннннн	45) —з—	46) —вѣскорѣ	47) и свѣщамн etc.	
нѣтъ	48) распѣлѣсѣ	49) пѣвѣ	50) 2. 1	51) повѣлѣ—послѣ вѣлѣтн
52) —нхъ	53) и сѣмѣ смѣшннн стѣи прѣѣмѣощнмѣ	54) свѣщамн нерѣмъ, ѡцѣ твоѣ съ пѣвѣломъ ѡ царю, пѣчи мѣда и сѣта нѣамъ ѣ	55) ѡ сѣмѣ вѣрѣшѣнн разѣрнѣвѣ сѣ	
56) нѣтъ	57) ѣчн стѣи	58) 2. 1		

нѣицоу лрѣчноу и смрадѣнѣ. 1) пльноу сощѣ змѣи лѣтѣи и скорпѣи. 2) стѣи же поѣхоу и славахѣ бѣ вѣланкѣи *) глѣомь. 3) да иже 4) въ тьмѣници 5) пльжемаа **) ѡдошѣа 6) и зьмрѣше. и тьмѣница влѣоууханѣа испльни се неи зрѣнѣна. 7) и тѣма прѣложи се 8) въ 9) свѣтъ прѣ свѣтѣль. и ста хѣ посрѣ стѣи, и глѣ 10) и ма мѣрь вама. и ѣма стѣи въ зѣвѣ 11) рѣка. рауѣте се выи ѣко са вама ѣсамь. и 12) въсега и ниѣ рауѣте се. 13) и 14) ѣвѣе словѣмь. 15) прѣзрѣше ѡчеса и хѣ и вѣдѣше гѣ. и знаменава и хѣ 16) рѣ. 17) моужаите се и крѣпите се. и тако 18) възидѣ на нѣво. 19) ѡ телѣсе 20) же стѣи пѣдоше ѣко и лѣспѣ. 21) и выше зрѣви ѣко и 22) прѣвѣе страстѣи же нерѣи и вогомрѣскѣи 23) и за ѡставѣи 24) прѣвѣити стѣи 25) въ тьмѣницѣ за 26) гѣ лѣ. донѣи же 27) за ѡ смрѣтѣю дѣше ѡложить. 28) по трѣ 29) лѣхѣ 30) рѣба и мѣк царѣ ѡ своеѣ ѣго полати соуца 31) въ тьмѣници зѣтворѣнѣна. 32) пощѣ лѣ л. 315 тѣ испоустити. 33) да 34) ѣко вѣдѣше послаи ни ѡ царѣ 35) стѣи 36) зрѣви. 37) повѣдаше ѣмоу 38) ѣко ѡслѣпльни ни галнаѣѣне вѣдѣтъ царѣ 39) и зрѣви соуца нѣ и тьмѣница просѣвѣтѣиши се 40) влѣоууханѣа многаа испоуцаѣи. 41) прѣложѣиши се въ славоу ѣжѣю, 42) и въ дѣ стѣи. и вѣгатаство и сѣрѣ тьмѣницѣ кнѣвѣце 43), и дѣ же. 44) сътичѣт се 45) лѣѣ. крѣцают се 46) ѡ нѣи 47) вѣ рѣѣѣце въ бѣ и хѣ. сѣа самшавѣ 48) царѣ оужасе се. 49) послава прѣвѣ

1) затѣрѣи въ тьмѣници тьмѣнѣ стѣи	3) влѣгласно; № 157—вѣлама— вѣжѣца	2) испльниши гѣдовѣ сѣдѣѣѣи и ичѣи	4) и мѣже	5) оуѣд	*) № 157
6) сѣдѣѣѣа оуѣрѣиши се	7) и смрадѣ тьмѣничи въ кѣго оуѣѣи прѣложѣи се и прѣложѣи; № 157—ниѣ кѣговои ма	8) ѣмѣтъ	9) нѣтъ	10) рѣ	11) ѣма за рѣѣко стѣоуѣ вѣзѣиже
12) нѣтъ	13) и ниѣ ѣс нѣтъ	14) — вѣкоуѣт сѣ словѣма	15) нѣтъ	16) ѣли сѣхѣ	17) и рѣка
18) сѣ же	19) и сѣд	20) вѣлти	21) ѣко чѣше ѡпа дѣше; № 157—чѣлѣсти	22) нѣтъ	23) нерѣи же лѣтѣи и вѣвои маѣдѣни
24) ѡстѣи	25) 2. 1	26) нѣтъ	27) ѣко да	28) дѣоу ѡвѣра гоуѣ	29) — же
30) — своѣстѣна	31) ѡ своеѣ ѣс. нѣтъ	32) 2. 1	33) и вѣстѣи сѣдѣ	34) и	35) нѣтъ
36) 1. 3. 2	37) вѣдѣше	38) вѣзѣѣтѣиши царѣи	39) нѣтъ	40) сѣтѣома ѡсѣи ма	41) и вѣниѣи маѣгѣи поуцаѣѣи
42) прѣложѣи се въ дѣма ѣиѣи	43) вѣ. словѣ; и въ дѣ стѣи ѣс. и и зѣѣѣи испльниши посрѣ тьмѣници ѣ испльниши	44) къ и мѣиже	45) сѣрѣцѣт се	46) крѣцают се	47) сѣиѣи
48) оуѣ—	49) оуѣи				

и́хъ прѣ̀ совою ¹⁾ и рѣ̀. не пороучи́хъ ²⁾ ли ва́ма цркви́ повѣ́дѣ-
 нїѣ̀. ³⁾ не проповѣ́дати х̄а въ градѣ̀ рї́м'сцѣ́ма. како ⁴⁾ въ тьм-
 ни́цѣ̀ соущема ⁵⁾ таковоѣ̀ ⁶⁾ творїте́ сего̀ ради мно́гы и вѣ́ликии ⁷⁾
 на́ложоу ⁸⁾ на вы ⁹⁾ моу́кми. стѣ́ми рекоше ¹⁰⁾ е́же хо́щете творїи.
 мы ¹¹⁾ х̄а соу́ще и́стиннаго ба́ ¹²⁾ и творѣ́ца в'сачьскы́ ¹³⁾ пропо-
 вѣ́дати не прѣ́станѣ́ ¹⁴⁾ и ¹⁵⁾ ѿ се́ма ѣ́ростїю разг'рече́ ¹⁶⁾ по-
 вѣ́лѣ распѣ́ти и́хъ ¹⁷⁾ страмоглава, и за трѣ́ днїи рас'чесовати ¹⁸⁾
 тел'са и́хъ жи́лами. ¹⁹⁾ дондѣ́ же рѣ́ разѣ́лѣт се състави́ ²⁰⁾ и́хъ.
 томоу ²¹⁾ же вы́шюу, стражи́е поставїи́ ²²⁾ и́звѣ́стїи и́ ²³⁾ и
 влю́сти за́ четыре днїи еисци́и ²⁴⁾ въ четверѣ́ти же днѣ́ прии́ше ²⁵⁾
 слоу́тїи вїдѣ́ти и́хъ. ²⁶⁾ а́ще живен соу́тъ. да ²⁷⁾ ѣ́ко вїдѣ́ше
 и́хъ вїсеци́и са́ми ²⁸⁾ а́вѣ ѿспаше. а́гглы же бѣ́жи ²⁹⁾ санидѣ́
 съ нѣ́и и ѿрѣ́ши ³⁰⁾ стѣ́и. и цѣ́лобава ³¹⁾ зрави́и сътвори. то́гда
 стаа ѿ ѿсла́пленїи слоу́тъ ³²⁾ оу́мардїе́ши се. помансе́ а́вѣ и
 прозрѣ́ше. и ³³⁾ вѣ́ровавше ³⁴⁾ крѣ́тїше се, въ мме х̄ео и поса́д-
 ствовавше́ и́мъ. ³⁵⁾ слышавше́ же сѣ́а скернѣ́ны ³⁶⁾ нерѣ́. и разг'ни-
 вавсе́ *) ѿжа́нїи повѣ́лѣ́ ³⁷⁾ ко́ждо стѣ́и л. 315 об. фотїи
 ѿдрати. ³⁸⁾ и то́моу ³⁹⁾ вы́шюу пої́ше стаа ⁴⁰⁾ гн̄ и́скоу́сил' ме еси
 и познал ме еси. ѿдравше́ ⁴¹⁾ ко́жоу ⁴²⁾ в'мет'ноу́е́ше ⁴³⁾ въ рѣ́коу.
 стоу́ю же вѣ́рлгоше ⁴⁴⁾ въ стѣ́дѣ́н'ца ⁴⁵⁾ соу́хъ. ⁴⁶⁾ се́бастїана же
 и́ фотїи́а і'ѿсїа. і'м'ше ⁴⁷⁾ пѣ́колѣ́нїе и́ жи́лы ѿрѣ́завше́ съ
 листи ѿ ѿ помѣ́т'ноу́е́ше. ⁴⁸⁾ и ⁴⁹⁾ ѿдравше́ ко́жїе глави́и и́ въ
 вѣ́т'хоу́ю ба́ню. ⁵⁰⁾ пет'же сестри́ ⁵¹⁾ стѣ́и фотїи́и ⁵²⁾ прѣ́ста-

1) прѣ́дстѣ́ен си	2) в'звѣ́стїи х̄	3) 2. 1	4) — оу́дѣ
5) соу́ще	6) си	7) 2. 1	8) 2. 1
9) на ва́са	10) рѣ́и		
11) — ед	12) х̄а на́шего ба соу́щма и́стинна	13) і́хъ	14) оу́тїи не
15) нѣ́тъ	16) прѣ́испа́нїи'се; лѣ́ 157 просто—разг'нїе́а се		
17) сїи́хъ	18) и́з'мѣ́жавати	19) — волю́и	20) раста́ит се ча́лы
21) самоу́	22) — ши	23) оста́нїиши сїи́хъ	24) ѣ́ри четы́ри днїи еисцїи
25) при́доши	26) сїи́	27) и	28) ѣ́ко etc. нѣ́тъ
29) гн̄			
30) ра́брѣ́шииъ	31) локнѣ́ва	32) моу́чїи́тел	33) нѣ́тъ
34) — еъ	35) нѣ́тъ	36) нѣ́тъ	*) лѣ́ 157 разг'нїе́а се
37) вл.			
38) ѿдра́ти се ко́жи стѣ́и фотїи́и			
39) самоу́	40) нѣ́тъ	41) — же сїи́	42) — едѣ
43) в'р'гоше			
44) нѣ́тъ	45) ра́внїи	46) — проче́е же	47) и́м'жше
48) дѣ́то-			
родны́и и́ оу́ды ѿрѣ́завше́ и́ в'рлгоше ѿ́мъ	49) та́же	50) вл. ко́жи etc. и́	
сн̄ ко́жи сїѣ́ оу́дѣ еъ рѣ́коу в'а́рлгоше. о́нѣ́ же за́твориши еъ вѣ́т'се са́ни			51) се-
стѣ́и́нцѣ	52) стѣ́и. фотїи́и		

вѣлъше¹⁾ ѡрѣздаше²⁾ съсцѣ ихъ. и потѣ и тѣма съдраше кѡ-
жѣ. ³⁾ дошѣшимъ же⁴⁾ имъ ⁵⁾ на стоу ю фѣтиноу. ⁶⁾ не высхоте
ѡна никѣ ѡта выти, ⁷⁾ ѡкоже и прочек. на ставѣшн⁸⁾ довлѣ-
ставѣно. ѡдра же само (sic) свою кожѣ. ⁹⁾ и мѣт'ноу на лицѣ
нероново. ¹⁰⁾ ѡко и¹¹⁾ царѣ оудик'льшѣ се ¹²⁾ множаствоу кѣ
трѣп'кнѣ. ¹³⁾ дроугоу моукоу повѣлѣ навѣсти на ню всѣлю-
тоу и пагоувнѣ¹⁴⁾ вноутр своѣго садава двѣ дрѣвѣ ноужѣю
прѣвѣдѣ. и повѣлѣ стѣю за нозѣ привѣзати. и поуствѣше
растрѣзаше¹⁵⁾ стѣю. и боу прѣдѣ стоу ю и блажен'ноу ю дѣш
свою. ¹⁶⁾ тога злод'раст'ни повѣлѣ всѣ мѣчѣ скончати ¹⁷⁾ бла-
жен'нѣ же ¹⁸⁾ фѣтиннѣ ѡ стоудѣн'ца ¹⁹⁾ ѡз'вѣлкѣ ²⁰⁾ въ тѣм'ницѣ
всадин. ²¹⁾ прѣвѣ днен²²⁾ к. потѣ прѣстав'лѣ и въпроси. ѡда рас-
кажѣши се покоритѣ пожрѣти вогѡмъ ѡго. стѣа же пљунѣ на
лицѣ ѡмѣ. и пѣсмиѣ се воуѣсти ѡго и вѣзоум'номоу разоумѣ
ѡго, глѡщн, вѣсесквр'навы сѣп'че тѡликѣ ли ме неразвмнѣ
теорншн. лѣст'че и вѣзоумнѣ. ѡже ѡврѣщн се своѣ вѣлкы, и
пожрѣти пѣвннѣ тебѣ сѣп'ннѣ вогѡ. сѣа же сѣшавѣ царѣ повѣлѣ
вѣврѣщн ю въ стѣден'цѣ. и сѣмѣ вѣвѣшѣ стѣа л. 316 ѡставн дѣш
боу. вѣн'цѣ носѣщн и вѣч'но ликѣщн.

- 1) прѣстав'лѣ 2) ѡрѣзѣ 3) и снцѣ ѡдраши и снѣ кожѣ 4) при-
5) сѣмѣ 6) и кѣ стѣн фѣтидѣ 7) вѣ. ѡна etc. оудражннѣ кѣти ѡнимнѣ
нѣт'ннѣ 8) сѣма 9) ѡдращѣщн кожѣ пѣкти свои 10) и мѣт'ноу etc.
нѣтѣ 11) нѣтѣ 12) прѣоуд'нентн сѣ и царю 13) мѣжстѣв ѡи трѣ-
п'кннѣмѣ 14) тѣм' разгнѣкѣ сѣ во'оуд'рѣзаннѣ сѣсцѣ ѡи. делѣщн же ю ѡи дроуг-
гѣю оумѣшавашн ѡ нѣн моучѣннѣ прѣлютѣѣ и страннѣѣ 15) дѣд ѡ сѣдѣ посрѣ-
дѣ своѣго ноужѣю привѣсти повѣлѣ. на сн' вѣжннѣноу ѡвѣсншн и сѣмѣ напрѣсно поу-
щнннѣмѣ. растрѣгнѣти 16) дѣш вѣн прѣлюжннѣти 17) кѣт' мѣчѣмѣ скон-
чѣв лютын 18) нѣтѣ 19) ѡ рѣвнннѣ 20) ѡз'вѣлкѣ 21) кѣлѣжнѣ
22) вѣ. всего послѣдующаго — ѡна же ѡко ѡстѣвѣшн ѡднѣна, и не вѣн'чѣвшн сѣ стѣ
прѣлѣмн. моавшн сѣ боу нжн ѡнѣшн сѣ ѡи, и трншн знѣмнѣвѣ зрѣвоу сѣдѣш. и по днѣх
мнѡгнѣ побушн и вѣлашнщн кѣ, кѣ роуцѣ ѡгѣ дѣшоу своѣю прѣлюжннѣ. ѡко томоу сѣдѣ
сѣ вѣкѣ ѡмннѣ. Сильно сокращѣно оковчаннѣ въ лѣ 157, гдѣ мы находнмѣ только
слѣдующѣе: и дрѣвѣ мѣкѣ мнѡгнѣ на нѣе кѣзѣжннѣ вноутр своѣго садава двѣ
дрѣвѣ нѣжнѣю привѣдѣ, повѣлѣ стѣнѣ за нозѣ привѣзати—и пѣстннѣшн растрѣгнѣ стѣнѣ.
тога заочѣстннѣ нарѣвѣ. повѣлѣ вѣсѣхѣ мѣчѣ скончати и тѣко стѣнѣ своѣ дѣш боу прѣ-
дѣш.

Житіе Самарянки по Прологу № 19 (XIII вѣка).

Въ тѣ днь стѣи фотины самаріиниѣ с' нкю же гѣ вестѣдова на кладези нѣкоѣли (л. 12). Стѣи фотины самаріиниѣ с' нкю же гѣ вестѣдова на кладези. вѣ въ лѣта нерона. по конци же стѣю айлоу петра и павла. л. 12 бѣше снѣомъ своимъ нѣсиѣмъ въ картегенѣ градѣ африкнйцѣмъ проповѣдающнй хѣ. снѣ же кѣ викторъ на варвары моужествовавъ бѣ воєвода. и повелѣю бѣ кмоу соуцекѣ въ галиѣи оувивати хрѣтнѣни. ѡн' же паче мѣловаше кѣ ѡ хѣ. и не оувиваше нхѣ. іко и самого доуѣа севастнѣна оувѣца вѣровати въ хѣ. кѣт' же бѣ съ прочими и свезанъ и прѣста цркви. и повелѣ мчнтн кѣ различно. ѡвѣмъ оуѣво ѡчи нзѣрътѣше. дроугнѣ же въ тѣмннцоу вѣрьгоше. гадъ іадовнтыхъ нспльнъ. соуцоу. въ нѣи же іавнсе нмъ гѣ. с' петромъ и павломъ оукрѣплѣжѣ нхѣ. и по г лѣхѣ. нзредоше нс тѣмннце. и ѡвѣснше кѣ стрѣмоглавѣ. і ѡдраше кожоу вѣхѣ нхѣ. и моужемъ вѣмъ сралннѣ оуды ѡрѣзавѣше покрѣгоше псамъ. стоую же фотиноу по ѡдраннн коже .б. дрѣвѣ склонше привезаше ю. и паки поустнше ю и тако растрѣгоше ю на двокѣ. а прочнн всн мчемъ скончаше се. стѣи же фотины прѣвѣ (л. 12 об.) вѣнн въ тѣмннцн днн многн и—блгодарецн бѣ с миромъ оуспѣ. боу. .^ѣ.

Культь зернового хлѣба въ повѣрьяхъ крестьянъ Рязанской губерніи.

Въ одной изъ деревень Порѣчскаго уѣзда Смоленской губ., а именно въ селѣ Мамошкахъ, соблюдается по окончаніи жатвы ярового хлѣба такой обычай:

изъ послѣдняго снопа дѣлають куклу, наряжаютъ ее въ женское платьице и ставятъ подъ образами.

Кукла зовется «Солохой». Въ это же самое время совершается обрядъ изгнанія мухъ.

Хозяйка беретъ вѣникъ, хлопаетъ имъ по окнамъ, столу и стѣнамъ, прогоняя мухъ со словами:

«Черныя мухи изъ хаты, бѣлыя въ хату»!

Подъ бѣлыми мухами разумѣется снѣгъ.

Какъ далеко народное созерцаніе глядитъ впередъ: въ концѣ августа уже предвидится выпаденіе снѣга! А въ святочныхъ обрядахъ, изображающихъ крестьянскія работы и занятія, особенно видное мѣсто отводится сѣянію хлѣба, хотя посѣвъ происходитъ въ дѣйствительности много позже.

Святочные повѣрія крестьянъ Рязанской губерніи касаются посѣва хлѣбовъ, преимущественно проса. Старухи приказываютъ дѣвушкамъ мести хату чисто: въ противномъ случаѣ проса будутъ сорны.

На первый день Рождества, между заутреней и обѣдней, въ

крестьянскую хату является пастухъ и бросаетъ три горсти овса, приговаривая:

На радúща, на пладúща, на доброе здоровіе.
 На кладúща,
 На пладúща,
 На петри́сти¹⁾ и барана.

Пастухъ бросаетъ зерна — бабы ловятъ ихъ въ подолъ и даютъ потомъ скоту, чтобы онъ былъ хорошиъ и давалъ хороши́й приплодъ. Иныя хозяйки стараются поймать овесъ въ дежу, чтобы хлѣбъ былъ спорень.

Въ святочное время пекутъ изъ ржаной или просяной муки овечекъ, лошадокъ, коровокъ и даютъ скоту, чтобы скоть хорошо водился. Въ святочныхъ приговорахъ пастуховъ, кромѣ овса, упоминаются всѣ другіе хлѣба, засѣваемые въ Рязанской губерніи.

Сѣю-посѣваю;
 Аржаницу насѣваю;
 Ребяточки на лавочкѣ,
 Ягняточки подъ лавочкой,
 Поросяточки за печечкой.

За немѣніемъ овса иногда обсѣваютъ всякимъ сборнымъ хлѣбомъ. Въ приговорахъ пастуховъ Спасскаго уѣзда проводится параллель между ростомъ засѣваемого овса и благоденствіемъ хозяина съ его семействомъ и домашняго скота. На святкахъ существуетъ еще обычай бросать овсяныя зерна въ ящикъ, наполненный землею и гадать по проростанію зеренъ, по цвѣту юнаго злака овса. Дѣвушкамъ кажется, что зерно растетъ съ нѣкоторымъ шумомъ — и вотъ онѣ прислушиваются къ росту зерна, когда оно прорастаетъ изъ скорлупки и выглядываетъ на

---

1) На петри́сти — къ Петрову дню.

свѣтъ Божій; онѣ стараются также наблюдать за цвѣтомъ молодого овса: какой онъ—свѣтло-зеленый, темно-синій, или пестрый.

Но вотъ наступаетъ кануиъ новаго года—хозяйка чистымъ вѣнникомъ выметаетъ хату, застилаетъ чистую скатерть на столъ, кладетъ большой хлѣбъ; хозяинъ зажигаетъ свѣчку предъ иконою—и вся семья молится Богу.

Хозяйка ложится спать, кладя подъ голову вѣнникъ и загадываетъ о будущемъ урожаѣ. И вотъ происходитъ чудо. Какъ будто въ эту ночь хлѣбъ выпадаетъ въ избѣ и оказывается преимущественно въ красномъ углѣ, хотя хата и была выметена чисто.

И стараются наблюдать, какое зернышко окажется въ углу: просяное, или овсяное, или житное — такой хлѣбъ и урожаенъ будетъ.

По преданіямъ стариковъ, въ старину такъ и сбывалось — «сходилось».

Мальчики и дѣвочки ходятъ подъ новый годъ по селу и заклинаютъ овсень.

Собираемся мы, рассказываетъ мальчикъ изъ Рязскаго уѣзда, гурьбою—человѣкъ пятнадцать; идемъ мы къ какому-нибудь двору и шумимъ: «Дядя Устинъ, можно овсень прокликать?»

Но дядя Устинъ—мужикъ сердитый—онъ намъ въ отвѣтъ: «Я вамъ такой дамъ овсень—ступайте отъ моего двора; метлой васъ подженю». А мы давай дядю Устина ругать:

«На дворъ тебѣ чертей, на (о)городъ тебѣ червей, а на махонькихъ твоихъ ребятъ куриную слѣпоту!

Ну, дѣуки и бабы, пойдѣте къ дядѣ Гаврилу!»

Подходимъ мы къ его двору:

— «Дядя Гаврилъ, дозвожь овсень прокликать?»

Дядя Гаврилъ шумитъ добродушно:

«Ну, ребята, кличь!»

Вотъ мы и начинаемъ:

«Бай овсень, бай овсень!

Мы ходили, мы гуляли по святымъ вечерамъ,

Мы искали, повскали дяди Гаврилова двора
 Какъ дяди Гавриловъ дворъ весь тыномъ обтыненъ,
 Весь тыномъ обтыненъ и кольцемъ обведень,
 Среди его двора росла шелковая трава,
 Какъ по той-то травѣ
 Гуляла куня со куняточками,
 Со малыми, со дѣтяточками».

Мы шумимъ дядѣ Гаврилу:

«Эй, ты, дядя Гаврилъ, ты убей куну, — сшей шубу себѣ и женѣ».

И опять закричимъ:

«Бай офсень, подавай совсѣмъ,
 Кишку—ножку въ ферхнію акошку;
 Подавай блинофъ, пирога, —
 Если не дашь пирога,
 Уведемъ корову со двора.
 А не дашь блинъ,
 Забьемъ ѣ фарбту клинъ».

Но дядя Гаврилъ испугался нашихъ словъ, несетъ блины и пироги и начиненную кишку и поросячьи ножки, и говоритъ:

«Кто вашъ мѣхоноша?»

А вонъ она сидитъ на салазкахъ.—

Гаврилъ подалъ ей; а мы снова шумимъ:

«Спасибо Гаврилову дому—пойдемъ къ другому» . . . .

Въ одной деревнѣ Рязскаго уѣзда кликальщики овсеня избражаютъ изъ себя морозъ, обращаясь къ хозяину дома со словами:

«Подайка чарочку;

а не поднесешь чарочку,—я предподнесу тебѣ палочку: я—морозъ—и помолочу твой овесъ».

«Хозяинъ отвѣчаетъ: «ой, морозъ, морозъ, на тебѣ чарочку—

ты не трожь мой овесь, гречиху да рожь; а лень, канапи,—какъ хошь молотъ!»

Въ одной изъ пѣсенъ Рязскаго уѣзда поется:

«Овсень мой, овсень,
Уродись, овсень,
На новое жито пшеницу,
На радость хозяйкамъ,
На потѣху дѣтямъ».

Ходебщики славятъ хозяина съ хозяйкой и желаютъ имъ веселиться и въ хлѣбѣ утопать.

Пѣсня малыхъ ребятъ, кликальщиковъ овсеня:

Авсень, Авсень,
Что за горницей,
За притворницей,
Авсень, Авсень,
Тамъ ня гусли гудять,
Не звончаты говорятъ,
Говорилъ молодець,
Говорилъ молодець,
Со молодухой:
Авсень, Авсень,
Ты, молодка-молода,
Выйди замужъ за мня
Не заставлю я тебе
Ни талóчь, ни малóчь,
Только банюшку топить
Со мной паритца ходить,
За мной вѣничекъ носить.

Паросятки гладки
Сидѣли на грядки;

Падайтя кишку—ножку
 Заднія окошка.
 Скоря подадятся—сына радятя,
 Няскоря подадятся—дочь радятя.

Пѣсня молодушекъ, кликальщицъ овсеня:

Мы хадили, мы гуляли
 По святымъ вечерамъ.
 Мы искали, понскали
 Мы Сергѣева двора.
 Какъ Сергѣевъ дворъ
 Весь тыномъ обтыненъ,
 Весь кольцомъ обведенъ,
 Всѣ желѣзный тынъ.
 Среди его двора
 Високъ теремъ стоять;
 Какъ въ етымъ тираму
 Читвѣро двирей:
 Первыя двери—бѣла зоря,
 Другея двери—свитѣль мѣсиць,
 Третія двери—красна сонца,
 Четвертыя двери—часты звѣзды
 Бѣла зоря, то и матушка ево,
 Свитѣль мѣсиць—самъ сударь-государь,
 Красна сонца—яво жанушка,
 А часты звѣздушки—то дѣтушки яго.
 Пришли къ ней два татарина.
 Одинъ гаворить: «жана мая»,
 Другой гаворить: «систра мая»,
 Третій гаворить: ни жина, ня систра—
 Руби голову, пушай подъ гору».

Лишь только солнце начинаетъ освѣщать макушки деревьевъ
 и заглядывать въ окна крестьянскихъ избъ (на границѣ Скопья-

скаго и Пронскаго уѣздовъ, въ селѣ Дубовомъ) изъ одной избы въ другую начинаютъ перебѣгать дѣвушки и молодыя женщины, подходятъ одна за другой; насобирается ихъ человекъкъ пятнадцать или двадцать и даже болѣе. «Михоношу убираютъ», кричатъ ребятишки и бѣгутъ скорѣе подъ окно посмотрѣть. Среди избы стоитъ одна изъ отчаянныхъ женщинъ; на неѣ надѣвають вывороченный полшубокъ; набиваютъ большой горбъ, подпоясываютъ горстью конопей, на голову также навѣшиваютъ конопли; изъ коноплей же придѣлываютъ бороду и усы, надѣвають рваную шапку и приготовленную суму.

Во главѣ своего «Михоноши» шествіе трогается, направляясь въ конецъ деревни; подойдя къ крайнему дому, начинаютъ пѣть:

«Какъ развѣсистый дубъ колыхается,
Ой авсень, ой авсень;
Какъ Михаилъ на конѣ потѣшается,
Ой авсень, ой авсень!»

Его матушка по немъ убивается и надолго съ своимъ сыномъ распрощается.

Даетъ благое наставленіе на путь она:
«Сынъ, ты ѣдешь въ край далекій, слушай-ка меня!
Служи бѣлому царю вѣрой-правдою—
Тогда назадъ ты возвратишься со славою,
Твои мольбы Господь услышитъ и помилуетъ,
А за чѣстную службу царь пожалуетъ.
Авсень, авсень, подавай совсѣмъ
Намъ не надо блина, а намъ чару вина».

Если въ которомъ домѣ не подадутъ, то изъ толпы посылаются проклятiя:

На новый годъ—дубовый гробъ!
Хозяинъ, слышишь?!!

И идутъ къ слѣдующему дому. Въ деревнѣ Баклановой обряды одни и тѣ же, только разница въ пѣсняхъ и припѣвкахъ.

Бакланово.

Мы ходили, мы гуляли
 По святымъ вечерамъ.
 Ой авсень, ой авсень,
 Мы искали, мы искали
 Константинова двора.
 Константиновъ дворъ
 Среди Москвы стоитъ (прип.)
 Онъ и тыномъ обтыненъ
 Серебромъ обведенъ (прип.)
 Жемчугомъ украшенъ (прип.).
 Какъ Константинъ Государь—
 Самъ свѣтель мѣсяцъ;
 Его жонушка—красно солнышко (прип.),
 Его дѣтушки—свѣтлы звѣздушки.
 Здравствуй хозяинъ съ хозяйшкой!
 Вы давайте пирога,
 Кишку—ножку ☉ верхніе окошко.
 А не дадите пирога, то корову за рога;
 Не дадите кишку, то свинью за віску;
 Не дадите ношку, уьемъ вашу кошку.

Когда обойдутъ всю деревню, то идутъ на свою квартиру и начинаютъ выкладывать на столъ куски пирога, блины, чивеную кашей кишку, куски варенаго мяса или вядчины; рѣжутъ мелкими кусками и начинаютъ ѣсть. Иногда на нихъ нападаетъ толпа мужиковъ, отнимаютъ у мѣхоноши сумку и уносятъ; обиженные начинаютъ бранить мужиковъ, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Плахино.

Авсенька—дуда,
 И гдѣ жъ ты была?
 За ворота ходила,
 Коней стерегла.

А́всень—Та́усень,
 Гдѣ былъ, гдѣ ходилъ?
 По святымъ вечерамъ.
 Я искалъ-искалъ
 Государевъ дворъ.
 Я нашель, я нашель
 Посередъ Москвы.
 Ворота красны́,
 Ворота красны́,
 Закутки хрустальны.
 Ваши дѣтушки—
 Часты звѣздочки;
 Ваша матушка—
 Красно солнышко;
 Вашъ батюшка—
 Ясень мѣсяцъ.—
 А́всень—Та́усень
 Гдѣ былъ, гдѣ гулялъ?
 По святымъ вечерамъ
 Я нашель государя—дворъ
 Посреди Москвы,—
 Ворота красны.
 Какъ за рѣкой, за рѣкой
 Живутъ мужики богаты,
 Гребутъ денежки лопатой.
 Кому денегъ возъ,
 Кому сѣна клокъ,
 Кому шила въ бокъ.
 Вы давайте, не ломайте,
 Дайте ножку въ заднiя окошка.
 Вы давайте пирога;
 Не дадите пирога,
 Уведу корову за рога.

Старо-Киркино, Мих. у.

Евсѣнь, Евсѣнь,
 Ходилъ по дорожкѣ.
 Нашенъ желѣзку,
     Евсѣнь, Евсѣнь,
 На што тебѣ желѣзку?
     Евсѣнь—Евсѣнь
 Топорикъ сдѣлать
     Евсѣнь, Евсѣнь.
 На что тебѣ топорикъ?
     Евсѣнь, Евсѣнь,
 Мостокъ мостить
     Евсѣнь—Евсѣнь,
 На што тебѣ мостикъ?
     Евсѣнь, Евсѣнь,
 Трѣмъ братьямъ ходить.
     Евсень—Евсень,
 Какимъ трѣмъ братьямъ?
     Евсень—Евсень.
 Рождеству Христову,
 Крещенію Христову,
 Василию Великому.

Недалеко отъ Рязани.

Авсень—коляда,
 Таусень, таусень,
 Мы ходили, мы гуляли
 По святымъ вечерамъ;
 Мы искали, мы искали.
 Ворота красны,
 Вѣрхи пѣстры.
 Мы нашли,
 Мы нашли Михайловъ дворъ.

Подайтя ножку
Въ вѣрхнюю окошку.
Ни дадите пирога, —
Мы корову за рога.
Коляда, коляда,
Авсень мой, авсень.

(Затишье, Тамбовской губерніи).

Авсень—коляда
Гдѣ ты была?
У бабушки была,
Овесъ воровала.
Не овесъ воровать
А гречиху брать,
А гречиху брать
Да ею кишки чинить,
Кишки-желудки чинить,
Авсень имъ пѣтъ
Кишки—ножки
Въ печки сидятъ,
На всѣхъ насъ глядятъ.

(Зап. отъ Е. В. Леоновой).

Въ Солодчѣ Рязанской губерніи подъ новый годъ съ вечера
поютъ женщины Авсенева пѣсни:

«Ужъ ты, винаградья красная,
Зеленья мае,
Пива варить, молодца женить
такого-то (имя молодого парня)
на дѣвушкѣ такой-то (имя дѣвушки).

Происходитъ примѣрное сватанье молодыхъ людей.

Ходила, походила
Крухъ етова двора—

Дрова ни полѣна?
 На что тебѣ дрова?
 Пиво—брагу вирить,
 Имъ сына жанить.

Въ селѣ Солодчѣ Рязанской губерніи маленькія дѣвочки катаются съ горы, выражая пожеланіе, чтобы родился лень въ будущемъ году гладкій и хорошій.

Подъ Новый годъ поютъ дѣти утромъ. (Въ Касимовскомъ уѣздѣ).

Калина, малина,
 Я тетерочку гоню
 Семевону въ жену.
 Пирогы пекла—не выпекла.
 Скокъ на порогъ
 И за первый пирогъ
 Бабушка—лебедушка,
 Подай кишку.
 . . . . . ворота.
 У тебя спица нога,
 Палица нога
 Родишь дѣвочку-колободычку:
 Ни прясть, ни ткать—
 Ни почепки мотать,
 Щеколдой-бардой
 играть.

Подъ Новый годъ поютъ женщины вечеромъ:

Таусень, подай брусень—
 Косу точить.
 На що косу?
 — Сѣно косить
 На що сѣно?
 — Быковъ кормить.

А гдѣ быки?
Въ тросникъ ушли.
А гдѣ тросникъ?
— Дѣвки вырубилн.
А гдѣ дѣвки?
— За мужа ушли.
А гдѣ мужа?
Мужья померли.
А гдѣ гроба?
Гроба погнили
А гдѣ попѣлъ?
Тутъ и дождь пошелъ.

Нарядъ коляды передъ Рождествомъ состоитъ изъ хлѣбныхъ растеній.

Вотъ какъ проводится и встрѣчается коляда въ селѣ Дубовомъ Скопинскаго уѣзда Рязанской губ.

Гремятъ въ избѣ самопрялки. Поютъ женщины пѣсни, шутятъ. Дверь распахивается—входятъ двѣ фигуры: одна вымазанная сажей, увѣшанная коноплями и разными тряпками; проходитъ на середину избы, держа въ рукахъ безмѣнъ и ременную плеть; другая фигура останавливается въ дверяхъ, съ огромною дубиною въ рукахъ.

Всѣ смотрятъ на первую. Ну-ка, кто чего надѣлалъ за Филипповъ постъ? спрашиваетъ коляда. Всѣ молчатъ. Въ рукахъ беззубой старушки появились три огромныхъ клубка пряжи.

— На-ка, батюшка, свѣсь мою пряжку-то.

Коляда цѣпляетъ пряжу на безмѣнъ: «молодецъ — бабушка: восемь съ половиною!»

— Ты что, старикъ, сидишь, давай свою работу, спрашиваетъ коляда?

— Да парочекъ тридцать лаптей напелелъ, родимый мой! говоритъ старикъ.

Эй, ты, молодица! Чего забилась въ уголь-то! Обратилась коляда къ молодой женщинѣ.

Она у насъ солдатка: дѣтей нѣту;—ей можно надѣлать, касатикъ ты мой, замѣтила старуха.—Ну, давай, давай! Чего пригорюнилась! строго настаиваетъ коляда. «Я всю осень ходила на работу, пролепетала солдатка».

— Да чтожь ты оправдываешься? грозно закричала коляда — и ременная плеть обвилась вокругъ стана молодой женщины.

Женщина взвизгнула и кинулась къ двери; но сторожь съ дубиной сурово оттолкнулъ её. Плеть ударила другой и третій разъ. Женщина бросается на палаты, за нею прячутся туда же и дѣвушки.

Посидѣлки видятъ неминуемую опасность и спрятались въ уголь отъ старухи.

Но коляда лѣзить на палаты и тамъ въ тѣсномъ уголкѣ начинаетъ угощать плетью, раза по три, по четыре, каждую.

Въ избѣ поднимается визгъ и крикъ ребятишекъ. Угостивъ всѣхъ плетью и насмѣшивъ всѣхъ вдоволь, коляда уходитъ потѣшать народъ въ другую избу.

Въ коляду подь Крещеніе крестьяне ухаживаютъ за скотомъ. Собираютъ скоть во дворъ: лошадей, коровъ, овецъ, свиней, бросаютъ предъ ними сноповъ всякаго рода: проса, ржи, овса, гречихи; бросаютъ также много сѣна. Бывали случаи, что овцы околѣвали, объѣдаясь зерновымъ хлѣбомъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, наканунѣ Аксиныи полухлѣбницы, хозяйка застилаетъ столъ чистою скатертью и кладетъ на неё булку хлѣба опредѣленнаго вѣса; если на другой день окажется привѣсъ, то годъ будетъ урожайнымъ.

Въ свадебныхъ обычаяхъ играетъ роль зерновой хлѣбъ; ему также принадлежитъ роль въ суевѣріяхъ, касающихся женскихъ родовъ.

При отправленіи подь вѣнецъ, сваты обыкновенно садятъ молодыхъ на войлокѣ, въ который завернуты снопы ржи и овса.

Если молодая родить въ первый разъ дѣвочку, а не сына, то послѣ выздоровленія её сѣкутъ ржаными колосьями, чтобы впредь она рождала сыновей; иногда это продѣлываютъ съ мужемъ, а не съ женою. Передъ большими праздниками въ декабрѣ мѣсяцѣ пекутъ изъ пшена (проса) лепешки, которыя зовутся каравайцами; дѣлаютъ также кисель изъ овса.

Обсыпаніе составляетъ непремѣнную принадлежность овсеня: гдѣ кличуть овсеня, тамъ обсыпаютъ овсомъ. За неимѣніемъ овса обсыпаютъ рожью, иногда смѣшаннымъ хлѣбомъ.

Обсыпаютъ обыкновенно подъ Рождество пастухи, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и кликальщики овсеня, и дѣлается это послѣдними подъ новый годъ. Святочное суевѣріе преимущественно касается зернового хлѣба; особенно важное значеніе придается просу и овсу.

Посѣвъ овсомъ, суевѣрія относительно проса при метеніи избы, таинственное выпаденіе на овсень разныхъ зеренъ, спорящее дѣйствіе зеренъ на животныхъ, поѣдающихъ хлѣбъ; важная роль зернового хлѣба въ свадебныхъ обычаяхъ, вліяніе ржи на женскіе роды, пожеланія хозяину хорошаго урожая, приплода скота, увеличенія семьи, рожденія сына, будущаго хозяина, здоровья молодому поколѣнію; особенный уходъ за домашнимъ скотомъ и кормленіе его хлѣбными колосьями и сѣномъ; связь съ овсенемъ всевозможныхъ хлѣбовъ конопля и льна; упоминаніе въ пѣсняхъ «красно-зеленаго винограда», которое до сихъ поръ еще играетъ роль въ жизни южныхъ славянъ, — вотъ интересныя черты святочныхъ обычаевъ. Замѣчается въ обрядахъ строгая постепенность: зерно сѣется, зерно прорастаетъ, проросшее растеніе становится годнымъ для корма; святочные обряды трехъ колядъ составляютъ нераздѣльное цѣлое: рождественскіе обряды дополняются новогодними и завершаются крещенскими.

Коляда имѣетъ отношеніе къ сельскимъ работамъ и къ сельскому хозяйству; въ составъ одѣянія коляды входятъ непремѣнно хлѣбныя растенія, напримѣръ, конопля.

Въ святочныхъ повѣрьяхъ имѣеть значеніе зелень, зеленый цвѣтъ, выращиваніе овса; обычай справлять елку.

Святочная поэзія имѣеть двойственный характеръ. Она бросаетъ взглядъ на прошлый годъ, сводитъ съ нимъ счеты; съ другой стороны она старается приподнять завѣсу надъ будущимъ и предугадать, каковъ будетъ урожай въ будущемъ году, каковъ будетъ приплодъ скота и т. д.

Такой образъ мыслей долженъ быть у народа, живущаго пастушескимъ и земледѣльческимъ бытомъ.

Въ санскритѣ слово *уава*¹⁾ означаетъ всякаго рода зерновой хлѣбъ: овесъ, ячмень (греч. ζαϊαι), просо (κέρχρη — извѣстное скиномамъ по свидѣтельству Геродота и, по свидѣтельству Маврикія, бывшее въ самомъ широкомъ употребленіи у славянъ).

Присоединеніе «ва» къ «уава» придаетъ этому слову особенный характеръ. «Уаваза» означаетъ не только зерновой хлѣбъ, но и подножный кормъ — траву, лугъ, пастбище. Возможна параллель между овсенемъ и «уаваза»²⁾.

Со словомъ «новый годъ» у земледѣльца и пастуха является мысль о новомъ урожаѣ, о новой травѣ; со словомъ «трава — зелень» является представленіе о свѣтѣ и веснѣ. Къ слову «овсень» болѣе всего подходитъ въ виндійскомъ (въ Штиріи) нарѣчій *оузеи* — овсяная солома, овесъ.

Замѣчательно то, что въ святочныхъ обрядахъ играетъ роль солома вмѣстѣ съ колосомъ, какъ хлѣбъ въ полномъ его составѣ.

Аржаніца — это ржаной хлѣбъ вообще, овсеница — овсяный. Въ годичномъ обращеніи хлѣбъ имѣеть календарное значеніе, какъ дубъ вертодубъ, на которомъ, по народному представленію, вращается солнце.

1) Морфологія санскритскаго языка Д. Н. Кудрявскаго.

2) «Ва» въ словѣ «уаваза» имѣеть значеніе свѣтовое, какъ синій — зинтегъ огня, молніи, а также гѣса, овса (цвѣтъ растительности); ср. просѣнецъ. Выразу свое предположеніе, что по этическому духу языка слово *уаваза* относилось ко всему новорожденному, ко всякой нови: къ возрождающемуся солнышку, къ зерну, изъ пролупившейся скорлупы бросающему ростки, къ дѣтямъ, молодымъ животнымъ — словомъ *уаваза* могло означать «новорожденный, появившійся на свѣтъ».

Земледѣлецъ измѣряетъ время отъ хлѣба до хлѣба; можетъ-быть, и года считались по собраннѣмъ жатвамъ.

Задача хозяина, чтобы запасъ хлѣба оставался до новн. Огонь («агни») долженъ былъ поддерживаться постоянно у домашняго очага; зерна не должны переводиться у хозяина: когда ихъ мало, то судьбѣ угодно таинственно ниспослать ихъ хозяину—и вотъ мы видимъ чудесное появленіе зеренъ въ кутнемъ углѣ подь новый годъ. Съ новымъ годомъ замѣтно увеличивается свѣтъ—прибавилось его «на куриный шагъ» — объ веснѣ напоминаетъ зелень въ обычаяхъ, обрядахъ и святочныхъ пѣсняхъ. Зерно съ соломой составляетъ непремѣнную принадлежность земледѣльческаго и пастушескаго воображаемаго года.

Какъ годъ, такъ и мѣсяцы являются въ славянской поэзіи для людей свѣтлыми и надѣляющими ихъ добромъ.

Святочные обряды съ культомъ зернового хлѣба соединяютъ два переходные зимніе мѣсяца: декабрь и январь, названія которыхъ совпадаютъ въ одномъ словѣ просінецъ. Полякъ Линде расходится во мнѣніи съ Миклошичемъ¹⁾ при объясненіи этого слова, относя его къ «просо».

Святочные пѣсни и обряды по своему характеру являются какъ бы введеніемъ, какъ бы прологомъ для народной поэзіи, и нѣкоторые мотивы святочныхъ пѣсенъ и святочного культа еще отчетливѣй развиваются въ пѣсняхъ весеннихъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ главный посѣвъ ярового. Въ этомъ же мѣсяцѣ начинается одѣваться зеленою лѣсъ и луга; подь разными названіями и въ разныхъ образахъ проявляется культъ зелени и посѣва. Въ Бѣлоруссіи и въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Смоленской губерніи чтутъ лѣснаго царя, лѣсового и русалокъ, 23 апрѣля. Въ этотъ день совершаютъ обряды, чтобы лучше росла рожь; выгоняютъ съ вербою въ поле на шолковую траву, на жемчужную росу, скоть рогатый, овецъ и лошадей; кладутъ лѣсному царю относбѣ (сало, хлѣбъ).

1) Миклошичъ производитъ «просінецъ», «просень» отъ корня си, суффиксъ «ень». Сочиненіе Миклошича «о славянскихъ мѣсяцахъ».

Обсыпаніе овсомъ, разные обряды и игры, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является слѣпой и хромой волкъ, какъ бы одурачиваемый святымъ Егоріемъ и отводимый имъ отъ стада, имѣють свѣтовое значеніе.

Лѣсной царь является вдохновителемъ разныхъ знахарей и играетъ такую же роль въ народномъ культѣ, какъ домовый. Домовой какъ будто переселяется въ лѣса и поля и, трансформируясь въ полевого и лѣсового, продолжаетъ свою дѣятельность рука объ руку съ человѣкомъ, тамъ гдѣ живетъ его мысль и сердце, гдѣ кипитъ его дѣятельность.

Въ народныхъ заговорахъ, оберегающихъ скоть отъ нападенія волка, молятся то святому Егорію, то лѣсному царю или «честному лѣса».

Но въ нѣкоторыхъ заговорахъ вмѣсто святого Егорія упоминается Яривъ. Въ древне-русскомъ языкѣ «яръ» означало весну, τὸ ἔαρ. Слово «яринный» имѣло свѣтовое значеніе «голубой». Ярв также названіе ярового хлѣба вообще.

«На Евсея, 24 апрѣля, овесъ сѣй!»

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ селѣ Плахинѣ Михайловскаго уѣзда одинъ крестьянинъ, имѣющій фамилію Евсеиновъ, носитъ прозвище Таусень.

Въ книгѣ «Выходъ русскихъ царей и царицъ» употребляется слово таусинный; по мнѣнію Буслаева, оно имѣетъ значеніе «темно-синій». Таусень—эпитетъ синяго камня, сапфира и агата. Таусень имѣлъ таинственное значеніе оберега, охраняющаго отъ волшебныхъ чаръ и отъ всякихъ бѣдъ. Съ Таусенемъ никогда не разставался Іоаннъ Грозный.

Въ статьѣ Лѣскова «Пугало», глава XII, мы находимъ:

«Дурная репутація Селивана давала мнѣ большой алломбъ между моими пансіонскими товарищами, съ которыми я дѣлился моими свѣдѣніями объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Изъ всѣхъ моихъ пансіонерскихъ сверстниковъ ни одинъ еще не переживалъ такихъ страшныхъ ощущеній, какими я могъ похвастаться, и теперь, когда мнѣ опять предстояло проѣхать мимо Селивана,—

къ этому никто не отнесся безучастно и равнодушно. Напротивъ, большинство товарищей меня сожалѣли и прямо говорили, что они не хотѣли бы быть на моемъ мѣстѣ, а два или три смѣльчака мнѣ завидовали и хвалились, что они бы очень хотѣли встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Селиваномъ.

Но двое изъ этихъ были записные хвастунишки, а третій могъ никого не бояться, потому что, по его словамъ, у его бабушки въ старинномъ венецейскомъ кольцѣ былъ «таусинный камень», съ которымъ человекъ «никакая бѣда непреступна».

По объясненію Лѣскова «таусинный камень» или «таусень» — свѣтлый сафиръ съ отгѣнкомъ павлиньяго пера, въ старину считался спасительнымъ талисманомъ.

У Грознаго былъ такой талисманъ тоже въ кольцѣ или, по старинному, въ «напалкѣ». «Напалка золотная жуковиною (перстнемъ), а въ ней камень таусень, а въ томъ муть и какъ бы пузырина зрится».

Въ Изборникѣ Святослава употребляется выраженіе: «агатысь, аки іжсинъ», т. е. камень агатъ подобенъ какому-то синеватому предмету¹⁾.

По Буслаеву іжсинъ можно понимать двояко: или «свѣтлый», но «темнѣющій» или «темный—свѣтлѣющій».

По какому-то суевѣрію, камень сафиръ должны были носить родившіеся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

23 апрѣля у нѣкоторыхъ латышей, по свидѣтельству Пергубія, воздавалось почитаніе Ушиню; этому Ушиню приносили латыши жертвы, бросая сало въ огонь.

Ушинъ считался покровителемъ лошадей, рогатаго скота и пчель.

Ушинъ состоитъ въ родствѣ съ небесными свѣтилами. 23 апрѣля былъ у латышей праздникъ Ушини.

---

1) ж въ Изборникѣ Святослава = оу, обозначающему или уменьшеніе качества, или вступленіе въ извѣстное качество, приближеніе къ нему, напр. ѳгріѣ = угрѣвъ.

Невольно является параллель между чествованіемъ Ушния и чествованіемъ лѣснаго царя, честнаго лѣса у бѣлоруссовъ. Праздникъ этотъ очевидно былъ вступленіемъ въ лѣтнюю жизнь природы, которая, если не достигла лѣтняго блеска и сіянія въ это время, то все же отличается нѣкоторой полнотой: развитіе растительности, обновленіе лѣснаго царства.

Зеленый цвѣтъ, какъ цвѣтъ радости и надежды, считается благопріятнымъ предзнаменованіемъ въ снахъ; такимъ онъ является и въ поэзіи:

Герой одной величальной пѣсни подъѣзжаетъ къ дому—

Къ садамъ подъѣзжаетъ—сады
расцвѣтаютъ,
Къ лугамъ подъѣзжаетъ—луга
зеленѣютъ ¹⁾).

Синій цвѣтъ, помимо свѣтового значенія,—цвѣтъ растительности. Эпитетъ хорошаго овса — «синій».

Въ основѣ овсеня лежитъ культъ зерна и растительности, какъ одного изъ главнѣйшихъ проявленій свѣта, весны, имѣющаго существенное значеніе для человѣка и животныхъ.

В. Н. Добровольскій.

1) «Зеленый», «зелень» имѣетъ отношеніе къ утру, зорѣ. Сочиненіе Овсяннико-Куликовскаго «Теорія экстаза и культъ Діониса или Вакха». Зерна имѣютъ свѣтовое значеніе. Въ Манхейской ереси почитались нѣкоторые зерна, какъ носящія по преимуществу слѣды солнечныхъ лучей. Обчерчиванье и обсѣванье въ пѣсняхъ совершаются обыкновенно вмѣстѣ, какъ акты, имѣющіе отношеніе къ зорѣ и свѣту. Зерно въ языкѣ смоленскихъ крестьянъ часто сравнивается съ солнцемъ. О хорошей пшеницѣ говорятъ: «пшаница, якъ солнце». Пшеница въ смоленской народной поэзіи—символическій образъ дѣвушки и солнца: «А у поля пшаница пирястой стояла» и т. д.

Давая мѣсто настоящему труду почтеннаго этнографа, Редакція не можетъ не пожалѣть, что лингвистическія объясненія, предложенныя авторомъ, весьма сомнительны.

Ред.

Изъ области древней церковно-славян- ской проповѣди.

Четырнадцатый изъ издаваемыхъ нами текстовъ—слово на богоявленіе — взято нами изъ западно-русскаго сборника Виленской Публичной библіотеки № 80 (189), конца XV вѣка, л. 281 об.

Это — одно изъ немногихъ поученій, несомнѣнно принадлежащихъ Клименту Словѣнскому, и притомъ изъ лучшихъ. Оно уже издано по сербскому списку Хлудова XIV в. А. Н. Поповымъ (въ описаніи Хлудовскихъ рукописей, стр. 388). Мы издаемъ его вновь по русскому списку, далеко не безукоризненному, въ виду нѣкотораго числа вариантовъ, цѣнныхъ для возстановленія подлиннаго климентова текста.

Пятнадцатый текстъ взятъ нами изъ пергаменнаго Пролога Московской Типографской Библіотеки № 363 (168), XIV вѣка, л. 90.

Это — краткое поученіе на день рождества Іоанна Крестителя. Оно находится во всѣхъ русскихъ спискахъ древняго Пролога подъ 24 іюня и принадлежитъ къ тому ряду проложныхъ словъ, изъ котораго нѣсколько нами уже напечатано. Изъ его словарныхъ данныхъ слѣдуетъ отмѣтить слова *святитель* въ значеніи священникъ и *поздеріе* въ значеніи соръ, дрянь.

Шестнадцатый текстъ взятъ нами также изъ пергаменнаго

Пролога Типографской Библіотеки № 346 (153), XIV вѣка, л. 192.

Это—краткая «похвала» святыхъ патріарховъ, находящаяся во всѣхъ русскихъ спискахъ древняго Пролога подъ 19 декабря и принадлежащая къ тому же ряду проложныхъ словъ. Въ первой ея части есть кое-что общее съ началомъ проложнаго же поученія на день апостола Марка, бывшаго въ рукахъ автора Фрейзингенскихъ отрывковъ.

А. Соболевскій.

XIV.

Иѣца. геѣкарм. въ .3. днѣ. въ оутрѣи бѣгшвеніи хъ,
слово похвалное іванна крѣла. сътворено камен-
томъ епѣшъ¹⁾.

Прінде іс, ѿ галилеа на іурдѣ къ іваннѣ. крѣтитисѣ ѿ него,
кѣи грѣхы шмыти хотѣ. толнко смѣтреніе твораше, адамоко
престѣпленіе хотѣ погрѣзити въ іурданѣстѣи водѣ²⁾. яко павѣ к
томѣ свѣтелстведѣтъ глѣ, вѣхѣо иногѣ престѣплѣніемъ завѣдѣди
ѿ пѣти правѣнаго. и поравотнѣхѣса похотѣ. и сластѣ различнѣи.
мерзѣци сѣще и протнѣни ненавидѣще дрѣу дрѣга, егдѣ вѣгѣти
члѣколюбне швнса сііснтелѣ нашего бѣ. не дѣ³⁾ нашихъ правѣнѣи
нѣкам во вѣахѣ, но своего ра^а мѣрднѣ. спсе ны пакыванею
вытѣвскою, да ѿвергѣшесѣ нечѣтиѣ и пѣдскѣи похотѣи. цѣло-
моудрено и праведно и вѣговѣрно поживѣ въ нѣнѣшнемъ вѣцѣ.
чающе вѣжнѣи оупоканѣи. швеніѣ⁴⁾ славы великаго бѣ и сііса на-
шего іу хѣа. иже премногѣ ра^а члѣколюбнѣи, не вѣзмѣно терпѣти
зра рода члѣскаго. вѣвѣбною лѣстнѣю горкомѣ мѣтѣлю поравотнѣвѣ-
шѣ, тѣ ради оумѣрднѣсѣ на ны. и преклоннѣвѣ нѣса сннде, плоти
и крови нашеи вѣсхотѣвѣ вѣи^о пришѣцитѣи. и вѣ по всемѣ
члѣкѣ, гресѣ единемъ не причащѣи. но грѣхы наша погрѣзити
хотѣ въ іурданѣ, прин^о къ волѣцимъ вѣа. къ завѣдѣжшѣи
ѡвѣа пастырѣ истиннѣи, а не мѣтѣль. къ пѣшѣи вѣставитѣль, къ
зѣнѣи || нѣнѣи. къ мѣртѣи животѣ, ко свѣзаннѣи разѣрѣшитѣль. 282

1) Варианты взяты изъ западно-русскаго сборника XV в. Московск. Обще-
ства исторіи и древностей № 320, л. 312 об.

2) во іурданѣ рѣцѣ.

3) дѣлѣ.

4) швеніѣи.

къ адскѣ въскрѣніе ¹⁾ ко грѣшникомъ въправленіе. къ шестѣ-
шаннѣ обновленіе, и къ шмраченнѣ свѣ. к ницимѣ богатитѣ, къ
слѣпнѣ просвѣтитѣ. къ шславленнѣ оукрепитѣ. къ шславеннѣ ²⁾ оу-
крѣпитѣ вѣгъ, къ сѣдащѣ въ тѣмѣ стѣни смртнѣи свѣ неза-
хо^ммыни николиже, къ пренспѣннѣ превѣннѣ, прогонаннѣ лестѣ. и
просвѣщаа нѣ ванею пакывытнѣ, да слышнѣ прѣвое бытнѣ ³⁾.
мѣнитѣ ранское житне, из негоже испаде прадѣ нашѣ адамѣ.
въ печалѣ и въ гресѣ смртнѣи породи, и повиннѣи сѣща истаѣ-
ннѣ. и пакывытѣа ваню мѣннѣ, прѣтое се крѣннѣ. имѣ швѣтша-
ннѣ ⁴⁾ шеновлабѣмѣ ⁵⁾, и причастнѣи вываѣ нетѣвннѣи его славѣ.
аще ю чѣо съхраннѣи, съвлачащѣ ветхѣаго чѣка. и сѣдѣннѣи его,
сирѣчь погѣскѣи нравѣ швѣтшавшнѣ нѣ преслѣшаннѣи, овлачающе
же са в' новаго крѣченнѣемѣ, сирѣ ⁶⁾ въ хѣ. иже нѣ ра^м дѣлама в
нищетнѣи снѣ павѣи прише, зрѣ равннѣи на са вѣа ⁷⁾. къ шврданнѣ-
скѣи водѣ идашѣ, потопитнѣи хотѣ протнѣннѣи сѣпостѣ ⁸⁾ нашего
дѣвола. его оузрѣвѣи ишаннѣ, шко проста чѣка въ нищетнѣи
овразѣи пришеша к' совѣ. оужасомѣ възмѣтнѣ, и страхѣ швдрѣ-
жнѣ възпнѣ глѣ. что твориши вѣко, в равнѣемѣ швразѣи прихода
на воды шко и проста чѣкѣ. гдѣ ти сѣтъ чиновѣи вѣзплатннѣи,
прѣтектѣицен прѣио. и трѣтое иѣннѣи възсмылающе. в ннѣже швѣ ⁹⁾
древле мшгсѣи оугоннѣи сѣоємоу. гдѣ ти шестокрылатнѣи прѣ-
282 об. сто||шннѣ. шже древле проавн пррѣкѣи тѣоємѣи исан, сѣда на прѣлаѣ
высоцѣи и превѣзнесеннѣи, гдѣ ти вѣчисленое мнѣство вѣплатнѣи
ннѣи силѣ. ѣ вндѣи древле даннѣи, тѣмами тѣми прѣстошѣице шкрѣтѣ

1) воскреснѣ.

2) шславленнѣемѣ.

3) бытнѣ.

4) Прибавлено: нашѣ.

5) шеновлабѣмѣ.

6) си.

7) вѣзатѣ.

8) сѣпостѣи.

9) Нѣтъ. Надо читать: шенса?

10) прѣдѣтаннѣи.

пѣла твоего. гдѣ четверозрѣнаа и животнаа, на нѣже та видѣ
 почивающа несекемъ. гдѣ прѣли, гдѣства, власти и силы, на
 нѣже неразлѣчно славимъ. съ шцѣмъ и дхѣмъ почивавши прѣно,
 чесо тревѣи сниде вѣко в нишетнѣ семъ швразѣ. вгѣ съ страхѣ
 трепещють и исчезаю всѣскаа, невесни и земѣни коѣци. тебе
 не вѣмѣстать, то како шврдѣ та можѣ вѣмѣстити. море во
 видѣвѣ та повѣже вѣспѣ, и се шврдѣ та видѣвѣ исчезе. шест-
 вие свое вѣспѣ вѣзѣрати, а азъ како пристѣплю к непристѣп-
 номѣ. како ли простроу тлѣннѣю десницу, къ превѣномѣ жи-
 вотѣ. вгда во шпѣу¹⁾ вѣторѣ вѣсынениа. недостоинѣ простѣ роу-
 коу къ прѣно сѣцю. и бесмѣрномѣ животѣ, шкѣ адамѣ древле.
 простѣ²⁾ рѣкѣ свою къ раздѣломѣ древѣ, кто во видѣ колѣ сѣнца
 шсѣщавсма. нже свѣтѣ свой вса овѣстастъ. се во крѣцине
 грѣшнѣ ра³⁾ далѣ ѣ. шмывати имѣ вса прегрѣшенѣа. а ты вѣко
 каа свѣрны³⁾ шмыти имати. тѣмѣ азъ тревѣю ш тебе крѣтитсѣ,
 а ты къ мнѣ градѣши. ш тебе во сѣдѣтелѣ вса шчицаютсѣ,
 ш тебе свѣтодателью всѣскаа просѣвѣцаютсѣ. вѣ истинноу неиз-
 вѣдома ѣ твѣа си таина. ю свѣрѣшаа || си твориши. шваче кол 288
 грѣхѣ шмыти хоцѣши. вѣ свѣрны сѣ вѣстѣб. но крѣти пришѣшаа
 народы, и прѣже всѣ мене. азъ во тревѣю крѣтитсѣ ш тебе, а ты
 градѣши къ мнѣ. швѣщавъ же гѣ къ шваннѣ рѣ, видѣвѣ ѣ.
 свѣсѣи⁴⁾ вѣгѣ даѣшдѣ ти сѣ свыше. неизрѣннѣа моего шхоженѣа,
 вѣплощенѣ ш прѣркѣ прокѣвлѣмо. видѣ шко прозорѣвѣма
 очима, в ложеснѣа. ма⁵⁾ мѣрннѣхъ. не свѣлазнисѣ ш мнѣ, но
 мѣрннѣи вѣсты своя прокѣвѣнѣа⁶⁾ изрѣ. ш моего во велѣнѣа по
 швѣтованѣю ро³⁾сѣа, но тако лѣпо ми ѣ искоѣчати смиренѣемъ
 всакѣ прѣвѣб. шстанѣи двѣ ннѣ того шваннѣ. нѣ простѣрѣ роу³⁾
 свою крѣти мене. тебе ра³⁾ тревѣющаго крѣцинѣа. нѣ: во вѣрѣмене

-
- 1) шпадѣтъ.
  - 2) простѣрѣ.
  - 3) свѣрны.
  - 4) сѣ вѣсѣи.
  - 5) нѣтъ.
  - 6) прорѣчиша.

нѣ высокі мѣрствовати. но смиренї подѣствѣа и года зрѣти.
 встани нѣ іванне. не оуподовиса адамоуж преслѣшаннїю¹⁾ но
 послѣжи реишу ѡ товѣ прїкѣ. се азъ послаю аггла своего прѣ
 лицѣ мой²⁾, и тои ѡготовить пѣти моа прѣ мною. кванїя рѣ,
 ти како пристѣпль послѣжю неизрѣнїи твоен танїѣ. вѣже
 херѣви³⁾ и серафими страхѣ не могѣтъ зрѣти, како во можетъ
 прикосноутиса сѣно огню вѣжтвенѣмъ не згорѣти⁴⁾. кто видѣ
 коли вѣкѣ, оу рава просаще крїциниа. кто видѣ коли зижителла,
 ѡ врьнїа просити ѡцищенїа. въ истинїноу страшна и оужасна
 нѣ твориши вѣко, ты во еси поставлен нѣо ни на чемѣже, и
 вблача облакы ѣко ризою. ты вси ѡтвержен земаю на вода. ты
 288 об. еси ѡвоуздавыи море пескомъ, и по||ложи емѣ предѣлы гдѣ
 въсхо⁵⁾ти. ты вси оукрашиви земаю повеленїемъ, и съдрѣжан
 рѣкою вѣскаа. не сведѣ въ что помышляю се, великое твое
 смотренне. ѣ нѣ твориши на воды сна прише. бернїноую рѣкѣ
 поклонавши. и сквернїи мови рѣцѣ велиши по твої керхъ
 яти, егѣ видѣ иурданъ страхѣ исчезе. ни оубо вѣко кѣзевѣ
 глакж. глава во еси всѣ. крѣти пришешаа наро⁶⁾, и перѣѣе кѣѣ
 мене. и потѣ сѣ себе крѣтиши, оутѣрпавта во ми рѣцѣ. не вѣмѣше
 творити пѣ пожелнїа, и искочити хоцетъ дшѣ⁷⁾. не стѣрпаци
 твоего смиренїа. Гѣ же к немѣ рѣ, ведѣ чесо ищеши. славы
 вѣжтвеннѣ презрѣа вѣщаеши, но нѣ врѣмени ѡкрыти еа. все во
 добро въ свое врѣмѣ ѣ, но се нѣ повеленїѣ сътвори. потѣ и на
 вина ѡзаран⁸⁾, потопити во прїндѣ въ вода сї. прѣстнѣшаго
 древале змнѣ, правѣда твоего ради вблекѣса вонь ѣко в ризоу.
 да вбновляю тварь рѣкѣ моею, и да шмѣю въ иурданѣ рѣко-
 писаннѣ грѣхоуѣноѣ. и тѣкнїе его потопнѣтъ, въ нетѣнїѣ паку
 вбѣкѣ его. и на нѣвнн прѣтѣлъ вѣзнесѣ, на веселнѣ вѣплотннѣа

1) престѣпаннїю.

2) тѣомѣ.

3) изгорѣти.

4) Прибавлено: моа.

5) Было написано: ѡзаран, поправлено на ѡзран.

силы подвижнѣ. гл҃а. рѣчѣтеся съ мною. яко дрѣвѣ шверѣтѣ по-
 гывшю ми, тѣмѣ не пытанъ волиши, но простеръ рѣкѣ свою
 крѣти ма, крѣтащѣ вса невидимо шгнѣ дх҃овнѣи и силою. Тога
 пристѣпѣи крѣти, и въ внезапѣ видѣнне страшно. нѣсѣѣ Шверѣ-
 шѣса к немѣ, и се дх҃ъ стѣи въ видѣннѣи голѣвинѣ свѣше снѣде
 на главѣ его. || и гл҃а въ съ нѣси ѿ шца гл҃а, тѣ крѣтавмыи снѣ 284
 мон ѣ възлюбленныи. сен прѣносѣщенъ, и неразлѣченъ мон
 нѣдрѣ. ѿ немѣ бл҃гоизволи, того послѣшанте. тѣ ѣ снѣ мон
 възлюбленныи, пришедыи ннѣ въ смиренни. и пакы градыи въ
 славеж вѣтѣва себѣ, сѣдѣти хотѣ всен вселеннѣи. и възѣти комѣ-
 жо протнѣвѣ дѣлѣо его, да того послѣшанте. тѣ ѣ снѣ мон възлюб-
 ленныи, погроужаи во иерданѣ грѣѣ. первоизаннаго адама. и
 спаса рѣ чл҃чскыи, да того послѣшанте. тѣ ѣ снѣ мон възлюб-
 ленныи. везнѣно 1) и неизгл҃анно ѿ мене имѣа рѣтѣво, ве мѣре
 на нѣсѣѣ 2). и на земан ѿ дѣвы мрѣа, ве шца рождѣса. да того
 послоушанте, си оуво і еуланстѣ исно сказаа рѣ: Въ оутрѣй
 днѣ, оузарѣ иваннѣ градѣща іса к' совѣ. и възѣпи гл҃а, се агнець
 вожи въземлаи грѣхы все мира. ѿ семѣ азъ послоушествова
 вамъ гл҃а, яко градѣтъ въ слѣѣ мене, емоу нѣсѣмѣ достоннѣ
 поклонса, разрѣшѣти ремѣнѣ сапож 3) его. того послѣшанте,
 да ѿ того съврѣшенно крѣщенѣе прѣимете. азъ во крѣтаю въ
 водою въ поканѣе. а тѣ крѣтитъ въ дх҃ѣ стѣи. ѿ томѣ во рѣ ісаиа
 прѣркѣ въпиа. гл҃а въпниющаго въ пѣстыни. оуготованте пѣтъ
 гнѣ правы творѣте стѣза его. тѣмѣ каа оуста възмогѣтъ твоѣ
 бл҃гословѣство 4) исповѣдати. идѣже твои гл҃а въи страшнѣи грома,
 крѣтацимса народѣ. к нимѣ рѣ нѣсѣмѣ азъ хс҃. но прѣча емѣ
 емѣ. въпиа к вамъ поканѣе || се во градѣтъ црѣта 5) възнимаа 284 об.
 грѣхы все мира. тѣ ѣ крѣтан дх҃омѣ стѣи и силою, того во

1) означено.

2) нѣси.

3) ремѣнь сапога.

4) бл҃гословѣванне.

5) црѣта. Мѣсто искаженное.

ржѣте не¹⁾ възмож'но члѣкѣ изреци. иже имаеъ²⁾ превѣчне бес-
мертнѣ. и³⁾ шѣа на нѣси. второе на дѣлама прихалъ ѣ на земли
вѣ шѣа ѿ дѣв чѣмъ. тѣмъ же томѣ по⁴⁾вабѣ расти. и мнѣ⁵⁾ пони-
жатиса. азъ во есмь яко мало мѣсто просвѣщаа. шнѣ есѣскаа
вжѣтвенымъ свѣтѣмъ шзарабѣ. тѣ во ѣ съ нѣси ѿ вѣа шѣа единш-
чадын снѣ. своеа тварн шеновити прише, а азъ ѿ иерѣа зама-
терѣваго. въ старости мастите порожденна, проповѣдан оуто-
тованіе⁶⁾ пѣтемъ его. шного пакы днѣю и страннѣ ржѣте ѣ, ѿ
дѣв рѣ вѣ шѣа. на земли на дѣлама, а мое ѿ изможанна⁴⁾ те-
лесн. ю и прошѣша вѣременіе, влнсаведи. тѣ роженъ ѿ земли,
земнаа глѣть и исповѣдаеть. а сен ѿ нѣси. нѣнаа повѣдаеть и
нѣны оучитѣ. и никтоже его послѣшаеть, роженное во ѣ ѿ плоти
плѣ ѣ, а роженное ѿ дхѣа дхѣ в, дхѣ а може хоцѣ дышетѣ. и
гла его слышите, но не вѣсте ѿкоудъ прінде. и како идѣ, си
шваннѣ и воаша сѣ приносящѣ сви⁷⁾телѣства ш своемъ влѣцѣ. къ
крѣтащемоуся народѣ оу него, кто възможеть достоннѣ похвалаѣ
вмоу изреци. егѣ самъ гѣ рекѣ хвалитѣ, волин шванна крѣла
не вѣста в роженнѣ жѣстѣ. тон во ѣ сказавмѣ влѣтъ воѣ. того
во ржѣтѣ кто точенъ, того пррчестнѣ кто равѣ, тревѣво ѣ. и
прркъ и прѣча и крѣла, житнемѣ не прѣладенъ никомѣ. тоѣмо
285 || агглехѣ единѣ, не рекѣ вышннѣ агглѣ. тон во ѣ еднѣ страшнѣоу
таннѣ съкрѣши⁵⁾, вжѣа смотреніа. и к непристоупнѣомѣ трепѣно
пристѣплѣ, прикоснѣса верѣсѣ. вѣнѣа азъ тревѣю ѿ тебе крѣтитѣ,
или ты градеши къ мнѣ. к нему рѣ гѣ, аще во са азъ ѿ тебе
не крѣцю. то⁶⁾ николиже прѣимѣ црѣ землины крѣщнѣа ѿ оувогѣ⁷⁾
иереа. образа подаати снидѣ своемѣ съзваннѣю, да по момѣ
стопѣ хѣдаще. възмнѣдѣтъ къ вышннѣ иерѣамъ, идѣ нѣ змнѣ

1) ѣ ии.

2) имать. Мѣсто искаженное.

3) перевожданіе оуготова. Мѣсто искаженное.

4) изможана.

5) Причастіе?

6) ти.

7) ѿ вѣа ѿ.

свирѣзующа. ни ко ѡхоу въспинающа, но древо животно само-
растно прозавленіѣ. Ѡ единого источника вѣжвена, Ѡ него
ввласть имѣтъ исти съхранішен заповѣ¹ моу ве² порока. сѣ
оубо всѣ³ и паче сѣ ты¹) въ Ѡ²) крѣтитѣ, пррче³) и прѣче. стра-
шнѣ смотренію, вже во вѣ оутавно агглѣ и архаагглѣ. власти
же и прѣли, силы и гѣстеіа. и всеа вышнем⁴) тварн, товою въ
Ѡкровено. ты во въ неизрѣннѣи таниѣ самоендець, и слоуга
страшномоу томѣ смотренію. и въ вѣстникѣ⁵) неизгланнѣ чю-
дѣ, ѣ выша межю товою и гдѣмъ нашѣи иу хѣмъ. стазаніа и глѣ-
ніа, и твореніе нхѣ зраще дѣвѣ⁶). аггли архааггли трепетно ди-
влахоуѣ, крылы закрывающе лица своа. тѣмъ же исповѣсть кто
величїа твоа, которыи ли языкъ изрѣтъ зачатѣ твоа. странно
и днѣно вышнее въ послѣднен старости, шѣтваніемъ възвѣ-
щенію. Ѡ архааггла шѣю твоємѣ захарии, за невѣриѣ млѣча-
ниемъ въ оудненѣ. до свершенїа || нсходнаго ти, вгда изыде 285 об.
шко дѣнница. разрѣши шѣю молчаніе си, и въ днѣно рѣтво си.
пачѣ и въспитѣнѣ, іродови во възвѣсишѣ на ѡвинство гнѣ, и
незловивша млладенца искалающа. непщева⁷) во вѣ о тоѣ прѣче,
вгда во тои ѣ хѣ. понѣ по шѣтванію роженѣ вѣ, и пославъ
сладгы къ захарии рѣ. гдѣ ѣ сѣ твои. шнѣ шѣвшаевѣ. азѣ прѣ-
стою кыинѣ слоужевномѣ шлѣрю. и не ведѣ гдѣ ѣ сѣ мѣ, вли-
савѣ⁸ во слышавѣши, шко прѣ извнваетъ млладенци. въземши
штроча. искаше мѣста на съкровеніе бмѣ. и не швѣтѣши, при-
падѣ къ горѣ тоугтоу шдрѣжма. и възвѣши ѡчи на нѣо пррче-
ское слово съврѣши, печаль свою къ гѣ приметѣюци. възпни
к' горѣ гласѣ великѣ рекѣци, горо вѣжнѣ прѣими штроча се и съ
мѣрю его. и растѣпнѣши гора, прѣлатъ и⁸) овою. и пакы състѣ-

1) Нѣтъ.

2) Надо читать: ѡ?

3) пророца.

4) всышнѣ.

5) еѣ еѣстникѣ. Въ еѣ ѣ поправленѣ изъ другой буквы. Должно бытъ, ѡ?

6) виднѣ.

7) искалающа. непщеваніе. Надо читать: искалающу. непщевалъ?

8) Стерто. Форма дв. ч.?

пи, изыскав' же ирѣ и не оврѣте его. посла во стѣлице и оуен
 захарію шѣа его, при стѣпені¹⁾ олѣрнѣ. и не шврѣте тѣло ѣ,
 кров' же ссѣшдса каменѣ выѣшд. и гла въ ѿ олѣра гла, яко
 захаріа оуененъ въ. и не потребитса кровъ его. дондѣ прѣидеть
 мѣстнѣй его. гора же въ работаючи плоды различными, кормляю
 готовяючи семѣ дненомѣ прѣчи. яко лѣка бѣгнстѣ яко оуказал
 рече, и въ въ пѣстынѣ до днѣ шкленіа своего ко илѣю. тако ми
 сѣ днѣвна²⁾ чюдеса его прѣча, таково чюдное прозвѣненіе. таково
 286 страшное рѣже, таково неизрѣнное || въспитаніе свѣтаости
 бжественнаго исполненъ, тихостію же и кротостію. и оумиле-
 ніе оукрашенъ, тѣм' же и шѣа его захаріа прѣрѣствѣла дхѣомъ
 стѣа ѿ немъ. рѣ, и ты штроча прѣрѣкъ вышнего наречешѣ, прѣ-
 идеши во прѣ лицѣ гнѣимъ, оуготовати пѣти его. и дати раздѣмъ
 спсѣніа людею его, въ вставленіе грѣховъ. млрднѣ ра³⁾ млтн бѣ
 нашего, тѣм' же и мы хрѣтолюбѣци. наслаждающе свѣтозрѣнаго
 сѣ трѣжества, пресвѣлѣю его память почитающе празнѣемъ. въ
 ѡсалмѣтѣ и пѣніи. и въ подчѣніи превывающе. не въ зѣрацающе на
 прѣввыа грѣховѣныа овываа, якоже и пѣсь на своя влѣкотныа.
 но ѣса сквернаа дѣланіа діаволѣ привергнѣше, таготѣ соіноую
 ѡтѣрѣнѣмъ ѿ себе. и оувыстрѣмѣла на пѣть покашнѣа. доврѣ⁴⁾
 дѣла оукрашающеся постѣ въ шроужающеся на прѣтнѣнаго
 врага, лю⁴⁾ дроуѣ дроуѣга вѣша тѣорашѣ. млтннею, чѣтою оума
 си просвѣтаще ѣперимъ. тѣми во доврѣдѣтелѣми, вѣ⁵⁾ троуда на
 нѣво въ зносѣ⁵⁾. и швѣціники агглатѣ таковыа стѣорають. перѣте
 карѣ стѣжати доврѣа дѣтели⁶⁾. дѣ конѣнна на не постигнѣ,
 дѣ тѣма не оукрадѣ дшѣенѣ бѣгѣтства. не помышляемъ⁷⁾ рекоу-
 це, ѣже в лѣности и въ грѣсѣ вѣрѣма прѣпрово⁷⁾ хомъ, да на

1) степеняхъ.

2) в' чюднѣ.

3) доврѣми.

4) любовню.

5) возносатса.

6) делатіа.

7) помышляюще.

конци что ѡспѣвать ни оубо. дѣволскаа то ѣ мьсль, глѣть во и сѧ пррѣко. в' немже та оврацю, в тѣже ти и соужд. люво в гресѣ, люво къ покаени. оуподовимса оубо шнѣмъ наитѣъ || дѣла-теле, иже въ прѣвыи на. і. чѧ пришѣше. равно мьздѣ прѧша съ прѣвыми, видиши во дрѣгончи в' нечашни свѣщѣ намъ вѣ-дожнѣ. познѣ дожѣ пѧ, ващѣши плоды къзроститѣ. тѣм' же и мы нечашнѧ крѣ ѡтраше ѡ себе, злѧ дѣлеса. припадѣмъ къ мѧрдню и милостыни. бжѣни, славащѣ животворѧщю прѣтѣю трѣю. емѣже слава и дѣржава, кѣпѣно съ прѣтымъ и животворѧщѣ дхѣмъ, нѣтъ и прѣно и в' вѣкы вѣко: ~

286 об.

XV *).

Въ тѣ днѣ поученик. на ржѣтео. іѡа. крѣла.

Подовакѣ 1) вратѣе. съ испытаникѣмъ всаку правду тво-раше. праздникы вѣи въ чѣ держати. о тѣхъ во прикм-лемъ 2). простыню грѣховѣ и цѣлениа волѣзни 3). и всака ицѣ-лениа оулучимъ. аще вѣрою и чѣю 4) и добрыми дѣлы. к нимъ припадакѣ 5). къ тѣмъ во рѣ гѣ на 6) ісѣ хѣ. мертевыа въскрѣшантѣ. прокаженыа очищантѣ. вѣсы изгонитѣ 7). туне приаште туне же и дадѣте. аще во не туне приаште. но многы стрѣти претерпѣ не до сѣ же токѣмо. но кровь свою 8) прольыша

*) Варіанты изъ Пролога Тип. Библ. № 864 (169), XIV в., л. 132.

- 1) Подожно естъ.
- 2) ѡ тѣхъ во намѣмъ приити.
- 3) цѣлениа волѣзнемъ.
- 4) с вѣрою чѣю.
- 5) припадаемъ.
- 6) Этѣхъ двухъ словъ нѣтъ.
- 7) изгонитѣ.
- 8) крошъ своею.

поо¹⁾ гѣ вѣѣ своихъ. и вашимъ. вѣлыми желающе своего сѣни
и вашего. якоже и се²⁾ великѣи прѣча хѣѣ. юнѣ нже дмѣно
рѣтво имѣ. и житие паче всѣхъ члѣкѣ. тако и подобаше зарн
воснѣти³⁾. мѣсльнаго снѣца. хѣ проповѣдающи. якоже во въ
паче оума и⁴⁾ силы члѣча. хѣо рѣтво вмуже вѣсть проповѣд-
никѣ прѣча. кто во видѣ коли нан кто слыша дѣѣ без мужа.
творца члѣкомѣ въ чревѣ примши⁵⁾. понеже видѣ ны по⁶⁾
зловѣ сущи дѣволи. и не сътерпѣ насѣ поравотнѣшасѣ врагу.
и того ради въ таково⁷⁾ смѣреникѣ приде. и преже посла къ
захарѣи сѣлю. арханѣла гаврила блговѣстующа кму радость⁸⁾.
зачатикѣ кму юана. нсѣ прѣстарѣѣшихъсѣ ложеснѣ непло-
денѣ. якоже слышастѣ юна⁹⁾ глѣоща. вугнаниста. тѣмѣ¹⁰⁾ и
90 об. мѣ вратѣв сего свѣтлаго праздника насѣладимсѣ. добрыми
дѣлы оукрасивѣшесѣ. послѣдуюемѣ кму. сему¹¹⁾ великому
юану. коже положи бѣ въ шевразѣ всѣмѣ хотащимѣ спѣтисѣ.
се¹²⁾ во юа свѣта сего. яко подѣлькѣ¹³⁾ имаше. не живаше во
въ домѣхъ слоужевныхъхъ. идеже всѣка скверна оврѣтактѣсѣ.
завистѣ лжа. клеветѣ. но въ пустыни кдинѣ житѣкѣ свои
анѣлы сконѣчаваше. пррѣтво¹⁴⁾ до крѣщеннѣ гна проповѣданѣ.
црѣтво бнѣк. коже и мѣ желающе. възлюбимѣ другѣ друга.
завистѣ попруще¹⁵⁾. ярость низложаше. Ѡ клеветѣ Ферацимо-

1) по.

2) яко съ.

3) Далѣе прибавлено: паче.

4) и слова и.

5) примашю.

6) въ.

7) тако.

8) радости.

9) луху.

10) тѣм же.

11) послѣдуюмѣ сему.

12) сн.

13) свѣтъ снн яко поздѣри.

14) пррѣтвѣла.

15) поправши.

щеса. лѣность ѿгонаше. то оубо аще кто стажеть. вес труда възнесетса на нѣса¹⁾. снѣ бнн наречеть. и прѣлу бнн предѣстанеть. мѣтнею во ѿко и водою грѣси гасатьса. тѣмъ же вратык то възлюбимъ. таковѣмъ во гѣ влѣжитъ глѣ. влѣжини мѣтени ѿко ти помилowani вудуть. не подовакть во намъ точною крѣпномъ словомъ слыти. но добраи дѣла стажавшимъ²⁾. швнтиса непорочнымъ на страшнымъ судици. идеже не можеть помощи ни рабѣ гдну ни оцѣ снѣ³⁾. ни мти дщери. и вратѣ врату. но⁴⁾ добраи дѣла въ вѣчную жизнь вѣведуть. а злати съ студомъ въ мукѣ⁵⁾ ѿженуть ны. ѿ неже избавитъ ны гѣ въ нашъ. о хѣ ісѣ:

XVI.

Въ тѣ днѣ слово второе. похвала. стхъ. оцѣ.

Гѣ нашъ вѣла. вса ѿ невытѣи в бытѣ створенѣи. небо и землю и всю тварь. и рая насадникъ. и введе ту създанаго своимъ рукама адама. и створеную ѿ него вѣгу. нѣ видѣвъ дѣволъ въ чти бнн члѣка снѣюща. въ прельсть введе не бѣ во сму николи вкусити смрти. и всѣмъ ражающимса ѿ него. тѣмъ нынѣ стни трудомъ многимъ и потомъ. паки в рая входать си видѣвъ члѣколювецъ бѣ отъ лѣсти погыбающе родъ члѣчъ. въсхотѣ снйти на землю. и обнокити обѣтшавѣшнн грѣхомъ родъ члѣчъ. и шже хотѣ и створи. пишеть во са бѣ же нашъ на нѣси и на земан. бѣ члѣкъ вѣвасть да оожитъ члѣчское вѣстѣство поманувъ адама въ адѣ и вса пррки с нимъ. боже

1) сбѣсетса и на нѣо възнесетса и.

2) стажати и.

3) снѣи.

4) но точною.

5) вѣчную мукѣ.

плотью одѣвса спсѣ нашъ изъ ада адама изводитъ приде. и
вса стѣны с нимъ не вѣ во ни единому же ихъ Флуचितиса
адама прилѣпившиса ему плотью. трупъ вѣ адамъ смртною
кожею облеченъ въ грѣсѣ оумертъ. орли же патрнарси и пррци
лице и праведно пожнша нъ адама не Флучишася. и дасть сво-
нимъ равомъ прркмъ даръ пррчтва ихъже извра и вси провоз-
вѣстнша на землю его шестене, и Ф дѣы его рѣтве преклоне
нѣса и сннде. снѣ внѣ Ф дѣы родиса евоже празднству при-
спѣвшю. стваравмъ память преже бооугоднхъ нашихъ пра-
оцѣ. Ф нихъже племне по плоти родиса хъ. тѣмъ нымѣ
радуется съ адамомъ и авелемъ. и сифомъ и новемъ ликъ
чтнхъ праоцѣ. днѣ поминаемн великхъ патрнархъ. и пра-
вовѣрнхъ свори веселатса. и стхъ прркъ сънмище своихъ
глѣ вѣщаннн видѣше въ звытѣе пришедша. молаху бо са
пррци патрнарси да выша видѣли въ днѣ свои въ плоти ба.
рѣ во бѣ радъ въ и да въ аврамъ още видѣлъ днѣ мон. нъ
видѣвъ и възрадоваса. превображеную исакомъ мукку гню. и въ
трѣци ба пригостивъ имъже сподовиса и ногы оумьти и тра-
пезу предъставити тѣмъ вси съглно рѣмъ. рѣнса авраме вели-
кын к патрнарсѣхъ. друже внѣ исаче осцинѣм. ишкове вѣгеленѣм
родивѣм. бѣ. патрнарха. в нихъже днвенъ вѣи нюда и левгин.
евоже плема по роду црѣскаго колѣна донде. оца црѣмъ. носѣ-
нн Ф негоже жезлъ хъ. радунса црю дѣде. и боочѣ свое пррче-
ство видѣ исполнено. еже вписа рѣ гъ гвн мовму снѣ мон вси
ты азъ днѣ родих тѣ. веселанса исане о глѣхъ оустъ свои¹⁾
иже рѣ се дѣкаш приметъ въ чревѣ и родить снѣ внмануналъ.
с нимъже и вси пррци въснаша. и данналъ леомъ пастухъ
купно с тѣми нчтени суть и трие отроци оугаснеше снау
огнннью млтвою и постомъ. имъже англъ печь оброси. и мучи-
теля опаливъ оумертви. радунтеса с монсѣвемъ и арономъ. вса
судѣн множествовавше вѣрою мелхиседекъ вѣшнаго ба жрецъ.
и самоналъ приятннхъ млтвѣы нъ бѣ възноса. днѣ поминатса

1) Надо читать: своихъ.

и женское вѣстко вѣа ради. вюже прабавнаѣ потревиса
 клатва. сарра лиа и рахиль с прамѣрью вѣгою. и вса мудръѣ
 жены и чѣнныѣ радунса накиме и анно. таковоу дѣтицю
 бывша родителя. вѣи мѣри съ носифомъ оврученикомъ. оуже
 во всака мѣсть преста хѣвѣимъ ржѣвомъ. и зловѣрьѣ разидеса
 и вѣговѣрьѣ вѣсна не престаите молащеса о насъ. чѣнни оѣи
 стѣни прѣци рожешагоса хѣа бѣа нашего. да тиху жизнь пожи-
 вемъ матѣкми вашими. славаще стѣую трѣцю оѣа и сѣа и стѣо
 дѣа и нѣнгѣ.:

Patronymica на -ово въ русскомъ языкѣ.

Начиная съ конца XV в., все чаще и чаще въ русскихъ памятникахъ встрѣчаются отчества на -ово: *Бородатово, Зеленово, Плохово, Дурново* и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ уцѣли и до сихъ поръ, — ср. *Дурново, Сухово, Блюво, Хитрово*, — но, подобно еще болѣе многочисленнымъ патронимическимъ названіямъ на -овъ и -икъ, они имѣютъ уже значеніе не *отчества, а фамилій*. До середины XVI в. передъ именами на -ово въ памятникахъ обыкновенно ставится «сынъ», но съ самаго начала XVII ст. этотъ обычай выходитъ изъ употребленія почти совсѣмъ, что и служитъ доказательствомъ ихъ полной субстантивизаціи въ это время. Наглядно это можно показать на нижеслѣдующей таблицѣ хронологическаго распространенія отчествъ на -ово, составленной нами по «Словарю древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ» (Спб. 1903) Н. М. Тупикова¹⁾.

1484 Семень Васильевъ сынъ *Бородатово*.

1485 Родивонъ Ивановъ с. *Зеленово*.

1491 Михайло с. *Плохово*.

---

1) Изъ именъ, приведенныхъ составителемъ словаря въ нѣсколькихъ примѣрахъ, въ этой таблицѣ приводятся лишь тѣ, которыя имѣютъ древнѣйшую дату.

- 1495 Оедка Ивашковъ с. *Дурново*.
 » Оедко Олферовъ с. *Кривоно*.
 » Ширшикъ *Первоно* с. Кпшкннъ.
 » Ивашко Юдинъ с. *Пернастово*.
 » Захаръ Яковль с. *Хромово*.
 1498 Бориско Васильевъ с. *Малово*.
 1500 Жукъ Левшинъ с. *Брюхатово*.
 » Онишка Василевъ *Дубовово*.
 » Лука Пашковъ с. *Нороватово*.
 » Иванъ Кобыла Олександровъ с. *Сухово*.
 » Васюкъ Назимъ с. *Толстово*.
 » Филиппъ Ивановъ с. *Тяжелово*.
 » Ивашко Чермново.
 1506 Малаѣецъ Грдинъ с. *Долово*.
 1509 Оедоръ Семеновъ с. *Великово*.
 » Борисъ Дмитріевъ с. *Косово*.
 1514 Иванъ Микулинъ с. *Ярово*.
 1518 Борисъ Васильевъ с. *Волосатово*.
 1528 Михаилъ Васильевъ с. *Мясново*.
 1529 Онцифоръ Тонкой Ивановъ с. *Бьлово*.
 1534 Кн. Петръ княже Волоховъ с. *Бритово*.
 » Гридя *Кружово*.
 » Оедоръ Михайловъ с. *Назово*.
 1536 Мишка *Пятово*.
 1537 Князь Василій княжъ Оедоровъ с. *Голубово*.
 1539 Иванъ Оедоровъ с. *Голодново*.
 » Ивашко Кузминъ с. *Кислово*.
 » Митрофанко Олександровъ с. *Оьдово*.
 » Пятой Васильевъ с. *Тонково*.
 » Рюма Оедоровъ с. *Усково*.
 1542 Ондрей Оедоровъ с. *Безятово*.
 1544 Васюкъ Степановъ с. *Высоково*.
 1547 Петръ Оедоровъ с. *Зубатово*.
 1548 Нечай Ермолинъ с. *Сминоватово*.

- 1551 Лопата Прокофьевъ с. *Хитрово*.
 1556 Дроздъ Михайловъ с. *Пьяново*.
 1557 Иванъ *Нележово*.
 1558 Кн. Дмитрій Ивановичъ *Нльмово*.
 1560 Ѳедоръ Ивановичъ *Умново*.
 1564 Кн. Ив. Семейка княжъ Юрьевъ с. *Смьлово*.
 1566 Рахманъ *Житково*.
 » Василей Ивановъ с. *Отарово*.
 1567 Василій Лучаниновъ с. *Веселово*.
 1571 Олексѣй *Борзово*.
 » Данило *Меньшово* с. Коринъ.
 » Андрей *Положево* с. Коведяева.
 » Богданъ *Свѣтлово*.
 1577 Ходоръ Гридковичъ *Черново*.
 1587 Аѳонасій Никитичъ с. *Хорошево*.
 1598 Тиханъ Меженниъ с. *Мяково*.
 1600 Кузма Ивановъ с. *Каменново*.
 1601 Олексѣй *Второво*.
 » Ив. Ѳедоровъ *Неръзово*.
 1605 Гаврило Ивановъ с. *Коротково*.
 1609 Иванъ *Косово*.
 1612 Кн. Иванъ Григорьевичъ *Долоруково*.
 1613 Ѳедоръ *Бесѣдново*.
 » Ѳедоръ *Красново*.
 1615 Гаврилка Левонтьевъ с. *Болотново*.
 1623 Ромашка *Шестово*.
 1633 Иванъ Степановичъ *Блазово*.
 1637 Григорій Петровичъ *Синевъ*.
 » Николай *Чистово*.
 1646 Ивашко *Салново*.
 1647 Михайло *Лабозново*.
 1648 Трофимъ *Рубново*.
 1655 Василій *Блѣдново*.
 1658 Семенъ *Умореново*.

- 1661 Тимошей *Щербатово*.
 1667 Тимошей Киприановичъ с. *Кареево*.
 » Остафей Исаевъ с. *Рябово*.
 1669 Осипъ *Нехорошево*.
 1678 Осипъ *Недоброво*.
 1681 Иванъ Сидоровъ *Носатово*.
 1684 Петръ *Больново*.
 » Любимка Ивановъ с. *Вытѣжево*.
 1691 Наумъ *Смирново*.
 1693 Гаврило *Ръзово*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти имена, число которыхъ гораздо ниже дѣйствительнаго, вслѣдствіе неполнаго использованія г. Тушиковымъ источниковъ, представляютъ не что иное, какъ родительные падежи соответствующихъ прилагательныхъ именъ. Такъ, *Бородатово* есть родительный падежъ отъ *Бородатый*, *Зеленово*—отъ *Зеленый*, *Плохово*—отъ *Плохой*, *Дурново* отъ *Дурной* и т. д. Но какъ извѣстно, въ соврем. русск. языкѣ не меньше, чѣмъ родительные падежи на *-во*, распространены и родительные падежи на *-ю*, а въ старину напр. въ XV в. послѣдніе слышались несравненно чаще первыхъ. Чѣмъ же объяснить, что въ то время какъ Тушиковъ цитируетъ въ своемъ Словарѣ свыше 100 собственныхъ именъ на *-во*, онъ оказался въ состояніи привести всего-на-всего пять именъ на *-ю*, да и то не вполне достоверно-исконныхъ. Древнѣйшее изъ нихъ «холопъ Иванъ Васильевъ с. *Стыченого*» (1498 г.) не внушаетъ къ себѣ довѣрія потому, что имя *Стыченого* представляетъ собою причастіе, а въ причастіе окончаніе *-во* могло, по какимъ-либо причинамъ, проникнуть позже. Поручитель по боярамъ Булгакъ Дмитреевъ с. *Мертвого* (1541), воевода въ Юрьевѣ Польскомъ Прокофій Семеновичъ *Мертвого* (1669) и стряпчій Михайло *Меньшего* с. *Дурной* (1696), какъ люди по тогдашнему интеллигентные, могли видоизмѣнить свои имена подъ вліяніемъ церковнаго, вообще книжнаго языка. Наконецъ, мѣщанинъ Полоцкій Яковъ

с. *Товстою* (1643 г.) могъ передѣлать окончаніе своего второго имени подъ вліяніемъ говора окрестнаго бѣлорусскаго населенія, въ которомъ окончаніе *-ю* не было извѣстно совсѣмъ. Впрочемъ, если даже согласиться съ тѣмъ, что эти пять именъ также исконны, какъ и имена на *-ю*, то и въ такомъ случаѣ *фактъ* ихъ необычайно-ничтожнаго количества сравнительно съ послѣдними остается *фактомъ*. Въ соврем. русск. языкѣ имена на *-ю* не употребляются почти совсѣмъ, такъ какъ фамиліи *Мертвою* и *Живою* уже своими церковно-славянскими окончаніями обличаютъ свое позднѣйшее и искусственное происхожденіе.

Насколько намъ извѣстно, на выдвигаемое здѣсь обстоятельство не обращалъ серьезнаго вниманія до сихъ поръ ни одинъ ученый. А между тѣмъ оно гораздо важнѣе, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, такъ какъ оно ведетъ къ послѣдствіямъ, возбуждающимъ новыя сомнѣнія въ правильности фонетической теоріи происхожденія окончанія—*ю*. Въ самомъ дѣлѣ, если при множествѣ именъ на *-ю*: *Дурново, Сухово, Благово* и т. п. намъ почти не извѣстны имена вродѣ **Дурново, *Сухово, *Благово* и т. п., то это можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что *родительные надежи на -ю, по крайней мѣрѣ, еще въ XV и XVI вѣкахъ имѣли другой оттънокъ значенія, чѣмъ родительные надежи прилагательныхъ на -ю*. И не трудно даже угадать, что это былъ за оттънокъ: такъ какъ только родительные надежи на *-ю* употребляются въ функціи патронимическихъ названій, то очевидно, что они, по какой-то причинѣ, живѣй сохраняли значеніе *притяжательности* или *принадлежности*, чѣмъ имена на *-ю*.

Но это обстоятельство не рѣшаетъ вопроса окончательно, а лишь ставитъ на его мѣсто другой, не менѣе трудный: почему окончаніе *-ю*, возникшее, по популярному объясненію, фонетически изъ *-ю*, не сохранило значенія своей пра-формы, а развило новый оттънокъ значенія? И такъ какъ древнѣйшій родит. пад. на *-ю* относится къ 1432 г. (Прологъ И. П. Б., Соболевскій Лекціи³ 125), а древнѣйшій примѣръ отчества на *-ю* къ 1484 г.

то защитники фонетической теоріи должны *volens-polens* предположить, что родит. падежи на *-во* въ теченіи полувѣкового промежутка времени (1434—1484) подверглись вліянію какого-то посторонняго фактора, сообщившаго ихъ значенію (въ извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ) *ярко-притяжательный* характеръ.

На первый взглядъ, такимъ факторомъ могли быть многочисленные патронимическія имена на *-овъ*, между которыми было не мало образованныхъ отъ тѣхъ же прилагательныхъ, что и отчества на *-ово*. Слѣдующая таблица, составленная по упомянутому Словарю Тупикова, даетъ понятіе о хронологическомъ распространеніи въ памятникахъ именъ этого рода:

- 1438 Андрей *Хоробровъ*.
- 1449 Дмитрій Васильевичъ *Глуховъ*.
- 1493 Ѳедко *Шестовъ*.
- 1495 Якушка *Рябовъ*.
- » Куземка *Сухновъ*.
- » Петрушка *Тепловъ*.
- » Тимошка *Южновъ*.
- 1498 Сенька Якушевъ с. *Суховъ*.
- 1500 Иванъ Борисовъ *Пустовъ*.
- 1512 Иванъ *Съровъ*.
- 1524 Алексѣй Михайловъ *Румановъ*.
- 1538 Шестакъ *Вышиновъ*.
- 1554 Лукьянъ Васильевъ с. *Чернова*.
- 1564 Иванъ Борисовъ с. *Погожеевъ*.
- 1605 Иванъ Павловъ *Ньмовъ*.
- » Иванко *Хорошеевъ*.
- 1609 Лука *Синева*.
- » Ондрюшка *Бьловъ*.
- 1613 Дементій *Черновъ*.
- 1614 Ѳедоръ *Грозновъ*.
- 1615 Савелій *Дурновъ*.

- 1616 Ермола *Меншова с. Трениובה.*
 » Собина *Григорьевъ с. Стченовъ.*
 1621 Петръ Семеновъ с. *Задворнова.*
 1630 Ѳедоръ *Свиртновъ.*
 1635 Панфилъ Алексѣевъ с. *Борзова.*
 1642 Оптилъ Васильевъ с. *Оилнова.*
 1646 Титка *Кисловъ.*
 1649 Спиридонко *Второвъ.*
 » Иванъ Лукьяновъ с. *Мяковъ.*
 » Ивашко *Несвоевъ.*
 1654 Гришка *Пртсмовъ.*
 1655 Иванъ *Десятовъ.*
 1661 Лука *Меншовъ.*
 1662 Кондратій *Хворовъ.*
 1671 Иванъ *Пятовъ.*
 1674 Иванъ Романовъ с. *Домовъ.*
 1675 Осипъ *Коротковъ.*
 1678 Василий Семеновъ с. *Сьдова.*
 1683 Семень Матвѣевичъ *Красновъ.*
 1684 Алексѣй *Гладковъ.*
 » Аѳонасей Ивановъ с. *Первовъ.*
 » Василій Трофимовъ с. *Темновъ.*
 » Митрей *Скоробогатовъ.*
 1685 Гараско *Тяжеловъ.*
 1688 Матвѣй *Нехорошевъ.*
 1692 Алексѣй *Каревъ.*
 1697 Иванъ Михайловъ с. *Зубатовъ.*

Такъ какъ имена на *-ово* весьма нерѣдко сопровождаются христіанскими отчествами на *-овъ*,—ср. *Васильевъ, Ивановъ, Ивашковъ* и пр. (см. въ первой таблицѣ года 1484, 1485, 1495 и т. д.),—и такъ какъ рядомъ съ именами на *-ово* въ памятникахъ встрѣчаются образованныя *отъ тѣхъ же прилагательныхъ* отчества на *-овъ*,—ср. напр. *Дурново* и *Дурновъ, Домово* и *Дол-*

ювъ, Сухово и Суховъ, Сыдово и Сыдовъ, Черново и Черновъ, Меньшово и Меньшовъ, Силново и Силновъ и т. д.,—то, на первый взглядъ, можетъ показаться, что возникшія изъ именъ на *-ю* отчества на *-ово* подверглись семасіологическому вліянію со стороны притяжательныхъ именъ на *-овъ* (особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя образованы были отъ прилагательныхъ) и затѣмъ еще въ серединѣ XV в. вытѣснили первыя. Въ пользу именно такого предположенія особенно говорило бы еще слѣд. обстоятельство: въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ прилагательныя, кромѣ окончанія *-ово*, имѣютъ еще нерѣдко другое,—*ова*. Если это окончаніе древне, то оно могло встрѣчаться и въ тѣхъ родительныхъ падежахъ прилагательныхъ, которыя получили патронимическое значеніе. А въ такомъ случаѣ родительный пад., напр., отъ имени *Сыдой Сыдова* (= соврем. свр. прилаг. *сыдова* изъ *сыдога или *сыдого) не только по значенію, но и *звукъ въ звукъ* долженъ былъ совпасть съ родительнымъ падежомъ *Сыдова* отъ притяжательнаго имени *Сыдовъ*. Подъ вліяніемъ *Сыдова*, и *Сыдово* могло получить свое ярко-притяжательное значеніе, въ отличіе отъ *Сыдого. Съ такой точки зрѣнія, весьма возможно, что въ цитированныхъ нами примѣрахъ: *Василій Семеновъ с. Сыдова* (1678), *Ермоля Меньшова с. Трегубова* (1616), *Лукьянъ Васильевъ с. Чернова* (1554) имена *Сыдова, Меньшова* и *Чернова* представляютъ именно родит. падежи именъ *Сыдой, Меньшой* и *Черный*, а не существит. *Сыдовъ, Меньшовъ* и *Черновъ*.

Но какъ ни правдоподобно вліяніе значенія притяжательныхъ именъ на наши патронимика, все же нѣкоторые данныя русскаго языка принуждаютъ насъ отнестись къ возможности такого вліянія съ большимъ сомнѣніемъ.

Прежде всего, и это вліяніе не объясняетъ отсутствія въ русскомъ яз. именъ на *-ю*, напр. *Сухюд, *Дурнюд, *Блаюд и т. п. Вѣдь имена *Сухово, Дурново, Благово*, прежде чѣмъ подвергнутся вліянію со стороны именъ *Суховъ, Дурновъ, Благовъ*, должны были фонетически возникнуть, по общепринятой теоріи,

изъ *Суход, *Дурнод, *Благод и т. п. А эти послѣднія, конечно, не могли уступить свое мѣсто въ языкѣ своимъ фонетическимъ дублетамъ сразу, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла. Почему же въ памятникахъ XV в. мы не только не видимъ никакой борьбы между собственными именами на -*ю* и на -*оо*, но, напротивъ, первыя, за единственнымъ исключеніемъ (да и то не совсѣмъ достовѣрнымъ), не встрѣчаются совсѣмъ? Вѣдь имена на -*оо* возникли не въ глубокой доисторической древности, а, во всякомъ случаѣ, на глазахъ недавней исторіи, и отсутствіе ихъ предковъ на -*ю* въ роли *patronymica* является непостижимымъ явленіемъ, даже если допустить широкое вліяніе на нихъ ихъ синонимовъ на -*оо*.

Но это вліяніе еще труднѣе намъ будетъ доказать, если мы обратимъ вниманіе, что и въ современномъ русскомъ и въ древнерусскомъ языкѣ есть нѣкоторыя образованія, которыя имѣютъ несомнѣнное этимологическое отношеніе къ именамъ на -*оо*, но которыхъ притяжательное значеніе нѣтъ никакой возможности объяснять вліяніемъ *patronymica* на -*оо*. Эти образованія суть слѣдующія.

1) Въ соврем. русск. языкѣ есть нарѣчіе *третьёв-дни* (Соболевскій Лекціи³ 271) «третьяго дня», рядомъ съ которымъ употребляется и его фонетическій (по обычному представленію) дублетъ *третью-дни* (Словарь Даля). Такъ какъ въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ окончаніе -*оо* нерѣдко чередуется съ окончаніемъ -*ва*, то мы можемъ возстановить нарѣчіе *третьев-дни. Какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, вторая часть этого сложнаго слова, прежде чѣмъ оно окристаллизировалось въ нарѣчіе, могла въ живой рѣчи опускаться какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Это обстоятельство, однако, не уберегло перваго члена отъ превращенія въ нарѣчіе, которое, въ сложениі съ указательнымъ мѣстоименіемъ *съ*, мы и имѣемъ, напр., въ формѣ *третьва-съ* (Мат. Изв. I 340), съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, что и нар. *третьево-дни* и *третью-дни*. Сравнивая теперь значеніе нарѣчій *третьва-съ* и *третьёв-дни* со значеніемъ нарѣчій

третьею-дми, нельзя не убѣдиться, что въ первыхъ двухъ окончанія *-ва* и *-во* имѣютъ болѣе ярко-притяжательный оттѣнокъ значенія, чѣмъ окончаніе *-ю* въ третьемъ. На живое чутье, напр., пишущаго эти строки *третьево* имѣетъ совершенно такой же оттѣнокъ значенія, что *перво* (напр. въ нар. *перво-на-перво*), а *третьева-сь* — тотъ же оттѣнокъ значенія, что *перед* (напр. въ нар. *перед* «въ первый разъ»). И каково бы ни было этимологическое происхожденіе окончаній *-во* и *-ва*, своимъ рѣзко-притяжательнымъ значеніемъ они не могли быть обязаны вліянію ратронуміса на *-овъ* уже потому, что не находились съ ними въ ассоціативной связи. А такъ какъ нельзя, все-таки, отрицать того, что окончаніе *-во* въ *третьево* этимологически тождественно съ окончаніемъ *-во* превратившихся въ собственные имена прилагательныхъ, то и семасіологическое вліяніе ратронуміса на *-овъ* на послѣдніа становится весьма сомнительнымъ.

2) Еще менѣе можно говорить о такомъ вліяніи на нарѣчія *одново* «однажды» и *однова* «однажды». Уже въ нашей диссертациі «Сложныя мѣстоименія»², стр. 146—147 мы высказали предположеніе, что эти нарѣчія представляютъ окаменѣлые Асс. и Аб отъ **одновъ*, гдѣ *-въ* того же происхожденія, что и *-въ* въ *такъ-въ*. И дѣйствительно, это предположеніе вполне подтверждается нарѣчіемъ *одновѣденъ* «въ одинъ день», которое приводитъ Д. К. Зеленинъ въ своемъ «Отчетѣ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губ.», стр. 104, и которое представляетъ сложное образованіе, аналогичное праславянскимъ **zdyňь*, **tzyňь* (ср. Сложныя мѣст.², 33, 49). Нечего и говорить, что при такой гипотезѣ какъ нельзя лучше объясняется и ярко-притяжательное значеніе нарѣчіи *одново* и *однова*, взаимное отношеніе которыхъ равняется отношенію *третьевд* и *третьева*.

Но, какъ извѣстно, въ русскомъ языкѣ рядомъ съ нарѣчіемъ *одново* употребляется и родительный падежъ *одново*, возникшій, по обычному объясненію, фонетически изъ *одново*. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ этимологическомъ тождествѣ падежа *одново* съ однозвучнымъ ему нарѣчіемъ: вѣдь значеніе послѣд-

няго «одинъ разъ», «однажды» могло легко возникнуть какъ результатъ синтаксическаго сочетанія *одново *раза*, изъ котораго и образовалось наше нарѣчіе, послѣ того какъ «*раза*» стало только подразумѣваться въ живой рѣчи, но не произносится. Но если родительный падежъ *одново* въ одно и то же время этимологически тождественъ и съ нарѣчіями *одново* и *однова* (а, слѣдовательно, и съ числительнымъ *одново) и родительнымъ падежемъ *одною*, то приверженцы фонетическаго происхожденія его окончанія -во должны будутъ логически заключить, что и ф. *одново* и *одново фонетически возникли изъ *однога и *однога (ср. дцл. *многъ*). Но съ такимъ абсурдомъ, конечно, не согласится ни одинъ изъ нихъ. А если такъ, то имъ не остается другого исхода, какъ допустить, что не только нарѣчіе *одново*, но и падежъ *одново* этимологически независимъ отъ падежа *одною* или въ лучшемъ случаѣ только параллеленъ ему (какъ, вѣроятно, параллельны другъ другу и *одново и *многа*). Этимологическое тождество окончанія -во формы родительнаго падежа съ притяжат. суфф. -во теперь весьма просто объяснить намъ, почему родительные падежи *одново* и *однова* окаменѣли въ нарѣчія, но не *одною* и *однога (ср. дцл. род. пад. *многа* отъ *многъ*): очевидно, еще во второй половинѣ XIV в. (къ которой относятся первые въ памятникахъ примѣры нарѣчія *одново*, ср. наши Сложныя мѣстоименія² 120) окончанія -во и -ва рѣзко отличались отъ окончанія -ю ярко-притяжательнымъ характеромъ своего значенія.

Это наблюденіе вполне совпадаетъ съ тѣмъ, которое мы сдѣлали относительно значенія: *дурново*, *сухово*, *благово* и т. п. прилагательныхъ XV в. Мы видѣли выше, что ихъ окончаніе -во имѣло болѣе яркое притяжательное значеніе, чѣмъ окончаніе -ю: вѣдь иначе совершенно непонятно, почему не возникли отчества и изъ формъ, напр., *дурною*, *сухомо*, *благою* и т. п. И нѣтъ ничего удивительнаго въ совпаденіи этихъ двухъ выводовъ: вѣдь окончаніе -во род. пад. *одново*, во всякомъ случаѣ, тождественно съ тѣмъ же окончаніемъ -во прилагательныхъ. А если такъ, то выводъ объ этимологической независимости формы *одново* въ

отношеніи *одного* приходится повторить и относительно такой же этимологической независимости формъ *дурново* и *дурного*, *сухово* и *сухого*, *благово* и *благого* и т. д. А это значитъ, что не только окончанія *одново* и *однова*, *третьево* и *третьева*, но и окончанія *дурново*, *сухово*, *благово* находятся въ ближайшемъ этимологическомъ родствѣ съ притяжательнымъ суффиксомъ *-овъ*.

А если такъ, то не представляется никакой необходимости объяснять отсутствіе въ памятникахъ именъ *Дурного, *Сухого, *Благого и т. п. тѣмъ, что лишь ихъ «фонетическіе» дублиеты могли подвергнуться вліянію притяжательныхъ (въ частности, патронимическихъ) именъ *Дурновъ*, *Суховъ*, *Благовъ*. *Формы род. пад. дурново, сухово, благово и т. п. не нуждались въ такомъ вліяніи, такъ какъ ихъ окончаніе -во въ концѣ XV в. еще сохраняло реминисценцію о своемъ этимологическомъ родствѣ съ суффиксомъ -овъ, притяжательное значеніе котораго и было причиной преобразованія ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ патронимическія имена.* Напротивъ, родительные падежи на *-ю* не превратились въ *ратропушіса* потому, что ихъ окончаніе не имѣло никакихъ точекъ соприкосновенія съ этимъ суффиксомъ.

Отсюда слѣдуетъ, что имена *Дурново*, *Сухово*, *Благово* и т. п. находятся въ ближайшей этимологической связи съ именами *Дурновъ*, *Суховъ*, *Благовъ* и т. п.¹⁾, и это даже въ томъ случаѣ, если послѣднія получили свой суффиксъ *-овъ* по аналогіи другихъ притяжательныхъ именъ (хотя бы христіанскихъ) на *-овъ*. Вѣдь для даннаго вопроса важно не то, получили ли имена *Дурновъ*, *Суховъ*, *Благовъ* и т. п. свое *-овъ* отъ другихъ именъ, или нѣтъ, а то, какова его этимологія. А этимологія эта, безъ сомнѣнія, та же, что и этимологія указательнаго мѣстоименія *овъ, которое возникло изъ индо-европейскаго сложнаго мѣстоименія **o-uo-*. *Вторая часть этого мѣстоименія, во всякомъ случаѣ, и содер-*

1) А, слѣдовательно, и сввр. род. падежи: *дурнова*, *сухова*, *благова* и т. п. этимологически тождественны съ *Дурнова*, *Сухова*, *Благова*, — родительными падежами отъ *Дурновъ*, *Суховъ*, *Благовъ* и т. п.

жится какъ въ *Дурново*, *Сухово*, *Благово* и т. п., такъ и въ хронологически почти одновременныхъ съ ними *Дурново*, *Сухово*, *Благово* и т. п.

На этомъ мы и могли бы окончить нашу статью. Но мы не можемъ, однако, въ заключеніе ея, не обратить вниманіе нашихъ читателей на то, что ея выводъ вполне совпадаетъ съ тѣмъ, къ которому мы, между прочимъ, пришли въ нашей диссертациі «Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго падежа ед. ч. муж. и ср. рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ» (2 изд., М. 1905). Но въ то время какъ тамъ наши разысканія исходили, главнымъ образомъ, изъ *мѣстоименій*, здѣсь они исходятъ изъ *прилагательныхъ*; въ то время какъ тамъ мы начинали наше изслѣдованіе съ *праславянскаго* языка, здѣсь—съ *русскаго*; и въ то время какъ тамъ нашимъ матеріаломъ, *главнымъ образомъ*, были *морфологическія* данныя, здѣсь—*семасіологическія*. И если не смотря на такое различіе исходныхъ пунктовъ изслѣдованія, наши выводы и въ томъ и въ другомъ случаѣ оказываются одни и тѣ же, то въ этомъ мы видимъ лишь новое доказательство вѣрности основной точки зрѣнія нашей книги.

И если, не смотря на это, морфологическая теорія, для многихъ изъ нашихъ читателей, и впредь будетъ имѣть не мало трудностей, то эти трудности не столько логическаго характера, сколько *психологическаго*, — тѣ самыя, о которыхъ говоритъ блаж. Августинъ въ словахъ: «Не потому не рѣшаемся, что трудно, а потому трудно, что не рѣшаемся» . . .

Г. Ильинскій.

Охридское Евангеліе.

Къ числу древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ относится такъ называемое Охридское Евангеліе. Это собственно лишь 1½ листа: одинъ листъ сохранившійся цѣликомъ, другой въ обрѣзанномъ видѣ (по вертикальному направленію).

Отрывокъ этотъ найденъ былъ Григоровичемъ въ Охридѣ, а изданъ былъ Срезневскимъ, въ его «Древнихъ глаголическихъ памятникахъ» (Спб. 66, въ «Приложеніяхъ» былъ данъ образецъ письма), въ глаголической и кирилловской транскрипціи. Затѣмъ Гейтлеръ, въ своемъ трудѣ «Die albanesischen und slavischen Schriften (Wien 83) далъ снимки съ сохранившагося листа (съ одной страницы снимокъ фототипическій, съ другой — цинкографическій).

Уже сличеніе текста въ изданіи Срезневскаго со снимками при трудѣ Гейтлера могло убѣдить въ томъ, что текстъ изданъ Срезневскимъ съ довольно крупными ошибками. Впрочемъ, полного сличенія произвести нельзя относительно сохранившагося листа, такъ какъ въ снимкахъ Гейтлера многого разобрать совершенно невозможно.

Являлась необходимость сличенія изданнаго съ рукописью. Это сличеніе съ рукописью (послѣдняя находится въ настоящее время въ библиотекѣ Новороссійскаго Университета) и убѣдило меня въ необходимости новаго изданія памятника. Оказалось также, что снимки при трудѣ Гейтлера не могутъ считаться

вполнѣ удачными: то, что вполнѣ ясно во многихъ мѣстахъ въ рукописи, совершенно невидно на снимкахъ.

Сначала издаю текстъ цѣльнаго листа (Отъ Іоан. III 30—33 ХХ 19—31 II 1—7):

1) 1. нѣ

2) 2. сѣми сѣми естъ· сжи отъ зем^а· отъ зем^а

3. естъ· ї отъ зем^{га} глѣтъ· гргаджи съ нбсе· на

4. дѣ всѣми естъ· еже видѣ ї слыша· се съ

5. вѣдѣтельствуесть· ї съвѣдѣтельство

6. его· никътоже не прием^етъ· приемъ его

7. съвѣдѣтельство запечатьгѣ· ѣко бѣ ї

8. стиненъ естъ· ❦

9. ВЪ НОВѢ НЕІ^ѣ·:ѢЖЕ ПО ПАСТѢ О ІОА ГЛА СІВ

10. Сжици поздѣ въ тѣ день въ единѣ сѣботѣ

11. ї двѣремъ заренамъ· идеже бѣхъ оучи^{сн} с

12. бѣрани за страхъ їюдѣйскъ· приде їс

13. ї ста по срѣдѣ· ї гла ниѣ· миръ вамъ· ї

14. рекъ· показа їмъ рѣцѣ ї носѣ· ї ребра св

15. възрадоваша же сѣга оученцѣ· вѣдѣвъше гд

16. рече їмъ пакы· миръ вамъ· ѣко же посла

17. оѣбѣ· ї азъ послыѣхъ вы· ї се рекъ доуноу· ї г

18. имъ· приимѣте дѣхъ стѣ· ї ѣмъ же отъпоуст

19. те грѣхы· отъпоустатъсѣга вамъ· ї їмъ

20. дръжите· дръжатъсѣга· тома же единъ· о

21. обою на десгате· нарицаемъи близнец

22. не бѣ съ нами· егда приде їсъ глахъ же

1) Послѣ нѣ видны нѣкоторые отдѣльныя буквы: м, и, ис, гр., соотвѣтственно предполагаемому тексту: нѣ (т. е. мнѣ) мнѣнѣсѣа гргадѣн сѣгѣннѣи нѣдѣ всѣмн... Долженъ замѣтить, что ѣ замѣняется въ приводимыхъ текстахъ глаг. Ф, а ї (или І) — глаг. Ф. Вышло это въ силу послѣдовательно сдѣланнаго такъ набора, мѣнять наковой я не считалъ бы особенно важнымъ

2) въ замѣнѣ и дальш. ставимъ а надъ м, такъ какъ здѣсь лигатура, дагѣе, въ б строкѣ, лигатуру те, соотвѣтственно характеру ея написанія, изображаемъ въ строчку.

23. друзѣи оученици· видѣхомъ гѣ· онъ же
24. че ѣмъ· аще не виждѣ на рѣкоу его ѣзвъ
25. здѣныга· ѣ въложѣ прѣстъ мой въ ѣ
26. звѣ гвоздинѣѣ ѣ въложѣ рѣкѣѣ

Оборотъ.

1. вамъ омы гла томѣ· прѣнеси
2. стѣ твой сѣмо· ѣ виждѣ рѣцѣ моѣ· ѣ
3. прѣнеси рѣкѣ твоѣ· ѣ выложи въ ребра моѣ·
4. ѣ не бѣди невѣренъ· нѣ вѣренъ· отъвѣща
- 1) 5. тома· ѣ рече емоу· гѣ мой бѣ моѣ· гла емоу
6. ѣсѣ· ѣко видѣвъ мѣга вѣрова· блажени
7. невѣдѣвъшеѣ· ѣ вѣровавъшеѣ· мѣнога
8. же ѣ ина знаменѣ сътвори ѣсѣ· прѣдѣ
9. оученикѣ свои· ѣже не сѣтъ пѣсана·
10. въ кѣнигахѣ сѣхѣ· сѣ же пѣсана бышѣга.
11. да вѣрѣжѣ имете· ѣко ѣ се естѣ· сѣнѣ бѣжѣ· да
12. вѣроуѣжѣще· животѣ вѣчѣный ѣмате· въ ѣ
13. мѣга его
14. ВѢ ПО: А НѢ: ЕВА О ЙОА ГЛА ІХ
15. Вѣ о·но· бракѣ бышѣа· въ кана галилѣѣѣ
16. стѣѣ· ѣ бѣ матѣ ѣсѣа тоу· зѣванъ же бы
17. стѣ ѣсѣ· ѣ оученици его· на бракѣ· ѣ не
18. доставѣшѣю виноу· гла матѣ ѣсѣа къ не
19. моу· вина не имѣтъ· ѣ гла ѣсѣ· чѣто естѣ
20. мѣнѣ ѣ тебѣ ·но· не оу прѣде годѣна моѣ·
21. гла мѣти его слоугамѣ· еже аще гѣлетѣ ва
- 2) 22. ѣ сътворите· бѣ же тоу водоносѣ камѣ

1) р в рчи почти совсѣмъ уже невидно. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ другихъ буквѣхъ и слогахъ, которыя, очевидно, раньше, какъ показываеѣтъ транскрипція Срезневскаго, были видны, напр., 1 строка обор.: ѣмъ мѣрѣ вамѣ по(т)ома гла....., или 23 строка: омы же рѣ

2) Уже не видно м: вамѣ.

- 1) 23. ъ шесть ѿ по очищенію людѣскоу лежѣа
 24. вѣмѣстащѣ по двѣма ли по тремъ
 25. мѣрамъ гла ѿмъ ѿсѣ наплѣните водо
 26. воды ѿ наплѣниша га до връха
 2) 27. ынѣ ѿ принесѣ

Въ изданіи Срезневскаго, неговоря уже о неправильномъ выполненіи палеографическихъ особенностей (напр., надстрочный знакъ точка, которой вовсе здѣсь нѣтъ, вмѣсто полукруглаго значка), можно видѣть такія, напримѣръ, ошибки, какъ 14 ествъ, 9 БЪ, ПѢД, ѿа, 10 дѣнь, 12 врани, 14 нозѣ, 17 доука, 21 нарицаемъ; на оборотѣ: 14 БЪ П ПѢД, 16—17 вѣствъ. Въ 124 скорѣе, по моему, ржкоу, а не ржж. Ср., 26 гвоздинж, а не — жж.

2-й листъ на половину обрѣзанный (отъ Лук. XXIV 19—35
 Іоан. I 35—42):

1. ѿ
2. сѣми людми
3. ѿ князи на
4. распа и мы же на
5. хотѣа ѿзбавити ѿз
6. сѣми третѣи съ д
7. етеры отъ насъ. оуж
8. равно оу гроба и не обр
9. дж глаща ѿ ѿвление
10. глажтъ ѿ жива ѿ и
11. гробоу ѿ обрѣтоу та
12. самого же не видѣт
- 3) 13. разоумѣнаа и моудѣ

1) Уже не видно н: камѣня; ш: лежѣащѣ.

2) Т. е. кнѣзь; слѣдующую строчку нельзя разобрать. У Срезневскаго разобраны послѣднія слова: . . . нѣскѣ ꙗко.

3) У Срезневскаго: разоумѣнаа и моудѣ.

- 1) 14. отъ всѣхъ ѣже глѣш
 15. бааше пострадади
 16. своѣ и наченъ отъ
 17. съказааше ѣма вотъ
 2) 18. бѣахъ о немъ
 19. в же идѣшете
 20. ити и нѣждашете ѣ
 21. ѣко при вечерѣ ест
 22. юже день и вѣнид
 23. стъ ѣко възлеже
 24. бѣ съ и прѣломъ
 25. ^{сте}_{сѣ} очн и познаете
 26. ѣ рѣсте къ себѣ и
 27. да глааше къ на

Оборотъ.

1. на десѣте
 2. ѣ вѣисти
 3. сѣа сѣмоноу и та
 4. шѣа на пѣти и ѣко
 5. рѣломленнѣ хлѣбоу
 6. ѣе
 7. ѣ и отъ оученикъ его
 8. а ходѣаща и гла се
 9. ѣшасте ѣ оба оученикѣ
 10. обраць же сѣа ѣсѣ
 11. идѣща гла ѣма че
 12. те емоу равви еже
 13. ло оучителю кѣде
 14. придѣта и видѣта

1) У Срезневскаго: глѣшѣа.

2) У Срезневскаго: о немъ.

Извѣстїа II отд. Н. А. Н., т. XI (1906), кн. 4.

15. те кѣде живѣше
16. енетъ· бѣ же година
17. андрѣа братръ само
18. ою слышавшкю
19. ѡша. обрѣте съ прѣ
20. имона· ѣ гла емоу
21. еже есть съказаемо
22.   възърѣвъ
23.   сѣ по

По общему облику буквенныхъ начертаній Охридское Евангеліе нѣсколько болѣе угловато, чѣмъ Сборникъ Клоца (что особенно замѣчается на начертаніяхъ ѣ и ѡ), въ начертаніяхъ нѣкоторыхъ буквъ оно приближается къ Син. Псалтыри (и, ѣ, ѡ и др.). И отдѣльныя буквенныя начертанія могли бы свидѣтельствовать о глубокой древности памятника или, по крайней мѣрѣ о заимствованіи, сохраненіи нѣкоторыхъ чертъ этой древности: здѣсь употребляется только ѡ (никакого смѣшенія ѡ и ѡ, какъ то находимъ у Срезневскаго, 89, здѣсь нѣтъ); ѣ — большое двѣ поперечныя черточки; т и ш пишутся нѣсколько менѣе другихъ буквъ; особенно также замѣчательно начертаніе ѡ, которое, какъ намъ кажется, ясно показываетъ образованіе этой буквы изъ вязи ш и т, причѣмъ въ этой вязи удержана лишь одна половина т, подписанная подъ ш съ краю; въ ѡ, такимъ образомъ, упрощенная лигатура, какъ, напримѣръ, въ жи (ѣ подъ ж, причѣмъ не писалась нижняя часть ѣ).

Но, съ другой стороны, есть палеографическія черты, которыя говорятъ о своемъ позднѣйшемъ происхожденіи и эти черты такого характера, что указываютъ на случайность сохраненія первыхъ чертъ—какъ остатковъ болѣе глубокой древности. Такъ: кромѣ титла, употребляющійся надстрочный значекъ главнымъ образомъ имѣетъ полукруглую форму, т. е. позднѣйшую, ставится онъ непослѣдовательно, преимущественно на ѣ; ѣ употребляется лишь 3 раза въ значеніи числительнаго—

въ заголовочныхъ написаніяхъ; въ постепенномъ исчезновеніи употребленія *ї* можно провести аналогію къ тому, что находимъ отчасти также въ Ассемановомъ Ев., а затѣмъ особенно въ хорватской глаголицѣ; вмѣсто союза *ї* другихъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ ставится главнымъ образомъ *и* и отчасти *и*, причемъ въ употребленіи этихъ послѣднихъ начертаній не соблюдается послѣдовательность (за исключеніемъ соединеній *и*, *и*); *мои*, *мои*, *имъ*, *имъ*, *миръ*, *миръ* и пр.; начертаніе *ъ*, пріобрѣтая вообще характеръ позднѣйшій, дѣлается мѣстами (напр., 17) очень близкимъ къ *ь*, такимъ образомъ мы видимъ здѣсь какъ бы періодъ, предшествовавшій сліянію этихъ начертаній въ одно, что, какъ увидимъ, подтверждаетъ и языкъ памятника; вторая часть *ъ* и *ь*, большая, придаетъ этимъ начертаніямъ сходство съ позднѣйшими хорватскими: она уже болѣе четырехугольна.

Нужно замѣтить также, что въ общемъ письмо выдерживающее характеръ нѣкоторой угловатости не говоритъ непременно о преимущественной древности памятника: здѣсь могли оказывать вліяніе и частныя условія—почеркъ и орудіе письма.

Къ явленіямъ позднѣйшаго времени я бы отнесъ и написаніе *т* въ видѣ латинскаго или кирилловскаго (пастѣ 19) и не считалъ бы это начертаніе, вслѣдъ за Гейтлеромъ (90), древнѣйшимъ маюскульнымъ.

Въ языкѣ памятника поражаетъ прежде всего нѣкоторая нечувствительность къ различенію *ъ* и *ь*. Это сказывается въ такихъ случаяхъ: *въ ноѣж* 19, *дѣнь* 110 (въ *тъ дѣнь*), *въ зардоваша* 115, *въложи* 1 об. 8 (въ *ложж* 126), *въ оно* 1 об. 16, *въ По* 1 об. 14. Для подобныхъ примѣровъ нельзя подыскать такого закона, какъ въ другихъ случаяхъ: *въ мѣсташъ* 1 об. 25 (хотя въ *ѣзеж* 125—26), *въ ревра* 1 об. 8, *въ единж* 110, *дѣтѣма* 1 об. 25. Затѣмъ: *виждъ* 1 об. 2, *стъ* (очевидно изъ *вѣсть* II 28) и такіе случаи: *дѣтрѣмъ* 111, *дръжите* 120, *дръжятъ* 120, *прѣстъ* 125. Въ послѣднихъ примѣрахъ могла быть слогаобразующая. Слѣдовательно, замѣченная нечувствительность косну-

лась прежде всего въ, въ чемъ могло сказаться вліяніе самой согласной в. Въ словѣ с|върани 1 11—12 ъ могло уже совсѣмъ не произноситься, почему и выпущено.

Мы видимъ въ Охридскомъ Евангеліи замѣну ж—у (замѣна ѡ—ѣ видна уже изъ приведеннаго выше примѣра: дѣмъ или подобные: вѣрѣнъ 1 об. 4); оверѣтоу 1 11, доуноу 1 17 (вм. доуѣ);— замѣну ѡж — ж: геоздинѣж 1 26; ж — ѣ: сѣи 1 1, грядѣи 1 2. Совокупность этихъ замѣнъ могла бы свидѣтельствовать о традиціонномъ лишь употребленіи ж.

Мы видимъ также смѣшанность употребленія з и с: къмази 1 18, друѣзи 1 23; нозѣ 1 14; разныхъ формъ имперфекта II 15, 19, 20.

Если въ такомъ небольшомъ памятникѣ мы открываемъ черты сильной непоследовательности, то можно судить о тѣхъ разнообразныхъ наслоеніяхъ, которыя могли бы оказаться на другихъ несохранившихся листахъ.

По нашему мнѣнію, листки Охридскаго Евангелія нужно поставить по времени происхожденія ниже не только Зограф. и Мар. Ев., но и Ассеманова.

Н. К. Грунскій.

Изъ исторіи русской драмы.

Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ.

Открытие и изданіе текста «Дѣйствія о князѣ Петрѣ Златыхъ ключахъ и о прекрасной королеви Магиленѣ Неаполитанской»¹⁾ увеличило весьма интереснымъ номеромъ извѣстную до сихъ поръ группу драматическихъ обработокъ романическихъ сюжетовъ, — обработокъ, относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка, — и даетъ намъ случай опять обратиться къ наблюденію и изученію литературныхъ приемовъ драматурговъ того времени.

I.

«Дѣйствіе о князѣ Петрѣ» представляетъ собой драматизацію извѣстнаго, бывшаго въ свое время въ высшей степени популярнымъ, французскаго романа о Петрѣ графѣ Прованскомъ и Магелонѣ, принцессѣ Неаполитанской. Оригиналъ романа возникъ въ половинѣ XV столѣтія. Къ этому столѣтію относятся три хранящіяся въ Парижской *Bibliothèque National* рукописи

---

1) Г. Георгіевскій, Двѣ драмы Петровскаго времени, Изв. II отд. Ак. Н., т. X, кн. 1, стр. 215 и слѣд.

романа¹⁾: 1) Fond Français № 1501: первую часть рукописи составляет *Le roman de Troyle* (par Beauveau Seneschal d'Anjou), вторую—романъ о Петръ и Магелонѣ, безъ заглавія, начинающійся (листь 117): *Apré lascencion de nre Seigneur Ihucrist quant la sainte foy catholicque eust commencie a flourir es parties de Galice en ung pays nomme provence Languedoc Guyenne... y auoit ung noble conte... qui se nommoit messire Iehan de Cherisse. Ce auoit pour femme une moult noble dame q' se nommoit madame... qui estoit fille du conte Alvaro Dalboro.* 2) Fond français № 1502, безъ начала, но въ концѣ дающій заглавіе (листь 66): *Cy fine le liure de Pierre fils du conte de Prouence et de la belle Maguelonne fille du roy de Naples.* 3) Fond français № 19167 (ancien Saint-Germain № 1673): первую часть рукописи составляет *Listoir de la belle Helayne de Constantinnoble, goune dangleterre mere de monseigneur Saint-Martin etc.* (безъ начала; листы 1—104); вторую часть — *Le Romant de Parthenay ou le romant de Lusignan, ou... l'histoire de Meluzine fille du roy Helynas d'Albanie* (листы 106—243; въ стихахъ); наконецъ третью — *Romant de Pierre de Provence et de la belle Maguelonne de Naples* (листы 244—303); начало: *Aprés lascencion de Nostre Seigneur Ihus Crist quant la sainte foy catholique eust commence a flourir es parties de Galilee (sic) etc.* Конецъ: *Cy fine listoire de la Belle Maguellone de Napples et de son loyal amy le noble Pierre de Provence.*

Романъ о Петръ и Магелонѣ получилъ самое широкое распространеніе. Ioh. Bolte²⁾ отмѣчаетъ около двухсотъ изданій этого романа — по-французски, по-нѣмецки, по-испански, по-

---

1) Catalogue des manuscrits français, t. I, ancien fonds, Paris 1868, pp. 286, 237 (№№ 1501, 1502) и Catalogue général des manuscrits français, par Henri Omont; Ancien Saint-Germain Français, I, Paris 1898, № 19167 (старый № 1673)

2) Die schöne Magelone, aus dem Französischen übersetzt von Veit Warbeck. 1527. Nach Originalhandschrift herausgegeben von Iohannes Bolte. Weimar 1894. (Bibliothek älterer deutscher Uebersetzungen, herausgegeben von August Sauer, № 1). Einleitung, S. LVI—LXVI.

ДАТСКИ, ПО-ИТАЛЬЯНСКИ, ПО-НОВОГРЕЧЕСКИ, ПО-ЧЕШСКИ, ПО-ПОЛЬСКИ
И Т. Д.

Въ Collection de poésies, romans, chroniques etc. publiée d'après d'anciens manuscrits et d'après des éditions des XV et XVI siècles, Paris, Silvestre, безъ года (1845), A. Veinant напечаталъ *Listoyre de Pierre de Provence et de la belle Maguelonne* (Bibliothèque National, inv. reserve Y³ 1,462) съ такимъ объяснительнымъ послѣсловіемъ:

Il est peu de romans anciens qui aient été aussi souvent réimprimés que celui de *Pierre de Provence*; il en est peu qu' autant de fois on ait *mis en meilleur langage que précédemment*. Tombé depuis longtemps dans le domaine des éditeurs de la *Bibliothèque bleue* on lui a successivement fait subir des mutilations qui l'ont, pour ainsi dire, rendu méconnaissable en lui enlevant sa gracieuse originalité et surtout cette naiveté de style qui était son principal mérite.

Si ce roman ainsi remanié et rajeuni convient aux habitants des campagnes, il est moins que rien pour le bibliophile éclairé qui recherche avant tout le texte primitif d'un vieux livre. A la vérité, l'occasion d'acquérir un bon texte du *Pierre de Provence* se présente rarement aujourd'hui. Cette nouvelle édition a pour objet de remédier à cette inconvénient.

L'époque à laquelle fut mis en oeuvre cette agréable fiction n'étant pas fort ancienne, puisqu'elle se rapproche de 1450, il en existe très-peu de manuscrits contemporains; aussi les éditions du XV siècle sont-elles les seuls matériaux dont nous ayons pu disposer pour atteindre le but que nous nous proposons, celui de reproduire un texte aussi original que possible. L'édition infiniment précieuse qu'on suppose avoir été imprimée à Lyon, vers 1478, par Barthélemy Buyer, nous a paru laisser le moins à désirer sous ce rapport, et dès lors nous avons dû la prendre pour base de notre travail; toutefois l'édition en 37 ou 38 feuillets qui fut publiée à Lyon par Guillaume Le Roy n'a pas tou-

jours été vainement consultée, car cette précitée, offre neanmoins des variantes que nous avons parfois mises à profits.

Романъ начинается такъ: Au nom de Notre Seigneur Ihesu Crist cy commence listoyre du vaillant chevalier Pierre filz du comte de Provence et de la belle Maguelonne fille du roy de Naples. . . . mis en cesluy lengaige lan mil cccliii en la maniere qui sensuyt. И затѣмъ слѣдуетъ самая «исторія»: Apres l'ascension de Notre Seigneur Ihesu Crist quant la saincte foy catholique commença de regner es parties de Gaule qui maintenant est appelée France et au pays de provence de Languedoc et de Guienne il y auoit lors en provence ung noble comte nomme messire Iehan de Cerese et auoit a femme la fille du conte Aluaro Darbara etc.

Печатныя французскія изданія романа о Петрѣ и Магелонѣ, относящіяся къ XV вѣку, нѣсколько отличаются отъ рукописныхъ текстовъ только по языку.

Напечатанный Bolte нѣмецкій переводъ Варбекка, 1527 года, въ общемъ весьма близокъ къ подлиннику и представляетъ лишь незначительныя отклоненія отъ французскаго оригинала¹⁾. Переводъ этотъ былъ проводникомъ романа о Петрѣ и Магелонѣ на скандинавскій сѣверъ и къ славянамъ; уже въ 1565 г. явился въ Прагѣ чешскій переводъ, который къ концу XVI вѣка перешелъ и въ Польшу. Новѣйшія польскія изданія примыкаютъ непосредственно къ нѣмецкому тексту²⁾.

Отъ поляковъ, говоритъ Bolte, слѣдуя Галахову (Исторія русс. слов.) и Reinholdt'у (Gesch. d. rus. Litteratur 1886, S. 42, 209), — романъ перешелъ въ XVII столѣтіи, въ сокращенномъ видѣ, въ Россію.

Послѣднее замѣчаніе съ одной стороны находитъ себѣ подтвержденіе въ удержавшихся въ русскомъ переводѣ полонизмахъ: застать (=сдѣлаться), шурмованіе, зажить (=приобрѣ-

1) Bolte, op. cit. Einleitung, S. XLVI—XLIX.

2) Bolte, Ibid., LV.

сти) и др., — съ другой нуждается въ оговоркѣ: сличеніе русскаго рукописнаго текста съ французскимъ оригиналомъ и нѣмецкимъ переводомъ Варбекка (чешскихъ и польскихъ переводовъ до сихъ поръ я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и для сужденія о нихъ долженъ довольствоваться приведеннымъ выше замѣчаніемъ Bolte о зависимости ихъ отъ нѣмецкаго перевода) обнаруживаетъ, что русскій переводъ, напротивъ, вообще очень близокъ къ подлиннику; исключеніе составляютъ немногія мѣста, гдѣ въ русскомъ текстѣ кое-что съ одной стороны, дѣйствительно, сокращено или даже выпущено, именно: о дружбѣ Петра и Генриха (*Bolte*, стр. 9), сонъ Магелоны (*ib.*, стр. 18—19), о встрѣчѣ Петра съ своимъ родственникомъ Яковомъ Прованскимъ (*ib.*, стр. 32—34) нѣкот. др., — съ другой стороны зато, наоборотъ, являются распространенія, вставки; такъ, въ русскомъ переводѣ гораздо пространнѣе, съ дополненіями, изложено начало II главы (срв. *Bolte*, стр. 4 и рукоп. Публич. Библ. Q. XVII № 172, л. 20, Q. XV. № 76, л. 1), начало V главы (срв. *Bolte*, стр. 10 и рукоп. Q. XVII. № 172, л. 25, Q. XV. № 76, л. 5), начало главы XXII (срв. *Bolte*, стр. 54 и Q. XVII, № 172, л. 42, Q. XV. № 76, л. 19 обор.); въ III главѣ вставлены плачь и причитанія матери Петра при разлукѣ съ сыномъ (срв. *Bolte*, стр. 6 и Q. XVII № 172 лл. 22 обор. — 23, Q. XV. № 76 лл. 2 обор.—3 обор.); въ IV главѣ вставлены упражненія Петра съ копьемъ передъ турниромъ въ Неаполѣ (срв. *Bolte*, стр. 8 и рук. Q. XVII. № 172, л. 24, Q. XV. № 76, л. 4).

Окончаніе романа въ русскомъ переводѣ видоизмѣнено, дополнено: глава XXX нѣмецкаго перевода (*Bolte*, стр. 71) оканчивается встрѣчей Петра съ родителями въ госпиталѣ Магелоны; глава XXXI (*Bolte*, стр. 71—72) говоритъ о томъ, «Wie das Geschreye ward durch das gantze Landt Prouincia, wie der Peter were widder heym kommen, vnd wie sie ein Fest hielten XIII Tage lang», а глава XXXII, послѣдняя (*Bolte*, 72—73), — «Wie nach disem ehelichenn Beylager der Graff vnd die Greffin lebten X Iar vnd starben darnach»; въ русскомъ переводѣ (см.

Рукоп. Румянцев. Муз. № 2746, лл. 36—38) рассказывается о посольствѣ къ неаполитанскому королю, къ турецкому султану, о прибытіи турецкаго посла и проч.; въ концѣ — прибавка о сынѣ Петра и Магилены (таже рукопись, л. 39; см. ниже).

Собственныя имена въ русскомъ переводѣ частью измѣнены (Волгвангъ вмѣсто Jehan de Cereze, Johan Cereze, Арменія — вмѣсто Rommenie, Romandia), частью искажены (Андрей Скрыня — Fergier de la Couronne, Fridrich von der Krone, Ерандлацъ — Lancelot von Valois и т. п.); нѣкоторыя имена прибавлены: Петрония, мать Петра (въ подлинникѣ имени ея не названо), Рыгандусъ, Потанціана и др. Въ подлинникѣ у Петра на племѣ «deux clefz d'argent», въ нѣмецкомъ переводѣ — «zwey silbern Schlusself».

Фабула романа — по изслѣдованіямъ F. H. v. d. Hagen'a, W. v. Tettau, Al. d'Ancona, Giuseppe Rua и др., восточнаго происхожденія¹⁾ — привлекала вниманіе писателей, почему и появились ея обработки въ другихъ формахъ:

Въ 1517 году Clement Marot пишетъ *Epistre: Maguelonne à son amy Pierre de Provence*²⁾, и вкратцѣ александрійскими стихами, передаетъ содержаніе романа.

Отмѣчаемый у Bolte «Ballet du mariage de Pierre de Provence et de la belle Maguelonne, dansé par son Altesse Royale dans la ville de Tours». . . Paris, chez Cardin Besogne, 1638, не имѣетъ однако съ романомъ почти ничего общаго, кромѣ имени (см. Bibl. Nation., inventaire Y f., 868).

Лопе де Вега даетъ драматическую обработку того же сюжета въ комедіи Los tres diamantes (Comedias, vol. 2).

Явившійся въ 1527 г. нѣмецкій переводъ, исполненный В. Варбеккомъ, вызвалъ нѣмецкія драматическія обработки сюжета. Такихъ обработокъ извѣстно три:

1) Bolte, op. cit., Einleitung, XII.

2) Oeuvres de C. Marot de Cahors valet de chambre du roy. Edition revue sur celle de 1544, notice par Benjamin Pifteau, Paris, Delarue, t. I, p. 119—126.

а) *Historia Mageloniae*. Spiel weiss in deutsche reimlein gebracht, durch einen studenten. In Weimar, 1539. Hugo Holstein, представившій анализъ этой драмы, замѣчаетъ: Immerhin ist das Drama des unbekanntnen Verfassers als ein beachtenswertes Erzeugniss aus der ersten Zeit der dramatischen Litteratur des 16 Jahrhunderts anzusehen ¹⁾. Въ драмѣ, раздѣленной на 5 актовъ, всего 12 сценъ. Драматическая обработка близка къ переводу Варбекка, отсюда — мѣста, приблизительно сходныя съ русской драмой о Петрѣ и Магиленѣ; однако постоянно наблюдающіяся, при сравненіи нѣмецкаго текста съ русскимъ, различія не позволяютъ признать вліянія, по крайней мѣрѣ непосредственнаго, на русскую драму этой нѣмецкой драмы. Такъ, въ нѣмецкой драмѣ нѣтъ антипролога съ Купидономъ, Завистью и Венерой, а произноситъ веселый прологъ («prologium recitat») Morio praecursor:

Gluck ins haus vnd vngluck hinaus,
Hier lebt man warlich recht im sauss etc.

Затѣмъ шутъ сообщаетъ:

Es ist ein zuchtig Christlich spiel. и проч.

Въ единственной сценѣ I акта графъ Johan Cerise благодаритъ Бога за разныя милости, особенно за то, что ему Онъ даровалъ скромную жену и сына, составляющаго его радость и счастье.

Es lust mich doch im herzcen mein,
O got, wie ists so ein gross gab,
Wann einer doch mag kinder hab,
Gezirt mit künst vnd tugenden,
Die willig folgen auch den Eltern.

---

1) Н. Holstein, Veit Warbeck und das Drama von der schönen Magelone (Zeitschrift für deutsche Philologie, В. XVIII, Heft 1, Halle 1886, S. 186—210), стр. 205. Экземпляръ изданія 1539 года хранится въ мюнхенской Staats-Bibliothek (Р. о. germ. 109), которымъ я и пользовался.

Петръ рѣшается ѣхать искать Магелону и добиваться ея любви:

Ich hab gehört von der Magelon,
Wie sie sol sein so mercklich schon,
So mercklich schön wie ein Christal,
Vnd ihr kain Jungfrau gleich sein sol,
Ihr Vater kunig zu Neapolis ist
Und helt Tornier zu aller frist.

Онъ просить родителей отпустить его постранствовать по свѣту, потому что

Wilcher nimmer kummet auss,
Der ist gleich wie ein stadhmaus,
Auch lernt der keine sitten nicht...

Графъ и графиня пытаются отклонить сына отъ его намѣренія; но тотъ настаиваетъ:

Her vater vnd frau mutter mein,
Bit abermals, wan es kundt sein,
Wolt mir Erlauben ein kleine zeit,
Ich wil nicht reisen fast weit,
Vorwar eim jungen gesellen kan
Auff erden nichts bessers widerfaren,
Dan das ehr land vnd leut beseh,
Wie es auch in landt zugehet.
Ihr wist, liber her Vater mein,
Wer nihe ausquam, der quam nihe heim,
Der lernet nichts, das ist ihe war,
Sundern vordirbt mit haut und har,
Der unter die leut nicht kumet auss
Der ligt doheim wie ein schneck im hauss.

Родители наконецъ соглашаются и отпускаютъ сына, неказавъ бояться Бога, избѣгать дурныхъ людей:

Khum auch herwider in der zeit,
 Mit dir nim gold und auch geschmeidt,
 Nim harnisch, wapen als mit dir,
 Vorgiss auch nicht der langen wehr.

Графиня даетъ Петру на дорогу три кольца:

Auffs erst kum wider zu vns heim,
 Vorlass vns nicht lang so allein,
 Gedenck ahn vns auch all zeit,
 Nu zeuch hindan jhn gottes geleidt

Актъ II, сцена 1:

Герольдъ объявляетъ о турнирѣ. Генрихъ von Сгарана на-смѣшливо вызываетъ Петра:

Wil dir wol brechen deinen muth
 Vnd deinen grossen federhut,
 Du scheinst ein rechter metzen knecht,
 Du solt mir itzunt komen recht etc.

Петръ безстрашно выступаетъ противъ него, причемъ при-поминаетъ ему пословицу:

Wer sich mit trawen lest erschrecken,
 Den sol man mit Esels förtzen decken,
 Viel waschen thut gar nichts darbey.

На поединкѣ Петръ одерживаетъ побѣду. Король воздаетъ хвалу не назвавшему своего имени Петру и приглашаетъ его къ ужину.

Сцена 2:

Магелона просить Петра почаще показывать свое рыцарское мужество, Петръ благодарить, а когда она ушла на ужинъ, онъ произноситъ:

So hab ich all mein tage nicht
 Gesehen solchs freundlich angesicht,

Als eben die Schöne Magelon,
 Ich ihr nimer vergessen kan,
 Hat mir mein hertz so gar entzündt,
 Ihr lieb hat mich so gar verwundt,
 Hat mir mein gertz so gar besessen,
 Ich kan, ich kan ihr nicht vergessen...

Онъ садится на скамью.

O liebe, o lieb, o rechte liebe,
 Du kanst einen rechtschaffen treibe.

Магелона хочеть говорить съ рыцаремъ и зоветъ мамку:

Es ligt ein herr im hertzen mein,
 Welcher mit tugent ist geziert,
 Das er von menniglichen wirt geehret,
 Zu dem ich solch lieb trag,
 Das ich weder rast noch rug hab,
 Vnd so er wer eines hohen geschlecht,
 Vorwar, vorwar ich ihn gedecht
 Zu einem lieben gemahel zu han.

Мамка предостерегаетъ свою госпожу и напоминаетъ ей пословицу:

Was balt geschicht, wirt selten gut.

Но Магелона страдаетъ:

Kan ich den erlangen nicht,
 O Herr Gott, mir mein hertz bricht,
 Ich weis vor pein nicht, wo ich bin,
 Der edle ritter ligt mir jm sinn,
 Ich bit, wollest mein elend ansehen.

Мамка уступаетъ и просить Петра открыть, кто онъ такой.
 Петръ сначала отказывается.

Doch weil Magelona die schöne ist,
 Die liebst, die ich auff erden wist,

Begert zu wissen meinen stand,
Solt ihr ihr sagen alzusandt,
Das ich eins grossen geschlechts sey.

Въ знакъ любви Петръ передаетъ ей перстень для Магелоны.

Послѣдняя нетерпѣливо ожидаетъ возвращенія мамки. Получивъ перстень, она въ восторгѣ:

All iomer ist aus meinem hertzen,
Nun stet zu im mein zuuersicht,
Vorhoff, sol mich betriegen nicht,
Ihn hab ich mir auserkoren,
Mich deucht, ich sey gar new geboren,
Den ring wil ich hier wickeln ein,
Das sol mein gluck vnd heil sein.

Она посылаетъ мамку привести Петра, — иначе она умретъ. Петръ съ своей стороны признается въ любви къ Магелонѣ:

Ihr schönes klares angesicht
Alzeit mich engstet vnd anficht.

Его любовь чиста и цѣломудренна, какъ, разумѣется, и любовь Магелоны. Мамка возвращается къ Магелонѣ со вторымъ перстнемъ. Затѣмъ Петръ сообщаетъ Магелонѣ, что онъ изъ Прованса, сынъ одного графа, племянникъ короля французскаго, а прибылъ затѣмъ, чтобы снискать ея благосклонность. Тайно они даютъ другъ другу слово.

Ich hab euch begert ein lange zeit,
Ihr mir auff erden der liebste seid,
Drum van ihr mich gleich wie ich euch
Von hertzen liebet weren beide gleich,
So seht ihr an eur getrewes gemall,
Doch solchs verschwigen bleiben sol

Bis zu eim offen kirchgangk,
 Drauff nemet diese ketten zu danck,
 Dadurch ich euch mein trew vnd pflicht
 Zusag und keinen andern nicht.

Ніс Magelona Petrum amice amplectitur, поясняетъ ремарка. Петръ, «flexis genibus» говоритъ, что онъ недостойнъ такого блаженства, что онъ всегда будетъ ея вѣрнымъ слугою, и подноситъ новый подарокъ.

Сцена 3:

Фридрихъ von der Крон вызываетъ противниковъ на бой въ честь Магелоны. Петръ побѣждаетъ его. Король приглашаетъ всѣхъ на ужинъ.

Актъ III, сцена 1:

Фридрихъ von der Крон и Генрихъ von Старана, не видя исполненія своихъ желаній, рѣшаются оставить королевскій дворъ.

Сцена 2:

Петръ прощается съ Магелоной. Последняя плачетъ. Онъ общается всячески заботиться о ней, если она рѣшится сопутствовать ему. Она соглашается бѣжать, такъ какъ родители хотятъ выдать ее замужъ за другого. Петръ уговаривается съ ней и обѣщаетъ дожидать ее около полуночи, «wan man im ersten schlaff noch leidt».

Актъ IV, сцена 1:

Бѣгство влюбленныхъ.

Сцена 2:

Кормилица замѣчаетъ, что ея молодой госпожи нѣтъ:

O we, ach we, ach lieber Got,

Da wirt sich heben iamer vnd not,
Das frewlein ist komen hienwegk etc.

Она бросается къ ногамъ короля, пришедшаго на ея вопли, и увѣряетъ въ своей невинности. Король посылаетъ погоню за бѣглецами.

Сцена 3:

«Peter hat Magelonam schlaffende im schos».

Ist das nicht ein schön angesicht?
Auff erden ist ihrs gleichen nicht,
Ach, welchen Magelon nicht bewegt,
Derselb von Eysen ein hertz tregt.
Was hat sie hie bein brüsten stecken?
Ach, das ich sie nicht thet auffwecken.

«Nis rapiuntur annuli». Петръ въ отчаяніи.

Ach lieber got, erbarm dich mein,
Ich weis nu nicht wo aus oder ein,
O Magelon, du liebste mein,
Wie wirt dir doch zu mutte sein...

Онъ видитъ приближающихся людей.

Wil sehen, ob ich mich mag verberg,
All har die sten mir itz zu berg.

Явившіеся два купца рѣшаются везти Петра въ Александрію и подарить его султану. Они схватываютъ его и уводятъ.

Сцена 4:

Магелона пробуждается:

Wie hab ich doch so wol geschlaffen!
Ich hoff nicht, das euch hab verdrossen.

Она замѣчаетъ отсутствіе Петра и раздражается воплями:

O Peter, Peter, höre mein stim,
 Sunst kum ich balt von allen meinen sin.
 Wo ist dein glaub und adel gros,
 Do du mich aus meiners vaters schlos
 Hindannen brachts in fremde landt?
 Du hast ein hertz von Adamant,
 Medea nit so grausam war,
 Du bist ein ander Iason zwar. . .
 Ich wil suchen an allen enden
 Vnd van ich ihn ia nit werd finden,
 Wil ich mich in ein spital geben,
 Wil furen ein keuschs fromes leben.

Является странница, которой Магелона и сообщаетъ свое рѣшеніе сдѣлаться тоже странницей. Спросивъ, какъ найти дорогу въ Провансъ, она узнаётъ, что владѣтель этой страны въ великой горести о своемъ сынѣ, живущемъ на чужой сторонѣ. Тогда она говоритъ:

Hilff Got, nun ist mir wolbekandt,
 Das ehr mit willen nit von mir bleibt.
 Ich bit nun, gebt mir euer kleidt,
 Ich wil nun furen ein fromes leben,
 Ach Got, wer kann dir widerstreben?

Актъ V, сцена 1:

Графиня, мать Петра, выражаетъ Магелонѣ свою скорбь по поводу утраты сына; онъ отправился въ отдаленныя странствія, и вотъ тѣ три перстня, которыя она дала ему на дорогу, найдены рыбакомъ въ рыбѣ, «gleich also zu hauff gewunden». Магелона утѣшаетъ ее и общается молиться о Петрѣ. Она затѣмъ и молится о его возвращеніи.

Drum wil ich ziehn an einen ort,
 Welchen man nennet der heiden port,
 Dasselbst wil bauen ein spital,
 Den armen wil dienen vberal,
 Wil drey altar auffrichten lan,
 Welcher Sanctus Peter ehren sol haben etc.

Сцена 2:

Петръ у султана; онъ благодарить Бога за милости.

Wer hat geglaubet immermehr,
 Da ich war mitten auf dem möhr,
 Das ich ein herr hie werden solt,
 Erlangen des grossen Soldanes huldt?

Но тоска по Магелонѣ, по родителямъ гнететь его:

- Drum wan ich meines herrn laub
 Erlangen kundt, so wolt ich schaub,
 Ob ich Magelon in Provincia
 Ausfragen möcht oder anders wo.

Султанъ отпускаетъ Петра съ подарками, но съ условіемъ возвратиться. Петръ заболѣлъ дорогой и явился въ госпиталь Магилены. Ей онъ рассказываетъ свою исторію; она узнаетъ его.

O Gott, der ist der liebste mein,
 Ich wil vergessen aller pein —
 O Gott, du hilffst zu aller stundt,
 Wer dir allein vertrawen kundt.

Она идетъ за лѣкарствомъ и возвращается «regio vestitu».

Aller liebster gemael mein,
 Sich an hie dein getrewes hertz,
 Das deinet halben so gros schmertz
 So lange zeit erlitten hat.

Слѣдуетъ сцена узнанія. Магелона посылаетъ Петра къ графу-отцу просить его въ госпиталь. Johann Cerise узнаетъ сына.

Willkommen liebster son mein,
Ich mein, das mag ia freude sein,
Ach Peter, du mein einiger trost, etc.

Графиня-мать тоже выражаетъ радость:

Mein freud nieman ermessen kan,
Der liebe Got hats so wollen han.

Петръ открываетъ родителямъ, что Магелона—дочь короля. Графъ благодаритъ Бога.

Kompt her, wir wollen nun gehn hienein
Nun wollen wir ersten frölich sein.

Finis Historiae. Morio recitat epilogium:

Ich kum nun wider, lieben hern,
Ich weis, ihr hört mich vber aus gern etc.

Какъ видно, неизвѣстный авторъ этой драмы, заимствуя материалъ изъ романа о Петрѣ и Магелонѣ, распредѣляя его однако по своему усмотрѣнію, какъ находилъ лучшимъ въ цѣляхъ сценичности.

Сценическая структура русской драмы о Петрѣ и Магелонѣ совсѣмъ иная.

б) Другимъ нѣмецкимъ писателемъ, обработывавшимъ сюжетъ о Петрѣ и Магелонѣ, былъ Гансъ Заксъ. Въ 1554 году онъ написалъ стихотвореніе повѣствовательнаго характера: *Historia der schönen Magelona eins königs tochter zu Neapolis*, гдѣ кратко пересказалъ содержаніе романа и прибавилъ нравоучительное заключеніе ¹⁾. Въ слѣдующемъ (1555) году Г. Заксъ пишетъ

1) Hans Sachs herausgegeben von Ad. von Keller II B., Ss. 251—261 (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, B. CIII).

*Comedi mit 19 personen, die schön Magelona, unnd hat 7 actus*¹⁾. Пьеса обработана гораздо болѣе искусно, чѣмъ это сдѣлалъ неизвѣстный авторъ обработки 1539 года; дѣйствіе развивается гораздо быстрѣе. Хотя самъ Г. Заксъ своимъ источникомъ называетъ (см. прологъ, стр. 451) Veit Warbock'a (т. е. Варбекка), сличеніе текстовъ заставляетъ, однако, предполагать, что Заксу была извѣстна драма 1539 г., которою онъ, можетъ быть, отчасти и воспользовался, конечно, совершенно свободно.

Драма Г. Закса открывается прологомъ, который произносить «Der ehrholdt»:

Glück unnd heyl sey den ehrenvesten,
Erbern und wolgeachten gesten,
Versamlet hie in diesem sal! etc.

и который заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе содержанія послѣдующей драмы.

Затѣмъ выступаютъ графъ Iohann Cerise и графиня Олива, съ двумя служителями.

Графъ: Lob sey Gott in seiner mayestat,
Der uns so hoch begnadet hat
Mit der fürstlichen graffschaft da
In der herrschaft Provincia. . . .
Darzu hat uns Gott geben nun
Zu einem erben einen suhn,
Nit allein tugenthaft und schön,
Sonder auch ritterlich und kön. . . .

Графиня: Ich hab auch all mein frewd allein
An unserm einig lieben suhn,
Der auch im nechsten thurnier nun
Den aller-besten danck gewan. . . .

---

1) H. Sachs herausgegeben von Keller, B. XII, Tübingen 1879, S. 451—487 (Bibliothek d. litt. Vereins in Stuttgart, B. CXL).

Является Петръ, падаетъ на колѣни передъ родителями и умоляетъ отпустить его постранствовать по свѣту:

Zu euch so ist mein hohe bit,
Wölt mich zwey jar lang lassen bawen
Die landt hin und herwider schawen,
Die fürstenhöff und königreich,
Das ich darinn müg lehren gleich
Hofzucht und ritterspiel nach ehrn...

Родители стараются отговорить сына, указывая на свою старость, на то, что онъ—ихъ единая опора; Петръ повторяетъ усиленные просьбы, обѣщая вернуться черезъ годъ, и по третьему разу родители соглашаются.

Графъ: Mein sohn, nimb hin allen vorath,
Ross, harnisch, knecht, gelt und kleinat
Und als, was zu der raiss ist not!
Mein sohn, nun hab vor augen Gott!
Halt dich ehrlich und tugenthaft
Und hüt dich vor böser gsellschaft,
Die manchen bringt in unglück!

Петръ: Mein herr vatter, all diese stück
Die will ich haltn mit höchsten fleiss.

Графиня: Hertz-lieber sohn, auff diese reiss
Will ich drey köstlich ring dir schenken.
Bey den solt du allmal gedenken
Unser im besten aller beide.
Dein abschied bringt uns hertenleide.

Мгновенно мѣсто дѣйствія переносится въ Неаполь: Хозяинъ гостиницы разсчитываетъ на барыши въ виду предстоящаго рыцарскаго турнира; входитъ Петръ съ своимъ слугою Лоренцомъ и требуетъ помѣщенія; хозяинъ сообщаетъ, что съѣхалось уже множество благородныхъ рыцарей, между прочимъ herr

Heinrich von Trarona, herr Friderich von der Kron; онъ сообщаетъ также о томъ, что у короля есть прекрасная дочь Магелона, въ честь которой — der aller-schönstn jungkfrau auff erdt—и устраивается турниръ. Петръ рѣшается также участвовать въ турнирѣ:

So will ich mich auch rüstn darzu.
 Geh, Lorentz! lauff hin eilend du,
 Das man mir an mein renndeck mahl
 Silbrene schlüssel uberal,
 Auch auff mein helm und an mein schilt
 Mach silbren schlüssel wol gebilt!
 Doch sag keim menschen, wer ich sey
 Von stammen noch adel darbey!
 So will ich unerkannt auff trawen
 Mich auch im turnier lassen schawen
 Zu ehr der königlichen jungkfrauen.

Таково содержаніе перваго акта. Актъ II начинается тѣмъ, что король Магелонъ спрашиваетъ свою дочь Магелону, кто изъ участвовавшихъ въ турнирѣ рыцарей ей наиболѣе понравился. Магелона отвѣчаетъ, что ей болѣе всѣхъ понравился рыцарь, у котораго на латахъ, шлемѣ и щитѣ серебряные ключи,

Der adelich zu rosse hilt
 Und machet gar vil sätel lär.
 Ich möcht wol wissen, wer er wer,
 Dem gieb ich vor allen den preiss,

прибавляетъ она. Король говоритъ, что теперь начнутся пѣшіе поединки

Zu ehren dir, alda man muss
 Auch schawen auff hof-gsind und gest,
 Und welcher unter in das best
 Thut, must verehrn mit einen krantz,

Muss auch heint den ersten vortantz
Mit dir haben. . .

Попарно выступаютъ рыцари: Heinrich von Taronna, Friederich von der Kron и другіе, и бьются. Выступаетъ наконецъ Петръ — Серебряные-Ключи, вызываетъ противниковъ и побѣждаетъ всѣхъ, одного вслѣдъ за другимъ. Въ награду Магелона подноситъ ему вѣнокъ:

Strenger ritter, hie nembt den krantz,
Den ir mit ehr verdienet gantz etc.

Король приглашаетъ его на ужинъ. Петръ отправляетъ своего слугу на квартиру, а самъ, оставаясь одинъ на сценѣ, произноситъ монологъ:

Ach Gott, wie über-schön und zart
Gelidmasirt englischer art
Ist Magelona. . .
Sie hat mit irn freundlichen blicken
Mein hertz in liebe zu verstricken и т. д.

Окончаніе монолога:

O, das ich möcht ir diener wern!
So wolt ich darnach sterben gern.

Этимъ оканчивается II актъ. Содержаніе III акта таково:

Магелона входитъ съ своей мамкой и говоритъ:

Ach Herr Gott, wie höflich und adelich,
Wie ausserwelt und gar untadelich
Der ritter mit den silbern schlüsseln ist. . .

и далѣе:

O liebe amb, es tobt und wüt
Mein hertz in dieses ritters lieb,
Fewerglastig mit starcken trieb.
Hab heint kein schlaf thun die gantz nacht.

Мамка старается ее образумить. Влюбленная Магелона ничего не хочет слушать и просить мамку узнать, кто такой пленивший ее рыцарь:

Ich bit: geh! Sag im meinen gruss!
 Bitt in, zu sagen seinen namen,
 Sein vatterlandt, adel und stamen,
 Bitt in von meiner liebe wegen!

Мамка уступает. Магелона уходит. Мамка произносит небольшой монологъ:

Ach Gott, ich merck: ir hertz ist wund
 Gegn dem ritter, и проч.

Входитъ Петръ, мамка приступаетъ къ исполненію своего порученія. Петръ не открываетъ однако своего имени; онъ говорить о своихъ чувствахъ къ Магелонѣ:

Doch das sie auch mein lieb erkenn,
 So bring der zarten diesen ring
 Und bitt, das sie das schlechte ding
 Zum zeichen meiner lieb an nemb...

затѣмъ просить передать:

Sagt ir, wie ich geren mit ir
 In züchten und ehren wolt reden,

и даетъ мамкѣ денегъ. Та уходитъ. Онъ говорить:

Ich hoff, mein lieb werd sich gelücken.
 Es schickt sich wol mit diesen stücken,

и уходитъ тоже.

На оставшуюся пустою сцену выходитъ Магелона; мамка подаетъ ей перстень, подаренный Петромъ; Магелона цѣлуетъ перстень.

An der schenck ich mich bas erfrew,
 Denn an meins vatters königreich...

Мамка опять старается образумить свою питомицу:

Ihr mügt köngklich heirat erlangen;
Wolt ir nemen ein ritter bloss?

Но Магелона ничему не внимаетъ:

Mein lieb zu im ist also gross:
Wird er mir nit, so muss ich sterben.

Тогда мамка предлагаетъ устроить свиданіе; Магелона въ восторгъ посылаетъ ее позвать Петра. Мамка идетъ и возвращается съ другимъ перстнемъ отъ Петра:

und glaubt: sein hertz
Brint auch in gleicher liebe schmerz,

говорить она. Петръ является немедленно. Магелона беретъ его за руку и проситъ открыть свое имя; онъ говоритъ, что онъ Петръ, сынъ графа прованскаго, родственникъ короля французскаго. Магелона спрашиваетъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Неаполь; онъ признается, что пріѣхалъ ради нея, наслышавшись о ея красотѣ, благородствѣ, добродѣтеляхъ и достоинствахъ; теперь же, говоритъ онъ,

weil ich hab mein leben,
Will ich euch sein zu dienst ergeben
Mit hertzen, mund und auch mit handt.

Магелона съ своей стороны признается ему въ любви и надѣвается ему на шею свою цѣпь:

Darauff habt euch die ketten mein,
Doch in ehren und anderst nicht,
Zu rechter gmalschaft und ehpflicht.

Петръ обнимаетъ Магелону со словами:

Wol mir, das ich dess bin gewert,
Dess ich im hertzen hab begert!

Gnedige fürstin, nembt den ring
Auch zu bestetigung der ding, и пр.

Конецъ III акта.

Содержаніе IV акта:

Входитъ Петръ.

Ich will da in dem rossengarten
Da auff mein ausserwelte warten,
Versuchen sie, wie starck ir lieb
Hab gegen mir den iren trieb,
Ob das hertz sey wie ihre wort.

Онъ схватывается руками за голову. Входитъ Магелона и, замѣчая печаль Петра, спрашиваетъ о причинѣ этой печали. Петръ объявляетъ, что получилъ письмо отъ отца и черезъ два дня долженъ ѣхать на родину. Магелона сейчасъ же рѣшается ѣхать вмѣстѣ съ нимъ:

Ich möcht kein tag on dich leben.
Derhalb, wilt mich dem todt nit geben,
Nimb mich mit! On dich bleib ich nit.

Петръ возражаетъ: родители ей не позволятъ; она говоритъ, что нужно бѣжать тайно.

Bedenckt euch wol! Die sach ist gross,
говоритъ Петръ; но Магелона рѣшилась, они назначаютъ часъ бѣгства, и уходятъ.

Является мамка въ безпокойствѣ:

Mein frewlein hengt dem ritter nach.
Ich fürcht, sie wer noch schandt und schmach
Von im bekummen an den enden...

Магелона ее успокаиваетъ и высылаетъ. Петръ сообщаетъ, что все готово къ бѣгству, и они уходятъ.

Является королева и велитъ мамкѣ скорѣ будить Магелону, чтобы ѣхать на охоту. Входитъ и король съ двумя слугами.

Fraw köngin, wöllen wir auff sein?
Die sunn geht auff mit hellem schein.
O, es wird hewt ein heiser tag,
Das man hirschen und hinden jag.

Но мамка возвращается въ отчаяніи изъ комнаты Магелоны и объявляетъ, что принцесса исчезла. Королева высказываетъ предположеніе, что ее похитилъ рыцарь. Одинъ изъ слугъ объявляетъ, что рано утромъ онъ былъ у Петра и узналъ, что тотъ уѣхалъ въ Провансъ. Король посылаетъ во всѣ концы погоню, и всѣ поспѣшно уходятъ.

Входитъ Петръ и изъ монолога его узнаемъ, что во время бѣгства они остановились отдохнуть въ лѣсу, что Магелона заснула, онъ нашелъ на груди у нея въ красномъ узелкѣ подаренные имъ перстни, положилъ ихъ около себя на камень, продолжалъ любоваться красотой своей невѣсты; воронъ унесъ узелокъ съ перстнями, Петръ погнался за похитителемъ, заблудился въ лѣсу и вотъ теперь не знаетъ, какъ отыскать Магелону и своихъ коней.

Въ это время его схватываютъ два турка, чтобы отвезти въ Александрію къ султану.

Актъ оканчивается сценой у султана: турки приводятъ Петра къ султану, у котораго Петръ и остается въ услуженіи.

Актъ V открывается жалобными причитаніями Магелоны, покинутой въ лѣсу:

Ach Herr Gott, erst bin ich veracht.
Im wald ist es schier finster nacht
Und ist bey mir mein Peter nimmer.
Wie mag nur solichs zu-gehn immer?..

Выходитъ рыбачка («die Fischerin») и спрашиваетъ у Магелоны, зачѣмъ она въ лѣсу. Та говоритъ, что заблудилась на охотѣ; она проситъ рыбачку обмѣняться платьемъ; рыбачка даетъ ей свой плащъ и шляпу и сообщаетъ, что она идетъ въ Провансъ, что тамъ графъ и графиня скорбятъ объ уѣхавшемъ сынѣ Петрѣ. Магелона спрашиваетъ, есть ли въ Провансѣ женскій монастырь; рыбачка отвѣчаетъ:

Ja, es ist ein kleiner spital
Am endt, dar heisst der heiden-pfort,
Und gleich an dem selbigen ort
Bin ich ein arme fischerin.

Магелона рѣшается идти вмѣстѣ съ рыбачкой и остаться при больницѣ:

Ja gern wolt ich mich da erbarmen
Durch milte handreichung der armen.

И обѣ уходятъ.

Слѣдующая сцена:

Графъ и графиня скорбятъ о сынѣ, котораго уже не считаютъ въ живыхъ, и рѣшаются отправиться въ больницу Магелоны.

Далѣе:

Рыбачка сообщаетъ Магелонѣ, что къ ней пріѣдутъ графъ и графиня обѣдать; Магелона волнуется въ ожиданіи увидѣть нареченныхъ свекра и свекровь, вспоминаетъ про Петра. Графъ и графиня пріѣзжаютъ. Рыбачка приноситъ узелокъ, найденный ею въ рыбѣ, которую она готовила къ столу. Развязавъ узелокъ, находятъ три перстня, данные графиней Петру передъ его отъѣздомъ; отецъ и мать узнаютъ перстни, и рѣшаютъ, что сынъ ихъ погибъ.

Магелона, однако, не теряетъ еще надежды; оставшись одна, она говоритъ:

Diese drey ring ich gar wol kent.
Doch hat mein hoffnung noch kein endt,
Weil mein hertz gutes anden thet.
Ich will gehn sprechen mein gebet
Zu Gott biss auff den abend spät.

Актъ VI:

Входятъ султанъ (Soldan) и два турка. Петръ бросается къ ногамъ султана и проситъ его отпустить домой повидаться съ отцомъ и матерью; султанъ отпускаетъ его съ богатыми подарками; Петръ отсылаетъ сокровища въ больницу «Heiden-Port».

Магелона и получила посылку.

На пути въ отечество Петръ былъ покинуть корабельщиками на островѣ «Sagona»; его находятъ два рыбака и на своей лодкѣ доставляютъ въ «Heiden-Port».

Актъ VII:

Входитъ Магелона, высказывая удовольствіе, что полученное сокровище дастъ ей возможность улучшить свою больницу. Является Петръ («wie ein waller»):

Ich bitt umb herberg einem armen,
Ihr wölt euch meins ellendts erbarmen.

Магелона:

Ja; setz dich nider! zeuch dich ab!
Ich gib dirs so gut, als ichs hab.
Darmit du durst und hunger büß!
Denn wird man dir waschen dein füß.
Denn weist man dich zu bett hinauss,
Das du die nacht magst ruhen auss.

Магелона отходить, а Петръ произносить:

Gott sey lob, nun wer ich daheim!
 Jedoch fehlt es mir noch an eim,
 Kan auch nit mehr recht frölich sein,
 Weil ich den lieben gmahel mein,
 Magelona, verloren hon.
 Die spitalmeistrin von person
 Hat gleich die leng, auch also redt,
 Wie auch mein Magelona geht.

Магелона, услыхавъ свое имя, произнесенное Петромъ, спрашиваетъ, какъ онъ ее знаетъ. Петръ отвѣчаетъ, что онъ назвалъ имя своей утраченной невѣсты. Но Магелона узнаетъ на Петръ цѣль, данную ему ею:

Hertzlieb, wirff all dein trawren hin!
 Wiss! ich dein Magelona bin,
 Die dort ist im walde blieben.
 Hab seit alhie mein zeit vertrieben
 In deines vaterlands spital.

Петръ въ восторгѣ обнимаетъ ее:

Gott sey lob in dem höchsten sal!
 Du ausserwelter gmahel mein,
 Num kan ich nit mehr trawrig sein,
 Weil ich dich wider funden hab.

Магелона посылаетъ рыбаку за графомъ и графиней. Петръ рассказываетъ Магелонѣ о своихъ приключеніяхъ; Магелона сообщаетъ ему, что перстни нашлись. Графъ и графиня, бывшіе между тѣмъ, въ восторгѣ обнимаютъ сына. Петръ говорить:

Herr vatter und fraw mutter mein,
 Diss frewlein gegenwertig (wist!)
 Dess köngs tochter von Neapolis ist,

Mein lieber gmahel, wie sich gebürt,
Die ich mit mir hab hin geführt, и пр.

Графъ обнимаетъ Магелону:

Seit uns gott-will-komb, tochter zart,
Geborn von königlicher art! . .

Графиня обнимаетъ Магелону:

Glück zu, mein tochter, hertzliebe schnur!
Ewr schön gleicht englischer figur
Die unser sohn im hat erwelt.

Пьеса заканчивается словами графа:

Wolauff, und das bald wert bestelt
Bostboten und herumb gesandt
In Provincia, unsern landt,
Das sie dem volck verkünden frey,
Wie das unser sohn kummen sey,
Hab eins köngs tochter mit im bracht,
Auff das von stund an werd gemacht
Ein fürstlich hochzeit vierzehn tag,
Darmit man hinleg alle klag,
Gott seiner güt und gnad dancksag!

Въ заключеніе «Ehrholdt» произносятъ эпилогъ:

So habt ir von anfang zu ort
Beide die werck und auch die wort
Der comedi ghört und gesehen.

И далѣе слѣдуютъ нравоучительные выводы: родители должны хорошо смотрѣть за дѣтьми, особенно за дочерьми, а молодые люди — слушаться родителей.

с) Третьимъ писателемъ, обработавшимъ сагу о Магелонѣ, былъ аугсбургскій драматургъ *Sebastian Wild*. Онъ написалъ

12 драмъ, большею частью библейскихъ; три драмы его однако обрабатываютъ романическіе сюжеты: «Kaiser Octavianus», «Die sieben Weysen Maister» и «Schöne Magelona» ¹⁾. Драма о Петрѣ и Магелонѣ составляетъ 10-й номеръ въ сборникѣ: «Schöner Comedien vnd Tragedien zwölf: Auss heiliger göttlicher schriftt, vnd auch auss etlichen Historien gezogen. . . Durch Sebastian Wilden. 1566. Zu Augspurg. 8°. ²⁾).

Полное заглавіе драмы таково: Ein schöne Tragedj, von dem Ritter Peter, des Graffen Son auss Prouincia, vnd von des Königs Tochter auss Neaples, die da genandt wirdt die Schön Magelona.

20 дѣйствующихъ лицъ. Пьеса раздѣляется на 5 актовъ. Въ началѣ—прологъ герольда:

Drumb bitt ich euch, seyt still vnd züchtig,
Die Historj ist schön vnd wichtig,
Sehr kläglich vnd tröstlich dar neben,
Drumb thut fleissig aufmerken eben.

Драма весьма не высокаго литературнаго достоинства, замѣчаетъ Holstein; авторъ рабски слѣдуетъ тексту перевода Варбекка ³⁾. Въ подтвержденіе Holstein приводитъ два мѣста изъ драмы Вильда ⁴⁾ (въ текстѣ русской драмы о Петрѣ и Магиленѣ этихъ мѣстъ нѣтъ). Третье мѣсто, приводимое Holstein'омъ, — сцена въ гѣсу въ IV актѣ:

Ремарка—Sie legt sich auf seinen Schoss nieder vnd schläft. Peter reist sie ein wenig auf, findet die Ringe in ihrem Busen in Zendel eingewickelt. Er legt sie neben sich, in dem lässt er ein Vogel fliegen und spricht:

1) Holstein, Veit Warbeck, стр. 207—208.

2) Къ сожалѣнію, этого сборника не оказалось ни въ Парижскихъ, ни въ Мюнхенскихъ книгохранилищахъ, гдѣ я работалъ. Пользуюсь тѣмъ, что даетъ въ своей статьѣ Holstein.

3) Holstein, стр. 208.

4) Ibid., стр. 209.

Sieh, diser verfluchter Vogel
 Hat mir die Ring weg zucket schnell,
 Halt, ich will jm eylend nachlauffen,
 Dieweyl sie also sanfft thut schlaffen ¹⁾).

Родители благословляютъ союзъ любящихся, и пьеса заканчивается сообщеніемъ герольда о свадьбѣ, которую праздновали 14 дней «mit tantzen, springen ohne zil», и его увѣщаніемъ не довѣрять счастью,

Dann es ist rundt vnd schlüpferrigk,
 Zu hand hats ein gworffen zurück etc ²⁾).

Holstein, къ сожалѣнію, приводитъ слишкомъ мало выписокъ, самаго же изданія драмы Вильда имѣть въ рукахъ мнѣ не удалось.

Русскіе читатели XVIII вѣка, сильно увлекались романомъ о Петрѣ и Магелонѣ: къ XVIII-му столѣтію относится 24 известныхъ доселѣ списка романа ³⁾. Сумароковъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ:

Лишь только ты склады немного поучи,
 Изволь писать Бову, Петра златы ключи ⁴⁾).

Драматической обработкѣ романъ подвергся на русской почвѣ дважды: одна обработка—прозаическая—известна пока лишь въ ничтожныхъ отрывкахъ, которые и напечатаны проф. Шляпкинымъ («Царевна Наталья», стр. 7—8); вторая обработка—стихотворная, издана Г. П. Георгіевскимъ.

Ни та, ни другая изъ русскихъ обработокъ, при сопоставленіи, не обнаруживаютъ зависимости отъ обработокъ нѣмецкихъ дра-

1) Ibid., стр. 208.

2) Ibid., стр. 209.

3) И. А. Шляпкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени, введеніе, стр. XXVI. Сюда надобно прибавить списки Румянц. Музея изъ собранія Н. С. Тихонравова (см. Отчетъ Румянц. Муз. за 1904 годъ, стр. 13).

4) Эпистола о русс. языкѣ (Поли. Собр. Соч. Сумарокова, часть I, стр. 334).

матурговъ, анализъ которыхъ приведенъ выше. Иныхъ драматическихкихъ обработокъ романа о Петрѣ и Магелонѣ не извѣстно. Такимъ образомъ, приходится думать, что обѣ русскія драмы о Петрѣ и Магиленѣ—продукты болѣе или менѣе самостоятельной работы русскихихъ авторовъ.

Тѣмъ интереснѣе ихъ дѣло.

«Дѣйствіе о князѣ Петрѣ» начинается обычнымъ аллегорическимъ антипрологомъ, въ стилѣ отмѣченныхъ мною въ этюдѣ о «Калеандрѣ»¹⁾; сущность этого антипролога, въ которомъ выступаютъ «Купидинъ», Зависть и Венера,—торжество любви,—идея, лежащая въ основѣ пьесы, какъ и въ основѣ романа о Петрѣ и Магелонѣ.

Развитіе этихъ аллегорическихкихъ частей драмы, установленныхъ теоріей (въ пятакахъ XVII—XVIII вв.), встрѣчающихся и въ польскихихъ пьесахъ²⁾ и (подъ вліяніемъ послѣднихъ) въ русскихихъ, а равнымъ образомъ происхожденіе такихъ сценъ, какъ 10 явленіе I дѣйствія (Собраніе олимпійскихихъ боговъ), 6 явленіе II дѣйствія (то-же), 13 и 14 явленія III дѣйствія «Акта о Калеандрѣ и Неонильдѣ»³⁾ и т. под. рѣшаюсь отнести на счетъ вліянія такъ называемыхъ «балетовъ», составлявшихъ необходимую принадлежность школьнаго театра іезуитовъ.

«Les Jésuites ont donné aux représentations théâtrales dans les collèges beaucoup de développement et d'éclat», говоритъ E. Boyssse⁴⁾. «Le ballet est le côté vraiment original du théâtre des Jésuites; c'était le ballet qui faisait le principal attrait de leurs spectacles, et c'est là qu'ils ont déployé toutes les ressources de leur imagination»⁵⁾.

Яркое изображеніе того, что такое были эти балеты, имѣемъ въ книжкѣ іезуита Menestrier (вышедшей безъ имени автора):

1) Извѣстія II Отд. Ак. Н., X, кв. 1, стр. 370—371.

2) Chomętowski, Dzieje teatru polskiego, стр. 78, 81.

3) См. Перетцъ, Памятники русс. драмы эпохи Петра В., Спб. 1903.

4) Ernest Boyssse, Le Théâtre des Jésuites. Paris, 1880, p. 1.

5) Ibidem, p. 81.

Des ballets anciens et modernes selon les regles du Théâtre. A Paris, 1682.

Les ballets, замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, entrent généralement dans toutes les representations.

Обращаясь къ обзору сюжетовъ для балетовъ, онъ говоритъ: Il n'y a rien dans la Nature, dans la Fable, dans l'Histoire, dans les Romans, dans les poètes et dans le caprice, que l'on ne puisse imiter (въ балетѣ) sous des figures naturelles, feintes ou allegoriques ¹⁾.

Перечисляя фигуры, выступающія въ балетахъ, авторъ даетъ такую ихъ характеристику: Ces figures ne sont autre chose que les acteurs ou les personnages du Ballet que les acteurs représentent, comme Jupiter, Mercure, Mars, Thésée, Hercule, Jason, la Curiosité, la Mode, les Songes, le Jour, la Nuit etc. Ce qui se fait par les habits, les symboles, les masques et certains gestes ou mouvements qui sont propres ou particuliers à certaines personnes; comme Vulcain étoit boiteux, Esope étoit bossu, Tiresias étoit aveugle . . . Saturne se représente toujours en vieillard avec sa faux, Mercure avec ses ailes, ses talonnières, son capot et son caducée. Les Cyclops en fourgerons, Apollon avec la lyre et la couronne de laurier ou de rayons. Les personnages historiques se représentent ou selon leur dignité, comme un roi, un grand prestre, un esclave, un marchand etc., ou selon quelque événement particulier qui sert à les distinguer, comme Hercule avec sa massue et sa peau de lion, Samson avec une mâchoire, David avec la harpe et la couronne ²⁾.

Вотъ описаніе одного изъ такихъ балетовъ, устроеннаго самимъ Menestrier по случаю прибытія въ Лионъ Людовика XIV въ 1658 году.

Названіе (sujet) балета — Autel de Lyon consacré à Louis Auguste et placé dans le Temple de la Gloire.

1) *Des ballets anciens et modernes*, p. 54.

2) Тамъ же, стр. 139—140.

Развитіе и ходъ дѣйствія: *L'Immortalité* fit l'ouverture du Ballet. Elle étoit vêtue de couleur Amarante, qui est la couleur des Fleurs immortels. Sa couronne étoit d'Estoiles, qui sont les feux immortelles. Son Char étoit fait en Phenix, qui est l'Oiseau immortel, et il étoit tiré par les deux Ourse Celestes. . . La *Vertu* marchoit devant elle, parce qu'elle est le Guide le plus seur pour aller à l'Immortalité, et la *Gloire* la suivoit comme la Re-compense des Heros, et l'Immortalité à laquelle ils aspirent par leurs belles actions. Elle fit ce Recit:

Il est temps d'avancer où la Gloire m'appelle
Et les prodiges inouis
Des grandes actions de l'Auguste Louis
Veulent des preuves de mon zele etc.

Les quatre parties du monde firent la première entrée dans le temple même de la Gloire, dont elles s'étonnèrent de voir les ornements negligez et les Images des Heros à demi effacées. . . La *Religion*, la *Noblesse* et la *Justice* qui representent les trois Etats du Royaume, y apportent un Autel. . . L'*Amour* fit la troisième entrée dansant d'abord à pas d'Aveugle, parce qu'il avoit son bandeau sur les yeux; après cette dance il fit ce Recit:

Dure et cruelle loy qui me prive du jour
Souffre que l'Astre de la cour
M'éclaire d'un Rayon sorti de son visage etc.

Après ces Vers il s'arrache son bandeau et poursuit:

Mettons bas ce Bandeau pour connoître Lovis etc.

L'Amour, du feu de son flambeau, alluma celui de l'Autel, en même temps toutes les Urnes des Heros, dont les Cendres reposoient dans le Temple de la Gloire, s'allumerent d'un nouveau feu, lorsque les *Provinces* du Royaume, conduites par la *Fidélité*, apportèrent leurs coeurs comme autant de Victimes destinées à

l'autel de Louis Auguste. La Fidélité les ayant reçus de leurs mains, les immola elle-même... Des *Vantours* qui représentoient les Guerres civiles, vinrent pour enlever ces cœurs sacrifiés, lorsqu'un *Lion* sortant de dessous l'autel les mit en fuite... Ce Lion victorieux de Vantours offrit luy-même son cœur à la Fidélité, pour en faire un sacrifice à l'autel de Louis Auguste, mais à peine fut-il touché du feu sacré, que se changeant tout d'un coup en une Couronne de Fleur de lys, la Fidélité en couronna le Lion couché au pied de l'Autel... La Fidélité en le couronnant recita ce Sonnet:

Fidèle défenseur des droits de la Couronne
Et généreux appuy du Trône des François,
Consacre ta valeur aux Lys que tu reçois
Et conserve le rang que la Gloire te donne etc.

La *Ville de Lyon* vient estre la Vestale de Louis Auguste, pour conserver le feu sacré de son autel, et fait ce Recit:

Je dois ma première Origine
Au siècle glorieux des Césars couronnez etc.

La seconde partie (балаера) fit d'abord paroître la *Gloire* assise sur un trône dont toutes les marches étoient terminées par des Lions accroupis et veillans comme ceux du Trône de Salomon. Ce fut la *Gloire* qui fit ce Recit:

Sortez de vos Palais et quittez vos balustres,
Idoles de la Majesté,
Venez d'apprendre icy de quelle autorité
Se servent les ames illustres etc.

Pour le première entrée de cette seconde partie, les *Elements* vinrent s'offrir à Louis Auguste pour le servir dans ses combats, et lui jurèrent sur son autel une fidélité inviolable. Le *Feu* le fit en ces termes:

Je veux servir avec chaleur
Ce conquerant dont la valeur
Et la seule gloire m'allume etc.

L' Air.

Rien ne peut resister à ma legereté.
Tout foible que je suis, je gronde, je tempête etc.

L'Eau.

Vous voyez le fond de mon coeur,
Je ne vous cele rien, mon ame est toute claire etc.

La Terre.

Pour moi je soutiens vos Guerriers,
Et de tous vos sujets vous voyez le plus ferme,
Pour vous je m'épuise en lauriers etc.

Les *Fondateurs* des quatre grandes Monarchies attirez par le bruit des Conquêtes de Louis Auguste viennent offrir des vœux à ses autels... Les *Dieux* vinrent jurer la paix sur l'autel de Louis Auguste. *Jupiter* y laissa sa foudre, *Mars* son épée, *Neptune* son trident, tandis que la Paix se fit voir sur l'Arc-en-ciel et fit un recit... *Minerve* et *Apollon* viennent établir des *Sacrificateurs* pour recevoir les victimes que les peuples viendront offrir à l'autel de Louis Auguste. La *Fortune* Françoisise y amena l'*Heresie* et *Mahomet* enchaînez... etc. etc. ¹⁾.

Въ книжкѣ дается цѣлый рядъ описаній подобныхъ балетовъ: *La Verité* ennemie des apparences ²⁾, *La* conquête du Char de la *Gloire* ³⁾, *La Curiosité* ⁴⁾, *La* Naissance de *Venus* ⁵⁾ и т. под.

1) Des ballets anciens et modernes, préface

2) Ibid., стр. 58, 144.

3) Ibid., стр. 62.

4) Ibid., стр. 67.

5) Ibid., стр. 78.

О «балетѣ» писали многіе іезуиты; изъ нихъ рѣге Jouvancу и особенно рѣге Lejaу, бывшіе профессорами въ парижскомъ Collège de Louis-le-Grand, установили правила школьнаго балета, — первый въ своемъ трактатѣ *Ratio discendi et docendi* (явился въ 1685 г.) второй — въ своей *Libre de Choreis dramaticis* (1725 года).

Назначеніе балета — сопровождать трагедію, служить интермедіей, такъ что между каждымъ актомъ трагедіи вставляется актъ балета. Уже Menestrier рекомендуетъ ставить аллегорію балета въ возможно тѣсную связь съ дѣйствіемъ трагедіи. Jouvancу говоритъ: Главное достоинство балета — находится въ связи съ трагедіей; если сюжетомъ трагедіи служить возстановленіе мира между двумя царями, то въ балетѣ всего лучше изобразить причины, слѣдствія и преимущества мира; если въ трагедіи идетъ дѣло о войнѣ, въ балетѣ можно показать происхожденіе войны, приготовленія къ ней; если на сцену выступаетъ герой-христіанинъ, торжествующій надъ врагами-язычниками, то въ балетѣ слѣдуетъ развить ту же идею о побѣдѣ истинной вѣры надъ идолопоклонствомъ; если трагедія оплакиваетъ несчастье высокопоставленнаго человѣка, обманутаго кознями завистниковъ, если она наказываетъ честолюбіе Амана, то въ балетѣ должно представить гибельныя послѣдствія зависти, честолюбія.

Трактатъ Lejaу «De choreis dramaticis» входитъ въ обширный его трудъ «Bibliotheca rhetorum», плодъ его двадцатилѣтней профессуры, въ которомъ ученый авторъ даетъ и правила и примѣры сочиненій всякаго рода, начиная эпической поэмой и кончая эпиграммой и загадкой. Въ «Libre de choreis» даются подробныя наставленія, какъ должно сочинять балеты; Lejaу и самъ былъ авторомъ многихъ трагедій и балетовъ ¹⁾. Въ основѣ послѣднихъ — всегда аллегорія и міеологія.

Иезуитскія collegіи, возникавшія всюду, куда распространя-

---

1) См. анализъ ихъ въ книжкѣ Boysse, Le théâtre des Jésuites, часть 2-я; Répertoire du théâtre du Collège Louis-le-Grand.

лась дѣятельность ордена, были проводникомъ іезуитскаго театра. И если на нѣмецкой почвѣ театръ этотъ, достигшій расцвѣта въ XVII столѣтіи, «beeinflusste trotz seiner bühnentechnisch anerkannt hohen Entwicklung die übrigen Schulbühnen viel weniger, als man erwarten sollte» ¹⁾, — то иначе должно было обстоять дѣло въ Польшѣ и польскихъ школахъ, а подъ ихъ вліяніемъ и въ Россіи въ области начинавшагося театра.

Четырнадцать явленій, изъ которыхъ состоитъ «Дѣйствіе о князѣ Петрѣ», представляютъ собой стихотворное переложеніе въ діалогъ того, что нашъ драматургъ находилъ въ текстѣ романа. Предлагаемое ниже сопоставленіе выясняетъ отношеніе между романомъ и драмой.

II.

Романъ о Петрѣ и Магиленѣ начинается такимъ образомъ.

Въ королевствѣ еранцузскомъ много обреталось волныхъ кнѣзей, и во единой странѣ того королевства бысть кнѣзь именемъ Волгангъ, мужъ благороденъ и многоаго разума разсужденіемъ добраго совете цветуща, име у себя жену благородну княжескаго роду еранцузской королевы сестру родную, именемъ Пѣтронилу, многою красотою и разумомъ сияющею; имѣша у себя едина родного сѣна именемъ Петра, и изъ младыхъ лѣтъ ни о чемъ иномъ помышляше токмо о искусствѣ рыцарскихъ дѣлъ и об шурмовани конскаго бѣгу с копиями и о оружи рыцарскихъ дѣлъ.

Видевъ же то оцѣ его кнѣзь Волеангъ, яко сѣя его к таковому храброму дѣлу воинскому тщание имѣеть и учинивъ пиръ велии и созва королевства еранцузскаго сенаторовъ и великихъ кнѣзей и господъ и сродниковъ своихъ с сыновьями ихъ, чтобъ дети ихъ с сыномъ его предъ ними рыцарство показали.

1) P. Expeditus Schmidt, Die Bühnenverhältnisse des deutschen Schuldramas und seiner volkstümlichen Ableger im XVI Jahrhundert. Berl. 1908, стр. 4.

Егда же съехались те знатныя сенаторы и великия кнѣзи и господа и сродники его с сыновьями своими и имел банкет и забавы немалые и по банкету после стола рекоша оцы детямъ своим, дабы всякъ не стыдился между собою испытат рыцарство на поединках; потомъ кнѣзь Волеангъ приказалъ уготовить полату со украшениемъ всяких утварей, велии изрядну, и места в ней учинить, гдѣбы видѣть отцам их и матерям и дѣцамъ съезжающихся на поединках царей ¹⁾ их рыцарство и доброе храбрство; и снѣ князя Волеанга Петрѣ с сверстники своими на поединкахъ в рыцарстве своемъ храбрство великое учинивъ, и никто противен ему не былъ, и все бывшие на томъ банкете сенаторы и великие кнѣзи и гдѣ и протчие, видевше то его храбрство, стали имет его за болшаго рыцаря, и за то его все сердечно возлюбили ꙗ похваляли ²⁾.

Первое явленіе «Дѣйствія о князѣ Петрѣ» открывается картиной «банкета» у князя Волхвана. Выведены гости: графъ Фридрихъ съ супругой, Людовикъ съ супругой, и ихъ сыновья: Белерфонтъ и Кратисъ; банальныя любезности гостей и хозяевъ облечены въ тяжелыя вирши. Затѣмъ тутъ же, въ залѣ пира, по-

1) Вѣроятно, рыцарей.

2) Рукопись Импер. Публич. Библиотеки Q. XVII № 172: сборникъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ (листы 1—19) — Житіе преподобныя матери нашея Теодоры Александріиска, затѣмъ — безъ заглавія повѣсть о Петрѣ-Златые Ключи, послѣдніе листы которой изорваны, и наконецъ — начало какой то выписки, листы также изорваны. На первомъ листѣ подпись: «Сія тетрадь подъяческаго сына Петра Афонасьева сына Тельнова писано октября 21 дня 1766 года».

Такъ же начинается повѣсть о Петрѣ Златые Ключи въ рукописи Импер. Публич. Библ. Q. XV № 76 (конца XVIII или нач. XIX в.)

То же самое въ рукописи Румянц. Муз. № 2746; рукопись эта—сборникъ, писанный скорописью половины XVIII в., въ которомъ заключается 1) Истoria о славномъ рыцаре неополитанскомъ земли Петре златыхъ ключей и прекрасной королеве Магилене (л. 1—39); 2) Гистория о Александрѣ росіинскомъ дворянинѣ (л. 39 обор.—90); 3) Разговоръ меж двумя товарищами: одинъ из них zelo любилъ вино пить, а други не любилъ (л. 91—95).

Въ силу условій, отъ меня не зависѣвшихъ, я долженъ былъ пока ограничиться этими тремя рукописями для изученія текста русскаго перевода романа о Петрѣ и Магелонѣ.

добно тому, какъ это можно встрѣтить въ «Актѣ о Калеандарѣ» (напр. II дѣйствіе, 2 явл.). происходитъ два поединка Петра съ Белерофонтомъ и Кратисомъ: противники бьются на шпагахъ. Такъ упростилъ драматургъ картину турнира, о которомъ говорится въ романѣ. Петръ израниваетъ Белерофонта и Кратиса— и признанъ «первымъ ковалеромъ»:

Во всю Европу листы должно написать,
Чтобъ за честнаго могли ковалеры знати.

Случи же ся быть тут — говорится далѣе въ романѣ—единому члѣву ис королевства неополитанскаго, именемъ Рыгардасу; и тотъ виде Петрово храброе богатырство и возлюбилъ его сердечно, и сталъ ему говоритъ, чтобъ онъ в домѣ у оца своего не жилъ, а ехалъ бы выныне гдѣрства и своего счастья отведаль и славу богатырскую возприялъ отъ великихъ рыцарей. И рече ему, яко есть слава всегда добрая богатырская во всемъ свете славна и нескончаема паче многихъ другихъ вещей: люди не токмо вспоминають, но и по смерти того храбраго рыцаря во исторіяхъ пишутъ. Слышавъ же то Петръ приятъ словеса рыгардусовы сладостно, и сталъ его спрашивать: «Скажи мнѣ, гдѣне, в которомъ государствѣ такую рыцарскую славу заслужить мнѣ мочно?» Рыгардусъ же, яко истинны другъ, нача ему возвещати: «Есть великии король неополитански, к нему съезжаютца многихъ странъ королевичи и князичи и великие ковалеры изъ многихъ земель и гдѣрствъ на шурмованіе, для великихъ рыцарскихъ дѣлъ, что и король весьма любитъ; у него жъ есть дщерь, дѣвца, именемъ Магилена, весьма прекрасна, яко и на свете другія несть ей подобной». Слышавъ же то Петръ весьма возрадовался и началъ мыслити, какъ бы ему у оца своего и матери проситца ¹⁾.

Эта часть романа легла въ основу втораго явленія «Дѣствія

---

1) Рук. Публ. Библ. Q. XVII № 172, по новой пагинаціи (внизу страницы) (л. 20 обор.; въ рук. Q. XV. № 76, л. 1 обор.—2—тоже самое. Въ рукоп. Рум. Муз. № 2746, л. 1 обор.—сокращенный пересказъ.

о кн. Петръ». Драматургъ столь близко придерживался текста романа, что заставляетъ своего Рыгандруса говорить, будто онъ видѣлъ «поединки» Петра ¹⁾ (какъ это представлено въ романѣ), хотя о его присутствіи при этихъ поединкахъ въ I явленіи не было сдѣлано ни малѣйшаго намека. Въ рѣчи діалога вложена извѣстная изысканность. Введена роль «камординера», докладывающаго Петру о прибытіи Рыгандруса. Внесена еще одна подробность: Рыгандрусъ, въ подтвержденіе своихъ словъ о красотѣ Магилены, показываетъ Петру ея портретъ ²⁾—приемъ, повидимому, входившій въ общее употребленіе въ театрѣ: мы встрѣчаемъ его, напр., и въ «Актѣ о Калеандрѣ», гдѣ царь Атигринъ также показываетъ портретъ своей дочери, говоря о ея красотѣ, и Агролимъ, смотря на портретъ говорить: «Истинно прекрасну дщер, царю, имѣешь» ³⁾, подобно тому, какъ Петръ, тоже смотря на портретъ, говорить:

Истинно достойная красоты персона (стр. 223).

Далѣе въ романѣ:

I во едино благополучное время Петръ пришед ко оцѣ своему и рече: «Драги мои оѣ! Есть обычай таков во всехъ гдѣрствахъ, что королевскіе и княженецкія дети подлежатъ быть въ чужихъ странахъ и принятъ тамо науки и обыкновеніе чужестранныхъ, обхожденіе и рыцарство свое оказавъ, заставъ ⁴⁾ добрымъ и славнымъ рыцарямъ; а мои уже леты таковы суть, чтобъ ехать въ чужіе гдѣрства; покорно прошу вашего пресветлого величества, да повелиши мнѣ ехать во иные гдѣрства, где нѣмамъ счастья своего спробоватъ і науки принять и славнымъ рыцарямъ застать». И рече къ нему оцѣ его: «О драгоцѣнныи мои сѣу, свете очей моихъ, единая утѣха! Зело ты мя увеселилъ прошеніемъ своимъ,

1) Изв. II отд. X т. кн. 1, стр. 222.

2) Ibid., 223.

3) Д. I, явл. 2 (Перетцъ, Памятники русс. драмы эпохи Петра Великаго, стр. 11).

4) Польск. Zostać, сдѣлаться.

что не желаеши себѣ покою, не желаеши быти славнымъ рыцаремъ; однако ж прошу, послушай меня, оца своего, что реку ти: вѣстинну и такъ искусен еси в рыцарствѣ, и ежели ты нѣе в другіе гдѣства одедеши, то самъ видеши, азъ уже старъ есмь и бѣс такой печали скоро будетъ мне смерть, то конечно меня и мать твою умориши; со слезами прошу ти, престои нѣе от начинанія сего; котораго чина давно достоин еси, однако можеши то исполнит и по смерти нашей; како живы будемъ я и мать твою, единого тя родивше липимся». И рече Петръ: «Оче мои драги, вѣстинно я о семъ известенъ, что вамъ меня жаль, и утроба ваша палитца а мне; однако жъ всемогущи Богъ да умножитъ летъ живота вашего и узрите мя, егда желаніе мое исполню, тогда паче возвеселимся; покорно прошу, да не претите прозбѣ моею!» И оцъ его много уговаривалъ и по многимъ словамъ ехать ему не позволилъ.

Слышавъ же то Петръ отъ оца своего на неданное ему позволеніе великии опечалился и многія дни пребывалъ в великомъ смущеніи. Видевъ же оцъ его печална, призвавъ к себѣ и рече ему: «О свете очию моею! вижду ти в немаломъ смущеніи і печали; уже хотя мне тебя и жаль, однако ж вижду не для какого злого интересу просиши мя, но для самыя нужды, бесъ которой княжескому сѣу быти не можно, — позволяю тебѣ, иди с миромъ во ныня гдѣства и помни Бга и мое приказаніе, в чемъ из детства навъкъ еси; да подастъ Гдѣ Бгѣ во всехъ путехъ и делехъ твоихъ слутника такова же, яко же предалъ, и дасть намъ Гдѣ Бгѣ на конецъ живота нашего возвеселимся я і мать твою». Самъ же сия с великимъ рыданіемъ глаголетъ к нему, и услышала о семъ Петроула мати его с великимъ плачемъ и рыданіемъ необычно приде к нему и паде на выю сѣа своего и рече с великимъ воплемъ: «О свете мой! к чему изволи померкаеши и меня, матеръ свою, с свету сего гониши? О радость моя! к чему у меня, матери своей, отемлеши радости, еже измлада радовахся? О веселіе мое! чему из веселости скорбну твориши? О мои драги алмазе! почто немилосердно твориши надъ матерію твою, которая во многихъ бо-

лѣзнях единого тя породила? О солнце мое! чему померкаеши от очей моих? Могло бы то быть и по смерти нашей. Да и нѣе, свете мой, коснулся и явился еси въ рыцарскихъ делахъ искусенъ и всеми почтен и возлюблен, — чего еще болши желаеши? О, ташко, драгоценный мой бисеру; воистинну слышитъ сердце мое, яко кому не имать тя видети! умилиствися над утробою моею, в ней же носих и болезнею родихъ тя! Умилихъ над сосцами, ими же питахъ тя! помилуй мя, скорбную матеръ твою, приложи начинание твое инако!»

Петръ же, видевъ тако скорбну мать свою, падъ под ногами ея с великимъ плачем, и многъ часть от рыдания не могли глаголати; потомъ укрепився и рече: «Мати моя предрагая! воистинно горитъ мое сердце, припоминая болезни твои яже о мене; однакож инако сие быть не может, понеже мне та (лета) ¹⁾ суть пришла, аще не поиду нѣе во иные гдѣрства и не застану себѣ рыцарской славы, то по оцѣ своемъ како могу быть на княжена (? sic) и истрачу наследие свое и оттого родитца мне сромота и укоризна княжению нашему. Покорно прошу тя, помилуй мя, отпусти с миромъ и счастливымъ своимъ благословениемъ и мѣтвами огради мя, понеже отеческимъ благословениемъ домъ строитца, а материя мѣтва от смерти избавляетъ! Всемогущи Бгъ услышитъ мѣтву свѣтую твою и дасть мне видеть паки пресветлое лице твое!» Она же с великимъ плачемъ обемъ его и облобызавъ: «Вижду тя, пресладкое мое чадо! Но когда уже не можетъ инако быти, буди тебѣ благословение отъ Вышняго Бга, да подасть тебѣ Богъ счастье во всехъ делахъ твоихъ! Токмо прошу тя, исполни три прозбы мои: первое—молися Бгу и помни о оцѣ и о мене, матери твоей, и сохраняя чистоту свою, и не забывай чрезъ писма; второе—имѣй дружбу, обхождение и любовь з добрыми людьми; третье—скорое возвращение имей, либо могу видѣтъ тя, сладкое мое чадо, и своимъ прибытиемъ увеселиши мя». И наказавъ его теми словесы до-

---

1) Пропущено въ рук. Q. XVII, № 172, л. 23; дополняю изъ вполне совпадающаго текста Q. XV, № 76, л. 3.

волно, и даде ему три перстня златых в драгим каменнем да златую цепь и рекла: «Возлюбленны мои снѣ, даю ти в благословение, прими сие и береги прилежно, и исполни мое наказанне, яко же тебѣ рекла». Он же с клятвою ей обѣщался исполнити. И тако прием отпущение и благословение от оца своего и матери, и отехаша с миромъ благополучно ²⁾).

Эта часть романа въ значительномъ сокращеніи обработана въ III явленіи «Дѣйствія». Рѣчи отца и причитанія матери Петра сжаты (Свѣтъ очей моих померкаетъ . . . Вспомни, какъ тебя питала, говоритъ между прочимъ Петронима). Не умѣя справиться съ драматической задачей постепенно «великимъ смущеніемъ и печалью» Петра заставить отца его согласиться на отъѣзд сына, авторъ пьесы, чтобы не задерживать дѣйствія, измѣняетъ—можетъ быть и не замѣчая того—характеръ Петра, въ романѣ почтительнаго и послушнаго сына, и влагаетъ въ уста его рѣшительныя рѣчи:

Не могу, чтобъ недоволенъ былъ чужею странюю.

Ежели не позволите, то я живъ не буду,

Или такъ потаежно отсюду отбуду.

Лучше съ позволеніемъ меня отпустите (стр. 225).

Двѣ сцены романа соединены въ одну.

Петръ уѣхалъ; ѣздилъ онъ «по разнымъ гдѣрствамъ с великою славою», и наконецъ прибылъ «в королевство неопалитанское, гдѣ живетъ король с королевою и со дщерію прекрасною королевною Магиленою». Петръ остановился въ домѣ «у некоего знатнаго чѣвка» и началъ разузнавать объ обычаяхъ и порядкахъ при королевскомъ дворѣ. Онъ узналъ, что пріѣхалъ «един рыцарь именемъ Гендрикъ Кропяня», вызываетъ на поединокъ рыцарей, и что по этому случаю назначенъ турниръ. Петръ рѣшается уча-

---

2) Рук. Q. XVII. № 172, л. 22 обор.—23; то же самое въ рук. Q. XV. № 76 л. 2 обор.—3 обор. Въ рук. Рум. муз. № 2746, л. 2—2 обор. изложено въ сокращеніи.

ствовать въ турниръ, «и сталъ ждать того дня, на которомъ будетъ рыцарское шурмованье, и велелъ сделать себе два ключа златыя самымъ добрымъ мастерствомъ, и приделалъ къ шлему своему, чтобъ онъ в томъ рыцарскомъ съезде у короля и у всехъ былъ знатень». Въ назначенный для турнира день Петръ «всталъ рано и велелъ своего коня седлать и уборъ доброй на него положить, а самъ убрася в драгоценное одеяние и приказалъ единому чѣвкѣ своему изготovitца, которой бы велъ коня его в уборе, на которомъ ему битца. А какъ Петръ убрася совсемъ, тогда пошелъ на учрежденное мѣсто, а за собою велелъ вести коня своего в драгомъ уборе, а другимъ приказалъ нести шеломъ и копье свое со златыми ключи, а за нимъ протчаго звания людей много шло. И какъ рыцари стали съезжатца на уготованное место, где бытъ рыцарскому поединку, тогда король с королевою и с дщерию своею прекрасною королевною Магиленою и с министрами и протчими знатными людьми для смотрения того рыцарства выехалъ на то уготованное место. И какъ все рыцари съехали, тогда Петръ сталъ, яко приезжен чѣвкѣ, далеко отъ нихъ, на последнемъ месте. И потомъ выехалъ единъ рыцарь и рекъ имъ королевскимъ словомъ, чтобъ всякой рыцарь свое рыцарство и силу предъ королевскимъ величествомъ и предъ всеми показалъ.

«Тогда Петръ селъ на доброго своего коня и положилъ шеломъ на главу свою, а копье взялъ в руки и сталъ по тому месту разъезжатъ и копьемъ своимъ метать. Тогда все предстоящие стали другъ у друга спрашивать, откуда сей рыцарь и какова онъ роду и коего гдѣрства и какова оца и матери сѣ, и никто ево не зналъ, для того что онъ никому о себѣ не объявилъ и людямъ своимъ про себя сказывать заказалъ. И потомъ означенной рыцаръ именемъ Гендрикъ Кропяня выехалъ и всемъ рекъ: «Милая моя братия и возлюбленные друзья, гдѣ рыцари! Нѣе испытайте предъ королевскимъ величествомъ всякъ силы своей и дородства!» И выехалъ противъ его королевского двора дворянинъ, знатной чѣвкѣ, и оба съехались и копьями ударилися, и королевской дворянинъ едва с коня не упалъ, Ендрикъ же Кропяня поставилъ себѣ за великую

храбрость и дородство; потом в другой раз съехались, и дворянин попустил копье свое на землю, и Гендриковъ конь въ то число набрушился, и пал на землю и с конем, и все учили хвалить дворянина, а того не видели, что Гендриковъ конь на копье набрушился; и видев же то Гендрикъ Кропяня, что все хвалят дворянина не по правде, и не похотелъ болѣе того с нимъ съезжатца.

«Видев же тое неправду Петръ и похотел отмстит дворянину и поехал против его и съехавшись ударил дворянина копьемъ своим так жестоко, что и с конем на землю его поверже. Король же и все предстоящия велики подивились о той его храбрости силы и дородства и стали ево похваляти.

«Тогда король послал про него спрашиват, ис которого онъ гѣрства и какова роду и какъ ему имя. Петръ же посланному сказал: «Ведомо буди королевскому величеству, что я еранцузского гѣрства, породы честной, толко богатствомъ скуденъ, а дело мое— езжу по многим гѣрствам и от великих королей и князей рыцарством своим ищю себѣ заслужит славы и чести добрыя; а имени своего никому не сказываю, — таковъ нравъ имею». Посланной тот ево речи королю возвестил, король же, видев рыцаря доброго и разумнаго и в силе крепкого и человечествомъ прекраснаго, и стал об нем размышлять, что он конечно роду не простого и не убогъ богатством.

«И на том рыцарском деле Петръ великую себѣ славу от короля и от всех восприялъ, для того что ни единъ изъ рыцарей противъ его стояти не могъ храбрости его ради, и для того король и все сенаторы дали ему первое место, выше всех рыцарей, и назвали его Златыхъ Ключей рыцарь, потому что в шеломе его два ключа были златыя.

«І в то время прекрасная королевна Магилена, видя молодечество и храбрость Петрову и красоту, любѣзно на него смотрела, и сердце ея любѣзно на него распалилос. И какъ Петръ с того шумования к себѣ на квартиру поехал, то его многия рыцари провожали и великую честь ему воздавали. И от того часу слава

про него прошла и о храбрости его во всемъ королевстве неополитанскомъ. А королева Магилена, спустя немногия дни, просила оца своего, чтоб приказалъ еще быть рыцарскому штурмованию, желая еще видети Петровой храбрости».

Происходить новый турниръ, и Петръ опять «всехъ рыцарей храбростию силъ своихъ посрамилъ и с поля збилъ, что ни одинъ не могъ с нимъ противитца, и темъ получилъ себѣ славу и честь напущую».

«Видевъ же король рыцаря Златыхъ Ключей ни от кого не побѣждена, тому дивился многъ часъ, что никто изъ рыцарей противъ храбрости силъ его не могъ стоятъ, и рече своимъ сенаторомъ: «Подобѣ намъ такового великаго и сильного рыцаря почтити и дарить по его достоинству за славное его храбрство, и по всему признаваю, что онъ роду не простого быти можетъ, и великъ я тому радъ былъ, чтобъ мне кто про него уведавъ сказалъ истинную, какова онъ оца и матери снѣ и какъ его зовутъ, и того б я весьма пожаловалъ. Тогда все сенаторы обѣщалис противъ повелѣннн королевского проведыватъ, и не могли о немъ истинны ни от кого уведать»¹⁾.

Авторъ «Дѣйствія» въ IV явленіи прямо переноситъ своего героя въ Неаполь, въ королевскій дворецъ; турниры, бой на копьяхъ и проч., разумѣется, по условіямъ сцены, замѣнены пѣшими поединками на шпагахъ; Петръ побѣждаетъ Гендрика и одного изъ итальянскихъ рыцарей — и всѣ его прославляютъ, признають достойнымъ награды; король называетъ его «первѣйшимъ ковалеромъ в неополитаніи», «ковалеромъ златыхъ ключей».

Затѣмъ въ романѣ рассказывается: И потомъ король приказалъ рыцаря Златыхъ Ключей взятъ к столу, и Петръ тому радъ былъ, чтобъ ему прилежнѣе высмотрѣтъ красоту королевы Магилены и речи и умъ ея слышатъ, потому что во многихъ гдѣ-

---

1) Рук. Q. XVII. № 172, лл. 23 обор.—25 обор.; то же самое въ рук. Q. XV. № 76, лл. 3 обор.—5 обор. Въ рукоп. Рум. Муз. № 2746, лл. 2 обор.—5, короче.

ствах красоту ея от многих людей слышалъ. И рыцарь Златых Ключей, урядясь, пришед пред короля, поклонился ему чесно и к поздравленію речь учтиво выговорилъ, и разуму его и премудрымъ речамъ король и все предстоящие удивилися. И посадилъ его король против себя и потом приказалъ король королеве и прекрасной своей дщери Магилене сести за столом; и рече им король: Пособствуйте мне подчиват гостя, рыцаря Златых Ключей. И король за столом говорилъ самъ с Петромъ многія слова от воинскихъ дел, и Петръ ему ответствовалъ учтиво и не могъ есть— все просмотрелъ на красоту королевны Магилены, и мыслил сам себѣ: счаслив тот рыцарь, кому сия прекрасная королевна обрушница будет. И какъ столъ отошелъ, приказалъ король всякими музыками Петра забавлят, а королеве и дщери своей особо говорит с ним, чтобъ выведать у рыцаря о ево отечестве¹⁾.

Въ «Дѣйствіи о Петрѣ» этому мѣсту романа соотвѣтствуетъ первая часть V-го явленія, состоящаго изъ двухъ картинъ, раздѣленныхъ опущеніемъ занавѣса. Но драматургъ, не умѣя справиться съ задачей изображенія интимнаго обѣда, о которомъ говорится въ романѣ, превратилъ его въ парадный обѣдъ съ участіемъ министровъ, съ шаблонными тостами и привѣтствіями, сопровождающими бокалы. На музыку нѣтъ намека.

Вторая картина—бесѣда Петра и Магилены—основывается на слѣдующемъ мѣстѣ романа:

И королевна Магилена весьма тому стала быть рада, что оцѣ ея приказалъ говорит с рыцаремъ Златых Ключей, и рекла ему: Учтивы породны рыцарю, оцѣ мой, королевское величество, нѣбѣт мѣсть отменную к людямъ дель рыцарскихъ храбрости ихъ ради и о всякихъ воинскихъ делахъ с ними бѣседует; и видя оцѣ мой, королевское величество, твои доброй нравъ и умныя ответы и вопросы, велию мѣть и сердечную любовь паче всехъ к тебѣ приклонилъ, и всегда тебя похваляет и великое твое рыцарство

1) Рук. Q. XVII, № 172, лл. 25 обор.—26=Q. XV. № 76, лл. 5 обор.—6. Въ рук. Рум. Муз. № 2746 о томъ же коротко.

славит; а я и мати моя ради тебѣ всякое добродѣтельство чинить, и удивляемся, ис которыхъ стран вы таковыи славны рыцарь и намъ приехалъ, что оцѣ мои и мати моя и я и все наши сенаторы за великое твое рыцарство и богатырскую силу всегда на тебя с радостію зрети и воздавати честь велию желаемъ.

Слышевъ Петръ такія уклонныя речи от королевны Магилены и рече ей: О великоумная и (великая)¹⁾ прекрасная королева Магиленна! недостойн я есмь такой вашей высокои мѣти оца вашего, великаго короля, и матери вашей, великои королеве, и вамъ, прекрасной королевне, не по моей службѣ; былъ я во многихъ гдѣрствахъ, а такія мѣти нигде не получалъ,—за что долженъ везде вашу к себѣ мѣть прословлят; токмо молю, мѣтивая прекрасная королева, ваше высокое величество, убоги чужоземецъ, чтобъ я былъ у васъ последнимъ служебникомъ вашимъ.

И королева, слыша от него такія униженныя и почтвыя слова, рече ему: Великій рыцарю! такового неистовства не имей, что какъ ты себя унижаешь, толко вемъ то, что допустил ты Богъ до всего и наполнилъ всякия добродетели и разума и права и храбрости силъ богатырскихъ, и в нашемъ неопалитанскомъ королевствѣ еще таковыхъ сильныхъ и умныхъ рыцарей не бывало, что ты славны рыцарь, и не токмо оцѣ моему, королевскому величеству, то любо, но и всему сенаторству то мило; да и я бѣ тому завсегда была рада, чтобъ мне с вами, таковымъ рыцаремъ сильнымъ и славнымъ, иметь разговоръ часты, и охотно желаю того, дабы ты при мѣти оца моего, королевскаго величества, пребывалъ и прочъ бы от него не оtezжалъ.

Петръ же с техъ ея словъ приклонился во всю любовь къ королевне Магилене, зря на лице красоты ея и видя целомудры разумъ ея, и поклонясь ей со всякою учтивостію до земли, и пошелъ от нея ис полаты с великимъ веселиемъ²⁾.

1) Лишнее слово; въ Q. XV. № 76, л. 6, этого слова и нѣтъ.

2) Рукоп. Q. XVII. № 172, лл. 26—27=Q. XV. № 76, л. 6 (слѣдующій листъ утраченъ). Въ рук. Рум. Муз. № 2746, л. 5 и слѣд. нѣсколько иначе: рассказывается о двухъ свиданіяхъ, и уже во время перваго Петръ и Магиленна «в бла-

Авторъ «Дѣйствія» передаетъ виршами разговоръ Петра и Магилены, поклонъ же Петра «со всякою учтивостію до земли» замѣняетъ цѣлованіемъ рукъ Магилены (стр. 234).

Далѣе въ романѣ:

А король в то время былъ в столовой полате с сенаторы своими, и какъ рыцарь Златыхъ Ключей пришелъ к королю в палату и сталъ его король спрашивать про его отечество, и Петръ королю отвечивалъ противъ прежняго и про себя ему знать не далъ, и поклонясъ пошелъ на постоялой свои дворъ, и пришедъ на дворъ сталъ в сердце своемъ мыслить о красоте прекрасной королевы Магилены.

А королева также стала мыслить о прекрасномъ и мудромъ рыцаре и держала во умѣ своемъ, чтобъ ей увидать вскоре про имя его и отечество.

И по многому размышленіи прекрасная королева Магиlena призвала к себѣ любимую и верную свою мамку, именемъ Патанціану, а иныхъ предстоящихъ выслала изъ полаты вонъ, и стала Патанциане говорить: О моя возлюбленная Потанцыана! всегда ты мне была верна и послушана во всемъ творила и волю мою исполняла и попечение, о чемъ я тебѣ тайну свою поведывала, во всемъ имела; а нѣе придетъ на мя великая неведомая печаль, и сердце мое болезнуетъ, и со всехъ странъ обидема едва могу жива быти, помышляю о чести своей королевской, чтобъ не опорочить, и мысли своей никому открыти не хочу, и мню, что с такими великими печали отбуду и лишусь здоровья своего.

Слышавъ же Потанцыана печаль королевину, стала еѣ веселити разными утешными словами и рече ей: О мѣтливная и прекрасная

гопрятныхъ разговорахъ и в любовной бесѣдѣ другъ друга возлюбили и бяху сердца ихъ безмерною любовію другъ ко другу, яко не можаху насмотрѣтся на лица своя (л. 5); затѣмъ Петръ возвращается домой, утромъ Магиlena посылаетъ за нимъ и въ разговорѣ между прочимъ прямо говоритъ: «Всма особа твоя съедаетъ мя; никако не обиняся девическою своею особою объявляюся тебе сердечно, ибо великою любовію к тебе склонилася... всма любовію к тебе пламенствуетъ сердце мое (л. 5 обор.).»

королевна Магилена, обѣщалась я тебѣ служить верна, и в чѣмъ возможно, хотя и через мочь свою, готова помощи в печали твоей подавать и вашей милости служит; лутче мне умереть самою, нежели ты прекрасную королевну в скорби и печали видѣть. И вижу ты в лице пременну, а печаль имѣешь неоткровенну, а мои нищете сама ты, госпоже моя, извесна, что я тебѣ во всемъ была верна, а нѣе наипаче обѣщаюсъ служит и тѣну твою храни, но токмо прошу, да не будет печаль твоя утаена от меня, убогья рабы твоея.

Королевна же нача печаль свою объявят мамки своей Потанцыяне и рече ей: Вем ты себе верну и открываю тебѣ тѣну сердца своего; ведаю подлинно, что ты слышела о рыцаре Златыхъ Ключей, которои приехал недавно в наше неопалитанское королевство и показалъ о себѣ храбростию сил великую о себѣ славу над многими рыцарями и вчерашняго числа былъ у отца моего и сидѣлъ за столомъ против меня, и после стола, по приказу оца моего, я с ним сама разговаривала речи многия и слова его и разумъ сама слышела, а богатырство ево всему королевству нашему ведомо, и красота лица его доброзрачная, и всемъ сердцем я его возлюбила, и естли бы я заподлинно ведала, что он честного роду, я бы себѣ иного мужа кроме его имѣть не хотѣла.

Слышав же то Потанцыяна и рекла ей: О прекрасная королевна Магилена, в великое удивление ты меня привела, страх и трепет сердце мое обяло и не ведаю, какъ тебѣ дать ответ; знаю, что сие дело не малое, чтоб в том вашему королевскому величеству бѣсчестия не было, и естли ты, гдѣрня, послушаешь меня, мочно тебѣ сию мысль отставити; нѣе ты дщерь короля великаго и для чести красоты своея можешь быть жена короля великаго, а нѣе хочешь опорочить род свои кралевски и чужеземцу незнаемому хочешь быти женою, а род его рыцарской кто ведаеть? А мы про него слышали, что он земли еранцуской шляхтичь небогатой, и дело сие незбыточное, никогда оное збытца не может, и мысль твоя не к вашему королевскому лицу; изволь сию

мысль отринути и об немъ не мыслити, хотя бы он сказался роду и великого, и тому верить нечему.

И егда королева Магилена услышела речи мамки своей Потанцыаны, что не къ ея помышлению еи ответствовала, сердцемъ своимъ зело запечалилась, и от тѣшко сердечной печали видения лица ея изменися велми, и какъ сидела, такъ и упала бѣс памяти. И по маломъ времени в себѣ пришла и рече мамки своей: О милая моя мамка Потанцыана! вижу я, что бѣдному моему и печальному сердцу припаде еще тяжкая скорбь и болѣзнь от твоихъ мне не-полезныхъ словъ; не вемъ, где твоя любовь и служба ко мне делась? прежде сего во всемъ ты была мнѣ верна и услужна, а нѣтъ вижу ты прменну, и хочешь мя согнатъ с сего свету! О злодеи моя Потанцыана! Если бы ты видела во мне мое сердце, каково тяжко и дивно печалию излиянно, и ты бы устрашилась! Я тебѣ свою тайну поведала, а ты мя хочешь мертву видить, и если о моемъ печали право не рассудиши и о тайной мысли помощи мне не даши, то могу пред тобою мертва быти; и то тебѣ буди ведомо, что опричь онаго рыцаря иного супружника себѣ не хочу имети, потому и сердце мое познало, что тотъ рыцарь великаго роду, разумъ и челоуѣчество и богатырство ево и смелая поступка во всемъ объявляетъ непростого роду, но великаго.

И по многихъ слезахъ и печали своей нача королева приказывать мамке своей Потанцыане, чтоб она уведала у рыцаря прямаго имени, чтоб еи про него ведать, и Потанцыана обещалася еи имени его доведатца. ¹⁾

Мамка встрѣтила Петра въ церкви и отъ имени Магилены просила сказать свое имя. Петръ однако сообщилъ только, что онъ «роду княжеского», и просилъ передать въ подарокъ Магиленѣ «на уверение» перстень, полученный имъ отъ матери. Мамка, «пришедъ х королевне, стала все его (Петра) речи сказывать и его хвалить всякими похвалами, и поднесла еи перстень. Коро-

1) Рук. Q. XVII. № 172, лл. 27—28; Q. XV. № 76, л. 7; рукоп. Рум. муз. № 2746 лл. 6 об.—7 обор.

левна же, выслушавъ все по ряду, и приняла перстень у Потанцыаны с великою любовию и рече: Виждь нѣе, возлюбленная моя Потанцыана, что сердце мое слышало о немъ и признавало по его природству, смелости и мудрости и храбрости силъ, и по сему перстью, а нѣе наипаче признаваю о немъ не простаго роду быти, еще ж вижу, что и умыслъ любовной ко мне его есть: только надобно мне его искусить, что подлинно ли онъ ко мнѣ любовию поступаетъ. И поцеловала тотъ перстень.

Видев же Потанцыана королевнино намерение и рекла ей: Гд̄р̄иня прекрасная королевна Магилена, вижу я, что ты мысль свою всем сердцем положила ко оному рыцарю, и я того не хвалю, какъ прежде тебѣ, гд̄р̄иня, рекла, что дѣло сие непристойное мыслити изволишь и королевскому величеству оц̄у своему и матери бѣсчынство темъ сотворити можешь, и хочешь скоро под волю датися незнаемому чл̄вку, не размыслия о природе и чести королевства своего и не уповая потому быти зазор отечеству своему и о молодости своего размышлительнаго ума; ежели тому датися можешь, то не токмо оц̄у своему гд̄рю, его королевскому величеству, и матери своей гд̄ринѣ королеве, но и всему королевству, подданным нечестъ и велию срамоту и жалость наведеш, в чемъ и в окресныя гд̄рства прославишия неудоб сказаемым порокомъ, и в рассуждение совета моего предаю вашему величеству меня, рабу свою, послушити мя, от сего начинания оставити помышление и по оном рыцарю в тавную мысль и печаль не вдаватися.

Слышав же королевна Магилена такие словеса от мамки своей Потанцыаны, и рече ей з гневом: Дивлюся я безумию твоему, что ты исполняешь; не единыя речи из единых твоих устъ исходят, добро и зло, и не хочу того слышати, чтоб тебѣ переменныя речи ко мне глаголати; недостойно есть верной и послушной рабѣ гд̄рине своей лицемерными словесы воспрещати, а пристойно есть рабѣ во всемъ повиноватися воли гд̄рине своей, я бо есмь помышляю не к зазору и не х срамоте отечеству своему и ни х какому злomu намерению и не к утрате королевской чести,

но к супружественному дѣлу, в чемъ могу произойти и посягнуть за него добрым и честным порядком, яко по закону надлежит, и буду ему сожительница.

Видев же Потанцыана намерение и волю королевинну, и рече ей: Веру имеи, великая королевна, яко до сего времени не могла знати, что ваше величество к супружественному намерению размышляти позволила, а нѣе какъ вашему величеству, такъ и тому великому рыцарю служит, и во всемъ повелѣние ваше общае хранить готова, и вижу, что ваше величество хочещъ законной бракъ принять добропорядочно, того от сердца желаю в скором времени быти, и в вашем общемъ деле помогать желаю, в чемъ с верностию моею и общаюсь.

Услышав же королевна Магилена такая речи от мамки своей Потанцыаны, и от печали престала и стала быть к ней вели мѣтлива, и рекла ей, чтоб те речи хранит тайно и до времени никому не поведыват, и обещалас королевна еѣ жаловат и любить такъ какъ душу свою ¹⁾).

Петръ искалъ случая видѣть мамку, чтобы «чрез еѣ уведомитца о горячности къ нему любви королевны Магилены»; онъ встрѣтилъ Потанцыану опять въ церкви, и на этотъ разъ она сказала ему: «Чесны рыцарю, объявляю тебѣ намерение и мысль прекрасной королевны Магилены и горячность любви ея, что она тебя весьма возлюбила и желает с тобою чесны законны бракъ воспряти и быть тебѣ женою». Мамка опять стала просить Петра открыть свое имя; онъ отвѣчалъ: «Ведаи о семъ, чесная госпожа Потанцыана, яко с клятвою обѣщался, чтоб мне имени своего никому не сказывать кроме вернаго своего приятеля, которой мне веренъ будет горячностью любви своей»; и Петръ, не желая прямо назвать себя мамкѣ, просить ее передать Магиленѣ, что онъ носитъ то же имя, какъ «апостола на небѣ болши всех», и посы-

---

1) Рук. Q. XVII. № 172, лл. 28 об.—30 обор.; Q. XV № 76; л. л. 7—8 обор.; рук. Румянц. муз. № 2746, лл. 8—9.

лаеть въ подарокъ Магиленѣ «други перстен лутче перваго». Королевна такимъ образомъ «дозналась, что имя его Петрѣ»¹⁾.

Изложенная часть романа легла въ основу VI явленія «Дѣйствія о Петрѣ». Драматургъ свелъ нѣсколько фактовъ (встрѣчи Петра и мамки, передача перстней) въ одинъ, сжалъ многословныя рѣчи; выпуская нѣкоторыя подробности разговора (о бракѣ), авторъ пьесы иное освѣщеніе даетъ мамкѣ: въ романѣ Потанцыана—строгая блюстительница чести и нравственной чистоты своей королевны; она становится на сторону любящихся, рѣшается помогать Петру и Магиленѣ лишь послѣ того, какъ увѣрилась, что молодые люди имѣютъ въ виду не свободную любовь, а «честный законный бракъ»; между тѣмъ, въ пьесѣ о бракѣ—ни слова, и снисходительная мамка готова «находитца в услугахъ любовниковъ, лишь только увидѣла обморокъ Магилены, услышала отъ нея, что она до смерти влюблена («Вижду, что во гробъ меня заключитъ желаешь», стр. 236).

Далѣе—свиданіе Петра и Магилены. Въ романѣ:

И говорила прекрасная королевна Магилена мамки своей Потанцыанѣ, чтобъ позвать къ ней рыцаря и видитца с нимъ и переговорить обо всемъ самой ей наединѣ. Потанцыана поутру рано шедъ къ церкви увидѣла рыцаря и пришедъ поклониласъ ему и поздравила отъ прекрасной королевны Магилены и рече къ нему: Достоинно вамъ, великѣи рыцарю, самимъ промежъ себя видитца и переговоритъ, чтобъ ваше доброе намереніе къ законному сочетанію могло учинитися в скоромъ времени.

Услышевъ же рыцарь Петрѣ таковы позывъ, и рече Потанцыане: Госпоже Потанцыана, zde сме прошеніе исполнятъ готовъ, и в томъ я вамъ обѣсчаюсъ Господомъ Богомъ, что не для какого непристойного вымыслу, и в томъ себѣ опасенія никакова не имѣитя, толко ради красоты ея желаю законнаго брака и жить

---

1) Рук. Q. XVII. № 172, лл. 30 обор.—31 обор.; Q. XV. № 76, лл. 9—10; рук. Рум. муз. № 2746, л. л. 9—10.

с нею во всякой чести; но яви мне, чесная госпожа Потанцыана, верность, и чтоб не было какой вашей неправды и женскаго обману,—нареки мне место, где с прекрасною королевной Магиленою видитца.

И Потанцыана ему рече: Чесны рыцарю, ими мне веру, яко вернои своеи; заутра после обѣда иди подле саду, что близъ королевскаго двора, и узришь малыя воротца, и в нихъ вниди, и в полату иди прямо где королевна пребывает, а тамъ никакого чѣвка иного не бываетъ, толко я едина при королевне. И потомъ рече ему: Утверди же мѣть над вами во всякомъ добре, кроме всякаго навета вражия.

И пришед Потанцыана к прекрасной королевне Магиле, и о всемъ, что говорила съ рыцерею Златыхъ Ключей подробно ей возвестила.

И какъ час уреченны приспе, рыцарь Петръ, урядив в драгоценное платье и убрав себя во всякое украшение, и пришед к темъ малымъ воротцамъ и виде ихъ отверстыхъ, вошед и замкнув ихъ, пошелъ прямо к спалней полате, где прекрасная королевна с мамкою своею пребывает, и вшед в полату и поклонися королевне до земли, и видя красоту ея изменися в памяти своеи и потомъ вторично поклонися ей и рече: Мѣтвая гдрина прекрасная королевна Магилена! азъ увидехъ твое прекрасное лице, то сердце мое в семъ часе устрашися, зря на благообразную доброту лица твоего; ꙗ помышляю во уме моемъ, яко несть во всемъ свете в чловекахъ равной тебѣ кротою; и азъ за многую твою мѣть всегда изслуговахъ ¹⁾ и к совершению желаемого тебѣ, к восприятию в скорости волю твою исполнять подщусь.

Королевна же Магилена, видя ево смиренномудрыя и умиленныя речи, что во всемъ хочетъ быт по еѣ воли, и воставъ противъ его из места своего и рече к нему с великою радостію: Чесны и велики рыцарю! И сердце мое желало того чтобъ мне с

---

1) Sic; поставлено въ скобки въ рук. Q. XVII № 172, л. 83 обор., а въ Q. XV. № 76, л. 10 обор. пропущено вовсе.

тобою наедине видѣтца и обо всем нашем намеренном делѣ переговорить; и видя твою храбрость и красоту и во всякомъ рыцарском делѣ мудрость и честность роду твоего, и потому возлюбила ты всем сердцем своим, и для того указала тебѣ быть к себѣ для бѣседы, и зря на чесную твою особу уповаю, яко по чести своей ты мя не осудишь и до стыда мя не допустишь.

И паки рече к нему: Ведаю, чесныи рыцарю, егда с начатку приезду твоего уедавъ храбрство и мужество твое, то и тогда всем сердцем своим возлюбила ты, и не могла того утаит, чтобъ мамкѣ своей Потанцыанѣ мысли своей не открыт, и даи Боже единомушно в сердцах наших в добром здравии и в добром намерени чесно и благополучно законныи бракъ совершити.

Услышев же то рыцарь Петръ и рекъ ей: О мѣтивая гдѣрня, прекрасная королевна Магилена! вижу я вашу к себѣ склонную мѣть, сердце мое тяжко и к любви горячность скорбно понуждает, и обѣщаюсъ вечно честь вашу наипаче своей хранить, и покорно прошу во гневъ мне того не поставитъ, что азъ бѣзо всякого опасения дерзновенно до тебя придохъ; уповаю, что на сихъ яко служебникъ вашей королевской воли, не могъ ослушатца приказу вашего, и прошу, дабы ко мне слуге своему была милостиа, а во всем служить вам из воли своей обѣщаю.

Королевна же услышавъ от него таковыи умныи и уклонныи речи, рекла ему: Чесныи великии рыцарю, ведаю себѣ, что я принимаю тебя не за служебника, но за милого и сердечнаго приятеля, толко молю тя, изволь поведать мне имя свое и род, а твоего имени и отечества ꙗ по се время никто не ведает, а ꙗже я тебя о сем прошу, повеждь ми, не утай.

Отвѣщав же к ней рыцарь Петръ: Ведаю, великая королевна, какъ я выехал из дому бѣца своего и обѣщася пред Богом имени своего и роду никому не сказыват кроме вернаго своего друга, котораго дасть мне Бгъ в супружество, а мне вашему королевскому величеству вернымъ и любезнымъ другом ставитца неудобно; но токмо аще рекла истинну, то даю вашему величеству про меня ведать; повели мамки своей выйтъ вон.

И королевна Магиленя тотчасъ Потанцыане велела вон выгнать. И какъ мамка вышла вонъ, и рыцарь Петръ нача глаголати: Нѣе, прекрасная королевна, всю тайну сердца своего открываю тебѣ: когда я былъ у оца своего, тогда вашего неопалтанскаго королевства неки члѣвкъ прилучился быть в нашем гдѣрстве, и нача мне говорит, чтобъ я в доме оца своего не жилъ и ехалъ выныя гдѣрства отведасть счастья своего и рыцарства заслужить; да онъ же мне сказал о королевскомъ величествѣ оѣе твоѣмъ, какую кажетъ мѣть къ рыцаремъ, которые при немъ пребываютъ, и сказалъ же мне про неизглаголанную красоту лица твоего; и я, слышавъ отъ него, велими того пожелалъ, чтобъ мне достигнуть королевство вашей земли, и оцъ мой и мати, не хотя меня отпустить отъ себя, со многимъ прошениемъ мнѣ ехатъ возвращали, потому что единъ сѣнь у нихъ есть; однако жъ по прошению моему отпущень отъ нихъ с миромъ. А о родѣ моемъ тебѣ, милостивая королевна, возвещаю, изволь ведать: отецъ мой князь Волвангъ, а у короля еранцузскаго волнон, а мати моя Петронила королевны еранцузской сестра родная, а имя мне есть Петръ; и ведаи о семъ, прекрасная королевна, что я есть непростаго рода, а имени своего не объявляю для того, что у королевскаго величества у рыцарскаго дела обрететца чесныхъ людей много, а честиному и славному рыцарю о имени своемъ сказыватца рыцарской уставъ запрещаетъ.

И какъ королевна Магиленя услышала сию тайну его, велими возрадовалась и рекла къ нему: О чесны и велики рыцарю, я тебѣ сама сказала, что хошу тебя имети не за слугу, но почитаю тя за любезнаго себѣ друга, и во всемъ тебѣ и воли твоеи хошу повинна быти, и буди ты самъ приятель и стражъ честности моеи, для того что ты мнѣ велими любѣзень, и не знаю, чемъ бы тебя почтить.

Потомъ сняла съ себя златую чепъ с каменiemъ драгимъ, положила на перси его и рекла ему: Верны и сердечны приятелю мой! сей первы даръ для памяти между нами, чтобъ намъ во всякой добродетели и в чистоте пребыти, и тебѣ б мое девство хранить во всякой чистоте до обручаемого дни.

Рыцаръ же Петръ принялъ даръ еѣ с великою честью и учинилъ нискомъ поклонъ з благодареннемъ, и потомъ снявъ с руки своей материнъ перстенъ златы поднесъ королевно и рече ей: Елико имелъ благословенне матери своей, и всю свою утеху дарую тебѣ.

И королева приняла перстенъ с великою честью и общалась к нему любов имети наипаки прежнего; онъ такожде общался. И по многимъ речамъ простились.

И рыцарь Петръ простясь пошелъ к себѣ на постоялой дворъ, а королева отпусти рыцаря и призвала к себѣ мамку свою Потанцыану и поведала ей все речи, о чемъ с нею рыцаръ говорилъ, и объявила ей даръ — третей перстенъ, и рече к мамке своей: Повеждь мне, любимая моя Потанцыана, каковъ тебѣ кажетца рыцарь, скажи правду.

И Потанцыана рече: Мѣтвая моя гдѣрня, прекрасная королева, вижу я между вами с обѣихъ странъ верную любовь, а сей рыцарь весьма имѣетъ учтивость и велики умъ и мужество, и в лице его прекрасны зракъ, и во всемъ его признаваю чесна быти.

И королева, слыша от мамки своей такія похвалныя слова, весьма стала быть весела, и рече: Милая моя Потанцыана, желаю я, чтобъ намеренне наше исполнилася в скоромъ времени.

И Потанцыана рече к ней: Мѣтвая моя гдѣрня, прекрасная королева! нѣ ты всемъ сердцемъ своимъ и любовию приклонилася к сему рыцарю, и о томъ молю тя: содержи твердо, не объявляя другимъ дѣдамъ, чтобъ не было тайно явно; естли сведаетъ оцѣ твою и мати, то уже ваше величество отринута будешь от ихъ отеческой мѣти, а тому рыцарю и мнѣ убогой не быть живой.

И королева в техъ речахъ еѣ похвалила: Благодарю тя, любимая моя Потанцыана, что ты здравия моего обѣрегашь и в томъ дѣлѣ меня утверждаешь, но прошу твоей любви, чтобъ я ты сохранила тайну нашу, а у насъ с рыцаремъ тайна крепка будетъ¹⁾.

1) Рук. Q. XVII, № 172, лл. 31 обор. — 34 обор.; Q. XV, № 76, лл. 10—12 обор.; рук. Рум. муз. № 2746, лл. 10—13.

Въ «Дѣйствіи» (явленіе VII) на свиданіи Петръ и Магилена ведутъ далеко не такіе церемонные разговоры. Свиданіе происходитъ въ саду; влюбленные обмѣниваются горячими признаніями, клятвами вѣрности, запечатлѣваютъ свои обѣты поцѣлуями. На сцену выступаетъ «Купидинъ» и скрѣпляетъ любовный союзъ:

Стрѣлю, стрѣлю вамъ сердца и дамъ вамъ язву зѣлну,
Покажу между вами любовь непремѣнну,
Которая огненна исполнится зноя и пр. (стр. 238).

Сцена чрезвычайно быстро приходитъ къ концу, любовники прощаются и расстаются.

Далѣе въ романѣ:

І в то время приехалъ къ королю рыцаръ славны арменскія земли, именемъ Андрей Скрыня, которой, услыша красоту королевны Магилены, желалъ велики еѣ видетъ, и желая ей рыцарствомъ своимъ угоденъ явитися, и просилъ короля, чтобъ указалъ послать выныя гдѣрства листы, а в своемъ бы гдѣрствѣ повелелъ указами публиковать, чтобъ рыцари къ нему в королевство съезжались ко учрежденному дню для рыцарскаго одоленія и штурмованія.

И король по прошенію ево указалъ листы писатъ во многіе гдѣрства сицевымъ образомъ: аще кто изъ рыцарей имѣеть храбрость и силу богатырскую, и те б ехали на учрежденны день в Неопалитанъ-градъ къ рыцарскому штурмованію; а в своемъ гдѣрствѣ о томъ указами публиковалъ. И егда в выныя гдѣрства листы пришли, тогда добрыхъ и храбрыхъ рыцарей в Неопалитанъ-градъ на учрежденны день многое число съехалось.

І какъ пришелъ учрежденны день и часъ штурмованію, стали славныя и великия рыцари съезжаться на учрежденное место, где бываетъ рыцарское штурмованіе. И на ономъ месте построены были два места высокіе и велики украшены всякими драгими хитростми, и на ономъ месте стоялъ король с сенаторы

своими, а на другомъ королева с прекрасной королевной Маггиленою и з девидами своими. И королевна убралась такъ чинно, яко узорочный цветъ украсилась, и взирала часто на рыцаря Златыхъ Ключен. А онъ стоялъ позади всехъ рыцарен. И потомъ прежде всехъ выехалъ Андрей Скрыня и сталъ всемъ рыцарямъ говорить: Гдѣ великия и славныя рыцари! Нѣе всякъ своего счастья отвѣданъ и темъ себѣ славу и честь получи. И выехалъ противъ его аглецкаго короля сѣбѣ и съехали такъ сильно, что копыя у обонхъ у нихъ сломалис, и королевичъ чуть с коня не упалъ, естли бы ево люди не подхватили, и с того места со стыдомъ прочъ отехали.

И потомъ противъ Андрея Скрыни выехалъ Еранелацъ⁵⁾ королевичъ же; и съехалисъ оба сильные рыцари, и копыями жестоко ударилис, и Ерандлацъ Андрея Скрыни копыемъ с коня свалилъ на землю. И видевъ рыцарь Златыхъ Ключен, что Ерандлацъ поставилъ себѣ за великомъ выигрышѣ и дородство, что Андрея Скрыни с коня свалилъ, и в то время крикнулъ великимъ гласомъ: Азъ нѣе иду до поединку за здоровья его королевского величества! И скочилъ на конѣ своемъ со всею прытостію лица; и ударилисъ рыцарь Златыхъ Ключенъ зъ Ерандлацемъ копыями изо всей силы такъ жестоко, что и кони ихъ подъ обѣими попадали.

И король, видя ихъ обѣихъ сильныхъ, и рече своимъ сенаторомъ: Скажите симъ двумъ рыцаремъ — хошу еще видети, кто изъ нихъ сильней и храбрѣе. И услышавъ рыцари отъ короля приказъ, что хоцетъ еще ихъ видети, кто изъ нихъ сильней, и велели себѣ привести иныхъ коней, и съехалис в другомъ разъ; и рыцарь Петръ пустилъ своего коня изо всей поры, и Ерандлаца с коня сшилъ на землю и выломилъ у себя руку. И такои ево рыцарской храбрости и силе богатырскаго наезду все подивилися, а король рече к сенаторомъ: Азъ чаю, что такова человека изъ рыцаренъ нѣтъ, кто б могъ противъ рыцаря Златыхъ Ключенъ с нимъ в силѣ противенъ быть.

1) Въ рук. Рум. муз. № 2746, л. 13 обор.—«Рыцарь Гендарадъ Лонцылонтъ» (въ драмѣ—Лонцылонтъ).

Видев же королева Магилена, что рыцарь Златых Ключей зажилъ себѣ честь и славу великую над всеми великими рыцарями, что некоторои не могъ с нимъ съезжатца и силою противитца, и всемъ сердцем своим тайно веселися, а до того велии опасалася, чтоб он в какомъ стыд не впал. И все рыцари с места того разехалис.

Видев же рыцарь Петръ, что всехъ рыцарей страх обягъ, и никто против его на поединок не едет, — сняв с себя шелом свои, и поехалъ к королевскому месту и рекъ: Мѣтivity и велики королю, во что изволишь мою службу поставит? И рече ему король: Чесны рыцарю, азъ поставляю твою службу в честь и славу великую. И королева, и прекрасная королева Магилена, и все сенаторы, яко единымъ гласом, начаша хвалити рыцаря Златыхъ Ключей, и с честью ево поздравляютъ¹⁾.

Турниръ этотъ составляетъ содержаніе VIII-го явленія «Дѣйствія о Петрѣ»: Андрей убиваетъ англійскаго королевича, Лонцылонтъ — Андрея, а князь Петръ — Лонцылонта; тогда король награждаетъ Петра за проявленное мужество «квалеріею», и всѣ его поздравляютъ.

Петръ не могъ долго протерпѣть, что бы не увидѣться съ Магиленою. Знакомымъ ходомъ, онъ, «излуча время, тайно прииде к прежде реченному саду и вниде в дверцы и затворив прииде к спальной полате, где королева Магилена, и вниде в полату j поклонися чинно по обычаю рыцарскому и хотя ея танны уведати и рече: Мѣтivity моя и великая королева Магилена! азъ верный твои слуга вдался в твою мѣтivity волю и ничего бѣс твои воли чинить не имѣю; нѣе взялъ себѣ в мыслъ, чтобы ехатъ мне ко отцу своему j матери и принявъ от нихъ благословение и застать ихъ вживе, потому что оне в великой старости, и по се время бѣс мой и мати моя многия времена проходящихъ летъ про меня не ведають и от печали сокрушаютца; и о томъ прошу тя,

1) Рук. Q. XVII. № 172, лл. 34 об. — 35 обор.; Q. XV. № 76, лл. 12 обор. — 13 обор.; рук. Рум. муз. № 2746, лл. 13—14.

Исторія II Отд. И. А. Н., т. XI (1906), кн. 4.

поволь мне на малое время в домъ ѿца моего отехать, а я вскоре возвращенне иметь буду к вашему величеству.

«Услышав же прекрасная королевна Магилена такне сво слова, залилася слезами, и красота лица ея от великия печали пременяся, и рече к нему: О велики и чесны рыцарю мой возлюбленны! то ты делаешъ добрыя дела, что нанаметовагъ ѿца своего и мать, а о другом зело мне навель печаль, о чем ведаешъ ты и сам, что я всем сердцем к тебѣ приклонилася, и о сем прошу твоеи любви, чтоб тебѣ здесь помешкать, и когда между нами учинитца какое доброе счастливое дело; аще ли же ты поволишъ меня преслушати и поедеши во свое отечество, и я вдаюся в твою чесную волю, что ты сохранишъ мою чистоту девическую, а я поеду с тобою ко ѿцу твоему и матери, а ты благоволи и меня взять с собою, и к сердцу моему болше того не прилагати печали.

«Видев же рыцарь Петръ королевну Магилену в великои печали и жалости, и рече к нем: Возлюбленная моя королевна Магилена! отринь слезы с очен своих и болѣе не сокрушася; азъ радъ по воли твоеи учинит и путь свои могу отставит, и поживу в королевстве вашемъ; а ежели изволишъ со мною ехать, и я обещаюся тебѣ Гдѣомъ Богом, что мне здравия и чести девства твоего обѣрегателем быть до блгополучного законного времени.

«И слышав королевна слова, от печали престала, и многие между ими речи были таино, чтоб не проведат ѿцъ ея и мать; и поставили себѣ учрежденны день и часъ, и чтоб имъ в третей день с полуночи отехать, и в те б дни рыцарь Петръ готовилася, и приехать бы ему к тем же воротцам, где он ходил к королевне в полату.

«И учиня то между собою намерение, и рыцарь Петръ поклонися и пошелъ на постоялой свои двор с великим веселием, и стали ко учрежденному дни оба готовитца. А королевна от мамки своен Потанцыаны тайласъ, чтобъ не донесла ѿцу ея и матери. И какъ третяго дни пришелъ уреченны часъ ночны, тогда рыцарь взялъ с собою три коня и приехалъ к тем воротцам, и королевну

обремъ во всякой готовности; и взяли с собою злата и сребра и каменья драгаго елико мочно.

«I рыцарь Петръ взяв королеву Магилену посадил на коня, а самъ селъ на другаго, а на третьяго уготованную им потребу и другия вещи, которыя у королевны имѣлис, поклат, и поехал из града велии скоро»¹⁾.

При обработкѣ этого матеріала въ IX явленіи, авторъ «Дѣйствія» обнаружилъ значительную самодѣятельность: введенъ мотивъ, побуждающій Петра ѣхать на родину — письмо съ извѣстіемъ, что его «родитель Волхванъ почти умираетъ»; Петръ предлагаетъ Магиленѣ вступить съ нимъ «в трактатъ», но Магилена отказывается «отечество оставить любезно и съ любезными други разлучитца слезно»; въ отчаяніи, осыпая королеву упреками, Петръ хочетъ лишиться себя жизни, заколоться собственной шпагой; Магилена отнимаетъ шпагу и соглашается ѣхать вмѣстѣ съ женихомъ (стр. 242—244).

Далѣе въ романѣ рассказывается, какъ обнаружилось на другой день исчезновеніе королевны. мамка ничего не осмѣлилась сказать про свиданія Петра и Магилены; была послана погоня за бѣглецами, но посланные возвратились ни съ чѣмъ. Родители Магилены были въ великой печали²⁾.

Въ драмѣ этого нѣтъ вовсе.

Далѣе въ романѣ:

Всю ночь (Петръ и Магилена) ехали, и какъ расветат стало, то Петръ стал править в такія места, где от погони укрытися, и въехали межъ высокихъ горъ и в великии лесъ, который стоит над морем, и стали тамо в удобномъ месте. И рыцарь Петръ снял королеву Магилену с коня, и сели под дровомъ, а коней пустили на кормъ по лесу, и промеж себя многия речи говорили, и ко-

1) Рук. Публ. Библ. Q. XVII. № 172, лл. 85 обор. — 86 обор.; Q. XV № 76, лл. 13 обор. — 14 обор.; рукоп. Румянц. Муз. № 2746, лл. 14 обор. — 16 обор.

2) Рук. Q. XVII, № 172, л. 87; Q. XV, № 76, л. 14 об. — 15; рук. Рум. Муз. № 2746, л. 17.

ролевна от истомления легла спат и положила главу свою на колени рыцарю Петру и уснула велии крепко...

И какъ прекрасная королевна Магилена уснула в лесу от труда, положила свою главу на колени рыцарю, и он смотря на кросоту ея велии утешился и не могъ удержатися помыслом, растегал платя ея против персеи, хотя видети тело ея, и наипаче зря на нѣя узавися сердце его на блуд і разжесе мыслию, и забывъ свое обѣщаніе, данное к ней чрез Бога, и свою клятву ни во что вменилъ и сталъ мыслить неподобное дело. И виде Богъ непостоянство его, и за неистовыя его помыслы и за пременение клятвы поставилъ их во единомъ часе другъ от друга в дальномъ розстоянии сицевымъ же образомъ, о немъ же история сия ниже явити будетъ.

И какъ рыцарь Петръ растегалъ персти ея, и узрилъ на грудяхъ ея узелокъ малъ красной парчи, и хотя доведатца, что есть привязано в томъ узелке, развезав напегъ в немъ три свои персни золотыя, которыми еѣ подарилъ; и посмотря те персни завязалъ в туж парчу и положили подле себя, и пакки сталъ дивоватися красоте ея и мыслити неподобное дело. И в тотъ часъ слетель з древа вран и увидевъ тотъ узелокъ ухватилъ: чаель, что мясо, и хотелъ обрести себѣ в пищу, и ухватя взлетелъ на высокое дѣвко; и рыцарь, видя, что вран унесъ узелокъ с перснями, и нача в себѣ думать: Что я учинилъ и положилъ не в охранномъ месте! И рече: О прокляты вран! како ты нѣе на мя зло навелъ! И тихо с колени своихъ сложилъ королевнину главу и побѣжалъ за враномъ; а королевна того не слыхала, от великаго истомления крепко спала ¹⁾.

Этимъ матеріаломъ авторъ «Дѣйствія» воспользовался въ первой половинѣ X-го явленія. Изображается остановка Петра и Магилены въ лѣсу. Чтобы сдѣлать понятнымъ обстановку сцены и діалогъ, авторъ долженъ былъ предпослать довольно подробное объясненіе (стр. 245).

1) Q. XVII. 172, л. 36 обор.—87 обор.; Q. XV. 76 л. 14 обор.—15. Рук. Рум. Муз. № 2746, л. 17—18.

Послѣ изложеннаго, въ романѣ идетъ разсказъ о постигшихъ Петра приключеніяхъ: Петръ преслѣдовалъ ворона до морского берега; воронъ, долетѣвъ до морского залива, уронилъ узелокъ съ перстнями въ море, а самъ сѣлъ на островкѣ вдали; когда онъ взлетѣлъ вновь, то Петръ, не видя болѣе узелка въ его клювѣ, полагая, что онъ оставилъ его на островкѣ, рѣшилъ тѣда плыть; онъ нашелъ маленькую лодку и безъ веселъ пустился въ море, гребя руками. Поднялся вѣтеръ, и Петра унесло; онъ былъ въ отчаяніи, терзался мыслью объ участи невѣсты, которую должны были растерзать дикіе звѣри въ лѣсу, молился Богу, плакалъ, называлъ несчастнымъ день и часъ, когда выѣхалъ въ путь съ королевною. Лодка оказалась съ течью, и Петръ отчаялся уже въ своемъ спасеніи; но утопающаго спасъ проходившій мимо корабль; корабельщики привезли Петра «до великаго града Алезандра» и подарили его турецкому «салтану». Послѣдній полюбилъ Петра и «далъ ему у себя волность большую при дворе своемъ не какъ полоненикамъ, но яко волному члѣву». Петръ долго прожилъ у турецкаго салтана, но всегда былъ печалень, терзался мыслью о Магиленѣ. Салтанъ сдѣлалъ его своимъ «кравчимъ», а затѣмъ «учинилъ его болшимъ сенаторомъ и судею». Но Петръ не могъ утѣшиться, «вспоминая разлученіе съ прекрасной королевною Магиленою, и всегда молился Богу со слезами, чтобъ еѣ Богъ вынесъ здраву изъ непроходимой пустыни, какъ его от морской пучины Богъ избавилъ, и что ихъ Гдѣ Бгѣ сообщилъ вместе в добромъ здравіи, и для того давалъ много мѣтны убогимъ христіаномъ»¹⁾.

Приключенія Петра въ «Дѣйствіи» выпущены, и во второй половинѣ X-го явленія обработано то, что романъ рассказываетъ, вслѣдъ за повѣствованіемъ о приключеніяхъ Петра, о Магиленѣ:

Королева же Магилена на месте томъ, где рыцарь Петръ ея покинулъ, от великаго востому спала многое время, и потомъ проснулась и рекла: Возлюбленные мои рыцарю! какъ ты ради меня

1) Q. XVII. 172 лл. 87 обор.—89; Q. XV. 76, лл. 15—16 обор.; рук. Румянц. Муз. № 2746, лл. 18—20.

нужду терпишь! Я сплю, а ты сидишь. И чаяла она, что глава ея на коленах ево; и какъ она противъ того слова не услышала, и устрашилась и стала ево искат и рекла великимъ гласомъ: Гдѣрь мой, верный и велики рыцарю! что меня едину покинуть? И увидела, что никакова ответу нет, velmi запечалилась сердцемъ своимъ ¹⁾ и наполнилась великия жалости, и отшедши памяти пала на землю и лежала много час аки мертвая, и потом востав бѣгая по непроходимому лесу всюды и много часъ кричала изо всего гласу, дондеже у нея голова заболела; и села под деревом и стала велики плакати и рекла: О несчастная и горкая на свете дѣца, не токмо от члѣвкъ, но и от зверей погибшая и бѣсчасная! Потеряла единую надежду свою, которою было мне Бгъ даровал! Что я над собою сама учинила? Для чего гдѣря своего мѣрдаго слугою себѣ учинила и стражемъ его над собою поставила? А пристонно было мнѣ ему служить. А нѣе бѣ послужила, да некому! Охъ, охъ, горе бѣдной! А мои возлюбленной, что над тобою зделалось? Какъ ты разлучился со мною и чего ради меня оставил, верную свою? И что ты, во мне зло кое провидилъ? В такомъ страшномъ и непроходимомъ лесу меня оставилъ! Молю, возлюбленной рыцарю, где по се время отлучался от меня? Ведаю я, что не по охоте тебѣ, но по неволи разлучение наше с тобою учинилось. И нѣе вижу—напрасно дщерь короля великаго проподает, и на погребѣние мое готовятца лютыя звери с острыми зубами и с кохтями, терзати тело мое. О возлюбленной рыцарю! чемъ я тебѣ не полюбила? Что ты надо мною учинил, какою немилость? Уведши меня из дому, ис преславныхъ полатъ, от отца моего и матери, и предал меня в такомъ непроходимомъ лесу на съедение лютымъ и страшнымъ зверямъ и на растерзаніе! Где нѣе твоя любовь, которую ты имелъ ко мне, мои сердечны другъ? Что тебя от меня разлучило? Токло что оѣцу своему и матери своей солгала, а в тебѣ, мои сердечны другъ, любви по-

1) Последующіе листы рукописи Q. XVII. 172, плохой сохранности: прогнили дыры среди листовъ, многіе листы оборваны. Восстанавливаю и дополняю текстъ по рукописи Q. XV. 76, совпадающей слово въ слово.

искала, разве то себѣ мнишь, что бутто такожде и тебѣ солгу? О смерти! прииде нѣе ко мне бѣз опасения, и простри на мя острую свою косу, и твори еже хочещи! Не милъ мне нѣе животь мои!

И востав пошла по пустыни и нашла коней своих, на которыхъ ехали, и по тому познала, что рышарь не своею волею от нея отлучился, но от некакой неволи и притчины, наипаче в великую печаль и жалость прииде. Потомъ королевна Магиленна по тому лесу много ходила, искала дороги и нашла малую тропку, и по ней шла, и вышла на болшую дорогу; и пришедъ нашла великое древо и села на том древе, и сидела великое время и смотрела на болшую дорогу, и не могла в те часы никого узреть. И узрела того ж дни единую старицу путемъ идущую; и королевна сошла с того древа и пришед к той старицы и рече к ней: О великая старица! учини для Бога мѣть свою ко мне: дамъ мне свое черное платье, а мое возми к себѣ цветное.

Старица же видя дѣвцу прекрасну в драгомъ одѣяни, и думала во уме своемъ, что некоторой велможѣ стоитъ подле дороги, а она якобы вышла к ней на дорогу для искусу; и рекла к ней старица: Мѣтивая дѣвца, добро быть всякому члѣвку в своемъ одеяни,—кому какое Богъ дал, тот такое на себѣ и носит; а тебѣ надо мною убогою старицею издеватца не бѣз греха, и прошу тя, ходи ты в своем одеяни драгомъ, а я хожу и в своем рубище.

И королевна, слышав от нея такой ответ, горко заплакала, и пад старице в ноги и стала ея просити всякими словами, и старица стала держать во уме своем, что она некоторой ради притчины то чинит, и сняла с себя рубище и дала королевне, а еѣ взяла цветное платье с великою радостію и надела на себя, а королевна надела черное платье с великою радостію, и лице свое зачернила, чтоб еѣ никто не опозналъ, и пошла дорогою в Римъ, А старица, взявъ драгое платье, и бѣжала прочь от королевны. чтоб платья от нея не отняла ¹⁾.

1) Q. XVII. 172, лл. 39 обор.—40 обор.; Q. XV. 76 лл. 16 обор.—18; рук. Румянц. муз. № 2746, лл. 20—22 обор.

Авторъ «Дѣйствія о Петрѣ» не взялъ на себя представить отчаяніе покинутой Магилены, и ограничился жалобнымъ причитаніемъ, которое влагаетъ ей въ уста; обрабатывая для этого матеріалъ романа, нашъ драматургъ не могъ удержаться блеснуть своими школьными познаніями по миеологіи: у него Магилену призываетъ Прозерпину (стр. 247), какъ властительницу смерти. Старица выводится на сцену немедленно, что бы не замедить хода дѣйствія; ей влагается въ уста вопросъ, какъ очутилась Магилена «в ономъ пустынномъ мѣстѣ», а королева объясняетъ, что она «з дѣвцами в семъ лесу гуляла» и «от оныхъ отстала».

Четыре послѣднія явленія «Дѣйствія» быстро приводятъ дѣю къ развязкѣ. Въ то время какъ первыя десять явленій шагъ за шагомъ воспроизводили романъ, теперь авторъ пьесы ограничился обработкой только нѣсколькихъ фактовъ.

Изъ романа узнаемъ, что Магилена достигла Рима, пробывъ здѣсь три мѣсяца, «молилася Бгу, чтобъ ее Бгъ снесъ въ добромъ здравіи с рыцаремъ Златыхъ Ключей», затѣмъ отправилась моремъ въ ту землю, «где живетъ оцъ и мать рыцаря Петра», прибыла въ городъ «Хивиль», который от пристанища корабельного недалеко стоялъ», пріютилася на время у нѣкоей Сусанны; отъ послѣдней она узнала, что ихъ князь Волеангъ и княгиня Петроніа имѣли сына Петра, который отправился на рыцарскіе подвиги и о которомъ до сихъ поръ нѣтъ вѣсти, о чемъ и князь и подданные въ великой скорби. Магилена «не могла утерпеть, стала горко плакать отъ воздыханія сердца своего».

Магилена провела у Сусанны три дня, а затѣмъ стала ее просить, «чтобы ей место указала, где бы ей во особой пустынѣ Богу потрудитца». Сусанна сказала ей: «Есть недалеко отъ нашего гѣрства место Погански Торгъ, и к тому месту многія корабли пристають, и тутъ можно кельи поставить, и в томъ мѣстѣ многія люди пребываютъ, которыя отъ морской воды на корабляхъ за-скорбѣютъ; и мнѣ мнитца, чесная старица, дабы ты туда шла и построила на томъ мѣстѣ болницы и техъ больныхъ призирала, и молитва твоя была приятна Богу. Королева же Магилена, слышавъ

от нея такая рѣчи, велии тому возрадовалась, простила с Сусанною, и шла до того места, и пришед на оное место весьма возлюбила; и сколь у нея было золота и сребра и драгаго каменья, что взяла из дому оца своего и матери, все продала гостям корабльщикам, и на те денги построила церков малую во имя Петра и Магилены, и при той церкви больницы, и назвала тот мѣтьрь Петра и Магилены, и стала в том мѣрьѣ жить и вдалася в постъ и в молитву и нача труждатися Бѣгу и около больных стала ходит и призират; и тако жила чесно что всем во удивление. И назвали еѣ святою старицею, и тот мѣрь сталъ быть в великой славе, и многия люди изо многих гдѣрьствъ стали по обѣщанью приезжат и на строения того мѣтря многия сокровища подавать¹⁾.

Обо всемъ этомъ въ драмѣ не говорится ни слова.

Далѣе въ романѣ:

И по многом времени услыша кнѣзь Волеангъ, оцѣ рыцаря Петра, про тот мѣтьрь, и обѣщался ехатѣ и с княгинею своею, и по некоторому времени поехал в тот мѣтьрь и смотрелъ строения того мѣтря и весьма кнѣзь Волеангъ и с княгинею дивовалися, что построила тотъ мѣтьрь старица в таком скоромъ времени. И королевна Магилена, увидевъ приездъ княжеш с княгинею, велии тому рада бысть, и вышла ис кельи своей и поклонилась имъ чесно, и говорила с ними всякия премудрыя речи. Княз же и кнѣгиня велии подившася мудрым ея речам, и рекоша в себѣ: Воистинну сия святая старица не простого роду. И велии ея возлюбили.

Потомъ княгиня стала говорить и розказыват про сѣа своего Петра, какъ он от них отехалъ, и где нѣе пребывает того не вѣдають и известия не имѣют, тому уже другой годъ. И стала княгиня плакать. И королевна видя княгиню велии пла-

1) Q. XVII. 172 лл. 40 обор.—41 обор.; Q. XV. 76 лл. 18—19. Рук. Румянц. Муз. № 2746 лл. 22 обор.—24.

чущуюся, и глядя на нея сама заплакала и наполнила великаго плача и болѣзни по возлюбленном своемъ друге рыцаре Петре и стала княгиню утѣшат всякими мудрыми словесы; и княгиня предста от плача и просила старицу, дабы помолилас Богу о сѣ их, чтоб его БГѣ принесъ к нимъ в дом в добром здравии, и спрашивала б про него у приезжающих людей, которыя к пристанищу пристають близъ ея мѣтра. И кралезна Магилена обещалас молитися о сѣ ихъ и у приезжающих спрашивать. И князь Волеангъ дагъ в мѣтръ тотъ мѣтныю доволну и поехал в дом свои. А кралезна Магилена отпустя их шла в болницу и осмотрела больных и из болницы шла в церковь и молилас Богу и просила многъ часъ с великими трудами и со слезами, дабы Богъ дороватъ возлюбленнаго ея жениха видет в добром здравии, и тако положила всю свою печаль и неотменную надежду на БГѣ ¹⁾).

Это посѣщеніе монастыря Магилены родителями Петра и представлено въ коротенькомъ XI-мъ явленіи «Дѣйствія о Петрѣ» (стр. 248—249); слезъ на сценѣ не проливаетъ никто.

Явленіе XII еще короче; оно представляетъ обработку слѣдующаго мѣста романа:

По некоему ж времени ловяху рыболовы рыбы про кнѣзя Волеанга и поимаша великую шуку, и егда принесоша предъ кнѣзя, князь же повелѣ тое шуку предъ собою рознати; и какъ стали разнимать, и нашли в ней узелокъ красной парчи, и обретоша в ней три златыя перстни з драгимъ каменнемъ, и на техъ перстняхъ печати кнѣзя Волеанга.

И поваръ смотря на нихъ изумелся и рекъ: Велики князь, нашелъ я в сей шуке три перстня златыя с каменнемъ и на каменныхъ вырезаны гербы твоего княжения. И кнѣзь Волеангъ, взявъ те перстни, смотря на нихъ изумился же и показа княгини своей. И княгиня, увидя те перстни, которыми благословила на отезде

---

1) Q. XVII. № 172 лл. 41 обор.—42; Q. XV. 76. л. 19—19 обор.; Рук. Рум. муз. № 2746, л. 24.

сѣна своего Петра, и нача въздыхати изъ глубины сердца своего: О возлюбленной сѣе мой! Едину надежду имела в старости нашея, а нѣе вижу, что ты намъ несчастье и печаль вечную показалъ рыцарством своимъ.

Князь же Волеангъ, видя княгиню плачущую, и самъ нача плакати и станати, и бысть князь и княгиня в великой печали, и помышляли, что сѣна их Петра съели морекія рыбы. И повеле кѣзь Волеангъ в полатах своих стены убить сукном черным, а сами обещалис кѣзь и княгиня ехать в мѣтръ Петра и Магилены ¹⁾.

Въ рукописи Румянцовскаго музея № 2746, листы 24 обороть—25 обор., причитанія княгини въ гораздо болѣе распространенномъ видѣ; здѣсь она

«въздохнувъ изъ глубины сердца своего и возопи громкимъ гласомъ: Увы мне бедной! Погубила я единороднаго сына своего! О возлюбленны сыне мой! Едину надежду имехомъ ты в старости своей, нынѣ же видим ты, яко уже не в животе суще, ибо нещастие твое показываетъ рыцарское. Для чего мы позволили ему ехать посторонние государства, имеючи единаго сѣна? О проклятая рыба, к чему ты меня обещадила? О сыне мой! Како погрешение твое было во глубине морской? А нещастливъ тотъ день, в которой ты захотел ехать для рыцарския славы! Нынѣ нескоро изъ глубины морской выплыветъ твоя слава. О злое нещастие! Не могло над кемъ инымъ показать пагубы своей, только над возлюбленным сыномъ моим! О позорная и немилостивая смерть! Если ты отнела всю утеху мою, возми ж и меня за нимъ!..

Иначе изображено здѣсь и поведеніе князя Волхвана; онъ

«видя княгиню свою вельми плачущу и не дая в себе печали своей знать, нача княгиню отъ плача утешать, рекъ: О возлюбленная моя княгиня, воспомяни патриарха Иакова, какую жа-

1) Q. XVII. 172 л. 42—42 обор.; Q. XV. 76 л. 19 обор.

лость по сыне своемъ име, а напоследокъ Богъ его потешил; также и насъ Господь Богъ можетъ помиловать.—Княгиня же по его словамъ престала плакать и рече к нему: Возлюбленны мой княже, я рада да бы и мене Господь терпение».

Въ пьесѣ перстни находятъ рыболовъ и приносятъ ихъ князю Волхвану; княгиня раздражается скорбными причитаіями, довольно краткими,—и непосредственно вслѣдъ затѣмъ является посланный Магилены съ письмомъ.

Въ романѣ затѣмъ разсказывается, какъ ѣздили родители Петра въ монастырь, какъ княгиня Петронила показала Магилентѣ найденные перстни, въ которыхъ Магилена признала подаренные ей Петромъ. Послѣ этого романъ возвращается къ Петру. Въ великомъ почетѣ жилъ онъ у турецкаго султана, но «никогда весел не бывалъ». Наконецъ упросилъ онъ султана отпустить его на время повидаться съ родителями. Садится онъ на корабль, съ собой беретъ подаренныя ему султаномъ сокровища—четырнадцать бочекъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, выдавъ ихъ корабельщикамъ за бочки съ солью. Недалеко уже отъ французской земли корабль былъ задержанъ противнымъ вѣтромъ и сталъ на якорь у какого то берега. Петръ, больной «от морскаго ходу», сошелъ на берегъ, отправился гулять по лугу, отдался скорбнымъ воспоминаніямъ о Магилентѣ, а затѣмъ уснулъ на лугу среди цвѣтовъ. Между тѣмъ поднялся попутный вѣтеръ, и корабельщики, поискавъ Петра, но не дозвавшись и недождавшись его, отплыли; въ тотъ же день они прибыли къ пристани, близъ которой находился монастырь Магилены, распродали товары, а бочки съ мнимой солью передали въ монастырь на сбереженіе: ежели ихъ хозяинъ отыщется, то бочки ему должны быть вручены, въ противномъ же случаѣ — соль должна пойти на монастырскій обиходъ. въ монастырѣ случилось «оскуденіе соли»; Магилена велѣла разбить одну изъ бочекъ — и нашла въ ней золото, серебро, драгоценные камни; открыты были и остальные бочки, — и часть сокровища Магилена употребила на постройку великолѣпнаго каменнаго храма и каменныхъ больницъ. Между тѣмъ

Петръ проснувшись былъ въ отчаяніи. Какой-то рыболовъ доставилъ его въ ближайшій городъ въ больницу. Петръ сталъ оправляться. Гуляя по морскому берегу, онъ увидѣлъ корабль, готовый къ отплытію. Узнавъ, что корабль направляется въ французскую землю, Петръ упросилъ судохозяина взять его съ собой, хотя онъ и не имѣлъ чѣмъ заплатить. Дорогой Петръ узналъ про монастырь Магилены и рѣшился отправиться туда ¹⁾.

Приключенія Петра авторомъ «Дѣйствія» оставлены въ стороне. Явленіе XIII изображаетъ прямо прибытіе Петра въ монастырь Магилены.

Въ романѣ рассказывается, что Петръ явился въ монастырь совсѣмъ больнымъ отъ утомленія, исхудалымъ, измученнымъ скорбью и болѣзнью, такъ что Магилена не узнала его. И Петръ въ старицѣ-монахинѣ, ухаживающей за больными, съ лицомъ закрытымъ чернымъ флеромъ, не призналъ своей невѣсты ²⁾. Петръ радовался, что возвратился на родину, но скорбѣлъ о невѣстѣ, сѣтовалъ, и однажды Магилена, обходя больныхъ, застала его горько плачущимъ, и спросила:

— «Любимы нашъ гость, чesо ради такъ плачеши и печаленъ еси весма? Или недостатокъ тебе въ потребныхъ?»

«Отвѣща князь Петръ:

— «Милостивая старица, несть того . . . но аще воспомянетъ человекъ первое свое благоденствие . . . сердце его весма возмутится и облиется все кровію; невозможно еже бы не заплакати отъ таковыя тяшккия печали» . . .

Магилена стала его успокоивать и пожелала «уведати что за бещастіе его». Петръ рассказалъ ей все свое прошлое. «Коро-

1) Q. XVII. 176 лл. 42 обор.—46; Q. XV. 76 лл. 19 обор.—до конца рукописи, которая обрывается на бесѣдѣ Петра на кораблѣ о монастырѣ Магилены; Рук. Румянц. муз. № 2746, лл. 26—30.

2) Отсюда рукопись Q. XVII. 172 настолько повреждена, что пользоваться ею для сличенія съ текстомъ пьесы почти невозможно. Пользуюсь рукописью Румянц. Музея № 2746, которая съ даннаго мѣста (листъ 31) даетъ текстъ въ общемъ близкій къ тексту Q. XVII. 172.

левна же, слыша такія глаголы от него, познала возлюбленнаго своего жениха; и тогда не даде ему себя знать и от великия радости залился слезами; он же плача ея не виде, понеже лице все укрыто было чернымъ флеромъ. Она сказала ему:

— «Любимы гостю, мужескому сердцу достоит разумну разсуждати во всяких напастях, ибо аще что и печальное найдетъ на него, не весьма подлежит ему сокрушать сердце свое. . . Должно есть всякому благоразумному человеку возложить печаль свою на Бога. Азъ же чаю, что Господь Богъ милостию своею утешитъ тя от печали твоей, и возлюбленную свою невесту в скоромъ времени узриши, такожде и родителей своихъ увидеши в добромъ здравии, и печаль твоя обратится в радость, а мы о томъ помолимся Господеви. . .

«Князь же Петръ, услыша таковыя радостныя глаголы, помышляше в себе, яко не простая старица сия, и рече:

— «О мати светая, обратила ты сердце мое к радости и утешила еси в ташкой печали моей! Прошу твоего милосердия, помолися за мя Господу Богу, и вемъ, что молитвы твоей много. . .

«И поклонися ей до земли. Королевна же не даде ему поклонитися, но пасадя его на постелю и отиде от него с великою радостью до святаго церкви Божия и со многими слезами благодарение воздаваше Господеви за такую его неизреченную к ним милость».

Затѣмъ Магилена написала Сусаннѣ, прося ее закупить алмазовъ, бархату и «аксаметовъ всякихъ разныхъ», призвала самыхъ искусныхъ мастеровъ и портныхъ и приказала приготовить княжеское платье, и отдѣлать и убрать коврами «двѣ свѣтлицы», потомъ

«приде в болницу осмотрети больных, приде и ко князю Петру и рече ему:

— «Приятелю мой любимы, не хочу азъ сего, дабы ты промежду сими былъ болными, но желаю собственно попецися о

здрави твоём, сама подпуща о здрави твоёмъ, хощу тебя дондеже во особную хранину, иде же бы упокоение было лутчее»... И сказала, что она увѣрена, что скоро онъ увидить свою невьсту; велѣла его звать «в мыльницу», сама вымыла ему голову «и различными мастми благовонными помаза его», а затѣмъ отправила въ приготовленныя комнаты; потомъ сама «шедше в свою светлицу и умы лице свое великими благовонными мастми и прикры главу свою и иде ко князю Петру и рече ему:

— «О велики рыцарю, мой прелюбезнейшей женише! Ныне да возвеселится сердце твое о мне, невесте твоей; много бо время имела несносную печаль о тебе аз, возлюбленная невеста твоя, королевна Магилена, для которыя и ты много зла претерпѣвъ; такожде и азъ тебя ради...

«И снявъ з главы своей флеръ и распусти долгиа свои волосы. Тогда князь Петръ позналъ свою возлюбленную невесту и въскочивъ с места своего и обнявъ королевну, трижды любезно поцеловалися, и вельми возрадовася, и много обои плакаху, не могли другъ ко другу ни одинаго слова промолвить. Тогда же укрепишася от слез, начаша поведать другъ другу вся напасти своя и похождение свое, и быша между ими великия радости, и не бяше конца словесемъ их»... И сказалъ князь Петръ:

— «Любезная моя прекрасная невеста! бывшу ми на море и за болницами, зело обещахся Господу Богу, чтобъ мне в семь монастыре потрудится единъ мѣъ.

«И рече ему королевна: О возлюбленный мой! ежели имеешь обещание, будемъ купно трудится, дабы нам во благомъ здрави и в честномъ пребывани житие свое начати, а родителем твоим поведать о тебе мудрымъ словомъ, дабы хотя малую некую отраду о тебе восприяли, понеже весма скорбять о тебе и неутешно плачуть...

«Егда приде ноцъ, иде королевна в свою келию и во всю ноцъ благодарственныя молитвы возсылаше Господеву и от великия радости не возможе тогда нимало уснути».

На другой день Магилена въ прежнемъ старческомъ одѣяніи поѣхала къ князю Волхвану. Ее приняли съ великою честью. Она рассказала родителямъ Петра:

— «В скоромъ времени узрѣти сѣа своего; поведаю вамъ радость: вчерашняго дни в нощи, стоящи ми на молитве, видѣ в келию мою юноша светлообразны и приведе с собою рыцаря млада и рече мне: сей сѣа князя Волхвана, по немъ же онъ в великой печали пребываетъ, иди к нему и извести сие, дабы прѣехали в сей монастырь. Аз же всему виденію весма ужасна бых в недоумени; и даде ми златую цепь и рече: возми сию, ибо матъ ево при отезде благословила ево сею цепью, ты же во уверение предявишь имъ сие».

И Магилена показала цѣпь. Князь и княгиня «вельми возрадовашася и благодарение воздаша старице за такое имъ радостное известіе, и оставиша себе уреченный день, како имъ ехать в монастырь той».

Въ назначенный день князь и княгиня пріѣхали; «и встрете ихъ королева и рече: Приидите ныне и видите возлюбленнаго своего сына князя Петра. И введе ихъ во убранную полату. Егда же увиде князь Петръ оца своего и матеръ, паде к нимъ на нозе ихъ и от многия радости и от великия печали восплачи слезно... И подняша сына своего от земли и нача целовати его и потомъ седоша, нача спрашивати где былъ и в которыхъ государствахъ: онъ же имъ вся извести, и о прекрасной королевно Магилены, которая в то время вонъ вышла и надела на себя платье доброе по королевскому извычаю и пришла в ту светлицу, где князь Петръ с родителями своими. Что видя князь и княгиня такую прекрасную девицу, вельми дивились. И князь Петръ, ставъ от места своего, взявъ королеву за руку, обнявъ поцеловалъ и рекъ родителямъ своимъ: О милостивый мой гдѣрь батюшка и матушка! сия девица — дщерь великаго короля неополитанскаго, для котораго выехалъ из дому вашего и много зла претерпелъ, также и она наипаче более для меня претерпела и в трудехъ своихъ соорудила церковь сию; та есть моя возлюбленная невеста, и вась

моих родителей, припадая к стопам вашим, и всеусердно просить о союзнении насъ законнымъ бракомъ.

«Слыша то, князь и княгиня безмерно возрадовались... 1).

Авторъ «Дѣйствія о князѣ Петрѣ» 2) беретъ только четыре момента, которые и представляетъ, въ краткомъ, быстромъ изображеніи, послѣдовавшими непосредственно одинъ вслѣдъ за другимъ: 1) прибытіе Петра въ монастырь и встрѣчу его съ Магиленой, причемъ они не узнаютъ другъ друга, 2) Сѣтованія Петра въ разлукѣ съ невѣстой, 3) Магилена узнаетъ Петра въ прибывшемъ въ монастырь больномъ и открываетъ ему себя, и 4) Прибытіе родителей Петра, вызванныхъ Магиленою черезъ посланнаго («лакея») и являющихся сію же минуту. Послѣдній моментъ изображенъ особенно кратко; авторъ самъ почувствовалъ это, и въ оправданіе чрезмѣрности своего лаконизма влагаетъ въ уста княгини-матери такія слова:

Отъ радости днес много ни одинаго слова
Къ тебе, снѣ мой Петре, имам аз готова.

Явленіе XIV, послѣднее, не представляетъ никакого дѣйствія вовсе: князь Волхванъ, княгиня Петронима, короли неаполитанскій, французскій и испанскій и турецкій посолъ привѣтствуютъ своими поздравленіями новобрачныхъ Петра и Магилену.

Въ романѣ рассказывается:

«Потомъ (послѣ встрѣчи въ монастырѣ) повеле князь Волхван писать листы по многимъ окрестнымъ государствамъ, тожъ и хъ королю неаполитанскому... а в листахъ писано все по ряду нохождение, и моляше ихъ быти на бракъ... И какъ приде оныи листы к отцу королевны Магилены, то приказалъ листъ читать предъ всеми вельможами своими и предъ сенаторы иныхъ земель... от великия радости нача плакати и сказа королевны своей все по

1) Рукоп. Рум. Муз. № 2746, лл. 30 обор.—86.

2) Изв. II отд. Ак. Н., т. X, кн. 1, стр. 251—253.

Извѣстія II Отд. И. А. Н., т. XI (1906), кн. 4.

ряду, и бысть радость в них, и удивившася таковому промыслу Божию о них».

И онъ велѣлъ написать Волхвану, что прїѣдетъ на свадьбу. А «князь Петръ, вспомня обещанье свое, что обещался турецкому салтану возвратитися к нему, чтобъ в слове в своемъ не изменити ему и чести своея не опорочити, умысли со отцомъ своимъ отписать к нему». И написали грамоту:

«Волхван князь волны и сынъ ево млады князь Петръ служебницы вашему салтанскому величеству воздаемъ славу и благодаренне за благотворительство вашей царской милости, должно всегда служить вашему величеству; а что жаловалъ несказанную своею милостию сына моего, за которую твою высокую милость должны прославлять всегда имя твое; а что сынъ мой обещалъ возвратитися к царскому вашему величеству, и ныне помилуй уволь ево, понеже хочетъ воспріяти законныи бракъ со дщерию неополитанскаго короля Магиленю; а дабы ваша царская милость изволила превысокую свою особою пожаловать служителя своего на оныи бракъ быти, понеже мы всеусердно желаемъ. При семъ желаемъ здравия и долгоденствия вашему салтанскому величеству».

«И егда донде оныи листъ до турецкаго салтана, и повеле пред собою чести, и выслушавъ... вельми подивися... потомъ к нимъ писати листъ и написавъ отпусти посланнаго скоро, а с нимъ посла ко князю Петру своего іерусалимскаго папа с великими дарами».

На свадьбу съѣхалось множество королей и князей. «И услышавъ князь Петръ о турецкомъ после, проси персонъ коронованныхъ, дабы во едину полату снити, в которую полату послу турецкому на удненцію быти; посолъ же приде и присланной листъ подаде, и повелено читати в слухъ, а в немъ пишетъ сице: Салтан Магметъ и непобедимыи царь князю Волхвану и младому князю Петру—милость вамъ отъ меня, а тишина нерушима. Кажемъ бо мы к вамъ салтанское величество, и все мы утешны, что князь Петръ обрелъ погибшую свою возлюбленную невесту прекрасную коро-

левну Магилену и что нам салтанскому величеству служилъ верно; а что приехал в добромъ здравнѣ в дом свой... и о том мы весьма радуемся и всегда веселимся; и слыша то, о томъ должны не токмо васъ в разлученнѣ учинити, аще б можно ли было самому к вамъ быти, на что ваше неизреченное веселіе; а нынѣ бо азъ не имею такого способнаго времени и часу до васъ ехать, и вместо себе послалъ до вас... пашу иерусалимскаго... дабы он поведаль вамъ милость нашу царскую, князя же Петра за его верную службу выславляемъ и славу его всемъ объявляемъ и чинимъ его во ономъ; а что хотелъ онъ к намъ быти еще послужити, и нынѣ мы жалуемъ тя, дабы ты пребывалъ в домѣ своемъ; и послалъ я тебе и невестѣ твоей, прекрасной королевнѣ Магиленѣ, великія дары».

Посолъ поднесъ князю золотую цѣпь съ драгоценными камнями и подвѣнадцати «кубцовъ златыхъ вельми дивныхъ с каменіемъ драгимъ».

Всѣ удивлялись богатымъ дарамъ и тому, что Петръ заслужилъ такое расположеніе «великаго и грознаго под солнцемъ первейшаго царя турецкія земли».

«Егда отправиша посолство, князь Петръ присланному от турецкаго салтана послу воздаде честь велию и проводиша его за градъ во свое государство».

Свадьба была отпразднована великолѣпно въ монастырѣ Магилены. По пути въ монастырь стояли полки, дорога была устлана коврами; били въ литавры, играла музыка. Гости пиروвали цѣлый мѣсяць ¹⁾.

Чтобы представить все это съ прежнею подробностью на сценѣ, автору «Дѣйствія» пришлось бы написать нѣсколько явленій; торопясь окончить пьесу, онъ выпустилъ второстепенныя обстоятельства, какъ мало интересныя уже теперь для зрителя, и заключилъ драму простой картиной, изображающей торжество влюбленныхъ героя и героини. Роль, между прочимъ, турецкаго посла сведена къ четыремъ стихамъ. Гораздо подробнѣе разра-

1) Рук. Рум. Муз. № 2746, лл. 86—88 обор.

ботана роль этого посла въ отрывкѣ «Комедии Петра злати ключей», напечатанномъ проф. И. А. Шляпкинымъ ¹⁾); здѣсь посолъ читаетъ, по повелѣнію князя Волхвана «письмо», присланное турецкимъ султаномъ, «во оуслышаніе всѣмъ», а затѣмъ водноситъ дары султана; потомъ онъ приноситъ поздравленіе самъ, проситъ отпуска, и удаляется, обѣщая все сообщить «царю своему».

Такъ оканчивается драма.

Окончаніе романа: Волханъ и его княгиня «поживши летъ довольно и преставишася». Князь Петръ жилъ до 80 лѣтъ «съ возлюбленною супругою в великомъ любви и совете», «и вси живущи бояхуся его, понеже видеху слыша о немъ славу немалую и заступу крепкую от турецкаго салтана».

По смерти Петра княжилъ его сынъ, «и бысть такожде воинъ, яже о немъ свидѣлствуютъ в дѣйствахъ російскихъ, якоже и отецъ его князь Петръ, и слава о немъ во всехъ государствахъ немалая во веки прінде» ²⁾).

Вл. Ръзановъ.

Парижъ.
Мартъ—апрѣль, 1906.

1) Царевна Наталья и театр ея времени, стр. 7—8.

2) Рукоп. Румянц. Муз. № 2746, л. 89.

Замѣтки о словянскомъ количествѣ и удареніи¹⁾.

(Посвящается Владимиру Ивановичу Ламанскому по поводу 50-лѣтія его научно-литературной дѣятельности).

Нѣкоторые темные вопросы словянскаго количества и ударенія давно уже занимали наше вниманіе. Статья ак. Шахматова «Къ исторіи ударенія въ словянскихъ языкахъ» Изв. III, 1—34 с., представляющая стройную теорію общесловянскаго ударенія, замѣчательная по глубокой продуманности и богатству комбинацій, даетъ въ большинствѣ случаевъ удачныя отвѣты на эти темные вопросы. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя затрудненія при объясненіи явленій ударенія въ словянскихъ языкахъ съ точки зрѣнія ак. Шахматова все же остаются; въ то же время въ скудной литературѣ, посвященной словянскому ударенію, находимъ взгляды, расходящіеся съ объясненіями ак. Шахматова, однако безъ ожидаемой критики этихъ послѣднихъ, взгляды, въ

---

1) Сокращенія: I. F.—Indogermanische Forschungen; Arch.—Archiv für slavische Philologie; K. Z.—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung; Mém. soc. ling.—Mémoires de la société de linguistique; Abh. d. sächs. Ges.—Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften; P. Ф. В.—Русскій Филологическій Вѣстникъ; Rad=Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti; Изв.—Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Н.; Сб. за нар. ум.—Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина; Sitzungsber.—Sitzungsberichte der Wiener-Akademie der Wissenschaften (philosophisch-historische Classe).

свою очередь не подвергнутые болѣе внимательной критикѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, можетъ быть, послужить нѣкоторымъ оправданіемъ появленія въ печати настоящихъ бѣглыхъ замѣтокъ, преимущественно критическаго характера. Авторъ ихъ долженъ сознаться, что, принимаясь за свою работу, за пересмотръ интересовавшихъ его вопросовъ ударенія и количества, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣялся прійти къ болѣе определеннымъ результатамъ. Надежды эти не оправдались. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшается опубликовать свои исканія, полагая, что сложная и нелегкая работа, отнявшая у него немало времени, не должна пропасть даромъ; она сократитъ, надѣмся, работу будущихъ изслѣдователей тѣхъ же вопросовъ.

1. Переносъ ударенія къ концу слова.

§ 1. Какъ извѣстно, въ словянскихъ языкахъ наблюдается перемѣщеніе ударенія съ коренного слога на окончаніе или суффиксъ, аналогичное литовскому: литовскому отношенію *gankà* п. в.—*gankà* асс. в. отвѣчаетъ русское отношеніе—*рука*—*руку*, сербское *рука* (изъ *gūka)—*руку*.

§ 2. Условія этого переноса ударенія ближе опредѣляются на примѣрѣ съ русскимъ полногласіемъ въ коренномъ слогѣ: литовскому отношенію *barzdà*—*bařzda* отвѣчаетъ русское—*борода*—*бороду* т. е. удареніе переносится съ *нисходяще-домашняго* слога (прасл. *og*) на *слѣдующій восходяще-домній* (конечное *à* было *восходяще-долгимъ* ср. п. в. *f*. прилагательныхъ краткой и полной формы—*gerà*, *geròji*). Качество ударенія называемъ *нисходящимъ* съ словянской точки зрѣнія.

§ 3. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ указалъ Meillet, словянскому типу $\acute{ } : \grave{ }$ въ литовскомъ соотвѣтствуетъ не $\acute{ } : \grave{ }$ (*bořzda*—*borzdà*), но иной типъ. Такъ русскому *головà*—*голову*, с. глава—главу въ литовскомъ соотвѣтствуетъ *galvà*—*gàlvà* Р. Ф. В. 48 т. 195 с. Въ соотвѣтствіи лит. *gàlvà* мы ожидали

бы *голова ср. лит. *vágra* и р. *ворѡна*. Правильно Meillet предполагаетъ здѣсь измѣненіе первоначальнаго восходящаго (со славянской точки зрѣнія) въ нисходящее и отмѣчаетъ, что «тамъ именно, гдѣ существовала подвижность ударенія, имѣло мѣсто и измѣненіе качества ударенія». Быть можетъ, немногочисленность словъ, въ которыхъ— чередовалось съ ' ~ ('—знакъ восходящаго ударенія, какъ ^ знакъ нисходящаго) обусловила то, что типъ этотъ ассимилировался типу отношений — : ^ ~ (*borǵa—*bořǵo); другими словами: въ виду частаго чередованія въ именахъ ж. р. темы -а неударяемости коренного слога съ удареніемъ ^ на немъ, это ^ нефонетически замѣнило удареніе ' въ ф. *gǫlvǫ. Позволительно поставить вопросъ, не объясняется ли трудно примиримая двойственность формъ одного и того же слова въ различныхъ славянскихъ языкахъ: р. *нуждѡ* и *нѹжда*, с. *нѹжда* существованіемъ въ праславянскомъ отношенія *ǫřǵǵa п. с.—*ǫřǵǵo асс. с. (ср. лит. *naudà*—*náuda*). Мягкости согласнаго предъ окончаніемъ не придаю значенія фонетическаго фактора: ср. ниже § 24.

Въ польскомъ — та же двойственность: при *pedza*—діалектическое *ǫřǵa* (Сважендзъ).

§ 4. Законъ переноса ударенія съ нисходяще-долгаго слога на слѣдующій восходяще-долгій охватываетъ значительное большинство именъ ж. р. темы -а.

Въ цѣломъ рядѣ именъ удареніе окончанія въ п. с. f. чередуется съ удареніемъ корня въ асс. с. и п. pl.

Таковы: р. *избѡ* (*избу*—*избы*), *бородѡ* (*бброду*—*бброды*), *бороздѡ*, *боронѡ*, *головѡ*, *градѡ*, *железѡ*, *зимѡ*, *рукѡ*, *середѡ*, *скалѡ*, *спивѡ*, *сторонѡ*, *стѣнѡ*, *цѣнѡ*. Въ рядѣ другихъ именъ вин. п. ед., какъ и им. ед., имѣетъ удареніе окончанія, но пом. pl.—удареніе корня. Таковы: *волнѡ* (*волну*—*вѡлны*), *дирѡ*, *дугѡ*, *звѣздѡ*, *иглѡ*, *игрѡ*, *кормѡ*, *корчмѡ*, *крупѡ*, *лунѡ*, *пилѡ*, *рудѡ*, *рѣкѡ*, *скулѡ*, *слугѡ*, *струнѡ*, *стрѣлѡ*, *травѡ*, *трубѡ*, *уздѡ*. При этомъ нельзя границу между первымъ и вторымъ рядомъ считать устойчивой: въ што-

навскомъ напригнѣть при вѣбу, стѣжену, брѣду находить и вѣбу, стѣжену, брѣду.

Есть и третій рядъ именъ, которыя проводятъ удареніе окончанія и въ форму п.-pl., какъ и въ асс. з.: р. хвалá — (хвалу — хвалі), чертá — (черту — черты), глестá, красá, жарá, хумá, пятá, вешá, толнá.

Но опять-таки граница между этими третьимъ типомъ съ одной стороны и вторымъ и первымъ съ другой—бѣглая: въ чак. навскомъ къ первому типу относятся такія имена, которыя въ русскомъ относятся къ первому: brázdà, brázdù, brázdì; cěnà—cěnù—cěnì; grědà—grědù—grědì; grědà—grědù—grědì; strànà—strànù—strànì, а въ русскомъ—бóровду—бóровды, мѣну—мѣны и т. д.; такимъ же образомъ въ третьемъ типѣ чаканскихъ именъ находимъ такія, которыя въ русскомъ принадлежать къ второму: krūpà — krūpù — krūpì; lūnà — lūnù — lūnì; pílà — pílù — pílì; rǐzdà—rǐzdù—rǐzdì; rǐdà—rǐdù—rǐdì; slūgà—slūgù—slūgì; zvězdà — zvězdù — zvězdì, а въ русскомъ — *крúмы, пúмы* и т. д.

Наоборотъ пятá, принадлежащее въ русскомъ къ третьему типу (пятý—пятý), въ чак. относится къ первому: pětù—pėti (' у Неманича, показаніями котораго пользуемся, обозначаетъ нисходящее долгое удареніе).

Аналогичныя показанія даетъ и нгокавское нарѣчіе: ср. с. бѣјѣда—бѣјѣду—бѣјѣде и р. бѣдá—бѣдý—бѣдý, с. рѣјѣсѣ п. pl. и р. рѣкѣ; с. руду—рудѣ и р. руду—рудý (Востоковъ, Русск. грамм. 1867 г. 245 с.).

Наконецъ вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ, произведенныхъ отъ именъ третьяго типа, все же имѣемъ въ формахъ грасевс'а удареніе коренного слога: р. хвалѣшь, хвалѣшь и т. д., с. хвалѣмъ и т. д.,—какъ увидимъ ниже, изъ болѣе старой формы съ восходящимъ удареніемъ на коренномъ слогѣ.

Такимъ образомъ, изъ именъ женскаго рода темы—а съ долгимъ гласнымъ корня вліянія рассматриваемаго закона избѣли лишь тѣ, которыя имѣли восходяще-долгий гласный корня: с. крѣва—р. корѣва, с. жѣба—р. жѣба и т. д.

§ 5. Особо стоятъ имена съ долгимъ кореннымъ гласнымъ и мягкимъ исходомъ темы. Здѣсь рядомъ съ такими именами, какъ *душа—дѹшу—дѹши, сѣча—сѣчу—сѣчи*, стоятъ имена, нѣкошіе въ русскомъ удареніе корня во всѣхъ надежахъ, въ сербскомъ-штокавскомъ —нисходяще-долгое удареніе на коренномъ слогѣ, а въ чакавскомъ, также въ словенскомъ, — восходяще-долгое удареніе корня. Тановы р. *сторѡжа, горѡжа, тѣжа, твѣржа, жѣжда, вѣна, тѡнца, сѹша*; с. *млѣжа, грѣжа, стрѣжа, сѹша, твѣжа, тѣжа, жѣжа, лѣжа* (ср. *млѣжа, дѹша, свиѣжа*); чак. *грѣжа, жѣжа, сѹжа, стрѣжа* (ср. *грѣжа, свиѣжа*). Русское *прѣжа* должно быть изъ числа этихъ именъ выдѣлено, такъ какъ ему соответствуетъ с. *прѣжа*; русскому *тѹча* при *тѹча* соответствуетъ с. *тѹча*; ср. выше (§ 3)—*нѹжда* при *нѹжда*.

Къ вопросу, какъ смотрѣть на эти имена (*сторѡжа, тѣжа* и т. д.) мы вернемся ниже (§ 24).

§ 6. Выясненныя выше условія переноса ударенія на слѣдующій слогъ въ славянскихъ языкахъ неполно опредѣляютъ область его дѣйствія. Такой переносъ ударенія, какъ извѣстно, находимъ и въ именахъ ж. р. — а темы съ краткимъ гласнымъ корня: въ соответствіи типу отношеній *рука — рѹку — рѹки* находимъ типъ именъ *поля — пѡлу — пѡлы*; таковы: *зола, нога, оца, соха, кроха, щѣка, стрѡка, коса, роса, лоза, коза, вода, нора, кора, нора, гора, смола, стопа*.

Подобно *трава (траву — травы)* измѣняются: *скоба, сова, жена, ичѣла, гроза, сестра*.

Подобно *хвала* имѣютъ всюду удареніе окончанія: *чета, жѣта, щѣпа, стопа*.

Сербскій языкъ въ именахъ съ краткимъ гласнымъ корня устанавливаетъ связь между тремя типами: русскому *жена — жену — жены* отвѣчаютъ с. *жѣна — жѣну — жѣне*, и такъ же въ противоположность р. *грѡвы, козы, стѡны, збри*—въ серб. п. *рѣ. грѡве, козе, стѡпе, збре*. Можно полагать, что русская ф. п. *рѣ.* въ данномъ случаѣ — болѣе ранняя ступень, и что эту болѣе

раннюю ступень прошли и русскія *чѣты*, *мечты*, *щепы*, *стопы*.

Далѣе русскому колебанію: *нога* — *ногу* — *ноги* въ сербскомъ отвѣчаетъ: *нога* — *ногу* — *ноге*, т. е. на сербскомъ мы видимъ, какъ переходилъ первый типъ во второй — ср. въ чакавскомъ *pora* — *poru*.

Мы не склонны придавать значеніе архаизма съ точки зрѣнія общесловянскаго мѣста ударенія формамъ Чудовскаго Новаго Завѣта XIV в.: *жены*, *сестры*, *рѣки*, *слугы*, *бѣды*, *главы*, несмотря на видимое соотвѣтствіе ихъ чакавскимъ *женѣ*, *сестрѣ* и т. п. (А. И. Соболевскій «Лекціи» ³ 272 с.). Насколько нужно быть осторожнымъ въ пользованіи данными старыхъ памятниконъ, показываютъ нѣкоторые примѣры, извлеченные изъ нихъ, какъ *морѣ*, *морию*, *горѣ* или же *терплю* при *терплю*, *ibid.* 273 с.; въ послѣднемъ случаѣ несомнѣнно удареніе корня въ I в. прагс. явилось подъ влияніемъ слѣдующихъ лицъ.

Противъ архаичности формъ *жены*, *сестры*, *слугы*, *бѣды* и т. п. ясно говорятъ: *р. женишь*, *женишь* и т. д.; *служишь*, *служить* и т. д.; *с. жѣнимъ*, *служимъ*, *бѣждемъ* и т. п.

Формамъ Чудовскаго Новаго Завѣта мы могли бы противопоставить болѣе архаичныя съ точки зрѣнія прасловянскон формы среднеболгарскаго Ев. XV—XVI вѣка (бѣлградской народной бібліотеки, № 438): *жѣны*, *свѣздъ*, *свѣзды*, *сѣстры* *асс. рl.* при *сестры*, *хоулы* — вопреки *р. звѣзду*, *хулы*. Ж. М.-Н. Пр. 1905 г. № 5, 25 с.

Тѣмъ не менѣе дифференціація типовъ *стѣна* — *стѣну* и *звѣзда* — *звѣзду*, *нога* — *ногу* и *жена* — *жену* относится къ глубокой древности, быть можетъ уже къ прасловянскон эпохѣ: с. по *жену* при *на гору*, *на землю* показываетъ, что въ эпоху переноса нисходящаго ударенія *и* и *и* на предшествующій слогъ уже была форма **ženŏ* при **gŏgŏ*.

Разсматривая имена ж. р. а — темы съ краткимъ гласнымъ въ корнѣ, замѣчаемъ совершенное отсутствіе въ русскомъ имей съ твердымъ исходомъ темы и удареніемъ корня въ п. с.

Въ сербскомъ находимъ чѣта, кѣра, скѣба, сѣва, дѣба, но въ р. имъ отвѣчаютъ: чета, кора, скоба, сова; что древность — на сторонѣ русскихъ формъ, показываютъ словинскія формы кога, сова (съ открытымъ о т. е. изъ *koga, *vova) и чак. doba.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что с. кѣра, сѣва, скѣба — вторичны, хотя должно при этомъ замѣтить, что сербское " въ этихъ именахъ не тождественно " въ гору, нѣгу и т. п., но восходитъ къ т. е. краткому — восходящему ударенію: ср. на сову при на гору (гѣра).

§ 7. Такимъ образомъ законъ переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ охватываетъ, повидному, всѣ имена съ краткимъ гласнымъ корня.

Удареніе корня, согласно датируемое сербскимъ, русскимъ, словинскимъ, находимъ лишь въ именахъ со смягченной основой: р. кожа, воля, тѣня, дѣля, пѣня, шѣя¹⁾; чак. dola, kŕža, mŕša, staza, želja, vŕdja, zemlja; въ шток. — vŕla, vŕha, kŕža. Съ другой стороны: р. вожжѣ—вожжѣ—вожжи, зорѣ—зорѣ—зѣри, бронѣ—бронѣ—брони, воя (Востоковъ, Р. гр. 28), межѣ—межѣ—мѣжи, соплѣ—соплѣ—сопли, ноздрѣ—ноздрю—ноздри, землѣ—землю—земли, петлѣ—петлю—пѣтли, стезѣ—стезѣ—стеzi, мочѣ; чак. želja—želju, zemlja—zemlju; шток. mŕha, želja.

Вопросъ, являются ли чак. и шток. примѣры п. в. съ удареніемъ коренного слога только результатомъ вліянія вин. п. или восходятъ къ формѣ съ восходящимъ удареніемъ на краткомъ слогѣ корня, рѣшается проклитическими сочетаніями: такъ шток. на воу указываетъ на болѣе старое *vŕlja.

Русскія формы несомнѣнно рѣшаютъ вопросъ во второмъ смыслѣ: воля, кожа восходятъ непосредственно къ прасл. *vŕlja, *kŕža, а не volja, koža, ибо русскій языкъ не знаетъ никакихъ сова или кѣра.

1) Ак. Соболевскій отмѣчаетъ въ памятникахъ *солѣ*. Лекціи 3 278 с.

Несомнѣнные указанія на прасл. типъ съ восходящимъ удареніемъ на краткомъ слогѣ корня въ поск. в. даетъ словенскій: его формы рѣса, кѣза, вѣла, нѣжа, вѣла восходятъ къ формамъ съ удареніемъ корня (о, е — закрытые), тогда какъ зѣмля, шѣжа, жѣла (съ открытымъ гласнымъ) получились изъ *zemlâ, *šejâ, *želâ.

Вопросъ о томъ, какъ понимать формы съ удареніемъ корня въ мягкихъ основахъ жевскаго рода, сводится къ вопросу о хронологическомъ отношеніи переноса ударенія на слѣдующій слогъ и возникновенія двухъ видовъ краткости подъ удареніемъ въ словянскихъ языкахъ. Къ этому вопросу мы вернемся ниже (§ 24).

§ 8. Говоря о законѣ переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ, нельзя совершенно обойти молчаніемъ имена м. р. темы -о.

Де-Соскюръ демонстрировалъ проявленіе рассматриваемаго закона переноса ударенія въ литовскомъ формѣ асс. pl. этихъ именно основъ: при п. в. dēvas, rōnas находимъ асс. pl. dāvās, ropūs, тогда какъ формѣ п. в. kėlmas отвѣчаетъ асс. pl. kėlmas. Въ этой формѣ могли бы ожидать отраженія закона переноса ударенія и въ словянскихъ языкахъ. По крайней мѣрѣ допустимъ вопросъ, не имѣла ли флексія асс. pl., получившаяся изъ н.-евр. — ōs, и въ прасловянскомъ, какъ въ литовскомъ (gegūsius-ropūs), восходящаго характера долготы, и не сохранились ли въ словянскихъ языкахъ слѣды переноса ударенія на окончаніе въ асс. pl. тѣхъ именъ, которыя имѣли нисходяще-долгій гласный корня.

Ни въ сербскомъ-штокавскомъ, ни въ чакавскомъ нарѣчій такихъ слѣдовъ не находимъ; но врядъ ли мы станемъ отрицать эти слѣды въ русскомъ языкѣ, если внимательно присмотримся къ фактамъ.

Конечно, при разсмотрѣніи примѣровъ асс. pl. именъ темы—о именъ, въ которыхъ асс. pl. не замѣненъ формой ген. pl., должно принять во вниманіе, что форма асс. pl. слилась съ формѣ п. pl.,

что, если ф. асс. pl. вытѣснила форму ном. pl., то и сама могла подвергнуться влиянію послѣдней въ отношеніи ударенія; въ лит. находимъ асс. pl. takùs, ratùs при n. pl. takaĩ, но gatai; точно такъ же — dargbus, tiltus при n. pl. darbaĩ, но tiltai; не забудемъ также, что въ извѣстныхъ именахъ нисходящая долгота корня, какъ указалъ Meillet (Р. Ф. В. 48 т. 196 с.), замѣнила болѣе древнюю восходящую (со словянской точки зрѣнія): таковы: *smôgrď, *znâkъ, *rĭgъ, *vôrgъ, *mĕchъ, *vĭszъ, *bĕgъ, *vĭdъ, *môgkъ; впрочемъ относительно *vĭdъ замѣтимъ, что чак. vid—vĭda и р. вĭды асс. pl. указываютъ на восходящее удареніе, а с. вид — вĭда, болг. видѣт — на нисходящее; въ лит. véidas—n. pl. veidaĩ.

Если мы примемъ во вниманіе указанныя условія, то едва ли рѣшимся отрицать совершенно значеніе закона переноса ударенія въ дифференціаціи русскихъ формъ асс. pl. темы -о по ударенію; если взять имена съ первоначально-восходящимъ удареніемъ на корнѣ, то въ большинствѣ случаевъ въ ф. ном.-асс. pl. находимъ удареніе корня: вѣтры, хлѣбы, плуги («Мы села въ пепель, грады въ прахъ, въ мечи серпы и плуги»—Жуковский), порбги, морбзы, дѣды, гбды, раки, холбпы, вĭды. Отступленіемъ являются: часы, сыры, сваты; сrb. вĕтра, хлѣба, дĕда, рака, гĕда, чĕса, свĕта, гĕда, плуга, чĕса, свĕта, сĕра. Наоборотъ, въ словахъ съ первоначально-нисходящимъ удареніемъ на долгомъ гласномъ корня формы n.-асс. pl. чаще имѣютъ удареніе на окончаніи, хотя число отступленій отъ правила здѣсь больше, чѣмъ въ первой группѣ именъ: круги, дубы, ряды, квасы, цвѣты, жары (Р. гр. Востокова 241 с.), мѣхи, свѣги, нѣры, бѣги, торги, шелки, жиры, долги, стяги, слѣды (gen. s. слѣда), кормы (ср. кормлю—кормишь): ср. с. крѹг—крѹга, дѹба, рѣда, квѹса, свѹжета, свѹжета, трга, жѹра, жѹра, дѹга, стѹга, слѹжѣда, лит. szĭkas—асс. pl. szĭkùs (Востоковъ, Р. гр. даетъ n. pl. дубы, крѹги 240 с. 1867 г.).

Отступленіемъ являются: зубы, луки, страхи, яды, бѣсы, чѣлны (Востоковъ), вѣки, свѣты, мѣлоты, вѣлосы.

Народной формѣ волосы соответствует русская церковная форма—*власы*: «порой и старца строгій видъ, рубцы чела, власы сѣдые» . . . ; въ бѣлор.—волосы.

Отъ слова *духъ*—въ зависимости отъ значенія имѣемъ *дѣти* и *духи*.

Къ примѣрамъ закономѣрнымъ можно прибавить и: сады, дары, чины, несмотря на возможность ихъ принадлежности первоначально къ темамъ -и: въ темахъ -и флексія асс. pl. *ūs изъ *ūns такъ же имѣла восходяще-длгое *ū*: ср. лит. асс. pl. *dangūs* при н. pl. *daĩgūs* и асс. pl. *sūnus* при н. pl. *sūpūs*.

На нисходящую долготу корня въ этихъ именахъ указываетъ с. *sād*—*sāda*, *dār*—*dāra*, *čīn*—*čīna*.

Точно такъ же соответствующей закону переноса ударенія является р. ф. *сынѣ*, если примемъ во вниманіе, что въ словянскихъ коренной гласный этого имени — нисходяще-длгогъ, вопреки лит. *sūpūs* н. pl.—*sūnus* асс. pl.

Н. асс. pl. звѣки (с. звѣк—звѣка) не можетъ быть матеріаломъ для возраженій, такъ какъ въ немъ нисходящая долготы вторична въ сербскомъ, и русскій языкъ могъ сохранить болѣе старый-восходящій видъ долготы: ср. чак. *vid*—*vida* при с. *vid*—*vida*; ср. Meillet P. Ф. В. 48 т. 197 с.

Въ малорусскомъ первоначальное развитіе въ формѣ асс. pl. именъ съ нисходящимъ и восходящимъ удареніемъ корня совершенно стерлось: Напusz датируетъ въ мр. не только братѣ, сватѣ, градѣ, хлѣбѣ, но и пороги, морозѣ, горохи Arch. VII, 329 с. 337 сс. ¹⁾).

1) Намъ могутъ указать на то, что отступленія отъ обычной противоположности—*вѣтры*—*дубы* все таки есть какъ въ ту, такъ и другую сторону. Но мы не будемъ имъ удивляться, если будемъ строить прасловянскую картину удареній въ н.-асс. pl. -о темъ, имѣя въ виду лит. н. pl. *darbai* при асс. pl. *dārbus* и рядомъ *tiltai* при *tiltus*, а съ другой стороны н. pl. *gātai*—асс. pl. *gatūs* и рядомъ н. pl. *takai* при асс. pl. *takūs*. Возможность взаимнаго вліанія асс. pl. и н. pl. естественна.

§ 9. Формы п.-асс. pl. на -а: лѣса, снѣга, вѣка, мѣха, голоса, берега, волоса, бѣга, сторожа, желоба, цвѣта, дуга, шелка, конечно, должны разсматриваться особо, такъ какъ здѣсь имѣемъ дѣло въ ф. *береза* непосредственно съ пом. dual., а въ иныхъ съ влияніемъ отчасти формы п. dual., отчасти, быть можетъ, формы п. s. f. съ собирательнымъ значеніемъ.

Однако и здѣсь невольно является вопросъ, почему такому влиянію не подверглись имена съ восходящимъ удареніемъ на коренномъ слогѣ, почему не имѣемъ: *вѣтра, *порога, *мороза, *холопа, *дѣда, *рака, *гороха, *гада, а лишь: сторожа, города, боровá, желобá, голосá, цвѣтá, снѣгá, вѣкá, мѣхá, бѣгá, кормá.

Не потому ли, что формы п.-dual. и п. s. f., оказывавшія влияние на фф. морозы, вѣтры и т. п., встрѣчали препятствіе ему въ различіи мѣста ударенія, чего не было въ фф. снѣги, цвѣты и т. д.?

Форма холбы была замѣнена формой собирательнаго значенія съ одинакимъ мѣстомъ ударенія: *холбѣя*, но не *холома*; такъ же—братя (с. брãт), клинья (с. клѣн).

Въ этомъ отношеніи многочисленнымъ формамъ на -а отъ именъ съ нисходящимъ удареніемъ корня можно противопоставить лишь нѣсколько отступающихъ: колбѣя, зубѣя ср. зубы (с. зѣб—зѣба), прутѣя (с. прѣт—прута), сучѣя (ч. suk), брусѣя (с. брус—брусá), а формамъ на—ья отъ именъ съ восходящимъ удареніемъ корня противустоятъ единичное *хлѣба* (с. хлѣб—хлѣба); послѣднее, быть можетъ, объясняется необходимостью дифференціаціи значенія ср. хлѣбы (хлѣбá—всходы хлѣбныхъ посѣвовъ).

§ 10. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что съ закономъ переноса ударенія въ связи находится и еще одно явленіе русскаго склоненія.

Какъ извѣстно, въ юс. s. многія имена принимаютъ флексію -у, взятую изъ склоненія -и темъ, причемъ на этомъ -у лежитъ удареніе: кругъ—круга—въ кругу и т. п.

Удлинительный образъ это явленіе ограничено почти исключительно именами съ первоначально нисходящимъ удареніемъ въ корнѣ: въ кругу, на дубу, въ ряду, въ квасу, на стягу, на слѣду, въ зубу, въ цвѣту, въ жару, въ пирѣ, въ мѣху, въ шелку, въ бѣгу, въ торгу, въ корму, въ жирѣ, въ долгу, ср. Востоковъ, Русс. грамм. 240—241 с.

Изъ именъ съ восходящимъ удареніемъ на корнѣ имѣемъ лишь подобныя формы отъ: вѣтеръ, часъ, сыръ, видъ; но напримѣръ отъ хлѣбъ, порогъ, морозъ, плугъ—подобныя формы—неупотребительны.

Имя *видѣ*, какъ мы видѣли, формой им. п. мн. ч. указываетъ на восходящее качество долготы коренного слога, и формой loc. в. на нисходящую въ согласіи съ с. вид—вѣда, но въ противорѣчіи съ чак. *vid—vida*.

Полагаемъ, что въ такомъ распредѣленіи фактовъ нѣтъ случайности: переносъ флексіи —и въ loc. в. имѣлъ мѣсто въ тѣхъ именахъ, которыя въ loc. в. знали до этого переноса удареніе окончанія; таковы именно были имена съ нисходящимъ удареніемъ корня; литовскому отношенію: *szilkas* п. в.—*szilkàs* асс. pl.—*szilkè* loc. в. еще и нынѣ правильно отвѣчаетъ русское отношеніе: шелкъ—шелка п.-pl.—шелку loc. в., лишь съ замѣной старыхъ флексій болѣе новыми въ асс. pl. и loc. в.

Прибавимъ, что на нашъ взглядъ въ выставленномъ предположеніи нѣтъ ничего особенно смѣлаго: вліяніе *и*—темъ на *о*—темы въ loc. в. датируется очень раннимъ временемъ,—уже въ старослов. памятникахъ находимъ *радоу* loc. в. *Supr.* *Ав.*, *станоу* loc. в. *Psalt.*, *дароу* loc. в. *Supr.*, *джеоу* loc. в. *Supr.*; всѣ четыре имени относятся къ числу имѣвшихъ нисходяще-длгое удареніе на коренномъ гласномъ; характерно, что и *ф.ф. гел.* в. *о*—темъ, принявшія флексію—*оу*, въ старослов. памятникахъ, по крайней мѣрѣ отмѣченные Лескиномъ *Handb. d. altb. Spr.* 4 73 с., также—исключительно съ нисходяще-долгимъ удареніемъ коренного слога: *радоу* *Supr.*, *здоу* *Supr.*, *дльгоу* *Supr.*, *гмсоу* *Pv.* Сравните с. *рѣд*—*рѣда*, *дѣр*—*дѣра*, *дуб*—*дуба*, *стаи*—

ста̀на, ѡ́јед — ѡ́јѣда, ду̀г — ду̀га, гла̀с — гла̀са — р. го̀лосъ — го̀лоса.

Понятно съ нашей точки зрѣнія наблюденіе Шкрабца, что -и въ гер. в. въ словинскомъ первоначально ограничивалось именами съ удареніемъ $\bar{}$. Ср. Agsch. XIII, 68. Иначе смотреть на этотъ фактъ Вондракъ В. В. XXX, 130 с.

§ 11. Какъ извѣстно, форма пом. рl. именъ средняго рода есть собственно п. в. фем. именъ съ собирательнымъ значеніемъ. Естественно поэтому предполагать, что и въ именахъ ср. рода рассматриваемый нами законъ переноса ударенія сыгралъ свою роль, хотя факты въ этомъ отдѣлѣ именного склоненія носятъ болѣе запутанный характеръ.

По крайней мѣрѣ с. дри́јево — дри́јева, мѣсо — мѣса, сѣ́jeno — сѣ́јѣна и р. дѣ́рево — дѣ́рева́, сѣ́но — сѣ́на, мя́со — мя́са легко объяснимы съ точки зрѣнія нашего закона; ср. и р. пѣ́во — пѣ́ва (спива́ ячныя въ народныхъ пѣсняхъ), с. пѣ́во, при чемъ с. п. рl. пѣ́ва мы склонны рассматривать, какъ вторичное. Сюда же могутъ относиться и р. моря́, поля́ при п. s. мо́ре, по́ле т. е. с. мо́ра, по́ля п. рl. считаемъ вторичными.

Наоборотъ, имена съ восходящей долготой коренного слога не подлежали дѣйствию даннаго закона, а потому с. бьѣ́до — бьѣ́да п. рl., дѣ́ло — дѣ́ла, грѣ́ло — грѣ́ла, рѣ́ло — рѣ́ла, сѣ́ло — сѣ́ла, бля́то — бля́та, мѣ́сто — мѣ́ста, нѣ́то — нѣ́та, ста́до — ста́да (ч. stádo) — представляютъ, вѣроятно, формы, болѣе первоначальныя, чѣмъ р. дѣ́ла, мѣ́ста, ста́да; послѣднія могли явиться подъ вліяніемъ о́мо — о́ма и т. п.; ср. р. болба́.

Въ р. гнѣ́здѣ — гнѣ́зда мы затрудняемся предполагать вмѣстѣ съ Педерсеномъ, К.-З. XXXVIII 333 с., дѣйствіе иного закона « - ˆ > ˆ - » (переносъ съ восходяще-долгаго слога ударенія на предшествующій восходяще-долгій слогъ), такъ какъ слов. gńǫzdim l v. праев. указываетъ на первоначально нисходящій характеръ долготы ѣ: ср. mlátim, slúžim, sǫdim и съ другой стороны magázim.

Но существованіе схемы съ удареніемъ окончанія въ п. в. и удареніемъ корня въ п. рl. мы должны допустить такъ или иначе, какъ унаслѣдованной изъ эпохи индо-европейской (I. Шмидтъ, Гиртъ) или въ результатъ закона, предполагаемаго Педерсеномъ.

Отношеніе *gnězdó*—*gnězda* или *seló*—*sěla* во всякомъ случаѣ должно было явиться подъ вліяніемъ аналогичнаго отношенія иныхъ именъ уже въ ту эпоху, когда законъ переноса ударенія на окончаніе (*sěpá*, *mojá*) не дѣйствовалъ. Такое допущеніе для насъ обязательно, ибо иначе *sěla* измѣнилось бы въ *selá*. Унаслѣдованныя, по предположенію I. Шмидта и Гирта, формы п. рl. съ удареніемъ корня могли удержаться лишь въ томъ случаѣ, если коренной гласный въ нихъ былъ восходяще-долгимъ. Поэтому с. гниѣзда сравнительно съ р. гнѣзда представляется намъ болѣе древнимъ, если не генетически, то по крайней мѣрѣ по формѣ; а с. рѣбра п. рl. при рѣбро п. в. во всякомъ случаѣ—не фактъ сѣдой древности, хотя ему и соответствуетъ русское рѣбра при ребрѣ: ср. проклит. форму *у* ребра; эту форму можно понять двояко: 1) или ф. рѣбра п. рl. явилась подъ вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ въ ту эпоху, когда уже не дѣйствовали ни законъ переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгий слогъ, ни законъ переноса нисходящаго ударенія на предшествующій слогъ (иначе имѣли бы *у ребра или *у* ребра); 2) или ф. рѣбра имѣла восходящее удареніе на краткомъ *ѣ* подъ вліяніемъ ф. *гѣвгд съ музыкально-восходящимъ характеромъ *ѣ*.

§ 12. Относительно loc. s. именъ темы -i ср. Hirt «Indogermanische Akzent» 214 с. Окончаніе -i было здѣсь несомнѣнно восходяще-долгимъ; слѣдовательно въ именахъ съ нисходяще-долгимъ и съ краткимъ кореннымъ слогомъ удареніе должно было въ loc. s. переходить на окончаніе. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ нормальны р. формы въ кості, въ честі, въ осі, въ ночі, въ печі ср. с. пѣни, лажі, часті, кѣсти. Относительно именъ съ долгимъ кореннымъ гласнымъ извѣстно, что во многихъ случаяхъ качество долготы въ словянскомъ не соответствуетъ литовскому

ср. Р. Ф. В. 48 т. 193 и сл. Но если исходить изъ словянскихъ фактовъ, то закономѣрнымъ явится р. въ смѣрти, о мѣши (ср. с. смѣрт, мѣш—gen. s. смѣрти, мѣши) при—въ пядѣи, въ клѣтѣи, въ горстѣи, въ мастиѣ, въ частѣи, въ рѣчи (Востоковъ, Р. гр. 246 с.): ср. с. пѣд—пѣди, клѣжет—клѣжети, грѣст—грѣсти, мѣст—мѣсти, чѣст—чѣсти, рѣжеч—рѣжечи.

Вондракъ полагаетъ, В. В. XXX 124 с., что с. смѣрт, какъ и мѣд, пѣст, рѣт—результатъ позднѣйшаго измѣненія, такъ какъ въ словинскомъ — smrt—smrti, mēd—mēdi и т. д. Но съ точки зрѣнія словянской, оставивъ въ сторонѣ литовскія параллели, нельзя такъ легко устранять сербскіе факты, не указывая, чему же они обязаны своимъ происхожденіемъ: с. по смрти показываетъ, что уже въ эпоху переноса ударенія съ нисходяще-долгаго слога на предшествующій (nà-гркѣ) т. е. повидимому уже въ прасловянскомъ слово это было съ восходяще-долгимъ кореннымъ слогомъ; иначе было бы *ро smrti или *рѣ smrti въ сербскомъ. Наоборотъ, разъ самъ Вондракъ принимаетъ переходъ словъ съ восходяще-долгимъ корнемъ въ формы съ нисходяще-долгимъ, словинскія параллели получаютъ свое объясненіе.

Первоначальныя отношенія, конечно, нарушены въ различныхъ направленіяхъ; тѣмъ не менѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ не трудно рѣшить, гдѣ старина, гдѣ новообразование: р. въ пѣмѣти, на пѣмѣти—явилось подъ вліяніемъ иныхъ падежей, тогда какъ с. у пѣмѣти (ср. у власти, у масти, у мѣсли)—фонетическая форма; прасл. *ramētъ n. s.—ramēti loc. s. > *ramētъ—*ramēti > *ramētъ—*ramēti (с. пѣмѣт ср. нѣ-гору, нѣ-руку).

§ 13. Формы infinitiv'a, какъ извѣстно, также иллюстрируютъ законъ переноса ударенія на конечный слогъ, такъ какъ окончаніе —ti было восходяще-долгимъ, ср. Hirt. Indog. Akz. 214 с., равно какъ и суффиксы неопр. накл. -nŋ, -i, -ě; -a и оконч. -ŋ въ 1 s. graes.; ср. Meillet Mém. soc. ling. XI; 346 и сл., Pedersen K. Z. 38 т. 341 с., Leskien Arch. 24 т. 104 с. (глаголы на -iti).

Не будемъ останавливаться на этихъ глагольныхъ образованияхъ, но замѣтимъ, что и здѣсь, какъ въ существительныхъ, нѣтъ твердыхъ указаній на то, чтобы переносъ ударенія съ краткихъ гласныхъ на слѣдующій восходяще-долгій зависѣлъ отъ качества краткости; судя по глагольнымъ образованиямъ, переносъ этотъ имѣлъ мѣсто во всѣхъ примѣрахъ съ краткимъ гласнымъ, за которыми слѣдовалъ восходяще-долгій слогъ.

Такъ, въ глаголахъ I класса всѣ глаголы съ краткимъ гласнымъ корня имѣють въ inf. и I в. ргаев. удареніе окончанія: нести—несу, гнести—гнету, грести—гребу, мести—мету, печи—печу, речи—реку, течи—теку, вести—веду, везти—везу, жечи—жгу, бости—боду, мочи—могу; ср. с. гвѣсти, грѣсти, лѣти, мѣсти и т. д.

То-же въ глаголахъ этого класса съ нисходяще-долгимъ гласнымъ корня: трѣсти—с. трѣсти, волочи—с. вући и т. п., а съ другой стороны—молотъ—с. мѣсти, полотъ—с. пѣсти и т. д.

Въ глаголахъ III класса: чесать, метать, тесать, глодять, серу, колю, борю, полю, мелю.

Въ силу того же закона чисто-фонетически получились фф. I в. ргаев.: бью, люю. Подъ влияніемъ этихъ бью, люю возникли формы 2 в. и 3 в. *бьешь, бьѣтъ, льѣшь, льѣтъ* вмѣсто фонетическихъ, *bŷješi, bŷjetŷ, lŷješi, lŷjetŷ*, на которыя указываетъ—шток. *ŷzbiŷjet, prŷlijŷ, malor. pŷdŷbŷetŷa*.

А. Шахматовъ считаетъ фф. бью, люю вызванными аналогіей образованій, какъ *возьму* при *возьмешь*, *пойду* при *пойдетъ*. «Такъ же явилось и діалект. *умю* вм. *умюю*, а отсюда *мью* вм. *мою*, какъ *бью* вм. *бьюю*». Изв. III, 1, 27 стр.

Намъ кажется здѣсь виной не аналогія: вѣдь въ формѣ *возьму*—тѣ же условія, что и въ *бью*, и можно поставить вопросъ, откуда—ф. *возьму* при *возьмешь*; ф. *возьмешь* указываетъ на *възьмешь*, какъ с. *ŷzbiŷjesh* на *izbŷjesh*.

Именные формы, какъ *voda* изъ *vŷda* показываютъ, что уда-

равіе " предъ долгимъ восходящимъ слогомъ не удерживается, но переходитъ на этотъ слѣдующій слогъ.

Фонетической является поэтому и форма бью, возьму: *bijǫ*, *vъzъmǫ* фонетически давали—*bijǫ*, *vъzъmǫ*, затѣмъ *bijǫ*, *vъzъmǫ*.

Отступающими отъ правила, т. е. съ удареніемъ на коренномъ краткомъ слогѣ являются: во II классѣ—р. *глѡхнуть*, *мѡкнуть*, *сѡхнуть*, *тѡпнуть*, *хлѡпнуть*, *чѡкнуть*; въ III классѣ *хлѡпать*, *трѡгать*, *тѡпать*, *лѡпать*; въ сербскомъ ср. *скѡкнути*, *зѡвнута*, *клѣпнути*, *цмѡкнути*; ср. еще р. ис-чѣзнуть и с. *ишчезнути*.

Но эти факты внушаютъ мало довѣрія къ себѣ, отчасти по свему происхожденію (*тѡпнуть*, *хлѡпнуть*, *чѡкнуть*, *тѡпать*, с. *зѡвнута*, *цмѡкнути*), отчасти въ виду нѣкоторыхъ другихъ соображеній: р. *мѡкнуть* противорѣчитъ русское же *мочить*; р. *сѡхнута*—с. *усахнути*; с. *скѡкнути*—сербское же *скѡчити* и р. *вскочить*; с. *клѣпнути*—с.-же *клѣпати*; с. *цмѡкнути* ср. съ *цмѡкати*—*цмѡкане*; р. *глѡхнута* обязано быть можетъ своимъ происхожденіемъ вліянію формъ наст. вр.—*глѡхнешь*, *глѡхнеть* и др.

Въ сербскомъ находимъ ф.—*глѡхнута*—съ долгимъ гласнымъ корня и притомъ—въ противорѣчій съ своимъ основнымъ: *глѡв*—*глѡва* и чешскимъ *hluhý*, *hluchnouti*; ожидали бы поэтому *глѡхнута.

2. Фонетическія условія переноса ударенія на слѣдующій слогъ.

§ 14. Предшествующій обзоръ фактовъ болѣе или менѣе выяснилъ, что переносъ ударенія въ словянскихъ языкахъ къ концу слова имѣлъ мѣсто въ слѣдующихъ условіяхъ: когда слогъ, на который удареніе переносилось, былъ восходяще-долгимъ, а предшествующій ему, первоначально ударяемый, слогъ нисходяще-долгимъ или краткимъ.

Мы видѣли при обзорѣ именъ, что переноса ударенія въ п. s. f. не знаютъ лишь немногія имена исключительно съ мягкимъ окончаніемъ; въ этихъ именахъ слѣдовательно могли играть роль особыя условія, связанныя съ мягкостью темъ; мы отмѣтили,

что и глагольные образования ничѣмъ не поддерживаютъ мысли, что въ условіи разсматриваемаго переноса входило извѣстное качество краткости первоначально-ударяемаго слога.

Итакъ, съ большею или меньшею увѣренностью можно сказать, что переносъ ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ имѣлъ мѣсто со всякаго краткаго слога, какъ и съ нисходяще-долгаго.

Вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, какъ смотрѣть на вышеуказанныя имена воля, кожа и т. п. — с. воля, кожа, слов. vōla, kōža, чѣмъ именно объяснять въ нихъ отсутствіе переноса ударенія на окончаніе.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что словянское краткое восходящее удареніе — не архаизмъ со сравнительно-языковой точки зрѣнія. Ср. К. Z. 38 т. 298 с. (Pedersen).

Тѣмъ не менѣе ничто не препятствуетъ относить возникновеніе восходяще-краткихъ слоговъ подъ удареніемъ еще къ эпохѣ общей жизни словянскихъ языковъ; с. на волю при на гору показываетъ, что въ эпоху, когда дѣйствовалъ законъ переноса нисходящаго ударенія на предшествующій слогъ, *voljō и *gorō уже различались по качеству ударенія на коренномъ гласномъ, а между тѣмъ переносъ этотъ (nā-gorō), по всей видимости, относится къ прасловянской эпохѣ (ср. р. на-гору).

Задача объясненія формъ *vōla, *kōža съ восходяще-краткимъ удареніемъ сводится отчасти къ вопросу, что древнѣе: законъ переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ или возникновеніе краткаго восходящаго ударенія на словянской почвѣ.

Къ этому вопросу мы вернемся въ слѣдующей главѣ. Теперь же остановимся еще на одномъ условіи переноса ударенія къ концу слова, условіи, которое предполагаетъ Педерсенъ.

§ 15. По мнѣнію Педерсена, К. Z. 38 т. 307 с. такой переносъ ударенія имѣлъ мѣсто и чрезъ краткій слогъ т. е. $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{e}}}}$ — измѣнялось въ $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{e}}}}$; *lépetati > lepetáti. Принимая такую форму

нашего закона, Педерсенъ считаетъ закономѣрными р. веселá, зеленá, дешевá при вѣселъ, зѣленъ, дѣшевъ.

Должно признать, что предполагаемый Педерсеномъ законъ переноса ударенія ничѣмъ рѣшительно не подтвержденъ, такъ какъ приведенные Педерсеномъ примѣры отнюдь не оправдываютъ его гипотезы: въ объясненіи формы лепетáтъ (ср. клеветáтъ, трепетáтъ) съ такимъ же правомъ можно исходить изъ *lepétáti, которое должно было измѣниться въ leperétáti, форма же лѣпеть (ср. трѣпеть) понятна въ виду другого закона словянской акцентологіи, по которому нисходящее удареніе $\hat{}$ и $\tilde{}$ переносится на предшествующій слогъ (ср. скóвороду при скovorodá изъ *skovořda—skovofđo, слободá—слóбоду, хлопотá—хлопóту изъ *slobòda—*slobòđo, *hlopòta—*hlopòťo).

Что касается приводимыхъ Педерсеномъ формъ прилагательныхъ *вѣселъ*—*веселá*, *зѣленъ*—*зеленá*, то имъ упущено изъ виду, что эти русскія отношенія могутъ быть непервоначальными: ср. въ сербскомъ вѣсел—вѣсела, зѣлен—зелена, притомъ же и здѣсь возможно то же пониманіе, что и въ лепетáтъ—лѣпеть.

3. Древность закона переноса ударенія къ концу слова.

§ 16. На вопросъ, къ какому времени относится разсмотрѣнный выше законъ переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ, существуютъ разнорѣчивые отвѣты.

Ак. Фортунатовъ относитъ означенный переносъ ударенія къ балтійско-словянской эпохѣ; съ нимъ повидимому согласенъ Tore Torbigrnsson «Die gemeinslavische Liquidametathese». I, 57 с. Тотъ же взглядъ принимаетъ Pedersen, K. Z. 38 т. 335 с.

Ак. Шахматовъ въ статьѣ своей 1898 года Изв., III, 1 с.—и сл., не говоритъ опредѣленно о балтійско-словянской или общесловянской эпохѣ, но формы roka, voda являются однимъ изъ исходныхъ пунктовъ его построений, наиболѣе древними фактами прасловянской эпохи.

На совершенно противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ Meillet:

по его мѣнію, дѣйствіе разсматриваемаго закона ниѣло мѣсто независимо въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ въ эпоху ихъ особой жизни. *Mém. Soc. ling.* XI, 346 с., *Arch.* XXV, 425 с.

Наконецъ, въ послѣднее время этого вопроса коснулся Вондракъ, В. В., XXX, 149 и сл., по мѣнію котораго законъ переноса ударенія на слѣдующій слогъ не относится къ литовско-словянской эпохѣ, но явился на литовской и словянской почвѣ независимо, при чемъ не захватилъ даже всей области словянскихъ языковъ.

Такимъ образомъ Вондракъ, если и не вполне сходится во взглядѣ на дѣло съ Мелье, то во всякомъ случаѣ ближе подходит къ нему, чѣмъ къ Фортунатову и Педерсену.

На разсмотрѣніи этихъ противорѣчивыхъ взглядовъ должно нѣсколько остановиться.

§ 17. Прежде всего должно устранить оригинальное, но безусловно ошибочное предположеніе Вондрака, что «не вся общесловянская область была затронута» закономъ переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ. В. В., XXX, 151 с. Предположеніе это основывается на чеш. ф. *ruka*, *hlava* и пол. *ręka*, *głowa*, которыя Вондракъ возводитъ къ прасл. *gākā, *gōlva* съ неперенесеннымъ удареніемъ.

Однако, предполагая, что чешскій и польскій языкъ не знали переноса ударенія на слѣдующій восходящій слогъ, мы не поймемъ нѣкоторыхъ чешскихъ и польскихъ фактовъ изъ области глагольныхъ образований.

Такія формы, какъ ч. *infinitiva másti, trásti, zábsti, skúbsti, vlésti*, объясняются тѣмъ, что долгота сохранялась въ нихъ предъ удареніемъ: ср. р. *мясті*, *трясті*, *скубсті* и с. *мѣсти*, *трѣсти*, *зѣбсти*, *скүпсти*, *вүһи*.

Удареніе окончанія объясняется въ нихъ переносомъ ударенія съ нисходяще-долгаго слога на восходяще-долгій слѣдующій слогъ (ср. выше § 13).

Мы не можемъ объяснять въ этихъ формахъ долготу въ чеш-

скомъ восходящей долготой корня подъ удареніемъ въ виду сербскихъ и русскихъ соотвѣтствующихъ формъ.

Далѣе ч. *hlásiti*, *mlátiti* опять такъ понятны только съ точки зрѣнія нашего закона т. е. восходятъ къ *glasítí, *mlatítí съ переносомъ ударенія съ нисходяще-долгаго коренного слога на восходяще-долгій суффиксъ -i: ср. *hlav*, *mlat*—р. гѣлосъ, мѣлотъ, с. глѣс, млѣт; первоначально удареніе въ этихъ формахъ было на коренномъ слогѣ: ср. ч. *mraziti*—р. морѣзить, с. мрѣзити.

Въ формахъ *hlásiti*, *mlátiti* долгота можетъ быть и нефонетической, если принять положеніе ак. Шахматова, что долгота сохранялась лишь предъ краткимъ ударяемымъ слогомъ, а предъ долгимъ сокращалась; но въ такомъ случаѣ намъ придется предположить вліяніе формъ 1 s. *praes.* съ удареніемъ окончанія въ долготой предъ нимъ т. е. переносъ ударенія на окончаніе 1 s. *praes.* -*o въ этихъ формахъ: ср. ч. *mlátím*, ср. наше «Къ ист. п. яз.», 204 с.

Такъ же и польскія глагольные формы достаточно ясно говорятъ противъ вывода, который Вондракъ дѣлаетъ изъ п. фф. *gęka*, *głowa*.

Фф. 1 s. *praes.* *wiąże*, *gaбіe* съ первоначально нисходяще-долгимъ кореннымъ гласнымъ могли сохранить долготу только получивъ удареніе окончанія, а удареніе окончанія получить только въ силу закона, дѣйствія котораго Вондракъ не признаетъ для чешскаго и польскаго; ср. р. *вяжѹ*—*вяжешь*, *рублю*—*рубѹ*—*бишь*, п. *więzi gen. s.*, *gębu*, с. *węza*, *rŹba*. Infinitiva *wiązać*, *ga-baś* возникли либо въ силу того же закона, либо подъ вліяніемъ *wiąże*, *gaбіe*.

Аналогичны народныя формы *kázac*, *látac*, *gádac*, *lámac*, *zéc*—*vac*, *chválíc* и т. п. (*á*, *é*—*ā*, *ē*), ср. Къ ист. п. яз. 201 с. 1).

1) Г. Васильевъ, Ж. М. Н. П., 1904, авг., 492 с., сомнѣвается въ вѣрности положенія ак. Шахматова, принятаго нами, о сокращеніи долготы предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ. Наоборотъ мы все больше убѣждаемся въ вѣрности этой мысли. Помимо кашубскаго Verbal-Ablaut'a въ пользу ея и древне-польскія данныя: *szęszyc Puł. Pw.* 41, 6; *oglyendasz Puł.* 49, 4; *wędzysz Puł. Pw.*

Польскія infinitiva I класса *ciąć, trząć* = ч. *títi, trásti*, р. *истяті, трясті*, мы полагаемъ, сохранили долготу также вслѣдствіе положенія предъ ударяемымъ слогомъ, а удареніе окончанія получили вслѣдствіе того закона, который Вондракъ отрицаетъ для польскаго языка, ср. «Къ ист. и діал. п. яз.», 165 с.; при чемъ въ отличіе отъ прежняго нашего взгляда предполагаемъ и въ данныхъ формахъ окончаніе *-ti*, ср. Б. М. Ляпуновъ въ Р. Ф. В. 1906 г., № 1, 14 с.

Такимъ образомъ, новѣйшая гипотеза Вондрака не имѣетъ за собой основаній, и мы должны остаться при старомъ положеніи, что законъ переноса ударенія на слѣдующій слогъ знакомъ всѣмъ словянскимъ языкамъ, слѣд. можетъ быть и прасловянскимъ.

§ 18. Мало того: мы не видимъ въ фактахъ Вондрака серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы отнести законъ этотъ къ балтійско-словянской эпохѣ. Вондракъ полагаетъ, что противъ балтійско-словянскаго происхожденія даннаго переноса ударенія говоритъ форма асс. *s. fem.* именъ темы *-a*, В. В. XXX, 150 с.: по его мнѣнію флексія асс. *s. f.* этихъ именъ восходитъ къ дифтонгу *-am* и потому имѣла восходящую интонацію: ср. греч. *τιμήν*. Если же въ этомъ падежѣ нѣтъ переноса ударенія въ лит. *gailka* и слов. **gǫko* (р. *руку*, с. *рѹку*), то это, по мнѣнію Вондрака — потому, что *-am* и въ литовскомъ, и въ словянскомъ подъ вліяніемъ асс. *-o* темъ, но главнымъ образомъ *-i* и *-u* темъ, измѣнялось въ *am* и получало нисходящую (*schleifende*) интонацію. Но такое сокращеніе имѣло мѣсто впервые на словянско-польской почвѣ, ибо балтійско-словянское *am* дало бы *-om* и далѣе *-ъ*.

Отсюда ясно, заключаетъ Вондракъ, что переносъ ударенія

---

rozędasz ib. 44, 18=совр. *zacić, oglądać, sądzić, rozgadać* и т. п. Такие же примѣры и въ другихъ памятникахъ. Долгота въ совр. *każać, wżroć*, — подъ вліяніемъ *wiadać, kazać* и т. п.

на окончаніе начался впервые на словянской почвѣ (когда уже *ām* сократилось въ словянскомъ въ *-am*).

Если разсматривать отношеніе двухъ видовъ долготы въ индо-евр. дифтонгическихъ сочетаніяхъ съ точки зрѣнія Бругмана, то не останется ничего больше, какъ принять объясненіе Вондрака.

Если принимать, что *-ām* давало восходящую интонацію (длительная долгота), а *-am* — нисходящую (прерывистая долгота), то предположеніе Вондрака о сокращеніи *-ām* въ литовскомъ и словянскомъ, подъ вліяніемъ аналогическихъ формъ другихъ темъ, станетъ, быть можетъ, неизбѣжнымъ.

Но рядомъ съ этой точкой зрѣнія, какъ должно быть извѣстно Вондраку, существуетъ и иная, по нашему мнѣнію болѣе правильная, точка зрѣнія ак. Фортунатова, который различаетъ въ индо-европейскомъ два рода дифтонговъ: съ краткой и съ долгой неслоговой частью, — въ данномъ случаѣ *ām* и *-ām̄*; съ этой точки зрѣнія *-ām* давало нисходящую интонацію (прерывистая долгота, *schleifend*), тогда какъ *ām̄* — восходящую (длительная долгота, *gestossen*). Съ этой точки зрѣнія разница между лит. асс. в. *gaĩka* и instr. *rankà* объясняется естественно тѣмъ, что флексія асс. в. восходитъ къ и.-е. *ām*, флексія же instr. с. къ и.-е. *ām̄*; ср. Tore-Torbiörnsson «Die gemeinisl. liquidametathese», 56 стр.

§ 19. Такимъ образомъ пока мы не видимъ препятствій къ тому, чтобы принять положеніе о балтійско-словянскомъ происхожденіи разсматриваемаго закона.

Но для того, чтобы остановиться на этомъ положеніи, необходимо разсмотрѣть взглядъ Meillet и тѣ основанія, на которыхъ онъ построенъ.

Meillet относитъ законъ переноса ударенія на слѣдующій слогъ къ эпохѣ особой жизни словянскихъ языковъ, *Mém. soc. ling.* XI, 351 с.; *Arch.* XXV, 425 с. — въ виду двухъ фактовъ: 1) *kóraje — въ силу нашего закона должно было измѣниться въ

*корáје—, и дѣйствительно въ тѣхъ словянскихъ языкахъ, гдѣ нѣтъ стяженія, находимъ корáје—; но гдѣ стяженіе имѣло мѣсто, тамъ законъ не имѣлъ дѣйствія: въ сербскомъ, напримѣръ, — кòпáм, кòпáш и т. д., но 3 рl. — кòпáју; такъ же ñгpам, ñгpам, но—ñгpáју, пítáм, пítáш, но—пítáју. Очевидно, съ точки зрѣнія Meillet, что отсутствіе переноса ударенія въ пítáм, кòвáм обуславливается стяженіемъ, происшедшимъ въ слѣдующемъ слогѣ, а такъ какъ стяженіе это имѣло мѣсто въ эпоху особой жизни словянскихъ языковъ, то и законъ переноса ударенія относится къ той же эпохѣ.

2) Второй фактъ. на который опирается Meillet, — сербскія же формы jèzǐkà g. рl. отъ jèzǐk—jèzǐка, kòpǐtà g. рl. отъ kòpǐто. Эти ф. съ точки зрѣнія Meillet объясняются тѣмъ, что въ формахъ гер. рl. вслѣдствіе измѣненія въ конечномъ слогѣ гласный і предшествующаго слога становился нисходяще-долгимъ, а потому здѣсь не могъ имѣть мѣста переносъ ударенія, какъ въ остальныхъ падежахъ.

Критикуя положенія Meillet, Педерсенъ, К. Z. XXVIII, 307, 335 сс., объявилъ пониманіе фактовъ, предложенное французскимъ ученымъ, невѣроятнымъ и противопоставилъ ему собственное предположеніе, что и въ ф. jèzǐkà g. рl. и въ ф. ñгpам — «слогъ, сдѣлавшійся изъ первоначально-восходящаго нисходящимъ, передалъ свое удареніе предшествующему слогу».

Остановиться на этомъ заявленіи о невѣроятности взгляда Мелье и на противопоставленіи ему собственнаго толкованія фактовъ мы однако не можемъ.

Факты, на которые указалъ Meillet, во всякомъ случаѣ требуютъ болѣе близкаго разсмотрѣнія, при каковомъ и собственное толкованіе Педерсена можетъ оказаться не объясняющимъ всѣхъ фактовъ.

Мы ограничимся въ этомъ сравнительномъ анализѣ взглядовъ Meillet и Педерсена сербскими фактами, такъ какъ кашубскія параллели представляютъ затрудненіе, необъясненное Meillet:

gōdomě, gōdosc, 3 pl. gōdājō, но 1 s. gōdajō, Mém. soc. ling. XI, 351 с.

§ 20. Итакъ, съ точки зрѣнія Meillet формы g. pl. jězīkā, ф. ргаес. kōpāш, pītāш никогда не испытали на себѣ дѣйствія закона переноса ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ. Мы не станемъ отрицать самую возможность такого пониманія фактовъ. Отмѣтимъ лишь, что, устанавливая на эти факты свою точку зрѣнія, Meillet долженъ былъ выяснитъ точнѣе тотъ процессъ, какииъ эти формы получились.

Если принять точку зрѣнія Meillet въ той простой формулировкѣ, въ какой она у него является, то мы не поймемъ формъ, на которыя онъ указываетъ.

Чтобы удержатъ эту точку зрѣнія, нужно во всякомъ случаѣ объяснить кое-что, чего Meillet не объясняетъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если въ ф. jězукъ предпоследній слогъ измѣнился (вслѣдствіе количественной потери въ слѣдующемъ слогѣ) въ нисходяще-долгій, то неизбежно является вопросъ, отчего, въ силу какиихъ условій, какого звукового закона изъ этой формы получилось jězīkā, а не *jězīkā; какъ извѣстно, нисходящая долгота подъ удареніемъ въ сербскомъ сохраняется.

Meillet на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ.

Далѣе: должно принять во вниманіе самое происхожденіе ударенія ` въ данной формѣ; дѣло въ томъ, что проклитическія сочетанія данной формы съ предлогомъ показываютъ, что ` здѣсь явилось на мѣстѣ болѣе стараго восходящаго ударенія ˘: òd-jězīkā, а не *òd-jězīkā. Точно такъ же сложная съ предлогомъ форма глагола запītāш указываетъ, что сербское ˘ въ pītāш не можетъ быть возводимо къ древнему ˘, но явилось на мѣстѣ болѣе стараго ˘.

Meillet не объясняетъ, откуда могли явиться здѣсь ` и ˘.

Какъ извѣстно, сербскій языкъ довольно послѣдовательно различаетъ два переноса ударенія на предлогъ въ проклитическихъ сочетаніяхъ: болѣе старое, быть можетъ уже прасло-

вянское,—на гору, на руку и болѣе новое, во всякомъ случаѣ специально-сербское,—на волю, по волю, из кожѣ, за коже, из твора, на кмета.

Возможны два предположенія: 1) старый переносъ ударенія на предлогъ въ проклитическихъ сочетаніяхъ предшествовалъ во времени измѣненію качества долготы въ слогѣ предъ ъ, ѣ;

2) старый переносъ ударенія на предлогъ явился позже этого измѣненія.

Въ первомъ случаѣ хронологическая послѣдовательность звуковыхъ законовъ была бы, *съ точки зрѣнія Мелье*, такова: 1) старый переносъ въ сербскомъ или общесловянскомъ ударенія на предлогъ; 2) измѣненіе качества долготы въ слогѣ предъ ъ, ѣ;

3) переносъ ударенія на слѣдующій восходящій слогъ.

Во второмъ случаѣ послѣдовательность была бы такова:

1) измѣненіе качества долготы въ слогѣ предъ ъ, ѣ;

2) переносъ ударенія на предлогъ и переносъ его на слѣдующій восходяще-долгій слогъ.

Въ первомъ случаѣ сочетаніе *отъ-јѣзукъ дало бы въ концѣ концовъ *од-језикѣ.

Во второмъ случаѣ измѣненіе предпоследняго слога въ нисходяще-долгій не могло парализировать дѣйствія закона переноса ударенія на предлогъ, т. е. получилось бы такъ же—*од језикѣ.

Итакъ форма језикѣ, если ее правильно освѣтитъ сопоставленіемъ съ проклитическимъ сочетаніемъ од језикѣ, не объяснена у Meillet.

То же должно сказать и относительно формы пѣтѣш. Если старый переносъ ударенія на предлогъ имѣлъ мѣсто прежде, чѣмъ произошло стяженіе аје—а, то мы имѣли бы *зѣпѣтѣш; если стяженіе древнѣе этого переноса, то мы получили бы опять таки *зѣпѣтѣш; въ дѣйствительности же имѣемъ зѣпѣтѣш.

Такимъ образомъ, оперируя тѣми звуковыми явленіями, съ которыми считается Meillet, мы не можемъ объяснить выдвину-

тыхъ имъ фактовъ. Мы не утверждаемъ, что выставленная имъ гипотеза о сравнительно-позднемъ происхожденіи интересующаго насъ явленія положительно невѣрна, но мы, кажется, сдѣлали достаточно яснымъ, что она недоказана.

§ 21. Обращаемся теперь къ собственному пониманію сербскихъ формъ ꙗзыка, ꙗгряш Педерсена.

По его мнѣнію, въ данныхъ формахъ предпоследній слогъ, измѣнившись въ нисходяще-долгій, отдалъ свое удареніе предшествующему слогу.

Объяснилъ ли Педерсенъ всѣ выдвинутые Meillet факты съ точки зрѣнія теоріи балтійско-славянскаго происхожденія переноса ударенія на слѣдующій слогъ? — Сказанное въ предыдущемъ § подготавливаетъ отрицательный отвѣтъ.

Переносъ ударенія въ *ꙗꙗѣши далъ бы *ꙗꙗѣши, а не ꙗꙗѣш: ср. ꙗꙗ-руку изъ *ꙗꙗ-ꙗꙗꙗ.

Педерсенъ не объясняетъ, въ силу какихъ условій явилось здѣсь ^ вм. ожидаемаго ^; не объясняетъ онъ и формы ꙗꙗѣш при ꙗꙗѣш.

Такимъ образомъ ни Meillet, ни Pedersen не выяснили вопроса о древности интересующаго насъ явленія въ должной мѣрѣ. При этомъ обоемъ имъ нужно поставить въ упрекъ то, что они оставили при рѣшеніи вопроса взгляды на исторію славянскій акцентуаціи ак. Шахматова, взгляды, безспорно заслуживающіе самаго внимательнаго и вдумчиваго изученія. Этотъ упрекъ недавно еще съ полной справедливостью сдѣланъ былъ и пишущему сіи строки (Р. Ф. В. 1906, № 1, 21 с.). Къ анализу теоріи ак. Шахматова мы теперь и обратимся.

§ 22. А. А. Шахматовъ, Изв., III, 1 с. и сл., признаетъ въ общеславянскомъ четыре вида ударенія: два долгихъ ^ и ' и два краткихъ ^ и ` (6 с.). Ударенія ^, ^, ' были музыкально-экспираторными, удареніе ` — чисто-экспираторнымъ.

Мы не станемъ излагать всей теоріи А. А. Шахматова, но

извлечемъ изъ нея отвѣты на главнѣйшіе вопросы, насъ интересующіе.

А. Переносъ ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ является, по теоріи ак. Шахматова, фактомъ глубокой древности, хотя и не говорится опредѣленно: прасловянскимъ или балтійско-словянскимъ.

Въ ту эпоху жизни прасловянскаго языка, когда формировались новые типы удареній — музыкально-эспираторныхъ изъ болѣе старыхъ музыкальныхъ, уже существовала *e. voda*.

Всѣ дальнѣйшія явленія словянской акцентуаціи: появленіе эспираторнаго ударенія ` , переносъ удареній ^ и ` на предшествующій слогъ, измѣненіе качества долготы въ слогѣ предъ ъ, ь — факты болѣе поздніе.

В. Удареніе ` , отличное отъ ` , появилось, по теоріи ак. Шахматова, въ различныхъ условіяхъ:

а) музыкальное удареніе *конечнаго* слога, теряя высоту и сокращаясь, замѣнялось удареніемъ эспираторнымъ: *rego, regà*¹⁾, *voda* измѣнялись въ *regò, regà, vodà* съ музыкальнымъ повышеніемъ предыдущаго слога; появленіе здѣсь ` — слѣдствіе общаго ослабленія конечныхъ слоговъ;

в) ударенія ³, ² предъ нисходящимъ музыкальнымъ удареніемъ слѣдующаго слога не могли перейти въ музыкально-эспираторное удареніе и измѣнялись въ эспираторное: *slavami* > *slàvami*; *olovo* > *òlovo* (19—20 с.). Вообще удареніе ` являлось на исконно-краткихъ и сократившихся долгихъ гласныхъ въ началѣ многосложныхъ словъ: *jàgoda, sùnovi, màtere, jèzero* (9 с.);

с) удареніе ², измѣняясь въ ` въ предпоследнемъ, но не на-

1) Удареніе ` — музыкальное, восходяще-нисходящее — на гласномъ съ тѣмъ видомъ долготы, который у нѣмецкихъ ученыхъ обозначается терминомъ *schleifend*.

чальномъ слогѣ словъ, затѣмъ переходило въ ' въ силу того, что замѣна музыкальнаго ударенія (˘) музыкально-эспираторнымъ (˘) вызывала повышеніе предыдущаго слога: *loráta*, *loráta*; но послѣ музыкальнаго повышенія нетерпимо было восходящее удареніе (˘), а такъ какъ оно не могло перейти въ нисходящее, то замѣнялось удареніемъ ˘: *loràta*;

д) въ вѣкоторыхъ случаяхъ эспираторное удареніе ˘ вновь являлось на слогѣ, который раньше предшествовалъ ударенію ˘. Такъ ф. *zasluga*, если вліяніе аналогіи возстановлявало долготу въ предлогѣ измѣнялось въ *zaslùga* (21 с.). Такимъ же образомъ *zalomiši* измѣнялось въ *zalòmiši*, *paucite*—въ *paùcite* (22 с.): ср. с- *зàломѣши*, *нàучѣте* при *лòмѣши*, *úчѣте*;

е) удареніе ˘ являлось еще въ одной категоріи случаевъ: если музыкальное удареніе ˘ находилось предъ группою согласныхъ, требовавшей для своего произношенія эспираторнаго усилія, то удареніе ˘ переходило въ эспираторное ˘; такими группами согласныхъ оказывались смягченные согласные, появившіеся въ результатѣ измѣненія согласныхъ предъ слѣдующимъ *j*; при этомъ появленіе двухъ эспираторныхъ удареній въ словѣ устранялось потерей ударенія конечнаго слога, потерей, которая вознаграждалась удлиненіемъ гласной и появленіемъ на ней музыкальнаго нисходящаго ударенія. Такимъ образомъ *kožža*, *dušša*, *stòržža* измѣнялись въ *kòžža stòržža dùšša* (ср. чак. *dùša*). Подъ вліяніемъ долготы винит. и другихъ падежей (*stòržža*, *dùšša*) вм. ˘ могло являться ˘: *stòržža* (чак. *stràža* съ восходящимъ удареніемъ) 26. Такимъ образомъ получаютъ свое объясненіе въ теоріи ак. Шахматова серб. *вòља*, *кòжа* и т. п.

С. Извѣстный переносъ ударенія на предшествующій слогъ въ сложныхъ словахъ и проклитическихъ сочетаніяхъ, демонстрируемый сербскими *нà-руку*, *нà-гору* и р. *нà-руку*, *нà-гору*, отноется ак. Шахматовымъ также къ прасловянской эпохѣ и

объясняется слѣдующимъ образомъ: по общему закону (законъ А см. 17 с.) за восходящимъ музыкальнымъ удареніемъ могло слѣдовать или музыкальное нисходящее или экспираторный слогъ; ропесе вслѣдствіе ослабленія конечнаго слога давало ропѣсе, въ предшествующемъ ударенію ` слогъ возникло музыкальное повышение: ропѣсе; въ силу закона А удареніе ` измѣнялось въ музыкальное нисходящее ˘: ропесе. Въ силу закона С, по которому ударенія ˘, ˘ предъ нисходящимъ музыкальнымъ удареніемъ не могли перейти въ музыкально-экспираторное удареніе и измѣнялись въ экспираторное, ропесе переходило въ ропѣсе. Такимъ же образомъ роували—давало роували, затѣмъ роували, дагѣ роували и наконецъ роували.

Д. Удачное объясненіе даетъ теорія ак. Шахматова извѣстному р. молѣтишь и чак. mlátiš: какъ уже было сказано (у насъ В, в) начальный слогъ многосложныхъ словъ сокращался и получалъ удареніе ˘; такъ получалось pišeši, móltiši; подъ влияніемъ долготы въ ф. pišati, pišo, móliti, mólťo, удареніе ` замѣнялось долгимъ ˘: pišeši, móltiši.

Е. Наконецъ, ак. Шахматовъ отмѣчаетъ влияніе на измѣненіе удареній той потери слогового характера, которую потерпѣли гласные ъ, ь. Вліяніе это состояло въ слѣдующемъ: а) гласный предпоследняго слога удлинялся и его удареніе ` замѣнялось удареніемъ ˘: bōgъ, dōmъ измѣнялись въ bōgъ, dōmъ (ср. шток-ббг, дбм); б) ударенія ` и ˘ повидимому также переходили въ ˘: brátъ > brát (чеш. brat); в) въ словахъ, потерявшихъ въ концѣ ударяемые ъ, ь, музыкальныя ударенія ˘ предшествующихъ слоговъ переходили въ музыкально-экспираторное удареніе на долгомъ слогѣ ˘: rorъ > rórъ, gréhъ > gréhъ.

Ф. Наконецъ должно отмѣтить, что восходящее долгое удареніе ˘, по теоріи ак. Шахматова, въ праштокавскихъ говорахъ

сокращалось, переходя въ ` , предъ краткимъ неударяемымъ слогомъ, сохраняясь долгимъ въ положеніи предъ долгимъ слогомъ (hválim, píšem, stráža) и въ конечныхъ слогахъ (vlás, súd) ср. Изв. VI, I, 353 с.; удареніе ` въ фф. bràt, mràz и т. п. объясняется вліяніемъ косвенныхъ падежей: bràta, mràza и т. д. Изв. III, 1, 29 с.

§ 23. Такова въ общихъ чертахъ теорія общесловянскихъ удареній ак. Шахматова. Намъ она представляется вѣрной и законченной въ значительномъ большинствѣ своихъ положеній. Въ дополнительномъ разсмотрѣніи нуждаются по нашему мнѣнію, лишь нѣкоторые ея пункты, на которыхъ мы и остановимся. Раньше всего, чтобы покончить съ рассматриваемымъ вопросомъ о перенесеніи ударенія на слѣдующій слогъ, остановимся на вопросѣ о хронологическомъ отношеніи этого переноса къ переносу ударенія на предшествующій слогъ и потерѣ слогового качества гласными ъ, ь, а вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросѣ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія теоріи ак. Шахматова на выдвинутые Meillet факты.

Затѣмъ въ слѣдующихъ главахъ остановимся еще на слѣдующихъ пунктахъ: 1) на объясненіи формъ вѣла, кѣжа; 2) на объясненіи чак. формы mlátiš; 3) на вопросѣ объ измѣненіи удареній въ виду потери гласными ъ, ь слогового характера.

§ 24. Древнѣйшимъ изъ наиболѣе крупныхъ явленій словянскаго количества и ударенія съ точки зрѣнія теоріи ак. Шахматова представляется переносъ ударенія съ нисходяще-долгаго или съ краткаго слога на слѣдующій восходящій, хотя ак. Шахматовъ не говоритъ опредѣленно, относится ли этотъ переносъ къ балтійско-словянской или только къ прасловянской эпохѣ.

Болѣе позднимъ, повидимому, является общесловянскій переносъ ударенія съ нисходящихъ слоговъ на предшествующій слогъ, а также и измѣненіе качества долготы вслѣдствіе потери слогового качества слѣдующими ъ, ь; относительно этого послѣдняго явле-

$\overset{\text{с}}{\underset{\text{ъ}}{\text{о}}}\overset{\text{б}}{\underset{\text{ъ}}{\text{р}}}\overset{\text{з}}{\underset{\text{ъ}}{\text{ъ}}} > \overset{\text{с}}{\underset{\text{ъ}}{\text{о}}}\overset{\text{б}}{\underset{\text{ъ}}{\text{р}}}\overset{\text{з}}{\underset{\text{ъ}}{\text{ъ}}} > \overset{\text{с}}{\underset{\text{ъ}}{\text{о}}}\overset{\text{б}}{\underset{\text{ъ}}{\text{р}}}\overset{\text{з}}{\underset{\text{ъ}}{\text{ъ}}}$
 $\overset{\text{с}}{\underset{\text{ъ}}{\text{о}}}\overset{\text{б}}{\underset{\text{ъ}}{\text{р}}}\overset{\text{з}}{\underset{\text{ъ}}{\text{ъ}}} > \overset{\text{с}}{\underset{\text{ъ}}{\text{о}}}\overset{\text{б}}{\underset{\text{ъ}}{\text{р}}}\overset{\text{з}}{\underset{\text{ъ}}{\text{ъ}}} > \overset{\text{с}}{\underset{\text{ъ}}{\text{о}}}\overset{\text{б}}{\underset{\text{ъ}}{\text{р}}}\overset{\text{з}}{\underset{\text{ъ}}{\text{ъ}}}$

Если принять эту точку зрѣнія т. е. предположить, что и послѣ измѣненія ъ, ь въ неслоговые дѣйствовалъ законъ переноса удареній [^] и [^] на предшествующій слогъ, то сербская форма *jěvika* получаетъ весьма удачное объясненіе: ф. *jězúkъ* должно принять исходнымъ пунктомъ, такъ какъ переносъ ударенія на слѣдующій восходящій слогъ—древнѣйшій фактъ прасловянской акцентуаціи съ точки зрѣнія А. А. Шахматова.

Встрѣча ^с, ^з съ музыкально-эспираторнымъ удареніемъ ['] устранялась переходомъ послѣдняго въ [']: *loráta*, *zabáva* переходили въ *loràta*, *zabáva* (Изв. III, 17 с.); слѣд. *jězúkъ* переходило въ *jězúkъ*.

Далѣе форма эта измѣнялась такъ же, какъ ф. *òbrázъ*: 1. *jě-zúkъ* 2. *jězúkъ* 3. *jězúkъ*, откуда правильно выводится форма *jěvika*.

Затруднительной является лишь энклитическая форма *òd-jěvika*: ожидали бы *òd-jěvika* ср. *ispod-leđa*. Однако это затрудненіе остается и въ томъ случаѣ, если предположить, что переносъ ударенія на предшествующій слогъ древнѣе потери гласныхъ ъ, ь слогового качества.

§ 25. Теперь обратимся къ глагольнымъ формамъ, выдвинутымъ Meillet: *pitáš*, *igráš*.

Въ объясненіи этихъ формъ должно исходить изъ формъ *rutáješъ*, *igráješъ*, что затѣмъ должно было дать *rutáješъ*, *igráješъ* (рядомъ съ *rutàti*, *igràti*, ср. Изв. III, 1, 20 с.).

Если предположимъ, что переносъ ударенія [^] на предшествующій слогъ—настолько позднее явленіе, что ему предшествовало стяженіе, то объясненіе формъ *pitáš*, *igráš* окажется менѣе

труднымъ. Въ такомъ случаѣ ф. *rytaješ*, *igraješ* давала *rytaš*, *igraš*.

Далѣе формы эти измѣнялись параллельно ф. *za-druga*: 1. *rytaš*, *igraš* 2. *rytaš*, *igraš*.

Ф. *igraš* вполне правильно даетъ въ сербскомъ-штокавскомъ: *играш*; ф. ф. *rytaš* подъ вліяніемъ *rytati* давала *rytaš* съ восходяще-долгимъ удареніемъ, которое въ штокавскомъ давало затѣмъ *pytash* ср. *zapytash*.

§ 26. Наоборотъ, если предположить, что законъ переноса ударенія на предшествующій слогъ древнѣе стяженія, то объясненіе формъ *pytash*, *igraš* окажется затруднительнымъ: *rytaješ*, *igraješ* должно было дать *rytaš*, *igraš*, откуда въ штокавскомъ имѣли бы *pytash*, а не *pytash*.

Правда, мы можемъ получить ф. *rytaš*, которая подъ вліяніемъ долготы въ *rytati* могла измѣниться въ *rytaš* и принявъ большую древность переноса ударенія на предшествующій слогъ сравнительно со стяженіемъ: предположимъ, что нефонетически, подъ вліяніемъ иныхъ случаевъ, сохранилась долгота въ предлогѣ *za*—въ сложной формѣ *zarytaješ*. Въ такомъ случаѣ, какъ *zasluga* измѣнилось въ *zasluga*, такъ и *zarytaješ* дало бы *zarytaš* и позже *zarytaš*. Изъ этой формы можно было бы извлечь *rytaš*, что подъ вліяніемъ *rytati* могло дать *rytaš*.

Однако такое объясненіе намъ представляется уже менѣе вѣроятнымъ, хотя ак. Шахматовъ и выводитъ подобнымъ же образомъ ф. *lomiši* изъ *zalomiši*, Изв. III, 21—22 сс.: считаемъ затруднительнымъ объяснять описаннымъ образомъ формы *zalomishi*, *zapytash* при отсутствіи формъ *zalomiši*, *zapytash* въ живомъ языкѣ, при существованіи соответствующихъ лишь формъ съ краткимъ гласнымъ предлога.

§ 27. Такъ же затруднительнымъ является объясненіе формъ *jězъjka* и т. п. при предположеніи, что переносъ удареній *^, ˘* на предыдущій слогъ древнѣе, чѣмъ измѣненіе *ъ, ь* въ неслоговые.

Въ этомъ случаѣ пришлось бы, быть можетъ, прибѣгнуть къ тому способу объясненія, которымъ ак. Шахматовъ объясняетъ шток. *náuka, zábaва* и т. п. (Изв. III, 21 с.): какъ *zaslùgà* въ томъ случаѣ, если долгота предлога нефонетически возстановливалась, получало видъ *zâslugà* и согласно закону А. измѣнялось въ *zaslùga*, такъ и *iz-jězûkъ, bĕz-jězûkъ* съ нефонетической долготой предлога давало *iz-jĕzûkъ, bez-jĕzûkъ*, откуда можно отвлечь ф. *jĕzûkъ*. Однако это объясненіе намъ кажется маловѣроятнымъ: почему нѣтъ ф. *jĕzъjka* gen. s. и т. д.; условія во всѣхъ падежахъ были тѣ-же.

§ 28. Итакъ мы видимъ, что болѣе гладкіе результаты при объясненіи загадочныхъ сербскихъ формъ получаемъ съ точки зрѣнія Шахматова въ томъ случаѣ, если предположить, что переносъ ударенія *^, ˘* на предшествующій слогъ имѣлъ мѣсто еще и послѣ того, какъ *ъ, ь* стали неслововыми.

Съ другой стороны можно принять, что переносъ ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ древнѣе переноса его на предшествующій слогъ: на это указываютъ словинскія формы: на *gnóju, na-móstu* и т. п., серб. и *grádu, u zlátu* и т. п., русскія на-дому, на мосту.

О томъ же свидѣлствуютъ формы вродѣ *сковородá* при *сковороду* изъ *skovôrda—*skovôrdq* (затѣмъ *skovordà*—*skovôrdq*) и наконецъ *skovordà*—*skôvordq*).

Къ этимъ хронологическимъ опредѣленіямъ можно прибавить еще одно: формы *kôža, sùša* или *súša* уже существовали, когда начался переносъ ударенія *^, ˘* на предшествующій слогъ: ср. с. на-сѣшу, на-кожу, по-волю, на волю¹⁾, за коже, из кожѣ и

1) Допускаемъ возможность существованія въ сербскомъ формы на-волю, какъ результата вліянія ф. на гору и т. п., но никакихъ подобныхъ коле-

р. на ко́жу, на су́шу, на во́лю; а съ другой стороны: с. на́-душу, на́ землю и р. на́-душу, за́-душу, на́-гору.

Точно такъ же существовалъ уже въ это время типъ именъ съ удареніемъ окончанія въ пош. и асс. с.: *travà-travò*, *žepà-žepò*: ср. с. на-траву, на жѣну.

Кромѣ того совпаденіе условій переноса ударенія на слѣдующій слогъ съ литовскими какъ будто говоритъ въ пользу глубокой древности этого переноса; онъ имѣлъ мѣсто еще тогда, когда конечныя гласныя долгія еще не сокращались, что едва ли не праславянское явленіе.

Итакъ наиболѣе удачно объясняются факты при предположеніи слѣдующаго хронологическаго отношенія разсмотрѣнныхъ явленій:

- 1) Формы: *gòká*, *vodá*.
- 2) » *súša*, *kòža*; ъ, ь > ѣ, ъ.
- 3) » *nà-gogò*, *nà-gòkò*.

§ 29. Однако должно указать и на факты, не благоприятствующіе результатамъ, къ которымъ мы такимъ образомъ пришли.

Предположеніе, что переносъ ударенія $\grave{}$ и $\hat{}$ на предыдущій слогъ—явленіе сравнительно позднее, болѣе позднее, чѣмъ измѣненіе ъ, ь въ неслоговые и стяженіе, встрѣчаетъ препятствіе въ нѣкоторыхъ сербскихъ и словинскихъ фактахъ.

Дѣлая такое предположеніе мы не поймемъ шток. ф. *okò kràvā*, *zà-prāvdu*. Если *zà-druga* измѣнялось въ *zà-druga* и *jè-zúkъ* въ *jèzúkъ*, то и *zà-gravьò* (изъ *zà-gravьò*, ср. с. прав, пра̀ва, пра̀во) должно было дать *zà-gravьò*.

Если затѣмъ ф. *zà-druga*, *jèzúkъ* является въ сербской въ видѣ *zà-друга*, *језикъ*, то ожидали бы и *zà-пра̀вду*.

башій, кажется, нѣтъ относительно *кожа*, *суша*. Пользуемся дружескими со-общеніями А. И. Белича, которому за нихъ весьма признательны.

Если $z\grave{a}-d\grave{r}uga$ измѣнялось въ $z\grave{a}-d\grave{r}uga$ послѣ стяженія, то $ig\grave{r}\acute{a}je\check{s}$, откуда затѣмъ $ig\grave{r}\acute{a}\check{s}$ должно было дать $ig\grave{r}\acute{a}\check{s}$. Но изъ этой формы трудно объяснить словинское $ig\grave{r}\acute{a}\check{s}$.

Затѣмъ можно поставить болѣе общій вопросъ: дѣйстви-тельно ли происхождение серб. $z\grave{a}-d\grave{r}uga$, $n\grave{a}$ $role$ и т. п. и параллельныхъ русскихъ $n\grave{a}$ -поле и т. п. таково, какимъ оно представляется въ теоріи ак. Шахматова; восходитъ ли шток. $b\grave{e}z-d\grave{r}uga$, $n\grave{a}$ $role$ къ $b\grave{e}z-d\grave{r}uga$, $n\grave{a}$ - $role$?

Если переносъ ударенія $\grave{}$, $\acute{}$ на предшествующій слогъ прошелъ именно эти стадіи: $\acute{\grave{}}$, $\acute{\grave{}}$, $\acute{\grave{}}$, то въ силу какихъ законовъ это удареніе $\grave{}$ въ сложныхъ предлогахъ не удержалось на своемъ мѣстѣ, а перешло еще на одинъ слогъ назадъ: ср. шток. $\check{i}spod\grave{e}da$?

Далѣе, если шток. $n\grave{a}$ -поле и р. $n\grave{a}$ -поле восходятъ къ $n\grave{a}$ - $role$, то какимъ же образомъ объяснить словинское $n\grave{a}$ $role$?

Эта форма, намъ кажется, получилась изъ $n\grave{a}$ - $role$ или изъ $n\grave{a}$ - $role$ съ нисходящимъ удареніемъ на предлогѣ: ср. $rol\acute{e}$ изъ $rol\grave{e}$. Но удареніе $\grave{}$ не могло дать въ словинскомъ $\grave{}$, но должно было дать $\acute{}$: ср. $kr\acute{a}va$ и т. п. = шток. $kr\acute{a}va$.

Въ силу этихъ соображеній возникаетъ вопросъ, не получилось ли шток. $b\grave{e}z-d\grave{r}uga$, $n\grave{a}$ $role$ какимъ либо инымъ путемъ въ эпоху до потери слогового качества въ $\check{z}$, $\check{y}$ и до стяженія; т. е. мы готовы предположить, что переносъ ударенія $\grave{}$, $\acute{}$ на предшествующій слогъ относятся къ эпохѣ болѣе ранней ($b\grave{e}z-d\grave{r}uga$), а измѣненіе сочетанія $\acute{\grave{}}$ (съ $\acute{}$ новымъ изъ $\grave{}$) въ $\acute{\grave{}}$ ($j\grave{e}z\check{y}k\check{s}$) къ болѣе поздней и совершился независимо отъ перваго.

Въ такомъ случаѣ останется лишь препятствіе, требующее объясненія, въ шток. $ok\grave{o}-kr\acute{a}v\acute{a}$, $z\grave{a}-pr\acute{a}v\acute{u}$ и въ слов. $ig\grave{r}\acute{a}\check{s}$.

Можетъ быть пришлось бы допустить, что ф. $ok\grave{o}-kr\acute{a}v\acute{a}$ обязана своимъ происхожденіемъ вліянію иныхъ проклятическихъ сочетаній этого слова: $z\grave{a}$ - $kr\acute{a}vu$, $\acute{o}d$ - $kr\acute{ov}\acute{e}$ и т. п.

Однако такое допущеніе намъ представляется маловѣроят-

нымъ: ср. за правду. Легче устранить показаніе ф. бѣз-лѣшѣа, которая свидѣтельствуеъ, что въ эпоху до появленія неслоговыхъ ъ, ѣ законъ переноса ударенія ^ на предшествующій слогъ еще не дѣйствоваъ (иначе bez-lístja даю бы бѣz-lístja): ф. бѣz-lístja могла замѣняться подѣ влияніемъ ф. lístja формою bez-lístja.

Кромѣ того противъ мысли, что пѣ-dруга моложе неслоговыхъ ъ, ѣ говорятъ общія соображенія.

Совпаденіе р. нѣ поле и с. пѣ-поле скорѣе всего указываетъ на праславянскую эпоху. Наоборотъ мы не рѣшились бы возводить къ праславянской эпохѣ неслоговые ъ, ѣ: трудно вѣрить, что ъ, ѣ стали неслоговыми еще въ праслов. эпоху, если еще въ IX вѣкѣ они настолько ясно слышались, что ихъ обозначали буквами; трудно думать, что въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій эти звуки продержались, какъ неслоговые, не исчезая.

§ 30. Итакъ мы не рѣшаемся съ увѣренностью сказать, имѣлъ ли мѣсто переносъ ударенія на предшествующій слогъ еще и послѣ измѣненія ъ, ѣ въ неслоговое или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ ф. жѣзѣка, жѣраш, пѣташ, получили бы гладкое объясненіе съ точки зрѣнія Шахматова ср. § 24—25, но тогда остается подыскивать объясненіе ф.ф. нѣ-правду, окѣ-крѣва. Во второмъ случаѣ пришлось бы принять менѣе правдоподобныя объясненія ф.ф. жѣзѣка, жѣраш при помощи формъ съ нефонетической долгой въ предлогѣ см. § 26—27. Однако считаемъ болѣе или менѣе твердымъ результатомъ изъ предшествующаго изложенія, что 1. теорія Meillet—несостоятельна и что 2. переносъ ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ — фактъ глубокой древности, по всѣмъ вѣроятіямъ еще балтійско-славянскаго происхожденія.

4. Шток. kōža, strāža.

§ 31. Разсматривая теорію ак. Шахматова, объясняющую происхожденіе формъ kōža, stōrža, откуда с. kōжа, strāжа (чак. strāža), должно замѣтить слѣдующее:

1. Потеря ударенія конечнымъ слогомъ въ *kòžà* — *storžà* съ точки зрѣнія ак. Шахматова есть фонетическое явленіе, находящееся въ зависимости отъ смягченности согласнаго. Естественно поэтому ожидать, что тотъ же процессъ будетъ имѣть мѣсто и въ другихъ грамматическихъ категоріяхъ, гдѣ фонетическія условія были тождественны. Такъ въ 1 s. praes. *ležò*, *steljò*, *storžò*, *vožò* должны были бы дать, согласно теоріи ак. Шахматова: *ležžò*, *stellò*, *storžžò*, *vožžò* и далѣе — *léžžò*, *stéllò*, *stòržžò*, *vòžžò*, однако въ р. имѣемъ старыя и закономѣрныя формы — лежѹ, стелю, сторожѹ, вожѹ и т. п.

2. Фонетическая форма *stòržžà*, подъ влияніемъ ф. асс. s. *stòržžò* измѣняется въ *stòržžà*.

Намъ понятно измѣненіе *pìšeši* въ *pìšeši* подъ влияніемъ *pìsàti* — *pìšò*, ибо здѣсь влияніе *восходящаго домаго* музыкальнаго ударенія измѣняло экспираторное удареніе въ музыкально-экспираторное *восходяще-домое*; но мы не понимаемъ, почему *экспираторное* удареніе подъ влияніемъ музыкально-экспираторнаго *домаго нисходящаго* (^) могло измѣняться въ музыкально-экспираторное *домое восходящее*.

Въ результатѣ влиянія асс. s. *stòržžò*, мы ожидали бы и въ им. п. ед. ч. **stòržžà*, подъ влияніемъ асс. s. *sùššò* мы ожидали бы ном. s. **sùšša*, но с. *sùша*, *стража* восходятъ къ болѣе старымъ *sùša*, *stòrža*, какъ показываетъ с. *на-сѹшу*, чак. *stráža*.

Наконецъ естественно было бы ожидать, что группа согласныхъ, требовавшая экспираторнаго усилія для своего произношенія, поведетъ къ измѣненію ^ въ ` въ ф. асс. s. *stòržžò*.

3. Фонетическій принципъ объясненія, приложенный ак. Шахматовымъ къ объясненію формъ *kòžà*, *stráža* и т. п. плохо согласуется съ тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ съ *сѹша*, *кожа*, *стража* и т. п. находимъ р. *душà*, *землjà*, *зорjà*, *бронjà*, *вопjà*, *межà*, *соплjà*, *стезjà*, *свѣчà*, серб. *дѹша*, *свијѣћа*, *млàћа*, *мѣћа*, *жѣља*, чак. *svěca*, *gràjà*, *željà*, *zemljà*.

Съ фонетической точки зрѣнія формы *душà*, *zemlà* и т. д.

должны были дать фф. *dùša, zèmla* и т. д., а потому слѣдуетъ объяснить, отчего это не случилось.

Конечно можно сослаться на вліяніе формъ съ твердымъ исходомъ темы: *vodà—vòdò, gòkà—gòkò* и т. п. Но такое объясненіе намъ представляется маловѣроятнымъ.

Сравненіе сербскихъ формъ *nà-дүшу* и *nà сүшу* показываетъ, что уже въ ту эпоху праславянскаго періода, когда имѣлъ мѣсто переносъ нисходящаго ударенія на предшествующій слогъ, рядомъ стояли формы *sùša* и *dùša, sùšo* и *dùšo*.

Намъ пришлось бы предположить для сохраненія фонетическаго принципа объясненія нашихъ формъ, что пом. с. *sùša* измѣнилось въ *sùša* подъ вліяніемъ асс. с. *sùšo*, что асс. с. *sùšo* измѣнился въ *sùšo* подъ вліяніемъ пом. с. *sùša*, что тоже произошло съ *duša—dùšo* т. е. получилось *dùša—dùšo*, что это послѣднее отношеніе измѣнилось снова въ *duša—dùšo* подъ вліяніемъ *golvà—gòlvò*—и все это произошло уже до наступленія того отдаленнаго момента, когда на *gòkò* и т. п. стали измѣняться въ *nà-gòkò*. Должно признать, что такое предположеніе было бы слишкомъ искусственно. Не менѣе искусственнымъ было бы предположеніе, что *sùšo* асс. с. измѣнилось подъ вліяніемъ пом. с. въ *sùšo*, а асс. с. *dùšo* не подверглось такому нефонетическому измѣненію.

Намъ представляется, что непосредственной причиною двойственности формъ *duša* и *sùša* было какое-то нефонетическое измѣненіе качества долготы въ исходѣ темы *нѣкоторыхъ* изъ именъ разсматриваемаго типа.

5. Чакавское *mlàtiš*.

§ 32. Объясненіе, которое ак. Шахматовъ даетъ чакавской формѣ *mlàtiš*, основано на законѣ сокращенія начальныхъ слоговъ многосложныхъ словъ, если они были долгими и появленіе на нихъ ударенія (Изв. III, 9 с.): *mòl'tiši* давало въ силу этого

закона mòltiši, откуда затѣмъ подѣ влияніемъ mòltiti, mòltjò—mòltiši.

Сокращеніе долгихъ начальныхъ слоговъ, дѣйствительно подтверждается такими фактами, какъ ч. jahoda, mateře, с. jà-года, màтери, сѣнови и т. д.

Нелишнимъ считаемъ однако указать на словинскія глагольные формы: mǫǫziš=шток. mǫǫzjш, brǫǫtiš=шток. brǫǫтиш, bǫǫbiš, smǫǫrǫdiš, bǫǫviš, kǫǫsnem, klǫǫknem и т. д. Rad. CXXXII, 155 с.

Эти формы, намъ кажется, нельзя отдѣлять отъ слов. ф. mlǫtiš, тождественной, вѣроятно, по своему происхожденію чакавскому mlǫtiš.

Во всѣхъ этихъ формахъ на мѣстѣ первоначальнаго восходяще-долгаго ударенія находимъ нисходяще-долгое.

То же явленіе замѣчаемъ и въ именныхъ формахъ: krǫǫvar=шток. крǫǫвар; skǫǫlar, strǫǫhar, govǫǫdar, kopǫǫtar, mǫǫhar и т. п. Rad. CXXXII, 154 с.

Вальевецъ объясняетъ такую перемѣну слѣдующимъ образомъ: «Uzrok toj promjeni biće zadni slog, koji ili još ima ili je izvorno imao porasni naglas. Taj je slog radi naglasa u temi izgubio svoj naglas i za taj se gubitak mijeña' na ^», ibid. 158 с.

Повидимому, объясненіе Вальевца должно относиться не только къ такимъ примѣрамъ, какъ loc. s. kmǫǫtu, на obrǫǫzi и т. д., но и къ глагольнымъ формамъ.

Но если такъ, то мы не можемъ принять это объясненіе, такъ какъ не можемъ предположить форму mǫǫziš или mǫǫziši съ удареніемъ на тематическомъ гласномъ i, потеря котораго вызвала бы измѣненіе ударенія кореннаго гласнаго ' на ^.

Намъ представляется необходимымъ для теоріи ак. Шахматова такъ или иначе выяснить отношеніе означенныхъ формъ mǫǫziš и т. п., krǫǫvar и т. п. къ закону появленія ударенія ` на начальныхъ слогахъ многосложныхъ словъ.

Въ силу какихъ условій удареніе ` въ ф. mǫǫziš или mǫǫziši дало въ концѣ-концовъ ^ въ словинскомъ и почему форма mòltiši или mòltiši дала иные результаты?

Удареніе въ словинскомъ является въ видѣ ` или `; въ данныхъ же формахъ *mǫgziš*, *krāvag*, очевидно, играли роль какія-то иныя условія.

Мы не ошибемся, если предположимъ, по крайней мѣрѣ для словинскаго, слѣдующій принципъ: потеря слогового качества конечнымъ ь въ ф. *mǫgziš*, *krāvag* влекла за собою измѣненіе въ качествѣ долготы не только непосредственно-предшествующаго неударяемаго слога, но и третьяго отъ конца ударяемаго, вызывала перестрой всего слова въ отношеніи музыкальномъ.

Въ самомъ дѣлѣ: слов. ф. *mlātiš* и ф. *mǫgziš*, *krāvag* совершенно параллельны формамъ: *mǫgem*—шток. *mǫrem* (такъ же: *mǫlem*, *tǫnem*, *dānem*—шток. *mēlēm*, *tōnēm*, *dāxpēm*, см. Rad. CXXXII, 136 с.) и ф. *kōžag*, *cēstar* при *kōža*, *cēsta* (*ibid.* 154 с.).

Въ ф. *mōžeš* коренной слогъ былъ нисходяще-краткимъ, какъ показываетъ р. *mogū* при *mōžeš* (ср. *vodá*—*vǫdu*); въ ф. *kōžag*, *cēstar*—коренной слогъ былъ восходяще-краткимъ: ср. слов. *kōža*, *cēsta*, с. *kōža*—*nā* *kožu*.

Въ результатѣ отпаденія ь имѣемъ въ ф. *mōžeš* въ слов. языкѣ (*mǫgeš*) восходящую краткость (` > `); въ ф. *kōžag*—нисходящую.

Формѣ *kōžag* вполне соответствуетъ *mǫgziš*, *krāvag*, формѣ *mǫgem*—ф. *mlātiš*.

Принимая законъ появленія ударенія ` на начальныхъ слогахъ многосложныхъ словъ, мы не поймемъ, почему *kōžag* дало въ слов. *kōžag*, а *mōžeš* дало *mǫgeš*, почему изъ *mǫgziš* получилось *mǫgziš*, а изъ *mǫltiš*—*mlātiš*.

Не должно ли предположить, что *mǫgziš*, *kōžag* давали въ результатѣ потери ь слогового фонетически *mǫgziš*, *kōžag* съ нисходяще-краткимъ удареніемъ, откуда позже въ словинскомъ *mǫgziš* и *kōžag*?

Ф. *mǫltiš* должна была дать *mǫltiš*, слѣд. въ словинскомъ *mlātiš*; слѣд. ф. *mlātiš*—фонетическая; изъ *mōžeš* должно было

получиться *mōžeš* т. е. въ словинскомъ *mōgeš*, а посему слов. *mōgem* изъ *mōžem*. Сокращеніе въ 3-мъ отъ конца слогѣ произошло позже, когда эти ф.ф. были двухсложными.

Нашимъ предположеніямъ не придаемъ значенія увѣренныхъ объясненій, но обращаемъ вниманіе изслѣдователей на указанные словинскіе факты.

§ 33. Разсмотрѣнное объясненіе ф. *mlátiš*, какое даетъ ак. Шахматовъ, предполагаетъ, что суффиксальное *i* въ формахъ *mlatiš*, *mlatit* и т. д. было нисходяще-долгимъ; иначе развитіе этихъ формъ было бы параллельно развитію формъ *infinitiv'a*.

По этому поводу возникаетъ вопросъ, правильно ли объясненіе, которое даетъ ак. Шахматовъ сербской формѣ *zámōm̄iši* при *lóm̄iši*, *váučite* при *účite*.

Простыя формы *lóm̄iši*, *účite*, очевидно, ак. Шахматовъ возводитъ къ прасл. *lom̄iši*, *učite*, хотя русскій языкъ (*лѳмишь*, *учите*) указываетъ на *lōm̄iši*, *učite*. Намъ кажется, что предполагая суффиксальное *i* нисходяще-долгимъ, нельзя строить прасл. *lom̄iši*, *učite*: формы *lom̄iši*, *učite* должны были бы дать *lōm̄iši* (или *lōm̄iši*), *učite* (или *učite*): ср. шток. *na-drūga*.

Такимъ образомъ вторичными являются скорѣе шток. ф.ф. *lōm̄iši*, *učite*, чѣмъ р. *лѳмишь*, *учите*, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если *i* суффиксальное считать первоначально нисходяще-долгимъ.

Конечно, и въ этомъ случаѣ затрудненіе существуетъ: ожидали бы сложной формы *zámōm̄iši*; но, быть можетъ, влияніе простой формы *lōm̄iši* было настолько сильнымъ, что и въ сложной формѣ нефонетически `удерживалось на томъ же слогѣ: *zálōm̄iši*, откуда позже *zámōm̄iši*.

Иное дѣло, если предполагать, что *i* въ *lom̄iši* было, фонетически или нефонетически, восходяще-долгимъ: тогда *lom̄iši*—форма законная; тогда ф. *zámōm̄iši* можетъ быть объяснена съ точки зрѣнія ак. Шахматова.

Но тогда должно быть измѣнено объясненіе, какое ак. Шамаговъ даетъ формѣ hválite, ríšēš въ чакавскомъ съ восходящимъ удареніемъ.

6. Измѣненія удареній въ словѣ предъ з, ъ.

§ 34. Выше (§ 38) мы уже замѣтили, что потеря слогового качества гласными з, ъ относится скорѣе къ эпохѣ особой жизни словянскихъ языковъ, чѣмъ къ прасловянской. Теперь остановимся на вопросѣ, въ чемъ состояли измѣненія ударенія подѣ влияніемъ этой потери, независимо отъ того, относить ли эту потерю къ той или другой эпохѣ. Главный интересъ въ данномъ случаѣ представляютъ факты сербскаго языка.

Должно признать справедливымъ по крайней мѣрѣ для сербскаго языка, а также для словинскаго измѣненіе ударенія $\grave{}$ въ $\acute{}$: bôgъ, dômъ ср. шток. бôг, дôм и т. п. Что касается измѣненіи gĕhъ въ gĕhъ и rorъ въ rôrъ, то на этомъ вопросѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. По отношенію къ gĕhъ должно выяснить, какимъ образомъ получалось gĕhъ изъ gĕhъ; по отношенію къ rôrъ можетъ быть даже вопросъ, имѣло ли мѣсто подобное измѣненіе.

Мы считаемъ¹⁾ переносъ ударенія съ конечныхъ з, ъ фактомъ, предшествовавшимъ измѣненію з, ъ въ неслоговые, полагая, что не могутъ превращаться въ неслоговые—гласные подѣ удареніемъ.

Полагаемъ, слѣдовательно, что rorъ измѣнилось въ rôrъ и gĕhъ въ gĕhъ.

Допустить въ этотъ моментъ переходъ gĕhъ въ gĕhъ мы не можемъ, ибо въ такомъ случаѣ при измѣненіи з въ ъ нѣсколько позже, gĕhъ должно было бы дать *gĕhъ точно такъ же, какъ kĕvъ g. pl. дало kĕv: ср. слов. kĕv, но gĕh.

Въ этотъ моментъ существованія формъ rôrъ, gĕhъ могъ образоваться извѣстный типъ именъ, имѣющихъ удареніе $\grave{}$ на

1) Въ согласіи съ Б. М. Ляпуновымъ, Р. Ф. В. 1906, № 1, 18 с.

коренномъ слогѣ и въ пом., и въ косвенныхъ формахъ: с. skòt—skòta, шкрòб—шкрòба и т. п.—въ штокавскомъ, skòt—skòta, gròst—gròsta и т. п. въ чакавскомъ.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что типъ этотъ вториченъ. Происхожденіе его можно представить себѣ приблизительно слѣдующимъ образомъ: очень раннее ослабленіе въ количественномъ отношеніи копечныхъ ѣ, ѣ вызывало переносъ ударенія на предшествующій слогъ: kǫnjǫ—kǫnjà, škrobǫ—škrobà измѣнились въ kǫnjǫ—kǫnjà, škrobǫ—škrobà; отношеніе dǫlǫ—dǫla и т. п. могло вызвать въ нѣкоторыхъ именахъ типа škrobǫ уравненіе род. и им. падежей; такъ могло появиться škrobà при škrobǫ. Удлиненіе въ dǫlǫ вслѣдствіе перехода конечнаго ѣ въ неслоговое явилось позже; позже произошло и измѣненіе ѣ въ ѣ при škrobǫ—škrobà.

Дальнѣйшее развитіе формъ rǫrǫ и grǫhǫ можно себѣ представить двояко:

1) можно предположить, что rǫrǫ и grǫhǫ вслѣдствіе потери слогового качества слѣдующимъ ѣ измѣнились въ rǫrǫ и grǫhǫ въ то самое время, когда dǫstǫ и brǫtǫ переходили въ dǫstǫ и brǫtǫ. Намъ придется въ такомъ случаѣ считать почти единичные случаи, какъ чак. dvǫg—dvǫgà, шток. двбр—двбра фонетическими въ пом. с., сохранившими старое удлинненіе, а обычные формы rǫr—rǫrà и т. п., шток. бǫб—бǫба и т. п. нефонетическими, утратившими долготу подъ вліяніемъ косвенныхъ формъ.

2) Можно также предполагать, что rǫrǫ не измѣняло своего ударенія вслѣдствіе потери слогового характера слѣдующимъ ѣ, такъ же какъ и grǫhǫ; опорой служило бы въ данномъ случаѣ преобладаніе въ сербскомъ формъ типа rǫr—rǫrà. Въ такомъ случаѣ ф. grǫhǫ могла получить свое ѣ только нефонетически—подъ вліяніемъ долготы въ косвенныхъ формахъ: grǫhǫ и т. д.

Признаемся, что изъ этихъ двухъ представленій намъ кажется болѣе правдоподобнымъ первое, и вотъ почему: принятіе второго требуетъ *искусственнаго* предположенія, что нефонетическая замѣна ѣ чрезъ ѣ въ ф. grǫhǫ имѣла мѣсто непременно

послѣ того, какъ конечное ѣ стало уже неслоговымъ, т. е. когда уже ' въ brátъ измѣнилось въ ^:

brátъ — grěhъ — grěhà
 brátъ — grěhъ — grěhà
 brátъ — grěhъ — grěhà.

Почему вліяніе косвенныхъ падежей не сказалось въ данномъ случаѣ раньше? — А если бы оно сказалось раньше, то имѣли бы:

brátъ — grěhъ — grěhà
 brátъ — grěhъ — grěhà
 brátъ — grěhъ — grěhà т. е. параллельно

словинскому krāv g. pl. имѣли бы и *grěh.

Съ другой стороны весьма возможно, что отношенія рор—рора, существовавшія рядомъ съ отношеніями grěhъ=grěhà, въ силу стремленія къ уравнию измѣнялись въ двухъ направленіяхъ: рор—рора (ср. чак. dvòr—dvòrà, шток. двор—двора) и рор—рора, т. е. въ однихъ случаяхъ косвенные падежи подчинялись вліянію номинатива, въ другихъ наоборотъ; пропорція отношеній grěhъ : grěhà=рор : х—давала х=рора; пропорція grěhъ : grěhà=х : рора—давала х=рор.

§ 35. Итакъ мы принимаемъ допускаемое ак. Шахматовымъ измѣненіе роръ въ роръ и grěhъ въ grěhъ, но не иначе, какъ чрезъ посредствующую ступень: роръ, grěhъ съ слоговымъ ѣ. Мы принимаемъ измѣненіе вслѣдствіе ѣ > ѣ—

- 1) ударенія ' въ ^ : *brátъ, *krāvъ (срб. кравā, слов. krāv)
- 2) ударенія ` въ ' : роръ, grěhъ > роръ, grěhъ
- 3) ударенія ` въ ^ : dòshъ, bògъ.

Но эти положенія нуждаются въ дополненіи: должно отвѣтить на вопросъ объ измѣненіи ударенія ^ въ слогѣ предъ ѣ и ѣ и рассмотреть запутанные факты сербскаго языка, связанные съ этимъ вопросомъ.

Вопросъ о судьбѣ ударенія $\hat{\quad}$ предъ слогомъ съ τ , ψ въ Изв. III 28 с. оставленъ ак. Шахматовымъ безъ разсмотрѣнія, но позже на него данъ отвѣтъ въ Изв. VII, 2 кн., 309—310: об.-сл. $v\acute{o}l\acute{s}\tau$ род. мн. перешло въ $v\acute{o}l\acute{s}\tau$, причемъ однако качество ударенія въ $v\acute{o}l\acute{s}\tau$ не было тождественно съ качествомъ ударенія въ $k\acute{o}gva$: въ $k\acute{o}gva$ удареніе было экспираторнымъ, а въ $v\acute{o}l\acute{s}\tau$ музыкально-экспираторнымъ. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ ак. Шахматовъ очевидно хочетъ устранить могущій возникнуть вопросъ, почему въ сербскомъ языкѣ $k\acute{o}gva$ дало $k\acute{r}ava$, а $v\acute{o}l\acute{s}\tau$ дало $v\acute{l}as\acute{a}$.

Если удареніе, говоритъ далѣе ак. Шахматовъ, благодаря неслоговому характеру, который получали τ , ψ , переходило съ нихъ на предшествующій слогъ, то этотъ слогъ получалъ въ русскомъ языкѣ восходящее удареніе, тождественное не съ $t\acute{e}m\tau$, которое находимъ въ $k\acute{o}gva$, $g\acute{o}g\eta\tau$, а съ $t\acute{e}m\tau$, которое являлось въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. $v\acute{o}l\acute{s}\tau$: ср. $k\acute{o}g\eta$ вм. $k\acute{o}g\eta$ (род. $k\acute{o}g\eta$), совр. корбѣ.

По поводу формы $k\acute{o}g\eta$ мы говорили выше. Относительно же объясненія формы $v\acute{o}l\acute{s}\tau$ должно замѣтить, что новая гипотеза ак. Шахматова о различіи удареній въ $k\acute{o}gva$ и въ $v\acute{o}l\acute{s}\tau$ является нововведеніемъ, отношеніе котораго къ своей теоріи 1898 года авторъ не выясняетъ.

Между $t\acute{e}m\tau$ новое это предположеніе не такъ то легко можетъ быть введено въ общую теорію общесловянскихъ удареній ак. Шахматова.

Такъ, об.-сл. $l\acute{o}p\acute{a}ta$ ак. Шахматовъ объяснялъ въ 1898 г. (Изв. III, 21 с.) слѣдующимъ образомъ: $l\acute{o}p\acute{a}ta$ давало $l\acute{o}p\acute{a}ta$; по закону А. за восходящимъ музыкальнымъ удареніемъ должно было слѣдовать или музыкальное нисходящее удареніе или экспираторный слогъ; удареніе $\acute{\quad}$, которое по своему восходящему характеру не могло перейти въ нисходящее музыкальное удареніе, переходило послѣ сокращенія и потери высоты въ $\grave{\quad}$: $l\acute{o}p\acute{a}ta$: с. $l\acute{o}pata$, ч. $l\acute{o}pata$. Согласно новой гипотезѣ музыкально-

экспираторное ' получалось на гласныхъ, стоявшихъ предъ слогомъ съ ъ, ь; старое же ', напр. въ kóvva, было экспираторнымъ. Очевидно экспираторнымъ было въ такомъ случаѣ ' и въ loraáta; но если оно было здѣсь экспираторнымъ, то слѣдовательно форма loraáta не противорѣчила закону А., стало быть тутъ не было основанія для общесловянскаго сокращенія и въ чешскомъ рядомъ съ káva должно было бы быть loraáta, чего нѣтъ въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, новая гипотеза ак. Шахматова дѣлаетъ брешь въ его стройной теоріи 1898 г., удачно объяснявшей почти всѣ факты, и дѣлаетъ эту брешь безъ пользы для дѣла.

Дѣло въ томъ, что и эта гипотеза о музыкально-экспираторномъ характерѣ ударенія ' въ формѣ vól'sъ не даетъ возможности объяснить всѣхъ фактовъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если только предположеніе музыкально-экспираторнаго ударенія въ ф. vlásъ рядомъ съ экспираторнымъ въ káva нужно для объясненія сербской ф. vlásā при káva (иной надобности не видимъ),—то оно все-таки не даетъ удовлетворительнаго выхода изъ противорѣчиваго отношенія сербскихъ фактовъ: если удареніе ^ вообще въ слогѣ предъ ъ, ь измѣнялось въ муз.-эксп. ', то zbl'tьka должно дать въ сербскомъ zlátkā, какъ Vól'sъ дало vlásā; на дѣлѣ имѣемъ — zlátkā. Далѣе: если предположить, что музыкально-экспираторное ' сохранялось, не подвергалось сокращенію, то ожидали бы перехода его въ ^: ср. млáтиш = чак. mlátiš, слов. mlátiš; ср. лѣшће = чак. líšće съ восходящимъ долгимъ удареніемъ.

Разберемся въ противорѣчивыхъ штокавскихъ формахъ, относящихся къ судьбѣ ударенія ^ въ слогѣ предъ ъ, ь.

1. Форма gen. pl. отъ vlásъ-vlása въ шток. имѣетъ видъ vlásā; въ словинскомъ vlás.

2. Уменьшительныя отъ зláто, звѣжер, грѣз, лѣст, прáх—: злáтка, звѣрка, грѣска, лѣска, прáшка.

3. Собираательныя отъ клás—клása, прѹт—прѹта, лѣст—лѣста, цвѣжет—цвѣjeta:—клásje, прѹће, лѣшће, прѹће.

Совершенно ясенъ второй рядъ фактовъ, наоборотъ на первомъ и третьемъ рядахъ слѣдуетъ остановиться.

§ 36. По поводу перваго, формъ gen. pl., слѣдуетъ замѣтить, что мѣну качества долготы вообще нельзя объяснять сокращеніемъ —*ѡ* въ *ъ*, какъ объясняетъ Педерсенъ, K. Z. 38, 302 с. Мы не замѣчаемъ такой перемѣны качества долготы коренного слога двухсложныхъ именъ въ результатѣ сокращенія долгихъ конечныхъ гласныхъ, и если *въ большинствѣ случаевъ* вліяніе косвенныхъ падежей стерло слѣды такого же измѣненія въ пош. *в*., то все же слѣды эти остались, а въ пош. *з* не было сокращенія —*ѡ* въ *ъ*.

Мы не имѣемъ пош. *з*. волѡсъ, голѡсъ и т. п., ибо въ большинствѣ случаевъ такія формы вытѣснены были формами косвенными гѡлоса, гѡлосу и т. д., вѡлоса, вѡлосу и т. д., но мы имѣемъ напр. въ русскомъ—*полѡнѡ*, несомнѣнно изъ *рѡлпъ: ср. с. *плѣ*-*јен*, ч. *plen*, ср. р. *полонить*¹⁾.

Слѣды измѣненія качества долготы въ пош. *в*. сохранилъ и болгарскій языкъ: нисходящее удареніе въ болгарскомъ переносится на слѣдующій слогъ, подобно тому какъ въ словинскомъ: *златѡ* и т. п.; и вотъ въ соотвѣтствіи с. *срп*—*српа*, *шип*—*шипѡ*, *струк*—*струка*, *прут*—*прута*, *храст*—*храста* находимъ въ болгарскомъ: *пѣртѣтъ*, *сѣрпѣтъ*, *шипѣтъ*, *стѣркѣтъ*, *рѣстѣтъ*, а рядомъ *бегѣтъ*, *брегѣтъ* ср. р. *бѣрегѣтъ*, с. *бѣјегѣтъ*.

Формы *пѣртѣтъ* и т. п. вполне удовлетворительно объясняются именно тѣмъ, что въ п. *в*. нисходящее удареніе въ слогѣ предъ *ъ* измѣнялось въ восходящее, отчего переносъ ударенія на слѣдующій слогъ не имѣлъ мѣста въ болгарскомъ.

1) Кстати замѣтимъ, что намъ представляется маловероятной гипотеза Педерсена K. Z. 38, 320 с., что —*е* — давало въ русскомъ *о* при восходящемъ удареніи (*олѡ*): р. *полѡнѡ* въ косвенныхъ формахъ первоначально имѣло нисходящее удареніе и слѣд. въ косвенныхъ формахъ ожидали бы —*еле*—, можно, конечно, предположить измѣненіе —*еле*— въ косвенныхъ формахъ подъ вліяніемъ пош. *в*. въ —*оло*—, но тогда непонятными будутъ *ѡѡ. жѡлобѣтъ*, *жѡлоба* и т. д. (с. *жлѣјѣбѣтъ*), гдѣ пош. *в*. подчинился вліянію косвенныхъ формъ.

Формы бегѣт, брегѣт = с. бѣгег, брѣгег — и т. п. объясняются нефонетическимъ сохраненіемъ нисходящаго ударенія подъ влияніемъ косвенныхъ падежей.

§ 37. Обращаемся теперь къ рассмотрѣнію формъ собирательныхъ: клѣсје и т. п.

Въ штокавскомъ находимъ однообразныя формы съ удареніемъ $\hat{}$ на коренномъ слогѣ: прѣше, лѣше, клѣсје, дѣбье. Въ словинскомъ: ргѣтје, лѣтје, свѣтје; рядомъ ф. съ удареніемъ окончанія: klasjè, mladjè и т. п.

Въ чакавскомъ находимъ lišcè, lišce, listje и диалектически zvirjè ср. zeljé, zgnjé, regjé, gtmjé, kamenjé.

Въ штокавскомъ говорѣ Мажуранича также сохранились формы именъ собирательныхъ съ долгимъ е въ окончаніи: кѣлѣ, пѣрjè, грѣздjè¹⁾.

Сопоставленіе штокавскихъ формъ прѣше, лѣше, клѣсје, дѣбье со словинскими ргѣтје, лѣтје, свѣтје показываетъ, что штокавское лѣше и т. п. восходятъ къ болѣе древней формѣ съ восходящимъ долгимъ удареніемъ.

Это восходяще-долгое удареніе являлось очевидно, какъ результатъ измѣненія качества ударенія въ слогѣ предъ ъ. Возникаетъ лишь вопросъ, почему это восходяще-долгое ' сокращалось въ ф. zlatjka: шток. златка и сохранялось долгимъ (позже въ штокавскомъ переходило въ $\hat{}$) въ ф. listyje?

Удачный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ гипотеза ак. Шахматова, что удареніе ' сохранялось предъ долгимъ слогомъ и сокращалось предъ краткимъ: вышеприведенныя чакавскія и диалектическія штокавскія формы съ $\bar{e}$ показываютъ, что въ данныхъ формахъ именъ собирательныхъ конечное е могло быть нѣкогда долгимъ. Долгое е получалось изъ стяженія въ ф. listjé, но переносилось аналогіей и въ форму съ удареніемъ корня listyje.

1) Ср. ак. Шахматовъ «Къ вопросу о различеніи юта и неслогового іа» 16 с.

Такимъ образомъ рядомъ существовали формы *lístьje* и *lístьjē*; первая должна была дать въ шток. *lístьje* ср. злѣтка, вторая въ штокавскомъ — *lístjē*, контаминаціей первой и второй является шток. *lišће*; иначе можно сказать, что долгота ' въ *lístьje* поддерживалась рядомъ стоявшей формой *lístьjē*.

Что такое пониманіе фактовъ правдоподобно, показываютъ приведенныя выше чакавскія формы: первоначальная форма *lístьdē* фонетически давала *lístьè* и затѣмъ *lísté* ср. чак. *zvirjé*; краткость конечнаго е нефонетически проникала изъ формы *lišće* въ ф. *lísté*: ср. чак. *lišće* (съ нефонетическаго происхожденія группою *šč*); первоначальная форма *lístьje* давала *lístьje* и затѣмъ фонетически — *lístje* (съ нефонетическимъ *st* вм. *šč*); если же въ ф. *lístьje* нефонетически проникала долгота конечнаго е, то получалась ф. *lístьjē*; контаминація формъ *lístьjē* и *lístьje* дала ф. *lístьje*: ср. *lišće*.

§ 38. Такимъ образомъ формы уменьшительныхъ типа злѣтка и собирательныхъ типа *пруће* не находятся въ дѣйствительности между собою въ противорѣчїи, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, и не противорѣчатъ положенію, что удареніе $\hat{}$ въ слогѣ предъ *ъ*, *ь* измѣнялось въ удареніе ' того же качества, что и ' въ *kráva*, которое сокращалось въ сербскомъ предъ краткимъ слогомъ, но сохраняло свою долготу и позже переходило въ $\hat{}$ предъ долгимъ слогомъ и м. б. въ конечномъ слогѣ.

Непонятной съ этой точки зрѣнія является ф. gen. pl. *vlásā*.

Словинское *vlás*, *králj* показываютъ, что сербское *vlásā* является отступающимъ отъ фонетическаго закона, устанавливаемаго формами злѣтка, *пруће*, въ силу прибавочнаго —*ā* или вліянія иныхъ какихъ либо формъ. Закономерная форма была бы *vlásъ* и эта форма въ штокавскомъ нарѣчїи сербохорватскаго языка могла дать или *vlās* ср. злѣтка, или *vlās* ср. *králъ*, *пруће*, но явиться въ видѣ ' , тождественнаго съ новымъ штокавскимъ ' , старое восходящее долгое удареніе въ штокавскомъ нарѣчїи не могло.

Можетъ лишь быть поставленъ вопросъ о происхожденіи ударенія въ ф. *vlásā*.

§ 39. Удареніе это во всякомъ случаѣ — перенесенное, и перенесенное въ позднюю, специально-штокавскую эпоху.

Полагаемъ, что здѣсь не обошлось безъ вліянія —і темъ, какъ предполагаетъ Г. А. Ильинскій¹⁾, хотя и считаемъ неправдоподобнымъ его объясненіе —а изъ —іъ²⁾.

Думаемъ, что старая фонетическая форма *vlás* съ восходящимъ долгимъ удареніемъ (сокращалось ли оно въ конечномъ закрытомъ слогѣ или нѣтъ, не рѣшаемъ), была позже вытѣснена формой *vlási съ конечнымъ і изъ стяженія, перенесеннымъ сюда изъ —і темъ (ср. с. *gòstī*, *noñī*); эта форма въ результатѣ замѣны —і чрезъ —а и новаго штокавскаго передвиженія ударенія къ началу слова дала ф. *vlásā*. О переносѣ —і изъ і—темъ въ иныя свидѣтельствуютъ чак. ф. gen. pl. *kmèti*, *vòzi*, *brávi*, *ròri*, *škòlji*, *králji* при *kmét*, *vóz*, *brávu*, *rór*, *škólj*, *králj*. Что касается а вм. і въ штокавскомъ, то оно перенесено сюда, быть можетъ аналогіей: такъ напр. *ženā* могло возникнуть вмѣсто *ženī* подъ вліяніемъ *женам*, *женами*, *женах*, *женама*; или же параллельное употребленіе формъ *женама* и *женами* вызвало появленіе *женā* при *женī*³⁾.

Не настаиваемъ на вѣрности такого объясненія окончанія —а въ gen. pl., допускаемъ, что оно можетъ вызвать возраженія, но во всякомъ случаѣ не сомнѣваемся, что форма *vlásā* вторична и въ отношеніи своего ударенія, и что она не можетъ служить матеріаломъ для возраженій противъ положенія, что удареніе въ слогѣ предъ ъ, ь измѣнялось въ восходяще-долгое⁴⁾.

§ 40. Въ связи съ вопросомъ объ измѣненіи ударенія въ слогѣ предъ ъ, ь рассмотримъ еще нѣкоторыя формы infinitiv'a глаголовъ I класса въ сербскомъ языкѣ.

1) «Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ» 1905.

2) Ср. Решетаръ въ Arch. XXVII 299 с.

3) Мысль эта принадлежитъ А. И. Беличу.

Въ штокавскомъ нарѣчїи, какъ извѣстно, находимъ *infinitiva* клѣти, пѣти, жѣти и рядомъ сложныя: заклѣти, запѣти, зажѣти; точно такъ же при трѣсти, правильно соотвѣтствующемъ р. *трясти*, находимъ отрѣсти, что уже не соотвѣтствуетъ русскому—*отрясти*; ожидали бы сложныхъ формъ заклѣти, запѣти, зажѣти, отрѣсти. Откуда же формы заклети и т. д.?

Лескинъ въ виду этихъ формъ, указывающихъ на *клѣти, *пѣти, *жѣти, отрицаетъ значеніе Вуковскихъ формъ клѣти и т. п. Но помимо того, что такое отрицательное отношеніе къ вуковскимъ формамъ слишкомъ поспѣшно и произвольно, самыя формы заклети и т. п. можно возвести къ формамъ клѣти и т. п. лишь съ новымъ $\hat{}$, получившимся въ штокавскомъ изъ болѣе древняго $\acute{}$: старое клѣти могло дать либо клѣти, либо въ сложеніи *zakleti, но не заклети; точнѣе опредѣляя, такъ какъ переносъ ударенія на слѣдующій слогъ древнѣе переноса $\hat{}$ на предлогъ, zakleti могло дать только zakleti, откуда позже должно было получиться заклѣти въ штокавскомъ.

Такимъ образомъ мы не можемъ вполне согласиться съ Б. М. Ляпуновымъ, когда онъ въ ф. заклѣти, отрѣсти видитъ просто «оттяжку ударенія къ началу на одинъ слогъ ближе, чѣмъ оно было въ тѣхъ же словахъ безъ предлога». Р. Ф. В. 1906 г. № 1, 18 с. Если ф. заклѣти восходитъ къ болѣе старой zakleti съ восходящимъ долгимъ удареніемъ, то эта послѣдняя форма—*zakleti не могла быть результатомъ оттяжки ударенія къ началу слова; такая оттяжка ударенія съ конечнаго восходяще-долгаго слога не имѣла мѣста въ словянскихъ языкахъ: ср. р. похвалá, похвалѣть, с. похвалити, а не пòхвалити¹⁾.

Полагаемъ, что с. ф. заклети и т. п. врядъ ли можетъ быть объяснена удовлетворительно, если мы не примемъ гипотезы Лоренца о существованіи въ прасловянскомъ двухъ окончаній *infinitiv'a*: *ti* и *ty*.

1) С. пòхвала могло получиться только подъ вліяніемъ асс. в. пòхвалу изъ *rochnálo*, если оно не результатъ вліянія другихъ подобныхъ образованій, гдѣ асс. в. несомнѣнно имѣлъ удареніе корня.

Наоборотъ, коль скоро мы допустимъ формы на -тъ рядомъ съ формами на -ti, форма заклѣти и т. п. можетъ получать удовлетворительное объясненіе.

Рядомъ съ ф. klēti, mērti, jēti, čēti, rēti и т. д. существовали формы klēť, mēť, jēť, čēť, rēť и т. д. Эти послѣднія формы въ сложеніи имѣли видъ zaklēť, umēť и т. д. Закономерно эти формы должны были дать въ сербскомъ zaklēt, umgijet и т. д. Съ этой точки зрѣнія могли бы быть разсматриваемы, какъ фонетическія, формы черногорскаго говора Ōzginici и говора Pčcañ, приводимыя Решетаромъ: iztrēst, zāgāst, ōbuć, zātūc, umgijet, zāklēt, zādrijet и др. 1) Такія именно формы должны были получиться изъ zaklēť и т. п. если переносъ ударенія нисходящаго вида на предлогъ имѣлъ мѣсто раньше измѣненія ѣ, ѣ въ неслоговые. Но подъ влияніемъ ф. klēti на мѣсто ф. klēť могла возникать форма klēť и эта послѣдняя должна была подобно формѣ krālĭ измѣниться въ klēť съ восходящимъ долгимъ удареніемъ; сохранялась ли эта форма фонетически съ долгой или же долгота поддерживалась влияніемъ формы klēti, не рѣшаемъ; но позже она должна была въ штокавскихъ говорахъ перейти въ ^: zaklētъ давало zaklēť, затѣмъ въ штокавскомъ zaklēť, съ новымъ ^ изъ стараго долгаго восходящаго, и наконецъ zāklēt; и дѣйствительно въ Рагузѣ находимъ формы umgijeť, ōdrijet, izvūc, ōbuć; тутъ же рядомъ съ ōtĭt, izĭt находятъ и iziti—ōtiti 2).

Такимъ образомъ происхожденіе штокавскихъ umgijeti, zāklēti, nārēti и т. д. становится понятнымъ. Эти формы неизбежно предполагаютъ простыя формы klēť, rēť и т. д. съ восходящимъ долгимъ удареніемъ (того же происхожденія, что и въ krāl): Мажураничъ въ своей «Slovnica Hèrvatska» 19 с. свидѣтельствуеъ, что въ Винодолѣ говорятъ: tūc, vūc, dūbst и т. д. съ восходящимъ долгимъ удареніемъ.

1) «Die Serbo-Kroatische Betonung der südwestlicher Mundarten» 87 с.

2) «Die Serbokroatische Betonung» . . . 87 с.

Результаты предшествующаго изложенія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ и гипотезамъ:

1. Типъ именъ *hvalà—hvalù—hvalù* и *travà—travù—trávu* вторичны.

2. Эти типы уже существовали въ эпоху переноса ударенія „*˘*“ на предыдущій слогъ.

3. Имена типа *kôža, stráža* съ восходящимъ удареніемъ вторичны.

4. Возникновеніе ихъ относится къ эпохѣ, болѣе поздней, чѣмъ переносъ ударенія на слѣдующій слогъ, но къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ переносъ ударенія на предыдущій слогъ.

5. Русскія формы асс. рл. о—темъ муж. рода сохранили слѣды переноса ударенія на слѣдующій слогъ.

6. Переносъ флексіи лос. в. —и изъ —и темъ въ о—темы въ русскомъ языкѣ стоятъ въ связи съ закономъ переноса ударенія на слѣдующій слогъ.

7. Собирательныя имена муж. р. на -а въ русскомъ языкѣ стоятъ въ связи съ тѣмъ же закономъ.

8. Формы п. рл. *sná, drevá* и т. п. легко объяснимы съ точки зрѣнія этого закона; серб. *rebra* п. рл.—вторично.

9. Формы *byú, lyú*—фонетическія.

10. Переносъ ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ имѣлъ мѣсто съ нисходяще-долгихъ и всѣхъ краткихъ слоговъ, такъ какъ восходяще-краткихъ слоговъ въ эту эпоху еще не было.

11. Мысль Педерсена, что *˘˘* — переходило въ *˘˘˘*, неосновательна.

12. Переносъ ударенія на слѣдующій восходяще-долгій слогъ извѣстенъ всѣмъ словянскимъ языкамъ.

13. Препятствій къ отнесенію этого закона къ балтійско-словянской эпохѣ нѣтъ.

14. Взглядъ Meillet, относящаго этотъ законъ къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ неслоговые *ъ, ь* и стяженіе, маловѣроятенъ.

15. Законъ перенесенія ударенія на слѣдующій восходяще-

долгий слогъ древнѣе переноса удареній , ^ на предыдущій слогъ.

16. Формы *kōža*, *stráža* врядъ ли могли получиться чисто-фонетическимъ путемъ.

17. Словянскія фф. *mǣziš*, *mǣlem*, *kōžar*, *mlátiš* находятъ свое объясненіе въ принципѣ мѣны качества ударенія вслѣдствіе потери слогового качества въ ъ, ь — слога не непосредственно предшествующаго.

18. Серб. ф. *lómīšva*—вторична.

19. Сербскій типъ именъ *škǫb*—*škǫba* и т. п. явился вслѣдствіе уравниванія изъ типа отношеній *škǫbъ*—*škǫbà* подъ влияніемъ отношеній *dǫlъ*—*dǫla* въ эпоху до потери гласными ъ, ь слогового качества и вызваннаго этимъ измѣненія удареній.

20. Конечные ъ, ь теряли удареніе раньше потери ими слогового качества.

21. Вслѣдствіе измѣненія гласными ъ, ь слогового качества ударенія ` , ' измѣнялись въ ^, удареніе ` въ ^, удареніе ^ въ ' , которое сокращалось предъ краткимъ слогомъ, но сохранялось предъ долгимъ.

22. Ф. *rǫr* — въ сербскомъ замѣнила фонетическую *rǫr* подъ влияніемъ *gen. s. rorà*.

23. Въ шток. ф. *gen. pl. vlása* удареніе ' перенесенное.

23. Сербскія (шток.) фф. *zaklěti* и т. п. объясняются при допущеніи формъ на -ть рядомъ съ формами на *ti* и восходятъ къ *zaklěť* изъ болѣе древняго *zaklěť*.

11/VI 1906. с. Кочетокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Переносъ ударенія къ концу слова.

§ 1. Перемѣщеніе ударенія на суффиксъ или окончаніе.
 § 2. Условія этого перемѣщенія. § 3. Лит. *galvā—gálva* и слов. *golvā—gólvo*. § 4. Законъ переноса ударенія на восходяще-долгій слогъ и имена ж. р. темы -а. § 5. Имена -а темы съ мягкимъ исходомъ основы. § 6. Имена -а темы съ краткимъ гласнымъ корня. § 7. Тѣ же имена съ мягкимъ исходомъ основы. § 8. Форма асс. pl. именъ темы -о. § 9. Формы ном.-асс. pl. м. на -а въ русскомъ языкѣ. § 10. Формы loc. s. masc. въ русскомъ языкѣ. § 11. Nom. pl. neutr. § 12. Loc. s. -і темъ. § 13. Глагольныя формы.

2. Фонетическія условія переноса ударенія на другой слогъ.

§ 14. Переносъ ударенія съ нисходяще-долгихъ и съ краткихъ слоговъ. § 15. Гипотеза Педерсена о переносѣ ударенія черезъ краткій слогъ.

3. Древность закона переноса ударенія къ концу слова.

§ 16. Взгляды Фортунатова, Шахматова, Мелье, Вондрака.
 § 17. Всѣ ли словянскіе языки знаютъ разсматриваемый переносъ ударенія. § 18. Есть ли препятствія къ мысли о балтійско-словянскомъ происхожденіи закона. § 19. Взглядъ Meillet и критика Педерсена. § 20. Разсмотрѣніе взгляда Meillet. § 21. Разсмотрѣніе взгляда Педерсена. § 22. Теорія Шахматова. § 23. Общая оцѣнка этой теоріи. § 24. Хронологическое отношеніе разсматриваемаго закона къ инымъ явленіямъ словянскаго количества. Ф. jèzjĭkā. § 25. Ф. pītāš, ĭgrāš. § 26. Тѣ же формы при предположеніи, что законъ переноса ударенія на предшествующій слогъ древнѣе стяженія. § 27. Ф. jèzjĭkā при предпо-

ложеніи, что переносъ ударенія на предшествующій слогъ древпѣ неслоговыхъ ъ, ь. § 28. Хронологическое отношеніе переноса ударенія на слѣдующій слогъ, переноса его на предыдущій слогъ, появленія неслоговыхъ ъ, ь и появленія ф. суша, вѣла. § 29. Серб. за-правду, бѣз-лишћа, словин. igraš, na-rôle. § 30. Выводъ.

4. Штокавскія kôža, stráža.

§ 31. Разсмотрѣніе Шахматовскаго объясненія фф. kôža, stráža.

5. Чакавское mlátiš.

§ 32. Чакавское mlátiš и словин. mġāziš. § 33. Шток. лѣмѣши, учѣте.

6. Измѣненія удареній въ слогъ предъ з, в.

§ 34. Измѣненіе ф. dōtъ, grġhъ, ropъ. Происхожденіе форм шток. škġbъ—škġbъа и т. п. § 38. Измѣненіе ударенія ˘ въ слогъ предъ ъ, ь. § 36. Формы gen. pl. на—ъ. § 37. Имена собирательнаго типа klāsje въ сербскомъ. § 38. Шток. vlásъ въ отношеніи къ фф. klāsje, zlátkъ. § 39. Происхожденіе формы vlásъ. § 40. Сербскія infinitiva zâklġti и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(По поводу статьи проф. Вондрака «Slavische akzent- und quantitãtstudien» В. В. ХХХ, 1—2, 100—153 с.).

Наши «Замѣтки» были уже почти закончены, когда была получена въ Харьковѣ книжка журнала Беценбергера со статьей проф. Вондрака, носящей приблизительно такое же заглавіе, какъ и наша работа.

Мы воспользовались нѣкоторыми соображеніями вѣнскаго слависта и внесли ихъ разсмотрѣніе въ наше изложеніе лишь по одному важному вопросу, который у насъ разбирался.

Однако работа проф. Вондрака касается цѣлаго ряда настолько интересныхъ вопросовъ словянскаго количества и ударенія, что намъ представляется необходимымъ въ дополненіе къ предыдущимъ «Замѣткамъ» посвятить особую замѣтку этой работѣ.

Отмѣтимъ тутъ же, что взгляды и соображенія проф. Вондрака въ огромномъ большинствѣ случаевъ вызываютъ возраженія и сомнѣнія въ ихъ правильности.

Мы опасаемся, что значеніе работы проф. Вондрака можетъ быть скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное, что его теоріи и выводы могутъ лишь запутать и осложнить и безъ того нелегкіе вопросы словянскаго количества и ударенія.

Въ подтвержденіе этихъ нашихъ опасеній мы и остановимся на отдѣльныхъ взглядахъ и положеніяхъ проф. Вондрака.

Прежде всего авторъ останавливается на вопросѣ о двухъ интонаціяхъ на краткихъ гласныхъ и удлинненіи краткихъ гласныхъ въ словянскихъ языкахъ.

Польское удлинненіе краткихъ гласныхъ въ закрывшемся слогѣ предъ звучными и сонорными согласными (bóg, wół, kot) авторъ пытается объяснить посредствомъ принципа Поттебни, но считаетъ нужнымъ самое объясненіе Поттебни «перевернуть вверхъ ногами» (auf den Kopf stellen): по мнѣнію Поттебни гласный ъ (ь) дольше сохранялся послѣ глухихъ согласныхъ, чѣмъ послѣ звучныхъ, по мнѣнію Вондрака наоборотъ: онъ дольше сохранялся послѣ звучныхъ; удлинненіе краткихъ гласныхъ наступило вслѣдствіе отпаденія ъ, ь послѣ звучныхъ въ то время, когда послѣ глухихъ ъ, ь уже давно не существовали. Но почему же ъ, ь сохранялись дольше послѣ звучныхъ?—еслибы ъ отпалъ, то согласный звучный перешелъ бы въ глухой; чтобы сохранить звучность согласныхъ и въ пом.-асс. в. въ согласіи съ остальными падежами (boga, bogu и т. д.), ъ, ь

сохранялись послѣ звучныхъ согласныхъ дольше, чѣмъ послѣ глухихъ согласныхъ; когда же въ болѣе позднюю эпоху они все же должны были исчезнуть, тогда законъ удлиненія сыгралъ свою роль (102—103 с.).

Что касается сонорныхъ согласныхъ, то тутъ исчезновеніе ъ, ь, возмѣщалось удлиненіемъ сонорныхъ, затѣмъ это удлиненіе передавалось гласнымъ.

Съ послѣднимъ объясненіемъ, касающимся сонорныхъ гласныхъ легко согласиться; но врядъ-ли является необходимость въ выворачиваніи на изнанку теоріи Потебни: вполне понятна разница между *wóz* и *rot* и безъ такихъ искусственныхъ предположеній, такъ-какъ въ первомъ случаѣ *z* измѣнялось въ *s*, происходила потеря голоса, тогда-какъ во второмъ случаѣ этого не было. Стремленіе все объяснить фонетически заставляетъ Вондрака тутъ же модифицировать свое пониманіе польскаго удлиненія: удлиненіе первоначально имѣло мѣсто не только предъ звучными согласными, но и предъ длительными вообще, — предъ *s*, *ś*, *ś*; это положеніе авторъ основываетъ на такихъ др.-пол. примѣрахъ, какъ — *deeszcz* (нынѣ *dészcz*), *czaas*, *cuuas*, *gzeesz*, *grooch*.

Какъ связать это новое положеніе Вондрака съ его превращеніемъ теоріи Потебни, для насъ неясно: вѣдь въ *gzeesz*, *proch*, *czas* -ъ по теоріи самого Вондрака отпалъ раньше, чѣмъ предъ звучными; здѣсь не было основанія для болѣе долгаго сохраненія ъ, ь, чѣмъ въ *rot*; слѣдовательно появленіе здѣсь удлиненія фонетическое совершенно непонятно. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что рядомъ съ *grooch*, *gzeesz* въ старопол. памятникахъ самъ Вондракъ отмѣчаетъ *kooth*, *potook*, хотя и рѣдкіе. Эти примѣры ясно говорятъ, что происхожденіе такихъ фактовъ, какъ *grooch*, скорѣе нефонетическое. Если же оно фонетическое, то лишь въ случаѣхъ съ первоначально долгимъ гласнымъ и не въ силу вторичнаго удлиненія, а быть можетъ въ силу положенія послѣ ударенія въ проклитическомъ сочетаніи: слѣдовало бы эти примѣры приводить въ связи цѣлой фразы.

Объ явленіи вторичнаго удлиненія въ польскомъ и связанныхъ съ нимъ вопросахъ — вѣрно у В. К. Поржезинскаго въ разборѣ нашей книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка» (въ Сборн. Отд. р. яз. и сл. LXXXI 22 с. отд. отт.).

Неудачнымъ представляется намъ то, что Вондракъ говоритъ о чешскомъ удлиненіи краткихъ гласныхъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ и о польскихъ формахъ *góga*, *góga* и т. п. и соответствующихъ чешскихъ *hgúza*, *kúže* и др.

Авторъ и для чешскаго языка признаетъ значеніе звучнаго и вообще дѣтельнаго согласнаго (104 с. и сл.), но такъ какъ одинъ этотъ принципъ не объясняетъ всѣхъ фактовъ, то Вондракъ привлекаетъ къ дѣлу еще и другой (Гебауэра): вслѣдствіе отпаденія *ъ* въ предлогѣ удлинняется краткій гласный слѣдующаго за нимъ имени; такъ получилось *vzrúst*, которое затѣмъ измѣнило своимъ вліяніемъ фонетическое *rost* въ *rúst* (108 с.). При этомъ Вондракъ не объясняетъ, какъ и по отношенію къ польскому, самаго главнаго: въ силу чего появилось удлиненіе краткихъ гласныхъ предъ длительными глухими согласными, разъ удлиненіе предъ звучными наступило въ языкѣ тогда, когда послѣ глухихъ или незвучныхъ *ъ*, *ь* давно уже не существовали.

Польскія *góga*, *góga* и т. п. авторъ готовъ объяснить вліяніемъ формы *gen. pl.* (119 стр.), однако ниже, говоря о параллельныхъ чешскихъ формахъ *kúže*, *vúle* и т. п., онъ замѣчаетъ въ пособіе первому и другой принципъ объясненія: если мы правильно поняли не вполнѣ опредѣленное объясненіе автора, долгота въ *nom. s.* могла возникнуть при краткости въ косвенныхъ формахъ въ параллель отношеніямъ *rgáse* — *rgasū*, гдѣ долгота кореннаго слога сократилась предъ долгимъ окончаніемъ.

На этомъ законѣ сокращенія долготы предъ долгимъ окончаніемъ, который авторъ стремится обосновать возможно шире и тверже, мы остановимся нѣсколько ниже. Теперь замѣтимъ, что объясненіе польскихъ формъ *góga*, *góga* и т. п. вліяніемъ формы *gen. pl.* намъ кажется совершенно невѣроятнымъ; болѣе подходитъ параллель отношеній *rgáse*: *rgasū*, но этотъ методъ

объясненія приложимъ лишь къ чешскому, такъ какъ предполагать въ моментъ формировація формъ типа *šba* въ польскомъ сохраненіе восходящей долготы мы не имѣемъ никакихъ основаній; съ другой стороны однако врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ одинаковости происхожденія данныхъ формъ въ чешскомъ и польскомъ, а потому и принципъ объясненія должно искать общій для обоихъ языковъ. Отъ первоначально краткихъ гласныхъ Вондракъ переходитъ къ долгимъ, но сократившимся гласнымъ, рассматривая ихъ отношеніе къ закону удлиненія.

Въ чешскомъ находимъ рядъ именъ съ первоначально восходяще-долгимъ гласнымъ корня, который однако вопреки общему закону является нынѣ краткимъ: *čas*, *had*, *hněv*, *kráj*, *děd*, *gak*, *svat*. Съ другой стороны, также вопреки общему закону, имена съ нисходяще-долгимъ гласнымъ являются съ долготой: *čár*, *žár*, *žír*, *sněh*. Оба ряда формъ, внѣ всякаго сомнѣнія, являются фонетическими, ибо потеря слогового качества въ слѣдующемъ -ъ измѣняла качество долготы; тамъ, гдѣ восходящая долгота сохранилась и въ пош. *v. f.* — тамъ она нефонетическаго происхожденія: результатъ вліянія косвенныхъ падежей; такой же результатъ вліянія косвенныхъ падежей представляютъ формы пош. *v. m.* съ краткимъ гласнымъ изъ первоначально нисходяще-долгаго. Тамъ, гдѣ долгота не была вытѣснена краткостью косвенныхъ падежей, тамъ она проникла сама въ косвенные падежи: *žír*—*žíra*.

Вондракъ ищетъ объясненія приведенныхъ формъ типа *čas* и типа *žír* въ иныхъ условіяхъ и ищетъ, намъ кажется совершенно неудачно. Исходя изъ необходимости объяснить эти имена, Вондракъ устанавливаетъ два принципа: 1) сокращеніе долготы предъ удареніемъ и 2) сокращеніе долготы предъ долгимъ суффиксомъ.

Для объясненія формы *čas* достаточнымъ онъ считаетъ первый принципъ: русск. два часа, часѣ указываетъ на удареніе окончанія; изъ формъ *dual.* и *plur.* краткость (изъ долготы предъ удареніемъ) проникла въ ф.ф. ед. ч. Такимъ образомъ форма

gen. plur. *čas* въ выраженіи «до *tésh čas*» является уже результатомъ вторичнаго удлиненія. Но этотъ принципъ объясненія примѣнимъ только къ формѣ *čas*; для объясненія же остальныхъ автору нуженъ принципъ сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ.

Остановимся сперва на этомъ послѣднемъ принципѣ. Для насъ непонятно, почему мы не находимъ сокращенія долгихъ гласныхъ въ gen. s. предъ окончаніемъ *-ā*, которое Вондракъ признаетъ въ такой же мѣрѣ долгимъ, какъ и оконч. g. pl. (115 стр.)¹⁾; или почему его нѣтъ въ n. s. f. *síla*; вѣдь окончаніе *-ā* въ n. s. f. было навѣрное долгимъ въ ту эпоху, когда было долгимъ *-ōn* въ gen. pl.

Итакъ сокращеніе долготы въ gen. pl. намъ представляется весьма сомнительнымъ; но авторъ обосновываетъ свой законъ сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ.

Думаемъ, что такимъ обоснованіемъ не можетъ служить форма instr. s. f. *práci* или *silou* (*práce, síla*). Здѣсь сокращеніе въ чешскомъ явилось результатомъ измѣненія восходящей долготы корня въ нисходящую въ силу стяженія въ слѣдующемъ слогѣ, на что опредѣленно указываетъ слов. *lpro* при *lpra* n. s.

Такимъ же образомъ Вондракъ видитъ сокращеніе долготы предъ долгимъ суффиксомъ въ формахъ *silam* dat. pl., *silami* instr. pl., *silach* loc. pl. при *síla, síly* и т. д. (133 с.). Но въ ф. *silami* сокращеніе скорѣе объясняется закономъ, указаннымъ А. А. Шахматовымъ: въ об.-сл. сокращались начальные слоги многосложныхъ словъ; слѣд. въ формѣ *silami*, долгота находилась въ одинаковомъ положеніи и сокращалась въ силу тѣхъ же причинъ, какъ и въ словахъ чеш. *jahoda, mateře* (серб. *jàgoda, māteri*), гдѣ никакихъ долгихъ суффиксовъ вслѣдъ за кореннымъ слогомъ не было.

Въ чеш. фф. imperativ'a: *chval, chvalte* — Вондракъ видитъ

1) Ср. ч. *hrádu, pláče, ráju*; др.-чеш. *chléba*.

тотъ же законъ: по теоріи Вондрака оконч. -і въ 2 в. imper. было восходяще-долгимъ (*gestossen*), во мн. ч. — нисходяще-долгимъ (*geschleift*), но затѣмъ произошло уравненіе въ пользу ед. ч. Такъ-какъ въ чешскомъ восходящая долгота сохранялась, то предъ этой долготою сокращалась долгота коренного слога: вм. *chváli*, *chválíte* получилось *chvalí*, *chvalíte*; позже имѣлъ мѣсто переносъ ударенія на первый слогъ и сокращеніе второго слога, ставшаго безударнымъ.

И это новое подтвержденіе закона, который старается обосновать Вондракъ, вызываетъ въ насъ одни сомнѣнія и недоумѣнія: прежде всего намъ представляется, что сокращеніе конечнаго -і въ *chvalí*, все равно, было ли оно *gestossen* или *geschleift*, произошло еще въ об.-слов. эпоху; но если это не такъ, то какъ же объяснить ч. ф. *chvála* п. в. f., *chváliti* infin.? — и конечное *a* въ *chvala*, и суфф. -і въ *chváliti* было *gestossen*, какъ и въ *chvalí*, *chvalíte* («подъ влияніемъ *chvalí*»), слѣдовательно сохранялось въ чешскомъ долгимъ; отчего же не произошло здѣсь сокращенія долготы предъ долгимъ суфф. -а, -і? Отчего не имѣемъ *chvala*, *chvaliti*, а *chvála*, *chváliti*? Далѣе замѣтимъ, что такого сокращенія въ imper. не видимъ въ сербскомъ: *úci*, *úcite*, *živí*, *živite* изъ *ŭci*, *ŭcite*, *živí*, *živíte*; вмѣстѣ съ тѣмъ Вондракъ считаетъ нужнымъ говорить о сохраненіи восходящей долготы въ чешскомъ; не слѣдуетъ ли отсюда, что Вондракъ считаетъ сокращеніе долготы предъ долгимъ суффиксомъ явленіемъ особой жизни словянскихъ языковъ? — но если такъ, то можно ли говорить о сокращеніи долготы предъ долгимъ суфф. въ gen. pl. -ŏn; вѣдь это -ŏn уже на прасловянской почвѣ дало -ŏ. Такимъ образомъ устанавливаемый Вондракомъ законъ въ его примѣненіи къ объясненію различныхъ явленій словянскаго количества порождаетъ одну путаницу.

Чтобы не останавливаться на одномъ отрицаніи, замѣчу, что на чешскіе факты imperativ'a, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія положенія А. А. Шахматова, принятаго и нами въ нашей книгѣ «Къ ист. и діалект. польскаго языка»

(206 с.): долгота сохранялась въ чешскомъ, какъ и въ польскомъ, предъ краткимъ ударяемымъ слогомъ, предъ долгимъ же ударяемымъ сокращалась; съ этой точки зрѣнія должно предположить во 2 в. imp. первоначально долготу сохраненной: *chvālī*, а въ ф.ф. pl. сократившейся *chvālíte*; такимъ образомъ въ чешскихъ формахъ *chval*, *chvalte* скорѣе отразилась количественная сторона формъ мн. ч., чѣмъ единственнаго, какъ у Вондрака¹⁾).

Къ обоснованію того же закона сокращенія долготъ предъ долгими суффиксами Вондракъ привлекаетъ и формы прилагательныхъ: въ неопр. формѣ прилагательныя въ чешскомъ часто съ долгимъ гласнымъ, въ опредѣленной — съ краткимъ; такъ имѣемъ *-stár -stára -stáro* и *-starý, stará, staré*; такъ же *sláb* и *slabý, mál* и *malý, mlád* и *mladý* и т. п.

Слѣды того же закона Вондракъ находитъ и въ чакавскомъ: *míl* и *míli, živ* и *živí*; то же и въ другихъ сербскихъ нарѣчійхъ: *svět* и *svèti, čest* и *čèsti*. Однако, чтобы правильно освѣтить эти факты, должно принять во вниманіе примѣры противоположнаго характера: при *zdráv* имѣемъ *zdrāvī*, при *stār* — *stāri*; наконецъ при *mlád, ljen, drág* — имѣемъ въ шток. *mlādi, ljeni, drāgi*.

Сербскіе примѣры *zdrāvī* и т. п. Вондракъ объясняетъ новообразованіемъ («nepegunг»). Но объявить новообразованіемъ не значитъ объяснить. Въ виду формы *mlādi* при *mlád*, въ виду *mlātim* при слов. *mlātim* авторъ устанавливаетъ правило, что предъ долгимъ слогомъ ударяемый слогъ получаетъ въ сербскомъ $\hat{}$, какова бы ни была первоначально интонація этого слога. Формально это вѣрно, но требуетъ разъясненія.

Въ формѣ *mlātim, mlātiš* удареніе $\hat{}$ во всякомъ случаѣ восходитъ къ болѣе древнему ' т. е. долготу восходящему, которое

1) Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣчаемъ, что мы признаемъ сокращеніе долготы предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ (*chvalíte*), тогда какъ Вондракъ допускаетъ сокращеніе предъ *долгимъ* слогомъ ударяемой долготы *silam*. Другое отличіе нашей точки зрѣнія отъ Вондрака — въ томъ, что на нашъ взглядъ въ ф. *chvālī* долгота находилась въ чеш. предъ краткимъ слогомъ, а по Вондраку — предъ долгимъ.

въ положеніи предъ долгимъ слогомъ сохранялось долгимъ и позже въ штокавскомъ переходило въ $\hat{}$.

Въ формѣ *mládi* удареніе $\hat{}$ такого же происхожденія: стяженіе въ слѣдующемъ слогѣ измѣняло удареніе $\hat{}$ (*mlád*, р. мблѣдъ) въ ' (*gestossen*), которое сохранялось предъ долгимъ слогомъ и позже въ штокавскомъ переходило въ $\hat{}$.

Иного происхожденія $\hat{}$ въ формѣ *zdrávi* (*zdráv*): здѣсь стяженіе въ слѣдующемъ слогѣ вызвало измѣненіе первоначальнаго ' въ $\hat{}$.

Нельзя видѣть въ чакавскихъ формахъ *živí* = шток. *živí* или *mili* слѣды сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ, ибо тутъ какъ разъ долготы въ суффиксѣ нѣтъ; повидимому, форма *živí* объясняется тѣмъ же принципомъ, что и шток. *zdrávi* и *mládi* (изъ *mládi*): стяженіе въ слѣдующемъ слогѣ вызвало измѣненіе $\hat{}$ въ ' (ч. *živ*, -а, -о и серб. *жив*, *жива* согласно указываютъ на нисходящую долготу), которое въ чакавскомъ сохранялось предъ долгимъ слогомъ, но такъ-какъ въ данномъ случаѣ произошло сокращеніе, вѣроятно нефонетическое, конечнаго *i*, то удареніе ' не сохранилось, а получило сокращеніе; что касается формы *mili*, то здѣсь трудно говорить о сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ, такъ-какъ и въ неопредѣленной формѣ коренное *i* было, повидимому, восходяще-долгимъ, а потому сокращалось и въ неопредѣленной формѣ: ср. чак. *mila* — *milo*, съ чѣмъ гармонируетъ и чеш. *milý*, гдѣ краткость — результатъ измѣненія восходящей долготы въ нисходящую подъ влияніемъ стяженія въ слѣдующемъ слогѣ.

Итакъ, чеш. *stary* при *stár* — *stára* — *stáro*, *slabý* при *sláb* — *slába* — *slábo* и т. п. объясняются, какъ результатъ измѣненія восходящей долготы въ нисходящую въ виду стяженія въ слѣдующемъ слогѣ, а отнюдь не какъ примѣръ сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ.

Объясняя такъ, мы поймемъ и серб. формы *zdrávi*, *stári*, тогда какъ объясненіе Вондрака ведетъ къ необходимости смотрѣть

на сербскую форму, какъ на какое то новообразование, противорѣчащее закону и въ сущности остающееся необъясненнымъ.

Что касается такихъ образований, какъ чеш. *krátek*—*krátký*, то эти отношенія намъ представляются нормальными: *krátek*, повидимому, стоитъ подъ вліяніемъ иныхъ падежныхъ и родовыхъ формъ (*krátka* г. в. ш. и п. в. f. и т. д.), слѣдовательно положеніе долготы коренного слога въ краткихъ и полныхъ формахъ одинаково — предъ слогомъ съ ъ. Съ чешскими отношеніями совпадаютъ и русскія: корѳтокъ — корѳткій; сербское же *krátki* при *kratak*—*krátko* объясняется опять таки вполне естественно: первоначально нисходящая долгота мѣнялась вслѣдствіе потери количества въ слѣдующемъ слогѣ въ восходящую и затѣмъ оказывалась въ силу выпаденія ъ въ формѣ *krátko* — предъ краткимъ слогомъ, а въ формѣ *krátki* предъ долгимъ; отсюда согласно общему правилу въ ф. *krátko* удареніе ' сокращалось, въ ф. *krátki* сохранялось долгимъ и переходило въ ^, какъ и въ *mlátim*. Во всякомъ случаѣ, если наше толкованіе и неправильно, — форма *krátki* при *krátko* не гармонируетъ съ закономъ Вондрака о сокращеніи долготы предъ долгимъ слогомъ.

Болѣе подходящимъ матеріаломъ для обоснованія разсматриваемаго закона являются формы сравн. степени, на которыя Вондракъ указываетъ. Изъ русскихъ формъ дорѳже (дорѳгъ), молѳже (мѳлодь) Вондракъ заключаетъ, что форма сравнит. степени первоначально имѣла восходяще долгое удареніе; отсюда и въ чешскомъ—*dráže*, *šíře*, *houšť* и т. п.; но предъ долгимъ суффиксомъ долгота эта сокращается: *blíže*, но *blíží*; *chúze*, но *chuzí*; *lépe*, но—*lepí*; *tíže*, но—*těží*; *více*, но—*věcí*; *vyše*, но—*vyšší*. Однако можно ли положиться на этотъ матеріалъ?—формы сравн. степени дошли до насъ лишь, какъ обломки прежней стройной системы. Является вопросъ: если принять восходящее удареніе за постоянную черту формъ сравн. степени, то не можетъ ли форма *blíží* по сравненію съ формою *blíže* быть разсматриваема, какъ результатъ измѣненія качества долготы вслѣдствіе стяженія въ слѣдующемъ слогѣ.

Наконецъ, если допустить здѣсь сокращеніе долготы, — то быть можетъ это сокращеніе поздняго нефонетическаго происхожденія: ср. при řidký — řidší¹⁾, тогда какъ фонетическое сокращеніе дало бы ředší.

Мы имѣемъ весьма вѣсскія основанія недовѣрять приведеннымъ Вондракомъ примѣрамъ и не дѣлать изъ нихъ того вывода, какой дѣлаетъ онъ: мы видѣли выше, что ни одинъ изъ остальныхъ фактовъ, на которые онъ опирается, не можетъ въ сущности защитить его положеніе, что этому положенію прямо противорѣчатъ такіе сербскіе факты, какъ zdrāvī (zdrāv), stārī (stār), которые неустранимы простымъ объявленіемъ ихъ за новообразованія.

Сопоставляя шток. mlādi, drāgi, lijeri съ соответствующими чакавскими формами²⁾, мы находимъ въ послѣднихъ восходяще долгое удареніе, какъ и въ mlātiš; отсюда ясно что въ сербскихъ фактахъ указаніе не на сокращеніе долготы предъ долгимъ слогомъ, а на измѣненіе качества долготы предъ слогомъ, гдѣ произошло стяженіе.

Наконецъ, закону, который стремится установить Вондракъ, противорѣчатъ и нѣкоторые чешскіе факты: въ именахъ собирательныхъ — doubí отъ dub, boucí отъ buk, listí отъ list, vřbí отъ vřba³⁾ мы не видимъ никакого сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ, а опять таки измѣненіе качества долготы: нисходящей въ восходящую; ср. и серб. lišhe = чак. lišće съ восходящимъ удареніемъ.

Итакъ мы не можемъ принять для объясненія формъ čas, had, hněv и т. п. въ чешскомъ закона сокращенія долготы предъ долгимъ суффиксомъ. Но мы отмѣтили выше, что для объясненія формы čas Вондракъ пользуется еще и другимъ принципомъ: онъ допускаетъ сокращеніе долготы въ положеніи предъ ударяемымъ конечнымъ слогомъ, при чемъ указываетъ на чеш. um — ср.

1) Гебауэръ «Hist. Ml.», I, 591 с.

2) Ср. у Берлица Р. Ф. В. 1888 г. 179 с.

3) Gebauer Hist. Ml. I, 594 с.

словин. úm—úma, серб. úm—úma, р. umá. Не допуская, чтобы положеніе автора не имѣло никакого смысла, мы никакъ не можемъ понять, какой особый смыслъ оно имѣетъ рядомъ съ твердо установленнымъ для языковъ чешскаго, польскаго, сербскаго, словинскаго положеніемъ: старая прасловянская долгота въ положеніи предъ старымъ прасловянскимъ удареніемъ (по крайней мѣрѣ на *краткомъ* или изстари сократившемся слогѣ) — *сохраняется*. Въ согласіи съ этимъ принципомъ — чеш. chvála, tráva и т. п., серб. chvála, tráva и т. п., словин. chvála, tráva и т. п., пол. chwála, trawa (a—rochylone) и т. п., да и серб. úma, слов. úma изъ úmà.

Намъ казалось, что формы *čas* съ краткостью, какъ въ пош. s., такъ и въ gen. pl. объясняется просто тѣмъ, что ударяемая восходящая долгота въ силу потери слогового качества слѣдующимъ ъ измѣнилась въ нисходящую, откуда въ чешскомъ закономѣрно краткость. Что же касается формы до *těch čas*, то здѣсь восходящая долгота находится въ положеніи за удареніемъ въ энклитическомъ сочетаніи.

Но для Вондрака дѣло объясняется не такъ просто: форма *čas* является результатомъ вторичнаго удлиненія, повидимому въ виду длительности конечнаго s; самый же принципъ мѣны качества долготы Вондракъ освѣщаетъ весьма своеобразно.

Прежде всего этотъ принципъ онъ связываетъ съ формой gen. pl. и описываетъ весь процессъ звукоизмѣненій слѣдующимъ образомъ: оконч. -*on* должно было дать фонетически у, но въ то время какъ -*on* уже перешло въ -*un*, дальнѣйшее развитіе закономѣрнаго процесса остановилось въ виду того, что въ конечномъ его результатѣ получилось бы совпаденіе формы gen. pl. съ асс. pl. и instr. pl.; во избѣжаніе этого языкъ перенесъ количество -*un* на предшествующій слогъ, сокративъ въ то же время -*un* въ -*un*, откуда ъ.

Въ результатѣ такого звукового процесса и получилось р. волось g. pl. при волось—волоса и чеш. síl при síla.

Если при этомъ гласный корня былъ краткій, то онъ полу-

чалъ при удлиненіи восходящую интонацію: с. kónj — gen. pl. kónjā. (141—142 сс.).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что измѣненіе качества долготы отнюдь не связаны непременно съ формой gen. pl. На это указываетъ и р. полбнъ изъ рѣлпъ (ср. полонѣть) и аналогичныя измѣненія качества долготы въ именахъ съ суф. -ѣка. На эти послѣдніе факты указываетъ самъ Вондракъ (144 с.). Но почему онъ придаетъ особое значеніе формѣ gen. pl., почему говоритъ не объ измѣненіи качества долготы вслѣдствіе потери ѣ, а въ слѣдующемъ слогѣ, а о «законахъ удлиненія», почему измѣненіе ѣблосъ въ волбосъ или чеш. sil изъ sĭlъ представляется автору удлиненіемъ,—намъ неясно.

Какъ языкъ можетъ предусматривать неудобство, которое можетъ получиться въ результатѣ измѣненія -ĭp въ -y, для насъ непонятно.

Для чего нуженъ законъ сокращенія долготы предъ -ĭp въ gen. pl., если форма sil, а слѣдовательно и čas получается въ силу закона «удлиненія» или точнѣе измѣненія восходящей долготы въ нисходящую, намъ также непонятно.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что совершенно невѣренъ третій «законъ удлиненія», устанавливаемый авторомъ: удлиненіе краткаго гласнаго корня въ восходяще-долгій: серб. примѣры kónjā, kósā, pógā и т. п. отнюдь не доказываютъ этого положенія, такъ какъ по общему закону восходяще-долгое удареніе въ штокавскомъ, если не сокращается, то переходитъ въ $\hat{}$, и удареніе ' здѣсь въ штокавскихъ формахъ можетъ быть только перенесенное. Кромѣ того этому положенію противорѣчатъ серб. формы gen. pl. kōzā, rōljā, которыя Вондракъ нисколько не устраняетъ тѣмъ, что объявляетъ ихъ новообразованіями («spezifische neuegung»). Очевидно дѣйствительныя отношенія не покрываются такой простой формулой, какую даетъ авторъ. А между тѣмъ онъ не останавливается на этомъ простомъ способѣ устраненія неудобныхъ формъ, но идетъ еще дальше: замѣняя существующія формы gen. pl. kōzā и т. п. воображаемыми, но

ни на чемъ не основанными формами *kôžā съ восходящимъ долгимъ (неперенесеннымъ) удареніемъ (ср. слов. kôž), онъ объясняетъ самое возникновеніе формъ пош. в. kôža, слов. kôža, vóla—слов. vóla «просто» вліяніемъ gen. pl. Затрудняемся признать такой методъ объясненія фактовъ правильнымъ.

Теперь возвратимся къ отмѣченному выше принципу Вондрака сокращенія долготы въ положеніи предъ удареніемъ. Этотъ принципъ, какъ мы видѣли, онъ готовъ видѣть въ краткой, затѣмъ удлинившейся формѣ gen. pl. čas. Этимъ же принципомъ онъ пытается объяснить краткость въ нѣкоторыхъ именахъ темы -i: такъ чешск. ф.ф. muž, zet въ виду словинскихъ miš—miši; zèt—zéta и сербскихъ miš—miša, zét—zéta Вондракъ объясняетъ именно сокращеніемъ предъ удареніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ gen. sg., gen. pl. и другихъ формахъ. Съ другой стороны въ такихъ примѣрахъ, какъ rid', časť, tváf, kád', síť, Вондракъ видитъ вторичное удлиненіе, ибо примѣры эти мѣшаютъ его положенію, что уже въ прасловянскомъ въ именахъ темы -i произошло уравненіе въ пользу нисходящаго ударенія на долгомъ гласномъ.

А изъ этого, слабо обоснованнаго, положенія дѣлается и другой весьма важный выводъ: являющаяся въ нѣкоторыхъ словянскихъ языкахъ нисходящая интонація -i темъ на краткомъ слогѣ должна разсматриваться также, какъ нѣчто специфически словянское (126 стр.); въ именахъ слов. mōč—močf, kōst—kostf, vās, časť, pēč—rečf и т. п. нисходяще-ударенная краткость возникла просто подъ вліяніемъ нисходяще-ударенной долготы въ параллельныхъ именахъ -i темъ съ долгимъ гласнымъ корня (127 стр.). Точно такъ-же подъ вліяніемъ -u темъ съ нисходяще долгимъ корня, какъ sād, stāp, čip, возникла нисходящая краткость въ именахъ съ краткимъ гласнымъ корня: dōl, dōm, mēd, lēd въ словинскомъ, dōm—dōma, dō—dōla, mēd—mēda, lēd—lēda въ сербскомъ (127 стр.).

Такъ какъ имена темы -o и темы -u въ нѣкоторыхъ падежахъ совпадали, то и получалась возможность вліянія вторыхъ

на первыя; этому соприкосновенію тѣхъ и другихъ именъ обязана своимъ существованіемъ извѣстная категорія именъ темы -о, именно односложныя имена съ краткимъ нисходящимъ удареніемъ: *bōg—bōga, mōst—mōsta* и т. п. (130 стр.).

Словомъ оказывается, что нисходящій видъ ударенія на краткихъ гласныхъ въ словянскихъ языкахъ — вторичное явленіе (133 стр.).

Не можемъ признать вѣрнымъ ни одного изъ этихъ положеній, установленныхъ анализомъ именъ темы -і и темы -и.

Не можемъ признать чеш. *zet, muž* — результатомъ сокращенія долготы предъ удареніемъ, потому что, какъ мы говорили уже, долгота въ словянскихъ языкахъ въ положеніи предъ удареніемъ сохраняется.

Не можемъ признать въ чеш. *píd, část, tvář, kád, síť* и т. п. вторичнаго удлиненія, потому что вторичное удлиненіе предъ такими гласными (*d, t, ř*) для чешскаго не доказано, вліяніе именъ темы -а (*ргáсе*) мало вѣроятно (см. у Вондрака 125 с.).

Относительно большинства этихъ именъ параллелей въ сербскомъ не имѣемъ.

Общій выводъ, что уже въ прасловянскомъ имѣло мѣсто въ именахъ темы -і обобщеніе въ пользу нисходящаго ударенія на долгомъ слогѣ, представляется намъ малообоснованнымъ: помимо чешскихъ *píd, síť* и т. п. и серб. *mjéd, smřt, střž, pěst, gát* говорятъ противъ этого положенія; но и эти сербскіе факты Вондракъ по обыкновенію объявляетъ за новообразования («wohl spätere änderungen»).

Окончательный же выводъ о томъ, что нисходящій видъ ударенія на краткихъ слогахъ — вторичное явленіе въ словянскихъ языкахъ, кажется намъ совершенно невѣрнымъ.

Подъ какимъ вліяніемъ могли имена темы -а съ краткимъ восходящимъ удареніемъ корня исчезнуть и замѣнить удареніе свое — нисходящимъ?

Подъ какимъ вліяніемъ могло то-же случиться съ именами средняго рода?

Факты таковы, что какъ разъ подсказываютъ обратное положеніе: новымъ, вторичнымъ является краткое восходящее удареніе; первоначально всѣ краткіе слоги имѣли на себѣ нисходящее удареніе, чѣмъ и объясняется прасловянскій переносъ ударенія со всѣхъ почти краткихъ начальныхъ слоговъ на предлогъ въ проклитическихъ сочетаніяхъ, параллельно такому же переносу съ нисходяще-долгихъ слоговъ.

Впрочемъ для Вондрака и этотъ переносъ опять-таки вторичное явленіе. . . . . Онъ разсматриваетъ слов. па gōgo, какъ сохраненіе стараго мѣста ударенія, хотя сравненіе въ серб. па-gōgo показываетъ, что въ словин. па-gōgo имѣемъ такой же переносъ ударенія съ перваго слога проклитическаго сочетанія на второй, какъ и въ vodō.

Въ заключеніе своего разбора теорій проф. Вондрака отмѣчу еще одно рискованное положеніе, которымъ онъ заканчиваетъ свою статью: въ формахъ гер. s. f. на -ŭ въ Кіевскомъ М. онъ видитъ долгое -ū, объясняющееся тѣмъ, что окончаніе этой формы -ās было нисходяще-долгимъ, а нисходящая долгота въ положеніи послѣ ударенія сохраняется въ сербскомъ. Думаемъ, что долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ сокращалась уже въ прасловянскомъ независимо отъ качества; иначе мы ожидали бы долготы въ сербскомъ и въ оконч. асс. s. f. -a- темъ.

Этимъ заканчиваемъ обзоръ теорій и гипотезъ проф. Вондрака. Если мы ограничиваемся замѣчаніями исключительно отрицательнаго характера, то не по склонности къ таковымъ, а потому лишь, что затрудняемся отыскать въ его статьѣ положеніе, которое бы могло вызвать иное къ себѣ отношеніе¹⁾.

С. Кульбакинъ.

1 сентября 1906 г.

---

1) Настоящая статья была набрана, когда появился новый этюдъ проф. Вондрака о количествѣ и удареніи (К.—Z. = В. В. 1907, 133—154). Въ немъ Вондракъ отказывается отъ своего положенія, что переносъ ударенія -vodā ч т. п. извѣстенъ не всѣмъ словянскимъ языкамъ.

Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій.

I.

Сатира И. С. Баркова на Самохвала.

Имя Ивана Семеновича Баркова невольно вызываетъ въ историкѣ русской литературы грустное чувство. Одинъ изъ даровитѣйшихъ современниковъ Ломоносова, Барковъ и свое дарованіе, и отличное знаніе русскаго языка (языкъ его переводовъ поражаетъ своей чистотою и мало устарѣлъ даже въ теченіи полутора ста лѣтъ) размѣнялъ на писаніе стихотворныхъ мерзостей, циничныхъ до послѣдняго предѣла, которыя самую фамилію Баркова сдѣлали именемъ нарицательнымъ и неудобно упоминаемымъ.

Разумѣется, «Дѣвичья Игрушка» (такъ въ нѣкоторыхъ спискахъ именуется собраніе мерзостей Баркова) никогда не будетъ напечатана. Другіе труды Баркова пытались собирать. Въ 1872 г. въ Петербургѣ вышли «Сочиненія и переводы И. С. Баркова. 1762—1764 г. съ біографическимъ очеркомъ автора». Книга эта теперь довольно рѣдка. Напечатана она весьма небрежно, на скверной бумагѣ, и, повидимому, представляла собою спекуляцію на пресловутое имя. Издатель и редакторъ въ книгѣ не поименованы. Очеркъ жизни Баркова очень неудовлетворителенъ. Разумѣется, никакихъ «Игрушекъ» сюда не вошло.

Помѣщены, преимущественно, стихотворные переводы—17 сатиръ изъ Горація, 96 басенъ Фэдра съ его біографіею, Житіе князя Кантемира Антіоха Дмитріевича, Миръ Героевъ, переводъ въ стихахъ либретто оперы или «драмы на музыкѣ» (итальянскія слова *Лазарини*, музыка *Манфредини*, придворнаго капельмейстера). *Сочиненій* Баркова, собственно говоря, за исключеніемъ кантемировой біографіи, въ изданіи никакихъ нѣтъ.

А между тѣмъ Барковъ писалъ не одну *барковщину*. Изъ одной рукописи XVIII вѣка мы извлекаемъ любопытную сатиру Баркова на Самохвала, повидимому, какого-то ученаго педанта, служившаго вмѣстѣ съ Барковымъ при Академіи Наукъ. Изъ сохранившихся анекдотовъ о Барковѣ извѣстно, что онъ отличался даромъ большого остроумія, доходившаго до дерзости. Эти качества Баркова и его способность къ безпощадному персифляжу вполне сказываются и въ приводимой нами его сатирѣ, какъ кажется, писанной съ натуры. Избранный мишенью остроумія гелертеръ съ педантическими ухватками обрисовывается, какъ живой, и въ очень забавномъ видѣ.

Сатира на Самохвала.

Въ малой философіишкѣ мнишь себя великимъ,
 А чѣмъ больше мудрствуешь, становишься дикимъ.
 Бѣгаетъ тебя всякъ: думаетъ, что еретикъ,
 Что необычныя штуки дѣлать ты обыкъ.
 Руки на-лобъ иногда невзначай закинешь, —
 Иногда закусишь перстъ, да вдругъ же и вынешь;
 Но случилось такъ же головой качать тебѣ,
 Какъ что размышляешь и дивишься самъ себѣ!
 Могъ всякъ подумать тутъ о тебѣ смотритель¹⁾,
 Что великій въ свѣтѣ ты и премудръ учитель.
 Мнѣніе въ народѣ умножаешь больше тѣмъ,
 Что молчишь безъ мѣры и не говоришь ни съ кѣмъ;

1) Т. е. зритель.

А когда о чемъ люди вопрошаютъ,
 Дороги¹⁾ твои слова изъ устъ вылетаютъ:
 Правда, скажешь — только кратка рѣчь весьма —
 И то смотря косо, голову же заламя.
 Тутъ то глупая твоя братья, всё дивятся
 И, въ восторгъ пришедши, жестоко яряся:
 «Что бь, когда такую же голову имѣть и намъ, —
 Истинно бы нашимъ свѣтъ тогда предсталъ очамъ!»

 II.

Г. П. Каменевъ и В. А. Жуковскій.

Въ настоящее время о Г. П. Каменевѣ вспоминаютъ, преимущественно, какъ объ авторѣ «Громвала», съ котораго ведутъ происхожденіе русскихъ оригинальныхъ балладъ и появленіе романтической поэзіи въ Россіи вообще. «Громвалъ», дѣйствительно, сыгралъ извѣстную роль въ исторіи русской литературы, и о немъ стоитъ вспоминать, хотя бы и только потому, что онъ послужитъ однимъ изъ образцовъ Пушкину при созданіи его поэмы «Русланъ и Людмила». Отдавая должное изслѣдованію П. В. Владимірова о происхожденіи «Руслана и Людмилы» (Кіевскія Университетскія Извѣстія, за 1895 г., кн. 6, стр. 1—11) и признавая вмѣстѣ съ нимъ источникомъ поэмы — «Алешу Поповича» Николая Александровича Радичево-сына, мы, однако, не можемъ считать «Алешу» *единственнымъ* источникомъ Пушкинской поэмы, но видимъ такой же, если еще не болѣе близкій источникъ ея въ балладѣ Каменева. Это предположеніе наше опирается на собственные слова Пушкина племянницѣ Каменева, поэтессѣ Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ:

---

1) Т. е. рѣдкія, потому что ты очень дорожишь ими.

«Каменевъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступиться отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести *должную дань* его памяти».

«Громвалъ» вышелъ въ свѣтъ въ 1804 г. уже послѣ смерти автора въ «Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ», котораго онъ состоялъ членомъ. Эта книжка скоро сдѣлалась библиографическою рѣдкостью, и баллада Каменева стала болѣе доступною для русской публики только съ 1811 г., когда она вошла въ III часть «Собранія русскихъ стихотвореній», изданную подъ редакціею В. А. Жуковскаго.

Жуковскій, очевидно, хорошо зналъ балладу Каменева и счелъ необходимымъ помѣстить ее въ свое «Собраніе», чувствуя, какъ балладникъ, въ Каменевѣ своего непосредственнаго предшественника на этомъ поприщѣ.

Съ тѣхъ поръ всѣ писавшіе и упоминавшіе о Каменевѣ обыкновенно знакомились съ балладою Каменева по «Собранію» Жуковскаго и цитировали приведенный тамъ текстъ, не справляясь съ подлиннымъ текстомъ въ «Періодическомъ изданіи».

Пишущій эти строки, повидимому, первый произвелъ сличеніе текста Жуковскаго съ первоначальнымъ. Къ моему удивленію, оказалось, что Жуковскій не только помѣстилъ балладу Каменева въ своемъ «Собраніи», но и подвергъ ее значительной переработкѣ. О значеніи внесенныхъ Жуковскимъ въ текстъ Каменева измѣненій скажемъ ниже, а теперь представляемъ текстъ, вверху подлинный, въ примѣчаніяхъ вноски Жуковскаго.

*Громвалъ*¹⁾.

1 Мысленнымъ взоромъ я быстро *стремлюсь*,
Быстро *проникнулъ* сквозь мрачность *временъ*,

1) У Жуковскаго добавленъ подзаголовокъ «богатырская повѣсть».

1. . . . быстро *лечу*.

2. . . . *проникнуъ* . . . *временъ*.

Извѣстія II Отд. Н. А. Н., т. XI (1906), кн. 4.

Поднимаю завѣсу съдой старины
И Громвала я вижу на *бодромъ* конѣ.

5 Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы *стальныя* въ колчанѣ звучатъ;
Огъ по чистому полю несется, какъ вихрь,
Въ воронѣныхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьемъ.

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
10 Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ;
Богатырь *пріѣзжаетъ* въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ закату на чѣрныхъ крылахъ.
15 Заревѣла пучина, дуброва шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещать.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви деревъ,
20 То блеснѣтъ, то померкнетъ вдали огонекъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь *пріѣзжаетъ* на берегъ ручья,
Древней замокъ онъ видитъ вблизи предъ собой.

25 Синея пламя изъ замка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ, и впередъ,
Завыванія, стоны въ немъ глухо *звучатъ*.

---

4. .... *добромъ*.

6. .... *железы*.

24. *И вдругъ* видитъ онъ....

28. .... *речуть*....

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
 30 Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой:
 Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьемъ,
 Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь (sic) замка огонь,
 Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы,
 35 Завыванія, стоны утихли, молчатъ;
 Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
 Рушится твердость желѣзныхъ воротъ.
 Отлетѣли запоры, скрипятъ верей,
 40 И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
 Ощупью, тихо онъ замкомъ идѣтъ.
 Тишина распростерта и мрачность вездѣ,
 Лишь сквозь окна и щели вихрь бурной свиститъ.

45 Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
 «Хищной волшебникъ, коварной Зломаръ!
 Ты Громвала принудилъ скитаться, какъ тень,
 Ты похитилъ Рогнеду, столь милую мнѣ!

Многія царства и земли прошѣлъ,
 50 Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
 Великановъ сразилъ я могучей рукой,—
 Но Рогнеды любезной еще не нашелъ.

Гдѣ обитаешь ты, лютой Зломаръ?
 Въ дѣбряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ,

42. .... съ замокъ....

47. .... принудилъ по сету бродить....

48. .... Рогнеду, подруку его.

55 Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ морской
Укрываешь ее ты отъ взоровъ моихъ?

Если найду я жилище твое,
Злобной волшебникъ, лихой чародѣй!
Извлеку изъ неволи Рогнеду мою,
60 Вырву черное сердце изъ груди твоей!»

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ сонъ,
Одръ ему стелютъ усталость и ночь,
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шипакѣ,
Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ онъ сномъ.

65 Тучи промчались, *Борей* замолчалъ,
Звѣзды потухли, *сгнѣтъ* востокъ;
Побораетъ свѣтъ мрака, *Зимерла* сквозь *флѣры*
Заахла, какъ роза — Громвалъ еще спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,
70 Блещетъ съ полудня валѣнымъ лучемъ,
И по соснамъ слезится смола сквозь кору;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предтеча со смуглымъ челомъ
Смотритъ съ востока на гѣсъ, на луга,
75 *Усыпаетъ* изъ урны росой мураву;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь съ кипариснымъ вѣнкомъ на главѣ,
Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и звѣздъ,

---

55. .... въ пучинѣ .....

65. .... и *визръ* замолчалъ...

66. .... *алметъ* востокъ...

67. *Пробудилась* денница, *Зимерла* *цоптѣтъ*.

68. *Какъ* *румяная* роза.

75. *Окропляетъ* изъ урны....

По ступенямъ, нахмурясь, на тронъ свой идетъ;
80 А Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,
Мрачность густѣеть, настала полночь;
Богатырь, воспрянувъши отъ крѣпкаго сна,
Изумился, не видя румяной зари!

85 Вдругъ затрещало по замку, какъ громъ,
Стѣны трясутся, окошки звенять,
И какъ молнія быстро блистаетъ во тьмѣ,
Освѣщается зала *въ мигъ синимъ* огнемъ.

Настежъ, всѣ двери стучать, отворясь.
90 Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
Входятъ медленно тѣни, за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Залы въ срединѣ поставили гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ него,
95 И волшебникъ Зломаръ, *синевато-багровъ*,
Бездыханень, лежалъ въ немъ, открывши глаза.

Полъ разступился — *зеленой* огонь
Съ вихремъ трескучимъ *оттолкъ* летить,
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ жаръ, раскалилъ;
100 Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны Зломаръ.

Въ *дико блудящихъ*, кровавыхъ глазахъ
Ужась *трепетъ*, отчаянье, скорбь;

-
88. .... зала ужаснымъ...
89. Громко всѣ двери....
91. *Попадаютъ* тѣни....
93. *Въ залъ обширной* поставили....
95. Зломаръ — *ужасающій видъ!* —
97. .... разступился — *и адской огонь*....
98. .... трескучимъ *и съ громомъ*....
101. Въ *дикихъ, свирѣлыхъ*, кровавыхъ...
102. Ужась *начертанъ*...

Изо рта гѣва черная клубомъ кипитъ;
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

105 Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркають, воють, *рыкають*, свистять;
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуйся, они
Пляшутъ адскую пляску вокругъ гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полнѣчь:
110 Вопли ихъ, клики *громчаѣ звучатъ*.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза прогѣль,
Ичезають вмигъ духи, скелеты и гробъ.

Тьма, какъ въ могилѣ, съ *мужой тишиной*
Завьсь печальной спустила опять.

115 Удивляется чуду смущенной Громвалъ:
Изумившись, не вѣритъ себѣ самому.

Нѣжные тоны свирелей и струнъ
Эхо сквозь мраки на крыльяхъ несетъ.

Растворился сводъ залы, и розовой лучъ
120 Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ,
Гдѣ волновался жемчужной отливъ, —
Какъ по воздуху пузъ лебединой плыветъ, —
Опускается тихо волшебница въ залъ.

125 Чище лилей одежда ея,
Поясъ по чресламъ, какъ яхонтъ, горитъ;

106. .... воють, *хохочутъ*....

110. .... клики *ужаснѣй тремтѣт*.

113. .... въ могилѣ, *повсюду покой!*

114. *Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.*

117. *Вдругъ раздался волшебна свирель,*

118. *Арфы нежданной послышался звукъ,*

122. *Будто бы стѣжій дышалъ вътерокъ,*

123. *И въ поднебеси лебедь спокойно плыла,*

Какъ игра златояркой, восточной звѣзды,
Добродѣтель сіяетъ у ней во очахъ.

Голосомъ стройнымъ Добрада рекла:

- 180 «Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ:
Нытъ Зломара на свѣтъ: *смерть острой косою*
Въ Тартаръ душу низвергла злодѣя сего.

Звономъ несытымъ въ кипящую хлябь

Челюсть геенны его пожрала;

- 185 Съ клокотаніемъ лавы и съ рѣвомъ огня
Вой и стонъ его бездна лишь будетъ внимать.

Смерть, преступивши природы законъ,

Чувствъ не лишила волшебниковъ трупъ.

Развращенныхъ имъ тѣни погибшихъ людей

- 140 Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзаютъ его.

Рыцарь! спѣши ты къ Рогнедѣ своей:

Къ югу за лѣсомъ, въ песчаныхъ степяхъ,

Тамъ Зломарова замка въ темницѣ стальной

Два крылатыхъ Зиланта¹⁾ ее стерегутъ.

- 145 Рогъ сей волшебный прими отъ меня,

Грозную челюсть чудовищъ сомкнуть;

Но внимай: ты не можешь Рогнеды спасти,

Не проливъ ея крови; судьбы такъ велятъ».

---

1) *Примѣчаніе Каменева*: Зилантомъ называли въ старину змѣя, жившаго въ пещерѣ одной горы, возвышающейся надъ Казанкою. И поднесъ монастырь, тамо построенный, именуется Зилантовымъ. А въ гербѣ Казани видно его изображеніе.

128. *Такъ веселость* сіяетъ...

129. *Гласомъ пріятнымъ* Добрада

181. *Знай*: Зломара не стало; судьба навсегда

182. *Ужъ очистила свѣтъ отъ злодѣя*...

183. *Въ адскую пропасть низверженъ на языкъ*;

146. *Челюсть чудовищъ отъ силенъ* сомкнуть.

147. .... Рогнеду...

Струны, *свирлям* вторично звучать,
 150 Облако кверху съ Добрадой летить.
 Пораженный сей рѣчью, Громвалъ внѣ себя,
 Истукану подобенъ, въ слѣдъ смотритъ за ней.

Рогъ изумрудный *державши* въ рукѣ,
 Съ горькой досадою вскричалъ богатырь:
 155 «Вѣроломной волшебницы пагубный даръ:
 Ты *убиствоомъ* Рогнеды мнѣ счастье сулишь!

Нѣтъ! трепещу я отъ мысли одной,
 Сердце изъ груди ей въ жертву летить.
 Но, Громвалъ, повинуйся глаголу судьбы,
 160 Чародѣйство Зломара спѣши истребить!

Если не можешь Рогнеду спасти,
 Замокъ разрушить, Зилантовъ сразить,—
 Богатырскую кровь ты пролей за нее
 И геройскою смертью любовь увѣнчай!»

165 Красное солнце *янтарнымъ* лучемъ
 Сосенъ столѣтнихъ верхи золотить:
 Обращая на полдень коня своего,
 Оставляетъ нашъ витязь и замокъ, и лѣсъ.

Дебри, *вертены*, стремнины, хребты
 170 Стонуть отъ тяжкихъ ударовъ копытъ;
 Пыль густая, какъ туча, *крутившись* столбомъ,
 По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
 Выѣхалъ рыцарь въ обширную степь:

---

149. Струны *волибны*

153. .... изумрудный *державшій*...

156. Ты *убиствоомъ*...

165. .... солнце *блестящимъ*.

169. Дебри, *утсы*...

171. .... туча, *крутася*.

175 Открывается взорамъ песка океанъ
И вдали будто съ небомъ сливается онъ.

Вѣтръ не волнуеть сыпучую зыбь,
Дышетъ тлетворнымъ дыханіемъ зной.
Ни кусты не шумять, ни журчатъ ручейки;
180 Какъ въ полночь на кладбищѣ, все поетъ, молчить.

Въ дикой пустынѣ, въ сѣхъ страшныхъ поляхъ
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ;
Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
И на ней крѣпкой замокъ чернѣетъ въ дали.

185 Съ жаждой и зноемъ сражаясь три дни,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомленномъ, въ кровавомъ поту
Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

Въ скользкихъ стремнинахъ *навислыхъ камней,*
190 Страшно грозящихъ нѣзринуться въ доль,
Обрываясь надъ бездною по узкой тропѣ,
Достигаетъ вершины и замка Громвалъ.

Силою геенны и адскихъ духовъ
Мрачной сей замокъ построилъ Зломаръ.
195 Взгроможденныя башни *изъ черныхъ камней*
Предвѣщаютъ погябель и лютую смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный Громвалъ
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ верей,
200 Въ замокъ *крохи* вступаетъ съ булатнымъ мечемъ.

176. Вдали будто бы съ небомъ....

189. .... стремнинахъ *нависнувшихъ скалъ.*

195. .... башни *на черныхъ скалахъ.*

200. Въ замокъ *страшный*...

Грозно идётъ онъ — подъ крѣпкой пятой
 Мертвыя кости, черепья хрустятъ;
 Враны, птицы ночныя и нетопыри
 Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ скалъ.

203 Облакомъ выются надъ замкомъ они,
 Воздухъ колеблетъ ужасной ихъ крикъ;
 И Зиланты, слышавъ Громваловъ приходъ,
 Испускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ,

Челюсть разинувъ, летятъ на него:

210 Копьями жалы торчатъ изъ пастей;
 Чешую *брячатъ*, извивая хвосты,
 Выпускаютъ *мертвящія* когти изъ лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубятъ богатырь,
 Звукъ оглушилъ ихъ — какъ камни падутъ,

215 Подсѣкаются крылья *изъ кожи и жилъ*,
 Погрузившись въ сонъ смертный, горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
 Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
 Но огромная дверь растворяется вдругъ,
 И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

220 Грозные взгляды — кометы во тьмѣ;
 Мѣдь на немъ — панцырь, свинець — булава,
 Сѣрой мохъ по болоту — брада у него,
 Черной глѣсъ послѣ бури — волосы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,

225 *Съ систомъ* въ Громвала пустилъ исполнить,

211. Чешую *брячатъ*...

212. .... *помбелны* когти...

215. .... *крылья, сожмнулася изъ тѣл*...

225. *Прямо* въ Громвала...

Поражаетъ его по буйной головѣ;
Содрагается эхо, по замку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей.
280 Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громваль, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблесталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разить.
Разлетѣлась бы *изъ части и* въ дребезги мѣдь,
285 Но скользить лезвее по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ реветъ великанъ,
Адомъ злетѣтъ, отъ злости дрожа;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала *изъ рукахъ* задушить.

240 Смерть неизбѣжна, погибель близка,
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громваль, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потрихнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно, громыхнулъ гигантъ,
245 Звукомъ ужаснымъ весь замокъ потрясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы,
Онъ, *улагши*, въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
250 Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громваль;
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Возревѣлъ, застоналъ онъ, *подобно волу*.

---

284. Разлетѣлась бы *крякая* въ дребезги...

287. *Пламенемъ пышетъ*, отъ злости дрожитъ.

289. .... Громвала въ *козлахъ*...

247. Онъ *улагъ* и въ сырой...

252. .... застоналъ и *изъ избы свился*.

Желтая пѣна, багровая кровь
 Хлещетъ, клубится изъ *синю рта*;
 255 *Стервеня отъ боли, со смертью борясь,*
 Роетъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь *журчащей струей,*
 Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Облачкомъ поднявшись, легкой паръ отъ нея
 260 *Образуетъ Рогнеды прекрасной черты.*

Розы въ ланитахъ, *любезность въ очахъ,*
 Алыя губы манятъ поцѣлуй;
 По плечамъ, *отливаясь, какъ бархатъ, вьслы*
 Осѣняютъ ея лебединую грудь.
 265 Чуду такому дивится Громвалъ:
 Призракъ ли *это, или существо?*
 Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
 Не мечту, но Рогнеду онъ къ персямъ прижалъ.

Радости пламень, перуны быстротой,
 270 *Томную душу героя проникъ;*
Восхищенное сердце подъ крѣпкой броней
Потрясаетъ дебелую рыцаря грудь.

Въ страстномъ восторгѣ цѣлуя ее,
Голосомъ кроткимъ Громвалъ говоритъ:

-
253. *Черная пѣна...*
 254. .... изъ *пасти ея.*
 255. *Разъяренный мученьемъ, со смертью...*
 257. .... сливаясь *кипящей струей.*
 259. *Поднявшись облачкомъ, легкой...*
 261. .... въ ланитахъ, и *прелесть...*
 263. По плечамъ, *разливаясь, какъ...*
 266. Призракъ ли *видитъ, или...*
 269—272. У Жуковского нѣтъ.
 273—274. *Страстнымъ восторгомъ исполняя, Громвалъ*
Голосомъ нежнымъ любезной отцалъ;

275 «Долго, долго тебя я, Рогнеда, искалъ
И по бѣлому свѣту скитался, какъ тѣнь!»—

Тяжко *вдохнувши*, *тыцаетъ* ова:
«Лютой волшебникъ, коварной Зломаръ,
Раздраженный презрѣнною страстью своей,
280 Въ чародѣйской сей замокъ меня перенесъ.

Здѣсь, *прикоснувшись* волшебнымъ жезломъ,
Памяти, чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была».

285 За руку взявши Рогнеду, Громвалъ
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Замокъ объемлетъ глубокая тьма;
290 Громы во мракѣ свирѣпо *звучатъ*;
Аксиланы завывли, сорвавшись съ цѣпей;
Затрещало кремнистое *ндро* горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пасть;
295 Ниспроверглись Зиланты, темница, гигантъ:
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

Приведенное сличеніе наглядно убѣждаетъ насъ въ томъ,
какъ внимательно отнесся къ дѣлу В. А. Жуковскій. Изъ общаго

---

275. *Доло, доло искалъ я, Рогнеда, тебя.*

276. *Тяжко вздохнувши, сказала она*

281. *Здѣсь, поразиши....*

290. ....свирѣпо *режутъ*;

291. *Бурны отры завывли....*

292. *Затрещали кремнистыя ребра....*

числа 296 стиховъ баллады Каменева болѣе 70 стиховъ подверглись перемѣнѣ, т. е. около четверти всего текста измѣнено, и измѣнено Жуковскимъ радикально. Запѣнялись и исключались не только слова и выраженія, но и цѣлые стихи. 4 стиха (269—272) исключены у Жуковского совсѣмъ. Во многихъ мѣстахъ внесены имъ стихи собственнаго сочиненія. Перемѣны Жуковского нельзя не назвать значительными, и имъ всего болѣе соотвѣтствуетъ названіе передѣлки оригинала.

Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ же руководствовался Жуковский при этой передѣлкѣ, и какова была его цѣль. Слычая его замѣтки съ подлинными выраженіями, мы видимъ, что, по большей части, дѣло идетъ о подновленіи языка¹⁾. Надо думать, что Жуковский имѣлъ въ виду реставрацію, подновленіе баллады; ему хотѣлось представить балладу Каменева новымъ читателямъ въ наилучшемъ и доступномъ видѣ. Правда, съ точки зрѣнія нынѣшней, съ точки зрѣнія историко-археологической, нельзя не признать, что эти подновленія не вездѣ послужили къ украшенію подлинника. Стихи Каменева, какъ *провинціала*, богаты многими оригинальными оборотами, и подновитель въ иныхъ мѣстахъ эту оригинальность стиралъ, вводя общія мѣста, выраженія болѣе употребительныя, за то и болѣе истертые. Но во всякомъ случаѣ нужно признать, что Жуковский отнесся къ произведенію Каменева далеко не безразлично. Желая выставить его въ полномъ блескѣ, онъ приложилъ не мало стараній и труда къ улучшенію баллады, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ онъ самъ понималъ прогрессъ эстетическихъ и языковыхъ формъ. Сказалась при передѣлкѣ и индивидуальность нѣжнаго и томнаго Жуковского: подлинный языкъ Каменева несравненно мощнѣе и энергичнѣе, чѣмъ подновленія младшаго «балладника».

---

1) Хотя иногда, напр., «голосъ» Каменева замѣняется славянскимъ «гласомъ» (стихъ 129-й) и т. д.

III.

Предсмертное стихотвореніе Г. П. Каменева.

Послѣдніе дни казанскаго поэта были омрачены душевною болѣзнію и невыносимою меланхоліею. Онъ искалъ полнаго уединенія, уходилъ на цѣлые дни изъ дому, бродилъ по окрестностямъ города Казани и всего чаще находился въ роцѣ-кладбищѣ подгородняго Кизическаго монастыря, куда влекла его могила отца. На этомъ кладбищѣ написалъ Каменевъ нѣсколько произведеній; но здѣсь же онъ подвергался и страшнымъ галлюцинаціямъ, окончательно подрывавшимъ его здоровье. На кладбищѣ этомъ, вѣроятно, было написано и послѣднее его стихотвореніе, въ которомъ очень жалобно и съ чрезвычайною силой выразилось его ужасное душевное состояніе.

Стихотвореніе, о которомъ идетъ рѣчь, было найдено по смерти поэта въ боковомъ карманѣ его сюртука; рукопись его на мелко-исписанномъ листѣ бумаги долго хранилась у сына племянницы поэта, Гавріила Ивановича *Горталова*¹⁾, а въ 1889 г. пьеса была издана въ анонимной статьѣ о Каменевѣ въ газетѣ «Казанскій Биржевой Листокъ», № 69 (отъ 28 марта), въ фельетонѣ, какъ новое стихотвореніе. Но, занимаясь Каменевымъ, я скоро убѣдился въ томъ, что горталовская рукопись есть лишь одинъ изъ списковъ пьесы, напечатанный вмѣстѣ съ «Громваломъ» уже послѣ смерти Каменева въ «Періодическомъ изданіи Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ», въ которомъ Каменевъ состоялъ членомъ, въ I и единственной части, за 1804 г., на стр. 53—56, съ примѣчаніемъ въ концѣ стихотворенія: «Сія пьеса есть послѣдняя

---

1) Г. И. Горталовъ былъ сынъ Ивана Кузьмича Горталова, женатаго на Прасковѣ Гавриловнѣ Дѣдовой, которая была дочь Гавріила Ивановича Дѣдова и Пелагеи Петровны, его жены, урожденной Каменевой, сестры поэта.

автора—онъ скончался 26 іюля къ сожалѣнію «Общества», которое надѣялось со временемъ отъ него плодовъ, могущихъ украсить російскую словесность».

Хотя стихотвореніе и оказалось напечатаннымъ, однако, и горталовская рукопись представила интересъ, являясь, вѣроятно, первымъ наброскомъ пьэсы. Въ этомъ спискѣ стихотвореніе не имѣетъ еще заглавія, нѣтъ двухъ стиховъ (53—54) и въ немъ есть варианты, изъ которыхъ многіе предпочтительнѣе текста. Мы печатаемъ ниже сводную редакцію пьэсы, приводя варианты изъ «Изданія» подъ буквою «И», а варианты горталовской рукописи—подъ буквою—Г. Стихотвореніе это, конечно, нужно отнести къ числу наилучшихъ произведеній каменевской музы. Замѣтимъ еще, что въ «Изданіе» оно попало, вѣроятно, послѣ редактированія его текста другомъ Каменева, Саввою Андреевичемъ *Москотилинниковымъ*.

Вечеръ 14 іюня 1801 года.

Вчера съ друзьями я ходилъ
Въ тѣни сосновой, темной рощи,
Прохладной ожидая ноши—
Тамъ съ ними время проводилъ.

8 Природа сумракомъ одѣлась;
Угрюмо на закатѣ рдѣлась
Тускло-червленая заря.

Туманъ спустился на луга,
Зефиръ заснулъ: дравъ молчали.

10 Нахмурысь, небо покрывали
Темно-густыя облака.
Луна изъ-за горы лѣсистой
Явила намъ сквозь воздухъ мгlistой
Блѣдно-багровое чело.

---

11. *Черно-густыя облака. И.*

- 15 Явила — и печальной свѣтъ
 По роцѣ тихой разливался:
 Въ тоску и мрачность облекался,
 Казалось, каждый тамъ предметъ.
 Уныніе въ призракахъ черныхъ,
 20 На насъ безмолвно устремленныхъ,
 Простерло свой свинцовый жезлъ.

Отрада удалилась прочь.
 Мое тутъ сердце приуныло,
 Забившись тише, говорило:

- 25 «Въ твоей душѣ темно, какъ ночь!
 Надежды тусклый лучъ затмился:
 Оставленъ всѣмъ, всего лишился,
 И цѣль твоя—одна лишь смерть!»

- Въ глазахъ, гдѣ жизни огонь погасъ,
 30 Слезу мнѣ горестъ навернула;
 При сумракѣ она блеснула
 Прискорбно въ сей печальный часъ.—
 «Друзья!» сказалъ я: «я—несчастенъ:
 Мой жребій бѣденъ и ужасенъ,
 35 Страданье жизнь, темница—свѣтъ!»

- На всё гляжу сквозь чёрной флёръ,
 Нигдѣ, ни въ чемъ красотъ не вижу,
 Въ веселья кликахъ стоны слышу,
 При солнцѣ мрачность кроетъ взоръ.
 40 Вино мнѣ въ ядь преобразилось;

-
19. . . . въ *призракахъ* черныхъ. . . . И.
 20. На насъ, *безмолвныхъ, утомленныхъ*. И.
 24. *Забившись тихо*. . . . Г.
 27. *Оставленъ всѣми*. . . . Г (нарушенъ стихъ).
 32. *Печально въ сей прискорбный часъ*. . . . И.
 40. . . . въ ядь преобразилось. . . . Г.

Восторговъ сердце тѣхъ лишилось,
 Чтò чувства нѣжать и томить.

Я вздохомъ начинаю день,
 Смущенны взоры вокругъ вращаю,
 45 Ищу отрадъ—тоску встрѣчаю:
 Печаль слѣдить за мной, какъ тѣнь.
 Изчезла радость, наслажденье,
 Прошли забавы—и мученье
 Рукой желѣзной сердце жметъ.

50 Влачится въ скукѣ жизнь моя.
 Лишась подруги кроткой, милой,
 Въ сей жизни горестной, унылой
 Томятся сердце и душа.—
 Но скоро я глаза закрою
 55 И смерти хладною косою
 Въ могилу тѣмную сойду.

Тогда, какъ солнце, скрывшись въ Понтъ,
 Оставить въ тучахъ сводъ лазурной,—
 Померкнетъ свѣтъ сребристо-лунной,
 60 Туманъ задернетъ горизонтъ,
 Какъ ночь разверзетъ мрачны нѣдры,
 И заревутъ, завоютъ вѣтры,—
 Друзья, придите вы сюда!

-
42. ....чувство нѣжить и томить.... Г.
 44. Смущенный взоръ кружить.... Г.
 47. ....наслажденье.... Г.
 52. Въ сей жизни горестной, унылой.... Г.
 53—54—нѣтъ у Г.
 55. Я къ смерти съ хладною.... Г.
 58. Оставить въ небо чертъ лазурной.... Г.
 59. ....свѣтъ сребристый, лунный.... И.
 61. ....ночь разверзетъ.... Г.

Придите! Древнихъ соснѣ въ тѣняхъ
 65 Надгробной камень тамъ бѣлѣть:
 Подъ нимъ вашъ другъ несчастный глѣбеть . . .
 Слезой его почитите прахъ!
 Почувствуйте въ душѣ унылой,
 Какъ надъ безмолвною могилой
 Во мракѣ ночи вѣетъ вѣтръ.

По поводу вариантовъ изъ рукописей Каменева къ его печатнымъ стихотвореніямъ мы должны еще указать, что въ нашемъ владѣніи находится записочка Каменева къ Москотильникову, въ которой содержится его четверостишіе «Экспромптъ». Стихотвореніе это было напечатано въ журналѣ «Иппокрена или утѣхи любословія» на 1801 г., ч. X, № 54, статью V, стр. 32 и читается такъ.

Твердь неба потряслась, ударилъ страшной громъ;
 Глаголь судьбы изрекъ сіи слова свята:
 «Отнынѣ навсегда счастлива будь Россія,
 И Первый Александръ будь Первымъ ей Петромъ!»
 20 марта.

Вариантъ изъ рукописи:

1. *Блеснулъ вдругъ молній лучъ, ударилъ . . .*
2. *Судьбины гласъ прорекъ сіи . . . .*

Стихотвореніе выражаетъ собою ту неопisanную радость, которая охватила всю Россію при вѣсти о смерти императора Павла Перваго.

IV.

Полемика Н. М. Шатрова съ И. И. Дмитріевымъ.

Литературная дѣятельность *Н. М. Карамзина*, какъ извѣстно, вызвала собою раздѣленіе русскихъ писателей на два лагеря, относившіеся другъ къ другу довольно враждебно и ведшіе между собою ожесточенную борьбу на разныхъ поприщахъ.

Среди средствъ борьбы, разумѣется, не послѣднюю роль играли *эпиграммы*, которыми противники перестрѣлывались. Такъ, когда вышли «Мои бездѣлки» Карамзина, имѣвшія въ публикѣ большой успѣхъ, одинъ изъ приверженцевъ старины и врагъ карамзинскаго направленія, Николай Михайловичъ *Шатровъ* пустилъ въ нихъ эпиграмматическую стрѣлу.

Н. М. Шатровъ (1765 † 11 октября 1841 г.) сынъ плѣннаго перса Шатра, воспитанный въ домѣ Петра Алексѣевича Татищева, былъ поэтъ не безъ дарованія; онъ занимался, по преимуществу, духовною поэзіею и славился своими переложеніями псалмовъ.

На эпиграмму Шатрова очень колко отозвался вѣрный другъ Карамзина и его родственникъ, *И. И. Дмитріевъ*.

До насъ дошла эта стихотворная перестрѣлка Шатрова съ Дмитріевымъ въ *трехъ* редакціяхъ, которыя значительно разнятся другъ отъ друга.

Одна редакція сохранилась въ письмахъ казанскаго поэта *Г. П. Каменева* къ его другу Саввѣ Андреевичу *Москотилинкову*. Эти письма въ полномъ видѣ вышли только въ моемъ трудѣ «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», т. III, гдѣ изданы по принадлежащимъ мнѣ подлиннымъ рукописямъ. Ранѣе того, въ 1845 г. не въ полномъ видѣ письма Каменева къ Москотилинкову были напечатаны въ статьѣ *Н. И. Второва* о Каменевѣ въ сборникѣ графа *В. А. Солнцева* «Вчера и Сегодня», часть I. Изъ этого сборника эпиграмма Дмитріева попала и въ собраніе сочи-

неіей его, изданное *А. А. Флоридовымъ* въ 1893 г., подъ № 64, стр. 161 (приведена безъ вариантовъ).

Другая редакція той же полемики отыскалась въ «Запискахъ» *Сергѣя Николаевича Глинки* (изд. 1895 г., стр. 159).

Третья редакція имѣется въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» племянника *Ивана Ивановича Дмитріева*, *Михаила Александровича Дмитріева*, тоже поэта (изданіе второе, стр. 227).

Мы приводимъ оба стихотворенія въ сводной редакціи по всѣмъ тремъ вариантамъ, причемъ текстъ *Каменева* обозначаемъ *К*, *Глинки*—*Г*, *Дмитріева*—*Д*.

Шатровъ.

Собравъ свои творенья мелки,

Русакъ нѣмецкій надписалъ:

«Мои бездѣлки».

А умъ, прочтя, сказалъ:

б «Ни слова! Диво!

Лишь надпись справедлива».

Дмитріевъ.

А я, хоть и не умъ, но тутъ скажу два слова (*Д*):

«Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ *Шатрова*,

Насъ Боже упаси отъ разума такова!»

Варианты:

2. . . . написалъ *Д*.
Французъ изъ русскихъ надписалъ *К*.
4. А умъ, увидя ихъ. . . . *Д*.
А разумъ, прочитавъ. . . . *Г*.
5. Не много дива. . . . *К*.
7. Седьмого стиха нѣтъ ни у *К*, ни у *Г*.
8. Коль будетъ разумъ нашъ во образѣ. . . . *Д*.
Коль увидитъ разумъ мы. . . . *Г*.
9. *Ибави*, Боже, насъ. . . . *Д*.
Пожилуй, Боже, насъ. . . . *Г*.

V.

Пародія С. Н. Марина на оду Ломоносова.

Подъ именемъ гвардейскаго офицера-поэта Сергѣя Никифоровича Марина (1775—1813) ходила въ спискахъ пародія на оду Ломоносова, «выбранную изъ Іова»—крайне рѣзкаго—по тогдашнему времени—содержанія, направленная противъ императора Павла I-го.

Гвардія Екатерининскаго времени была крайне распущена. Павелъ I отлично понималъ это и по вступленіи на престолъ сталъ прилагать старанія къ тому, чтобы подтянуть гвардію. Но къ несчастію онъ употребилъ для того средства жестокія, да и не подходящія. А главное, военный идеалъ у него самого былъ весьма не высокъ: прусское войско, доведенное до степени балета постоянною муштровкою, но совершенно утратившее военныя свойства, какъ это оказалось въ войну съ Наполеономъ. По прусскому образцу были преобразованы любимыя гатчинскія войска Павла I-го, и по тому же образцу онъ хотѣлъ преобразовать и всю русскую армію, но—съ особенною строгостью—распущенную гвардію.

Само собою понятно, что гвардія, привыкшая при Екатеринѣ даже въ наряды и въ караулы (офицеры) ѣздить въ *халатахъ*, на всѣ строгости Павла, доходившія при его характерѣ подчасъ до безумныхъ выходокъ, реагировала искреннею ненавистью. Изъ ея рядовъ вышли дѣятели въ ночь 11 марта 1801 г. Однимъ изъ важныхъ участниковъ происшествій этой ночи былъ именно авторъ оды-пародіи С. Н. Маринъ. Въ чинѣ поручика онъ занималъ внутренній караулъ въ Михайловскомъ Дворцѣ въ эту страшную ночь, въ овальной комнатѣ, примыкавшей къ парадной лѣстницѣ.

Когда заговорщики проходили мимо внутренняго караула, рассказываетъ *А. Н. Вельяминовъ-Зерновъ*, то караулъ для почести генераламъ сталъ передъ ними въ ружье, и когда прошли они далѣе, Маринъ держалъ весь караулъ подъ ружьемъ, чтобы вѣрнѣе держать его въ повиновеніи. Когда солдаты услышали шумъ и крикъ, то начали роптать (караулъ состоялъ изъ преображенцевъ). Маринъ послѣ многихъ повтореній «смирно» прибѣгнулъ къ другому средству; онъ скомандовалъ: «Старые, екатерининскіе гвардейцы, впередъ!», и когда тѣ выступили, онъ присовокупилъ: «Ежели эти *негодяи* (sic) — гатчинскіе пикнутъ хоть слово, то въ штыки ихъ, ребята!» Безъ сомнѣнія, караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было негачинскихъ: Маринъ, очевидно, пользовался полнымъ довѣріемъ заговорщиковъ, если ему поручили одну изъ самыхъ важныхъ ролей во всей драмѣ.

Ода Марина, въ которой столь ярко вылилось отношеніе къ Павлу и самого автора, и всей гвардіи, а наконецъ и всей интеллигентной Россіи той эпохи, писана имъ, надо думать, уже въ самомъ концѣ царствованія Павла, потому что въ ней упоминается о попыткахъ его совершать богослуженіе, что имѣло мѣсто въ послѣдніе дни его.

Ода персифлируетъ и наружность Павла («въ штиблетахъ» и «съ эспантономъ») и его голосъ, о которомъ Державинъ выразился по смерти Павла такъ: «замолокъ *ревъ* Норда *синоватый*» (у Марина: «громы прерываетъ»). Маринъ смѣется надъ новою гатчинскою формою, введенною въ гвардію, и надъ новымъ вооруженіемъ (худые мундиръ «съ битью» вмѣсто галуновъ, штиблеты, ботфорты, латы, колеты, булки, эспантоны, алебарды, бѣленные ремни, деревянные кремни), смѣется надъ новыми служебными приемами (шаржированіе, *прямая* выправка во фронтѣ, скручиваніе лопатокъ, вахтъ-парадъ, манѣвры по болотамъ, примѣрное штурмованіе бесѣдки въ паркѣ «Гриба» и т. д.). Отмѣчена Маринымъ и необычайная строгость мѣръ, примѣняемыхъ къ провинившимся: отсѣченіе головы, разжалованіе, исключеніе изъ

службы, аресты и сажаніе въ крѣпость. Указано на занятіе высшихъ должностей недостойными лицами, какъ то взяточникомъ *Кутайсовымъ*, брадобрѣемъ изъ плѣнныхъ турченковъ, и генералами изъ бѣглыхъ прусскихъ капраловъ. Послѣ указанія на непорядки спеціально въ арміи, Маринъ переходитъ къ безобразіямъ въ администраціи и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, указываетъ на неразумное гоненіе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ ушками, ношенія пучковъ вмѣсто косъ, фраковъ съ заносомъ. Маринъ высмѣиваетъ еще участіе въ войнѣ противъ французовъ, продажу мальтійскихъ крестовъ; въ качествѣ негѣпости отгѣчено и введеніе знаковъ *Анны* (Допухиной) въ знамена, флаги кораблей, гренадерскія шапки.

Роль Бога, въ одѣ Ломоносова бесѣдующаго съ Іовомъ, у Марина предоставлена Павлу, отъ лица котораго ведется рѣчь. Адресована же ода, по преданію, нѣкому *Каннабиху*, тоже изъ «бѣглыхъ капраловъ», преподававшихъ «тактику» (у Марина: «подай-ка тактику свою!»). О Каннабихѣ стоить сказать нѣсколько словъ.

И. Я. Каннабихъ, родомъ изъ Саксенъ-Веймара, якобы дворянинъ, и якобы окончившій курсъ въ Гёттингенскомъ университетѣ¹⁾, служилъ фехтовальнымъ учителемъ при морскомъ корпусѣ. Отсюда онъ поступилъ въ гатчинскія войска, гдѣ, какъ челоуѣкъ, очень искусный въ верховой ѣздѣ и особенно въ вывѣдкѣ молодыхъ лошадей, снискалъ себѣ благосклонность наслѣдника. Каннабихъ служилъ берейторомъ въ кирасирскомъ наслѣдника полку, и ему же была поручена *военно-юридическая* часть, ибо онъ состоялъ при томъ же полку еще *аудиторомъ*; онъ же обучалъ ѣздѣ гатчинскую конную артиллерію. По восшествіи Павла I-го на престолъ Каннабихъ оказался еще и преподавателемъ

1) Формуляры составлялись по собственнымъ показаніямъ. Еще въ двадцатые годы XIX вѣка при Магницкомъ, профессоръ Казанскаго университета, грекъ *Мистакъ* вмѣсто диплома представилъ *табакерку*, якобы полученную имъ въ благодарность отъ какого то константинопольскаго паши, у котораго онъ хорошо обучилъ дѣтей.

тактики. Для изученія стараго прусскаго устава въ Зимнемъ Дворцѣ былъ образованъ «тактический» классъ, за которымъ надзиралъ генералъ-майоръ *Аракчеевъ*; лекціи же читалъ Каннабихъ, берейторъ и аудиторъ. По приказу 15 декабря 1796 г. «тактический» классъ былъ устроенъ для штабъ- и оберъ-офицеровъ, но изъ желанія *угодить* государю, отчасти же по необходимости, изъ чувства *самосохраненія* лекціи Каннабиха посѣщались и генералами, и даже однимъ *фельдмаршаломъ*, побѣдителемъ при Мачинѣ, княземъ *Рюминымъ*. Отрывокъ изъ тактическихъ лекцій берейтора Каннабиха, обучавшаго военному дѣлу фельдмаршаловъ, сохранилъ *А. П. Ермоловъ*. Необходимо замѣтить, что Каннабихъ, какъ нѣмецъ, плохо зналъ по русски и недостающія слова замѣнялъ, какъ врачъ Гюбнеръ у Гоголя въ «Ревизорѣ», звукомъ э. Лекція: «э—когда командуютъ: «повзводно направо!» офицеръ говоритъ коротково—э, когда командуютъ: «повзводно налѣво!» то—просто налѣво! Офицеръ, который тутъ стоялъ, такъ эспадонъ держалъ и такъ маршировалъ—и только всего—и больше ничего!»

При такихъ разнообразныхъ талантахъ и обширныхъ познаніяхъ немудрено, что Каннабихъ былъ честолюбивъ и считалъ свои заслуги награжденными недостаточно. Вотъ почему Маринъ и избралъ его цѣлью своего остроумія.

Въ нашемъ архивѣ имѣется прекрасный, современный описываемымъ событіямъ списокъ сатиры-оды Марина, доставшійся намъ вмѣстѣ съ бумагами *С. А. Москотильникова*, казанскаго поэта. Списокъ писанъ собственною рукою Москотильникова; по сравненію съ бывшими у меня подъ рукою печатными текстами сатиры онъ оказался, несомнѣнно, наилучшимъ; притомъ его редакція всѣхъ ближе къ подлинной одѣ Ломоносова и по тексту, и по расположенію порядка строфъ.

Ниже мы представляемъ общую, сводную редакцію сатиры Марина. Москотильниковскій текстъ,—тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ другихъ списковъ, обозначенъ у насъ буквою *М* (Москотильниковъ).

Печатные тексты были у насъ слѣдующіе:

1) Текстъ сатиры въ лейпцигскомъ изданіи «Лютня». Поэтическая литература XIX столѣтія», т. II, стр. 126—129—обозначается въ вариантахъ Л (Лютня).

2) Текстъ въ заграничномъ же изданіи (Лейпцигъ), «Материалы для біографіи Павла I», 1874, стр. 101—104. Этотъ списокъ вообще сходенъ съ текстомъ «Лютни», кромѣ небольшихъ измѣненій, отмѣченныхъ—Б (біографія).

3) Списокъ *Н. Н. Селифонтова*, напечатанный въ «Русской Старинѣ» за 1882 г., декабрь, стр. 501—502; къ сожалѣнію, взято всего лишь 7 строкъ по порядку и изъ дальнѣйшихъ—строфа о Кутайсовѣ. Отмѣчается у насъ Г (Селифонтовъ). Текстъ въ общемъ сходенъ съ «Лютней».

4) Списокъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1880 г., 3, стр. 386—388, съ любопытными вариантами, отмѣченными И (Архивъ). Редакція эта ближе къ «Лютнѣ», чѣмъ къ нашему списку.

Для современнаго читателя юморъ многихъ мѣстъ сатиры утрачивается, потому что ода Ломоносова забыта. Нѣкоторыя дословныя заимствованія Марина изъ Ломоносова отмѣчены у меня буквою О (оригиналь).

Представляемъ текстъ сатиры.

I.

- 1 О ты, что въ горести напрасно
 На службу ропщешь, офицеръ!
 Шумишь и сердисься ужасно,
 Что ты давно не кавалеръ.
 5 Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ!
 Онъ гласомъ громы прерываетъ,

1—2. *О ты, что въ горести напрасно*
На Бога ропщешь.... О.

3. ....всечасно. Л и Б.

5. *Внимай*.... О.

6. *И гласомъ громы прерываетъ*.... О.

6. ...гласомъ сборы прерываетъ. Л. ...взоры... Я и Г. ...ссоры... Б.

Рукою держитъ эспантонъ:
Смотри, каковъ въ штиблетахъ онъ!

II.

Речеть: «Сбери всѣ силы нынѣ
10 И стой такъ прямо, какъ солдатъ!
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россіи «вахтъ-парадъ»,
Когда шаржировать заставилъ,
Явилъ въ манёврахъ и прославилъ
15 Величество и власть мою?
Подай-ка тактику свою!

III.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей содѣланный рукою?
20 Ты не видалъ такихъ чудесъ,
Когда солдатъ,—всѣ одѣты,
Какъ бы виновые ваеты,
Тянули фронтъ передо мной?—
А ты тогда вкушалъ покой!

-
9. Сбери свои все силы нынѣ. О.
10. Мужайся, стой... О.
11. Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ... О.
11. Гдѣ былъ ты, какъ въ унтерскомъ чинѣ. G (плохой вар.).
13. ...маршировать... А, Б и Я.
14, 15. ...прославилъ
Величество и власть мою О.
...власть свою. А и Б.
16. ...тактику твою. А.
17. Гдѣ былъ ты, какъ передо мною... О.
19. Моей обдѣланный... А, G и Б. ...обдѣланныхъ... М.
20. А ты не видѣлъ сихъ чудесъ... М, G и Я.
22. ...бубновые ваеты... А и Б.
24. Ты тутъ вкушалъ одинъ покой. А и Б.
А ты вкушалъ покой... G (неполный стихъ).

IV.

- 25 Кто деревянными крепями
 Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять,
 Къ спинѣ бѣлыми ремнями
 Лопатки вздумалъ привязать?
 Мундеры съ битью золотою
- 30 Не я ли сильною рукою
 На плечи офицеровъ вздѣлъ
 И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

V.

- Главы острижены солдатски
 Ты могъ ли пуклями снабдить,
 35 И ихъ одѣвши по прусацки,
 Въ казармы кучами набить?
 И вдругъ ударивши тревогу,
 Подобаясь звѣрю, а не богу,
 Отъ ярости, какъ листъ, дрожать,—
- 40 И двухъ въ солдаты написать?

VI.

- Въ болотахъ тинистыхъ и грязныхъ
 Когда и гдѣ ты увязалъ,
 И офицеровъ безобразныхъ
 Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?

---

25. Кто съ деревянными... А и Б.

28. И къ спинѣ бѣлыми... М.

31. На плечи офицеръ (sic) надѣлъ... А, Я, Б, С.

34. ...буклями... Я.

35. ...одѣвши по дурацки... А, Я, Б, С.

38. Подобно звѣрю... А.

39. Отъ трусости, какъ листъ... А, С, Я.

41. Въ болотахъ глинистыхъ... А, Я, Б.

42. Когда ты прежде увязалъ? С и Я.

- 45 Не зря враговъ передъ собою,
 Приготовлялся ли ты къ бою,—
 Никто на коемъ не погибъ,—
 И взялъ ли приступомъ ты «Грибъ»?

VII.

- Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капразовъ,
 50 Не могутъ кои говорить,
 Надѣлать кучу генераловъ—
 И имъ полки препоручить?
 Ты могъ ли эспантонъ поправить—
 И подъ арестъ за то отправить,
 55 За вздоръ изъ службы исключить,
 Иль на-вѣкъ въ крѣпость посадить?

VIII.

- Возмогъ ли ты хотя однажды
 Гоненье шляпамъ объявить:
 Весть росіянамъ, чтобъ каждый
 60 Престалъ ихъ круглыя носить?
 Пучки и сапоги съ ушками
 Указомъ истребя межъ вами,
 Изгналъ потомъ съ заносомъ фракъ,—
 А всѣ кричать, что я—дуракъ!

48. «Бибъ» (?),—всѣ, кромѣ я: Грибъ—бесѣдка въ паркѣ.

50. Кой не смогутъ... А и Б.

51. Надѣлать кучку... Б.

56. ...въ крѣпость засадить... Б.

...И въ крѣпость на-вѣкъ посадить... М.

И на-вѣкъ... я.

57. *Возмогъ ли ты хотя однажды...* О.

60. Престалъ бы круглыя... А и Б.

60. Престалъ бы круглую... я.

61. ...съ ушами... А.

62. Указомъ истребить. Б.

63. Изгнать... А и Б.

IX.

- 65 Твоей ли хитростью *Кутайсовъ*
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ;
Въ моихъ палатахъ обитая,
70 Россіянь бѣдныхъ разоряя,—
Въ немъ виденъ точный басурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?

X.

- Твоихъ предѣлы мысли узки
Могли ли тайну ту понять,
75 Что «Анна» греческа—по русски—
Святую значить «благодать»?
Могли твои ли руки дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамѣна, флаги кораблей
80 Любезной именемъ моей?

XI.

- Скажи ты мнѣ: въ странахъ россійскихъ
Кто славный аукціонъ завелъ,
Чтобъ, кто хотѣлъ крестовъ мальтійскихъ,
За деньги въ ономъ ихъ нашелъ?
85 Съ французомъ кто два года дрался,
Чтобъ островъ Мальта намъ достался,

---

65. *Твоей ли хитростью...* О.

68. *Дворянство ставить все ни...* С.

69. *Въ своихъ палатахъ...* С.

73. *Ума твоего предѣлы узки...* А и Б (нѣтъ стиха!).

77. *Могли ли руки твои дерзки?* А и Б.

84. *За деньги въ ономъ бы...* А и Б (два раза «бы»).

85. *Съ французами два года...* А и Б.

На коемъ нѣтъ почти людей?—
Дѣла то мудрости моеи!

XII.

Не ясна ль въ томъ моя щедрота,
90 Велѣлъ что головы рубить?...
Пришла ль тебѣ когда охота
Кадиломъ въ церкви покадить,
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
95 Служа обѣдню за попа?
Ужели мысль сія глупа?

XIII.

Ко удивленію же свѣта,
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ ты совѣта,
100 Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,—
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видѣ иной всему я далъ?

-
89. Не зришь ль... П.
90. Что головы велѣлъ рубить... П.
92. Кадиломъ міру... П.
95. Служить обѣдню... П.
96. Неужли мысль сія . . . М.
97. Ко удивленію полсвѣта . . . М.
Ко удивленію всего свѣта . . . П.
99. Зачѣмъ не подалъ мнѣ . . . А и Б.
97—99. . . . Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта? . . . О.
103—104. Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видѣ иной тебѣ я далъ? О.
104. Чтобъ я иной всему видѣ далъ . . . А и Б.
104. Чтобъ видѣ всему иной . . . П.

XIV.

- 105 Сіе, служивый, разсуждая,
Представь мою ты сильну власть,
И тягостный мундиръ таская;
Имѣй свою въ терпѣньѣ часть!
Я все на пользу вашу строю,
110 Казню кого или покою:
Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія проси!

Намъ нужно отмѣтить еще, что списки разнятся между собою въ порядкѣ слѣдованія строфъ. У *М* и *Л* первыя 7 строфъ идутъ параллельно, а далѣе *М* VIII соотвѣтствуютъ *Л* XIII, IX *М*—VIII *Л*, X *М*—XI *Л*, XI *М*—XII *Л*, XII *М*—IX *Л*, XIII *М*—X *Л*, послѣдняя—XIV въ обоихъ спискахъ на послѣднемъ мѣстѣ. Въ Селифонтовскомъ списокѣ переставлены одна на мѣсто другой V *М* и VI *М*. Тоже и въ *А*, а кромѣ того въ *А*—10 *М* строфы—совсѣмъ не имѣется, а послѣ VII *М* идетъ IX, XII, XI, VIII, XIII и XIV тоже на послѣднемъ мѣстѣ.

-
- 105—106. Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителю власти! О.
106. Познай мою ты . . . А и Б.
107. И мерзостный . . . Я.
И прусскій твой . . . А и Б.
108—110. Имѣй свою въ терпѣньѣ часть!
Онъ все на пользу вашу стройте,
Казнить кого или покоить . . . О.
107. Въ надеждѣ тяготу сноси О.
111—112. . . . сноси
И безъ роптанія проси . . . О.
112. И безъ роптанія *твори* . . . А и Б (гѣтъ рѣмы).
И безъ роптанія *служи* . . . Я (гѣтъ рѣмы).

VI.

Вражда къ Наполеону.

На переплетѣ принадлежащей мнѣ 83-й части «Вѣстника Европы» за 1815 г. написано кѣмъ-то слѣдующее анонимное стихотвореніе:

Къ Наполеону на Еленѣ.

Женать ты былъ на *Жозефинѣ*,
 И на *Луизѣ* былъ женать, —
 Съ *Еленою* сопрягся нынѣ,
Картуша знаменитый братъ!
 Свѣтъ правъ, что столь тебѣ дивится:
 Ты точно *по уму* уродъ.
 Едва ль, однако же, случится
 Когда съ Еленой твой разводъ.

Соль стихотворенія состоитъ въ томъ, что «Елена» (название острова, гдѣ пожизненно былъ заключенъ «генералъ Бонапарте») называется его третьею женою—послѣ Жозефины Богарне, съ которою онъ самъ развелся, и Луизы Габсбургской, съ которою его развели насильно; съ Еленою, третьею «женою», разводъ невозможенъ. Попутно авторъ не упускаетъ случая обругать героя—уродомъ по уму (что едва ли справедливо) и братомъ Картуша, знаменитаго разбойника. . .

Вражда къ Наполеону въ началѣ столѣтія у русскихъ провинціаловъ была страшная. Сравненіе съ Картушемъ надо признать еще слабымъ: Наполеона считали самимъ Антихристомъ. Для обузданія его предлагались самыя радикальныя мѣры. Мнѣ хочется указать на одинъ подобный проектъ, запечатлѣнный въ русской литературѣ малоизвѣстными записками *Н. П. Макарова*.

Макаровъ слышалъ передаваемое имъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уѣздовъ Нижегородской губерніи.

Одинъ изъ старичковъ, сообщаетъ Макаровъ, ненавидѣлъ Бонапарта до того, что пренебрежно и пресерьезно провозглашалъ составленный имъ проектъ ужаснѣйшей мести противъ героя Маренго и Аустерлица.

— «Если бы», говорилъ онъ злобно, «взяли бы Наполеона въ плѣнъ и отдали его въ полное мое распоряженіе, я бы... я бы заставилъ его съѣсть самого себя!»

— «Какимъ же это образомъ?» подхватываютъ другіе старички.

— «А вотъ какимъ! Я заперъ бы его въ пустую комнату и три дня не давалъ бы ему ничего ни пить, ни ѣсть. Потомъ вошелъ бы къ нему въ комнату съ подлекаремъ и приказалъ бы отпилить ему ногу... т. е. Бонапарту, а не подлекарю. Послѣ того велѣлъ бы приготовить изъ этой ноги разныя кушанья: горячее, заливное и котлеты — и далъ бы ему ѣсть, т. е. Бонапарту... Небось, съѣлъ бы, окаянный!... Голодь не свой братъ! Потомъ еще дня на три оставилъ бы его безъ пищи и затѣмъ со второй ногой сдѣлалъ бы тоже самое, что и съ первой. Тоже и съ руками. Ну вотъ такимъ манеромъ и съѣлъ бы онъ самъ себя!»

Старички выслушали проектъ этой скиео-татарской вендетты безъ малѣйшихъ возраженій и замѣчаній на счетъ его звѣрской жестокости. И потомъ долго и глубококомысленно размышляли о такой субъективной антропофагіи».

Роль Наполеона въ русской литературѣ уже подвергалась изслѣдованію. Но, несомнѣнно, найдется потомъ много матеріаловъ, не привлеченныхъ еще къ такому изслѣдованію и позволяющихъ очертить отношеніе къ Наполеону русскаго общества и русской литературы подробнѣе.

VII.

Пѣсня Н. М. Ибрагимова.

Въ своей книжкѣ «Мелочи изъ исторіи русской литературы» мы уже останавливались на личности казанскаго университетскаго адъюнкта Николая Мисайловича *Ибрагимова*, малоизвѣстнаго поэта, одна изъ пѣсенъ котораго—къ сожалѣнію—безъ имени автора—приобрѣла необычайную популярность, перешла въ уста народа, который поетъ ее уже вотъ около ста лѣтъ и сдѣлалъ въ полномъ смыслѣ слова собственнымъ достояніемъ.

Эта «народная» пѣсня появилась въ свѣтъ въ книгѣ очень рѣдкой теперь, да и въ свое время мало распространенной, а именно въ первой и единственной книгѣ «Трудовъ Общества любителей отечественной словесности» при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1815 году; вкладчикомъ въ эту книгу былъ и Ибрагимовъ. Статьею XXVII-ю онъ помѣстилъ нѣсколько «Пѣсенъ». Пѣсня, которую мы разумѣемъ, «Вечеркомъ красна дѣвица», значится среди этихъ пѣсенъ подъ № 3 и помѣщена на стр. 289—290.

Попавши въ среду народа, текстъ этой пѣсни, разумѣется, не могъ сохраниться въ первоначальной чистотѣ и неприкосновенности,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые обороты подлинника теперь уже архаичны. Народные пѣвцы и пѣвицы передѣлывали оригиналъ Ибрагимова. Пѣсня состоитъ изъ трехъ куплетовъ. Первые два куплета мало измѣнились въ народной памяти. Но значительнымъ передѣлкамъ подвергся третій куплетъ, совершенно не сохранившій чертъ оригинала.

Мы приведемъ ниже подлинный текстъ Ибрагимова, сопоставляя съ нимъ народные варианты, которые мы заимствуемъ изъ слѣдующихъ записей: 1) *Владиславлевъ, М. Малеевскаго (Бурцева)*, повѣсть изъ быта семинаристовъ и духовенства, Спб. 1883, т. I, стр. 183; текстъ приведенъ съ отмѣткой: «на-

родъ пѣль»; варианты отмѣчены В (Владиславлевъ)—и 2) «Сахалинъ» В. М. Дорошевича, т. I, стр. 362. Дорошевичъ записалъ пѣсню за каторжниками и свидѣтельствуетъ, что эта «очень милая пѣсня» поется *чаще* другихъ. Его варианты отмѣчены Д (Дорошевичъ). Третій куплетъ онъ приводитъ въ двухъ совершенно разныхъ редакціяхъ.

Любопытно отмѣтить еще, что Ибрагимовъ самъ отмѣтилъ свою пѣсню, не какъ оригинальное произведеніе, а какъ «подражаніе» польской пѣснѣ.

Пѣсня

(Подражаніе польской).

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ за стадомъ шла,
Черноброва, бѣлолица,
Такъ гуськовъ домой гнала:

6   Тига, тига, тига,
              Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый:
Ты не милъ моей душѣ.
Что мнѣ, что твои палаты?
10 Съ милымъ рай и въ шалашѣ!

Тига и т. д.

Насъ однихъ для насъ довольно:
Все любовь намъ замѣнить!

3. Черноброва, *хрушлица*. Д.

8. *Болъ* не милъ . . . Д.

10. Съ милымъ *счастьемъ* въ шалашѣ. Е.

11—12. Съ *тѣмъ* одной любви довольно,

Чтобы такъ счастливой быть. Е.

Мнѣ одной любви довольно,

Чтобы такъ счастливой быть. Д.

Вместо старая, съдого

Буду милою любить . . . Д.

А сердечны слезы больно
Черезъ золото ронить!

Тига и т. д.

VIII.

Баронъ А. А. Дельвигъ о Н. А. Полевомъ.

Интересы изслѣдователей исторіи русской литературы начинаютъ обращаться и на *Н. А. Полевою*. Но къ сожалѣнію мы еще не имѣемъ полной біографіи этого замѣчательнѣйшаго дѣятеля. А между тѣмъ именно эта біографія, несомнѣнно, была бы очень любопытна—не только въ смыслѣ полной обрисовки личности и трудовъ Н. А. Полевого, но и въ отношеніи характеристики той литературной среды и тѣхъ жестокихъ нравовъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать нашему даровитому литератору-разночинцу.

Литература и писательство были въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія еще прерогативою дворянскаго сословія. Для занятія литературою требовался еще патентъ происхожденія: одного дарованія было еще мало. Недворянское происхожденіе Полевого и его соціальное положеніе—купецъ, необычное для тогдашняго литератора, какъ извѣстно, причинило ему немало горя.

— «Купецъ-*та* да и литераторъ-*та*,—странно это какъ-*та*! благодушно изумлялся (со своею присказкою *та*) ректоръ и профессоръ Московскаго университета Антонъ Антоновичъ *Антонскій-Прокоповичъ* (по студенческому прозвищу «Три Антона») и предлагалъ Полевому поступить подъ его начальство, въ благо-

13. *Но сердечку очень больно . . . Д . . . Е.*

Вздъ сердечку очень больно. Д.

14. *Черезъ злато слезы литъ. Д, Е.*

По неволѣ въ сонѣ жить . . . Д.

родный университетскій пансіонъ комнатнымъ надзирателемъ для того, чтобы выслужить себѣ коллежскаго регистратора, вожделѣнный чинъ XIV класса. Грузинскій князекъ *П. И. Шаликовъ* («Ахалкинъ»), предметъ всеобщаго глумленія за свои приторно-сентиментальные стишонки, счелъ себѣ за злую обиду, что на какомъ то обѣдѣ его посадили за однимъ столомъ съ «этимъ купчишкой». *Н. И. Надеждинъ*, самъ не изъ дворянъ, — «поповичъ», распускалъ слухи, якобы за критику на Кукольника Полевого высѣкли и забрили въ солдаты. Самъ Полевой уже на склонѣ лѣтъ горько жаловался *И. И. Панаеву*, что де приходится хвалить въ рецензіи галиматью, романы нѣкоего *Штевена* только потому, что тотъ служить въ Петербургѣ же частнымъ приставомъ: не то подбросятъ краденныя вещи, произведутъ обыскъ, свяжутъ, да и поведутъ среди бѣла дня по улицѣ *на веревочкѣ*; «а вѣдь я—отецъ семейства!» Добродушнѣйшій *М. Н. Загоскинъ*, оставшись недоволенъ рецензією «Московского Телеграфа» на свой романъ «Рославлевъ», тутъ же при свидѣтеляхъ далъ слово избить Полевого «вотъ этою самою палкою» и немедленно отправился къ нему на квартиру исполнять свою угрозу, далеко не шуточную, ибо Загоскинъ славился силою; къ счастью избіенія не произошло. . . .

Словомъ, съ «купчишкой» ни въ жизни, ни въ печати перемониться не стоило, онъ былъ «внѣ закона» — и по отношенію къ Полевому можно было не соблюдать ни малѣйшихъ приличій ни общественныхъ, ни литературныхъ. Какую, напр., богатую пищу для журнальной полемики доставило то случайное обстоятельство, что Полевой былъ однимъ изъ владѣльцевъ винокуреннаго завода. Въ то время многіе помѣщики нарочно заводили у себя въ имѣніяхъ такіе заводы, чтобы поднять доходность своихъ владѣній; это считалось въ порядкѣ вещей, никѣмъ не осуждалось, а скорѣе одобрялось, какъ признакъ солидной хозяйственной рачительности. Ихъ никто за это не обзывалъ «цѣловальниками», въ какыя сейчасъ же произвели Полевого. Компаньономъ по заводу у Полевого былъ тоже литераторъ, дворянинъ, Владимиръ Сергѣ-

вичъ *Филимоновъ* (1787—1858), авторъ «Дурацкаго Колпака», тогда довольно извѣстной поэмы. Но и Филимонова никто не затрогивалъ, хотя простой народъ сладкую водку компанейскаго завода называлъ именно «Филимоновкой».

Хвала тебѣ, о Полевой!

Заводчикъ и издатель!

.....

Вотъ «Телеграфъ»! взгляните:

Хвала и брань, *аршинъ* и *отъсъ*,

Что надо, то купите!

писалъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Полевого, водевилистъ *А. А. Писаревъ* въ своемъ «Пѣвцѣ на бивакахъ у подошвы Парнаса» («Библиографическія Замѣтки» за 1859 г., № 20, стр. 634—635).

Мы намѣрены здѣсь коснуться одного маленькаго, но довольно интереснаго эпизода изъ жизни *Н. А. Полевого*, а именно его отношеній съ барономъ *А. А. Дельвигомъ*.

Дельвигъ, пріятель славныхъ поэтовъ, Пушкина и Боратынскаго, изображается своими друзьями, какъ натура возвышенная и благородная¹⁾. Правда, онъ не могъ быть вполне безпристрастнымъ къ Полевому, какъ его конкурентъ: Дельвигъ самъ былъ

---

1) Вотъ малоизвѣстная, но любопытная характеристика Дельвига у *Ф. П. Фонтана* (Воспоминанія, Лейпцигъ, 1862, т. I, письмо № II, изъ Петербурга, мартъ 1828 г., стр. 25—26): «Пушкинъ, Боратынскій, Дельвигъ, каковъ терцетъ! Боратынскій—плавная рѣка, бѣгущая въ стройномъ руслѣ. Пушкинъ—быстрый, сильный, иногда свирѣпствующій потокъ, шумно падающій изъ высокихъ скалъ въ крутое ущелье. Дельвигъ—ручеекъ, журчащій тихо черезъ цвѣтушіе луга и подъ сѣнью тихихъ ивъ. Боратынскаго всѣ читали, Пушкина всѣ наизусть знаютъ, и обонхъ можно знать по ихъ сочиненіямъ. Но Дельвига надобно лично знать, чтобы понять его поэзію. Ты знаешь, какъ онъ перевезъ пѣсню Беранже (о Зевсѣ, курящемъ сигарку у окна). Эти стихи тебѣ описываютъ всего Дельвига. Вставъ съ постели, открытъ окно и съ сигаркою во рту смотрѣть черезъ легкія облака кружашагося дыма на тихія мѣняющіяся картины природы: вотъ весь Дельвигъ, вотъ его поэзія!»

журналистъ и «сальманашникъ». Притомъ, хотя и сынъ полицейскаго чиновника, но Дельвигъ былъ баронъ (правда захудалый), фантазировавшій о своихъ ливонскихъ предкахъ и не сталъ бы равнять съ собою «купчишку». Впрочемъ, нужда не свой братъ и заставляла обращаться даже къ Полевому.

Отъ 13 іюля 1828 г. Дельвигъ, вовсе не бывшій съ Полевымъ въ какихъ либо близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, писалъ ему изъ г. Черни, Тульской губерніи (Майковское изданіе, 1893 г., стр. 165, № 21).

«Милостивый Государь, Николай Алексѣевичъ, на письмо мое изъ Харькова я не получилъ отъ Васъ никакого отвѣта. Вторично прошу Васъ, если даже не продаю ни одного экземпляра «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», *одолжить* мнѣ на одинъ мѣсяць тысячу рублей. Деньги мнѣ необходимы въ теперешнемъ положеніи моемъ: я лишился отца, долженъ привести въ порядокъ деревенскія дѣла, чтобы оставить спокойнѣе семью мою; въ теперешнее же время года деревня только обѣщаетъ деньги, а не даетъ. *Будьте добры* къ человѣку, *почитающему* и *уважающему* Васъ. Готовый къ услугамъ баронъ Дельвигъ».

Немалая сумма—1000 р.—была просима барономъ, не въ видѣ, напр., аванса подъ статьи, а только въ видѣ снисхожденія къ его нуждѣ и безъ всякихъ обезпеченій, кромѣ «почтенія и уваженія». Насколько же прочны и надежны были эти баронскіе залого, мы скоро увидимъ.

Братъ Николая Алексѣевича Полевого, литераторъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ такъ характеризуетъ его въ матеріальныхъ дѣлахъ («Записки» изд. 1888, стр. 296—297).

«Кто зналъ моего брата, какъ я, тотъ признаетъ во многихъ дѣйствіяхъ его, недостатокъ—безкорыстіе, доходившее до *безразсудства*, безкорыстіе не святого безсребренника, а *простофими*, . . . подрывавшаго благосостояніе и спокойствіе всего его семейства. . . Составился бы порядочный *капиталъ* изъ тѣхъ денегъ, которыя братъ мой давалъ «въ займы» (безъ отдачи!) своимъ знакомымъ десятками и даже сотнями рублей, и раз-

умѣется, почти никогда *не получалъ* обратно. Въ бумагахъ его есть немногія записки, которыхъ онъ никогда не требовалъ; но заѣмщики, великолѣпныя и донинѣ здравствующія лица! — говорили: «вѣтъ, вѣтъ! для *порядку* это необходимо!» Я бывалъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, и росписки остаются только доказательствомъ, что деньги по нимъ *никогда* не были выплачены. . . Клеветники моего брата печатно укоряли его въ *корыстолюбіи*. . .

Неизвѣстно, выпросилъ ли нашъ баронъ нужную ему сумму у Полевого. Впрочемъ, это безразлично — потому что послѣдующее поведеніе барона остается одинаково некрасивымъ, все равно, выражалъ ли онъ своеобразную благодарность за оказанное ему одолженіе въ тяжелый моментъ острой нужды, или просто воздавалъ мщеніе Полевому за отказъ въ займѣ. Какъ бы то ни было, всего черезъ два года, въ 1830 г. въ № 54 своей «Литературной Газеты», баронъ, «почитавшій и уважавшій» Полевого, такъ писалъ о немъ въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 146—147 того же изданія, примѣчаніе; Полевой имѣлъ тогда смѣлость написать послѣ *самого* Карамзина — *новую* исторію Россіи):

«И политика, и философія, и критика не узнаютъ себя въ «Исторіи русскаго народа». Историческая критика г. Полевого, какъ добродушная нянька¹⁾, хлопочетъ, чтобы не вѣрили сказкамъ, часто встрѣчающимся въ нашей древней исторіи; но не только до появленія «Исторіи русскаго народа», — и до появленія Карамзина *никто* (sic) не почиталъ ихъ за истину. Нѣтъ! настоящая историческая критика *не озаряла* трудовъ г. Полевого; иначе не было бы въ его книгѣ *ненужныхъ* (sic) выписокъ о скандинавахъ, *странныхъ* нападокъ на Карамзина — или лучше *на здравый смыслъ* (sic) и *своевольныхъ* толкованій, которыя, какъ бы остроумны ни были, — все толкованія г. Полевого, а не приведенныя въ ясность преданія лѣтописцевъ». . . Далѣе грѣхи Полевого, по компетентной рецензіи барона, еще ужаснѣе; онъ,

1) Сравненіе Дельвига не совѣмъ точно: няньки сами рассказываютъ сказки и именно за *быль*, т. е. хотятъ, чтобы дѣти вѣрили имъ.

оказывается, не умѣть даже и думать логически, онъ не владѣетъ литературной формой: «для яснаго изложенія исторіи недостаетъ въ нашемъ историкѣ искусства *владѣть русскимъ языкомъ* (который, къ сожалѣнію, *совершенно* ему не повинуется) и порядка въ мысляхъ и въ расположеніи оныхъ... Карамзинъ и по кончинѣ связываетъ между собою узами любви къ таланту своему всѣхъ *отличныхъ* русскихъ писателей, которыхъ ни «Телеграфъ», ни «Пчела» никакими ругательствами не унизятъ, ибо достоинства ихъ основаны не на *модныхъ картинкахъ* и тому подобныхъ пустякахъ, но на глубокихъ познаніяхъ отечественнаго языка и на *безкорыстной* любви, извѣстной однимъ талантамъ, къ своему искусству».

Баронъ Дельвигъ, славившійся своею глѣнью въ Царскосельскомъ лицѣѣ, гдѣ обучался,—конечно, очень мало понималъ и въ философіи, и въ политикѣ, и въ русской исторіи, что съ очевидностью сказалось и на его отзывѣ объ «Исторіи» Полевого, которую многіе послѣдующіе изслѣдователи ставили очень высоко, и нѣкоторыя мысли которой—напр., о феодализмѣ на Руси, снова оживаютъ въ наши дни. Курьезны попреки незнаніемъ русскаго языка, когда грамматическія изслѣдованія Полевого награждались Академіею. Рецензія Дельвига, конечно, не имѣетъ никакой цѣны. Но гораздо очевиднѣе некомпетентности сказалась въ этой рецензіи другая вещь—а именно желаніе, что говорится, утопить Полевого въ ложкѣ воды. «*Безкорытными* и отличными талантамъ», всѣмъ имъ большой матеріальный успѣхъ «Московского Телеграфа» былъ ножъ вострый, и напрасно пытались они объяснять этотъ успѣхъ «модными картинками», какія дѣйствительно прикладывались къ «Телеграфу». Не видя въ этомъ журналѣ никакихъ заслугъ, кромѣ картинокъ, враги Полевого высказывали только собственное непониманіе современныхъ запросовъ общества.

Вѣрно отмѣтилъ положеніе дѣла Кс. А. Полевой: его братъ попалъ именно въ корыстолюбцы, а стало быть, по тезису барона, не могъ имѣть ни таланта къ литературѣ, ни любви къ ней.

Но вѣдь и самъ баронъ издавалъ «Литературную Газету» и «Сѣверные Цвѣты» не съ тѣмъ, чтобы публично засвидѣтельствовать свое безкорыстіе, а для того, чтобы поправить свои дѣлишки. И, конечно, не въ видахъ безкорыстія основалъ Пушкинъ свой «Современникъ», гдѣ помѣщалъ разные прозаическіе пустяки, а свои стихи предпочиталъ продавать Смирдину, потому де, что «подписчиковъ *баловать* нечего!»

Но, быть можетъ, рецензируя по обязанности безпристрастнаго журналиста, и искренно не одобряя «Исторію» Полевого, баронъ, однако, къ *личности* то Полевого продолжаетъ хранить тѣ «почтеніе и уваженіе», во имя которыхъ онъ два года тому назадъ просилъ его «быть къ нему добрымъ» и одолжить тысячу?

Съ Полевымъ въ то время стряслась скверная исторія. Передавали за вѣрное, будто бы одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей московскихъ баръ, князь *Н. Б. Юсуповъ*, не совсѣмъ заслуженно воспѣтый А. С. Пушкинымъ, а потомъ жестоко, но по дѣломъ, обличенный за свой развратъ Н. А. Полевымъ въ «Живописцѣ» (приложеніи къ «Телеграфу»), послалъ своихъ крѣпостныхъ холоуевъ отколотить Полевого. Слухъ объ этой дикой и возмутительной расправѣ съ купчишкой-литераторомъ привелъ въ восторгъ всѣхъ столичныхъ талантовъ, безкорыстно любившихъ свое искусство—русскую литературу и потому ненавидѣвшихъ Полевого. Эти побои долго и съ удовольствіемъ смаковались. Иносказательное описаніе несчастнаго случая съ Полевымъ помѣстили въ *Le Figet*, маленькомъ французскомъ журнальчикѣ, выходившемъ тогда въ Петербургѣ. Воейковъ, человекъ гадкій во всѣхъ отношеніяхъ, занесъ про Полевого въ свой «Сумаспешій Домъ»: «битый рюриковой палкой и санскритскимъ *батоужемъ*»¹⁾! Но Воейковъ не прописалъ въ своей сатирѣ про

1) Полевому не прощали того, что онъ чуть ли не первый въ Россіи заговорилъ о важности санскрита для сравнительной грамматики. Что касается *рюриковой* палки, то это, кажется, намекъ на занятія Полевого русскою исторіею. Юсуповы были татарскаго происхожденія и не вели своего рода отъ Рюрика.

себя самого, какъ его, на его собственной квартирѣ въ присутствіи многихъ гостей нѣжный В. А. Жуковскій жестоко колотилъ палкою по плечамъ за сообщеніе публикѣ нѣкоторыхъ пикантныхъ подробностей о своей собственной женѣ, племянницѣ Жуковского.

При извѣстїи о Юсуповской расправѣ и Дельвигъ не удержался: забывъ про свое «уваженіе» къ Полевому, тиснулъ—таки въ № 45 «Газеты» за тотъ же 1830 г. (стр. 145 того же изданія сочиненій):

«Въ газетѣ *Le Figet* напечатано извѣстіе изъ Пекина, что нѣкоторый мандаринъ приказалъ побить палками нѣ котораго журналиста. Издатель замѣчаетъ, что мандарину это стыдно, а журналисту—*здорово*».

Съ такимъ мнѣніемъ о «здоровости» палокъ для Полевого былъ, очевидно, согласенъ и «русскій Горацій», составитель чувствительныхъ идиллій и элегій, баронъ А. А. Дельвигъ.

На тему о корыстолюбїи Н. А. Полевого прибавимъ еще одну вылазку князя *П. А. Вяземскаго*. Вылазка эта тѣмъ непростительнѣе, что Вяземскій когда-то былъ очень друженъ съ Н. А. Полевымъ, основывалъ виѣстѣ съ нимъ «Московскій Телеграфъ», хорошо зналъ его натуру, но, какъ родственникъ Карамзина, не могъ простить ему дерзости—писать «Исторію» послѣ Карамзина—и объяснялъ это исключительно желаніемъ надуть публику и выманить у нея подписныя деньги. Въ альманахѣ «Альціона» барона *Розена* на 1833-й г. появилась такая эпитаграмма Вяземскаго на Полевого (см. Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 171, № 326).

Два разговора въ книжной лавкѣ.

«Чѣмъ занимается теперь *Лизо* Россійскій?»—

«Да, вѣрно, тѣмъ же все: какой-нибудь *подпиской*

На *книгу новую*, которую—Богъ дастъ!—

Когда-нибудь и онъ напишетъ да издастъ!»—

«Пусть говорятъ, что онъ—*сплетатель скучныхъ вракъ,*
 Но *публики* никто, какъ онъ, *не занимаетъ!*—
 «Какъ, *публики?* Богъ вѣсть, кто вкусъ ея узнаеть?
 У *публики*—вотъ это такъ!»

IX.

А. В. Тимоѣевъ и С. П. Шевыревъ.

Среди произведеній почти забытаго нынѣ поэта тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка *А. В. Тимоѣева*¹⁾ есть извѣстная баллада «Свадьба»²⁾, прославленная великолѣпною музыкою *А. С. Даргомыжскаго*. Эта «Свадьба» и до сихъ поръ иногда фигурируетъ на программахъ музыкальныхъ концертовъ. Текстъ баллады у Тимоѣева таковъ:

Насъ вѣнчали не въ церкви
 Не въ вѣнцахъ, не съ свѣчами,
 Намъ не пѣли ни гимновъ,
 Ни обрядовъ вѣнчальныхъ.

Вѣнчала насъ полночь
 Средь дикаго бора;
 Свидѣтелемъ было
 Туманное небо,
 Да тусклыя звѣзды;
 Вѣнчальныя пѣсни
 Пропѣлъ буйный вѣтеръ,
 Да воронъ зловѣщій;

1) О немъ см. въ III томѣ нашего труда «Литература и просвѣщеніе въ Россіи».

2) «Опыты» Тимоѣева, т. I, баллады, № I, стр. 147—149.

На стражѣ стояли
 Утесы да бездны;
 Постель постилали
 Любовь да свобода!
 Мы не звали на праздникъ
 Ни друзей, ни знакомыхъ:
 Посѣтили насъ гости
 По своей доброй вогѣ!
 Всю ночь бушевали
 Гроза и ненастье;
 Всю ночь пировали
 Земля съ небесами.
 Гостей угощали
 Багровыя тучи.
 Лѣса и дубравы
 Напились до пьяна,
 Столѣтніе дубы
 Съ похмѣлья свалились;
 Гроза веселилась
 До поздняго утра.

Далѣе идетъ у Тимоѣева разсказъ о пробужденіи четы новобрачныхъ среди утихшей послѣ бури природы и веселаго утра.

Вся пьеса обдѣлана Тимоѣевымъ очень эффектно, хотя и нѣсколько вычурно; но замыселъ пьесы вовсе не принадлежитъ ему. Источникъ баллады Тимоѣева удалось намъ открыть.

Оригиналъ Тимоѣевской «Свадьбы» имѣется у Степана Петровича *Шевырева*, стихотворенія котораго теперь подверглись уже полному забвенію, да никогда и не были издаваемы отдѣльнымъ сборникомъ: они разсыяны по старымъ журналамъ. Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1828 г., ч. IX, № X, май, стр. 119—123 мы отыскали пьесу «Русская разбойничья пѣсня», подписанную «С. Ш. — т. е. Шевыревъ». Пьеса состоитъ изъ трехъ ча-

стей. Начало, часть первая, и есть образецъ для перепѣва Тимофеева:

«Атаманъ честной,
 Мой отецъ родной,
 Ты потѣшь меня,
 Расскажи точь въ точь,
 Какъ вѣнчался ты: въ ночь,
 Иль средь бѣла дня?»

* * *

— «Темна, грозна была ночь,
 Грозный твоего отца,
 Какъ красавицу-дочь
 Я увезъ у купца.
Не въ Божьемъ дому
Мы вѣнчались:
 Во сыромъ бору
 Сочетались.
 Не на тепломъ пуху,
 Не въ браномъ пологу
 Цѣловались мы:
 Въ пещерѣ лѣсной,
 На землѣ сырой
 Обнимались мы.
 На свадебномъ пиру
 У насъ въ бору
Не свѣчи сіяли,—
Молнии пылали.
 Ни народъ ни пляз,
 Ни музыки не играли,—
Градъ шумѣз,
Небеса трещали (sic)!

Въ двухъ остальныхъ частяхъ пьэсы отецъ-атаманъ рассказываетъ, какъ онъ воспитывалъ своего сына, и на комъ сынъ его женился, съ кѣмъ обручился. Такова эта «разбойничья» пьэса, созданная великимъ «педантомъ» Шевыревымъ (какъ его окрестилъ В. Г. Бѣлинскій), столь чуждымъ всякаго разбойничества, вотъ та пьэса, которою вдохновился отзывчивый «романтикъ» Тимошеевъ.

По сравненію съ передѣлкой оригинальная пьэса Шевырева значительно проигрываетъ въ романтичности, картинности, легкости и плавности стиха; попадаются неуклюжіе и комическіе обороты, совсѣмъ неагоняющіе страху, котораго хочетъ задать авторъ—вродѣ «трещанія» небесъ. Тимошеевъ придѣлалъ другой конецъ—описаніе радостнаго, солнечнаго утра, контрастирующаго съ ужасною ночной бурей. За то у Шевырева дѣло на чистоту, у него объяснено, кто—разказчикъ и герой повѣствованія: это—«грозный» разбойникъ. А у Тимошеева начинается *ex abrupto*, и читатель такъ и остается въ невѣдѣніи, что же это за странный субъектъ справляетъ свадьбу свою столь необычайнымъ образомъ, и не нарочито ли онъ забрался въ лѣсъ, чтобы наслаждаться красами природы при различной погодѣ. . .

Нужно замѣтить, что Тимошеевъ вообще не церемонился съ чужою литературною собственностью и легко вдохновлялся прочитаннымъ. Въ его «Пѣсняхъ», напр., № 19 (стр. 287—288) «Челнокъ» навѣянь Полежаевымъ, № 27 «Пираты» (стр. 296—297) Загоскинымъ:

Мы живемъ среди морей
 Въ корабляхъ *летучихъ*.
Льсъ намъ—тучи, соловей—
 Плескъ валовъ *зрѣмучихъ* (sic) . . .

Это—близкая передѣлка очень извѣстнаго тогда хора изъ романтической оперы А. Н. Верстовскаго «Панъ Твардовскій» (слова Загоскина, изданіе 1898 г., т. X, дѣйствіе II, стр. 143):

Мы живемъ среди полей
И *льсовъ дремучихъ*,—
Но счастливыѣ, веселѣи
Всѣхъ вельможъ *могучихъ*...

Тимоеевъ удержалъ и «лѣсъ» и риѣму на «*учихъ*».

Х.

И. А. Гончаровъ и его Зомлы.

Огромный талантъ И. А. Гончарова пользовался всегдашнимъ признаніемъ среди русскихъ критиковъ. Но одного обстоятельства, не относившагося прямо къ литературной дѣятельности великаго романиста, никогда не могли ему простить, а именно мѣста его служенія—въ цензурномъ комитетѣ. Отдавая полную справедливость Гончарову-беллетристу,—Гончарову-цензору не спускали—и цензурствомъ этимъ его кололи, особенно въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ.

Мы хотѣли зарегистрировать двѣ вылазки противъ Гончарова, причемъ оба нападавшихъ на него привязались къ его сочиненію «Фрегатъ Паллада», въ которомъ почтенный авторъ изложилъ свои впечатлѣнія отъ кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго имъ на кораблѣ того же названія.

Одна изъ вылазокъ, которыя я имѣю въ виду, была сдѣлана сатирикомъ *Щедринымъ-Салтыковымъ*. Въ своемъ сборникѣ «Помпадуры и Помпадурши» онъ не безъ ехидства замѣчаетъ: «Скажу, наприимѣръ, про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ—я буду губернаторомъ, сдѣлайте *цензоромъ*—я буду *цензоромъ*». Далѣе Щедринъ постепенно добирается и до Гончарова: «Во второмъ случаѣ многія сочиненія *совсѣмъ забракую*, многія *ощиплю*, многія *украшу* изреченіями моего *собственнойно* вымысла.... Всѣмъ быть могу: могу даже быть командиромъ фрегата «Пал-

лада», и если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе»... и т. д.

Сатирикъ называетъ «Палладу» чтобы окончательно раскрыть, въ кого онъ мѣтитъ. Но эта вылазка, сравнительно, имѣла еще умѣренный и терпимый характеръ.

Несравненно болѣе забористый характеръ носила замѣтка *А. И. Герцена* въ его журналѣ «Колоколъ». Герценова замѣтка была написана уже въ неумѣренномъ тонѣ и третировала великаго писателя en sa ville. Кромѣ «Фрегата Палладь» привлечена здѣсь и «Обыкновенная Исторія», первый романъ Гончарова. Статья Герцена озаглавлена: «Необыкновенная Исторія о Ценсорѣ Гончаро изъ Ши-пан-ху».

«Мы долго думали», пишетъ Герценъ, «зачѣмъ Гончаровъ плавалъ въ Японію, или правильнѣе, въ Ши-пан-ху, *безъ сомнѣній*, безъ всякаго приготовленія, безъ научнаго (да и другого, кромѣ *кухоннаго*) интереса. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ съѣздить въ Японію *только для того*, чтобы длинно и *вяло* рассказать впечатлѣнія, сдѣланныя Тихимъ Океаномъ, Гон-Гонгомъ и Нагасаки на какого то тупоумнаго денщика и какого то *муно-рожденнаго* слугу (мы просимъ у нихъ извиненія, мы не виноваты, что *помыщикъ* (т. е. Гончаровъ, который, кстати сказать, никогда не владѣлъ никакимъ помѣстьемъ!) ихъ такъ представилъ—на то барская воля!) Или для того плавалъ Гончаровъ, спрашиваетъ Герценъ, чтобы *плотоядно* (!) прибавить къ этому перечень всего, чтò онъ ѣлъ отъ Кронштадта до береговъ юго-небесной имперіи и обратно—до сѣверо-небесной? Это была-бы, заключаетъ онъ, очень *необыкновенная исторія!*

Теперь для Герцена открылась цѣль плаванія: «совсѣмъ нѣтъ, Гончаровъ просто хотѣлъ добросовѣстно подготовиться къ должности ценсора: гдѣ же можно лучше усовершенствоваться въ ценсурной хирургіи, въ искусствѣ заморенія рѣчи человѣческой, какъ не въ странѣ, не сказавшей ни одного слова съ тѣхъ поръ, какъ она обсохла послѣ потопа»? Такъ честить Герценъ Японію, разумѣется, не предвидя ея нынѣшняго состоянія.

Человѣкъ, имѣющій такой хорошей и такой *всемирный* аппетитъ, продолжаетъ Герценъ расписывать личность Гончарова, — человѣкъ, который, объѣхавъ вокругъ свѣта, не вышелъ ни на минуту изъ той атмосферы, которую носилъ съ собой гоголевъ *Петрушка* (sic), всегда могъ занять мѣсто (цензоровъ) *Елашина* или *Фреймана*, умри только кто-нибудь изъ нихъ (что при натурализаціи въ Петербургѣ и не представляетъ большихъ затрудненій), но это была бы *обыкновенная исторія!*

Приведемъ еще пару строкъ, заключеніе статьи: «начать собою школу *китайски-японскаго ценсурнаго членовредительства*—и за этимъ жариться на экваторѣ, смотрѣть, какъ японскіе писари сморкаются въ бумажку и ѣсть рыбу съ сахаромъ на ризиновомъ маслѣ—это *geniallyно!*»

Для современнаго писателя весь фейерверкъ остроумія Герцена пропадаетъ даромъ, а нѣкоторыя частности, вроде сравненія Гончарова съ гоголевымъ Петрушкой, даже коробятъ. Статья Герцена каррикатурна до нелѣпости, напр., въ опредѣленіи цѣли плаванія Гончарова. Нападки носятъ чисто личный характеръ и поражаютъ своею очевидною пристрастностію. Но такова была мода, и въ такомъ тонѣ считалъ себя Герценъ въ правѣ распекать русскихъ дѣятелей въ «Колоколѣ»—не одного Гончарова. Во всякомъ случаѣ, разобранныя нами статейка Герцена нисколько не умаляетъ значенія произведеній Гончарова, а «Фрегатъ Паллада» остается и доселѣ прекрасною книгой, которую всякій подростокъ долженъ прочесть—и прочтеть, несомнѣнно, съ интересомъ и съ пользою для себя. Что же касается фактической стороны дѣла, то оказывается теперь изъ новыхъ архивныхъ матеріаловъ, опубликованныхъ за послѣдніе мѣсяцы въ разныхъ журналахъ, что Гончарова надо признать сравнительно съ его тогдашними коллегами цензоромъ гуманнымъ и снисходительнымъ. Такимъ образомъ приведенныя выше злобныя нападки фактически несправедливы. . . . .

Евгеній Бобровъ.

„Черная шаль“ А. С. Пушкина и румынская пѣсня.

Цѣльный и очаровательный по красотѣ грусти, выдержанный и изящный по формѣ романсъ «Гляжу какъ безумный на черную шаль, — и хладную душу терзаетъ печаль» самимъ поэтомъ названъ «молдавской пѣсней». «Черная шаль» написана въ Кишиневѣ, и автографъ Пушкина въ альбомѣ Пономаревой датированъ 14 ноября 1820 года¹⁾; слѣдовательно, это — одно изъ первыхъ произведеній Пушкина, относящихся къ кишиневскому періоду. Кромѣ нѣсколькихъ словъ Липранди и др., до сихъ поръ ничего не было извѣстно объ источникѣ «Черной шали», и въ критическихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина обыкновенно повторяется слѣдующій комментарий: основу стихотворенія составляетъ пѣсня молодой молдованки Мариулы, прислуживавшей въ какой-то кишиневской «рестораци», которую часто посѣщаль поэтъ. По словамъ автора «Фракійскихъ элегій» и «Воспоминаній

---

1) Вѣроятно, съ цѣлью примирить дату Липранди, («въ октябрѣ» 1820 г.) (*Русскій Архивъ*, 1866, VIII—IX, 1247), и замѣчаніе В. П. Горчакова, что «пѣснь была всѣмъ извѣстна въ Кишиневѣ въ самомъ началѣ ноября», съ указанной датой, П. И. Бартеневъ предполагаетъ, что 14 ноября — дата отсылки пьесы въ Петербургъ («Пушкинъ въ южной Россіи», стр. 50). Румынскій поэтъ Константинъ Негруцци говоритъ, будто «Черная шаль» написана Пушкинымъ для извѣстной кишиневской куртизанки гречанки Калипсо Полихрони («*Răscătele țipereților*», Яссы, 1857), а Вигель, будто Пушкинъ переложилъ «Черную шаль» со словъ той же Калипсо («Записки», ч. VI, стр. 122); но сами по себѣ правдоподобныя, эти свидѣтельства не могутъ быть приняты уже потому, что Калипсо пріѣхала въ Россію въ половинѣ 1821 года. Кромѣ того, достоверно неизвѣстно, знала ли она румынскіе романсы.

о Болгаріи» В. Г. Теплякова, пѣсня записана отъ молдованки Маріониллы (sic) въ «Зеленомъ трактирѣ» (*Общезанимательный Вѣстникъ*, 1857, I, 125). Трактиръ помѣщался въ «верхнемъ» или «новомъ» городѣ, неподалеку отъ митрополіи. Липранди почему-то не признаетъ названія этого трактира; но изъ дальнѣйшихъ его словъ («другихъ трактировъ въ этой части не было») видно, что оговорка его не имѣетъ существеннаго значенія. По-видимому, романсъ былъ одинъ изъ распространенныхъ среди кишиневскихъ румынъ. По другимъ свѣдѣніямъ, имя румынки — Маріолица (очень популярная уменьшительная форма имени). По мѣстному произношенію, имя пѣвицы должно быть *Мардѣла* или *Марѣла*.

Такимъ образомъ, изслѣдователю естественнѣе всего обратиться къ тѣмъ стариннымъ румынскимъ романсамъ — полународнымъ, полу-искусственнымъ, которые до сихъ поръ живутъ среди румынъ главнымъ образомъ въ исполненіи «лаутарей», т. е. пѣвцовъ-профессионаловъ. Во время послѣдней поѣздки по Румыніи намъ удалось записать текстъ романса, который послужилъ несомнѣннымъ источникомъ Пушкинскаго стихотворенія, въ двухъ вариантахъ¹⁾, притомъ настолько близкихъ между собой, что было бы возможно не придавать имъ никакого значенія, если бы отличія первой же строфы «Черной шали» не оправдывались, съ одной стороны, разночтеніями у самого Пушкина²⁾, съ другой — извѣстными намъ различіями въ исполненіи

1) Въ моей записной книжкѣ, подъ записью пѣсни сдѣлана слѣдующая замѣтка: «am auzit de la băetan Christachi Constantinescu ot Burduf, timplar din Bucureşci, când şedeam la Conono la Jeşi 19 decembrie an 1899, seară». Варианты записаны отъ Mitica Georgescu, fost militar, la mănăstirea Văcăreşci (15 august).

2) Первое изданіе въ «Сынѣ Отечества» (1821, № 15), было сдѣлано съ ошибками, исправленными въ перепечаткѣ «Благонамѣреннаго» (1821, № 10). Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину отъ 27 іюня 1821 г. поэтъ жалуется: «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ; но ее чертъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой». Затѣмъ романсъ вошелъ въ изданіе 1826 года; окончательное установленъ текстъ въ 1829 году, хотя разночтенія такъ же незначительны, какъ и въ румынскомъ оригиналѣ.

этого романа на югѣ Россіи, очевидно, идущими изъ различныхъ устныхъ традицій.

Приведемъ румынскій текстъ пѣсни въ русской транскрипціи, съ удареніями и соединительными знаками, предпочитая ее обычной у румынъ итальянской транскрипціи, далеко не всегда передающей особенности живого говора.

- 1 Ла шáлу чел нѣгру мѣ уйт ын тѣчере ¹⁾,
 Ши сѹфлету мѣ ²⁾ рече ши немънгыйт.
 Кынд йерáм май тынър—юбáм ку плъчере ³⁾
 П' е тынъръ грáкъ ку пѣру буклáт,
- 2 Ку нѣгре спринчэне, ку румынъ фáць,
 Ку румынъ фáць ши кип млгдѣос.
 Мѣ симцáм ферйче ла грáкъ мя фрумоáсь,
 Ла грáкъ мя фрумоáсь, че мулт о юбáм.
- 3 Ынтр' уна дин дзѣле постѣсем ла мáсь
 Пе кыць-ва прийтень, ку кáре ворбáм, —
 Кынд ун крединчѣсу мѣ ⁴⁾ вѣне ши мѣ шѣптэче:
 — Грýка та, стъпѣине, че мулт о юбѣще,
- 4 Те вѣнде пе тѣне ши те викленѣще,
 Ши те викленѣще; алту ну гындѣще!
 Йѣу атунчъ ындáтъ рóбул мѣеу кемáй,
 Ыл дърѹн аур ши ѣл блѣстьмáй.
- 5 Ши атунчъ ындáтъ йѣу м' ам ынкрунтáт,
 Рѣпедѣ, ка гындул, ын граждѣ ам ынтрáт,
 Пе калул м'еу Áжер ам ынкъликáт
 Ши, лъсѣнду й фрыул, ка ынт, ам збурáт.

1) *Вар.* ку трастáць соотвѣтствуетъ «Гляжу я печально»....

2) *Вар.* йинимá й — «душа у меня».

3) *Вар.* ку дульчáць.

4) *Вар.* жидáну соотвѣтствуетъ «презрѣнный сорей» у Пушкина; «и старому позовалъ раба моего» — въ слѣдующей строфѣ.

- 6 Ну симпѣм дурѣре, ничь компѣтимѣм¹⁾,
 Ничь компѣтимѣм, ка пѣтра йерѣм.
 Дар дин депѣртѣре зѣрѣ прагул²⁾ грѣчмѣй —
 Ши пердуѣ кураѣжул ши путѣря мя.
- 7 Ажюнгѣнд ла поѣрта, ам дескѣликѣт;
 Окѣй пе ферѣстрѣ кынд ам арункѣт, —
 Зѣрѣ—пѣнгѣрѣре! — ла армѣн ын браѣць
 Мѣ некрединчѣасѣ³⁾ бѣзь-н-бѣзь ста.
- 8 Ши атѣнчѣ ындѣтѣ йѣте мѣ 'нкрунтѣт,
 Ши палѣш дин тѣкъ рѣпѣде ам трас;
 Ку крунтѣ ловѣре й ам прѣвѣлѣ жѣс,
 Ши й бѣтѣм сѣлбѣтик ку пичѣр' ын кап.
- 9 Ши м' адѣк амѣнте рѣгѣ йѣй фербѣнте,
 Гуриѣа дескѣсѣ черѣ сѣрутѣт,
 Черѣ брѣпушѣре ын ачел минѣт. . . .⁴⁾
 Ку шѣлу чел нѣгру палѣшул ам штерс. . . .
- 10 Але лор кадѣвре 'н браѣць л' ам луѣт
 Ши 'н Дѣнѣрѣй вѣлурѣ йѣй л'ам арункѣт.
 Астѣел с' о сѣършѣт ку грѣкъ чѣ фрумоѣсѣ,
 Ку грѣка чѣ фрумоѣсѣ ку пѣру буклѣт⁵⁾.

При переводѣ пѣсни мы передадимъ текстъ возможно дословнѣе, не приближая его къ переводу Пушкина. «Безмолвно гляжу я на черную шаль, — и душа моя холодна и неутѣшна. Когда я былъ помоложе, — съ наслажденіемъ любилъ молодую

1) Переведено: «и кроткая жалость молчала во мнѣ».

2) *Вар.* *касѣ* — «домъ»; у Пушкина дальше — «покой».

3) У Пушкина: «сестрѣмъ дѣву». Румынскій вариантъ—повтореніе второй половины предыдущаго стиха: «к' ун армѣн ын браѣць».

4) *Вар.* «грѣка о перитѣ» соответствуетъ «погибла гречанка» у Пушкина.

5) *Вар.* «ши шѣлу чел нѣгру», быть можетъ, напоминаетъ рефренъ: съ тѣхъ порѣ. . . . гляжу какъ безумный на черную шаль и т. д.

гречанку съ кудрявыми волосами (2), съ черными рѣсницами, румянымъ лицомъ, съ румянымъ лицомъ и нѣжнымъ обликомъ. Я чувствовалъ себя счастливымъ у своей красивой гречанки, у своей красивой гречанки, которую сильно любилъ (3). Однажды я пригласилъ къ столу (на пиръ) нѣсколькихъ друзей, съ которыми бесѣдовалъ, — какъ вдругъ входитъ ко мнѣ одинъ изъ вѣрныхъ (приближенныхъ) и шепчетъ мнѣ: «Господинъ, твоя гречанка, которую ты сильно любишь (4), измѣняетъ тебѣ и коварно обманываетъ тебя, коварно тебя обманываетъ: иначе и не думай!» Тогда я сейчасъ же позвалъ своего раба, подарилъ ему золота и заклалъ¹⁾ его (5). И тогда я вдругъ ожесточился, быстро, словно мысль, бросился на конюшню, вскочилъ на своего коня Ажера и, отпустивъ удила, полетѣлъ, словно вѣтеръ (6). Не чувствовалъ я ни боли, ни состраданія — ни состраданія: былъ подобенъ камню. Но едва издали увидѣлъ я порогъ гречанки, какъ потерялъ мужество и силы (7). Добравшись до воротъ, я слѣзъ съ коня, а когда посмотрѣлъ въ окно, то увидалъ — позоръ! — въ объятіяхъ у армянина моя измѣнница, лобзается съ нимъ уста въ уста (8). И тогда я сразу свирѣпо ожесточился, вытасилъ палашь изъ ноженъ, жестокимъ ударомъ повалилъ ее на землю и дико топталъ ногами ея голову (9). И помню теперь ея горячую мольбу. Открытыя губы просили поцѣлуя, просили поцѣлуя въ ту минуту. . . . Черной шалью вытеръ я палашь²⁾. . . (10). Ихъ трупы я взялъ въ охапку и бросилъ ихъ въ Дунайскія волны. Вотъ какъ окончилось съ красивой гречанкой, съ красивой гречанкой съ вьющимися волосами».

Называя стихотвореніе «молдавской пѣснью» и передавая содержаніе очень близко къ подлиннику, Пушкинъ, очевидно, не имѣлъ ввиду вопроса о происхожденіи ея — народномъ или искусственномъ. Нѣсколько болѣе или менѣе случайныхъ приемъ,

1) «Проклятіе» здѣсь едва ли имѣетъ смыслъ, и вѣроятно, Пушкинъ буквально передаетъ первоначальное значеніе румынскаго *blăstăina* (ср. греч. *βλασφημία*, лат.-нар. *blasphemy*).

2) Повидимому, какая то порча текста.

довольно правильные размѣры и отдѣльныя несомнѣнно ненародныя выраженія оригинала убѣждаютъ насъ, что приведенная пѣсня принадлежитъ къ числу популярныхъ румынскихъ романсовъ, составленныхъ неизвѣстными авторами и только впоследствии онародившихся. Мѣсто составленія ихъ — дворы румынскихъ бояръ, державшихъ собственные цыганскіе хоры, чѣмъ и объясняется извѣстная «культурность» пѣсни-романса: о простонародномъ происхожденіи его не можетъ быть и рѣчи. В. Н. Горчаковъ сохранилъ начальныя слова двухъ подобныхъ румынскихъ романсовъ: 1) «Te iubesc peste mäsugă» — «Люблю тебя чрезмѣрно» и 2) «Arde mă, frige mă» — «Жги меня, жарь меня»¹⁾, и прибавляетъ, что ихъ пѣли «лаутари» въ кишиневскихъ боярскихъ домахъ, гдѣ бывалъ Пушкинъ. А. Вельманъ приводитъ начало третьяго романса «Prin amogulii dulceață» — «Чрезъ сладость любви» и, повидимому, собственный переводъ двухъ первыхъ строкъ «унылой» цыганской (т. е. румынской, исполнявшейся хоромъ дворовыхъ цыганъ) пѣсни: «Естьли я живу, — живу лишь для милой, || Безъ нея мнѣ все грустно и уныло.

Что же касается румынской мелодіи «Черной шали», то она вполне народная — монотонная, грустная, красивая и простая; она удачно передаетъ и общее настроеніе романса — печальную исторію трагической любви къ красивой гречанкѣ, и настроеніе поэта, который уже «не цѣлуетъ прелестныхъ очей и не знаетъ веселыхъ ночей». Румынская мелодія намъ кажется безусловно удачнѣе, чѣмъ чуждая всякой національности композиція А. Н. Верстовскаго, извѣстность котораго, по словамъ біографовъ, началась музыкой къ «Черной шали». Мелодія румынскаго романса нами записана и при случаѣ будетъ опубликована вмѣстѣ съ мелодіей «Пѣсни Замфiry». Последнюю Пушкинъ услышалъ, по всей вѣроятности, не въ цыганскомъ таборѣ, какъ говорится въ большинствѣ біографій, а на вечерѣ у боя-

1) См. нашу замѣтку «Пѣсня Замфiry въ Дыманѣхъ Пушкина и цыганская хора», *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, 1899, IV, 301—304.

рина Вареломея, отъ его «лаутарей», просилъ неизвѣстное лицо переложить на ноты и вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ послалъ ихъ въ «Московский Телеграфъ». Печатавъ ноты, редакция сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи» (1825, № 21). Приговоръ — слишкомъ суровый и невѣрный, въ чемъ нетрудно будетъ убѣдиться. Въ Московской Консерваторіи должны находиться ноты «Пѣсни Запфיריםъ», присланныя по нашей просьбѣ покойнымъ проф. яской консерваторіи Г. В. Музыченко бывшему директору московской консерваторіи В. И. Сафонову въ 1899 году для юбилейнаго концерта. Насколько намъ извѣстно, на концертѣ эта пѣсня не исполнялась.

Кромѣ сообщенныхъ подробностей, за двумя-тремя исключеніями отсутствующихъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 365 — 367), прибавимъ еще слѣдующія двѣ: 1) въ біографіяхъ актера М. С. Щепкина, въ томъ числѣ и популярныхъ, напр. брошюрѣ В. Е. Ермилова, приводится описаніе необыкновенно художественнаго исполненія имъ «Черной шали» въ костюмѣ и на неизмѣнномъ диванѣ; 2) на сюжетъ пушкинской пѣсни написалъ балладу съ тѣмъ же заглавіемъ извѣстный польскій поэтъ Корнель Уэйскій.

А. И. Яцимирскій.

„Записки путешествія въ Сибирь“ А. Н. Радищева.

Въ Чертковской библіотекѣ (Историческій музей въ Москвѣ) хранится любопытная копія сочиненія А. Н. Радищева, до сихъ поръ еще неизданнаго (I ²/₁₈). Впервые о ней упомянулъ въ печати, очень глухо, г. Мякотинъ («Изъ исторіи русскаго общества», СПБ., 1902, стр. 233: приведа нѣсколько цитатъ изъ нашей рукописи, онъ прибавляетъ въ выноскѣ: «Копія этихъ замѣтокъ, какъ и замѣтокъ, веденныхъ Радищевымъ на пути изъ Сибири, любезно сообщена мнѣ В. И. Семевскимъ»).

Опредѣленнѣе указаніе г. Павлова-Сильванскаго въ его вводной статьѣ къ послѣднему изданію «Путешествія» (СПБ., 1905, стр. LXV): «Дневникъ, веденный на пути въ Сибирь и обратно. Не изданъ. Рукопись хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ».

Первая половина рукописи (написанная одною рукою и одними чернилами)¹⁾ представляетъ изъ себя большую переплетенную тетрадь, въ листъ, безъ нумераціи, по почерку — начала XIX в. Судя по искаженію и пропуску отдѣльныхъ словъ, она списана съ подлинника Радищева лицомъ, не особенно освѣ-

---

1) Съ половины дневника путешествія изъ Сибири почеркъ мѣняется и чернила темнѣе. На бумагѣ водяные знаки—1806 г.

домленнымъ (по всей вѣроятности, писаремъ¹⁾). Мѣстами попадаются исправленія, очень поздней руки.

Для біографіи Радищева и характеристики его личности она представляетъ несомнѣнный интересъ. Изъ—за краткихъ замѣтокъ невольнаго путешественника передъ читателемъ ярко вырисовывается необыкновенно свѣтлый и пытливый умъ убежденнаго народолюбца, котораго не могли сломить ни ужасы тогдашняго слѣдствія и суда, ни ссылка въ Сибирь.

Первая ея половина, соответствующая заглавію,—дневникъ путешествія въ Сибирь. Она отдѣлена нѣсколькими чистыми листами отъ другой—дневника путешествія изъ Сибири въ 1797 г., безъ особаго заглавія²⁾.

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ СИБИРЬ.

А. Н. Радищева.

11 Ноября³⁾.

Въ Казани поднявшись на гору ѣхали полями, лощинами, перелесками до Бирюли, село господское, гдѣ пьяныхъ всѣхъ наѣхали для праздника Михайлы Архангела. Нескоро лошадей дали. Барыня⁴⁾ была у пона въ гостяхъ 30 верстъ.

---

1) Въ Чертковской бібліотекѣ есть другая рукопись той же руки—«Путешествіе» Радищева, нѣкоторые документы, относящіеся къ его дѣлу (уже напечатаннымъ) и «Придворная грамматика» Фонвизина. Въ Музеѣ не сохранилось свѣдѣній о томъ, откуда въ него попали эти рукописи.

2) Дневники печатаются съ сохраненіемъ всѣхъ ихъ особенностей.

3) Радищевъ былъ увезенъ изъ Петербурга 8 сент. 1790 г. и пріѣхалъ въ Илимскъ 4 янв. 1792 г.

4) По свидѣтельству біографовъ, сестра жены Радищева, Рубановская, пріѣхала къ нему только въ Тобольскъ. Въ данномъ случаѣ имѣется, вѣроятно, въ виду не она, а какое-то другое лицо, хотя во второй половинѣ дневника «барыня» отождествляется именно съ нею. Дневникъ начинается ex abrupto. Возможно, что первые его листы не попали въ нашу рукопись.

12-е.

Въ Арскъ прѣѣхали въ 3 часа по полуначи¹⁾). Стоить на Казанкѣ, на²⁾ высокой горѣ. Еще есть старинные деревянные башни, одна церковь деревянная; жители пахутъ и извозничаютъ. 26 верстъ арбашъ татарское—29 вер. Янгулова 19 вер. мѣду купили 6 р. пуд. вощина 10 р. воскъ чистой 20 р. — по речкамъ много деревень татарскихъ. Юрукъ, за пять верстъ; на торгу высокую³⁾, 19 верстъ —.

13-е.

Ѣхали лѣсомъ: Соснягу⁴⁾ мало, ель, дубъ, береза, осина и пр. Здѣсь вышла дорога изъ Оренбурга; вятская отдѣлилась отъ Пермской. Татары $\frac{\text{ѣздить}}{\text{торгуютъ}}$ ⁵⁾ въ Ирбит $\frac{\text{ѣ}}{\text{ѣ}}$ ⁵⁾ [и] Оренбург $\frac{\text{ѣ}}{\text{ѣ}}$ ⁵⁾ [и] [Петров] Семипалат $\frac{\text{инскую}}{[. . .]}$ ⁵⁾ и устьканенгорскую $\frac{\text{крѣпости}}{\text{ѣ}}$ за лошадыи.

Отъ Юруку до реки вятки 9 верстъ. до озера отъ вятки 3 версты. [Купцы изъ Тобольска] потонули; въ Янгуловѣ продавали одѣяла двойное теплое изъ степныхъ лисьихъ хвостовъ 6 р. просили.

Татара черемисы, чуваша селятся по уваламъ и доламъ, Рускіе по горѣ.

У чувашъ и черемисъ избы черные, но воздухъ здоровѣе нежели у Рускихъ въ избахъ, ибо прямо съ надворья. Они холодъ любятъ, таракановъ нѣтъ но много блохъ. У татаръ избы бѣлые въ переди комелекъ. По лѣсамъ Татара бьютъ мѣдведей, волковъ, лисицъ, зайцовъ, векшу и мало кунницъ.

1) Написано сначала «пополуд», затѣмъ «д» зачеркнуто и приписано «ночи» (скорѣе даже «начи»).

2) Приписано сверху.

3) Вверху поправка (современнымъ почеркомъ): «гору высокую».

4) Передѣлано изъ «соснины» (?).

5) Какъ и дальше, поправки болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ основной почеркъ рукописи, и другими чернилами.

На перевозѣ вятки стоитъ село Руское Г. Юшкова, мужики бѣдные избы худые.

Рѣка вятка, лѣсъ по обѣ стороны, ельникъ по большей части и всякой черной лѣсъ; а гдѣ разливается, то одинъ черной лесъ, рѣка шириною съ неву сажень 80 или 100 за рѣкою мѣстами и сосны высокія но рѣдко.

Мелеты 19 в. Черемиская два двора русскихъ, отпущенные прежде сего наволою Юшкавымъ. У сихъ черемисъ избы выше нежели по ту сторону волги, они не столь богаты, больше на Рускихъ похожи, къ пашиѣ довольно ленивы; далеки можетъ быть отъ хлѣбныхъ базаровъ. Не столько муцины щеголеваты какъ по ту сторону Волги. Глаза у многихъ болятъ. Прукса (?) или зыбъ всегдашней или венерическая.

Порекъ. 15. Черемисы, одинъ дворъ Руской.

Килмесь большой 20 вер. Черемисы. Дворъ маркитантовъ Рускихъ, которые держатъ постоя; тожъ было и на той сторонѣ Волги. На пустыхъ тамъ мѣстахъ были базары гдѣ стояли Рускіе постоянные дворы.

14.

Какси. Вожентемъ какли 26 вер. недоѣзжая оной деревни 5 версть реку Вале переѣзжали. Лѣтомъ на ней поромъ, шириною сажень 25. Инымъ годомъ разливается надорогу; по рѣкѣ лѣсъ черной а немного далѣе ель и пр. 2 версты отъ реки вотскія деревни. Они овинновъ неимѣютъ; хлѣбъ молотятъ сырой, а когда молотъ то сушатъ въ печахъ. Народъ боязливой и доброй. въ Какси¹⁾ одинъ овинъ. Живеть отставной сержантъ съ семьею, держать постоялой дворъ.

Сюмси. 20 версть, впрегають проворно. Можетъ быть по той же причинѣ, какъ Татара, чтобъ съ рукъ сбыть.

Юбари 14 версть, начевали, нашли праздникъ; состоитъ въ томъ что всѣ дѣвки бабы и мужики ходятъ изъ двора водворъ

1) Выше — «Какси».

и пьютъ пиво, ходили до утра и перепились допьяна. На бабахъ высокія кичьки съ бахрамою, съ шитьемъ и кончиками серебряными. Примѣчается охота и въ дикихъ нарежата; сходство въ семь нравовъ женщинъ въ большихъ городахъ, отмѣнно что наряды переменяютъ часто.

НВ. Въ Юрукѣ начевали у Татарскаго начальника, которой выбирается ежегодно во всякой деревнѣ для разбору дѣлъ ниже 20-ти р. даже кражи, но свыше идутъ въ судъ. Уголовныя надлежалибы отсылать въ судъ, но отсылаютъ смертоубивствы только; судять по курану.

15.

Сельта или Култемстяны, 29 вер. Зятцы 38. игры 37, начевали, мѣста почти равные, горъ мало, болоты мѣстами, лесъ: соснякъ строевой, ели, березы; селеніи опричь сихъ по сю сторону вятки рѣдки, рѣдки и посторонамъ, можетъ быть для того, что мало рѣчекъ. Вотяковъ много малобородыхъ; народъ простой. въ зятцахъ писарь ученой поруски. Собаки вороваты, влезли въ повозку и съѣли гуся.

Зверей мало хотя лѣсу много; бѣлки почти вѣтъ уже пятой годъ но 9 ко. скурка.

У бабъ круглые скуфьи низаные.

16.

Зура 22 вер. за несколько верствъ течеть рѣка Иты, шириной въ 8 и 10 сажень но глубока. Село дебесъ или Николаевское 25 вер. за $\frac{1}{2}$ версты переѣхали рѣку чепцу по живому мосту; по ней ходять суда отъ Глазова и жецже съ хлѣбомъ въ Астрахань, впадаетъ въ Вятку.

Въ дебесѣ похожи на Рускихъ. Есть писарь которой требуетъ подорожной и принудилъ офицера¹⁾ заплатить прогоны за

---

1) Сопровождавшаго Радищева?

всѣ три; есть у инныхъ овины и риги. Но пополяютъ колки¹⁾, сушатъ хлѣбъ въ снопахъ. Оставили больнаго солдата старика, которой занемогъ отъ холода и объѣлся доровава кушанья. Сказывалъ что жилъ въ монастыре два года но взять опять въ гарнизонъ. Челца 20. на рѣкѣ того же имени. вотяки почти какъ Рускіе, женаты многіе на Рускихъ бабахъ избы уже бѣлые у инныхъ.

Старосты недельные какъ у черемисъ и чувашъ и должны отправлять и доволствовать проѣзжающихъ, у другихъ вотяковъ они дневные.

Отъ зятцавъ становится гористо а отъ зуры новымъ просѣкомъ много горъ хотя невеликихъ на крутыхъ не сровненныхъ.

Отъ Зуры видно много пригорковъ плоскихъ всѣ покрыты лѣсомъ отъ селты видна уже становится пихта точная ель, иглою мяхче, кора похожа на осиновую. Избъ изъ нее недѣлаютъ, только столбы, да полы, сѣру ее продаютъ въ трубахъ изъ корки деревянной, содранной по 1 ко въ казанѣ. Вотскіе бабы не красивы. Вотяки поютъ ѣдучи какъ Рускіе ямщики.

Нравы ихъ склонны болѣе къ веселію нежели къ печали. Чувашскіе бабы хороши собою, Черемисы черноволосы. Окладъ лица вотякъ похожъ на мордву.

Въ чепце начевали, последняя вотская деревня, рекруты въ вятку ставятъ даявки, стояніе дорого отъ 40 до 90 р. въ персіи (?) стоитъ очень мало.

17.

За Цепкой деревнею болѣе полей что больше населеніе доказывается, вездѣ малые Рускіе деревни, которые называютъ починками. Отъ Цепца до сосновой 38 верстъ; казенная деревня стоятъ по станціямъ ямщики верхотурскіе. У почтовой избы виситъ доска на которой написаны сколько отъ стану въ обѣ

---

1) Словарь Даля: Колокъ—отдѣльная рошца, лѣсокъ или лѣсной островъ; кустарникъ на сучомъ, непосемномъ мѣстѣ.

стороны верстъ дабы небыло спору и обмановъ прислана отъ казенной полаты.

Село Дуброва 26 верстъ, графа Строгонова, въ 25 верстахъ есть заводъ егоже желѣзной. Мужики кажутся въ довольно хорошемъ состояніи. Строеіе двѣ избы и между ихъ сени; избы есть по крестьянскому состоянію очень хорошія.

Оханскъ городъ 26 верстъ, отъ соснова къ Оханску гористо по горы невысокіе; подъѣзжая къ Оханску вездѣ почти поля и селенія очень часты. Есть места положеніемъ прекрасные, лѣсъ, ель побольшой части и пихта. Подле речекъ чернолесье. Оханскъ имѣетъ нѣкоторыя прямыя улицы, одна церковь деревянная, стоитъ на Камѣ. Другой берегъ ея крутогорой и лѣсной.

18.

Отъ Оханска до станціи однодворки, названной по одной избѣ построенной для житія содержащихъ почту ямщиковъ 20 верстъ; мѣсто низкое мѣжду бережья. Отъ однодворки поднявшись на гору и проѣхавъ лѣсомъ верстъ 12 откроются во всѣ стороны холмы и долины отъ лески обнаженные, многія деревни и деревушки или починки; и изгороды, и чемъ ближе къ Пермску темъ больше населенія. Аникеева 23 $\frac{1}{2}$ до Пермска 23 $\frac{1}{2}$.

19.

Пермь лежитъ на правомъ берегу Камы въ верхъ. Было село Егачиха, начать строить 9 лѣтъ на задъ. Улицы прямы, строеіе деревянное, ряды тоже. По воскресеніямъ базаръ. Мастеровыхъ мало. Горшки въ приказѣ дѣлаютъ, разваливаются. Кирпичи такъ же.

Въ Перьми промысловъ мало держатъ однакоже всякія заморскія товары. Лавки давно уже построены. Базары по воскресеньямъ. Продають хлѣбъ, мясо, рыбу, воскъ, мѣдъ, посуду деревянную крашеную и рисованную, мѣдную, чугунную, желѣзную и жестяную съ заводовъ.

Плотничье искусство невелико доставляет бревна не умѣютъ, столярное выписываютъ изъ казани. Печеньиковъ мало.

28.

Выѣхали изъ Перми, до Каянова или Тасасики 24 вер. Живутъ татара; компанейщики или прискатели рудъ отправляютъ за недостаткомъ ямскихъ почту. Другихъ тягостей не платятъ, а сія всѣмъ тяжка.

Мѣста, мѣстами гористо, мѣстами плоско до Яничева 15, Татарское, до села Рускаго Крылосова 25. Крылосовская волость; вѣздѣ есть волостные суды, Исправники посылаютъ имъ указы. До Кунгура 20. Переѣзжая Кунгура гора высокая; стоитъ нарѣкѣ Иренѣ и Сильвѣ. Городъ старинной худо построенъ. Бывшей провинціальной. Старая воеводская канцелярія, въ срединѣ большая комната со сталами и скамьями для писцовъ въ срединѣ два столба у одного цѣпь. въ прихожей отъ городка решетчатая осленистая, для сажанія колодниковъ. На горѣ старинная деревянная крепость то есть заборъ, съ башнями въ коихъ ворота. На площади предъ соборомъ стоятъ 20, пушекъ чугу^г_[x]нныхъ на лафетахъ изъ коихъ 3 годныхъ. въ сараѣ называемомъ ценагаузомъ хранятся пушечки (фальконеты) Ермаковы и ружья вѣсомъ въ пудъ или въ 1½, по крайнѣй мѣрѣ, стволъ чугунной, ложа деревянная простая, замокъ старинной съ колесами. Тутъ же хранятся и орудія казни, тапоръ, крякъ, которымъ за ребра вѣшали, утюхъ то есть: кривое желѣзо съ ручкою шириною въ 2½, пальца на подобіе серпа, желѣзцы или клеймы малые ○ конецъ сей.

По Сильвѣ ходятъ суда въ Каму а отъ туда въ волгу, Романовка и Шитики. возятъ хлѣбъ до Рыбнова; а отъ Макарья берутъ клади въ Пермь въ казну ставятъ въ Рыбинскъ по 45 к. пудъ, покупаютъ въ Кунгурѣ мукою по 17 к.

Промыселъ Кунгурской, кожевенной и сапоженной, хлѣбной, разной заморской мѣлочной товаръ но мало. Лавки отворяютъ

по понеделникамъ въ базаръ. Продають книги Рускіе, прологи, чети минеи, квинта Курція, физиогномія. Берегъ Сильвы обдѣланъ мѣстами деревомъ. Мѣсто красивое; вокругъ поля. На базарѣ продають хлѣбъ свой, рыбу изъ Сибири свежую и соленую, хмѣль изъ Россіи. Сено, дрова, масло льняное, ленъ, аглобли, горшки, чугуниики, патоку, сало. Многіе Кунгурскіе купцы имѣють откупы винныя въ другихъ городахъ. Одинъ построилъ стеклянной заводъ за 25 верстъ отъ города на татарской землѣ. Купцы берутъ оную землю въ кортому¹⁾, имѣють и свою по крепостямъ, нанимають работниковъ и пашутъ.

Жать платять поденно 20 коп.

4 Декабря.

Выѣхали изъ Кунгура до сѣла Усрепенскаго или Сабарки по рѣчкѣ 31 вер. Сѣло казенное приписано къ Демидовскому заводу за 200 верстъ, избы плохи; работа состоитъ въ рубкѣ дровъ по 3¹/₂ сажени съ души, за сажень получаютъ лова (?)²⁾, а сами платять по 1-му р. Проѣзжать полями на коняхъ оставшія большія сосны свидѣтельствуютъ, что бывалъ лѣсъ по дорогѣ на 29 вер. селеній нѣтъ но много по сторонамъ. начевали.

Сего златоустово или ключи при рѣчкѣ Иргинѣ, которая почти никогда немерзнетъ течеть быстро. 22 вер. проѣзжали горами. Лѣсъ: боръ сосновой, много вырублено. 10 вер. Отъ Сабарки близъ Сяхсюна гора высокая почти въ версту и очень крутая, состоящая изъ известковаго камня бѣлаго. Видѣнъ заводъ Демидовской мѣдной и желѣзной, на которомъ дѣлають посуду.

Сѣло Ключи въ немъ 1300 душъ приписано къ казеннымъ Иговскимъ заводамъ за 110 верстъ.

До быковъ 15, нѣсколько гористо, рѣдкой соснякъ. Навозъ

1) Словарь Даля: Кортомъ и кортома — наемъ, прокатъ, аренда, оброкъ, откупъ.

2) Скорѣе «1 олов».

ездѣ почти кидаютъ. Вездѣ волостныя вѣбы и суды. Староста съ выборными.

До ачинской крепости или деревни 20 вер., ѣхалъ почти все полѣ, гдѣ бывалъ глѣсъ горъ вѣтъ.

До Бисертска 90 вер. Гористо и дороги глѣсомъ.

До Клѣновской 25 вер. дорога по холмамъ. Недоѣзжая версты за пять спускаются съ высокой и крутой горы и непри-
мѣтно покатою доѣзжаютъ до селенія. Отъ сей горы, которая въ семь мѣстѣ кажется составляетъ хребетъ Урала, горы становятся ниже.

До Киришанской 34 до Грбовской 27.

Крѣпости къ заводамъ не приписаны, платятъ только обыкновенныя подати. Хлѣба сѣютъ мало и то одинъ рженой по причинѣ холода и каменного грунта; отяготительныя для нихъ подводы, провозженіе колодниковъ; промыселъ ихъ состоитъ въ работахъ по заводамъ.

До Биленбанхи 23 (недоѣзжая въ 4 вер. переѣхали часовую; течетъ по каменному грунту какъ и всѣ другіе). При дорогѣ рудники желѣзныя, вохра желтая, красная и руда темносіяная. Заводъ Строгоновыхъ, плавятъ чугуны; двѣ домны.

Талицы 14 до решотъ 16. Маленькія слободы Екатеринбургскаго вѣдомства, хлѣба не пашутъ, кормятся извозомъ.

8 Декабря.

До Екатеринбурга 23 вер. горы становятся отъ часу меніе въ $1\frac{1}{2}$ вер. или меньше находится верхъ исетской желѣзной заводъ, Яковлева наследниковъ. Прудъ онъ длиною на 20 а шириною на 10 версты, на немъ острова. Лѣтомъ видъ прекрасной. Село большее. Если платина сего завода прорвется, какъ то опасность настояла года четыре назадъ то большая часть города будетъ потоплена и дворы снесетъ.

NB. въ Пермской губерніи всѣ ѣдятъ ситной хлѣбъ и при худомъ урожае. Привычка древняя отъ прежняго изобилія.

Пріѣхали въ Екатеринбургъ 7 декабря къ вечеру.

Городъ построенъ по обѣ стороны рѣки Исети, которая течетъ въ крепкомъ каменномъ грунтѣ. Примѣчанія достойны въ разсужденіи своего положенія: монетнаго двора, пріисковъ каменьявъ, шлифовальни, гранильнаго искусства и мраморнаго дѣла. Мѣдныя и желѣзныя подѣлки дороги. Торгъ хлѣбомъ для городскихъ жителей, рыба изъ Сибири. Мясомъ ведетъ больше торгъ въ Вятскую и Пермскую губернію.

Мѣди всей на всѣхъ заводахъ въ отлѣнныя годы выпла-
вляется отъ 170 до 180 тысячь пудовъ.

Заслуги капитана Попова по заводу.

Въ водѣ завелись вши; есть бѣгъ (?), все продають вѣсомъ.

Бѣрега исени состоятъ изъ кремнистаго шифера.

15.

Выѣхали. Отъ Екатеринбурга мало уже становится пригорковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ломають почти при дорогѣ камень свѣтло серой съ бѣлыми и черными крапинками. Крепкой шиферъ. Недоѣзжая еще Касулиной лѣсъ сталъ березникъ и мѣста ровныя.

До Касулиной 24. до Белоярской слободы или села 25, поля съ перелесками. Обѣ приписаны къ верхней плотинѣ. До Белейки къ кушвинскому 25 вер. паршино 26 верс. Камышловъ 26. На Пышиѣ почти до Камышлова дорога идетъ все равниною гдѣ не малѣйшаго нѣтъ пригорка. Къ рѣкѣ небольшія пригорки. Камышловъ городъ изъ деревни стоитъ на горѣ, одна церковь деревянная по воскресеньямъ базаръ. Загородомъ соснягу (sic) версть 10. Селенія частыя, большія и мѣста всѣ почт и ровныя поля и перелески.

До Черемы 23. Долылаева 22. Елань 25. приписаны къ заводамъ Никита (sic) Демидова за 250 и 280 верствъ. Сіе послѣднее изъ приписныхъ къ заводамъ деревень. Раз¹)стояніе столь даль-

1) Приписано сверху.

нѣ дѣлаеть заводскія работы отяготительными. Темъ больше что oprичъ пашни другаго промысла неимѣють.

Въ трехъ верстахъ отъ Елани находится талицкой казенной винной заводъ. Имѣеть несколько заводскихъ людей. По учрежденіи Гуртальной водяной и упраздненій (sic) молотовой въ Екатеринбургѣ, присланы отъ туда работныя люди до 70 семей посѣльщиковъ изъ Екатеринбурга.

Близъ Елани къ заводу лѣсъ которой много выведенъ.

Берега рѣки лышмы покрыты лѣсомъ въ пала въ Туру.

До Тарасовой 24. Между Елани и Тарасовой находится слобода или село Белоковское, въ которой видны развалины деревянной крепости и пустыя магазейны. Пугачеву дѣлали отпоръ. Ирбитъ за то здѣланъ городомъ. До Кыль 28. переѣхавъ пышму въ послѣдней разъ; подъ деревню дорога идетъ боромъ и болотнымъ лѣсомъ 16 верстъ на срединѣ котораго находится граница Тобольской губерніи; выѣхавъ изъ онаго открываются великія поля безъ малейшаго возвышенія, гдѣ видно бывалъ лѣсъ, но всѣ покрыты жатвою. Въ правую сторону подорогѣ селенія часты по рѣкѣ пышмѣ въ лѣво поля конхъ предѣлъ лѣсъ.

До Лучинкиной 22, до Ушаковой 22. въ сей деревнѣ находятся 30 душъ помѣщика Угрюмова.

По селеніямъ около Тюмени даже верстъ за 50 живутъ тюминскіе мѣщане которые пашутъ и промышленяють. NB. Ихъ состояніе лучше противъ крестьянскаго, которыхъ подати больше.

Селеніе въ Пермской губерніи такъже и Тобольской oprичъ заводскихъ которые построены усадьбою безпорядочны, причина можетъ быть та что селятся не вдругъ. За Екатеринбургомъ всѣ избы кажутся черны или очень стары или лѣсъ скоро чернѣеть. Народъ въ Сибирѣ приветливъ. Блѣднъ. Язвы, ходять въ лахмотьяхъ.

До Тюмени 23. До города всѣ мѣста равныя, тюмень стоять на турѣ на высокомъ берегу.

Пребываніе въ Табольскѣ.

Положеніе, типографія, кожевни кирпичные заводы, водохозяйство и ловли, базаръ тюльпа (sic) и гулянье подь чувашами, образъ изъ абалака, торгъ; гулянье съ карманьякомъ. Аптекарской садъ, Невольники, Сосланные, Монастырь Ивановской, и аблоакъ гулянье наше туда. Пушкинъ¹⁾ ставитъ свѣчку, Ежемѣсячное сочиненіе²⁾; образъ жизни, кабскій (?), происшествіе Кремлева. Женской полъ. Напрасно строятъ въ низу. Память о чиченарѣ.

30 Юля.

Изъ Тобольска вдоль Иртыша за Оболакъ гдѣ перевозъ, мѣста прекрасныя, отъ стараго погоста до вагая не столь хороши, но вагаю мѣста хороши; крестьяня мало имѣютъ земли, лучшая вся у Татаръ. Земля разчищена по рѣкѣ, а въ доль болота, переѣхавъ вагаи мѣста становятся пустѣе. Отъ кусерака дага³⁾ лапутова волокъ, то есть пустое мѣсто гдѣ³⁾ — на⁴⁾ чинаютъ строятся мужики изъ за Ишима на полянахъ гдѣ могутъ сидѣть 2000 душъ. Отъ голопутова мѣста [— одна деревенька Чистякова о пяти дворахъ; 10 верстъ отъ кусерака] — см. выше крестъ: *этотъ пропускъ возстановленъ внизу*] становятся выше по ишиму очень хорошія, по речкѣ баруку селеній много. Викулова сидитъ на прекрасномъ мѣстѣ на ишимѣ и заливѣ. Земля черная; живутъ въ сей слободѣ купцы, мужики бойкія. По Ишиму земля черноземъ. Отъ ачимовой до зудиловскаго форпоста волокъ болотами или низкими полями. Въ Становкѣ живутъ поселщики, они бѣднѣе старожиловъ. За Рыбиной выѣхавъ на рѣку Аевъ ѣдешъ въ низъ ее да Аевской слободы. Здесь вѣздѣ какъ и въ терѣ всѣ

1) Несомнѣнно, Михаилъ Пушкинъ, сосланный въ 1772 г. въ Сибирь за подѣлку ассигнацій. См. «Рус. Старина» 1899, май, 359—364. Екатерина приказала именовать его «бывшимъ Пушкинымъ»: Свѣдѣнія о тобольскихъ ссылныхъ того времени см. у П. А. Радищева («Рус. Вѣст.» 1858, XXIII).

2) «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену».

3) Эта строчка была пропущена и вставлена позднѣе.

4) Приписано сбоку.

почти раскольники. Знаменской погостъ сидитъ на заливѣ Иртыша или озерѣ называемое *Июкъ*. Будаково село на Иртыше. Мужики всѣ зажиточные, пашутъ, торгуютъ скотомъ, бьютъ зверей ѣздить въ извозъ. Во многихъ селеніяхъ живутъ стрельцы, и кофедераты. До Тору 560.

Отъ Тору до Табольска дѣлаютъ новую дорогу по Иртышу.

Подъѣзжая къ Тарѣ и по ту сторону Тору привѣздѣ многихъ деревень стоятъ деревянные крѣсты. Городъ Тора стоитъ половина на при горкѣ половина въ низу, прикнувъ однимъ угломъ къ Иртышу. Въ Торе промышляютъ кожевнымъ мастерствомъ, кузнечнымъ. Торгуютъ саломъ въ петербургъ, на линію съ Киргизами.

9 Августа.

Изъ Тору дорога идѣтъ почти вдоль Иртыша да Такмышской слободы гдѣ ее переѣзжаютъ. Въ сей слободѣ пристань, откуда ѣздить съ хлѣбомъ на заводъ подлѣ горы и на линію въ верхъ. Въ деревнѣ Артынкѣ стояли у крестьянина блинова. Благословляя Бога за свое состояніе, онъ съ чувствительностію и прослѣзясь говорилъ о бѣдствіи которое тѣриѣлъ народъ въ бывшій недородъ три года тому назадъ. Когда хлѣбъ продавали по 70 к. пудовку, онъ продавалъ по 15 ко. а многимъ давалъ даромъ. Въ судъ никогда нехаживалъ, ни накого непросилъ; пускай одумается, видно недостатокъ заставляеть его мѣшкать. За Ортыномъ въ 20 верстахъ начинается бараба, сперва мѣста ровные потомъ пригорки и мѣжду ними озера, болота и луга, рощи чистыя, иногда мѣста прекрасныя. Отъ Копьева живутъ поселщики, въ вознесенскомъ на осни есть старожилы. Пашни по пригоркахъ. Чувствовали по вечерамъ запахъ травяной весьма тяжелой. Зараза весьма была велика нынешній годъ. Въ голоутовѣ гдѣ живутъ старожилы перевозъ чрезъ тартасъ. За лѣсомъ настроеніе ѣздить за 400 и 600 верстъ въ Урманъ или лѣса. Лѣсъ кедровой. Когда начели селить Барабу, то жили тутъ

Татара, которые отъ ѣхали къ Урману. Въ Покровскомъ есть старожилы и поселщики.

Старожилы живутъ въ изобиліи, поселщики много бѣдны. За недомки отдаютъ ихъ въ работу на винной заводъ, гдѣ работаютъ и каторжные. Корчемства много. Поселщиковъ много старыхъ, дряхлыхъ и нищихъ. Ихъ лучше бы сѣлить по разнымъ мѣстамъ а недеревнями. Ближе къ Кониску болѣе лѣсу. Канискъ былъ деревня приписанная къ барисульскимъ заводамъ, въ него переселяются купцы которые жилали по деревнямъ. Отъ Тары 34 версты.

Отъ Кониска до Коргата на рѣкѣ гдѣ старожилы а отъ нее до рѣчки Чулыма на которой деревня поселщиковъ рѣчекъ нѣтъ. всѣ поселяня на озерахъ. Деревня Камнакова поселена. Въ 4 верстахъ отъ большаго Уб¹⁾инскаго озера въ коемъ зимою рыбу ловятъ. Около убинской близъ озера растетъ малой соснякъ. Село Иткуль большее гдѣ волостное правленіе и бывшее комиссарство. Село Секты, въ немъ ящички. Отъ крутыхъ логовъ²⁾ земля становится не столь ровная и тутъ конецъ барабѣ. Отъ Тырышкиной на Аешѣ земля возвышается до Чаускаго³⁾ острова⁴⁾, гдѣ есть старая деревянная крѣпость, въ ней живутъ старые бѣломѣстые казаки, нынѣ приписные крестьянѣ къ заводамъ какъ и всѣ старожилы. Чауской стоитъ на изрядномъ мѣстѣ при Чаусѣ. На перевозѣ оба видны берега каменные и берега поросли соснягомъ (sic), а на низкихъ мѣстахъ горювица (?). Дорога лѣсиста по рѣкамъ боръ а мѣжду березникъ; грунтъ пещаной. Въ деревнѣ Колтая живутъ Рускіе и Татара. Въ 4 верстахъ отъ Томска переѣ⁵⁾зжаютъ Томъ. Сія рѣка каме-

1) Передѣлано изъ какихъ то двухъ буквъ.

2) Словарь Даля: логъ—долина, не крутой разлогъ, балка, ущелье, обыкновенно травное; низменность, окруженная уступами, почему склонъ въ одну сторону.

3) « переправлено изъ какой то другой буквы.

4) « переправлено изъ е.

5) Эти двѣ буквы переставлены, и надъ ними поставлены цѣрфы.

лѣста, у перевоза каменная ломка, слонецъ, аспидъ¹⁾, купоросная земля, слои кварцовые.

Въ Томскѣ живутъ роскошники. Татары. Рыбу имѣютъ изъ Оби. Кажени холсты продаютъ, набойки дѣлаютъ. Баранки для милостыни.

12. Сентября.

Отъ Томска дорога идетъ перелесками и разчищенными полями. Лѣсъ соснякъ, лиственникъ а больше березникъ. Мѣста сухія. По близости рѣкъ болѣе соснягу. Яя течеть по камнямъ и берегъ мѣстомъ каменной. Кія такая же. Отъ Кіи до Аринасва мѣста прекраснѣйшія, поляны дубровы, для хлѣбопашества и скотоводства удобныя. Боготольское село на Чулымѣ, котораго одинъ берегъ плоской а другой гористой. Хребеть горъ вышелъ мысомъ къ Чулыму, которой его обошелъ, протѣкая сперва отъ юга, потомъ отъ востока, тамъ отъ запада а наконецъ склонясь къ западу въ обь.

Близъ красной рѣчкѣ находится винной казенной заводъ на которой посылаютъ занеплатежъ податей крестьянъ работать такъ же и тѣхъ которыя невѣ срокъ платять; съ 60 и 15 лѣтнихъ податей не собираютъ и такъ съ души приходитъ болѣе 7 р. Вся томская округа опрѣчь посельщиковъ приписаны къ Колывановскимъ заводамъ; нѣкоторые живутъ богато, а большая часть бѣдны. Въ Ачинскѣ живутъ старожилы и посельщики. Посадкіе приписанные къ нему живутъ по деревнямъ. Отъ Томска до Ачинска 395.

16.

Изъ Ачинска дорога идетъ на отлогую возвышенность лѣсомъ потомъ высоко сверхъ поверхности Чулымы чрезъ невесьма большими горами которыя къ ручьямъ становятся круче.

Наконецъ проѣхавъ лѣсъ, чрезъ березовые дубровы дорога

---

1) Пропускъ въ полъ—строки.

выходить лугами къ Заледевой деревни, отъ Заледевой внизъ по рѣчкѣ Катѣ ѣдучи дорога входитъ наклонностію въ горы. По рѣчкѣ поставлено много малыхъ мельницъ, которые дѣйствуютъ быстриню воды. Въ правой сторонѣ открывается каменной хребетъ котораго видны въ иныхъ мѣстахъ острые и голые концы. Въ лѣвой сторонѣ берега гористые наконецъ къ Красноярскому безъ лѣсисты и красностію своею показываютъ изобильную желѣзную руду. Енисей течетъ мѣжду горъ оставляя въ лоцинахъ къ нему прилежащихъ мѣста изобильные. Красноярскъ имѣетъ положеніе какъ нѣкоторые города въ Альпахъ. Правой берегъ одолю идѣтъ высокъ и горы неровные. А лѣвой высокъ же по поверхность его равна.

22-е.

Отъ Красноярска сперва долинами, потомъ навозвышенность пойдеть лѣсными мѣстами и нѣсколько гористо потомъ склоняется къ быстрой рѣкѣ Кану. Мѣста однакоже по большой части хорошія и много равнинъ. Отъ Комскаго острова сперва нѣсколько равными мѣстами, потомъ лѣсисто, ельники и топи и танги (sic). Мѣста становятся гористѣе и наконецъ ближе къ Удинску открываются каменные горы.

Удинскъ стоитъ мѣжду горъ и лѣсовъ. Отъ конскаго до Удинска всѣ мужики бѣдны, живутъ худо, промысловъ мало, и хлѣбъ родится мало, какъ и въ Кемчугахъ. Отъ Оби всѣ рѣчки каменисты опричь текущихъ черезъ болоты.

Выѣхавъ изъ Удинскаго 1-го Октяб. ѣдишь лѣсомъ и гористыми мѣстами 175 до Тулана, гдѣ переѣхавъ Юу, дорога становится глаже и полистѣе, но переѣхавъ Оку при деревнѣ Зимѣ, проѣзжать надлежитъ стѣпь, братскою¹⁾ именуемою, но юртъ или жилищъ онаго народа при дорогѣ опричь одного лѣтняго невидно. Сія стѣпь кончится близъ рѣки бѣлой, которою переѣзжаютъ при деревнѣ бѣлой. На оной рѣкѣ и на Китоѣ былъ

---

1) бурятскою.

уже лёдъ. Отъ Кытоя выѣзжаютъ на 14 верстѣ на Ангару; и дорога идетъ отъ послѣдней перемѣны лугами до Иркутска. Въ 4-хъ верстахъ отъ города есть монастырь въ немалой деревнѣ. Ангару переѣзжать подъ городомъ въ томъ мѣстѣ гдѣ Иркутскъ впадаетъ.

20 Декабря.

Изъ Иркутска мы выѣхали въ половина (sic) дни (sic) и предпріяти ѣхать большею Якуцкою дорогою которая хотя гораздо далѣ, но лучше, ибо по увѣренію ѣхавшихъ прямою Илимскою она была чрезмѣрно худая, узкая и гористая. Якуцкая дорога отходитъ отъ Ангары версты за три отъ города и подымается сперва нечувствительно ложиною чрезъ горы потомъ вдругъ на которыя взѣхавъ видѣтъ становится каменной хрѣбеть коего вершины всѣ почти голы, на другой сторонѣ Ангары и называется Уралъ камень.

Переѣхавъ два окатистые хребта, дорога тихимъ склономъ ведетъ на рѣку Куду, на которой стоитъ кудинская слобода разстояніемъ отъ города въ 21 верстѣ гдѣ взятая въ секвестръ мѣльница. Дорога потомъ продолжается вверхъ Куды пріятною и широкую долиною мѣжду горъ которыя чемъ далѣ ѣдешь умѣншаются. На 40 верстахъ то есть нѣсколько за село Аіока гдѣ станъ почтовой въ 13 верстахъ отъ него находятся многія Россійскія селенія а потомъ почти непрерывныя братскія. въ 4½ вер. отъ Ушардинскаго зимовья, при жилище содержателя сего стана въ 29 вер. отъ Аіока дорога оставивъ куда въ лѣво продолжается непрерывными долинами идя вверхъ разныхъ речекъ, тутъ находятся вѣздѣ братскія лѣтнія и зимнія селенія. Наѣзжали ихъ жертвы, то есть козья кожа или имокъ (?) вадетая на берегу на ѣзжали лошадей пасущихся по снегу, и рогатой скотъ.

Отъ Аіока до деревни Манзурки на 120 верстахъ почти смѣняется въ зимовьяхъ, или самыхъ дурныхъ черныхъ избахъ. Въ трехъ мѣстахъ мѣжду братскими селеніями находятся въ даль-

номъ одинъ отъ другаго разстояніи 3 дома крѣстьянскихъ, хорошихъ. Въ послѣдней изъ оныхъ немогли вѣхатъ ибо въ то самое время хозяинъ умѣръ; домъ наполненъ былъ воплемъ и стономъ. Къ послѣднему почтовому зимовью предъ Манзуркой за 8 верстъ отъ онаго дорога идѣтъ чрезъ лѣсъ и спускается подъ гору отлого; за 10 верстъ ѣдешь Манзурскими полями или широкою долиною до рѣчки Манзурки, коея правой берегъ очень высокъ. Дорога потомъ идетъ въ низъ рѣчки Манзурки на которой живутъ братскіе до устья оной до самой Лены, которая въ семь мѣстѣ течетъ какъ и далѣ мѣжду высокихъ хребтовъ но мѣжду ими есть большее пространство. Первое Руское селеніе на Ленѣ по сей дорогѣ Исеть гдѣ есть пристань и строятъ суда на которыхъ плаваютъ хлѣбъ въ Якутскъ. А въ 14 верстахъ деревня Качуга гдѣ такъ же хлѣбъ грузятъ. Отъ устья Манзурки много селеній братскихъ по Ленѣ.

Отъ Качуги до усть Куты дорога идетъ зимою по льду, лѣтомъ подлѣ самаго берега крутаго, такъ что въ нѣмъ мѣстѣ она $1\frac{1}{2}$ арш.

Берега Лены сперва высокія утѣсы краснаго плитника, которой становится мякочъ и осыпаяся превращается въ глину. Ленна въ семь мѣстѣ не ширѣ иногда 30 и 50 сажень, лѣтомъ очень мѣлка и вездѣ ѣздятъ въ бротъ. Берега и утѣсы поросли густымъ лѣсомъ соснякъ, лиственникъ и ниже къ водѣ ельникъ иногда березникъ и тальникъ. Ниже Качуги братскихъ селеній нѣтъ, а есть около верхъ оленска, бывшаго острога города, построеннаго на правомъ берегу Лены, гдѣ и нынѣ есть мешчанъ 200 человекъ, но безъ ратуши. Противъ онаго выпала рѣка по которой много Рускихъ и Братскихъ селеній. Изъ Верхоленска отправляются суда въ Якутскъ съ хлѣбомъ. Они продаютъ его въ селеніяхъ ниже устья Илги, задаткомъ и осенью берутъ зверями. омула возятъ даже до Якутска. Лена сперва течетъ излучисто ибо хребты горъ частые, гдѣ они расходятся тамъ дѣлаеть острова. По Ленѣ селеній очень много иногда очень часты. Слободы или села изаимки или деревни. До усть илги

хлѣбопашество входитъ въ щеть крестьянскаго пріобретенія. А ниже главное ихъ пріобретеніе состоитъ въ бѣлахъ и всѣ жители Лены оную промышляютъ безъ изытія. На правомъ берегу она чернѣе съ верхоленска есть уже тунгусы, живутъ въ лѣсахъ. До устья Илги много есть козь или козюль а ниже на горбинѣ снѣга уже нѣтъ такъ какъ и Волковъ, а много мѣдведей; есть Олени, Коборги, и Санги (sic). При Тутурѣ, Почикѣ и По илгѣ есть селенія.

Въ мѣстахъ гдѣ камень оголился, онъ виденъ, расположенъ горизонтальными слою и нога мало наклонными. Часто изъ середины горизонтальной обо (sic) бока опускаются, какъ будто подъ ними земля осела и нога одна сторона подымается съ веру хребта почти вертикально.

Съ Тутуры горы становятся окатистѣе и мѣстами режѣ утесовъ мало и невысокія, а ниже Илги камень виденъ иногда понизу река глубже и ширѣ, а ниже илги и орленги рѣка кажется течетъ по склоненію горныхъ хрѣбтовъ ибо они въ длину свою дальній берегъ ея составляютъ, а ближней состоитъ изъ желтого гѣску и илу съ камнемъ желтымъ плитникомъ; ибо вѣрхи хрѣбтовъ уже некрасы, а сперва желтели потомъ состоятъ изъ серобѣлаго плитника. Въ трехъ верстахъ недоѣзжая до Тарасовой деревни есть остатки зимовья блись коего находятся мѣдныя рудники отъ куда руду плавил на заводъ Савельева построенной ниже устья Кутли. На ключахъ по многихъ мѣстахъ мѣльницы. Съ горизонтальнымъ колесомъ мутовкою называемымъ. По Ленѣ сѣять конопли и вязать невода, зимою рыбы добываютъ мережами и мордами; а зверей больше плашками.

На этомъ кончается первая половина нашей рукописи — дневникъ путешествія въ Сибирь (Листы 1 — 20). Дневникъ путешествія изъ Сибири (1797 г.), на которомъ мы остановились во второй статьѣ, начинается послѣ 3-хъ чистыхъ листовъ, предназначавшихся, можетъ быть, для списыванія остальныхъ

путевыхъ замѣтокъ до Илимска, отсутствующихъ въ нашей рукописи¹⁾.

Вл. Каллашъ.

1) Нѣкоторыя подробности о путешествіи Радицева отъ Петербурга до Илимска даетъ его сынъ, П. А. («Русскій Вѣстникъ», 1858, XXIII, 409—412)—можетъ быть по дневнику А. Н. и семейнымъ преданіямъ.

«Графъ А. Р. Воронцовъ написалъ ко всѣмъ губернаторамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ долженъ былъ проѣхать ссыльный, чтобы съ нимъ обратились снисходительнѣе. Тогда ген. губ. пермскимъ и тобольскимъ былъ Кашкинъ, а Иркутскимъ и колыманскимъ ген. поручикъ Ив. Алфер. Пиль. Графъ объявилъ семейству Радицева, что онъ беретъ на себя все его содержаніе какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ его заточенія, и разослалъ деньги во всѣ города, гдѣ ему должно было останавливаться. Въ Москвѣ Радицевъ пробылъ нѣсколько дней въ семействѣ своего отца, гдѣ его снабдили на дорогу всѣмъ нужнымъ... Въ Казани Радицевъ пробылъ одинъ день у Кисловыхъ, дальнихъ своихъ родственниковъ. Въ Тобольскѣ онъ пробылъ семь мѣсяцевъ. Туда свояченица его Елиз. Вас. Рубановская привезла его двухъ меньшихъ дѣтей, дочь девяти и сына восьми лѣтъ... Въ Тобольскѣ Радицевъ, какъ и всѣ сосланные, пользовался совершенною свободою. Онъ бывалъ на всѣхъ обѣдахъ, праздникахъ, спектакляхъ... Радицева въ особенности хорошо принимали у губ. Алекс. Вас. Алябьева, человѣка кроткаго и всѣми любимаго (который даже получилъ выговоръ за то, что позволилъ Радицеву такое долгое пребываніе въ Тобольскѣ), у вице-губ. Ив. Осип. Семеновцова, бывшаго внослѣдствіи ген. губ. всей Сибири, у генеральши Черкашиной, у Рѣзановыхъ... Отъ Тобольска до Иркутска безъ малаго 3000 верстъ. Это путешествіе Радицевъ, съ Елиза. Вас. и двумя дѣтьми, совершилъ лѣтомъ, на почтовыхъ, въ коляскѣ. Въ Томскѣ, тогда областномъ городѣ Томской области, принадлежавшей къ Тобольской губ., онъ пробылъ двѣ недѣли за болѣзнію Елиз. Вас., страдавшей мучительною зубною болью. По причинѣ чрезмѣрныхъ жаровъ въ коляскѣ спереди придѣлали другой верхъ; работалъ его ссыльный италіанецъ. Радицевъ былъ принятъ ласково комендантомъ Томска, Томасомъ Томасовичемъ де-Вильевѣмъ, французомъ, бригадиромъ русской службы. Онъ пускалъ на дворѣ его монгольскіе шары, сдѣланный имъ изъ тонкой бумаги—зрѣлище, тогда еще не виданное въ Сибири. Въ Иркутскѣ Радицевъ провелъ два мѣсяца. Тамъ онъ былъ принятъ въ домѣ ген. губ. Пила, познакомился съ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ, природнымъ дворяниномъ; былъ также принятъ радушно въ домѣ губернатора Лар. Тимоф. Нагеля, человѣка отличныхъ свойствъ, какъ и жена его... Радицевъ бывалъ также у вице-губ. Андр. Сидор. NN и посѣщалъ съ семействомъ театр... Во время пребыванія Радицева въ Иркутскѣ ген. губ. велѣлъ приготовить для него въ Илимскѣ воеводскій домъ, за который съ него взяли 10 рублей. Радицевъ пріѣхалъ въ Илимскъ 4-го января 1792 года».

Библиографія.

Dr Jan Lesiejewski. *Ramy i runiczne pozostałości słowiańskie.* Lwów, 1906.

Авторъ старается раскрыть значеніе тѣхъ знаковъ-буквъ, которые находятся въ надписяхъ на камняхъ и другихъ предметахъ, въ разное время найденныхъ въ предѣлахъ славянской территоріи. Путь къ раскрытію онъ выбралъ прежній, не давшій благоприятныхъ результатовъ,—при помощи скандинавскихъ рунъ. Не смотря на потраченный значительный трудъ, итогъ у г. Лецевскаго получился печальный: ни для одного знака имъ не установлено значенія.

Таково наше мнѣніе. Самъ г. Лецевскій смотритъ иначе. Онъ вполне доволенъ результатами и думаетъ, что та бессмыслица, которую онъ прочелъ въ надписяхъ,—нѣчто истинное. Напримѣръ, онъ читаетъ надпись на Ледницкой статуэткѣ: *лице леци* или *лечи*, что будто бы можетъ значить: статуетка (зват. пад.), глѣчи (=выглѣчи)! Или, надписи на извѣстныхъ Макоржинскихъ камняхъ имъ читаются: 1) *смир жирствоа леджыт* и 2) *смирного оци мотсвои с(мнови)*.

Очевидно, надо подождать новаго Шампольона.

Г. Лецевскій желаетъ имѣть свѣдѣнія о славянскихъ памятникахъ съ надписями. Въ виду этого позволяемъ себѣ указать ему на одинъ памятникъ, несомнѣнно важный, въ подлинности котораго нѣтъ сомнѣній. Это—большой гранитный камень, найденный въ 1873 году въ Могилевской губерніи на верху каменнаго кургана и приобрѣтенный княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ. Двѣ находящіяся на немъ надписи были признаны специалистами за финнскія. Небольшое описаніе съ чтеніемъ одной надписи находится въ статьѣ

д-ра Ванкеа: «Ein erratischer Granitblock mit phönizischer Inschrift bei Smolensk in Russland gefunden» (въ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», т. VI, 1876 г.). Другая надпись не прочитана. Къ статьѣ приложенъ небольшой снимокъ съ обѣихъ надписей.

Намъ кажется, что славянскія буквы могутъ находиться въ родственной связи съ древними финскими письменами, позднѣйшимъ потомкомъ которыхъ является пермская азбука св. Стефана Пермскаго. Мы не рѣшаемся одобрить трудовъ г. Трусмана, но думаемъ, что интересующійся славянскими знаками можетъ съ пользою для дѣла воспользоваться этими трудами. Мы говоримъ о двухъ трудахъ. Это — 1) «Чудскія письмена», изслѣдованіе, Ревель, 1896 г., и 2) «Древне-Эстонскія письмена» (въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ», 1899 года, стр. 26). Во всякомъ случаѣ полученные г. Трусманомъ результаты много лучше, чѣмъ результаты г. Лецеевскаго.

А, можетъ быть, не мѣшаетъ привлечь къ изслѣдованію и ту надпись, будто-бы финскію, на кускѣ янтаря, найденномъ въ Ольденбургскомъ герцогствѣ, которой посвятилъ статью А. Мюллеръ въ вышеупомянутомъ вѣнскомъ журналѣ, т. VII, 1878 г.

А. И. Соболевскій.

Два слова о древнихъ церковно-славянскихъ переводахъ съ латинскаго.

По поводу замѣтки Н. И. Коробки («Извѣстія», книжка 2-я тома XI-го).

Н. И. Коробка обратилъ вниманіе на изданные нами въ книжкѣ 4-й тома X-го «Извѣстій» тексты и на наше мнѣніе о переводѣ ихъ съ латинскаго. При этомъ онъ, совершенно неожиданно для насъ, поставилъ вопросъ: не отъ латинскаго ли запада получила Русь христіанство? Мало этого: какъ видно изъ его пространнаго разсужденія, на цѣлыхъ 20 страницъ, онъ уже готовъ признать источникъ русскаго христіанства западнымъ.

Изданные нами въ разное время тексты (молитвы) и привлеченный нами къ изслѣдованію текстъ (молитва) въ изданіи А. С. Ар-

хангельскаго ¹⁾ не даютъ ни малѣйшаго основанія для предположенія о западномъ источникѣ русскаго христіанства.

Языкъ ихъ — церковно-славянскій, въ русскихъ спискахъ съ обычными руссизмами. Ихъ богословская и богослужебная терминологія въ общемъ также — обычная церковно-славянская.

Слѣдовательно, они переведены уже въ ту эпоху, когда церковно-славянскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ на роднѣ ихъ перевода.

Если бы эти тексты были переведены въ Россію до ея крещенія св. Владимиромъ, или даже вскорѣ послѣ ея крещенія, — мы имѣли бы въ нихъ чистый древне-русскій языкъ и болѣе или менѣе своеобразную и необычную богословскую и богослужебную терминологію.

Итакъ, мы не можемъ говорить о глубокой древности ихъ нахожденія въ Россіи, тѣмъ болѣе, что въ текстѣ, изданномъ А. С. Архангельскимъ, упоминаются святые западной церкви Кануть и Албанъ, скончавшіеся во второй половинѣ XI вѣка.

Вопросъ, связанный съ этими текстами, нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ ставятъ иначе, именно: какинъ путемъ дошли они до Россіи?

Для его рѣшенія мы пока еще не располагаемъ данными.

Отсутствіе сколько-нибудь замѣтныхъ руссизмовъ въ текстахъ показываетъ, что переводъ ихъ съ латинскаго сдѣланъ не въ Россіи.

Мы связываемъ этотъ переводъ съ Чехіей конца X — начала XI вѣковъ; думаемъ, что здѣсь онъ обращался и позднѣе — до уничтоженія славянскаго богослуженія и до перехода Сазавскаго монастыря св. Прокона въ руки латинниковъ, иначе говоря — до конца XI вѣка ²⁾, и что здѣсь же въ него попали такіе поздніе святые, какъ Войтѣхъ чешскій, Кануть и Албанъ.

Быть можетъ, нѣкоторые переведенные съ латинскаго текста перешли въ Россію черезъ Польшу и Венгрію (Словачину).

Но о большей части текстовъ наиболѣе удобно предпологать, что они двигались въ Россію болѣе обычною дорогою: что сначала явились они въ Болгарію, куда изъ Чехіи и Венгріи было значи-

1) См. наше предисловіе при изданной гг. Успенскими «Молитвѣ на дьявола». Спб. 1899.

2) См. нашу статью въ книжкѣ 2-й XI-го т. «Изв.», стр. 8, 17, и наше предисловіе при «Молитвѣ на дьявола», стр. II.

тельное торговое движеніе ¹⁾, а потомъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ другими текстами, въ Россію.

Во всякомъ случаѣ часть переведенныхъ съ латинскаго текстовъ (молитвы врачевальныя) и одинъ текстъ, переведенный повидимому съ нѣмецкаго, извѣстны не только въ русскихъ спискахъ, но и въ церковно-славянскомъ Синайскомъ Требникѣ. Сверхъ того, изданная нами молитва съ именемъ папы Григорія Двоеслова найдена нами, между прочимъ, въ молдавскомъ спискѣ, безъ какихъ бы то ни было русизмовъ.

А. И. Соболевскій.

Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая.

Спб. 1906. 4°. XVI+764 стр.+1 табл.

Къ началу истекшаго учебнаго года вышелъ въ свѣтъ новый «Курсъ исторіи русской литературы» В. А. Келтуялы, предназначенный авторомъ прежде всего въ качествѣ пособія для лицъ, занимающихся самообразованіемъ. Трудъ этотъ довольно рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ «Курсовъ» и представляетъ собою совершенно новое явленіе съ точки зрѣнія принциповъ, положенныхъ въ его основаніе. Обыкновенно исторія русской литературы излагается въ хронологическомъ порядкѣ; въ иныхъ «Курсахъ» хронологическій принципъ соединяется съ теоретико-словеснымъ. Не довольствуясь такими чисто формальными и внѣшними принципами, В. А. Келтуяла «въ основу изложенія собственно древне-русской литературы перваго періода... положилъ два принципа—соціологическій и хронологическій» (см. Предисловіе, стр. IV). Съ этой точки зрѣнія и разсматриваются имъ всѣ произведенія древней русской литературы.

1) Нашъ Святославъ, сидя въ болгарскомъ Прѣяславѣ, находилъ, что тамъ—«вся благая сходятся» и идутъ между прочимъ «изъ Чехъ и изъ Угоръ серебро и комони» (Начальная лѣтопись подъ 969 годомъ).

Установивши основные принципы своего труда, авторъ и задачи исторіи литературы вообще опредѣляетъ соответственно этимъ принципамъ. «Исторія литературы», говоритъ онъ, разсмотрѣвши условия возникновенія литературнаго произведенія, «изучаетъ литературное произведеніе не только въ связи съ личностью автора, въ связи съ состояніемъ общественнаго класса, къ которому онъ принадлежитъ, въ связи съ общимъ состояніемъ всего народа, обусловливаемымъ его отношеніемъ къ природѣ, но и въ связи съ состояніемъ сосѣднихъ болѣе культурныхъ народовъ, оказавшихъ въ той или другой формѣ вліяніе на народъ».

«На этихъ основаніяхъ исторію литературы можно опредѣлить такъ: исторіей литературы называется наука, разсматривающая словесныя произведенія, какъ отраженіе въ словѣ послѣдовательно смѣняющихся другъ друга общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ состояній и стремленій даннаго народа». (Введеніе, стр. 10).

Таковы принципы, положенные авторомъ въ основу своего труда. И въ разсматриваемой нами книгѣ, охватывающей эпоху древняго Кіевскаго просвѣщенія, всю древне-русскую литературу онъ дѣлитъ на слѣдующіе виды: 1) княжеско-дружинное устное творчество, 2) княжеско-дружинное письменное творчество, 3) церковное письменное творчество и 4) церковно-дружинное письменное творчество. Этому основному отдѣлу предшествуютъ двѣ большія (стр. 89—316) главы, посвященныя выясненію первоначальныхъ основъ древне-русской литературы.

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ произвести детальный разборъ этого почтеннаго труда г. В. А. Келтуялы. Кромѣ того намъ извѣстно, что другое лицо предполагаетъ это сдѣлать въ особой статьѣ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ высказаны только нѣкоторые замѣчанія и соображенія самаго общаго характера, быть можетъ, даже нѣсколько субъективныя.

Прежде всего, кажется намъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ данномъ курсѣ наконецъ-то нашли себѣ опредѣленное мѣсто всѣ произведенія народнаго устнаго творчества. Повидимому народная словесность очень затрудняла составителей «Курсовъ», трактовавшихъ ее иногда совершенно отдѣльно, иногда ставившихъ въ началѣ своего труда, или же на рубежѣ древняго и новаго періодовъ русской литературы, но дѣлавшихъ это все же безъ достаточно вѣскихъ основаній. Здѣсь этотъ безприютный странникъ (устное народное творчество) обрѣлъ себѣ опредѣленное и, повидимому, довольно вѣрное пристанище.

В. А. Келтуяла устное народное творчество полагаетъ «во главу угла» и принимаетъ за главную основу древнерусской литературы. Народно-русская культура дала содержаніе и форму устному народному творчеству, издревле составлявшему духовное сокровище русскаго народа. Съ принятіемъ христіанства сюда приводить и оказываетъ свою долю вліянія культура еврейско-византійско-болгарская съ ея литературой (переводной, конечно). На этихъ двухъ основахъ (народной и еврейско-византійско-болгарской), по мнѣнію автора, и зиждется все зданіе древней русской литературы вообще.

Свою точку зрѣнія—это вліяніе устнаго народнаго творчества— авторъ проводитъ послѣдовательно и отмѣчаетъ вездѣ, гдѣ нужно. Онъ подчеркиваетъ, напр., что «былевой эпосъ (княжеско-дружинное устное творчество) возникъ изъ небольшихъ лироэпическихъ пѣсенъ, создававшихся подъ вліяніемъ какихъ-либо выдающихся событій общественнаго характера» (стр. 359). И въ другихъ отдѣлахъ своего труда, вездѣ, гдѣ можно, онъ устанавливаетъ связь между устнымъ народнымъ и письменнымъ творчествомъ, вездѣ на первый планъ выдвигаетъ коренные русскіе элементы въ литературу, указывая свое, второстепенное, мѣсто чужеземнымъ вліяніямъ и заимствованіямъ.

Принятый имъ соціологическій принципъ заставилъ автора, и намъ кажется—вполнѣ справедливо, отодвинуть на второй планъ произведенія церковно-письменнаго творчества. Классъ духовенства въ эпоху древняго Кіевского просвѣщенія былъ ничтоженъ; его вліяніе на другіе классы населенія было слабо; на низшіе классы, особенно на смердовъ-крестьянъ, вліяніе это почти совсѣмъ не простиралось. Поэтому и общественное значеніе этого вида творчества должно быть сильно ограничено.

И вообще можно сказать, насколько намъ позволяетъ это знакомство съ книгою,—видно, что авторъ, прежде чѣмъ приступить къ составленію своего «Курса исторіи русской литературы», положилъ массу труда на подготовку, вошелъ во вкусъ работы и овладѣлъ матеріаломъ, приводя по всѣмъ вопросамъ свѣжія данныя и послѣдніе результаты.

Можно, конечно, только привѣтствовать мысль автора—дать въ своемъ «Курсѣ» подробное изложеніе содержанія произведеній древнерусской литературы, но выполненіе этой мысли, по нашему мнѣнію, нельзя признать удачнымъ. Почти совершенно устраняя цитаты изъ пересказываемыхъ имъ произведеній авторъ тѣмъ самымъ

слишкомъ обезцѣнчиваетъ прозвѣденія, лишая ихъ свойственнаго колорита, что вовсе нежелательно.

Такъ какъ, по словамъ автора, его «учебное пособие... назначается прежде всего для лицъ занимающихся самообразованиемъ» (Предисловіе, стр. III), то, намъ кажется, нужно было бы отмѣнить, что многіе изъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ исторіи русской литературы,—спорные, что по поводу ихъ существуютъ различныя мнѣнія и что рѣшеніе ихъ не такъ просто и ясно, какъ рассказываетъ авторъ. Вообще нужно бы дать болѣе простора для самостоятельности и размышленія читателямъ.

В. А. Калтуяла обѣщаетъ дать еще изданія по исторіи русской литературы. Первый его опытъ на этомъ поприщѣ заставляетъ желать скорѣйшаго осуществленія его обѣщаній.

Николай Виноградовъ.

Шайкинъ, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Былны. (Критико-библиографическій обзоръ былнъ и 14 новыхъ былненныхъ записей.)

Петрозаводскъ. 1906. XIV+176.

Небольшая книжка Н. С. Шайкина представляетъ собою отдѣльный оттискъ изъ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1906 г. Составилась она изъ замѣтокъ автора объ олонецкихъ былинахъ и изъ текстовъ самыхъ былнъ. Послѣднихъ дано всего 14 (Неудавшееся сватовство князя Владимира, Василій Буслаевичъ, Кострюкъ, Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ (2), Илья Муромецъ и ставленики, Дюкъ Степановичъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ (3), Калинъ-царь, Дунай Ивановичъ, Чурило Щипленковичъ и Лука Петровичъ—королевскій сынъ), записанныхъ на Пудогѣ (10) и въ Заонежьи (4), отъ четырехъ сказителей и двухъ сказительницъ. Чего либо новаго приводимые авторомъ тексты почти не даютъ. И даже особенно отмѣчаемая авторомъ былина о «неудавшемся сватовствѣ князя Владимира очень близка по формѣ и по содержанію съ записью сдѣланною въ 70-хъ годахъ въ с. Павловѣ Нижегородской губ. священникомъ Фаворскимъ. Эта былина напечатана Кирѣвскимъ («Пѣсни», вып. III, стр. 32) и даже

по размѣрамъ (228 ст.) очень мало разнится отъ записанной въ Олоонецкой губ. учт. А. С. Лѣсковымъ (241 ст.).

Передъ текстомъ былинъ помѣщенъ рядъ замѣтокъ самого Н. С. Шайкина, являющихся какъ бы нѣкотораго рода введеніемъ и являющихъ по нашему мнѣнію, гораздо большее значеніе, чѣмъ мало отличающіеся отъ ранѣе извѣстныхъ варианты. Въ первой изъ нихъ — «Олонецкій фольклоръ. Критико-библиографическій обзоръ» — авторъ старается отмѣтить значеніе и подвести итогъ всѣмъ, изданнымъ доселѣ, записямъ Олонецкихъ былинъ. При этомъ онъ опредѣляетъ общій итогъ былинныхъ записей, сдѣланныхъ въ Олоніи, очень почтенною цифрою — свыше 550.

По подведеніи итоговъ невольно возникаютъ вопросы: кто занесъ въ Олонію такія былинныя богатства, въ силу какихъ причинъ она сдѣлалась хранительницею русскаго (а также и финскаго) эпоса и какъ скоро можетъ заглохнуть тамъ былинная традиція?

Отвѣтъ на эти вопросы, основанный на непосредственномъ знакомствѣ съ дѣйствительностью, Н. С. Шайкинъ даетъ въ замѣткѣ «Былинная традиція въ Олонецкомъ краѣ». Отвѣчая на первый вопросъ, авторъ говоритъ: «единственное объясненіе этого обстоятельства можно полагать въ томъ, что населеніе нашего края пришлое, сбродное изъ разныхъ краевъ Россіи и приливы его въ Олонію продолжались до XVI в. . . . Что касается былинъ, сложенныхъ сравнительно поздно, въ XV и началѣ XVI в., то онѣ явились въ Олонію, и черезъ Олонію, какъ этапный пунктъ, дальше на Поморье виѣстѣ съ новыми переселенцами изъ разныхъ мѣстностей Московскаго царства, главнымъ образомъ изъ центра и сѣверо-западной (Новгородско-Псковской) его окраины».

Причинами, способствовавшими сохраненію былинной традиціи среди Олонецкихъ крестьянъ, можно назвать: а) примитивность въ быту и понятіяхъ народа. б) Присутствіе интереса къ памятникамъ эпоса. . . в) Малое распространеніе грамотности. . . г) Досугъ, необходимый для заучиванія («пониманія») и сказыванія длинныхъ былинъ. д) Сочувствіе идеаламъ былевой поэзіи и пониманіе ея типовъ вдали отъ крѣпостного права». Наконецъ, е) бытованіе «старинъ» въ средѣ ревностныхъ хранителей старины вообще — раскольниковъ, въ раскольничьихъ скитахъ».

Вообще «консерватизмъ въ быту и воззрѣніяхъ нашего народа общаетъ долгое бытованіе русскаго эпоса во всей сѣверной части Олонецкаго края» . . .

Далѣе идутъ замѣтки по вопросамъ о географическомъ распро-

страненіи былинъ въ Олоніи, о носителяхъ былевой поэзіи, популярности послѣдней среди Олончанъ и о происхожденіи общерусскаго былевого эпоса.

Въ предисловіи авторъ между прочимъ заявляетъ, что у него имѣется болѣе 1000 отдѣльных «фольклористическихъ записей послѣднихъ лѣтъ». Можно лишь пожалѣть, что обладатель такихъ богатствъ выпускаетъ ихъ крошечными кусочками, самъ обезцѣнивая и осуждая на забвеніе свой трудъ.

Николай Виноградовъ.

Дополненія къ статьѣ о „Вертепной драмѣ“ и къ указателю по этому вопросу ¹⁾.

I.

Имѣя въ виду интересъ къ «Вертепному дѣйству», вызванный въ теченіе послѣдняго времени цѣлый рядъ трудовъ, посвященныхъ этому вопросу, считаемъ не лишнимъ дать здѣсь нѣсколько свѣдѣній о самомъ вертепѣ и его устройствѣ. Свѣдѣнія эти извлекаются нами изъ мало кому извѣстныхъ «Отчетовъ» Городецкаго музея барона Ф. Р. Штейнгеля, ²⁾ гдѣ они осуждены, если не на полное забвеніе, то на продолжительное, до случайной находки, отсутствіе въ научномъ оборотѣ. Свѣдѣнія эти имѣютъ несомнѣнное значеніе, при незначительномъ количествѣ описаній устройства вертепа и дѣйствующихъ маріонетокъ.

Вертепъ приобрѣтенъ въ м. Славутѣ Заславскаго уѣзда, Волынской губерніи. Описаніе его слѣдующее: «вертепъ» — деревянный ящикъ для представленія народной пьесы того же названія; вышина 1,3 м., длина 95 снт. и ширина 35 снт., наверху, по бокамъ

1) См. «Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. А. Н., т. X (1905 г.), кн. 3 и 4.

2) Бѣляшевскій, Н. Отчетъ Городецкаго Музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнгеля, за первый годъ, съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г. Варшава. 1898. 60+VII стр.+1 табл. рис.

Его же. То же, за второй годъ... Кіевъ. 1899. 59 стр.

Отчетъ Городецкаго Музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнгель. Съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1904 г. Кіевъ. 1905. 82 стр.

находятся двѣ четырехгранныя стеклянныя пирамиды съ крестами, посреднѣй—деревянный полумѣсяцъ на шарѣ и за нимъ большая звѣзда изъ разноцвѣтной бумаги; ящикъ раскрашенъ и украшенъ позументомъ, спереди онъ раздѣляется на два этажа, въ которыхъ и происходитъ представленіе; въ верхнемъ этажѣ помѣщено Рождество Христово, состоящее изъ рѣзныхъ фигуръ Спасителя, Богоматери, Іосифа, коровы и осла; въ нижнемъ—стоитъ тронъ царя Ирода; для представленія имѣется 17 разныхъ одѣтыхъ фигурокъ, «паламарь», два ангела, Ааронъ, Давидъ, Иродъ, три царя, два солдата, женщина съ ребенкомъ, смерть, «жидъ», чортъ, мужикъ съ цѣпомъ, цыганъ съ бараномъ, панъ, пани; вертепъ сдѣланъ въ 1896 г. по указаніямъ А. П. Августиновича. (По инвентарной книгѣ музея.—№ 70.).

Уже одно перечисленіе дѣйствующихъ лицъ пьесы показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отличнымъ отъ извѣстныхъ вариантовъ, который было бы нужно поскорѣе пустить въ научный оборотъ. «Текстъ и музыка къ «Вертепу», записанные В. А. Мошковымъ, и другія подробности помѣщены въ сборникъ историко-географическихъ матеріаловъ и. Славуты» (№ «Инвентаря» Музея—69, матеріаловъ—№ 1).

Кромѣ того, тамъ же имѣются «предметы къ представленію народной пьесы «Царь Иродъ». Палатка, въ которой помѣщается тронъ Ирода: основа деревянная, обита цвѣтнымъ ситцемъ, спереди двѣ занавѣси; на первой помѣщено изображеніе Рождества Христова, на второй—звѣзда изъ цвѣтной бумаги; палатка приспособлена для переноски (№ 162). Другая палатка такого-же устройства; приобрѣтена у другой группы хлопцевъ дающихъ представленія (№ 187). «Тронъ» Ирода—складной стулъ покрытый ситцемъ (№ 163). Картонная, оклеенная цвѣтной бумагой корона Ирода (№ 164). Мантия, мундиръ, панталоны, поясъ и сабля Ирода (№№ 165—169). Каски, мундиры, панталоны, пояса и сабли двухъ воиновъ Ирода (№№ 170—179). Короны и мантии двухъ волхвовъ (№№ 180—183). Маска чорта и булава, которой онъ убиваетъ жиду (№№ 184 а и б). Маска и коса смерти (№№ 185 и 186)».

«Текстъ пьесы «Царь Иродъ», записанный В. А. Мошковымъ, помѣщенъ въ томъ же сборникѣ и. Славуты (№ 69, матеріаловъ № 2)». На фототипіи, приложенной къ «Отчету» за первый годъ, помѣщены изображенія самого «Вертепа» и палатки къ представленію «Царя Ирода», съ надписью: «тронъ царя Ирода». Кромѣ того въ музей имѣются фонографическія записи, сдѣланныя во время

представленія «Вертепа». Записаны напѣвы слѣдующихъ нѣсколькихъ:

- 1) И сконтъ ныгѣ... 2) Ты, Давиде славный... 3) Днесъ поюще...
- 4) Шедше тріе царя... 5) Восплачьте, чада... 6) Отъ ужъ до тебе идеть...
- 7) Ныгѣ, Адаме... 8) Многія гѣта... и 9) Привѣтъ хозяевамъ дома.

Записи сдѣланы на три мужскихъ голоса (3 валіка № 1687). Наконецъ бар. Ф. Р. Штейнгель въ м. Славутѣ сдѣлалъ фотографическій снимокъ съ маріонетокъ для «Вертепа». (№ 3506).

Такимъ образомъ м. Славута представляетъ собою любопытный примѣръ бытованія двухъ пьесъ на одну и ту же тему, но, очевидно, различныхъ болѣе или менѣе (сказать пока трудно) по содержанию. Было бы очень интересно видѣть эти тексты напечатанными и опредѣлить ихъ взаимоотношеніе и вліяніе одного на другой.

Въ той же губерніи, въ Ровенскомъ у. существуетъ и другой видъ «вертепа» — въ формѣ ящика изъ лубка и холста, шир. 45 снт., выс. 55 снт.; одна изъ сторонъ состоитъ изъ красящей бумаги. Внутри ящика на стержнѣ прикрѣплены 3 обруча, къ которымъ прикрѣплены грубо вырѣзанныя изъ картона фигурки животныхъ, людей, сценки изъ охоты и т. п.; внутри обручей установлена свѣча; обручи на стержнѣ путемъ привода вращаются и на бумагѣ вылучаются силуэты вырѣзанныхъ фигурокъ. «Вертепъ» носятъ группы мальчиковъ подѣ Рождество и Новый Годъ и поютъ при этомъ рождественскіе стихи. (№ 1709).

Въ Заславскомъ же уѣздѣ кромѣ «вертепа» для колядованія на Рождество употребляютъ еще «Звѣзда» (№ 202) и «Коза» (№ 203).

II.

Дополненія къ „опыту библиографическаго указателя литературы о „Вертепѣ“.

a) *О вертепной драмѣ вообще.*

— Перетцъ Вл. Н. Кукольный театръ. *Живая Старина*, т. VII.

Здѣсь: Программа для собранія свѣдѣній о кукольномъ театрѣ на Руси (между прочимъ о вертепѣ, безлейкѣ и менкѣ).

— Есть отдѣльные оттиски.

b) *Вертепъ въ Великороссіи.*

43. Виноградовъ, Николай. Великорусскій вертепъ. *Известія Отд. русск. яз. и словесн. И. А. Н.* 1905, кн. 3—4.

Предисловіе.—Текстъ вертепной драмы.—Библиографическій указатель по вопросу о «Вертепномъ дѣйствіи».
— Есть отдѣльные оттиски.

с) *Вертепъ въ Малоруссіи.*

Бѣляшевскій, Н. Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона О. Р. Штейнгель, за первый годъ (съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г.). Варшава 1898.

Здѣсь: Описаніе устройства «вертепа» и маріонетокъ; костюмы и бутафорскія принадлежности для представленія «Царя Ирода». Въ матеріалахъ музея нѣвѣются тексты «Вертепа» и «Царя Ирода» (стр. 31—32).

— То же—за второй годъ (съ 25 ноября 1897 г. по 25 ноября 1898 г.). Кіевъ 1899.

Здѣсь: Фонографическія записи пѣнія во время представленія вертепа (стр. 30).

Штейнгель, Ф., бар. Отчетъ Городецкаго музея. Съ 25 ноября 1898 г. по 25 ноября 1904 г. Кіевъ. 1905.

Здѣсь: Фотографіи маріонетокъ для «Вертепа» (стр. 18) и описаніе «Вертепа» с. Городекъ. (стр. 54).

Франко, Іванъ, д-р.—До історіі українського вертепа XVIII в. Історично-літературні студії й матеріали. Записки Нук. Тов. ім. Шевченка, 1906, III—V.

d) *Вертепъ въ Бѣлоруссіи.*

Карскій, Е. О. Разборъ историко-этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова по сѣверо-западному краю. Спб. 1904. (Отчетъ о присужденіи премій Батюшкова) ¹⁾.

d) *Вертепъ въ Польшѣ.*

Udziela, Seweryn. Lud polski w powiecie Ropczyckim w Galicyi. Zbiór wiad. do antrop. kraj., т. XIV. 1889.

Wasilewski, Zygmunt. Szopka i «Herody». Materiaty do dziejów teatru ludowego. Wisła, т. VI. 1892, стр. 564.

Oczykowski, Romuald. Szopka w Łowiczu. Wisła, т. VII. 1894, стр. 518.

Jastrzębowski, Szczerbny. Szopka Radomska. Wisła, т. VIII. 1894, стр. 281.

---

1) Болѣе подробный библиограф. указат. будетъ данъ при моей работѣ о русск. народн. драмѣ, начатой печатаніемъ въ «Сборникѣ» И. А. Н.

Walanowski, Ignacy. Szopki i Herody w Lubelskim. Wisła, t. X. 1896, стр. 465.

Zaleski, Konrad. Zabytek widowisk średniowiecznych. Wisła, t. X. 1897, стр. 709.

Peszke, Józef. Urywki dawnej szopki kaliskiej. Wisła, t. XI, 1897, стр. 1—8.

Воробьевъ. Шопка, польскій вертепъ. Русск. Историч. Вѣстн. 1899, стр. 709.

Kolberg. Mazowsze, t. IV.

Świętek, L. Lud Nadrabski. t. I, стр. 92—99.

Chociszewski, I. Gwiazda i gwiazdor. Gniezno. 1902.

Krupski, Jan, dr.—Szopka Krakowska. 1904.

Kryczyński, Bron. Szopka w Podhorcach. Lud, V. Lwow. 1899, стр. 154—164.

Gonet, Szymon. Widowiska w czasie świąt Bożego Narodzenia. II. Chodzenie z Herodami. Lud, t. IX. Lwow. 1903, стр. 26—31.

Cieplik, Józef. Boże Narodzenie w Rabce. Herod, Szopka. Lud, t. X. Lwów. 1904, стр. 287—297.

Semkowicz, Władysław. Boże Narodzenie w Radłowie. Szopka. Lud, t. X, стр. 157—167¹⁾.

Николай Виноградовъ.

Критико-библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ посвященныхъ польскому языку (1901—1905).

Несмотря на многія неблагопріятныя условія, научная разработка польскаго языка за послѣднія пять лѣтъ (1901—1905), въ сравненіи съ предыдущимъ пятилѣтіемъ, подвинулась значительно впередъ. Прежде чѣмъ приступлю къ перечисленію этихъ работъ и изслѣдованій, отмѣчу появленіе въ 1901-мъ году перваго выпуска перваго тома новаго изданія языковой комиссіи Краковской Академіи Наукъ п. з. «Materjały i Prace komisji językowej Akademji

---

1) Польская библиографія составлена по работѣ І. Франко.

Umiejętności w Krakowie» (= «Mat. i Pr.»). Изданіе это появилось на смѣну издаваемыхъ раньше той же комиссіей «Sprawozdań» (5 томовъ: 1880—1894). Въ первомъ томѣ «Materiałów i Prac» (Краковъ 1904, стр. 569 съ картой) находимъ цѣлый рядъ прекрасныхъ, выдающихся по своимъ научнымъ достоинствамъ, работъ, посвященныхъ главнымъ образомъ изслѣдованію польскаго языка. Появленіе этого цѣннаго изданія и его высокія научныя достоинства — это всецѣло заслуги профессоровъ И. А. Бодуэна-де-Куртене и И. Розвадовскаго. Пока законченъ лишь одинъ томъ, состоящій изъ двухъ выпусковъ.

Такъ какъ въ настоящей статьѣ я намѣренъ говорить лишь о научныхъ работахъ, посвященныхъ исключительно разработкѣ польскаго языка, поэтому не упоминая также и о работахъ словарныхъ, а равно и объ изданіяхъ древнепольскихъ памятниковъ и о діалектическихъ записяхъ, но безъ научной обработки языка¹⁾ — позволяю себѣ упомянуть на этомъ мѣстѣ о нѣкоторыхъ не относящихся къ моей темѣ работахъ, напечатанныхъ въ первомъ томѣ «Materiałów i Prac», именно въ виду ихъ цѣнности; вотъ ихъ заглавія: Н. Pedersen «Przyczynki do gramatyki porównawczej języków słowiańskich» (стр. 165—176); J. Rozwadowski «Uwagi o dyftongach ię, uę w południowo-zachodnim narzeczu' białoruskim» (стр. 207—220); К. Nitsch «Studja Kaszubskie: Gwara luzińska» (стр. 221—273); К. Е. Мукъ «Szczątki języka połabskiego Wendów Lüneburskich» (стр. 313—569); и др.

Перечисляя ниже работы по польскому языку, я вовсе не намѣренъ исчерпать предмета, т. е. дать полный библиографическій обзоръ. [Ср. обработанную мною библиографію за 1901 годъ, напечатанную во второмъ томѣ «Věstnika slovanské Filologie a starožitnosti» (Прага, 1902), стр. 59—67]. Здѣсь я укажу лишь на болѣе важныя работы. Прежде всего упомяну о работахъ и изданіяхъ общаго содержанія, затрагивающихъ различные вопросы изъ области грамматики польскаго языка, или же основанныхъ на изученіи

---

1) Я не упоминаю здѣсь также и о учебныхъ руководствахъ (напр. о грамматикѣ Крынскаго, синтаксисѣ Красновольскаго и т. под.), равно и объ изданіяхъ, преслѣдующихъ практическія цѣли и популяризацию въ широкомъ смыслѣ (напр. работы Пассендорфера и Красновольскаго по орфоэпії; «Poradnik językowy» издаваемый съ 1901 года г. Завалинскимъ; «Orędownik językowy», издаваемый съ 1905 года ксендзомъ Б. Гуралемъ (ка. В. Е. Góral) въ St. Francis (Сѣв.-амер. Соед. Шт.).

фактовъ по преимуществу того же языка. Сюда прежде всего относятся прекрасный этюдъ проф. И. А. Бодуэна-де-Куртена: «Próba uzasadnienia samoistności zjawisk psychicznych na podstawie faktów językowych» («Rozprawy wydź. filol. Akad. Um. w Krak.» т. XI; отд. оттискъ: Краковъ 1904, стр. 28); дагѣ—книга того же почтеннаго ученаго п. з. «Szkice językoznawcze» (т. I, Варшава 1904, стр. VII+464), содержащая перепечатки его главныхъ образомъ болѣе раннихъ лингвистическихъ работъ, очерковъ и рецензій, однако и понынѣ не утратившихъ своего научнаго значенія. Слѣдуетъ еще прибавить, что авторъ, перензывая эти свои работы, прибавлялъ къ нимъ много примѣчаній (въ сноскахъ), соответствующихъ его нынѣшнимъ взглядамъ на исследованныя имъ, иногда много глѣзъ тому назадъ, языковыя явленія. Общими вопросами, но также на основаніи главнымъ образомъ исследования польскаго языковаго матеріала, занимается также проф. И. Розвадовскій въ своей весьма интересной и цѣнной работѣ подѣ заглавіемъ «Semazjologja czyli nauka o rozwoju znaszeh wuzazów. Jej stan obecny, zasady i zadania» («Kos, czasopismo filologiczne» т. IX, стр. 17—111; тоже отдѣльный оттискъ: Львовъ 1903; ср. ту же работу въ нѣмецкой передѣлкѣ подѣ заглавіемъ: «Wortbildung und Wortbedeutung. Eine Untersuchung ihrer Grundgesetze». Heidelberg 1904, стр. VIII+109).

Исслѣдованіемъ отношенія польскаго языка къ ближайшимъ родственнымъ языкамъ (на основаніи данныхъ фонетики) занимается Fr. Lorentz въ своей работѣ подѣ заглавіемъ «Das gegenseitige Verhältniss der sogen. lechischen Sprachen» («Arch. f. slav. Philol.» т. XXIV, стр. 1 и слл.¹⁾ Разсмотрѣнію вопроса о сосуществованіи въ польскомъ этимологически родственныхъ словъ съ различной вокализацией *u | a, ar | ro, h | g, t | é*—посвящаетъ проф. А. Брюкнеръ статью подѣ заглавіемъ «Zur Stellung des Polnischen» (въ «Arch. f. slav. Philol.» т. XXIII, стр. 280—241). «Свѣтлыхъ» лучей работа эта однако не проливаетъ. . . Всевозможными вопросами по грамматикѣ польскаго языка, его исторіи, орфографіи и т. под. занимается тотъ же авторъ въ книжечкѣ «Z dziejów języka polskiego. Studja i szkice» (Львовъ 1903, стр. 136). [О ней рефератъ см. ниже]. Вопросами культуры на основаніи данныхъ языка

1) Ср. обстоятельную критику взглядовъ Ф. Лоренца въ статьѣ К. Нитша (Nitsch): «Stosunki pokrewieństwa języków lechickich» (отдѣльн. оттискъ изъ III-го тома «Mat. i Pr.»).

(словъ польскихъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ) занимается проф. Брюкнеръ въ хорошей и весьма интересной работѣ подъ заглавіемъ «Cywilizacja i język. Szkice z dziejów obuszczości polskiej» (Варшава 1901, стр. 154).

Наконецъ, здѣсь упомянемъ еще о работѣ очень богатой содержаниемъ и затрогивающей весьма интересные и мало изслѣдованные вопросы (вліяніе ударенія), исполненной С. М. Кульбакинымъ: «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка» (С.-Петербургъ 1903, стр. III+224; отдѣльн. оттискъ изъ «Сборника Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ» т. LXXIII). [Ср. ниже рефератъ].

Изъ области «физиологіи звуковъ» («Phonetik») отгѣчу прекрасныя работы: И. Розвадовскаго «Szkic wymowy (fonetyki) polskiej» («Mat. i Pr.», стр. 95—114); И. Бодуэна-де-Куртена «Wskazówki dla zapisujących materiały gwarowe na obszarze językowym polskim (тамъ же, стр. 115—139); Т. Банни «Z dziedziny akomodacji międzywугазowej» и «O samogłoskach posowych w wугазach obcych» (тамъ же, стр. 275—284 и 285—289).

Изъ области фонетики («Lautlehre») польскаго языка: Р. Ө. Брандтъ «О польскомъ ѣ» (въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ ученикамъ и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Ф. Ө. Фортунатову». (Варшава 1902, стр. 201—212); И. Карловичъ «Zur Geschichte der Nasalvocale im Polnischen» («Arch. f. slav. Phil.» т. XXV, стр. 219 и сл.). Здѣсь позволю себѣ также упомянуть и о моѣй работѣ подъ заглавіемъ «Über die Entpalatalisierung der urslav. e-Laute im Polnischen» (Leipzig 1905, стр. XIII+92). [Ср. также: Tore Torbiörnsson «Die Gemeinslavische liquidametathese». Upsala ч. I (1901), стр. 107, ч. II (1903), стр. 115].

Изъ области морфологіи и этимологіи укажу на весьма интересные, особенно благодаря матерьялу и нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ, работы проф. И. Лося «Сложныя слова въ польскомъ языкѣ» (С.-Петербургъ 1901, стр. VIII+141) и «Rodzaj i Liczba w gzeszownikach polskich» (С.-Петербургъ 1904, стр. 25; отдѣльный оттискъ изъ «Сборника по славяновѣденію») и г. Т. Банни «Beiträge zur polnischen Wortbildung. I. Einführung, Produktive Personalsuffixe». (Leipzig 1905, стр. 48) [Ср. ниже рефератъ].—Работа г. Ф. Фриза (Fr. Fryz) «O przyimku w języku polskim» (Stryj 1905, стр. 57; отдѣльный оттискъ изъ «Sprawozdania szkolnego s. k. Gimnazjum wuz. w Stryju za rok 1905»), лишена всякаго научнаго значенія.

Наконецъ изъ области синтаксиса упомяну о весьма солидной

и интересной работѣ проф. И. Лоса: «Funkcje nauczelnika w języku polskim» (Краковъ 1904, стр. 63; отдѣльный оттискъ изъ «Rozprawy. filolog. Akad. Um. w Krakowie» т. XL).

Генрихъ Улашинъ.

Лейпцигъ, въ январѣ 1906 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русское вліяніе на печатныя книги у румынъ въ XVII вѣтѣ.

Bibliografia românească veche (1508—1830) de Joan Bianu și Nerva Hodoș. Edițiunea Academiei Române. Fasc. III—V. București. 1901—1904. Въ листъ, pp. 208—512.

Послѣдніе выпуски «Старой румынской библиографіи», закончившіе первый томъ и доводящіе описаніе книгъ до 1715 года, даютъ настолько богатый и разнообразный матеріалъ, что использовать его хотя бы въ самыхъ въ общихъ чертахъ, притомъ даже въ такихъ обширныхъ рефератахъ, какіе мы посвятили первымъ двумъ выпускамъ ¹⁾,—не представляется возможнымъ. Поэтому ограничимся однимъ вопросомъ—русскимъ вліяніемъ на печатныя румынскія книги въ XVII—XVIII вв., а о связанныхъ съ этимъ вліяніемъ другихъ вопросахъ скажемъ по возможности кратко, останавливаясь на нихъ постолько, поскольку новыя черты въ славяно-румынскомъ печатномъ дѣлѣ могутъ служить иллюстраціей богѣе раннимъ его чертамъ. Такимъ образомъ, настоящій рефератъ долженъ служить продолженіемъ двухъ указанныхъ выше.

Раздѣленіе перваго тома на выпуски сдѣлано не безъ основанія. Описаніе печатныхъ книгъ въ первыхъ двухъ выпускахъ заканчивалось чиномъ Обновленія (Сингласмос) церкви, напечатаннымъ на румынскомъ языкѣ въ Тырговищѣ въ 1652 году; другія два изданія, 1653 — 56 и 1656, — сомнительны, такъ какъ извѣстны по упоминаніямъ о нихъ только у Т. Ципаріу. Затѣмъ идетъ періодъ въ 20 лѣтъ, на который не приходится ни одной печатной книги.

1) *Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. III, кн. 4, стр. 1051—1071; т. V, кн. 2, стр. 654—704.

Этотъ пробѣлъ можно объяснить, повидимому, тѣмъ, что со смертью двухъ просвѣщенныхъ господарей—валацкаго Матвѣя Басараба и молдавскаго Василя Лупу, поддерживавшихъ національное, а также славянское просвѣщеніе у румынъ, — печатное дѣло очутилось въ плачевномъ состояніи.

Припомнимъ также, что къ этому времени въ румынскихъ церквахъ и монастыряхъ особенно распространяются южно- и западно-русскія изданія, быть можетъ, проникаютъ греческія, но новыя изданія, хотя бы въ видѣ перепечатокъ,—не выходятъ. И такой долгій перерывъ въ дѣятельности румынскихъ типографій замѣчательнѣе главнымъ образомъ потому, что слѣдующій за нимъ періодъ, отъ 1673 по 1715 гг., поражаетъ насъ обиліемъ печатныхъ книгъ—самыхъ разнообразныхъ по содержанию, языку, приѣту, назначенію и даже мѣсту изданія.

Если прежде книги печатались только въ румынскихъ центрахъ, то теперь кромѣ Букурешта, Тырговища, монастыря Снягова, Рымника, Бузеу, Ясъ, Сась-Себеша, Алба-Юлія (трансильванскаго Бѣлграда), Сымбата-Маре, Сибиу и др.,—книги на румынскомъ языкѣ или же на иныхъ языкахъ, но имѣющія ближайшее отношеніе къ книгопечатному дѣлу у румынъ, выходятъ въ Уневѣ, Тифлисѣ, Алеппо, Римѣ и др.

По содержанию своему книги также измѣнили свою общую фазіономію. Такъ, кромѣ обычныхъ книгъ св. Писанія и богослужебныхъ, печатавшихся съ 1508 года, мы находимъ новыя книги, неизвѣстныя раньше—главнымъ образомъ на румынскомъ и греческомъ языкахъ, напр. Паремейникъ (1683), Служба Сергію и Вакху (1685), Библия (1688), Службы Параскевѣ и Григорію Декаполиту (1692), Служба Константину и Еленѣ (1696), Служба Матронѣ Хіопольской (1702), Служба Висаріону (1705) и др. Кромѣ того, отмѣтимъ Евангеліе-Апракосъ, переведенное съ греческаго на румынскій въ 1682 году по порученію валацкаго господаря Щербана Кантакузина. Книги историческаго, учительнаго, агіографическаго, полемическаго, философскаго и педагогическаго содержанія, которыхъ мы почти не встрѣчали раньше,—теперь представляютъ самое обычное явленіе. Онѣ печатались на румынскомъ и греческомъ языкахъ, переводились почти исключительно съ греческаго на румынскій или съ греческаго классическаго на «общій». Около половины греческихъ книгъ—оригинальныя произведенія, принадлежащія извѣстнымъ ученымъ грекамъ, жившимъ въ румынскихъ господарствахъ временно, или же профессорамъ Букурештской Академіи, которымъ помогали

студенты. Для исторіи гуманизма на сѣверѣ Балканскаго полуострова эти книги представляютъ выдающійся интересъ, который въ свое время былъ отмѣченъ въ книгѣ Е. Легранда «Bibliographie hellénique ou Description raisonnée des ouvrages, publiés par des Grecs au dix-septième siècle» (Парижъ, 1894).

Приведемъ въ русскомъ переводѣ заглавія всѣхъ книгъ не-богослужебнаго содержанія, появившихся изъ румынскихъ типографій съ 1673 по 1715 гт.: риемованная (пре вершбрѣ токмитж) Псалтырь (рум.), «Ключъ Разумѣнія» Іоанникія Голятовскаго (рум.), «Житія Святыхъ» митр. сочавскаго Досноея (рум.), «Возраженіе противъ первенства папы» іерусалимскаго патр. Нектарія (греч.), «Золотой Ковчегъ» — проповѣди при погребеніи (рум.), Трактатъ Симеона Фессалоникскаго противъ ересей (греч.), «Краткая Лѣствица, вѣдущая къ добрымъ дѣламъ» (рум.), «Повѣсть о 40 мученикахъ» (рум.), «Руководство противъ латинской ереси» (греч.), «Возраженіе на католическія основанія и на вопросы Кирилла Лукариса» Мелетія Сирнга и «Руководство противъ кальвинскихъ заблужденій» іерусалимскаго патр. Досноея (греч.), «Маргаритъ» І. Златоустаго (рум.), «Православное исповѣданіе» Петра Могилы (рум.), «Главы совѣщательныя» императора Василія Македонянина къ сыну его Льву (греч.), «Руководство противъ Іоанна Каріюфила» іерусалимскаго патр. Досноея (греч.), «Разсужденіе противъ опредѣленія Флорентійскаго синода» діакона Іоанна Евгеника (греч.), «Томъ примиренія» (греч.), «Толкованіе литургій» Іереміа Какавелы (рум.), «Руководство противъ нѣкоторыхъ затрудненій и разрѣшеній» Іоанна Каріюфила (греч.), «Слово похвальное императору Константину Великому» Аноима Иверяна (греч.), Славянская грамматика его же, «Диванъ или Преніе мудреца съ міромъ или Судъ души съ тѣломъ» Димитрія Кантемира (рум.— греч.), «Томъ любви противъ латинянь» іерусалимскаго патр. Досноея (греч.), «Буковна», т. е. Азбука (рум.), «Книга или свѣтъ съ правильными доказательствами изъ догматовъ восточной церкви противъ заблужденій латинянь» Максима Целопонесскаго (рум.), «Кириакодроміонъ или Учительное Евангеліе» (рум.), «Исповѣданіе православной вѣры и изложенія о трехъ добродѣтеляхъ» (греч.), «Христіанскія поученія», переведенныя съ греческаго (рум.), «Цвѣты дарованій», переведенныя съ греческаго (рум.), «Еуртологій» Севаста Кименита (греч.), «Слово похвальное Константину Великому» Стефана, сына валахскаго господаря Константина Бранковяна (греч.), «Слово похвальное первомученику Стефану» его же (греч.), «Проскинитарій Святой Горы Аѳонской» Іоанна Комнена (греч.),

«Поученіе о семи таинствахъ» (рум.), «Хлѣбъ отрокамъ», переведенный съ венгерскаго (рум.), «О священствѣ» іерусалимскаго патр. Хрисанеа (греч.), «Догматическое ученіе восточной церкви» Севаста Кименита (греч.), «Слово на Успеніе Богоматери» Стефана Бранковяна (греч.), Слова «на всемірную страсть Богочеловѣка-Слова» Радула, сына валашскаго господаря Константина Бранковяна и Георгія Маіоты, учителя дѣтей господаря (греч. и рум.), «Греческія и римскія параллели» Плутарха (греч.), «Томъ радости» противъ флорентійскаго собора (греч.), «Слово похвальное св. Николаю» Раду Бранковяну (греч.), «Церковное ученіе» Анеима Иверяна (рум.), «Служба св. Екатерины и Проскинитарій святой горы Синая» (греч.), «Всевооруженная догматика» императора Алексѣя Комнена (греч.), Александрія (рум.—сомнительное изданіе, упоминаемое только у Кіаро), «Философскія Притчи», переведенныя съ греческаго (рум.), «Философскія сентенціи», переведенныя съ итальянскаго (греч.), Хрсовулъ Стефана Кантакузина 1714 года (рум.), Окружное Посланіе къ духовенству митр. Анеима Иверяна (рум.), Христіанско-политическіе Совѣты митр. Анеима господарю Стефану Кантакузину (греч.), «Синтагма» іерусалимскаго патр. Хрисанеа (греч.), «Изложеніе православной вѣры» Іоанна Дамаскина (греч.), «Исторія іерусалимскихъ патріарховъ» патр. Досеоея, съ портретомъ автора (греч.), «Священная Исторія» Александра Маврокордата (греч.).

Нѣкоторыя измѣненія находимъ и въ техникѣ печатанія. Прежде всего, совершенно утраченъ спеціально-румынскій (по характеру буквъ) кирилловскій шрифтъ, нѣсколько близкій къ сербскимъ изданіямъ XVI вѣка; теперь преобладаетъ шрифтъ или львовскаго, или московскаго типа. Затѣмъ исчезаетъ орнаментъ такъ-называемаго Молдавскаго типа, состоящій изъ геометрическихъ плетевій,—появляются заставки и начальныя буквы въ стилѣ бароко или рококо. Валашскіе и молдавскіе гербы, помѣщаемые на оборотѣ титуловъ изрѣдка и раньше, теперь дѣлаются почти обязательными и всегда сопровождаются виршами патріотическаго содержанія. По образцу южно-русскихъ изданій, въ румынскихъ изданіяхъ приводится азбука (словемъ азбѣкилоръ) съ прописными буквами отдѣльно или рядомъ со строчными, напр. сняговское Евангеліе 1697 года, бузеускія Минеи 1698 года, бузеускій Октоихъ 1700 года и др. Изрѣдка книги печатаются только чернымъ, безъ киновари, особенно—трансильванскія изданія, напр. «Золотой ковчегъ» (Сась-Себешъ, 1683). Рѣдко указывается срокъ, втеченіе котораго печаталась книга, напр. Библія начата въ ноябрѣ 7196 и окончена въ

сентябрѣ слѣдующаго года. Наконецъ, на поляхъ помѣщаются греческія глоссы.

Нѣчто новое находимъ въ предисловіяхъ, которыя становятся утомительно пространными. Обычныя въ богѣ старыхъ книгахъ просьбы писцовъ и наборщиковъ о снисхожденіи—становятся богѣ рѣдкими и замѣняются самыми шаблонными сравненіями, обыкновенно въ стихахъ, ихъ радости при окончаніи книги, напр. Подобно тому, какъ тѣ, которые страдаютъ отъ волнъ въ пучинахъ моря, жаждутъ пристать въ тихое мѣсто—такъ и я жажду достигъ окончанія этой книги (Библия, Букурештъ, 1688). «Знаю, любимые читатели, что вы найдете недочеты въ знакахъ, въ словахъ, а еще больше—въ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, я старался всѣми силами, но если и не достигъ совершеннаго пониманія, украшая домъ Божій свинцомъ и мѣдью,—все-таки трудился со всяческимъ усердіемъ. Кому же Господь далъ золото и драгоценныя камни, чтобы обрабатывать ихъ и класть,—того мы будемъ читать и благодарить». (Служебникъ, Алба-Юлія, 1689). «Подобно тому, какъ страдающіе отъ волненія въ пучинѣ морской жаждутъ достигъ тихаго пристанища,—такъ точно и я жажду достигъ достиженія окончанія этой книги» (Маргаритъ, 1691 г.). «Подобно тому, какъ олень жаждетъ прохладнаго источника, а странникъ—своего отечества, когда проводить время на чужбинѣ; и какъ страдающіе въ морѣ отъ бури всегда молятся, чтобы увидѣть сушу,—точно такимъ же образомъ и типографъ при окончаніи книги. Господу слава, пѣніе, благодареніе» (Кариакодроміонъ, Алба-Юлія, 1699). Стихи Анонима Иверяна и подражавшаго ему Михаила Стефановича приведены ниже.

Измѣнилось кое-что и въ области терминологіи. Кромѣ обычныхъ типографъ, типарникъ и печатникъ встрѣчаются мештерба типарелор, фъкъторюл типарелор и фабрба аз лвкрат печецлае, относящіеся, очевидно, къ словолитной работѣ. Въ предисловіи Служебника 1680 года упоминается Иннокентій іеромонахъ коректор, а терминъ исправникъ (стр. 246, 252, 280, 321), какъ и въ рукописной терминологіи, означаетъ «наблюдатель, редакторъ» и т. д. Новостью является также греческій терминъ съ рум. суффиксомъ Дюрдвиситъ, т. е. «исправленъ» (Евангеліе 1697, Кириакодроміонъ 1699).

Самымъ характернымъ отличіемъ румынскихъ печатныхъ книгъ новаго періода является то, что кромѣ славянскаго шрифта, почти наравнѣ съ нимъ идетъ греческій, причемъ отдѣльныя строки славянскихъ буквъ въ заглавіяхъ и посвященіяхъ принимаютъ гре-

ческую форму. Очевидно, такіа слова вырѣзывались граверомъ или рисовальщикомъ отъ руки и безъ образцовъ. За греческими или греко-румынскими (обыкновенно въ два столбца) книгами слѣдуютъ книги, напечатанныя арабскимъ шрифтомъ вмѣстѣ съ греческимъ, напр. Служебникъ (Сняговъ, 1701) и Часословъ (Букурешть, 1702), изданные по просьбѣ бывшаго антиохійскаго патр. Аѳанасія на средства валахскаго господаря Константина Бранковяна извѣстнымъ Анеимомъ Иверяномъ. Въ «Старую румынскую библіографію» внесена арабская Псалтырь, изданная въ Алепо въ 1706 году, на томъ основаніи, что средства далъ тотъ же господарь Константинъ Бранковянь (469—477), почему въ началѣ книги помѣщенъ гербъ господаря съ греческими надписями и подписью гравера на изображеніи Давида: $\chi\epsilon\rho\ \Sigma\upsilon\mu\lambda\omega\nu\ \mu\epsilon\tau\epsilon\tau\epsilon\tau\epsilon\iota$. Затѣмъ идетъ грузинскій шрифтъ—одна книга, напечатанная ученикомъ того же Анеима Иверяна. Это—грузинскій Служебникъ, изданный въ Тифлисѣ въ 1710 году типографомъ-румыномъ Михаиломъ Штефановичемъ, приглашеннымъ изъ Валахія. Въ заглавіи онъ называетъ себя Стефанешвили. Въ концѣ предисловія Михаилъ напечаталъ стихи по-румынски грузинскими буквами: «Какъ странники, когда находятся въ другихъ странахъ, такъ желаютъ видѣть родину, что не могутъ усидѣть на мѣстѣ; и какъ находящіеся въ морѣ, испытывая бурю, молятъ Господа о доброй тишинѣ, точно такъ же и типографы—при окончаніи печатанія. Выражаю неумолчную похвалу и благодареніе». Сравненіе этого послѣсловія со стихами Анеима Иверяна въ румынскомъ Сняговскомъ Евангеліи 1697 года показываетъ, что Михаилъ просто списалъ стихи послѣдняго. Но румынскимъ библіографамъ остались неизвѣстными другія изданія, упомянутыя Дм. Бакрадэе (Археологическое путешествіе по Гуріи и Адгарѣ, СПБ. 1878) и А. Хахановымъ, на «Грузинскую литературу» котораго они совсѣмъ не ссылаются. Латинскимъ шрифтомъ печатались трансильванскія изданія, напр. Катехизисъ христіанскій (Римъ, 1677), Катехизисъ католическій (Сымбата-Маре, 1696) и еще два такихъ же Катехизиса (Клужъ, 1703 и Сибіу, 1709). Наконецъ, кромѣ греческихъ и славянскихъ оригиналовъ для перевода, прибавляются венгерскіе, напр. «Хлѣбъ отрокамъ» (Алба-Юлія, 1702), напечатанный кирилловскимъ шрифтомъ.

Такимъ образомъ, измѣнился не только общій характеръ румынскихъ изданій, но и рядъ отдѣльныхъ особенностей. Это объясняется новыми культурными вліяніями, неизвѣстными раньше. Такъ, нѣсколько изданій напечатано шрифтомъ, привезеннымъ изъ

Москвы. Если во второй четверти XVII в. мы не разъ уже встрѣчались съ буквами русскаго типа, то это являлось результатомъ румынскихъ сношеній со Львовомъ, повидимому, съ Киевомъ и другими западно-русскими центрами. Теперь же, благодаря новымъ связямъ характера не столько культурнаго, сколько политическаго (проектъ подданства балканскихъ народовъ Москвѣ), — въ румынскихъ изданіяхъ появляется мелкій московскій шрифтъ, по образцу котораго буквы рѣзались и самими румынами. Первое изъ такихъ изданій — Требникъ, напечатанный въ яесской митрополичьей типографіи митр. Дослосеемъ въ 1681 году; первые 30 листовъ напечатаны крупнымъ шрифтомъ львовскаго типа, по 18 строкъ; остальные — мелкимъ московскимъ, по 26 строкъ. Въ концѣ за печатками (— грешитѣрми), помѣщено четверостишіе на рум. языкѣ: «Іонашку Билевичу, который взялъ на себя трудъ доставить шрифтъ (— типарѣ) изъ Москвы, да дастъ Господь быть помѣщеннымъ въ книгѣ живота вмѣстѣ со святыми!». Слѣдующая книга, известная «)Китія святыхъ» въ четырехъ томахъ того же митрополита (Яссы, 1682—1686), напечатана почти цѣликомъ новымъ шрифтомъ. Въ заглавіи перваго тома говорится, что книга вышла изъ митрополичьей типографіи, устройству которой «намъ помогъ изъ Москвы его святѣйшество отецъ нашъ патріархъ Іоакимъ». То же самое находимъ въ заглавіи Паремейника 1683 года, напечатаннаго въ государственной типографіи (А типарница цържи), которая «намъ подарена его святѣйшествомъ отцомъ нашимъ блаженнымъ Іоакимомъ, патріархомъ славной патріархіи Москвы, — да благословитъ его милостивый Господь!». Въ концѣ книги — стихи волоскиѣ, посвященные митр. Дослосеемъ святѣйшюму господиу Іоакиму патріарху царскаго града Москви и всея Росій великому и малому и прочаю. Можно думать, на основаніи фамилій и другихъ фактовъ, что въ румынскихъ типографіяхъ были и южно-русскіе типографы, напр. Василій Ставниціи (Литургія 1679 г.), «смиранныи іеромонахъ Іосифъ типографъ рѣсь» (Часословъ около 1687 г.) и др. Не касаясь вопроса относительно національности остальныхъ типографовъ, работавшихъ надъ румынскими изданіями въ 1673—1715 гг., приведемъ списокъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ:

Митрофанъ іером. Бисериканскій (1680, 1681, 1682).

Кириакъ іером. Букурештскій (1681, 1682, 1687, 1689, 1696).

Дамаскинъ Гербестъ іеромонахъ (1683).

Николай (1683).

Митрофанъ еписк. Хушскій и Бузеускій (1683, 1685, 1688, 1691, 1698, 1699, 1700, 1701, 1702).

Иоаннъ свящ. изъ Винци (1683, 1685, 1687, 1689).

Михаилъ Макри изъ Янины (1691).

Димитрій Падура (1694).

Аеонасій иеромонахъ молдованъ (1698).

Дюнисій монахъ молдованъ (1698).

Михаилъ Иствановичъ ¹⁾ иеродьяконъ бѣлградскій, затѣмъ румынскій (1699, 1706, 1707).

Георгій Радовичъ (1700, 1712, 1713, 1714, 1715).

Дамаскинъ еписк. Бузеускій (1704).

Иеремія Марковичъ (1714, 1715).

Анеимъ Иверякъ (1680—1715). Его личность настолько интересна, что собранные въ изданіи Румынской Академіи факты могутъ послужить хорошимъ матеріаломъ для специальной работы объ Анеимѣ, ученомъ грузинѣ-оріенталистѣ. См. стр. 326, 335, 336, 337, 343, 353, 370, 379, 391, 393, 409, 416, 419, 423, 432, 441, 442, 443, 451, 452, 459, 460 и др..

Конечно, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, изданія румынскихъ типографій, какъ напечатанныя большею частью на румынскомъ или греческомъ языкахъ, уже не предназначались для славянъ вообще и для русскихъ въ частности. Поэтому очень рѣдко встрѣчаются и факты русской благотворительности на почвѣ изданія книгъ; укажемъ замѣтку въ концѣ мартовскаго тома Житій Святыхъ 1682 г., сдѣланную на русскомъ и румынскомъ яз.: *Янна Дорвѣчювна Лѣтавова маршалакова стародѣвоиска* (даже по-румынски) оказала помощь въ печатаніи и скончалась въ Польшѣ въ июлѣ 7194 года: *Господь да проститъ ее*.

Что редакція богослужебныхъ книгъ, вышедшихъ изъ румынскихъ типографій въ предшествующій и отчасти въ разсматриваемый періодъ, была русская, это—фактъ, давно установленный и не требующій подтвержденій. Но подъ вліяніемъ греческой культуры и греческаго духовенства, новые переводы книгъ св. Писанія и богослужебныхъ, не говоря уже о книгахъ содержанія литературнаго,—теперь чаще дѣлаются съ греческаго, напр. Литургія 1680 г., Евангеліе 1682, Апостолъ 1683, Библия 1688, Православное Исповѣданіе 1691, Маргаритъ 1691, Евангеліе 1693, Псалтырь 1694, Толкованіе литургіи 1697, Минен 1698, Христіанскія поученія 1700,

1) См. специальный очеркъ о немъ: L. Ruz., *Un tipograf literat. «Evangelia învătătoare» de Bělgrad an. 1699 și Mihailu Iștvanovici, tipograful din Ungro-Vlachia*, Tribuna, 1899, 31 авг. и 1 сент.

Цвѣты дарованій 1700 и мн. др. Изъ отдѣльныхъ фактовъ русскаго вліянія упомянемъ еще о ризмованной Псалтыри митр. Досноея (1673), составляющей подражаніе такой же Псалтыри Симеона Полоцкаго, но при ближайшемъ вліяніи въ отдѣльныхъ фразахъ аналогичной переработки Яна Кохановскаго. Затѣмъ—о румынскомъ переводѣ «Ключа Разумѣнія» «учевѣйшаго черниговскаго архимандрита» Іоаннікія Голятовскаго (Букурештъ, 1678) съ гравюрами, воспроизводящими Львовское наданіе. Въ 1691 году вышелъ румынскій переводъ «Православнаго исповѣданія вѣры» Петра Могилы (Бузеу). Переводъ сдѣланъ съ греческаго логоветомъ Раду Гречянуломъ по приказанію господара Константина Басараба значительно раньше 1691 года,—и въ своемъ предисловіи переводчикъ говоритъ о значеніи Петра Могилы и его «Исповѣданія» для русскихъ. Въ 1699 году въ Сняговѣ вышло «Православное Исповѣданіе» на греческомъ языкѣ съ обширными предисловіями, въ которыхъ вкратцѣ передана исторія лютеранской и кальвинской пропаганды въ южной Россіи, и упоминается о посвященіи Петра Могилы—*ἁγίου ἐκκλησιαστικῆς σοφίας*. Къ исторіи русско-румынскихъ церковныхъ священій имѣютъ отношеніе напечатанныя въ Букурештъ въ 1690 году полемическіе трактаты Мелетія Сирига и іерусалимскаго патр. Досноея на греческомъ яз.; въ предисловіи приводится посланіе делегатовъ яскаго собора къ молдавскому господарю Василю Лупу, съ подписями русскихъ делегатовъ: Исаія Трофимъ (sic) игуменъ Николаевскаго мон-ря, Игватій Неновичъ проповѣдникъ евангелія, Іосифъ Константиновичъ игуменъ Богоявленскаго монастыря.

Далѣе идетъ полемическая «Книга или свѣтъ» (Сняговъ, 1699), составленная іером. Максимомъ Полоцкимъ, ученикомъ «извѣстнѣйшаго киръ Мелетія Пигаса, папы и патріарха александрійскаго», также нерѣдко упоминаемаго въ исторіи русской церкви XVII в. и бывшаго предметомъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Малышевскаго. «Догматическое ученіе восточной церкви» Севаста Кименита (Букурештъ, 1703) посвящено «боговѣичанному, православнѣйшему и величайшему царю Петру Алексѣевичу и императору всей Россіи великой, малой и бѣлой и иныхъ многихъ странъ востока и запада, наслѣднику родительскому и прадѣдовскому». «Исторія патріарховъ» іерусалимскаго патр. Досноея (1715) посвящена его преемникомъ, патр. Хрисанеомъ, Стефану Яворскому митр. рязанскому и муромскому, котораго онъ зналъ лично и котораго проситъ перевести книгу по-русски.

Русское влияние замѣчается и въ графикѣ. Особенно ярко бросается въ глаза западно-русское гх хотя-бы въ словѣ гхѣрьнь (Римованная Псалтырь, 1673, Литургія 1679, Псалтырь 1680, Служебникъ 1681, Житія святыхъ 1682, Пареміи 1683) или гхотарелл Рном. Псалт, 1673 г.) и гхотарж (Пареміи 1683 г.)—все издаванія принадлежатъ митр. Досиѣею; у другихъ издателей написано хѣрвѣл, напр. въ «Диванѣ» Кантемира (1698 г.).

Какъ мы уже упоминали, если въ первой половинѣ XVII в. румынскіе издатели иногда имѣли въ виду славянъ, которые нуждались въ печатныхъ книгахъ, то теперь, съ замѣтнымъ сокращеніемъ изданій на славянскомъ языкѣ, — о такомъ назначеніи новыхъ изданій уже не упоминается. Однимъ изъ немногихъ исключеній можно назвать славянскую Грамматику, напечатанную Аноимомъ Иверьяномъ въ Сняговѣ въ 1697 году, съ славянскими виршами къ валашскому гербу и предисловіемъ, обращеннымъ къ господарю Константину Басарабу. Но замѣчательно, что эта славянская грамматика названа здѣсь уже «сѣменемъ иностраннымъ». Аноимъ говоритъ, что «естъ всякому удивительно и утѣшительно, егда на его нивѣ израстаетъ нѣкое зерно иноязычное; видить бо дѣло ново и секретно, прежде небывало и не видимо». Поэтому, если славянский родъ лишень «славянскаго правочтенія или люда его, сирѣчь разумѣнія чтогоаго»,—то тѣмъ поразительнѣе появленіе его въ землѣ валашской, гдѣ онъ «не свойственъ къ употребленію, страненъ и преносителенъ». Тѣмъ не менѣе, славянская грамматика необходима и румынамъ, «зана по церквахъ божественныхъ славенски читати обыкохомъ; но невѣжи супе сему языку, яко иностранну и несвойственну, можемъ многажды и во погрешеніе въпасти». Фактъ—котораго раньше нельзя было ожидать. Такимъ образомъ, общее число изданій на славянскомъ языкѣ въ разсматриваемый періодъ (1673—1715 гг.) слишкомъ незначительно. Къ сожалѣнію, гг. Біану и Ходошъ не всегда находятъ нужнымъ упоминать о языкѣ изданія, въ то время какъ румынское заглавіе всей книги или румынскія заглавія отдѣльныхъ частей могли быть и въ славянской книгѣ, чему примѣровъ не мало: Тришдѣни че съ зиче Трипѣснецъ» (Бузеу, 1700) Октвиухъ че съ зиче Осмогласникѣл (тамъ-же), Служба на Успеніе (Рымникъ, 1706), Служебникъ (Яссы, 1715).

Кромѣ того, извѣстны изданія, сдѣланныя на славянскомъ и румынскомъ, напр. Псалтырь (Яссы, 1680), Тріодъ (Бузеу, 1697),—подобно греко-румынскимъ, напр. Евангеліе (Букурешть, 1693).

Иногда только нѣкоторые экземпляры изданій на греческомъ языкѣ снабжались славянскими заглавіями и предисловіями, напр. «Исторія сирѣчь истинное сказаніе патрїарховъ іерусалимскихъ» патр. Досвоя (Букурешть, 1715); остальные экземпляры—съ греческимъ заглавіемъ. Иногда заглавіе представляло смѣшеніе славянскихъ словъ съ румынскими напр. Пречестныи акадість и молеванъ прѣчистѣи Богородици. Канонъ воскресенъ и прочїа спасителныа молвы къ Господѣ нашемѣ Ісусѣ Христѣ тѣлмѣчитъ дѣ пре лимевъ словенскѣ пе лимевъ рѣмънискѣ ¹⁾ трѣдолюбїемъ и тиранїемъ прешсващеннагѣ кѣр господина Щца Досодола митрополиты сѣчавскагѣ и всеа Молдавскїа земаа. В монастырѣ Оуневскомъ тѣпомъ изшвразиса рокѣ дѣог. Въ остальныхъ румынскихъ заглавіяхъ сохранялись отдѣльные славянскїе термины, касающїеся богослуженїа, напр. ши прежешсващенна съ зиче 1680; анїи . . . ая спасенїи дѣуп; ши нѣ послѣшанїа смеренїи ностре 1681; вешѣрника ча маре ши ла Светагора; молитеа ла благословенїа кинѣлди дѣ крамъ; слоужба вечернїи; Дїаконїиае ѣтрїи; Шпѣстѣрїиае празничнаур; ржидѣила вѣдѣнїи; ржидѣила полоуношницїи; вѣзглѣшенїиае ла паштї; молитеа ла сежита причащтанїе 1683; карте дѣ проповеданїе 1683; ржидѣила исповеданїи; шѣщенїа ла вѣговеленїе 1689, ѣалтирѣ . . . нѣ ѣалми изврани 1701, лѣтѣрїе . . . карѣ асте преждесващенна 1702, служба че съ кѣенне а вѣскресенїиаур 1706, полднѣнница, слѣжба ѣтрїи, сеѣтиаеае, хвалитеае, павечерница и др. 1715. Въ нѣкоторыхъ румынскихъ предисловіяхъ приводятся цѣликомъ славянскїа фразы, напр. въ обширномъ словѣ къ читателю рїекованной Псалтыри митр. Досвоя (1679); иногда—греческїа и латинскїа, напр. въ Служебникѣ того же митрополита (1679). Эти цитаты служатъ иллюстраціями трудности хорошаго перевода на румынскїи языкъ. Нерѣдки замѣтки типографовъ, относящїяся къ изданію, на славянскомъ языкѣ, напр. Евангелїе 1682 г. Наконецъ, памятью южно-русскаго влїянїа остались греческїа заглавіа книгъ вмѣстѣ съ славянскими, напр. Бѣхологїиае адекъ Молитвеникъ (Бузеу, 1699 и 1701), Октвиахъ че съ зиче Осмогласникѣла (тамъ же

1) «Переведены со славянскаго языка на румынскїи языкъ».

1700), Трѣвдѣн че съ зиче Тригѣснецъ (тамъ же), Октоухос адекъ Осмоглалник (Рышникъ 1706) и др. Часть такихъ двойныхъ заглавій сохранилась и въ слѣдующій періодъ дѣятельности румынскихъ типографій, кончая началомъ XIX вѣка.

Если въ XVI и первой половинѣ XVII вв. къ греческимъ оригиналамъ для перевода обращались въ рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ, то теперь такъ же рѣдко обращаются къ славянскимъ; конечно, это касается только новыхъ переводовъ, старые же перепечатывались и перерабатывались по славянскимъ. Изъ изданій, которыхъ заглавія или предисловія свидѣтельствуютъ о переводѣ книгъ съ славянскаго, укажемъ слѣдующія: Акаѣистъ Б. Матери (Уневъ, 1678), Житія святыхъ (— старый терминъ: *де пре сжрвице*. Яссы, 1682), Часословъ (— *де пре словени*. Бѣлградъ, ок. 1687), Послѣдованіе діаконства (тамъ же), Служебникъ (тамъ же, 1689), Часословъ (Сибіу, 1696). Дѣло въ томъ, что въ разсматриваемый періодъ румынскій языкъ уже получилъ полныя права въ администраціи, церкви, школахъ и просвѣщеніи, — и только относительно одной румынской литургіи раздавались единичные протесты, о чемъ говоритъ митр. сочавскій Досноей въ предисловіи къ Требнику ясскаго изданія 1683 года. Путемъ нѣсколькихъ доказательствъ и ссылокъ на авторитеты Досноей доказываетъ, что «не запрещено пѣть литургію по-румынски».

Если въ прежнихъ изданіяхъ необходимо было доказывать пользу введенія всѣмъ понятнаго, т. е. румынскаго, языка въ богослуженіе и выставлять вредъ отъ служенія на чужомъ языкѣ, — то теперь высказываются подобныя же сожалѣнія относительно греческаго. Въ предисловіи къ Служебнику 1680 года архіеп. угро-влахійскій Θεодосій жалѣетъ, что румынскій народъ не знаетъ греческаго языка, и это, на его взглядъ, тѣмъ болѣе печально, что нѣкогда румыны (чит. «валахи») считались среди сильныхъ, могущественныхъ и многочисленныхъ народовъ; теперь же они упали и поносятся, такъ какъ нѣтъ у нихъ ни школьнаго обученія, ни науки, ни оружія, ни законовъ. Затѣмъ слѣдуютъ лирическія изліянія и переходъ къ дѣловой части предисловія: мотивы, вызвавшіе переводъ Служебника на бѣднѣй, жалкій, собственно «краткій» (скѣртъ лимѣъ) румынскій языкъ съ греческаго. Въ предисловіи къ «Житіямъ святыхъ» (Яссы, 1682), очевидно, по традиціи говорится о переводѣ на «простой» румынскій языкъ, а въ предисловіи къ «Золотому ковчегу», изданному въ Сасъ-Себешѣ въ 1683 году, находимъ одно изъ первыхъ упоминаній о румынской диалектологіи —

приводится нѣсколько отдѣльныхъ выраженій трансильванскихъ румынъ, не обычныхъ у остальныхъ (стр. 273). Быть можетъ, это стоитъ въ связи съ идеями о «панрумынствѣ», и молдавскіе и валашскіе дьяки теперь чаще и чаще встрѣчаются въ Трансильваніи; укажемъ между прочимъ на Часословъ, напечатанный въ Сибіу въ 1696 году типографомъ-молдованомъ. На ряду съ этимъ, мысль о римскомъ происхожденіи румынъ формулируется въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ, и изъ многочисленныхъ фактовъ, относящихся, правда, не только къ печатнымъ книгамъ, приведемъ слѣдующіе. Къ римоваданной Псалтыри митр. Досноея (1673) приложены стихи пзвѣстнаго хрониста Мирона Костина объ итальянскомъ (днн цара Италий) происхоженіи молдованъ, о заселеніи земель предковъ румынъ колонистами Флакка и Траяна, объ изгнаніи гетовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на остаткахъ моста на Дунаѣ, о битвѣ первыхъ засельниковъ Молдавіи съ даками и предками саксонцевъ. Черезъ 10 лѣтъ митр. Досноей помѣстилъ въ предисловіи къ Служебнику и къ Перемейнику римоваданную поэму изъ исторіи Молдавіи—отъ воеводы Драгоша до Антонія Русета—съ хронологическими датами на поляхъ. Такимъ же націоналистическимъ характеромъ отличается предисловіе патр. іерусалимскаго Досноея къ валашскому господарю Шербану Кантакузину (Библія, 1688). За похвалами византійскимъ и валашскимъ представителямъ фамиліи Кантакузиновъ слѣдуетъ ссылка на вселенскаго патр. Фотія, который въ посланіи къ болгарскому царю Михаилу говоритъ о славянскомъ переводѣ св. Писанія. Между прочимъ, далѣе говорится, будто румынъ крестилъ Іоаннъ Златоустъ, наконецъ упоминается о проповѣди на Дунаѣ Ульфила. И если Страбонъ,—читаемъ мы,—хвалить румынъ (sic), то онъ имѣетъ въ виду ихъ военныя доблести; теперь же румыны располагаютъ и культурной силой, пользуясь наданіями господаря. И если Птоломей заказалъ переводъ св. Писанія на греческій языкъ, создалъ мемфисскія пирамиды и перевелъ четыре книги по астрономіи, то валашскій господарь заслуживаетъ высшей похвалы, такъ какъ онъ перевелъ Писаніе на языкъ предковъ и мѣстный (спре лимва чѣ де моше а локълби).

Теперь намъ становятся мѣтѣ неожиданными и болѣе понятными жалобы нѣкоторыхъ книжниковъ на незнаніе славянскаго языка. Митр. Досноея говоритъ, что «въ наши времена и та незначительная славянщина (пѣцннъ сарбѣ), которую изучали для пониманія,—теперь оставила страну» (Псалтырь 1680). Онъ переводитъ богослужебныя книги по двумъ побужденіямъ: «во первыхъ,—

вслѣдствіе незнанія и непониманія¹⁾ иностранныхъ языковъ; во вторыхъ,—вслѣдствіе существованія многихъ непотребныхъ изводовъ, несогласныхъ съ изводомъ греческимъ» (Служебникъ 1681). Наконецъ, иногда, по всей вѣроятности, по традиціи, издатели жалуются на недостатокъ книгъ; конечно, это не касается книгъ литературнаго содержанія, напр. «Маргарита» (Букурешть, 1691),—позволяетъ Раду Гречянулъ справедливо указываетъ на отсутствіе у румынъ книгъ, которыя давали бы «назиданіе и знаніе». Отчасти это справедливо и относительно Псалтыри (Бузеу, 1701); митр. Митрофанъ говоритъ, что онъ напечаталъ эту душеспасительную книгу «на языкѣ обычномъ (прѣ лимва чѣ обичимитиъ) для чтенія въ румынскихъ церквахъ по-славянски, вслѣдствіе недостатка ея въ настоящее время въ церквахъ, а также въ школахъ для обученія дѣтей».

Перечислить всѣ свѣдѣнія, которыя даютъ печатныя книги 1678—1715 гг., не представляется возможности,—и вся «Старая румынская библиографія» должна вызвать нѣсколько рефератовъ. Между прочимъ, для румынской иконографіи послѣдніе три выпуска даютъ богатый матерьялъ, оставшійся неизвѣстнымъ Д. А. Ровинскому, хотя многіе граверы были русскіе или южные славяне; многія клише скопированы съ русскихъ досокъ, а иногда типографы пользовались, по всей вѣроятности, уже готовыми русскими досками. Всѣ надписи на рисункахъ дѣлались большею частью по-славянски, и румынскія надписи въ общемъ составляютъ исключеніе. Укажемъ страницы, на которыхъ рѣчь идетъ о гравюрахъ, такъ какъ указатель пока не приложенъ: 213, 215, 221, 222, 225, 226, 246, 258, 328, 334, 337, 342, 343, 348, 357—364, 374, 398, 402—410, 416, 420, 423, 433, 436, 454, 458, 486, 494, 500, 503. Между прочимъ, интересна аллегорическая гравюра, оригиналъ которой сдѣланъ самимъ Дмитриемъ Кантемиромъ (стр. 364).

Съ общими приемами изданія румынскихъ библиографовъ мы уже знакомы по прежнимъ нашимъ рефератамъ. Указанные недочеты остаются и въ новыхъ выпускахъ. Славянскіе тексты напечатаны не всегда точно: рѣдко различаются и и н; произвольно раздѣлены и соединены слова, напр. на стр. 224—225: Ѡ. . . Ѡти намихъ вм.

1) Очевидно, разумѣется румынскій народъ и отчасти духовенство.

Обѣти на нихъ, ан[тіохс]каго вм. антїохїискаго, испросъ вм. и въпросъ, аме нма знком вм. а не и казником (два раза); стр. 239: нетаѣннота вм. нетаѣнно та, помнаѣнна вм. помнаѣни ма, въсїе вм. въ сїе, пре стѣа вм. прѣстѣа, вѣда вм. вѣаца; стр. 351. повѣждаетъ вм. побѣждаетъ, в рагѣ вм. врагѣ и т. д., не говоря уже о томъ, что союзъ и во многихъ случаяхъ не отдѣленъ отъ слѣдующаго слова. Нѣкоторыя славянскія фразы оставлены безъ перевода, кое что переведено неточно. На стр. 280 гисеръ принято, очевидно, за писецъ (?) или писаръ, такъ какъ передано чрезъ scriitor. Библиографическая часть также мало удовлетворительна: нѣтъ ссылокъ на статью А. Петрова «Старопечатныя церковныя книги въ Мукачевѣ и Ужгородѣ»; на преосв. Порфирія «Первое путешествіе» и т. д. ч. II, Отд. I, стр. 258—261 (о румынскомъ изданіи Библии 1697 [sic] года, съ выписками); на описаніе библиотеки Болгарскаго Синода, стр. 109—111 (№ 70[73] печатный рум. Октоихъ 1712 года, гдѣ изданы «стихи политическіе» Константину Басарабу); не всегда находимъ ссылки на «Schite de istoria literaturii române» V. A. Urechia (Букурештъ, 1885), «Veaculal XVII, Limba și literatura româna» С. Рорі (Галацъ, 1892) и др.; особенно бросается въ глаза скудость ссылокъ при описаніяхъ изданій книгъ Мелетія Сарига, Петра Могилы, сочавскаго митр. Досноея, Іоанникія Голятовскаго, Мелетія Пигаса и др. Наконецъ, были бы умѣстны ссылки на «Etymologicum Magnum» Хыждеу, гдѣ напр. на стр. 1344, 1350 и многихъ мнѣхъ идетъ рѣчь о печатныхъ изданіяхъ.

А. И. Яцимирскій.

И. Эндзелинъ. Латышскіе предлоги. I ч. 1905 г. II ч. 1906 г. Юрьевъ.

Содержаніе названнаго труда г. Эндзелина слѣдующее: въ I части разсматриваются формы латышскихъ предлоговъ и ихъ значенія въ сочетаніяхъ съ падежами и въ сложеніяхъ съ именами. Въ первыхъ двухъ параграфахъ II части говорится объ управленіи латышскихъ предлоговъ, въ §§ 3—17 разсматривается употребленіе предлоговъ въ качествѣ глагольныхъ префиксовъ, §§ 18—20 посвя-

щены видовому значенію сложныхъ съ предлогами глаголовъ. Такимъ образомъ сочиненіе г. Эндзелина посвящено разностороннему изученію цѣлаго класса словъ въ латышскомъ языкѣ, при томъ того класса словъ, который въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ получилъ особенное, въ сравненіи съ другими индо-европейскими языками, значеніе въ образованіи глагольныхъ формъ. Понятно поэтому, что уже самая тема сочиненія привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе лингвиста. Затѣмъ, интересъ къ книгѣ г. Эндзелина возбуждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что она написана лицомъ, для котораго латышскій языкъ родной, что имѣетъ очень важное значеніе при изслѣдованіи значеній словъ и словосочетаній. Наконецъ, научное значеніе труда г. Эндзелина опредѣляется тѣмъ, что авторъ къ изслѣдованію избранныхъ явленій латышскаго языка примѣняетъ общіе методы сравнительно-историческаго изученія языка, при чемъ ознакомленіе съ сочиненіемъ показываетъ, что эти методы усвоены авторомъ съ надлежащей прочностью.

Обращаясь къ болѣе подробному разсмотрѣнію содержанія обѣихъ частей сочиненія, мы замѣтимъ слѣдующее. Для разносторонняго изученія латышскихъ предлоговъ авторъ пользуется обширнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ какъ изъ готовыхъ памятниковъ старой и новой латышской письменности, такъ и изъ живого народнаго языка при посредствѣ личнаго собранія матеріала изъ разныхъ областей латышскаго языка. Нельзя не поставить автору въ особую заслугу то, что онъ, не довольствуясь готовымъ книжнымъ матеріаломъ, обратился къ живому народному языку въ его разнообразныхъ нарѣчіяхъ и широко пользуется этимъ источникомъ, хотя, по словамъ самого автора, и не всѣ еще нарѣчія имъ обслѣдованы. Во многихъ случаяхъ авторъ вполне основательно придаетъ большее значеніе и болшую достовѣрность фактамъ, почерпаемымъ изъ живыхъ нарѣчій языка, чѣмъ свидѣтельствамъ нѣкоторыхъ книжныхъ источниковъ, изъ которыхъ многіе, особенно въ старой литературѣ, носятъ явные слѣды искусственности и несоотвѣтствія съ дѣйствительнымъ составомъ языка.

Поставивъ себѣ задачей изученіе собственно латышскихъ предлоговъ, г. Эндзелинъ, однако, сравниваетъ явленія латышскія, конечно, впрочемъ всего съ соответствующими явленіями ближайше родственныхъ языковъ — литовскаго и, насколько это возможно, прусскаго, а затѣмъ также славянскихъ языковъ и, иногда, другихъ индо-европейскихъ языковъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить отличнаго знакомства автора съ литовскимъ языкомъ, который служитъ

для него, естественно, весьма важнымъ средствомъ для выясненія изучаемыхъ явленій латышскаго языка.

Избравъ для изслѣдованія область довольно обширную и, надо признать, довольно трудную, авторъ не могъ, понятно, представить полной обработки предмета, какъ онъ и самъ это указываетъ въ предисловіи; точно также, не всѣ вопросы, касающіеся предлоговъ, могли быть разработаны авторомъ съ одинаковой обстоятельностью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ автору можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ не достаточно точно группировалъ матеріалъ и, иногда, не совсѣмъ удачно и ясно формулировалъ свои опредѣленія.

Качества и результаты труда г. Эндзелина въ его I части, представленной въ качествѣ магистерской диссертациі въ историко-филологическій факультетъ Юрьевскаго Университета, характеризованы довольно подробно въ отзывѣ профессоровъ Кудрявскаго и Мазнига, напечатанномъ въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Юрьевскаго Университета» 1906 г. Мы, со своей стороны, сдѣлали бы еще слѣдующія замѣчанія по поводу I части.

Въ отношеніи сложныхъ съ предлогами именъ желательно было бы найти въ сочиненіи г. Эндзелина болѣе обстоятельное разграниченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ группъ такихъ сложныхъ словъ и опредѣленіе морфологическаго состава той и другой группы. Мы имѣемъ въ виду различіе именно такихъ группъ сложныхъ съ предлогами именъ: въ I группу входятъ прилагательныя и производныя отъ нихъ существительныя, въ которыхъ предлоги имѣютъ собственно предложное значеніе; во II группу входятъ сложные съ предлогами существительныя, непродводныя отъ сложныхъ прилагательныхъ I группы, и сложные прилагательныя, въ которыхъ предлоги не имѣютъ собственно предложнаго значенія. Къ первой группѣ относятся, напр., приводимыя авторомъ прилагательныя *bezgalīgs* безконечный, *beskaunīgs* безстыдный, *besprēcīgs* безсильный (I, стр. 67) и затѣмъ, довольно многочисленныя, повидимому, въ латышскомъ, производныя отъ такихъ прилагательныхъ существительныя какъ наприм., *aizkāsne* запечекъ, *āzigupe* мѣсто за очагомъ (стр. 22), *apauši* недоуздокъ, *apārde* дерево вокругъ сердцевины (стр. 28), *bezdēvis* безбожникъ (67), *ēģācis* орудіе (90), *uzācis* или *uzāci* брови (122), *nārudenes* осенній (подножный) кормъ скота (137), *pakājis* подножка, *palagzde* подорѣшникъ (138), *pēkalne* пригорье, пригорокъ и др. Ко второй группѣ относятся такія существительныя, какъ напр., *atbals* отголосокъ, *atkāzas* Nachhochzeit, *atsvēte* Nachfest, *atzēma* Nachwinter (58—59), *uzragi* Dachreiter Kreuzhölzer

die das Dach oben zusammenhalten (129), nīzarīts Seitenzweig (137), radēlis пасынокъ, rameita падчерица, raburvis человекъ, кое-какъ умѣющій ворожить, rakungs ein halber, nicht ein rechter, eigentlicher Herr, rasala полуостровъ (149), rēzaris побочная вѣтвь (выше ср. nīzarīts), rēvārda Beiname (175) и др.; затѣмъ прилагательныя: attāl's etwas fern (находящійся въ нѣкоторомъ разстояніи) (60), ētal's далековатый, ēdzāltāns желтоватый, ēvarkāns красноватый и др. (80), ravaans почти (или довольно) сухой, rasarkāns красноватый и др. (150). Первая группа сложныхъ словъ важна для опредѣленія собственно предложныхъ значеній, особенно въ виду того, что типъ такого рода сложныхъ словъ очень древній; вторая же группа имѣетъ значеніе для выясненія значеній предлоговъ-нарѣчій.

Что касается управленія предлоговъ, т. е. соединенія ихъ съ тѣми или другими падежами, то авторъ даетъ по этому поводу указанія при разборѣ значеній отдѣльныхъ предлоговъ въ I части и кромѣ того этому же вопросу посвящаетъ особые два параграфа II части. Но нельзя не замѣтить, что вопросъ разработанъ все-таки не съ достаточной полнотой и, главное, не съ достаточной систематичностью и ясностью. Сочетанія предлоговъ съ падежами въ латышскомъ представляютъ ту любопытную особенность, что частью эти сочетанія обуславливаются древними и болѣе поздними значеніями самихъ падежныхъ формъ, частью же находятся внѣ зависимости отъ падежныхъ значеній; такимъ образомъ въ латышскомъ мы находимъ, такъ сказать, два слоя явленій: слой болѣе древній, въ которомъ значенія сочетаній предлоговъ съ падежами или совсѣмъ не отличаются отъ значеній падежей безъ предлоговъ, или отличаются только въ частности, и слой болѣе поздній, въ которомъ значенія сочетаній предлоговъ съ падежами совершенно не могутъ быть сводимы къ значеніямъ самихъ падежныхъ формъ, такъ какъ различія въ этихъ послѣднихъ значеніяхъ исчезли въ общемъ значеніи «косвеннаго» падежа въ сочетаніи съ предлогомъ. Мы думаемъ поэтому, что для полнаго и систематическаго изслѣдованія управленія латышскихъ предлоговъ было бы нужно предварительное изслѣдованіе значеній самихъ падежныхъ формъ въ латышскомъ, а въ связи съ этимъ—и болѣе подробное наученіе тѣхъ латышскихъ нарѣчій, которыя по происхожденію являются или простыми падежными формами, или сочетаніями падежей съ предлогами.

Не имѣя въ виду подвергать подробному разбору изложеніе

г. Эндзеліна объ употребленіи глагольныхъ префиксовъ, которое составляетъ большую часть содержанія II части его труда, мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ представляются недостаточно обоснованными устанавливаемыя авторомъ различія въ значеніяхъ предлоговъ, сложенныхъ съ глагольными основами. Напр., на стр. 22, с авторъ говоритъ: «Нерѣдко затѣмъ къ сложенному съ *aiz-* глаголу прибавляется также обозначеніе цѣли, къ которой устремляется движеніе или которой оно достигаетъ; префиксъ *aiz-* въ такихъ случаяхъ приобретаетъ значеніе не столько удаленія, сколько стремленія къ опредѣленной цѣли или достиженія ея». Что глагольное слово, обозначающее какое-нибудь движеніе, будетъ ли это слово сложено съ предлогомъ, или нѣтъ, получаетъ значеніе «стремленія къ опредѣленной цѣли или достиженія ея», когда при этомъ словѣ прибавлено обозначеніе цѣли, это вполнѣ понятно, но въ томъ смыслѣ, что это значеніе появляется не въ самомъ глагольномъ словѣ, а въ его соединеніи со словомъ, обозначающимъ цѣль; поэтому такое значеніе не можетъ вліять на измѣненіе значенія глагольнаго префикса. И въ приводимыхъ авторомъ примѣрахъ, какъ: *tur aizvede mūs māziņu* туда увезли нашу сестрицу, или — *rūt, vējini, dzen laiviņu, aizdzen mani Kurzemē* дуй, вѣтеръ, гони лодочку, унеси меня въ Курляндію, въ *aizvede, aizdzen* предлогъ *aiz-* имѣетъ, конечно, тоже самое значеніе «отдѣленія» или «удаленія» = р. у-, от-, какъ и, напр., въ *aizmukt bez samaksas* удрать не заплативъ (стр. 21).

На стр. 39 авторъ считаетъ возможнымъ выводить значеніе *at-* *при-* («приближеніе и вѣстѣ съ тѣмъ и достиженіе цѣли»), какъ напр., въ *atēt, atnākt* (стр. 38), изъ значеній «удаленія» и «назадъ или обратно», черезъ посредство такихъ оборотовъ, какъ *viltnāks atlabināja tū pē* унесъ мошенникъ приманилъ ее къ рѣкѣ, «гдѣ указывается и цѣль, къ которой приближаютъ кого нибудь, удаляя его отъ чего-нибудь», и такихъ оборотовъ, какъ *viņš atnācis atrakal'* онъ пришелъ обратно, гдѣ «плеоназмъ (*atrakal'*) обусловилъ переходъ значенія *cevenit* въ значеніе *advenit*». И здѣсь трудно допустимо вліаніе значенія, которое получается соединеніемъ глагольнаго слова съ дополненіемъ, на измѣненіе значенія глагольной приставки. Вѣроятнѣе предположить, что значеніе «при» въ литовско-латышскомъ *at-* было такое-же древнее, какъ и значеніе «удаленія» и «назадъ или обратно», такъ какъ въ этомъ литовско-латышскомъ предлогѣ надо видѣть или смѣшеніе разныхъ нарѣ-

чій-предлоговъ, или смѣшеніе разныхъ формъ нарѣчія-предлога, имѣвшихъ разныя значенія (на послѣднее указываетъ Meillet, *Études*, I, 156).

Не ясны для насъ основанія, по которымъ авторъ устанавливаетъ различія въ значеніяхъ глагольныхъ основъ съ приставкой *iz-* въ слѣдующихъ случаяхъ. Въ примѣрахъ: *visas dzēsmaš izdzēdātas; kur mēs citas dabūsim?* всѣ пѣсни пропѣты; гдѣ мы достанемъ другія? *jau valūdas izgunātas, jau dūmiņas izdūmātas* уже рѣчи высказаны (заключены), уже думы передуманы и *visus grīb' iznosōt* я хочу износить всѣ (вѣнки) (стр. 50) приставка *iz-* «выражаетъ вмѣстѣ съ законченностью дѣйствія также полное потребление субъекта или объекта этимъ дѣйствіемъ». Въ примѣрѣ же: *kas var dzēsmaš izdzēdāt, kas valūdas izgunāt? kas var zvaigznes izskaitīt?* кто можетъ пропѣть (всѣ) пѣсни, кто — переговорить (всѣ) рѣчи? кто можетъ сосчитать звѣзды? (стр. 51) тѣже сложные съ *iz-* глаголы, по мнѣнію автора, обозначаютъ «вмѣстѣ съ законченностью дѣйствія также доведеніе его до желанной цѣли». Примѣры же: *visus darbus izdarīt* всѣ работы продѣлать, *vācajam izgunāt* ра ргатамъ говорить старому по сердцу приведены въ числѣ тѣхъ, въ которыхъ, по мнѣнію автора, «префиксъ *iz-* выражаетъ также, благодаря значенію всего словосочетаніе или (кратной) формѣ глагольной основы, распространеніе дѣйствія на все данное время или пространство, на цѣлый рядъ объектовъ или на всѣ части объекта, или же произведеніе дѣйствія цѣлымъ рядомъ субъектовъ». Точно также въ двѣ рубрики, хотя и близкія, распредѣлены авторомъ такіе примѣры, какъ: *izser maņ kukulīti* испеки мнѣ хлѣбъ (стр. 51) и *maize isāruvī* хлѣбъ испекся (стр. 52). Намъ кажется, что во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ основы съ *iz-* имѣютъ одно и тоже значеніе, въ которомъ обобщаются три значенія, данныя авторомъ для этихъ основъ.

Съ другой стороны, мы не видимъ основаній, по которымъ инныя основы съ *iz-* соединяются авторомъ въ одну группу. Напр., въ группѣ глаголовъ съ *iz-*, обозначающихъ «вмѣстѣ съ законченностью дѣйствія также совершеніе того, что производится этимъ дѣйствіемъ», рядомъ съ примѣрами, какъ: *bedri izgacis* выкопавъ яму, *izcārt ālīnģi* вырубаятъ прорубь (стр. 50) приводятся также примѣры: *brālīm barda izauguse* у брата выросла борода, *kū nu izdarīji* что ты теперь сдѣлала (ibid.) и *daģbe—divējas bikses vēn izpāsa* выпшло только двое штановъ (стр. 51). Первые два примѣра, какъ замѣчаетъ и самъ авторъ, однородны съ примѣромъ *stīrģā*

гѣбс издѣта въ концѣ выдѣдено пустое мѣсто, помѣщеннымъ въ другой рубрикѣ; особенность этихъ примѣровъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ является выраженіе такъ называемаго «внутренняго объекта», но выраженіе это не заключается въ самой глагольной основѣ; въ другихъ же примѣрахъ, приводимыхъ авторомъ рядомъ съ этими, мы не можемъ усмотрѣть ничего другого, кромѣ выраженія въ самихъ глагольныхъ основахъ значенія законченности или результативности (только примѣръ *izlēt... dzēls puīseli* вылить жегѣзнаго мальчика, на стр. 50, можно, повидимому, еще считать однороднымъ съ тремя указанными). Точно такъ же подѣ особой рубрикой глаголовъ, обозначающихъ «выбѣтъ съ законченностью дѣйствія также доведеніе его до желанной цѣли» (на стр. 51—52), по нашему мнѣнію, приведены разнородныя основы, нѣзъ конхъ одни обозначаютъ законченность дѣйствія (напр., *jāizlāizā*, стр. 51, *izlāngu*, *peizbēgvi*, стр. 52), другія — результативность (напр., *izhāscijze*, *izdzēdēšū*, стр. 51, *izlādāz*, стр. 52), а нныя имѣютъ еще болѣе далекія значенія (напр., *izdzēdāt*, *izgunāt*, *izkaitīt*, о которыхъ сказано было выше).

Во многихъ случаяхъ латышскія глагольныя основы съ разными предложными приставками по своимъ значеніямъ или воиогѣ совпадаютъ, или мало отличаются другъ отъ друга. На эти факты авторъ также обращаетъ вниманіе, отмѣчая часто варианты въ приводимыхъ примѣрахъ; § 17-й онъ отдѣльно посвятилъ разсмотрѣнію «случаевъ совпаденія и соприкосновенія въ употребленіи префиксовъ». Но намъ кажется, что эту часть изслѣдованія объ употребленіи предлоговъ въ сложеніи съ глаголами слѣдовало бы разработать болѣе подробно, такъ какъ именно путемъ детальнаго сравненія основъ съ различными приставками, представляющихъ сходства и различія въ значеніяхъ, можно было бы устанавливать съ болѣе объективностью и точностью тѣ или другія значенія сложныхъ основъ. Особенно это относится къ видовымъ значеніямъ сложныхъ глагольныхъ основъ, такъ какъ эти значенія, хотя и стоятъ по своему происхожденію въ связи съ невидовыми значеніями этихъ же основъ, однако отъ этихъ послѣднихъ отличаются по самой сущности своей. Напр., авторъ отмѣчаетъ, что префиксы *aiz-*, *ē-*, *pā-* и *ra-* одинаково выражаютъ «временное или количественное ограниченіе дѣйствія»; но количественное ограниченіе дѣйствія, иначе — степень проявленія признака, выражаемое той или другой основой, не есть видовое значеніе глагольной основы (оно является также въ прилагательныхъ и, между прочимъ, и въ латышскихъ

прилагательныхъ съ предложными приставками, какъ напр., въ приведенныхъ выше attāl'š, ētal'š, ēdžāltāns, pāsauss); это невидовое значеніе, очевидно, могло послужить основаніемъ для возникновенія такихъ видовыхъ значеній, изъ которыхъ одно мы, въ своемъ изслѣдованіи Значенія глг. основъ въ лит.-слав. яз. ч. II, называли ингрессивнымъ и начинательнымъ, а другое детерминативнымъ; эти видовыя значенія, разъ они возникли, въ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ могутъ относиться только къ различіямъ во времени глагольнаго признака и не касаются уже различій въ степени проявленія признака. Изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ для основъ съ указанными префиксами и изъ его замѣчаній въ § 17 (стр. 102—103) для насъ ясно, что въ латышскомъ различаются указанные невидовое и видовое значенія и что существуетъ какъ будто нѣкоторое различіе въ употребленіи префиксовъ для выраженія того и другого значенія. Но отсутствіе систематическаго сопоставленія относящихся сюда фактовъ не даетъ возможности и самому автору придти къ болѣе опредѣленному и ясному заключенію, и, тѣмъ болѣе, затрудняетъ уясненіе этихъ фактовъ для лицъ, не владѣющихъ латышскимъ, какъ роднымъ.

Послѣдніе три параграфа (18—20) II части авторъ посвящаетъ вопросу «о видовомъ значеніи сложныхъ глаголовъ». Въ упомянутомъ выше изслѣдованіи нами было выставлено положеніе, что въ балтійскихъ языкахъ тѣ сложные глагольныя основы, въ которыхъ приставки сохраняютъ свои реальныя значенія, имѣютъ двойственное видовое значеніе — дѣятельности и недѣятельности; Ф. Θ. Фортунатовъ въ своемъ «Критическомъ разборѣ» этого изслѣдованія отрицаетъ присутствіе этого видового значенія въ такихъ сложныхъ основахъ. Г. Эндзелинъ, въ отличіе отъ этихъ взглядовъ на видовое значеніе такого рода сложныхъ глагольныхъ основъ, соглашаясь, что слѣдуетъ различать два рода сложныхъ основъ, высказываетъ то положеніе, что «значеніе совершеннаго вида въ общемъ имѣютъ въ латышскомъ какъ сложные основы 2-го рода, такъ и сложные основы 1-го рода; разница между ними та, что сложные основы 2-го рода по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ, сложные же основы 1-го рода—къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ или съ предлогомъ, управляющимъ падежною формою» (стр. 106). Для подтвержденія этого положенія авторъ приводитъ много примѣровъ и соображеній. Подробный разборъ всего этого матеріала

потребовалъ бы особой статьи. Поэтому здѣсь мы ограничимся лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями. Прежде всего, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что сложныя основы 1-го рода по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи къ сочетаніямъ соотвѣтствующихъ простыхъ основъ съ нарѣчіемъ, такъ какъ сочетанія глаголовъ съ нарѣчіями различій во времени признака совѣмъ не касаются; тѣмъ менѣе этихъ различій могутъ касаться сочетанія глаголовъ съ предлогами, управляющими падежными формами. Такимъ образомъ мы думаемъ, что если признавать значеніе совершеннаго вида въ основахъ 1-го рода, то надо признавать, что и эти основы, подобно основамъ 2-го рода, по своему видовому значенію находятся въ прямомъ отношеніи также къ соотвѣтствующимъ простымъ основамъ. Кромѣ того, и самое употребленіе нарѣчій въ сочетаніи съ глаголами въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ латышскомъ, вызываетъ вопросъ, насколько это явленіе чисто латышское; самъ авторъ склоненъ думать, что «распространенію указаннаго употребленія нарѣчій при глаголахъ въ латышскомъ содѣйствовало именно вліяніе ливскаго (и эстонскаго) языка» (стр. 137); мы, со своей стороны, не отрицаемъ бы здѣсь вліянія также и нѣмецкаго языка.

Выводъ автора изъ многочисленныхъ примѣровъ тотъ, что всѣ сложныя основы, за исключеніемъ принявшихъ характеръ простой основы, имѣютъ значеніе совершеннаго вида (въ значеніи этого термина у Ф. Ф. Фортунатова, Критич. разборъ, стр. 90); эти основы «не могутъ обозначать длительности дѣйствія, и поэтому формы дѣйствительнаго настоящаго времени отъ этихъ основъ неупотребительны, но замѣняются формами соотвѣтствующихъ простыхъ основъ, или сочетаніями соотвѣтствующей простой основы съ нарѣчіемъ, соотвѣтствующимъ по значенію данному префиксу» (стр. 134—5). Однако, авторъ приводитъ примѣры употребленія такихъ формъ настоящаго времени, хотя считаетъ ихъ «немногочисленными». Но, во-первыхъ, «немногочисленность»—вещь относительная, а, во-вторыхъ, думаемъ, что авторъ во многихъ случаяхъ формы настоящаго времени отъ сложныхъ основъ безъ достаточныхъ объективных основаній считаетъ формами не дѣйствительнаго настоящаго времени, а, напр., формами *praes. historic.* Затѣмъ, по даннымъ самого автора, чаще, чѣмъ личныя формы, длительное значеніе имѣютъ причастія на *-nt*, *-dams* и *-ams* отъ сложныхъ основъ (стр. 120—1); «длительное значеніе иногда имѣютъ также инфинитивы», говоритъ авторъ на стр. 127 и приводитъ нѣсколько примѣровъ.

Въ общемъ, слѣдовательно, авторъ приводитъ достаточно много примѣровъ сложныхъ основъ, въ которыхъ онъ самъ признаетъ длительное значеніе. Значеніе несомнѣнныхъ примѣровъ формъ дѣйствительнаго настоящаго времени отъ сложныхъ основъ въ народныхъ пѣсняхъ авторъ пытается ослабить тѣмъ соображеніемъ, что языкъ этихъ пѣсенъ сохраняетъ не мало архаизмовъ, а въ томъ числѣ и самостоятельное употребленіе предлоговъ при глаголахъ въ качествѣ нарѣчій (II ч., стр. 19), благодаря чему предлогъ можетъ отдѣляться отъ глагола другими словами и даже являться отдѣльно, взаимнѣ глагольной формы отъ сложной основы. Однако, такихъ дѣйствительныхъ архаизмовъ, какъ показываютъ факты и соображенія, приведенныя самимъ авторомъ на стр. 19-й, не настолько много (всѣ случаи вставки возвратнаго мѣстоименія между предлогомъ и глаголомъ сюда, конечно, не относятся), чтобы они давали основаніе заключать, что въ языкѣ народныхъ пѣсенъ и въ сложенныхъ съ предлогами глагольныхъ основахъ иногда отчетливо сознается «адвербіальное значеніе префиксовъ», т. е. что эти основы сознаются не какъ сложныя; это тѣмъ менѣе возможно, если предполагать вмѣстѣ съ авторомъ, что сложеніе глагольныхъ основъ со всякими префиксами получаетъ видовое значеніе (совершеннаго вида). Относительно примѣровъ личныхъ формъ настоящаго времени съ длительнымъ значеніемъ изъ народныхъ сказокъ сборника Lerchis — Ruschkaitis'a г. Эндзелинъ замѣчаетъ, что «помѣщенные тамъ тексты, конечно, не всегда являются точными записями». На это приходится замѣтить, что, если это такъ, то и многіе другіе примѣры изъ этого сборника, приводимые авторомъ, должны возбуждать сомнѣніе относительно точности ихъ соответствія съ дѣйствительностью.

Въ виду сказаннаго надо признать, что г. Эндзелинъ не доказалъ съ безспорностью своего положенія, что въ латышскомъ всѣ сложныя основы, за исключеніемъ принявшихъ характеръ простой основы, имѣютъ значеніе совершеннаго вида; наоборотъ, многими примѣрами онъ подтвердилъ, что въ латышскомъ есть два рода сложныхъ глагольныхъ основъ: одни изъ нихъ имѣютъ значеніе совершеннаго вида, другія не имѣютъ этого значенія. Эта двойственность въ видовомъ значеніи латышскихъ сложныхъ глагольныхъ основъ признается, собственно, и самимъ авторомъ въ его замѣчаніи на стр. 136: «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ повел. наклоненіи и по отношенію къ повторяющимся дѣйствіямъ) употребляются, повидимому, безразлично перфективныя и имперфективныя основы. Все

это дѣлаетъ понятнымъ, что латышу (какъ могу сказать по личному опыту) не всегда легко дается правильное употребленіе видовъ въ русскомъ языкѣ, гдѣ гораздо точнѣе разграничены формы и употребленіе соверш. и несоверш. видовъ». Остается, слѣдовательно, еще дагѣе изслѣдовать, какія именно латышскія сложныя глагольныя основы имѣютъ значеніе совершеннаго вида, какія не имѣютъ его.

Послѣ этикъ замѣчаній считаеьсь долгомъ прибавить, что II часть сочиненія г. Эндзеліна, по нашему мнѣнію, обладаетъ такими же научными достоинствами, какъ и I часть. Богатый матеріалъ, собранный изъ письменныхъ и устныхъ источниковъ, вообще надлежащая классификація и оцѣнка этого матеріала, многіе выводы автора относительно изучаемыхъ явленій языка представляютъ собой весьма полезный вкладъ въ науку языковѣдѣнія въ очень важной ея области. Эта часть сочиненія г. Эндзеліна выискиваетъ много вопросовъ, касающихся непосредственно значеній сочетаній предлоговъ съ глагольными словами въ латышскомъ языкѣ, а косвенно помогаетъ выясненію такихъ же значеній въ языкѣ литовскомъ и, дагѣе, въ славянскихъ языкахъ. Было бы очень желательна, чтобы призывъ г. Эндзеліна вызвалъ побольше подобныхъ изслѣдованій и въ области этихъ языковъ со стороны лицъ, владѣющихъ ими какъ природными.

Познакомившись съ обѣими частями сочиненія г. Эндзеліна и убѣдившись въ ихъ полезномъ научномъ значеніи, мы, въ интересахъ истины и справедливости, не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ одно странное, на нашъ взглядъ, обстоятельство, которое сопровождалось представленіе г. Эндзеліномъ I части его сочиненія въ историко-филологическій факультетъ Юрьевскаго Университета въ качествѣ диссертациі на степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія: диссертациія эта вызвала двухдневный диспутъ, въ результатѣ котораго одинъ изъ членовъ факультета, проф. Крашенинниковъ, не согласился съ постановленіемъ большинства признавать защиту диссертациі удовлетворительною и удостоить г. Эндзеліна степени магистра сравнительнаго языковѣдѣнія и представилъ по этому вопросу особое мнѣніе, къ которому присоединился еще и другой членъ, проф. Яснскій. Въ своемъ особомъ мнѣніи (Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета 1906 г.) проф. Крашенинниковъ заявляетъ, что «упомянутое сочиненіе г. Эндзеліна не только не удовлетворяетъ нормальнымъ требованіямъ, какія факультетъ въ правѣ предъявить къ магистерской диссертациі,

но, малѣ того, не удовлетворяетъ даже и болѣе скромнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ диссертациамъ *pro venia legendi*. Этотъ суровый приговоръ подтверждается перечисленіемъ въ девяти пунктахъ «крупныхъ недостатковъ» сочиненія. Разсмотримъ эти пункты.

Въ пунктѣ I говорится, что въ диссертациі (у проф. Крашениникова это слово пишется въ кавычкахъ) г. Эндзеліна неоднократно встрѣчаются «наглядныя несообразности логическаго характера». Это обвиненіе взводится на томъ основаніи, что г. Эндзелінь нѣсколько разъ употребляетъ сочетаніе выраженія «во всякомъ случаѣ» съ выраженіями «насколько я знаю», «насколько мнѣ извѣстно», «кажется» (стр. 104, 145 прим. 4, стр. 175 § 61 и § 68). Въ первомъ случаѣ (стр. 104) дѣло идетъ о формахъ *izvārds* и *izkārņ*, приводимыхъ Виленштейномъ въ качествѣ «оригъ», употребляемыхъ въ Нерѣтѣ и Рѣжицѣ; для г. Эндзеліна очень важно рѣшить вопросъ, точно ли переданы эти діалектическія формы въ ихъ звуковомъ составѣ, чтобы судить объ і этихъ словъ; оказывается, что Виленштейнь привелъ указанныя слова въ измѣненномъ звуковомъ видѣ, замѣнивъ въ діалектическихъ формахъ гласный *o* нижнелатышскимъ *a*; а что здѣсь произведена такая замѣна, г. Эндзелінь судитъ потому, что ему извѣстно, что въ данныхъ говорахъ нижнелатышское *ā* переходитъ въ *ā* или *ō*. Это положеніе дѣла г. Эндзелінь и выражаетъ въ словахъ: «формы эти во всякомъ случаѣ ошибочно записаны, такъ какъ въ тѣхъ говорахъ, насколько я знаю, нижнелатышское долгое *a* переходитъ въ долгое *ā* или *ō* и нижнелатышское *i* въ *ei*». Во всѣхъ другихъ цитированныхъ случаяхъ авторъ говоритъ о фактахъ стараго латышскаго языка, которые ему не извѣстны въ современномъ употребленіи и выражается, напр.: «теперь во всякомъ случаѣ, насколько я знаю, такъ не говорятъ». Для всякаго безпристрастнаго и понимающаго дѣло судьи ясно, что авторъ изслѣдованія, провѣряя факты, извѣстные ему изъ книжныхъ источниковъ, фактами живого языка, извѣстными ему по собственнымъ наблюденіямъ или по наблюденіямъ другихъ лицъ, не рѣшается придавать этимъ наблюденіямъ значенія абсолютной полноты и потому, ссылаясь на нихъ, нерѣдко прибавляетъ «насколько мнѣ извѣстно» и т. п. Такое отношеніе къ результатамъ наблюденія вполне понятно для всякаго, кто хоть разъ пробовалъ производить таковое надъ явленіями живого языка. Такимъ образомъ оппонентъ, знакомый съ сущностью дѣла, по поводу соединенія инкриминируемыхъ выраженій, самое большее, могъ бы лишь мимо-

ходомъ замѣтитъ о нѣкоторой неловкости сочетанія такихъ выраженій. Но проф. Крашенинниковъ, самъ не понявъ даже объясненія г. Эндзеліна на диспутѣ, почему онъ въ одномъ изъ разсматриваемыхъ случаевъ прибавилъ выраженіе «насколько я знаю», претендуетъ надъ «скромностью» автора и объясняетъ употребленіе этихъ выраженій ни богѣе, ни менѣе, какъ «крайне слабымъ развитіемъ у г. Эндзеліна способности логически мыслить и рассуждать». Это неожиданное заключеніе уже свидѣтельствуетъ, что самъ оппонентъ, несомнѣнно, не стоитъ на высотѣ даже элементарныхъ требованій научной критики.

Въ пунктѣ II приводится довольно длинный рядъ выписокъ изъ сочиненія, свидѣтельствующихъ, по мнѣнію пр. Крашенинникова, о неспособности автора приходить къ научнымъ выводамъ и научно опровергать мнѣнія своихъ предшественниковъ. Первые двѣ выписки сопрождаются нѣкоторыми замѣчаніями критика, а остальные снабжены только усиленными подчеркиваніями, такъ какъ будто бы «не требуютъ особыхъ комментариевъ». Въ комментаріи къ первой выпискѣ (стр. 209), которая выхвачена изъ цѣлаго параграфа, трактующаго объ отношеніи акута и циркумфлекса въ приставкахъ, пр. Крашенинниковъ, подчеркнувъ въ выпискѣ выраженія «врядъ ли можно» и «повидимому», утверждаетъ, что г. Эндзелінь опровергаетъ мнѣніе Фортунатова и Явниса и добываетъ собственный выводъ «при помощи двухъ аргументовъ, имѣющихъ лишь условное значеніе (ср. «врядъ ли можно» etc. и «повидимому»)». Такъ ли это? Очевидно, проф. Крашенинниковъ или не прочиталъ, или, скорѣе, не понялъ содержанія цѣлаго параграфа; иначе онъ увидѣлъ бы, что выраженія «врядъ ли можно» и «повидимому» мотивируются авторомъ фактическими данными языка, приводимыми въ тѣхъ мѣстахъ параграфа, которыя предшествуютъ выпискѣ и слѣдуютъ за ней, а часть этихъ фактическихъ данныхъ приводится даже въ самой выпискѣ (слова, поставленныя въ скобкахъ: ср. *jūs*—вы съ дѣлительною интонаціей... *ī*—эта съ дѣл. инт.). Во второй выпискѣ проф. Крашенинниковъ приводитъ цѣликомъ примѣчаніе 2. на стр. 40 диссертациі, въ которомъ г. Эндзелінь, по поводу славянскаго союза *и*, мимоходомъ высказывается по вопросу о славянскомъ *і* изъ индоевроп. *ē*. Если бы проф. Крашенинниковъ не ограничивался одними подчеркиваніями, а познакомился бы съ сущностью дѣла, то онъ узналъ бы, что по этому вопросу, благодаря недостаточности фактическихъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія его, до сихъ поръ почти никто изъ лингвистовъ дальше высказыванія

своихъ личныхъ мнѣній не пошелъ и что и г. Эндзелинъ никакого преступленія противъ науки не совершилъ тѣмъ, что осмѣлился высказать также и свое мнѣніе по этому вопросу. Проф. Крашенинниковъ только тогда могъ бы серьезно упрекать на основаніи данной цитаты автора въ ненаучномъ отношеніи къ предмету, если бы г. Эндзелинъ такое свое личное мнѣніе положилъ въ основу для дальнѣйшихъ построений и выводовъ.

Нѣтъ никакой возможности освѣтить здѣсь подобающимъ образомъ всѣ подчеркиванія проф. Крашенинникова въ остальныхъ выпискахъ, такъ какъ для этого пришлось бы написать, пожалуй, цѣлую книжку. Но такъ какъ проф. Крашенинниковъ призналъ всѣ остальные свои выписки «не требующими особыхъ комментаріевъ», то и мы считаемъ себя въ правѣ тоже безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ сдѣлать здѣсь лишь слѣдующее краткое замѣчаніе: какъ и въ двухъ «комментированныхъ» выпискахъ, многочисленныя подчеркиванія проф. Крашенинникова въ остальныхъ выпискахъ не касаются совершенно сущности предмета изложенія и свидѣтельствуетъ не объ отсутствіи у автора диссертациі способности къ научной работѣ, а только объ отсутствіи у автора «Особаго мнѣнія» знакомства съ тѣми предметами, о которыхъ трактуется въ приведенныхъ имъ выпискахъ.

Крайне пристрастное и не обоснованное указаніями фактическихъ погрѣшностей въ аргументаціи автора отношеніе къ диссертациі г. Эндзелина обнаруживаетъ проф. Крашенинниковъ также въ пунктѣ IV: здѣсь, между прочимъ, высказывается упрекъ г. Эндзелину въ неудачномъ формулированіи опредѣленій нѣкоторыхъ группъ значеній предлоговъ на стр. 156 сл. и 27. Мы также считаемъ подобныя опредѣленія г. Эндзелина очень неудачными. Но проф. Крашенинниковъ свое мнѣніе о неудачности опредѣленія на стр. 27 выражаетъ особенно, какъ ему, очевидно, кажется, эффектно: въ приводимой выпискѣ онъ печатаетъ слова «умственные интересы» жирнымъ шрифтомъ, снабдивъ еще первое слово знакомъ [sic], и затѣмъ въ переводѣ примѣровъ выдѣляетъ раздѣльнымъ наборомъ нужныя слова и фразы и такимъ образомъ «наглядно» показываетъ, какъ авторъ диссертациі соединяетъ «умственные интересы», напр., съ изнашиваніемъ сапогъ. Однако, эта кажущаяся эффектность говоритъ прежде всего не въ пользу критическихъ пріемовъ проф. Крашенинникова. Сущность дѣла въ томъ, что г. Эндзелинъ въ указанной выпискѣ противопоставляетъ случаи перекоснаго и отвлеченнаго значенія предлога ар случаямъ

его конкретного, локативного значения, о которых онъ говорить непосредственно передъ названной цитатой, въ началѣ § 7, и проф. Крашенинникову вовсе не нужны были бы обширныя познанія въ языковѣдѣніи, чтобы хоть въ данномъ случаѣ обратить вниманіе не на одну форму выраженія, но также и на содержаніе. Думаемъ поэтому, что было бы достойнѣе ученаго и, очевидно, высоко цѣнящаго свою способность «логически» мыслить и рассуждать критика и существеннѣе для оцѣнки диссертациіи просто указать на неудачный способъ выраженія названнаго противопоставленія значеній предлога, чѣмъ прибѣгать къ эффекту типографскаго искусства.

Почти всѣ остальные пункты «Особаго мнѣнія» обнаруживаютъ тотъ же самый способъ критики, какой мы видѣли до сихъ поръ. Поэтому скажемъ о нихъ короче. Въ пунктѣ V говорится о «произвольной эндзеленизаціи текста цитаты» и о «праздной порчѣ подлинныхъ текстовъ». Здѣсь проф. Крашенинниковъ безъ всякаго основанія отождествляетъ выписку изъ текстовъ цитаты, съ оговоренными точно измѣненіями и для опредѣленной цѣли, съ порчей подлинныхъ текстовъ. Въ пунктѣ VI называется крупнымъ пробѣломъ отсутствіе въ диссертациіи сравнительной критической оцѣнки различныхъ печатныхъ источниковъ текстовъ, которыми авторъ пользовался. Этотъ упрекъ можно назвать празднымъ, такъ какъ проф. Крашенинниковъ, очевидно, не водозрѣваетъ, что для выполненія указаннаго пробѣла г. Эндзелину пришлось бы писать новую диссертациію, да еще, навѣрное, и не одну. Дальше ставится въ вину г. Эндзелину, что «онъ не счелъ нужнымъ хотя вкратцѣ сообщить, какими образомъ онъ и Мюленбахъ собирали матеріалъ во время діалектологическихъ экскурсій». Со стороны лингвиста, который заботится прежде всего о точности результатовъ наблюденія надъ живымъ языкомъ, этотъ упрекъ былъ бы вполне естественнымъ, да и то въ томъ случаѣ, если бы этотъ лингвистъ имѣлъ какія нибудь основанія подозрѣвать автора въ неточностяхъ наблюденія; со стороны же проф. Крашенинникова, который въ своей критикѣ не интересуется не только фактами языка, но и вообще содержаніемъ критикуемой диссертациіи, этотъ упрекъ является тоже лишь празднымъ. Въ пунктѣ VII пр. Крашенинниковъ отдѣльныя замѣчанія г. Эндзелина о случаяхъ несовпаденія фактовъ, сообщаемыхъ въ печатныхъ источникахъ, съ фактами наблюденія живого языка произвольно называетъ попытками критики матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ печатныхъ источниковъ, и затѣмъ глушится надъ «жалкимъ суррогатомъ критики». Въ

пунктъ VIII г. Э. обвиняется въ самоиѣннiи и въ высокоиѣрiи по отношенiю къ своимъ предшественникамъ. Официальные рецензенты диссертации также указываютъ на «непрiятно поражающiй читателя тонъ, который авторъ иногда дозволяетъ себѣ по отношенiю къ такимъ заслуженнымъ ученымъ старшаго поколѣнiя, какъ Биленштейнъ», на тонъ, «самъ по себѣ не рѣзущiй, но все же невѣрный, какъ кажется, вслѣдствiе слишкомъ большой самоувѣренности автора»; при этомъ рецензенты приводятъ тѣ именно сужденiя и отзывы автора, въ которыхъ они замѣчаютъ сказанный тонъ, и доказываютъ его наличность. Профессоръ же Крашенинниковъ и здѣсь прибѣгаетъ лишь къ помощи типографскаго искусства, до жирнаго приѣта включительно (имѣ отпечатаны слова «Bridmann» и «я»), и ни звука не произноситъ, чтобы показать по существу содержанiя, что въ цитатахъ, такъ «наглядно» испещренныхъ имъ разными наборами и прифтами, дѣйствительно выражаются высокоиѣрие и самоиѣнiе автора. Это опять лишь показываетъ, что проф. Крашенинниковъ не знакомъ съ лингвистической литературой; иначе онъ зналъ бы, что какъ у Бругмана, такъ и у другихъ «морфемевъ науки» по разнымъ вопросамъ возможны такiя положенiя и предположенiя, о которыхъ совершенно просто, безъ малѣйшаго самоиѣннiя и высокоиѣрiя позволительно замѣтить: «считаю все это возможнымъ, но болѣе или менѣе сомнительнымъ». Таковы какъ-разъ, напр., и тѣ предположенiя, къ которымъ относится эта фраза г. Эндзеллина.

Только пункты III и IX содержатъ въ себѣ указанiя фактическихъ погрѣшностей въ диссертаци: въ п. III отмѣчается неточность передачи правила Ульмана объ употребленiи съ падежами родительнымъ и винительнымъ предлога аракъ; но строгiй критикъ не преминулъ возвести эту неточность передачи въ степень явнаго извращенiя и объяснить это неспособностью автора диссертации «уразумѣть даже и очень простыхъ сообщенiй своихъ предшественниковъ». Однако и здѣсь проф. Крашенинниковъ не доглядѣлъ, что г. Эндзеллинъ въ данномъ мѣстѣ (стр. 37) передаетъ правило не одного Ульмана, а также и Hugenberger'a, и что, такъ какъ дѣло идетъ собственно объ употребленiи винительнаго падежа на вопросъ «куда?», г. Эндзеллинъ имѣлъ полное основанiе не приводить цитатъ изъ обоихъ авторовъ въ полномъ видѣ. И въ этомъ также случаѣ обнаруживается, собственно, неспособность автора «Отдѣльнаго мнѣнiя» уразумѣть содержанiе критикуемой диссертаци.— Въ пунктѣ IX указываются неточности въ переводахъ ла-

тышскихъ текстовъ, почти исключительно въ переводѣ латышскихъ уменьшительныхъ; но эти неточности никакого сколько нибудь серьезнаго значенія не имѣютъ.

Разсмотрѣніе пунктовъ «Особаго мнѣнія» проф. Крашенинникова показываетъ, что ихъ нельзя считать ни продуктомъ тщательнаго изученія фактическаго содержанія диссертациі, ни продуктомъ особой остроты логическаго мышленія ихъ автора. Въ виду этого и суровый приговоръ проф. Крашенинникова надъ диссертацией г. Эндзеліна приходится признать безосновательнымъ.

Г. Ульяновъ.

Гампель. Древности Венгріи. 1905.

Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-r Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. u. 2 Taf. 853 pf. 2-r Bd. Fundbeschreibung. Mit. viel. Abb. 1006 p. 3-r Bd. Atlas. 539 Tafeln.

Авторъ этого замѣчательнаго и, въ своемъ родѣ, образцоваго труда пользуется давно уже почетной извѣстностью въ Европейской историко-художественной литературѣ. Занявши уже въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка профессорскую кафедру въ Будапештскомъ университетѣ, г. Гампель уже въ 76—77 году опубликовалъ свое первое сочиненіе «о доисторическихъ памятникахъ Венгріи». Онъ писалъ затѣмъ «о раннихъ христіанскихъ древностяхъ Венгріи», о «находкахъ изъ эпохи господства Аваровъ», о различныхъ раскопкахъ, кладяхъ и находкахъ, по «исторіи національной орнаментики», «о народныхъ одеждахъ» Венгріи, но главными его работами были: извѣстное изслѣдованіе о «такъ называемомъ кладѣ Аттилы» 1886 года и общій атласъ «Древностей ранняго средневѣковья въ Венгріи съ IV по X вѣкъ» съ текстомъ на венгерскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, изданныхъ въ 1894 и 1897 годахъ. Этотъ послѣдній трудъ и является нынѣ въ совершенно новой научной переработкѣ съ значительными дополненіями. При этомъ три тома новаго труда Гампеля распредѣляются на *атласъ* (третій томъ), *систематическое объясненіе* (первый томъ) и *описаніе находокъ* (второй томъ). Атласъ

содержитъ въ себѣ 589 таблицъ рисунковъ. Въ первомъ томѣ помѣщено въ текстѣ 2359 рисунковъ (повторенныхъ въ систематическомъ порядкѣ) и множество рисунковъ помѣщено также въ третьемъ томѣ. Это богатство иллюстраціи оказалось возможнымъ для автора только потому, что ему предоставлены были для пользованія всѣ клише, исполненныя Археологической Комиссіею Венгерской Академіи Наукъ и Отдѣленіемъ древностей Венгерскаго національнаго музея. Въ свою очередь, эти учрежденія также оказались на высотѣ національной задачи, предпринимая еще съ начала 70 годовъ рядъ археологическихъ монографій и обзорнѣй по памятникамъ и древностямъ Венгріи и снабжая ихъ всѣми необходимыми иллюстраціями. Еще въ самомъ началѣ 80 годовъ я лично имѣлъ случай видѣть эти коллекціи клише при музеѣ, и получить отпечатки клише съ разныхъ предметовъ древности. Нѣчто подобное, но въ значительно слабѣйшей степени, существуетъ въ нашей Археологической Комиссіи, и было бы весьма желательно, чтобы оно также повело къ опубликованію атласа русскихъ древностей и сопровождалось ихъ систематическою группировкою, объясненіемъ и описаніемъ самыхъ находокъ. Возможность и настоятельная нужда въ подобномъ обзорнѣй указываются даже и появляющимися въ послѣднее время изданіями ¹⁾).

Въ предвидѣніи близкой и подобной же задачи на обширномъ поприщѣ древностей Россіи, будетъ поэтому вполне своевременнымъ коснуться работы Гампеля и добытыхъ имъ результатовъ. Значеніе и польза изданія Венгерскихъ древностей для систематизаціи древностей Россіи явствуетъ уже изъ того, что древности ранняго средневѣковья Венгріи, какъ и русскія, лишены точнаго историческаго фона или почвы, которая имѣется, напримѣръ, для древностей классическихъ и, въ видѣ исключенія, для древностей Италіи, Испаніи и Франціи того же періода. Насколько, говоритъ Гампель, въ эпоху римскаго господства въ Венгріи извѣстны народности, ее населявшія и установлена хронологія и этнографія римскаго періода, настолько же эта почва исчезаетъ подъ ногами вмѣстѣ со вторженіемъ гунновъ. Съ конца IV вѣка почти совершенно исчезаютъ надписи и прекращаются всякія точныя, хорошо освѣдомленныя, историческія свидѣтельства. Едва возможно называть схематически

---

1) Альбомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ Отчетахъ Имп. Археологической Комиссіи за 1892—1898 годы. Сиб. 1906.

имена племенъ, проходящихъ Венгію въ южномъ или западномъ направленіи и только приблизительно опредѣлять мѣста жительства поселяющихся народностей, еще рѣже угадывать границы ихъ областей и уже совершенно невозможно слѣдить за ихъ перемѣною. Гампель, съ особеннымъ удареніемъ, останавливается въ своемъ предисловіи на цѣломъ рядѣ трудностей, создаваемыхъ для средневѣковыхъ древностей Венгіи, ея историческими судьбами въ этомъ періодѣ. Единственная часть Венгіи, сохранившая свое население послѣ римскаго владычества, была, но и то въ извѣстныхъ предѣлахъ, Паннонія, однако, и она отличалась значительной пестротой; кельты, валлійцы, найденные здѣсь римлянами, сарматы, появившіеся здѣсь съ IV вѣка и, наконецъ, нашествіе въ среднѣ V столѣтіи, Гунновъ, Остъ-готовъ, Гепидовъ, Марьомановъ и Лангобардовъ пестритъ здѣсь народную карту. Къ той же эпохѣ относится появленіе здѣсь славянъ, къ VI вѣку Аваровъ, къ IX вѣку Франковъ. Въ концѣ IX вѣка появляются Венгры. Верхняя Венгія, горная страна, наполнилась послѣ паденія римскаго владычества, сначала германскими племенами и затѣмъ занята была славянами. Равнина нижней Венгіи при римлянахъ была занята Сарматскимъ племенемъ Язговъ, затѣмъ съ IV вѣка она наводняется германскими племенами и спутниками Гунновъ, еще позднѣе Аварами и Славянами, а съ IX вѣка Болгарами и въ концѣ Венграми. Въ восточной области—Седмиградіи послѣ Готовъ и Гепидовъ сюда явились Славяне, а съ IX вѣка Болгары. Такое народное разнообразіе и племенная смѣна до крайности затрудняютъ вопросъ объ отношеніяхъ всѣхъ этихъ племенъ къ извѣстнымъ руководительнымъ культурамъ, а равно и вопросы о собственныхъ культурныхъ силахъ и направленіяхъ этихъ различныхъ племенъ. Гампель задается вопросами о культурномъ типѣ главнѣйшихъ племенъ, наводнившихъ Венгію: Гепидовъ, Готовъ, Аваровъ, Гунновъ, Болгаръ. Еще сложнѣе формируются вопросы о, такъ называемыхъ вліяніяхъ: римскомъ, византійскомъ, карловингскомъ, лангобардскомъ. Въ заключеніе, обще опредѣливши культурный типъ древностей Венгровъ восточнымъ, авторъ ограничивается столь же общимъ указаніемъ источниковъ этого типа или стиля въ отдаленномъ сассанидскомъ періодѣ. По любопытному указанію Гампеля, стиль этотъ въ мѣстныхъ древностяхъ, появляясь вмѣстѣ съ Венграми въ концѣ IX вѣка, исчезаетъ уже въ X столѣтіи. Обобщая подъ конецъ всѣ выставленныя ранѣе задачи, авторъ этого труда справедливо отвергаетъ предложенное западными историками дѣленіе взятаго имъ періода шести столѣтій

на эпохи меровингскую и карловингскую, которое было установлено, какъ известно, французскими учеными и принято нѣмецкими, на основаніи наблюдаваемаго ими различія въ вещахъ, исторически приписанныхъ той или другой династіи. Вѣрно, что оба эти термина пригодны исключительно только для тѣхъ областей, въ которыхъ эти династіи царствовали; также употребленіе этихъ терминовъ для древностей другихъ странъ утверждаетъ (какъ, напримѣръ, для Россіи) возможность совершенно нецѣлаго заключенія о какомъ либо вліяніи областей карловингской имперіи на восточную Европу. Гампель равнымъ образомъ отрицаетъ научную точность термина: «стиль эпохи переселенія народовъ», такъ какъ стиль позднѣйшаго періода (VII—X стол.) никоимъ образомъ не можетъ быть смѣшиваемъ съ начальнымъ (IV—VI ст.). И сама эпоха переселенія народовъ ни въ какомъ случаѣ не продолжалась до X-го вѣка. Съ своей же стороны мы должны заранѣе сказать, что въ настоящее время, какъ нельзя употреблять, по старому, термины «стилей меровингскаго и каролингскаго» и нельзя принять вновь «стиль эпохи переселенія народовъ», такъ, равнымъ образомъ, только условно и на этотъ отдѣльный случай можно принять предлагаемый Гампелемъ «стиль древностей ранняго средневѣковья въ Венгріи». Въ самомъ дѣлѣ, даже изъ самаго его сочиненія вполне ясно, что этотъ стиль не ограничивается одною Венгріей, но распространяется на важную Россію, Балканскій полуостровъ, Кавказъ, и даже Сибирь. Распредѣляя затѣмъ весь матеріалъ древности въ предѣлахъ означеннаго періода, Гампель находитъ въ немъ четыре историческія группы племеннаго характера. Изъ нихъ первая, вторая и четвертая отличаются цѣльнымъ характеромъ или типомъ какъ въ предметахъ вооруженія и утвари, такъ и въ украшеніяхъ, и только третья группа въ историческомъ порядкѣ оказывается сравнительно пестрою по составу и сама распадается на нѣсколько меньшихъ. Порядокъ группъ устанавливается, прежде всего, по ихъ отношенію къ классической древности: къ ней тѣснѣе всего примыкаетъ первая и вторая. Совершенно чуждою антику оказывается группа, которую поэтому Гампель проектируетъ въ концѣ періода и четвертою по порядку. Эту послѣднюю онъ считаетъ возможнымъ безусловно точно опредѣлить, какъ группу *германскую*. Въ противоположность этому первыя двѣ, отиѣченныя классическимъ вліяніемъ возможно приписать *германцамъ* и вторую изъ нихъ *сарматамъ*, усвоившимъ римскую культуру. Третью группу, образованную разностороннимъ племеннымъ составомъ, онъ обозначаетъ именемъ племени, играв-

наго между VI и IX вѣкомъ въ Венгріи главенствующую роль— *аваровъ*. Замѣтимъ кратко, что въ данномъ случаѣ названіе первой и второй группы германскими, если и можно принять, то съ полной условностью, такъ какъ для этого начального періода римское вліяніе, очевидно, было усваиваемо всѣми племенами, жившими въ предѣлахъ римской имперіи и, можетъ быть, германцами наименѣе, какъ оригинальнымъ, воинственнымъ племенемъ. Что же касается наименованія третьей группы аварскою на томъ лишь основаніи, что авары въ извѣстное время господствовали надъ другими племенами Венгріи, будетъ прямо ошибочнымъ, потому что интенсивность культуры не всегда совпадаетъ съ политическимъ преобладаніемъ и особенно варварскимъ владычествомъ.

Первую группу проф. Гампель считаетъ возможнымъ опредѣлить, какъ германскую, и еще ранѣе его авторъ различныхъ монографій по Венгерскимъ древностямъ Пульшки относилъ главный кладъ, характеризующій и открывающій эту группу во времени,— Шелягисомліо къ весть-готамъ, тогда какъ кладъ Кенгтели (вторая группа), онъ относилъ къ ость-готамъ. Въ свою очередь Гампель считаетъ, что въ настоящемъ случаѣ нельзя различать весть-готовъ и ость-готовъ, а возможно только назначать общій терминъ, который слѣдуетъ удерживать, въ особенности потому, что другими изслѣдователями эта группа считается сарматскою. По мнѣнію Гампеля, культура, или основной стиль этихъ предметовъ принесенъ германцами съ береговъ Чернаго моря, но для его названія наилучшій терминъ, предложенный Риглемъ, есть *поздне-римскій стиль*. Затѣмъ самая эта группа, открывающаяся кладомъ Шелягисомліо и медальономъ императора Граціана, имѣетъ продолженіе до самаго IX столѣтія, такъ какъ руническія надписи на фибулахъ могилъ въ Безеніи (таблица 62, 63) датируются, по профессору Виммеру, началомъ IX вѣка. Таковы положенія хронологическія и стилистическія, добытыя Гампелемъ по отношенію къ первой группѣ. О достоинствѣ ихъ скажемъ впоследствии.

Вторая группа составляетъ 20 некрополями Венгерской главной равнины и Панноніи. По времени она опредѣляется главными находками могильника въ Кенгтели, который, однако, относится къ разнымъ эпохамъ первыми изслѣдователями: по мнѣнію Липпа,—къ IV—V вѣку; по мнѣнію Линденшмидта,—къ VII—VIII вѣкамъ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ мѣстностяхъ, послѣ монетъ Римской имперіи, не было вовсе долгое время никакой чеканки и, по мнѣнію Гампеля, продолжали обращаться старыя, уцѣлѣвшіе знаки. По заклю-

ченію автора, эти некрополи должны быть отнесены къ сарматамъ. Основные орнаментальные типы вещей этого некрополя (преобладаніе въ орнаментальныхъ мотивахъ грифа) указываютъ на варварское населеніе, которое принесло эти типы изъ прежней сарматской родины, гдѣ оно могло ознакомиться съ художественною промышленностью римскихъ городовъ. Гампель полагаетъ возможнымъ видѣть въ самой небрежности исполненія этихъ орнаментальныхъ типовъ ихъ исключительное господство и вырожденіе. По мнѣнію Гампеля, нѣкоторые некрополи этихъ мѣстностей существовали въ теченіе вѣковъ, что и могло ввести Линденшмидта въ его хронологическое заблужденіе на счетъ эпохи Кештели.

Третья группа, по заключенію Гампеля, должна принадлежать какому либо конному народу, номадамъ, нахлынувшимъ въ Венгрію, въ VI вѣкѣ, такъ какъ три главные могильника этой группы отмѣчаются монетами, начиная съ Юстиніана до Константина Погоната включительно (отъ 527 по 670 годъ). Для насъ очевидно, что удачное совпаденіе этихъ датъ съ годомъ вторженія аваровъ въ 565 году въ Венгрію, было главной причиною и основаніемъ національнаго опредѣленія этой группы. Но затѣмъ, самъ авторъ, повидимому, ясно сознавалъ, что это племенное опредѣленіе далеко не является рѣшительнымъ, такъ какъ онъ самъ прибавляетъ, что въ аварскихъ могилахъ могутъ быть вещи и не аварской работы, и номады, конечно, руками женщинъ, заготавливали сами только одежду, вооруженіе и утварь, а предметы убора и украшенія могли заказывать мастерамъ осѣдлаго населенія. Съ такимъ опредѣленіемъ нельзя согласиться, такъ какъ исторически замѣчается, что именно украшенія номадовъ носятъ совершенно особый племенной типъ и, если они заказываютъ, дѣйствительно, мастерамъ городовъ какіе либо предметы, то выходящіе изъ ряду предметы роскоши. Между тѣмъ, какъ разъ предметы датированныхъ могилъ (см. таблицу 260—268) довольно скудны, и кромѣ обыкновенныхъ орнаментированныхъ пряжекъ, извѣстныхъ по своему типу на громадномъ пространствѣ отъ Дуная до Волги, онѣ содержатъ только обрывки золотой листовой облицовки съ ручекъ ножа, да случайные экземпляры золотыхъ крестиковъ и серегъ, или, точнѣе, ушныхъ подвѣсокъ. Во всѣхъ такъ называемыхъ «аварскихъ» могилахъ, какъ разъ не встрѣчается вовсе тѣхъ вещей, которыя въ предѣлахъ южной Россіи мы привыкли называть (правильно или нѣтъ — другой вопросъ) аварскими. Наконецъ, и то обстоятельство, что въ эту же группу Гампель включаетъ знаменитый кладъ С. Миклошъ (мѣ-

стечка Св. Николая), хотя самъ же затѣмъ принужденъ согласиться съ тѣмъ, что кладъ этотъ принадлежитъ болгарамъ, а не аварамъ. О кладѣ этомъ и его значеніи для общей исторіи искусства мы скажемъ ниже, такъ какъ всякая рѣчь здѣсь о немъ, по поводу аварской группы, была бы совершенно неумѣстна. Замѣтимъ только, что включеніе Миклошскаго клада въ третью группу, повело за собою у Гампеля присоединеніе къ той же племенной, т. е. аварской группѣ нѣсколькихъ могильныхъ находокъ уже исключительно на томъ одномъ основаніи, что онѣ носятъ на себѣ отчасти въ уборахъ, а то и просто въ отдѣльныхъ предметахъ, попавшихъ въ эти могильники, такъ называемое византійское влияніе. Въ концѣ концовъ, стало быть, выходитъ, что, если вещи византійскаго происхожденія, положимъ, тѣльный крестъ, попали въ могильникъ или даже въ отдѣльную могилу, то уже это не будетъ, напримѣръ, могила славянская, а непремѣнно аварская. Понятно отсюда, насколько, вообще говоря, можно довѣрять всѣмъ этимъ племеннымъ опредѣленіямъ.

И затѣмъ, прежде нежели мы перейдемъ къ послѣдней четвертой, или венгерской группѣ, здѣсь будетъ уместно задать себѣ попутно одинъ весьма важный вопросъ. Гдѣ же, спрашивается, должны быть помѣщены могильники славянскихъ племенъ, которыхъ расселеніе самъ Гампель признаетъ совершившимся ранѣе VI вѣка въ Венгріи? Едва краткая замѣтка, гласящая о томъ, что когда мы встрѣчаемъ, рядомъ съ богатымъ конскимъ могильникомъ, могильникъ, наиболѣе бѣдный вещами, то можемъ предполагать въ немъ славянское погребеніе, оповѣщаетъ насъ о славянахъ. Въ порядкѣ ли это вещей въ данномъ случаѣ? Понимѣ въ Венгріи считается венгровъ 7 съ половиною милліоновъ и на нихъ 5 милліоновъ славянъ, а затѣмъ румыновъ 2 съ половиною и нѣмцевъ 2 милліона. Казалось бы, обстоятельное обслѣдованіе средневѣковыхъ древностей Венгріи не должно было обходить столь систематично древности славянъ, и съ этой точки зрѣнія изслѣдованія Гампеля является узко построенымъ, по всей вѣроятности, потому, что основная научная задача являлась подъ угломъ узкаго племеннаго строенія.

Четвертая группа, продолжающаяся, судя по монетамъ, не болѣе столѣтія (раннія монеты Людовика Благочестиваго (814—40) до саманидовъ начала X вѣка) охватываетъ собою исключительно могильники коннаго народа, по всей вѣроятности — венгровъ. Группа эта ограничивается въ своемъ территоріальномъ распространеніи съ запада и юго-запада пораженіемъ венгровъ въ 950 году при

Аугсбургѣ, а во времени принятіемъ венграми христіанства. Коекія могилы, проявленіе сабель, восточный характеръ въ орнаментациі самыхъ мелкихъ издѣлій, какъ напримѣръ, пряжекъ, восточная техника въ металлическихъ издѣліяхъ (серебряная и золотая насѣчка) отличаютъ собою эту группу весьма опредѣленнымъ характеромъ. Затѣмъ, рядомъ съ этими венгерскими могилами, отмѣченными погребеніемъ коня и нѣкоторою, впрочемъ довольно вульгарной и извѣстной роскошью предметовъ, встрѣчаются часто бѣдныя погребенія и многочисленныя простыя украшенія, большею частью выполненныя изъ серебряной проволоки (всего чаще встрѣчаются такъ называемыя «височныя кольца»). Глиняная посуда въ этихъ могилахъ крайне груба и украшена только обыкновеннымъ зигзагомъ или волнообразной линіею. Находки подобнаго содержанія, говоритъ Гампель, оказываются и въ некрополяхъ второй группы, но неизвѣстно, когда они начинаются. Монеты въ такихъ могилахъ появляются только въ концѣ четвертаго періода: такъ напримѣръ, въ одномъ кладѣ найдено нѣсколько византійскихъ золотыхъ монетъ X вѣка, а затѣмъ уже встрѣчены даже и венгерскія монеты XII вѣка.

Затѣмъ, систематическое обозрѣніе Гампеля распадается на двѣ части, или два отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ обзору всѣхъ предметовъ, находимыхъ въ средѣ древностей Венгріи, *по ихъ служебному назначенію*, а второй (и послѣдній отдѣлъ) разсматриваетъ *художественную сторону древностей*, или ихъ *орнаментику*. Оба эти отдѣла имѣютъ свое раціональное основаніе и ихъ относительная польза и значеніе не могутъ быть отрицаемы; однако, при ихъ разсмотрѣніи, постоянно возникаетъ одно капитальное сомнѣніе. Эти отдѣлы охватываютъ собою не менѣе шести вѣковъ и очень понятно, что на такомъ громадномъ протяженіи времени предметы эти не могли носить одного художественнаго характера, а затѣмъ иные предметы, напримѣръ, сабли, въ первую половину взятаго періода совсѣмъ не встрѣчаются. Не было ли бы поэтому несравненно болѣе полезнымъ, въ смыслѣ историческихъ обобщеній и выводовъ, раздѣлить, хотя бы условно, все венгерское средневѣковье на двѣ историческія эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, возьмемъ фибулу, одинъ изъ самыхъ обычныхъ предметовъ между средневѣковыми древностями. Какое крайнее разнообразіе представляютъ собою въ древностяхъ Венгріи эти предметы и какъ трудно уловить какую бы то ни было связь между римскими фибулами (которыхъ приспособленіе неизвѣстно) и позднѣйшими! Очевидно, дагѣ,

что варварскія фибулы, хотя употреблялись вообще как застежки къ костюму, однако, при ихъ приспособленіи къ различнымъ частямъ одежды и убора, и мужского и женскаго, и дѣтскаго, и къ различнымъ тканямъ и матеріямъ отъ шелку и тонкаго льна до грубой шерсти и шубы включительно, должны были мѣнять до крайности и величину, и свою форму, и свою орнаментку, какъ и самый матеріалъ, изъ котораго онѣ дѣлались у себя дома, въ мѣстныхъ мастерскихъ, или покупались на рынкахъ ввозныхъ предметовъ роскоши.

Мы съ сожалѣніемъ должны отмѣтить, что въ сочиненіи Гампеля мы не нашли ничего новаго по вопросу о средневѣковыхъ варварскихъ постройкахъ и утвари, даже самое знаменитое описаніе деревяннаго города и дворца Аттилы, въ описаніи Приска Панійскаго не подвергнуто подробному разбору. Столь же незначителенъ отдѣлъ металлической посуды, и единственный бокалъ сопоставленъ только съ чашею Тассило, тогда какъ нашъ Эрмитажъ нынѣ въ своемъ средневѣковомъ отдѣленіи владѣеть почти дюжиною серебряныхъ и золотыхъ чашъ за тотъ же періодъ времени. Мы не могли открыть особенно любопытныхъ результатовъ и въ анализѣ формъ всевозможныхъ предметовъ мелкой утвари, извлеченныхъ изъ венгерскихъ некрополей: всѣхъ этихъ топоровъ, молотковъ, ножей, шилъ, серповъ, клещей, огнивъ, веретенъ, пряслицъ, замковъ, ложекъ и особенно всевозможныхъ горшечныхъ издѣлій, которыя пестрятъ, по нашему мнѣнію, безъ надобности страницы систематическаго обзора. По вопросу о служебномъ назначеніи ковшей и чашекъ, замѣняющихъ собою ковши (безъ ножекъ, какъ напримѣръ, чашки Миклошскаго клада), догадка Гампеля, что эти чашки носились на поясахъ и для этого, будто бы, къ нимъ привинчено колечко, врядъ ли можетъ имѣть мѣсто: по всей вѣроятности, какъ и самые ковши, онѣ подвѣшивались къ чанамъ съ виномъ на особыхъ крючкахъ, придѣланныхъ или прицѣпленныхъ. Несравненно богѣе важныхъ соображеній историческаго свойства даетъ историческій обзоръ оружія: луковъ, стрѣлъ и колчановъ, копій, сѣкиръ, кинжаловъ, мечей, сабель, шлемовъ, щитовъ, стремень; уздъ и шпоръ, и въ особенности, что само собою понятно, весьма важны всѣ указанія на формы восточнаго вооруженія.

Такое же богатство формъ представляютъ *серыи и ушныя подотски* отъ самаго простѣйшаго вида колечка, съ насаженнымъ на него металлическимъ подобіемъ жемчужины или вообще подвѣснаго камня до необыкновенныхъ формъ ушной подвѣски въ могильникѣ

Кештели. Первая форма есть простѣйшій видъ римской серьги, состоявшей изъ согнутаго куска проволоки съ насаженнымъ или подвѣшеннымъ къ ней зерномъ жемчуга — форма, совершенно понятная и чрезвычайно распространенная повсюду, между прочимъ, зашедшая и въ Россію и просуществовавшая въ ней вплоть до самаго послѣдняго времени; основаніемъ ея является серьга утонченнаго типа жемчужины, подвѣшенной къ уху на тоненькой, почти не видной, золотой проволочкѣ. Развитіе этой формы у варваровъ заключается въ ея огрубѣніи: проволока становится толще, жемчужинъ бываетъ не одна, но три, или одна окаймлена малыми зернами, или она же насажена на длинную палочку, которая колеблется на стержнѣ проволоки и дѣлаетъ игру на поверхности жемчужины. Можно затѣмъ себѣ представить, что становится съ подобіемъ этой серьги въ народныхъ варварскихъ имитацияхъ, приобретаемыхъ на рынкѣ: жемчужины дѣлаются изъ золота, обыкновенно листового, и чѣмъ онѣ больше, тѣмъ серьга кажется пышнѣе; еще того хуже, когда это подобіе дѣлается изъ бронзы. Затѣмъ, подобный же типъ серьги, гдѣ кромѣ крупныхъ жемчужинъ, является еще подвѣшенная пирамидка, осыпанная мелкою зернью: это поздне-римскій типъ, возобладавшій уже въ Византіи. Слѣдующій типъ замѣняется бусиною, вмѣсто жемчужины, а вмѣсто разноцвѣтной бусины насаживается шишка, грани которой набраны пилеными гранатами. Это типъ готскій или германскій. Мало понятно происхожденіе типа серьги Кештели, появляющееся гораздо ранѣе этого могильника: здѣсь на нижней части проволоки посажена филиграневая чашечка въ наклонномъ положеніи, которая мало по малу то становится больше, то обращается въ несоразмѣрно большой плетеный конусъ. Гампель ограничивается описаніемъ формы и называетъ эту чашечку коробкой. По нашему мнѣнію форма эта объясняется иначе. Эта серьга есть механическое приспособленіе для систематическаго надушенія головного покрова и женскихъ верхнихъ одеждъ; на большое проволочное кольцо надѣвалась миниатюрная золотая чашечка, почти совсѣмъ прикрытая, но съ маленькимъ отверстіемъ въ срединѣ; она надѣвалась накоесь, такъ, чтобы при колебаніи капля налитыхъ въ нее духовъ, выпадая, душила покрывало и верхнюю одежду. Далѣе любопытная форма серьги, въ видѣ проволочнаго кольца, съ насаженной на низу бусиной изъ листового золота или серебра и украшенной сканью — форма наиболѣе распространенная въ Россіи съ IX по XI столѣтіе и наилучше развитая въ X же вѣкѣ въ Венгріи. Наконецъ, послѣдняя форма серьги съ подвѣшен-

ною лунницею, о которой намъ приходилось говорить особо. Въ настоящее время можно положительно утверждать, что эта форма распространилась изъ Малой Азии и Сиріи по берегамъ Чернаго моря и оттуда попала къ племенамъ Венгріи.

Столь же разнообразными оказываются женскія головныя иглы или стили, ожерелья и витые шейныя обручи или шапки гривны, подвѣски и браслеты. Греко-римскія античныя формы являются въ данномъ случаѣ преобладающими и только варваризованными и, напротивъ того, совершенно отсутствуютъ византийскія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, типы, которые наблюдаются въ такомъ изобиліи въ Россіи въ періодъ XI—XII столѣтій. Такъ напримѣръ, чтобы упомянуть особенно характерный образчикъ, — въ русскихъкладахъ часто встрѣчаются серебряныя *браслеты* изъ широкой лентовой полосы, украшенные рѣзными или червлеными орнаментами, соответствующіе шарчевымъ богатымъ *марумамъ* византийскихъ придворныхъ облачений. Не упоминаемъ затѣмъ о мелкихъ предметахъ мужского и женскаго убора, напримѣръ, о пряжкахъ, въ которыхъ главный интересъ уже сосредоточивается въ ихъ орнаментациі, такъ какъ эта послѣдняя входитъ собственно во второй отдѣлъ книги.

Открытіе отдѣла *орнамента* при обзорѣ древностей не составляетъ собственно новости и, однако же, является прямой заслугой проф. Гампеля, такъ какъ систематическое обзоріе исторіи художественныхъ формъ все еще не считается обязательнымъ въ археологіи. . . Правда, по условіямъ разныхъ задачъ, обзоріе орнаментаки является зачастую только статистическимъ собраніемъ матеріала, а не научнымъ разслѣдованіемъ его источниковъ и хода его развитія. Все же самое собраніе матеріала для опредѣленнаго сопоставленія формъ вызываетъ само собою научную постановку, такъ какъ всегда будетъ ея базисомъ. Именно въ настоящемъ дѣлѣ археологія, какъ статистическая наука древностей, переходитъ въ исторію искусства, какъ науку развитія формъ. Даже общій пересмотръ устанавливаемыхъ Гампелемъ положеній и точекъ зрѣнія выясняетъ значеніе предпринятаго обзора. Такъ, одна группа древностей первой группы сама собою, по словамъ Гампеля, указываетъ, до какой степени эти древности близки къ стили классическаго міра, не смотря на рядъ политическихъ событій, возмѣнявшихъ лице Европы въ концѣ IV вѣка. Ясно, что рядъ народностей, впервые выступившихъ на историческій свѣтъ въ этотъ періодъ, уже ранѣе пришли въ тѣсное соприкосновеніе съ иррией стороной

или также и военнымъ бытомъ культурной имперіи какъ на восточныхъ ея такъ и на западной окраинахъ, какъ прибавляетъ Гампель, задолго до того, чѣмъ ихъ народная личность достигла зрѣлости. Мы отъ себя, напротивъ, прибавимъ, что если этотъ фактъ вѣрнъ и неопровержимъ, т. е. что германцы и даже кочевые племена (аланы и иные сарматы) задолго до того времени, какъ съ ними познакомилась исторія, стали пользоваться рынками римскихъ городовъ, мѣстечекъ и факторій для пріобрѣтенія предметовъ своего вооруженія и убора, то этотъ фактъ не есть исключеніе и только подтверждаетъ общій принципъ, руководящій жизнью всѣхъ народовъ. Каждое племя и всякая народность ищутъ своего соприкосновенія съ культурнымъ міромъ и заимствуетъ отъ него его культурную вѣщность, разумѣется, въ предѣлахъ своихъ болѣе грубыхъ и варварскихъ или болѣе развитыхъ потребностей. Такъ называемая зрѣлость племени въ культурномъ отношеніи складается изъ переработки вѣковыхъ культурныхъ заимствованій, и народную личность или индивидуальность мы должны искать никакъ не въ примитивныхъ формахъ, но въ этой самой переработкѣ культурныхъ типовъ. Поэтому въ словахъ венгерскаго профессора, кромѣ невѣрнаго историческаго взгляда, заключается также и невѣрная оцѣнка отношеній. По его взгляду, народъ, усвоивающій вѣщность чужой могущественной культуры, утрачиваетъ свою историческую личность, тогда какъ, напротивъ того, при подобныхъ условіяхъ племя тѣмъ скорѣе перерабатывается въ историческую націю, чѣмъ оно ранѣе и полнѣе пользуется наиболѣе благоприятными условіями для усвоенія такой культуры лишь подъ однимъ условіемъ: политической самостоятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Если даже повѣрять взгляды проф. Гампеля его собственными фактами, то какъ, спрашивается, можетъ то быть, чтобы въ первые вѣка христіанской эры народная индивидуальность германцевъ, въ особенности, напримѣръ остъ-готовъ и вестъ-готовъ, еще не развилась? Иное дѣло культурныя формы жизни. Народность можетъ находиться въ непрестанной политической борьбѣ съ имперіей, а культурная жизнь идти своимъ чередомъ, какъ вообще жизнь экономическая направляетъ народный бытъ независимо отъ политики.

Гампель находитъ стиль или вкусъ варварскихъ народовъ, древности которыхъ входятъ въ составъ первой группы, только въ украшеніяхъ или въ орнаментахъ: металлическіе уборы, окрашенные мотельниками, поздне-римскаго вкуса, принимаютъ съ одной стороны къ южно-русскимъ находкамъ, съ другой — къ германскимъ,

оставляя необходимое дополненіе германскимъ древностямъ. Художественныя формы второй группы поражаютъ изслѣдователя необыкновенной устойчивостью античнаго оригинала, повторяющаго давніе и типичныя разводы и изображенія грифовъ вплоть до VIII вѣка, такъ что, говоритъ авторъ, можно было бы подумать, что греко-античный міръ, какъ будто, продолжаетъ жить въ этихъ народностяхъ много вѣковъ спустя послѣ того, какъ онъ закончился въ своемъ центрѣ. Опять таки это обстоятельство только подтверждаетъ вѣрность кореннаго взгляда, что вообще народныя формы суть переживанія формъ культурныхъ. Въ третьей группѣ, которой памятники начинаются около VI столѣтія, замѣчается наслоеніе различныхъ вкусовъ, сводимыхъ къ византійскому и восточному стилю вообще, о которомъ, однако же, должно было быть произведено совершенно особенное разслѣдованіе, съ цѣлью болѣе точнаго мѣстнаго опредѣленія того рынка, къ которому принадлежали предметы этихъ древностей. Четвертая группа отличается, по заключенію Гампеля, восточными украшеніями, повидимому, сассанидскаго происхожденія, наряду съ формами лангобардскими, карловингскими и византійскими.

Обозрѣніе формъ орнамента по группамъ сосредоточивается на двухъ сторонахъ орнамента: технической и художественно-формальной. Гампель подробно описываетъ технику и формы гранатовыхъ (альмандинъ) никростацій, скани (филигрань), бѣлой эмали, металлической накладки (серебра на бронзѣ) и насѣчки (серебряной проволоки, вбиваемой въ мѣдь). Затѣмъ авторъ столь же подробно рассматриваетъ различныя формы плоскаго орнамента, господствующаго въ первомъ періодѣ такъ называемыхъ клинообразныхъ нарубокъ и слабыхъ попытокъ оживить господствующія въ этомъ періодѣ геометрическія формы орнамента формами звѣринными, въ видѣ головъ, раздѣляемыхъ на кончикахъ фибулъ. Все это очень подробно описывается, хотя все это можно видѣть на приложенныхъ рисункахъ, но все это не ведетъ къ историческому анализу. Единственное, что мы узнаемъ, это догадка автора, что господство гранатовыхъ украшеній въ этомъ періодѣ можетъ быть объяснено особенно обильной добычей альмандинъ гдѣ либо на востокѣ, на примѣръ, въ Джайфурѣ. Правда, эта догадка кратко поддѣржана ссылкой на то, что въ этомъ же періодѣ вкусъ къ подобнаго рода украшеніямъ господствовалъ въ южной Россіи, въ Крыму и на Кавказѣ. Дѣйствительно, на берегахъ Дона найдены наиболѣе яркія находки этого рода и, по всей вѣроятности, типы, въ нихъ

представленные, могутъ считаться оригиналами венгерскихъ древностей этого рода. Если это такъ, то, значить, представлялась настоятельно необходимая задача рассмотретьъ, прежде всего, формы этихъ оригиналовъ и отношеніе къ нимъ венгерскихъ копій. Конечно, Гампель съ ироніею отвергаетъ объясненіе этихъ инкрустаций, данное покойнымъ Риглемъ, будто бы эти инкрустаціи имѣютъ исключительно поздне-римское происхожденіе и выражаютъ «зрѣлую форму колористической художественной воли въ металлѣ». Подобныя дутыя, совершенно безсодержательныя фразы, переполнившія большой фоліантъ Ригля, прикрывали собою простое нежеланіе заняться исторіею предмета и сыграли весьма печальную роль въ нѣмецкой наукѣ исторіи искусства: по образцу Ригля и другіе начали строить подобныя же фразы. На самомъ дѣлѣ, мы до сихъ поръ не знаемъ, принадлежатъ ли эти инкрустаціи искусству классическаго міра или онѣ явились въ его концѣ, какъ восточная варварская мода, привившаяся не только въ предметы убора и вооруженія, но даже къ архитектурному украшенію. Авторъ «Древностей Венгріи» самъ, видимо, сознавалъ тщету своихъ описаній, такъ какъ попутно задаетъ вопросы по разнымъ сторонамъ этой орнаментики: почему въ ней такъ нераздѣльно господствуютъ геометрическія формы и нѣтъ вовсе растительныхъ и звѣриныхъ; почему орнаментація ограничивается плоскостью предмета, а не развиваетъ его формы пластически и пр. И, понятно, эти вопросы остаются безъ отвѣта.

Вторая группа даетъ крайне скудный матеріалъ по орнаментикѣ: шаблонныя фризы изъ идущихъ грифовъ, крайне сухой непластической рѣзбы, доведенныхъ до условной схемы, или вытянутые въ линію разводы, чаще всего безъ всякой листвы или съ едва обозначенными листовными кончиками. Все это выполнено въ бронзѣ и составляетъ подражаніе чеканному мастерству, исполнявшемуся ранѣе на серебрѣ, въ издѣліяхъ литейнаго мастерства. Единственное историческое наблюденіе, которымъ сопровождается проф. Гампель описаніе этихъ типовъ, есть указаніе на господство этихъ формъ въ позднѣйшемъ классическомъ искусствѣ. Это задерживаніе типа въ теченіе ряда вѣковъ и постепенное одичаніе формъ, на нашъ взглядъ, можетъ быть объяснено только въ мѣстности, сравнительно глухой, въ какомъ либо медвѣжьемъ углу, какимъ, на примѣръ, была Скандинавія. Совсѣмъ иное положеніе представляетъ Венгрія и потому, рассматривая находки второй группы, мы собственно колеблемся признать и за ними такую продолжитель-

ність ихъ существованія. Хотя авторъ весьма искусно разыскиваетъ и подробно описываетъ различные варианты основного типа, напримѣръ, разводѣвъ, — тѣмъ не менѣе всѣ эти варіаціи сводятся къ обычному ремесленному исполненію набоновъ и ничуть не указываютъ на какое либо различіе во времени. По нашему мнѣнію, самое появленіе ажурныхъ формъ той же самой орнаментации указываетъ на подражаніе чуждому мастерству. Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ въ данномъ случаѣ необходимости подробнѣйшихъ описаній всѣхъ варіантовъ и крайне мелочнаго и не существу совершенно излишняго описанія всѣхъ встрѣчающихся мотивъ. На листовій серебряной бляшкѣ «повторене 12 разъ поперечно-поставленное восьмикратное» явленіе, или «двѣ шестилучевыхъ и одна четырехлучевая звѣзда (?) украшаютъ ажурную пряжку». Древности третьей группы падаютъ, говоритъ Гампель, на ту эпоху, въ которую развивается византійскій вкусъ (мы бы лучше сказали: «стиль», потому что словомъ «вкусъ» западные ученые, очевидно, желаютъ слезить значеніе большого историческаго факта). И какъ далекій (персидскій) такъ и близкій (сарацинскій) востокъ посылаютъ произведенія собственнаго оригинальнаго вкуса далеко за предѣлы его мѣстности въ міръ. Древне-христіанская художественная стадія уже выработала свой оригинальный міръ формъ и типовъ; сѣверъ — развилъ свою звѣрину орнаментку. Въ то время какъ наши юго-западные сосѣди уже работали въ художественной манерѣ, начинающейся съ VI вѣка и извѣстной подъ именемъ «лонгобардской», западъ переживалъ въ ту же эпоху нѣкоторый художественный подъемъ, который согласились называть «каролингскимъ». Къ сожалѣнію, чтобы анализировать всѣ эти принятыя проф. Гампелемъ положенія и доказать ихъ нѣкоторую односторонность, намъ пришлось бы входить въ такія подробности, которые въ рецензіи по малой мѣрѣ неумѣстны, и потому намъ приходится ограничиться простымъ противопоставленіемъ тезисовъ, которымъ слѣдовало бы въ данномъ случаѣ имѣть мѣсто. Предварительно сошлемся на прежнія сочиненія, въ которыхъ, ради постановки русскихъ древностей, приходилось намъ не разъ говорить объ отношеніи передне-азиатскаго востока къ средне-вѣковой Европѣ въ эпоху распространенія арабской торговли¹⁾. VI вѣкъ есть эпоха блестящей

1) Русскіе Клады. Исслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. I, 1896, стр. 9—24.

реакціи культурнаго міра противъ варварскаго, міра романскаго противъ германскаго, вѣкъ борьбы имперіи восточно-римской и персидскаго царства, вѣкъ побѣды христіанства надъ язычествомъ (закрытіе аѳинскаго университета, обязательное крещеніе, отиѣна вожсультва) и въ то же время вѣкъ паденія западной Италіи и возвышенія Балканскаго полуострова надъ Аппенинскимъ. Это столько же завоевательная, сколько творческая эпоха, и пусть святая Софія составлена изъ элементовъ уже существовавшихъ въ римской архитектурѣ, тѣмъ не менѣе, въ ней нельзя отрицать оригинальнаго художественнаго произведенія; равнымъ образомъ и въ византійскомъ искусствѣ этой эпохи, не смотря на его античные элементы, нельзя отрицать своеобразнаго античнаго характера. Все это, повидимому, или осталось чуждо автору «Венгерскихъ древностей», или имъ не признается. При всемъ его желаніи отнестись критически къ руководствамъ Ригля, онъ, очевидно, находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ сочиненія Ригля объ орнаментѣ¹⁾. Намъ уже приходилось писать о томъ, какъ въ этомъ своемъ сочиненіи Ригль, усердствуя разыскать античные элементы въ византійскомъ орнаментѣ, доходитъ до отрицанія этого послѣдняго, но вѣдь тотъ же Ригль отрицаетъ—и на томъ же самомъ основаніи—оригинальность даже въ арабскомъ орнаментѣ и во всей его исторіи видитъ только повтореніе схемы, потому что самъ только эту схему и понимаетъ. Нелѣпость подобныхъ анализовъ не бросалась въ глаза съ самаго начала только потому, что всѣ изслѣдователи были заинтересованы попыткой разнять орнаментальныя явленія на его составныя части. Но одно дѣло приѣмъ и иное дѣло полученный иными выводъ. Далѣе, проф. Гампель поддается ошибкѣ, которая существовала въ археологической наукѣ уже 50 лѣтъ тому назадъ и окончательно оставлена изслѣдователями. Ему кажется, что древнехристіанское искусство до византійскаго періода закончило разработку иконографіи и новаго стиля, тогда какъ это была только стадія на пути къ рѣшительной переработкѣ антика, совершившейся въ VI вѣкѣ.

Затѣмъ положеніе Гампеля, что съверъ развилъ звѣриную орнаментику, ясно показываетъ, что онъ держится той исключительной скандинавской постановки этого вопроса, которая должна быть

---

1) Stilfragen. Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik. 1898.

рѣшительно отвергнута всѣми ищущими научной постановки этого сложнаго и чрезвычайно распространеннаго средневѣковаго художественнаго явленія. Наконецъ, когда говорятъ о лангобардскомъ стилѣ въ настоящее время, является почти обязательнымъ припоминать аналогіи этого стиля, указанные въ современномъ искусствѣ Сиріи и греческаго Востока. Уже въ настоящее время даже итальянскіе ученые не отрицаютъ существованія тѣсной связи между этими двумя, казалось бы, столь отдаленными художественными вкусами. Въ вопросѣ же о древностяхъ Венгріи весьма естественно различать, откуда шли извѣстныя художественныя формы. Правда, этотъ рядъ выставленныхъ положеній остается безъ использованія, такъ какъ авторъ предпочелъ почему то воздержаться отъ сравнительно-историческаго анализа избранныхъ имъ древностей. Между тѣмъ въ настоящей группѣ находится несомнѣнно наиболѣе важный историческій памятникъ: знаменитый Миклошскій кладъ, который одинъ по прежнему требуетъ для себя обстоятельнаго художественно-историческаго анализа съ новой точки зрѣнія, чѣмъ та, которая послужила основаніемъ для старыхъ монографій Гампеля. Предметъ настолько важенъ, что я рѣшаюсь сказать о немъ особо нѣсколько словъ.

Извѣстно, что, со времени находки Миклошскаго клада, самымъ труднымъ вопросомъ являлось опредѣленіе его эпохи, но, къ сожалѣнію, венгерскіе изслѣдователи настолько, очевидно, были завлечены интересомъ отношенія клада къ своей странѣ, что магическое ния Аттилы заслонило всякія археологическія соображенія. Когда мнѣ самому пришлось говорить объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ съ точки зрѣнія возможности его отношенія къ эмалевымъ фонамъ ранняго средневѣковья, на первомъ планѣ представился этотъ трудный научный вопросъ. Я долженъ признаться, что сталъ говорить объ этомъ кладѣ въ своей книгѣ объ эмаляхъ¹⁾ гораздо болѣе потому, что чувствовалъ крупное научное значеніе въ разрѣшеніи этого хронологическаго вопроса о важнѣйшемъ памятникѣ начальнаго средневѣковья, чѣмъ по его, можетъ быть, мнимоу отношенію къ эмали. Въ то время (т. е. въ 80-хъ годахъ) для взятой мною задачи всего важнѣй было установленіе того факта, что мотивы орнаментики въ этомъ кладѣ происходятъ изъ Персіи, но я

---

1) Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звегинорскаго. 1892, стр. 33—9.

не могъ не находить своего рода загадку въ восточныхъ источникахъ этого стиля. Легко было бы и тогда разнять этотъ стиль на два отдѣла: собственно восточный и византійскій. Этотъ послѣдній, указываемый прежде всего церковными предметами клада, въ свою очередь тоже является смѣшаннымъ изъ собственно христіанскаго и восточно-персидскаго; затѣмъ, въ частности, орнамента клада указывала какъ будто на сирійскіе источники. Въ концѣ концовъ, разбирая стиль на вещахъ клада, приходилось, кромѣ Византіи, обращаться къ двумъ источникамъ: къ искусству сассанидскому и арабскому. Съ другой стороны, по вопросу о времени происхожденія клада я рѣшился высказать сужденіе, противорѣчившее всѣмъ предыдущимъ, а именно, относилъ кладъ по надписямъ и по стилю предметовъ къ VIII—IX вѣку и при томъ не къ гуннамъ или аварамъ, но къ болгарамъ, съ тою условною прибавкой, что «если венгерскій кладъ происходитъ изъ Болгаріи, то эти древности не могутъ относиться ко времени ранѣе 864 года, когда болгары приняли христіанство». Какъ извѣстно, находка замѣчательныхъ болгарскихъ надписей IX вѣка, давшая тѣ же термины, что на сосудахъ клада, вполне подтвердила эту догадку о болгарскомъ происхожденіи Миклошскаго клада, что признаетъ нынѣ, не смотря на рядъ оговорокъ, и проф. Гампель. По крайней мѣрѣ, въ общемъ хронологическомъ обзорѣ находокъ третьей группы авторъ изслѣдованія относитъ Миклошскій кладъ къ VIII столѣтію, хотя указанный придатокъ церковныхъ предметовъ въ кладѣ требуетъ относить его въ настоящее время прямо къ IX столѣтію. Далѣе, важный по близости орнамента къ этому кладу подборъ золотыхъ предметовъ въ кладѣ Престовачскомъ (найденъ въ 1821 г., таблица 320) отнесенъ авторомъ въ періодъ VII—VIII вѣка. Въ настоящее время было бы желательно услышать что либо болѣе рѣшительное равно и по поводу извѣстной, такъ называемой, загадочной надписи, которую прежде считали рунами и которую мы считаемъ варварскою копіею греческой обезсмысленной надписи *ἑποίησεν*. Авторъ не рѣшается высказаться опредѣленно, попрежнему объявляя это слово девятью буквами, тогда какъ тутъ только восемь буквъ и одно удареніе, тоже воспроизведенное, только въ срединѣ. Затѣмъ, по прежнему остается неразрѣшеннымъ и неосвѣщеннымъ вопросъ о племени, которое указало для своего вождя, по всей вѣроятности, рядъ погребальныхъ, чисто языческихъ предметовъ похороннаго значенія, т. е. неизвѣстно, въ концѣ концовъ, болгарамъ или какому нибудь зависѣвшему отъ нихъ жупану принадлежали эти предметы. Равно подъ вопро-

сонъ и происхожденіе ихъ или, вѣрнѣе говоря, истоможденіе той мастерской, въ которой эти сосуды были заказаны¹⁾. Не смотря на мелочное описаніе, сообщенное авторомъ во второнъ томѣ настоящаго сочиненія, мы все же не можемъ отличить между вещами тѣ, которыя были выполнены наспоро и даже небрежно, лишь для дополненія погребальной обстановки, или же не были додѣланы и положены вмѣстѣ съ другими готовыми. Такимъ образомъ, не смотря на скрупулёзную внимательность описаній въ настоящей книгѣ, мы продолжаемъ желать, чтобы состоялось, наконецъ, достойное изданіе Миклюшскаго клада въ фотомезаническихъ снимкахъ и чтобы оно сопровождалось историческимъ спискомъ вещей съ ихъ оригиналами и аналогіями. Памятнику этому суждено играть видную роль въ исторіи искусства.

Гораздо болѣе почвы оказывается для сравнительнаго изученія четвертой группы, предполагаемой венгерской, въ результатѣ, съ одной стороны, интереса патриотическаго, а съ другой—большей разработки и большаго обилія находокъ. Здѣсь для сравненія привлекаются и, такъ называемая, «сабля Карла Великаго» и древности сѣвера, а восточные мотивы орнаментаціи оказываются настолько типичными и извѣстными, что не нуждаются въ ихъ иллюстраціи путемъ сравненія.

Къ книгѣ примкнуть особый *третій отдѣлъ*, занимающійся хронологическимъ опредѣленіемъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ древностей вновь по группамъ. Критически разсмотрѣть этотъ отдѣлъ значило бы исполнить чрезвычайно сложную сравнительную работу, тѣмъ болѣе необходимую, что собственныя хронологическія опредѣленія автора поддерживаются только сочиненіями Ригля и Салина. Первое сочиненіе, трактующее «поздне-римскую художественную промышленность въ предѣлахъ австро-венгерскихъ находокъ» врядъ ли можетъ служить авторитетной поддержкой. Что же касается сочиненій Салина «о сѣверо-германской звѣриной орнаментикѣ», то оно слишкомъ примыкаетъ къ прежнимъ одностороннимъ датскимъ и шведскимъ трактатамъ о сѣверномъ орнаментѣ, чтобы быть прии-

---

1) Мы уже указывали ранѣе, что напр. фигуры грифозъ на чашечкѣ Миклюшскаго клада представляютъ почти тождество по формамъ и фактурѣ отиля съ грифами въ рельефахъ собора Юрьева-Польскаго, изданными мною въ «Русскихъ Древностяхъ», вып. VI.

заемнымъ на вѣру. Не отрицая пользы сопоставленія хронологическихъ опредѣленій въ этомъ послѣднемъ стилѣ, продолжаемъ думать, что несравненно большее значеніе имѣло бы для автора сравненіе венгерскихъ древностей съ русскими. Какая причина была этого устраненія русскаго матеріала въ данномъ случаѣ, объясненія у автора мы не находимъ, но, просматривая списокъ перечисленныхъ имъ и использованныхъ сочиненій, находимъ, что, кромѣ немногихъ русскихъ сочиненій, большинство нашихъ многочисленныхъ изданій осталось ему неизвѣстнымъ.

Во всякомъ, однако, случаѣ подробные обзоры автора хронологически опредѣленныхъ находокъ всѣхъ четырехъ группъ останутся въ археологической литературѣ образцомъ того научнаго вниманія, съ какимъ должны исполняться подобныя работы. Заключительное слово Гампеля посвящено все той же научной полемикѣ по вопросу о роли запада и востока въ культурѣ средневѣковой Европы, въ связи съ обостреніемъ этого вопроса, вызваннымъ, отчасти, въ послѣднее время появленіемъ сочиненій Ригля на одной сторонѣ, т. е. на сторонѣ Рима и Запада, и проф. Стрыговскаго на сторонѣ Востока съ другой. Самъ проф. Гампель склоняется больше на сторону Востока, котораго вліяніе въ теченіе VII—VIII столѣтія слагается даже въ опредѣленный сарацпнскій стиль. Авторъ открыто высказывается противъ странной гипотезы «возрожденія греческаго архаизма» въ указанныхъ формахъ клинообразнаго орнамента и ажурныхъ работъ; по его мнѣнію, появленіе въ IX вѣкѣ сознательнаго возвращенія къ античнымъ образцамъ вызвало одинаково процвѣтаніе визавтійскаго искусства и карловингскаго ренесанса. Сверхъ того, въ этомъ періодѣ окончательнаго поворота отъ антика къ новой Европѣ, помимо установившихся центральныхъ или имперскихъ вкусовъ, у варварскихъ народовъ существовали свои мастерскія по ордамъ и деревнямъ, и надо имѣть въ виду все необычайное разнообразіе сталкивавшихся отовсюду художественныхъ формъ, чтобы исторически воспроизвести картину этой пестрой жизни. По мнѣнію ученаго, главною задачею въ настоящемъ случаѣ является изданіе памятниковъ и точное ихъ описаніе. Въ виду этого къ изданію присоединенъ кромѣ того второй большой томъ въ 1000 страницъ, занятый исключительно описаніемъ находокъ въ принятомъ систематическомъ порядкѣ, сопровождаемый затѣмъ обширнымъ предметнымъ указателемъ.

Нельзя не пожелать и русской наукѣ появленія въ ближайшемъ бу-

душемъ такого же общаго обзора древностей ранняго средневѣковья Россіи, исполненнаго съ такою же любовью къ наукѣ и народной древности.

Н. Кондаковъ.

ПРОСПЕКТЪ

изданій памятниковъ русской литературы (до-монгольскаго періода).

На средства Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціею проф. Н. К. Никольскаго, предпринимается изданіе памятниковъ русской литературы, начиная съ древнѣйшаго времени¹⁾.

Задача этого предпріятія соединить въ одномъ собраніи всѣ извѣстныя до настоящаго времени произведенія русскихъ писателей и воспользоваться для этого, насколько окажется возможнымъ, лучшими или древнѣйшими списками.

На первую очередь готовятся къ изданію сочиненія, относящіяся къ домонгольскому періоду русской словесности.

Въ виду затрудненія распредѣлить ихъ въ одномъ строго выдержанномъ порядкѣ: хронологическомъ или систематическомъ, они будутъ подраздѣлены на двѣ серіи.

Первую изъ нихъ составятъ собранія сочиненій, принадлежащихъ или приписываемыхъ извѣстнымъ по именамъ русскимъ авторамъ, а также сочиненія анонимныя, время происхожденія которыхъ можетъ быть опредѣлено хотя бы съ приблизительною точностью.

---

1) Отдѣленіе принимаетъ на себя расходы какъ по печатанію издаваемыхъ текстовъ, такъ и по предварительнымъ работамъ надъ ними. Помимо этого по листный гонораръ сотрудникамъ опредѣляется до 50 рублей, въ зависимости отъ количества привлеченныхъ къ изданію списковъ.

Во вторую серію войдутъ отдѣльныя группы средныхъ между собою литературныхъ памятниковъ, время появленія которыхъ и авторы остаются недостаточно выясненными. Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто анонимныя статьи: агіологическія, учительныя, юридическія и другія.

Задача первой серіи — собрать при изданіи сочиненій каждаго писателя по возможности все то, что имъ было написано.

Задача второй серіи — собрать при изданіи каждой отдѣльной группы средныхъ произведеній все относящееся по содержанию своему къ этой группѣ.

Въ интересахъ полноты, во второй серіи будутъ воспроизведены въ необходимыхъ случаяхъ сочиненія, вошедшія уже въ составъ первой серіи, а также сочиненія или ихъ позднѣйшія переработки, относящіяся къ послѣдующимъ вѣкамъ, но опирающіяся на источники или историческія преданія домонгольскія. Во всякомъ случаѣ, при изданіи памятниковъ второй серіи должны быть сдѣланы соответствующія ссылки на памятники, изданные въ первой серіи, если они не повторены во второй.

Такимъ образомъ, въ первую серію войдутъ между прочимъ сочиненія, принадлежащія или приписываемыя митр. Іоанну I, митр. Иларіону, архіеп. Лукѣ Жидятѣ, преп. Θεодосію Печерскому, митр. Георгію, митр. Іоанну II, Іакову мниху, преп. Нестору, Даниилу паломнику, Владиміру Мономаху, митр. Никифору, Θεодосію Греку, Кирику domestiku Антоніева монастыря, митр. Клименту Смолятичу, Кириллу еп. Туровскому, автору Слова о полку Игоревѣ, Или архіеп. Новгородскому, Даниилу Заточнику, Антонію архіеп. Новгородскому, Симону еп. Владимірскому и другимъ.

Во вторую серію войдутъ между прочимъ житія, сказанія, похвальныя, слова и службы, относящіяся ко святымъ: Ольгѣ, Іоанну-Варягу, Владиміру, Борису и Глѣбу, Антонію Печерскому, Леонтію Ростовскому, Θεодосію Печерскому, князю Мстиславу, князю Игорю Ольговичу, Антонію Римлянину, Аркадію Новгородскому, Евфросиніи Полоцкой, Андрею Боголюбскому,

Кириллу Туровскому, Никитѣ Переяславскому, Варлааму Хутынскому, Авраамію Смоленскому и другимъ, а также слова и сказанія о праздникахъ (Покрова и друг.) и иконахъ, поученія противъ язычества и на отдѣльные случаи, церковные уставы и т. п.

Изданіе предполагается осуществить при содѣйствіи лицъ интересующихся научною разработкою древнерусской литературы.

Правила, соблюдаемыя при изданіи памятниковъ русской домонгольской литературы.

1) При изданіи собранія сочиненій того или другого писателя (первой серіи) или какой либо группы домонгольскихъ произведеній (второй серіи) издатель (сотрудникъ) руководствуется предварительною программю, вырабатываемою имъ по соглашенію съ редакторомъ всего изданія. Въ программѣ должны быть перечислены тѣ сочиненія, которыя издатель предполагаетъ помѣстить въ своемъ трудѣ, и тѣ списки, которыми онъ намѣренъ воспользоваться, какъ наилучшими.

2) Во вступительныхъ статьяхъ къ издаваемымъ текстамъ должны быть помѣщены критическія и библиографическія замѣтки о спискахъ, использованныхъ при изданіи (ихъ краткое описаніе и классификація), свѣдѣнія о спискахъ, которые не были употреблены для изданія, соображенія о редакціяхъ, ссылки на предшествующія изданія, если таковыя имѣются, а также должны быть указаны приемы изданія, какими руководился издатель при воспроизведеніи рукописныхъ текстовъ. Во вступительной статьѣ къ изданію сочиненій того или другого писателя желательны и краткія біографическія извѣстія объ этомъ писателѣ.

3) Въ основу изданія каждого сочиненія полагается списокъ, который, по мнѣнiю издателя, есть наилучшiй въ смыслѣ близости къ первоначальному тексту. Для вариантовъ употребляются по возможности лучшiе представители каждого изъ отдѣльныхъ семействъ списковъ. Въ случаяхъ значительнаго уклоненiя ихъ отъ основнаго списка, они издаются не какъ варианты, а отдѣльно въ цѣльномъ видѣ. Количество списковъ, привлекаемыхъ къ изданiю, зависитъ отъ каждого отдѣльнаго случая.

4) Списокъ, полагаемый въ основу изданiя, долженъ быть воспроизведенъ съ точностью. Явныя описки могутъ быть исправляемы, но непременно съ соотвѣтствующею оговоркою въ примѣчанiи.

5) Каждый издаваемый текстъ сопровождается двумя рядами подстрочныхъ примѣчанiй. Верхнiй рядъ ихъ составляютъ оговорки сдѣланныхъ въ текстѣ поправокъ и предпочтительныхъ исправленiй издаваемого текста. Сюда же вносятся указанiя на поправки и на приписки на поляхъ, находящiяся въ издаваемыхъ рукописяхъ. Примѣчанiя эти обозначаются буквами: а) б) в) г) и т. д.

Въ нижнемъ ряду примѣчанiй приводятся варианты, обозначаемые (при сноскахъ) цифрами: 1), 2), 3), 4) и т. д. Варианты, предпочтительно возстановляющiе первоначальное чтенiе, могутъ быть отмѣчаемы жирнымъ шрифтомъ. Списки, употребляемые при изданiи, обозначаются условными буквами не впереди варианта, а послѣ него.

6) Для удобства цитацiи издаваемые тексты дѣлятся издателемъ на рубрики или главы, обозначаемыя римскими цифрами. Счетъ примѣчанiй ведется для каждой главы особо.

7) Примѣчанiя изслѣдователя, относящiяся къ возстановленiю первоначальнаго текста, къ вопросу объ источникахъ и заимствованiяхъ, и другiя болѣе или менѣе обширныя коммен-

таріи могутъ быть выдѣляемы въ особый отдѣлъ, помѣщаемый въ концѣ издаваемаго текста.

8) При каждомъ выпускѣ прилагаются указатели личныхъ именъ и географическихъ названій.

9) Издаваемые памятники воспроизводятся русскимъ гражданскимъ шрифтомъ. При этомъ (за исключеніемъ затруднительныхъ случаевъ) сокращенныя написанія передаются полными (члѣвкъ—человѣкъ, князъ—князь, гѣжа—госпожа и т. п.). Буквы, которыхъ нѣтъ въ гражданскомъ шрифтѣ, какъ то: s, ѝ, џ, ѡ, ѧ, ѧ, ѧ и т. п. замѣняются соответствующими русскими буквами (з, кс, пс, о, о, я, я, е и т. п.). Въ остальныхъ случаяхъ орфографія печатаемаго текста сохраняется; это относится, напр., къ употребленію буквъ: ѣ, е, и, і, ѵ и т. п. Имена собственные и произведенныя отъ нихъ прилагательныя отмѣчаются заглавными буквами. Надстрочные знаки (придыханія, ударенія, точки надъ гласными и согласными и т. п.) опускаются.

Знаки препинанія разставляются по современнымъ правиламъ.

10) Въ непредусмотрѣнныхъ настоящими правилами случаяхъ издатель руководится тѣми или иными опредѣленными и при томъ оговоренными имъ въ предисловіи приѣмами.

Въ уважительныхъ случаяхъ каждый издатель можетъ, съ согласія редактора, дѣлать отступленія отъ основныхъ правилъ изданія.

Н. К. Никольскій.

- 2) **Его-же.** — Два слова о древнихъ церковно-славянскихъ переводахъ съ латинскаго. По поводу замѣтки Н. И. Коробки («Извѣстія», книжка 2-я тома XI-го). . . . . 401—403
- 3) **Н. Н. Виноградовъ.** — Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Спб. 1906. 4°. XVI+764 стр.+1 табл. . . . . 403—406
- 4) **Его-же.** — Шайжинъ, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Былны. (Критико-библиографическій обзоръ былинь и 14 новыхъ былинныхъ записей). Петрозаводскъ. 1906. XIV+176. . . . . 406—408
- 5) **Его-же.** — Дополненія къ статьѣ о «Вертепной драмѣ» и къ указателю по этому вопросу. I—II. . . . . 408—412
- 6) **Г. Улашинъ.** — Критико-библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ польскому языку (1901—1905). (Продолженіе слѣдуетъ). . . . . 412—416
- 7) **А. И. Яцимирскій.** — Русское вліяніе на печатныя книги у румынъ въ XVII вѣкѣ. Bibliografia românească veche (1508—1830) de Joan Bianu și Nerva Nodocș. Edițiunea Academiei Române. Fasc. III—V. Bucuresci. 1901—1904. Въ листъ pp. 208—512. . . . . 416—430
- 8) **Г. К. Ульяновъ.** — И. Эндзелинъ. Латышскіе предлоги. I ч. 1905 г. II ч. 1906 г. Юрьевъ. . . . . 430—446
- 9) **Н. П. Кондаковъ.** — Гампель. Древности Венгрии. 1905. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-r Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb.n. 2 Taf. 853 pf. 2-r Bd. Fundbeschreibung. Mit viel. Abb. 1006 p. 3-r Bd. Atlas. 539 Tafeln. . . . . 446—466

Приложеніе:

- Н. К. Никольскій.** — Проспектъ изданія памятниковъ русской литературы (до-монгольскаго періода). . . . . I—V

Общее содержаніе XI тома (1906 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1—4.

Цѣна каждой книжки 1 р. 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1907 г.   Непремѣнный Секретарь, Акад. С. Олѣдѣнбургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин., № 13).

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Имѣются въ продажѣ: т. VI (1901), кн. 4-я; т. VII (1902), кн. 1—4; т. VIII (1903), кн. 1—4; т. IX (1904), кн. 1—4; т. X (1905), кн. 1—4; т. XI (1906), кн. 1—4.

Цѣна каждой книжки *1 р. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1907 г.   Непремѣнный Секретарь, Акад. С. Ольденбургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

